

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2018. 47(1)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Волгоград, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
д-р ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Т. А. Магсумов (г. Набережные Челны,
Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Редакционный совет:

Д. Даровец (г. Венеция, Италия)

П. Джозефсон (г. Вотервиль, США)

В. П. Зиновьев (г. Томск, Россия)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

С. Ф. Фоминых (г. Томск, Россия)

Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)

Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Учредитель – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Словакия
Соучредитель – Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Адрес для писем:
831 04, Словакия, г. Братислава, Нове Место,
ул. Стара Вайнорска, 1367/4

354000, Россия, г. Сочи, ул. Советская, 26а
Тел.: 8(918)201-97-19

Подписано в печать 01.03.2018 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Уч.-изд. л. 22. Усл. печ. л. 13,1.
Заказ № 52.

E-mail: bylyegody@sutr.ru
Сайт журнала: www.bg.sutr.ru

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография из серии «Виды Российской империи»

BYLYE GODY (FORETIME). 2018. 47(1)
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (VOLGOGRAD, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Publisher – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Slovak Republic
Co-publisher – Sochi State University, Russian Federation

Postal Address:

1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava,
Nove Mesto, 831 04

26a, Sovetskaya str., Sochi city, 354000

Tel.: 8(918)201-97-19
E-mail: bylyegody@sutr.ru
Website: www.bg.sutr.ru
English version of the journal site:
www.en.bg.sutr.ru
Issued from 2006

Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

S. F. FOMINYKH (TOMSK, RUSSIA)

P. JOSEPHSON (WATERTVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

V. P. ZINOV'EV (TOMSK, RUSSIA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

Approved for printing 1.03.2018

Ych. Izd. l. 22. Ysl. pech. l. 13,1.
Order № 52.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo from the series «The views of the Russian Empire»

C O N T E N T S

ARTICLES AND STATEMENTS

"Circassian" Helmets with Plated Mailaventails of the Late Middle Ages and Early Modern Times L.A. Bobrov, A.V. Salnikov	5
To the Issue of the Urban Culture of the Steppe Region in the XVIII–XIX centuries G.S. Sametova, M.A. Alpysbes	34
Guardsman of Anna Ioannovna – Artist of Elizabeth Petrovna – Researcher of Catherine II: the Life and Scientific Legacy of Friedrich Plenisner S.V. Berezniyskiy, I.I. Halechko, P.V. Primak	44
Concerning the Iranian Influence on the Georgian Military Organization (According to the example of «Morighe Lashkari» or «Morighe» – second half of XVIII c.) N. Ter-Oganov	53
The Highland's Socio-Cultural Heritage in the Context of Scientific Comprehension of the Historical Imperatives of the Scottish Society's Political Development. Part 1 P.A. Merkulov, E.A. Turin, E.N. Savinova, N.G. Akatova	60
The Role of Cyrillo-Methodian Cult in the Slovak National Revival in the Context of Contacts with the Eastern Slavs M. Hetényi, P. Ivanič	70
Asymmetric Conflicts of Global Powers and Formation of the National Identity in Comparative View of Postcolonial Studies S.G. Malkin, S.O. Buranok, D.A. Nesterov	79
The Circassian Aristocracy in the late XVIII – the first half of XIX centuries: the Social Structure of Society A.A. Cherkasov, M. Smigel, S. Bratanovskii, A. Valleau	88
On the Emperor's Service: the Supreme Administration of Taurida Governorate in the first half of the XIX century A.A. Nepomnyzhchy, A.S. Kravchuk	97
The Evolution of Mechanisms of Interaction Between State and Society in the Sphere of Preservation of Historical-Cultural Heritage in the Russian Empire V.A. Livcov, V.I. Filonov, A.S. Pozhidaev, K.S. Nilaeva	107
The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part I I.A. Ermachkov, L.A. Koroleva, N.V. Svechnikova, J. Gut	120
The Influence of the French Conservatives to the Reception of the Image of Napoleon I in Russia (on the Example of the Study of the Epistolary Heritage of Joseph de Maistre) R.A. Arslanov, E.V. Linkova, V.M. Kozmenko	130
Excerpts on the History of Swiss Migration to the Northern Black Sea Region at the beginning of the 19th Century: (Documents about the Group of Settlers of Major Caspar Escher in the Russian Historical Archives) S.G. Kashchenko, I.S. Ivanova, E.S. Kashchenko	143
The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the beginning of the 19th Century: Part II G. Rajović, D.O. Ezhevski, A.G. Vazerovala, M. Trailovic	153
The Maps of the XIX century as a Source of Historical Toponymy of Kazakhstan D.E. Zhumekenova, T.S. Sadikov	161

Slave Trade and Slavery in the Central Asian Outskirts of the Russian Empire (XVIII–XIX centuries) Y.A. Lysenko	172
The Kazakh Nobility in the Formation of the State Institutions of the Russian Empire in Semirechye T.M. Khazretali, M. Girtilioglu, Y.K. Omarbayev, A.S. Adilbayeva	183
Dostoevsky’s Seminal Trauma as a Blueprint for National Mythology A. Geifman	193
The Northern Caucasus in 1844–1881 years: Economic Aspects of Russian Politics in the Region Y.Y. Grankin	199
Charitable Associations of Tomsk Province in 1844–1917 V.P. Zinovyev, V.I. Zinovyeva, S.S. Fominykh	208
The Role of Children and Youth Academic Literature in Shaping the Image of Siberia in the Minds of the Population of the XIX century V.N. Cherepanova, I.A. Filippova	217
The Struggle for Literacy in the Russian Troops in the late 1850s – early 1860s O.V. Natolochnaya, B.A. Bulgarova, M.A. Bragina	225
The Ethno-Religious Aspect of the Educational Policy of the Russian Empire in the second half of XIX – early XX century (on the Example of the Muslim Education System of Western Siberia) P.K. Dashkovskiy, E.A. Shershneva	232
Projects for the Administrative Transformation of Military Governors in the Trans-Baikal Transboulder Area (second half of the XIX century) O.A. Malygina, R.A. Evtchov	242
Sub Specie Aeternitatis? The Transformation of the Religious Historical Memory of the Peasantry of the Central Black Earth Region in the Post-Reform Period E.V. Belyaev, A.A. Linchenko	251
The Manufacturing Industry of Turkestan in the Pre-Revolutionary period: the Historiographical Aspect T.A. Tulebaev, M.S. Nogaibaeva, B. Sailan, K.E. Abykenova	261
The Imperial Judicial and Legal System in the Steppe Region in the second half of the XIX century: Features of Formation and Functioning I.V. Anisimova, E.M. Gostyusheva	271
Interim Committee on Revision of the Cossack Statutes: Organization, Structure, Activity (1865–1872) A.A. Volvenko	280
Muhajirun – the Reasons and Scales of Resettlement of Mountaineers of the Northwest Caucasus S.J. Suschiy, A.M. Mamadaliev, S.F. Artemova	292
Problems and Ways of Development of the Siberian Region in Light of the Liberal-Westernizing Media (on the example of Analysis of Materials of the Journal «Herald of Europe»: 1866–1918) I.V. Pivovarova, Y.V. Putilina, J.V. Zubarev	302
Socio-Historical Portrait of the Kazakh Volost Rulers of the Steppe Region, the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th centuries) A.A. Bimoldanova, T.T. Dalayeva, M.G. Bekmagambetova	310

Historical Experience of Government Management of the Business Industry of Central Black Earth (the second half of the XIX – beginning of the XX centuries) N.A. Dushkova, V.A. Grigorova, A.V. Perepelitsyn	319
Anonymous Sources of the Conflict in the East Siberian Provincial Administration in the 1870s S.K. Cherepanov, D.N. Gergilev, A.G. Gryaznukhin	328
Reorganization of the Private Baltic Foundry, Mechanical and Construction Plant into a State-Owned Enterprise in the late 19th century D.G. Kovalevsky, E.D. Tverdyukova	339
Development of National Education in the Cities of Western Siberia: From Initial to General Education (1880–1917) A.B. Khramtsov	349
Russification – Pro et Contra: Polemic in the Russian Conservative Thought in the late XIX century M.N. Krot, N.V. Dmitrieva	360
Structure and Dynamics of Employment of Young People of the Working Class in the Province of Tobolsk in the late XIX century O.V. Ustinova, S.F. Farakhutdinov	370
The Revolution of 1905 in Irkutsk and Criminality A. Ivanov, A. Danchevskaya	383
The Historical Image of a Russian Tourist in the French Resort of Biarritz at the beginning of the 20th century I.V. Maslova	393
Pages of History of Imperial Russian Military and Historical Society N.B. Akoyeva, N.G. Denisov, L.A. Karapetyan	402
Unknown N. Matveev – From the History of Vladivostok “Yellow Press” in the beginning of XX century V.L. Agapov, T.V. Prudkoglyad, D.A. Butyrin	411
The Role of the Journal «Izvestia of the Ministry of Foreign Affairs» (1912–1917) in Forming the Ideas of the Russian Society about China Y.G. Blagoder	422
Russian Prisoners of the First World War in the Camps of the Austro-Hungarian Empire G.K. Kokebayeva, R.S. Myrzabekova, M.S. Myrzabekov	430

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 5-33. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.5
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

ARTICLES AND STATEMENTS

"Circassian" Helmets with Plated Mailaventails of the Late Middle Ages and Early Modern Times

Leonid A. Bobrov ^{a,*}, Alexey V. Salnikov ^b

^aNovosibirsk State University, Russian Federation

^bArmavir Socio-Psychological Institute, Russian Federation

Abstract

In this article we analyze construction and history of helmets with plated mail aventails, in particulate "Circassian" examples dating from the late Middle Ages to the early Modern times. In total, we present 12 full size helmets and 6 misurka helmets from various Museum and Private collections in Russia, the USA, the UK, Poland and other countries.

It is established that aventails with a plated mail are commonly found with various types of Circassian helmets, from the tallest, so called "Tazh", examples, to the flat misurka.

Comparative analysis showed that aventails found on "Circassian" helmets substantially differ in design from other plated mail examples used in Europe and Asia, which allows to identify them as belonging to a separate, "Circassian" type.

Based on the overall shape, "Circassian" aventails belong to the category of those offering the fullest protection, i.e. up to 59 cm long examples, covering the warrior's forehead, throat, neck and descending upon the chest. In the neck area the opening would be closed by means of a hook. If we are to consider a traditional Russian classification of plated mail as either "kalantar" or "behterets" (i.e. the one in which the plates do not overlap with each other, versus the one where they do), then all known "Circassian" examples belong to the former type. In a typical case, vertically oriented rectangular plates are symmetrically placed in a single row onto the aventails' mail, often with considerable space between them. The shape of plates may vary, so that the preference is given to protecting the forehead and temple areas. The number of plates within a single aventail varies between 4 and 12 pieces. In most cases, the plates' surfaces are covered with a thin sheet of silver-copper alloy, decorated with embossed pattern, often covered with the remains of gilding. The ornamental motifs are dominated by traditional Circassian patterns, such as solar signs, most often appearing in the form of a blossoming flower with 7-10 petals, almond-shaped, rounded, heart-shaped "medallions", and swirls in the form of a comma pattern, sometimes referred in the literature as "Ram's horns". The pattern on the plates is typically enclosed within a rectangular "cartouche", and the decorative elements are separated by plenty of smooth, open space.

The rings used in aventails found on "Circassian" helmets are of "panzyr" type, i.e. small flattened rings, each interlinked with four neighbors, and closed by creating a protrusion on one of its sides, hole on the other, and then putting them together.

The full extent of the area where these helmets were used, remains an open question. It can be stated with confidence that it was employed by warrior nobility of Northwest Caucasus as well as at least the upper classes of the Crimean khanate. It is very much possible that to some extent they were also used in

* Corresponding author

E-mail addresses: spsml@mail.ru (L.A. Bobrov), alexkat_salnikov@mail.ru (A.V. Salnikov)

neighboring Georgia, North-Eastern Caucasus and other adjacent territories. The earliest of aventail examples under consideration in this article dates back to the XVII century, and the most recent to the first half of XIX century.

Helmets and misurka with plated mail aventails account for about 16 % of the total number of combat helmets of the "Circassian" type, this element is clearly being associated with more decorated examples, many of which are signed to various branched of Girey aristocracy, including Sahin Girey, the son of the Crimean Khan Adil Giray (1666–1671), as well as the last Crimean Khan Sahib Giray (1771–1775). It is possible that the use of richly decorated plates in such aventails, was not so much to improve the protection offered, as much as a conservative reference to the earlier helmet types and by itself a status symbol. It is consistent with the fact that one never finds Circassian suits of mail containing plates, save small isolated oval objects, most likely of talismanic importance.

Keywords: North Caucasus, Circassians, armour, helmets, misurka, plated mail aventails.

1. Введение

Важным элементом конструкции боевых наголовий воинов Евразии эпохи Древности, Средневековья и раннего Нового времени являются бармицы, представляющие собой крепящийся к шлему/миссюрке эластичный защитный элемент (или систему защитных элементов) гетерогенной (пластинчатой, кольчатой, комбинированной) или гомогенной (из мягких органических материалов) системы бронирования¹, предназначенный для защиты затылка, шеи, ушей, а в некоторых случаях, также лица воина.²

На основании особенностей покроя обычно выделяются одночастные, двухчастные, трехчастные, четырехчастные и пятичастные бармицы.³ По площади защитного покрытия, бармицы подразделяются на «открытые» (прикрывающие затылок, а также, часто, уши и шею воина сзади и с боков), «закрытые» (предусматривавшие, так же защиту горла) и глухие (защищающие все лицо кроме глаз).⁴ На основании структуры бронирования выделяются следующие основные разновидности бармиц: ламеллярные, ламинарные, ламинарно-ламеллярные, чешуйчатые, пластинчато-нашивные, кольчатые, кольчато-пластинчатые, стеганные (из мягких органических материалов) и др. (Бобров, Худяков, 2008: 463–469).

Долгое время бармицы не рассматривались, как самостоятельный объект научного исследования и изучались лишь в связи с наголовьями, к которым они были подвешены. В результате, в отечественной историографии практически отсутствуют специальные работы, посвященные особенностям эволюции бармиц народов различных регионов Евразии эпохи Древности, Средневековья и раннего Нового времени. Между тем, знание особенностей покроя, структур бронирования и декоративного оформления бармиц могут существенно облегчить процесс датировки и атрибуции боевых и парадных наголовий воинов прошлого (Бобров, 2009). Таким образом, всестороннее изучение бармиц представляет собой актуальную научную задачу.

Целью настоящей статьи является выявление особенностей покроя, конструкции и системы оформления кольчато-пластинчатых бармиц шлемов и миссюрки «черкесского образца» периода позднего Средневековья и раннего Нового времени.⁵

¹ Эластичность (в данном случае – способность к изгибу, сжатию/растяжению) отличает бармицы от другого вида защиты ушей, затылка, шеи и лица представленной твердыми/негнушимися (как правило, гомогенными) нащечниками, наушами, назатыльниками и др.

² Понятия «бармица», «калантарь» и некоторые другие используются в настоящей работе, не как аутентичные, а как устоявшиеся оружейно-термины. Значение каждого подобного термина оговаривается специально. Отметим, что в текстах XVI–XVII вв. под этими названиями могли пониматься иные элементы и предметы защитного вооружения.

³ Наибольшей популярностью традиционно пользовались одночастные и трехчастные бармицы (состоявшие из пары наушников и назатыльника). Четырехчастные бармицы, как правило, представляли собой пару наушников и назатыльник, комбинированных с дополнительным элементом, прикрывавшим лицо или горло воина (Бобров, 2009: 251–254; Бобров, Худяков, 2011: 43–52). Пятичастные бармицы имели значительное распространение в Цинском Китае, где трехчастная пластинчато-нашивная или стеганая бармица могла дополняться пристяжными лопастями для защиты горла. Самой редкой разновидностью являлись двухчастные бармицы сочетавшие широкий назатыльник с защитой лица и (или) шеи.

⁴ Особой разновидностью «глухих» бармиц являются бармицы (как правило, с кольчатой структурой бронирования), покрывающие все лицо воинов целиком. Наряду с тремя основными видами бармиц воинами Евразии XVI–XIX вв. также использовались различные переходные и комбинированные варианты. Так, например, в Османской империи и Московии использовались открытые одночастные бармицы снабженные кольчужным сегментом для защиты лица воина (см. ниже).

⁵ Под наголовьями «черкесского» образца мы понимаем, как продукцию, изготовленную непосредственно адыгскими мастерами Северо-Западного Кавказа, так и шлемы и миссюрки оружейников соседних народов, выковавших и оформивших свои изделия подражая черкесскому прототипу (Бобров, Сальников, 2017).

2. Материалы и методы

Решение поставленной научной задачи возможно на основе комплексного анализа вещественных и изобразительных источников. Основой источниковой базы исследования являются вещественные материалы, представленные предметами вооружения из старых музейных собраний, арсеналов и частных коллекций. Нами собраны сведения о 18 боевых наголовьях «черкесского» образца снабженных кольчато-пластинчатыми бармицами (в том числе 12 шлемов, 6 миссюрюк).¹ Сведения, полученные при анализе вещественных источников, дополняются и уточняются с помощью изобразительных материалов.

Главным методологическим основанием научных исследований, по изучению комплекса защитного вооружения (в том числе боевых наголовий) народов Евразии эпохи Средневековья и раннего Нового времени, являются принципы историзма, объективности, а также системный подход, состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы.

В рамках применения системного подхода к изучаемому материалу, отдельные панцирные элементы и комплексы защитного вооружения, изучаются, как обособленное и развивающееся целое, состоящее из согласованных, необходимых и достаточных для существования данной системы элементов, каждый из которых обладает способностью к самостоятельному развитию при сохранении целостных характеристик системы. В рамках системного подхода используются рациональные положения эволюционизма (изменчивость и наследственность) и диффузионизма (заимствование, перенос, смешение).

Методика обработки источников определяется задачами исследования. На этапах анализа и интерпретации материалов в оружейведческих работах традиционно применяются морфологический, классификационный, типологический, сравнительно-описательный методы, метод датированных аналогий, верификации и корреляции полученных результатов. На этапе реконструкции защитных элементов задействован комплексный подход, основанный на сопоставлении письменных, вещественных, и изобразительных источников.

3. Обсуждение и результаты

Прежде чем перейти к анализу наголовий рассматриваемой серии, кратко остановимся на истории становления и развития бармиц с кольчато-пластинчатой структурой бронирования.

В исторической перспективе классические образцы кольчато-пластинчатых бармиц появились значительно позже своих ламеллярных, чешуйчатых и кольчатых аналогов. Данный факт был обусловлен особенностями эволюции данной структуры бронирования.

Согласно современным научным представлениям, кольчато-пластинчатая броня была изобретена мастерами Улуса Джучи еще в период развитого Средневековья, а в позднем Средневековье она широко распространилась по Евразии (Бобров, Ожередов, 2013: 44–49). Причем уже на ранних этапах ее использовали не только (а, возможно, и не столько) для формирования корпусных панцирей, но и для изготовления дополнительных защитных деталей, в частности, набедренников, защищавших ногу воина от паха до колена и верхней части голени (там же). Можно предполагать, что по мере роста популярности кольчато-пластинчатой брони ее стали применять и для изготовления бармиц.

В настоящее время, представляется возможным утверждать, что в период позднего Средневековья и раннего Нового времени наголовья с кольчато-пластинчатыми бармицами применяли воины Османской империи, Крымского ханства, Северного Кавказа, Московии, Ирана и Индии (см. ниже). Также весьма вероятно использование подобных наголовий отдельными панцирниками Предкавказья, Закавказья, Поволжья, Средней Азии, а также, возможно, Казахстана, Кореи, Японии и др.

На протяжении рассматриваемого исторического периода к числу преобладающих разновидностей кольчато-пластинчатых бармиц, относились образцы с «калантарным» и «бехтерным» набором. Под «калантарным» набором мы понимаем особую систему изготовления кольчато-пластинчатой брони, при которой пластины малых и средних размеров (преимущественно прямоугольной, подпрямоугольной, трапециевидной и квадратной формы) вплетались в кольчужное полотно не перекрывая друг друга. При «бехтерном» наборе мелкие пластинки (как правило, прямоугольной, подпрямоугольной, квадратной и подквадратной формы) связывались железными кольцами в полосы, перекрывая друг друга на $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{2}$ своей плоскости (т.е. формируя двойной слой броневое покрытие).² В корпусных панцирях «бехтерного» набора полосы пластин и кольчужного полотна перемежались между собой. При изготовлении бармиц мог использоваться тот же принцип, но достаточно часто мастера ограничивались лишь 1–2 «бехтерными» полосами, вплетенными в

¹ Авторы выражают благодарность американскому исследователю, специалисту по вооружению народов Кавказа К.А. Ривкину за предоставленные фотографии шлемов из музейных и частных собраний США и Великобритании, а также общее содействие в подготовке настоящей статьи.

² Взаимное перекрытие пластин некоторых разновидностей кольчато-пластинчатых доспехов и их элементов могло достигать до 80 % их плоскости.

кольчужное полотно. В некоторых случаях, «калантарный» и «бехтерный» набор могли сочетаться в рамках бармицы одного наголовья (см. ниже).

Несмотря на то, что бармицы «калантарного» и «бехтерного» набора распространились от Северной Африки до Индии, изделия мастеров разных регионов Евразии различались весьма существенно (рис. 1–6).

Характерной чертой кольчато-пластинчатых бармиц Османской империи и Московского государства XVI–XVII вв. было сочетание миссюрки или низкого шлема с «бехтерным обручем» (вплетенным в верхнюю часть бармицы), кольчужным назатыльником, широким кольчужным налобником, а также коваными пластинчатыми наушами. Оформленная подобным образом османская миссюрка (Инв. № В.О. -1234) хранится в Государственном Эрмитаже (Образцов, 2015: 28, 29). Богатое декоративное оформление свидетельствует о том, что наголовье входило в состав комплекса вооружения весьма состоятельного османского воина (рис. 1, 1). Слабовыпуклый «наплешник» украшен рубинами, алмадинами и растительным орнаментом, выполненным в технике золотой насечки по металлу. Три ряда железных колец соединяют «наплешник» с «бехтерным обручем». Миссюрка дополнена широким кольчатый налобником, кольчатым назатыльником и коваными вырезными наушами. Последние крепятся к бармице с помощью кольчужных колец, продетых в сквозные отверстия, пробитые вдоль верхнего края и боковых сторон пластин. Таким образом, на уши фактически являются составной частью бармицы миссюрки. Поверхность пластин «бехтерного обруча», а также наушей покрыты золотой насечкой в виде растительного орнамента (рис. 1, 1).

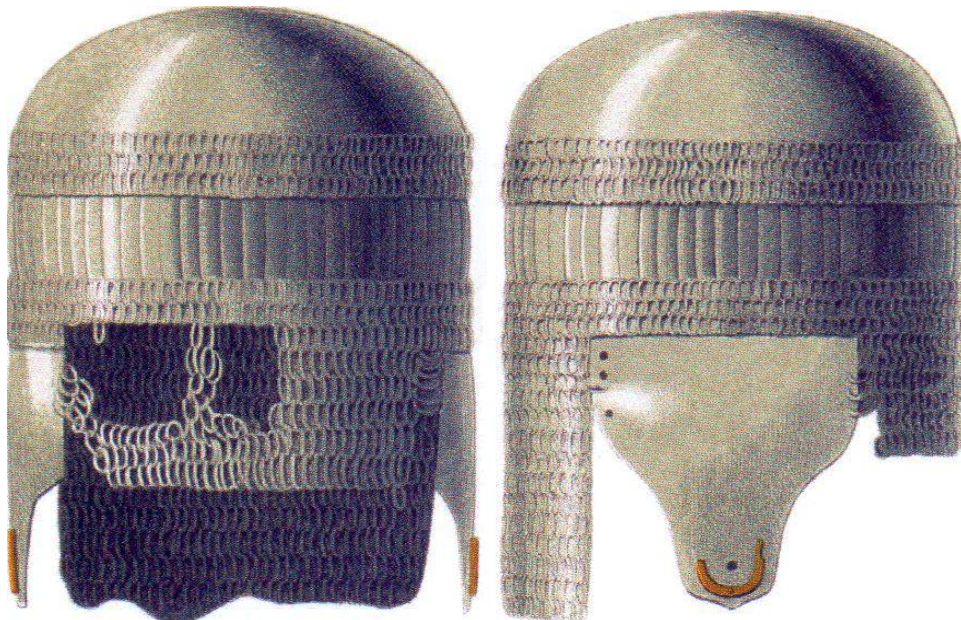
Рис. 1. Наголовья с кольчато-пластинчатой бармицей западноазиатского типа («бехтерный обруч», на уши, кольчатые назатыльник и налобник)

1.1. Османская миссюрка, инв. № В.О.-1234, ГЭ (по: Образцов, 2015). 1.2. «Шапке ложчатая» боярина Н.И. Романова, инв. № ОР-2060, ОПМК (по: Государева оружейная палата, 2002)

Схожее конструктивное решение, но уже в комбинации с низким цельнокованым шлемом, снабженным подвижным наносником-стрелкой, можно наблюдать на знаменитой «шпалке ложчатой» принадлежавшей боярину Н.И. Романову (рис. 1, 2).¹

Еще одно полусферическое цельнокованое наголовье из Оружейной Палаты дополненное «бехтерным обручем», кольчужным назатыльником и парой наушей было зарисовано в середине XIX в. Ф.Г. Солнцевым (рис. 1, 3).

Изображения шлемов и миссюрков с кольчато-пластинчатыми бармицами, снабженных «бехтерным обручем», приведены на иллюстрациях первого тома «Исторического описания одежды и вооружения российских войск» и книги П. фон Винклера (*Историческое описание...*, 2008, рис. 046, 051; Винклер, 1992: 279, рис. 371).

1.3. Наголовье из ОПМК (с рисунка Ф.Г. Солнцева первой половины XIX в.)

С территории Аргунского ущелья происходит панцирный комплекс, в состав которого, входит коническое наголовье с пластинчатым налобником, маской-личиной и кольчато-пластинчатой бармицей «закрытого» типа (рис. 2).

С 2001 по 2011 год, данный комплекс хранился в фондах Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Паве. В настоящее время, артефакт экспонируется в Национальном музее Чеченской республики (г. Грозный).²

¹ Сам наносник не сохранился, однако на его наличие в первоначальной комплектации шлема указывает характерная скоба-фиксатор, приклепанная к козырьку на налобной части наголовья.

² Сальников А.В. Северокавказское оборонительное вооружение Нового времени в фондах Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Паве. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6. №6-2 (28). С. 162.

Рис. 2. Наголовье с кольчато-пластинчатой бармицей из Аргунского ущелья.
(по: Кулешов, 2008)

Броневое покрытие затылка, ушей и горла представлено прямоугольными пластинками перемежающимися рядами железных колец. Нижняя часть назатыльника бармицы целиком выполнена из кольчужного полотна (рис. 2). По замечанию первого публикатора находки Ю.А. Кулешова: «Количество пластин в рядах варьируется. В боковых по 14–16 пластин, в задних по 5, в передних – по 6 пластин. Пластины прямоугольные 2,5х2 см, толщиной 0,1 см; слабо выраженный нижний край – фестончатый. В рядах располагаются вертикально и друг друга не перекрывают. По горизонтали соединены кольцами, для чего в краях пластин имеются по 5 отверстий. Соединительные кольца плоские, по три в ряд, их диаметр 1 см., толщина – 0,1 см.» (Кулешов, 2008: 94, 95).

Бармица подвешена к шлему с помощью более крупных железных колец (до 2 см в диаметре), кроме того в затылочную часть бармицы вплетены три медных кольца (там же). По мнению Ю.А. Кулешова, бармица «...изначально являлась частью корпусного доспеха» (Кулешов, 2008: 97).

Комплекс защитного вооружения из Аргунского ущелья, вероятно, скомбинирован из элементов, изготовленных в разные исторические периоды. На наш взгляд, ближайшие аналоги пластин рассматриваемой бармицы происходят с территории Восточной Европы. Так, в частности, фрагменты кольчато-пластинчатого полотна найдены на территории Бартымского I селища в Березовском районе Пермского края датированного верхней границей существования поселения – второй половиной XIII – первой половиной XIV вв. (Пастушенко, 2010). По своим размерам, форме, количеству и системе расположения отверстий бартымские пластины, хотя не идентичны, но весьма близки своим аргунским аналогам.¹ Еще два фрагмента кольчато-пластинчатой брони, датированные серединой XIV – началом XV вв., происходят из археологических памятников Прикубанья (п. Праздничный) и Южного Приуралья (Ново-Кумакский могильник) (Горелик, 1983: 246, табл. I, 4; Горелик, 1987: 167, рис. 3, 20, 186; Горелик, 2008: 169, 170, 184, 185; Бобров, Сальников, 2017: 728). Данные материалы позволяют датировать бармицу из Аргунского ущелья XIV–XV вв. Однако отметим, что подобные панцирные элементы могли использоваться на протяжении длительного исторического периода. Вопрос о месте изготовления кольчато-пластинчатой брони из Аргунского ущелья остается открытым.

Иранские кольчато-пластинчатые бармицы периода позднего Средневековья и раннего Нового времени известны, в основном, по изобразительным материалам (рис. 3). На миниатюрах XVI в. они, в большинстве случаев, подвешены к сфероконическим и цилиндрическим шлемам с высоким

¹ Большинство бартымских пластин имеют подквадратную форму (2,8 на 2,8 см, 2,8 на 2,9–3,2 см). Вдоль двух краев пластин (в двух случаях вдоль трех краев) пробиты по четыре сквозных отверстия для крепления железных колец имеющих диаметр 0,9–1,9 см (Пастушенко, 2010: 150, 151).

навершием.¹ Судя по изображениям, численно преобладали «закрытые» кольчато-пластинчатые бармицы «бехтерного» набора, защищавшие, не только затылок и шею, но и горло воина. Интересно, что в комплекте с кольчато-пластинчатой бармицей, иранские латники продолжали носить и кованые на уши, внешний вид которых весьма напоминал свои османские аналоги (рис. 3). Отметим также, что, несмотря на то, что кольчато-пластинчатые бармицы встречаются на целой серии иранских миниатюр численно они всегда уступают своим кольчатым аналогам (рис. 3).

Рис. 3. Изображения шлемов с кольчато-пластинчатыми бармицами «бехтерного набора». «Шах-наме» Фирдоуси, Шираз, 60-е гг. XVI в.

Отличительной особенностью комплекса защитного вооружения народов Южной Азии (в частности, Индии и некоторых сопредельных территорий) эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени являлось относительно широкое распространение различных видов и типов боевых и «парадных» наголовий снабженных кольчато-пластинчатыми бармицами. В некоторых случаях из пластин и колец выполнялись не только элементы, предназначенные для защиты шеи, ушей и горла воина, но и сама тулья шлема (Носов, 2011: 146, 147; Alexander, 2015: 54, 55). Подобные кольчато-пластинчатые шлемы являлись оригинальной чертой индийского и синдского комплекса защитного вооружений XVII–XIX вв. Вещественные материалы фиксируют значительное конструктивное разнообразие таких наголовий, которые могли дополнительно снабжаться полумасками, подвижными наносниками-стрелками (различных форм и размеров), кольчатыми лопастями для защиты лица и т.д. При этом, в рамках одного наголовья, «бехтерный» набор мог сочетаться с «калantarным» (рис. 4).

¹ В русских письменных источниках подобная разновидность боевых наголовий известна под названием «шеломы».

4.1

4.2

Рис. 4.1. Синдское наголовье второй половины XVIII – первой половины XIX вв. с кольчато-пластинчатой бармицей. Музей Стибберга, Флоренция

Как и в Западной Азии, кольчато-пластинчатые бармицы южноазиатских шлемов и миссюрков дополнялись «бехтерными обручами» (рис. 4; 5, 3, 4). Однако система оформления и размещения пластин таких обручей имела существенные отличия от османских аналогов. Так, например, в Синде XVIII – первой половины XIX вв. для формирования «бехтерных обручей» не редко использовались пластинки пяти-шестиугольной подквадратной и подпрямоугольной формы, украшенные рельефным рисунком (рис. 4; 5). Составленные из таких пластин «бехтерные» полосы могли вплетаться в кольчатую основу, как по горизонтали, так и по вертикали. В качестве примера подобного конструктивного решения можно привести кольчато-пластинчатое наголовье, входящее в состав доспеха синдского аристократа конца XVIII – начала XIX вв. (Инв. № 36.25.11a-g, Музей искусств Метрополитен, г. Нью-Йорк). Бармица указанного шлема снабжена двумя «бехтерными обручами», защищавшими лоб, виски и затылок воина (рис. 4, 2). Каждый из наушников бармицы дополнен тремя рядами горизонтально расположенных пластин, в то время назатыльник шлема усилен шестью вертикальными полосами «бехтерного» набора. Еще одна полоса вертикально расположенных пластин усиливает подчелюстную часть бармицы (рис. 4, 2). Три кольчатых лопасти прикрывают соответственно лицо и горло панцирника.

Рис. 4.2. Синдское наголовье второй половины XVIII – начала XIX вв. с кольчато-пластинчатыми бармицами. Инв. № 36.25.11a-g, Музей искусств Метрополитен, Нью-Йорк (по: [Alexander, 2015](#))

Характерной чертой оформления прямоугольных пластин индийских бармиц позднего Средневековья и раннего Нового времени был вырезной внешний край, оформленный овальными или остроугольными фестонами (рис. 5, 2, 3).

5.1.

5.2.

5.3.

Рис. 5. Индийские шлемы и миссюрки с кольчато-пластинчатыми бармицами: 5.1. Британский музей, Лондон; 5.2. Музей искусств Метрополитен, Нью-Йорк; 5.3. Национальный музей, Дели (5.1, 5.3 – по: [Носов, 2011](#))

В Южной Азии подобными бармицами могли снабжаться не только кольчато-пластинчатые, но и цельнокованные или клепаные шлемы (Носов, 2011: 151), а также миссюрки различных типов (рис. 5, 3). «Бехтерные» обручи последних, в некоторых случаях, были настолько широкими, что по своим размерам приближались к тульевым пластинам кольчато-пластинчатых шлемов (Носов, 2011: 146). К пластинам «бехтерного» обруча некоторых индийских миссюрков, приклепывались скобы-фиксаторы подвижных наносников (рис. 5, 3).

Рис. 5.4. Индийское наголовье с кольчато-пластинчатой бармицей. Двойной «бехтерный обруч» сочетается с наушниками бронированными вертикальными рядами пластин «бехтерного» набора и кольчатым сегментом для защиты лица

Как и в случае со шлемами, кольчужное полотно бармиц индийских миссюрков могло усиливаться, не одним, а двумя бехтерными обручами (рис. 5, 4). При этом, как и в Синде, «бехтерные» полосы наушников и назатыльника традиционно располагались не только по горизонтали, но и по вертикали (рис. 5, 4).

Таким образом, в период позднего Средневековья и раннего Нового времени кольчато-пластинчатые бармицы применялись на значительной территории Евразии: от Восточной Европы и Малой Азии на западе до Центральной и Южной Индии на востоке. В то же время, особенности конструкции и оформления бармиц с данной структурой бронирования в различных уголках материка имели существенные отличия, проявлявшиеся в покрое защитных элементов, размерах, форме, системе размещения и декоративного оформления пластин, преобладающих вариантах их набора и т.д. Как мы убедимся ниже известным своеобразием отличались и кольчато-пластинчатые бармицы Северо-Западного Кавказа и сопредельных территорий.

Черкесские боевые наголовья позднего Средневековья и раннего Нового времени, снабженные кольчато-пластинчатыми бармицами представлены шлемами и миссюрками. Традиционно черкесские шлемы подразделяются исследователями на «высокие» («танж», «таш», «таж») и «низкие» или «средние» («пдыпао»). В рамках отечественной оружейведческой традиции, шлемы «танж», с некоторой долей условности, могут быть отнесены к категории «шеломов», а «пдыпао» к категории шишаков. Некоторые черкесские шлемы сочетают в себе конструктивные черты характерные для разных типов наголовий, что позволяет определить их, как «переходный тип шлемов» (Бобров, Сальников, 2017: 733, 737).

Последовательно рассмотрим особенности покроя и системы оформления кольчато-пластинчатых бармиц наголовий «черкесского» образца.

1. Шлемы «танж» с кольчато-пластинчатыми бармицами

Включает 6 экз. из музейных и частных собраний. По материалу изготовления все шлемы относятся к классу железных, по конструкции тульи выделяются два отдела – цельнокованые и клепаные, по форме купола – три типа: сфероконические, конические и цилиндрикоконические (рис. 6; 7).

1

2

Рис. 6. Шлемы «танж» черкесского образца. 6.1. Конический «танж» середины – второй половины XVIII в. Инв. № В.О.-2802, ГЭ (по: Rivkin, 2016); 6.2. Сфероконический «танж» крымского хана Сахиб-Гирея (1771–1775). Частная коллекция (по: Gutowski, 1997)

Рис. 7. Фрагмент шлема и бармицы крымского хана Сахиб-Гирея (1771–1775).
Частная коллекция (по: [Ривкин, Пинчо, 2011](#))

В большинстве случаев при сборке шлемов использованы позднесредневековые османские, иранские и кавказские наголовья, которые черкесские мастера дополнили новыми элементами: обручами, накладками, коническими и сфероконическими навершиями изготовленными из железа (покрытого тонким медным или серебряным листом), медного сплава, обычного или позолоченного серебра. Поверхность данных шлемовых элементов покрыта характерным орнаментом в виде «запятых», Y-образных растительных побегов, сетчатого узора типа «сито», трех- и четырехлучевой свастики, многолучевых цветков с каплевидными лепестками и т.д. Фон рисунка гладкий или убран характерным зубчатым орнаментом («зубчаткой»). Обручи двух наголовий дополнены округлыми серебряными накладками с надписями на арабском языке.

Все шлемы рассматриваемой серии снабжены одночастными кольчато-пластинчатыми бармицами «закрытого» типа прикрывавшими затылок, шею, уши и лоб панцирника. Для защиты горла воина концы бармицы стягивались между собой и фиксировались под подбородком специальными парными крючками (рис. 6, 1). Отличительной особенностью большинства бармиц является их внушительная длина (до 59 см). Нижний край бармицы спускался на плечи и ключицы воина и располагался поверх корпусного кольчатого «пансыря» образуя двойной слой брони. Для повышения эластичности панцирного полотна, на затылочной части большинства бармиц выполнен более или менее глубокий разрез.

На основании особенностей бронирования все образцы серии могут быть отнесены к кольчато-пластинчатым бармицам «калантарного» набора – вертикально расположенные прямоугольные пластины симметрично вплетены в панцирное полотно не перекрывая друг друга. Число пластин

варьируется от 8 до 12. Их поверхность украшена серебряными (в том числе позолоченными) или латунными накладками, покрытыми чеканным и (или) гравированным узором.

В качестве примера, рассмотрим конический «танж» из собрания Государственного Эрмитажа (Инв. № В.О.-2802), а также его сфероконический аналог, принадлежавший последнему крымскому хану Сахиб-Гирею (1771–1775), хранящийся в частной коллекции.

По материалу изготовления шлем из Государственного Эрмитажа (Инв. № В.О.-2802) относится к классу железных, по конструкции тульи – к отделу цельнокovaných, по форме купола – к типу конических (рис. 6, 1). Наголовье входило в состав оружейного собрания П. Салтыкова, затем хранилось в Царскосельском арсенале. В Эрмитаж шлем был повторно передан в 1924 г. из Государственного музейного фонда.

Высота шлема – 14,2 см, диаметр – 20,0 см.¹ При сборке наголовья использована старинная граненая железная тулья, покрытая гравированным узором, представляющим собой цветочные бутоны, соединенные растительными побегами (фон рисунка убран точечным орнаментом). Поверх тульи приклепан позолоченный металлический (серебряный?) «корсет», состоящий из обруча оригинальной формы и трехчастного навершия. Составной обруч представляет собой «корону», длинные сужающиеся кверху «зубцы» которой, приклепаны к тулье с помощью парных заклепок с полусферическими шляпками.² В результате, полосы желтого гравированного металла «зубцов» перемежаются со стальной граненой поверхностью тульи, создавая запоминающийся декоративный эффект (рис. 6, 1). Сам обруч крепится к тулье шлема с помощью специальных заклепок, шляпки которых выкованы в виде распустившихся цветочных бутонов с семью лепестками. Стыки элементов обруча прикрыты четырьмя небольшими вырезными пластинками. Основу орнамента на поверхности обруча и его «зубцов» формируют соединенные цветочными побегами гладкие «медальоны» круглой, овальной, миндалевидной и сердцевидной формы. Пространство между «медальонами» заполнено изображениями листьев, вьющейся лозы и «жемчужин». Венчает шлем сложное ярусное навершие, состоящее из двойного подвершия и трапециевидного надвершия с сомкнутым металлическим кольцом. Нижнее подвершие имеет гладкую поверхность (эффект «волны» создают грани железной тульи, проходящие под пластиной). Его край оформлен ярко выраженными фестонами, в которые вставлены заклепки с цветкообразными шляпками, соединяющие подвершие с «зубцами» обруча и тульей шлема. Поверх первого подвершия, приклепано второе, остроугольные фестоны которого покрыты гравированным орнаментом типа «бараний рог». Плоская позолоченная верхушка подвершия украшена «солярным символом», между изогнутыми лучами которого помещены повторяющиеся узоры в форме запятой. Пластина подвершия дополнена кованой трапециевидной петлей, в которую вставлено кольцо для крепления плюмажа.³ На верхнюю плоскость петли нанесено гравированное изображение ромба с вогнутыми сторонами.

К шлему подвешена кольчато-пластинчатая бармица изготовленная из небольших уплощенных клепаных колец и вертикально расположенных пластин-«планок» прямоугольной формы. На основании особенностей покроя и размещения пластин она может быть отнесена к одночастным «закрытым» бармицам «калантарного» набора.⁴ По сравнению с большинством других бармиц серии, рассматриваемый образец отличается малой длиной панцирного полотна и разной высотой металлических пластин. Так, в частности, самыми короткими пластинами усилена налобная часть бармицы. Вдоль их верхнего и нижнего края пробиты по 4, а вдоль боковых сторон по 8–9 сквозных отверстий в которые вставлены железные кольца бармицы. Лицевая сторона пластин украшена рельефным орнаментом, заключенным в прямоугольный «картуш». Основу композиции на правой пластине формирует два, а на левой – три «медальона» миндалевидной и круглой формы соединенных растительными побегами. Пространство между «медальонами» заполнено изображениями завитков в форме запятой, широких и узких листьев, а также вьющейся лозы.⁵ Височные и боковые стороны бармицы усилены более длинными пластинами с 4 отверстиями вдоль верхнего и нижнего края и 11–14 отверстиями вдоль каждой из боковых сторон. Лицевая поверхность пластин покрыта изображениями больших и малых «медальонов» миндалевидной и округлой формы в обрамлении листьев, завитков в форме запятой, «жемчужин», виноградных и цветочных побегов, складывающихся в стилизованные фигуры летящих птиц с распластанными крыльями. Интересно, что, несмотря на единую стилистику, детали рисунка на разных пластинах имеют некоторые отличия.

¹ По данным Ю.А. Миллера (Miller, 2000, nr. 2).

² На правой стороне обруча длинные вертикальные накладки «короны» дополнены коротким остроугольным гравированным зубцом и прямоугольной прорезью. В верхнюю часть короткого зубца вбита заклепка с рельефной шляпкой, выполненной в форме распустившегося цветка.

³ Наиболее вероятно, что шлем был снабжен традиционным для Северного Кавказа типом плюмажа, состоящим из пары красных лент, или лопастей красного сафьяна, обшитых узорчатым галуном.

⁴ Боковые стороны бармицы снабжены специальными парными крючками, служившими для ее фиксации под подбородком воина (рис. 6, 1). В боевом положении, бармица закрывала затылок, уши, лоб, шею и горло панцирника.

⁵ Форма и размеры листьев на правой и левой налобной пластине различаются весьма существенно.

Данный шлем не редко датируется исследователями второй половиной– концом XVIII в. и атрибутируется, как «грузинский». На наш взгляд, как особенности конструкции купола и бармицы, так и система их декоративного оформления (узор в форме «запятых», «бараньего рога», миндалевидных и округлых «медальонов» и др.) позволяют отнести наголовье № В.О.-2802 к числу шлемов «черкесского» образца и датировать серединой–второй половиной XVIIIв.¹ Наиболее вероятно, что он был изготовлен адыгскими мастерами Северо-Западного Кавказа или Крыма. В противном случае, он мог быть выкован оружейниками одного из соседних регионов, которые оформили шлем в популярном, на тот момент, черкесском стиле.

Не меньший интерес, для темы нашего исследования, представляет шлем крымского хана Сахиб-Гирея (1771–1775). По материалу изготовления он относится к классу железных, по конструкции тульи – к отделу цельнокованых, по форме купола – к типу сфероконических (рис. 6, 2; 7).

Купол шлема состоит из цельнокованой полусферической железной тульи (предположительно османского производства конца XVI–XVII вв.) и двухчастного конического навершия. Последнее склепано из массивного подвершия с выпуклым бортиком по нижнему краю и наперстковидного надвершия увенчанного широкой металлической петлей с подвижным кольцом для крепления плюмажа (предположительно из пары матерчатых лент). Поверхность навершия украшена густым растительным и геометрическим орнаментом, выполненным в технике гравировки и чеканки по металлу. Плоскость пластины визуальна поделена на несколько разновеликих ярусов. Основу композиции нижних аркообразных ярусов составляет «солярный символ» в виде распустившегося цветка в круге, обрамленный листьями и завитками в форме запятых (рис. 6, 2; 7). К нижней части купола приклепан обруч, снабженный четырьмя круглыми серебряными «медальонами» с надписями на арабском языке, выполненными в технике черкесской черни. Основное поле обруча покрыто цепью Y-образных растительных побегов (рис. 7). Узор на навершии и обруче нанесен весьма тщательно, оформлен в единой стилистике и отличается известным изяществом.

К шлему подвешена кольчато-пластинчатая бармица (длина – 54 см.) снабженная сегментом, прикрывающим верхнюю часть лица. «Полотно» сплетено из небольших уплощенных клепаных колец, соединенных на шип. На затылке бармица имеет неглубокий разрез. В кольчатое «полотно» вплетены 10 прямоугольных железных пластин-«планок», покрытых позолоченными серебряными накладками (рис. 6, 2; 7). Их поверхность дополнительно украшена растительным и геометрическим орнаментом, выполненным в технике чеканки и гравировки по металлу. Рельефный рисунок заключен в прямоугольный «картуш». Основу композиции формируют три округлых «медальона» расположенных один над другим. Центральный «медальон» имеет гладкую поверхность, два других украшены изображением «солярных символов» в виде распустившихся цветочных бутонов с семью или восьмью лепестками. Сверху и снизу «медальоны» окаймляют восьмерковидные и пружкообразные фигуры, покрытые геометрическим орнаментом «бараний рог» (рис. 6, 2).

Ранее наголовье было изучено американскими исследователями К.А. Ривкиным и О. Пинчо, которые отметили, что «...как и другие шлемы крымских ханов, он подписан всеми почетными титулами хана [Сахиб Гирея] и содержит его генеалогию вплоть до Ноя. Сам шлем, как и многие черкесские высокие шлемы – османский, XVI-го века. К нему крепится бармица из черкесского кольчужного полотна, в XVIII-м веке его украсили в черкесском стиле» (Ривкин, Пинчо, 2011: 82). Подобная атрибуция не вызывает принципиальных возражений и подтверждается проведенным типологическим анализом, а также особенностями декоративного оформления наголовья.

2. Шлемы переходных форм с кольчато-пластинчатыми бармицами

В данную категорию нами отнесены наголовья сочетающие очень низкую, как правило, полусферическую железную тулью (типичную для шишаков «пдылао») с высоким коническим навершием, характерным для высоких шлемов типа «танж».

В рассматриваемой серии наголовья переходных форм представлены шлемом Шахин Гирея–сына крымского хана Адиль Гирея (1666–1671 гг.). В настоящее время данный образец защитного вооружения хранится в «Музее Войска Польского» в г. Варшава (Инв. № MWP 2710x).

По материалу изготовления шлем Шахин Гирея относится к классу железных, по конструкции тульи – к отделу цельнокованых, по форме купола – к типу сфероконических (рис. 8). Общая высота шлема –16,0 см, диаметр– 18,0 см.

Купол шлема состоит из низкой железной тульи полусферической формы и серебряного (?) воронковидного навершия увенчанного кольцом для крепления плюмажа (предположительно из двух матерчатых лент). К нижней части тульи приклепан обруч, в котором пробиты частые сквозные отверстия для подвешивания кольчато-пластинчатой бармицы. Навершие и обруч шлема покрыты гравированными надписями на арабском языке (часть текста на обруче заключена в «картуши» подпрямоугольной формы).

¹ Несмотря на некоторые оригинальные элементы, орнамент шлема, в целом, типичен для изделий черкесских оружейников позднего Средневековья и раннего Нового времени (Аствацатурян, 2004: 38–41; Ривкин, Пинчо, 2011: 85–90, рис. 26–28, 35–37). На черкесское происхождение данного шлема указал также К.А. Ривкин (Rivkin, 2016: 146, 148).

Оформление бармицы имеет некоторые отличия от описанных выше аналогов. Так, в частности, в налобную часть бармицы шлема Шахин Гирея вплетена позолоченная пластина-налобник, украшенная рельефным узором в виде стилизованного растительного и геометрического орнамента. От традиционных височных и затылочных пластинок-«планок» (которые также фиксируются на данном наголовье), налобник отличается горизонтальным расположением щитка, а также большей шириной (рис. 8). Пластины-«планки» бармицы покрыты позолотой. Рельефный рисунок на их поверхности вписан в прямоугольный «картуш». Внутреннее пространство «картуша» разделено на две вертикальные секции, заполненные растительным орнаментом (рис. 8).

Анализ конструкции и системы оформления наголовья и бармицы позволяет предположить, что они были выполнены мастерами Северо-Западного Кавказа, либо крымскими оружейниками по черкесским образцам.

Рис. 8. Шлем Шахин Гирея – сына крымского хана Адиль Гирея (1666–1671 гг.) Инв. № MWP 2710х, Музей Войска Польского, Варшава (по: [Gutowski, 1997](#))

3. Шлемы «ндълао» с кольчато-пластинчатыми бармицами

Включает 5 экз. из музейных и частных собраний. По материалу изготовления все шлемы относятся к классу железных, по конструкции тульи выделяются два отдела – цельнокованные и клепаные. По форме купола, как цельнокованные, так и клепаные шлемы относятся к типу сфероконических (рис. 9–11).

Во всех рассматриваемых случаях, наголовья «ндълао» имеют очень низкую полусферическую железную тулью, дополненную коротким воронковидным навершием и (в трех случаях) более или менее узким обручем. Тульи некоторых «ндълао» усилены накладками различных форм и размеров, а также вертикальными ребрами жесткости. Шлемовые элементы изготовлены из железа (покрытого серебряным или медным листом), медного сплава, обычного или позолоченного серебра и украшены гравированным и (или)чеканным орнаментом в виде «запятых», Y-образных растительных побегов, сетчатого узора типа «сито», свастики, многолучевых цветков с каплевидными лепестками и т.д. Фон рисунка гладкий или убран характерным точечным или зубчатым орнаментом («зубчаткой»).

Все шлемы серии снабжены одночастными кольчато-пластинчатыми бармицами «закрытого» типа прикрывавшими затылок, шею, уши и лоб панцирика. Для защиты горла война концы бармицы стягивались между собой и фиксировались под подбородком специальными парными крючками. Для повышения эластичности панцирного полотна, на затылочной части бармицы выполнены более или менее глубокий разрез.

На основании особенностей бронирования все бармицы шишаков «ндълао» могут быть отнесены к кольчато-пластинчатым бармицам «калантарного набора» – вертикально расположенные прямоугольные пластины-«планки» симметрично вплетены в панцирное полотно, не перекрывая друг друга. Число пластин варьируется от 4 до 12. Их поверхность украшена серебряными (в том числе позолоченными) или латунными накладками, покрытыми чеканным и (или) гравированным узором.

В качестве примера, рассмотрим шишак «ндълао» из частной коллекции, впервые опубликованный американскими исследователями К.А. Ривкиным и О. Пинчо (Ривкин, Пинчо, 2011: 82, рис. 27).

По материалу изготовления шлем относится к классу железных, по конструкции тульи – к отделу цельнокovaných, по форме купола – к типу сфероконических (рис. 9).

Купол шлема состоит из полусферической железной тульи и двухчастного конического навершия. Поверхность тульи украшена гравировкой и накладными серебряными (?) пластинками треугольной формы. К поверхности железной тульи такие пластины-накладки крепятся с помощью специальных заклепок с полусферическими шляпками. Кроме того, верхний край накладок дополнительно фиксируется подвершием, а нижний – обручем шлема (рис. 9, 2). Основу рисунка на пластинках-накладках формирует солярный символ, представляющий собой распустившийся цветок с девятью каплевидными лепестками от которого исходят три ажурных «ключа» со стреловидными навершиями. Основной рисунок на поверхности пластин окантован растительным орнаментом в виде вьющейся виноградной лозы.

Рис. 9. Черкесский шлем «ндълао». Частная коллекция (по: Ривкин, Пинчо, 2011)

Навершие шлема «пдьпао» состоит из воронковидного подвершия и шарообразного надвершия с подвижным железным кольцом для крепления плюмажа (предположительно состоявшего из двух матерчатых лент). Подвершие крепится к тулье шлема с помощью заклепок с полусферическими шляпками (рис. 9, 2). Поверхность пластины украшена растительным и геометрическим орнаментом, выполненным в технике чеканки и гравировки по металлу. По нижнему краю подвершия пропущена широкая рельефная полоса растительного орнамента, окаймленная снизу зубчатой лентой, а сверху цепью из разомкнутых колец. Растительный орнамент представляет собой сложное сочетание прорастающих трехлепестковых бутонов в обрамлении сердцевидных фигур, а также лепестков и листьев различных форм и размеров. Центральное поле подвершия украшено изображением «ключей» со стреловидными навершиями. Наконец, верхняя часть воронки покрыта зубчатым орнаментом в обрамлении двух «лент», заполненных Z-образными узорами.

К нижней части тульи приклепан серебряный (?) обруч со сквозными отверстиями для крепления бармицы. Поверхность обруча покрыта растительно-геометрическим орнаментом из соединенных Y-образных фигур, комбинируемых с вьющимися побегами (рис. 9,2; 10).

Рис. 10. Фрагмент кольчато-пластинчатой бармицы шлема «пдьпао». Частная коллекция (по: Ривкин, Пинчо, 2011)

К шлему подвешена кольчато-пластинчатая бармица снабженная панцирным сегментом, прикрывающим верхнюю часть лица. «Полотно» сплетено из небольших уплощенных клепаных колец, соединенных на шип. В «полотно» бармицы вплетены прямоугольные железные пластины, покрытые позолоченными серебряными накладками. Их поверхность дополнительно украшена растительным и геометрическим орнаментом, выполненным в технике чеканки и гравировки по металлу (рис. 10). Рельефный рисунок заключен в прямоугольный «картуш». Основу композиции, внутри «картуша», формирует большой гладкий «медальон» миндалевидной формы, окаймленный сверху и снизу двумя малыми «медальонами» прорастающими растительными побегами с листьями различных форм и размеров. Поверхность малых «медальонов» и листьев покрыта точечным гравированным орнаментом. Фон убран «зубчаткой» и дополнен изображением четырех пар круглых и овальных колец. Данный шлем датирован американскими исследователями XVII в. (Ривкин, Пинчо, 2011: 82).

Из общего ряда шлемов «пдьпао» выделяется наголовье № ОА 1964 из Собрания Уоллеса (Wallace Collection, г. Лондон) ранее опубликованное Й. Гуйтовским и К.А. Ривкиным (Gutowski, 1997: 54, 96; Rivkin, 2016: 148). Купол шлема состоит из полусферической железной тульи и трехчастного конического навершия (рис. 11). Поверхность тульи покрыта серебряным листом, украшенным в технике чеканки и гравировки. Неглубокие вертикальные желобки делят плоскость накладки на

несколько сегментов, в каждый из которых вписан 8-образный «картуш». Внутреннее пространство «картушей» заполнено стилизованным растительным орнаментом. Вдоль нижнего края серебряной накладки ювелиром был нанесен «псевдообруч» представляющий собой узкую ленту из ряда повторяющихся полукруглых фестонов. Фон «картушей» и «псевдообруча» убран «зубчаткой».

Навершие шлема «*ндълао*» состоит из воронковидного подвершия и ярусного надвершия, коническое основание, которого увенчано линзовидным «яблоком» и широкой металлической петлей с подвижным кольцом трапециевидной формы. Навершие крепится к тулье шлема с помощью четырех заклепок с полусферическими шляпками. Подвершие покрыто гравированным узором, складывающимся в фигуры четырех «кувшинов», поверхность которых покрыта надписями на арабском языке. Элементы надвершия, в свою очередь, украшены геометрическим орнаментом в виде продольных и косых гравированных линий, а также повторяющихся Г-образных символов (рис. 11).

Рис. 11. Шлем «*ндълао*, 1767–1768 гг. Инв. № ОА 1964, Собрание Уоллеса, Лондон (по: Rivkin, 2016)

Вдоль нижнего края тульи шлема (под узким «псевдообручем») пробиты частые сквозные отверстия для крепления одночастной бармицы «закрытого» типа связанной из клепаных уплощенных колец. К нижней части панцирного полотна, на лицевой части наголовья, подвешены два металлических крючка фиксировавших лопасти бармицы под подбородком воина (рис. 11). Кольчатое основание бармицы дополнено четырьмя прямоугольными пластинами с закругленными углами и слабовыраженным бортиком по краю. Интересно, что при сборке бармицы мастером было использовано не типичное для черкесских изделий скрытое крепление пластин к кольчатой основе (вместо сквозных отверстий по краю, в плоскость пластин вбиты по 2–3 заклепки с массивными полусферическими шляпками).

Серебряная поверхность пластин покрыта изображениями 8-образных фигур, стилизованным растительным и геометрическим орнаментом. Фон рисунка на налобной пластине убран «зубчаткой». На височных пластинах в крути «восьмерок» вписаны «солярные» символы, представляющие собой изображения распустившихся цветов с десятью каплевидными лепестками. При этом прямоугольный «картуш», в который помещены «восьмерки», окаймлен лентой из повторяющихся Г-образных символов. Фон височных пластин – гладкий.

Шлем датирован 1181 г. Хиджры, что соответствует 1767–1768 гг. (Rivkin, 2016: 148).

4. Миссюрки с кольчато-пластинчатыми бармицами

Включает 6 экз. из музейных и частных собраний (рис. 12). По материалу изготовления «напleshники» всех миссюрки серии относятся к классу железных, по конструкции тульи к отделу цельнокованых, по форме купола, к типу полусферических (уплощенных). В рассматриваемой серии присутствуют как миссюрки с гладкими, так и рельефными (ребристыми) «напleshниками». Как и в случае со шлемами, при сборке наголовья черкесскими мастерами не редко использовались тульи старинных миссюрки западноазиатского производства. Гладкая или ребристая туля рассматриваемых миссюрки снабжена невысоким сфероконическим или коническим навершием с кольцом для плюмажа, а в трех случаях, дополнена орнаментированным обручем (украшенным в технике «черкесской черни», неглубокой гравировки и т.д.). Навершия и обручи изготовлены из медного сплава, обычного или позолоченного серебра и (или) железа.

По площади защитного покрытия все кольчато-пластинчатые бармицы рассматриваемых миссюрки относятся к типу «закрытых». Будучи застегнутой под подбородком такая бармица защищала затылок, уши, лоб и горло воина. На основании особенностей бронирования все образцы серии могут быть отнесены к бармицам «калантарного» набора – вертикально расположенные прямоугольные пластины-«планки» симметрично вплетены в панцирное полотно бармиц, не перекрывая друг друга. Число пластин, в составе одного наголовья, варьируется от 8 до 12 экз. Их поверхность украшена серебряными (в том числе позолоченными) или латунными накладками, покрытыми чеканным и (или) гравированным узором.

В качестве примера, рассмотрим миссюрки из собрания Государственного исторического музея (ГИМ) и из Государственного Эрмитажа (рис. 12).

Купол миссюрки из ГИМ (Инв. № 5943 ор) состоит из низкой полусферической железной тульи (диаметр – 15 см) и двухчастного конического навершия (рис. 12, 1). Поверхность тульи покрыта изогнутыми ребрами жесткости образующими «розетку», центром которой является короткое навершие. Последнее состоит из воронковидного подвершия и составного надвершия, представляющего собой широкую петлю с подвижным металлическим кольцом для крепления плюмажа (предположительно из двух матерчатых лент). По краю подвершия и тульи миссюрки пропущены малый и большой «псевдообручи» покрытые растительным и геометрическим орнаментом. Поверх «псевдообручей» вбиты заклепки с небольшими полусферическими шляпками. К «напleshнику» миссюрки подвешена кольчато-пластинчатая бармица снабженная панцирным сегментом, прикрывавшим лоб воина. «Полотно» изготовлено из небольших уплощенных колец, соединенных на шип. В кольчатую основу бармицы вплетены прямоугольные пластины-«планки», поверхность которых украшена растительным и геометрическим орнаментом хорошо знакомым нам по предыдущим образцам (рис. 6–10), а также надписями на арабском языке. Рельефный рисунок заключен в прямоугольный «картуш». Основу композиции, внутри «картуша», формирует гладкий «медальон» миндалевидной формы, окаймленный сверху и снизу прорастающими растительными побегами с листьями различных форм и размеров (рис. 12, 1).

Миссюрка датирована сотрудниками ГИМ XVIII в. Отметим, что ребристая туля наголовья могла быть изготовлена несколько ранее указанного времени. Не исключено, что она была выкована оружейниками Западной Азии в конце XVI–XVII вв. Что касается навершия и бармицы, то их конструкция и система оформления типичны для изделий адыгских мастеров, что позволяет отнести миссюрку к числу наголовий «черкесского» образца.

12.1.

12.2

Рис. 12. Мисюрки с кольчато-пластинчатыми бармицами. 12.1. Инв. № 5943 ор, ГИМ;
12.2. Инв. № 5474, ГЭ (по: [Miller, 2000](#))

Значительным своеобразием отличается мисюрка из собрания ГЭ (Инв. № 5474), до 1861 г. хранившаяся в коллекции П. Салтыкова, а в 1861–1885 гг. в Царскосельском Арсенале ([Miller, 2000, пг. 3](#)). Купол мисюрки состоит из низкой полусферической железной тульи (диаметр—15,3 см) и двухчастного конического навершия ([рис. 12, 2](#)). Большая часть поверхности «наплешника» мисюрки украшена густым растительным орнаментом выполненной в технике чернения ([рис. 13](#)). Узор представляет собой сложное переплетение мелких цветков, стеблей и листьев (черный рисунок по белому фону).

Рис. 13. Фрагмент миссюрки, Инв. № 5474, ГЭ (по: Rivkin, 2016)

Основу композиции формируют рифленные золотые «медальоны» миндалевидной формы¹, перемежающиеся тюльпанами (?) на длинном стебле, каждый из которых увенчан тремя нераскрытыми трехлепестковыми бутонами. Пространство между «медальонами» и тюльпанами заполнено распустившимися золотыми цветами с восьмью кашлевидными лепестками в центр которых помещены высокие металлические «гнезда» (касты) инкрустированные драгоценными камнями (рис. 13). «Гнезда» расположены на поверхности миссюрки таким образом, что образуют два яруса опоясывающих «наплешник» примерно по центру его железной плоскости и по краю навершия наголовья (рис. 12, 2; 13). Оформление тульи дополняют накладки овальной формы, крепящиеся к куполу с помощью парных заклепок. Навершие миссюрки изготовлено из медного сплава и состоит из воронковидного подвершия (пластины-основания) и надвершия в виде широкой металлической петли в которую вставлено подвижное кольцо для крепления плюмажа. Поверхность подвершия украшена стилизованным растительным орнаментом типичным для наголовий «черкесского» образца. Фон рисунка убран «зубчаткой». Вдоль нижнего края миссюрки пробиты частые отверстия для крепления кольчато-пластинчатой бармицы. Последняя, на основании покроя и особенностей бронирования, может отнесена к «закрытым» бармицам «калантарного» набора.

¹ В каждую ячейку «медальона» вписано изображение восьмилепесткового цветка.

«Полотно» бармицы сплетено из уплощенных «пансырных» колец, соединенных на шип. На расстоянии четырех рядов колец от «наплешника» в «полотно» бармицы вплетены многочисленные вертикально расположенные пластины-«планки» с продольным ребром жесткости (рис. 12, 2; 13). Вдоль их верхнего и нижнего края пробиты по 4, а вдоль боковых сторон по 13 сквозных отверстий в которые вставлены клепанные железные кольца. Лицевая сторона пластин украшена сложным орнаментом¹, заключенным в прямоугольный «картуш» (рис. 12, 3; 13). Основу композиции рисунка формирует золотой рифленый «медальон» миндалевидной формы. Край медальона оформлен двумя остроугольными и десятью овальными фестонами. В каждую из ячеек «медальона» вписано изображение распустившегося цветка с 8 лепестками. С помощью цветочного стебля центральный «медальон» соединяется с двумя золотыми «полу-медальонами» расположенными соответственно в верхней и нижней части пластины. Фон рисунка убран мелким густым орнаментом, выполненным в технике чернения. При этом, декоративный эффект достигается не только за счет богатого и сложного рисунка, но и благодаря сочетанию золотых «медальонов» с контрастным черно-белым орнаментом фона пластин (рис. 13).

Изучавший данную миссюрку Ю.А. Миллер датировал ее XVIII в. и выдвинул предположение о ее возможном грузинском происхождении (Miller, 2000, nr. 3). По мнению американского исследователя К.А. Ривкина, миссюрка относилась к числу «татаро-черкесских шлемов», однако в начале XVIII в. она была переработана османскими ювелирами, которые украсили тулью и пластины бармицы позолотой и чернью (Rivkin, 2016: 165). На наш взгляд, конструктивные решения, примененные мастерами при изготовлении миссюрки, свидетельствуют, скорее, в пользу ее черкесского происхождения (форма и система декоративного оформления навершия, «пансырных» колец, пластин бармицы и т.д.)² При этом, сложный орнамент на поверхности тульи и пластин, выполненный в технике чернения, был, вероятно, нанесен иностранными ремесленниками.

Особенности конструкции рассмотренных образцов защитного вооружения, а также изобразительные и письменные источники позволяют реконструировать некоторые особенности эксплуатации и боевого применения указанных боевых наголовий.

Шлем или миссюрка одевались поверх специального подшлемника из органических материалов. Роль такого подшлемника могла играть шапка с низкой полусферической тульей и узкой меховой оторочкой. Подобные головные уборы, в частности, носили воины Л.-гв. Кавказского полуэскадрона середины XIX в. обмундированные и вооруженные согласно традициям Северо-Западного Кавказа. Их шапки (высота 15,6 см.) были подбиты ватой, покрыты синим сукном и украшены галуном. Вдоль нижнего края была пришита опушка из черной овчины шириной 3,3 см. В качестве меха использовался «курпей», то есть мелкий кудрявый мех молодых барашков. Интересна своеобразная манера ношения подобных головных уборов, когда верхушка шапки проминалась вовнутрь (Клочков, 2014: 81, 82, 106). Не исключено, что подобным образом имитировался внешний вид головного убора после того, как воин снимал с головы металлический шлем или миссюрку, которые давили на шапку сверху (рис. 14).

¹ В значительной степени повторяющим узор на «наплешнике» миссюрки.

² В противном случае она могла быть выкована мастерами соседних регионов по черкесскому образцу.

Рис. 14. Картина А.О. Орловского «Восточный воин», начало XIX в. Дагестанский музей изобразительного искусства

Благодаря шапке-подшлемнику нижний край налобного сегмента бармицы обычно проходил по линии бровей или чуть выше.¹ При таком способе ношения наголовья, панцирные пластины-«планки» кольчато-пластинчатой бармицы располагались непосредственно поверх меховой опушки подшлемника и прикрывали лоб, виски, а также затылок воина (рис. 14). В боевом положении боковые лопасти бармицы стягивались под подбородком и фиксировались парными крючками (рис. 14).

В целях улучшения системы защиты, повышения эластичности защитного элемента и оптимизации покроя, край боковых лопастей бармицы мог иметь вырезную форму. Наиболее часто нижний лицевой край бармицы снабжался специальным выступом прямоугольной или трапециевидной формы, к верхнему углу которого крепился металлический крючок (Клочков, 2014: 81). В некоторых случаях крепление лопастей проходило таким образом, что одна из них значительно перекрывала другую (Клочков, 2014: 40, 76). Подобный способ фиксации бармицы (как и крепление лопастей крест на крест) создавало двойной или даже тройной слой кольчатой брони² в районе горла и верхней части груди панцирника. Благодаря своей значительной длине бармицы «черкесского» образца, в комбинации с корпусным панцирем, также обеспечивали двойную защиту ключиц и верхней

¹ В редких случаях край меховой оторочки шапки выбивался из-под железного «полотна» налобника бармицы (Клочков, 2014: 73).

² Две перекрывающиеся друг друга лопасти бармицы и стоячий воротник корпусного кольчатого «пансыря».

части спины воина. Для повышения эластичности бармицы она снабжалась на затылке более или менее длинным разрезом, края которого могли стягиваться с помощью специального кожаного шнура. Другой подобный шнурок позволял более плотно затянуть бармицу вокруг шеи (Клочков, 2014: 81).

Для оценки боевой эффективности боевых наголовий с кольчато-пластинчатыми бармицами черкесского образца необходимо проведение профильных экспериментальных испытаний аутентичных копий подобных шлемов и миссюрков. Учитывая тот факт, что подавляющее большинство пластин таких бармиц изготовлены из железа, можно предположить, что они обеспечивали достаточно надежную защиту головы и шеи воина от рубящих ударов клинкового оружия противника (Bobrov, Sal'nikov, 2016). В тоже время сам факт появления пластин-«планок» в составе традиционной черкесской бармицы был, вероятно, обусловлен не только (а возможно и не столько) желанием усилить ее защитные функции, но и стремлением наиболее ярко и красиво оформить само боевое наголовье. Характерно в данной связи, что все пластины бармиц рассматриваемой серии несут на себе богатый декор, часто дополненный серебряными и латунными накладками и позолотой. При этом нам не известны примеры использования подобных пластин при оформлении корпусных панцирей Северо-Западного Кавказа XVII–XIX вв. Наличие богато оформленных кольчато-пластинчатых бармиц при отсутствии корпусных кольчато-пластинчатых доспехов является характерной чертой комплекса защитного вооружения Северо-Западного Кавказа эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени, по сравнению с их соседями в Восточной Европе и Западной Азии.

4. Заключение

Собранные и проанализированные материалы позволяют уточнить некоторые особенности конструкции, покроя, системы декоративного оформления, а также эксплуатации кольчато-пластинчатых бармиц шлемов и миссюрков «черкесского» образца эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Так, в частности, установлено, что бармицами с кольчато-пластинчатой структурой бронирования могли снабжаться все основные разновидности «черкесских» металлических наголовий. В том числе: высокие сфероконические и конические шлемы «танж», низкие шлемы «пдылао», шлемы переходных форм, а также миссюрки.

На основании особенностей покроя все кольчато-пластинчатые бармицы рассматриваемой серии относятся к категории одночастных, по площади защитного покрытия – к типу «закрытых», на основании особенностей бронирования – к бармицам «калантарного» набора.¹

Значительный интерес представляет система бронирования бармиц наголовий «черкесского» образца. Вертикально расположенные прямоугольные пластины-«планки» симметрично вплетены в кольчатое полотно в один ряд, не перекрывая друг друга по линии: лоб–виски–затылок. Число пластин в составе одной бармицы варьируется от 4 до 12 шт. Как правило, они имеют близкие размеры и пропорции. Только в двух случаях, налобные пластины существенно отличаются от своих височных и затылочных аналогов. Так, на коническом «танж» В.О.-2802 из собрания ГЭ для бронирования налобника использованы укороченные варианты вертикальных пластин-«планок» (рис. 6, 1), а на шлеме Адиль Гирея из МВП (Инв. № MWP 2710x) в кольчатое полотно налобника вплетена широкая прямоугольная пластина, расположенная горизонтально (рис. 8). При монтаже бармицы традиционно использовалась открытая система крепления металлических элементов, когда железные кольца продевались в сквозные отверстия, пробитые вдоль всех четырех краев железных пластин-«планок». В рассматриваемой серии подобным образом оформлены 17 из 18 изучаемых бармиц шлемов и миссюрков «черкесского» образца. Лишь в единичных случаях применялась скрытая система крепления пластин к кольчатой основе (рис. 11).

Поверхность большинства пластин бармиц серии покрыта тонким листом серебра или медного сплава, украшенного рельефным узором. Многие такие накладки дополнительно позолочены. Из орнаментальных мотивов преобладают традиционные черкесские узоры: солярные символы (наиболее часто в виде распустившегося цветка с 7–10 лепестками), прорастающие цветочными побегами миндалевидные, овальные, круглые, сердцевидные «медальоны», завитки в форме запятой, узор «бараний рог» и др. Как правило, рисунок на поверхности пластин бармицы, заключен в «картуш» прямоугольной или подпрямоугольной формы. Фон рисунка гладкий или убран «зубчаткой».

Абсолютно преобладающей разновидностью кольчатой основы бармиц является, типичная для позднесредневековых адыгов, «пансырная» броня, изготовленная из небольших уплощенных колец, соединенных на шип.² Еще одной характерной чертой оформления большинства бармиц серии является их внушительная длина (до 59 см), наличие налобного панцирного элемента, затылочного разреза, а также ровный нижний край без фестонов.

Наголовье, снабженное кольчато-пластинчатой бармицей, одевалось поверх шапки-подшлемника таким образом, что нижний край налобного сегмента бармицы проходил по линии

¹ «Бехтерный» набор в материалах серии не зафиксирован.

² В отличие от более крупных, круглых в сечении кольчужных колец, которые соединялись на гвоздь.

бровей или чуть выше. В момент опасности боковые лопасти бармицы стягивались под подбородком и фиксировались парными крючками. В таком положении бармица защищала затылок, уши, лоб и горло воина. Удлиненный край бармицы спускался на покрытые кольчатым панцирем плечи, грудь, ключицы и верхнюю часть спины воина образуя двойной брони (рис. 14). Последний факт имел особое значение, так как данные части человеческого тела подвергались значительной опасности в ходе динамичного конного сабельного боя, являвшегося важным элементом боевой практики народов Северо-Западного Кавказа и сопредельных территорий рассматриваемого периода.

Сопоставление кольчато-пластинчатых бармиц «черкесского» образца с их аналогами западноазиатского, восточноевропейского и южноазиатского производства показало, что последние, по своей конструкции, покрою и системе декоративного оформления, существенно отличаются от изделий мастеров Северо-Западного Кавказа (рис. 1; 3–5). Несмотря на то, что бармицы всех указанных регионов выполнены в рамках одной и той же структуры бронирования (кольчато-пластинчатой)¹ при изготовлении черкесских бармиц, использованы иные технологические решения и приемы. Так, например, в составе проанализированных бармиц черкесских наголовий отсутствует столь популярный среди османских, иранских, синдских и индийских мастеров «бехтерный» набор, вместо округлых в сечении кольчужных колец, скрепляемых гвоздем, применяются уплощенные «пансырные» кольца с соединением на шип, используется оригинальная система размещения и оформления «калантарных» пластин нестандартной (для других регионов Евразии) формы и т.д.

Данные факты позволяют нам рассматривать изучаемые в настоящей статье детали защитного вооружения, как самостоятельный тип кольчато-пластинчатой бармицы эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени. С некоторой долей условности, он может быть обозначен, как «черкесский тип» кольчато-пластинчатой бармицы Западноазиатской военно-культурной традиции. Отличительными особенностями данных бармиц, являются особенности их бронирования (сочетание «калантарного» набора с кольчатой «пансырной» основой), форма и принцип размещения пластин (вертикально расположенные пластины-«планки» симметрично вплетенные в кольчатое полотно в один ряд по линии лоб–виски–затылок), покрой (одночастная бармицы «закрытого» типа с налобником и ровным, часто удлиненным, нижним краем), а также декоративное оформление (листы из серебра или медного сплава наложенные поверх железных пластин и покрытые рельефным орнаментом черкесского типа).

Ареал распространения подобных бармиц еще предстоит уточнить. В настоящее время, можно уверенно утверждать, что наряду с воинами Северо-Западного Кавказа, подобные бармицы применяли представители крымско-татарской аристократии второй половины XVII – середины XVIII вв. (рис. 6,2; 7; 8). Весьма вероятно, что их также использовали панцирники Грузии, Северо-Восточного Кавказа и некоторых других сопредельных территорий. Самые ранние шлемы рассматриваемой серии датируются XVII в., а самые поздние – первой половиной XIX в.

Отмечая характерные особенности кольчато-пластинчатых бармиц «черкесского типа», в то же время подчеркнем, что они составляют лишь около 16 % от общего количества бармиц шлемов «черкесского» образца. Богатое оформление шлемов, миссюрков, а также самих кольчато-пластинчатых бармиц позволяет предположить, что они использовались, в основном, наиболее состоятельными и знатными воинами региона. Характерно, в данной связи, что подобными бармицами были снабжены шлемы представителей высшей крымско-татарской аристократии – Шахин Гирея – сына крымского хана Адиль Гирея (1666–1671 гг.), а также последнего крымского хана Сахиб Гирея (1771–1775). В данной связи не исключено, что использование орнаментированных позолоченных и посеребренных металлических пластин, при изготовлении бармицы, было вызвано не только (а, возможно, и не столько) желанием усилить броню, сколько стремлением украсить наголовье высокопоставленного воина. Весьма показателен тот факт, что при изготовлении корпусных панцирей (как правило, скрытых наддоспешными кафтанами) дополнительное бронирование пластинами, черкесскими оружейниками сколько-нибудь широко не применялось (Bobrov, Sal'nikov, 2017: 741, 742, 746–748).

5. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 1.4539.2017/8.9).

Литература

Аствацатурян, 2004 – Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. СПб.: ООО Изд-во «Атлант», 2004. 432 с.

¹ В эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени на территории большей части Мусульманского мира и некоторых сопредельных районов доминировала Западноазиатская военно-культурная традиция, важнейшим элементом которой являлись доспехи и панцирные элементы с кольчато-пластинчатой структурой бронирования (Bobrov, Сальников, 2017: 746–748).

[Бобров, 2009](#) – *Бобров Л.А.* «Татарский» шлем с комбинированной бармицей из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // *Вестник НГУ. Сер.: История, филология.* 2009. № 4. С. 251-254.

[Бобров, Ожередов, 2013](#) – *Бобров Л.А., Ожередов Ю.И.* Панцирь-«калантарь» из Центральной Азии (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // *Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения.* Вып. 3. Томск: «Томский государственный университет», 2013. С. 42-63.

[Бобров, Худяков, 2011](#) – *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Шлемы сибирских воинов (из собрания Тобольского государственного историко-краеведческого музея-заповедника) // *Средневековые тюрко-татарские государства.* 2011. № 3. С. 43-52.

[Винклер, 1992](#) – *Винклер П.П.* Оружие: руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. М., 1894; 1992 (2-е изд.). 330 с.

[Горелик, 1983](#) – *Горелик М.В.* Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // *Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины.* М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 244-269.

[Горелик, 1987](#) – *Горелик М.В.* Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // *Археология, этнография и антропология Монголии.* Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. С. 163–208.

[Государева Оружейная палата, 2002](#) – *Государева Оружейная палата.* СПб.: Атлант, 2002. 408 с.
[Историческое описание..., 2008](#) – *Историческое описание одежды и вооружения российских войск.* Ч. 1. М.: Куликово поле, 2008. 168 с.

[Клочков, 2014](#) – *Клочков Д.А.* Конные эскортные части и подразделения России. М.: Фонд «Русские витязи», 2014. 504 с.

[Кулешов, 2008](#) – *Кулешов Ю.А.* О позднем защитном вооружении народов Северного Кавказа // *Военная археология.* Вып. 1. М.: Квадрига, 2008. С. 94-98.

[Носов, 2011](#) – *Носов К.С.* Традиционное оружие Индии. М.: Эксмо, 2011. 384 с.

[Образцов, 2015](#) – *Образцов В.Н.* Оружие Востока в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2015. 232 с.

[Пастушенко, 2010](#) – *Пастушенко И.Ю.* Доспех-бехтерец из Бартымского I селища // *Вестник Удмуртского университета. История и филология.* 2010. Вып. 3. С. 150-152.

[Ривкин, Пинчо, 2011](#) – *Ривкин К., Пинчо О.* Оружие и военная история Кавказа. Запорожье: ООО «РоялПринт», 2011. 128 с.

[Сальников, 2014](#) – *Сальников А.В.* Северокавказское оборонительное вооружение Нового времени в фондах Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2014. Т.6. №6-2 (28). С. 162.

[Alexander, 2015](#) – *Alexander D.G.* Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2015. 336 p.

[Bobrov, Salnikov, 2016](#) – *Bobrov L.A., Salnikov A.V.* North Caucasian helmets of the Crimean Tatar nobility, the Museum of Topkapı Palace (Istanbul, Turkey). Design features, design and combat use // *Bylye Gody.* 2016. No. 2. pp. 323-334.

[Bobrov, Salnikov, 2017](#) – *Bobrov L.A., Salnikov A.V.* «Circassian Armor» in the system of defensive weapons of the peoples of the muslim east XV – mid XIX centuries // *Bylye Gody.* 2017. No. 3. pp. 727-753.

[Gutowski, 1997](#) – *Gutowski J.* Bron I uzbrojenie tatarow. Katalo gabytkow tatarskich. T. I. Warszawa: Res Publica Multiethnica, 1997.

[Miller, 2000](#) – *Miller Y.A.* Kaukasiske Vabenfra Eremitage museet, Skt. Petersborg. Koebenhavn: Naestved, 2000. 356 p.

[Rivkin, 2016](#) – *Rivkin K.A.* Arms and Armor of Caucasus. New-York: Yamna Publishing, 2016. 328 p.

Referenses

[Astvatsaturyan, 2004](#) – *Astvatsaturyan E.G.* (2004). Oruzhie narodov Kavkaza [Weapons of the Caucasian peoples]. SPb.: OOO Publishing house "Atlant", 432 p.

[Bobrov, 2009](#) – *Bobrov L.A.* (2009). «Tatarskij» shlem s kombinirovannoj barmicej iz Tobol'skogo gosudarstvennogo istoriko-arhitektornogo muzeya-zapovednika ["Tatar" helmet with Aventail combination of the Tobolsk state historical and architectural Museum-reserve]. *Bulletin of the NSU. Ser.: History, Philology.* 4. pp. 251-254.

[Bobrov, Ozheredov, 2013](#) – *Bobrov L.A., Ozheredov Yu.I.* (2013). Pancir'-«kalantar'» iz Central'noj Azii (Izistorii «oruzhejnogo» sobraniya MAEHS TGU [Shell-"kalantari" from Central Asia (From the history of the "gun" Assembly Maes TSU)]. *Cultures and peoples of North and Central Asia in context of interdisciplinary research.* Vol. 3. Tomsk: "Tomsk state University". pp. 42-63.

[Bobrov, Khudyakov, 2011](#) – *Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S.* (2011). Shlemy sibirskih voinov (iz sobraniya Tobol'skogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya-zapovednika) [Hats Siberian soldiers (from the collections of the Tobolsk state historical Museum-reserve)]. *Medieval Turkic-Tatar States.* No. 3. pp. 43-52.

Winkler, 1992 – *Winkler P.P.* (1992). Oruzhie: rukovodstvo k istorii, opisaniyu i izobrazheniyu ruchnogo oruzhiya s drevnejshih vremen do nachala XIX veka. [Weapons: a guide to the history, description, and picture of hand weapons from ancient times to the early nineteenth century]. M., 1894; 1992 (2nd ed.) – 330 p.

Gorelik, 1983 – *Gorelik M.V.* (1983). Mongolo-tatarskoe oboronitel'noe vooruzhenie vtoroj poloviny XIV – nachala XV v. [The Mongol-Tatar defensive weapons of the second half of XIV – early XV century]. Battle of Kulikovo in the history and culture of our country. M.: Izd-vo MGU. pp. 244-269.

Gorelik, 1987 – *Gorelik M.V.* (1987). Rannij mongol'skij dospekh (IX – pervaya polovina XIV v.) [Early Mongolian armour (IX – first half of XIV centuries)] // *Archeology, Ethnography and anthropology of Mongolia*. Novosibirsk: Science. Sib. otd-nie. pp. 163-208.

Armoury chamber, 2002 – Gosudareva Oruzhejnaya [The Armoury chamber]. SPb.: Atlant, 2002. 408 p.

Historical description of..., 2008 – Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniya rossijskih vojsk. [Historical description of the clothing and weapons of Russian troops]. Part 1. Moscow: Kulikovo pole, 2008. 168 p.

Klochkov, 2014 – *Klochkov D.A.* (2014). Konnye ehskortnye chaste i podrazdeleniya Rossii [Equestrian escort units of Russia]. Moscow: Fond "Russkie Vityazi", 504 p.

Kuleshov, 2008 – *Kuleshov Yu.A.* (2008). O pozdnem zashchitnom vooruzhenii narodov Severnogo Kavkaza [About late protective arms of the peoples of the North Caucasus]. *Military archeology*. Vol. 1. Moscow: Kvadruga. pp. 94-98.

Nosov, 2011 – *Nosov K.S.* (2011). Tradicionnoe oruzhie Indii [Traditional weapons of India]. M.: Eksmo, 2011. 384 p.

Obrazcov, 2015 – *Obrazcov V.N.* (2015). Oruzhie Vostoka v sobranii EHrmitazha [Weapons of the Orient in the Hermitage collection]. SPb.: Publishing house of the State Hermitage, 232 p.

Pastushenko, 2010 – *Pastushenko I.Yu.* (2010). Dospekh-bekhterac iz Bartymskogo I selishcha [Armor-beherac of Bardymskogo I settlement]. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology*. Vol. 3. pp. 150-152.

Rivkin, Pincho, 2011 – *Rivkin K., Pincho O.* (2011). Oruzhie i voennaya istoriya Kavkaza [Arms and military history of the Caucasus]. Zaporozhye: OOO "Realpoint", 128 p.

Salnikov, 2014 – *Salnikov V.A.* (2014). Severokavkazskoe oboronitel'noe vooruzhenie Novogov remeni v fondah Stavropol'skogo gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo i prirodno-landshaftnogo muzeya-zapovednika imeni G.N. Prozritelevai G.K. Prave [North Caucasian defensive armament of the New time in the funds of the Stavropol state historical-cultural and natural-landscape Museum-reserve named after G.N. Prozriteleva and G.K. Prave]. *Historical and socio-educational thought*. Vol. 6. No. 6-2 (28). pp. 162.

Alexander, 2015 – *Alexander D.G.* Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2015. 336 p.

Bobrov, Salnikov, 2016 – *Bobrov L.A., Salnikov A.V.* (2016). North Caucasian helmets of the Crimean Tatar nobility, the Museum of Topkapi Palace (Istanbul, Turkey). Design features, design and combat use. *Bylye Gody*. No. 2. pp. 323-334.

Bobrov, Salnikov, 2017 – *Bobrov L.A., Salnikov A.V.* (2017). «Circassian Armor» in the system of defensive weapons of the peoples of the muslim east XV – mid XIX centuries. *Bylye Gody*. No. 3. pp. 727-753.

Gutowski, 1997 – *Gutowski J.* (1997). Bron I uzbrojenie tatarow. Katalo gabytkow tatarskich. T. I. Warszawa: Res Publica Multiethnica.

Miller, 2000 – *Miller Y.A.* (2000). Kaukasiske Vabenfra Eremitage museet, Skt. Petersborg. Koebanhavn: Naestved. 356 p.

Rivkin, 2016 – *Rivkin K.A.* (2016). Arms and Armor of Caucasus. New-York: Yamna Publishing. 328 p.

«Черкесские» шлемы и миссюрки с кольчато-пластинчатыми бармицами эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени

Леонид Александрович Бобров ^{a, *}, Алексей Викторович Сальников ^b

^a Новосибирский государственный университет, Российская Федерация

^b Армавирский социально-психологический институт, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены особенности конструкции и системы оформления кольчато-пластинчатых бармиц наголовий «черкесского» образца датированных эпохой позднего Средневековья и раннего Нового времени. Всего проанализированы 12 шлемов и 6 миссюрок из музейных и частных коллекций Российской Федерации, США, Великобритании, Республики Польша и других стран.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: spsm@mail.ru (Л.А. Бобров), alexkat_salnikov@mail.ru (А.В. Сальников)

Установлено, что бармицами с кольчато-пластинчатой структурой бронирования могли снабжаться все основные разновидности «черкесских» наголовий. В том числе: высокие шлемы «танж», низкие шлемы «пдьпао», шлемы переходных форм, а также миссюрки.

Сравнительный анализ показал, что бармицы «черкесских» шлемов по своей конструкции, покрою и системе оформления существенно отличаются от кольчато-пластинчатых бармиц народов Восточной Европы, Западной и Южной Азии. Данный факт позволил рассматривать изучаемые элементы защитного вооружения, как самостоятельный «черкесский тип» кольчато-пластинчатых бармиц.

На основании особенностей покроя все «черкесские» кольчато-пластинчатые бармицы рассматриваемой серии относятся к категории одночастных, по площади защитного покрытия – к типу «закрытых» (защищающих затылок, шею, горло и лоб воина), на основании особенностей бронирования – к бармицам «калантарного» набора («бехтерный» набор среди собранных материалов не зафиксирован). Вертикально расположенные прямоугольные пластины-«планки» симметрично вплетены в кольчатое полотно в один ряд, не перекрывая друг друга по линии: лоб-виски-затылок. Число пластин в составе одной бармицы варьируется от 4 до 12 шт. Поверхность большинства пластин покрыта тонким листом серебра или медного сплава, украшенного рельефным узором. Многие такие накладки дополнительно позолочены. Из орнаментальных мотивов преобладают традиционные черкесские узоры: солярные символы (наиболее часто в виде распустившегося цветка с 7–10 лепестками), миндалевидные, округлые, сердцевидные «медальоны», завитки в форме запятой, узор «бараний рог» и др.). Рисунок на поверхности пластин бармицы, обычно заключен в «картуш» прямоугольной формы. Фон рисунка гладкий или убран «зубчаткой».

Кольчатая основа бармиц «черкесских» шлемов относится к типу «пансырных» (небольшие уплощенные кольца соединены на шип). Другими характерными чертами оформления большинства «черкесских» бармиц является их значительная длина (до 59 см), наличие налобного защитного элемента, разреза на затылке, а также ровный нижний край без фестонов.

Ареал распространения кольчато-пластинчатых бармиц «черкесского типа» еще предстоит уточнить. В настоящее время, можно уверенно утверждать, что наряду с воинами народов Северо-Западного Кавказа, подобные бармицы применяли представители высшей знати Крымского ханства. Весьма вероятно, что их также использовали панцирники Грузии, Северо-Восточного Кавказа и некоторых других сопредельных территорий. Самые ранние бармицы рассматриваемой серии датируются XVII в., а самые поздние – первой половиной XIX в.

Шлемы и миссюрки с кольчато-пластинчатыми бармицами составляют около 16 % от общего числа боевых наголовий «черкесского» образца. Богатое оформление шлемов, миссюрки, а также самих кольчато-пластинчатых бармиц позволяет предположить, что они использовались, в основном, наиболее состоятельными и знатными воинами региона. Так, например, такими бармицами снабжены шлемы представителей крымско-татарской аристократии – Шахин Гирея – сына крымского хана Адиль Гирея (1666–1671 гг.), а также последнего крымского хана Сахиб Гирея (1771–1775). Не исключено, что использование богато оформленных пластин, при изготовлении бармицы, было вызвано не только (а, возможно, и не столько) желанием усилить броню, сколько стремлением украсить наголовье высокопоставленного воина. Весьма показателен тот факт, что при изготовлении корпусных панцирей (как правило скрытых верхней одеждой) дополнительное бронирование пластинами, черкесскими оружейниками XVII – первой половины XIX в. сколько-нибудь широко не применялось.

Ключевые слова: Северный Кавказ, черкесы, защитное вооружение, шлемы, миссюрки, кольчато-пластинчатые бармицы.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 34-43. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.34
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

To the Issue of the Urban Culture of the Steppe Region in the XVIII–XIX centuries

Gulmira S. Sametova ^{a, *}, Makhsat A. Alpysbes ^a

^a Eurasian National University L.N. Gumilev, Kazakhstan

Abstract

As a research task in this article, the authors have defined an attempt to describe the history and characteristics of urban culture of the Steppe region in the XVIII–XIX centuries. The peculiarities of the construction of city-fortresses on the territory of modern Kazakhstan are revealed and investigated. In the article, the special attention is paid to the characteristic features of erecting the fortress fortifications.

The authors conclude that the XVIII and XIX centuries in the history of Kazakhstan – is the most important period during which the overwhelming majority of the existing cities and settlements were formed. At this time the another architectural and urban culture appeared, associated with the continuity and traditions of russian-european and russian-siberian cultures. However, if in the planning organization of urban construction of the western and northern regions of Kazakhstan the techniques and forms of various styles of russian architecture were dominant, that the construction of cities in the south of the country was based on the use of traditional techniques and means of previous periods.

Keywords: Kazakhstan, the Steppe region, urban culture, urban planning, fortification, fortress, fortification, bastion.

1. Введение

Градостроительная история Казахстана представляет собой уникальное явление, выразившее многовековое развитие и взаимодействие кочевой и оседло-земледельческой культур этносов, населявших Степной край. В связи с этим, сохранение самобытного архитектурно-градостроительного наследия в условиях нарастающей урбанизации является актуальной проблемой. Актуальность исследования также определяется значимостью изучения тех особенностей архитектурного облика городов-крепостей Степного края, которые были характерны в описываемый период.

В XVIII веке на территории современного Казахстана воплощался один из крупнейших замыслов в истории России – разработка и реализация проекта по строительству оборонительных линий с множеством укреплений. Укрепленные линии включали в себя крепости различной величины и мощности, именуемые в фортификационной терминологии и документах XVIII века как «линейные укрепления».

2. Материалы и методы

Источниковой основой исследования послужили некоторые документы, отложившиеся в фондах Государственных архивов Оренбургской (ГАОО) и Омской областей (ГАОМО) Российской Федерации и Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) в г. Алматы. Другой научной базой исследования явились такие источники, как трактат западноевропейского военного инженера С. Вобана по теории фортификации, и работы русских ученых в области теории и истории фортификации, архитектуры и градостроительства.

* Corresponding author

E-mail addresses: Sametova_Gulmira@mail.ru (G.S. Sametova)

Исследование основано на следующих общенаучных принципах познания: историзм, научная объективность, системность и комплексный подход при изучении проблемы. Принцип историзма и научной объективности дал возможность понять и правильно оценить суть процесса урбанизации в XVIII–XIX вв. в целом. Принцип системности научного анализа позволил рассмотреть особенности градостроительного процесса в Казахстане в XVIII–XIX вв. На основе комплексного подхода в изучении архитектуры и градостроительства, удалось выявить специфику градостроения, формирования и трансформации города на территории Казахстана в XVIII–XIX вв.

Из обозначенных методологических принципов вытекают и частные методы исследования, такие как проблемно-хронологический, историко-сравнительный, а также метод ретроспективной реконструкции, благодаря которым удалось проследить историю развития архитектурных сооружений в обозначенный хронологическими рамками период исследования. Проблемно-хронологический метод позволил осуществить реконструкцию архитектурного образа города-крепости. Историко-сравнительный метод помог выделить общие черты и специфику развития городских поселений и крепостей.

3. Обсуждение

Изучение истории урбанизации и градоформирования Степного края было начато в дореволюционный период. Первые сведения об архитектурном облике городов-крепостей Степного края содержатся в работах П.Н. Рычкова (Рычков, 1772), Н.В. Турчанинова (Турчанинов, 1914), А.И. Левшина (Левшин, 1996) и ряда других. Общие сведения о городах Азиатской России можно найти в путевых дневниках российских чиновников и в работах непосредственных участников строительства крепостей на территории современного Казахстана, военных офицеров С.Б. Броневского (Броневский, 1830), Г.В. Генса (Генс, 1908) и И.Ф. Бларамберга (Бларамберг, 1848). В трудах русских ученых XIX века Н. Богаевского (Богаевский, 1874) и М. Татаржинского (Татаржинский, 1894) представлены сведения о строительных материалах и архитектурных стилях обозначенного периода.

Особо ценные сведения по теме нашего исследования были получены из трактата французского инженера С. Вобана, переведенного на русский язык под названием «Истинный способ укрепления городов» (Вобан, 1724) и работы Ф.Ф. Ласковского (Ласковский, 1865), посвященной теории и истории фортификации.

Исследования А.Х. Маргулана (Маргулан, 2011) заложили основу современной архитектурно-исторической науки Казахстана. В совместной работе А. Маргулана, Т. Басенова, М. Мендикулова «Архитектура Казахстана» (Маргулан и др., 1959) даны описания и анализ особо выдающихся памятников архитектуры, выделена типология и особенности поселений.

Архитектурно-планировочные вопросы создания укрепленных крепостей рассмотрены в работах Н.Л. Крашенинниковой (Крашенинникова, 1976), Т.С. Проскуряковой (Проскурякова, 1976) и Д.С. Шемелиной (Шемелина, 2016).

Немаловажной представляется информация о городах Казахской степи, содержащаяся в трудах европейских путешественников Ch.H. Cottrell (Cottrell, 1842), T.W. Atkinson (Atkinson, 1858). Общие вопросы фортификационного градостроительства освещаются в работе зарубежного автора I. Warmoes (Warmoes, 2006).

4. Результаты

В XVIII–XIX вв. на территории Казахстана начинается процесс градоформирования крепостей, обусловленный возведением русских укрепленных поселений. Так, в Указе Петра Великого, данного в 1714 году первому Сибирскому губернатору князю М.П. Гагарину, говорилось: «построить город у Ямышева озера...». Так было положено начало возведения крепостей в Степном крае.

В целом, архитектурно-градостроительное формирование городов-крепостей в XVIII–XIX вв. следует условно разделить на 3 этапа: первый этап (начало XVIII – середина XIX вв.) – основание и развитие русских фортификационных линий укреплений; второй этап (начало XIX – середина XIX вв.) – связан со строительством кокандских городов-крепостей (Ак-Мечеть, Аулие-Ата, Чимкент и др.); третий этап (середина XIX – конец XIX вв.) – взятие российскими войсками кокандских укреплений и возведение новых крепостей на юге современного Казахстана Ак-Мечеть (Перовск), Раимское укрепление и др.

Формирование городов-крепостей и укрепленных поселений в нач. XVIII – сер. XIX вв. отличалось по типу. Так, к первому типу относятся русские города-крепости, возведенные как военно-оборонительные комплексы (это укрепления Сибирских линий), ко второму типу относятся русские города-крепости, заложенные как оплот оседлого образа жизни (к ним причисляются укрепления Верхне- и Нижне-Уральской линий).

Строительство фортификационных сооружений, городов-крепостей и форпостов в нач. XVIII – сер. XIX вв. осуществлялось вдоль рек Яик (ныне р. Урал), Иртыш и Ишим, формируя систему укрепленных линий. Например, во второй половине XVIII века были созданы такие укрепленные линии, как Иртышская, Ново-Ишимская, Верхнеицкая, Уйская и другие (ГАОМО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 100).

В XVIII–XIX вв. были основаны следующие укрепления: Семипалатинская крепость (1718 г.), Усть-Каменогорская крепость (1720 г.), Коряковский форпост (1720 г.), крепость св. Петра и Павла (1752 г.), укрепление Верное (1854 г.), Акмолинское укрепление (1856 г.) и ряд других военных поселений. Академик А. Маргулан писал: «со строительством этих городов в Казахстан впервые проникает более передовой градостроительный опыт России» (Маргулан и др., 1959: 120).

Фортификационные сооружения, возведенные в период царствования императора Петра I и императрицы Анны Иоанновны, принадлежат к французской бастионной системе. В русском военном инженерном искусстве, в начале XVIII века, культивировались достижения европейской военной, особенно маршала С. Вобана, заложившего научные основы фортификации и построившего свыше 300 крепостей, за исключением Семипалатинской крепости, которая была сооружена по проекту немецкого инженера Г. Римплера. Бастионная система, усовершенствованная С. Вобаном, помимо того, что учитывала новые военные стратегии, отличалась еще простотой конструкции и дешевизной, а главное, легкостью расположения с учетом рельефа конкретной местности.

Руководствуясь опытом европейской фортификации, инженеры Военной коллегии разработали проекты и схемы новых крепостей. Эти проекты предусматривали правильные геометрические очертания и расположение зданий внутри укрепления. Европейская система бастионов позволяла учитывать топографию региона, регулярная планировка лучше всего накладывалась на условия местности, что указывает на преемственность традиций возведения древнерусских городов, основанных на органичном слиянии поселений с природным ландшафтом (Ласковский, 1865). Однако нужно пояснить, что понятие «крепость» означало в то время поселение, огражденное бревенчатым частоколом и рвом. Только немногие крепости, такие как Семипалатинская, Усть-Каменогорская (4 бастионов) (рис. 1) и Петропавловская (6 бастионов) были устроены по всем правилам военной науки того времени, то есть обнесены деревянной оградой из бревен с земляным валом и окружены рвами. Вне крепости находился форштадт, защищавший подступы к ней. Форштадты большинства крепостей имели четкую регулярную, иногда прямоугольную форму плана (ГАОО. Ф. 124. Оп. 25. Д. 3028. Л. 11-75). Остальные же крепости, а также редуты и форпосты составляли слабо укрепленные поселения, огражденные бревенчатым частоколом, рвом и рогатками. Первоначально крепости были деревянными, позже в строительстве применялись камень, кирпич и саман.

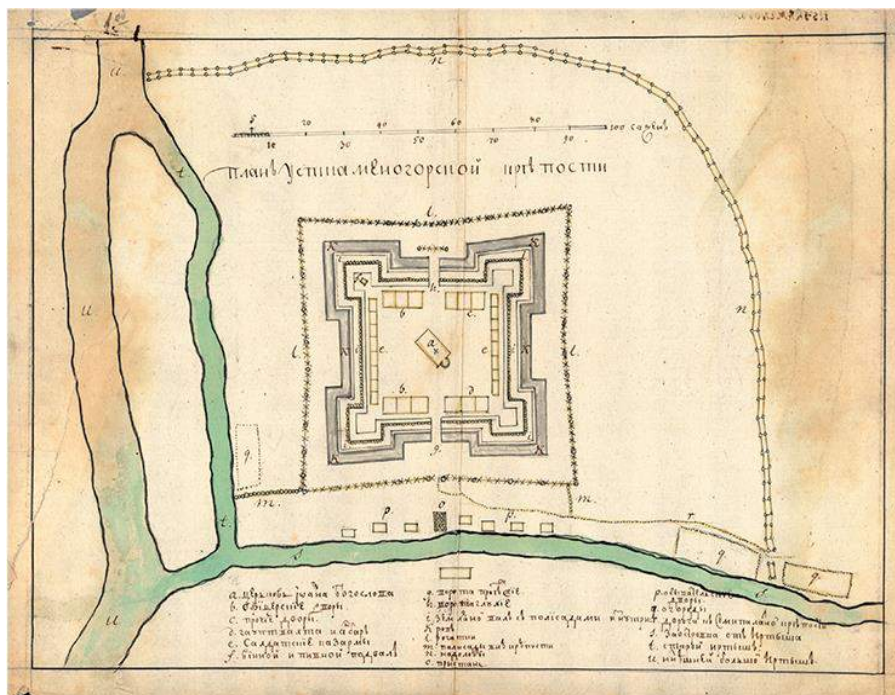

Рис. 1. План Усть-Каменогорской крепости (Копанева, 2008: 1)

При строительстве крепости учитывались основные правила русской фортификации. Удобными для возведения крепости считались возвышенные места, где притоки или овраги близко подходили к реке. Также учитывались размеры крепости, возможность будущего заселения округи и наличие природных ресурсов для обеспечения жизнедеятельности. Застройки при крепости были разделены на кварталы разной формы и величины и подчинялись двум основным факторам – контурам укреплений и очертаниям русел рек.

Согласно фортификационным характеристикам, крепости различались на долговременные (крупные крепости) и полевые (мелкие сооружения) укрепления (Шемелина, 2016: 85). К крупным

укреплениям следует отнести Петропавловскую, Семипалатинскую и Усть-Каменогорскую крепости. Следует отметить, что планировочной структуре долговременных укреплений была свойственна уникальность фортификационных решений и применение типового проекта для 4-угольных крепостей. А для полевых укреплений – отсутствие типовых планировочных схем, нерегулярная застройка, в том числе и при планировке форштадтов.

До 60-х годов XVIII века основными элементами крепостей являлись угловые и ярусные фортификации, характеризующиеся созданием «псевдобастионных» линейных укреплений, т.е. в плане они отвечали угловой фортификации с применением бастионного начертания, а в профиле – ярусной, с применением деревянных оград и башен (Шемелина, 2016: 85).

В 40–60-е годы XVIII века историко-политические факторы предопределили изменения в военно-инженерном и архитектурном планировании крепостей. Главным основанием для этого стала потребность в усилении обороноспособности крепостей. Масштабные реконструкции проходили под руководством начальников военных укреплённых линий согласно Инструкции 1763 г., полученной от императрицы Екатерины II, где были обозначены требования к усилению обороноспособности региона. В 1765 году были утверждены проекты перепланировки укреплений по всем линиям, предполагавшие повышение эффективности фортификационных и планировочных решений, а также увеличение размеров укреплений (Шемелина, 2016: 87).

Таким образом, некоторые крепости неоднократно меняли свое местоположение и перестраивались. Например, Семипалатинская крепость, расположенная на Иртышской укрепленной линии, в течение пяти лет несколько раз модернизировалась (рис. 2, 3).

Проекты перепланировки предполагали существенные изменения в устройстве крепостей и новой фортификации. В плане укрепления крепости соответствовали угловой фортификации, а в профиле – продольно-фланговой (Вобан, 1724). Таким образом, города-крепости полностью были ориентированы на применение артиллерийского оружия. В проектах полевых укреплений 1765 г. также учитывались разработки С. Вобана.

Новые крепости строились также четырехугольные, квадратной формы в плане, с четырьмя бастионами посередине фронтов. Улицы внутри крепости были распланированы по прямоугольной сетке, к северо-западу и юго-востоку от крепости.

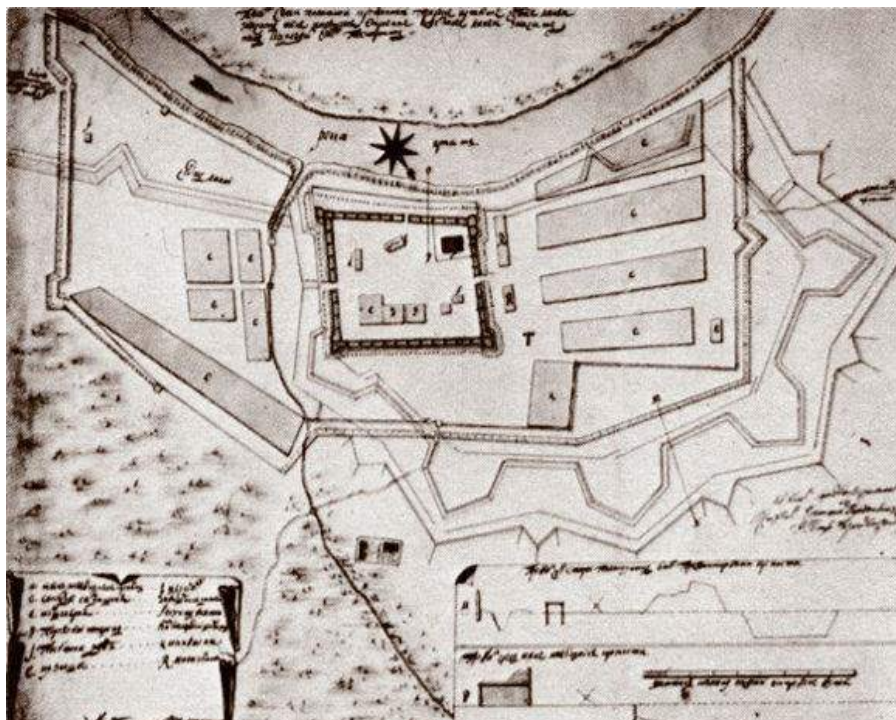

Рис. 2. План Семипалатинской крепости 1718 г.¹

¹ Фото взято на официальном сайте Семипалатинского благочиния Усть-Каменогорской и Семипалатинской епархии Митрополичьего округа Русской Православной Церкви в Казахстане. (Электронный ресурс) Режим доступа: <http://vko-eparhia.kz>

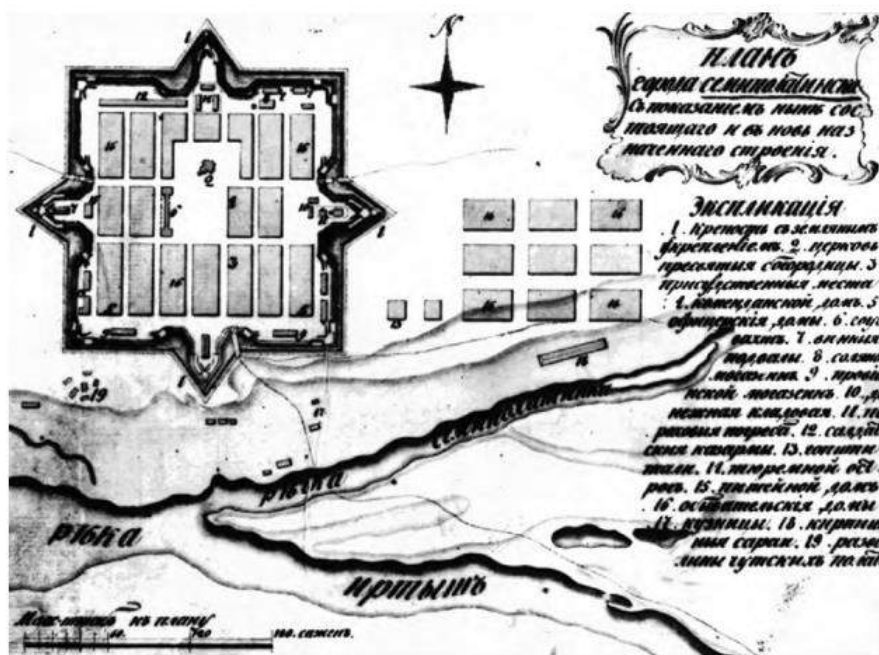
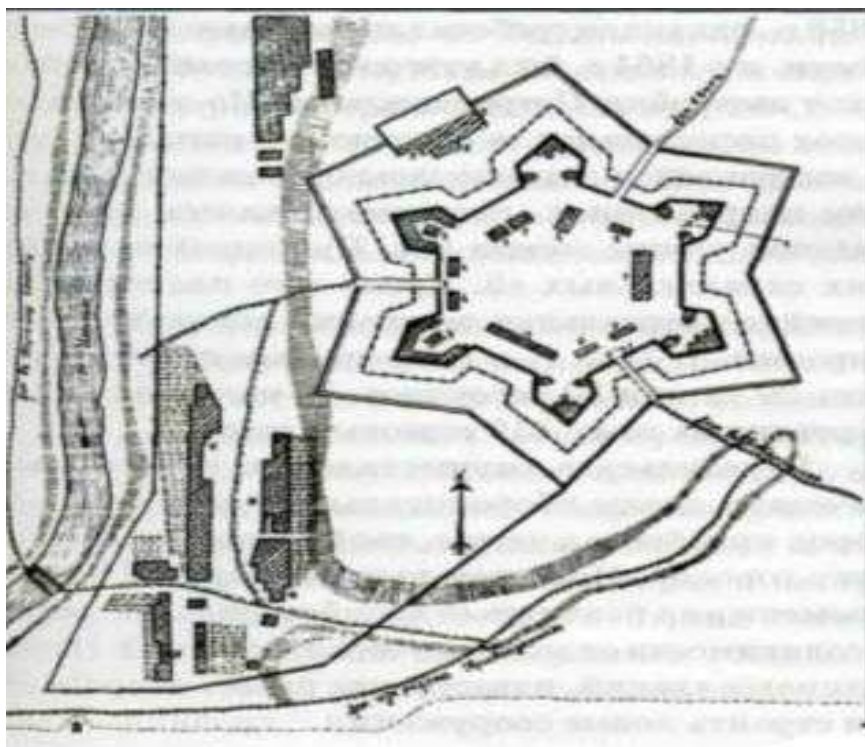

Рис. 3. Проект перепланировки Семипалатинской крепости, после 1770 г. (Шемелина)

Своеобразной чертой новых крепостей было наличие Меновых дворов, расположенных, как правило, за пределами крепости. К примеру, в Усть-Каменогорской и Семипалатинской крепостях Меновой двор располагался на другом берегу Иртыша. Об этом свидетельствуют записки Палласа: «...ради сея ширины и множества островов, нельзя было при крепости переправляться, и сея же ради причины обыкновенная здесь с киргизами и Азиатскими караванами мена товару бывает 15 верстами выше, где и находится бекет и меновой двор...» (Паллас, 1770: 192).

Города-крепости XVIII–XIX вв. отличались также компактностью и небольшими размерами территории, от 1 до 2 га. Более внушительное впечатление, чем остальные укрепления, производила Петропавловская крепость на Ново-Ишимской линии, которая занимала площадь около 2 га (рис. 4). Петропавловская крепость была построена на высоком правом берегу Ишима по системе инженера С. Вобана, в форме правильного шестиугольника, в углах которого находилось 6 огромных бастионов, соединенных между собой земляными валами и деревянными стенами высотой около трех метров. В бастионах были установлены пушки, внутри крепости – арсенал, офицерские дома и казармы, а также гарнизонная церковь, конюшни и другие хозяйственные постройки. Внутренняя ширина крепости между стенами равнялась 72 сажням, наибольшее расстояние между внутренними углами двух противоположных бастионов – 150 сажней.

Внутри стен крепости находились: штабной дом, офицерские светлицы, казармы, магазины, пороховые погреба и часовня. В 1766 г. взамен часовни была возведена деревянная церковь в честь апостолов Петра и Павла, именами которых называлась крепость. Крепостные ворота были устроены в башне. В 1772 г. в крепости существовали две башни: Тобольская и Омская. Вокруг стен шел ров, наполненный водой. Крепость была окружена рогатками и надолбами. В надолбах имелись: конюшни, кладовые, амбары и лазарет. Рядом с крепостью находились форштадты, которые были обнесены рогатками и палисадами (ГАОМО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 177. Л. 419).

Рис. 4. План крепости св. Петра на Ишимской линии 1752 г. (Ласковский, 1866: 13)

Структура архитектурной планировки крепостей первой половины XIX века была типичной для военных поселений в Степном крае. Проектирование и строительство их велось под непосредственным контролем главного инженерного управления России. Архитектурная планировка возводимых поселений соответствовала предназначению их в качестве военных форпостов.

Крепости имели вид правильного четырехугольника с 4 бастионами, с земляным валом и рвом. Внутри укрепления находились: бревенчатая оборонительная казарма с бойницами, кухня, офицерский дом, провиантский магазин и сарай (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 209. Л. 43-44).

В 1830-х гг. были внесены коррективы в строительные работы крепостей. Например, в 1839 году Акмолинское поселение было обнесено земляным валом со рвом, несмотря на то, что ранее планировалось только обнесение забором. С 1840 года началось строительство оборонительных казарм и военных сооружений, соединенных между собой, что создавало систему военных укреплений с пятью бастионами.

Работы по сооружению военных защитных укреплений продолжались почти до начала 1850-х годов. За это время были возведены барьерные ворота при въездах в укрепления, а также деревянные мосты через рвы. Крепостные стены были укреплены и облицованы дерном (Алпыспаева, 2008: 62).

Особенностью градостроительства в обозначенный период являлось то, что город появлялся на месте военной крепости и представлял первоначально город-крепость. Первыми поселенцами этого нового образования были в основном военные, поэтому строительство определялось потребностями этой категории населения. Начальными постройками в крепостях были: здание окружного приказа, военные казармы для солдат, хозяйственное помещение для хранения фуража и продуктов, провиантский магазин, плетневая конюшня.

Для производства строительных работ были сформированы команды из солдат и офицеров. Так, из донесения окружного приказа Омскому областному начальнику от 31 мая 1833 года следует, что первыми строителями Акмолинской крепости были солдаты 2-го линейного батальона 29-й пехотной дивизии (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 553. Л. 443-445).

До конца первой половины XIX века главной функцией многих городов крепостей была военно-административная функция. Этому предназначению соответствовал и характер архитектурной застройки, и типология первых строящихся зданий. Главное место в планировочной и функциональной структуре принадлежало крепости, где размещались военные и административные здания. Появление слобод, как демографических и хозяйственных центров, имело определяющее значение для процесса градообразования. Слободы были одним из основных компонентов образования городов в XVIII–XIX вв. как в Степном крае, так и в Сибири (Алпыспаева, 2008: 64-65).

В целом, города-крепости XVIII–XIX вв. представляли собой укрепления в виде замкнутого многоугольника на небольшой площади, окруженные крепостной стеной с башнями и бастионами,

укрепленные валом, рвом и рогатками. Крепости имели четырех, пяти и шестиугольные геометрически правильные очертания, поэтому при виде сверху напоминали звездообразную форму.

Период с начала и до середины 60-х годов XIX в. связан со строительством кокандских городов-крепостей на юге Казахстана. В отличие от русских укреплений XVIII века, кокандские крепости возводились, как правило, в традициях среднеазиатского градостроительства, на месте старых средневековых фортификационных сооружений Юга Казахстана и Семиречья. Отличительной особенностью данных городов-крепостей является то, что при их возведении учитывалась связь с природным ландшафтом. Поскольку архитектура и инженерные особенности фортификационных сооружений кокандцев во многом определялись древней практикой крепостного строительства среднеазиатского региона, то это обусловило однотипность большинства крепостей. В плане эти крепости и города имели преимущественно 4-х угольное очертание (абрис) нерегулярной планировки. Застройки отличались компактностью и плотностью, площадь их составляла от 2 до 4 га. К примеру, площадь крепости Аулие-Ата составляла чуть более 2 га, Чимкенте – около 4 га. Генерал Бларамберг в своих Воспоминаниях отмечал: «Все эти крепости построены одинаково. Они представляют собой длинный прямоугольник из высоких толстых глиняных стен с зубцами, фланкированных по углам четырьмя круглыми башнями с бойницами; все это сооружение окружено более или менее глубоким рвом» (Бларамберг, 1978: 330).

После присоединения Южного Казахстана и Семиречья к России, некоторые кокандские укрепления были разрушены. В последующем, некоторые разрушенные крепости были восстановлены. Вместе с сохранившимися крепостями они становились пограничными, образовав две новые линии укреплений Российской империи – Сырдарьинскую и Новококандскую, которые охватывали Приаралье, Южный Казахстан и Семиречье.

После взятия кокандских крепостей русскими войсками, в их планировочной структуре возникли значительные изменения, появились новые районы с регулярной планировкой и возведенными православными храмами. Строительство же мечети в русских городах-крепостях придавало определенный евразийский колорит этим поселениям.

Так, в 1853 г., крепость Ак-Мечеть (рис. 5), взятая генералом В.А.Перовским и переименованная в форт Перовск, представляла собой большой форт с двойным рядом стен. Она имела форму параллелограмма со сторонами в 100 саженей и была окружена рвом с водой. Внешние стены были построены из саманного кирпича или глины и имели зубчатую форму. В центре параллелограмма находилась цитадель, с толстыми зубчатыми стенами высотой в 4 сажени. По четырем углам цитадели возвышались башни. Цитадель также была окружена глубоким рвом (Бларамберг, 1978: 327).

Рис. 5. Укрепление Ак-Мечеть на реке Сырдарья (форт Перовск с 1853 г., ныне город Кызылорда) 1853 г. (Терентьев, 1872: 15)

Таким образом, анализ архитектурных особенностей городов-крепостей середины XIX в. позволяет прийти к следующему выводу: сложившаяся к XIX веку архитектурно-пространственная структура большинства укрепленных городов юга Казахстана, представляла собой симбиоз из

планировочных элементов ранее существовавших поселений и кокандских крепостных сооружений. После присоединения Степного края к Российской империи, структура кокандских укрепленных поселений начинает трансформироваться по типу русских городов-крепостей, что обусловило своеобразие архитектуры и планировки южных городов, несущих в себе как элементы традиционного среднеазиатского зодчества, так и русского градостроительства.

5. Заключение

На основе исследования различных источников и научной литературы мы пришли к следующим выводам. В XVIII веке начинается новый этап развития градостроительства на территории Степного края, обусловленный строительством русских укрепленных поселений. Новые русские города-крепости на территории современного Казахстана формировались в традициях русско-европейского зодчества и градостроительства.

В начале XVIII века в истории военной архитектуры произошли кардинальные изменения, открывшие новую и малоизученную эпоху в фортификационном градостроительстве. Возведение отдельных крепостей в XVIII в. обозначило переход к новой линейной системе обороны границ региона.

Городская архитектура отражала постепенное развитие края. Будучи центром административной, торговой, а также производственной деятельности, города Степного края развивались, отражая в своей структуре как особенности конкретного месторасположения, так и общие тенденции, характерные для городов Западной Сибири.

Литература

- Алпыспаева, 2008** – Алпыспаева Г.А. Источники, историография и история Астаны в новое и новейшее время. Астана, 2008. 211 с.
- Бларамберг, 1978** – Бларамберг И.Ф. Воспоминания. Москва, 1978. 357 с.
- Богаевский, 1874** – Богаевский Н.В. Заметки о строительных материалах в Туркестанском крае // *Инженерный журнал*. №8. СПб., 1874. С. 23-34.
- Броневский, 1830** – Броневский С.Б. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды. Москва, 1830. 43 с.
- Вобан, 1724** – Вобан С. Истинный способ укрепления городов. СПб., 1724. 310 с.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- ГАОМО** – Государственный архив Омской области.
- Генс, 1908** – Генс Г.Ф. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Выпуск 19. Москва, 1908. 278 с.
- Копанева, 2008** – Копанева Н.П. «...неоцененные пользы учинили» // *Наука из первых рук*. №2(20). 2008. С. 75-85.
- Крашенинникова, 1976** – Крашенинникова Н.Л. Строительство русских крепостей XVIII в. по «образцовым» проектам // *Архитектурное наследие*. Москва, 1976. № 25. С. 72-78.
- Ласковский, 1865** – Ласковский Ф.Ф. Материалы для историй инженерного искусства в России. Часть III. Опыт возведения инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1865. 1016 с.
- Ласковский, 1866** – Ласковский Ф.Ф. Карты, планы и чертежи к III части материалов для истории инженерного искусства в России. СПб., 1866. 74 с.
- Левшин, 1996** – Левшин А.И. Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996. 656 с.
- Маргулан и др., 1959** – Маргулан А.Х., Басенов Т.К., Мендикулов М.М. Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959. 173 с.
- Маргулан, 2011** – Маргулан А.Х. Сочинения. Т.8. Алматы, 2011, 469 с.
- Паллас, 1770** – Паллас С.П. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской императорской академии наук. СПб., 1770. 571 с.
- Проскурякова, 1976** – Проскурякова Т.С. Планировочные композиции городов-крепостей Сибири (второй половины XVII-60-е годы XVIII в.) // *Архитектурное наследие*. Москва, 1976. № 25. С. 57-71.
- Рычков, 1772** – Рычков Н.П. Дневные записки путешествия в Киргиз-Кайсацкие степи в 1771 г. СПб., 1772. 107 с.
- Татаржинский, 1894** – Татаржинский М. Производство глинобитных построек из мокрой глины // *Киргизская степная газета*. 1894. №23-25.
- Терентьев, 1872** – Терентьев Т.А. Туркестанский альбом. По распоряжению Туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта К.П. Фон Кауфмана. Часть историческая. 1871–1872. Ташкент, 1872. 70 с.
- Турчанинов, 1914** – Турчанинов Н.В. Города Азиатской России. Азиатская Россия. Кн. 1. СПб., 1914. 347 с.
- Шемелина, 2016** – Шемелина Д.С. Основы европейской фортификации в типовых проектах укреплений по сибирским оборонительным линиям XVIII в. // *Новые материалы по истории*

фортификации. Выпуск 2: статьи и материалы III и IV международной научно-практической конференции «Памятники фортификации: история, реставрация, использование». Архангельск, 2016. С. 84-92.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Atkinson, 1858 – *Atkinson T.W.* Oriental and Western Siberia; a narrative of 7 years explorations and adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghiz Steppes, Chinese Tartary and part of Central Asia. L., 1858. 611 p.

Cottrell, 1842 – *Cottrell Ch.H.* Recollections of Siberia in the years 1840 and 1841. L., 1842. 428 p.

Warmoes, 2006 – *Warmoes I.* Les plans en relief des places fortes du Nord: dans les collections du Palais des Beaux-Arts de Lille. Paris, 2006. 96 p.

References

Alpyspaeva, 2008 – *Alpyspaeva G.A.* (2008). Istochniki, istoriografiya i istoriya Astany v novoe i noveishee vremya [Sources, historiography and the history of Astana in the new and modern times]. Astana, 211 p. [in Russian]

Blaramberg, 1978 – *Blaramberg I.F.* (1978). Vospominaniya [Memories]. Moskva, 357 p. [in Russian]

Bogaevskii, 1874 – *Bogaevskii N.V.* (1874). Zametki o stroitel'nykh materialakh v Turkestanskom krae [Notes on construction materials in the Turkestan Territory]. *Inzhenernyi zhurnal*. №8. SPb., pp. 23-34. [in Russian]

Bronevskii, 1830 – *Bronevskii S.B.* (1830). Zapiski o kirgiz-kaisakakh Srednei Ordy [Notes on kirgiz-kaisakakh of Srednei Ordy]. Moskva, 43 p. [in Russian]

Voban, 1724 – *Voban S.* (1724). Istinni sposob ukrepleniya gorodov [The true way of strengthening the cities]. SPb. 310 p. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyi arxiv Orenburgskoi oblasti [The state archive of the Orenburg region].

GAOom – Gosudarstvennyi arkhiv Omskoi oblasti [The State archive of the Omsk region].

Gens, 1908 – *Gens G.F.* (1908). Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii. [Proceedings of the Orenburg scientific archive commission]. Vyp. 19. Moskva, 278 p. [in Russian]

Kopaneva, 2008 – *Kopaneva N.P.* (2008). «...neotsenennye pol'zy uchinili». [«...an invaluable benefit to perpetrate»]. *Nauka iz pervykh ruk*. №2(20). pp. 75-85. [in Russian]

Krashennnikova, 1976 – *Krashennnikova N.L.* (1976). Stroitel'stvo russkikh krepostei XVIII v. po «obraztsovym» proektam [Construction of Russian fortresses of the XVIII century in the "exemplary" projects]. *Arkhiturnoe nasledstvo*. Moskva, № 25. pp. 72-78. [in Russian]

Laskovskii, 1865 – *Laskovskii F.F.* (1865). Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii. Chast' III. Opyt vozvedeniya inzhenernogo iskusstva posle imperatora Petra I do imperatritsy Ekateriny II. [Materials for the history of engineering in Russia. Part III. Experience in the construction of engineering after the Emperor Peter I to Catherine II]. SPb., 1016 p. [in Russian]

Laskovskii, 1866 – *Laskovskii F.F.* (1866). Karty, plany i chertezhi k III chasti materialov dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii [Maps, plans and drawings to the III part of the materials for the history of engineering in Russia]. SPb., 74 p. [in Russian]

Levshin, 1996 – *Levshin A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei [Description of kirgiz-cossack or kirgiz-kaisak hordes and steppes]. Almaty, 656 p. [in Russian]

Margulan i dr., 1959 – *Margulan A.Kh., Basenov T.K., Mendikulov M.M.* (1959). Arkhitektura Kazakhstana [Architecture of Kazakhstan]. Alma-Ata, 173 p. [in Russian]

Margulan, 2011 – *Margulan A.Kh.* (2001). Sochineniya [Essays]. T.8. Almaty, 469 p. [in Russian]

Pallas, 1770 – *Pallas S.P.* (1770). Puteshestvie po raznym mestam Rossiiskogo gosudarstva po poveleniyu Sankt-Peterburgskoi imperatorskoi akademii nauk [A journey through different places of the Russian state at the behest of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences]. SPb., 571 p. [in Russian]

Proskuryakova, 1976 – *Proskuryakova T.S.* (1976). Planirovochnye kompozitsii gorodov-krepostei Sibiri (vtoroi poloviny XVII-60-e gody XVIII v.) [The planned composition of the walled cities of Siberia (second half of XVII-60-ies of XVIII century)]. *Arkhiturnoe nasledstvo*. Moskva. № 25. pp. 57-71. [in Russian]

Rychkov, 1772 – *Rychkov N.P.* (1772). Dnevnye zapiski puteshestviya v Kirgiz-Kaisatskie stepi v 1771 g. [Day notes of travel in Kirghiz-Kaisak steppes in 1771]. SPb., 107 p. [in Russian]

Tatarzhinskii, 1894 – *Tatarzhinskii M.* (1894). Proizvodstvo glinobitnykh postroek iz mokroi gliny [Production of mud houses from wet clay]. *Kirgizskaya stepnaya gazeta*. №23-25. [in Russian]

Terent'ev, 1872 – *Terent'ev T.A.* (1872). Turkestanskii al'bom. Po rasporyazheniyu Turkestanskogo general-gubernatora general-ad'yutanta K.P. Fon Kaufmana. Chast' istoricheskaya. 1871-1872 [Turkestan album. By order of the Turkestan Governor-General of adjutant-General K.P. Von Kaufman. Part historical. 1871-1872]. Tashkent, 70 p. [in Russian]

Turchaninov, 1914 – *Turchaninov N.V.* (1914). Goroda Aziatskoi Rossii [Cities of Asian Russia]. *Aziatskaya Rossiya*. Kn. 1. SPb., 347 p. [in Russian]

Shemelina, 2016 – *Shemelina D.S.* (2016). Osnovy evropeiskoi fortifikatsii v tipovykh proektakh ukrepleniya po sibirskim oboronitel'nykh liniyam XVIII v. [The foundations of European fortification in the types of projects in the siberian fortifications of the defensive lines of the XVIII century]. *Novye materialy po*

istorii fortifikatsii. Vypusk 2: stat'i i materialy III i IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Pamyatniki fortifikatsii: istoriya, restavratsiya, ispol'zovanie». Arkhangel'sk. pp. 84-92. [in Russian]

TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan. [Central State archive of the Republic of Kazakhstan].

К вопросу о градостроительной культуре Степного края в XVIII–XIX вв.

Гульмира Сейтбековна Саметова^{a, *}, Махсат Алпысбесұлы Алпысбес^a

^a Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан

Аннотация. В качестве исследовательской задачи в данной статье авторами была определена попытка описать историю и особенности градостроительной культуры Степного края в XVIII–XIX вв. Выявлены и исследованы особенности строительства городов-крепостей на территории современного Казахстана. В статье особое внимание уделяется характерным приемам возведения крепостных укреплений.

Авторы делают вывод о том, что XVIII и XIX вв. в истории Казахстана – это важнейший период, в течение которого образовалось подавляющее большинство ныне существующих городов и поселений. В это время возникает иная архитектурно-градостроительная культура, связанная с преемственностью и традициями русско-европейской и русско-сибирской культур. Однако, если в планировочной организации городского строительства западных и северных регионах Казахстана господствующими были приемы и формы различных стилей русской архитектуры, то строительство городов на юге страны велось на основе использования традиционных приемов и средств предыдущих периодов.

Ключевые слова: Казахстан, Степной край, градостроительная культура, градостроительство, фортификация, крепость, укрепление, бастион.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Sametova_Gulmira@mail.ru (Г.С. Саметова)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 44-52. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.44
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Guardsman of Anna Ioannovna – Artist of Elizabeth Petrovna – Researcher of Catherine II: the Life and Scientific Legacy of Friedrich Plenisner

Sergey V. Berezniatsky ^{a,*}, Igor I. Halechko ^b, Petr V. Primak ^b

^a Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Sholom Aleichem the Priamursky state University, Russian Federation

Abstract

The article discusses aspects of the biography of Friedrich Plenisner (1713–1778), which was complex, full of dramatic events and scientific discoveries, the path as a corporal in the Horse guards, was established by decree of Empress Anna Ioannovna in 1730, artist, participant of the Second Kamchatka expedition in the days of Elizabeth Petrovna, Colonel and commander of the Okhotsk-Kamchatka region in 1760–1770–s appointed by decree of Catherine II. The main stages of his participation in the process of development and learning Academy of Sciences, the Governing Senate and other state institutions in North-East Asia, collection and interpretation of historical, ethnographic, geographical materials on Chukotka, Kamchatka, Alaska, Bear and the Kuril Islands. For example the study of military and scientific career of Plenisner, which was in the shadow of his great contemporaries (M.V. Lomonosov, G.F. Miller, G.V. Steller, P.S. Pallas, I.G. Gmelin, F.I. Saimonov, S.P. Krashennikov, V.I. Bering, A.I. Chirikov), the tendencies of occurrence of Russian ethnographic science, the process of gradual transition from the accumulation of empirical facts to their interpretation, to the analysis of global historical, socio-cultural processes of the peopling of Siberia, North and Alaska, ethnocultural interactions in these areas. Collected by the expeditions of scientific materials, and Museum collections served as a powerful factor in the expansion of ethnographic, cultural and geographical horizons of the Russian and European scientists.

Keywords: The XVIIIth century, Friedrich Plenisner, North-East Asia, the history of Russia and Science.

1. Введение

XVIII столетие, справедливо названное эпохой просвещения, было периодом грандиозных географических открытий, созданием первых научных и культурных учреждений: отечественного музея – Кунсткамеры, Петербургской Академии наук и Академического университета, Московского университета и периодической печати. Российская империя активно расширяла свои границы, присоединяя огромные территории Сибири и северо-восточной Азии. Первопроходцы осуществляли колонизацию региона, создавали условия для его дальнейшего освоения и изучения. На основе методологической оппозиции «центр-периферия» отношение российской власти к окраинам можно оценивать как контроль территории и населения (Алексеев, Зубков, 2006: 18-19). Культурно развитый центр в XVIII в. извлекал из окраин не только природные ресурсы, но и источники для дальнейшего развития естественных и гуманитарных наук. Для того чтобы не отстать от мировых научных достижений, необходимо было обладать историческими и этнографическими, географическими и другими знаниями. С этой целью в XVIII в. проводились академические и сенатские морские и сухопутные экспедиции (важнейшими из них являются Камчатские 1725–1743 гг.), изучение

* Corresponding author

E-mail addresses: svberezniatsky@yandex.ru (S.V. Berezniatsky), halechko@yandex.ru (I.I. Halechko), primakos@yandex.ru (P.V. Primak)

мирового значения которых является актуальной проблемой. Многие социальные процессы того времени сходны с переломными явлениями современности, поэтому исследование опыта наших предков по освоению дальневосточного региона является актуальной задачей XXI в., когда наблюдается массовый отток населения в центральную часть России. Важной задачей является обращение к анализу деятельности исследователей «второго эшелона», которые, не принадлежа к категории выдающихся персонажей эпохи, внесли свой важный вклад в развитие науки. Именно таким представителем и был Фридрих Плениснер: прибалтийский немец, остзеец, выходец из Курляндии, родившийся в Риге в 1713 г. и умерший в Санкт-Петербурге в 1778 г.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили архивные материалы Российского государственного архива древних актов, Российского государственного военно-исторического архива, Санкт-Петербургского филиала архива академии наук, Российского государственного военно-морского архива (рукописи и рапорты Ф. Плениснера о Камчатке, Чукотке, Аляске, р. Анадыре, географические карты, письма к Г. Ф. Миллеру за 1760–1770-е гг. (РГАДА. Ф. 24. Д. 36. 4 л.; Д. 44. 3 л.; Ф. 199. Оп. 2. Портфели Миллера. Портф. 528. Ч. 1. Д. 5. Л. 1-10б., 2-20б., 3, 9, 60б.-70б., 9, 90б.; Д. 18. Л. 11-150б.; Портф. 546. Ч. 8. Д. 6. Л. 1-4; РГВИА. Кол. 414. Д. 417. Л. 1-5, 10-12; СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 139. 13 л.; Д. 137. 183 л.; РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 77. Л. 388-395; Ф. 913. Оп. 1. Д. 101. Л. 8 об.-9; Ф. 174. Оп. 1. Д. 18. Л. 306-307; Ф. 172. Оп. 1. Д. 408. Ч. 1. Л. 58-60). Важными источниками являются опубликованные документы XVIII в. (Колониальная политика, 1935; Сенатский архив 1904, 1907; Экспедиция Беринга, 1941; Русские экспедиции, 1989; и др.), данные периодической печати XVIII–XXI вв. Фридрих Плениснер обобщил этнографические, картографические и исторические сведения о северо-востоке в нескольких научных трудах (Карта Чукотского Носа, 1779; Карта Чукотской земли, 1852: 120-123; Река Анадырь, 1781: 238-244; 1852: 163-166).

В качестве методологической основы исследования были избраны принципы историзма, объективности, микроистории, исследования эпохи через биографию личности (Репина, 2001: 345, 351; 2010а: 9; 2010б: 6-7; Мининков, Кореневский, Иванеско 2005: 6), что позволило проанализировать аспекты карьеры Ф. Плениснера, выявить основные этапы развития России, Академии наук, государственных учреждений во второй половине XVIII в.

3. Обсуждение

Эпизоды военной и научной карьеры Ф. Плениснера освещены в публикациях XIX–XXI вв. (Сгибнев, № 6. 1869с: 37-46, 49, 57-58, 62; 1869д: 46-51; Русский биографический словарь, 1905: 69-70; Берг 1935: 117-118; Гнучева, 1940: 5-6; Андреев, 1948: 56-60; Косвен, 1974: 15-17, 41; Зуев, 2005: 42-44; Летопись Кунсткамеры, 2014: 709; Березницкий, 2016: 86-90; 2017а: 335-344; 2017б: 42; 2017с: 49-59). К анализу научно-организационной деятельности Плениснера, при решении своих конкретных задач, обращались отечественные и зарубежные авторы. Можно выделить несколько основных проблем, привлечших их внимание: участие Плениснера во Второй Камчатской экспедиции, судьба сделанных им зарисовок морской коровы Стеллера, аборигенов, планов российских портов и американского побережья (Алексеев, 1975: 25-27; 1987: 79-82; Стеллер, 1995: 27, 97-100, 162-163); роль Плениснера в процессе упразднения Анадырского острога, включения чукчей в российское подданство (Сгибнев, № 6. 1869б: 65-93; Алексеев 1958: 24-26, 34; Зуев, 2006а: 74-75; 2006б: 99; 2006в: 26); созданные Плениснером географические карты в процессе изучения Медвежьих островов (Визе, 1933; Берг, 1935; Зубов, Бадигин, 1953; Медушевская, 1954); степень участия Плениснера в исследовании Курил (Сгибнев, 1869а: 46; Полонский, 1871: 367-576); роль Плениснера в бунте М.А. Беневского на Камчатке (Сгибнев, 1876: 527-533, 542-544, 757, 763). Материалы Плениснера о р. Анадырь, были опубликованы П.С. Палласом на немецком языке без указания авторства (*Neue Nordische Beyträge*. 1, 1781: 238-244; Линденау, 1983: 160-167; Соколов, 1852: 163-166; Косвен, 1974: 15-17; СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 103. Л. 7-11 об.). Скорее всего, это было сделано из-за того, что Плениснер включил в текст часть материалов Я. Линденау.

Зарубежная историография в основном дублировала материалы Г.В. Стеллера, русские источники и статьи XVIII–XX вв. (Стеллер, 2011; Штеллер, 1999; *Compendio Della storia*, 1790: 45-47; *Nervis*, 1801: 261-262; *Coxe*, 1803: 27-28; *Nouvelles Annales*, 1825: 399; *Russische Entdeckungsreisen*, 1855: 212-223; *Sach und Personen-Register zu Ermans's Archiv*, 1860: 659).

Данная статья является попыткой обобщения всех доступных и разнохарактерных материалов (архивных, документальных, опубликованных) о военной службе и научной деятельности Ф. Плениснера.

4. Результаты

С 1730 г. Ф. Плениснер проходил русскую службу в разных должностях: в 1730–1735 гг. в Конной гвардии. За проступок он был осужден и сослан в Сибирь при правлении императрицы Анны Иоанновны. В 1736–1737 гг. в Якутске Плениснер познакомился с В. Берингом и по его приглашению стал участником (с 1740 по 1742 гг.) Второй Камчатской экспедиции в качестве живописца и топографа. Он занимался раскрашиванием судов, составлением географических карт Камчатки,

плана Петропавловской гавани, зарисовками аборигенов, природы и животного мира. На пакетботе Беринга «Св. Петр» Плениснер в 1741 г. посетил берега Северной Америки, во время плавания подружился с Г.В. Стеллером, который высоко отзывался о моральных качествах Плениснера (Штеллер, 1999: 332-333). В челобитной на имя Елизаветы Петровны Плениснер сообщил о своей службе в Конной гвардии, в Камчатской экспедиции, о зарисовках американских берегов, которые были отосланы А. И. Чириковым в Адмиралтейств-коллегию; Плениснер активно привлекался к «...к сочинению описи тамошним берегам и в сему пути, где надлежит быть почтам и строению гаванов и для вымеривания воды и протчего»; «...оной Плениснер в ведомстве Камчатской экспедиции исправлял положенное на него дело, а именно: шести берегов рисунками изображал, також и морских зверей и рыб рисовал исправно...» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 20. Д. 1327. Л. 604-604об., 611, 611об., 615). В августе 1742 г. Плениснера отослали из экспедиции в Большерецкую приказную избу, и он возвратился из ссылки в Санкт-Петербург. В 1740–1750-х гг. Плениснер служил в галерном флоте в войне со Швецией, в войне за австрийское наследство, в Вятском пехотном полку, в Оренбургском гарнизоне, в Якутском пехотном полку. В 1760 г. по ходатайству сибирского губернатора Ф.И. Соймонова Плениснер был назначен командиром Анадырского острога, с производством в подполковники. В 1764–1772 гг. Плениснер продолжил службу на северо-востоке в качестве полковника и главного командира Охотско-Камчатского края. С 1772 по 1774 г. Плениснер находился под следствием: его обвиняли в гибели кораблей, морских экипажей, грузов, в помощи М.А. Беневскому бежать с Камчатки. Екатерина II была крайне недовольна тем, что Плениснер нарушил свои должностные инструкции, вовремя не сообщил вышестоящим властям о готовящемся на Камчатке бунте, и за это отстранила его от должности. Чудом избежав ареста, Плениснер в 1774 г. вышел в отставку и уехал к семье в Тобольск, а в 1777 г. прибыл в Санкт-Петербург.

Вклад Плениснера в российскую науку состоит в том, что он совершал поездки по Чукотскому полуострову, организовывал сухопутные и морские экспедиции по исследованию Чукотки, Медвежьих и Курильских островов, акватории Охотского моря. По его указанию собирались ценные этнографические материалы о чукчах, эскимосах, других коренных народах Чукотки и Аляски, которые сегодня хранятся в указанных выше архивах, частично включены в труды российских и зарубежных исследователей. В сфере мифологии Плениснер собрал интереснейшие верования коренных народов северо-восточной Азии о карликах, о людях, не имеющих анусов и питающихся лишь запахом от готовящихся продуктов. Сходными с древнегреческими мифами являлись легендарные сведения о существовании острова, на котором жили только женщины, рождающиеся от морских волн. Отражением своеобразного мировоззрения и мироустройства коренных народов Чукотки и близлежащих островов являются верования о «живых островах», которые по своему желанию перемещались в океане в разные стороны горизонта на несколько километров.

Именно Плениснер дал название «Медвежьих» группе островов в Восточносибирском море напротив устья Колымы. Собранную И. Черным айнскую этнографическую коллекцию Плениснер в начале 1770-х гг. отправил в Кунсткамеру. Данные для написания своих трудов, оставления карт, Плениснер собрал во время экспедиций по р. Анадырь и р. Красная в 1763 г., по его указанию этнографические сведения собирались у чукчей. Часть сведений Плениснер позаимствовал у Н.И. Дауркина, совершившего много поездок по Чукотке, из журналов сержанта С. Андреева, исследовавшего Медвежий остров, у казаков Анадырского острога, у других информантов в беседах в Анадырской канцелярии. В своих рукописях и опубликованных работах Плениснер дал подробное описание Анадырского острога с указанием причин о его ликвидации, обобщил огромный по объему материал об освоении русскими людьми северо-восточной Азии с середины XVII по вторую половину XVIII вв., об истории, культуре, межэтнических контактах коряков, чуванцев, чукчей, юкагиров, эскимосов, якутов, о методике подготовки и проведения экспедиций на оленьих и собачьих упряжках в условиях сурового климата, о топонимике и географических объектах Чукотки и Камчатки. Рукопись Плениснера 1763 г. (РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 528. Ч. 2. Д. 4. Л. 1-36об.; Ф. 263. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 13. Д. 113. Л. 55-113; СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 137. Л. 183) была представлена сибирскому губернатору Ф.И. Соймонову, прислана в Академию наук. Главный акцент Плениснер в ней сделал на освещении сложных отношений русских центральных и местных властей, казаков, солдат, служилых и других категорий с коренными народами региона: коряками, чукчами, юкагирами. Плениснер показал, что часть из них платила ясак и была приведена в русское подданство, другая часть, названная «немирными», противилась интеграции в российское государство.

Собранные Плениснером материалы не только дополнили исторические и географические знания о далеком российском регионе XVIII в., но и показали особенности этого периода, процесс активного накопления отечественной наукой новых знаний по этнографии и истории, географии, картографии Чукотки, Камчатки, Курильских островов, северо-западного побережья Северной Америки. В 1765 г. Плениснер написал эссе об истории освоения Америки европейскими путешественниками, и о проливе между Азией и Америкой: «Замечания полковника Плениснера о том, что в древние времена Америка была соединена с Азией» (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 44. Л. 3). Эта статья Плениснера была частично опубликована в работе Н.Н. Зубова и К.С. Бадигина об истории исследования Медвежьих островов (Зубов, Бадигин, 1953: 84-85). Плениснер подчеркивал, что русские исследователи собрали гораздо больше сведений о Северной Америке, чем английские и

голландские. Здесь же он отводил большое место анализу собственных изысканий, карте северо-востока Азии. В опущенной Зубовым и Бадигиным части эссе Плениснер привел исторические сведения, связанные с открытием Америки в результате плаваний А. Веспуччи и Х. Колумба, с заселением американского континента в результате миграций людей через беринговский перешеек, заверил, что если бы поступило распоряжение российских властей, то можно было бы присоединить к России огромную часть Северной Америки, включая Калифорнию.

5. Заключение

С помощью указанных выше принципов, методов сравнительно-исторического анализа, исторической биографии, авторам удалось не только показать жизненный путь Ф. Плениснера, но через его личность, являющуюся действующим лицом истории, хотя и не играющую в ней роль творца, провести исследование эпохи. Плениснер не был человеком случайным, так как и в тени своих великих современников он занимался важными для государства и науки делами. Эволюция личности Плениснера исследовалась авторами статьи, с одной стороны, как субъект научной деятельности, с другой – как объект социокультурного влияния среды, в которой проходило его формирование, в том числе и как ученого, с учетом общей картины состояния науки XVIII в. и развития социума в тот исторический период. Таким образом, Фридрих Плениснер, пройдя длительный путь от капрала до полковника, от художника до исследователя, принял активное участие в процессе дальнейшего распространения Российской государственности в Сибири и на северо-востоке Азии, в развитии Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге, Кунсткамеры, российской науки XVIII в.

Литература

- Алексеев, 1987** – Алексеев А.И. Береговая черта. Магадан: Кн. изд-во. 1987. 240 с.
- Алексеев, 1958** – Алексеев А.И. Братья Шмалева. Исторический очерк. Магадан: Кн. изд-во. 1958. 76 с.
- Алексеев, 1975** – Алексеев А.И. Судьба Русской Америки. Магадан: Кн. изд-во. 1975. 327 с.
- Алексеев, Зубков, 2006** – Алексеев В.В., Зубков К.И. Проблема «центр-периферийных» отношений в российской истории // Восточные регионы России: стратегии и практики освоения / сб. тр. Новосибирск, 2006. С. 18-19.
- Андреев, 1948** – Андреев А.И. Русские открытия в Тихом океане в XVIII веке. Обзор источников и литературы // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / ред. А.И. Андреев. М.: ОГИЗ. 1948. С. 5-76.
- Берг, 1935** – Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725–1742. Л.: Изд-во Главсевморпути. 1935. 411 с.
- Березницкий, 2016** – Березницкий С.В. Роль Ф. Плениснера в формировании музейных коллекций Кунсткамеры в XVIII веке // Вопросы музеологии. № 2 (14). 2016. С. 86-90.
- Березницкий, 2017a** – Березницкий С.В. Исследования Фридриха Плениснера на северо-востоке России в XVIII веке (историографический аспект) // Радловский сборник / ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 335-344.
- Березницкий, 2017b** – Березницкий С.В. Этнографические и географические исследования Фридриха Плениснера на северо-востоке России во второй половине XVIII в. // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3-6 июля 2017 г. / отв. ред. А.Е. Загребин, М.Ю. Мартынова. М., Ижевск: ИЭА РАН. УИЯЛ УрО РАН. 2017. С. 42.
- Березницкий, 2017c** – Березницкий С.В. Фридрих Плениснер и его вклад в исследования этнических обществ и природы дальнего востока России в XVIII веке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 3. 2017. С. 49-59.
- Визе, 1933** – Визе В.Ю. Земля Андреева // *Arctica*. Кн. 1. Л.: Изд-во Всесоюзного Арктического института, 1933. С. 7-30.
- Гнучева, 1940** – Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов. М.-Л.: АН СССР. 1940. 312 с.
- Зубов, Бадигин, 1953** – Зубов Н.Н., Бадигин К.С. Разгадка тайны Земли Андреева. М.: Военно-морское изд-во. 1953. 120 с.
- Зуев, 2006a** – Зуев А.С. На краю земли русской: военная служба анадырских казаков (XVII–XVIII вв.) // Мир казачества. Сб. научн. тр. Вып. 1. Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2006. С. 67-78.
- Зуев, 2006b** – Зуев А.С. Оценочное восприятие русскими чукчей и коряков (вторая половина XVII–XVIII вв.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2006. № 2. С. 96-101.
- Зуев, 2005** – Зуев А.С. Ф.Х. Плениснер как исследователь Северо-востока Азии // «Aus Sibirien – 2005»: научно-информационный сб. / ред. Ярков А.П. / Материалы II международ. научно-практ. конф. «Стеллеровские чтения», посвящ. памяти выдающегося российского и немецкого ученого Г.В. Стеллера. Тюмень: Экспресс, 2005. С. 42-44.

- Зуев, 2006b** – Зуев А.С. Русско-чукотские переговоры 1778 года и принятие чукчей в подданство России // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. Т. 5. Вып. 3: Археология и этнография. 2006. С. 26-37.
- Карта Чукоцкого носа, 1779** – Карта Чукоцкого Носа, сообщенная от полковника Пленстнера // Месяцослов исторический и географический на 1780 год. СПб.: ИАН. 1779. 142 с.
- Колониальная политика, 1935** – Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сб. архивных материалов. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера. 1935. 211 с.
- Косвен, 1974** – Косвен М.О. Местная этнография Сибири в XVIII веке // *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии*. Вып. 6. ТИЭ. Т. 102. М.: Наука, 1974. С. 5-44.
- Летопись Кунсткамеры, 2014** – Летопись Кунсткамеры. 1714–1836 / авт.-сост. М.Ф. Хартанович, М.В. Хартанович / отв. ред. Н.П. Копанева, Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН. 2014. 740 с.
- Линденау, 1983** – Линденау Я.И. Географическое описание реки Анадыря // Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-востока / пер. с нем. 3. Д. Титовой. Магадан: Кн. изд-во, 1983. С. 160-167.
- Медушевская, 1954** – Медушевская О.М. Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во второй половине XVIII века // *Труды Московского гос. историко-архивного института*. Т. 7 / под ред. А. Т. Николаевой. М., 1954. С. 111-128.
- Минников и др., 2005** – Минников Н.А., Корневский А. В., Иванеско А.Е. Человек второго плана в контексте современной историографии // *Человек второго плана в истории* / сб. научн. тр. Вып. 2. Ростов-на-Дону: РГУ, 2005. С. 3-8.
- Плениснер, 1781** – Плениснер Ф. Географическое описание полковника Плениснера реки Анадыря, в ней впадших речек и ручьев // *Geographische Beschreibung des Anadyrflusses und der in selbigen einfallenden Bäche* // *Neue Nordische Beyträge*. 1, 1781. pp. 238-244.
- Плениснер, 1852** – Плениснер Ф. Карта Чукотской земли, составленная Плениснером в 1763 г. / вступит ст. А. Соколова // *Записки Гидрографического департамента Морского министерства*. СПб.: Морская типография. 1852. Т.10. С.119-123.
- Плениснер, 1825** – Плениснер Ф. Примечание о чукотской земле // *Разные известия и показания о Чукотской земле* // *Северный архив*. № 22. V. Статистика. 1. 1825. С. 164-172.
- Репина, 2010a** – Репина Л.П. Вместо предисловия // *История через личность: Историческая биография сегодня* / под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. С. 5-16.
- Репина, 2010b** – Репина Л.П. От исторической биографии к биографической истории // *В тени великих: образы и судьбы: Сб. научн. ст. Серия «Человек второго плана в истории»* / отв. ред. Л.П. Репина. СПб.: Алетейя. 2010. С. 5-18.
- Репина, 2001** – Репина Л.П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // *Сотворение Истории. Человек — Память — Текст: Цикл лекций* / ред. Е. А. Вишленкова. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 344-360.
- РГА ВМФ** – Российский государственный архив военно-морского флота.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Русские экспедиции, 1989** – Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.: Сб. документов. М.: Наука, 1989. 400 с.
- Сгибнев, 1869b, 1869c** – Сгибнев А.С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. I. 1650–1742; III. 1759–1772 // *Морской сборник*. 1869. № 4. С. 65-93; 1869. № 6. С. 36-69.
- Сгибнев, 1869a** – Сгибнев А.С. Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией в XVIII в. и в начале XIX столетия // *Морской сборник*. 1869. Т. 100. № 1. С. 37-72.
- Сгибнев, 1869d** – Сгибнев А.С. Охотский порт с 1649 по 1852 г. (Исторический очерк) // *Морской сборник*. 1869. № 11. С. 1-93.
- Сгибнев, 1876** – Сгибнев А.С. Бунт Бенъевского в Камчатке в 1771 г. Очерк по документам сибирских архивов // *Русская старина*. СПб., 1876. Т. 15. С. 526-547, 757-769.
- Сенатский архив, 1904** – Сенатский архив. Т. 11. СПб.: Сенатская типография. 1904. 506 с.
- Сенатский архив, 1907** – Сенатский архив. Т. 12. СПб.: Сенатская типография, 1907. 747 с.
- Соколов, 1852** – Соколов А.П. Река Анадырь по описям Лаптева и Плениснера, 1742 и 1763 г. // *Записки Гидрографического департамента Морского министерства*. СПб.: Морская типография. 1852. Т. 10. С. 163-166.
- Соколов, 1905** – Соколов И. Пленеснер // *Русский биографический словарь*. Т. 14. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. Плавильщиков-Примо. С. 69-70.
- СПФ АРАН** – Санкт-Петербургский филиал архива академии наук.
- Стеллер, 1995** – Стеллер Г.В. Дневник плавания с Берингом к берегам Америки 1741–1742. М.: АО издательство «ПАН». 1995. 224 с.
- Стеллер, 2011** – Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2011. 571 с.
- Штеллер, 1999** – Штеллер Г.В. Письма и документы 1740 г. М.: Памятники исторической мысли. 1999. 430 с.

[Экспедиция Беринга, 1941](#) – Экспедиция Беринга: сб. документов. М.: Главное архивное управление НКВД СССР, 1941. 418 с.

[Compendio Della storia, 1790](#) – Compendio Della storia Generale De' Viaggi continuazione dell' opera di M. de La Harpe Accademico Parigino Adorna di carte geografiche e figure avvicchita d' annotazioni. viaggi in Europa del sig. Guglielmo Coxe inglese. T. 6. Venezia, Presso Francesco, Tost a Rio - terra alla Maddalena. Con Licenza de' Superiori e Privilegio. 1790. 280 p.

[Coxe, 1803](#) – *Coxe W.* Account of the Russian discoveries between Asia and America: to which are added the conquest of Siberia, and the history of transactions and commerce between Russia and China, by Coxe William. London: Printed For Messrs. Cadell and Davies, In the Strand. 1803. 381 p.

[Hervis, 1801](#) – *Hervis L.* Catálogo De Las Lenguas De Las Naciones Conocidas Y Numeracion, Division, Y Ciases De Estas Segun La Diversidad De Sus Idiomas Y Dialectos. Su autor. El Asate Don Lorenzo Hervis. V. 2. Madrid, 1801. 480 p.

[Nouvelles Annales, 1825](#) – *Nouvelles Annales Des Voyages de La Géographie Et De L'histoire.* T. 26. Paris, Librairie De Gide Fils, 1825. 432 p.

[Russische Entdeckungsreisen, 1855](#) – *Russische Entdeckungsreisen nach dem nordöstlichen Asien und dem nordwestlichen Amerika* // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Herausgegeben von A. Erman. Vierzehnter Band. Mit fünf tafeln. Berlin: Druk und Verlag von Georg Reimer, 1855. pp. 212-223.

[Sach und Personen-Register zu Ermanss Archiv, 1860](#) – *Sach und Personen-Register zu Ermanss Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland.* Band XI bis XX // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Herausgegeben von A. Erman. Zwanzigster Band. Mit zwei Tafeln. Berlin: Druk und Verlag von Georg Reimer, 1860. p. 659.

References

[Alekseev, 1987](#) – *Alekseev A.I.* (1987). *Beregovaya cherta* [Coast streak]. Magadan: Kn. Izd-vo. 240 p. [in Russian]

[Alekseev, 1958](#) – *Alekseev A.I.* (1958). *Brat'ya Shmalevy* [Brothers Shmalevs]. *Istoricheskij ocherk.* Magadan: Kn. Izd-vo. 76 p. [in Russian]

[Alekseev, 1975](#) – *Alekseev A.I.* (1975). *Sud'ba Russkoj Ameriki* [The Fate of Russian America]. Magadan: Kn. izd-vo. 327 p. [in Russian]

[Alekseev, Zubkov, 2006](#) – *Alekseev V.V., Zubkov K.I.* (2006). Problema «centr-periferijnyh» otnoshenij v rossijskoj istorii (The problem "centre-periphery" relations in the Russian history). *Vostochnye regiony Rossii: strategii i praktiki osvoeniya* / sb. tr. Novosibirsk, pp. 18-19. [in Russian]

[Andreev, 1948](#) – *Andreev A.I.* (1948). *Russkie otkrytiya v Tihom okeane v XVIII veke* *Obzor istochnikov i literatury* [Russian discoveries in the Pacific ocean in the XVIII century. A review of sources and literature] // *Russkie otkrytiya v Tihom okeane i Severnoj Amerike v XVIII veke* / red. A.I. Andreev. M.: OGIZ. pp. 5-76. [in Russian]

[Bereznickij, 2016](#) – *Bereznickij S.V.* (2016). *Rol' F. Plenisnera v formirovanii muzejnyh kollekcij Kunstkamery v XVIII veke* [F. Pleisner Role in the formation of Museum collections of the Kunstkamera in the XVIII century]. *Voprosy muzeologii.* № 2 (14). pp. 86-90. [in Russian]

[Bereznickij, 2017a](#) – *Bereznickij S.V.* (2017). *Issledovaniya Fridriha Plenisnera na severo-vostoke Rossii v XVIII veke (istoriograficheskij aspekt)* [Study of Friedrich Pleisner in the North-East of Russia in the XVIII century (historiographic aspect)]. *Radlovskij sbornik* / red. Yu. K. Chistov. SPb.: MAE RAN, pp. 335-344. [in Russian]

[Bereznickij, 2017b](#) – *Bereznickij S.V.* (2017). *Ethnograficheskie i geograficheskie issledovaniya Fridriha Plenisnera na severo-vostoke Rossii vo vtoroj polovine XVIII v.* [Ethnographic and geographic studies of Friedrich Pleisner in northeast Russia in second half XVIII century] // XII Kongress antropologov i ehtnologov Rossii: sb. materialov. Izhevsk, 3-6 iyulya 2017 g. / otv. red. A.E. Zagrebin, M.Yu. Martynova. M., Izhevsk: IEA RAN. UIYAL UrO RAN. pp. 42. [in Russian]

[Bereznickij, 2017c](#) – *Bereznickij S.V.* (2017). *Fridrih Plenisner i ego vklad v issledovaniya ehtnicheskikh obshchestv i prirody Dal'nego Vostoka Rossii v XVIII veke* [Fridrih Pleisner and its contribution to studies of ethnic societies and the nature of the Far East of Russia in the XVIII century]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke.* № 3. pp. 49-59. [in Russian]

[Berg, 1935](#) – *Berg L.S.* (1935). *Otkrytie Kamchatki i ehkspedicii Beringa 1725-1742* [The Discovery of Kamchatka and Bering's expedition 1725-1742]. L.: Izd-vo Glavsevmorputi. 1935. 411 p. [in Russian]

[Ekspediciya Beringa, 1941](#) – *Ekspediciya Beringa: sb. Dokumentov* [Expedition of Bering: collection of papers]. M.: Glavnoe arhivnoe upravlenie NKVD SSSR, 1941. 418 p. [in Russian]

[Gnucheveva, 1940](#) – *Gnucheveva V.F.* (1940). *Materialy dlya istorii ehkspedicij Akademii Nauk v XVIII i XIX vekah.* *Hronologicheskie obzory i opisanie arhivnyh materialov* [Materials for the history of the expeditions of the Academy of Sciences in the XVIII and XIX centuries. Chronological overviews and description of archival materials]. M.-L.: AN SSSR. 312 p. [in Russian]

[Karta Chukotckogo nosa, 1779](#) – *Karta Chukotckogo Nosa, soobshchennaya ot polkovnika Plenstnera* [Map of the Chukotsky Nose, this from Colonel Pleisner]. *Mesyacoslov istoricheskij i geograficheskij na 1780 god.* SPb.: IAN. 142 p. [in Russian]

Kolonial'naya politika, 1935 – Kolonial'naya politika carizma na Kamchatke i Chukotke v XVIII veke [Colonial policy of Russia on the Kamchatka and Chukotka in the XVIII century]. Sbornik arhivnyh materialov. L.: Izd-vo Instituta narodov Severa. 1935. 211 p. [in Russian]

Kosven, 1974 – Kosven M. O. (1974). Mestnaya ehtnografiya Sibiri v XVIII veke [Local Ethnography of Siberia in the XVIII century]. *Ocherki istorii russkoj etnografii, fol'kloristiki i antropologii*. Vyp. 6. TIE. T. 102. M.: Nauka, pp. 5-44. [in Russian]

Letopis' Kunstkamery, 2014 – Letopis' Kunstkamery [The Chronicle of the Kunstkamera]. 1714–1836 / avt.-sost. M.F. Hartanovich, M.V. Hartanovich / otv. red. N.P. Kopaneva, Yu.K. Chistov. SPb.: MAE RAN. 2014. 740 p. [in Russian]

Lindenau, 1983 – Lindenau Ya.I. (1983). Geograficheskoe opisanie reki Anadyra [Geographical description of the river Anadyr] // Lindenau Ya. I. Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka): Istoriko-ehntograficheskie materialy o narodah Sibiri i Severo-vostoka / Per. s nem. Z. D. Titovoj. Magadan: Kn. izd-vo, pp. 160-167. [in Russian]

Medushevskaya, 1954 – Medushevskaya O.M. (1954). Kartograficheskie istochniki po istorii russkih geograficheskikh otkrytij na Tihom okeane vo vtoroj polovine XVIII veka [Cartographic sources for the history of Russian geographical discoveries in the Pacific ocean in second half XVIII century] // Trudy Moskovskogo gos. istoriko-arhivnogo instituta. T. 7 / pod red. A. T. Nikolaevoj. M. pp. 111-128.

Minnikov i dr., 2005 – Minnikov N.A., Korenevskij A.V., Ivanenko A.E. (2005). Chelovek vtorogo plana v kontekste sovremennoj istoriografii [Man of the second plan in the context of modern historiography]. *Chelovek vtorogo plana v istorii* / sb. nauchn. tr. Vyp. 2. Rostov-na-Donu: RGU. pp. 3-8. [in Russian]

Plenisner, 1781 – Plenisner F. (1781). Geograficheskoe opisanie polkovnika Plenisnera reki Anadyrya, v nej vpadshih rekek i ruch'ev [A Geographical description of Colonel Pleisner of the river Anadyr, it flowing into rivers and streams] / Geographische Beschreibung des Anadyrflusses und der in selbigen einfallenden Bäche. *Neue Nordische Beyträge*. 1. pp. 238-244.

Plenisner, 1852 – Plenisner F. (1852). Karta Chukotskoj zemli, sostavlennaya Plenisnerom v 1763 g. [Map of the Chukchi land, composed in 1763 Plenisner] / vstupit st. A. Sokolova. *Zapiski Gidrograficheskogo departamenta Morskogo ministerstva*. SPb.: Morskaya tipografiya. T. 10. pp. 119-123. [in Russian]

Plenisner, 1825 – Plenisner F. (1825). Primechanie o chukotskoj zemle [Note on the Chukchi land] // Raznye izvestiya i pokazaniya o Chukotskoj zemle. *Severnyj arhiv*. № 22. V. Statistika. 1. pp. 164-172. [in Russian]

Repina, 2010a – Repina L.P. (2010a). Vmesto predisloviya [Instead of an introduction]. *Istoriya cherez lichnost': Istoricheskaya biografiya segodnya* / pod red. L. P. Repinoj. 2-e izd. M.: Kvadriga. pp. 5-16. [in Russian]

Repina, 2010b – Repina L.P. (2010). Ot istoricheskoy biografii k biograficheskoj istorii [Historical biography From the biographical history] // V teni velikih: obrazy i sud'by: Sb. nauchn. st. Seriya «Chelovek vtorogo plana v istorii» / otv. red. L.P. Repina. SPb.: Aletejya. pp. 5-18. [in Russian]

Repina, 2001 – Repina L.P. (2001). Personal'nye teksty i «novaya biograficheskaya istoriya»: ot individual'nogo opyta k social'noj pamyati [Personal texts and "new biographical history": from individual experience to social memory]. *Sotvorenje Istorii. Chelovek – Pamyat' – Tekst: Cikl lekcij* / red. E.A. Vishlenkova. Kazan': Master Lajn, pp. 344-360. [in Russian]

RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov.

RGA VMF – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv voenno-morskogo flota.

RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv.

Russkie ekspedicii, 1989 – Russkie ekspedicii po izucheniyu severnoj chasti Tihogo okeana vo vtoroj polovine XVIII v. [Russian expedition to study the North Pacific ocean in second half XVIII century]: Sb. dokumentov. M.: Nauka, 1989. 400 p. [in Russian]

Sgibnev, 1876 – Sgibnev A.S. (1876). Bunt Ben'evskogo v Kamchatke v 1771 g. Ocherk po dokumentam sibirskih arhivov [Benevsky Rebellion in Kamchatka in 1771, Essay on the documents of the Siberian archives]. *Russkaya starina*. SPb. T. 15. pp. 526-547, 757-769. [in Russian]

Sgibnev, 1869b,c – Sgibnev A.S. (1869). Istoricheskij ocherk glavnejshih sobytij v Kamchatke [Historical sketch of the most important events in Kamchatka]. I. 1650–1742; III. 1759–1772. *Morskoj sbornik*. 1869b. № 4. pp. 65-93; 1869c. № 6. pp. 36-69. [in Russian]

Sgibnev, 1869g – Sgibnev A.S. (1869). Ohotskij port s 1649 po 1852 g. (Istoricheskij ocherk) [Okhotsk port from 1649 to 1852 (Historical sketch)]. *Morskoj sbornik*. № 11. Noyabr'. Neof. Chast'. pp. 1-93. [in Russian]

Sgibnev, 1869a – Sgibnev A.S. (1869). Popytki russkih k zavedeniyu torgovyh snoshenij s Yaponiej v XVIII v. i v nachale XIX stoletiya [Russian efforts to the establishment of trade relations with Japan in the XVIII century and early XIX century]. *Morskoj sbornik*. T. 100. № 1. pp. 37-72. [in Russian]

Senatskij arhiv, 1904 – Senatskij arhiv [Senate files]. T. 11. SPb.: Senatskaya tipografiya. 506 p. [in Russian]

Senatskij arhiv, 1907 – Senatskij arhiv [Senate files]. T. 12. SPb.: Senatskaya tipografiya. 747 p. [in Russian]

- Sokolov, 1852** – Sokolov A.P. (1852). Reka Anadyr' po opisyam Lapteva i Plenisnera, 1742 i 1763 g. [Anadyr River on the inventory administered Laptev and Pleisner, 1742 and 1763]. *Zapiski Gidrograficheskogo departamenta Morskogo ministerstva*. SPb.: Morskaya tipografiya. T.10. pp. 163-166. [in Russian]
- Sokolov, 1905** – Sokolov I. (1905). Plenesner [Plenesner]. *Russkij biograficheskij slovar'*. T. 14. SPb: Tip. I. N. Skorohodova. Plavil'shchikov-Primo. pp. 69-70. [in Russian]
- SPF ARAN** – Sankt-Peterburgskij filial arhiva akademii nauk.
- Steller, 1995** – Steller G.V. (1995). Dnevnik plavaniya s Beringom k beregam Ameriki 1741–1742 [The Journal of a voyage with Bering to the shores of America 1741–1742]. M.: AO izdatel'stvo «PAN». 224 p. [in Russian]
- Steller, 2011** – Steller G.V. (2011). Opisanie zemli Kamchatki [The Description of Kamchatka]. Petropavlovsk-Kamchatskij: Novaya kniga. 571 p. [in Russian]
- Shteller, 1999** – Shteller G.V. (1999). Pis'ma i dokumenty 1740 [Of the Letters and Documents 1740]. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 430 p. [in Russian]
- Vize, 1933** – Vize V.Yu. (1933). Zemlya Andreeva [Earth Andreev's]. *Arctica*. Kn. 1. L.: Izd-vo Vsesoyuznogo Arkticheskogo instituta. pp. 7-30. [in Russian]
- Zubov, Badigin, 1953** – Zubov N.N., Badigin K.S. (1953). Razgadka tajny Zemli Andreeva [Solving the mystery of the Earth Andreev]. M.: Voennno-morskoe izd-vo. 120 p. [in Russian]
- Zuev, 2005** – Zuev A.S. (2005). F.H. Plenisner kak issledovatel' Severo-vostoka Azii [F. H. Plenisner as a researcher of the North-East Asia] //«Aus Sibirien – 2005»: nauchno-informacionnyj sb. / red. Yarkov A.P. / Materialy II mezhdunarod. nauchno-prakt. konf. «Stellerovskie chteniya», posvyashchennoj pamyati vydayushchegosya rossijskogo i nemeckogo uchenogo G.V. Stellera. Tyumen': Ekspres. pp. 42-44. [in Russian]
- Zuev, 2006a** – Zuev A.S. (2006). Na krayu zemli russkoj: voennaya sluzhba anadyrskih kazakov (XVII–XVIII vv.) [On the edge of the Russian land: the military service of the Anadyr Cossacks (XVII–XVIII centuries)]. / Mir kazachestva. Sb. nauchn. tr. Vyp. 1. Krasnodar: OOO RIC «Mir Kubani». pp. 67-78. [in Russian]
- Zuev, 2006b** – Zuev A.S. (2006). Ocenochnoe vospriyatie russkimi chukchej i koryakov (vtoraya polovina XVII–XVIII v.) [Assessment Russian perception of the Chukchi and Koryak (second half of XVII–XVIII century)]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij*. № 2. pp. 96-101. [in Russian]
- Zuev, 2006c** – Zuev A.S. (2006). Russko-chukotskie peregovory 1778 goda i prinyatie chukchej v poddanstvo Rossii [Chukchi-Russian negotiations of 1778 and Chukchi acceptance in citizenship of Russia]. *Vestnik NGU*. Seriya: Istoriya, filologiya. T. 5. Vyp. 3: Arheologiya i etnografiya. pp. 26-37. [in Russian]
- Compendio Della storia, 1790** – Compendio Della storia Generale De' Viaggi continuazione dell' opera di M. de La Harpe Accademico Parigino Adorna di carte geografiche e figure avvicchita d' annotazioni. viaggi in Europa del sig. Guglielmo Coxe inglese. T. 6. Venezia, Presso Francesco, Tost a Rio - terra alla Maddalena. Con Licenza de' Superiori e Privilegio. 1790. 280 p.
- Coxe, 1803** – Coxe W. (1803). Account of the Russian discoveries between Asia and America: to which are added the conquest of Siberia, and the history of transactions and commerce between Russia and China, by Coxe William. London: Printed For Messrs. Cadell and Davies, In the Strand. 381 p.
- Hervis, 1801** – Hervis L. (1801). Catálogo De Las Lenguas De Las Naciones Conocidas Y Numeracion, Division, Y Ciases De Estas Segun La Diversidad De Sus Idiomas Y Dialectos. Su autor. El Asate Don Lorenzo Hervis. V. 2. Madrid. 480 p.
- Nouvelles Annales, 1825** – Nouvelles Annales Des Voyages de La Géographie Et De L'histoire. T. 26. Paris, Librairie De Gide Fils, 1825. 432 p.
- Russische Entdeckungsreisen, 1855** – Russische Entdeckungsreisen nach dem nordöstlichen Asien und dem nordwestlichen Amerika / Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Herausgegeben von A. Erman. Vierzehnter Band. Mit fünf tafeln. Berlin: Druk und Verlag von Georg Reimer, 1855. pp. 212-223.
- Sach und Personen-Register zu Ermans's Archiv, 1860** – Sach und Personen-Register zu Ermans's Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Band XI bis XX / Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Herausgegeben von A. Erman. Zwanzigster Band. Mit zwei Tafeln. Berlin: Druk und Verlag von Georg Reimer, 1860. p. 659.

**Гвардеец Анны Иоанновны – художник Елизаветы Петровны – исследователь
Екатерины II: жизненный путь и научное наследие Фридриха Плениснера**

Сергей Васильевич Березницкий ^{a,*}, Игорь Иванович Галечко ^b, Петр Викторович Примак ^b

^a Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Российская Федерация

^b Приамурский государственный университет имени Шолом Алейхема, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты биографии Фридриха Плениснера (1713–1778), который прошел сложный, полный драматических событий и научных открытий путь в качестве капрала Конной гвардии, созданной по указу императрицы Анны Иоанновны в 1730 г., художника, участника Второй Камчатской экспедиции во времена Елизаветы Петровны, полковника и командира Охотско-Камчатского края в 1760–1770-х гг., назначенного указом Екатерины II. Показаны основные этапы его участия в процессе освоения и изучения Академией наук, Правительствующим Сенатом и другими государственными учреждениями северо-восточной Азии, сбора и осмысления исторических, этнографических, географических материалов о Чукотке, Камчатке, Аляске, Медвежьих и Курильских островах. На примере изучения военной и научной карьеры Плениснера, который находился в тени своих великих современников (М.В. Ломоносова, Г.Ф. Миллера, Г.В. Стеллера, П.С. Палласа, И.Г. Гмелина, Ф.И. Соймонова, С.П. Крашенинникова, В.Й. Беринга, А.И. Чирикова), выявлены тенденции возникновения отечественной этнографической науки, процесс постепенного перехода от накопления эмпирических фактов к их осмыслению, к анализу глобальных исторических, социокультурных процессов заселения человеком Сибири, Севера и Аляски, этнокультурных взаимодействий на этих территориях. Собранные экспедициями научные материалы и музейные коллекции послужили мощным фактором расширения этнографического, культурного и географического кругозора российских и европейских ученых.

Ключевые слова: XVIII век, Фридрих Плениснер, северо-восточная Азия, история России и науки.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: svbereznitsky@yandex.ru (С.В. Березницкий),
halechko@yandex.ru (И.И. Галечко), primakos@yandex.ru (П.В. Примак)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 53-59. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.53
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Concerning the Iranian Influence on the Georgian Military Organization (According to the example of «Morighe Lashkari» or «Morighe» – second half of XVIII c.)

Nugzar Ter-Oganov^{a, b, *}

^a Tel Aviv University Center for Iranian Studies, Israel

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

Abstract

During centuries, especially in the period of functioning of the Great Iranian Empires, in all spheres of military and political, as well as in the field of economic and cultural life of Georgia was visible a significant Iranian influence. The best evidence of that are the Persian linguistic borrowings in the Georgian military vocabulary. Among such borrowings we could also reckon the name of the Georgian standing army, so called "Morighe Lashkari".

Having analyzed the historical sources we came to the conclusion that there is not only a close etymological relationship between the Georgian "Morighe Lashkari" or shortly "Morighe", organized by the King Teimuraz II in Kartli in the 50-s of XVIII c. and the Iranian standing army, so called "Hamasha-Keshikchi" or "Keshikchi" of Nader Shah Afshar founded by him yet in 40-s of XVIII c. It should be stressed that both of these military terms mean "on duty".

The similarity of the military functions, carried out by the military corps of "Morighe" and "Keshikchi", the existence of close chronological frames of their foundation, wide using of the Iranian military ranks in the "Morighe", the introduction of the peasants into the practice the military service at first in the Iranian army and later in the Georgian one, as well as the system of punishment for desertion etc, are testifying to the direct influence of the Iranian military Institution of "Hamasha-Keshikchi" on the Georgian army of Erekle II "Morighe Lashkari".

Keywords: Iranian influence, Iran, Georgia, "Morighe Lashkari", "Morighe".

1. Введение

Грузия, а точнее восточная Грузия, из-за географического, экономического, а также военно-политических факторов часто оказывалась под влиянием соседнего Ирана. Особенно усиливалось оно в периоды функционирования могущественных империй на территории Ирана. Следует заметить, что иранское влияние, охватившее фактически все сферы жизни восточной Грузии, в средние века с особой силой проявилось именно в период господства династии Сефевидов (1500–1722 гг.).

2. Материалы и методы

Мы не намерены заниматься ретроспективным анализом этих факторов, поскольку данный вопрос весьма многогранен и выходит далеко за рамки нашего исследования. Здесь мы довольствуемся лишь констатацией того известного факта, что на протяжении веков в грузинском военном словаре прочно обосновалось множество военных терминов, а также лексика, обозначающая разные виды оружия и снаряжения персидского происхождения. В качестве примера, полагаем, вполне достаточно назвать такие широко распространенные в грузинском языке слова, как *лашкари* – войско (перс. لشکر – *лашкар*), *спанети* – военачальник, командир корпуса (перс. سپاهبد – *сепāхбод*), *сардали* – командующий войском (перс. سردار – *сардār*), *джавшани* – броня (перс. جوشن – *джоушан*),

* Corresponding author

E-mail addresses: nteroganov@yahoo.com (N. Ter-Oganov)

бурджи – башня (перс.: برج – *бордж*), *топи* – пушка (перс.: توپ – *туп*), *кондахи* – приклад ружья или лафет пушки (перс.: قنداق – *кандак*), *комбара* – граната, пушечное ядро (перс.: خمبارہ – *комбара*), *ханджали* – кинжал (خنجر – *ханджар*), *топхана* – арсенал (توپخانه – *топхана*), *джабахана* – арсенал (جبهخانه – *джабахана*) и многие другие.

3. Обсуждение и результаты

Как известно, в силу турецко-иранских мирных договоров, заключенных в Амасье (1555 г.), Стамбуле (1612 г.) и Серабе (1618 г.), был юридически оформлен раздел Грузии, согласно которым западная Грузия отошла к Турции, а восточная – к Ирану.

С этого времени восточная Грузия, или Горджестан, как традиционно называли иранцы Грузию, стала неотъемлемой частью иранской империи Сефевидов. Введение института *вали*, т.е. наместничества, в период господства Сефевидов в восточной Грузии, и как следствие, появление двуязычных персидско-грузинских документов, стало выражением политической зависимости грузинских царств Картли и Кахети от Ирана. Хотя, согласно грузинской исторической науке, наместничество грузинских царей существенно отличалось от наместничества правителей важнейших провинций Ирана (*История Грузии, 1958: 299*), тем не менее, получение титула *вали* теми или иными представителями грузинской царской династии были обусловлены верностью шаху и вероотступничеством или принятием ими магометанства. Как известно, основной обязанностью *вали* было оказание военной помощи своему сюзерену, сбор и отправка подарков "пишкеша" на шахский двор и т.д. (*Кущия, 1999: 82*) В виде примечания следует добавить, что грузинские *вали* нередко участвовали со своим войском в составе шахских войск в разных военных походах. В этой связи достаточно упомянуть о Гиорги XI и его племяннике Кайхосро, которые погибли во время сражения с афганцами (1709, 1711 гг.).

Как известно, благодаря длительной и изнурительной борьбе грузинского народа против сефевидских шахов, а позднее против Надир-шаха Афшара (1736–1747 гг.), восточная Грузия не стала рядовой провинцией кизылбашского государства и уцелела от полного уничтожения. В результате, в восточно-грузинских царствах были сохранены традиционные социально-экономической строй и формы грузинского землевладения. Тем не менее, по причине долгого политического доминирования Ирана над восточной Грузией имела место некоторая внешняя "иранизация" административного аппарата (грузинские административные должности были заменены аналогичными иранскими придворными должностями. Например, грузинский *мсахуртухуцеси* был заменен на иранский "корчибаши" – قرچی باشی, *мсаджултухуцеси* на "мдиванбеги" – دیوان بیگی, зодчий *хуротмодзвари* на "сарайдари" – سرایدار и т.д.) (*Сакартвелос история: 292*). В грузинском феодальном войске также стали распространяться новые иранские воинские звания.

Еще не вполне оправившись от ран, причененных господством османов и кизылбашей, Картли и Кахети стали подвергаться опустошительным, грабительским набегам горских племен Дагестана, которые вошли в историю Грузии под собирательным названием "*лекианоба*" (т.е. нашествие лезгин).

Следует заметить, что нашествия этих племен Дагестана беспокоило не только восточногрузинские царства, но и метрополию – Иран. По этой причине, для обеспечения безопасности северной границы своей империи и предотвращения набегов лезгин Надир-шах Афшар в период 1741–1743 гг. не раз устраивал военные походы в Дагестан. Однако, несмотря на огромные материальные издержки на организацию этих походов Надир-шах не смог добиться желаемой цели (*Арунова, Ашрафян, 1958: 159*). Позднее, после его убийства распад созданной им империи, с одной стороны создала перспективу полной политической независимости для Картли и Кахети от Ирана, но с другой стороны открыла дорогу горцам Дагестана, находившимся в тесном союзе с османами, в восточную Грузию.

Следует полагать, что возведение в 1744 г. Надир-шахом на царский престол в Картли Теймураза II, а в Кахети его сына Ираклия II (Эрекле) имела также своей целью совместную борьбу против горцев Кавказа. Не было случайностью, что в том же 1744 г. Теймураз II восстановил в Картли прежнее грузинское административно-территориальное деление на *садрошо*. Отныне каждое *садрошо* должно было находиться под командованием военачальника – *сардали*. Причем в обязанность *сардали* входило не только командование войском, но и внесение налоговых поступлений в государственную казну (*Климиашвили, 1964: 122*). Таким образом, грузинский *сардали* совмещал военные обязанности с фискальными. В этой связи следует напомнить, что аналогичная практика существовала и в Сефевидском Иране, где правитель провинции бегларбеги (перс.: بیگلربیگی – *бигларбиги*) был в то же время сардаром (перс.: سردار – *сардар*), то есть командующим ее вооруженных сил. Необходимо заметить, что упорядочение военно-административного аппарата в восточной Грузии ставило перед собой, прежде всего, задачу борьбы с набегам лезгин, для чего было решено овладеть гнездом лезгин в Чар-Белакани, однако, как известно, эта попытка окончилась поражением грузинской стороны. Созданный под начальством Аджичалаби мусульманская коалиция восточного Закавказья в 1751 г. нанесла поражение объединенному войску Ираклия и Теймураза и тем самым свела на нет попытку по захвату Чар-Белакани. В результате, развязав себе руки, лезгины еще более усилили свои набеги на Картли и Кахети.

Между тем, в исследуемом периоде в восточной Грузии продолжало функционировать созданное еще во времена владычества сефевидов-кизылбашей местное наемное войско *нокари* (перс.: نوكر). Его содержание лежало на плечах самого населения (жалованье) и, частично, государства (фураж, провиант). Как свидетельствуют грузинские исторические документы, после падения династии Сефевидов некоторое время правители Картли и Кахети еще некоторое время продолжали использовать эту вооруженную силу в борьбе против лезгин (Климиашвили, 1966: 6). Так, например, согласно Сехнии Чхеидзе, Надир-шах в 1736 году повелел Картли выставить *нокари*. "В этот же хороникон, – пишет С. Чхеидзе, – наложил на Картли три тысячи триста туманов дани и обязал поставить пятьсот вооруженных и конных *нокари* со своими семьями в городе (автор хроники подразумевает Тифлис – Н.К. Тер-Оганов)" (Чхеидзе, 1854: 340; Климиашвили, 1963: 184). Этот краткий пассаж из грузинской хроники является свидетельством того, что выставить *нокари* было одним из военных обязательств восточногрузинских царей перед иранским шахом.

Поскольку в 50-х годах XVIII в. набеги лезгин, по замечанию акад. Н. Бердзенишвили, "приняли особенно свирепый характер" (Бердзенишвили и др., 1948: 380), со временем для правителей восточной Грузии стало ясно, что *нокари* не справляется с поставленной перед ним задачей, почему и встал вопрос о необходимости формирования постоянного войска, способного бороться с опустошительными набегами лезгин.

Согласно современной грузинской историографии, подобное постоянное войско или *мориге лашкари/мориге джари* (дословно с грузинского: чередовое, сторожевое войско) или просто *мориге* было создано уже в 50-х годах XVIII в. Так, по замечанию грузинского исследователя Ак.Климиашвили, который специально изучил связанные с *мориге* исторические документы, это войско в 50-х годах XVIII было введено только в картлийском царстве, а в Кахети оно появляется после 1762 г., то есть только после смерти Теймураза II и объединения Картли и Кахети в одно царство под управлением Ираклия II (Климиашвили, 1963: 191). Следует заметить, что после создания *мориге лашкари нокари* постепенно уступает ему место (Климиашвили, 1966: 6).

Как следует из грузинских исторических документов того периода, служба в новообразованном *мориге* не пользовалась поддержкой со стороны населения. Настолько отрицательным было отношение населения к этому войску, конечно, по причине наложенных на него тяжелых обязанностей, что в восточной Грузии царю Ираклию пришлось дважды заново формировать его: в 1774 г. и в 1791 г. (Климиашвили, 1963: 191). Очевидно, что разработанный позднее в 1774 г. Ираклием II устав этого войска преследовал своей целью, прежде всего, его укрепление. Еще раньше, в 1766 г. для предотвращения случаев дезертирства из *мориге лашкари* Ираклий установил порядок наказания (Климиашвили, 1963: 191). Как видно, физическая расправа (порка) крестьян не оказалась достаточной для борьбы с дезертирством и в 1776 г. он добавил к ней еще и выплату денежного штрафа (Климиашвили, 1966: 11).

Следует заметить, что призыв в *мориге лашкари* производился по заранее составленным спискам. Как свидетельствуют грузинские документальные источники того времени, уже с 1775 г. для каждого *садрошо* были составлены списки призывников, в которых были отмечены фамилии тех феодалов, которым было поручено выставить определенное количество вооруженных людей. До 1774 г. на основании призыва в *мориге* Картли и Кахети ежемесячно служило 1500–2000 конных и пеших воинов. Это означает, что каждый "садрошо" должно было выставить в среднем по 200–250 воинов. Согласно устава, лица, призванные на службу в *мориге*, должны были явиться в заранее обусловленный пункт сбора со своим вооружением и снаряжением, а также с продовольственным пайком на один месяц (Климиашвили, 1966: 8, 10). В начале срок призыва составлял два месяца, однако позднее он был сокращен до одного месяца.

С целью упорядочения системы призыва в армию, по приказу Ираклия II, в 1773 г. была проведена всеобщая перепись населения Картли и Кахети по отдельным *садрошо* и княжествам. На основании описи населения были составлены свежие списки новобранцев по каждой деревне, после чего Ираклий собрал совет (дарбази), который и выработал устав *мориге лашкари*. Как выясняется, списки призывников составлялись в марте месяце. Кстати, для сравнения: и в Иране списки призывников составлялись весной. Местом сбора *мориге*, как обычно, служил Тбилиси (Климиашвили, 1966: 10).

Как уже отметили выше, в последний раз власти были вынуждены ввести *мориге* в 1791 г. "Это то время, когда Картли и Кахети находились в упадке и почти весь мир, – согласно акад. Н. Бердзенишвили, – стал враждовать со слабой страной, а внешние враги соединились с внутренними врагами, реакционными князьями" (Бердзенишвили, 1965: 243). В те времена *мориге* настолько пришло в упадок, что его существование стояло под большим вопросом. Так, например, как это видно из составленного Ираклием II документа, датированного 1790 г., дело дошло до того, что командиры отрядов минбаши и юзбаши *мориге* остались без войска! Находившийся на пути к полному развалу, *мориге* просуществовал вплоть до упразднения царств Картли и Кахети, то есть до инкорпорации Россией Грузии в 1801 г. (Климиашвили, 1966: 17)

После всего вышесказанного естественно возникает следующий вопрос: а был ли *мориге* по своей структуре, функциям, порядку призыва новобранцев и наказания провинившихся, вооружению, а также системе материального обеспечения новизной в грузинской военной истории

или нет? Был ли он плодом развития грузинского феодального общества или же вынужденным шагом, предпринятым для преодоления тяжелого военно-политического положения? Следует заметить, что в современной грузинской историографии еще не рассматривался данный вопрос именно под таким углом. Что касается утверждения грузинского исследователя Ак. Климиашвили о *мориге лашкари*, как о новом типе постоянного войска, следует заметить, что оно нуждается в серьезной коррекции. Дело в том, что проведя сравнительный анализ грузинского института *мориге* с его иранским аналогом постоянного войска *кешикчи*, мы пришли к совершенно другому выводу.

Принимая во внимание тот факт, что до 1747 г., то есть до убийства Надир-шаха Афшара, царь Картли или *вали* Горджистана считался подвластным правителем и исполнял определенные военные обязательства, в соответствии с которыми он выставлял определенное количество вооруженных людей и нередко вместе с ними принимал личное участие в походах иранского шаха, следовательно, грузинские военачальники должны были быть хорошо знакомы с внутренним устройством иранского войска, и наверняка они знали, что происходило в Иране в военной сфере.

Исходя из вышеизложенного, вполне естественно утверждать, что как Теймураз II, так и Ираклий II были хорошо осведомлены о военных мероприятиях и нововведениях Надир-шаха. Без сомнения, они знали об организации им постоянного, сторожевого или чередового войска, чьи войны, согласно сообщениям персидских историографов, были известны под названием *хамаша-кешикчи* (همیشه کشیکچی) или просто *кешикчи* (کشیکچی). Как известно, слово "кешикчи" переводится дословно как дежурный, стражник. Кстати, неслучайно, что грузинский "мориге" имеет такое же значение! Таким образом, налицо явная этимологическая связь между иранским *кешикчи* и грузинским *мориге*, на которую никто из грузинских исследователей еще не обратил свое внимание. Нет сомнения в том, что раскрытие этой этимологической связи может стать ключом к разгадке феномена грузинского *мориге*.

Но для того, чтобы выяснить, не является ли это сходство случайным или оно закономерно, следует прибегнуть к сравнительному анализу исторического материала. Для этого необходимо обратиться к тем исследованиям эпохи Надир-шаха Афшара, в которых дается характеристика новообразованного сторожевого войска *хамаша-кешикчи*. По сообщению англичанина Ханвея, в отряде *хамаша-кешикчи* служили 4 тыс. воинов. По данным армянского летописца Авраама Кретаца, их численность составляла 6 тысяч (Арунова, Ашрафян, 1958: 132). Следует заметить, что и позднее, после развала империи Надир-шаха, согласно европейским авторам, на службе у первых каджарских правителей было постоянное войско *кешикчи*, сформированное из мазандаранских стрелков-тофанчиев, охранявших покой каджарских шахов, которое насчитывало в своих рядах 12–14 тыс. человек (Бларамберг, 1853: 83). Английский дипломат и писатель Джеймс Мориер об этом войске пишет следующее: "Они делятся на отряды по три тысячи человек и поочередно дежурят в шахском дворце, арке. Их называют гвардейцами или кешикчи" (Morier, 1818: 242).

Как мы уже отметили выше, совершенно очевидно наличие этимологической связи между *мориге* и *кешикчи*, однако этим эта связь не исчерпывается. Если мы сравним структуру *мориге*, его функции, воинские звания, а также порядок призыва в войско и многое другое, то обнаружим удивительное сходство войском *мориге* и иранским *кешикчи*.

По своему назначению или военной функции *мориге*, как и его предшественник *кешикчи*, был сторожевым войском, чьей главной обязанностью была защита крепостей и царского дворца. Следует заметить, что войны *мориге*, как и иранские *кешикчи*, находились на содержании государства.

Призыв в *мориге*, как известно, производился по спискам, составляемым писарями – *лашкарневисами*. Знаменательно, что грузинский *лашкарневиси* выполнял те же функции, что и его коллега иранский *лашкарневис* (перс.: لشکرنویس – войсковой писарь). Здесь следует упомянуть о том, что военным ведомством в Иране, исполнявшим фактически роль военной канцелярии, до 1806 г. управлял *лашкарневис-баши* (لشکرنویس باشی), т.е. главный войсковой писарь (Тер-Оганов, 1984: 53). В каждой провинции Ирана был свой *лашкарневис*, в обязанности которого входили учет, а также призыв новобранцев, организация смотра войска, назначение войнам жалованья, пенсии и продовольственного пайка (Тер-Оганов, 1984: 53).

Кстати, в грузинском *мориге* соблюдалась такая же субординация, как в иранском войске: во главе войска стоял *сардали* (сравни с персидским *сардар*) – командующий, за ним шел *минбаши* (одноименное воинское звание в иранском войске) – начальник одной тысячи, далее *хутасистави* (в иранском варианте – *пунсадбаши*) – начальник пятисот, *узбаши* (тюркское название командира сотни – *юзбаши*) глава сотни, *дахбаши* (персидско-тюркское название главаря десяти) – командир десяти.

Следует заметить, что все воинские звания в *мориге* – *сардали* (سردار), *саркардари/саркардра/саркарда* (سرکرده), *минбаши* (مینباش), *пунсадбаши-хутасистави* (پانصدباش), *юзбаши* (یوزباش), *панджабаши* (پنجاهباش) и *дахбаши* (دهباش) – все без исключения были иранского происхождения (Тер-Оганов, 1984: 41–45), и их существование, а также аналогичный порядок субординации в иранском войске, подтверждается персидскими и европейскими документальными и нарративными источниками второй половины XVIII и первой половины XIX вв. (АКАК, 1866: 194). Кроме того, налицо влияние иранской военной традиции на порядок составления списков призывников и организации смотра войска. В связи с этим наше внимание привлечет один, с первого

взгляда малозначительная деталь, а именно время составления списков *мориге*. Как известно, составление списков призывников в *мориге*, как обычно, начинался в марте месяце. Возникает вопрос, а почему именно в марте? По нашему мнению, это было связано с иранским новым годом. В Иране, в исследуемом периоде во время празднования Ноуруза, как правило, разным вождям племен отправляли гонцов с тем, чтобы сообщить им место и время сбора войска (Тер-Оганов, 1984: 46-47). Здесь же следует добавить, что смотр войск или по-персидски "сан дидан" (سان دیدن) производился иногда и до наступления Ноуруза, то есть до 21 марта (АКАК, 1868: 159). По сообщению грузинского царевича Теймураза Багратиони, который очень интересно описал церемонию смотра иранского войска, в Иране он производился в начале марта (Багратиони, 1972: 199).

Неявка или дезертирство из *мориге* предусматривали порядок физического наказания и денежного штрафа провинившихся. Тем не менее, нарушитель порядка нередко подвергался и более суровым наказаниям. Так, например, в одном из приказов Ираклия II читаем: "Эти мориге [здесь речь идет о стражниках – Н.К. Тер-Оганов], которые были переданы этим вождям, не должны быть пожилыми, инвалидами или больными. Новобранец должен быть здоровым. Тот помещик и чиновник, который не выводит таких людей, то тот помещик и чиновник, и та деревня предает бога и веру, потом нас и страну, и тот человек заслуживает смерти и так и воздастся ему..." (Климиашвили, 1963: 197). В этой связи необходимо заметить, что уклонение от службы в войске и случаи дезертирства также имели место и войске Надир-шаха Афшара. Особенно росло число подобных нарушений во время тяжелых и неудачных походов. Между прочим, в 1743 г. Надир-шах, обеспокоенный невиданным ростом дезертирства, издал специальный указ, который предусматривал опись дома и имущества дезертира, и кроме того обязывал семью провинившегося уплатить денежный штраф. В том случае, если семья дезертира не могла уплатить денежный штраф, то продавали его жену и детей, а поступившую от продажи сумму вносили в государственную казну (АВПРИ. Фонд "Сношения России с Персией", 1743 г. Д. 4. Л. 248).

В иранской, и следует полагать, что и в грузинской действительности, на практике в подчинении того или иного командира, как обычно, находилось значительно меньше людей, чем было заявлено ранее. Так, например, по заявлению Ниебура, оказывается было совершенно возможным, чтобы под начальством пяти-сотника-*пунсадбаши* находилось всего 50 солдат (ارتش ایران (پرویز رجبی در دوره زندگی - مجله بررسی های تاریخی, سال ششم, شماره ۳, تهران, ۱۳۵۰, ص ۰۴).

Согласно утверждению грузинского исследователя Ак. Климиашвили, то, что отличает *мориге* от традиционного, феодального войска и придает ему вид постоянного войска, представляет его структура, которая не была основана на помещичьей системе, феодальной иерархии. По его замечанию, здесь крепостные крестьяне, как и все представители феодального общества, представляют собой военнообязанных. Но к сведению автора А.Климиашвили следует заметить, что аналогичное явление еще ранее имело место в Иране в период правления Надир-шаха. Именно при нем, в системе комплектования войска произошло существенное изменение, которое подразумевало призыв на военную службу иранских райятов или крестьян (Арунова, Ашрафян, 1958: 130). Следовательно, нет сомнения в том, что при комплектовании войска мориге Ираклий II использовал военный опыт Надир-шаха Афшара.

4. Заключение

Подытоживая вышеизложенное, можно с уверенностью отметить, что сравнение военных функций, наличие тесных хронологических рамок формирования войска *кешикчи* и *мориге* (как мы убедились выше, грузинское *мориге лашкари* было организовано по примеру иранского *кешикчи*), распространение в грузинском *мориге* персидских военных званий, массовый призыв на военную службу крестьян сперва в Иране, а затем в Картли и Кахети, порядки составления списков призывников и их призыв на службу, а также порядок наказания дезертиров, дает основание утверждать, что мориге лашкари было создано по образцу сторожевого войска *кешикчи* Надир-шаха Афшара.

Литература

- АКАК, 1866 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, под редакцией Ад. Берже, т. 1, Тифлис, 1866.
- АКАК, 1868 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, под редакцией Ад. Берже, т. 2, Тифлис, 1868.
- Арунова, Ашрафян, 1958 – Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. Очерки общественных отношений в Иране 30–40-х годов XVIII века. М., 1958.
- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
- Багратиони, 1972 – Багратиони Т. Персидские дневники или кровью написанные мысли. / в кн.: Г. Шарадзе. Теймураз Багратиони. Жизнь. Тбилиси, 1972.
- Бердзенишвили, 1965 – Бердзенишвили Н. Вопросы истории Грузии. II, Тбилиси, 1965.
- Бердзенишвили и др., 1948 – Бердзенишвили Н., Джавахишвили И., Джанашия С. История Грузии, Часть I. С древнейших времен до начала XIX в. / Под ред. С. Джанашия. Тбилиси, 1948.

- Бларамберг, 1853** – *Бларамберг И.Ф.* Статистическое обозрение Персии, составленное в 1841 г. // *Записки Императорского русского географического общества*, кн.VII, СПб., 1853.
- История Грузии, 1958** – История Грузии. Том 1, Тбилиси, 1958.
- Климиашвили, 1963** – *Климиашвили А.* К вопросу о мориге лашкари в восточной Грузии во второй половине XVIII в. // *Вестник Института рукописей Академии Наук Грузинской ССР*. V, Тбилиси, 1963.
- Климиашвили, 1964** – *Климиашвили А.* Несколько исторических документов XIV–XV вв. Тбилиси, 1964.
- Климиашвили, 1966** – *Климиашвили А.* Материалы для истории военной организации Восточной Грузии второй половины XVIII века ("Чередовое войско"). Автореферат кандидатской диссертации, Тбилиси, 1966.
- Куция, 1999** – *Куция К.* Вали Горджестана. Ближний Восток и Грузия. Сборник статей. II, Тбилиси, 1999.
- Тер-Оганов, 1984** – *Тер-Оганов Н.К.* Создание и развитие иранской регулярной армии и деятельность иностранных военных миссий в Иране в XIX веке. Кандидатская диссертация. Тбилиси, 1984.
- Чхеидзе, 1854** – *Чхеидзе С.* Жизнь Грузии. Жизнь Картли. Книга II. Под редакцией Д. Чубинашвили. Петербург, 1854.
- Morier, 1818** – *Morier J.A.* Journey through Persia, Armenia, and Asia Minor to Constantinople, between the Years 1810 and 1816. L., 1818.

References

- АКАК, 1866** – Akty, sobrannye Kavkazskoi arkhograficheskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian archeographic commission]. pod redaktsiei Ad. Berzhe, t. 1, Tiflis, 1866.
- АКАК, 1868** – Akty, sobrannye Kavkazskoi arkhograficheskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian archeographic commission]. pod redaktsiei Ad. Berzhe, t. 2, Tiflis, 1868.
- Arunova, Ashrafyan, 1958** – *Arunova M.R., Ashrafyan K.Z.* (1958). Gosudarstvo Nadir-shakha Afshara. Ocherki obshchestvennykh otnoshenii v Irane 30–40-kh godov XVIII veka [State of Nadir Shah Afshar. Essays on public relations in Iran of 30-40-ies of the XVIII century]. M.
- AVPRI** – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of foreign policy of the Russian Empire].
- Bagrationi, 1972** – *Bagrationi T.* (1972). Persidskie dnevniki ili krov'yu napisannye mysli [Persian diaries or blood-written thoughts]. / v kn.: G. Sharadze. Teimuraz Bagrationi. Zhizn'. Tbilisi.
- Berdzenishvili, 1965** – *Berdzenishvili N.* (1965). Voprosy istorii Gruzii [Issues of Georgia's history]. II, Tbilisi.
- Berdzenishvili i dr., 1948** – *Berdzenishvili N., Dzhavakhishvili I., Dzhanashiya S.* (1948). Istoriya Gruzii, Chast' I. S drevneishikh vremen do nachala XIX v. [History of Georgia, Part I. From ancient times to the beginning of the XIX century]. Pod red. S. Dzhanashiya. Tbilisi.
- Blaramberg, 1853** – *Blaramberg I.F.* (1853). Statisticheskoe obozrenie Persii, sostavlennoe v 1841 g. [Statistical Review of Persia, compiled in 1841]. *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*, kn.VII, SPb.
- Istoriya Gruzii, 1958** – Istoriya Gruzii [History of Georgia]. Tom 1, Tbilisi, 1958.
- Климиашвили, 1963** – *Климиашвили А.* (1963). K voprosu o morige lashkari v vostochnoi Gruzii vo vtoroi polovine XVIII v. [To the question of the morige of lashkari in eastern Georgia in the second half of the 18th century]. *Vestnik Instituta rukopisei Akademii Nauk Gruzinskoi SSR*. V, Tbilisi.
- Климиашвили, 1964** – *Климиашвили А.* (1964). Neskol'ko istoricheskikh dokumentov 14–15 vv. [Several historical documents of the XIV-XV centuries]. Tbilisi.
- Климиашвили, 1966** – *Климиашвили А.* (1966). Materialy dlya istorii voennoi organizatsii Vostochnoi Gruzii vtoroi poloviny XVIII veka ("Cheredovoe voisko") [Materials for the history of the military organization of Eastern Georgia in the second half of the 18th century ("The Alternate Force")]. Avtoreferat kandidatskoi dissertatsii. Tbilisi.
- Kutsiya, 1999** – *Kutsiya K.* (1999). Vali Gordzhestana. Blizhnii Vostok i Gruziya [Vali of Gorjestan. Middle East and Georgia]. Sbornik statei. II, Tbilisi.
- Тер-Оганов, 1984** – *Тер-Оганов Н.К.* (1984). Sozdanie i razvitie iranskoj regul'arnoi armii i deyatelnost' inostrannykh voennykh missii v Irane v XIX veke [Creation and development of the Iranian regular army and the activities of foreign military missions in Iran in the XIX century]. Kandidatskaya dissertatsiya. Tbilisi.
- Chkheidze, 1854** – *Chkheidze S.* (1854). Zhizn' Gruzii. Zhizn' Kartli [Life of Georgia. Life of Kartli]. Kniga II. Pod redaktsiei D. Chubinashvili. Peterburg.
- Morier, 1818** – *Morier J.A.* (1818). Journey through Persia, Armenia, and Asia Minor to Constantinople, between the Years 1810 and 1816. L.

**К вопросу об иранском влиянии на грузинскую военную организацию
(на примере «мориге лашкари» или «мориге» – вторая половина XVIII века)**

Нугзар Тер-Оганов ^{a, b, *}

^a Тельавивский университет, центр иранских исследований, Израиль

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Аннотация. На протяжении веков, особенно в годы существования в Иране крупных империй, во всех областях военно-политической, как и культурно-экономической жизни Грузии наблюдалось заметное иранское влияние, наглядным свидетельством которого служат персидские языковые заимствования в грузинской военной лексике.

Одним из ярких примеров иранского влияния является организация грузинского сторожевого войска "мориге лашкари" или "мориге".

Проанализировав имеющиеся в нашем распоряжении исторический материал, мы пришли к заключению, что между грузинским постоянным войском "мориге", организованным в восточногрузинских царствах Картли и Кахети в 1750–1760-х годах, и иранским "хамаша-кешикчи" или просто "кешикчи" Надир-шаха Афшара (1736–1747 гг.), существует явная этимологическая связь (кешикчи=мориге= стражник, дежурный).

Схожесть военных функций, возложенных на "мориге" и "кешикчи", существование тесной хронологической рамки их образования (отряд "кешикчи" по времени был организован раньше "мориге"), наличие иранских воинских званий в грузинском "мориге", введение в практику призыва крестьян на военную службу сначала в иранском, а позднее и в грузинском войске, впрочем как и система наказания за дезертирство и др., свидетельствуют о непосредственном влиянии иранского военного института "кешикчи" на формирование грузинского постоянного войска "мориге".

Ключевые слова: иранское влияние, Иран, Грузия, "мориге лашкари", "мориге".

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nteroganov@yahoo.com (Н. Тер-Оганов)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 60-69. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.60
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Highland's Socio-Cultural Heritage in the Context of Scientific Comprehension of the Historical Imperatives of the Scottish Society's Political Development. Part 1

Pavel A. Merkulov ^{a,*}, Evgeniy A. Turin ^a, Elena N. Savinova ^a, Natalia G. Akatova ^a

^a Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa, Russian Federation

Abstract

The article examines the historical imperatives of the Scottish identity in the context of scientific understanding of the civilizational and sociocultural foundations of the political development of the Scottish society. Trying to understand the reasons for the emergence of separatist tendencies in the UK, the authors touch upon a number of issues related to the role of Scotland in the formation of the British Empire, separately focusing on the problem of the transformation of the Scottish identity at the end of the XVIII–XIX centuries.

The article focuses on the views of the Scottish authors of the imperial and modern periods on the socio-cultural heritage of the Highland in the context of the scientific interpretation of the historical imperatives of the political development of Scotland. The article substantiates the idea that the socio-cultural heritage of the Highlanders did not remain static, but, on the contrary, was marked with dynamism, because Highland was introduced into the English-speaking consciousness in times of difficult conditions of imperial expansion, clash of cultures, time periods and space. This led to ambiguous characteristics of the Scottish identity. This issue, from the authors' point of view, continues to be rather controversial from the end of the XVIII century up to the present time, due to Scotland's contradictory character. The latter circumstance is explained by the historically determined involvement of the Scots in the political, economic and cultural expansion of the British Empire. Therefore, taking into account various concepts describing the current state of the Scottish society, the authors of the article consider that it is very important to understand the ambivalence of views on the Scottish identity, whose socio-cultural heritage of Highland was like a "litmus test" in the XVIII–XIX centuries.

Keywords: Scotland, Highland, Lowland, Scottish identity, British identity, colonialism, British Empire.

1. Введение

Изучение сепаратистских настроений в современной Европе не представляется возможным без осмысления цивилизационных и социокультурных оснований возникновения этих настроений. С другой стороны, исследователю не обойтись без понимания исторических императивов сепаратизма, в основе которого мы очень часто обнаруживаем проблему национальной идентичности.

Национальная идентичность шотландцев представляет для исследователя особый интерес. Особый, хотя бы потому, что Шотландия, не обладая в настоящее время суверенитетом, тем не менее, продолжает демонстрировать в рамках британской нации шотландскую идентичность и отстаивать идею национального самоопределения (Турин, Савинова, 2015: 152-160).

Исторически британская нация формировалась как особое явление, в основе которого лежали, с одной стороны, общность политико-экономических интересов англичан, шотландцев, ирландцев и

* Corresponding author

E-mail addresses: nio-ranepa57@mail.ru (P.A. Merkulov), turin.of.foveran@yandex.ru (E.A. Turin), savinovae.n@yandex.ru (E.N. Savinova), ngofficial@yandex.ru (N.G. Akatova)

валийцев, с другой – социокультурная специфика отдельных народов (Тюрин, 2017: 116-124). За время своего существования в составе Соединенного королевства Шотландии удалось сгладить противоречия между шотландской исключительностью и британским универсализмом, и, тем не менее, «шотландскость» продолжает оставаться основой идентичности населения севера Великобритании (Тюрин, 2017: 178-182). Этот факт объясняется тем, что идентичность (этническая, общенациональная, культурная, конфессиональная, государственная), формируясь в ходе исторического развития общества, сохраняется на протяжении длительных временных отрезков, ежедневно возобновляясь в практической жизнедеятельности каждого человека.

Говоря об изучении шотландской идентичности, следует отметить, что своеобразной чертой многих работ, посвященных этой проблематике (с XVIII в. по настоящее время), является очевидный интерес авторов к социокультурному наследию шотландского Нагорья (Хайленда). Хотя, при этом, многие историки, выносят социокультурное наследие шотландского Хайленда за рамки идентичности современного шотландского общества. Впрочем, и в этом случае дискуссии о понятии «шотландская идентичность» вряд ли удастся избежать. Тем более, что исследователи этой проблематики тяготеют к уклону либо в сторону юнионизма, либо – регионализма (национализма, этничности и т.п.). Первые считают, что в Британской империи сформировалась специфическая шотландская идентичность, неотделимая от проявлений «британскости». Вторые, соответственно, полагают, что идентичность шотландцев после возникновения Союза оказалась в глубоком кризисе, и не проявляла себя вплоть до XX в. Безусловно, обе трактовки весьма схематичны и шаблонны, что обусловлено унаследованной разными поколениями стереотипизацией сознания. В связи с этим нам представляется небезынтересным рассмотреть в данной статье ряд моментов, связанных с проблемой трансформации шотландской идентичности в привязке к социокультурному наследию Хайленда, и прежде всего, это касается репрезентации последнего в сочинениях различных авторов конца XVIII–XIX вв.

2. Материалы и методы

При подготовке данной статьи авторы опирались на системно-исторический, конкретно-исторический, сравнительно-исторический, историко-типологический и описательный специально-научные методологические принципы; на общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, описательный, количественный; а так же на конкретно-проблемный метод исследования. Подобное комплексно-интегративное использование указанных методов исследования позволяет, на наш взгляд, глубже изучить не только объективные механизмы эволюции шотландской идентичности, но и субъективное отражение этих механизмов в сознании отдельных представителей интеллектуальной элиты британского (и, прежде всего, шотландского) общества.

Источниковая база по проблеме развития шотландской идентичности в прединперский и имперский периоды представлена отдельными нормативными документами; документами, отражающими социально-политические изменения в государстве и обществе; свидетельствами из истории шотландских кланов и другие (Leith, 1998). Интересным образчиком являются данные Синклера и Аласдайра Мак Мейхстира (Sinclair, 1799; Mac Mhaighstir, 1751). В контексте тематики данной статьи отдельно следовало бы выделить мемуаристику (в том числе, представленную эпистолами и дневниковыми записями). К данной группе источников о Хайленде, на наш взгляд, следует отнести, в том числе, работы Энн Грант и королевы Виктории. Растущая популярность Хайленда в конце XVIII века позволила создать новый жанр: «женские путешествия». И в этой связи рассказ Грант «Письма из гор» (1807 г.) дает альтернативное видение Хайленда, отличающееся от предыдущих авторов: для Грант Хайленд – «это пространство экзотического примитива и идеализированного, домашнего очага» (Grant, 1807). Утверждая личность в этом пространстве, Грант создает новый вид имперской субъективности: человека, который является «не коренным жителем, но и не чужаком» (Grant, 1807). Именно такую предельную субъективность мотивирует также Виктория в опубликованных «статьях» о Хайленде из ее дневников (Victoria, 1868). Представляя себя «вдовой из Хайленда», Виктория создает образ британского монарха, который подчеркивает взаимосвязь между периферией и имперским центром, поскольку Хайленд стал «сердцем» ее видения имперского правления (Victoria, 1884). В еще одной группе источников следует указать научную, публицистическую и художественную литературу (включая обзоры, петиции, материалы шотландских и общebritанских изданий и другие). Наиболее известными авторами здесь выступают, безусловно, Макферсон (Macpherson, 1771), Босуэлл (Boswell, 1950) и Вальтер Скотт (Scott, 1932-37; Scott, 1805: 429-62; Scott, 1933).

Таким образом, означенные методологическая и источниковая базы дают возможность более полно взглянуть на те, или иные изменения, которые с различной степенью интенсивности происходили в шотландской идентичности в XVIII–XIX вв.

3. Обсуждение

Изучение исторических императивов идентичности шотландцев в рамках осмысления цивилизационных и социокультурных оснований развития шотландской государственности и общebritанских политических процессов (на стыке истории и политологии) в отечественной

науке представлено пока еще не столь широко, как того заслуживает эта интереснейшая проблематика. Тем не менее, целый ряд российских британистов-историков затрагивал в своих работах тему шотландской и британской идентичностей в разных аспектах их проявлений (Графшонкина, 2013; Гроздова, 1981; Магаков, 1987). Отдельно и особо следует выделить исследования профессора В.Ю. Апрыщенко, труды которого на сегодняшний день внесли, на наш взгляд, наибольший вклад в изучение идентичности шотландцев в рамках отечественной исторической науки (Апрыщенко, 2016).

Противоречия, присущие истории Хайленда в конце XVIII–XIX веках, стали предметом многочисленных исследований британских (большой частью шотландских) историков. Так, Джон Преббл (Prebble, 1963), в своих знаменитых работах, прослеживает парадокс истории Хайленда указанного периода, отмечая, что пока социокультурное наследие шотландских горцев обсуждалось в научных кругах от Эдинбурга до Москвы, сельских жителей Хайленда, говоривших на гэльском языке выселяли из их домов. В результате, эти обездоленные шотландцы-кельты вынуждены были выбирать между голодом и эмиграцией в колонии. Альтернативой этому выбору была служба в имперской армии в качестве пушечного мяса. Иными словами, работы Преббла показали разрыв между мифом о Хайленде и реальностью. Парадокс истории Хайленда описывается этим автором с некой трагической иронией (Prebble, 1988). Данный способ повествования, использовавшийся и многими другими исследователями, тем не менее, облегчает нам понимание исторических императивов политического развития современного шотландского общества. Другой исследователь Хью Тревор-Ропер отразил иронию в своем историческом исследовании «Шотландские традиции Хайленда» более язвительно, нежели трагично, поскольку он не признает идею о том, что древние жители Хайленда носили тарганы, связанные с их соответствующими кланами (Trevor-Roper, 2009: 41). Для обоих упомянутых историков ирония помогает понять социокультурные противоречия Хайленда и осмыслить реальность, покрытую завесой времени. При этом их работы создают самодостаточное «органическое» культурное наследие, идеологию, в которую интегрируются все аспекты цивилизационного развития Хайленда. Используя иронию, историки устанавливают оппозиционную связь между романтическим мифом, который они стремятся развеять и истиной, которую они стараются отыскать.

Подобные оппозиционные точки зрения и подробный анализ истории шотландского Нагорья представлены также Питером Уомаком в его работе «Развитие и Романтизм». Уомак начинает с того, что указывает на несоответствие между работами о Хайленде, описывающими реформирование землепользования и, с другой стороны, исследованиями, стремящимися представить Нагорье как особый кладезь древних ценностей и традиций. Таким образом, «романтизм» Хайленда выглядит как формация, противостоящая идеологии «развития». Впрочем, Уомак не признает этого, настаивая на «гармоничности» двух парадигм. Он пишет: «Конфликт иллюзорен. Скорее всего, это лишь идеологическая функция романтизма, которая полностью устраняет противоречивые элементы из сферы материальной жизни; он представляет собой некий кладезь, в котором хранятся плененные исторические ценности» (Womack, 1989: 3). Таким образом, противоречия Хайленда вовсе не противоречия, а аспекты диалектического мифа, который возник в середине XVIII века для того, чтобы подавить и ослабить любое сопротивление.

Несмотря на то, что наш анализ амбивалентности также находится под влиянием мифа о горцах, как и рассуждения Уомака, мы не старались минимизировать проблему противоречий, несоответствий и неточностей в представлении проявлений социокультурного наследия Хайленда, суммируя их или сводя к элементам трагедии. Во-первых, миф представляет горцев как пассивных жертв своей истории, которые признают этот факт. Более того, он не только упрощает сложную динамику различий в исследованиях Хайленда, но и устанавливает дуалистическую оппозицию между «истиной» и «мифом», что приводит к некой двойственности доминирующего дискурса, вызывающего острую полемику. Например, Уомак в своем анализе рассматривает вопрос о поиске истины, подчеркивая при этом материальные преимущества мифа о Хайленде. Впрочем, Уомак предполагает, что «по мере того, как мы рефлексивно достигаем некоего прояснения», мы «останавливаемся на идее, что миф скрывает в себе возможность открытия нового совместного существования - того, что есть и того, чего еще не удалось достигнуть» (Womack, 1989: 180). В конечном итоге в своем анализе Уомак, как, впрочем, и многие современные историки, выносит социокультурное наследие шотландского Нагорья, который «окутан туманом собственного бытия», за пределы идентичности нынешних шотландцев.

Тем не менее, анализируя историческую роль Хайленда в процессе развития шотландского общества, дебаты по поводу толкования такого понятия как «идентичность» неизбежны. Есть, к примеру, взгляды, согласно которым идентичность возникает исходя из врожденного личного выбора, не являющегося действием тех или иных крупных систем (Тюрин, Савинова, 2014: 197-205). Подобное видение обусловлено выдвинутым С. Холлом постулатом о возникновении идентичности в ходе исторического процесса (Questions..., 1996: 285). При этом С. Холл отождествляет идентичность с национальным самосознанием. Последнее, по его мнению, формируется под влиянием общества, а не обусловлено свободным выбором. Применительно к Шотландии данный подход, на наш взгляд, лишь усложняет задачу исследователя, т.к. он размывает критерии, позволяющие различать

шотландскую и британскую идентичности. Между тем, отличия двух названных идентичностей существуют (Merkulov et al., 2017: 765-775), а у самих шотландцев одновременно наличествуют обе идентичности (Тюрин, Савинова, 2015: 195-201). Собственно, мы и попытались в предлагаемой статье показать некоторые противоречивые аспекты шотландской идентичности, активное формирование которой в значительной мере совпадает с периодом существования Британской империи. Эти хронологические рамки вполне соотносятся с вопросом об исторических императивах политического развития шотландского общества, а также о влиянии социокультурного наследия Хайленда на это развитие.

4. Результаты

При подготовке данного материала наша цель заключалась не в том, чтобы развенчать мифы о Хайленде, а в том, чтобы указать на объективное наличие альтернативной аутентичной истории развития социокультурных основ шотландского общества и идентичности шотландцев. При этом необходимо отметить, что динамика совпадений и различий в работах исследователей не дает четкого определения понятия культуры шотландского Нагорья. Нельзя сказать также, что жители Нагорья являлись в Британском государстве роль жертвами колониализма, учитывая, что многие из них были активными деятелями в колониальном проекте, причем не только в роли поселенцев и солдат, но и управляющих, агентов и инвесторов. Дворянство Хайленда видело в империализме доступ к увеличению богатства и статуса, недоступным им в Шотландии. Впрочем, во-первых, исследования в рамках проблемы формирования мифа о горцах, к сожалению, не рассматривают участие последних в имперском проекте. Во-вторых, подобного рода работы не учитывают и внутренние противоречия шотландского общества. Так, например, Соренсен анализирует разделенность и амбивалентность культуры Хайленда, основываясь на данных Аласдайра Мак Мейхстира (Mac Mhaighstir, 1751). Она отмечает, что Мак Мейхстир внес вклад в усилия по распространению грамотности в Хайленде, его опыт и работа по преподаванию английского языка представили теоретические и практические основы для создания новой «гэльской национальной лингвистической идентичности» (Sorensen, 2000: 50). Сложности, связанные с имперской идеей, насаждавшейся в Хайленде, утверждает Соренсен, раскрывают транснациональную социокультурную динамику в шотландском обществе в XVIII веке.

Любопытно и то, как транснациональная динамика описывается в работах исследователей Хайленда, пишущих на английском языке. Например, Джеймс Макферсон, «переводчик» оссианской поэзии и историограф древних шотландцев, сыграл решающую роль в популяризации культурных традиций Нагорья, которые, в свою очередь, затем сыграли роль в формировании идей шотландских националистов (Меркулов и др., 2017: 153-159). Рожденный и выросший в Хайленде, Макферсон лично лицезрел насилие британских солдат во время военных репрессий после Каллодена и остро воспринимал систематические нападки на культуру горцев. Фиона Стаффорд позже писала, что на работы Макферсона также повлияло его образование, полученное в Абердинском университете, где он был представителем поколения студентов, попавших под влияние теорий Томаса Блэквелла – ученого и критика «примитивных» культур, который утверждал, что поэтический гений Гомера был сформирован грубостью общества того времени (Stafford, 1988).

Возможно, самым наглядным примером противоречивых взглядов «имперских» представителей Хайленда является карьера сэра Джона Макгрегора Мюррея из Ланрика. Макгрегор Мюррей, который в конце концов стал главным представителем клана Грегора, большую часть своей жизни провел на службе офицером в армии и в качестве генерального ревизора в Бенгалии. Тем не менее Макгрегор Мюррей был активным участником Общества Хайленд. Например, он сыграл важную роль в сохранении трактатов об игре на волынках. После того, как автор этих трактатов умер от лихорадки в Бенгалии, Макгрегор Мюррей возвратил их Шотландии. Макгрегор Мюррей также предоставил большую часть средств для оплаты роскошного издания Оссианских стихов на гэльском языке. Так, средства, полученные от имперских завоеваний, были потрачены на сохранение традиций культуры Хайленда. Позднее Рональд Блэк написал о достижениях Макгрегора Мюррея: «Он вложил богатства Индии в гэльское образование» (Black, 1986: 1-38).

Усилия Макферсона и Макгрегора Мюррея сыграли решающую роль в дебатах о нации и империи, так как эти люди олицетворяли элиту Хайленда, которая активно занималась не только имперским проектом, но и формированием позитивного образа Хайленда. Однако, не следует утверждать, что работы этих исследователей были более достоверными или аутентичными, чем, к примеру, исследования Вальтера Скотта. Нельзя также и отрицать те, понесенные горцами, страдания и лишения, которые впоследствии вдохновили большое количество исследователей на осмысление социокультурного наследия Хайленда.

Работы уроженцев Хайленда и иных исследователей не показывают нам единообразную картину, и, более того, производят противоречивое впечатление. Однако в то же время эти работы часто представляют альтернативные акценты и выводы, служа разным политическим целям. В работах писателей Хайленда, таких как упомиавшиеся Макферсон и Энн Грант, а также Дэвид Стюарт (Stewart, 1822) (которые родились в Глазго, но жили в Хайленде в течение многих лет), можно проследить более настойчивые попытки осознать и артикулировать культурные потери, а также ясно

заявить о сопротивлении изменениям в обществе и культуре. Современные критики определили особую роль, которую брали на себя писатели-лоулендеры, такие как Джеймс Босуэлл и Вальтер Скотт, представлявшие культуру Нагорья своим англоязычным читателям. Но важно признать, что эту посредническую роль часто играли и авторы, происходившие непосредственно из Хайленда и писавшие на английском языке для англоязычной аудитории. Они, на наш взгляд, требуют пристального внимания, поскольку проводят диалог между культурами, что, в свою очередь, делает их уникальными. Наконец, мы не хотим упускать из вида дискуссии по вопросу о территориальных границах Нагорья. Этим вопросом, кого именно можно считать коренным горцем, всегда задавалось лондонское Общество Хайленд (*Highland Society*). Оно появилось в мае 1778 года. Главными целями Общества основатели видели возрождение национальной культуры шотландских горцев: восстановление традиционной одежды; сохранение и развитие гэльской музыки, литературы и языка; создание учреждений, предназначенных для помощи населению, таких, как гэльские школы, церкви, приюты для детей-сирот погибших солдат-горцев; почитание традиционных военных достижений; и, наконец, содействие улучшению сельского хозяйства Хайленда.

Названное Общество вдохновило подражателей в самой Шотландии, где в 1784 году, по аналогии с лондонским, появилось Эдинбургское Общество. Последнее продолжало успешно развиваться в девятнадцатом веке, что, в свою очередь культивировало националистические настроения общественности, а также вселяло в людей веру в то, что гэльская культура всегда занимала особое место в жизни шотландской нации. Общество поощряло сбор и хранение гэльских рукописей, премировало представителей гэльской поэзии, организовало первый в истории конкурс игры на волынках, который состоялся в Фалкирке в 1781 году и проходил ежегодно. Кроме того, Общество требовало создания кафедры гэльской литературы в Эдинбургском университете. Основанием для этого была работа над созданием гэльского словаря и всяческая поддержка переводов Оссианской поэзии Джеймса Макферсона ([Macpherson, 1996](#)). Общество также предприняло успешную попытку разработки законопроекта 1782 года, отменяющего британский закон о запрете национальной одежды горцев Хайленда, поскольку спонсором законопроекта выступал маркиз Грэхэм, имеющий вес среди влиятельных парламентариев. Во всех своих начинаниях Общество стремилось вывести культуру Хайленда на первый план шотландской национальной культуры. При этом оно освещало действительно острые вопросы культуры, особенно спорные моменты, которые имели место среди антикваров и историков с момента публикации первых фрагментов поэзии Оссиана в 1760 году. Общество стало ключевой силой в распространении, институционализации и популяризации Хайленда в конце XVIII – начале XIX веков, но насущной проблемой снова стал вопрос определения национальной идентичности (прежде всего, применительно к членству в Обществе). Сэр Джон Синклер (Вальтер Скотт характеризовал его как «Великого Каледонского зануду») в работе «Анализ Общества» писал, что в начале, членство ограничивалось «жителями Хайленда в центре», но по мере того, как его популярность и масштабы росли - как показывают ежегодные списки членов - «не только уроженцы Хайленда, но и некоторые уважаемые особы из других частей Шотландии, Англии и даже зарубежных стран, также имели честь принадлежать к Обществу». Синклер описывал такую трансформацию не как нарушение исходных критериев Общества, а как неизбежную эволюцию, учитывая осознание трудностей в разграничении территории Нагорья. Синклер отмечал, что «существуют значительные трудности в определении, в какой бы то ни было степени точности, границ территории, которую, собственно говоря, можно назвать «Шотландским Нагорьем» или «Хайлендом» ([Sinclair, 1813: 5](#)). Трудность географических различий сопровождалась трудностями определения родовой принадлежности: «Семьи в северных частях королевства теперь настолько смешаны вместе, что их можно обозначить одним общим термином «наследники Хайленда... При этом практически нет шотландцев, которые не могут стать членами Общества» ([Sinclair, 1813: 5-6](#)). Синклер и Хайлендское общество сыграли огромную роль в сохранении традиций, связанных с продолжением шотландской идентичности, без определенных демаркационных признаков, которые могли бы не допустить кого-либо провозгласить себя «горцем». Идентичность Хайленда, лишена материализма, и отмечена по мнению Синклера особым отношением: «Истинное [членство] заключается не столько в «происхождении» (хотя, безусловно, желательно отдавать предпочтение кандидату, который имеет это преимущество), а в обладании «Хайлендским Духом» ([Sinclair, 1813: 6](#)).

Таким образом, с одной стороны, изменяющиеся критерии членства в Обществе Хайленд отражали растущую трудность в поиске истинных горцев, носящих тарган на общественных церемониях. С другой стороны, этот переход к обладанию «Хайлендским Духом» в качестве окончательного показателя членства не только указывает на двоякость, но также предполагает, что истинные шотландцы (как Синклер) и члены Общества меняли истинную сущность своей идентичности.

Что же касается националистических импульсов Общества и связи между сохранением культуры Хайленда с шотландской национальной идентичностью, то это было разъяснено Синклером в июне 1804 года в его докладе-обращении к совместному совещанию Обществ Лондона и Эдинбурга. Доклад назывался «Заметки об уместности сохранения национальной одежды, языка, поэзии, музыки и обычаев шотландцев» ([Sinclair, 1804](#)). В начале доклада Синклер изложил мотивы

необходимости сохранения культуры Хайленда, связанные с шотландской идентичностью. Он утверждал: «Шотландия с ее населением внесла огромный вклад в развитие мировой истории. Ни одна современная страна не произвела на свет такого количества выдающихся, талантливых людей в доблестном мире искусства, культуры и военного ремесла; и хотя коренные жители этого ранее независимого и доселе непобедимого королевства имеют основания называть себя британцами, так как они приобрели это право со времен основания Союза в 1707 году, им ни в коем случае нельзя отказываться от национальной одежды, языка, музыки и обычаев их предков. Если же они полностью ассимилируются с англичанами, Шотландия погибнет» (Sinclair, 1804). Фрагмент выступления Синклера действительно стоило процитировать, поскольку она совмещает в себе идеологические и стилистические ремарки образованных шотландцев по отношению к их дискуссиям о новых императивах культурных различий в вопросах национальной консолидации Великобритании и имперской экспансии за ее пределами.

В этой связи мы должны осознавать, что суть националистической точки зрения заключалась в существовавшем желании игнорировать различия Хайленда и Лоуленда для того, чтобы утвердить отличительную шотландскую идентичность в «многонациональной» Британской империи. Между тем, сама расширявшаяся Империя призывала к новому пониманию различий между «шотландскостью» и «английскостью», между «шотландскостью» и «британскостью», и между «британскостью» и «имперскостью».

В то же время точка зрения членов Общества рассматривала традиции Хайленда исключительно как шотландские и поэтому была близка к националистическим идеям, отличным от концепций современной гражданской нации. Последнее, в свою очередь, обусловлено тем, что в эпоху романтизма вопросу шотландской национальной идентичности не уделялось должного внимания. Понимание особенностей Хайленда находилось в тесной связи с нацией и империей, поэтому вопрос идентичности оставался открытым, что, в свою очередь, вызывало и до сих пор вызывает множество непрекращающихся дискуссий и споров относительно формирования национальной и имперской субъективностей.

Внутренние противоречия дискурса о национальном и имперском проявлялись и в противоречивых настроениях самого общества. С одной стороны, сохранение традиций языка и литературы Хайленда являлось продолжением концепции культурно-националистической программы, выступающей против вхождения Шотландии в англо-доминантную Великобританию с согласием на сохранение политического статус-кво в Британском Союзе. Синклер утверждает шотландскую идентичность как синекдохальную идентификацию шотландских традиций и обычаев Хайленда в рамках британской идентичности, провозглашающей общую приверженность шотландцев и англичан имперской государственности. В этом отношении замечания Синклера отражают взгляды на идентичность в других обществах в Ирландии и Уэльсе, подобных Обществу Хайленд, которые, независимо от каких-либо политических целей, стремились сохранить отличительную черту национальной культуры, сохранив свои материальные артефакты. По вопросам институционализации и сохранения сообществ почитателей истории Джон Хатчинсон пишет о том, что попытки сохранить культурно-исторические корни той или иной нации кроются в отличительной лингвистической, литературной, религиозной и политической культуре их предков, тем самым происходит «отрицание разрушительных воздействий английской культуры прошлых столетий» (Hutchinson, 1987). Общество Хайленд имело аналог в лице Ирландской Королевской Академии в Дублине, основанной в 1785 году. Она, по мнению Хатчинсона, помимо попытки узаконить гэльская стипендия, изначально выходила за академические рамки, поскольку многие ее члены становились участниками политических дебатов относительно благосостояния галлоязычных народов (Black, 1986: 1-38).

Возвращаясь к Шотландии, отметим, что вместо того, чтобы призывать к изменению ее политического статуса, националисты от культуры, такие как Синклер, пытались сформулировать идею британской идентичности, которая бы не исключала шотландскую идентичность, а была бы составной частью нескольких национальных идентичностей. Позже критики, оспаривающие данную позицию, характеризовали последнюю как «культурную шизофрению» со всеми характерными противоречиями (Daiches, 1964: 21; MacDiarmid, 1972: 284; Nairn, 1977: 150; Simpson, 1988).

В XIX веке под влиянием идей Просвещения возник целый ряд наук, таких как социология, историография и антропология, которые одной из своих целей в Шотландии видели изучение национальной культуры Хайленда, жители которого жили в горных крепостях, вдали от городов, говорили на своем языке, придерживались племенных законов, основанных на кровном родстве, имели военные привычки патриархального общества и прожили достаточное количество времени без особых социокультурных изменений со времен попытки римлян их захватить. По существу это означало, что во времена Просвещения шотландские горцы рассматривались как люди, находившиеся на ранней стадии социального прогресса, им приписывали сходство с другими «примитивными» народами мира. Традиционные сельскохозяйственные практики и социальные отношения жителей Хайленда были признаны архаичными и неэффективными, требующими преобразований. «Улучшение» означало осушение болот и надлежащее использование удобрений почв и кормов для скота, но это также означало новые системы арендования земель и максимизацию (интенсификацию) производства с целью повышения рентабельности. Синклер, являвшийся

основателем предприятия по производству шерсти и Совета сельского хозяйства, был лидером в пропаганде максимизации в реформах по «улучшению» Хайленда, ему также приписывают выведение особой породы овец «Шевиот» на его собственном имении на северо-востоке Шотландии в конце 1780-х годов. Основание вышеперечисленных учреждений во многом способствовало беспрецедентной консолидации государственного контроля в сфере управления земельными ресурсами и открыло некоторые нарушения в существующих законах о землепользовании. Преобразования Хайленда затронули в основном мелких собственников и арендаторов. Эти люди оказались не готовы адаптироваться к новым требованиям аграрного капитализма, который вывел экономическую политику за пределы региона. По мере того как экономика Хайленда интегрировалась во все более глобализировавшуюся британскую имперскую экономику, она стала чувствительной к изменениям на рынках не только в Шотландии или Англии, но и в колониях Британской империи (Gray, 1957; Carter, 1974; Devine, 1994; Youngson, 1973).

5. Заключение

В результате реформы не только не повлекли за собой сохранение культурных традиций, но и спровоцировали их полное отрицание. Кроме того, дискурс совершенствования был частью имперской гносеологии, которая изменяла все вокруг в прямом и переносном смысле, поглощая и стирая местные земли и самобытные культурные практики по всему миру. Поскольку интеграция Хайленда в имперскую экономику похожа на политику в других колониальных пространствах, находящихся под британским контролем, Общество Хайленд стало предпринимать попытки, направленные на то, чтобы улучшить положение страны, параллельно, работая с другими учреждениями, обслуживающими британские имперские цели, такими как Азиатское общество Бенгалия, основанное в 1784 году (в том же году, что и Хайлендское общество Эдинбурга) (Said, 1979).

Литература

- Апрыщенко, 2016 – Апрыщенко В.Ю. Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. СПб., 2016.
- Графшонкина, 2013 – Графшонкина А.А. Шотландия после Унии 1707 г. // *Векторы развития общеправовой теории как векторы правопонимания: сборник научных статей* / под ред. К.Е. Сигалова и С.В. Зыковой. М.: Граница, 2013. С. 339-348.
- Гроздова, 1981 – Гроздова И.Н. Шотландцы, тенденция этнического развития // *Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы*. М., 1981.
- Магаков, 1987 – Магаков Г.Ю. Шотландия и англо-шотландская «уния корон» начала XVII в. // *Проблемы социальной истории и культуры средних веков*. Л., 1987.
- Меркулов и др., 2017 – Меркулов П.А., Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. Эволюция ШНП в борьбе за национальное самоопределение Шотландии: к вопросу об особенностях шотландского «национализма» // *Власть*. 2017. № 6. С. 153-159.
- Тюрин, 2017 – Тюрин Е.А. Влияние британской имперской государственности на шотландскую национальную идентичность: к вопросу о независимости Шотландии // *Власть*. 2017. № 7. С. 178-182.
- Тюрин, 2017 – Тюрин Е.А. Особенности формирования шотландского национального самосознания в условиях развития британской государственности: социально-политические аспекты // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2017. № 4. С. 116-124.
- Тюрин, Савинова, 2014 – Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. Национальный суверенитет Шотландии в контексте государственной политики управления природными ресурсами // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2014. № 2. С. 197-205.
- Тюрин, Савинова, 2015 – Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. Национальный стиль развития политического процесса в современной Шотландии: к вопросу о шотландской идентичности // *Власть*. 2015. № 4. С. 195-201.
- Тюрин, Савинова, 2015 – Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. Современные проявления шотландского «национализма» в условиях политической борьбы за государственный суверенитет Шотландии // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2015. № 6. С. 152-160.
- Black, 1986 – Black R.I. “The Gaelic Academy: The Cultural Commitment of the Highland Society of London.” *Scottish Gaelic Studies* 14, no. 2, 1986.
- Boswell, 1950 – Boswell J. Boswell’s London Journal, 1762–1763. Edited by Frederick Pottle. London: William Heinemann, 1950.
- Carter, 1974 – Carter I. “The Highlands of Scotland as an Underdeveloped Region,” in Emmanuel De Kadt and Gavin Williams, eds., *Sociology and Development*. London: Tavistock, 1974.
- Daiches, 1964 – Daiches D. The Paradox of Scottish Culture: the Eighteenth-Century Experience. London: Oxford University Press, 1964.
- Devine, 1994 – Devine T.M. Clanship to Crofter’s War: The Social Transformation of the Scottish Highlands. Manchester: Manchester University Press, 1994.
- Grant, 1807 – Grant A. Letters from the Mountains: Being the Real Correspondence of a Lady, between the Years 1773 and 1807. 2 vols. 3rd ed. London: Longman Hurst, Rees, Orme, 1807.
- Gray, 1957 – Gray M. The Highland Economy. Edinburgh: Oliver and Boyd, 1957.

- Hutchinson, 1987 – *Hutchinson J.* The Dynamics of Cultural Nationalism. London: Allen Unwin, 1987.
- Leith, 1998 – *Leith D.* Acts of Union: Scotland and the Literary Negotiation of the British Nation 1707-1830. Stanford, CA: Stanford University Press, 1998.
- Mac Mhaighstir, Alasdair (Alexander MacDonald), 1751 – *Mac Mhaighstir A., Alasdair (Alexander MacDonald).* Ais-Eiridh na Sean Chánain Albannaich (Resurrection of the Ancient Scottish Language). Edinburgh, 1751.
- MacDiarmid, 1972 – *MacDiarmid H.* Scottish Eccentrics, 1936. New York: Johnson Reprint, 1972.
- Macpherson, 1771 – *Macpherson J.* An Introduction to the History of Great Britain and Ireland. London: Becket and De Hondt, 1771.
- Macpherson, 1996 – *Macpherson J.* The Poems of Ossian and Related Works. Edited by Howard Gaskill. Edinburgh University Press, 1996.
- Merkulov et al., 2017 – *Merkulov P., Turin E., Savinova E.* Cultural and Historical Determinants of the Formation of the Identity of the Scots: the Question of the National Self-Determination of Scotland // *Bylye Gody*, 2017, Vol. 45, Is. 3, pp. 765-775.
- Nairn, 1977 – *Nairn T.* The Breakup of Britain. London: NLB, 1977.
- Prebble, 1963 – *Prebble J.* The Highland Clearances. Harmondsworth: Penguin, 1963.
- Prebble, 1988 – *Prebble J.* The King's Jaunt: George IV in Scotland, August 1822. London, 1988.
- Questions of Cultural Identity, 1996 – *Questions of Cultural Identity* (S. Hall, P. Du Gay, eds.), London: Sage, 1996, 342 p.
- Said, 1979 – *Said E.* Orientalism. New York: Vintage, 1979.
- Scott, 1805 – *Scott W.* Review of the Report of the Committee of the Highland Society of Scotland Appointed to Inquire into the Nature and Authenticity of the Poems of Ossian and Laing's edition of The Poems of Ossian." *Edinburgh Review* 6 (1805): 429-462.
- Scott, 1932-37 – *Scott W.* Letters of Sir Walter Scott. Edited by H. J. C. Grierson. 12 vols. London: Constable, 1932-37.
- Scott, 1933 – *Scott W.* The Tales of a Grandfather: Being the History of Scotland from the Earliest Period to the Close of the Rebellion of 1745-1746. London: A & C Black, 1933.
- Simpson, 1988 – *Simpson K.* The Protean Scot, the Crisis of Identity in Eighteenth Century Scottish Literature. Aberdeen: Aberdeen University Press, 1988.
- Sinclair, 1799 – *Sinclair, Sir John.* The Statistical Account of Scotland. 21 vols. Edinburgh: W. Creech, 1799.
- Sinclair, 1804 – *Sinclair, Sir John.* Observations of the Propriety of Preserving the Dress, the Language, the Poetry, the Music, and the Customs of the Ancient Inhabitants of Scotland. London: Bulmer, 1804.
- Sinclair, 1813 – *Sinclair, Sir John.* An Account of the Highland Society of London. London: McMillan, 1813.
- Sorensen, 2000 – *Sorensen J.* The Grammar of Empire in Eighteenth Century British Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Stafford, 1988 – *Stafford F.J.* The Sublime Savage: A Study of James Macpherson and the Poems of Ossian. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1988.
- Stewart, 1822 – *Stewart D.* Sketches of the Character, Manners, and Present State of the Highlanders of Scotland. 2 vols. Edinburgh: Constable, 1822.
- Trevor-Roper, 2009 – *Trevor-Roper H.* The invention of Scotland myth and history. New haven and London, 2009.
- Victoria, 1868 – *Victoria, Queen of England.* Leaves from the Journal of Our Life in the Highlands: From 1848–1861. Edited by Arthur Helps. London: Smith, Elder, 1868.
- Victoria, 1884 – *Victoria, Queen of England.* More Leaves from the Journal of a Life in the Highlands: From 1862–1882. London: Smith, Elder, 1884.
- Womack, 1989 – *Womack P.* Constructing the Myth of the Highlands. London, 1989.
- Youngson, 1973 – *Youngson A.J.* After the Forty-Five. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1973.

References

- Apryshchenko, 2016 – *Apryshchenko V.Yu.* (2016). Shotlandiya v Novoye vremya: v poiskakh identichnostey [Scotland during Modern times: in search of identichnost]. SPb. [in Russian]
- Black, 1986 – *Black R.I.* (1986). "The Gaelic Academy: The Cultural Commitment of the Highland Society of London." *Scottish Gaelic Studies* 14, no. 2.
- Boswell, 1950 – *Boswell J.* (1950). *Boswell's London Journal, 1762–1763.* Edited by Frederick Pottle. London: William Heinemann.
- Carter, 1974 – *Carter I.* (1974). "The Highlands of Scotland as an Underdeveloped Region," in Emmanuel De Kadt and Gavin Williams, eds., *Sociology and Development.* London: Tavistock.
- Daiches, 1964 – *Daiches D.* (1964). The Paradox of Scottish Culture: the Eighteenth-Century Experience. London: Oxford University Press.
- Devine, 1994 – *Devine T.M.* (1994). Clanship to Crofter's War: The Social Transformation of the Scottish Highlands. Manchester: Manchester University Press.

- [Grafshonkina, 2013](#) – *Grafshonkina A.A.* (2013). Shotlandiya posle Unii 1707 g. [Scotland after the Union of 1707]. *Vektory razvitiya obshchepravovoy teorii kak vektory pravoponimaniya: sbornik nauchnykh statey / pod red. K.E. Sigalova i S.V. Zykovoy*. M.: Border. pp. 339-348. [in Russian]
- [Grant, 1807](#) – *Grant A.* (1807). Letters from the Mountains: Being the Real Correspondence of a Lady, between the Years 1773 and 1807. 2 vols. 3rd ed. London: Longman Hurst, Rees, Orme.
- [Gray, 1957](#) – *Gray M.* (1957). The Highland Economy. Edinburgh: Oliver and Boyd.
- [Grozдова, 1981](#) – *Grozдова I.N.* (1981). Shotlandtsy, tendentsiya etnicheskogo razvitiya [Scots, a tendency of ethnic development]. *Sovremennyye etnonatsionalnyye protsessy v stranakh Zapadnoy Evropy*. M. [in Russian]
- [Hutchinson, 1987](#) – *Hutchinson J.* (1987). The Dynamics of Cultural Nationalism. London: Allen Unwin.
- [Leith, 1998](#) – *Leith D.* (1998). Acts of Union: Scotland and the Literary Negotiation of the British Nation 1707-1830. Stanford, CA: Stanford University Press.
- [Mac Mhaighstir, Alasdair \(Alexander MacDonald\), 1751](#) – *Mac Mhaighstir A., Alasdair (Alexander MacDonald)*. (1751). Ais-Eiridh na Sean Chánain Albannaich (Resurrection of the Ancient Scottish Language). Edinburgh.
- [MacDiarmid, 1972](#) – *MacDiarmid H.* Scottish Eccentrics, 1936. New York: Johnson Reprint, 1972.
- [Macpherson, 1771](#) – *Macpherson J.* (1771). An Introduction to the History of Great Britain and Ireland. London: Becket and De Hondt.
- [Macpherson, 1996](#) – *Macpherson J.* (1996). The Poems of Ossian and Related Works. Edited by Howard Gaskill. Edinburgh University Press.
- [Magakov, 1987](#) – *Magakov G.Yu.* (1987). Shotlandiya i anglo-shotlandskaya «uniya koron» nachala XVII v. [Scotland and Anglo-Scottish "union of crowns" of the beginning of the 17th century]. *Problemy sotsialnoy istorii i kulturny srednikh vekov L.* [in Russian]
- [Merkulov et al., 2017](#) – *Merkulov P., Turin E., Savinova E.* (2017). Evolyutsiya ShNP v borbe za natsionalnoe samoopredelenie Shotlandii: k voprosu ob osobennostyah shotlandskogo «natsionalizma» [Evolution of SNP in the fight for national self-determination of Scotland: To the question of features of scottish nationalism]. *Vlast*. No. 6. pp. 153-159. [in Russian]
- [Merkulov et al., 2017](#) – *Merkulov P., Turin E., Savinova E.* (2017). Cultural and Historical Determinants of the Formation of the Identity of the Scots: the Question of the National Self-Determination of Scotland. *Bylye Gody*. Vol. 45, Is. 3, pp. 765-775. [in Russian]
- [Nairn, 1977](#) – *Nairn T.* (1977). The Breakup of Britain. London: NLB.
- [Prebble, 1963](#) – *Prebble J.* (1963). The Highland Clearances. Harmondsworth: Penguin.
- [Prebble, 1988](#) – *Prebble J.* (1988). The King's Jaunt: George IV in Scotland, August 1822. London.
- [Questions of Cultural Identity, 1996](#) – *Questions of Cultural Identity* (1996). (S. Hall, P. Du Gay, eds.), London: Sage. 342 p.
- [Said, 1979](#) – *Said E.* (1979). Orientalism. New York: Vintage.
- [Scott, 1805](#) – *Scott W.* (1805). Review of the Report of the Committee of the Highland Society of Scotland Appointed to Inquire into the Nature and Authenticity of the Poems of Ossian and Laing's edition of The Poems of Ossian." *Edinburgh Review* 6: 429-462.
- [Scott, 1932-37](#) – *Scott W.* (1932-37). Letters of Sir Walter Scott. Edited by H. J. C. Grierson. 12 vols. London: Constable.
- [Scott, 1933](#) – *Scott W.* (1933). The Tales of a Grandfather: Being the History of Scotland from the Earliest Period to the Close of the Rebellion of 1745-1746. London: A & C Black.
- [Simpson, 1988](#) – *Simpson K.* (1988). The Protean Scot, the Crisis of Identity in Eighteenth Century Scottish Literature. Aberdeen: Aberdeen University Press.
- [Sinclair, 1799](#) – *Sinclair, Sir John.* (1799). The Statistical Account of Scotland. 21 vols. Edinburgh: W. Creech.
- [Sinclair, 1804](#) – *Sinclair, Sir John.* (1804). Observations of the Propriety of Preserving the Dress, the Language, the Poetry, the Music, and the Customs of the Ancient Inhabitants of Scotland. London: Bulmer.
- [Sinclair, 1813](#) – *Sinclair, Sir John.* (1813). An Account of the Highland Society of London. London: McMillan.
- [Sorensen, 2000](#) – *Sorensen J.* (2000). The Grammar of Empire in Eighteenth Century British Writing. Cambridge: Cambridge University Press.
- [Stafford, 1988](#) – *Stafford F.J.* (1988). The Sublime Savage: A Study of James Macpherson and the Poems of Ossian. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- [Stewart, 1822](#) – *Stewart D.* (1822). Sketches of the Character, Manners, and Present State of the Highlanders of Scotland. 2 vols. Edinburgh: Constable.
- [Trevor-Roper, 2009](#) – *Trevor-Roper H.* (2009). The invention of Scotland myth and history. New haven and London.
- [Turin, 2017](#) – *Turin E.A.* (2017). Osobennosti formirovaniya shotlandskogo natsionalnogo samosoznaniya v usloviyah razvitiya britanskoy gosudarstvennosti: sotsialno-politicheskie aspekty [Peculiarities of forming scottish national self-consciousness in the conditions of development of british

state: socio-political aspects]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. No. 4. pp. 116-124. [in Russian]

Turin, 2017 – *Turin E.A.* (2017). Vliyanie britanskoj imperskoj gosudarstvennosti na shotlandskuyu natsionalnyu identichnost: k voprosu o nezavisimosti Shotlandii [Influence of the British Imperial statehood on the Scottish national identity: to the question of independence of Scotland]. *Vlast*. No. 7. pp. 178-182. [in Russian]

Turin, Savinova, 2014 – *Turin E.A., Savinova E.N.* (2014). Natsionalnyy suverenitet Shotlandii v kontekste gosudarstvennoy politiki upravleniya prirodnyimi resursami [National sovereignty of Scotland in the context of public policy of management of natural resources]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. No. 2. pp. 197-205. [in Russian]

Turin, Savinova, 2015 – *Turin E.A., Savinova E.N.* (2015). Natsionalnyy stil razvitiya politicheskogo protsessa v sovremennoy Shotlandii: k voprosu o shotlandskoy identichnosti [National style of development of political process in modern Scotland: to a question of the Scottish identity]. *Vlast*. No. 4. pp. 195-201. [in Russian]

Turin, Savinova, 2015 – *Turin E.A., Savinova E.N.* (2015). Sovremennyye proyavleniya shotlandskogo «natsionalizma» v usloviyah politicheskoy borby za gosudarstvennyy suverenitet Shotlandii [Modern manifestations of Scottish "nationalism" in the conditions of political struggle for state sovereignty of Scotland]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. No. 6. pp. 152-160. [in Russian]

Victoria, 1868 – *Victoria, Queen of England*. (1868). *Leaves from the Journal of Our Life in the Highlands: From 1848–1861*. Edited by Arthur Helps. London: Smith, Elder.

Victoria, 1884 – *Victoria, Queen of England*. (1884). *More Leaves from the Journal of a Life in the Highlands: From 1862–1882*. London: Smith, Elder.

Womack, 1989 – *Womack P.* (1989). *Constructing the Myth of the Highlands*. London.

Youngson, 1973 – *Youngson A.J.* (1973). *After the Forty-Five*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Социокультурное наследие Хайленда в контексте научного осмысления исторических императивов политического развития шотландского общества. Часть 1

Павел Александрович Меркулов ^{a, *}, Евгений Анатольевич Тюрин ^a,
Елена Николаевна Савинова ^a, Наталия Геннадьевна Акатова ^a

^a Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются исторические императивы идентичности шотландцев в контексте научного осмысления цивилизационных и социокультурных оснований политического развития шотландского общества. Пытаясь осмыслить причины возникновения сепаратистских тенденций в Великобритании, авторы затрагивают ряд вопросов, связанных с ролью Шотландии в формировании Британской империи, отдельно останавливаясь на проблеме трансформации шотландской идентичности в конце XVIII–XIX вв.

Основное внимание в статье уделяется взглядам шотландских авторов имперского и современного периодов о социокультурном наследии Хайленда в контексте научного осмысления исторических императивов политического развития Шотландии. В статье обосновывается мысль о том, что социокультурное наследие горцев не оставалось статичным, но, напротив, отличалось динамизмом, т.к. Хайленд был введен в англоязычное сознание во времена сложных условий имперской экспансии, столкновения культур, временных рамок и пространства. Это приводило к неоднозначности характеристик шотландской идентичности. Данный вопрос, по мнению авторов статьи, продолжает оставаться дискуссионным с конца XVIII века вплоть до настоящего времени, т.к. Шотландия в цивилизационном плане противоречива. Последнее обстоятельство объясняется исторически обусловленной вовлеченностью шотландцев в процессы политической, экономической и культурной экспансии Британской империи. Поэтому, считают авторы статьи, осмысливая различные концепции, описывающие современное состояние шотландского общества, очень важно понимать амбивалентность взглядов, касающихся шотландской идентичности, «лакмусовой бумажкой» которой в XVIII–XIX веках было социокультурное наследие Хайленда.

Ключевые слова: Шотландия, Хайленд, Лоуленд, шотландская идентичность, британская идентичность, колониализм, Британская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nio-ranepa57@mail.ru (П.А. Меркулов), turin.of.foveran@yandex.ru (Е.А. Тюрин), savinovae.n@yandex.ru (Е.Н. Савинова), ngofficial@yandex.ru (N.G. Akatova)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 70-78. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.70
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Role of Cyrillo-Methodian Cult in the Slovak National Revival in the Context of Contacts with the Eastern Slavs

Martin Hetényi ^{a, *}, Peter Ivanič ^a

^a Constantine the Philosopher University in Nitra, Slovakia

Abstract

The Cyrillo-Methodian tradition is a fundamental part of national stories formation of various Slavic nations. There was a restoration of spiritual values in religious, national and cultural life of Slavs especially during the era of national revival movements. This tradition shaped a strong cultural element that was supposed to play a key role when conforming the continuity of a given community. As the Cyrillo-Methodian phenomenon is related to the concept of historical antiquity, cultural maturity and state independency of various Slavic nations, it belongs to efficient elements of their self-definition.

The important basis formed literary works that concern the Cyrillo-Methodian tradition and cult in the 19th and 20th century. In addition to them, later Slovak and foreign scientific publications were used in regard to the given topic.

The solving of the research tasks was carried out by generally used methods, as the historical-comparative method and the principle of historicism. They allowed to handle the general framework of the Cyrillo-Methodian tradition and cult which dominated many Slavonic nations. In this regard we put emphasis on the example of Slovakia where we took into consideration the aspect of the Slovak National Process that had particularly sprouted since the second half of the 19th century.

This paper focuses on the role of Cyrillo-Methodian cult in the Slovak National Revival in the context of contacts with the Eastern Slavs. The authors conclude their article with the statement that the Cyrillo-Methodian tradition in the 19th century played the important role in the Slovak National Revival and contributed to the instrumentalisation of ideas of the Slavonic Patriotism.

Keywords: Cyril and Methodius, Slovakia, Russia, the Slavs, cult, National Revival, identity, Ľudovít Štúr, 19th century.

1. Introduction

The stay of Byzantine thinkers Cyril and Methodius in Great Moravia in 60's of 9th century was to be one of their many stops of their diplomatic missions. The Solun brothers and their disciples left behind a great work in the form of a new script - the Glagolitic script, translations of key liturgic and legal works as well as their own literary production. Establishment of Moravian archdiocese was a significant step as well. Their work did not cease to exist but it was deepened in various cults in Europe after Methodius's death in 885. Disciples of the Solun brothers were banished from the Great Moravia but they used their experience in the Czech Republic, Bulgaria, Croatia, Serbia and the Byzantine Empire. Slavic culture and liturgical language spread into other countries from these religious centers.

Contemporaries undoubtedly could not be aware of consequences of the forced leave of the Solun brothers from Great Moravia. Active influence of first disciples of Cyril and Methodius in the Bulgarian Empire at the turn of 9th and 10th century was decisive for expansion of powers of the Slavic world directly linked to the cultural development and Christianization. More than one hundred years later, other generations of scholars stimulated religious environment of the Eastern Slavs concentrated in Kievan Rus' to

* Corresponding author

E-mail addresses: mhetenyi@ukf.sk (M. Hetényi), pivanic@ukf.sk (P. Ivanič)

such a form that Great Moravian cultural tradition found its continuation and establishment. Intellectual elites of several Slavic nations established the development of national identity on the cult of Cyril and Methodius in the later time period. It was not a coincidence because they had relatively intense connections that allowed them to look for various kinds of inspirations related to this cult.

2. Materials and methods

The important basis formed literary works that concern the Cyrillo-Methodian tradition and cult in the 19th and 20th century. In addition to them, later Slovak and foreign scientific publications were used in regard to the given topic.

The solving of the research tasks was carried out by generally used methods, as the historical-comparative method and the principle of historicism. Syntheses and analyses have an important position within this article. They allowed to handle the general framework of the Cyrillo-Methodian tradition and cult which dominated many Slavonic nations. In this regard we put emphasis on the example of Slovakia where we took into consideration the aspect of the Slovak National Process that had particularly sprouted since the second half of the 19th century.

3. Discussion

Transformation of perception of a function of the Cyrillo-Methodian idea at the turn of 19th and 20th century included many contradictions and paradoxes related to mutual relationship between modernizing and at the same time nationalizing society on one hand and on the other hand between changing position of religion in the center of this society. Cyrillo-Methodian cult reflected contemporary distinctive and often contradictory religious, national, constitutional, political and political-party interests, concepts, objectives and conflicts inside this society (Malíř, 2014: 103-104). Nowadays, significant attention is drawn to the issue of Cyrillo-Methodian idea in historiography. Cyrillo-Methodian stories were initially almost exclusive part of religious historiography and hagiography (Arpáš, 2017: 233-240; Podolan, 2013: 198; Ruttkay, 2016: 2-10; Vepřek, 2016: 193; Zozulák, 2013: 790-799; Zozulák, 2017: 3-11; Žeňuch, 2016: 199-209).

In the era of forming modern identities, thus during National Revival when certain interest groups needed to support categorical constructs of continuity within forming their identity so in case of respect for the saints thus to Cyril and Methodius, there is incorporation of another deeper motive hidden in these constructs - attempts to create divine "model" and to prove divine life existence, interconnection of mundane and spiritual life (Hanuš, 2013: 15).

4. Results

Development of the Cult of Cyril and Methodius in 17th and 18th century. There were significant changes at places where Cyril and Methodius were active during Great Moravian missionary activity after the fall of the Great Moravia. The territory of contemporary Slovakia became a part of the Kingdom of Hungary for several centuries after 1000. Cyrillo-Methodian cult was relatively quickly replaced with an incoming cult of Hungarian saint rulers and younger saints of Nitra diocese (St. Svorad and Benedict). Although Cyrillo-Methodian literature and literary message could not be developed and application of literary traditions implemented by Cyril and Methodius was interrupted for a long time period, their work in universal spiritual perception persisted in cultural heritage of entire generations – either in aristocracy of Slavic origin or of common people. Manifestations of respect did not completely disappear from religious life (especially from its non-liturgical manifestations) (Mulík, 2009: 98).

Respect for Cyril and Methodius is documented in an increasing number of manifestations of various Slavic nations from the 16th century. Saint brothers are especially mentioned in historical and liturgical literature whereas in the 17th and 18th centuries concepts about their activity in individual scripts are partially stabilized (Tibenský, 1992: 579; Žeňuch, 2002: 47). Initial interest in Cyrillo-Methodian cult was not massive - at the beginning it was shown by individual scholars. Even in the field of religion, worshiping of Byzantine missionaries was only gradual. The fact that the Solun brothers were not patrons of any church in the entire Kingdom of Hungary proves this fact (Kowalská, 2013: 70). It changed after 1777, when the pope Pius VI., based on the incentive of enlightened ruler Maria Theresa, approved 14th March as the day of worshiping the memory of Sts. Cyril and Methodius in all Catholic Churches of the Habsburg Monarchy (Vragaš, 1991: 60).

Two elements of Church-religious life were primarily important for forming of Slovak national identity in Slovak ethnic environment – Catholic and Evangelical of the Augsburg Confession. Historical Cyrillo-Methodian narrative was domesticated in circles of scholars of both confessional societies, although in the second half of the 18th century it was more often emphasized by Catholic intellectuals. Both saints eventually symbolized the shape of Church that was split by schism and in case of Evangelical community they provided the possibility to legitimize its existence still doubted by the pressure of recatholization (Kowalská, 2007: 120). Evangelical scholars also identified themselves with Great Moravia and they perceived Sts. Cyril and Methodius as messengers of Christianity among the Slovaks and propagators of the Word of God in a domestic language. They found themselves as disciples of their work while the connecting element between them and themselves was in reformation that rehabilitated domestic languages and called for the return to original ideals of Christianity (Škvárna, 2004: 20).

Development of Cyrillo-Methodian tradition was based on ideological foundations of all generations of Slovak National Revival. Followers of Anton Bernolák greatly contributed to the development of traditions (emphasizing its religious scope), especially Anton Bernolák and Juraj Fándly themselves. National awakers raised interest not only in literature but in folk song as well. Vojtech Šimko, a member of Slovak Learned Society, promoted a hymn song *Nitra, milá Nitra* [Nitra, dear Nitra] whereas “slovenská mati” [Slovak mother] has got strong attributes of Cyrillo-Methodian content. This awakening ode from the end of the 18th century was sung by followers of Ludovít Štúr on Devín on 24 April, 1836.¹ However, attempts of followers of Anton Bernolák were no longer developed.

The Cult of Cyril and Methodius in 19th century. There was a new generation of awakers in the Evangelical and Catholic confession in 20's and 30's of the 19th century. It was formed in the situation of strengthening Hungarization. A new stimulus for revival was seen in significant growth of political influence of Russia after Napoleonic wars, where Slovaks and Czechs saw a patronage for their ethnicity, prospect of the Slavs and their future in numerous family of Slavic nations. In the context of these changes, the perception of mission of the Solun brothers in awakening circles changed. Reminiscence on Christianizing activity of Cyril and Methodius lived to see a qualitative development of Cyrillo-Methodian idea not only in the scope of spreading a new culture, script and language but it started to play a role in political (state-building) sense considering contemporary connotations in the Great Moravian empire. The existence of the Great Moravia as a powerful state body that preceded the Kingdom of Hungary was to legitimize attempts to obtain greater political rights. Elements of Cyrillo-Methodian theme may be found in several works by prominent Evangelical scholars such as Ján Kollár and Pavel Jozef Šafárik from the beginning of the 19th century (Podolan, 2013: 202-219). Kollár created a concept of Slavic reciprocity and the idea of Czech-Slovak literary-linguistic and tribal unity in his poetic work. An attempt for literary and cultural union of the Slavs in Kollár's work *O literárnej vzájomnosti* [About Literary Reciprocity] was a presage of political Pan-Slavism. His opinions had positive reaction in czarist Russia that considered them as expansion of its historical role starting with the patronage of all Orthodox believers ending with the unification of the Slavs.

Cyrillo-Methodian cult gradually gained multi-functional role among Slovaks. A Catholic Priest and follower of Anton Bernolák, Ján Hollý wrote one of his most important works related to this cult in 1835 - an epic poem *Cyrillo-Methodiada* that belonged to the basis of Slovak literature in the 19th century. Paramount generation of Slovak awakers led by Ludovít Štúr also emphasized the cult - its national-state aspect especially under the influence of this poetic work and other of his works from 30's and 40's of the 19th. This generation promoted the concept of independence and national language, making the Evangelists to leave their former positions of literary-linguistic unity of the Czechs and Slovaks. The process of formation of Slovaks into a modern nation took place under unpleasant circumstances because the Hungarians also formed into a modern nation which political elites changed Hungary into Hungarian national state. At the beginning of 40's of the 19th century intensive spreading of Hungarian language in public life was most significantly manifested in Protestant education where fear of Russian influence played its role (Predanociová, 2016: 58). Štúr's concepts changed during his life. After 1848, he definitely inclined to integration of Slovakia to Russia (Gbúrová, 2017: 53-56).

Regarding followers of Ludovít Štúr, mainly Evangelical scholars, national-identifying interpretation of Cyrillo-Methodian tradition apparently got on the level of civilizing identity as a higher stage of collective identity² where they attempted not to separate national and religious idea. However, one of the leaders of Štúr's generation Jozef Miloslav Hurban in his essay *Slovensko a jeho život literárny* [Slovakia and its Literary Life] that was published in a magazine *Slovenskije Pohľady na vedi umeňja a literatúru* [Slovak Views on Science and Literature] mentions merits of Cyril and Methodius when spreading Christianity but he emphasizes them as creators of a script, translations and literature. This work may be considered as a synthesis of history of literature where a new view on an activity of both saints in Great Moravia is integrated as well as a picture of “*the state of memory on the Solun brothers*”. Hurban pointed out at the fact that Slovaks had, as one of the first nations, access to the Bible in their mother tongue thanks to Sts. Cyril and Methodius (Kodajová, 2013: 88-90). In the 19th century, the image of saints that preferred a cultural importance of their mission was not primarily linked to a particular confession what eventually provided a common platform for cooperation of Catholic and Lutheran Church dignitaries while preparing celebration of millennium of their arrival to Great Moravia.

The cult of both brothers was also spread in other Slavic countries where in each of them with different political, cultural and confessional conditions for its existence. The influence of Cyril and Methodius may be found in Orthodox Church so the messages of both brothers are intensively commemorated in Russia or Ukraine. Roots of this tradition of Eastern Slavs may be found in the Early Middle Ages (Fris, 2003). In the 13th century Mongolian hordes caused recession not only in political but cultural life of Rus that made the

¹ The song was published for the first time by Ján Kollár in his collection *Národné zpievanky* [National Songs] (1834, 1835) and in 1836 by Karol Kuzmány in *Hronka* journal as well.

² In 1842 Jozef Miloslav Hurban started to publish an almanac *Nitra* where he published a poetic composition with Great Moravian theme called *Osudové Nitry* [Faiths of Nitra] and short novels *Svatba krále velkomoravského* [Wedding of Moravian King] and *Obrazy z deviateho stoletia* [Pictures from the 9th Century] (Kačírek, 2017: 163-164).

cult of Cyril and Methodius much weaker. References to them were rarer and local Church had a decisive role in at least limited keeping of awareness and respect for the saints. More dynamic renewal of Cyrillo-Methodian cult in Eastern Slavs as well as Slovaks occurred in the 19th century in the process of forming modern nations and national movements.

The nature of Cyrillo-Methodian message was attractive not only for Catholic but Orthodox Church as well and therefore it was lively especially among Balkan and Eastern Slavs. It was becoming an important factor of unionist movement in Catholic and Orthodox circles. Popularity of Cyrillo-Methodian cult and its spreading among Southern and Eastern Slavs was a suitable ground for searching for ways to gain Orthodox Slavs for union with Catholic Church. Pope's letter *In suprema Petri Apostoli Sede* written by the Pope Pius IX. issued in January 1848 served as a certain stimuli in this direction. In his letter the Pope addressed Catholics and Orthodox Christians and he initiated many reflections and attempts to unify Roman-Catholic and Orthodox Church and at the same time to increase an interest in Cyrillo-Methodian idea at international level. After 1848, several associations and periodicals in different countries claimed allegiance to Cyrillo-Methodian idea (Malíř, 2014: 106).

From the second half of the 19th century commemorations of saints in press were intensified and also in other public forums what was, besides the mentioned letter of Pius IX, related to millennial celebrations of their arrival to Great Moravia (1863), decease of Cyril (1869) and Methodius (1885). Catholic magazine *Cyrill a Method* was named after the Solun brothers in the Kingdom of Hungary. *Katolícký časopis pro Cirkev a školu* [Catholic Magazine for Church and School], that also had their portrait in heading, was published for the first time symbolically on the feast of Sts. Cyril and Methodius¹ in Banská Štiavnica in 1850. Contributions in the magazine were focused on Cyrillo-Methodian issue of the Slovak reciprocity and strengthening of Slovak national awareness. A high school professor in Banská Bystrica Juraj Šlota implemented an annual commemoration of the feast of Sts. Cyril and Methodius in Upper-Hungarian environment in 1853 for the first time. Not only teachers and students but city representatives, clerks and citizens of Banská Bystrica also participated in celebrations that took place on 14th March in a church in the form of church services. Notices of a similar nature that were related to Cyril and Methodius regularly appeared in the magazine (Ivanič, Hetényi, 2017: 77-91).

60's of the 19th century are known as Matica period when the political situation was temporarily released and the Hungarians did not gain the overall power in the Kingdom of Hungary. After change of a political regime (after the fall of so called Bach's absolutism) and after the establishment of more liberal situation there was a repeated enlivening of national life of the Slovaks. At the occasion of millennial celebrations of the arrival of the Solun brothers to Great Moravia in 1863 there were many activities performed organized by the representatives of Catholic as well as Evangelical Church. Main coordinators of these celebrations were the bishop of Banská Bystrica Štefan Moyses, the bishop of Spiš Ladislav Zábojský and Evangelical superintendent Karol Kuzmány. Due to the resistance of Church nobility, the festive commemoration of the arrival of Cyril and Methodius was of exclusively religious nature without a more distinctive connection with patriotic idea. In many purely Slovak localities an attempt to organize millennial commemorations was supported neither by the Bishop of Estergom, Hungarian offices nor by local priests who preferred the tradition of St. Stephane (Kohútová, 2014: 65).

In dioceses of Banská Bystrica and Spiš commemorations of Cyril and Methodius were announced via shepherd letters and took place in several locations. The most prominent commemorations took place on 14 and 15 March, 1963 in Banská Bystrica and on 31 May, 1863 in near village of Selce where a local temple was consecrated to Cyril and Methodius at this occasion - this patrocinium is the oldest consecration of a church to these saints in the entire Kingdom of Hungary. The festive academies took place during the jubilee year in Slovak high schools in Banská Bystrica and Revúca (Vetráková, 2012: 213-228). Besides festive services and academies Cyril and Methodius were commemorated through publications, articles, pictures and statues. Churches, chapels, altars, bells, church flags, schools and libraries were named after them (Škvarna, Hudek, 2013: 4).

The most significant success of the Slovak National Revival in this era was the establishment of Matica slovenská based on the model of other Slavic countries that already had their Matica. The first general assembly of Matica slovenská took place on 4 August, 1863 and it declared that this institution is a commemoration of the millennial memorandum of Christianization of the Slovaks. During the festive mass, merits of Sts. Cyril and Methodius were emphasized in a sermon (Kohútová, 2013: 66-67). Spreading of Cyrillo-Methodian cult, its popularity as well as forms of its maintaining and worshiping reached their peak about 1863 in Church ground, national life and print. It contributed to the content as well as national character of Cyrillo-Methodian tradition. Originally, religious and Slavic scope were dominant but it gradually gained more Slovak-like character in both confessional environments until it became one of the most effective tools how to strengthen and manifest national emancipation of Slovaks. During this period the cult of Sts. Cyril and Methodius developed itself in spatial, instrumental, visual, experience way. These saints were standardized as one of the most frequent and typical Slovak symbols (Lopatková, 2014, 69-77; Škvarna, Hudek, 2013: 47-49). Cyrillo-Methodian cult was to a certain extent evoked by Orthodox especially Russian environment. However, in regard to Slavophile orientation of several Slovak political leaders and non-

¹ The fiest of Sts. Cyril and Methodius was in the given period celebrated on 14 March.

existence of other more valuable domestic traditions, this aspect could not be threatened by Cyrillo-Methodian cult in Slovak national program.

In 1864, the bishop of Banská Bystrica and the chairman of Matica slovenská Štefan Moyses together with Croatian and Czech bishops asked the Holy See to make a liturgical feast of Sts. Cyril and Methodius take place in all Slavic countries annually on 5 July (instead of 9 March) (Zubko, 2011: 237).¹

The Austro-Hungarian Compromise of 1867 that was a consequence of the lost war between Austria and Prussia caused closing of Slovak Matica slovenská, Slovak high schools and many other more serious wounds. In May and June of this year there was Russian ethnographic exhibition and Slovak congress held in Moscow. Matica slovenská received an official invitation but did not send any official delegation due to its fear of persecutions. Only attorneys such as Pavol Mudroň and Ján Jesenský as well as a Catholic priest Andej Radlinský arrived in Moscow privately. After their return, they were accused of a treason (Kováč et al., 1998: 523).

The atmosphere in the Habsburg monarchy at the turn of 60's and 70's was marked by political processes, closing down of many religious associations and a ban of larger manifestations of national awareness. Jubilee millennial anniversary of the death of Cyril in 1869 was commemorated only in Moravian Velehrad (Kindlerová, 2013: 30). Commemorations of Cyrillo-Methodian cult was in regard to changed political-social situation overshadowed despite the fact that 1880, the pope Lev XIII. published an encyclical *Grande munus* where he ordered 5 June to become a universal holiday for worshiping of Sts. Cyril and Methodius in the whole Catholic Church. In the encyclical inspired by Zagreb archbishop J. J. Strossmayer opinions on holiness of both brothers were confirmed and their work was commemorated. Further encyclical contained an appeal to unify the churches. With gratitude for this, Slavic pilgrimage to Rome was held supported by the presence of Slovaks.

The mentioned millenniums were a strong impulse for development of Cyrillo-Methodian tradition in other Slavic countries as well. Their cult remained continually preserved especially in Bulgarian and Croatian environment while it was primarily focused on their merits for preparation of students who continued with already started religious activity right in the Balkans. Connections to Moscow were the strongest at Bulgarians among other Slavic countries as Bulgarian populations expected help from Orthodox Russia of the same belief.²

Until 19th century, services dedicated to particular saints were brought into Russian sacral menaions in the context of imperial state politics. The situation radically changed later during the era of Cyrillo-Methodian celebrations when events from Russian church history become the center of attention regarding perception of hymnography. There were no special ceremonies stated to be used by the Solun Brothers in liturgical practices of countries that used liturgical books from Russia (except for Russia itself) there was a need to change this situation in Russian Orthodox Church. First practical steps towards re-establishment of worshiping of Slavic first teachers were taken by Antonij, the Bishop of Smolence. In summer 1861, he addressed an arch-prosecutor of Church synod with a request to elaborate such a service and implement it into worship practice because as he informed - in liturgical books there was not a reference on them linked to 11 May a service to Cyril and Methodius (Pociechina, Kravetsky, 2013: 17-18). A proposal by a bishop Antonij was supported by a Moscow metropolitan Filaret (Popov, 2013: 305-306). Filaret himself composed a song for this canon. Certain doubts within a discussion on newly established service caused a recognition of equal status of Slavic teachers with disciples, so a metropolitan was forced to draw up a special file where he explained the meaning of the importance of such equality. Synod subsequently approved a text about Cyril and Methodius related to 11 May and names of saints that were in 1863 integrated into liturgical books (Pociechina, Kravetsky, 2013: 18).

Celebrations of a millennial of Cyrillo-Methodian mission were mentioned also in Russian church press. Readers in Russia were also informed about preparations on a consistent course of Cyrillo-Methodian celebrations in Habsburg monarchy via an article by an anonymous correspondent published in *Duchovnjaja beseda*³ [Religious Talk] on 26 December, 1862. Besides its informative function, the article apparently had also another purpose - to arouse Orthodox believers who did not start with preparations on the celebration of Cyrillo-Methodian anniversary. The report is primarily focused on passive attitude of the Orthodox Church in the Kingdom of Hungary that failed to react on general arousing of the Slavs to the millennial celebration with any particular measurements. Fear that the conclusion of these events might be interpreted in a way that the belief brought by Cyril and Methodius was of Roman Catholic not Orthodox nature should have served as a strong argument. The mentioned magazine *Duchovnjaja beseda* [Religious Talk] reflected the course of millennial celebrations in the Habsburg empire when it provided a relatively detailed description how Catholic Slavs celebrated millennial anniversary of Slavic teachers and how the Evangelists followed them (Pociechina, Kravetsky, 2013: 17).

¹ The shift of this feast was not done uniformly in individual dioceses of northern Kingdom of Hungary.

² Russian ruler's court was fully aware of this and Bulgarian issue was in the background of many Russian-Turkish conflicts and wars. The Russian army eventually stood at liberation of Bulgaria from the domination of the Ottoman Empire in 1876.

³ Church weekly published in 1858–1876 in Saint Petersburg.

Similarly as in the rest of the Slavic world, in Eastern Slavic countries in 60's of 19th century there were many celebrations held as commemorations of Cyril and Methodius. There was a synod of Orthodox Church which established Saints Cyril and Methodius' Day in 1863 as a memory of completion of millennium from the first consecration of the Gospel into the language of the people annually on 11 (24.) May, on a day when the Solun brothers came to Great Moravia based on tradition. The choice of this date had its more rational reasoning and it was based on the study by a professor of Moscow university Ivan D. Beljajev of 1862. He wrote about a certain Church original document that belonged to Moscow historical society and Russian historical sights where there was an instruction how to depict icons of Cyril and Methodius ([Pociechina, Kravetsky, 2013: 17](#)).

Building of monuments subsequently started in Czarist Russia and from 1865 with awarding of Sts. Cyril and Methodius ([Krilj, 2003: 1-5](#)). Another way of showing respect was a celebration dedicated to millennial anniversary of Slavic document in 1868.

Key personalities of contemporary national historiography, literary science and linguistic concentrated in Moscow university in Russia started to be interested in Cyrillo-Methodian cult. In 1865, *Kirillo-Mefodijeuskij sbornik* was issued under the editorial office of Professor Michail P. Pogodin that covered a significant number of primary resources connected to work of Cyril and Methodius including medieval services. Political aspects of Cyrillo-Methodian celebrations were also mentioned there. Prominent Russian scientist (a filologist Fiodor I. Busleav, an ethnologist Piotr A. Bessonov, a literary scientist Ivan S. Aksakov etc.) pointed out at the fact that Cyrillo-Methodian heritage proved unity of Slavic history. They understood a renewal of religious memory of Cyril and Methodius as a proof of the arising idea of the Slavs in Russian public awareness. There roots were supposed to be a key to future religious connection of all Slavs ([Pociechina, Kravetsky, 2013: 18-19](#)).

The renewal of liturgical worshipping of Slavic first teachers in Russia was developed in parallel with scientific development and movements that perceived Cyril and Methodius as symbolical figures of the entire Slavic culture ([Shpakovskaja, 2014: 151-152](#)).

In Russia on 8 (21) April 1885, Method's death was commemorated by services in the cathedral of st. Isaac in Saint Petersburg. The same day there were celebrations of millennial anniversary of archbishop's death also in Kiev and several ideologists of Slovak battle - writers Svetozár Hurban Vajanský, Jozef Škultéty či Pavel Valášek, an attorney from Nitra participated ([Mulík, 2011: 2015](#)).

Unlike Russia, in the last decades of the 19th century until the end of the Habsburg monarchy we meet with manifestations of worshipping of the Solun brothers in the territory of today's Slovakia only sporadically. The exception was the Orthodox and Greek-Catholic believers who continued in celebrating the saints of Byzantine origin in their liturgical ceremonies ([Škvarna, Hudek 2013: 49-63](#)). Oppression of Hungarian authorities against Slovaks reached its peak during Russian-Turkish war (1877–1878) that lead to liberation of Bulgarian nation from Turkish misery what was significantly supported by Slovaks. The government in Budapest took gradual yet systematic steps towards assimilation of non-Hungarian ethnicities. In this difficult situation, Svetozár Hurban Vajanský, a son of Jozef Miloslav Hurban, presented his ideological orientation to Russia that he considered to be an ideal of the only Slavic free country. It was nothing new, Vajanský only adapted his strong belief in the future of the Slavs and especially Russia to the situation given. Vajanský was the most noticeable representative of Pan-Slavism in Slovakia in the 2nd half of the 19th century ([Vajanský, 1977](#)). In the context of Russophile manifestations and steps of these Slovak activists, Hungarian government perceived Cyrillo-Methodian cult as an ideological instrument of Pan-Slavism.¹

Ostentatious national manifestations of Slovaks were suppressed at the beginning by Hungarian government. Processions and other public events in Slovak cities where Cyrillo-Methodian mission was probably active (Devín, Nitra) could not be held during this period. Possibility to show respect to saints in public was allowed in 80's of 19th century in neighboring Moravian Velehrad. Through one of the few wider campaigns for spreading of Cyrillo-Methodian tradition in *Katolícke noviny* (Catholic Magazine), the oldest Catholic magazine in Slovakia, that played an important role when constituting Slovak language, massive participation of Slovaks in millennial celebrations in Velehrad was ensured in 1885. Besides Czechs, Moravians and Slovaks also Polish, Sorbs and southern Slavs participated in celebrations despite persecutions by the state ([Kindlerová, 2013: 31](#)).

Spectacular Cyrillo-Methodian celebrations in Velehrad in 1885 met with a positive response in whole Moravia. Influenced by them, a priest Anton Cyril Stojan in Olomouc established in 1891 *Apoštolát svätých Cyrila a Metoda* (Apostolate of Sts. Cyril and Methodius). Its purpose was to strengthen Slavic Catholic Church and also unification of Slavic non-Catholics in a united belief. It greatly developed its activity in Bohemia, Moravia in Croatia and Slovakia. Thanks to Stojan, theological congresses which crucial task was to bring people closer together and attempt to develop a doctrine bridge between Slavic Orthodox East and Latin West were held in the centre in Velehrad, an imaginary archishop city of st. Methodius.²

¹ Political Pan-Slavism as a movement directly threatening integrity of State was a crime in the Kingdom of Hungary (§ 127 of Hungarian Criminal Code).

² Lipka C. Svätocyrillo-metodská tradícia medzi západnými Slovanmi (St. Cyrillo-Methodian Tradition between Western Slavs). In: <http://www.kultura-fb.sk/new/old/stare/dejiny-22.htm>

Unionist attempts overlapped with national and political attempts. As the Cyrillo-Methodian idea was also demanded by Slavophiles in Russia who understood it as a possibility to act for unification based on Orthodoxy, Velehrad unionism raised suspicion of Austrian government of improper interference of its persons involved into domestic political sphere. Cyrillo-Methodian issue got into the power field of efforts of Catholic Church and promoting of church union with an aim to attract Orthodox Slavs from Balkan countries on one hand and on the other hand of strengthening movement which representatives together with Orthodox Church in Russia understood Cyrillo-Methodian cult as a suitable ideological instrument for spreading of the attempts to unify Slavs based on their Orthodoxy (Kouřil, 1993: 127-132; Vlček, 2002; Vlček, 2005: 59-109). However, Church representatives in Morava could not resist the pressure of Vienna court and organized these celebrations in Velehrad in strictly religious Catholic manner. They minimized participation of representatives of Russian Orthodox Church and Slavophiles and eliminated their effort to summon an interconfessional congress of Slavs during jubilee celebrations.¹ Fears of Pan-Slavism led the government of Vienna to decision to make Cyrillo-Methodian jubilee celebrations monitored by the police (Malíř, 2014: 109).

During the era of the Kingdom of Hungary, Slovaks could fruitfully develop their respect at least abroad where approximately one third of them lived at the beginning of 20th century. Cyrillo-Methodian cult was developed so rapidly and intensively that at the end of 19th century it became a clear identifying feature of Slovak immigrants in the USA and Canada. It is proved by churches, public building, schools and even medals and honors of various institutions that are named after them. Similarly as a cult helped in unifying Lutherans and Catholics in the kingdom of Hungary, it contributed to unifying Roman-Catholic and Greek-Catholic immigrants from Slovakia in American environment (Kowalská, 2013: 74).

20th century is in the history of Slovakia characterized by frequent and significant changes. The establishment of the Czechoslovak republic brought new possibilities and new symbolism. Cyrillo-Methodian tradition was a categorical imperative for Catholic and Evangelical Church. Religious respect for holy brothers was becoming a matter of course. They were perceived as national patrons in Slovakia where their feast was eagerly celebrated every year on 5 July.

5. Conclusion

In Slovakia, the Czech Republic and Croatia, the feast of Sts. Cyril and Methodius is celebrated annually on 5 July. Nowadays in Russia, Ukraine, Belarus and Bulgaria, 24 May is a bank holiday named the Day of Slavic Culture and Scriptum, as well as in Macedonia under the name Day of Sts. Cyril and Methodius. The restoration of church memory of Cyril and Methodius in Russian Empire that were actualized in the second half of the 19th century in relation to ideas of unification of Slavic culture, stimulated an interest in Russian saints and their service.

Cyrillo-Methodian cult was originally a religious and church concern. In 19th century, there was an increased interest in this tradition based not only on religious-church but national and political motivation as well. The concept of Cyril and Methodius in the Kingdom of Hungary had different backgrounds for its development compared to Eastern Slavic countries. Regarding Slovak National Revival in the 19th century, cultural tradition based on Great Moravia was an important stimulus for its own self-identification. Slovaks compared to Czechs and Russians could not rely on statehood and therefore they followed the reference of Cyril and Methodius in broader dimensions and also beyond the scope of religious perception- in particular in its national-state dimension. During the era of the Kingdom of Hungary Slovaks could develop Cyrillo-Methodian respect spread thanks to several promoters only to a limited extent. Despite of this ideological transfer, often through personal contacts, stimulated interest in Cyrillo-Methodian cult also in Slovak awakening circles. Worshipers of holy brothers from church circles intended to contribute to strengthening of faith in their country during the period of threat of increasing secularism and to getting to know Christian East by their diverse practical activity in their Christian ministry (Kindlerová, 2013: 38). Deeper understanding of the importance of Sts. Cyril and Methodius is related, besides the boom of their cult regarding the Orthodox, Catholics and Evangelists, to scientific exploration of their life and work which beginnings are linked to the 19th century. Instrumentalization of Cyrillo-Methodian message for national-political and later for political-party purposes completed their wide-ranging and variable role in the 19th century. Its multifunctionality enabled spreading and deepening of religious awareness and National Revival activity at the same time. Similarly, the Cyrillo-Methodian cult had its place regarding the development of interconfessional movement and at the same time and it was eventually used as a part of national-defensive efforts (Malíř, 2014: 114). Nowadays, the current appeal through the process of digitalization is to access world cultural heritage of Cyril and Methodius to the public (Nikonova – Biryukova, 2017: 169-173).

6. Acknowledgement

This work was supported by the Slovak Research and Development Agency under the contract No. APVV-16-0116.

¹ Vice versa, representatives of Czech politics took a positive stance towards the interest of other Slavs in Cyrillo-Methodian celebrations due to national-political reasons.

References

- Arpáš, 2017** – *Arpáš, R.* (2017). Elements of Cyrillo-Methodian Tradition as a Part of Pribina's Legacy? (Celebrating 1100th Anniversary of Christianity in Czechoslovakia). *Konštantínove listy*. No. 1 (10). pp. 233–240.
- Fris, 2003** – *Fris, V.* (2003). Istorija kirilichnoy rukopisnoy knigi v Ukrayine [History of Cyrillic Manuscript Book in Ukraine]. Lviv [in Ukrainian].
- Gbürová, 2017** – *Gbürová, M.* (2017). Ľudovít Štúr v kontexte európskeho politického myslenia od roku 1849 // Ľudovít Štúr – Európan, národovec a reformátor / Ed. S. Krno. Bratislava. pp. 58–104.
- Hanuš, 2013** – *Hanuš, J.* (2013). Cyrilometodějství: Nesamozřejmě tradice // Cyrilometodějská tradice v 19. a 20. století, období rozkvětu i snah o umlčení / Ed. M. Junek. Praha. pp. 15–24.
- Hetényi, Ivanič, 2017** – *Hetényi M., Ivanič P.* (2017). On problems with the perception of the Cyrillo-Methodian cult in the modern history of Slovakia. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*. No. 2 (5). pp. 77–91.
- Kačírek, 2017** – *Kačírek, L.* (2017). Vydavateľské aktivity, literárna a publicistická tvorba // Jozef Miloslav Hurban, prvý predseda Slovenskej národnej rady / Ed. N. Petranská Rolková. Bratislava. pp. 160–182.
- Kindlerová, 2013** – *Kindlerová, A.* (2013). Cyrilometodějská úcta v Chorvatsku v 19. a 20. století. *Caritas at veritas*. No. 3. pp. 29–39.
- Kodajová, 2013** – *Kodajová, D.* (2013). Symbolická inštrumentalizácia obrazu Cyrila a Metoda v kontexte formovania národného príbehu Slovákov v 19. storočí // Cyrilometodějská tradice v 19. a 20. století, období rozkvětu i snah o umlčení / Ed. M. Junek. Praha, 2013. pp. 83–101.
- Kouřil, 1993** – *Kouřil, M.* (1993). Unionismus nebo panslavismus? K historii „Apoštolátu sv. Cyrila a Metoděje“ // *XXII. mikulovské sympozium*. Brno. pp. 127–132.
- Kohútová, 2014** – *Kohútová, M.* (2014). Príprava cyrilo-metodských osláv biskupom Štefanom Moyzesom roku 1863 // Kohútová M., Frimmová, E. et al. Ideové prvky národného príbehu v dlhom 19. storočí. Bratislava. pp. 63–67.
- Kováč et al., 1998** – *Kováč, D. et al.* (1998). Kronika Slovenska 1. Od najstarších čias do konca 19. storočia. Bratislava.
- Kowalská, 2007** – *Kowalská, E.* (2013). Kyrill und Method. Ihre Tradition in Politik und Geisteswelt der Slowakei // Die Renaissance der nationalpatrone. Erinnerungskulturen in Ostmitteleuropa im 20./21. Jahrhundert. Ed. S. Samerski. Köln, Weimar, Wien. pp. 116–127.
- Kowalská, 2013** – *Kowalská, E.* (2013). Tradicija nacionaljnych svjatyh Kirilla i Mefodija. Vozniknovenie i ispoljzovanije v politicheskoj propagande slovackogo nacionalizma. *Slavianovedenije*. No. 2 (48). pp. 68–78 [in Russian].
- Krilj, 2003** – *Krilj, M.* (2003). Svjatyi Kirilo ta Mefodyj : U duchovnomu i kulturnomu zhiti slovjanskyh narodiv [Saints Cyril and Methodius : Spiritual and cultural life of the Slavic nations]. *Istorija Ukrajiny*. No. 13. pp. 1–5 [in Ukrainian].
- Lopatková, 2014** – *Lopatková, Z.* (2014). Cyrilo-metodská tradícia a trnavské centrum posledných bernolákovcov (do konca 19. storočia) // Kohútová M., Frimmová, E. et al. Ideové prvky národného príbehu v dlhom 19. storočí. Bratislava. pp. 69–77.
- Malíř, 2014** – *Malíř, J.* (2014). Cyrilometodějská idea mezi náboženstvím, národem a politikou (na okraj Masarykovy kritiky mladočeských snah o přijetí slovanské bohoslužby). *Studia historica Brunensia*. No. 2 (61). pp. 101–115.
- Mulík, 2011** – *Mulík, P.* (2011). Ideologické interpretácie cyrilo-metodskej tradície v slovenských dejinách // Kirilo-metodievski studii. Kniga 20 / eds. S. Nikolova, P. Žeňuch. Sofia. pp. 206–218.
- Nikonova, Biryukova, 2017** – *Nikonova, A.A., Biryukova, M.V.* (2017). The Role of Digital Technologies in the Preservation of Cultural Heritage. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*. No. 1 (5). pp. 169–173.
- Podolan, 2013** – *Podolan, P.* (2013). Svätí Cyril a Metod v historiografii 1. polovice 19. Storočia // Lukáčová, M. et al. Tradícia a prítomnosť misijného diela sv. Cyrila a Metoda. Nitra. pp. 198–220.
- Popov, 2013** – *Popov, A.V.* (2013). Pravoslavnyje ruskije akafisty [Orthodox Russian Akathists]. Moskva [in Russian].
- Pociechina, Kravetsky, 2013** – *A.G. Pociechina, H., Kravetsky, A.G.* (2013). Minei: Obrazec gimnograficheskoy literatury i sredstvo formirovaniya mirovozzrenija pravoslavnyh [Minaia: An Example of Hymnographic Literature and a Tool to Shape the Orthodox Worldview]. Olsztyn [in Russian].
- Predanocyová, 2016** – *Predanocyová, L.* (2016). Ľudovít Štúr, pedagóg a tvorca koncepcie vzdelávania. Krakow.
- Ruttkay, 2016** – *Ruttkay, A.T.* (2016). On the Origins of Christianity in the Territory of the Slovak Republic, Significance of Missionary Work of Cyril and Methodius and Responses to it in the 10th – 11th Centuries. *Konštantínove listy*. No. 2 (9). pp. 2–10.
- Shpakovskaja, 2014** – *Shpakovskaja E.E.* (2014). Nasledie Kirilla i Mefodija kak filosofskoe poslanie potomkam [Heritage of Cyril and Methodius as a Philosophical Massage to Descendants]. *Научная статья*. No. 4 (11), pp. 149–153 [in Russian].
- Škvarna, 2006** – *Škvarna, D.* (2006). Začiatky moderných slovenských symbolov. K vytváraniu národnej identity od konca 18. do polovice 19. storočia. Banská Bystrica.
- Škvarna, Hudek, 2013** – *Škvarna, D., Hudek, A.* (2013). Cyril a Metod v historickom vedomí a pamäti 19. a 20. storočia na Slovensku. Bratislava.

- Tibenský, 1992** – *Tibenský, J.* (1992). Funkcia cyrilometodskej a veľkomoravskej tradície v ideológii slovenskej národnosti. *Historický časopis*. No 5. (40). pp. 579–594.
- Vajanský, 1977** – *Vajanský, S.H.* (1977). Listy z Uhorska: 40 listov uverejnených v ruských novinách Moskovskije vedomosti v priebehu roku 1908. Martin.
- Vepřek, 2016** – *Vepřek, M.* (2016). Slavonic Liturgy in the Present Day Czech Roman Catholic Church As a Legacy of Cyril and Methodius. *Konštantínove listy*. No. 1 (9). pp. 192–198.
- Vetráková, 2012** – *Vetráková, A.* (2012). Oslavy tisícročného jubilea príchodu sv. Cyrila a sv. Metoda na Veľkú Moravu v roku 1863 // Bratia, ktorí menili svet – Konštantín a Metod / Eds. *B. Panis, M. Ruttkay, V. Turčan*. Bratislava. pp. 213–228.
- Vlček, 2000** – *Vlček, R.* (2000). Ruský panslavismus – realita a fikce. Praha.
- Vlček, 2005** – *Vlček, R.* (2005). Slovanství, panslavismus a rusofilství při formování moderního českého národa. *Slovanské historické studie*. 30. pp. 59–109.
- Vragaš, 1991** – *Vragaš, Š.* (1991). Cyrilometodské dedičstvo v náboženskom, národnom a kultúrnom živote Slovákov. Zürich – Toronto – Bratislava.
- Zozuľak, 2013** – *Zozuľak, J.* (2013). The Study of Byzantine Philosophy and Its Expansion in Great Moravia. The 1150th Anniversary of the Mission of Saints Constantine (Cyril) and Methodius. *Filozofia*. No. 9 (68). pp. 790–799.
- Zozuľak, 2017** – *Zozuľak, J.* (2017). The Research of Byzantine Philosophy in Europe and in Slovakia. *Konštantínove listy*. No. 1 (10). pp. 3–11.
- Zubko, 2014** – *Zubko, P.* (2014). Kult svätých Cyrila a Metoda v tradícii latinskej cirkvi. Vybrané kapitoly cyrilometodského kultu. Ružomberok.
- Žeňuch, 2002** – *Žeňuch, P.* (2002). Medzi Východom a Západom. Byzantsko-slovanská tradícia, kultúra a jazyk na východnom Slovensku, Bratislava.
- Žeňuch, 2015** – *Žeňuch, P.* (2015). K dejinám cyrilскеj písomnej kultúry na Slovensku. Nitra.
- Žeňuch, 2016** – *Žeňuch, P.* (2016). Formovanie byzantsko-slovanskej konfesionalnej identity v staršom období slovenských kultúrnych dejín [Formation of the Byzantine Slavic Confessional Identity in an Earlier Period of the Slovak Cultural History]. *Konštantínove listy*. No. 1 (9). pp. 199–209.

Роль Кирилло-мефодиевской культуры в словацком национальном возрождении в контексте контактов с восточными славянами

Мартин Гетени ^{a, *}, Пэтэр Иванич ^a

^a Университет им. Константина Философа в Нитре, Словакия

Аннотация. Кирилло-мефодиевская традиция является основной частью формирования национальных историй многих славянских народов. Восстановление духовных ценностей трудов Кирилла и Мефодия происходит в религиозной, национальной и культурной жизни славян, особенно в эпоху национальных процессов возрождения. Эта традиция была сильным элементом культуры, который должен был сыграть ключевую роль в подтверждении преемственности сообщества. Поскольку кирилло-мефодиевский феномен связан с идеей исторической древности, культурной зрелости и государственной автономии многих славянских народов, он интегрируется в эффективные элементы их самоопределения.

В качестве материалов привлечены труды посвященные кирилло-мефодиевской культуре в XIX и XX веках. Помимо этого были использованы словацкие и зарубежные научные публикации по теме исследования, опубликованные в новейшее время.

При решении исследовательских задач применялись общелогические методы, а также историко-сравнительный метод и принцип историзма. Важное значение в статье имеют методы обобщения и конкретизации, которые позволили обобщить труды кирилло-мефодиевской культуры, доминирующие во многих славянских народов, и рассмотреть на примере Словакии, изучая их с точки зрения словацкого национального процесса возрождения во второй половине XIX века.

В статье авторы сосредоточились на роли кирилло-мефодиевской культуры в возрождении словацкой национальности в контексте контактов с восточными славянами. Авторы приходят к выводу, что кирилло-мефодиевская традиция в XIX веке сыграла важную роль в национальном возрождении Словакии и внесла свой вклад в идею инструментализации славян.

Ключевые слова: Кирилл, Мефодий, Словакия, Россия, славяне, культ, национальное возрождение, идентичность, Людовит Штур, XIX век.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mhetenyi@ukf.sk (М. Гетени), pivanic@ukf.sk (П. Иванич)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 79-87. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.79
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Asymmetric Conflicts of Global Powers and Formation of the National Identity in Comparative View of Postcolonial Studies

Stanislav G. Malkin ^{a,*}, Sergey O. Buranok ^a, Dmitry A. Nesterov ^a

^a Samara State University of Social Sciences and Education, Russian Federation

Abstract

Formation of the national identity and designing of the political nation is not only a subject of studying for the contemporary historian, but also essential imperial (on character and in essence) a task for the British and Russian states – as for implementation of imperial projects in the 18th century, and for the successful competition to nationalisms within the empire and beyond its limits in the 19th and 20th centuries. In Russia and Britain during the Modern history the identity, thus, was imperial identity, and in this sense its components gained imperial value and measurement. Among them including images of the Scottish Highlander and Cossack/man of the steppe – at first as constituting "Other" as rebellious "barbarian" as a peculiar inversion of the age of Enlightenment and then as an example of patriotism and a sample of the hero of the empire during an era of preromanticism and romanticism of the second half of XVIII – the first third of the 19th centuries.

Thus the romanticism was one of the forms of further intellectual colonization of the European outskirts and its inhabitants, still rebellious yesterday, and historical modeling of the asymmetric conflicts between the "barbaric" outskirt and "civilized" political center by means of the historical novel as one of the most important cultural events of the 19th century became the main historic-literary reception in this case. Staying in much in the shadow of Enlightenment, this process reflected the phenomena in the history of the British and Russian social and political thought not less important, than reaction to revolutionary events in France, the Napoleonic wars, judgment of social consequences of an industrial revolution in Great Britain or preservations of a serfdom in the Russian Empire.

At the same time historical modeling of the asymmetric conflicts typical for imperial suburbs during an era of colonial powers, was carried out not only in the form of the historical novel, but also in the form of historical letter per se. The narrative tradition of the center in this sense represented not only a way of judgment of the past, but also was one of forms of colonial knowledge influencing formation of imperial identity. The post-colonial deconstruction of such compositions on "lessons of history" (about "useful" past to consolidation of the political nation) in comparative view allows to see how there was a process of outskirts integration into an empire body at the rhetorical level, in the sphere of public consciousness, at the level of adoption of concrete political decisions.

Keywords: asymmetric conflict, comparative studies, postcolonial studies, national identity, British empire, Russian empire.

1. Введение

Рассуждая о европейском романтизме в эпоху Нового времени, специалисты, как правило, трактуют своеобразие этого историко-культурного феномена от противного – как анти-Просвещение. Не случайно формирование романтизма приходится на вторую половину XVIII в., расцвет совпадает с рубежом XVIII–XIX вв. и, как известно, напрямую связан с влиянием Великой французской революции. Неудивительно, что в России и Британии, этих окраинных империях Европы, романтизм

* Corresponding author

E-mail addresses: s.g.malkin@mail.ru (S.G. Malkin)

представлял в это время в качестве своеобразной интеллектуальной общественной реакции на революционные эксцессы событий, происходивших во Франции.

Противопоставляя характерной для Просвещения вере в Разум и Прогресс культ природы и человеческого естества, творцы романтизма (как на литературном поприще, так и на политическом) активно эксплуатировали образ еще не испорченного цивилизацией «благородного дикаря». В Британии второй половины XVIII – первой трети XIX вв. на эту роль были назначены шотландские горцы, которые и сами активно поддерживали этот романтический миф, успешно прикрываясь им в карьерных интересах (Clyde, 1998).

В России – особенно в контексте специфики восприятия Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. – аналогичным образом мифологизировались образы казаков и степных народов империи (башкиры, калмыки), смешивавшиеся, порой, до полного неразличения. В этом смысле образы «варваров» иррегулярных частей российской армии, сформировавшиеся за рубежом в ходе Наполеоновских войн, оказывали заметное влияние на их восприятие в самой России (Байер, Магаков, 2010: 250–274).

Однако вопрос о том, каким именно образом осуществлялся процесс мифологизации имперских окраин и их мятежных обитателей, продолжает оставаться предметом академических дискуссий. Наша исследовательская позиция заключается в том, что основным историко-литературным приемом в данном случае стало историческое моделирование асимметричных конфликтов между «варварской» окраиной и «цивилизованным» политическим центром посредством исторического романа как одного из важнейших культурных событий XIX в. Недостаточная изученность этого феномена как раз и обуславливает актуальность предпринятого исследования.

В какой мере такой подход к изображению истории окраин европейских империй в XVIII в. проецировался в «Истории пугачевского бунта» Александра Сергеевича Пушкина и «Историческом сообщении о клане МакГрегор» сэра Уолтера Скотта политической прагматикой и практикой XIX в. – национальностью (внутренний фактор) и имперским строительством (внешний фактор)? Так ли уж различались на каждом из этапов своего существования Российская и Британская империи, имея ввиду масштабный и значимый опыт внутренней колонизации, присущий им обеим? Как в этих «континентальной» и «морской» империях XIX в. интеллектуальные элиты и власть осмысливали опыт модернизации имперских окраин в предыдущем столетии – превращение мятежников в лояльных подданных, врагов империи – в ее друзей?

2. Материалы и методы

Сравнительный метод в историческом исследовании таит в себе определенные опасности. Во-первых, историческая наука держится, прежде всего, на работе с первоисточниками; компаративные исследования часто основаны на источниках, полученных из вторых рук. Во-вторых, построение типологий, порой, ведет к упрощениям. Во избежание первой опасности основным объектом сравнения выступают все же не интерпретации, а сами документы эпохи (прежде всего, «История пугачевского бунта» и «Историческое сообщение о клане МакГрегор»). Что касается второй опасности, то о противоядии такому ложному сравнению упоминал в своих работах еще Марк Блок: для сравнения берутся два разных, но сопоставимых явления – например, общества, находящиеся по соседству и существующие в один и тот же исторический период. В этом случае сравнивают для того, чтобы резче выявить особенности сравниваемых феноменов. Тогда черты сходства оказываются неким историческим фоном, на котором яснее и резче выступают различия (Луцицкая, 2003: 310).

Среди главных достоинств компаративной истории, по мнению Доминика Ливена, одного из виднейших специалистов в активно формирующейся области сравнительной истории империй, – «ее способность ставить под сомнение общепризнанное, поднимать неожиданные вопросы и рассматривать проблемы под новым углом зрения. Замкнувшись в тесном пространстве «своей» страны или эпохи, историки зачастую уделяют непропорционально большое внимание весьма узкому кругу предметов и проблем... История может быть искажена...» (Ливен, 2007: 18).

Таким образом, вопрос о критериях компаративного анализа оказывается едва ли не определяющим для его характера, содержания, суждений и выводов. Между тем редкий специалист рассматривал исторические сочинения Скотта и Пушкина как цельные произведения, имеющие свои определенные задачи в контексте имперской нарративной традиции. Об обоих авторах, разумеется, в избытке написано как о романистах, меньше – как об историках, почти ничего – как об историках пограничных краев. В этой связи представляется, что сейчас важно постулировать в качестве объекта исследования исторические сочинения сами по себе, а не как источники правдивой или ложной информации о прошлом отдельных имперских окраин – Горной Шотландии и Оренбургского края.

Необходимо последовательно поместить «Историю пугачевского бунта» А.С. Пушкина и «Историческое сообщение о клане МакГрегор» сэра У. Скотта в контекст биографий их авторов, исторический контекст расширения Британской и Российской империй в XVIII–XIX вв., историко-литературный контекст эпохи и, таким образом, выделить биографический, актуально-политический и жанрово-стилистический пласты их содержания. Иными словами, понять, как и зачем написаны

эти исторические сочинения с точки зрения их роли в укреплении британской/российской идентичности и Британской/Российской империи.

3. Обсуждение

Исследовательская оптика, требует при этом отдельного комментария. Постколониальные исследования в области литературных предпочтений в европейских империях (зыбкие, однако, в тех случаях, когда литературный дискурс полагают самодостаточным для исторического анализа) могут в этом случае послужить достаточно надежной методологической опорой нашей работы.

Обобщая предположения авторов, разделяющих ориенталистский взгляд Эдварда Саида (Said, 1978) на характер взаимоотношений колониальной власти и ее литературной традиции (роль литературы в укреплении идеологических основ империализма в эпоху Нового времени) в британском контексте воспользуемся его же замечанием о том, что «британское владычество было выработано и осознано в английской новелле» (Said, 1993; Miller, 1988; Ridley, 1983). Применительно к Российской империи феномен этих отношений также подвергается активному осмыслению (Сопленков, 2000; Киршбаум, 2012: 246–283; Норимацу, 2012: 284–308; Лекке, 2012: 552–584; Вульф, 2003; Нойманн, 2004).

Однако, во-первых, Британская империя, как и Российская, формировалась и до XIX в., а имперские ситуации проецировались и осмысливались не только в новелле, если иметь в виду литературные жанры (Bickham, 2005; Fulford, 2006). Во-вторых, сам литературный процесс носит многообразный характер. Исторические сочинения профессиональных литераторов в не меньшей степени, чем литературные опыты профессиональных историков, обнаруживают процесс интеллектуальной колонизации имперского пространства «post factum» (так, в первой половине XIX в. ни Горная Шотландия, ни Оренбургский край, например, окраинами Британской и Российской империй уже не являлись).

Уникальность ситуации данным случае заключается в том, что Скотт и Пушкин не разделяли в своем творчестве исторические изыскания и литературную деятельность – в первой трети «романтического» XIX в. это было скорее правилом, чем исключением. А вот остаться вне процесса «изобретения» национальной и/или имперской традиции (в понимании британского историка Эриха Хобсбаума) в еще и «национальном» XIX в. «печатного капитализма» было для мастеров пера, видимо, уже невозможно (The Invention of Tradition, 1983).

Таким образом, Скотт и Пушкин оказываются включенными в этот и по сей час незавершенный процесс, конструируя и реконструируя характер, типы и образы лояльных подданных и мятежников империи, в полной мере раскрываясь не только в романах, но и во вводивших читателя в их художественный мир исторических экскурсах. В данном случае это «История пугачевского бунта» / «История Пугачева» и «Историческое сообщение о клане МакГрегор» (Пушкин, 1962; Scott, 1893).

Романтический (в данном случае анти-просвещенческий) образ русского народа в сочинениях Пушкина и романтическая революция в восприятии обитателей кельтских окраин Великобритании в начале XIX в. в сочинениях Скотта рассматриваются нами как раз через призму аналитических категорий, введенных в научный оборот Саидом, Хобсбаумом и еще одним британским историком, Бенедиктом Андерсоном, в конце 1970 – начале 1980-х гг. с поправкой на авторскую трактовку исследовательского потенциала предложенных ими концепций (Anderson, 1983).

В конце 1980-х гг. Хобсбаум предложил концепт «изобретенной традиции» – создание наций (процессы, в которых европейский романтизм XVIII–XIX вв. играл особую роль) связано с формулированием объединяющих «традиционных» (историко-культурных) начал такого воображаемого сообщества. Последнее – аналитическая категория, предложенная в 1983 г. Андерсоном и использованная Хобсбаумом при выработке концепции «изобретенной традиции». Для современных исследователей империй и национализмов концепции Саида, Хобсбаума и Андерсона по-прежнему являются обязательным чтением и, часто, отправной точкой научного поиска.

Однако в отличие от Саида, мы не сводим постижение «другой» реальности лишь к ее перетолкованию в интересах господства и подчинения – так, романтизация горца и казака была не только формой расширения британского присутствия в Шотландии и российского присутствия на окраинах империи, но и инструментом проникновения в институты британского и российского государства (администрацию и армию) самими шотландцами и казаками, а романтические представления о русском народе постоянно колебались между идеей политической нации и лояльностью династии Романовых (MacKillop, 2000; Миллер, 2008).

Имея в виду исследования шотландских коллег, невозможно согласиться с тем, что до изобретения романтической версии шотландской истории Горная Страна была для британских романтиков «чистым листом», лишенном культурной специфики. Что же касается российских реалий, то к рубежу XVIII–XIX вв. многие важные составляющие национализирующего дискурса вполне укоренились среди российской интеллектуальной элиты: это и само понятие нации в значении всего населения страны, и концепт «народа российского», обладающего особым национальным характером, и представление о том, что русские должны писать свою национальную историю сами (Миллер, 2010: 42–66).

Наконец, в том, что касается воображаемых сообществ Андерсона, необходимо учитывать, что, хотя сама концепция описывает модель нациестроительства в рамках отдельного национального государства, имперская идентичность европейских империй Нового времени выстраивалась по тому же самому принципу.

4. Результаты

Итак, отсылая читателя к его школьной памяти в поисках хорошо известных биографических подробностей из жизни и творчества Скотта и Пушкина, сосредоточимся на особенно важном в нашем случае сюжете – на отношениях с властью. Ряд фактов в биографии Скотта общепризнанно считается весьма показательным: служба в милиции, участие в организации извлечения королевских регалий и подготовка визита короля Георга IV Ганновера в Эдинбург в 1822 г. (первый визит британского монарха в Шотландию после 1650 г.). Это событие стало без преувеличения кульминацией романтической революции по сценарию Скотта в буквальном смысле этого слова, поскольку именно «шотландский чародей», как признанный эксперт по шотландским древностям, был выбран распорядителем церемоний.

Король оделся в специально пошитый для него килт и в сопровождении большой свиты принимал участие в многочисленных мероприятиях, следуя сценарию огромного спектакля, разработанного Скоттом с помощью драматурга Уильяма Генри Мюррея. Основным событием в рамках визита короля стал бал в честь суверена, на который организаторы допускали визитеров прежде всего в горском наряде, поскольку ожидалось, что король также явится на бал в килте. В результате нехватка килтов была в те дни так велика, что некоторым пришлось одалживать килты у военных из шотландских хайлендских полков, расквартированных вблизи Эдинбурга.

«Кельтификация Шотландии сэра Уолтера» – так определил произошедшие события зять «шотландского барда». По меткому замечанию Колина Кидда, Скотт, «применив сентиментальный блеск якобитизма к либеральной конституционной системе правления, превратил шотландское прошлое в идеологически нейтральное театральное представление» (Kidd, 1994: 12). Эта романтическая революция в восприятии шотландского горца в Британии растянулась почти на столетие. В конечном итоге к середине XIX в. горцы превратились из угрозы королевству в один из наиболее ярких и эффектных символов британского могущества как внутри, так и за пределами Британской империи.

Таким образом, Шотландия интегрировалась в Великобританию, а местные элиты успешно осваивали британские институты прежде всего колониального управления, используя романтические образы и представления. Шотландцам удалось (в том числе благодаря усилиям сэра Уолтера Скотта) на долгое время вытеснить на периферию общественного сознания идею нации-государства, актуальную для Европы Нового и Новейшего времени. Романтическая революция в историописании способствовала формированию шотландской национальной идентичности и сохранению шотландского национального движения на протяжении довольно долгого времени в культурных рамках (в широком смысле этого слова), за пределами мира политики (Апрыщенко, 2008: 220–238).

Неудивительно, что в своих исторических штудиях и литературных опытах проводником в Горный Край, каким тот был во времена действия романа «Уиверли, или Шестьдесят лет назад» и «Роб Роя», прославленный романист избрал современника и очевидца, никогда бы не помыслившего себе за «Робин Гудами» Горной Страны тех удивительных качеств, которые вызывали восхищение образованной британской публики в первой половине XIX в. Одним из основных источников для Скотта при написании «Роб Роя» послужило пространное сочинение Никола Грэма из Гэртмора, жившего у самой границы Хайленда и смотревшего на своих соседей в горах через призму одной из наиболее популярных антитез Просвещения – «варварство–цивилизация» (Graham, 1822: 338–370).

Более того, соображения Грэма из Гэртмора в виде прямой цитаты вложены в уста одного из героев «Роб Роя», Никола Джарви, и совпадение имен, видимо, здесь не случайно. По меткому выражению одного из виднейших британских историков Т.Б. Маколей, до середины XVIII в. на Горную Страну смотрели «сквозь завесу предрассудков, которая затем сменилась яркими красками романтической поэзии, и было навсегда упущено время, когда могла быть нарисована во всей полноте истинная картина» (Маколей, 2001: 131). Преувеличивая «варварские» реалии Хайленда до его окончательного умиротворения после разгрома якобитов при Каллодене с одной стороны, и благородство местных «дикарей» с другой, Скотт усиливал эффект романтической революции, придавая интеллектуальной колонизации Горной Страны, какой она представляла в общественном сознании британцев, последовательность и завершенность.

Характер властных отношений в творческой судьбе Пушкина традиционно представляется более противоречивым, даже конфликтным. Однако, по крайней мере, в конкретном случае истории создания «Истории пугачевского бунта» дело выглядит не столь однозначным. Автора допустили в архивы военного министерства (материалы Секретной экспедиции Военной коллегии по делу о восстании под предводительством Емельяна Пугачева), позволили работать с документами, недоступными широкой публике (именные указы Екатерины II генералам, участвовавшим в подавлении Пугачевщины), профинансировали издание исторического сочинения (Оксман, 1984: 148–170).

Таким образом, разницу в том, как сочетались личные, профессиональные интересы Скотта и Пушкина и политический интерес властей Британии и России первой трети XIX в., следует искать в степени их совпадения. Цензурные правки, вносимые лично Николаем I в «Историю пугачевского бунта», и отсутствие подобной практики в случае с «Историческим сообщением о клане МакГрегор» – обстоятельства, имеющие принципиальное значение для ответов на поставленные нами вопросы (Оксман, 1984: 152).

Если Скотту вынести в заглавие романа «Роб Рой» имя вчерашнего врага империи предложил сам издатель, а книга (как роман, так и историческая справка в качестве введения) была восторженно встречена публикой как в Эдинбурге, так и в Лондоне, то участь «Истории пугачевского бунта» оказалась иной. Оригинальное название работы – «История Пугачева» – император изменил на более благонадежное – «История пугачевского бунта». При этом последняя была весьма прохладно встречена читающим обществом (чего нельзя сказать о самом романе «Капитанская дочка»).

5. Заключение

Если перевести эту историю на язык британской и российской романтической литературы, ставшей одним из культурных воплощений колониального знания о мятеже (и частью нарративной традиции внутренней колонизации), то ее имперский контекст наиболее полно проявился в творчестве Скотта и Пушкина. В подавляющем большинстве работ внимание сосредоточено либо на их роли в романтизации образа горца и казака, либо на месте сочинений Скотта в конструировании юнионистской «концентрической» идентичности шотландцев как жителей Шотландии и Великобритании одновременно.

Не меньший интерес, однако, имеет связь между формами имперского мышления, формированием имперской идентичности и романтизмом в историческом (историко-литературном) наследии Скотта и Пушкина. В свое время «История пугачевского бунта» (1834 г.) Пушкина показала Василию Осиповичу Ключевскому не более чем «длинным объяснительным примечанием» к роману «Капитанская дочка», увидевшему свет два года спустя после «Истории...», в 1836 г. Сам автор как будто подтверждает такую интерпретацию своего исторического сочинения: «Сей исторический отрывок составлял часть труда, мною оставленного...» (Пушкин, 1962: 6).

Сэр Уолтер Скотт, «шотландский чародей», завоживший жанром исторического романа и А.С. Пушкина, в схожих выражениях откомментировал свое «Историческое сообщение о клане МакГрегор»: «Самое лучшее введение, которое можно предпослать настоящей повести [«Роб Рой», 1817 г.] – это очерк жизни того замечательного человека, чье имя значится на заглавном месте и чья слава, добрая или дурная, заняла в народной памяти удивительно прочное место» (Scott, 1893: 115).

Что ж, автор, порой наиболее полно являет себя в комментариях. Обширные введения к историческим романам столпов литературы Российской и Британской империй первой трети XIX в. были призваны подтвердить истинность рассказа в тех случаях, когда читателю, не знакомому или малознакомому со своей имперской окраиной (будь то Оренбургский край или Горная Шотландия, особенно в их мятежном состоянии в XVIII в.), могло показаться, что автор переступает границы правдоподобного и расширяет смысл сказанного им. Компаративный анализ «Истории пугачевского бунта» и «Исторического сообщения о клане МакГрегор», таким образом, позволяет в весьма своеобразной позиции наблюдателя за наблюдателем увидеть, как на мятежные окраины XVIII в. смотрели из XIX в. (от реальной вражды к романтической дружбе) – своеобразное путешествие в пространстве и времени.

При этом речь идет о примерно одном и том же хронологическом промежутке шестидесятилетней давности. Уместно вспомнить название первого «шотландского» романа Скотта – «Уиверли, или шестьдесят лет назад». И хотя «Роб Рой», действие в котором приходится на якобитский мятеж 1715–1716 гг., подошло бы для названия «сто лет назад» (роман опубликован в 1817 г.), однако его социальная, экономическая и политическая реальность – это Хайленд всей первой половины XVIII в. А само «Историческое сообщение...» в качестве введения появилось уже при переиздании романа в 1829 г. – всего за пять лет до выхода «Истории пугачевского бунта». Последнее восстание якобитов в Горной Стране (1745–1746 гг.) от восстания пугачевцев в Поволжье и на Урале (1773–1775 гг.) в исторической перспективе (или ретроспективе) также отделяет совсем не такой большой срок, как могло показаться княгине Екатерине Романовне Дашковой во время ее визита в Британию (Кросс, 1995: 223–268).

Представление о шотландском горце как о внутреннем «Другом» являлось связующим звеном между формированием британской политической нации и созданием Британской империи. Для укрепления представления об англо-шотландском единстве после Унии 1707 г. «варвары» Горной Страны подходили более прочих. Со времени Славной революции Стюарты опирались на шотландские кланы, поэтому угроза протестантскому престолонаследию ассоциировалась у жителей Великобритании именно с горцами.

С другой стороны, на эту же роль внутреннего «Другого» для формировавшейся российской политической нации претендовали казаки и степняки, на протяжении долгого времени бывшие основной социальной базой мятежей на окраинах Российской империи, угрожавших как

общественно-политическому строю, так и государственному единству страны (достаточно вспомнить некоторые события Смутного времени).

Следовательно, формирование национальной идентичности и конструирование политической нации представляло собой двуединую задачу, стоявшую как перед британским, так и перед российским государством Нового времени. При этом задача эта носила имперский характер, так как ее решение играло большую роль не только в интеграционных процессах в Британии и России в XVIII в., но и для противодействия национальным движениям в империи и за ее пределами в XIX и XX вв.

Таким образом, вопросы идентичности в России и Британии Нового времени приобретали имперское значение и измерение. Среди них – и вопрос о роли шотландского горца и казака/степняка – сначала как конституирующего «Другого» в эпоху Просвещения, мятежного «варвара», а затем, в эпоху романтизма, как образец подлинного героя империи.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект N17-78-20029).

Литература

Апрыщенко, 2008 – Апрыщенко В.Ю. Уния и модернизация: становление шотландской национальной идентичности в XVIII – первой половине XIX в. Ростов н/Д: изд-во ЮФУ, 2008. 288 с.

Байер, Магаков, 2010 – Байер Н., Магаков Г.Ю. «Край благородных дикарей»? Представления британской общественности XVIII в. о юге России и его казачьем населении // *Британские исследования*. Выпуск III. Сборник статей. Ростов н/Д, 2010. С. 250–274.

Вульф, 2003 – Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.

Киришбаум, 2012 – Киришбаум Г. Двойной ориентализм казачьей темы в творчестве Пушкина // *Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России*. Сб. статей / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 246–283.

Кросс, 1995 – Кросс Э. Г. Поездки княгини Е. Р. Дашковой в Великобританию (1770 и 1776–1780 гг.) и ее «Небольшое путешествие в Горную Шотландию» (1777 г.) // *XVIII век*. Сб. 19. СПб: ИРЛ РАН, 1995. С. 223–268.

Лекке, 2012 – Лекке М. Внутренние колонии – пестрые окраины: Украина и Беларусь (Малороссия и Белороссия) в произведениях А.И. Куприна // *Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России*. Сб. статей / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 552–584.

Ливен, 2007 – Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М: Европа, 2007. 688 с.

Лучицкая, 2003 – Лучицкая С.И. Сравнительный метод в истории: взгляд из Германии (достижения и перспективы немецкой компаративистики) // *Сравнительная история: методы, задачи, перспективы*. М.: ИВИ РАН, 2003. С. 302–318.

Маколей, 2001 – Маколей Т.Б. Англия и Европа: Избр. эссе. СПб.: Алетейя, 2001. 500 с.

Миллер, 2008 – Миллер А. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.

Миллер, 2010 – Миллер А. Приобретение необходимого, но не вполне удобное: трансфер понятия нация в Россию (начало XVIII – середина XIX вв.) // *Imperium inter Pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 42–66.

Нойманн, 2004 – Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.

Норимацу, 2012 – Норимацу К. Проблема границы «России» в кавказских текстах русского романтизма // *Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России*. Сб. статей / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 284–308.

Оксман, 1984 – Оксман Ю.Г. Пушкин в работе над романом «Капитанская дочка» // *Пушкин А.С. Капитанская дочка*. АН СССР. Литературные памятники. Л.: Наука, 1984. С. 148–170.

Пушкин, 1962 – Пушкин А.С. История Пугачева // *Собрание сочинений в 10 т. Том 7*. М.: ГИХЛ, 1962. С. 6–149.

Сопленков, 2000 – Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 214 с.

Anderson, 1983 – Anderson B. Imagined Communities: reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London and New York: Verso, 1983. 224 с.

Bickham, 2005 – Bickham T. Savages within the Empire: Representations of American Indians in Eighteenth-Century Britain. Oxford: Oxford University Press, 2005. 314 p.

Clyde, 1998 – Clyde R.D. From Rebel to Hero: The Image of the Highlander, 1745–1830. East Linton: Tuckwell Press, 1998. 201 p.

- Fulford, 2006** – *Fulford T.* Romantic Indians. Native Americans, British Literature and Transatlantic Culture, 1756-1830. Oxford: Oxford University Press, 2006. 336 p.
- Graham, 1822** – *Graham N.* An Inquiry into the Causes which Facilitate the Rise and Progress of Rebellions and Insurrections in the Highlands of Scotland, &c, 1747 [Extracts from a MS. in the possession of the Gartmore family, communicated by Walter Scott, Esq.] // *Burt E.* Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With large Appendix, containing various important historical documents, hitherto unpublished; with an introduction and notes by R. Jamieson. Vol. II / Ed. by R. Jamieson. London: Ogle, 1822. pp. 338–370.
- Kidd, 1994** – *Kidd C.* Antiquity and National Identity // *English Historical Review.* 1994. № 1197–1214. p. 12.
- MacKillop, 2000** – *MacKillop A.* «More Fruitful Than The Soil»: Army, Empire and the Scottish Highlands. 1715–1815. East Linton: Tuckwell Press, 2000. 290 p.
- Miller, 1988** – *Miller D.* The Novel and the Police. Berkley: University of California Press, 1988. 222 p.
- Ridley, 1983** – *Ridley H.* Images of Imperial Rule. London: Palgrave Macmillan, 1983. 181 p.
- Said, 1993** – *Said E.W.* Culture and Imperialism. London: Vintage Books, 1993. 380 p.
- Said, 1978** – *Said E.W.* Orientalism. New York: Pantheon Books, 1978. 368 p.
- Scott, 1893** – *Scott W.* Manners, Customs and History of the Highlanders of Scotland. Historical Account of the Clan MacGregor. Glasgow: Thomas D. Morison, 1893. 236 p.
- Hobsbawm, Ranger, 1983** – *Hobsbawm E., Ranger T.* (eds.). The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 320 p.

References

- Apryshhenko, 2008** – *Apryshhenko V.Ju.* (2008). Unija i modernizacija: sta-novlenie shotlandskoj nacional'noj identichnosti v XVIII – pervoj po-lovine XIX v. [Union and modernization: the formation of Scottish national identity during XVIII – first half of the XIX c.]. Rostov n/D: izd-vo JuFU. 288 p. [in Russian]
- Bajer, Magakov, 2010** – *Bajer N., Magakov G.Ju.* (2010). «Kraj blagorodnyh dikarej»? Predstavlenija britanskoj obshhestvennosti XVIII v. o. juge Rossii i ego kazach'em naselenii [«The noble savages region»? British society' thoughts about South of Russia and its Cossack people in the XVIII c.]. *Britanskie issledovanija.* Vypusk III. Sbornik statej. Rostov n/D. pp. 250–274. [in Russian]
- Vul'f, 2003** – *Vul'f L.* (2003). Izobretaja Vostochnuju Evropu: karta civilizacii v soznanii jepohi Prosveshhenija [Inventing Eastern Europe: the map of civilization within the mind of the age of Enlightenment]. M.: Novoe literaturnoe obo-zrenie. 560 p. [in Russian]
- Kirshbaum, 2012** – *Kirshbaum G.* (2012). Dvojnoj orientalizm kazach'ej temy v tvorcestve Pushkina [Double orientalism of the Cossack theme in the writing of Pushkin]. *Tam, vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizacii v kul'turnoj istorii Rossii.* Sb. statej. Pod red. A. Jetkinda, D. Uffel'manna, I. Kukulina. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 246–283. [in Russian]
- Kross, 1995** – *Kross Je.G.* (1995). Poezdki knjagini E.R. Dashkovej v Velikobritaniju (1770 i 1776–1780 gg.) i ee «Nebol'shoe puteshestvie v Gornuju Shotlandiju» (1777 g.) [Travels of Princess E.R. Dashkova in Great Britain (1770 and 1776–1780) and her «Little journey to the Highlands of Scotland» (1777)]. *XVIII vek.* Sb. 19. SPb.: IRL RAN. pp. 223–268. [in Russian]
- Lekke, 2012** – *Lekke M.* (2012). Vnutrennie kolonii – pestrye okrainy: Ukraina i Belarus' (Malorossija i Belorossija) v proizvedenijah A.I. Kuprina [Internal colonies – motley outskirts: Ukraine and Belorussia (Little Russia and White Russia) in the writings of A.I. Kuprin]. *Tam, vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizacii v kul'turnoj istorii Rossii.* Sb. statej. Pod red. A. Jetkinda, D. Uffel'manna, I. Ku-kulina. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 552–584. [in Russian]
- Liven, 2007** – *Liven D.* (2007). Rossijskaja imperija i ee vrugi s XVI veka do nashih dnei [Russian Empire and its rivals since XVI c. till our days]. M: Evropa. 688 p. [in Russian]
- Luchickaja, 2003** – *Luchickaja S.I.* (2003). Sravnitel'nyj metod v istorii: vzgljad iz Germanii (dostizhenija i perspektivy nemeckoj komparativistiki) [Comparative method in History: view from the Germany (achievements and perspectives of german comparative studies)]. *Sravnitel'naja istorija: metody, zadachi, perspektivy.* M.: IVI RAN. pp. 302–318. [in Russian]
- Makolej, 2001** – *Makolej T.B.* (2001). Anglija i Evropa: Izbr. Jesse [England and Russia: selected essays]. SPb.: Aletejja. 500 p. [in Russian]
- Miller, 2008** – *Miller A.* (2008). Imperija Romanovyh i nacionalizm. Jesse po metodologii istoricheskogo issledovanija [Empire of Romanov dynasty and nationalism. Essays in methodology of historical studies]. M.: Novoe literatur-noe obozrenie. 248 p. [in Russian]
- Miller, 2010** – *Miller A.* (2010). Priobretenie neobhodimoe, no ne vpolne udobnoe: transfer ponjatija nacija v Rossiju (nachalo XVIII – seredina XIX vv.) [Acquisition is necessary, but not quite convenient: a concept transfer the nation to Russia (the beginning of XVIII – the middle of the 19th centuries)]. *Imperium inter Pares: rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917).* Sb. st. Red. Martin Aust, Rikarda Vul'pius, Alek-sej Miller. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 42–66. [in Russian]

[Nojmann, 2004](#) – *Nojmann I.* (2004). Ispol'zovanie «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej [The uses of the «Other». Images of the East in the formation of the European identities]. M.: Novoe Izdatel'stvo. 336 p. [in Russian]

[Norimacu, 2012](#) – *Norimacu K.* (2012). Problema granicy «Rossii» v kavkazskih tekstah russkogo romantizma [The problem of the boundary of «Russia» in the Caucasus texts of Russian romanticism]. *Tam, vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizacii v kul'turnoj istorii Rossii.* Sb. statej. Pod red. A. Jetkinda, D. Uffel'manna, I. Kukulina. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 284–308. [in Russian]

[Oksman, 1984](#) – *Oksman Ju.G.* Pushkin v rabote nad romanom «Kapitanskaja dochka» [Pushkin at work on the «Captain's daughter» novel]. *Pushkin A.S.* (1984). Kapitanskaja dochka [Captain's daughter]. AN SSSR. Literaturnye pamjatniki. L.: Nauka. pp. 148–170. [in Russian]

[Pushkin, 1962](#) – *Pushkin A.S.* (1962). Istorija Pugacheva [Pugachev story]. Sobranie sochinenij v 10 t., Tom 7. M.: GIHL. pp. 6–149. [in Russian]

[Soplenkov, 2000](#) – *Soplenkov S.V.* (2000). Doroga v Arzrum: rossijskaja obshhestvennaja mysl' o Vostoke (pervaja polovina XIX veka) [The Road to Arzrum: Russian public thought about the East (first half of the XIX century)]. M.: Izdatel'-skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN. 214 p. [in Russian]

[Anderson, 1983](#) – *Anderson B.* (1983). Imagined Communities: reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London and New York: Verso, 1983. 224 p.

[Bickham, 2005](#) – *Bickham T.* (2005). Savages within the Empire: Representations of American Indians in Eighteenth-Century Britain. Oxford: Oxford University Press, 2005. 314 p.

[Clyde, 1998](#) – *Clyde R.D.* (1998). From Rebel to Hero: The Image of the Highlander, 1745–1830. East Linton: Tuckwell Press. 201 p.

[Fulford, 2006](#) – *Fulford T.* (2006). Romantic Indians. Native Americans, British Literature and Transatlantic Culture, 1756–1830. Oxford: Oxford University Press. 336 p.

[Graham, 1822](#) – *Graham N.* An Inquiry into the Causes which Facilitate the Rise and Progress of Rebellions and Insurrections in the Highlands of Scotland, &c, 1747 [Extracts from a MS. in the possession of the Gartmore family, communicated by Walter Scott, Esq.]. *Burt E.* (1822). Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With large Appendix, containing various important historical documents, hitherto unpublished; with an introduction and notes by R. Jamieson. Vol. II. Ed. by R. Jamieson. London: Ogle. pp. 338–370.

[Kidd, 1994](#) – *Kidd C.* (1994). Antiquity and National Identity. *English Historical Review.* № 1197–1214. p. 12.

[MacKillop, 2000](#) – *MacKillop A.* (2000). «More Fruitful Than The Soil»: Army, Empire and the Scottish Highlands. 1715–1815. East Linton: Tuckwell Press. 290 p.

[Miller, 1988](#) – *Miller D.* (1988). The Novel and the Police. Berkley: University of California Press. 222 p.

[Ridley, 1983](#) – *Ridley H.* (1983). Images of Imperial Rule. London: Palgrave Macmillan. 181 p.

[Said, 1993](#) – *Said E.W.* (1993). Culture and Imperialism. London: Vintage Books. 380 p.

[Said, 1978](#) – *Said E.W.* (1978). Orientalism. New York: Pantheon Books. 368 p.

[Scott, 1893](#) – *Scott W.* (1893). Manners, Customs and History of the Highlanders of Scotland. Historical Account of the Clan MacGregor. Glasgow: Thomas D. Morison. 236 p.

[Hobsbawm and Ranger, 1983](#) – *Hobsbawm E. and Ranger T.* (eds.) (1983). The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press. 320 p.

Асимметричные конфликты глобальных держав и формирование национальной идентичности в компаративном измерении постколониальных исследований

Станислав Геннадьевич Малкин ^{a, *}, Сергей Олегович Буранок ^a,
Дмитрий Александрович Нестеров ^a

^a Самарский государственный социально-педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. Формирование национальной идентичности и конструирование политической нации – это не только предмет изучения для современного историка, но и насущная имперская (по характеру и сути) задача для британского и российского государства – как для реализации имперских проектов в XVIII в., так и для успешной конкуренции с национализмами в империи и за ее пределами в XIX и XX вв. В России и Британии Нового времени идентичность, таким образом, являлась идентичностью имперской, и в этом смысле ее компоненты приобретали имперское значение и измерение. Среди них в том числе и образы шотландского горца и казака/степняка – сначала как конституирующего «Другого» в роли мятежного «варвара» в качестве своеобразной инверсии эпохи Просвещения, а затем как пример патриотизма и образец героя империи в эпоху предромантизма и романтизма второй половины XVIII – первой трети XIX вв.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: s.g.malkin@mail.ru (С.Г. Малкин)

Таким образом, романтизм явился одной из форм дальнейшей интеллектуальной колонизации европейских окраин и ее мятежных еще вчера обитателей, а основным историко-литературным приемом в данном случае стало историческое моделирование асимметричных конфликтов между «варварской» окраиной и «цивилизованным» политическим центром посредством исторического романа как одного из важнейших культурных событий XIX в. Пребывая, во-многом, в тени Просвещения, этот процесс отражал явления в истории британской и российской общественно-политической мысли не менее важные, чем реакция на революционные события во Франции, Наполеоновские войны, осмысление социальных последствий промышленного переворота в Великобритании или сохранения крепостничества в Российской империи.

При этом историческое моделирование асимметричных конфликтов, типичных для имперских окраин в эпоху колониальных держав, осуществлялось не только в форме исторического романа, но и в форме исторического письма как такового. Нарративная традиция центра в этом смысле представляла собой не только способ осмысления прошлого, но и являлась одной из форм колониального знания, влиявшей на формирование имперской идентичности. Постколониальная деконструкция таких сочинений об «уроках истории» (о «полезном» для консолидации политической нации прошлом) в компаративном измерении позволяет увидеть, каким образом шел процесс интеграции окраин в тело империи на риторическом уровне, в сфере общественного сознания, на уровне принятия конкретных политических решений.

Ключевые слова: асимметричный конфликт, компаративные исследования, постколониальные исследования, национальная идентичность, Британская империя, Российская империя.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 88-96. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.88
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Circassian Aristocracy in the late XVIII – the first half of XIX centuries: the Social Structure of Society

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, b, *}, Michal Smigel ^{c, d}, Sergei Bratanovskii ^e, Annick Valleau ^f

^a Volgograd state university, Russian Federation

^b American Historical Association, USA

^c Matej Bel University, Slovakia

^d International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^e Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^f University of Geneva, Switzerland

Abstract

This article looks at the structure, the religious rites and customs of the Circassian aristocracy of the late XVIII – mid XIX centuries. Emphasis is given to the origins of the Circassian nobility. This research draws upon fragmentary data in an attempt to reconstruct the history of Circassia at the end of the 18th century.

Primary sources include documents from the State Archives of the Krasnodar Territory (Krasnodar, Russian Federation), personal accounts produced by travelers and emissaries of the Caucasian War period, as well as pre-revolutionary scientific studies.

Objectivity and historicism are the principles which provide the methodological basis for this research. They offer an unbiased approach to the analysis of the issues studied and a critical attitude toward sources. They also allow the authors to draw up assessments based on the study of facts, and to portray the phenomena analyzed in their historical development and context.

As such, the authors conclude that the hypothesis according to which the descendants of Crusaders and European Christians (from the XI–XV century) constituted the majority of the Circassian nobility proves correct. This is confirmed both by the chronology of historical events, and by the anthropological and cultural features of the Circassian population. Until 1785, Circassia and Georgia resembled the medieval states of Western Europe due to their feudal systems. The spread of Islam in these territories was prohibited. After the Civil War of 1785, the aristocracy in much of Circassia lost its rights, leading to a long conflict between the Circassian nobles and the plebs.

Keywords: aristocracy, Cherkessia, religion, customs, Crusaders, XVIII–XIX century.

1. Введение

Кавказ географически находился на путях диалога цивилизаций. Уже в VI веке нашей эры на Черноморском побережье Кавказа действовала Зихская епархия Константинопольской православной церкви. В разных местах епархии формировались форпосты со своей инфраструктурой. С побережья христианство начало распространяться по всему Кавказу. На протяжении всей эпохи крестовых войн через Кавказ проходили крестоносные отряды, со времен грузинских правителей Тамар и Давида им активно помогали грузины ([Surguladze, 2015: 70-73](#)), а после падения Византийской и Трапезундской империй многие защитники Веры закрепились на Кавказе, став здесь буферной зоной между христианством и исламом. При этом долгое время эффективно сдерживая расширение арабского

* Corresponding author

E-mail addresses: sochio03@rambler.ru (A.A. Cherkasov), michal.smigel@umb.sk (M. Smigel), bratfoot@mail.ru (S. Bratanovskii), Annick.Valleau@unige.ch (A. Valleau)

мира. Одним из первых зафиксированных свидетельств о крестоносном прошлом черкесской аристократии стало свидетельство убыхского князя Али Ахмет Облагу, о том, что убыхи произошли от выходцев первого крестового похода и местного населения. Это свидетельство было записано русским разведчиком бароном Ф.Ф. Торнау в 1838 г. (Торнау, 2008: 164)

2. Материалы и методы

В качестве материалов были привлечены документы государственного архива Краснодарского края (г. Краснодар, Российская Федерация). Материалы личного происхождения путешественников и эмиссаров периода Кавказской войны (Торнау, 2008; Монперэ, 2010; Спенсер, 2008; Лапинский, 1995; Белл, 2007 и др.), научные исследования дореволюционного периода.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки.

3. Обсуждение

Историографии об истории черкесской аристократии практически нет. В своем большинстве эту тему затрагивали лишь в контексте истории Черкесии. Причинами этого являлось то, что к моменту изучения истории Черкесии в конце XIX века знать уже утратила свои бывшие права. Многие представители аристократии оказались за границей, в Османской империи. На более основательные, но поздние работы после 1905 г. стала оказывать влияние политическая конъюнктура. Так, например, это особенно просматривается в работе Ф.А. Щербины «История Кубанского казачьего войска» (Щербина, 1913). Автор пишет: «Росла власть и ширились требования господствующих классов, усиливалась зависимость народа от них и увеличивались повинности... И вот, когда, в ряду всех черкесских племен, усилилось значение демократов абадзехов... Угнетенный народ, поддерживаемый абадзехами, решился возратить себе старые права на выбор, на суд, на пользование землей и пр.» (Щербина, 1913: 20-21). В 1917 г. аристократии Кавказского края и определению их прав на знатное происхождение уделил внимание В. Линден (Линден, 1917).

4. Результаты

Долгое время территория Зихской епархии и сопредельных земель была практически закрыта для всех иностранцев и путешественников. В первой половине XIX века начинает появляться масса свидетельств, о том, что на Кавказе, сохраняется множество древних традиций. Так, путешественник Фредерик Дебуа де Монперэ отмечал, что «современное состояние Черкесии (имеется в виду период 1830-х гг. – Авт.) знакомит нас с цивилизацией Германии и Франции во времена ее первых королей. Это образец феодальной рыцарской аристократии средних веков, героической аристократии античной Греции» (Монперэ, 2010: 35). В подтверждение слов Монперэ можно добавить более раннее свидетельство французского консула в Крыму Ксаверио Главани, который посетил Черкесию в первой четверти XVIII века. Консул отмечал, что обхождение черкесов похоже на франкское. Они вежливы и, приветствуя, снимают шапку; женщины принимают чужеземцев с радушием, для принятия пищи они садятся по-франкски за стол (Кавказ, 2010: 113). Вызывал много вопросов и антропологический облик прибрежных черкесов. Так, в 1836 г. английский путешественник Эдмунд Спенсер посетивший Убыхию, обратил внимание на антропологический облик убыхов. Спенсер отмечал, что «черные волосы (убыхского крестьянина – Авт.), рельефный нос, узкое лицо, уши как у еврея и голова, более сжатая, чем мы обычно видим у черкесов; последние в этой, как и в любой иной характерной особенности их внешнего физического облика, напоминают скорее наилучшие типы европейского населения» (Спенсер, 2008: 164). Интересным являлось и то, что у некоторых дворян было европейское оружие. Например, английский эмиссар Дж. Белл наблюдал на земле убыхов у одного дворянина по имени Ахмет испанский серебряный меч, с выгравированным словом «Cavalero» и девизом «Ad majorem Die». На мече было написано место и год изготовления – Anno, 1664 (Белл, 2007: 72). Имели на вооружении дворяне и арбалеты. Элиту черкесского войска составляли дворяне – панцирники, конная кавалерия в доспехах. В полный комплект вооружения черкесского аристократа входили: мушкет, пара пистолетов, кольчуга, шлем, латные рукавицы и доспехи, прикрывающие руки от плеча до локтя. Стоимость вооружения князя оценивалось до 2 тыс. рублей серебром (Клапрот, 2008: 221).

Можно задаться справедливым вопросом, откуда в Черкесии европейская культура и население похожее на европейцев? Постараемся разобраться в этом вопросе.

Еще и более поздние исследователи, описывая антропологический облик черкесов, а, в частности, убыхов указывали, что они «в целом похожи на других кавказских горцев, но характеризуются более высокой фигурой и выразительными формами лица. Среди северокавказских народов, подобные антропологические особенности имеют только осетины – нация смешанного происхождения» (Ворошилов, 2008: 68). Предположение об убыхах как о смешанной нации высказал на страницах своей книги также и российский разведчик барон Ф.Ф. Торнау (посетивший регион в 1835–1838 гг.): «Они (убыхи – Авт.) составились из абазин, черкесов и европейцев, выброшенных, как

говорит предание, на черкесский берег еще во время первого крестового похода» (Торнау, 2008: 164). Как известно, это произошло между 1096 и 1099 годами и, очевидно, повлияло на регион, поскольку войска собирались в районе Константинополя. Если верить легенде, европейцы смогли ассимилировать часть местного населения и создать смешанное общество.

Такой сценарий прихода европейцев на побережье Черного моря, вероятно, был не единственным. Связей европейских крестоносцев с местным аборигенным населением было, очевидно, много. Небольшими отрядами воинов они селились между аборигенами, рядовые воины женились на черкешенках. Кавказ как перекресток наций в этом смысле имеет свое оправдание. Наконец, еще одно событие – связанное с черкесогаями Северного Кавказа (другие названия: горские или черкеские армяне, адыго-армяне или закубанские армяне) и историей возникновения города Армавира – полностью поддерживает приведенную выше гипотезу.

С середины XI века началась эмиграция армян из исторической Армении. Это было обусловлено утратой национальной государственности Армении после завоевания Византией, а также нашествием турок-сельджуков. Дальнейший отток армянского населения из региона был связан с татаро-монгольским нашествием, а затем с походами Тамерлана. Земли отнимались у армян и заселялись тюрками. Под натиском кочевников армянам приходилось выбирать между истреблением, рабством и массовой эмиграцией в соседние страны. Это привело к массовому переселению части армян в Киликию, Ливан, Сирию и другие регионы, вторая часть переселилась на север – в Грузию, Северный Кавказ и в Причерноморье (вторая половина XI века – XV век).

Первые армяне появились среди черкесов внезапно. Согласно данным Ф.А. Щербини: «В горы, прямо из Армении, пришли люди воинственного и внушительного вида. Они были вооружены с головы до ног, «закованы в железо», носили панцери и кольчуги, в виде спаяных из стальных колец рубашек, надеваемых под верхнюю одежду, а их головы защищены были стальными также уборами, и хотя они не имели щитов, ни копий, но у каждого из них был боевой топорик, насаженный на длинную рукоятку. Такой внешний вид пришельцев произвёл благоприятное впечатление на аборигенов края – черкесов. В пришлых воинах черкесы увидели людей благородной крови и приняли их в свою среду с почётом и уважением. Позже, когда они заняли выгодное положение в горах у черкесов и получили права узденей первой степени, т.е. высших дворян, позволявшая им беспрепятственно исповедовать христианскую религию, иметь крепостных людей или рабов и заниматься всевозможными родами деятельности, начиная военной и оканчивая хозяйственными занятиями и торговлей – к ним начали присоединяться отдельными семьями выходцы из Крыма и из разных мест Малой Азии, гонимые и утесняемые в этих местах господствовавшей национальностью – тюрками и татарами за исповедывание христианской религии» (Щербина, 1916: 2-3).

Как указывает Ф.А. Щербина, с момента падения мультиэтнических гегуэзских городов-колоний и подчинения Крымского ханства Турции, к первой волне армянских переселенцев присоединилась другая – не только армян, но и других христиан – из Крыма, Константинополя, Трапезунда, Синопа и других регионов. Огромные налоги (с урожая, со скота, с имущества), тяжкая подушная подать, многочисленные повинности, но более всего систематическое религиозное преследование и запрет на родной язык вынудили всех этих людей бежать в разных направлениях. Вот тогда-то (не позднее конца XV века) часть этой массы переселенцев и оказалась на Черноморском побережье Северного Кавказа, разместившись небольшими группами среди полухристианских адыгских племен, также страдавших от турецко-крымского окружения, боровшихся против них, но продолжающих сохранять христианские традиции как наследие своих предков, и нуждающихся в опытных ремесленниках, торговцах и воинах (Виноградов, 1995: «Армяне закубанские»).

Как свидетельствует случай черкесогаяев – прожив среди адыгов-аборигенов в горах несколько веков, армяне и другие европейские христиане полностью утратили свой национальный облик, переняв у адыгов их язык, нравы и особенности быта, сохранив, однако, свою веру. Вероятно, таким образом, возникла своеобразная этническая группа в среде черкесов.

Россия, придя на Кавказ, в начале XIX века застала Черкессию в состоянии социально-экономических противоречий. Исследователь Ф.А. Щербина, раскрывая причины распрей в черкесском обществе, отмечал, что в состав адыгского народа входили собственно адыги-аборигены и иностранцы – пришлый элемент (Щербина, 1913: 19). Как писал Щербина, судя по показаниям черкесов (источники не раскрываются – Авт.), соединение тех и других в один народ произошло благодаря различному укладу их жизни. У аборигенов господствовал родовой быт в более или менее чистой примитивной форме. Были племена и поколения, и во главе их стояли родичи, старейшины, руководившие народом, как уважаемые в роду лица. По мнению Ф.А. Щербини, об этом свидетельствуют и легенды, и прямые указания черкесов. Сначала старейшинами были лица по старшинству в роде, по праву отцов, а впоследствии, когда население умножилось и взаимные отношения осложнились, народ стал выбирать старейшин. В наиболее чистом виде эти формы жизни сохранились у абадзехов, племени, считавшегося у черкесов демократическим. Этому способствовали естественные условия края, изолированность положения абадзехов, ограждавшая их от вторжения иноплеменников. Абадзехи занимали наиболее удаленные в горах места. Между ними и сначала, татарами, а потом русскими, жили темиргоевцы, и абадзехи долго не имели никаких соприкосновений даже с русскими. С иным укладом общественной жизни, как отмечал

Ф.А. Щербина, явились к аборигенам иноплеменники. Несомненно, что и у этих последних было много общего с черкесами, были еще следы родового быта, общность воззрений на землю, на имущество, на военное дело и т.п. Иначе не слились бы так крепко одни с другими. Но у них были и особенности, не свойственные примитивным формам родового быта. Во главе иноплеменников стояли князья, которым беспрекословно покорялся народ, выборное начало было упразднено сильнейшими классами, установлено было обязательное несение повинностей одного класса населения для другого и, вместе с этим, существовала строго организованная военная система управления. В народных сказаниях, отмечал Ф.А. Щербина, иноземцы, слившиеся с адиге, рисуются как народ, закованный в сталь, железо и броню (Щербина, 1913: 20). Необходимо отметить, что не только у черкесов были отличия между знатью и простолюдинами, но и у абхазцев. Так, знать в Абхазии говорила на грузинском языке и частью была грузинского происхождения, простолюдины говорили на особом языке, богатым шипящими, носовыми и прищелкивающими звуками (Большая энциклопедия, 1900: 34). Иными словами знать и простолюдины говорили даже на разных языках. Важно отметить, что и Грузия во многом была похожа своим феодальным устройством на средневековые государства Западной Европы. Так, В. Линден отмечал, что во главе (грузинского – Авт.) царства стоял царь, поновластный по принципу, но ограниченный фактически состоявшим у него в вассальной зависимости высшим сословием – тавадов (Линден, 1917: 1).

И вот, при наличности таких разнохарактерных форм общественного уклада, надо полагать, и произошло слияние аборигенов с иноплеменниками. Мирные родовичи нуждались в военной защите; иноплеменники. Пришлые иностранцы, в совершенстве владели оружием и располагали организованной военной силой, назовем их дружинами. На условиях, с одной стороны, защиты, а с другой, подчинения и совершилось, по-видимому, слияние аборигенов-адиге с иноплеменниками. Как это произошло – путем добровольного соглашения, или же принудительным путем – неизвестно, но взаимные отношения между аборигенами и пришлой народностью должны были сложиться в указанном направлении. Шапсуги рассказывают, что их предки добровольно подчинились иностранцам и приняли по отношению к ним известные обязательства, поставившие их в зависимость и подчинение пришельцев (Щербина, 1913: 20).

С течением времени взаимные отношения между коренным и пришлым населением осложнились. Росла власть и ширились требования господствующих классов, усиливалась зависимость народа от них и увеличивались повинности. Таким путем князья и дворяне отвоёвывали себе у народа исключительные права и привилегии, как напр.: право суда и расправы, присвоение торговых выгод, пользование морскими пристанями и пр. Наиболее развито было сословное деление у бжедухов и темиргоевцев. Князья и дворяне разных степеней играли в жизни этих племен первенствующую роль. И вот, когда, в ряду всех черкесских племен, усилилось значение демократов абадзехов, с одной стороны, и возрос гнет высших классов над низшими у шапсугов, натухайцев и бжедухов, с другой; тогда и начались у черкесов распри. Угнетенный народ, поддерживаемый абадзехами, решил вернуть себе старые права на выбор, на суд, на пользование землей и пр. (Щербина, 1913: 20-21). Ф.А. Щербина ошибается в оценке абадзехского общества как исторически демократического. Так, согласно документам в августе 1804 г. у абадзехов было собрано общество из почетных и пожилых дворян, которые говорили о восстановлении единоначалия, в случае же если кто будет выступать против, то того предполагалось принудить оружием или лишением жизни. При этом абадзехское дворянство утверждало, что такое единоначалие у абадзехов было 100 лет назад (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 478. Л. 30б.). Иными словами в начале XVIII века все без исключения черкесские племена были аристократическими. Благодаря каким причинам абадзехи стали демократическим племенем, то ли благодаря географическим факторам, на которые указывает Ф.А. Щербина, то ли благодаря военному воздействию, неизвестно. Сильно ошибался Ф.А. Щербина и в оценке причин утраты власти знатью, разумеется, экономические причины были важны, но они не были основополагающими. Знать располагала вооруженной силой и была довольно многочисленной, чтобы победить в этих условиях нужны были войска и средства. На территории Черкесии ни у кого кроме знати этого не было. Более того Черкесия была сильной благодаря единоверию – право хождения имели только три священные книги Библия, Псалмы Давида и книга Евангелистов. Коран находился под запретом и пропагандировать его было запрещено.

1785 г. стал роковым не только для знати, но и для всей Черкесии. Турция, накануне воспользовавшись доверчивостью черкесской аристократии, выстроила крепость Анапу и начала вести оттуда религиозную пропаганду. Острие пропаганды было направлено против аристократии, так как мусульманские проповедники говорили, что не только знатные могут иметь рабов, но и простые свободные люди. Одновременно с этим с территории Чечни и Дагестана были выдвинуты крупные силы войск Ших Мансура. Это и стало катализатором взрыва, вместо того, чтобы объединиться против внешнего вторжения, черкесские простолюдины поддержали иноземцев. В ряде столкновений черкесская знать была разбита, а наиболее крупные черкесские племена (натухайцы, шапсуги, абадзехи) стали демократическими. Одним из итогов гражданской войны стало изменение религиозных правил в Черкесии, наряду с тремя указанными книгами право хождение было дано и Корану. В качестве документального подтверждения изменения религиозных правил может служить присяга данная в 1800 г. ногайцами проживающими у черкесов. В тексте содержались следующие

слова: «Я, ниже именованный, обещаюсь и клянусь всемогущим богом и святым его пророком Магметом Мустафою и четырьмя данными от бога книгами – Библией, Псалтырею, Евангелием и Алкораном...» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 427. Л. 3). Спустя 40 лет из текстов присяги черкесов упоминания о христианских книгах исчезнут (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 6-7). Иными словами с 1785 года начинается беспрецедентная атака на религиозные воззрения черкесов. Разрушаются средневековые храмы (Cherkasov et al., 2016), памятники культуры, начинаются гонения на христианско-языческое духовенство (Лапинский, 1995), стирается черкесская историческая память.

Несколько слов о структуре черкесского общества

Структура черкесского общества состояла из 5 классов: князя, дворяне, свободные крестьяне, крепостные крестьяне и рабы.

До гражданской войны 1785 г. племена были аристократическими, кроме абадзехов, которые утратили единоначалие в начале XVIII века. В связи с этим зависимость населения от князей была полной. После 1785 г. зависимыми сословиями являлись только крепостные крестьяне и рабы. Децентрализация черкесских обществ привела к резкому увеличению числа преступлений, так как общества раскололись на всевозможные группировки, течения по имущественному, религиозному и другим цензам. Это привело к многочисленным набегам черкесов на территорию России, к убийствам казачьего населения, захвату пленников, имущества и скота. В начале XIX века, когда Россия начала сбор информации о Черкесии, демократические черкесские племена предстали с зависимыми сословиями, то есть потребовалось не более 20 лет, чтобы ставшие свободными простолюдины обзавелись собственными крепостными крестьянами и рабами. То есть благодаря гражданской войне 1785 г. в Черкесии резко расширился класс рабовладельцев. По данным на 1865 г., то есть после того как основная масса населения покинула Закубанье и ушла в Турцию, на территории оставалось около 80 тыс. человек горского населения, из них 23 % относились к крепостным крестьянам и рабам, а 26 % (включая семьи) к рабовладельцам и владельцам крепостных (Cherkasov et al., 2016a: 385). Иными словами рабовладельческими отношениями было связана почти половина населения демократической Черкесии. Отметим, что последними аристократический статус утратили бжедухи в 1854 г. (Линден, 1917: 55)

Политическое положение князей у черкесов характеризовалось, по мнению Ф.А. Щербини, следующими признаками: «Князья пользовались землей совершенно свободно и ни от кого не зависели. Над дворянами, духовенством и свободным народом они не имели никакой власти, но над крепостными людьми и их имуществом им принадлежало неограниченное право» (Щербина, 1913: 22). Здесь необходимо пояснить, что неограниченную власть над крепостными и рабами имели все владельцы этих категорий населения. Далее Ф.А. Щербина отмечал, что «князь – «пши» считался главой народа – «чиле», и начальником его вооруженных сил. Народ обязан был уважать его, как высшего по происхождению и старшего между владетельными дворянами. Лицо, покушавшееся на жизнь князя, подлежало истреблению с семейством» (Щербина, 1913: 22-23). Система управления, представленная Ф.А. Щербиной, была актуальна в начале XIX века, то есть после поражения черкесской аристократии в гражданской войне 1785 г., до этого времени черкесские племена были аристократическими.

Практически безграничным уважением пользовались князья в кабардинском племени у черкесов. Так, для защиты князя каждый кабардинец был обязан жертвовать своей жизнью. Плата за кровь убитого князя не могла быть исчислена. По выражению кабардинцев, «кровь убитого пше наполняет всю глубину ущелья, в мрачную бездну которого со страхом падает взор могильного ворона». Смысл этого поэтического образа горцев заключался в народном обычае, по которому за кровь пше, убийца и все взрослые его родственники мужского пола предавались смерти, женщины и дети обращались в рабство (Линден, 1917: 56-57).

Интересно как описывает знать соседей черкесов ногайцев М. Пейсонель в середине XVIII века: «Все знатные фамилии (имеется в виду у ногайцев – Авт.) претендуют на равную древность и считают себя потомками завоевателей страны» (Пейсонель, 1927: 14). Важно отметить, что работа М. Пейсонеля писалась в период 1750–1762 гг., то есть в то время когда социальных потрясений ни у черкесов, ни у ногайцев еще не было. Описывая Черкесию М. Пейсонель указывал, что «в каждом племени существует своя господствующая фамилия, которая владеет, на правах государя, всеми землями племени и распоряжается там деспотически (правильнее читать самодержавно – Авт.)» (Пейсонель, 1927: 20).

К сожалению других источников о положении черкесской знати до 1785 г. практически нет, поэтому мы постараемся рассмотреть ситуацию в более поздний период с указаниями на ситуацию более раннего времени. Таких свидетельств гораздо больше. Так, английский корреспондент Джон Лонгворт, посетивший Черкесию в 1837 г. отмечал, что «князья ранга «пши» в прежние времена обладали большими правами. Они имели подданных, которыми могли командовать в военное время и которые способствовали поддержанию их достоинства в мирное время. Но в трех областях – Натукойч, Шапсук и Абазак... (имеется в виду племена натухайцев, шапсугов и абадзехов – Авт.) в последние годы наблюдалось стремление, введенное, я думаю, магометанством, понизить все подобные отличительные права» (Логворт, 2002: 118).

Характеризуя черкесское дворянское общество, отмечал Ф.А. Щербина, ссылаясь на данные барона Сталля, что у народов Закубанского края и Черноморского побережья насчитывалось более 100 тыс. дворян (Щербина, 1913: 23). Нам представляется, что здесь имелись в виду не только черкесы, но и аристократические общества Абхазии и Грузии. Черкесские дворяне, отмечал Ф.А. Щербина, делились на три класса или степени – «узденей» 1-й степени, 2-й и 3-й. К первому классу относились дворяне из туземных (иностранных – Авт.) старшин, руководивших народом и бывших во главе его. Это были так называемые «тлекотлежи» – посредники. Ко второму классу были отнесены княжеские дворяне – «пши-уорки», потомки членов иностранных дружин, соединившихся когда-то с адыгами. Наконец третий класс составляли дворяне-воины, дружинники из среды черкесского народа. Они носили довольно характерное название «уорк шаутле гуссе», то есть молодцы, взятые мужами в товарищи, в соратники от слов «сшау» юноша, молодец «тле» – муж и «гуссе» – товарищ. Вообще же дворяне, вместе с князьями, составляли военный элемент, были защитниками народа и края от военных насилий и нашествий внешнего врага (Щербина, 1913: 23).

Сообразно с делением дворян на три степени, менялись права дворян и их политическое значение. Дворяне 1-й степени – главари аулов и самостоятельные владельцы, имевшие своих крестьян, которые работали на них или связаны были с ними определенными условиями в этом отношении. «Тлекотлежей» вообще было мало у черкесских племен, не более двух-трех семейств на целую народность. В аулах «тлекотлежей» жили и другие дворяне низших степеней. Они считали тлекотлежа своим главой и могли также иметь крестьян. По зову «тлекотлежа» они обязаны были идти на войну и в походы. В случае недоразумений между тлекотлежем и дворянами второй и третьей степеней, последние уходили к другим владельцам. Различия между дворянами второй и третьей степеней обуславливались имущественным положением. Некоторые дворяне не имели крестьян. Вообще же владелец аула снабжал тех и других дворян скотом и хлебными запасами, и это называлось «уорк тын», который однако возвращался, если дворяне оставляли его. Дворянство было только наследственным (Щербина, 1913: 24).

Таким образом, деятельностью дворян, по сути, была служба своему князю, все финансовое обеспечение дворянина осуществлялось за счет средств князя или дворян 1-й степени.

В условиях увеличивающегося кризиса в Черкесии, в период Кавказской войны, когда на религиозные взгляды черкесов шла массированная атака пришлых, знать продолжала оставаться ревностными защитниками веры. В 1838 г. когда русскими на земле убыхов было заложено укрепление Александрия, на ближайшей к крепости горе находился священный дуб, на котором висел золотой крест. Некоторые убыхи-мусульмане предлагали снять реликвию и увезти ее дальше в горы, чтобы русские об этом не узнали и не получили формальное право на землю. Однако убыхский князь Али Ахмет Облагу отказывал в этом, требуя защищать крест, там где он находится. Спустя несколько лет, в 1841 г., этот князь примет присягу на верность императору Николаю I за себя и всех простолюдин и станет капитаном русской армии (АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 8. Л. 13). Пример этот был не единичным. Польский эмиссар Т. Лапинский в конце 1850-х гг. описывая аристократию в Черкесии отмечал, что знать держится всегда вместе и многие служат у русских, потовому что им бы очень хотелось, чтобы русская система вошла в силу в их стране (Лапинский, 1995: 101).

Важно отметить, что черкесская аристократия на протяжении всей Кавказской войны не забывала о том, что простолюдины вместе с пришлыми-мусульманами лишили их власти и всячески пытались вернуть утраченное положение в обществе. Так, например, аристократия неоднократно выступала с инициативами к русской администрации поддержать черкесскую знать русскими войсками и принудить простолюдин к подчинению. В качестве примера возьмем июнь 1850 года, когда в Сухум тайно прибыло несколько убыхских старшин. Они сообщили, что все дворянство Убыхии договорилось с прибрежными дворянами Шапсугии совместными усилиями принудить тохавов вооруженной силой к признанию древней власти дворян. Однако дворяне высказали сомнение, что их усилий будет достаточно и просили вооруженной силы у русской администрации (АКАК, 1885: 681). Важно отметить, что дело не ограничивалось лишь словами. Так, в последней битве Кавказской войны в марте 1864 г. у реки Годлик на границе Убыхии и малой Шапсугии¹ против убыхских простолюдинов (убыхское дворянство не принимало участия) выступали русские войска поддержанные отрядом дворян Малого Шапсуга (Ворошилов, 2008: 314).

5. Заключение

Подводя итоги, хотелось бы констатировать, что гипотеза о том, что черкесская знать в большинстве своем состояла из потомков крестоносцев и европейские христиан (XI–XV веков), имеет право на существование. Это, на наш взгляд, подтверждается как хронологией исторических событий, так и антропологическим обликом и культурой населения Черкесии. До 1785 года Черкесия и Грузия своими феодальными порядками напоминали средневековые государства Западной Европы, а распространение ислама на этих территориях было запрещено. После гражданской войны 1785 г. аристократия в большей части Черкесии потеряла свои права, что привело к длительному конфликту между черкесской знатью и простолюдинами.

¹ Имеется в виду прибрежная Шапсугия.

6. Благодарности

Статья выполнена в рамках проекта «Малые народы в экстремальных условиях войны и мира (историко-сравнительное исследование)». Сроки выполнения 2016–2018 гг. Шифр: 100.01.

Литература

- АКАК, 1885** – Акты собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 10. Тифлис, 1885.
- АОАГС** – Архивный отдел администрации города Сочи.
- Большая энциклопедия, 1900** – Большая энциклопедия. / Под ред. С.Н. Южакова. В 22 т. Т. 1. СПб., 1900.
- Бэлл, 2007** – *Бэлл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Том 1. Нальчик, 2007.
- Виноградов, 1995** – *Виноградов В.Б.* Средняя Кубань. Земляки и соседи. *Армавир, 1995.* – Часть «Армяне закубанские» - онлайн: http://budetinteresno.narod.ru/kraeved/narod_vin_cherkeso_gai.htm
- Ворошилов, 2008** – *Ворошилов В.И.* История убыхов. Майкоп, 2008.
- ГАКК** – Государственный архив Краснодарского края.
- Кавказ, 2010** – Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII вв. / Сост. В. Аталиков. Нальчик, 2010.
- Клапрот, 2008** – *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 гг. Нальчик, 2008.
- Лапинский, 1995** – *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995.
- Линден, 1917** – *Линден В.* Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Тифлис, 1917.
- Логворт, 2002** – *Логворт Д.А.* Год среди черкесов. В 2 т. Т. 1. Нальчик, 2002.
- Монперэ, 2010** – *Монперэ Фредерик Дюбуа де.* Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1. У черкесов и абхазов. Майкоп, 2010. 164 с.
- Пейсонель, 1927** – *Пейсонель М.* Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 гг. Краснодар, 1927.
- Спенсер, 2008** – *Спенсер Э.* Описание поездок по западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию в 1836 г. Нальчик, 2008.
- Торнау, 2008** – *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. В двух частях. Майкоп, 2008.
- Щербина, 1913** – *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Т. 2. Екатеринодар, 1913.
- Щербина, 1916** – *Щербина Ф.А.* История Армавира и черкессогаев. Екатеринодар, 1916.
- Cherkasov et al., 2016** – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Metreveli R.V., Molchanova V.S.* The Destruction of the Christian Historical-Cultural Heritage of the Black Sea Area: Trends and Characteristics (the Late 18th and First Half of the 19th centuries). // *Annales Ser. hist. sociol.* 2016. 26 (1): 1-12.
- Cherkasov et al., 2016a** – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody.* 2016. 40(2): 382-391.
- Surguladze, 2015** – *Surguladze M.* A Christian Coalition: The Georgian King David IV in the Struggle against the Seljuk Turks (the Late 11th and Early 12th Centuries) // *Crusader.* 2015. 2(2): 60-122.

References

- АКАК, 1885** – Akty sobrannyye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei [Acts of the Caucasus archaeological commission]. V 12 t. T. 10. Tiflis, 1885. [in Russian]
- АОАГС** – Arkhivnyi otdel administratsii goroda Sochi [Archival department of administration of Sochi city].
- Bol'shaya entsiklopediya, 1900** – Bol'shaya entsiklopediya [Great Encyclopedia]. / Pod red. S.N. Yuzhakova. V 22 t. T. 1. SPb., 1900. [in Russian]
- Bell, 2007** – *Bell Dzh.* (2007). Dnevnik prebyvaniya v Cherkesii v techenie 1837–1839 gg. [Diary of staying in Circassia during the 1837–1839 years] V 2 t. T. 1. Nal'chik. [in Russian]
- ГАКК** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya [The state archives of the Krasnodar territory].
- Kavkaz, 2010** – Kavkaz: evropeiskie dnevniki XIII–XVIII vv. [Caucasus: european diaries of the XIII–XVIII centuries] / Sost. V. Atalikov. Nal'chik, 2010. [in Russian]
- Klaprot, 2008** – *Klaprot Yu.* (2008). Opisaniye poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 gg. [Description of trips in the Caucasus and Georgia in 1807 and 1808]. Nal'chik. [in Russian]
- Lapinskii, 1995** – *Lapinskii T.* (1995). Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh [The Highlanders of the Caucasus and their liberation struggle against the Russian]. Nal'chik. [in Russian].
- Linden, 1917** – *Linden V.* (1917). Vysshie klassy korennoyo naseleniya Kavkazskogo kraya i pravitel'stvennyye meropriyatiya po opredeleniyu ikh soslovykh prav [The upper classes of the indigenous

population of the Caucasus region and government activities to determine their class rights]. Tiflis. [in Russian]

Logvort, 2002 – *Longvort D.A.* (2002). God sredi cherkesov [Year among the circassians]. V 2 t. T. 1. Nal'chik. [in Russian]

Monpere, 2010 – Monpere Frederik Dyubua. (2010). Puteshestvie vokrug Kavkaza [Travel around the Caucasus]. Maikop. [in Russian]

Peisonel', 1927 – *Peisonel' M.* (1927). Issledovanie trgovli na cherkessko-abkhazskom beregu Chernogo morya v 1750–1762 gg. [The study of trade on the circassian-abkhazian coast of the Black sea in 1750-1762]. Krasnodar. [in Russian]

Spenser, 2008 – *Spenser E.* (2008). Opisanie poezdok po zapadnomu Kavkazu, vklyuchaya puteshestvie cherez Imeretiyu, Mingreliyu, Turtsiyu, Moldaviyu, Galitsiyu, Sileziyu i Moraviyu v 1836 g. [Description of trips in the western Caucasus, including the journey through Imereti, Mingrelia, Turkey, Moldova, Galicia, Silesia and Moravia in 1836]. Nal'chik. [in Russian]

Tornau, 2008 – *Tornau F.F.* (2008). Vospominaniya Kavkazskogo ofitsera [The memoirs of a Caucasian officer]. V 2 ch. Maikop. [in Russian]

Shcherbina, 1913 – *Shcherbina F.A.* (1913). Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska [The history of the Kuban cossack army]. V 2 t. T. 2. Ekaterinodar. [in Russian]

Shcherbina, 1916 – *Shcherbina F.A.* (1916). Istoriya Armavira i cherkesogayev [History of Arvamer and the Cherkesogai]. Ekaterinodar. [in Russian]

Cherkasov et al., 2016 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Metreveli R.V., Molchanova V.S.* (2016). The Destruction of the Christian Historical-Cultural Heritage of the Black Sea Area: Trends and Characteristics (the Late 18th and First Half of the 19th centuries). *Annales Ser. hist. sociol.* 26 (1): 1-12.

Cherkasov et al., 2016a – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2016). The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody.* 40(2): 382-391.

Surguladze, 2015 – *Surguladze M.* (2015). A Christian Coalition: The Georgian King David IV in the Struggle against the Seljuk Turks (the Late 11th and Early 12th Centuries). *Crusader.* 2(2): 60-122.

Vinogradov, 1995 – *Vinogradov V.B.* (1995). Srednyaya Kuban. Zemlyaki i sosed. [Middle Kuban. Fellow countrymen and neighbors]. *Arvamer*, Part «Armenians of Kuban». URL: http://budetinteresno.narod.ru/kraeved/narod_vin_cherkeso_gai.htm [in Russian]

Voroshilov, 2008 – *Voroshilov V.I.* (2008). Istoriya ubykhov [History of ubykh]. Maikop. [in Russian]

Черкесская аристократия в конце XVIII – первой половине XIX вв.: социальная структура общества

Александр Черкасов ^{a, b*}, Михал Шмигель ^{c, d}, Сергей Братановский ^e, Анник Валлоу ^f

^a Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

^d Американская ассоциация историков, США

^c Университет Матей Бела, Словакия

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^e Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация

^f Университет г. Женева, Швейцария

Аннотация. В статье рассматривается структура, религиозные обряды и обычаи черкесской аристократии периода конца XVIII – середины XIX вв. Обращено внимание на происхождение черкесской знати. По фрагментарным данным сделана попытка реконструировать историю Черкесии конца XVIII века.

В качестве материалов были привлечены документы государственного архива Краснодарского края (г. Краснодар, Российская Федерация), материалы личного происхождения путешественников и эмиссаров периода Кавказской войны, научные исследования дореволюционного периода.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sochio03@rambler.ru (А. Черкасов), michal.smigel@umb.sk (М. Шмигель), bratfoot@mail.ru (С. Братановский), Annick.Valleau@unige.ch (А. Валлоу)

В заключении авторы отмечают, что гипотеза о том, что черкесская знать в большинстве своем состояла из потомков крестоносцев и европейские христиан (XI–XV веков), имеет право на существование. Это, на наш взгляд, подтверждается как хронологией исторических событий, так и антропологическим обликом и культурой населения Черкесии. До 1785 года Черкесия и Грузия своими феодальными порядками напоминали средневековые государства Западной Европы, а распространение ислама на этих территориях было запрещено. После гражданской войны 1785 г. аристократия в большей части Черкесии потеряла свои права, что привело к длительному конфликту между черкесской знатью и простолюдинами.

Ключевые слова: аристократия, Черкесия, религия, обычаи, крестоносцы, XVIII–XIX века.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 97-106. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.97
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

On the Emperor's Service: the Supreme Administration of Taurida Governorate in the first half of the XIX century

Andrey A. Nepomnyzhchy ^{a, b, *}, Alexandr S. Kravchuk ^{a, c}

^a V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russian Federation

^b State Institution "Sh. Marjani Institute of History" of Tatarstan Academy of Sciences Russian Federation, Russian Federation

^c Crimean Engineering and Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

Taurida Governorate played an important role among the other administrative units of the Russian Empire. As a result, the leadership of the country paid close attention to the appointment of senior officials in the region. A unique climate, Black Sea Fleet, ethnic diversity and a frontier position contributed to the importance of Governors' nomination. Moreover, there was insignificant number of active nobility, which took part in the management of the region. Additionally, the role of Taurida governor increased due to the remoteness from the central state authorities. In such circumstances, selection of governors and their level of competence played a crucial role in the domestic policy of Russian Empire.

In the present article, two periods in personnel policy in Taurida Governorate are determined. The first stage is the time of Alexander I reign. During this period various ministries and tsar participated in the selection of governors. The second stage is the time when Novorossiya General-Governor M.S. Vorontsov played first violin in this process. He became the head of the region in the last year of Alexander I reign and managed territory during Nicholas I reign. M.S. Vorontsov created specific system of administration when he controlled most of appointments in the region. Analysis of top officials' appointments in the Taurida Governorate allowed understanding the mechanism of selection in a particular administrative unit and identifying patterns of personnel policy in the peripheral provinces of the Russian Empire.

Keywords: Taurida Governorate, Taurida Governors, administrative history, D.B. Mervtogo, A.M. Borozdin, A.S. Lavinsky, M.M. Muromcov.

1. Введение

Со времен реформ Петра I в Российской империи основным проводником государственной политики на местах стала бюрократия. Постоянное приращение новых территорий вынуждало центральные органы власти учитывать специфику периферийных областей при формировании системы местного управления. Несмотря на существование регионального компонента в большинстве окраинных административных единиц система управления замыкалась на губернаторах. На них, в основном, ложилась ответственность за успехи и неудачи проводимой правительственной политики. Именно поэтому назначению руководителей регионов придавалось ключевое значение. Подбор кандидатов на эту должность являлся прямым отражением устремлений органов центральной власти. Изучение практик назначения высших административных лиц в Таврической губернии представляется важным не только в контексте стратегической роли региона, но и может быть использовано при анализе кадровой политики, проводимой во время освоения окраинных территорий.

* Corresponding author

E-mail addresses: dr.aan@mail.ru (A.A. Nepomnyzhchy),
alexkravchuk7@gmail.com (A.S. Kravchuk)

Административная реформа, предпринятая Александром I на заре его царствования, привела к разделению Новороссийской губернии на три отдельные административные единицы: Таврическую, Екатеринославскую и Николаевскую губернии. Последняя, спустя год, получила название Херсонской по имени города, который определялся новым губернским центром. В административном отношении таврический гражданский губернатор, как и все его коллеги, входил в ведомство Министерства внутренних дел. Одновременно с этим чиновник являлся подчиненным херсонского военного губернатора. Учитывая приграничное положение территории бывшей Новороссийской губернии, в соответствии с общими тенденциями функционирования системы местного управления, в рассматриваемом регионе была введена должность херсонского военного губернатора. В 1803 г. «военные губернаторы, управляющие гражданской частью, были приравнены к генерал-губернаторам» (Писарькова, 2012: 48). С 11 декабря 1822 г. херсонский военный губернатор стал именоваться новороссийским генерал-губернатором (ПСЗРИ, 1822–1823: 191–192).

2. Материалы и методы

С целью выявления региональных и государственных проблем в ходе исследования использовались компаративистские методы: сопоставительный, генетический, типологический. Ключевые величины, характеризующие губернаторский корпус Таврической губернии, соотносились с общеимперскими показателями соответствующего периода. В свою очередь, это дало возможность обнаружить преемственность и динамику управленческих практик таврических гражданских губернаторов, а также определить их место в государственном контексте, раскрыть региональную специфику.

Методы статистического и количественного анализа применялись при изучении формулярных списков, обзоров и основополагающих показателей социального и экономического развития. Это позволило выявить количественную меру каждого конкретного качества и определить эффективность работы отдельных администраторов. В труде при анализе формулярных списков нашли применение подходы, предложенные И.Н. Киселевым и С.В. Мироненко (Киселев, Мироненко, 1986), П.А. Зайончковским.

Источниковую базу исследования составили документы архивных фондов Государственного архива Республики Крым и Российского государственного исторического архива, в которых содержится информация о служебной деятельности таврических гражданских губернаторов. Не менее важными являются документы личного происхождения, дополняющие официальное делопроизводство.

3. Обсуждение

Вопрос о необходимости комплексного изучения чиновничьего аппарата Российской империи был поднят признанным специалистом в этой области П.А. Зайончковским (Зайончковский, 1978). Изучение личного состава государственных органов и принципов их комплектования позволило ученому доказать, что важнейшую роль во внутренней политике играли люди, занимающие различные посты в аппарате местного управления. П.А. Зайончковский в ходе массовой обработки и анализа формулярных списков разработал и применил собственный подход, используемый и в современных исследованиях. Ученый пришел к заключению о том, что всесторонняя оценка деятельности административного аппарата Российской империи может быть произведена только на основе всеобъемлющего изучения и учета персональных качеств чиновников. Работу в этом направлении продолжили ученики П.А. Зайончковского: Б. Линкольн (Lincoln, 1982), Д. Филд (Field, 1976), Дж. Яней (Yaney, 1973), Д. Орловски (Orlovsky, 1981), Дж. ЛеДонн (LeDonne, 2004).

В отечественной историографии за последние десятилетия появилось значительное количество работ, в которых рассматривается деятельность чиновников отдельных административных единиц и центральных органов власти. На общем фоне выделяется фундаментальный труд Л.М. Лысенко (Лысенко, 2001), посвященный эволюции института губернаторства в Российской империи. Исследовательница расширила методологию и провела анализ губернаторского корпуса Российской империи. Это позволило создать социально-исторический портрет высших должностных лиц на местах, существенно расширить представления о региональной кадровой политике.

Комплексный анализ уровня подготовки высших административных лиц Таврической губернии и сравнение этих показателей с общеимперскими до сих пор проведены не были.

4. Результаты

Кадровую политику центра в Таврической губернии первой половины XIX в. следует разделить на два периода. Первый – это время правления Александра I и пребывание в должности херсонского военного губернатора А.Э. Ришелье и А.Ф. Ланжерона. Таврическими гражданскими губернаторами на этом этапе были: Г.П. Милорадович (13 декабря 1802 – 2 августа 1803 гг.), Д.Б. Мертваго (26 декабря 1803 – 28 октября 1807 гг.), А.М. Бороздин (2 ноября 1807 – 20 июля 1816 гг.), А.С. Лавинский (20 июля 1816 – 28 декабря 1819 гг.), А.Н. Баранов (28 декабря 1819 – 25 апреля 1821 гг.) и Н.И. Перовский (25 февраля 1822 – 16 октября 1823 гг.) (Губернии, 2003: 284–285).

Второй – время генерал-губернаторства М.С. Воронцова, назначенного в последние годы царствования Александра I и большую часть времени руководившего регионом в царствование Николая I. Во главе Тавриды в этот период пребывали: Д.В. Нарышкин (16 октября 1823 – 17 апреля 1829 гг.), А.И. Казначеев (17 апреля 1829 – 13 февраля 1837 гг.), М.М. Муромцов (22 февраля 1837 – 19 января 1843 гг.), В.Я. Рославец (19 января 1843 – 22 января 1845 гг.), В.И. Пестель (22 января 1845 – 11 ноября 1854 гг.) (Губернии, 2003: 284–285). Всего в должности таврического гражданского губернатора от образования губернии 8 октября 1802 г. и до отстранения гражданского губернатора В.И. Пестеля 11 ноября 1854 г. и подчинения гражданской части генерал-майору Николаю Владимировичу Адлербергу, произошедшее во время Восточной (Крымской) войны, находилось 11 человек.

На первом этапе ключевую роль в определении чиновников, руководящих Тавридой, играло Министерство внутренних дел и лично государь. Херсонские военные губернаторы А.Э. Ришелье и А.Ф. Ланжерон не оказывали заметного влияния на назначения высших административных лиц в регионе. Так, первый губернатор Г.П. Милорадович был определен в должность благодаря личной протекции Александра I, что впоследствии затруднило его перевод на новое место службы и привело к завершению карьеры (Письмо императора, 1864: 623). Второй губернатор – Д.Б. Мертваго – стал главой административной единицы благодаря поддержке министра юстиции Г.Р. Державина. Следующий руководитель губернии – А.М. Бороздин – сам стремился получить назначение в Крым и с этой целью обратился к императору и министру внутренних дел В.П. Кочубею (Кравчук, 2013: 46–67). Его приемники занимали пост таврического гражданского губернатора при непосредственном участии либо императора, как в случае с А.Н. Барановым (Фадеев, 1897: 65), либо министра внутренних дел – А.С. Лавинский и Н.И. Перовский. Причиной этого было, с одной стороны, пристальное внимание к юго-западным окраинам империи со стороны Александра I. С другой – А.Э. Ришелье до назначения херсонским военным губернатором большую часть времени провел на военной службе, был человеком «со стороны» и не принимал активного участия в подборе высших административных лиц региона. К тому же, усиление власти херсонского военного губернатора в это время претягивали укрепляющиеся в обществе либеральные настроения. Сменивший его А.Ф. Ланжерон продолжал вектор, заданный предшественником.

Во второй период ключевую роль во всех назначениях в крае стал играть М.С. Воронцов. Его вступление в должность новороссийского генерал-губернатора и полномочного наместника Бессарабской области, состоявшееся 7 мая 1823 г. (Захарова, 2001: 170–171), кардинально изменило ситуацию. Кадровая политика, проводимая М.С. Воронцовым, отличалась стремлением отобрать квалифицированных специалистов для занятия должностей на всех уровнях аппарата управления и поставить этот процесс под личный контроль. Это вело к нарушению сложившейся системы управления, при которой многие губернские ведомства подчинялись министерствам, а также существенному неформальному увеличению роли новороссийского генерал-губернатора. В таких условиях произошло замыкание системы управления на канцелярии М.С. Воронцова и сокращение роли министерств. При этом император и министры, в целом, негласно одобряли действия князя, который лично отвечал за все успехи и неудачи непосредственно перед самодержцем. Американский исследователь российской бюрократии Джордж Йени называл таких управленцев «царскими агентами» (Yaney, 1973: 221–228).

Такое положение в регионе привело к тому, что все таврические гражданские губернаторы во второй четверти XIX в., кроме М.М. Муромцова, были назначены по протекции М.С. Воронцова. Определение в должность М.М. Муромцова произошло при поддержке Николая I (Кравчук, 2015b: 25). Генерал-губернатор покровительствовал и способствовал назначению хорошо знакомых ему чиновников. Ключевые должности занимали люди, которые ранее служили под его началом в армии (А.И. Казначеев и Д.В. Нарышкин) либо были замечены им на гражданской службе (В.Я. Рославец и В.И. Пестель). Эти факты иллюстрируют механизм протекции и зависимость таврических гражданских губернаторов от генерал-губернатора. Изучение административной деятельности М.С. Воронцова и его взаимодействия с министерствами свидетельствует о том, что система управления империей была достаточно гибкой. Часто это выражалось в молчаливом согласии центра на расширение полномочий отдельных администраторов, выходящих за рамки очерченных законом норм.

В годы правления Александра I губернаторами Тавриды становились чиновники в ранге не ниже четвертого класса в «Табели о рангах». Исключение составляет лишь Н.И. Перовский, получивший назначение в звании статского советника (5 класс) (РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1699. Л. 140–146). Выбор пал на него не случайно и был скорее исключением, подтверждающим правило, – он должен был заменить внезапно умершего предшественника. Его назначение выглядит вполне логичным: Н.И. Перовский занимал в это время должность феоdosийского градоначальника и был хорошо знаком с местными реалиями. Д.Б. Мертваго (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 70. Л. 2–3), А.С. Лавинский (РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 277. Л. 12–19), А.Н. Баранов (Кравчук, 2015a: 60–61) ко времени занятия губернаторского поста находились в звании действительного статского советника (4 класс в «Табели о рангах»). В ранге тайного советника был назначен Г.П. Милорадович (3 класс в «Табели о рангах») (Милорадович, 1871: 90–94). Управленцу столь высокого чина предстояло

реорганизовать систему местного управления сразу после создания Таврической губернии. Г.П. Милорадович имел большой опыт налаживания работы различных ведомств, что называется «с нуля». А.М. Бороздин получил должность в звании генерал-лейтенанта (3 класс в «Табели о рангах») (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 117. Л. 2–3).

В царствование Николая I происходит увеличение количества губернаторов из военных чинов. В Новороссийском крае инициатива в подборе кандидатов на высшие административные должности переходит из центра в канцелярию генерал-губернатора. Это привело к трансформации критериев отбора. Таврическими гражданскими губернаторами в это время становились чиновники только 4–5 класса. А.И. Казначеев (РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 595. Л. 1–2) и М.М. Муромцов (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 432. Л. 1–10) – в звании статского советника (5 класс в «Табели о рангах»); Д.В. Нарышкин (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 199. Л. 2–3) и В.Я. Рославец (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 442. Л. 1–2) – действительно статского советника (4 класс в «Табели о рангах»); В.И. Пестель – в звании генерал-майора (4 класс в «Табели о рангах») (РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1692. Л. 52–59).

Еще одним важным фактором, свидетельствующем о степени подготовки чиновников, является уровень их образования, который оставлял желать лучшего как в Новороссийском крае, так и во всей Российской империи. Херсонский военный губернатор А.Ф. Ланжерон 5 декабря 1817 г. обращался к А.С. Лавинскому с требованием соблюдать указ «О правилах производства в чины по гражданской службе...» от 6 августа 1809 г.: «Императорский Харьковский университет имеет сведение, что в Таврической губернии в гражданскую службу принимаются люди, не окончившие учения в публичных училищах. [...] Прошу покорнейше вас сделать распоряжение, дабы люди, не окончившие какое-либо училище, не были принимаемы в гражданскую службу» (ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 3204. Л. 1–2). В ответ А.С. Лавинский пытался объяснить, что в регионе отсутствуют служащие с требуемым уровнем образования. На это А.Ф. Ланжерон сообщал: «Я весьма охотно принял бы на себя ходатайство о допущении исключительного права принимать в статскую службу по Таврической губернии людей, не окончивших курса наук в любом общественном училище. Однако, такое право может дать повод уклоняться некоторым родителям от воспитания детей, ибо полагаю, что означенный в отношении моем закон издан для распространения лучшего обучения. Впрочем, вы должны руководствоваться данным указом, для научения канцелярских чиновников» (ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 3204. Л. 5–6). Фактически законы о необходимом минимуме образования государственными служащими не исполнялись. Этот факт подтверждают данные и по Таврической губернии. Именно поэтому в 1834 г. было введено «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе» (Зайончковский, 1978: 150–153).

Из таврических гражданских губернаторов, получивших университетское образование, выделим Г.П. Милорадовича и А.М. Бороздина. Первый в 1778–1782 гг. обучался в Кенигсбергском университете (Милорадович, 1871: 91), после чего на протяжении 5 лет был студентом в Геттингене, Лейпциге, Страсбурге и Меце (Милорадович, 1871: 92–94). Семья Г.П. Милорадовича израсходовала на его образование крупную сумму – 10 850 рублей (Милорадович, 1871: 93). А.М. Бороздин окончил Кембриджский университет. Председатель Екатеринославской конторы иностранных поселенцев А.М. Фадеев вспоминал в связи с этим следующее: «Бороздин, человек недюжинный по образованию и даже учености, воспитанник Кембриджского университета, имел диплом доктора медицины и писал рецепты, занимаясь лечением больных, но был плохой губернатор, как это часто случается с учеными» (Фадеев, 1897: 54–55). Д.Б. Мертваго, А.С. Лавинский, А.Н. Баранов, Н.И. Перовский получили домашнее образование.

В годы генерал-губернаторства М.С. Воронцова и правления Николая I произошли изменения в характере получаемых знаний. Этому способствовало развитие системы образования в царствование Александра I. В результате возросло число чиновников, окончивших учебные заведения различного уровня в пределах Российской империи. Так, В.Я. Рославец являлся воспитанником благородного пансиона при Московском университете, М.М. Муромцов получал знания в пансионе Фонка и Дюре в Москве, А.И. Казначеев окончил курс Рязанской гимназии. Д.В. Нарышкин получил домашнее образование, В.И. Пестель сначала 4 года учился в Германии под руководством своей бабки, после чего три года провел в Пажеском корпусе. Приведенные данные свидетельствуют о том, что во второй четверти XIX в. в губернаторском корпусе Таврической губернии увеличилось количество чиновников, получивших системное образование, однако не было ни одного администратора, обучавшегося в университете и за пределами России. Отсутствие губернаторов с университетским образованием может свидетельствовать о падении престижности должности таврического гражданского губернатора.

Важными представляются и возрастные показатели администраторов, определяемых на пост руководителя Таврической губернии. Особое внимание обращает на себя тот факт, что во время правления Александра I все чиновники к моменту назначения были не старше 45 лет. При его приемнике – Николае I – возраст таврических гражданских губернаторов постепенно увеличивался и в среднем составлял 46–50 лет. В период с 1802 по 1854 гг. ни один начальник края ко времени вступления в должность не был старше 50 лет. А.Н. Баранов возглавил регион в 26 лет и был одним из самых юных губернаторов Российской империи (Кравчук, 2015а: 61). В обществе сложились к мнению, что «губернаторство – хороший административный опыт, раскрывавший возможности

человека не только как чиновника-исполнителя, но и руководителя» (Минаков, 2012: 11–19). Именно поэтому многие государственные служащие воспринимали этот пост, как очередную ступень в карьерном развитии, особенно в первой четверти XIX в. По этой же причине срок, проведенный во главе Таврической губернии, был в 2 раза меньше в сравнении с показателями по Российской империи. Полуостров вызывал интерес в правительственных кругах, представители царской семьи обзаводились в Крыму собственными именьями, часто посещали регион. Способствовать карьерному росту могли и херсонские военные губернаторы, а позже новороссийский генерал-губернатор. Они обладали весомым авторитетом, в высших эшелонах власти прислушивались к их мнению.

Одной из особенностей формирования аппарата управления в обозначенный период было то, что большинство должностных лиц начинали службу в армии и непосредственно участвовали в боевых действиях. По данным формулярных списков за 1825 г. около 42,1 % чиновников, состоявших на службе, в прошлом были участниками различных военных кампаний (Киселев, Мироненко, 1986: 6–31). Именно из их числа черпались кадры государственного аппарата управления. Причиной тому были масштабные кровопролитные столкновения первой четверти XIX в. и непопулярность гражданской службы в дворянской среде. Данные формулярных списков таврических гражданских губернаторов подтверждают эту тенденцию: лишь В.Я. Рославец никогда не находился на военной службе. Г.П. Милорадович и Д.Б. Мертваго не принимали прямого участия в ратных подвигах, тем не менее, имели военные чины. Остальные губернаторы участвовали в войнах конца XVIII – первой половины XIX века, абсолютное большинство встало на защиту отчизны в Отечественной войне 1812 года. Фактически, служба в армии считалась необходимым условием для занятия высоких гражданских постов.

Очевидно, что опыт военной службы оказывал как положительное, так и негативное влияние в дальнейшей карьере. С одной стороны, будущие чиновники обзаводились необходимыми связями в высшем обществе, получали сноровку как руководители воинских подразделений, с другой – реалии гражданской службы были намного разнообразнее армейской, значительную роль играли неформальные отношения, было необходимо вести обширную переписку, постоянно брать инициативу в решении сложных вопросов на себя, учитывать настроения в обществе.

Важным показателем подготовки чиновника служит опыт его предыдущей работы. Из 11 таврических губернаторов 3 начинали службу в гражданском ведомстве (Н.И. Перовский, А.И. Казначеев, В.Я. Рославец), остальные в военном. А.М. Бороздин и Д.В. Нарышкин построили армейскую карьеру и имели лишь общее представление о штатской службе. С крымскими делами хорошо были знакомы 5 чиновников, ранее трудившиеся на полуострове: Д.Б. Мертваго служил надзирателем крымских соляных озер; Н.И. Перовский занимал пост таврического вице-губернатора и феодосийского градоначальника. На должности руководителя Феодосийского градоначальства трудился А.И. Казначеев. Этот пост в первой четверти XIX в. можно назвать «трамплином», дающим в перспективе возможность возглавить Таврическую губернию. Любопытно, что ни один из керчьеникальских градоначальников не стал главой Тавриды в рассматриваемый период.

Во второй четверти XIX в. проявляется новая тенденция – таврическими губернаторами назначались чиновники, ранее занимавшие пост херсонского гражданского губернатора: это В.Я. Рославец и В.И. Пестель. Последний также служил херсонским военным губернатором. Эта мера была предпринята М.С. Воронцовым с целью усиления руководящего состава в Тавриде. Подтверждает данное утверждение характеристика В.И. Пестеля, представленная известным крымоведом XIX в. А.Г. Завадовским: «В Таврической губернии В.И. Пестель нашел много племен и наречий, большое разнообразие культуры, здесь двигал не закон, а обычай, обычай азиатский, дикий, произвольный, вставлять который в рамки законности и гражданского порядка было очень трудно и часто совсем невозможно. В.И. Пестель в Симферополе был неузнаваем, так он скоро и разом переменялся. Один из министров, проезжая из Петербурга в Крым, остановился в Орехове перед мостом на границе Таврической губернии и, перейдя мост, сказал: «Ступил на землю беззакония». Нужно было управлять губернией не по существовавшим правилам, а по веянию ветра, ветер же с разных сторон дул различный» (Завадовский, 1885: 263–264).

В это же время появляется все больше «профессиональных губернаторов», чиновников, которых часто перемещали из одного региона в другой. Если в царствование Александра I таких руководителей в Крыму не было вообще, то при его приемнике трое из пяти администраторов ранее занимали аналогичные посты в других губерниях. Эта тенденция свидетельствует о постепенном складывании системы подготовки губернаторов в Российской империи. Важным являлся и опыт работы в центральных органах власти. Он позволял администраторам обзавестись необходимыми связями в высшей бюрократической среде, а некоторым из них найти влиятельных протекторов. Подобные практики имели 6 губернаторов: Д.Б. Мертваго, А.С. Лавинский, Н.И. Перовский, А.И. Казначеев, М.М. Муромцов и В.Я. Рославец.

Нами были изучены такие показатели, как вероисповедание и национальное происхождение таврических губернаторов. В 1853 г. в сословном отношении все руководители регионов Российской империи являлись потомственными дворянами. По вероисповеданию 39 из них были православными (83 %) и 9 – лютеранами (Зайончковский, 1978: 152). Все главы Тавриды первой половины XIX в. были православными христианами, кроме В.И. Пестеля, исповедующего лютеранство.

Г.П. Милорадович и В.Я. Рославец были представителями черниговского дворянства, Н.И. Перовский – внебрачный сын Алексея Кирилловича Разумовского – представителя одного из богатейших украинских родов. Д.Б. Мертваго являлся дворянином из Оренбургской губернии; А.С. Лавинский (внебрачный сын Степана Сергеевича Ланского) и А.Н. Баранов – представители крупных дворянских родов, имеющих имения по всей империи; Д.В. Нарышкин из Калужской губернии; А.И. Казначеев, М.М. Муромцов и А.М. Бороздин из Рязанской, В.И. Пестель из Смоленской губерний.

Оставляло желать лучшего финансовое положение губернаторского корпуса Таврической губернии. Вознаграждение за службу было недостаточным. Отельные руководителям Тавриды приходилось испытывать нужду, именно поэтому в первой четверти XIX в. Министерство внутренних дел прибегало к практике назначения в Крым состоятельных администраторов. Это делалось по двум причинам. Во-первых, во избежание жалоб со стороны губернаторов на денежные трудности; во-вторых, предполагалось, что состоятельные чиновники будут вкладывать собственные средства в развитие региона, создавая крупные хозяйства в слабо развитых землях. Поощрялось приобретение губернаторами земельных наделов на полуострове. Особенно ярко эта тенденция проявлялась в годы царствования Александра I.

Карьерный рост в начале XIX в. не всегда способствовал обогащению, зачастую состоятельность определялась происхождением. Г.П. Милорадович был одним из самых обеспеченных таврических губернаторов. После ухода с государственной службы он посвятил себя управлению своими обширными владениями. Так, ему принадлежал город Любеч, обороты с торговли в котором достигали сотен тысяч рублей в год. В наследство от родителей ему досталось около 8 тыс. крепостных. В годы управления Таврической губернией он приобрел земли в Екатеринославской губернии, при этом не стал владельцем угодий в подведомственном ему регионе. Это в очередной раз подтверждает его стремление как можно скорее покинуть Крым. Д.Б. Мертваго был владельцем маленького родового села Мертовщины в Оренбургской губернии, где ему принадлежало 56 крепостных мужского пола.

Крупным крымским помещиком являлся А.М. Бороздин. Ткацкими фабриками и садами славилось его имение Саблы (ныне с. Каштановое и с. Партизанское Симферопольского района). На Южном берегу Крыма он владел имением Кучук-Ламбат (ныне территория санатория «Утес» городской округ Алушта). Большинство работников в этих имениях были лично свободными людьми, лишь 184 человека являлись крепостными. Кроме того, в Псковской губернии ему принадлежало 328 крестьян (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 117. Л. 2). Общая стоимость имущества А.М. Бороздина в 1838 г. составляла 250 тыс. руб. (Кравчук, 2013: 60; Непомнящий, 1999).

А.С. Лавинский являлся собственником деревень Любимцовой и Троцкой с 80 душами крепостных, также ему принадлежал дом в Санкт-Петербурге (РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 277. Л. 12–13). Все имущество чиновника было заложено. Его дочь Елизавета Александровна после кончины родителя просила Николая I о назначении ей пансиона (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 219. Л. 29–30). О количестве крепостных у Н.И. Перовского информации нет. В Крыму ему принадлежали дачи Новоникольская (с. Родниковое, Симферопольского р-на), Приморская (недалеко от Севастополя) и Нинега (район пгт. Гаспра). Также он обладал имением Кильбурун (с. Пионерское, Симферопольского р-на).

Д.В. Нарышкин имел 1,3 тыс. крестьян мужского пола (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 199. Л. 2–3). В 1824 г. он приобрел имение «Каролиновка» у жены известного академика П.С. Палласа, где в 1826 г. был возведен особняк, который сейчас известен как Дом М.С. Воронцова (ныне территория Ботанического сада Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского) (Непомнящий, Кравчук, 2016). Кроме того, ему принадлежала небольшая усадьба в Симеизе. А.И. Казначеев владел родовыми имениями в Рязанской и Тверской губерниях, в которых проживало 125 крестьян. За годы работы в Тавриде он приобрел виноградные сады в Ялтинском уезде и Судакской долине при деревне Кизилташ (РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 595. Л. 1–10). Имения в Рязанской и Тульской губерниях с 940 крестьянами были собственностью М.М. Муромцева. В.Я. Рославец принадлежали 203 крепостных мужского пола в Глуховском уезде Черниговской губернии (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 442. Л. 1). В.И. Пестель владел 300 крестьянами в Витебской губернии (РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1692. Л. 52–53). Сведения о финансовом положении А.Н. Баранова нами обнаружены не были.

Таким образом, из 11 губернаторов рассматриваемого периода лишь 4 являлись собственниками земельных владений в Крыму. Обширные владения принадлежали А.М. Бороздину и Н.И. Перовскому. Активную экономическую деятельность на полуострове вел А.И. Казначеев. Двое последних придавали ведению хозяйства значимую роль и получали от этого дополнительных доход. А.М. Бороздин вкладывал крупные средства в развитие имения Саблы, однако, он, с присущей скорее ученому, чем хорошему хозяину энергией, делал упор на проведение различных экспериментов по выращиванию разнообразных сортов плодовых деревьев, винограда, разводил тутового шелкопряда.

Согласно формулярным спискам таврических гражданских губернаторов, ни один из них не находился под следствием. Однако такой прецедент существовал: А.М. Бороздин являлся фигурантом нескольких судебных разбирательств. Главным из которых было дело, открытое в связи с растратой средств, выделенных на строительство Александрово-Невского кафедрального собора в Симферополе.

Губернатора временно отстранили от должности, его имущество находилось под арестом. В ходе следствия администратор был оправдан, тем не менее, эти события послужили поводом к его отставке.

Не менее интересным и важным является вопрос о том, где продолжили службу таврические губернаторы после увольнения. Так, Г.П. Милорадович занялся собственным хозяйством и стал одним из самых крупных землевладельцев Черниговщины (Милорадович, 1871: 97–99). Д.Б. Мертваго стал генерал-провиантмейстером (1807–1810 гг.). Из-за постоянных конфликтов с военным министром А.А. Аракчеевым «в исходе марта месяца 1810 года получил отставку с мундиром и половинным жалованьем» (Мертваго, 2006: 197), затем служил в Сенате. А.М. Бороздин с 20 июля 1816 по 2 ноября 1828 гг. числился в межевом департаменте Сената, однако на заседаниях не присутствовал, все время находился в Крыму (Линниченко, 1913: 191–199).

Иначе сложилась судьба А.С. Лавинского. В 1822–1833 гг. он занимал пост Восточно-Сибирского генерал-губернатора. После отставки, 6 декабря 1833 г., получил назначение в Сенат. Наивысшую должность в своей карьере занял 1 января 1836 г., став членом Государственного совета по департаменту гражданских и духовных дел. Кроме того, он был членом Совета, учрежденного при Воспитательном обществе благородных девиц и Санкт-Петербургского Ордена Св. Екатерины; Комитета учрежденного для составления статута Ордена Св. Станислава; членом Думы знака отличия беспорочной службы; почетным опекуном Санкт-Петербургского опекунского совета. Исправлял должность председательствующего и управляющего Санкт-Петербургской Сохранной казной (РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 277. Л. 12–19).

Н.И. Перовский после увольнения 24 марта 1825 г. был причислен к Министерству иностранных дел без определения на какой-либо пост. 25 ноября 1841 г. «высочайше повелено по неимению занятий в ведомстве, больше в оном не считать» (РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1688. Л. 146). Д.В. Нарышкин скончался вскоре после отставки. Трагичной была судьба А.Н. Баранова, умершего от полученного солнечного удара во время исполнения служебных обязанностей при объезде Перекопского уезда. А.И. Казначеев 22 февраля 1845 г. был утвержден предводителем дворянства Таврической губернии. С 1848 по 1854 гг. занимал пост градоначальника Одессы. С 29 ноября 1856 г. был членом комиссии, наблюдавшей за постройкой храма Христа Спасителя в Москве. Завершающей вехой его карьеры стало занятие поста управляющего сохранной и сберегательной кассой при Московском Воспитательном Доме (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 442. Л. 1–5). М.М. Муромцов, покинув Крым, сосредоточился на управлении собственным имением (Грачева, 2002: 31–40). В.Я. Рославец в 1845–1848 гг. продолжал службу херсонским гражданским губернатором (Губернии, 2003: 244). В.И. Пестель получил назначение в Сенат (РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1692. Л. 59).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в годы правления Александра I, таврические гражданские губернаторы часто уходили на повышение, занимали высокие позиции в центральном аппарате управления. При его приемнике и во время руководства Новороссийским краем М.С. Воронцовым эта тенденция меняется: чиновники нередко перемещались в пределах региона, однако ни один из губернаторов этого периода не сумел достичь карьерных высот своих предшественников. Это свидетельствует о том, что новороссийский генерал-губернатор не стремился продвигать своих подчиненных на более высокие посты, а также подтверждает тезис о падении самого уровня чиновников, занимавших пост руководителя Тавриды во второй четверти XIX в. Заметим, что карьерное продвижение А.И. Казначеева происходило скорее вопреки воли М.С. Воронцова, чем при его содействии.

5. Заключение

Проведенный анализ позволяет разделить всех губернаторов на 4 основных типа. К первому отнесем «губернаторов-протезе» – это те руководители региона, которые получили назначение лишь благодаря покровительству сверху и не сумели оказать значительного влияния на происходящие в крае события, находились в тени своего прямого начальника. К ним отнесем Д.В. Нарышкина, В.Я. Рославца, М.М. Муромцова, В.И. Пестеля. Второй тип – «губернаторы-профессионалы» – чиновники при участии которых происходили масштабные преобразования (Д.Б. Мертваго, А.М. Бороздин, А.И. Казначеев). Третья группа – «губернаторы-карьеристы» – государственные служащие, которые стремились к скорейшему продвижению по служебной лестнице. Для решения этой задачи они зачастую прибегали к сокращению нерешенных дел и редко обращали внимание на комплексные проблемы. В центральных органах власти именно по этому показателю нередко определяли эффективность деятельности региональных органов власти. К этому типу губернаторов отнесем А.С. Лавинского. В отдельную категорию выделим руководителей, занимавший пост непродолжительное время, что затрудняет оценку их деятельности. Это Г.П. Милорадович, А.Н. Баранов и Н.И. Перовский.

Формирование губернаторского корпуса Таврической губернии в первой половине XIX в. проходило в общем ключе проводимой в Российской империи кадровой политики, при этом имело ряд особенностей. После создания административной единицы и в первые десятилетия ее существования именно на руководителей края легли вся тягота по ее обустройству. Это требовало от управленцев недюжинной энергии, инициативности и гибкости. В этой связи большинство

чиновников, определяемых на пост главы Тавриды, были молоды, со значительным опытом работы как в центральных, так и региональных органах власти. Многие из них в дальнейшем сделали блестящую карьеру. Со второй четверти XIX в. ситуация изменилась. В аппарате управления все большую роль начинают играть «губернаторы-профессионалы», за свою карьеру побывавшие во главе ни одного края. В годы генерал-губернаторства М.С. Воронцова ярко проявилась и другая тенденция: перемещение чиновников в пределах Новороссии и крайне редкий их переход на более высокие должности в центральные органы власти. Подобное явление было вызвано как особенностями кадровой политики, проводимой всевластным князем, так и общим падением уровня служащих, назначаемых на должность таврического гражданского губернатора.

Литература

- ГАРК** – Государственный архив Республики Крым.
- Грачева, 2002** – Грачева И.В. «В полях забытые усадьбы...». Баловнева и его владельцы // *Наука и жизнь*. 2002. №4. С. 31–40.
- Губернии, 2003** – Губернии Российской империи. История и руководители, 1708–1917. М.: Объединенная редакция МВД России, 2003. 479 с.
- Завадовский, 1885** – Завадовский А.Г. Генерал-лейтенант Владимир Иванович Пестель // Сто лет жизни Тавриды, 1783–1883. Симферополь, 1885. С. 250–269.
- Зайончковский, 1978** – Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М.: Мысль, 1978. 288 с.
- Захарова, 2001** – Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов: рыцарь Российской империи. М.: изд-во «Центрполиграф», 2001. 381 с.
- Киселев, Мироненко, 1986** – Киселев И.Н., Мироненко С.В. О чем рассказали формулярные списки // *Число и мысль*. Сборник. М.: Знание, 1986. Вып. 9. С. 6–31.
- Кравчук, 2013** – Кравчук А.С. К биографии таврического гражданского губернатора А.М. Бороздина // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки»*. 2013. Т. 26(65), № 2. С. 45–66.
- Кравчук, 2015а** – Кравчук А.С. К биографии таврического гражданского губернатора Александра Николаевича Баранова, 1793–1821 // *Крымское историческое обозрение*. 2015. № 3. С. 59–73.
- Кравчук, 2015б** – Кравчук А.С. К биографии таврического гражданского губернатора Матвея Матвеевича Муромцова // *Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки»*. Т. 1(67). №4. 2015. С. 21–33.
- Линниченко, 1913** – Линниченко И.А. К биографии Таврического губернатора генерал-лейтенанта Андрея Михайловича Бороздина // *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. 1913. № 50. С. 191–199.
- Лысенко, 2006** – Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи: XVIII–начало XX в. М.: изд-во МПГУ, 2001. 358 с.
- Мертваго, 2006** – Мертваго Д.Б. Записки (1760–1824) / подг. С.Д. Дзюбанов, Г.Г. Мартынов. СПб.: Русская симфония, 2006. 368 с.
- Милорадович, 1871** – Милорадович Г.А. О роде дворян и графа Милорадович. К.: Тип. М.П. Фрица, 1871. 160 с.
- Минаков, 2012** – Минаков А.С. Губернаторский корпус пореформенной России: состав и механизмы формирования // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки*. 2012. № 1. С. 11–19. Режим доступа: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/--gn12-01/331-a>.
- Непомнящий, 1999** – Непомнящий А.А. Ж.-Ф. Гамба и его записки о путешествии по Крыму // *Крымский Архив*. 1999. №4. С. 35–42.
- Непомнящий, Кравчук, 2016** – Непомнящий А.А., Кравчук А.С. Дмитрий Васильевич Нарышкин: к биографии таврического гражданского губернатора [Электронный ресурс] // *Электронное научное издание Альманах Пространство и время*. 2016. Т. 12. Вып. 1.: Крымоведение: пространство и время Крыма. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-argovt_east12-1.2016.12.
- Писарькова, 2012** – Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.: ил.
- Письмо императора, 1864** – Письмо императора Александра I к Г.П. Милорадовичу // *Русский архив*. 1864. № 5–6. С. 623.
- ПСЗРИ** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года: В 48 т. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 38: 1822–1823.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Фадеев, 1897** – Фадеев А.М. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева, 1790–1867: в 2 ч. Одесса, 1897. Ч. 1. 231 с.
- Field, 1976** – Field D. The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861. Harvard: University Press, 1976. 512 p.

- LeDonne, 2004** – *LeDonne J.P.* Absolutism and Ruling class: the formation of the Russian political order, 1700–1825. New York: Oxford University Press, 1991. 376 p.
- Lincoln, 1982** – *Lincoln W.* In the vanguard of Reforms: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. 1982. 297 p.
- Orlovsky, 1967** – *Orlovsky D.* The Limits of Reform: the Ministry of International Affairs in Imperial Russia, 1802–1881. Harvard: University Press, 1981. 421 p.
- Yaney, 1973** – *Yaney G.L.* The systematization of Russian government: social evolution in the domestic administration of Imperial Russian, 1711–1905. Urbana, 1973. 320 p.

References

- GARK** – Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Krym [State Archive of the Republic of Crimea].
- Gracheva, 2002** – *Gracheva I.V.* (2002). «V polyakh zabytye usad'by...». Balovneva i ego vladel'tsy [«In the fields of forgotten manors...» Balovnevo and its owners]. *Nauka i zhizn'*. № 4. pp. 31–40. [in Russian].
- Gubernii, 2003** – *Gubernii Rossiyskoy imperii. Istoriya i rukovoditeli, 1708–1917* [The Province of the Russian Empire: the history and leaders 1708–1917]. (2003). Moscow: MVD of Russian. 479 p. [in Russian].
- Zavadovskiy, 1885** – *Zavadovskiy A.G.* (1885). General-leytenant Vladimir Ivanovich Pestel' [General-Lieutenant Vladimir Ivanovich Pestel]. *Sto let zhizni Tavridy, 1783–1883. Simferopol'*. pp. 250–269. [in Russian].
- Zayonchkovskiy, 1978** – *Zayonchkovskiy P.A.* (1978). Pravitel'stvennyy apparat samoderzhavnoy Rossii v XIX veke [Government of autocratic Russia in XIX century]. Moscow. 288 p. [in Russian].
- Zakharova, 2001** – *Zakharova O.Yu.* (2001). General-fel'dmarshal svetleyshiy knyaz' M.S. Vorontsov: rytsar' Rossiyskoy imperii [Field Marshal his serene Highness Prince M. S. Vorontsov: knight of the Russian Empire]. Moscow. 381 s. [in Russian].
- Kiselev, Mironenko, 1986** – Kiselev I.N., Mironenko S.V. (1986). O chem rasskazali formulyarnye spiski [What about formulary lists]. *Chislo i mysl'. Sbornik.* Moscow. Is. 9. pp. 6–31. [in Russian].
- Kravchuk, 2013** – *Kravchuk A.S.* (2013). K biografii tavrcheskogo grazhdanskogo gubernatora A.M. Borozdina [Taurida governor A. M. Borozdin]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser.: «Istoricheskie nauki.* Vol. 26(65), № 2. pp. 45–66. [in Russian].
- Kravchuk, 2015a** – *Kravchuk A.S.* (2015). K biografii tavrcheskogo grazhdanskogo gubernatora Aleksandra Nikolaevicha Baranova, 1793–1821 [Taurida civil Governor Alexander Nikolayevich Baranov: biography pages]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie.* № 3. pp. 59–73. [in Russian].
- Kravchuk, 2015b** – *Kravchuk A.S.* (2015). K biografii tavrcheskogo grazhdanskogo gubernatora Matveya Matveevicha Muromtsova [Taurida civil Governor Matvey Matveevich Muromtsov: biography pages]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser.: «Istoricheskie nauki».* Vol. 1(67). № 4. pp. 21–33. [in Russian].
- Linnichenko, 1913** – *Linnichenko I.A.* (1913). K biografii Tavricheskogo gubernatora general-leytenanta Andrey Mikhaylovicha Borozdina [From the biography of the Taurida Governor, Lieutenant-General Andry Mikhailovich Borozdin]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii.* № 50. pp. 191–199. [in Russian].
- Lysenko, 2006** – *Lysenko L.M.* (2001). Gubernatory i general-gubernatory Rossiyskoy imperii: XVIII–nachalo XX v. [Governors and General-Governors of Russian Empire: XVIII–early XX century]. Moscow. 358 p. [in Russian].
- Mertvago, 2006** – *Mertvago D.B.* (2006). Zapiski (1760–1824) [Memories (1760–1824)]. Saint Petersburg. 2006. 368 p. [in Russian].
- Miloradovich, 1871** – Miloradovich G.A. (1871). O rode dvoryan i grafa Miloradovich. [About the kind of the nobles and count Miloradovich]. Kiev. 160 p. [in Russian].
- Minakov, 2012** – *Minakov A.S.* (2012). Gubernatorskiy korpus poreformennoy Rossii: sostav i mekhanizmy formirovaniya [Governors post-reform Russia: composition and mechanisms of formation]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser.: Gumanitarnye nauki.* № 1. pp. 11–19. Web. <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/--gn12-01/331-a>. [in Russian].
- Nepomnyashchiy, 1999** – *Nepomnyashchiy A.A.* (1999). Zh.-F. Gamba i ego zapiski o puteshestvii po Krymu [G. F. Gamba and his notes about trip around Crimea]. *Krymskiy Arkhiv.* № 4. pp. 35–42. [in Russian].
- Nepomnyashchiy, Kravchuk, 2016** – *Nepomnyashchy A.A., Kravchuk A.S.* (2016). Dmitry Naryshkin: Towards Civil Taurida Governor's Biography. *Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time* 12.1 ('Crimean Regional Studies: Space and Time of Crimea'). Web. <2227-9490e-aprovr_e-ast12-1.2016.12>. [in Russian].
- Pisar'kova, 2012** – *Pisar'kova L.F.* (2012). Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoy chetverti XIX v.: zamysly, proekty, voploshchenie [Public administration of Russia in the first quarter of the XIX century: concepts, projects, incarnation]. Moscow. 448 p. [in Russian].
- Pis'mo imperatora, 1864** – Pis'mo imperatora Aleksandra I k G.P. Miloradovichu [Leter of imperor Alexandr I to G.P. Miloradovich]. (1864). *Russkiy arkhiv.* № 5–6. p. 623. [in Russian].

- PSZRI** – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe [Complete collection laws of Russian Empire: first collection]. (1830). Saint Petersburg. Vol. 38: 1822–1823.
- RGIA** – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [State Archive of Russian Federation].
- Fadeev, 1897** – *Fadeev A.M.* (1897). Vospominaniya Andreya Mikhaylovicha Fadeeva, 1790–1867: in 2 ch. [Memories of Andrey Mikhaylovich Fadeev, 1790–1867: in 2 vol.]. Odessa. Vol. 1. 231 p. [in Russian].
- Field, 1976** – *Field D.* (1976). The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861. Harvard: University Press. 512 p. [in English].
- LeDonne, 2004** – *LeDonne J. P.* (2004). Absolutism and Ruling class: the formation of the Russian political order, 1700–1825. New York: Oxford University Press, 1991. 376 p. [in English].
- Lincoln, 1982** – *Lincoln W.* (1982). In the vanguard of Reforms: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. 297 p. [in English].
- Orlovsky, 1967** – *Orlovsky D.* (1981). The Limits of Reform: the Ministry of International Affairs in Imperial Russia, 1802–1881. Harvard: University Press. 421 p. [in English].
- Yaney, 1973** – *Yaney G. L.* (1973). The systematization of Russian government: social evolution in the domestic administration of Imperial Russian, 1711–1905. Urbana. 320 p. [in English].

На службе Государю: высшая администрация Таврической губернии первой половины XIX века

Андрей Анатольевич Непомнящий^{a, b, *}, Александр Сергеевич Кравчук^{a, c}

^a Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Российская Федерация

^b Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Российская Федерация

^c Крымский инженерно-педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. Таврическая губерния занимала особое положение среди административных единиц Российской империи. Этому способствовали уникальный климат, базирующийся здесь Черноморский флот, пестрота этнического состава и пограничное положение. Немаловажным фактором, создающим своеобразные условия, являлось отсутствие значительной дворянской прослойки, часто выступавшей в качестве негласного контролера, отслеживающего деятельность чиновников в центральных районах государства. В таких условиях происходило существенное неформальное расширение полномочий высших административных лиц, а вместе с ними и их роли в управлении губернией. В свою очередь, данные факторы вынуждали центральные органы власти прибегнуть к более качественному подбору чиновников на ключевые посты.

Анализ проводимой в Таврической губернии кадровой политики позволил выделить два основных этапа. В первый период, который по времени почти совпадает с царствованием Александра I, ключевую роль в подборе руководящего состава края играли министерства и лично император. Второй этап пришелся на время генерал-губернаторства М.С. Воронцова, назначенного в последние годы царствования Александра I и управляющего юго-западными землями страны при Николае I. В это время инициатива комплектования местных органов власти переместилась в регион. Новороссийский генерал-губернатор в большинстве случаев лично занимался поиском высших сановников и способствовал их продвижению.

Проведенный анализ технологий назначения губернаторов в Тавриде, как одной из окраинных территорий, а также оценка общего уровня их подготовки, позволяют на примере отдельной административной единицы выявить закономерности кадровой политики, проводимой в периферийных провинциях Российской империи.

Ключевые слова: Таврическая губерния, таврические губернаторы, административная история, Д.Б. Мертваго, А.М. Бороздин, А.С. Лавинский, М.М. Муромцов.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dr.aan@mail.ru (А.А. Непомнящий),
alexkravchuk7@gmail.com (А.С. Кравчук)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 107-119. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.107
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Evolution of Mechanisms of Interaction Between State and Society in the Sphere of Preservation of Historical-Cultural Heritage in the Russian Empire

Viktor A. Livcov ^{a,*}, Vladimir I. Filonov ^a, Aleksandr S. Pozhidaev ^a, Kseniya S. Nilaeva ^a

^a Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa, Russian Federation

Abstract

The article considers a complex and contradictory process of the formation of state-public relations in the field of preservation of historical and cultural monuments in the Russian Empire. Special attention is paid to the issue of the relationship between the state and the church in this sphere. The study considers the periodization of the registration of the protection of objects of historical and cultural heritage: the 18th century, the nineteenth and early twentieth centuries, the Soviet era, the post-Soviet period. The authors pay attention not only to positive, but also negative experience of restoration and construction practices associated with the destruction of monuments of architecture. In addition, issues of formation, development and popularization in the Russian Empire of regional studies and collectibles are considered. The article cites facts that testify to the fact that during the period of the Russian Empire's existence, a rich and diverse experience of interaction between state authorities and public associations within the framework of monumental protection activity was gained. The authors conclude that the mechanism of interaction between the Russian state and society in the field of protection of historical and cultural heritage sites, formed in the XVIII – early XX centuries, has become a fruitful basis for the formation of a modern model for the preservation of historical and cultural heritage sites.

Keywords: historical and cultural heritage, the state, society, Russian empire, politics, power, lawmaking, church, restoration, local studies.

1. Введение

Создание системы охраны памятников истории и культуры представляется для любого народа актуальной задачей в силу того, что наличие материальных свидетельств прошлого является необходимым условием сохранения культурной и цивилизационной идентичности нации. Кроме того, для такой полиэтничной и многоконфессиональной страны, как Россия, историко-культурное наследие выступает одним из важнейших факторов консолидации общества, обеспечивающим предметное отождествление каждой конкретной социальной группы с соответствующей ей системой ценностей в рамках общего исторического прошлого (Пожидяев, 2017: 43-46).

В этой связи, рост интереса исследователей к различным аспектам изучения истории народов актуализирует вопрос о соотношении общего и частного в процессе формирования исторических детерминант социокультурных и цивилизационных основ идентичности (Merkulov et al., 2017: 765-775).

Потребность в создании системы охраны объектов историко-культурного наследия стала острее ощущаться в связи с динамичными преобразованиями в Европе в ходе промышленной революции XVIII в., когда модернизация затронула историческую застройку и возникла опасность неминуемой утраты памятников материальной культуры. Вследствие этого встала проблема сохранения зданий и сооружений, предметов быта и культуры, представляющих ценность. Также возникли вопросы разработки критериев, в соответствии с которыми происходило бы выявление объектов,

* Corresponding author

E-mail addresses: livcov@orel.ranepa.ru (V.A. Livcov), filonovi@mail.ru (V.I. Filonov), alexandrpozhidaev@yandex.ru (A.S. Pozhidaev), nilaeva98@mail.ru (K.S. Nilaeva)

заслуживающих сохранения, путей и методов их восстановления и создания содействующих этому механизмов.

Именно это легло в основу выбора хронологических рамок исследования, определенных периодом с начала XVIII по начало XX столетия.

В России наличие эффективной системы сохранения историко-культурного наследия позволяет формировать патриотизм и нравственность у населения страны и региона, препятствует фальсификациям исторического прошлого, которые стали использоваться некоторыми иностранными государствами, видящими в нашей стране своего политического конкурента, в качестве когнитивного оружия для создания негативного информационно-психологического фона (Ливцов и др., 2017: 100-107).

Таким образом, исследуемая проблема все больше актуализируется как в научно-теоретическом плане, так и в контексте государственной управленческой практики. Чтобы понять специфику формирования механизма системы сохранения историко-культурного наследия следует обратиться к прошлому, к накопленному теоретическому и практическому опыту, полученному благодаря осуществлению государственно-общественного взаимодействия в данной сфере.

Повышенное внимание к вопросу исторического анализа становления системы охраны историко-культурного наследия очевидно и определено потребностью формирования путей и методов дальнейшего выявления, сохранения, восстановления и популяризации исторических объектов. Материальные памятники представляют собой важную неотчуждаемую часть культурно-исторического кода страны, являются источником информации и свидетельством того или иного важного события прошлого.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляет обширный массив материалов, которые можно условно разделить на две группы.

К первой группе письменных источников авторы относят принятые и опубликованные законодательные и иные нормативно-правовые акты, созданные в период с начала XVIII по начало XX вв., регламентирующие деятельность органов государственной власти в сфере охраны объектов историко-культурного наследия. В изученных документах содержатся конкретно сформулированные задачи, главные принципы и направления деятельности юридических субъектов, а также обозначены пределы компетенции государственных и церковно-государственных органов (в том числе – Синода) и других организаций в рамках исследуемой темы.

К ним относятся Полное собрание законов Российской империи, циркулярные распоряжения Министерства внутренних дел, указы и определения Святейшего Синода, а также материалы делопроизводства органов российской государственной власти дореволюционного периода отечественной истории.

В совокупности эти источники представляют нормативно-правовую базу деятельности государственных органов как элемента системы охраны объектов историко-культурного наследия, и, следовательно, являются наиболее достоверным историческим свидетельством, лишённым авторской тенденциозности. Помимо этого, данные документы позволяют наметить общий курс развития системы охраны объектов наследия, в исследуемый период.

Вторая группа письменных источников представлена материалами периодической печати, например, журналами «Летопись» и «Старые годы» и меньшевистской газетой «Новая жизнь».

Кроме того использовались источники личного происхождения. К ним можно отнести воспоминания и мемуары деятелей российской истории и культуры, записки путешественников.

Методологическая основа исследования представлена как общенаучными методами познания, так и примыкающими к ним частнонаучными. Использованы хронологический, проблемно-целевой, сравнительный, юридический и другие методы. В исследовании применялись описательный и сравнительно-исторический методы, предоставившие возможность изучить механизм формирования и функционирования системы охраны историко-культурного наследия, а также выявить закономерности формирования культурной политики государства в исследуемой сфере в соответствии с потребностями различных исторических периодов, в которые происходили те или иные государственные трансформации.

3. Обсуждение

Проблема формирования системы охраны и использования объектов историко-культурного наследия, несмотря на существование в научной литературе ряда теоретических работ, посвященных изучению исследуемого вопроса, до настоящего момента комплексной проработки не получила. Отметим, что большая часть существующих исследований была произведена в новый и новейший период исторического развития.

Говоря о заслугах дореволюционных исследователей системы охраны историко-культурного наследия, следует признать верное осмысление ими ее роли и места в структуре государственно-общественных отношений в императорской России. Также в этот период бурно начало развиваться краеведение в российских регионах, представители которого в своих трудах также затрагивали

данные вопросы. Выводы исследователей начала XX в. стали основанием для обобщающих работ, проведенных в последующем. В качестве примера здесь можно упомянуть научный труд А.М. Разгона «Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917 гг.)» (Разгон, 1957: 73-128).

Аналитическая литература советского и постсоветского периодов, которая включает статьи, монографии и диссертационные исследования, проливает свет только на общие аспекты формирования механизмов сохранения историко-культурного наследия в России. Примером является работа Ю.Н. Жукова «Роль права в охране культурно-исторического наследия в первые годы советской власти» (Жуков, 1983: 81-92).

Одним из первых в советской историографии к этим вопросам обратился А.М. Разгон. К его заслугам относится системное изложение накопленной фактологии о деятельности государственных органов и должностных лиц в исследуемой сфере, а также создаваемых в России в то время общественных организаций и научных обществ. Этот подход дал возможность сформировать общее представление о генезисе и первоначальном развитии общественного интереса к российскому историко-культурному наследию и появлению у государственных органов некоторых функций связанных с охраной памятников.

Развитие идеи сохранения культурных ценностей в русском обществе стало предметом изучения в одной из статей А.А. Формозова – автора нескольких трудов на тему анализа отношения общественности к состоянию памятников истории. Именно в его работах были впервые проанализированы процессы формирования и развития научных учреждений и общественных организаций, занимавшихся исследованиями памятников археологии; автор также изучил становление государственной системы охраны отечественного историко-культурного наследия (Формозов, 1990).

Деятельность научных сообществ, посвятивших свою деятельность охране объектов историко-культурного наследия, была рассмотрена в исследовании А.Д. Степанского «История общественных организаций в дореволюционной России» (Степанский, 1979).

Исторические очерки, предметом которых стало изучение анализируемой проблемы, можно обнаружить на страницах энциклопедических изданий, издававшихся в разные годы (Брей, 1990; Советская историческая, 1961а; Советская историческая, 1961б).

Историю создания системы сохранения культурного наследия религиозного назначения и деятельности церковных обществ и учреждений, занимавшихся вопросами охраны исторических артефактов и строений, изучили В.С. Дедюхина в исследовании «Из истории сохранения отечественных памятников церковной старины (вторая половина XIX – начало XX вв.)» (Дедюхина, 1994: 81-92) и И.И. Комарова в работе «Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры в России конце XIX – начала XX в.» (Комарова, 1992: 83-102).

Таким образом, анализ историографии по данной проблеме позволяет сделать следующий вывод: несмотря на наличие ряда исследований, посвященных отдельным аспектам охраны историко-культурного наследия в период с 1700 по 1917 гг., пока что не было предпринято попыток комплексного осмысления и обобщения накопленного теоретического и практического опыта по изучаемой теме.

4. Результаты

В России процесс осмысления ценности объектов историко-культурного наследия прошел непростой путь. При этом представления о ценности тех или иных сооружений и предметов искусства постоянно трансформировались на каждом этапе отечественной истории, в зависимости от смены различных идеологических парадигм. В разные эпохи способы и средства сохранения историко-культурных объектов имели свою специфику. Но всегда результативность сохранения исторических ценностей находилась в прямой зависимости от степени скоординированности усилий государственных органов и общественных организаций.

В процессе становления сферы охраны объектов историко-культурного наследия можно выделить несколько этапов:

- 1) XVIII в. – период зарождения памятникоохранительного процесса в России;
- 2) XIX – начало XX вв. – формирование основ системы государственной охраны историко-культурного наследия;
- 3) советское время – формирование модели государственно-общественного контроля над сохранением историко-культурного наследия;
- 4) постсоветский период, когда процесс охраны памятников поднялся на качественно новый этап, была полностью сформирована современная законодательная база, созданы государственные органы специальной компетенции в регионах по сохранению наследия (Национальный атлас, 2009: 480-482).

Стоит отметить, что два последних элемента классификации не рассматриваются в исследовании, так как не соответствуют хронологическим рамкам изучаемого периода.

Со времени воцарения Петра I (1682–1725) начинает формироваться отношение государственных институтов к проблеме сохранения как церковных, так и светских объектов историко-культурного наследия.

В допетровскую эпоху понятия «памятник» еще не существовало, а основным критерием отнесения объектов к категории заслуживающих сохранения была их религиозная значимость для верующих. Иными словами государство не допускало порчи и разрушения тех объектов, которые играли важную роль в религиозной деятельности. Благодаря этому критерию до наших дней дошли отдельные ценные образцы культовых сооружений, древние иконы, церковная утварь, рукописные и старопечатные книги, уникальные документы и личные вещи канонизированных святых.

Царь декларировал освобождение духовенства «от крайнего увлечения экономической стороною» и призвал «обратить его к прямым, духовным делам». Он потребовал восстановить церковную дисциплину и поднять уровень религиозного просвещения (Рункевич, 1900а: 48-64), видя в церкви лишь специфическую часть государственного механизма, а также предпринял практические действия по осуществлению государственного контроля над сохранностью церковных ценностей. Среди основных законодательных документов периода правления Петра I: указ 1718 г. (ПСЗРИ, 1718: 511); указы 1720 г. (ПСЗРИ, 1720а: 277) и 1721 г. (ПСЗРИ, 1720b: 357-358) и, наконец, указ 1722 г. (ПСЗРИ, 1722: 511-512).

В соответствии с указом Петра I от 20 апреля 1722 г., подражая европейской моде на создание музеев диковинных вещей – кунсткамер, были определены категории первых государственных экспертов, именуемых «знающие люди». Предполагалось, что их деятельность должна была заключаться в осмотре старинных вещей и выявлении всего «старого и курьезного», как церковного, так и светского, для последующей доставки этих предметов в Сенат (ПСПиР, 1722а).

Было положено начало закупке произведений искусства за границей: в Россию доставили первые античные статуи и множество живописных полотен голландской и фламандской школы. Их разместили в Кунсткамере, в Петергофе, в летнем дворце царя в Санкт-Петербурге (Формозов, 1990: 20).

Наметились и первые шаги по сохранению недвижимых памятников. В 1722 г. Петр I прибыл с визитом в Булгар, бывшую столицу Волжской Булгарии, Осмотрев развалины, он велел казанскому губернатору отправить сюда «каменщиков с довольным количеством извести для починки поврежденных и грозящих упадком строений и монументов, пещись о сохранении оных, и на сей конец всякий год посылать туда кого-нибудь осматривать для предупреждения дальнейшего вреда...» (Сборник, 1996: 15).

Продолжалось собирание исторически и художественно ценных религиозных предметов. Поводом для вмешательства в имущественные дела послужило публичное проявление церковью отсутствия способности сохранять находящиеся у нее во владении реликвии. Религиозные сооружения ветшали, разрушались, сносились или бесконтрольно перестраивались. Фрески «записывались» без возможности восстановления. Понимая опасность подобных практик, монарх 11 мая 1722 г. издал указ, в котором велел «городские древние каменные храмы починять, а новые воздвигать исключительно по рассмотрению Синода» (ПСПиР, 1722b).

Позже, Указ Синода от 26 мая 1725 г. повелел представить в Синод ведомости о привесах, снятых с икон и о других старинных «замечательных вещах». Также, документ наложил запрет управителям монастырей снимать оклады с икон, а для нарушителей предусматривал наложение штрафных санкций.

Таким образом, формирование системы государственных мер по охране объектов историко-культурного наследия можно проследить с 1720 г. Установленный государственный контроль над частью церковного имущества осуществлялся в контексте формирования абсолютизма, когда монарх стремился контролировать все аспекты жизни подданных по европейскому образцу.

По инициативе М.В. Ломоносова, графа К.Г. Разумовского и Я. Штелина была начата работа, предполагавшая сотрудничество вновь созданной Академии наук с заменившим Патриарха Святейшим Синодом, который должен был аккумулировать данные о религиозных зданиях и сооружениях и предоставлять Академии «копии с исторических описаний от времени построения оных для сочиняющейся Российской истории» (Львович-Кострица, 1912: 20).

Концепция отечественной исторической науки того времени имела своей целью не только осмыслить прошлое, но и определить идеологическую основу желаемого будущего. В петровский период реализация этой позиции последовательно развивалась: продолжатели государственного курса наследовали «причесанную» и идейно выверенную историю.

В этот период времени повышающийся интерес к истории и материальным объектам прошлого затронул просвещенные слои российского общества, активизировав страсть к коллекционированию предметов старины. В плеяде известнейших коллекционеров того времени необходимо отметить генерал-фельдмаршала Я.В. Брюса, ученого П.Г. Демидова, а также А.А. Виниуса и братьев Голицыных.

Однако нельзя недооценивать возникший диссонанс реформаторской деятельности Петра I со сложившимися многовековыми русскими традициями, а также повсеместное навязывание новой застройки по западноевропейскому образцу, что неизбежно приводило к небрежному отношению государства и подданных к сохранению многих древних монументальных объектов историко-культурного наследия. В империи прошла волна уничтожения старинных часовен, кладбищ, домовых церквей и пр.

Важно упомянуть, что государственная имущественная политика Петра I носила исключительно прагматический характер, так как страна остро нуждалась в финансах, направляемых на военные расходы и реформы. Источники подтверждают, что для того, «чтобы вынести тяготы шведской войны, правительство брало отовсюду, откуда только можно было взять: и с крестьян, и с помещиков, и с состоящих на государственной службе, и с духовенства, и с православных, и с раскольников» (Рункевич, 1900b: 26). От имущества, принадлежавшего церкви и представляющего экономическую ценность, власти было необходимо «взять в пользу государства все, что оказывалось сверх необходимого на удовлетворение самых неотложных церковных нужд» (Рункевич, 1900b: 5).

В кратковременный период правления Екатерины I (1725–1727) был принят указ «О порядке хранения вотчинных дел в Государственном архиве и о переписке столбцов Вотчинной коллегии в тетради» (ПСЗРИ, 1726: 562-563), направленный на повышение эффективности хранения документальных памятников и сохранении данных по отечественной истории и о памятниках прошлого.

Во время правления Петра II (1727–1730) в Москве было разрешено каменное строительство «кто как похочет» (ПСЗРИ, 1728a: 11), а Оружейная палата стала хранилищем «государственных и археологических редкостей». В 1728 г. ей были переданы бесценные государственные коронационные регалии (ПСЗРИ, 1728b: 22).

При императрице Анне Иоанновне (1730–1740) в 1732 г. было «повелено серебряные и золотые примечательные вещи, имеющиеся в присутственных местах, оставленные для курьезитету, передать в Мастерскую Палату» (ПСЗРИ, 1732: 896). В период ее правления историком В.Н. Татищевым была сформирована инструкция по сбору археологических, географических и этнографических сведений, принятая во внимание Академией наук и разосланная по губерниям (Материалы по вопросу, 2009: 11).

Многие указы, относящиеся ко времени правления Елизаветы Петровны (1741–1761), посвящены установлению регламентов строительной и ремонтно-монтажной деятельности древних сооружений, в том числе – московского Кремля. В период ее правления были заложены основы профессиональной реставрационной деятельности в России – в 1743 году в Петербург приглашаются художники Георг Христофор Гроот и Лукас Конрад Пфандцельт (Фанцельдт), занимавшиеся сохранением и поддержанием в подобающем виде дворцовой живописи (Алешин, 1989). Большой интерес представляет указ от 1 июня 1749 г., который предписывал «находящиеся в Москве ветхие казенные строения от тех мест, где оные ведомы, починить каждому своего ведомства и содержать во всякой исправности; а буде то строение весьма ветхо и к падению склонно, то оное разобрать и построить вновь, как надлежит» (ПСЗРИ, 1749: 67-68). Предпринимались меры по сокращению риска распространения городских пожаров. Так, 27 мая 1753 г. появился указ, в котором «Ея императорское величество указать соизволила: впредь от сего времени в Москве, в Кремле и в Китае городе, деревянного никакого строения строить не допускать, и которое ныне есть, оное сломать, а строить каменное» (ПСЗРИ, 1753: 840). Позже свет увидел указ «О сломании в Китае городе деревянных харчевен, шалашей и прилавок и о построении каменного дома для помещения в оном харчевен из оброка» (ПСЗРИ, 1754: 249-251), что также способствовало предотвращению пожаров и улучшению обзора старинных храмов.

К первому десятилетию царствования Екатерины II (1762–1796) относится «проект кремлевской перестройки». Это была явная угроза для древних памятников Москвы. Являясь поклонницей европейского стиля, императрица решила построить в Кремле новый дворец и одновременно перепланировать весь столичный центр. Реконструкцией руководил В.И. Баженов, который уже к 1770 году, расчищая строительные площадки, уничтожил несколько памятников древнего зодчества: были разобраны корпуса приказов, житный и денежный дворы, годуновский запасный дворец, казенный двор, палаты Трубецких, церковь Косьмы и Дамиана, Черниговский собор и многие постройки Чудова монастыря (Формозов, 1990: 26). Также была уничтожена значительная часть кремлевской стены, обращенной в сторону Москвы-реки. Иными словами, всего за два года были полностью разрушены столетиями возводимые ансамбли. Позже Екатерина II, возможно осознав масштаб последствий этих разрушений для российской культуры, в 1774 году остановила все работы по демонтажу старинной застройки Кремля.

При Павле I (1796–1801) был принят «Высочайше утвержденный Устав столичного города Москвы» (ПСЗРИ, 1799: 528-540), одна из глав которого возлагала обязанность по рассмотрению планов и фасадов на военного губернатора. Также документ устанавливал, что «полиция имеет строгое наблюдение за исправностью в городе мостов, перевозов, мостовых, чистотою улиц, освещением города и точным от обывателей исполнением их повинностей» (ПСЗРИ, 1799: 528-540).

В начале правления Александра I (1801–1825) пришла новая волна кремлевских погромов: чиновники планировали придать Кремлю «подобающий» вид, для чего предполагали демонтировать еще ряд построек, которые якобы «помрачают своим видом все прочие великолепные здания» (Формозов, 1990: 27). Были уничтожены Сретенский собор, Хлебный и Кормовой дворцы, Троицкое подворье, Гербовая башня, часть Потешного дворца, церковь Богоявления, а также здания заднего государева двора.

Артефакты, хранившиеся в Оружейной палате, подверглись ревизии: предметы, представлявшие, с точки зрения чиновников, наибольшую культурно-историческую ценность были оставлены, а остальные безжалостно распроданы.

Реакцией на это самочинное деяние стал именной указ Александра I «О правилах управления и сохранения в порядке и целости находящихся в Мастерской и Оружейной палате древностей» от 1806 года, предписывавший «...ничего не продавать и никаким вещам из палатского хранилища отпусков не чинить без особого указа...» ([ПСЗРИ, 1806: 133-135](#)).

После завершения войны с Наполеоном в России наблюдался кризис «европеизации», связанной с трансляцией и полной ассимиляцией всего русского и начинается постепенное воссоединение с временно забытыми национальными традициями.

Сохранился ряд документов по восстановлению Москвы после пожара 1812 г. Например, в императорских замечаниях на «вновь прожектированный план столичного города Москвы» от 29 сентября 1813 года, в частности, говорится: «1. Лавки на Красной площади (со входу в Воскресенские ворота направо), закрывающие вид Кремля, уничтожить. 2. Лавки, закрывающие вид здания церкви Василия Блаженного, равномерно уничтожить же; но самую церковь оставить и поддержать ее в прежнем виде. 3. Стены Кремля и Китая города поддержать в первобытном их положении» ([Указатель законов, 1814](#)).

В эпоху правления Николая I (1825–1855) в государственной политике наблюдается значительное повышение внимания к сбору и изучению национальных реликвий. 31 декабря 1826 г. был издан циркуляр МВД, санкционировавший выявление памятников архитектуры на местах и организацию их охраны. Документ также обязывал губернаторов извещать высшие органы государственной власти о наличии и состоянии старинных зданий ([ПСЗРИ, 1827: 1070](#)).

Проблеме сохранения историко-культурного наследия уделил внимание Строительный устав, принятый в 1832 г. и запрещающий уничтожать древние сооружения, а также делегировавший полномочия по контролю за их сохранностью губернской власти.

«Теория официальной народности», автором которой является министр народного просвещения С.С. Уваров, существенно оживила интерес широкой общественности к прошлому своей страны. Ее основные принципы Уваров озвучил в докладе императору «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения», состоявшемся 19 ноября 1833 г. во время его вступления в должность ([ОПИГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 38. Л. 12-18](#)). Приняв ответственность за реализацию просветительской политики, он хотел, чтобы Россия избежала революционных потрясений, пережитых Европой. По своей сути он был глубоко западным человеком, но одновременно с этим желал, чтобы российская молодежь получила образование европейского уровня, но «лучше знала Русское и по-Русски». Лозунгом своей министерской деятельности он сделал знаменитую триаду «Православие, Самодержавие, Народность», перефразировав старинный военный девиз «За Веру, Царя и Отечество!» ([Уваров, 1995: 68-78](#)).

Таким образом, в первой трети XIX в. повышающийся интерес к истории и материальным памятникам постепенно стал частью процесса национальной самоидентификации. Так, например, в периодических изданиях появилось множество сообщений об объектах историко-культурного наследия: «Вестник Европы», «Северный архив» и «Отечественные записки» публиковали заметки, авторами которых были не только столичные специалисты, но и провинциальные краеведы ([Формозов, 1990: 38](#)).

В 1830–1840-е годы было введено в обиход понятие «памятник зодчества». В проекте специального закона об охране «памятников старины» так называли объекты деревянного и каменного строительства, а также искусственные насыпи – валы, городища, курганы ([Полякова, 2006: 60-63](#)). Значительно позже, уже в начале XX в., в эту категорию стали входить усадьбы.

В 1843 г. Синод запретил записывать древние фрески при обновлении церквей ([ПСЗРИ, 1843: 113-122](#)).

Иногда повышенное внимание общественности к состоянию памятников не только не нравилось властям, но и вызывало их беспокойство. Так, начальник штаба Корпуса жандармов Л.В. Дубельт в 1845 г. докладывал царю: «Славянофилы наши, подражая ученым Западной Европы, заботятся о сохранности памятников древности... Не кроется ли под их патриотическими возгласами целей, противных нашему правительству» ([Лемке, 1909: 217](#)).

Часто в рассматриваемый период вместо конкретной работы много времени впустую расходовалось на бюрократические процедуры. Отсутствовал единый орган, решающий вопросы сохранения объектов историко-культурного наследия. Безусловно, в эту деятельность привносился и субъективный фактор - большое влияние монарха и его приближенных на решение проблемы охраны объектов историко-культурного наследия.

Создавая иллюзию повышенной заинтересованности объектами наследия, Николай I и его ближайшее окружение рассматривали их как «достопамятности, которые необходимо сохранять», но не произведения искусства ([Формозов, 1990: 49](#)).

Расширение реставрационных работ на памятниках древнерусского зодчества подчас, из-за нехватки опыта и знаний, приводило к потере и искажению их исторического облика. Например, во

Владимире в 1830-е годы при попытке реставрации Дмитриевского собора были снесены его древние галереи и лестничные башни и смыты фрески XII века.

В годы правления Александра II (1855–1881) была принята новая редакция Строительного устава. Документ закреплял, что «строжайше воспрещается разрушать остатки древних замков, крепостей, памятников и других зданий древности под ответственностью за нарушение сего начальников губерний и местных полиций» (СЗРИ, 1857: 208-242). Он также содержал нормы, согласно которым «издержки на исправление и поддержание древних зданий обращаются на счет городов, в коих самые здания те находятся, а на Государственное казначейство единственно при недостаточности городских сумм» (СЗРИ, 1857: 208-242).

В середине XIX в. проблема сохранения историко-культурного наследия и осмысление его важной роли в деле воспитания населения в духе национальных традиций стала предметом как явных, так и латентных дискуссий.

По большей части для ее решения, в 1859 г. была создана Императорская Археологическая комиссия, которая осуществляла свою деятельность до 1917 года. Главной ее задачей была работа по проведению археологических раскопок на территории государства, однако параллельно для всех государственных учреждений Комиссия была курирующим учреждением по широкому спектру вопросов, так или иначе связанных с охраной историко-культурного наследия (Материалы по вопросу, 2009: 20-22). Тем не менее, нормативно-правовая база в сфере сохранения объектов материальной культуры сильно отставала и уже не соответствовала актуальным для того времени юридическим потребностям.

Во второй половине XIX века историко-культурное наследие продолжало нести урон от некачественной реставрационной деятельности. Так, в 1860-е годы, во время реставрации собора Рождественского монастыря во Владимире, он был снесен до фундамента и отстроен заново. Также, в 1870-е годы под видом реставрации была почти полностью уничтожена Якиманская церковь в Можайске, окончание строительства которой датировалось концом XIV – началом XV столетия. Наконец, реставрация палат Романовых в Москве и в Костроме превратилась в их полную перестройку.

С началом правления Александра III (1881–1894) связано становление нового этапа в истории России. Сторонники монарха, в рядах которых были известные ученые, общественные и политические деятели, писатели, художники и музыканты, одобряли курс императора «на умиротворение России» и ее культурное развитие.

Как верно было подмечено Ф.М. Достоевским, Александр III начал «с оздоровления корней». Монарх положил начало «нравственному собиранию Руси»: государственная политика сводилась к сохранению и развитию российских духовных основ, традиций и идеалов. При нём был обнародован ряд принятых документов, регламентирующих археологическую и реставрационную деятельность, в частности, Циркуляр МВД гражданским губернаторам «О запрещении производить раскопки на государственных, церковных и общественных землях без разрешения Археологической комиссии» (1886) и определение Синода о необходимости безусловного выполнения указа о порядке реставрации памятников древности (1894).

Конец XIX века можно считать отправной точкой развития профессионального краеведения. В этот период появился широкий круг людей, которые проводили исследования родных мест. Также, повсеместно начали появляться краеведческие общества, которые было бы справедливо рассматривать как составной элемент системы научных обществ России, принимавших участие в сохранении историко-культурного наследия.

В дореволюционный период государственные структуры не были единоличными организаторами процесса сохранения историко-культурного наследия – проблема привлекала широкое внимание общественности. В этой связи можно отметить выдающиеся заслуги Одесского общества истории древностей (1839), Археологической комиссии (1859) и Московского археологического общества (1864), которые внесли большой вклад в дело выявления, изучения и охраны памятников истории и культуры.

На проводившихся съездах упомянутых организаций происходило живое обсуждение проектов нормативно-правовой базы и программ в сфере охраны сооружений, представляющих историческую и культурную ценность, расположенных на всей российской территории. При непосредственном участии членов этих общественных структур в законотворческом процессе государственные ведомства империи издавали документы, запрещавшие самовольные реставрации.

Так, Русское археологическое общество до 1889 г. занималось проведением экспертизы проектов реставрации архитектурных объектов, а важным достижением Московского археологического общества в сфере сохранения памятников является разработка Проекта мер охранения памятников старины – документ позволял систематизировать выявленные объекты, имеющие историко-культурное значение, по следующим разделам: «1. Памятники архитектуры, к которым принадлежат здания как каменные, так и деревянные, и все искусственные насыпи, как то: валы, городища и курганы. 2. Памятники письменности, то есть рукописи и старопечатные книги. 3. Памятники живописи: иконы, стенописи и пр. 4. Памятники ваяния, резьбы и изделия из золота, серебра, меди и железа» (Охрана культурного наследия, 2000: 142-143).

Документ также гласил, что в наибольшей опасности находятся объекты первого и третьего разрядов: «...прежде всего, необходимо охранить памятники архитектуры и живописи и для чего обратить на них особое внимание археологических обществ» (*Материалы по вопросу, 1911: 35-39*).

Проект также предполагал подготовку списков этих объектов, которые должны были быть рассмотрены на заседании особой комиссии, состоящей из делегатов археологических обществ, представителей Академии Наук, университетов и духовных академий, а также чиновников МВД и высших ученых учреждений гражданского и духовного ведомств, по итогам которого все памятники подлежали распределению на два разряда: памятники, которые не могут изменяться «без особого на то Высочайшего соизволения» и те, на изменение которых требовалось разрешение МВД или Святейшего Синода.

Идеи Проекта были приняты I Археологическим съездом. В соответствии с замечаниями и дополнениями, он был доработан и представлен в 1871 г. II Археологическому съезду, после одобрения которым он был отправлен на рассмотрение государственными органами. Проект предполагал учреждение и формирование Императорской комиссии о сохранении исторических памятников, которая организовывалась при Министерстве народного просвещения. К сожалению, дело не было завершено, так как Министерство финансов отказало в выделении средств на реализацию Проекта. Однако документ оказал ощутимое влияние на осмысление государственными органами значимости деятельности по сохранению объектов историко-культурного наследия.

На рубеже XIX–XX вв. мы наблюдаем, что изучение и охрана памятников архитектуры стали приоритетными направлениями в деятельности Московского архитектурного общества (1876), Петербургского общества архитекторов (1872) и Общества архитекторов-художников (1903). В их поле зрения находились не только постройки и сооружения средневековой Руси, возведенные до 1725 г., но и объекты XVIII, XIX и начала XX вв.

Чуть меньшую масштабность носила деятельность Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, созданного в 1909 г. в Санкт-Петербурге. Председателем Общества был Великий князь Николай Михайлович (*Беда и др., 999: 18*).

К концу XIX в. на местах была сформирована сеть учреждений и организаций, деятельность которых была направлена исключительно на сохранение предметов историко-культурного наследия. Она состояла из музеев, статистических губернских комитетов (с 1830-х гг.), церковных археологических обществ, древлехранилищ (с 1870-х гг.), губернских ученых архивных комиссий (с 1880-х гг.) и краеведческих обществ. Эти организации часто объединяли не только историков-специалистов, но и обычных любителей старины.

Несмотря на это, во второй половине XIX в. все еще ощущалась потребность в законе, который закрепил бы меры по сохранению и механизмы охраны объектов историко-культурного наследия. Этот вопрос широко обсуждался в различных государственных органах, научных обществах и на страницах периодической печати.

В период правления Николая II (1894–1917) наступил новый важный этап в государственно-общественных отношениях в сфере сохранения историко-культурного наследия и его места в отечественной культуре.

В 1903 г. при Министерстве внутренних дел была организована Комиссия по пересмотру Строительного устава, в 1904 г. и 1908 г. — комиссии по пересмотру действующих постановлений об охране древних памятников.

Сохранился ряд документов, датированных первым десятилетием XX века, которые свидетельствуют об оживлении интереса к сохранению памятников истории и культуры в различных слоях российского общества. Среди них имеется проект положения о Синодальной архивно-археологической комиссии (1908), реорганизованной из Комиссии по разбору и описанию архива Святейшего Синода. К ее существовавшим обязанностям документ добавлял наблюдение за сохранением, описанием и реставрацией объектов историко-культурного наследия, находившихся в ведении Синода.

В 1911 г. был сформулирован проект Положения об охране древностей, текст которого был вынесен на обсуждение в Государственную думу (*Положение, 1911*). Проект документа содержал предложения по формированию системы государственной охраны объектов историко-культурного наследия и закреплял преимущественное право правительства на выкуп всех предметов древностей, на тот момент находившихся в частных коллекциях. Однако, после обсуждения Положение об охране древностей так и не было принято.

Незадолго до революции 1917 года сформировались еще несколько организаций, предпринимавших попытки спасения историко-культурного наследия. Кроме Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, эту проблему обсуждали Всероссийский съезд художников в 1912 г. и Всероссийский съезд зодчих — в 1914 (*Формозов, 1990: 80*).

13 сентября 1916 г. императору Николаю II был представлен доклад «О необходимости образования при Министерстве внутренних дел особого совещания для пересмотра законопроекта об охране памятников древности», но времени для принятия соответствующего закона уже не оставалось (*Карпова и др., 2000: 2*).

Таким образом, при всем многообразии форм и моделей взаимодействия государственных и общественных институтов в сфере сохранения объектов историко-культурного наследия, до 1917 г. так и не удалось создать устойчивую комплексную нормативно-правовую базу, охватывающую все аспекты обозначенной проблемы. Тем не менее, силами различных государственных учреждений и благодаря общественной инициативе разрушение национального наследия в целом было остановлено.

В начале XX столетия и государственные чиновники, и представители сопричастной общественности уже довольно ясно осознали значимость проблемы сохранения объектов историко-культурного наследия. Собранные в прошлом и дошедшие до нас коллекции икон, древней утвари и картин, многочисленные научные и популярные издания по истории искусства, работы архитекторов и художников, вдохновленных творчеством прошлого, деятельность общества защиты памятников – все это свидетельствовало о том, что в России была успешно заложена основа системы охраны объектов историко-культурного наследия (Формозов, 1990: 87).

5. Заключение

В российской истории накоплен ценный опыт не только теоретического осмысления роли и места объектов историко-культурного наследия в жизни государства и общества, но и законотворческой практики взаимодействия этих субъектов права. Он отражен в крупном массиве документов, на протяжении нескольких столетий последовательно формировавших концепцию национального историко-культурного наследия и его охраны.

Начало разработки специализированного законодательства было положено в период реформ Петра I, глубоко затронувших многочисленные аспекты жизни российского общества и предопределивших появление новых государственных и общественных институтов в сфере сохранения объектов историко-культурного наследия.

Именно тогда были приняты первые указы, установившие отношение к памятникам старины, выявлению и учету «куриозных» вещей, ставших основой богатейших коллекций.

В ту же эпоху церковь лишилась своих исключительных прав на владение и использование предметов, представляющих историко-культурную ценность.

В петровский период в России сформировались новые мировоззренческие и эстетические представления, в том числе связанные с сохранением и повышением статуса объектов национального историко-культурного наследия.

Большой интерес представляют реформы преемников Петра Великого, связанные с принятием ряда нормативных актов, регламентирующих сохранение памятников старины.

Существенное развитие система нормативно-правовых актов в сфере охраны объектов наследия получила на протяжении всего XIX столетия.

Отношение государственной власти и общества к объектам историко-культурного наследия, а также к проблеме их сохранения, менялось в XIX в. динамичнее, чем в предшествующий период, но последнее слово неизменно оставалось за властью. Именно поэтому личность каждого российского монарха имела определяющее значение в этом процессе.

Тогда же массово формировались общественные организации, занимавшиеся выявлением, изучением и охраной объектов историко-культурного наследия. Они также привлекали к этой деятельности крупные научные и художественные силы. С течением времени эти организации стали оказывать значительное влияние на государственную власть, концентрируя ее внимание на тех или иных аспектах проблемы сохранения историко-культурного наследия.

Таким образом, механизм взаимодействия российского государства и общества в сфере охраны объектов историко-культурного наследия, сформировавшийся в XVIII – начале XX вв., стал плодотворной основой для становления современной модели сохранения объектов историко-культурного наследия.

Литература

- Алешин, 1989 – Алешин А.Б. Реставрация станковой масляной живописи в России. Л., 1989. 160 с.
- Беда и др., 1999 – Беда А.М., Гучков В.В., Жуков А.Н. Охрана культурного наследия. М., 1999. 71 с.
- Брей, 1990 – Брей У. Археологический словарь. М., 1990. 368 с.
- Дедюхина, 1994 – Дедюхина В.С. Из истории сохранения отечественных памятников церковной старины (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры: Сборник научных трудов*. М., 1994. С. 81-92.
- Жуков, 1983 – Жуков Ю.Н. Роль права в охране культурно-исторического наследия в первые годы советской власти // *Советское государство и право*. 1983. № 11. С. 117-122.
- Карпова и др., 2000 – Карпова Л.В., Потапова Н.А., Сухман Т.П. Охрана культурного наследия России XVII–XX вв. Хрестоматия. Т. 1. М., 2000. 528 с.

- Комарова, 1992** – Комарова И.И. Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры в России конце XIX – начала XX в. // *Археографический ежегодник за 1990 год*. М.: Наука, 1992. С. 83-102.
- Лемке, 1909** – Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909. 626 с.
- Ливцов и др., 2017** – Ливцов В.А., Пожидаев А.С., Нилаева К.С. Проблема фальсификации истории Второй Мировой войны: Орловско-Курская дуга. // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2017. Т. 12. № 4. С. 100-107.
- Львович-Кострица, 1912** – Львович-Кострица А.И. Михаил Ломоносов. Его жизнь, научная, литературная и общественная деятельность: биографический очерк. 2 изд. СПб.: типография Ю.Н. Эрлих, 1912. 86 с.
- Материалы по вопросу, 1911** – Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные императорским Московским археологическим обществом. М., 1911. 62 с.
- Материалы по вопросу, 2009** – Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные Императорским Московским Археологическим Обществом (Факсимильное воспроизведение издания 1911 г.). / В кн. 150 лет охране памятников в России (материалы к истории создания и деятельности органов охраны объектов культурного наследия). М., 2009. 106 с.
- Национальный атлас, 2009** – Национальный атлас России в 4-х томах. Т. 4. История. Культура. М: Роскартография, 2009. 496 с.
- ОПИГИМ** – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
- Охрана культурного наследия, 2000** – Охрана культурного наследия России XVII–XX вв.: хрестоматия / Сост. Л.В. Карпова, Н.А. Потапова, Т.П. Сухман. Т. 1. М.: Весь мир, 2000. 528 с.
- Пожидаев, 2017** – Пожидаев А.С. Охрана объектов историко-культурного наследия: механизмы и формы взаимодействия. // *Вестник государственного и муниципального управления*. 2017. №2 (25). С. 43-46.
- Положение, 1911** – Положение об охране древностей: Проект. Б.м., 1911. 7 с.
- Полякова, 2006** – Полякова М.А. «Культурное наследие»: историческая динамика понятия // *Обсерватория культуры*. 2006. №1. С. 60-63.
- ПСЗРИ, 1718** – Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 1. Т. V. №3159. С. 511.
- ПСЗРИ, 1720a** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. № 3693. С. 277.
- ПСЗРИ, 1720b** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. № 3738. С. 357-358.
- ПСЗРИ, 1722** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. № 3908. С. 511-512.
- ПСЗРИ, 1726** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VII. № 4823. С. 562-563.
- ПСЗРИ, 1728a** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VIII. № 5233. С. 11.
- ПСЗРИ, 1728b** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XVIII. № 5253. С. 22.
- ПСЗРИ, 1732** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VIII. № 6144. С. 896.
- ПСЗРИ, 1749** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XIII. № 9622. С. 67-68.
- ПСЗРИ, 1753** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XIII. № 10103. С. 840.
- ПСЗРИ, 1754** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XIV. № 10319. С. 249-251.
- ПСЗРИ, 1799** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXV. № 18822. С. 528-540.
- ПСЗРИ, 1806** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXIX. № 22054. С. 133-135.
- ПСЗРИ, 1827** – ПСЗРИ. Собр. 2. Т. II. № 1613. С.1070.
- ПСЗРИ, 1843** – ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XVII. № 16205. С.113-122.
- ПСПиР, 1722a** – Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи (далее – ПСПиР). Т. II. 1722. № 582.
- ПСПиР, 1722b** – ПСПиР. Т. II. 1722. № 662.
- Разгон, 1957** – Разгон А.М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917 гг.) // *Труды НИИ Музееведения*. М., 1957. Вып. 1. С. 73-128.
- Рункевич, 1900a** – Рункевич С.Г. Из истории Русской Церкви в царствование Петра Великого // *Христианское чтение*. 1900. № 1. С. 48-64.
- Рункевич, 1900b** – Рункевич С.Г. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего правительствующего Синода (1721–1725 гг.) // *История русской церкви под управлением Святейшего Синода*. Т. 1. СПб.: Типография А.П. Лопухина, 1900. 435 с.
- Сборник, 1996** – Сборник руководящих документов по управлению местами, являющимися всемирным культурным наследием. М.: Изд-во Фонда реконструкции и развития РГБ, 1996. 128 с.
- СЗРИ, 1857** – Свод законов Российской империи. Уставы путей сообщения, почтовый, телеграфический, строительный, и пожарный. Т. 12. Ч. 1. СПб., 1857. 664 с.
- Советская историческая, 1961a** – Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 1. Аалтонен – Аяны. М.: Советская энциклопедия, 1961. 530 с.
- Советская историческая, 1961b** – Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 6. Индра – Каракас. М.: Советская энциклопедия, 1961. 521 с.
- Степанский, 1979** – Степанский А.Д. История общественных организаций в дореволюционной России. М., 1979. 80 с.

- Уваров, 1995 – Уваров С.С. Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова Императору Николаю I. // *Река времен*. Вып. 1. М.: Элис Лак; Река времен, 1995. С. 68-78.
- Указатель законов, 1814 – Указатель законов и постановлений по строительной части. М., 1814.
- Формозов, 1990 – Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. 2 изд., дополненное. М.: Изд. «Советская Россия». 1990. 112 с.
- Merkulov et al., 2017 – Merkulov P., Turin E., Savinova E. Cultural and Historical Determinants of the Formation of the Identity of the Scots: the Question of the National Self-Determination of Scotland // *Bylye Gody*, 2017, Vol. 45, Is. 3, pp. 765-775.

References

- Aleshin, 1989 – Aleshin A.B. (1989). Restavratsiya stankovoi maslyanoi zhivopisi v Rossii [Restoration of easel oil painting in Russia]. L., 160 p. [in Russian].
- Beda, Guchkov, Zhurov, 1999 – Beda A.M., Guchkov V.V., Zhurov A.N. (1999). Okhrana kul'turnogo naslediya [The protection of cultural heritage]. М. 71 p. [in Russian].
- Brei, 1990 – Brei U. (1990). Arkheologicheskii slovar' [Archaeological dictionary]. М., 368 p. [in Russian].
- Dedyukhina, 1994 – Dedyukhina B.C. (1994). Iz istorii sokhraneniya otechestvennykh pamyatnikov tserkovnoi stariny (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [From the history of the preservation of national monuments of Church antiquity (second half of XIX – early XX centuries)]. *The issues of protection and use of monuments of history and culture: Collection of scientific papers*. М., pp. 81-92. [in Russian].
- Zhukov, 1983 – Zhukov Yu.N. (1983). Rol' prava v okhrane kul'turno-istoricheskogo naslediya v pervye gody sovetskoi vlasti [The role of law in the protection of the cultural heritage in the first years of Soviet power]. *Soviet state and law*. № 11. pp. 117–122. [in Russian]
- Karpova et al., 2000 – Karpova L.V., Potapova N.A., Sukhman T.P. (2000). Okhrana kul'turnogo naslediya Rossii XVII–XX vv. Khrestomatiya. [The protection of cultural heritage of Russia of XVII–XX centuries. Anthology] Т. 1. М., 528 p. [in Russian].
- Komarova, 1992 – Komarova I.I. (1992). Tserkovno-arkheologicheskie uchrezhdeniya i okhrana pamyatnikov kul'tury v Rossii kontse XIX – nachala XX v. [Church-archeological institutions and protection of monuments of culture in Russia the end of XIX – beginning of XX century.]. *The archeografichesky year-book for 1990*. М.: Nauka, pp. 83-102. [in Russian].
- Lemke, 1909 – Lemke M.K. (1909). Nikolaevskie zhandarmy i literatura 1826–1855 gg. [Nikolaev gendarmes and literature of 1826–1855 gg.]. SPb., 626 p. [in Russian].
- Livtsov et al., 2017 – Livtsov V.A., Pozhidaev A.S., Nilaeva K.S. (2017). Problema fal'sifikatsii istorii Vtoroi Mirovoi voyny: Orlovsko-Kurskaya duga [The problem of falsification of history of the Second World war: the Orel-Kursk bulge.]. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Т. 12. № 4. pp. 100-107. [in Russian].
- L'vovich-Kostritsa, 1912 – L'vovich-Kostritsa A.I. (1912). Mikhail Lomonosov. Ego zhizn', nauchnaya, literaturnaya i obshchestvennaya deyatel'nost': biograficheskii ocherk [Mikhail Lomonosov. His life, scientific, literary and public work: a biographical sketch]. 2 izd. SPb.: tipografiya Yu.N. Erlikh, 86 p. [in Russian].
- Materialy po voprosu, 1911 – Materialy po voprosu o sokhranении drevnikh pamyatnikov, sobrannye imperatorskim. Moskovskim arkheologicheskim obshchestvom [Materials on the question of the preservation of ancient monuments, collected the Imperial Moscow archaeological society]. М., 1911. 62 p. [in Russian].
- Materialy po voprosu, 2009 – Materialy po voprosu o sokhranении drevnikh pamyatnikov, sobrannye Imperatorskim Moskovskim Arkheologicheskim Obshchestvom (Faksimil'noe vosproizvedenie izdaniya 1911 g.). [Materials on the question of the preservation of ancient monuments, collected the Imperial Moscow Archaeological Society (a Facsimile reproduction of the edition of 1911)]. V kn. 150 let okhrane pamyatnikov v Rossii (materialy k istorii sozdaniya i deyatel'nosti organov okhrany ob"ektov kul'turnogo naslediya). М., 2009. 106 p. [in Russian]
- Natsional'nyi atlas, 2009 – Natsional'nyi atlas Rossii v 4-kh tomakh [The national Atlas of Russia in 4 volumes]. Т. 4. Istoriya. Kul'tura. М: Roskartografiya, 2009. 496 p. [in Russian].
- OPIGIM – Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. [in Russian].
- Okhrana kul'turnogo naslediya, 2000 – Okhrana kul'turnogo naslediya Rossii XVII–XX vv.: khrestomatiya [The protection of cultural heritage of Russia of XVII–XX centuries: the anthology]. Sost. L. V. Karpova, N. A. Potapova, T. P. Sukhman. Т. 1. М.: Ves' mir, 2000. 528 p. [in Russian].
- Pozhidaev, 2017 – Pozhidaev A.S. (2017). Okhrana ob"ektov istoriko-kul'turnogo naslediya: mekhanizmy i formy vzaimodeistviya [Protection of objects of historical and cultural heritage: mechanisms and forms of interaction]. *Journal of Public and Municipal Administration*. №2 (25). pp. 43-46. [in Russian].
- Polozhenie, 1911 – Polozhenie ob okhrane drevnostei: Proekt [Regulations on protection of antiquities: project]. B.m., 7 p. [in Russian]
- Polyakova, 2006 – Polyakova M.A. (2006). «Kul'turnoe nasledie»: istoricheskaya dinamika ponyatiya ["Cultural heritage": historical dynamics concepts]. *Observatory of culture*. № 1. pp. 60-63. [in Russian].

- PSZRI, 1718** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (dalee – PSZRI) [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. V. № 3159. p. 511. [in Russian].
- PSZRI, 1720a** – PSZRI. Sobr. 1. T. VI. № 3693. p. 277. [in Russian].
- PSZRI, 1720b** – PSZRI. Sobr. 1. T. VI. № 3738. pp. 357-358. [in Russian].
- PSZRI, 1722** – PSZRI. Sobr. 1. T. VI. № 3908. pp. 511-512. [in Russian].
- PSZRI, 1726** – PSZRI. Sobr. 1. T. VII. № 4823. pp. 562-563. [in Russian].
- PSZRI, 1728a** – PSZRI. Sobr. 1. T. VIII. № 5233. p. 11. [in Russian].
- PSZRI, 1728b** – PSZRI. Sobr. 1. T. XVIII. № 5253. p. 22. [in Russian].
- PSZRI, 1732** – PSZRI. Sobr. 1. T. VIII. № 6144. p. 896. [in Russian].
- PSZRI, 1749** – PSZRI. Sobr. 1. T. XIII. № 9622. pp. 67-68. [in Russian].
- PSZRI, 1753** – PSZRI. Sobr. 1. T. XIII. № 10103. p. 840. [in Russian].
- PSZRI, 1754** – PSZRI. Sobr. 1. T. XIV. № 10319. pp. 249-251. [in Russian].
- PSZRI, 1799** – PSZRI. Sobr. 1. T. XXV. № 18822. pp. 528-540. [in Russian].
- PSZRI, 1806** – PSZRI. Sobr. 1. T. XXIX. № 22054. pp. 133-135. [in Russian].
- PSZRI, 1827** – PSZRI. Sobr. 2. T. II. № 1613. p. 1070. [in Russian].
- PSZRI, 1843** – PSZRI. Sobr. 2. T. XVII. № 16205. pp. 113-122. [in Russian].
- PSPiR, 1722a** – Polnoe sobranie postanovlenii i rasporyazhenii po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya Rossiiskoi imperii (dalee – PSPiR) [Complete collection of decrees and orders of the Department of Orthodox confession of the Russian Empire]. T. II. 1722. № 582. [in Russian].
- PSPiR, 1722b** – PSPiR. T. II. 1722. № 662. [in Russian].
- Razgon, 1957** – *Razgon A.M.* (1957). Okhrana istoricheskikh pamyatnikov v dorevolyutsionnoi Rossii (1861–1917 gg.) [Protection of the historical monuments in pre-revolutionary Russia (1861–1917)]. *Proceedings of research Institute of Museology*. M., Vyp. 1. pp. 73-128. [in Russian].
- Runkevich, 1900a** – *Runkevich S.G.* (1900). Iz istorii Russkoi Tserkvi v tsarstvovanie Petra Velikogo [From the history of the Russian Church in the reign of Peter the Great]. *Christian reading*. № 1. pp. 48-64. [in Russian].
- Runkevich, 1900b** – *Runkevich S.G.* (1900). The establishment and original design of the Holy Synod (1721–1725). *The history of the Russian Church under the control of the Holy Synod*. T. 1. SPb.: Tipografiya A.P. Lopukhina. 435 p. [in Russian].
- Sbornik, 1996** – Sbornik rukovodyashchikh dokumentov po upravleniyu mestami, yavlyayushchimisya vseмирnym kul'turnym naslediem [A compendium of guidelines for the management of places that are world cultural heritage]. M.: Izd-vo Fonda rekonstruktsii i razvitiya RGB, 1996. 128 p. [in Russian].
- SZRI, 1857** – Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Ustavy putei soobshcheniya, pochtovyi, telegraficheskii, stroitel'nyi, i pozharnyi [The laws of the Russian Empire. The charters of the Railways, postal, telegraphic, construction, and fire]. T. 12. Ch. 1. SPb., 1857. 664 p. [in Russian].
- Sovetskaya istoricheskaya, 1961a** – Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya [The Soviet historical encyclopedia]. V 16 t. T. 1. Aaltonen – Ayany. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1961. 530 p. [in Russian].
- Sovetskaya istoricheskaya, 1961b** – Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya [The Soviet historical encyclopedia]. V 16 t. T. 6. Indra – Karakas. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1961. 521 p. [in Russian].
- Stepanskii, 1979** – *Stepanskii A.D.* (1979). Istoriya obshchestvennykh organizatsii v dorevolyutsionnoi Rossii [History of public organizations in pre-revolutionary Russia]. M., 80 p. [in Russian].
- Uvarov, 1995** – *Uvarov S.S.* (1995). Doklady ministra narodnogo prosveshcheniya S.S. Uvarova Imperatoru Nikolayu I. [The reports of the Minister of public education S.S. Uvarov to Emperor Nicholas I.] // *The river of time*. Vyp. 1. M.: Ellis Lak; Reka vremen, pp. 68-78. [in Russian].
- Ukazatel' zakonov, 1814** – Ukazatel' zakonov i postanovlenii po stroitel'noi chaste [Index of laws and regulations on the construction part]. M. [in Russian].
- Formozov, 1990** – *Formozov A.A.* (1990). Russkoe obshchestvo i okhrana pamyatnikov kul'tury [Russian society and the protection of cultural monuments]. 2 izd., dopolnennoe. M.: Izd. «Sovetskaya Rossiya». 112 p. [in Russian].
- Merkulov et al., 2017** – *Merkulov P., Turin E., Savinova E.* (2017). Cultural and Historical Determinants of the Formation of the Identity of the Scots: the Question of the National Self-Determination of Scotland. *Bylye Gody*. Vol. 45, Is. 3, pp. 765-775. [in Russian].

Эволюция механизмов взаимодействия государства и общества в сфере сохранения историко-культурного наследия в Российской империи

Виктор Анатольевич Ливцов ^{а, *}, Владимир Иванович Филонов ^а,
Александр Сергеевич Пожидаев ^а, Ксения Сергеевна Нилаева ^а

^аСреднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается сложный и противоречивый процесс становления государственно-общественных отношений в сфере сохранения памятников истории и культуры в Российской империи. Отдельное внимание в рамках проведенного анализа обозначенной темы авторы уделяют вопросу взаимоотношений государства и церкви в указанной сфере. В исследовании рассматривается периодизация оформления сферы охраны объектов историко-культурного наследия: XVIII в., XIX – начало XX вв., советское время, постсоветский период. Авторы уделяют внимание не только позитивному, но и негативному опыту реставрационной и строительной практики, связанному с уничтожением памятников зодчества. Помимо этого, рассмотрены вопросы становления, развития и популяризации в Российской империи краеведения и коллекционирования. В статье приводятся факты, свидетельствующие о том, что за период существования Российской империи был наработан богатый и многообразный опыт взаимодействия органов государственной власти и общественных объединений в рамках памятникоохранительной деятельности. Авторы делают вывод, что механизм взаимодействия российского государства и общества в сфере охраны объектов историко-культурного наследия, сформировавшийся в XVIII – начале XX вв., стал плодотворной основой для становления современной модели сохранения объектов историко-культурного наследия.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, государство, общество, Российская империя, политика, власть, законотворчество, церковь, реставрация, коллекционирование, краеведение.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: livcov@orel.ranepa.ru (В.А. Ливцов), filonovi@mail.ru (В.И. Филонов), alexandrpojidaev@yandex.ru (А.С. Пожидаев), nilaeva98@mail.ru (К.С. Нилаева)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 120-129. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.120
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part I

Ivan A. Ermachkov^{a,*}, Larisa A. Koroleva^b, Natalia V. Svechnikova^c, Jasmin Gut^d

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b Penza State University of Architecture and Construction, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^d University of Geneva, Switzerland

Abstract

The article discusses the plague epidemic in the Caucasus in the period of 1801–1815. The attention is paid to the reasons of spreading the plague, and the efforts of the Russian administration in the case of its overcoming.

There were used as materials the archival sources of the Central state historical archive of Georgia, the sources of personal origin of emissaries, scouts and travelers who lived in the Caucasus, as well as scientific and reference literature.

In the course of the research the authors applied the general scientific traditional methods, namely the method of system analysis, specification and generalization. The particular importance in the study is given to the concretization of particular aspects, namely the concretization and detailing of historical events allowed the authors to model the integral picture of the events. So, for example, it allowed to reveal the reasons of weak efficiency of fight against plague in the Caucasus in the initial period of its spreading.

The authors stated in conclusion that since Georgia's accession to the Russian Empire, the Russian administration has pursued its policy in the Caucasus in extreme terms of the plague epidemic. The adopted measures managed to localize some foci, but soon new broke out. The reasons for this were the trade relations between the population of the Caucasus, as well as numerous of local traditions and rituals. In some places, the death rate from plague was very high. For example, in Kabarda, the plague has reduced the population on 80 %.

Keywords: epidemic, plague, 1801–1815, Caucasus, Georgia, Kabarda, Cherkessia, the rites of the population, tradition.

1. Введение

Чума на Кавказе в XVIII – первой половине XIX вв. не была исключительным явлением в жизни кавказских народов. Согласно имеющимся данным на Кавказе в XVIII веке были как минимум три эпидемии чумы, а именно в: 1706, 1760 и 1790 гг., помимо этого фиксировались и отдельные очаги, например, в Моздоке в 1772 и 1798 гг. (Котенев и др., 2016: 613). Крупная вспышка была и в Черкесии в 1796 г. (Туренко, 1887: 41). Локализация чумы в годовых интервалах, представленная в работе Котенева и других, носит, на наш взгляд, спорный характер, так как чума не находилась постоянно в одной местности, а распространялась благодаря разносчикам дальше по территории Кавказа. В данной статье мы хотели бы рассмотреть историю чумы на Кавказе в начале XIX века.

* Corresponding author

E-mail addresses: eia07sochi@yandex.ru (I.A. Ermachkov), la-koro@yandex.ru (L.A. Koroleva), Svechnikova.NV@rea.ru (N.V. Svechnikova), jasmin.gut@etu.unige.ch (J. Gut)

2. Материалы и методы

В качестве материалов привлечены архивные источники Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия), источники личного происхождения эмиссаров, разведчиков и путешественников, которые проживали на Кавказе, а также научная и справочная литература.

В ходе исследования были применены общенаучные традиционные методы, а именно метод системного анализа, конкретизации и обобщения. Важное значение в исследовании имеет конкретизация частных аспектов, именно конкретизация и детализация исторических событий позволяет нам смоделировать целостную картину происходящих событий. Так, например, это позволило выявить причины слабой эффективности борьбы с чумой на Кавказе в начальный период ее распространения.

3. Обсуждение

В российской и зарубежной историографии чума на территории Кавказа в самом начале XIX века не получила значительного освещения. Тем не менее, эпизодические упоминания о ней имеются в значительном количестве работ. Так, например, в работе Н.Г. Волковой об этническом составе населения Северного Кавказа (Волкова, 1974: 20), имеются упоминания о чуме на Северном Кавказе в работах А.А. Черкасова и др. (Cherkasov et al., 2016). В общем контексте истории эпидемий чумы на Кавказе, эту тему рассмотрел Е.С. Котенев с авторским коллективом (Котенев и др., 2016). Изучению эпидемий чумы в Каспийском регионе во второй половине XIV – начале XV вв. уделил внимание Т.Ф. Хайдаров (Хайдаров, 2017). Чума проявлялась на Кавказе и в период царствования Петра I. Так она была зафиксирована в районе крепости Св. Креста, в начале 1720-х гг. (Gvarliani et al., 2017: 41). Эпизодическое внимание распространению чумы с территории Черкесии на русскую территорию уделил А.М. Туренко. Так автор отмечал, что в 1796 г. черноморские казаки отправились к черкесам для обмена соли на хлеб и оттуда внесли на русскую территорию моровую язву. Язва распространилась среди жителей Екатеринодара, Тамани и многих страниц и держалась более 3 месяцев и стоила большого количества жизней (Туренко, 1887: 41). Вопросы распространения чумы в период русско-турецких и русско-персидских войн нашли свое отражение в трудах А.А. Черкасова с авторским коллективом (Cherkasov et al., 2017; Cherkasov et al., 2017a).

4. Результаты

Население Грузии было еще под впечатлением свирепствовавшей в самом конце XVIII столетия чумы или моровой язвы, когда в августе 1800 года в Тифлис проникли слухи, что на турецкой границе в Ахалцихе снова появилась чума. Слух оказался справедливым, и в декабре того же года случаи чумы были зафиксированы в Имеретии и Джавахетии. Грузинское правительство к защите границ Грузии от заноса чумы никаких мер не принимало, почему генерал-майор Лазарев в сентябре 1801 года, следовательно через год после первых известий о чуме в Ахалцихе, предложил учредить карантин по ахалцихской дороге, верстах в 6 от Сурама, куда просил послать из окрестных селений 20 человек грузин при надежном князе для надзора за дорогой, от войск же он назначил команду для производства окуривания всех идущих и едущих.

В декабре 1801 года чума широко распространилась в Турции по границе с Карталинией и особенно сильно свирепствовала в Ахалцихе, Ацхури, Оморе и Аспиндзе. Оттуда она пробралась в Имеретию и появилась в деревнях Хони и Хараскури (Котенев и др., 2016: 613). Пограничные грузинские владельцы не только не принимали мер против эпидемии, но открыто говорили, что чума есть единственное средство выгнать русских из Грузии (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 50). Обеспокоенный таким положением дел Лазарев сделал серьезные представления Главноуправляющему генерал-лейтенанту Кноррингу о мерах против чумы и получил разрешение действовать самостоятельно, пограничных же грузин, не выполняющих меры предосторожности из высшего класса брать в Тифлис и предавать суду, как нарушителей общественного спокойствия, а из низшего класса подвергать публичному телесному наказанию по грузинским обычаям. Кнорринг находил достаточным открыть два карантина, один со стороны Ахалциха, а другой на границе с Имеретией, но непременно под надзором врачей, которые «могли бы окуривать депеши и отправлять по принадлежности». Лазарев же поручил подполковнику Симоновичу, стоявшему с батальоном в Гори, отрядить от батальона команды в места, более посещаемые проезжающими, и учредить караулы по проезжим дорогам с частыми разъездами конных казаков. Симонович поставил со стороны Имеретии команды в трех пунктах: в Бредзе 16 нижних чинов при одном офицере, в Тесери 11 нижних чинов и за Замцевризом 7 нижних чинов (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 50-500б.).

А чума все же проникла в Грузию. Это случилось в 1802 году после назначения Главноуправляющим Грузией и Кавказом князя Цицианова. Первые случаи появились в Джавахетии среди мусульманского населения деревни Чилдир осенью, а затем вскоре стали заболеть чумой жители дер. Болнис, где квартировала рота Тифлисского мушкетерского полка капитана Ребиндера. Заболевших чумой нижних чинов этой роты отправили в полковой лазарет, находившийся в сел. Коды, куда доставлялись все вообще больные из рот этого полка, расквартированных поблизости. Когда жители селения, спасаясь от чумы, начали разбегаться по лесам, стоявший там с ротой майор

Монтрезор также поспешил уйти из зараженного селения. Лазарет закрыли, бывших же в нем больных со всеми их вещами разослали по ротам и таким путем образовали новые очаги заразы.

Князь Цицианов еще до прибытия в Грузию получал донесения о появлении заразительной болезни от военного начальника в Грузии генерал-майора Лазарева и от гражданского правителя Грузии Коваленского, но донесения эти были так разноречивы, что разобраться в них было весьма затруднительно. Когда Лазарев писал о том, что чума свирепствует, Коваленский совершенно отрицал ее существование, и, наоборот, когда Коваленский сообщал о страшных последствиях от появившейся болезни, Лазарев рапортовал, что она уже исчезла. К счастью, заведовавший горно-промышленной частью на Кавказе, граф Мусин-Пушкин со своей стороны сообщил Цицианову о появлении в Грузии моровой язвы, и это сообщение убедило князя, что там что-то неблагополучно, хотя, по-видимому, он все еще не хотел верить, что появившаяся болезнь была чума. Да и бывшие в то время в Грузии врачи не признавали ее за чуму и в своих донесениях называли ее обыкновенной горячкой, хотя тифлиские жители, не так давно перед тем перенесшие чумную эпидемию, уверяли, что появившаяся болезнь имела все признаки чумы (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 51). Для выяснения дела Лазарев предложил Коваленскому сообща отправиться в Коды и лично освидетельствовать больных совместно со всеми наличными врачами, но Коваленский отговорился невозможностью за делами отлучиться из Тифлиса и командировал вместо себя Советника Верховного Грузинского Правительства князя Херхеулидзе и гражданского чиновника Лофицкаго. Обидясь отказом Коваленского, Лазарев также не поехал в Коды и отправился встречать Цицианова, приближавшегося к границам Грузии.

Таким образом, спорный вопрос о характере появившейся повальной болезни остался открытым, и все дело борьбы с ней было взвалено на бессильную уездную полицию. Тем не менее, 24 декабря 1802 года князь Цицианов донес императору о появившейся в Грузии болезни, а в представлении Министру внутренних дел графу Кочубею просил о назначении и высылке всех медицинских чиновников по штату Грузинского Правления, так как большая половина медицинских вакансий оставалась незанятой.

Зимой чума затихла. К началу жатвы 1803 года жители сел. Коды возвратились из лесов по домам, и чума не преминула снова обнаружиться там сначала между жителями, а затем и среди нижних чинов Тифлиского мушкетерского полка в ротах майора Чегешева при серебряных Ахталских заводах и капитана Шестакова в деревне Узунляр близ медных Мисханских заводов. Почти одновременно чума появилась в полковом лазарете, который находился в сел. Караклис, и деревне Кигилак, отстоящей на 5 верст от Караклиса. Особенно сильно пострадала рота Чегешева, в которой смертность достигла значительных размеров. Обязанность хоронить умерших в ней возложили на двух рядовых, но те от страха убежали и 10 дней были в отлучке, скитаясь близ ротного лагеря. Граф Мусин-Пушкин, в ведении которого находились роты при заводах, приказал сжечь все казенные вещи, оставшиеся после первых пяти умерших от чумы, а отряд Чегешева с двухротным обозом вывести из селения Шинага и расположить около Шулавер, что и было исполнено 13 июля. До половины июля в этих ротах умерло от чумы 14 человек и к 15 июля оставалось 27 больных (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 51об.). Чегешев, донося князю Цицианову, рапортом от 14 июля, о движении в его отряде болезненности и смертности от чумы по 15 июля, просил приказания, как поступать с оставшимися после умерших казенными и частными вещами, высказывая вместе с тем опасение, что от них могут заразиться и другие.

В Тифлисе чума появилась 14 июня 1803 года. При грузинских царях в подобных случаях жители разбегались, кто куда хотел. И на этот раз грузинские князья первые поспешили оставить зараженный город и разъехались по своим деревням. Объятое паникой население города также стало было разбегаться, но Цицианов приказал запереть все городские ворота и без пропускных билетов никого не впускать в город и не выпускать из него. Вместе с тем врачи и городская полиция пытались изучить саму болезнь и ее причины. Врачи оказались большими оптимистами, и когда простой и невежественный народ чутьем, так сказать, констатировал чуму, они донесли Цицианову, что в городе имеются только гнилые воспалительные горячки, осложняющиеся иногда пятнами и нарывами. Горячкам этим, однако, придали свойство прилипчивых и повальных болезней, и для изоляции заболевших открыли городской лазарет с отдельным при нем лекарем (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 52).

Несмотря на старания князя Цицианова успокоить население, паника овладевала жителями все сильнее и сильнее. Желание во чтобы то ни стало уйти из города побуждало изыскивать тайные пути для ухода. Пример подало духовенство, которое закрыло церкви и тайком выбралось из Тифлиса. За священниками начали уходить купцы. Большинство лавок закрылось, торговля почти остановилась, и негде не было возможности купить лекарства. Восемь армянских макалаков¹ подали Цицианову коллективную просьбу, настоятельно требуя по прежним местным обычаям распустить весь город, объятый страхом, с позволением ехать, кто куда хочет. Макалаков арестовали, посадили на гауптвахту и продержали там сутки на хлебе и воде.

¹ Макалаки – почетнейшие граждане.

Народный ропот достиг той кульминационной точки, с которой начинается уже открытый бунт. К счастью, исполнявший в то время обязанности правителя Грузии генерал-майор Тучков пользовался любовью и доверием тифлисских жителей. Он явился к бушевавшей на улицах толпе и успокоил ее обещанием выпустить всех из города в Ортачальские сады. Трудно было добиться от князя Цицианова согласия на это, но Тучков все-таки получил его. На другой день после того толпа в 10 тыс. человек хлынула из городских ворот и разбрелась по Ортачальским и другим садам, расположенным по берегам Куры близ Тифлиса, так что в самом городе осталось не более 200 жителей, да нижние чины гарнизона, содержавшего караулы.

Никто не сомневался, что в Грузии чума, между тем Цицианов до конца июля все еще доносил императору, что это не моровая язва, а только прилипчивая горячка. В этом заблуждении поддерживал князя главным образом член-акушер Грузинской врачебной управы Фалькенштейн (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 53). Он предложил даже способ лечения этой болезни, который был применен на больных шефского батальона 17-го егерского полка и оказался, будто бы, весьма действительным. Фалькенштейну был поручен главный надзор над всеми лазаретами и, кроме того, его командировали на Алавердский завод, где чума особенно свирепствовала в расположенных там двух ротах Тифлиского мушкетерского полка, и где уже работал штаб-лекарь Лихачев.

Разбегавшиеся жители, уносившие с собой вещи и одежду умерших родственников, довольно быстро разнесли чуму по Грузии, исключая лишь один Сигнахский уезд. Прошло полтора месяца после появления чумы в Тифлисе, и эпидемия охватила уже города Душет, Гори и Телави с их округами (уездами). Заблуждение Фалькенштейна сыграло свою печальную роль. Грузинская врачебная управа в конце концов должна была сознаться в своей ошибке. Существование чумы в Закавказье было, наконец, признано официально 14 августа 1803 года, о чем Цицианов и донес императору. Таким образом, более полугодом понадобилось на то, чтобы врачи опознали чуму.

Хоть и с запозданием, но были приняты меры против эпидемии. Грузинская врачебная управа признала необходимость сжигать все мягкие вещи зараженных, кроме кожаных, но мера эта была санкционирована слишком поздно, надзор за ее выполнением был недостаточен, и, кроме того, не подвергавшихся уничтожению вещей из кожи, а также металлических и деревянных, которые считались неспособными сделаться носителями заразы, было более чем достаточно для распространения последней. Несомненно, что большая часть и мягких вещей после умерших от чумы утаивалась родственниками и продавалась или раздавалась беднякам. Тифлисской полиции удалось накрыть двух таких продавцов – одного тифлисского жителя, а другого казенного денщика. Так как по 232 ст. устава благочиния или полицейского разнос заразы считался уголовным преступлением против общественного здоровья, то оба подверглись строгому наказанию – жителя прогнали один раз сквозь строй в 1 тыс. человек, а денщика предали военному суду (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 53об.-54). Такие устрашающие меры не поправили дела. Утаивались не только вещи, но скрывали больных, которые так и умирали, не будучи зарегистрированы чумными.

Борьба с чумой вообще была крайне трудна, во-первых, по невежеству жителей, разбегавшихся в леса и горы при появлении подозрительных заболеваний, а во-вторых, по неустройству медицинской части во вновь занятом крае, где ощущался недостаток не только врачей, лекарств и прислуги для ухода за больными, но даже необходимых больничных вещей и посуды. Практиковавшиеся меры борьбы состояли в устройстве карантинных, обыкновенно сильно запаздывавшем, и дезинфекции вещей опрыскиванием уксусом и окуриванием. Сжигались вещи чумных нижних чинов только в случае смерти заболевших, после выздоровевших же подвергались примитивной дезинфекции.

С наступлением холодной и дождливой осени эпидемия начала повсюду постепенно ослабевать, но совершенно прекратилась только летом следующего 1804 года.

20 ноября 1803 года чума прекратилась в Гори, хотя в Горийском округе продержалась до мая следующего года. В конце декабря ее уже не было в Телави. В половине апреля 1804 года она исчезла из Ананура и, наконец, 1 июня из Тифлиса, продержавшись в последнем дольше всего.

Таким образом, чумная эпидемия просуществовала в Грузии с декабря 1802 года по июнь 1804 года, следовательно 1,5 года, и по собранным Исполнительной экспедицией Верховного Грузинского Правительства сведениям потери от нее составили по предварительным данным 1570 жертв. Число это, однако, далеко не полное, так как экспедиция не имела сведений о воинских чинах, погибших от чумы в Телавском, Ананурском,¹ Горийском и Лорийском уездах.

Умершие распределялись следующим образом:

В Тифлиском уезде 368 человек, из них воинских чинов 164, приказных служителей и мастеровых горной команды 12, жителей (грузин, армян и русских) 191 и лекарь 1.

В Лорийском уезде 382 жителя (грузины, армяне и татары).

В Телави 89 человек, из них воинских чинов 41, жителей 45 и семья Коменданта из 3 человек.

В Телавском уезде 75 жителей.

В Гори 49 жителей.

В Горийском уезде 249 жителей.

¹ При князе Цицианове уездным городом вместо Душета сделан был Ананур.

В Душете 102 человека, из них 25 воинских чинов и 77 жителей.

В Анануре 5 жителей.

В Ананурском уезде 251 человек, из них 4 воинских чина и 247 жителей (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 540б.).

Тем не менее, не будет ошибки увеличить официальную цифру жертв чумы по меньшей мере в 5 раз. Есть данные, что в Тифлисе с июля по ноябрь 1803 года, когда город был почти покинут жителями, умерших от чумы было до 500, а между тем по официальным данным их показано только 368 за весь год, в течение которого чума там держалась.

Конечно, соответственно мала и цифра умерших от чумы воинских чинов, так как в нее не вошли умершие в четырех уездах, но возможно, что в регистрацию их также вкралась какая-либо неточность. Всего зарегистрировано их 234 чел. Действительная цифра едва ли могла превышать показанную больше, чем в 2 раза, включая, конечно, и недостающие 4 уезда.

Всю тяжесть борьбы с чумой в Грузии вынесли на своих плечах войсковые лекаря, так как гражданских врачей было крайне мало и по штатам, да к тому же больше половины штатных мест пустовало. Князь Цицианов по достоинству оценил усердие полковых лекарей, и по его представлению 12 из них удостоились Высочайшей награды. «В уважение подвигов, оказанных в сем происшествии» они были пожалованы чином титулярного советника, и, кроме того, повелено было «в уважение отдаленности края и малого жалования, получаемого ими» выдать им единовременно не в зачет годовые оклады жалования из сумм, остающихся от неполного комплекта в армии медицинских чинов.¹

Появление чумной эпидемии в Грузии в первые годы по присоединении последней к России указало сразу на довольно значительную опасность иметь непосредственным соседом мусульманские государства – Турцию и Персию. Если русская администрация не сумела оградить территорию от вторжения чумной эпидемии, то следовало позаботиться об этом на будущее время. Вся надежда тогда возлагалась на карантинно-таможенные заставы, которые должны были оградить Грузию: 1) в Сураме – со стороны Имеретии, 2) в старой разоренной крепости Цалк – со стороны Ахалциха и Джавахетии, 3) в Караклисе – со стороны Карса и Эривани и 4) в Шамгиадиле – со стороны Ганжи (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 55-550б.). Но Ганжинское ханство в начале 1804 года вошло в состав русских Закавказских владений, и потому вместо Шамгиадила для карантинно-таможенной заставы предназначили Ганжинскую крепость, переименованную в Елисаветполь.

Необходимые суммы на постройку зданий для карантинно-таможенных застав в размере 50 тыс. рублей и на содержание их и карантинной канторы в количестве 12860 рублей были отпущены в том же 1803 году. Князь Цицианов предполагал открыть их 1 сентября 1804 года, потом открытие отложили до января 1805 года, и все же и тогда не удалось сделать это «по замешательствам в Грузии, за неимением чиновников и неприсылкою цолнера²».

Россия защитилась от заноса чумы карантинном в Моздоке. Там всех ехавших из Грузии окуривали в течение 6 дней³. Северный Кавказ оставался совершенно открытым, и чума, перешагнув в 1804 году через Кавказский хребет, быстро распространилась в селениях сначала Малой, а затем и Большой Кабарды. Сильно свирепствуя, она опустошала целые аулы, большая часть жителей которых вымирала, оставшиеся же в живых разбегались. Особенною жестокостью отличалась эпидемия в Малой Кабарде, на пространстве между Владикавказом и Моздоком. Племена Гилегсанговой фамилии, жившие по грузинскому тракту, почти все вымерли. Из них осталось только два владельца и незначительное количество населения.

Расположенные в обеих Кабардах войска тотчас же были выведены и в числе их Волгский казачий полк, казаки которого, уходя, увезли с собой вещи, награбленные по аулам, очевидно уже зараженным. Они то и привезли чуму на Кавказскую Линию. В мае 1804 года заболевания, прежде всего, появились в Александровской станице Волгского казачьего полка. Другим источником заноса чумы на Линию были чеченцы, которые с целью грабежа ездили по вымершим и вымиравшим кабардинским аулам, собирали оставшиеся после умерших от чумы вещи и возили их на продажу в деревни, расположенные на Линии – Андреевскую и Аксаевскую (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 56). Таким образом, очаги заразы на Кавказской Линии возникали постепенно. В 1804 году их было еще немного, хотя чума уже сильно поражала аулы близ Бештовых гор и в том числе Бабуков аул, отстоявший от гор. Георгиевска только на 4 версты. В следующем 1805 году эпидемия

¹ Вот список награжденных лекарей: Кавказского гренадерского полка Сергеев Петр и Томашевич Петр; 9-го егерского полка Кораллий Дмитрий и Маслович Лев; 17-го егерского полка Троицкий Матвей, Пилькевич Иван, Яковлевский Григорий; Кабардинского мушкетерского полка Грушинский Гавриил; Севастопольского мушкетерского полка Месбер Федор; Тифлисского мушкетерского полка Берестнев Алексей; Нарвского драгунского полка Казанский Михаил; 7-го артиллерийского полка Соловьев Василий.

² Цолнер – надзиратель над сбором таможенных пошлин.

³ Такой дезинфекции была подвергнута со всей свитой и Грузинская царица Дария, которую в ноябре 1803 года отправляли в Россию.

подвинулась несколько дальше на север, и летом сильно пострадали от нее аулы в окрестностях горячих вод близ крепости Контстантиногорской (ныне вода Пятигорья) и Павловская станица Волгского казачьего полка.

Опасаясь сильного распространения чумы, поставили кордоны по Тереку и по дорогам со стороны Малой и Большой Кабарды, а в Кизляре и станицах Прохладной и Червленной учредили карантинны. Сроки для карантинного очищения людей с их пожитками и товарами были удвоены. Кордонным начальникам было строго приказано никого не пропускать через вверенные им посты, минуя карантинны. Но строгие приказания и предписания не могли уже остановить поступательного движения чумы, и она распространилась по всей Кавказской Линии, в короткое время захвативши район протяжением в 450 верст. 23 мая 1806 года она была уже в Моздоке и Георгиевске, а через год, то есть в марте 1807 года, чумой были поражены в сильной степени четыре уезда Кавказской губернии со всеми городами, станицами и селами. Заболеваемость и смертность были весьма велики, как между жителями, так и среди воинских чинов. В трех ротах Казанского мушкетерского полка в 25 дней, с 1 по 26 марта, умерло 176 человек (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 560б.). Во Владикавказском гарнизонном полку чума поразила значительное число нижних чинов, и многие заболели ею, стоя на часах. Там пришлось сжечь 35 тулупов для часовых, а лазаретных вещей полный комплект на 60 человек. Войсковые лазареты были переполнены чумными больными. Административный центр Кавказской Линии город Георгиевск совершенно опустел.

В таком положении находился Северный Кавказ, когда для прекращения эпидемии была учреждена в Георгиевске особая комиссия, под председательством командовавшего войсками Кавказской Линии генерал-от-инфантерии Булгакова. Комиссия была создана 4 июня 1807 года. В чем состояла и какова была деятельность ее, сведений не сохранилось, но только к августу эпидемия заметно ослабла и в русских поселениях Кавказской Линии постепенно прекратилась к декабрю. Возможно, что это было простым совпадением фактов, но прекращение чумы генерал Булгаков всецело приписал, во-первых, принятым комиссией мерам при строгом и неослабном надзоре всех ее членов, и во-вторых, своей собственной решимости. 7 апреля 1808 года он поздравил Министра внутренних дел князя Куракина с повсеместным окончанием эпидемии на линии. Это было бы справедливо, если бы в поздравлении было бы оговорено, что чума прекратилась в русских поселениях, по отношению же ко всей Линии это было неверно, так как в туземных аулах, а также и у горских народов чума все еще продолжалась.

Едва поздравление успело дойти по назначению, как чума вспыхнула в Ногайских аулах Александровского уезда, будучи занесена туда Абазинцами. Тогда по Высочайшему повелению был командирован в Георгиевск из Петербурга член Государственной Медицинской Коллегии доктор Виен. Доктор Виен был признанным специалистом в области заразных болезней. Одновременно с его прибытием на Кавказ была упразднена комиссия и дело борьбы с чумой было возглавлено доктором Виеном. Он посетил зараженные Ногайские и Абазинские аулы и убедился, что эпидемия в них поддерживалась вследствие тайного сообщения ради торговли со свободными горскими народами, у которых чума с 1804 года не прекращалась (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 57).

Таким образом выяснилось, что главная мера, на которую больше всего рассчитывали в деле охранения Кавказской Линии от заноса чумы, а именно полное прекращение сношений с свободными горскими народами, цели не достигла, а между тем неблагоприятно отразилась на торговле и подорвала экономическое благосостояние населения. В виду этого предпочли допустить некоторое облегчение в торговых сношениях жителей Линии с горцами, рассчитывая, что открытое сообщение с ними при соблюдении правил предосторожности и карантинного очищения будет менее вредным, чем тайное сношение без всяких мер против заноса болезни. Генерал Булгаков хотел открыть по Линии целый ряд пунктов для торговли с горцами и хлопотал об открытии с этой целью новых карантиннов, на что, однако, не согласился Главнокомандующий Тормасов, найдя карантинны малонадежными и дорогостоящими учреждениями.

Абазинцам этого было мало. Осенью 1808 года они просили, чтобы карантинный досмотр совершенно отменили, кордонную цепь сняли и дозволили им свободные переезды без военного надзора. Вместе с тем они просили взять от них врачей, так как они им совсем не нужны, и предоставить им самим охранять себя от болезней по своим обычаям. Обычай же их были таковы, что из заразившихся семейств здоровые удалялись в леса, и в саклях оставались только заболевшие; умерших от чумы погребали со всеми религиозными обрядами; имущество и одежду их делили между собой. Понятно, что предложения абазинцев оставлены были без последствий, но вследствие наступивших холодов карантинны перевели из балаганов в сакли, да позволили здоровым выходить из заразившихся семейств, но не удаляться никуда из оцепленного войсками района.

Подвигаясь понемногу к северо-востоку, чума в 1809 году появилась между Аксаевцами и Костюковскими жителями¹, в 70 верстах от Кизляра. Затем она подошла к самому городу, так что благополучный и зараженный районы разделяла только река Терек. Кизляр был тогда самым

¹ И те и другие входили в состав Кумыкского народа.

людным городом Кавказа, имея около 6 тыс. жителей¹ и богатые рыбные промыслы на Тереке. Защитить его от чумы было весьма важно. По Высочайшему повелению город был изолирован, хотя не вполне, так как в него впускались люди и товары из благополучных мест. По Тереку стоял военный кордон, и, кроме того, сами горожане организовали особую стражу, которая следила за тем, чтобы никто из кизлярцев не общался с соседними жителями. Приняты были также меры по немедленному оцеплению участка, где появилось бы сомнительное заболевание. На этот раз Кизляр отделался одним страхом, и 25 мая 1809 года разрешено было, выждавши 80 дней от последнего между Кумыкским народом случая смерти от моровой язвы, открыть Кизляр и дозволить рыболовство по Тереку (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 58).

Чума снова стала свирепствовать в обеих Кабардах, угрожая опять распространиться по Линии. Булгакову было предложено незамедлительно привести Маздокскую карантинную заставу «в самое надежное и безопасное состояние, а впредь до совершенного ее устройства воспретить пропуск товаров, чуму в себе приемлющих, по устройству же таковой дозволить пропускать товары все без исключения с строгим очищением по предписанным правилам, также и людей». Всякое сообщение на всех пунктах Линии с горцами и с другими народами, «кои хотя малейшее имеют с ними сношение» было опять запрещено, и кордоны на Линии усилены (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 58). При принятии мер по охране Кавказской Линии от внесения моровой язвы произошли несогласия между Булгаковым и Кавказским гражданским губернатором², которые обострились до того, что в 1810 году дошли до сведения Государя по обоюдным их жалобам друг на друга.

Исследовать распространение чумы в Кабардах послали, по приказанию Тормасова, не врача, а поручика Суздальского мушкетерского полка Таганова. Отправившись 19 мая 1809 года, он побывал везде по верховьям реки Кубани вплоть до предгорий Эльбруса и убедился, что чума действительно существовала во многих местах в Кабарде, но особенно свирепствовала в Чегемских горах, смежных с Кабардою со стороны Главного хребта. Старейший из кабардинских владельцев Кучук Джанхотов сообщил Таганову, что чума со времени появления ее в Кабардах никогда совершенно не прекращалась, кабардинцы же старались скрывать ее, чтобы получить беспрепятственный доступ на Линию, и смертность была так велика, что кабардинцев осталась едва пятая часть (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 58об.).

Чума появилась также в селениях, лежавших в верховьях Кумы и Подкумка, и особенно сильно пострадали от нее аулы Маргушев, Ашабов, Мехеков и Даутоков. Из Абазинских аулов был заражен только один аул Девлет-Гирея Тамбукаева.

Управлявший обеими Кабардами или, как его называли, главный Кабардинского народа пристав генерал-майор Дельпоцо предложил кабардинским владельцам принять русских врачей, которые показали бы народу средства для борьбы с болезнью. Предложение это они отклонили, прежде всего сославшись на пример абазинских аулов, в которых третий год не прекращалась чума, а между тем принятые русским начальством меры причинили абазинцам много неприятностей, нарушив их религиозные обряды. Затем указали на то, что народ Кабардинский крайне суверен, чуму считает наказанием, посланным свыше, и в избавлении от нее надеется только на Бога, а потому нельзя быть уверенным, чтобы народ согласился повиноваться наставлениям врачей (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 58).

В таком случае оставалось только крепче оградить себя карантинами, и вскоре к существовавшим со стороны Кабарды карантинам в Прохладной и близ Георгиевска прибавился еще новый между штерн-шанцами Константиногорским и Кумским. От последнего по речкам Камлыку, Танлаку и Тахтамыку до Кубани поставили кордонную цепь протяжением в 66 верст, для занятия которой потребовалось 1076 нижних чинов. Срок карантинирования был ограничен 8 днями. Срок этот генералу Дельпоцо показался довольно большим и он ходатайствовал перед Тормасовым о сокращении его на половину, ссылаясь на то, что если применявшиеся тогда в карантинах очистительные средства доктора Крейтона³ действительно верны, то 4 дня полного очищения совершенно достаточно, в это «и для горцев будет не отяготительно и с нашей стороны не сомнительно, но нужно, чтобы карантинные чиновники, комиссар и лекарь, были люди благонадежные и непристрастные к корыстолюбию и мздоимству».⁴

¹ В других городах Кавказской губернии жителей было далеко меньше: в Моздоке 1981 чел., в Георгиевске 709 чел., в Ставрополе 1097 и в Александрове 546.

² Сначала Картвелин, а потом Малинский.

³ Генерал-штаб-доктор гражданской части Крейтон по поручению Государя составил правила для карантинного очищения, предложив и средства для того. В карантине при слободе Прохладной была заведена особая одежда по методе Крейтона на 15 пассажиров, на заведение которой карантину было отпущено 200 рублей.

⁴ Что в карантинах Кавказской и смежной с ней Астраханской губерний были большие злоупотребления – это не составляло особого секрета. О них было доложено Государю, а так как замешанными оказались очень многие лица, то по Высочайшему повелению в 1810 году был послан для ревизии обеих губерний на правах сенатора генерал-майор Вердеревский, которому было предписано наиточнейшее исследовать злоупотребления в карантинах.

В конце 1810 года чума появилась в Дагестане на горах выше Кубачи, в вольных деревнях Емизи, Сулакян и Сирьген. В первой из этих деревень уцелело только 8 семейств, и в остальных двух большая часть жителей вымерла. Нужно полагать, что туда чума была занесена из Ахалциха служившими в турецком войске лезгинами (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 58).

Однако никакие, ни просто строгие, ни самые строгие, ни наистрожайшие приказания о прекращении всяких сообщений с горскими народами выполнить было нельзя. Чума тянулась уже несколько лет. И горцы, и жители Кавказской Линии не могли прекратить свои торговые сношения на такой продолжительный период времени, и что было запрещено явно, делалось украдкой, уследить же за этим можно было бы, только располагая громадным количеством войск для двойной кордонной цепи на всем протяжении Кавказской Линии. Чума среди населения горских племен вспыхивала и в более позднее время, например в 1812–1814 гг. (Cherkasov et al., 2016: 383). В конце концов руководители борьбы с чумой сознали это, и, чтобы парализовать опасность от тайных сообщений с горскими народами, окончательно разрешена была на Линии меновая торговля с ними, но только в пунктах, а именно в слободе Прохладной, станицах Наурской, Лащурине (близ Кизляра), крепости Константиногорской и укреплениях Прочноокопском и Усть-Лабинском. Для производства торговли устроили «меновые дворы» при карантинах во всех перечисленных пунктах. Там, где их до того не было, учредили вновь. Правила для торговли были следующие: «ежели кто из горских жителей пожелает сам осмотреть и выбирать своими руками товары, нашими меновщиками привозимые, равно отдавать таковому же осмотру и выбору свои товары, тот непременно должен, прежде нежели впущен будет на меновой двор, выдержать со всем своим имуществом карантин по правилам очищения генерал-штаб-доктора Крейтона; если же которые не захотят выдерживать карантин, то для таковых при употреблении мер осторожности, какие медицинскими чиновниками действительнейшими найдены будут, сделать деревянную огороду или таковую из осмоленных веревок в две параллельные линии, так чтобы в длину протянуты они были сколь можно далее, а в ширину не менее двух сажений. К сей перегородке могут приходиться с одной стороны наши, а с другой горские меновщики, складывать товар свой каждому по своей стороне для осмотра через перегородку без прикосновения (что строго наблюдать) и когда обе стороны согласятся на промен, тогда наши, отдав без малейшего сообщения свой товар горцам, вымененный взамен того у горцев, не прикасаясь к оному, предоставить должны карантинному очищению». Здесь нужно заметить, что все бумажные, шерстяные, шелковые, гарусные и льняные материи, а также шерсть и меха пропускались на меновой двор не иначе, как по предварительном осмотре и очищении в карантинах; остальные же товары прямо пропускались на меновой двор и карантинному очищению подлежали по вымене их.

Сберегла ли себя от чумы Грузия в это время? Нет. Чума ей угрожала с двух сторон. Во-первых, по старому пути со стороны Турции. В 1806 и 1807 годах в карсском и ахалцихском пашалыках в турецком войске между Лазами сильно свирепствовала чума. Жители завезли было ее из карсских селений в дер. Карели. Тотчас же командированный туда старший полковой лекарь Сергеев сумел локализовать этот небольшой очаг, и чума на территорию Грузии дальше не пошла.

Во-вторых, чума обратно шла в Грузию с Северного Кавказа по грузинской дороге. В конце 1806 года появились чумные заболевания в Тагаурском ущелье среди жителей Кайтукиных деревень. Немедленно был устроен в сел. Степан-цминда¹ карантин, в котором осматривал всех проезжавших лекарь Платонович. Однако к осени 1807 года чума перебралась через перевал и появилась в Ананурском уезде. Платонович за слабый осмотр был предан суду по приказанию графа Гудовича, а в Ананурский уезд командировали члена-акушера Грузинской врачебной управы Шаде. Близкая опасность грозила Тифлису. Его защитили тройным карантинном: 1) на Кайшаурском посту, 2) в Анануре и 3) в Мцхете, с чумой же стали бороться главным образом огнем (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 600б.).

До того времени хотя и жгли зараженные вещи, но так как по Высочайшему повелению сжигавшиеся пожитки оценивались, и стоимость их должна была выплачиваться, администрация применяла сжигание только к малоценным вещам, обходясь во всех остальных случаях окуриванием. Но вот 28 января 1808 года последовало на имя графа Гудовича Высочайшее повеление «все зараженные пожитки и вещи, для предупреждения всякого к ним прикосновения, впредь предавать огню без всякой оценки». Тогда запылали костры по деревням Ананурского и смежного с ним Тифлисского уездов, расположенных близ грузинской дороги. Жгли вещи, жгли и целые дома. 85 саклей, в которых были умершие от чумы, были сожжены. Распространение чумы было остановлено. Выхвативши в Ананурском уезде 215 жертв, а в Тифлисском только 15, она до Тифлиса не дошла (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 600б.).

Боковыми путями чума пробралась в Картолинию, в Горийский уезд. Ее занесли осетины, приходившие за покупкой соли. Первые случаи появились в грузинском селении Михалдидзеба. Туда вскоре прибыл Горийский уездный врач Коралли. Селение оцепили караулами, и заразу удалось локализовать. Вместе с тем всем жителям ближайших к Осетии деревень было запрещено производить меновую торговлю на соль с осетинами. Последнее распоряжение ударило по экономическому благосостоянию. Осетины тайком прокрадывались в грузинские селенья, а жители

¹ Ныне станция Казбек.

со своей стороны старались поддерживать с ними меновой торг. Пришлось поставить караульных для наблюдения за тем, чтобы осетины не прокрадывались в Карталинию, а для поимки непослушных выслана была воинская команда. Дело дошло до открытого сопротивления жителей трех деревень Белоти, Снехи и Гуртули. Они в числе более 100 человек стреляли в команду и принудили караульных оставить свои посты.

К счастью чума в Карталинии на этот раз ограничилась ничтожным числом заболеваний в пограничных с Осетией селениях. Умерших от чумы было зарегистрировано всего 4.

Благополучное состояние Грузии в течение большей половины 1808 года успокоило Торماسова, и он предполагал даже в 1809 году снять карантинные заставы между перевалом через Кавказский хребет и Тифлисом. Министр внутренних дел князь Куракин разрешил это под личной ответственностью Торماسова. Не желая брать на себя ответственность, он пытался переложить ее на правителя Грузии генерал-майора Ахвердова, который со своей стороны не ручался за то, что с уничтожением Мцхетского карантина чума не будет занесена снова в Грузию горцами, имевшими сношение с Грузией и Кабардою и по другим дорогам, минуя Тагаурское ущелье. Благодаря этому Грузия с севера осталась защищенной двумя карантинами – в Коби и Анануре. С запада, со стороны Имеретии, был открыт карантин в Гори.

Чума не скоро еще перестала тревожить Грузию. В апреле 1809 года в деревне Акбулах Бамбакской провинции, в которой квартировала рота 15-го егерского полка капитана Жоржи, были случаи сомнительных по чуме заболеваний. Штаб-лекарь Саратовского мушкетерского полка подтвердил наличность заразы (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 610б.). Роту сейчас же подвергли карантинированию, а жителям запретили иметь сообщение с соседними деревнями. Командированный туда оператор Грузинской врачебной управы Воронченков больных чумой не нашел. Два раза он осмотрел поголовно всех солдат-егерей и жителей деревни, обратив особенное внимание на те семьи, где были заболевшие, но никаких подозрительных симптомов не обнаружил, а так как в течение шестинедельного срока новых заболеваний не было, то он прекратил карантинирование и разрешил жителям иметь сообщение со всеми соседними деревнями.

5. Заключение

Таким образом, с момента присоединения Грузии к Российской империи русская администрация проводила свою политику на Кавказе в экстремальных условиях эпидемии чумы. Принятыми мерами удавалось локализовать одни очаги, но вскоре вспыхивали новые. Причинами этого были торговые связи между населением Кавказа, а также целый ряд местных традиций и обрядов. В ряде мест смертность от чумы была очень высока. Так, например, в Кабарде чума сократила население на 80 %.

Литература

Волкова, 1974 – Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX вв. М., 1974.

Котенев и др., 2016 – Котенев Е.С., Дубянский В.М., Волынкина А.С., Зайцев А.А., Куличенко А.Н., Кравцова С.Л. История эпидемий чумы на Северном Кавказе и современный эпидемический потенциал природных очагов чумы // *Медицинский вестник Северного Кавказа*. 2016. Т. 11. № 4. С. 612-616.

Туренко, 1887 – Туренко А.М. Исторические записки о войске Черноморском. Киев, 1887.

Хайдаров, 2017 – Хайдаров Т.Ф. Эпидемии чумы в Каспийском регионе во второй половине XIV – начале XV вв. // *Золотоордынская цивилизация*. 2017. № 10. С. 304-309.

ЦГИАГ – Центральный государственный исторический архив Грузии.

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2016. 40(2), pp. 382-391.

Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A. The losses of the Russian army during the Russian-Persian war of 1826-1828: The historical-statistical study // *Bylye Gody*. 2017. № 4.

Cherkasov et al., 2017a – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Valleau A. The losses of the Russian army in transcaucasia during the Russo-Turkish war (1828–1829): The historical-statistical study // *Русин*. 2017. № 4.

Gvarliani et al., 2017 – Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. The Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799 // *Bylye Gody*. Vol. 43, Is. 1, pp. 39-47.

References

Volkova, 1974 – Volkova N.G. (1974). Etnicheskiy sostav naseleniya Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XX vv. [The ethnic composition of the population of the North Caucasus in the XVIII – early XX centuries]. M. [in Russian]

Kotenev i dr., 2016 – Kotenev E.S., DUBYANSKIY V.M., Volynkina A.S., Zaitsev A.A., Kulichenko A.N., Kravtsova S.L. (2016). Istoriya epidemii chumy na Severnom Kavkaze i sovremenniy epidemicheskiy

potentsial prirodnykh ochagov chумы [The history of plague epidemics in the North Caucasus and the modern epidemic potential of natural foci of plague]. *Meditinskii vestnik Severnogo Kavkaza*. T. 11. № 4. pp. 612–616. [in Russian]

Turenko, 1887 – *Turenko A.M.* (1887). Istoricheskie zapiski o voiske Chernomorskom [Historical notes on the army of the Black Sea]. Kiev, 1887. [in Russian]

Khaidarov, 2017 – *Khaidarov T.F.* (2017). Epidemii chумы v Kaspiiskom regione vo vtoroi polovine XIV – nachale XV vv. [Plague epidemics in the Caspian region in the second half of XIV – early XV centuries]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*. № 10. pp. 304–309. [in Russian]

TsGIAG – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [Central state historical archive of Georgia].

Cherkasov et al., 2016 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2016). The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 40(2), pp. 382–391.

Cherkasov et al., 2017 – *Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A.* (2017). The losses of the Russian army during the Russian-Persian war of 1826–1828: The historical-statistical study. *Bylye Gody*. № 4.

Cherkasov et al., 2017a – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Valleau A.* (2017). The losses of the Russian army in transcaucasia during the Russo-Turkish war (1828–1829): The historical-statistical study. *Rusin*. № 4.

Gvarliani et al., 2017 – *Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V.* (2017). The Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799. *Bylye Gody*. Vol. 43, Is. 1, pp. 39–47.

Чума на Кавказе 1801–1815 гг.: часть I

Иван Анатольевич Ермачков ^{a,*}, Лариса Александровна Королева ^b,
Наталья Викторовна Свечникова ^c, Ясмин Гут ^d

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

^d Университет г. Женева, Швейцария

Аннотация. В статье рассматривается эпидемия чумы на Кавказе в период 1801–1815 гг. Уделено внимание причинам распространения чумы, а также усилиям русской администрации в деле ее преодоления.

В качестве материалов привлечены архивные источники Центрального государственного исторического архива Грузии, источники личного происхождения эмиссаров, разведчиков и путешественников, которые проживали на Кавказе, а также научная и справочная литература.

В ходе исследования авторами были применены общенаучные традиционные методы, а именно метод системного анализа, конкретизации и обобщения. Важное значение в исследовании имеет конкретизация частных аспектов, именно конкретизация и детализация исторических событий позволила авторам смоделировать целостную картину происходящих событий. Так, например, это позволило выявить причины слабой эффективности борьбы с чумой на Кавказе в начальный период ее распространения.

В заключении авторы отмечают, что с момента присоединения Грузии к Российской империи русская администрация проводила свою политику на Кавказе в экстремальных условиях эпидемии чумы. Принятыми мерами удавалось локализовать одни очаги, но вскоре вспыхивали новые. Причинами этого были торговые связи между населением Кавказа, а также целый ряд местных традиций и обрядов. В ряде мест смертность от чумы была очень высока. Так, например, в Кабарде чума сократила население на 80 %.

Ключевые слова: эпидемия, чума, 1801–1815 гг., Кавказ, Грузия, Кабарда, Черкесия, обряды населения, традиции.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: eia07sochi@yandex.ru (И.А. Ермачков), la-koro@yandex.ru (Л.А. Королева), Svechnikova.NV@rea.ru (Н.В. Свечникова), jasmin.gut@etu.unige.ch (Я. Гут)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 130-142. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.130
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Influence of the French Conservatives to the Reception of the Image of Napoleon I in Russia (on the Example of the Study of the Epistolary Heritage of Joseph de Maistre)

Rafael A. Arslanov^{a,*}, Elena V. Linkova^a, Vladimir M. Kozmenko^a

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

Abstract

The article presents the analysis of the evolution of the image of Napoleon Bonaparte in Russia under the influence of the ideological principles of Joseph de Maistre, the French conservative leader, who was on a diplomatic mission at the Russian court in 1803-1817.

It is important to note that this publication is actually the first example of studies of the formation and evolution of the image of Napoleon I in his historical development and in correlation with the peculiarities of mentality and cultural environment of not only Russian, but also French society.

The subject of this research is the study of the Napoleon's image, as it reflected in the epistolary heritage of Joseph de Maistre. It was important to identify the fundamental ideological principles of the French thinker and to determine the degree of influence of his views on the transformation of the image of Napoleon I in Russia.

It is noted that, due to the range of his communication, the ideas of J. de Maistre had a great influence on the Russian thinkers of the conservative movement. Among the Russian conservatives, the views of de Maistre received the greatest development and continuation. It is no coincidence that researchers tend to think of J. de Maistre as one of the founders of national conservatism in its classic sense.

The accumulated scientific material enabled the authors to come to certain conclusions that are important from the point of view of study of the personality of Napoleon and the development of social thought in Russia. It is important to note that in the Russian historiographic tradition ingrained the idea that the main directions of the social movement of Russia began to take shape thanks to the discussions on the role and place of Russia in the international arena, in the world historical process, in the context of the paradigm of "Russia-West". In this sense, the personality of Napoleon and the attitude towards him are a separate aspect of this paradigm, a particular touchstone, allowing the differentiation of the main directions of social thought of Russia.

Napoleon is the embodiment of Western civilization, its "product", the result of ideological aspirations, the socio-political development of European society. This is why Napoleon is an example of perception of the West as a whole, where the Emperor of the French is a part and product of the Western world. Thus, the study of the image of Napoleon in Russia expands the field of scientific research in the framework of discussions about the interrelation and confrontation of Russian and Western European civilizations.

Keywords: Napoleon I Bonaparte, Russia and the West, Joseph de Maistre, conservatism, imagology, France, stereotypes, revolution, the Napoleonic wars.

1. Введение

Личность Наполеона Бонапарта, французского императора, вершителя судеб Европы начала XIX столетия и властителя дум не одного поколения молодежи, олицетворявшего одновременно и французскую революцию, и ее усмирителя, оставила неизгладимую память в национальной культуре.

* Corresponding author

E-mail addresses: ars_raf@mail.ru (R.A. Arslanov), e.v.linkova@yandex.ru (E.V. Linkova), v.kozmenko@gmail.com (V.M. Kozmenko)

К его духовному и политическому наследию, природе власти, самому феномену наполеоновского мифа, существующего в самых различных версиях – от «светлой» до «черной» – постоянно обращаются исследователи как самой Франции, так и стран, ставших объектами завоеваний. При этом споры вокруг образа Наполеона, его и героизация, и демонизация, присущие для общественного сознания начала XIX в., не утихают и поныне.

Вместе с тем примечательно, что в самой Франции, как показывает анализ современной историографии, интерес к императору несколько угас. Скорее всего, это вызывается утверждением либеральной аксиологии, которая привела к изменением общественных настроений, к стремлению критически переосмыслить завоевательное и колониальное прошлое страны.

В России же спустя более двух столетий после окончания Отечественной войны 1812 г., и победы, одержанной фактически над всей Западной Европой, внимание к императору французов не ослабевает. Причиной тому, возможно, является тот факт, что современная Россия переживает довольно сложный и противоречивый период. С одной стороны, российское общество до сих пор находится в поиске национальной идеи, цивилизационного самоопределения. Отечественная война и противостояние Западу выступают важной вехой в истории российского общества. Осмысление подобных знаковых событий, в которых проявилась вся сила духа народа, способствует не только национальной самоидентификации, но и социокультурному развитию народа. Следует учитывать и то, что после присоединения Крыма к России ухудшилось ее международное положение. Наряду с политикой изоляции и санкций против нашей страны была развязана мощная пропагандистская кампания, охватившая и историческое поле. Одним из инструментов формирования русофобских настроений стало создание спекулятивных исторических построений. Так фальсификациям и искажениям начали подвергаться наиболее важные героические события нашего прошлого, в том числе и война с Наполеоном (Понасенков, 2017).

Таким образом, анализ трансформации образа Наполеона представляется весьма актуальным и в свете современной международной ситуации. Во-первых, в наполеоновскую эпоху Россия вынуждена была мобилизовать все свои ресурсы для сохранения национального суверенитета, возможности самостоятельного геополитического позиционирования на международной арене. Пример сочетания идеи великой державы, защиты ее коренных национальных интересов и их отстаивания в сложных внешнеполитических реалиях с обеспечением социальной стабильности и экономической самостоятельности не потерял своей актуальности и для современной России.

Во-вторых, изучение личности и политики Наполеона представляет своеобразное расширение поля исследований в области международных контактов России и западноевропейских стран, в частности, Франции. Речь идет об исторических деятелях, которые «объединяют» Россию и Францию. Несмотря на военное и дипломатическое противостояние между государствами, именно наполеоновская эпоха во многом определила и ход развития отечественной общественно-политической мысли, и внешнеполитический курс России, интенсифицировала процесс постижения себя в мировом историческом процессе.

Еще одним немаловажным аспектом при определении места Наполеона в отечественной культуре является дискурс о роли личности в истории. Судьба Наполеона Бонапарта – это, во-первых, пример невиданного личного успеха, некоей силы, способной объединить различные слои населения, благодаря своему авторитету и харизме встать выше социальной розни и внутривнутриполитической борьбы и консолидировать страну в сложных условиях международного противостояния. В сложившемся историческом контексте общество нередко обращается к тем историческим личностям, которые могут стать примером для современного поколения. Наполеон Бонапарт в этом плане интересен для российского общества тем что, с одной стороны, его жизнь воспринимается как пример успеха, подвига, и даже его заточение и смерть представляются определенной борьбой. С другой стороны, личность императора французов противоречива, каковой и должна быть природа великого исторического деятеля. Образ Наполеона подчас вызывает отторжение своей способностью увлечь за собой миллионы людей ради достижения поставленных целей и удовлетворения личных амбиций. В этой связи исследование наполеоновской эпохи предполагает, прежде всего, обращение к таким ключевым вопросам современности, как определение роли правителя, сущности политической морали и т.д. Так образом, идеи бонапартизма, непосредственно связанные с личностью императора Франции, особым значением армии и сильного государства остаются актуальными и в наши дни.

Изучая личность и политику Наполеона Бонапарта, исследователи сталкиваются с немаловажным аспектом: влиянием сложившегося имиджа на реальные события. Так, обращаясь к наполеоновскому времени, невольно отмечаешь тот факт, что сам французский император превратился с течением времени в определенный миф, в стереотип, в идеальный или, напротив, отталкивающий образ, в котором реальное и надуманное нередко переплетаются в единое целое и затрудняют проведение беспристрастного и объективного исследования. Причем, как отмечают французские авторы, миф вокруг Наполеона начал складываться еще при жизни императора. Затем он дополнился новыми сюжетами и красками, укрепился и эволюционировал на протяжении XIX–XX вв. (Kern, 2009). Наполеон во Франции стал не только предметом научных исследований, но и героем фильмов, литературных произведений (Bénardeau, 2004), художественных выставок (Immagini napoleoniche per la Galleria Demidoff, 1987), театральных постановок и детских комиксов.

Многогранная и противоречивая личность Наполеона до сих пор завораживает и является не только предметом изучения, но и определенным общественно-политическим явлением, вызывающим резонанс даже в современную эпоху ([Hazareesingh, 2005](#)).

Исследователи выявляют и источники этих мифов, обращая особое внимание на официальную пропаганду, проводимую в годы его правления. Такие ключевые аспекты образа императора, как героизм, гениальность, исключительность военных дарований, универсальное значение его личности и деяний, стали неперенным атрибутом при описании Наполеона его современниками-апологетами. И даже те государственные и общественно-политические деятели, которые позиционировали себя идейными и политическими врагами Наполеона, признавали его гений, хоть и зловещий и разрушительный по своей природе. Оппоненты Наполеона, особенно из рядов французской эмиграции ([Vergé-Franceschi, 2016](#)), вносили свою лепту в формирование его образа, влияли на общественное мнение страны приема.

Обращение к становлению и трансформации образа Наполеона – актуальная проблема современных исторических исследований. Необходимо отметить, что помимо изданий, через которые распространялась официальная пропаганда (например, [Moniteur Universel, 2 avril 1814: 1](#)) и формировался некий стереотип восприятия Наполеона, немаловажную роль в данном процессе сыграли те общественно-политические деятели и мыслители, которые попытались проанализировать сущность и природу власти императора французов, роль его личных качеств в событиях эпохи, исследовать наполеоновское наследие во всем его многообразии. В первую очередь речь идет о российских деятелях и мыслителях – современниках наполеоновских войн: Ф.В. Ростопчине, С.Н. Глинке, А.С. Шишкове и, безусловно, о декабристах ([Парсамов, 2010](#)). Это те люди, чье мировоззрение сформировалось или заметно эволюционировало как в результате наполеоновского нашествия и событий, связанных с военными кампаниями начала XIX в., так и ходе близкого знакомства с идейной составляющей эпохи: философией Революции, Просвещения, французскими представлениями о законности и общественном развитии.

Следующей категорией мыслителей, в произведениях и эпистолярном наследии которых дается анализ личности и политики Наполеона Бонапарта, являются общественные деятели 1840–1870 гг., на чье детство пришлись события Отечественной войны. Славянофилы и западники, отечественные консервативные и либеральные мыслители, а также приверженцы идей революции, – все они имели возможность проанализировать наполеоновское время и, в частности, дифференцировать особенности и роль личности императора. С течением времени, в 1830–1840-е гг., когда острота политических дискуссий вокруг Наполеона постепенно снизилась, появилась возможность изучить наследие наполеоновских идей, реформ, достижений и тех изменений, которые он привнес в европейское общество. В этой связи, образ императора французов заметно эволюционирует, от подчас эмоционального восприятия, исследователи приходят к пониманию необходимости объективных оценок, помогающих, с одной стороны, понять истоки власти Наполеона, а с другой, – выявить причины их особой ценности для части российского общества, например, для декабристов. Так, одним из аспектов в процессе изучения наполеоновского наследия, становится определение тех факторов, которые привели, с одной стороны, к возвеличиванию образа Наполеона не только во Франции, но и в России, а с другой, – способствовали его демонизации, превращению в символ деспотизма и самовлюбленности.

Представляется особенно интересным выявить те аспекты, которые повлияли на эволюцию представлений о Наполеоне в российском обществе. На протяжении XIX в. образ императора французов в России заметно изменялся. Трансформация представлений о нем вызывалась воздействием ряда объективных факторов: ростом антивоенных настроений в Европе, формированием новой системы международных отношений, основы которой были заложены на Венском конгрессе 1815 г., развитием рыночных экономических отношений, становлением национальных государств, чередованием эпох социальной стабильности и революционных изменений, приходом к власти новых политических лидеров и т.д. Свою роль сыграли и изменения в духовной жизни Европы, когда на смену романтическим и идеалистическим представлениям, доминирующим в сознании ее интеллектуальной элиты и создававшим ореол исключительности вокруг образа Наполеона, шли расчетливый позитивизм и суровый реализм, ставившие под сомнение роль личности в истории.

В качестве немаловажного фактора, заметно повлиявшего на эволюцию наполеоновского мифа в российском обществе, были те взгляды и установки, которые продуцировали и развивали западноевропейские мыслители и государственные деятели, оставившие заметный след в общественно-политической и культурной жизни России в годы наполеоновских войны, а также в период 1820–1830-х гг. В этой связи весьма ценным является обращение к наследию французских эмигрантов, которые волею судеб оказались в России, перейдя на службу российскому императору или находясь в стране в рамках дипломатической миссии. Изучение взглядов французских деятелей представляется особенно интересным потому, что их анализ позволяет не только проследить за формированием идейных установок и воздействием целого ряда факторов на их эволюцию ([Les noblesses françaises dans l'Europe de la Révolution, 2010](#)), но и выявить механизмы их рецепции в России. Отмеченные факторы были связаны и с событиями эпохи (как в случае с российскими

мыслителями), и с личными, психологическими установками, симпатиями и, наоборот, антипатиями французских эмигрантов. Однако, несмотря на подобную субъективность в суждениях, когда эмоции зачастую брали верх над реальным отражением текущей ситуации, оценки, даваемые французскими мыслителями, находили отклик в российском обществе, обретали популярность при русском дворе, влияли на воззрения многих отечественных общественно-политических деятелей.

Особое место в жизни русского общества, развитии его самосознания приобрел Жозеф де Местр, французский философ, сардинский дипломат, общественно-политический и религиозный мыслитель, оказавшийся с дипломатической миссией в России в 1803–1817 гг. (Miquel, 2000). Если использовать современную терминологию, то его можно назвать подлинным агентом антинаполеоновского влияния в России.

Ж. де Местр родился в г. Шамбери, в Савойе – регионе, находящимся на юго-западе современной Франции в предгорье Альп. Во второй половине XVIII в. Савойя являлась частью Сардинского королевства, которое в 1792 г. было оккупировано французскими войсками. Де Местр эмигрировал в Швейцарию, где начал публиковать свои первые политические сочинения, в которых выступил с острой критикой вначале Французской революции, а затем и наполеоновского режима. Оказавшись в Петербурге в качестве сардинского посланника, философ развил свои консервативные взгляды, оказав существенное влияние на эволюцию отечественной общественной мысли, на внутри и внешнеполитический курс России ([Documents concernants la Russie](#)).

2. Материалы и методы

При решении поставленной задачи авторы использовали комплекс методов и подходов. Так, при освещении различных явлений и особенностей интеллектуальной истории, наиболее адекватным представляется использование цивилизационного подхода. Учет социокультурных реалий определенного общества, его ментальных установок позволяет выявить их объективное содержание и значение.

Системный подход использовался авторами при изучении историографии вопроса, а также для комплексного исследования образа Наполеона и идейных установок его основных интерпретаторов: представителей как российской, так и французской общественной мысли.

Кроме того, предполагается использование методов, применяемых в имагологических исследованиях. Данное научное направление дает возможность изучить эволюцию образа «другого» в сознании определенного социума (См. например, [Мосейкина, 2012](#)). В рамках исследования использовался также персонифицированный подход, позволяющий глубже изучить жизнь и взгляды ряда общественно-политических деятелей, в частности Ж. де Местра, а также отечественных консерваторов. Основной целью подобного анализа являлась необходимость определения влияния мировоззрения, свойств характера того или иного мыслителя на эволюцию представлений о личности Наполеона и его роли в истории.

Сравнительно-исторический метод позволил выявить общее и особенное в представлениях отдельных мыслителей, реконструировать образ Наполеона и его эволюцию.

В рамках изучения данной темы было осуществлено аналитическое сравнение французской и российской историографической традиции как в исследовании образа Наполеона, так и отдельных воззрений общественно-политических деятелей России и Франции. Важной составляющей данной работы явилось выявление комплекса источников, отражающих образ Наполеона в документах и публикациях представителей ключевых направлений общественной мысли России и Франции XIX в. Авторы, в частности, обратились к материалам, хранящимся в фондах архива г. Шамбери, в котором сосредоточена основная коллекция эпистолярного и публицистического наследия Ж. де Местра ([Archives de Joseph de Maistre; Correspondance. Lettres de de Joseph de Maistre](#)). Некоторые из источников впервые вводятся в научный оборот, что представляет несомненную значимость для специалистов.

3. Обсуждение

Современное состояние исследований по данной проблеме отличается следующими противоречивыми чертами: с одной стороны, в отечественной и французской историографии при всем многообразии работ, посвященных как общим проблемам истории Франции начала XIX в., так и личности Наполеона ([Hazareesingh, 2005; Napoléon. De l'histoire à la légende, 1999; Тарле, 1993; Тюлар, 1996](#)) до сих пор не была поставлена специальная научная задача выявления и изучения эволюции его образа в общественной мысли отдельно взятой страны. Правда, в России в связи с двухсотлетним юбилеем Отечественной войны 1812 г. появились первые изыскания, наметившие подходы к изучению данной проблемы ([Секиринский, 2012](#)).

Однако исследователи практически не обращались к вопросу о влиянии французских эмигрантов, религиозных мыслителей на процесс трансформации образа Наполеона в России. Вместе с тем, анализ данной проблемы дает возможность выявить не только истоки консервативного течения российской общественной мысли, но и на примере отношения к французскому императору дифференцировать ее отдельные направления.

Изучение данной темы существенным образом расширяет концептуальные рамки исследований еще одного немаловажного аспекта, практически не нашедшего отражения в работах отечественных и зарубежных авторов. Речь идет о внешнеполитических взглядах российских общественных деятелей XIX в. Консервативные концепции внешней политики России детально проанализированы А.В. Репниковым (Репников, 2007), рассмотревшим, однако, лишь те из них, которые оформились в конце XIX – начале XX вв. Изучение внешнеполитических воззрений отечественных мыслителей 1830–1870-х гг. представляет научную значимую тему, т.к. ее разработка позволяет проследить за восприятием важнейших международных событий представителями российского общества. Исследуя взгляды отдельных мыслителей России, историки зачастую обращаются и к их геополитическим аспектам (Линькова, 2014).

Внешнеполитическую концепцию русских либералов осветил в своей статье Р.А. Арсланов. Автору удалось установить присущее либерализму того времени сочетание патриотизма, защиты национальных интересов и поддержки внешней политики государства, с частую противоречащей им приверженностью идеям свободы, национального суверенитета и критики некоторых действий правительства на международной арене (Arslanov, Kurylev, 2017).

Образ Наполеона Бонапарта становится релевантным для российского общества уже в конце XVIII в., когда начала восходить его звезда. Итальянская военная кампания, российско-французское противостояние, «Переворот 18 брюмера» и избрание Наполеона Первым Консулом Французской республики, а затем его превращение в «императора всех французов» – все эти события находят отклик в России. Наполеон предстает в ореоле славы и громких побед, его образ, порой скорректированный самим правителем, становится своеобразным примером личного успеха для многих представителей русского дворянства.

Имидж Бонапарта меняется в годы Отечественной войны 1812 г. Причиной тому послужили вполне объективные факторы: людские и материальные потери, наконец, сожжение Москвы – все это самым негативным образом влияло на эволюцию представлений о Наполеоне. В глазах прежних почитателей он превращается в злого гения, тирана, направившего свои таланты и достоинства в русло разрушения. Исследователи отмечают, что именно в ходе Отечественной войны 1812 г. формируется особый «народный» образ императора французов, получивший негативную окраску (Наполеон в России глазами русских, 2004).

Немаловажную роль в эволюции образа Наполеона сыграло влияние воззрений ряда государственных и общественно-политических деятелей Франции, находившихся на службе в России. Именно французские роялисты, в большинстве своем разделявшие консервативные убеждения, находясь при дворе российского императора, существенным образом изменили представления о Наполеоне среди российского дворянства. Отечественные консервативные мыслители в своих размышлениях о природе власти Наполеона, о его судьбе и наследии, во многом опирались на суждения его французских критиков.

В этой связи идеи Ж. де Местра представляют особый интерес для исследователей. Как уже отмечалось, де Местр фактически являлся эмигрантом, оказавшимся в сложной жизненной ситуации вследствие французской революции и прихода к власти Наполеона. Безусловно, данный факт сыграл определенную роль в процессе формирования его отношения к французскому императору. Таким образом, при изучении взглядов мыслителя, необходимо учитывать психологические, личностные факторы. Однако, превратности судьбы, сложное положение, в котором оказался де Местр, не помешали ему внимательно проанализировать суть режима Наполеона и сделать определенные выводы, которые впоследствии легли в основу консервативных установок таких отечественных мыслителей, как Ф.И. Тютчев, И.С. Аксаков, М.Н. Катков и др.

Обращаясь к представлениям Ж. де Местра о власти, личности и деятельности (военной, дипломатической, внутриполитической) Наполеона Бонапарта, можно выявить некоторые характерные черты. Во-первых, отношение де Местра к Наполеону носило резко отрицательный характер. Так, сардинский посланник убеждал российского императора Александра I, что «власть «корсиканского жандарма» долго не просуществует» (Miquel, 2000: 79). Де Местр явно не воспринимал Наполеона как легитимного правителя вследствие обстоятельств его прихода к власти и результатов дальнейшей деятельности как внутри страны, так и за ее пределами. Наполеон, согласно мнению де Местра, поколебал баланс сил в Европе и, по своей сути, он является амбициозным авантюристом. Его действия несут опасность всему миру, а масштаб их последствий сравним с результатами нашествий Чингисхана и Атиллы. Кстати, именно сравнение де Местра закрепило в исторической памяти за Наполеоном имя «Тамерлана из Аяччо» (Miquel, 2000: 145). Вот почему французский мыслитель спорил как со своими соплеменниками, например, с Коленкур (называвшим Бонапарта «великим человеком») (Коленкур, 1994: 6), так и с представителями русского дворянства, которые восхищались Наполеоном. Любопытны те эпитеты, которыми де Местр награждал императора французов. Он называл его «узурпатором» (Maistre, 1884: 350), отмечал, что если такая та сила и помогает Наполеону, то это «дьявол-хранитель» (Maistre, 1884: 194).

По мнению де Местра, сила личности и власти Наполеона заключалась в том, что он, как и Чингисхан, сумел увлечь за собой и своей идеей огромные народные массы, завладев умами и сердцами людей. И в этой ситуации полагаться можно лишь на единственно верное средство – на

сохранение собственного мировоззрения, идей и принципов. «Так как в настоящее время невозможно планировать восстановление королевской власти во Франции...остается одно: «как говорят аскеты, необходимо владеть собственными душами... Обстоятельства меняют тон музыки. Все эти изменения мне не нравятся, но, уже давно готовый ко всему, я ничему не удивляюсь. Как я уже говорил Вам..., Европа принадлежит Бонапарту, но наши сердца принадлежат нам» (*Triomphe, 1968: 229*).

Де Местр, как, впрочем, и другие французские роялисты и противники Наполеона, доказывал, что необходимо разделять в своем понимании французский народ, его интересы и цели, и французского императора, движимого лишь собственными амбициями, тем что впоследствии Ф.И. Тютчев метко назвал «самовластием человеческого я» (*Тютчев, Т.3, 2003: 145*). Вот почему в период военных действий де Местр призывал не забывать о том, что «это война не Англии, не России, не Пруссии и т.д., это война европейская,... будет большой ошибкой вести войну против Франции, ...это война Европы против Бонапарта» (*Maistre, 1884: 217*). Известно, что сам Наполеон как раз доказывал обратное, настаивая на общности коренных интересов европейских народов: «Англичане, французы, немцы, итальянцы и т.д. живут по единым гражданским законам, имеют схожие нравы, привычки и почти одинаковую религию, все они члены одной семьи и те люди, которые хотят разжечь среди них вражду на самом деле способствуют гражданской войне» (*Napoléon, 1969: 361*). Однако, французские роялисты и консервативные мыслители, в числе которых выделяется фигура де Местра, полагали, что сущность европейского развития состоит не в революции, а в поступательном эволюционном движении. И в этом смысле «политическая проблема заключается только в том, чтобы убедить французов, что война ведется только против Бонапарта, и что у них никогда не будет мира с Европой, если во главе Франции останется Наполеон» (*Miquel, 2000: 145*). В подтверждение данного суждения весьма интересным является обращение к официальным документам, к источникам, лишенным эмоциональной подоплеки и личных суждений. Так, например, в Актах Временного правительства, изданных 2 апреля 1814 г. и адресованных французской армии, провозглашалось следующее: «Солдаты, Франция только что освободилась от ига, под которым она жила в течение долгих лет... Посмотрите, что Вам пришлось вынести из-за тирании человека, под чьими знаменами вы воевали... Солдаты, пришло время положить конец всем бедам родины; мир в ваших руках...» (*Moniteur Universel, 2 avril 1814: 1*).

Важно отметить, что именно в России де Местр видел ту плодотворную силу, которая способна противостоять Наполеону. Мыслитель ждал от русского императора решительных действий и досадовал, если они не осуществлялись. Этот факт отмечали и другие современники наполеоновских войн. Например, Коленкур, описывая положение французской армии после разгрома Наполеона, писал, что «несмотря на наши неудачи и наши бедствия, несмотря на успехи русских и предательство пруссаков, представление о закаленном характере императора, о его железной воле и о его планах расширения Франции было таково, что, по общему мнению, препятствия к умеренному миру могли возникнуть скорее с его стороны, чем со стороны России, а между тем, после того как русская армия переступила границы своей страны и не была больше ей в тягость, требования России и ее планы мщения должны были расти и побуждать ее не так спешить с переговорами» (*Коленкур, 1994: 437*).

Победа над Наполеоном привела Россию к фактически лидирующему положению на континенте. «Все те изменения, которые происходили в Европе между 1807 и 1812 гг., оказали, – по словам Коленкура, – огромное влияние на события, ... ибо они отдали в руки России ключ к решению европейских судеб...» (*Коленкур, 1994: 5*).

Итак, по мнению Ж. Де Местра, Наполеон – это антигерой, узурпатор и тиран, который заслуживает не восхищения, а всеобщего осуждения. Мыслитель предрекал императору трагическую судьбу, полагая, что «Наполеон потерял голову, ... и может быть спасен только благодаря своей счастливой звезде; но когда веришь звездам, то, в конце концов, будешь обманут» (*Maistre, 1884: 206*). Эти идеи де Местр старался распространять при русском дворе, ведя идейную борьбу с почитателями французского императора. В этой связи возникает вопрос о степени влияния сардинского посланника на умы российского дворянства, в частности придворных кругов и самого императора. Известно, что Ж. де Местр был частым гостем великосветских салонов Петербурга. Следует учесть, что салоны были центрами общения знати, тем местом, где разворачивались дискуссии и формировалось общественное мнение, складывались и развенчивались политические и литературные репутации человека (*Lilti, 2009*).

Сардинский посланник был желанным гостем в домах петербургской элиты. «Не имея возможности бывать у всех», де Местр, по его словам, «избрал лишь самых влиятельных особ, наиболее приближенных к солнцу» (*Парсамов, 2010: 249*). Так, период 1807–1810 гг. В.С. Парсамов называет временем наибольшего влияния де Местра на «умы русской знати», отмечая, что «чем ничтожнее было действительное значение Сардинского королевства на политической карте Европы, тем большую значимость стремился придать де Местр своей дипломатической миссии в Петербурге» (*Парсамов, 2010: 249*).

Особым средством формирования общественного мнения, своеобразным «каналом воздействия» стали письма мыслителя русским сановникам. Среди государственных и общественных деятелей, которые имели дружеские отношения с де Местром, в ходе научных изысканий нами были выявлены А.В. Кочубей, А.К. Разумовский, С.С. Уваров, А.П. Толстой, и др. Сардинский посланник

состоял в официальной переписке с такими государственными деятелями, как Д.А. Гурьев, К.В. Нессельроде, И.А. Каподистрия (Maistre, 1884. Т. 13; Archives de Joseph de Maistre).

Известны оценки де Местра, даваемые ему в тот период его корреспондентами, например: «Ума палата, учености бездна, говорит, как Цицерон...» (Парсамов, 2010: 250).

В.С. Парсамов, исследуя влияние идей де Местра на становление мировоззрения отдельных декабристов, приводит слова А.С. Стурдзы, который отмечал, что этот «государственный, кабинетный и салонный муж не имел равного себе в аристократическом обществе, в котором он господствовал» (Парсамов, 2010: 250).

Для многих современников де Местра – российских общественных и государственных деятелей изучаемой эпохи, Наполеон не без влияния слов мыслителя на самом деле превращался в злого гения. Достаточно вспомнить высказывания Ф.В. Ростопчина, А.С. Шишкова, в которых сквозит неприязнь по отношению к французскому императору, прослеживаются оценки и суждения де Местра. Московский градоначальник был известен своей непримиримой борьбой с галломанией, проявлявшейся среди российского дворянства, в том числе и в особом пиите по отношению к Наполеону. Ростопчин напоминал, что даже если «иной вздумает, что Наполеон за добром идет», то «его дело кожу драть; обещает все, а выйдет ничего» (Ростопчин, 2014: 150-151).

Однако суждения современников наполеоновских войн отличаются определенной субъективностью. Особый интерес представляют воззрения тех мыслителей и общественно-политических деятелей, которые имели возможность взглянуть на события по прошествии определенного количества времени, абстрагируясь от эмоций и личных впечатлений. Так, например, одним из первых отечественных мыслителей, который попытался дать свою оценку феномену бонапартизма и, в частности, фигуре самого Наполеона, был Ф.И. Тютчев. Именно в творческом наследии русского поэта, дипломата и общественно-политического деятеля отразилась вся противоречивость и сложность образа французского императора, вся неоднозначность его восприятия русским общественным сознанием. Безусловно, воззрения Ф.И. Тютчева о Наполеоне в определенной степени складывались под влиянием событий 1812 г.; времени, на которое пришлись детские годы будущего поэта. Однако позднее, в зрелом возрасте, проанализировав весь масштаб личности и деяний французского императора, Ф.И. Тютчев в переписке, в публицистических и поэтических произведениях сумел представить всю масштабность и противоречивость фигуры Наполеона Бонапарта, влияние его деятельности на судьбу России и, даже, на развитие русской национальной идеи.

В тютчевском образе Наполеона мы прослеживаем и трагизм судьбы французского героя, и величие исторической личности, изменившей Европу, и доказательство безнадежности идей Революции и гегемонистских устремлений перед лицом православных ценностей России, перед силой духа ее народа.

Тютчев во многом продолжает мысли де Местра. В частности, он развивает идею, что Наполеон это, прежде всего, порождение Революции – явления, чуждого русской духовной и политической традиции. В книге «Размышления о французской революции» де Местр писал о потрясшем весь мир событии как о «дьявольском феномене», «наказании за грехи» (Местр, 1995: 8). Французский философ настаивал, что права человека, равенство – это не более чем «фикция и политическая риторика» (Местр, 1995: 313). В его глазах, как и впоследствии в воззрениях отечественных консерваторов, революция не несет в себе общечеловеческих ценностей и не стоит тех жертв и потрясений, которые ей сопутствуют. Наполеон же – «продукт» Революции, ее «покорный и слепой слуга и только» (Леонтьев, 2010: 648), поэтому именно с ней связана природа его власти и его деяния.

Заслуживает особого внимания и мысль де Местра о революции как «наказании за грехи». В ней слышится имплицитный урок власти предержавцам, напоминание о том, что ее бездуховная политика может вызвать страшные потрясения.

Парадоксально перекликается с этой мыслью суждение Ф.И. Тютчева о том, что, несмотря на все величие и масштаб личности правителя, любые его великие помыслы, лишённые нравственного содержания, ведут лишь к разрушению и ниспровержению. В свою очередь лишь христианские начала должны лежать в основе деятельности людей масштаба Наполеона. Без особого, христианского наполнения, следуя лишь собственным эгоистическим амбициям, стремлению к самоутверждению и самовозвеличиванию, они испытают поражение, как духовное, так и политическое. Путь и помыслы Наполеона были далеки от христианских ценностей, он не обладал неким сокровенным знанием, которое было у России:

«Но освящающая сила,

Непостижимая уму,

Души его не озарила

И не приблизилась к нему» (Тютчев, 2003. Т. 2: 243-244).

Таким образом, для Тютчева закономерный исход трагической судьбы Наполеона обуславливались бездуховностью его помыслов и деяний.

Как отмечал И.С. Аксаков, анализируя причины поражения Наполеона и природу его противостояния с Россией, «... сила этого гордого гения сокрушилась не о вещественную мощь России, а о нравственную силу русского народа, – его смирение и веру» (Аксаков, 2008: 525).

В суждениях русских мыслителей прослеживаются те установки, которые были свойственны воззрениям Ж. де Местра, т.е. идеи о необходимости христианского наполнения власти, без которого любой правитель в итоге потерпит закономерное поражение. В поэтической форме о столкновении амбиций Наполеона с идеей святости, духовной силой России, писал А.С. Хомяков:

«И в те дни своей гордыни
Он пришел к Москве святой,
Но спалил огонь святыни
Силу гордости земной...» (Хомяков)

Для отечественных мыслителей, в равной степени как и для представителей французского консерватизма, таких как Ж. де Местр, религиозная константа является основополагающим ядром существования того или иного государства, важнейшим условием легитимизации власти. Христианские ценности неразрывно связаны с исторической традицией государственности, поэтому их отрицание приводит к Революции, кровавым потрясениям и утрате единства общества.

Трактовка отечественными консерваторами места и роли Наполеона в судьбах России отличается противоречивостью. С одной стороны, продолжая мысли де Местра и других французских роялистов и консервативных мыслителей (например, Ш.А. Поццо ди Борго (Линькова, 2017), российские общественно-политические деятели писали о Наполеоне как о разрушительной силе. С другой, – подчеркивали особую значимость столкновения России с наполеоновской Францией, благодаря которому стало возможно подлинное самоопределение России, укрепление ее роли на международной арене.

Как справедливо отмечал В.Г. Сироткин, «русская классическая литература XIX в. не обошла вниманием Наполеона. Практически у каждого отечественного крупного поэта и писателя... в творчестве – со знаком «плюс» или знаком «минус» – отражены жизнь и творения «гения эпохи». (Сироткин, 2000: 267). Например, А.С. Пушкин в своем стихотворении на смерть Наполеона, отмечал, что французский император «русскому народу» «высокий жребий указал» (Пушкин, 1956: 65). Рост национального самосознания, ставший одним из результатов победы в Отечественной войне 1812 г., благодаря рефлексии духовной элиты привел к пониманию народом себя и своей исторической миссии. И.С. Аксаков, вспоминал слова императора французов, положительным аспектом деятельности которого считал подъем чувства национальной гордости русского народа: «Стоит только русскому императору отпустить себе бороду, и он непобедим», – гениально сказал Наполеон» (Аксаков, 2002: 221).

Таким образом, согласно мысли И.С. Аксакова, во многом наполеоновские войны привели к пониманию России себя в мире, к осмыслению связи народа с властью. Национальная идентичность формируется, прежде всего, через народные страдания, пережитые тяготы войны. Свою роль сыграло и непосредственное знакомство с западной цивилизацией, ярким воплощением которой был Наполеон.

В некоторой степени, повторяя деместровскую трактовку личности и деятельности французского императора, российские общественно-политические деятели консервативного направления подчеркивали разрушительный характер наполеоновской эпохи. Так, К.Н. Леонтьев писал, что деяния Наполеона, воспринимаемые многими современниками как благо, как порыв, результатом которого должно было стать процветание, в итоге принесли бедствия и сокрушение Франции. «Мы видели, что это стремление, внося вначале в общество действительно нечто новое, давая даже возможность на короткое время обществу выделять из себя небывалые прежде характеры, ... новые и крайне сильные в своей выразительности и влиянии типы людские (Наполеоны, Гарибальди, Бисмарки и т. п.) – слишком скоро изнуряет дотла психические запасы обществ и делает их неспособными к долговому, после этих порывов, существованию» (Леонтьев, 2010: 254). Вслед за де Местром, отечественные мыслители, отмечали антихристианские по своей природе амбиции Наполеона, но, в отличие от сардинского посланника, не отказывали ему в величии, в признании его роли для судеб европейского мира: «...положение Франции было бы теперь иное, если бы она, уже изнуренная демократизацией, могла бы произвести что-либо великое, подобное Наполеону...» (Леонтьев, 2010: 331).

5. Заключение

Изучая отношение российских мыслителей к Наполеону Бонапарту, можно сделать вывод, что образ французского императора менялся благодаря ряду факторов. Во-первых, речь идет о международных событиях, о политических предпочтениях и симпатиях. Но в определенной мере заслуга в развенчании мифа о Наполеоне как великой исторической личности, герое, чьи подвиги могли бы служить примером, принадлежит идейным оппонентам французского императора, коим в первую очередь выступали французские эмигранты, консервативные и религиозные мыслители, такие как Ж. Де Местр. Сардинский посланник, пользуясь определенным влиянием при русском дворе, авторитетом среди деятелей консервативного течения общественной мысли России, методично доказывал всю эфемерность величия Наполеона, призрачность его достижений, бездуховность замыслов, чуждость его идей и устремлений как французскому народу, так и Европе в целом. Безусловно, как и во французском обществе, так и в сознании отдельных российских мыслителей

сохранилась тенденция, связанная с возвеличиванием Наполеона, тем более что европейский миропорядок в 1820–1830-е гг., после низвержения и смерти французского императора не стал по своей сути более гуманным. Однако, как справедливо отмечал французский исследователь культуры Наполеона Люкас-Дюбертон, уже в 1820-е гг. стало очевидно, что «...настоящих бонапартистов больше не существует. Осталось восхищение Наполеоном, но оно не подкреплялось какой бы то ни было существенной концепцией» (Lucas-Dubreton, 1959: 252).

И даже если мыслителям, подобным Ж. де Местру, не удалось окончательно разрушить определенный стереотип восприятия Наполеона, который складывался еще в 1790 – начале 1800-х гг., то образ Наполеона в большей степени ассоциировался с такими явлениями, как узурпация власти, абсолютизация насилия и безнравственность, как попытка силой оружия сплотить европейское общество. П.А. Вяземский отмечал, что «Тьер и другие французские историки готовы сказать, что Наполеон пал победителем» (Вяземский, 2003: 936), однако сути отношения к императору это не меняет.

В российском обществе в посленаполеоновскую эпоху складывается два образа французского императора: герой и враг. «Сомнения... относительно Наполеона: кто он, гений или злодей? – типичны для русского дворянского общественного мнения после 1814 г., которое чем дальше в историю удалялась героическая патриотическая эпоха «грозы 12-го года», тем более раскалывалось на монархистов-патриотов и либеральных демократов. Постепенно уходит первоначальное представление о том, что Наполеон – просто банальный завоеватель вроде Чингисхана или Батюга», на чем в свое время настаивал Ж. де Местр. Однако в восприятии наследия Наполеона российскими мыслителями, в том числе консервативного направления, прослеживается понимание того, что кем бы ни был по сути своей Наполеон, «он оставил гигантский след в европейском и мировом военном искусстве, государственном управлении и экономике...» (Сироткин, 2000: 275).

Исследование восприятия личности и деятельности Наполеона в российской общественной мысли дает возможность проследить за ее эволюцией, установить факторы, которые определяли различия в его трактовках. Кроме того, проблема образа Наполеона приобрела в общественном сознании роль своеобразного оселка, дающего возможность выявить содержание и направленность того или иного идейного дискурса.

Исследования заявленной темы показало еще один немаловажный аспект: через восприятие Наполеона тем или иным общественным деятелем России можно проследить представления о западноевропейской цивилизации в целом, воплощением которой во многом являлся французский император. Более того, изучение данной проблемы дает возможность реконструировать отношение к культуре и истории Франции, символом которой во многом является образ великого императора.

Как справедливо отметил посол Франции в России, Ж. де Глиниasti связи России и Франции развивались «через книги и знания, позднее через железо и кровь, и, наконец, через людей» (Guidiplo, 2011: 77). В этой связи фигура Наполеона Бонапарта – это как раз та знаковая личность, которая объединяет Россию и Францию. С одной стороны, император французов – это военный враг России, идейный оппонент российского государства, с другой, – идеальный герой, чья судьба, головокружительная военная и политическая карьера стала примером, своеобразной моделью для части русской элиты, движимой мечтой о подвигах и величии государства. Его образ противоречив, он неоднозначно оценивался как французскими, так и российскими мыслителями. Однако одно оставалось неизменным – особый интерес к личности и деятельности Наполеона Бонапарта, попытки осмыслить его роль в мировой истории, в судьбе России. Обращение к творческому наследию французских эмигрантов и консерваторов создает благоприятные условия для расширения исследовательского поля.

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Программы «РУДН 5-100».

Литература

- Аксаков, 2002 – Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002.
 Аксаков, 2008 – Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. М., 2008.
 Вяземский, 2003 – Вяземский П.А. Старая записная книжка. 1813-1877. М., 2003.
 Коленкур, 1994 – Коленкур А. де Мемуары: Поход Наполеона на Россию. М., Таллин, 1994.
 Консерватизм в России и мире, 2004 – Консерватизм в России и мире. В 3-х ч. Воронеж, 2004.
 Леонтьев, 2010 – Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М., 2010.
 Линькова, 2014 – Линькова Е.В. Внешнеполитический курс Николая I в оценках отечественных консерваторов первой половины XIX в. // Вестник РУДН. Серия «История России». 2014. № 1. М., 2014. С. 17-24.
 Линькова, 2017 – Линькова Е.В. Шарль Андре Поццо ди Борго – корсиканец на русской службе, «решивший судьбы Франции» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». Т. 16(3). М., 2017. С. 602-616.
 Местр, 2007 – Местр Ж. де Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции. СПб., 2007.

- Местр, 1995 – Местр Ж. де Петербургские письма. 1803–1817. СПб., 1995.
- Мосейкина, 2012 – Мосейкина М.Н. Аргентина и аргентинцы в восприятии российских эмигрантов конца XIX – первой трети XX в. // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*. Вып. 6(1). В 2-х частях. М., 2012. С. 150-160.
- Наполеон в России глазами русских, 2004 – Наполеон в России глазами русских. М., 2004.
- Парсамов, 2010 – Парсамов В.С. Декабристы и Франция. М., 2010.
- Понасенков, 2018 – Понасенков Е.Н. Первая научная история войны 1812 года. М., 2018.
- Пушкин, 1956 – Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 2. М., 1956.
- Репников, 2007 – Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.
- Ростопчин, 2014 – Ростопчин Ф.В. Мысли вслух на Красном крыльце. М., 2014.
- Русский консерватизм XIX столетия, 2000 – Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.
- Секиринский, 2012 – Секиринский С.С. Изгнание Наполеона из России и трансформация образа поверженного врага в национальной культурной памяти / Отечественная война 1812 года в культурной памяти России. М., 2012. С. 313-373.
- Сироткин, 2000 – Сироткин В.Г. Наполеон и Россия. М., 2000.
- Тарле, 1993 – Тарле Е.В. Наполеон. Минск, 1993.
- Тюлар, 1996 – Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «спасителе». М., 1996.
- Тютчев, 2003 – Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т. 2, 3. М., 2003.
- Хомяков – Хомяков А.С. На перенесение Наполеонова праха// <http://biblioteka-poeta.ru/naperenesenie-napoleonova-praha/homyakov-a-s> (Available at 05/02/2018)
- Цимбаев, 2007 – Цимбаев Н.И. Историсофия на развалинах империи. М., 2007.
- Archives de Joseph de Maistre – Archives de Joseph de Maistre et de s famille, manuscrits et correspondance. Les Archives départementales de la Savoie. 2J 1-91.
- Arslanov, Kurylev, 2017 – Arslanov R.A., Kurylev K.P. West European Countries and Their Foreign Policy in the Views of the Russian Liberals of Mid-to-Late Nineteenth Century // *The International History Review (RINH)*. pp. 1-23.
- Bénardeau, 2004 – Bénardeau C. Napoléon dans la littérature. Nouveau monde éditions/Fondation Napoléon, 2004.
- Correspondance. Lettres de de Joseph de Maistre – Correspondance. Lettres de de Joseph de Maistre. Les Archives départementales de la Savoie. 2J 38. V.2, 15; 2J 33; 2J 40. V. 34.
- Documents concernant la Russie – Documents concernant la Russie, et le royaume sarde dans ses rapports avec la Russie: declarations, oukazes, mémoires, faites et manifestes, correspondance, presse 1792–1816. Les Archives départementales de la Savoie. 2J 29.
- Guidiplo, 2011 – Guidiplo. L'Exeption France – Russie. Girona, 2011.
- Hazareesingh, 2005 – Hazareesingh S. La légende de Napoléon. Editions Tallandier, 2005.
- Immagini napoleoniche per la Galleria Demidoff, 1987 – Immagini napoleoniche per la Galleria Demidoff. Provincia di Livorno. Pisa, Pacini Editore, 1987.
- Kern, 2009 – Kern E. L'impossible commémoration de Napoléon. De Napoléon III à Nicolas Sarkozy. Edilivre universitaire collection, 2009.
- Les noblesses françaises dans l'Europe de la Révolution, 2010 – Les noblesses françaises dans l'Europe de la Révolution. Rennes, Clermont-Ferrand: Presses Universitaires de Rennes & Presse Universitaire Blaise-Pascal Rennes, Clermont-Ferrand, 2010.
- Lilti, 2009 – Lilti A. Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. Fayard, 2009.
- Lucas-Dubreton, 1959 – Lucas-Dubreton J. Le culte de Napoléon. 1815–1848. Paris, Editions Albin Michel, 1959.
- Maistre, 1859 – Maistre J. de L'esprit du comte J. de Maistre, précédé d'un essai sur sa vie et ses écrits. Paris, Gaume frères et J. Duprey éditeurs. 1859.
- Maistre, 1884 – Maistre J. de Oeuvres complètes. V. 1-13. Lyon: Vitte et Perrussel, Editeurs-imprimeurs, 1884.
- Maistre, 1992 – Maistre J. de De la souveraineté du peuple. Un anti-contrat social. Paris, Presses Universitaires de France, 1992.
- Maistre, 2007 – Maistre J. de Oeuvres. Paris, Editions Robert Laffont, 2007.
- Miquel, 2000 – Miquel B. Joseph de Maistre. Un philosophe à la cour du tsar. Paris, Albin Michel, 2000.
- Moniteur Universel, 2 avril 1814 – Moniteur Universel, Paris, 2 avril 1814. Акты Временного правительства, адресованные французской армии. Париж, 2 апреля 1814. р. 1.
- Napoléon par Chateaubriand, 1969 – Napoléon par Chateaubriand. Paris, Editions Albin Michel, 1969.
- Napoléon, 1969 – Napoléon. Pensées politiques et sociales, rassemblées et présentées par A. Dansette. Flammarion, 1969.

Napoléon. De l'histoire à la légende, 1999 – Napoléon. De l'histoire à la légende. Actes du colloque des 30 novembre et 1er décembre 1999 – à l'auditorium Austerlitz du musée de l'Armée, Hôtel national des Invalides. Editions In Forma. Maisonneuve et Larose, 1999.

Pranchère, 2004 – *Pranchère J.-Y.* L'autorité contre les lumières. La philosophie de Joseph de Maistre. Genève, Librairie Droz, 2004.

Triomphe, 1968 – *Triomphe R.* Joseph de Maistre. Etude sur la vie et sur la doctrine d'un matérialiste mystique. Genève, Librairie Droz, 1968.

Vergé-Franceschi, 2016 – *Vergé-Franceschi M.* Pozzo di Borgo. L'ennemi juré de Napoléon. Paris, 2016.

References

Aksakov, 2002 – *Aksakov I.S.* (2002). Otchego tak nelegko zhivetsja v Rossii? [Why is it so difficult to live in Russia?] Moscow. [in Russian].

Aksakov, 2008 – *Aksakov I.S.* (2008). Nashe znamja – russkaja narodnost'. [Our banner – the Russian nation] Moscow. [in Russian].

Vjazemskij, 2003 – *Vjazemskij P.A.* (2003). Staraja zapisnaja knizhka. 1813–1877. [An Old notebook. 1813–1877] Moscow. [in Russian].

Kolenkur, 1994 – *Kolenkur A. de* (1994). Memuary: Pohod Napoleona na Rossiju. [Memoirs: Napoleon's Campaign in Russia] Moscow, Tallin. [in Russian].

Konservatizm v Rossii i mire, 2004 – Konservatizm v Rossii i mire. V 3-h ch. [Conservatism in Russia and in the world. In 3 parts] Voronezh, 2004. [in Russian].

Leont'ev, 2010 – *Leont'ev K. N.* (2010). Slavjanofil'stvo i grjadushhie sud'by Rossii. [Slavophilism and the future fate of Russia] Moscow. [in Russian].

Lin'kova, 2014 – *Lin'kova E.V.* (2014). Vneshnepoliticheskij kurs Nikolaja I v ocenkah otechestvennyh konservatorov pervoj poloviny XIX v. *Bulletin of Peoples` Friendship University of Russia. Series "Russian History"*. № 1. Moscow. pp. 17-24. [in Russian].

Lin'kova, 2017 – *Lin'kova E.V.* (2017). Charl' Andre Pocco di Borgo – korsikanec na russoj sluzhbe, «reshivshij sud'by Francii». *Bulletin of Peoples` Friendship University of Russia. Series "Russian History"*. V. 16(3). Moscow. pp. 602-616. [in Russian].

Mestr, 2007 – *Mestr Zh. de* (2007). Chetyre neizdannye glavy o Rossii. Pis'ma russskomu dvorjaninu ob ispanskoj inkvizicii. [Four unpublished chapters on Russia. Letters to a Russian gentleman on the Spanish Inquisition]. Saint-Peterbourg. [in Russian].

Mestr, 1995 – *Mestr Zh. de* (1995). Peterburgskie pis'ma. 1803–1817. [Saint-Peterbours` letters. 1803-1817]. Saint-Peterbourg. [in Russian].

Moseikina, 2012 – *Moseikina M.N.* (2012). Argentina i argentincy v vosprijatii rossijskih jemigrantov konca XIX – pervoj treti XX v. [Argentina and the Argentines in the perception of Russian emigrants of the late XIX – early XX century]. *Russia and the world through the eyes of each other: the history of the perception*. Vol. 6.(1). In 2 parts. Moscow. pp. 150-160. [in Russian].

Napoleon v Rossii glazami russskih, 2004 – Napoleon v Rossii glazami russskih. [Napoleon in Russia through Russian eyes]. Moscow, 2004. [in Russian].

Parsamov, 2010 – *Parsamov V.S.* (2010). Dekabristy i Francija. [Decembrists and France] Moscow. [in Russian].

Ponassenkov, 2018 – *Ponassenkov E.N.* (2018). Pervaja nauchnaja istorija vojny 1812 goda. [The first scientific history of the war of 1812] Moscow. [in Russian].

Pushkin, 1956 – *Pushkin A.S.* (1956). Polnoe sobranie sochinenij v 10 tomah. T. 2. [Complete works in 10 volumes. Vol. 2]. Moscow. [in Russian].

Repnikov, 2007 – *Repnikov A.V.* (2007). Konservativnye koncepcii pereustrojstva Rossii. [Conservative conception of reorganization of Russia]. Moscow. [in Russian].

Rostopchin, 2014 – *Rostopchin F.V.* (2014). Mysli vsluh na Krasnom kryl'ce. [Thinking out loud at the Red porch]. Moscow. [in Russian].

Russkij konservatizm XIX stoletija, 2000 – Russkij konservatizm XIX stoletija. Ideologija i praktika. [Russian conservatism of XIX century. The ideology and practice]. Moscow, 2000. [in Russian].

Sekirinskij, 2012 – *Sekirinskij S.S.* (2012). Izgnanie Napoleona iz Rossii i transformacija obraza poverzhennogo vruga v nacional'noj kul'turnoj pamjati [Expulsion of Napoleon from Russia and the transformation of the defeated enemy in the cultural memory of nation]. *Patriotic war of 1812 in the cultural memory of Russia*. Moscow. pp. 313-373. [in Russian].

Sirotkin, 2000 – *Sirotkin V.G.* (2000). Napoleon i Rossija. [Napoleon and Russia] Moscow. [in Russian].

Tarle, 1993 – *Tarle E.V.* (1993). Napoleon. [Napoleon] Minsk. [in Russian].

Tjular, 1996 – *Tjular Zh.* (1996). Napoleon, ili mif o «spasitele». [Napoleon, or the myth of the "Savior"]. Moscow. [in Russian].

Tjutchev, 2003 – *Tjutchev F.I.* (2003). Polnoe sobranie sochinenij. Pis'ma. V 6-ti tomah. T. 2, 3. [The Complete works. Letters. In 6 volumes. Vol. 2, 3]. Moscow. [in Russian].

[Homjakov](#) – *Homjakov A.S.* Na perenesenie Napoleonova praha [For the transfer of the ashes of Napoleon] // <http://biblioteka-poeta.ru/na-perenesenie-napoleonova-praha/homyakov-a-s> (Available at 05/02/2018) [in Russian].

[Cimbaev, 2007](#) – *Cimbaev N.I.* (2007). Istorijsokofija na razvalinah imperii. [Historiosophy on the ruins of the Empire] Moscow. [in Russian].

[Archives de Joseph de Maistre](#) – Archives de Joseph de Maistre et de sa famille, manuscrits et correspondance. Les Archives départementales de la Savoie. 2J 1-91.

[Bénardeau, 2004](#) – *Bénardeau C.* (2004). Napoléon dans la littérature. Nouveau monde éditions/Fondation Napoléon.

[Correspondance. Lettres de de Joseph de Maistre](#) – Correspondance. Lettres de de Joseph de Maistre. Les Archives départementales de la Savoie. 2J 38. V.2, 15; 2J 33; 2J 40. V. 34.

[Documents concernant la Russie](#) – Documents concernant la Russie, et le royaume sarde dans ses rapports avec la Russie: déclarations, oukazes, mémoires, faites et manifestes, correspondance, presse 1792-1816. Les Archives départementales de la Savoie. 2J 29.

[Guidiplo, 2011](#) – *Guidiplo.* L'Exemption France – Russie. Girona, 2011.

[Hazareesingh, 2005](#) – *Hazareesingh S.* (2005). La légende de Napoléon. Editions Tallandier.

[Immagini napoleoniche per la Galleria Demidoff, 1987](#) – Immagini napoleoniche per la Galleria Demidoff. Provincia di Livorno. Pisa, Pacini Editore, 1987.

[Kern, 2009](#) – *Kern E.* (2009). L'impossible commémoration de Napoléon. De Napoléon III à Nicolas Sarkozy. Edilivre universitaire collection.

[Les noblesses françaises dans l'Europe de la Révolution, 2010](#) – Les noblesses françaises dans l'Europe de la Révolution. Rennes, Clermont-Ferrand: Presses Universitaires de Rennes & Presse Universitaire Blaise-Pascal Rennes, Clermont-Ferrand, 2010.

[Lilti, 2009](#) – *Lilti A.* (2009). Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. Fayard.

[Lucas-Dubreton, 1959](#) – *Lucas-Dubreton J.* (1959). Le culte de Napoléon. 1815–1848. Paris, Editions Albin Michel.

[Maistre, 1859](#) – *Maistre J. de* (1859). L'esprit du comte J. de Maistre, précédé d'un essai sur sa vie et ses écrits. Paris, Gaume frères et J. Duprey éditeurs.

[Maistre, 1884](#) – *Maistre J. de* (1884). Oeuvres complètes. V. 1-13. Lyon: Vitte et Perrussel, Editeurs-imprimeurs.

[Maistre, 1992](#) – *Maistre J. de* (1992). De la souveraineté du peuple. Un anti-contrat social. Paris, Presses Universitaires de France.

[Maistre, 2007](#) – *Maistre J. de* (2007). Oeuvres. Paris, Editions Robert Laffont.

[Miquel, 2000](#) – *Miquel B.* (2000). Joseph de Maistre. Un philosophe à la cour du tsar. Paris, Albin Michel.

[Moniteur Universel, 2 avril 1814](#) – Moniteur Universel, Paris, 2 avril 1814). Les actes du Gouvernement Provisoire, adressés à l'armée française. Paris, le 2 avril 1814. P 1.

[Napoléon par Chateaubriand, 1969](#) – Napoléon par Chateaubriand. Paris, Editions Albin Michel, 1969.

[Napoléon, 1969](#) – *Napoléon* (1969). Pensées politiques et sociales, rassemblées et présentées par A. Dansette. Flammarion.

[Napoléon. De l'histoire à la légende, 1999](#) – Napoléon. De l'histoire à la légende. Actes du colloque des 30 novembre et 1er décembre 1999 – à l'auditorium Austerlitz du musée de l'Armée, Hôtel national des Invalides. Editions In Forma. Maisonneuve et Larose, 1999.

[Pranchère, 2004](#) – *Pranchère J.-Y.* (2004). L'autorité contre les lumières. La philosophie de Joseph de Maistre. Genève, Librairie Droz.

[Triomphe, 1968](#) – *Triomphe R.* (1968). Joseph de Maistre. Etude sur la vie et sur la doctrine d'un matérialiste mystique. Genève, Librairie Droz.

[Vergé-Franceschi, 2016](#) – *Vergé-Franceschi M.* (2016). Pozzo di Borgo. L'ennemi juré de Napoléon. Paris.

Влияние французских консерваторов на рецепцию образа Наполеона I в России (на примере изучения эпистолярного наследия Жозефа де Местра)

Рафаель Амирович Арсланов ^{a,*}, Елена Валентиновна Линькова ^a, Владимир Матвеевич Козьменко ^a

^a Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен анализ эволюции образа Наполеона Бонапарта в России под влиянием идейных установок Жозефа де Местра, французского консервативного деятеля, находящегося с дипломатической миссией при русском дворе в 1803–1817 гг.

Представляется важным отметить, что данная публикация является фактически первым примером исследования формирования и эволюции образа Наполеона в его историческом развитии и в корреляции с особенностями менталитета и социокультурной среды не только российского, но и французского общества.

Предметом исследования является изучение представлений о Наполеоне, отразившихся в эпистолярном наследии и публицистике Ж. де Местра с целью выявления как основополагающих идейных установок французского мыслителя, так и определение степени влияния его воззрений на трансформацию образа императора французов в России.

Отмечается, что в силу круга своего общения, идеи Ж. де Местра в большей степени оказывали воздействие на представления отечественных мыслителей консервативного направления. Именно среди российских консерваторов воззрения де Местра получили наибольшее развитие и продолжение. Неслучайно, исследователи склонны считать Ж. де Местра одним из основоположников отечественного консерватизма в его классическом понимании.

Накопленный научный материал позволил авторам прийти к определенным выводам, важным для изучения как личности Наполеона, так и общественной мысли России. В российской историографической традиции прочно укоренилось представление о том, что основные направления общественного движения России начали выкристаллизовываться именно благодаря дискуссиям о роли и месте России на международной арене, в мировом историческом процессе, в рамках парадигмы «Россия-Запад». В этом смысле личность Наполеона и отношение к ней являются отдельным аспектом данной парадигмы, определенным оселком, позволяющим произвести дифференциацию основных направлений общественной мысли страны. В этой связи представления об императоре французов – это определенная грань восприятия Запада в целом, где император французов представляет собой часть и «продукт» западного мира. Таким образом, изучение образа Наполеона I в России расширяет поле научных исследований в рамках дискуссий о взаимосвязях и противостоянии российской и западноевропейской цивилизаций.

Ключевые слова: Наполеон I Бонапарт, Россия-Запад, Жозеф де Местр, консерватизм, имагология, Франция, стереотипы, революция, наполеоновские войны.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ars_raf@mail.ru (Р.А. Арсланов), e.v.linkova@yandex.ru (Е.В. Линькова), v.kozmenko@gmail.com (В.М. Козьменко)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 143-152. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.143
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Excerpts on the History of Swiss Migration to the Northern Black Sea Region at the beginning of the 19th Century: (Documents about the Group of Settlers of Major Caspar Escher in the Russian Historical Archives)

Sergey G. Kashchenko ^{a, *}, Irina S. Ivanova ^b, Elena S. Kashchenko ^a

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

^b University of Lausanne, Switzerland

Abstract

The processes of colonization of the southern provinces of the Russian Empire in the 19th century attract the attention of many historians in Russia and abroad. These studies are important for the analysis of the mechanisms of migration, the problem that has become ever more urgent in the early 21st century. In these mechanisms, apart from social, economic and political factors, an important role belongs to the human element, i.e. the personality of the leader who organizes a mass migration to another country.

In the present paper, these general problems are considered based on the specific analysis of the first attempts of a group of Swiss settlers to move to the southern regions of Russia during the rule of Alexander I. This attempt, undertaken by Caspar Escher, a Swiss Major of the Moscow Dragoon Guards, is mentioned in archival documents, but it has not been the subject of prior investigation by historians.

The introduction of new documents from the Russian state historical archive and the Russian state military historical archive permits a detailed study of the relocation of a group of Swiss citizens and the subsequent assessment of the role of Major Escher himself.

Keywords: Northern Black Sea Region, Crimea, Alexander I, politics of colonization, 19th century, Swiss Migration, Major Caspar Escher.

1. Введение

История колонизации Юга Российской империи традиционно привлекает внимание российских и зарубежных историков, специалистов в области политических и социальных наук, демографии, экономики и культуры. Проводимые исследования играют существенную роль в процессе анализа межэтнических и межконфессиональных отношений, позволяют внести ясность при решении сложных проблем миграционной политики.

Политика привлечения иностранных колонистов в Россию целенаправленно проводилась в XVIII в. императрицей Екатериной II. Ряд законодательных актов этого времени предоставлял иностранцам, выразившим желание переселиться в Россию, существенные финансовые и торговые льготы, сопровождавшиеся выделением значительных земельных наделов. Привлечением колонистов занимались правительственные агенты и т.н. «вызыватели», частные лица, выступавшие в роли агитаторов и вербовщиков, которые брали на себя самостоятельную организацию переселений, получая за это ряд дополнительных привилегий. Непокойная политическая ситуация и сложное экономическое положение в ряде европейских стран во второй половине XVIII – начале XIX вв. вызывала интерес их жителей к российским предложениям. Колонизационные процессы пережили ряд спадов и подъемов, последние были зачастую связаны с успехами России во внешней политике и расширением территории государства. Так, после

* Corresponding author

E-mail addresses: s.kaschenko@spbu.ru (S.G. Kashchenko), e.kaschenko@spbu.r (E.S. Kashchenko), irinaivanova@yahoo.com (I.S. Ivanova)

победоносных русско-турецких войн 1760–1790-х гг. один из векторов переселенческой политики оказался направленным в сторону юга империи, прежде всего Новороссии, куда стали переселяться представители разных национальностей из ряда европейских стран. Период возобновления интереса к заселению этих территорий приходится на первые годы правления императора Александра I, который неоднократно отмечал преемственность своей политики тенденциям, проявившимся в годы царствования Екатерины II. С другой стороны, интерес к переселению в Россию стал проявляться и в Швейцарии, где в это время сложилась нестабильная политическая и экономическая ситуация.

Колонисты, прибывавшие в южные регионы в XVIII–XIX вв., были жителями различных европейских государств, представителями разных этнических групп и социальных слоев. Поэтому и задачи, которые стояли перед переселенцами, заметно отличались. Кроме того, изменялась и политика российского правительства в отношении мигрантов, так как она зависела от изменений в политической и экономической ситуации в целом. Все это делает проблему колонизации южных регионов России актуальной и, учитывая ее сложность, исключительно интересной для ученых.

Среди переселившихся в Северное Причерноморье и Крым колонистов-аграриев швейцарцы не играли ведущей роли. Поэтому до недавнего времени их пребывание в стране было изучено в значительно меньшей степени, чем, например, деятельность переселенцев из немецких государств. Сегодня ситуация начинает меняться. Этому, в частности, способствует введение в научный оборот новых источников, отложившихся в центральных и региональных архивах Российской Федерации и Швейцарии. Среди недостаточно изученных сюжетов, связанных с миграцией швейцарцев, следует отметить упоминающуюся в историографии одну из ранних попыток переселения швейцарских колонистов. Она была предпринята майором Московского драгунского полка, швейцарцем по происхождению, Каспаром Эшером (Hans Caspar Escher) в первые годы правления императора Александра I. В данной статье ставится целью проследить переселение этой группы швейцарцев в Россию в 1803–1804 гг. на основании документов Российского государственного исторического архива и Российского государственного военно-исторического архива, а также проанализировать проблемы политического и экономического характера, сопровождавшие этот процесс. Определенный интерес представляет и судьба самого майора Эшера, потомок которого, Альфред Эшер (Johann Heinrich Alfred Escher vom Glas) сыграл впоследствии важную роль в развитии экономики Швейцарии.

2. Материалы и методы

При написании статьи были использованы архивные материалы из городов Москва и Санкт-Петербург (Российская Федерация).

В РГИА (Ф. 383. Первый департамент министерства государственных имуществ» (1837–1866 гг. Оп. 29.) были изучены два связанных между собой дела №№ 194–195, датированные 1803–1805 и 1804–1808 гг., общим объемом около 570 листов, посвященные попытке переселения в Россию швейцарских колонистов, «вызванных майором Эшером» (РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 194. По письму Московского Драгунского полка майора Эшера об изъявлении желания многих из соотечественников его швейцарцев поселиться в южных провинциях России. 1803–1805 гг. Русск., франц., нем. яз., 345 листов; Д. 195. О переселении из Швейцарии в Россию вызванных майором Эшером колонистов. Часть II. 1804–1808 гг. Русск., франц., нем. яз., 224 листа).

Кроме того, в РГВИА сохранились дела, содержащие «Списки о службе и достоинстве всех штаб-офицеров Сибирского Драгунского полку», в котором в 1790-е гг. служил Эшер (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2571-2573).

В статье «Швейцарцы на российской военной службе» (Тихонова, 2015: 73, 76) А.В. Тихонова упоминает еще одно дело, хранящееся в Архиве внешней политики России, имеющее отношение к Эшеру и проливающее свет на его дальнейшую военную карьеру после службы в Сибирском Драгунском полку (АВПРИ. Ф. 1. Разряд III. Оп. 5. 1801–1830. Д. 2. (1801 г.) «О желании отставного майора Сибирского Драгунского полка швейцарца Каспера фон Эшера вступить снова в Российскую службу»).

Известно также, что ряд материалов, посвященных истории швейцарской колонии в Крыму, сохранился в архивах Украины и Швейцарии. Некоторые из этих документов были представлены в вышеупомянутой статье Г.П. Гетте и Г.С. Молоткова.

Анализируя источники, мы ориентировались на принципы объективности и системности при рассмотрении исторических фактов.

Тексты документов, представленных в упомянутых архивных делах, хранящихся в Российской Федерации, написаны на русском, французском и немецком языках. Работа с ними потребовала использования методов вспомогательных исторических дисциплин (палеографии, текстологии, хронологии, топонимики и др.), а также традиционных методов источниковедческого анализа. Поскольку содержание документов, подготовленных в министерствах, российских консульствах, переписке К. Эшера, содержат различные, часто диаметрально противоположные взгляды на рассматриваемые проблемы, особое внимание уделялось критике источника.

3. Обсуждение

Попытка переселения швейцарских колонистов в Россию, связанная с именем майора Эшера, была первой в годы правления Александра I. Она неоднократно упомянута в научной литературе, но это упоминание весьма лаконично. Так, например, об этом говорит в своей фундаментальной работе В.Ф. Шишмарев: «С упоминанием колонистов швейцарцев мы встречаемся и ранее, уже в первые годы царствования Александра I. Так, в 1803–1804 гг. ... Циглером была набрана для России партия переселенцев, но переезд был приостановлен (ЦГИА. Архив Главного управления землеустройства и земледелия. № 1952/2260; см. № 203/2282. В том же архиве сохраняется документ относительно вызова швейцарцев майором Эшером; см. № 1957/2263)» (Шишмарев, 1975: 136)¹.

Современный петербургский исследователь В.Е. Возгрин также упоминает об «агитаторах-вербовщиках» Эшере и Циглере: «В Швейцарии своей энергичной деятельностью ... известен майор Каспар Эшер, а в юго-западных немецких землях – Франц Циглер. Благодаря им иммиграция в Крым заметно оживилась, да и народ ехал куда лучше подготовленный к хозяйствованию на новых местах» (Возгрин, 2013: 38).

Рассматривалась инициатива Эшера в работе Г.Л. Гетте и Г.С. Молоткова (Гетте, Молотков, 2014: 127–130). Но в этих работах история предприятия Эшера не получила всестороннего освещения.

В швейцарской историографии имеется несколько интересных работ, посвященных швейцарским колониям в Российской империи (Gander, 1908; Etterlin, 1945; Weisbrod-Bühler 1956; Gander-Wolf, 1974; Bühler, 1985, Grivat 1993, Simonato et al., 2017). Особо нужно отметить исследование Marion Weisbrod-Bühler «Zürichtal. Eine Bauern kolonie in der Krim»², в котором на основании архивных материалов, хранящихся в Швейцарии, описана история эмиграции в Крым под началом майора Эшера. Но в этой работе, видимо в силу политической ситуации 50-х годов, документы, находящиеся в российских архивах, остались неиспользованными.

Кроме того, и собственно биография К. Эшера, служившего в российской армии, остается малоизученной. Так, известно, что в начале XIX века, в период организации эмиграции из Швейцарии он служил в Московском драгунском полку. Кратко упоминание об Эшере встречается у М. Дандевиль в его работе, по истории Курляндского полка. Дандевиль приводит списки офицеров, которые в период формирования части в 1803 г. прибыли из Московского драгунского полка. Среди последних находился и майор Каспер Иванович Эшер (такое имя он получил в России), который был уволен 29 сентября 1804 г. (Дандевиль, 1903: 9).

4. Результаты

В начале правления императора Александра I вопросами переселения иностранцев в Россию занимались чиновники целого ряда впервые созданных министерств, между которыми только начинали устанавливаться (часто весьма непростые) связи. Ведущая роль в этом процессе принадлежала Министерству внутренних дел под руководством В.П. Кочубея, а личный интерес проявлял и сам император.

В январе 1803 г. майор Московского драгунского полка, эмигрант из Швейцарии, Каспар Эшер, подготовил письмо, попавшее в канцелярию генерал-адъютанта графа Х.А. Ливена и представленное императору. В этом письме он сообщал о желании немецких швейцарцев покинуть свою страну, которое он заметил во время пребывания в Цюрихе два года назад, позднее он получил письмо, в котором его просили узнать найдет ли русский император в своей огромной империи места для нескольких тысяч колонистов из немецкой Швейцарии, мастеровых, земледельцев, состоятельных людей. Они просили Эшера сообщить о решении императора, поскольку в случае отказа они готовы были переселиться в английские колонии. Эшер предлагал русскому правительству организовать переселение в Россию. Гарантом добропорядочности его намерений могла служить безупречная одиннадцатилетняя служба в российской армии и его происхождение из известной швейцарской семьи. Кроме того, в случае необходимости он готов был предоставить рекомендации известных в Петербурге лиц (РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 194. Л. 1–2)

Письмо Эшера вызвало в правительственных кругах оживленную переписку канцелярий министра внутренних дел В.П. Кочубея, министра иностранных дел, канцлера Российской империи А.Р. Воронцова; первого министра финансов Российской империи графа А.И. Васильева, государственного казначея, а затем и министра финансов Ф.А. Голубцова и др. (РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 194. Описание дела. Л. I–VI).

Намерение Эшера вызвало одобрение императора и план переселения швейцарцев в Россию начал активно разрабатываться.

Здесь надо отметить, что личность самого майора Московского драгунского полка Каспара Эшера (1755–1831) представляет для историков значительный интерес. Проживавший в Цюрихе до

¹ Отметим только, что во время написания книги В.Ф. Шишмаревым фонды и дела в РГИА, который назывался Центральным государственным историческим архивом (т.е. ЦГИА), имели несколько иную нумерацию.

² Работа издана в 1956 г., но в настоящее время она официально опубликована в интернете: <http://www.forum9.ch/dorfplatz/saueliamt/Geschichte/Zuerichtal1.htm> (консультация – 06.09.2017)

приезда в Россию, Эшер, был представителем одной из влиятельных в Швейцарии фамилий, занимался финансовыми операциями, которые, однако, закончились для него неудачно. Эшер не только разорился сам, но в результате его банкротства потерпели финансовых крах и многие его земляки. Это и послужило поводом к его отъезду в Россию.

Из сохранившихся «Списков о службе и достоинстве всех штаб офицеров Сибирского Драгунского полку» следует, что «Каспер Иванов сын фон Эшер» происходил из «Цирихской республики из древней и знаменитой фамилии», был «уроженцем города Цириха», «вечно в российском подданстве быть не пожелал» и «на то присягою не обязался». «Из швейцарской службы» по «указу Государственной военной коллегии» он был принят в российскую военную службу в чине секунд-майора. К. Эшер «по-русски и по-немецки читать и писать умел». Был женат на швейцарской дворянке, которая осталась жить в Швейцарии, и имел сыновей Гендриха, Каспера, Фридриха, Григория, Иоанна, Карла, Фердинанда, из которых первый находился в Англии в училище, второй состоял на голландской службе прапорщиком, третий, четвертый и пятый были кадетами в Швейцарии, два последних жили в 1790-е гг. вместе с матерью (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2571. Л. 5–об. 6; Д. 2572. Л. 5–об. 6; Д. 2573. Л. 3–об. 4).

Эти данные можно сопоставить со сведениями генеалогической таблицы, опубликованной в Цюрихе в 1885 г. биографом семьи С. Keller-Escher (Keller-Escher, 1885: Tafel X–XI). В соответствии с ними Ганс Каспар Эшер родился в марте 1755 г. и был женат на Анне Келлер (1756–1836). В 1789 году он уехал в Россию и поступил там на военную службу в кавалерию.

Его второй сын, Ганс Каспар (1777–1807), служил в Голландии, впоследствии перешел на российскую службу и был убит в сражении с французами при Фридлинде в 1807 г. Трагичной была судьба еще одного сына, Карла (1785–1807), служившего в российской армии и умершего от ран, полученных в том же злополучном для семейства сражении.

В России в разные годы служили и два других сына, Фридрих Людвиг (1779–1845), и Фердинанд (1787–1855). Последний был награжден орденами Св. Анны и Св. Владимира.

Между тем, из сыновей К. Эшера наиболее известным оказался перенец Генрих (1776–1853), уехавший в свое время в Америку и сколотивший там крупный капитал на спекуляции землей. В 1815 г. он вернулся в Швейцарию и вступил в брак с Генриеттой Лидией Золликофер. От этого брака появился на свет известный политический и финансовый деятель Швейцарии Альфред Эшер (1819–1882). Опытный политик и предприниматель, он был одним из основателей банка «Credit Suisse», а также престижного вуза страны «Швейцарской высшей технической школы» в Цюрихе. Большую роль А. Эшер сыграл в деле создания и развития сети железных дорог в Швейцарии, особенно в строительстве дороги через Сен-Готард. Его деятельность, как это было свойственно многим другим представителям этого семейства, сопровождалась взлетами и неудачами. Однако, в 1889 году ему был открыт памятник на площади перед Центральным вокзалом Цюриха.

Возвращаясь к Каспару Эшеру, можно сказать, что положением своим на российской службе в чине майора кавалерийского полка (служил сначала в Сибирском, затем в Московском и Курляндском драгунских полках) он, видимо, удовлетворен не был, поэтому идея организовать переселение швейцарцев в Россию пришлась ему по душе. В случае успеха предприятия (которое в части, касающейся расходов самого К. Эшера, финансировалось российским правительством) он желал получить повышение в чине себе и своему сыну. Как организатор переселения он мог рассчитывать на особое положение во вновь образованной колонии. Но, весьма вероятно, что Эшера также привлекала в этом деле возможность проявить себя, зарекомендовать в глазах императора и его окружения, получить особый статус, который обеспечивал ему независимое и весьма выгодное положение.

Среди документов сохранилась «Записка для вручения Майору Ешеру на немецком языке», подписанная министром внутренних дел В.П.Кочубеем с резолюцией императора Александра I «Быть по сему», датированная 25 апреля 1803 г. (РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 194. Л. 7–10). Из документа следует, что идея Эшера получила одобрение и император, «приемля сие за благо», соизволил предоставить «ряд выгод» швейцарцам, выразившим согласие на переселение. Земли переселенцам предполагалось выделить «в местах прилегающих к Черному и Азовскому морям, заключающим то, что известно в России под названием Губерний Екатеринославской и Николаевской, и в Таврии», в количестве 60-ти десятин на семью в степных районах, а «в части Таврии под наименованием нагорной известной, где земли в особенной цене находятся и где пустопорожных земель весьма мало имеется, назначаемо будет для заведения виноградных садов или других насаждений все то количество земли, какое по местному положению уделяемо быть может». Каждому переселенцу должна была быть предоставлена «свобода веры и исповедания религий во всех частях».

«Согласно с предложением г-на Эшера» переселенцы должны были получить денежную ссуду по 30 «червонных голландских»¹ на каждую семью, «которая доставлена будет или Дунаем до Галаца, что в Молдавии, или по прибытии переселенцев сухим путем на границы Российския». Под семьей «разумелись» муж, жена и малые дети, или два взрослых работника, или четыре женщины.

¹ Речь идет о гульденах, которые использовались в европейских странах для взаимных торговых расчетах.

Особо указывалось, что «деньги сии в обоих случаях заплачены быть имеют тогда, как переселенцы действительно в Галацы или на Границу придут». Предполагалось также, что на первое обзаведение швейцарцам будут предоставлены ссуды, такие же как «разным немецким колонистам». На 15 лет они освобождались от уплаты «всяких податей и налогов». Колонисты могли перевезти в Россию «свое имение» без пошлин, заводить фабрики и вести торговлю. Селить их следовало так, чтобы «принадлежащие к колонии люди не были разлучены друг от друга». Никто из переселившихся не должен был против своей воли быть «принуждаем ни к военной, ни гражданской службе». В тех селениях, где будут селиться швейцарцы, им предоставлялась возможность «иметь собственную расправу», однако считалось «что в делах уголовных и гражданских будут они подчинены общим Государственным узаконениям и общему течению судопроизводства». Особо отмечалось, что «если кто из переселенцев будет Дворянского происхождения, тому предоставляются права Российского Дворянства», в случае, если среди переселившихся будут «чиновники бывшего древняго Швейцарского правительства, кои с имуществом своим в Россию прибыть могут», их по «разсмотрению положения и обстоятельств каждого» следовало «отличить чинами».

Указывалось также, что если среди переселенцев будут желающие покинуть Россию, они должны будут вернуть полученные средства. В заключение говорилось, что «Господин майор Эшер уполномочен все вышесказанные выгоды обещать от имени Его Императорскаго Величества всем тем, кто из соотечественников его воспользоваться ими пожелают, обнадежив их, что всякой защиты, покровительства и всяких поощрений от Правительства Его Величества ожидать они могут». Таким образом, швейцарцы получали весьма выгодные условия для переселения.

Сам процесс переселения швейцарцев был основательно продуман с учетом сложившейся в эти годы политической ситуации. Эшера снабдили рекомендательными письмами к русским дипломатам в Вене и в Германии, дабы те могли бы оказать ему помощь, особенно в том случае, если колонисты решат прибыть в Галац.

Поскольку в этом случае пришлось бы двигаться через территорию Турции, соответствующие распоряжения были даны русским дипломатам в Константинополе и Яссах (для получения султанского фирмана) (РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 194. Л. 11 об.). Не следует забывать о том, что земли, по которым могли проходить колонисты, ранее были театром военных действий, поэтому допускалось, что турецкие чиновники, не испытывавшие симпатий к предприятиям русских, могут чинить препятствия к продвижению швейцарцев в Россию (РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 194. Л. 28).

Для того, чтобы помогать переселенцам в дороге, разрешалось российским дипломатическим представителям специально покидать свои миссии и выезжать на места по пути следования (РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 194. Л. 27 об.). Особо обращалось внимание на то, в Молдавии и Валахии случались эпидемии моровой язвы, для чего следовало проявлять особую осторожность при пересечении границы (РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 194. Л. 27). Это было не лишним, поскольку в пути переселенцев действительно поджидала оспа.

Эшер получил на проезд 800 червонцев (речь идет, скорее всего, о гульденах) и ему было обещано, что в случае основания колонии «он самым большим хозяйством руководствовать тут будет» (РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 194. Л. 6).

Однако Эшер, в дополнение к этому за будущие заслуги пожелал быть произведенным в очередной чин и указал, что вместе с ним в Швейцарию поедет его сын. В ответ, «относительно просимого им старшинства» ему было объявлено, «что по списку старшинством считается он точно с того времени как ему быть следует, произвести его не можно, по тому что есть в майорских чинах еще старее его и для того чтоб к производству ожидал очереди». Сын же его «Швейцарской службы порутчик» во «уважение» отца был принят в Российскую службу тем же чином и с определением для «совместного с отцом служения» в Московский драгунский полк (РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 194. Л. 16–16 об.).

Из материалов переписки Эшера следует, что в июле 1803 г. он находился в Цюрихе. Одновременно русское правительство разослало дипломатам за границей предписания об оказании помощи Эшеру, в случае если швейцарские колонисты направятся в Россию. Предполагалось, что возможный маршрут будет проходить по Дунаю. 25 августа в газете «Allgemeine Zeitung» №237 появилось объявление с подробными условиями переселения для швейцарцев, желающих уехать в Россию.

Первоначально в Петербурге деятельность Эшера, видимо, не вызывала опасений (РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 194. Л. 29 об.), хотя он уже в июле начал указывать на трудности переселения, вызванные необходимостью будущим колонистам самостоятельно оплачивать дорогу и сложностью передвижения по Дунаю в осенние месяцы. Вместе с тем он сообщал, что возможно только «первый транспорт» колонистов будет численностью от 1000 до 1500 душ (РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 194. Л. 32–33 об.).

Продвижение такой массы людей требовало уже на начальной стадии столь значительных финансовых затрат, что вскоре от плана такого масштабного переселения пришлось отказаться.

Интересно, что поверенный в делах при вюртембергском дворе, находившемся в то время в Штутгарте, Л.А. Яковлев, получил еще 23 июня письмо от В.П. Кочубея, в котором ему давалось особое поручение обеспечить попечение о колонистах майора Эшера. Для этого ему разрешалось покидать Штутгарт и напрямую сообщать министру обо всех делах, касающихся колонистов. Желая уточнить, как обстоят дела у Эшера, Яковлев направил в Швейцарию своего доверенного чиновника, который

предоставил ему отчет. Из последнего стало известно, что Эшер опубликовал не только в «Allgemeine Zeitung», но и в других швейцарских газетах объявления об условиях переселения в Россию, которые вызвали большой интерес у жителей различных кантонов. Справедливости ради следует сказать, что в некоторых кантонах возможная потеря опытных ремесленников и крестьян вызвала опасения. Речь шла даже о том, чтобы выпустить официальный документ, направленный на ограничения эмиграции. С другой стороны, ряд влиятельных лиц, связанных с правительством, поддерживали идею эмиграции, считая, что она позволит улучшить благосостояния наименее обеспеченных жителей (РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 194. Л. 51–52).

Число желающих отправиться в Россию, по сообщению Эшера, составило около 240 человек. Это были люди, готовые двинуться в путь, невзирая на трудности, о которых их предупредил Эшер. Сам он называл их «делегатами», которые должны были добраться до места образования колонии и сообщить об условиях жизни на новом месте своим родственникам. Последние в это время занимались распродажей своего имущества с тем, чтобы последовать за ними.

В деле имеются поименные списки, составленные Эшером. В них указаны имена, фамилии, семейное положение, места рождения переселенцев, а также перечислены их дети. Из этих списков следует, что эмигранты происходили из разных кантонов (прежде всего из Цюриха и Берна) и что по профессии это были в основном земледельцы и мастеровые. Переселялись они, в основном, целыми семьями, в некоторых из которых было до шести человек детей. Поэтому среди эмигрантов оказалось много женщин и детей, что удивило и самого Эшера (РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 194. Л. 60–61 об.). Но были среди переселенцев и одинокие люди, главным образом, ремесленники. Так, в списке отмечены два булочника, два седельщика, один часовщик, два шляпника. Среди колонистов были и врач, и ветеринар, и учитель. Всего в этом списке за подписью Эшера отмечено 228 человек. Кроме того, к этой партии присоединились еще 14 человек из группы немецких эмигрантов, собранных другим «вызывателем» Циглером (РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 194. Л. 58–59 об.).

В эту эпоху из Швейцарии на юг России можно было двигаться двумя путями. Первый из них шел по Дунаю до Галаца. Второй пролегал через Вену, шел по территории Австрийской империи до границ с Россией. Первоначально Эшер предполагал двигаться водным путем и даже договорился с судовладельцами, однако длительный переход по Дунаю сделался невозможным из-за трудностей осенней навигации (РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 194. Л. 60–61 об.). Поэтому швейцарцам пришлось двигаться из Вены в Россию сухопутным путем.

Прибыв вместе с собранными им переселенцами в Вену, Эшер понял, что дальнейшее продвижение в Россию потребует больших сумм, однако получить какие-то деньги от русского правительства можно было, как это было установлено ранее, только после прибытия на границу. Швейцарцы, которые пришли в Вену, оказались людьми небогатыми, в силу чего сложилось весьма трудное положение: им не на что было двигаться вперед и не было денег, чтобы вернуться назад.

Эшер предпринимал попытки получить деньги у венского банкира Ф.Л. Шепса (РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 194. Л. 34.), считая, что для дальнейшего продвижения необходимо 150 000 руб., однако ему вновь дали понять, что деньги для передвижения и обустройства швейцарцы могут получить только на границе (РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 194. Л. 39).

Российские чиновники считали, что неимущие в составе колонистов будут обременительны и пользы России не принесут. Эшер пытался доказать, что среди швейцарских переселенцев есть люди разных специальностей и колония будет успешной, однако они несостоятельны и даже сам он уже потратил для этого передвижения 30000 своих денег. Теперь он попытался получить деньги в Германии, однако банкиры в Штутгарте сначала потребовали от него поручительства русского правительства, а затем оказалось, что и поручительства недостаточно (РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 194. Л. 45–46).

Ситуация обострилась еще и в связи с тем, что колонисты Эшера стали конкурентами в предприятиях другого «вызывателя», Циглера. Время шло, надвигалась осень и положение становилось критическим. Вместе с тем, в Петербурге в министерстве внутренних дел уже открыто говорили о том, что среди людей, вызванных Эшером, много крайне бедных, слабых, не нужных в России ремесленников.

Эта ситуация, вызванная перемещением людей, собранных Циглером и Эшером, послужила поводом для пересмотра правил принятия и водворения иностранных колонистов в Россию. Поэтому в феврале 1804 г. был утвержден доклад министра внутренних дел, в котором были установлены новые правила. В документе говорилось, что со времени правления Екатерины II ситуация с землей в Новороссии изменилась, так как осталось мало удобных казенных земель. Указывалось также, что колонисты около 2-х лет вынуждены будут жить за счет казны, что увеличивает издержки государства.

Отсюда делался вывод, что в связи с данными обстоятельствами «не признается также удобным ни подговаривать, ни склонять, каким бы то ни было способом людей к переселению, ни употреблять особенные комиссии для вызова колонистов, или назначать на то нарочных людей. Можно вместо сего положить, чтоб те, кои пожелают выйти в Россию на поселение, являлись у наших Министров или других Агентов, которые рассмотрев паспорта, свидетельства или другие виды, ими представляемые, могут снабжать их паспортами для проезда к границе Российской; свидетельства же

сии, от Магистратов или обществ даваемые, должны иметь утверждение о добром поведении предъавителя оных».

«При сем Министрам при Иностранных Дворах, до коих сие относиться может, должно предписать:

1. Чтобы они никому никакой ссуды не делали, исключая платежа за суда и подводы для тех, кои будут отправляться транспортами, как выше сказано.

2. Что те, кои будут являться к ним, должны предъавить свидетельства и верные поруки, что они имеют и вывезут с собою имения или в наличном капитале, или в товарах, не менее, как на 300 гульденов; не предъавивших же того не принимать; ибо опыты научили, что обзаведение недостаточных и медленно идет и худо удается.

3. Само по себе разумеется, что выходящие на поселение должны быть люди семьянистые. Одиноких отнюдь не принимать, разве бы кто захотел их принять в свое семейство.

7. Со дня прибытия на границу начинается выдача кормовых денег по 10 коп. взрослой и по 6 коп. малолетней душе в сутки, до самого того времени, пока придут на поселение; и сии деньги употребляются на счет безвозвратных издержек. Однакож когда кто захочет выехать из России, то и оные возвратить должен.

К сему необходимо нужно присовокупить, что если из прибывших на поселение окажется ослушным и непокорным постановленному Начальству, или пустится в разврат; таковой непременно, по взыскании с него должного казне, выслан будет за границу, каковое правило распространить и на прибывших уже, дабы таким образом лучше можно было основать хорошую в колониях нравственность и оградить местные Начальства от тех неприятностей, которые они при своеволии колонистов или других беспорядках встречать могут» (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXVIII. № 21163. С. 137—140).

На доклад была наложена резолюция императора «Быть по сему».

Между тем, швейцарские колонисты дошли до Венгрии, где вынуждены были перезимовать, что вызвало новые издержки и, как следствие, недовольство русского правительства. Эшер заявил, что денег на переезд не хватает, так как у переселенцев много багажа, нужно вести женщин, детей и больных. Поэтому колонисты были задержаны в Венгрии в Розенберге, чтобы получить повозки до границы с Россией. Временами Эшер, ссылаясь на то, что имел особые полномочия от императора, вел себя резко, пытался всеми средствами получить наличные деньги. Однако, хотя определенные суммы выделялись, все выплаты велись через посольство в Вене, с помощью векселя.

Представление о том, как закончилась для Эшера эта эпопея, мы получаем из документов второго дела.

Растущее недовольство Эшером вылилось в его отставку. Он, в свою очередь, неоднократно обращался с жалобами на несправедливое к нему отношение и эта тяжба нашла отражение в документах, датированных 1808 г. (РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 195. Л. 209—224).

Эшеру инкриминировалось то, что поручение императора в 1803 г. он «худо исполнил». Так, утверждалось, что он преждевременно опубликовал данную ему записку, что «поставило правительство в безпокойство», потом собрал «бедных 240 душ, отправился с ними в путь в позднее время, везде требовал пособий на препровождение оных, поставив тем правительство в затруднительное положение, был принужден по неосмотрительности своей остановиться на зиму в Венгрии» и тем «увеличил до чрезвычайности издержки на транспорт» и требовал еще новых. Это стало поводом неудовольствия императора, и Эшер в сентябре 1804 г. был отставлен от службы.

В свою очередь, Эшер оправдывался, описывая свою службу и «безпокойства понесенные им в пути, от чего он разстроил свое здоровье, а особливо слух», просил о пожаловании ему ежегодного содержания и оплате его долгов. Первоначально император, «войдя в бедственное его положение, определил ему инвалидное содержание и удовлетворил его за прежнее время жалованьем». Однако Эшер эмигрировал в Россию отнюдь не для получения инвалидного содержания и таким решением остался недоволен. Он попросил заплатить его долги, связанные с переселением швейцарцев. После чего, «из монаршего милосердия» ему было выдано еще 1000 руб. В августе 1807 г. он подал третью просьбу «о снисхождении на несчастное свое положение» (РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 195. Л. 209—224).

Однако навстречу ему не пошли, напомнив, что в 1803 г. он «брал на себя распоряжения сверх его поручения» и «не оставался без пропитания». В результате Эшер получил нижний оклад инвалидного содержания.

В своих жалобах Эшер постоянно упоминал о несправедливости в отношении к нему и считал, что с ним поступают незаконно. То, что ставилось ему в вину, он полагал оскорблением для себя, своего семейства и даже нации, к которой он принадлежал. В конце концов ему сообщили, что его требования неосновательны и «не дельны» и более входить с его просьбами к императору не будут.

5. Заключение

Рассмотренные выше дела, содержащиеся в фондах РГИА и в РГВИА, полностью в научный оборот еще не введены. Однако они весьма информативны, поскольку помогают детально восстановить путь, пройденный колонистами из Швейцарии в Россию, состав этих переселенцев и трудности, встреченные ими на пути. Как становится ясным из документов, в начале XIX века Причерноморские регионы России и Крым больше всего привлекали земледельцев и ремесленников,

а условия для переселения туда были самыми благоприятными, благодаря действию указов, установленных еще во времена Екатерины II. Кроме того, отношение и соответствующих министерств, и самого императора Александра I было самое благожелательное. Можно предположить, что у российских политиков было несколько идеалистическое, далекое от реальной практики, представление о переселении швейцарцев как достаточно состоятельных людей, способных внести заметный вклад в экономику южных губерний. У швейцарцев тоже, с их стороны, видимо, были достаточно идеалистические представления и о процессе переселения, и о жизни в России, поэтому они снимались с места семьями, забирая с собой даже малолетних детей.

Но финансовые и организационные трудности, проявившиеся во время переселения, организованного Эшером, привели к изменениям в правительственной политике в вопросе приглашения колонистов. Так, при переселении в Северное Причерноморье и Крым предпочтение стало отдаваться земледельцам и виноделам. Был введен материальный ценз – колонисты должны были везти товаров или капитал на сумму не меньше, чем 300 гульденов. Были установлены ограничения и на социальный статус колонистов – они должны были быть семейными людьми. Большое внимание обращалось и на моральные качества переселенцев, которым теперь надо было предоставлять свидетельство о своем «добром поведении». Была отменена система «вызывателей», так как теперь желающие переселиться в Россию должны были сами непосредственно обращаться в русские посольства и представительства.

В финансовом отношении тоже были введены ограничения. Колонисты должны были самостоятельно оплачивать дорогу до российских границ, и только начиная от границы, они могли получать деньги на свое содержание.

Поэтому можно сделать вывод, что именно переселение швейцарцев во главе с К. Эшером послужило своеобразным катализатором в процессе изменения колонизационной политики российского правительства. Вместе с тем, опыт Эшера, возможно, был учтен и следующие попытки швейцарских колонистов оказались более удачными.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта “History of Swiss colonies in Crimea and Northern Black Seacoast: Linguistic and identity's approach» (IZLRZ1_164069), финансируемого «The Swiss National Science Foundation» и РГНФ.

Литература

- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской империи.
- Возгрин, 2013** – *Возгрин. Е.В.* Немецкие колонисты и крымские татары в национальной политике Российской империи (XVIII – конец XIX в). Ч. 1. // *Труды кафедры истории нового и новейшего времени.* 2013. №11. С. 29–53.
- Гетте, Молотков, 2014** – *Гетте Г.Л., Молотков Г.С.* Из истории швейцарской колонизации юга Российской империи // *Историчний архив.* 2014. Вып. 13. С. 127–136.
- Дандевиль, 1903** – *Дандевиль М.* Столетие 5-го лейб-драгунского Курляндского Императора Александра III полка. СПб.: тип. "Бережливость", 1903. 390 с.
- ПСЗРИ** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXVIII. № 21163.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Тихонова, 2015** – *Тихонова А.В.* Швейцарцы на российской военной службе // *Военно-исторический журнал.* 2015. № 9. С. 73–77.
- Шишмарев, 1975** – *Шишмарев В.Ф.* Романские поселения на Юге России // *Академия наук СССР. Труды Архива.* Вып. 26. Л., 1975. С. 3–245.
- Bühler, 1985** – *Bühler R.* Schweizer in Zarenreich. Zur Geschichte der Auswanderung nach Russland. Zürich: Hans Rohr, 1985. 519 p.
- Etterlin, 1945** – *Etterlin J.* Die ehemaligen Schweizer Kolonien in Russland. Bern: Bureau Dactylo, Oscar Klemm. 96 p.
- Gander, 1908** – *Gander L.* Notice historique sur la fondation de la colonie vaudoise de Chabag. Bessarabie. Lausanne: Imprimerie Lucien Vincent, 1908. 16 p.
- Gander-Wolf, 1974** – *Gander-Wolf H.* Schäbig Schweizer Kolonie an Schwarzerden Meer. Lausanne: Multi-Office, 1974. 259 s.
- Grivat, 1993** – *Grivat O.* Les Vignerons suisses du Tsar. Chapelle-sur-Moudon: Ketty&Alexandre, 1993. 179 p.
- Keller-Escher, 1885** – *Keller-Escher C.* Fünfhundert und sechzig Jahraus der Geschichte der Familie Escher vom Glas 1320–1885. Zürich: Druck von Bürkle: 1885. II. Teil. 43 p.
- Simonato et al., 2017** – *Simonato E., Ivanova I., Gioitto M.* Les communautés suisses de Crimée et de la mer Noire : Langues et traditions. Edité par Simonato E., Ivanova I., Gioitto M. // *Cahiers de l'ILSL*, №51. Lausanne: Université de Lausanne, 2017. 244 p.

Weisbrod-Bühler, 1956 – Weisbrod-Bühler M. «Zürich Tal. Eine Bauernkolonie in der Krim». Affoltern am Albis: Buchdruckerei W. Weiß, 1956. 23 p. URL: <http://www.forum9.ch/dorfplatz/saueliamt/Geschichte/Zuerichtal1.htm> (дата обращения: 30.10.2017).

References

- AVPRI – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]
- Vozgrin, 2013 – Vozgrin E.V. (2013). Nemetskie kolonisty i krymskie tatory v natsional'noi politike Rossiiskoi imperii (XVIII – konets XIX v.) [German settlers and the Crimean Tatars in the national policy of the Russian Empire (XVIII – late XIX century)]. Ch. 1. *Trudy kafedry istorii novogo i noveishego vremeni*. №11, pp. 29–53 [in Russian].
- Gette, Molotkov, 2014 – Gette G.L., Molotkov G.S. (2014). Iz istorii shveysarskoi kolonizatsii yuga Rossiiskoi imperii [From the history of the Swiss colonization of the South of the Russian Empire]. *Istorichnii arkhiv*, Vol. 13, pp. 127–136 [in Russian].
- Dandevil', 1903 – Dandevil' M. (1903). Stoletie 5-go leib-dragunskogo Kurlyandskogo Imperatora Aleksandra III polka [Centenary 5th Leib-Dragoon Courland regiment of Emperor Alexander III regiment]. Saint-Petersburg: tip. "Berezhlivost", 390 p. [in Russian].
- PSZRI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire].
- RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian state military historical archive].
- Tikhonova, 2015 – Tikhonova A.V. (2015). Shveysartsy na rossiiskoi voennoi sluzhbe [The Swiss in the Russian military service]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. № 9, pp. 73–77 [in Russian].
- Shishmarev, 1975 – Shishmarev V.F. (1975). Romanskie poseleniya na Yuge Rossii [Roman settlements in the South of Russia]. *Akademiya nauk SSSR. Trudy Arkhiva*. Vol. 26. Leningrad, pp. 3–245 [in Russian].
- Bühler, 1985 – Bühler R. (1985). Schweizer in Zarenreich. Zur Geschichte der Auswanderung nach Russland. Zürich: Hans Rohr, 519 p. [in German]
- Etterlin, 1945 – Etterlin J. (1945). Die ehemaligen Schweizer Kolonien in Russland. Bern: Bureau Dactylo, Oscar Klemm, 96 p. [in German]
- Gander, 1908 – Gander L. (1908). Notice historique sur la foundation de la colonie vaudoise de Chabag. Bessarabie. Lausanne: Imprimerie Lucien Vincent, 16 p. [in French]
- Gander-Wolf, 1974 – Gander-Wolf H. (1974). Schäbig Schweizer Kolonie an Schwarzerden Meer. Lausanne: Multi-Office, 259 p. [in German]
- Grivat, 1993 – Grivat O. (1993). Les Vignerons suisses du Tsar. Chapelle-sur-Moudon: Ketty&Alexandre, 179 p. [in French]
- Keller-Escher, 1885 – Keller-Escher C. (1885). Fünfhundert und sechzig Jahraus der Geschichte der Familie Escher vom Glas 1320–1885. Zürich: Druck von Bürkli, 1885. II Theile. 43 p. [in German]
- Simonato et al., 2017 – Simonato E., Ivanova I., Gioitto M. (2017). Les communautés suisses de Crimée et de la mer Noire : Langues et traditions. Edité par Simonato E., Ivanova I., Gioitto M. Cahiers de l'ILSL, N°51. Lausanne: Université de Lausanne, 244 p. [in French]
- Weisbrod-Bühler, 1956 – Weisbrod-Bühler M. (1956). «Zürich Tal. Eine Bauernkolonie in der Krim». Affoltern am Albis: Buchdruckerei W. Weiß, 1956. 23 p. [in German]. URL: <http://www.forum9.ch/dorfplatz/saueliamt/Geschichte/Zuerichtal1.htm> (date of access: 30.10.2017).

Из истории швейцарской миграции в Северное Причерноморье в начале XIX века (Документы о группе переселенцев Майора Каспара Эшера в российских исторических архивах)

Сергей Григорьевич Кащенко ^{a, *}, Ирина Сергеевна Иванова ^b, Елена Сергеевна Кащенко ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

^b Университет Лозанны, Швейцария

Аннотация. Изучение процессов колонизации южных губерний Российской империи в XIX в. привлекает сегодня внимание многочисленных российских и зарубежных историков. Эти исследования имеют большое значение для анализа механизма миграционных процессов – проблемы, которая не теряет своей актуальности и для начала XXI в. В этом механизме помимо

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: s.kaschenko@spbu.ru (С.Г. Кащенко),

irinaivanova@yahoo.com (И.С. Иванова), e.kaschenko@spbu.ru (Е.С. Кащенко)

социальных, экономических и политических факторов важную роль играет и субъективный элемент, т.е. личность руководителя – организатора массового переселения в другую страну.

В предлагаемой статье эти общие вопросы рассматриваются на примере анализа конкретного материала – одной из первых попыток группы швейцарских колонистов переселиться в южные регионы России в первые годы правления Александра I. Данная попытка, предпринятая майором Московского драгунского полка швейцарцем Гаспаром Эшером, упоминается в историографии, но остается вне поля внимания историков.

Введение в оборот новых документов, хранящихся как в РГИА и РГВИА, так и в швейцарских архивах, позволяет достаточно подробно проанализировать этот случай переселения группы швейцарцев, а также выяснить роль самого майора Эшера. Изучение данных документов позволяет утверждать, что именно переселение швейцарцев во главе с К. Эшером послужило своеобразным катализатором в процессе изменения колонизационной политики российского правительства. Вместе с тем, опыт Эшера, возможно, был учтен и следующие попытки швейцарских колонистов оказались более удачными. В целом, данный опыт переселения колонистов из Швейцарии позволяет понять механизм организации эмиграции в Российской империи.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Крым, Александр I, политика колонизации, XIX в., иммиграция швейцарцев, майор Каспар Эшер.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 153-160. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.153
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the beginning of the 19th Century: Part II

Goran Rajović ^{a, *}, Dmitry O. Ezhevski ^b, Alla G. Vazerova ^c, Milica Trailovic ^d

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

^c Penza state university of architecture and construction, Russian Federation

^d University of Geneva, Switzerland

Abstract

The article deals with the exchange and ransom of prisoners as a form of russian-circassian dialogue, which allowed the 50 russian prisoners to return to their homeland in 1805–1809. The attention is paid to the social, gender composition of russian prisoners. There are analyzed the materials of exchange and redemption of captives.

There are used as materials the unpublished documents of the state archive of the Krasnodar region (Krasnodar, Russian Federation). The specialized and memoir literature is also attracted to the study.

There are used the traditional scientific methods of analysis, synthesis, concretization, generalization when solving the research problems. The statistical method is of great importance in the study, by which the gender, national and social composition of the prisoners was calculated. The length of stay in captivity is also calculated.

The authors concluded that the russian administration made great efforts to return the russian citizens to their homeland from circassian captivity in 1803–1809. Along with the exchange, there was applied the redemption of captives. In total for this time, 210 people were returned to the Russian empire, of which 201 men and 9 women, 50 of them in 1805–1809. From 210 prisoners, 106 people, that is, 50 % belonged to representatives of the Black Sea cossack troops. 97 captives preserved the information about the time spent in captivity. So, less than a year 43 people were held in slavery, from 1 to 3 years – 30 persons, from 4 to 9 years – 10 people, more than 10 years – 14, and 4 of them from 20 to 30 years.

Keywords: the exchange of prisoners, the redemption of prisoners, Caucasian war, circassians, russian army, gender imbalance, social situation of prisoners.

1. Введение

К концу 1790-х гг. диалог между Россией и находящимися под турецким влиянием черкесами зашел в тупик. Разбои на русских территориях стали обычным делом, не менее обычным явлением стали русские пленники, находящиеся в рабстве у черкесов. О ситуации в Черкессии было доложено императору Павлу I, который и распорядился провести показательные репрессии против немирных аулов. В планах показательных репрессий важная роль отводилась быстроте вторжения с целью не только освобождения русских пленников, но и захвата значительного количества пленников из числа черкесов. Ранее мы уже рассматривали российско-турецкий диалог по черкесским вопросам в конце XVIII в. (Rajović et al., 2017). Как уже отмечалось, главной целью репрессии было взятие в плен черкесов из враждебных аулов.

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović), Dimao404@mail.ru (D.O. Ezhevski), history@pguas.ru (A.G. Vazerova)

30 мая 1802 г. репрессаль была проведена. Согласно имеющимся данным русскими войсками было захвачено в плен 532 черкеса (Черноморские, 2014: 326-327; Щербина, 1913: 158). Взятых в плен черкесов русский император приказал не отпускать пока не будут возвращены все русские пленники. Как и ожидалось, это спровоцировало черкесскую активность в вопросах обмена пленниками. Без всякого преувеличения начался самый масштабный обмен пленниками в истории русско-черкесских отношений. Этот обмен продолжался до 1809 г., тем не менее, большинство черкесов так и не было обменены и были причислены к Черноморскому казачьему войску. В данной статье мы хотели бы рассмотреть процесс обмена или выкупа пленных в период с 1805 по 1809 гг. Ранее нами рассматривался обмен пленными в 1803–1804 гг. (Rajović et al., 2017a).

2. Материалы и методы

В качестве материалов использованы неопубликованные документы государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация). Привлечена к исследованию также специализированная и мемуарная литература.

При решении исследовательских задач применялись общенаучные традиционные методы анализа, синтеза, конкретизации, обобщения. Важное значение в исследовании имеет статистический метод, благодаря которому были вычислены гендерный, национальный и социальный составы обмененных пленников. Вычислены также сроки пребывания людей в плену. Внимание уделено также национальному и социальному составу откупщиков.

3. Обсуждение

Историография по вопросу обмена пленными не отличается своей многочисленностью. Известно, что обмен пленными имел место еще в период русско-византийских отношений (Филипчук, 2013). Пожалуй, одной из наиболее близких к нашей теме работ является труд Б.А. Азнабаева «Статус пленных в башкирских общинах XVII в.» (Азнабаев, 2012). В своей работе автор пытался доказать, что военнопленные либо инкорпорировались в структуру башкирских родов, либо использовались башкирами для обмена родственников. Необходимо пояснить, что в заявленный период территории Черкесии и Башкирии были близки по социально-экономическому развитию.

Вопросом обмена пленными солдатами и офицерами между русскими и шведами в 1710 г., после Нарвского сражения занималась Т.А. Базарова (Базарова, 2017). Автор отмечает, что осенью 1710 г. русскому и шведскому правительству не удалось договориться об условиях размена захваченных под Нарвой генералов. Однако состоялся обмен только пленных солдат и офицеров по принципу «чин на чин».

С древних времен для обмена на пленных использовали захваченных заложников. Историческим предпосылкам заложничества посвятил свою работу А.М. Арипшев (Арипшев, 2015). Как правило, такие обмены заложников на пленных осуществлялись в условиях гражданского противостояния или локальных конфликтов. Так, например, такие обмены осуществлялись большевиками в период гражданской войны в России (Черкасов, 2004).

Вопросы обмена пленными активно изучаются и применимо к Первой мировой войне. Так темой русско-турецкого взаимодействия в деле защиты гуманитарных прав военнопленных занимался В.В. Познахирев (Познахирев, 2014), тема сотрудничества лиги наций и международного комитета Красного креста в деле репатриации военнопленных нашла отражение в труде Ю.С. Сильченко (Сильченко, 2011). Судьбе русских военнопленных после Февральской революции уделил внимание С.И. Чернявский (Чернявский, 2016). Проблемами обеспечения румынских военнопленных на территории Турции занимался Tunali Türkkkan (Türkkkan, 2017).

4. Результаты

Массовый обмен пленников привел к тому, что черкесы участвовали свои набеги в русские пределы в 1804 г. Так, 1-го июля 1804 г. в дистанции Новоекатериносинского кордона черкесы убили одного казака и двух ранили (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 485. Л. 1). Наблюдая за потерями черноморских казаков херсонский губернатор генерал Розенберг, предписал войсковому атаману Черноморского казачьего войска Бурсаку предупредить черкесов через черкесских кунаков, что если они и впредь будут нападать, то «против них будет применена вся строгость, а жилища их будут разорены» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 485. Л. 1). 14 сентября 1804 г. войсковой атаман Бурсак отвечал генералу Розенбергу, что черкесы-кунаки, готовы приступить к наказанию шапсугов, но первыми их должны наказать русские, так как шапсугов очень много скопилось в приграничной зоне. Помимо этого атаман отмечал, что активность шапсугов связана с тем, что будто бы русские не имеют достаточного числа войск на границе, и черкесы могут нападать безнаказанно (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 485. Л. 3-30б). 13 октября 1804 г. черкесы, в количестве до 100 человек, переправившись через р. Кубань напали на казачий разъезд Петровского кордона. В ходе столкновения 8 казаков с лошадьми были пленены, а 12 удалось оторваться от погони (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 484. Л. 101). Несмотря на принятые меры, черкесам удалось благополучно оторваться от организованного казаками преследования. Воодушевленные успехом спустя две недели 29 октября черкесы собрали партию в 500 человек и

вновь вторглись в Черноморию в пределах Петровского кордона. Сперва при нападении на кордон они завладели 28 кордонными лошадьми, которые находились на выпасе. Не зная численности неприятеля, казаки попытались помешать воровству, но в ходе столкновения 9 казаков были пленены (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 484. Л. 110).

В сентябре 1804 г. было получено одобрение императора на проведение репрессалий против шапсугов. Особенностью этой репрессалии должно было стать и участие черкесов в боевых действиях против шапсугов. Важно пояснить, что шапсуги осуществляли налеты не только на русских, но и на своих соседей черкесов, например, натухайцев (Щербина, 1913: 160).

4-го декабря репрессалия была проведена. Подразделения углубились от реки Кубань на 30 верст, дойдя до р. Шебши. Тут подразделения были разделены на колонны: колонна подполковника Еремеева действовала вдоль реки, колонна подполковников Бурноса и Малова, перейдя реку, также разделилась, взяв – 1-я вправо, а 2-я вместе с батальоном 12-го егерского полка влево по другой реке, называемой Афипс. С целью отрезать хищников от гор, был сформирован особый отряд под командою полковника Вербца при подполковнике Султане Алли. Репрессалия началась на рассвете 4 декабря и длилась до 5 часов вечера. Все жилища шапсугов в запланированных зонах были уничтожены. В ходе столкновений шапсуги потеряли убитыми до 400 человек. С русской стороны в колонне подполковника Еремеева был убит полковой хорунжий Недужко, сотенный есаул Борознин, казаков убито – 23, ранено 4, в колоннах подполковников Бурноса казаков убито – 8, ранено – 12, Малова убито – 6, ранено – 10 человек (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 485. Л. 64-640б). За проведенную репрессалию полковники Комянченко и Вербец, а также подполковник Султана Алли Шеретлуг-оглу были награждены орденами Святой Анны третьего класса (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 485. Л. 110). Помимо этого находящихся при подполковнике мурзам, а именно: Селямет-Кирей Султану, Хитлу Кирей Султану, Каплану Крым-Кирею и Кирею император повелел наградить серебряными медалями «за храбрость и усердие» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 485. Л. 110-1100б).

Тем временем интерес к обмену пленниками у черкесов все время понижался, в результате в 1805 г. обменов не произошло. При этом налеты на русскую территорию продолжались. В апреле 1806 г. последовало высочайшее повеление о выкупе русских пленников, находящихся у черкес (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 505. Л. 22). Выкуп активно проводился с 1806 по 1809 г.

Таблица 1. Выкупленные из плена российскоподданные граждане (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 491. Л. 60; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 505. Л. 80б., 160б, 250б, 340б, 35, 390б, 590б, 650б; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 542. Л. 15, 20, 250б, 30, 42, 420б, 46, 460б, 53, 58, 66, 71, 79; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 577. Л. 5, 10, 14, 18,)

№ пп	Фамилия, имя	Сословие	С какого года в плену	Когда выкуплен	Стоимость выкупа
1	Дертевич Иван	Рекрут	1801	30 августа 1804 г.	Данных нет
2	Матвеев Григорий	Казак ЧКВ ¹	1804	20 марта 1806 г.	Заплачено турецкой монетой 285 юзликов
3	Сияненко Андрей	Казак ЧКВ	1806	20 марта 1806 г.	
4	Бутовхеев Антон	Поляк, житель г. Вылени	1804	1 апреля 1806 г.	Заплачено турецкой монетой 120 юзликов
5	Орел Василий	Казак ЧКВ	1804	23 мая 1806 г.	Данных нет
6	Голубенко Семен	Казак ЧКВ	1804	23 мая 1806 г.	Данных нет
7	Кудрявцев Евсей	Казак ЧКВ	1806	9 июля 1806 г.	Заплачено 155 рублей
8	Ильянченко Георгий	Казак ЧКВ	1804	16 июля 1806 г.	Данных нет
9	Саверин Михайло	Житель Киевской губернии	Данных нет	27 июля 1806 г.	Данных нет
10	Закрыничный Филипп	Казак ЧКВ	Данных нет	3 сентября 1806 г.	Данных нет
11	Никонов Дмитрий	Рядовой Ладожского мушкетерского полка	1776	15 декабря 1806 г.	Данных нет

¹ ЧКВ – Черноморское казачье войско.

12	Комарь Еким	Житель Екатеринославской губернии слободы Крымки	1792	15 декабря 1806 г.	Данных нет
13	Гайденко Демьян	Рекрут	1806	26 октября 1806 г.	Данных нет
14	Терпиненко Лукьян	Рекрут	1806	26 октября 1806 г.	Данных нет
15	Низ	Егерь	1786	26 октября 1806 г.	Данных нет
16	Юржов Пантелеймон	Есаул, казак ЧКВ	1807	12 мая 1807 г.	Заплачено 295 руб. 60 коп.
17	Головко Михайло	Казак ЧКВ	1807	12 мая 1807 г.	
18	Чуприн Василий	Казак ЧКВ	1807	26 мая 1807 г.	Заплачено товаром на 236 руб. 83 коп.
19	Мирошниченко Петр	Казак ЧКВ	1807	26 мая 1807 г.	
20	Кубрак Корней	Казак ЧКВ	1807	1 июня 1807 г.	
21	Черняга Николай	Казак ЧКВ	1807	14 июня 1807 г.	Заплачено товаром на 169 руб.
22	Шпак Григорий	Казак ЧКВ	Данных нет	16 июня 1807 г.	Заплачено турецкой монетой на 390 руб.
23	Павличенко Пантелеймон	Казак ЧКВ	Данных нет	16 июня 1807 г.	
24	Бородавченко Мартин	Казак ЧКВ	Данных нет	16 июня 1807 г.	
25	Пилипенко Федор	Казак ЧКВ	Данных нет	16 июня 1807 г.	
26	Колмик Захарий	Казак ЧКВ	Данных нет	2 июля 1807 г.	Заплачено товаром на 202 руб. 5 коп.
27	Кирьченко Яков	Казак ЧКВ	Данных нет	2 июля 1807 г.	
28	Шраменко Роман	Казак ЧКВ	Данных нет	19 июля 1807 г.	
29	Чередниченко Андрей	Казак ЧКВ	Данных нет	19 июля 1807 г.	Заплачено товаром на 485 руб.
30	Пискуненко Герасим	Зенковского повета казенный поселянин	1792	19 июля 1807 г.	
31	Кобяков Степан	Однодворец из г. Смоленска	1801	19 июля 1807 г.	
32	Хутро Иван	Казак ЧКВ	1804	4 августа 1807 г.	Заплачено солью на 165 руб.
33	Корнеенко Лукьян	Казак ЧКВ	1807	4 августа 1807 г.	
34	Дейнега Дмитрий	Казак ЧКВ	1807	8 октября 1807 г.	Заплачено 250 пудов соли
35	Полторацкий Кирило	Казак ЧКВ	Данных нет	28 августа 1807 г.	Заплачено товаром на 195 руб.
36	Завыйбород Василий	Казак ЧКВ	Данных нет	28 августа 1807 г.	
37	Колмычок Блас	Казак ЧКВ	Данных нет	14 августа 1807 г.	Заплачено 150 пудов соли ¹
38	Новицкий Антон	Поляк, причисленный к ЧКВ	1795	6 сентября 1807 г.	Заплачено солью на 75 руб.
39	Орел Григорий	Казак ЧКВ	Данных нет	7 октября 1807 г.	Заплачено турецкой монетой на 125 руб.

¹ 1 пуд соли в это время стоил около 90 копеек.

40	Гаркушенко Лукьян	Казак ЧКВ	Данных нет	12 ноября 1807 г.	Заплачено турецкой монетой на 138 руб.
41	Попов Никита	Казак ЧКВ	Данных нет	12 ноября 1807 г.	Заплачено солью на 80 руб.
42	Самойленко Петр	Казак ЧКВ	1808	10 марта 1809 г.	Данных нет
43	Иван	Мальчик 2-х лет	1808	10 марта 1809 г.	Данных нет
44	Моргунова Наталья	Жена казака ЧКВ	Данных нет	3 июня 1809 г.	Заплачено 90 пудов соли
45	Волошин Семён	Казак ЧКВ	1808	12 апреля 1809 г.	Заплачено 120 руб.
46	Лебедев Алексей	Великорос	1789	12 апреля 1809 г.	Заплачено 70 руб.
47	Грыщенко Демьян	Малорос	1808	16 апреля 1809	Заплачено товаром на 70 руб.

Только в 1807 г. на выкуп казаков и других русскоподданных из черкесского плена, канцелярией атамана Черноморского казачьего войска, было потрачено 3003 руб. 88 коп. (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 542. Л. 83). В марте 1809 г. наличные средства в турецкой монете и в русских рублях в канцелярии Черноморского казачьего войска подошли к концу, в то же время черкесы перестали менять пленников на соль, которая была в избытке в Анапе. В связи с этим выкуп пленников практически прекратился (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 577. Л. 7).

Ряд нападений черкесов отличался эффективностью. Так, в ночь с 21 на 22 марта 1807 г. черкесы численностью до 30 человек на лодке подошли к Стеблиевскому селению и захватили 18 человек мужчин и женщин (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 533. Л. 13). Среди захваченных были один старик, а остальные женщины и дети (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 533. Л. 15). С 5 по 10 мая 1807 г. последовала репрессаль (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 533. Л. 145). В ходе боев против шапсугов и натухаевцев было убит один офицер и 11 казаков (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 533. Л. 125-128).

Таблица 2. Обмененные пленники (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 505. Л. 160б)

№ пп	Фамилия, имя	Сословие	С какого года в плену	Обмененные черкесы	Когда представлены на обмен
1	Агафия	Дочь казака ЧКВ Ивана Баренина	1804	2 мужчины и 2 женщины ¹	1 апреля 1806 г.
2	Толмаченко Иван (он же Калмыченко)	Казак ЧКВ	1807	Данных нет	26 января 1807 г.
3	Односталный Демьян	Казак ЧКВ	1807	Данных нет	26 января 1807 г.

Данные таблицы 1 и таблицы 2 показывают, что на начальном уровне русская администрация выкупала своих пленников даже за турецкую монету, которую заранее купцы меняли в Анапе. Позднее выкуп осуществлялся за русские рубли или за товар. Из 50 выкупленных или обмененных за это время пленников 35 имели отношение к Черноморскому казачьему войску. В гендерном отношении распределение было следующим: 48 мужчин и 2 женщины, то есть пропорция – 24 к 1. Примерно такое же соотношение было и при обмене пленными в 1803–1804 гг. – 21,8 к 1 (Rajović et al., 2017a: 1271). Важно отметить, что и на русских приграничных территориях наблюдался гендерный дисбаланс. Так, на землях Черноморского казачьего войска в 1801 г. насчитывалось 23474 мужчины и только 9135 женщин (Щербина, 1913: 39). У 32 человек имеются сведения о времени нахождения в плену. Так, из 33 пленников менее года в рабстве провели 14 человек, от 1 года до 3 лет – 9 человек, от 4 до 9 лет – 3 человека, более 10 лет в рабстве провели 6 человек, из них 2 человека по 20 лет и 1 человек провел в плену 30 лет. Максимальное количество лет в рабстве принадлежит Дмитрию Никонову, бывшему рядовому Ладожского мушкетерского полка, захваченному в плен черкесами в 1776 году.

Интересно также отметить, что на следующий год после завершения обмена и выкупа пленных в 1810 г. в море близ Геленджика была захвачено турецкое работорговое судно, на борту которого

¹ Четверо черкесов были отданы за Агафию и переданного ранее казака Григория Волошина (См.: Rajović et al., 2017a: 1271).

находилось 66 рабов (41 абазинец, 15 русских и 10 черкесов) (Cherkasov et al., 2017: 851-864). Освобожденных абазинских пленников русская администрация планировала направить на увеличение контингента, назначенного на обмен пленными. Однако как писал Ф.А. Щербина «абазинцы и абазинки “вопиют” при одной мысли о возвращении их на Кубань к горцам, просят оставить их в русском подданстве и поселить на Таманском полуострове» (Щербина, 1913: 175). Необходимо отметить, что просьба бывших пленников была удовлетворена.

5. Заключение

Подводя итоги важно отметить, что русская администрация в 1803–1809 гг. предпринимала большие попытки по возвращению российскоподданных граждан на родину из черкесского плена. Наряду с обменом, применялся и выкуп пленников. Всего за это время в Российскую империю было возвращено 210 человек, из которых 201 мужчина и 9 женщин. Из 210 пленников 106 человек, то есть 50 % относились к представителям Черноморского казачьего войска. У 97 пленников сохранились сведения о времени пребывания в плену. Так, менее года в рабстве провели 43 человека, от 1 года до 3 лет – 30 человек, от 4 до 9 лет – 10 человек, более 10 лет в рабстве провели 14 человек, из них 4 человека от 20 до 30 лет.

6. Благодарности

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

Литература

- Азнабаев, 2012 – Азнабаев Б.А. Статус пленных в башкирских общинах XVII в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2012. № 4-1 (76). С. 12-16.
- Арипшев, 2015 – Арипшев А.М. Исторические предпосылки заложничества // *Актуальные направления научных исследований: от теории к практике*. 2015. № 3 (5). С. 469.
- Базарова, 2017 – Базарова Т.А. «Долгая дорога домой»: возвращение русских военнопленных в 1710 г. // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы*. 2017. № 18 (1-2). С. 66-73.
- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
- Познахирев, 2014 – Познахирев В.В. Русско-турецкое взаимодействие в деле защиты гуманитарных прав военнопленных в годы Первой мировой войны // *Клио*. 2014. № 10 (94). С. 99-101.
- Сборник сведений о потерях, 1901 – Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. / Составлен А.Л. Гизетти. Тифлис, 1901. 222 с.
- Сильченко, 2011 – Сильченко Ю.С. Сотрудничество лиги наций и международного комитета Красного креста в деле репатриации военнопленных // *Экономика. Управление. Право*. 2011. № 8. С. 63-66.
- Филипчук, 2013 – Филипчук А.М. Пленные русы в русско-византийских договорах: цена и обмен // *Восточная Европа в древности и средневековье*. 2013. Т. 25. С. 259-263.
- Черкасов, 2004 – Черкасов А.А. Институт заложничества на Кубани и Черноморье в 1920–1922 гг. // *Вопросы истории*. 2004. № 10. С. 106-113.
- Черноморские, 2014 – Черноморские казаки. / И.Д. Попко, П.П. Короленко. М., 2014.
- Чернявский, 2016 – Чернявский С.И. Февральская революция 1917 года и судьба военнопленных // *Международная аналитика*. 2016. № 4 (18). С. 71-83.
- Щербина, 1913 – Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Т. 2. Екатеринодар, 1913.
- Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The list of captives from the Turkish vessel belifte as a source of information on the slave trade in the north-western caucasus in the early 19thcentury // *Annales-Anali za Istrske in Mediteranske Studije - Series Historia et Sociologia*. 2017. 27(4). pp. 851-864.
- Rajović et al., 2017 – Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M. Circassia in the Russian-Turkish relations at the end of the XVIII – the beginning of the XIX centuries // *Bylye Gody*. 2017. 45(3). pp. 803-810.
- Rajović et al., 2017a – Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M. The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I // *Bylye Gody*. 2017. 46(4). pp. 1261-1274.
- Türkkan, 2017 – Türkkan Tunali Y. Romanian prisoners of war in the Ottoman territories during the first world war [I. dünya savaşı'nda Osmanlı topraklarındaki Romen esirler]. // *Journal of Modern Turkish History*. 2017. 13(25), pp. 80-116.
- Ulianova, 2014 – Ulianova O. Corvalán for Bukovsky: A real exchange of prisoners during an imaginary war. the Chilean dictatorship, the Soviet Union, and US mediation, 1973–1976. // *Cold War History*. 2014. 14(3), pp. 315-336.

References

- [Aznabaev, 2012](#) – *Aznabaev B.A.* (2012). Status plennykh v bashkirskikh obshchinakh XVII v. [The status of prisoners in the bashkir communities of the XVII century]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 4-1 (76). pp. 12-16. [in Russian]
- [Aripshev, 2015](#) – *Aripshev A.M.* (2015). Istoricheskie predposylki zalozhnichestva [The historical prerequisites for hostage-taking]. *Aktual'nye napravleniya nauchnykh issledovaniy: ot teorii k praktike*. № 3 (5). pp. 469. [in Russian]
- [Bazarova, 2017](#) – *Bazarova T.A.* (2017). «Dolgaya doroga domoi»: vozvrashchenie russkikh voennoplennykh v 1710 g. [“The long road home”: the return of russian war prisoners of war in 1710]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy*. № 18 (1-2). pp. 66-73. [in Russian]
- [GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [The state archives of the Krasnodar territory].
- [Poznakhirev, 2014](#) – *Poznakhirev V.V.* (2014). Russko-turetskoe vzaimodeistvie v dele zashchity gumanitarnykh prav voennoplennykh v gody Pervoi mirovoi voiny [The russian-turkish cooperation in the protection of humanitarian rights of war prisoners during the First world war]. *Klio*. № 10 (94). pp. 99-101. [in Russian]
- [Sbornik svedenii o poteryakh, 1901](#) – Sbornik svedenii o poteryakh Kavkazskikh voisk vo vremya voin Kavkazsko-gorskoj, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiiskom krae 1801–1885 gg. [The collection of data on the losses of the Caucasian troops during the wars of the Caucasian-Gorskiy, Persian, Turkish and in the Transcaspiian region 1801–1885 years] / Sostavlen A.L. Gizetti. Tiflis, 1901. 222 p. [in Russian]
- [Sil'chenko, 2011](#) – *Sil'chenko Yu.S.* (2011). Sotrudnichestvo ligi natsii i mezhdunarodnogo komiteta Krasnogo kresta v dele repatriatsii voennoplennykh [The cooperation between the league of nations and the international committee of the Red Cross in the field of the repatriation of war prisoners]. *Ekonomika. Upravlenie. Pravo*. № 8. pp. 63-66. [in Russian]
- [Filipchuk, 2013](#) – *Filipchuk A.M.* (2013). Plennye rusy v russko-vizantiiskikh dogovorakh: tsena i obmen [The captured russes in the russo-byzantine treaties: price and exchange]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e*. T. 25. pp. 259-263. [in Russian]
- [Cherkasov, 2004](#) – *Cherkasov A.A.* (2004). Institut zalozhnichestva na Kubani i Chernomor'e v 1920–1922 gg. [The institute of hostage at the Kban and Black Sea region, 1920-1922.]. *Voprosy istorii*. № 10. pp. 106-113. [in Russian]
- [Chernomorskie, 2014](#) – Chernomorskie kazaki [Black Sea Cossacks]. / I.D. Popko, P.P. Korolenko. M., 2014. [in Russian]
- [Chernyavskii, 2016](#) – *Chernyavskii S.I.* (2016). Fevral'skaya revolyutsiya 1917 goda i sud'ba voennoplennykh [The February revolution of 1917 and the fate of war prisoners]. *Mezhdunarodnaya analitika*. № 4 (18). pp. 71-83. [in Russian]
- [Shcherbina, 1913](#) – *Shcherbina F.A.* (1913). Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska [The history of the Kuban Cossack army]. V 2 t. T. 2. Ekaterinodar. [in Russian]
- [Cherkasov et al., 2017](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2017). The list of captives from the Turkish vessel *belifte* as a source of information on the slave trade in the north-western caucasus in the early 19th century. *Annales-Anali za Istrske in Mediteranske Studije - Series Historia et Sociologia*. № 27(4). pp. 851-864.
- [Rajović et al., 2017](#) – *Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M.* (2017). Circassia in the Russian-Turkish relations at the end of the XVIII – the beginning of the XIX centuries. *Bylye Gody*. 45(3). pp. 803-810.
- [Rajović et al., 2017a](#) – *Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M.* (2017). The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I. *Bylye Gody*. 46(4). pp. 1261-1274.
- [Türkkan, 2017](#) – *Türkkan Tunali Y.* (2017). Romanian prisoners of war in the Ottoman territories during the first world war | [I. dünya savaşı'nda Osmanlı topraklarındaki Romen esirler]. *Journal of Modern Turkish History*. 13(25), pp. 80-116
- [Ulianova, 2014](#) – *Ulianova O.* (2014). Corvalán for Bukovsky: A real exchange of prisoners during an imaginary war. the Chilean dictatorship, the Soviet Union, and US mediation, 1973–1976. *Cold War History*. 14(3), pp. 315-336.

**Обмен пленными как новая форма русско-черкесского диалога
в начале XIX века: часть 2**

Горан Райович ^{a, *}, Дмитрий Олегович Ежевский ^b, Алла Геннадьевна Вазерова ^c, Милица Трайлович ^d

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

^c Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

^d Университет г. Женева, Швейцария

Аннотация. В статье рассматривается обмен и выкуп пленными как форма русско-черкесского диалога, которая позволила в 1805–1809 гг. вернуть на родину 50 русских пленников. Уделено внимание социальному, гендерному составу русских пленников. Проанализированы материалы организации обмена и выкупа пленными.

В качестве материалов использованы неопубликованные документы государственного архива Краснодарского края (г. Краснодар, Российская Федерация). Привлечена к исследованию также специализированная и мемуарная литература.

При решении исследовательских задач применялись общенаучные традиционные методы анализа, синтеза, конкретизации, обобщения. Важное значение в исследовании имеет статистический метод, благодаря которому были вычислены гендерный, национальный и социальный составы обмененных пленников. Вычислены также сроки пребывания в плену.

В заключении авторы отмечают, что русская администрация в 1803–1809 гг. предпринимала большие усилия по возвращению российскоподданных граждан на родину из черкесского плена. Наряду с обменом, применялся и выкуп пленников. Всего за это время в Российскую империю было возвращено 210 человек, из которых 201 мужчина и 9 женщин, из них 50 человек в 1805–1809 гг. Из 210 пленников 106 человек, то есть 50 % относились к представителям Черноморского казачьего войска. У 97 пленников сохранились сведения о времени пребывания в плену. Так, менее года в рабстве провели 43 человека, от 1 года до 3 лет – 30 человек, от 4 до 9 лет – 10 человек, более 10 лет в рабстве провели 14 человек, из них 4 человека от 20 до 30 лет.

Ключевые слова: обмен пленными, выкуп пленными, Кавказская война, черкесы, русская армия, гендерный дисбаланс, социальное положение пленников.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович), Dima0404@mail.ru (Д.О. Ежевский), history@pguas.ru (А.Г. Вазерова)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 161-171. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.161
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Maps of the XIX century as a Source of Historical Toponymy of Kazakhstan

Didar E. Zhumekenova ^{a, *}, Tlegen S. Sadikov ^a

^a Eurasian national University. L.N. Gumilev, Kazakhstan

Abstract

The article looks at the study of cartographic materials of the XIX century as a source of historical toponymy of Kazakhstan. The source review of maps and cartographic materials of the XIX century is presented on the basis of theoretical analysis of sources.

The purpose of the article is to analyze the cartographic materials of the XIX century, where various data on the history of the Steppe region is presented, which are a valuable source for studying the historical toponymy of Kazakhstan. The emphasis is given to the study of maps of military topographers, cartographic documents stored in archives and published maps, in works and notes of prerevolutionary scientists.

The authors made an attempt to assess objectively the cartographic documents of the XIX century based on a comprehensive historical analysis of sources.

The authors concluded that cartographic materials are the main means of transmitting topographic information. The use of old maps allowed to create a complete picture of the historical toponymy of Kazakhstan in the past.

Keywords: historical toponymy, Kazakhstan, Steppe region, cartographic material, maps, source.

1. Введение

Важным условием развития исторической науки современного Казахстана является осмысление событий и явлений прошлого на основе исторического анализа источников. В этой связи актуальным является научная необходимость системного изучения уникальных и содержательных картографических материалов прошлого Казахстана. Картографические материалы, в частности карты и атласы, имеют важное значение в сборе и структурном анализе топографических сведений. Широкое использование картографических документов позволяет установить время возникновения того или иного населенного пункта, получить объективные сведения о реках, озерах и т.д.

Актуальность данного исследования определяется, прежде всего, тем, что карты XIX века, как наиболее ценный информационный источник дореволюционного периода, крайне редко используется в научных исследованиях по истории и исторической топонимике Казахстана.

2. Материалы и методы

К основополагающей группе источников данного исследования относится комплекс картографических материалов, составленный военными топографами и некоторые документы, отложившиеся в фондах Государственных архивов Оренбургской и Омской областей Российской Федерации, Центрального Государственного архива Республики Казахстан (г. Алматы).

Историческая наука накопила и имеет значительный методологический багаж, что позволяет создать исследовательскую базу данной работы, в основе которой лежат дополняющие друг друга различные методы. Главными являются общенаучные принципы познания и, прежде всего, принцип историзма. Принцип историзма предусматривает изучение различного исторического явления в его

* Corresponding author

E-mail addresses: dzhumekenova@gmail.com (D.E. Zhumekenova), sadikov_ts@enu.kz (T.S. Sadikov)

развитии, конкретно-исторической обусловленности и индивидуальности. Исследование основано также на принципе системности, что позволило авторам рассмотреть проблему как единое целое. Принцип объективности предполагает всесторонность изучения исторических явлений и процессов. Из указанных выше методологических принципов вытекают и частные методы исследования, такие как проблемно-хронологический и историко-сравнительный. Проблемно-хронологический метод определил структуру научного исследования. Сравнительно-исторический метод позволил раскрыть сущность исследуемого явления.

Изучение и выявление топонимического материала требует привлечения картографических источников. В связи с этим картографический метод успешно применен нами для установления закономерностей размещения топонимических явлений.

3. Обсуждение

Вхождение края в состав Российской империи требовало от царской администрации знания о вошедших в состав России земель. В XIX веке военные офицеры и участники экспедиций Л. Мейер (Мейер, 1865), С.Б. Броневский (Броневский, 1964), Г.В. Генс (Генс, 1908), И.Ф. Бларамберг (Бларамберг, 1848), М. Красовский (Красовский, 1868), М.И. Венюков (Венюков, 1873) и другие составили подробные историко-географические описания края и разработали маршрутные карты.

Серьезный вклад в изучение характеристик рельефа местности и топонимов внесли дореволюционные ученые как: А.И. Левшин (Левшин, 1996), Г.Н. Потанин (Потанин, 1867), М. Путинцев (Путинцев, 1891), Г.С. Карелин (Карелин, 1831) и П.П. Семенов-Тянь-Шанский (Семенов-Тянь-Шанский, 1903), которые занимались систематизацией географических названий и картографических данных территории Степного края.

Среди исследователей Азии особое внимание вопросам исторической топонимики уделял казахский ученый Ч. Валиханов (Валиханов, 1985), проводивший научные исследования в этой области. Ч. Валиханов по праву является основоположником картографии казахского края. Картографические документы, составленные Ч. Валихановым, являются ценным источником для изучения исторической топонимики Казахстана. Ученый подробно описывал свое путешествие, а описания иллюстрировал картограммами.

Сведения о топонимике Степного края содержатся в работах и публикациях зарубежных путешественников. Историко-географические и картографические материалы имеются в работах J. Baddeley (Baddeley, 1919), N. Poppe (Poppe, 1955) и др.

4. Результаты

Картографические работы начали интенсивно проводиться в приграничных административных центрах России в XVIII в. Однако, если карты XVIII века дают общее сведение об описываемой территории Казахстана, то картографические материалы уже XIX века дают полные сведения о географии края, населенных пунктах и освоении новых территорий. Карты XIX века отличаются тем, что имеют градусную сетку, и в основе их лежат материалы топографических съемок.

Начало основного картографического наследия территории современного Казахстана связано с военными ведомствами Российской империи с 1797 г., в частности с момента создания императорского Депо карт, на основе которого в 1812 г. возникло Военно-топографическое депо. Создание Военно-топографического депо внесло огромный вклад в исследование земель Казахского края и положило начало организаций военно-топографической службы в России (Ксенжик, 2015: 152).

В 20–30-е годы XIX века в Казахстане картографические работы получили особый размах. Связано это в первую очередь с экспедиционной деятельностью русских путешественников и военных чиновников. Участники экспедиций в первой половине XIX в. оставили подробные историко-географические описания края и разработали маршрутные карты. Так, переводчик М. Путинцев, посетив кочевья казахов Среднего и Старшего жузов, собрал сведения о топонимике казахского края; лекарь Зибберштейн, сопровождавший в 1825 г. экспедицию полковника Шубина в Семиречье, собрал сведения о расселении киргизов (казахов – автор.) Старшего жуза. Данные сведения легли в основу карт по Киргизии и Южному Казахстану; Г.С. Карелин принимал участие в двух экспедициях к северо-восточным берегам Каспийского моря и собрал ценные материалы по географии казахов, тем самым внес значительный вклад в картографирование Степного края; Г.Н. Потанин летом 1862 года в составе экспедиции К.В. Струве посетил Степной край. Главной целью данной экспедиции была съемка местности для составления подробных карт и всестороннее изучение Казахского края (Бекмаханова, 1983: 166-167).

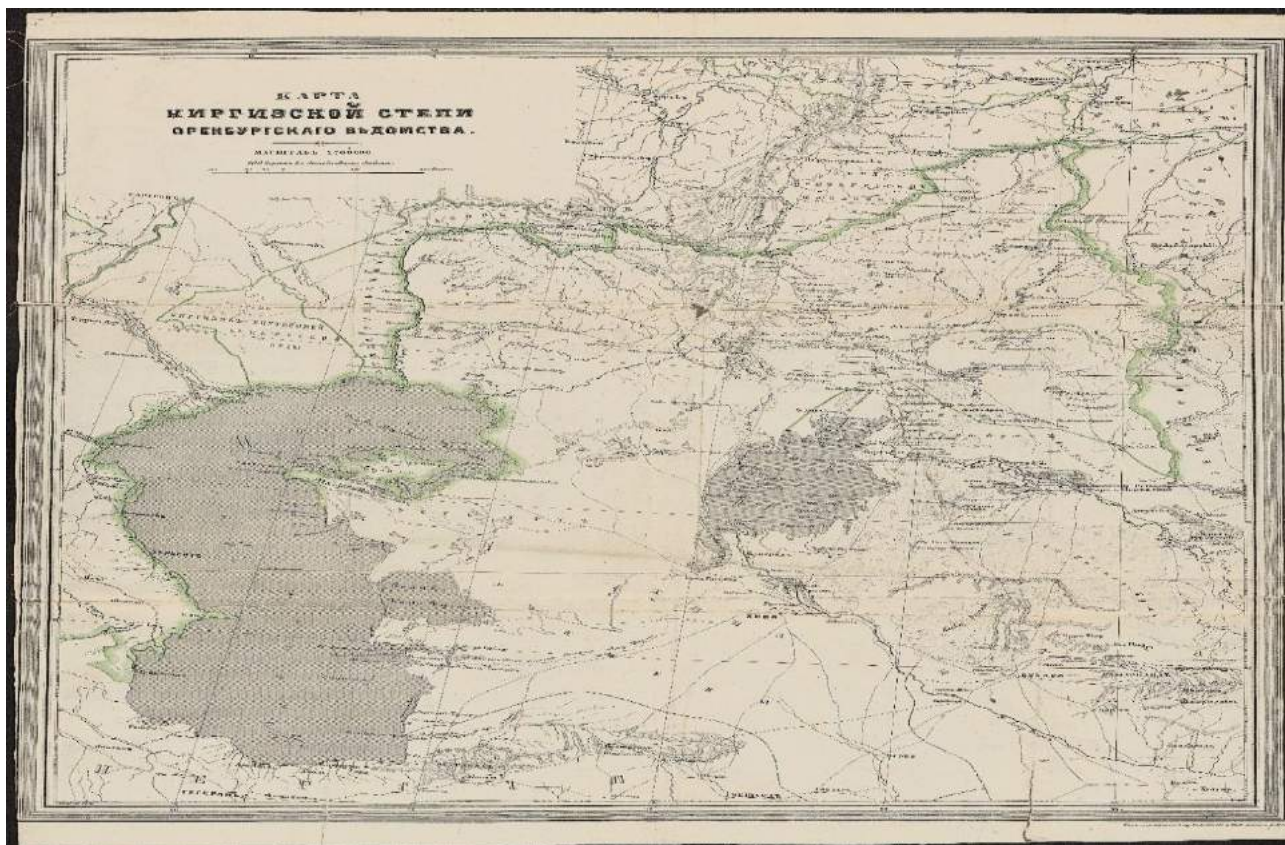
На развитие картографических работ, в частности на территории Младшего жуза, оказал значительное влияние создание отдельного Оренбургского корпуса с квалифицированными военными топографами. До 20–30-х годов XIX века карты в степи были составлены по маршрутам путешественников. Однако, данные картографические материалы по обширности своей не всегда были точными и были частично не верны.

Первые съемки степного пространства были начаты в 1822 г. Особый интерес представляют журналы с данными о съемках полковника Милорадовича и военно-топографическое обозрение Киргиз-Кайсацкой степи 1823 г., карты юго-западной части Центрального Казахстана, обозрение

киргиз-Кайсацкой степи Гавердовского, топографическое описание Тургайской степи поручика Яковлева ([Маргулан, 2011: 278](#)).

В первой половине XIX века были составлены и изданы несколько рукописных карт: «Карта Оренбургской губернии»; «Карта части Средней Азии, содержащая земли киргиз-кайсаков, туркменов, каракалпаков и бухарцев»; «Генеральная карта Азиатской России» и т.д. составителем последней является поручик Поздняков. Данные карты ценны тем что, содержат подробные описание населенных пунктов и уникальные данные о расселении народов Средней Азии и Казахстана. Особо следует отметить рукописную карту «Киргиз-кайсацкой степи и Туркестана», составленную топографом А.К. Тимофеевым и А.И. Левшиным. Данная карта является уникальным историко-географическим и топографическим источником. Карта основана на других, ранее изданных, рукописных картах и отчетах, различных экспедициях из архивов Оренбургской пограничной комиссии. В карте «Киргиз-кайсацкой степи и Туркестана» подробно описаны и показаны караванные пути, названия топонимов, линии русских укреплений и проведены границы между казахскими жузами ([Ксенжик, 2015](#)).

Во второй половине XIX века было составлено несколько карт, которые представляют особую ценность: «Генеральная карта Оренбургского края и части Хивинского и Бухарского владений»; «Карта Сырдарьинской линии» и «Карта Киргизской степи Оренбургского ведомства и Бухарского, Хивинского и Кокандского владений». Данные карты позволяют уточнить местоположение крупных и мелких населенных пунктов Степного края, а также определить хозяйственно-экономическую освоенность территории. Так, например, карта «Киргизской степи Оренбургского ведомства» ([рис. 1](#)), составленная подполковником генерального штаба Л. Мейером, из книги "Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства", где показаны: реки, озера, пески, разливы, урочища, главные населенные пункты, форты и укрепления. Также указаны границы внутренних административных единиц, большие и малые дороги ([Мейер, 1865](#)).

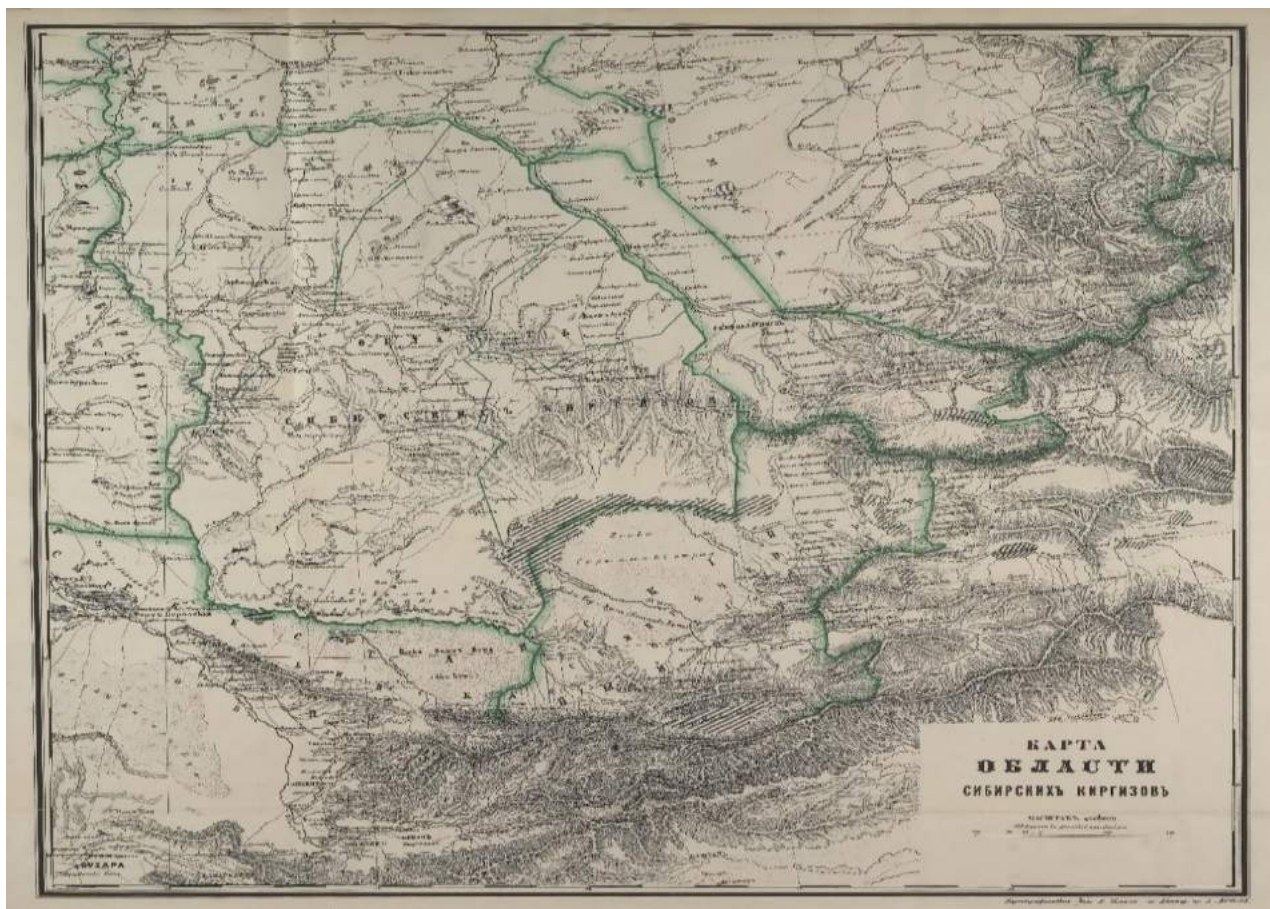

Рис. 1. Карта Киргизской степи Оренбургского ведомства. Масштаб: в 1 дюйме 100 верст. Картографического заведения у Ник. моста. Составил подполковник генерального штаба Л. Мейер. Карта является приложением к книге Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба

Каждая из вышеуказанных карт содержит географо-топонимическую информацию, которая отчасти повторяется в других картах казахских земель, созданных XIX в. Но вместе с тем, все эти карты, взятые в целом, взаимно дополняют и уточняют друг друга, предоставляя историкам ценные

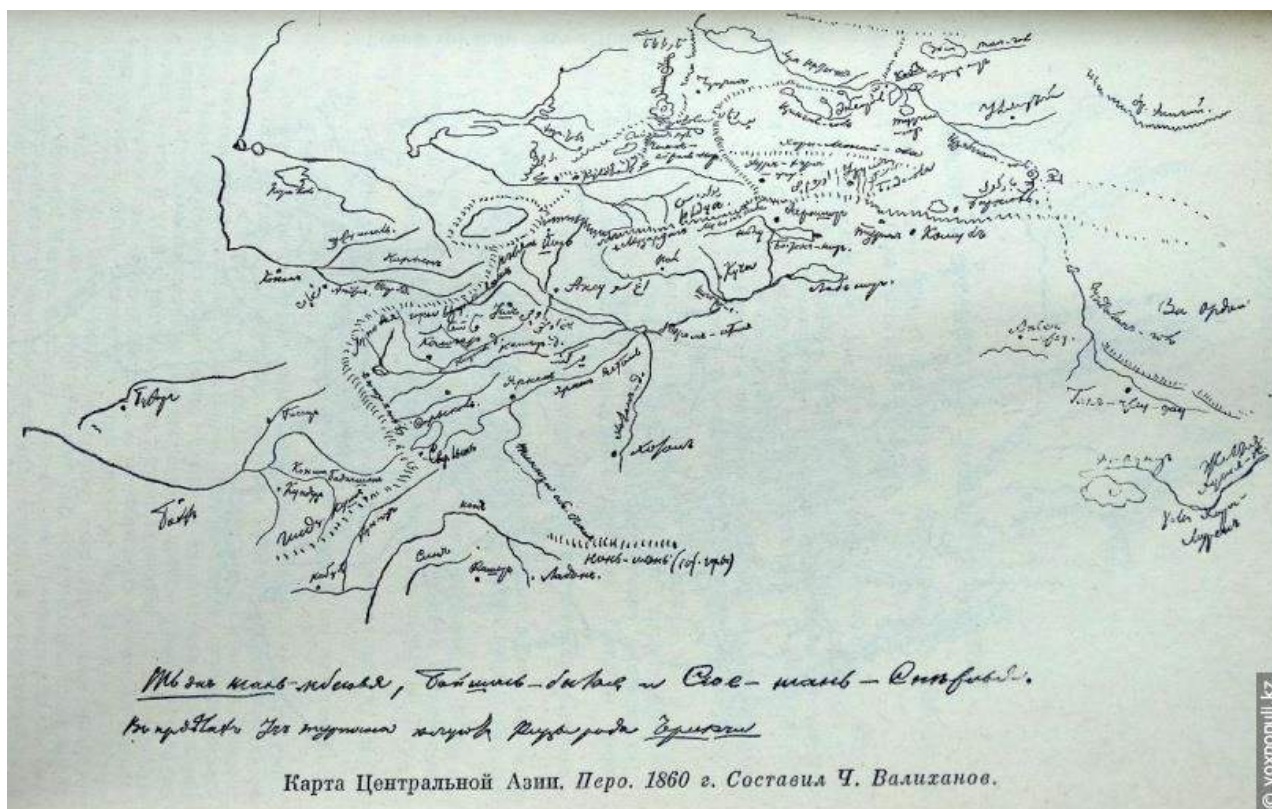
фактические данные по исторической топонимике, военно-политической истории населения Степного края.

В первой четверти XIX века появляются исследования военно-топографического характера. Большой вклад в изучение края в 20-х годах XIX века внесли офицеры корпуса военных топографов, который был учрежден в 1822 году при главном штабе Русской армии с целью осуществления наиболее эффективных съемок местности. Корпус из военных топографов при Главном штабе русской армии и Военно-топографическом депо. Проект о Корпусе военных топографов был утвержден 28 января 1822 г. Военные топографы занимались не только съемками маршрутов, но и другими специальными исследованиями. К примеру, более многоплановым изучением местности, в которой им приходилось работать. Исследования корпуса военных топографов создали основу историко-географических представлений о регионе. Данные исследования осуществлялись с применением методов военно-топографического описания, в результате чего заложили основы реального изучения Казахстана. К примеру, карта, составленная подполковником генерального штаба Н. Красовским (рис. 2), которая является приложением к книге «Материалы для географии и статистики России», собранные офицерами генерального штаба (Красовский, 1868).

Рис. 2. Карта области и мест Сибирских киргизов 1868 г. Масштаб: в 1 дюйме 100 верст. Картографические сведения А. Ильина. Составил подполковник генерального штаба Красовский. Карта является приложением к книге «Материалы для географии и статистики России», собранные офицерами генерального штаба

Среди картографических материалов военных топографов огромную ценность представляет картографическое наследие Чокана Валиханова. В 1856 г. ученый по поручению Генерального штаба занимается составлением карты всей Средней Азии и Восточного Туркестана. В работе над составлением данной карты Ч.Ч. Валиханов использовал сведения различного характера, касающиеся Средней Азии и Восточного Туркестана (рис. 3). Отдельное внимание заслуживают карты, непосредственно касающиеся территории Казахстана, «Карта Казахской степи середины XIX века» и «Карта Семиречья», «Схематическая карта Тургайской степи и Кушмурунского округа 1852 г.» (Ксенжик, 2016). Отличие последней заключается в том, что данная карта охватывает не большую территорию, но по степени подробности и содержательности в показе населенных пунктов - урочищ, городов, крепостей и т.д., а также природных объектов - рек, озер и отчасти некоторых элементов рельефа, превосходит остальных карт.

Рис. 3. Рукописная карта Центральной Азии. 1860 г. Составил Ч. Валиханов

Так, военное ведомство большое внимание стало уделять на картографирование регионов современного Казахстана. Для получения точных топографических сведений о территории Степного края царское правительство в 20-е годы XIX века приступило к масштабной топографической съемке. Собранные материалы военными топографами послужили основой для составления десятиверстной специальной карты Западной Сибири на 92 листах и Генеральной карты Западной Сибири с казахской степью на 4 листах (*Атлас Азиатской России...*, 1914: 1-4).

Коллекции картографического материала XIX в., с подробным описанием населенных пунктов, отложены в архивах Оренбургской и Омской областей Российской Федерации. К числу наиболее ценных информационно-познавательных картографических документов, почти не использовавшихся до сих пор в научных исследованиях по исторической топонимике края, следует отнести следующие карты: Карта Кустанайского уезда Тургайской области (ГАОО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 6252. Л. 1) (рис. 4); Карта Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей с Туркестанским генерал-губернаторством (ГИАОО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1. Л. 1. К. 1) (рис. 5), Карта границ между Павлодарским и Акмолинским уездами с указанием местности для образования летовок киргизов (ГИАОО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 11. Л. 1), Карта Акмолинской области 1891 г. (ГИАОО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 12. Л. 1), Карта Акмолинского уезда Акмолинской области 1887 г. (ГИАОО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 13. Л. 1), Карта Кокчетавского уезда Акмолинской области 1887 г. (ГИАОО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 16. Л. 1), Карта Семиреченской с указанием границ уездов 1883 г. (ГИАОО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 25. Л. 1), Казахстан и Средняя Азия в середине XIX в. (ГИАОО. Ф. 198. Оп. 2. Д. 1. Л. 1. К. 1), Карта земель Петропавловского уезда и части Казахстана 1893 г. (ГИАОО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 187. Л. 1) и другие.

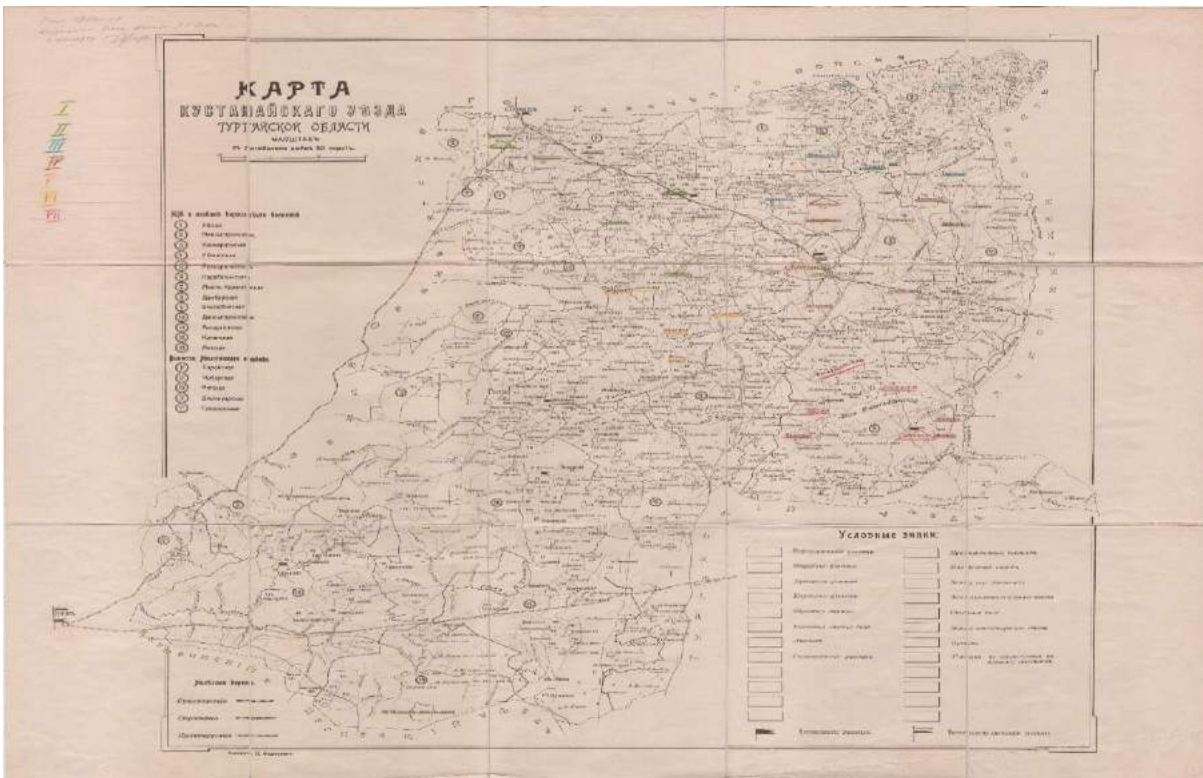

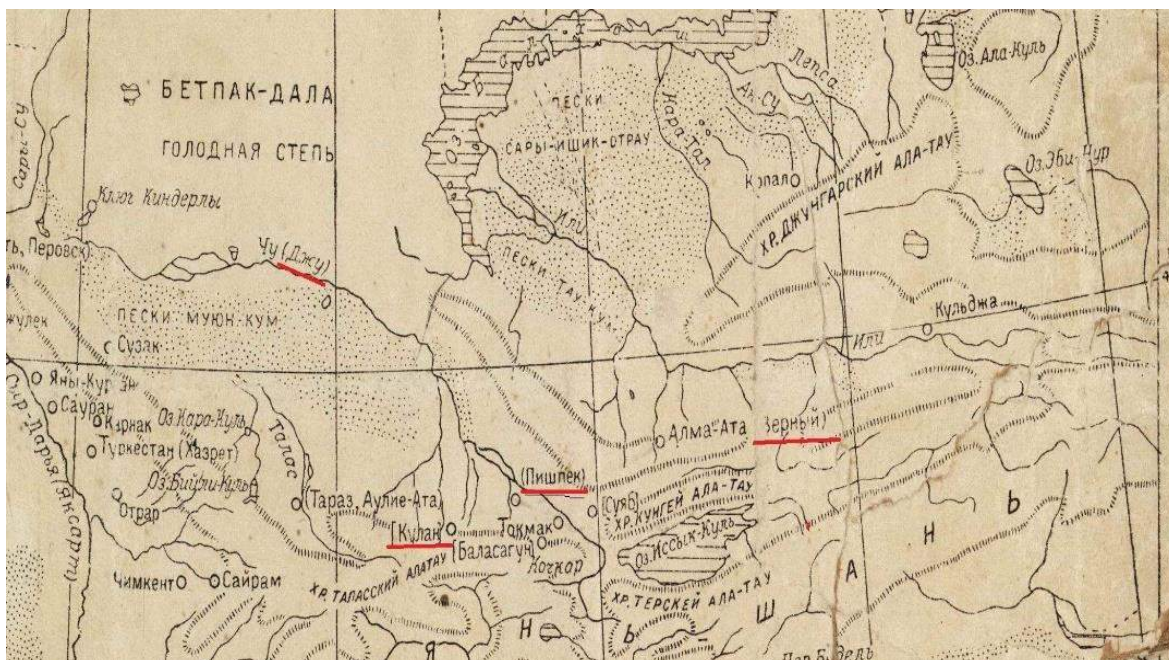
Рис. 4. Карта Кустанайского уезда Тургайской области

Рис. 5. Фрагмент Карта Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей с Туркестанским генерал-губернаторством

Коллекции картографических документов, хранящиеся в архивах, несут в себе несомненную практическую значимость с точки зрения исторической топонимики. К числу наиболее содержательных карт следует отнести Карту Казахстана и Средней Азии в середине XIX века (рис. 6).

Особенность данного картографического документа заключается в том, что при составлении карты сохранены старые географические, топонимические названия местности, рек и озер. К примеру, топонимы середины XIX века даны без особых обозначений, прежние названия существующих объектов указаны в простых скобках, например (Верный), названия объектов, исчезнувших к середине XIX века, даны в прямых скобках, например [Кулан].

Рис. 6. Фрагмент Карты Казахстана и Средней Азии в середине XIX века

Богатые и, вместе с тем, малоизученные картографические источники сосредоточены в фонде № 689 Центрального государственного архива Республики Казахстан в г. Алматы. Среди большого количества выявленных нами картографических материалов особо ценностью представляют следующие карты: Карта внутренней киргизской орды 1840 г. (ЦГА. Ф. 689. Оп. 1. Д. 2. Л.1), Карта границы между Сибирскими и Оренбургскими киргизами 1841 г. (ЦГА. Ф. 689. Оп. 1. Д. 3. Л. 1), Карта Внутренней киргизской Орды 1863 г. (ЦГА. Ф. 689. Оп. 1. Д. 6. Л. 1), Карта Внутренней Орды 1864 г. (ЦГА. Ф. 689. Оп. 1. Д. 7. Л. 1), Карта границы между Сибирскими и Оренбургскими киргизами 1864 г. (ЦГА. Ф. 689. Оп. 1. Д. 8. Л. 1), Карта Туркестанского генерал-губернаторства 1868 г. (ЦГА. Ф. 689. Оп. 1. Д. 9. Л. 1), Карта Азиатской России с прилегающими к ней владениями 1884 г. (ЦГА. Ф. 689. Оп. 1. Д. 10. Л. 1) и др.

Таким образом, ценность источников, выявленных нами картографических материалов XIX века, включают два аспекта: первый обуславливается конкретным содержанием карт, второй связан с тем, что картографические документы являются продуктом определенной исторической эпохи, ее документальным памятником.

Комплекс мелко- и крупномасштабных карт XIX века, составленные топографами Сибирского и Оренбургского корпусов российских пограничных войск, охватывающие разные географические регионы Степного края, представлены в таких крупных изданиях как «Россия. Географическое описание Российской Империи по губерниям и областям с географическими картами» (Россия. Географическое описание..., 1913) и «Подробный атлас Российской Империи с планами главных городов» (Ильин, 1876).

Следует отметить, что с именем картографа Ильина Алексей Афиногеновича (1832–1889) связано возникновение и развитие первого в России частного картографического заведения. Спектр изданий, выходящих в нем, был необычайно широк: атласы, планы городов, глобусы, учебная литература, коронационные альбомы российских императоров и многое другое. «Подробный атлас Российской империи с планами главных городов» содержит географические карты российских губерний, краев и областей с планами губернских центров. Кроме того, в нем помещено несколько солидных, содержательных карт регионов современного Казахстана (этнографическая, административная и т.д.). Карты атласа являлись долгое время самыми точными и подробными картами Степного края. Данный Атлас был единственным крупным изданием подобного рода.

Определенный научно-практический интерес для изучения исторической топонимики прошлого Казахстана представляют так называемые отраслевые карты XIX века, среди которых особое внимание заслуживают географические и геологические карты. К примеру, карта географических обозрений восточной части киргизской степи в Западной Сибири по

естественноисторическим сведениям о Степном крае с 1820 по 1893 годы, составленный горным инженером Г.Д. Романовским. В конце XIX века А. Сидельниковым составлены подробные географические карты территории Казахстана (Ксенжик, 2015).

Участниками экспедиции по обследованию киргизского землепользования составились карты «Киргизского землепользования и пастбищных районов» с указанием границ уездов, всех видов пастбищных угодий и т.д. Так, в Акмолинском уезде старшим топографом Славецким была составлена карта по казахскому землепользованию Акмолинского уезда (Материалы по киргизскому..., 1907). Однако, картографические работы ранних межеваний были весьма плохого качества. Выявились это в начале XIX века, когда Межевой департамент проводил обследования этих материалов для выявления возможности использования их в процессе генерального межевания. В 1806 году Сенатом была разработана и утверждена дополнительная инструкция «О порядке межевания земель и производстве межевых дел». Основанием послужили опыты съемок генерального межевания и использования этих материалов в качестве источников карт. Главной целью данного документа было совершенствование съемочных и картосоставительных работ. Согласно инструкции межевые карты должны были уделять особое внимание границам владений, природным контурам и объектам, показывая их с наибольшей точностью.

В межевой инструкции начала XIX века получили развитие идеи унификации методики съемки, составления карт и порядок оформления межевых карт и атласов. Картографические материалы создавались параллельно с алфавитными списками населенных мест. В инструкции также указывалось о методах сбора сведений, межевые работы следует начинать со сбора географических, экономико-статистических сведений.

Весомый вклад в изучение географии и картографирование Средней Азии и Казахстана внесли братья Ханьковы. Ими собраны материалы для карт о казахах Младшего жуза и об Оренбургском крае, проведены топографические работы на реке Сары-Су, Чу, в Голодной степи (Бетпак дала – Авт.), у озера Балхаш и Иссык-Куль (Бекмаханова, 1983). На карте, составленным членом императорского русского географического общества Я. Ханьковым в 1854 году отмечены маршруты путешественников-исследователей территории Казахстана: Муравина (1714 г.), Флорио Беневини (1725 г.), Томсона (1741 г.), Миллера (1743 г.), Форстера (1784 г.), Пospelова (1800 г.), Трюльера (1806–1808 гг.), Назарова (1813–1814 гг.), Генца и Тафаева (1815 г.), Негри и Мендорфа (1820 г.), Фрезера (1822 г.), Жемчужникова (1823 г.), Федорова (1833–1837 гг.), Ханибергера и Демезона (1834 г.), Виткевича (1836 г.), Бларамберга и Бутенева (1841 г.), Конолли (1841 г.), Бларамберга и Романова (1841 г.), Никифорова (1841 г.), Ханькова и Лемана (1841–1842 гг.), Бларамберга (1846 г.), Лемма (1847 г.). Также на данной карте указаны пути сообщения и населенные пункты, отмечена ставка хана Джангира (Ксенжик, 2015: 152–153).

В XIX в. определенное влияние на развитие картографических работ оказывало совершенствование технической оснащенности царской армии. В инструкциях для составления картографического материала военным топографам-исследователям выдвигались дополнительные требования. Помимо составления карт, военным топографам необходимо было давать полное описание всех элементов ландшафта. К примеру, в описаниях требовалось указывать ширину и глубину рек в различных местах и т.д.

Из приведенного обзора картографических материалов, следует вывод, что карты представляют собой очень ценный источник для изучения не только исторической топонимики Степного края, но и для изучения различных вопросов дореволюционной истории Казахстана.

Таким образом, наиболее солидно, как по содержательности, так и по их информативной насыщенности историко-географическое прошлое Казахстана представлено в картографических материалах периода XIX в.

5. Заключение

Главным фактором успешного развития географических сведений о Казахстане служили возрастающие русско-казахские связи. Исследования населенных мест Степного края и их топонимов шли от сбора разрозненных материалов к систематическому изучению со стороны научных учреждений России.

Таким образом, следует особо подчеркнуть, что использование карт для изучения истории и исторической топонимики Казахстана XIX в. позволяют исследователям не только составить более или менее четкое представление об уровне его изучения российской наукой, но имеют большое практическое значение для развития научных знаний об историческом прошлом Степного края.

Заслуживает быть отмеченным и тот факт, что хранящиеся в архивах картографические документы являются важными источниками, информирующими об особенностях пространственного размещения объектов, явлений, процессов природы и общественной жизни. Научное и практическое значение этих документов определяется территориальной сущностью, заключенной в них информации.

Литература

Атлас Азиатской России..., 1914 – Атлас Азиатской России. Издание переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. Издано под руководством Т.В. Глинки. СПб., 1914. 71 с.

Бекмаханова, 1983 – Бекмаханова Н.Е. К характеристике источников «Исторические карты Казахстана первой половины XIX в.» // Проблемы исторической географии России. Вопросы картографии и картографического источниковедения. Вып. III. Москва, 1983. С. 163-177.

Бларамберг, 1848 – Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) Орды и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. // Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1848. Ч.3. Т. 14. 193 с.

Броневский, 1964 – Броневский С.Б. Из записки начальника штаба Отдельного Сибирского корпуса генерал-майора Броневского, представленной генерал-губернатору Западной Сибири о положении в Среднем жузе // В кн.: Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. Алма-Ата, 1964. 574 с.

Валиханов, 1985 – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. 416 с.

Венюков, 1873 – Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873. 457 с.

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.

ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области.

Генс, 1908 – Генс Г.В. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 19. Москва, 1908. 278 с.

Ильин, 1876 – Ильин А. Подробный атлас Российской империи с планами главных городов. СПб., 1876. 72 л. карт.

Карелин, 1831 – Карелин Г.С. Журнал, веденный при обозрении части Киргизской степи в ученом отношении Титулярным советником Карелиным. СПб., 1831. 11 с.

Красовский, 1868 – Красовский Н.И. Область Сибирских киргизов // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. В III частях. СПб., 1868. Ч. I. 451 с.

Ксенжик, 2015а – Ксенжик Г.Н. Историческая география степных областей Казахстана в XIX – начале XX вв. Алматы, 2015. 406 с.

Ксенжик, 2015б – Ксенжик Г.Н. Картографические документы XIX – начала XX в.: Источник по истории, этнографии, топонимике и исторической географии Казахстана // *Отан тарихы (Отечественная история)*. 2015. №3. С. 149-160.

Ксенжик, 2016 – Ксенжик Г.Н. Ч.Ч. Валиханов – основоположник отечественной картографии // *Электронный научный журнал «edu.e-history.kz»* 2016. № 2(06), (электронный ресурс)

Левшин, 1996 – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996. 656 с.

Маргулан, 2011 – Маргулан А.Х. Сочинения. Т. 8. Алматы, 2011. 469 с.

Материалы по киргизскому..., 1907 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по использованию степных областей. Акмолинский уезд. СПб., 1907. 532 с.

Мейер, 1865 – Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1865. 288 с.

Потанин, 1867 – Потанин Г.Н. Материалы по истории Сибири // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. М., 1867. Кн. 1. 324 с.

Путинцев, 1891 – Путинцев М. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времен водворения западно-сибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. Омск, 1891. 229 с.

Россия. Географическое описание..., 1913 – Россия. Географическое описание Российской империи по губерниям и областям с географическими картами. СПб., 1913. 286 с.

Семенов-Тянь-Шанский, 1903 – Семенов-Тянь-Шанский П.П. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Киргизский край. Т. 18 / Под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского. СПб., 1903. 479 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Baddeley, 1919 – Baddeley J. Russia, Mongolia, China. L., 1919. 447 p.

Poppe, 1955 – Poppe N. Renats Kalmuck maps // *Imago mundi*. Vol. 12. Stockholm, 1955. pp. 157-159.

References

Atlas Aziatskoy Rossiy..., 1914 – Atlas Aziatskoy Rossiy. Izdanie pereselencheskogo upravleniya Glavnogo upravleniya zemleustroistva i zemledeliya [Atlas of Asian Russia. Edition of the resettlement department of the Main Directorate of Land Management and Agriculture]. Izdano pod rukovodstvom T.V. Glinki. St. Petersburg, 1914. 71 p. [in Russian]

Bekmahanova, 1983 – Bekmahanova N.E. (1983). K harakteristike istochnikov «Istoricheskii karti Kazahstana pervoi polovini XIX v.» [To the characteristic of resources «Historical maps of Kazakhstan in the first half of the XIX century»]. Problemi istoricheskoi geografii Rossiy. Voprosi kartografii i kartograficheskogo istochnikovedeniya. Vip. III. Moskva, pp. 163-177 [in Russian]

- Blaramberg, 1848** – *Blaramberg I.F.* (1848). Voенно-statisticheskoe obozrenie zemli kirgiz-kaysakov Vnutrenney (Bukeevskoy) Ordy i Zauralskoy (Maloy) ordy Orenburgskogo vedomstva. [Military statistical survey of the land of the Kirghiz-Kaisaks of Inner (Bukeevskaya) Horde and the Trans-Ural (Mimor) Horde of the Orenburg department]. Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossiyskoy imperii. St. Petersburg. Ch. 3. T. 14. 193 p. [in Russian]
- Bronevskii, 1964** – *Bronevskii S.B.* (1964). Iz zapiski nachalnika shtaba Otdelnogo Sibirskogo korpusa general-mayora Bronevskogo, predstavlennoy general-gubernatoru Zapadnoy Sibiri o polozhenii v Srednem zhuze [From the note of the Chief of Staff of the Independent Siberian Corps of Major-General Bronevskii, presented to the Governor-General of Western Siberia about situation in the Middle Zhuz] / V kn.: Kazahskorusskie otnosheniya v XVIII–XIX vv. Alma-Ata, 574 p. [in Russian]
- Valihanov, 1985** – *Valihanov Ch.Ch.* (1985). Sobranie sochinenii v pyati tomah. [Collection of works in five volumes]. Alma-Ata, 416 p. [in Russian]
- Venyukov, 1873** – *Venyukov M.I.* (1873). Opyt voennogo obozreniya russkikh granic v Aziy. [The experience of the military review of Russian borders in Asia]. St. Petersburg, 457 p. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyy arhiv Orenburgskoy oblasti [The State Archive of the Orenburg region].
- GIAOO** – Gosudarstvennyy istoricheskii arhiv Omskoy oblasti [The State Historical Archive of the Omsk region].
- Gens, 1908** – *Gens G.V.* (1908). Trudy Orenburgskoy uchenoy arhivnoy komissii. [Works of Orenburg Scientific Archive Commission]. Vypusk 19. Moskva, 278 p. [In Russian]
- Ilin, 1876** – *Ilin A.* (1876). Podrobnyy atlas Rossiyskoy imperii s planami glavnykh gorodov. [The detailed atlas of the Russian Empire with plans of major cities] St. Petersburg, 72 lists with maps. [in Russian]
- Karelin, 1831** – *Karelin G.S.* (1831). Zhurnal vedenny pri obozrenii chasti Kirgizskoy stepi v uchenom otnoshenii Titulyarnym sovetnikom Karelinym. [Journal conducted during the survey of part of Kyrghyz Steppe in a scholar attitude by a Titular Adviser Karelin]. St. Petersburg, 11 p. [In Russian]
- Krasovskii, 1868** – *Krasovskii N.I.* (1868). Oblast Sibirskikh kirgizov [Region of the Siberian Kirghiz] // Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami Generalnogo shtaba. [Material for geography and statistic of Russia, collected by the officers of General staff]. In 3 parts. St. Petersburg, Ch.I. 451 p. [in Russian]
- Ksenzhhik, 2015a** – *Ksenzhhik G.N.* (2015). Istoricheskaya geografiya stepnykh oblastei Kazakhstana v XIX – nachale XX vv. [Historian geography of Steppe region of Kazakhstan in the 19 – beginning of 20 centuries]. Almaty. 406 p. [in Russian]
- Ksenzhhik, 2015b** – *Ksenzhhik G.N.* (2015). Kartograficheskie dokumenty XIX – nachala XX v.: Istochnik po istorii, ehtnografii, toponimiki i istoricheskoy geografii Kazakhstana [Cartographical documents of the 19 – beginning of 20 centuries]. *Otan tarihy (Otechestvennaya istoriya)*. №3. Almaty, pp. 149-160. [in Russian]
- Ksenzhhik, 2016** – *Ksenzhhik G.N.* (2016). Ch.Ch. Valihanov – osnovopolozhnik otechestvennoy kartografii [Ch.Ch. Valikhanov – the founder of native cartography]. *Scientific E-journal «edu.e-history.kz»* №2(06) (electronic resource) [in Russian]
- Levshin, 1996** – *Levshin A.I.* (1996). Opisanie kirgiz – kazachih ili kirgiz-kaysackih ord i stepei. [Description of Kirghiz-Kazakh or Kirghiz-Kaisack Hordes and Steppes]. Almaty. 656 p. [in Russian]
- Margulan, 2011** – *Margulan A.H.* (2011). Sochineniya. [Essays] Vol. 8. Almaty, 469 p. [in Russian]
- Materialy po kirgizskomu..., 1907** – Materialy po kirgizskomu zemlepolzovaniyu sobrannie i razrabotannie ekspeditsiei po ispolzovaniyu stepnykh oblastei. Akmolinskii uezd. [Materials by Kirghiz land tenure, collected and developed by the expedition on the use of Steppe areas. Akmola county]. St. Petersburg, 1907. 532 p. [In Russian]
- Meier, 1865** – *Meier L.* (1865). Kirgizskaya step Orenburgskogo vedomstva [Kirghiz steppe of Orenburg department]. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami Generalnogo shtaba. St. Petersburg, 288 p. [in Russian]
- Potanin, 1867** – *Potanin G.N.* (1867). Materialy po istorii Sibiri [Materials by history of Siberia]. Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiiskih pri Moskovskom universitete. Moskva, Kn.1. 324 p. [in Russian]
- Putincev, 1891** – *Putincev M.* (1891). Hronologicheskii perechen sobytii iz istorii Sibirskogo kazachego voyska so vremen vodvoreniya zapadno-sibirskikh kazakov na zanimaemoy imi nyne territorii. [Chronological list of events from the history Siberian Cossack Army since the establishment of the West Siberian Cossacks on the territory occupied by them nowadays]. Omsk, 229 p. [in Russian]
- Rossiia. Geografiya opisanie..., 1913** – Rossiia. Geograficheskoe opisanie Rossiyskoe Imperii po guberniyam i oblastyam s geograficheskimi kartami. [Russia. Geographical description of Russia Empire in provinces and regions with geographical maps]. St. Petersburg, 1913. 286 p. [In Russian]
- Semenov-Tyan'-Shanskii, 1903** – *Semenov-Tyan'-Shanskii P.P.* (1903). Rossiia. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Kirgizskii kray. [Russia. Full geographical description of our Native Land. Kirgiz region]. Vol. 18 / Pod red. V.P. Semenova-Tyan'-Shanskogo. St. Petersburg, 479 p. [in Russian]
- TsGA RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan]

Карты XIX века как источник по исторической топонимике Казахстана

Дидар Ерсаиновна Жумекенова ^{a,*}, Тлеген Садыкович Садыков ^a

^a Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан

Аннотация. Статья посвящена изучению картографических материалов XIX в. как источника по исторической топонимике Казахстана. Источниковедческий обзор карт и картографических материалов XIX в. представлен на основе теоретического анализа источников.

Целью статьи является анализ картографических материалов XIX века, где представлены различные сведения по истории Степного края, которые являются ценным источником для изучения исторической топонимике Казахстана. Авторы уделили особое внимание исследованию карт военных топографов, картографических документов, хранящихся в фондах архивов и опубликованных карт, в трудах и записках дореволюционных ученых.

Авторами была сделана попытка объективно оценить картографические документы XIX в. на основе комплексного исторического анализа источников. Авторами сделан вывод о том, что картографические материалы являются основным средством передачи топографической информации. Использование старых карт позволило создать полную картину об исторической топонимике Казахстана в прошлом.

Ключевые слова: историческая топонимика, Казахстан, Степной край, картографический материал, карты, источник.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dzhumekenova@gmail.com (Д.Е. Жумекенова),
sadikov_ts@enu.kz (Т.С. Садыков)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 172-182. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.172
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Slave Trade and Slavery in the Central Asian Outskirts of the Russian Empire (XVIII–XIX centuries)

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, *}

^a Altai State University, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the development of the slave trade and slavery as a social institution in the Central Asian outskirts of the Russian Empire on the basis of legislative and memoir sources. It was possible to find out that the cause of slavery in the region was the objective processes of interaction between settled agricultural and nomadic tribes. Regular contacts between them took a variety of forms, including, armed clashes and mutual raids. The capture of prisoners became the basis for the formation of a social category of slaves. In the XVIII century the capture of prisoners acquired new social motives and turned into a stable source of income associated with the possibility of selling them. Two stable sales markets for slaves – Western Siberia, the Khiva Khanate and the Bukhara Emirate – stimulated this process. At the beginning of the XIX century Russia's position on the issue of slavery adopted prohibitive motives. However, the sales of slaves invariably grew at the expense of increasing the scale of trade with Russian prisoners. Taken by Russia in the 40–60's of XIX century a number of diplomatic and military-strategic measures in the Central Asian possessions facilitated the cessation of abductions of Russian citizens. Nevertheless, until the 70's of XIX century the demand for slaves continued to be preserved in Khiva and Bukhara, and the main suppliers of the "goods" were Turkmen tribes who persecuted the Persians (Iranians). The establishment of a Russian protectorate over the Central Asian possessions – Khiva Khanate and the Bukhara Emirate – led to the final eradication of this social evil.

Keywords: slavery, slave trade, slave, Russian empire, Bukhara emirate, Khiva khanate, Kazakhs, Turkmen.

1. Введение

В Центральной Азии, до включения ее территорий в сферу влияния российских интересов, господствовали традиционные социально-экономические отношения, глубокая патриархальность и осталось от времени всех основных форм жизнедеятельности. Периферийная отдаленность и замкнутость огромных пространств региона, отсутствие выхода к морям и океанам в течение многих веков исключали возможность его контактов с европейской цивилизацией, ориентировали экономику на внутренний рынок, собственное производство и потребление. Социальные нормы традиционного общества регламентировались нормами адата или шариата, которые препятствовали широкой социальной мобильности населения. Политическая система государств Центральной Азии – Младшего, Среднего, Старшего жузов, Хивинского, Кокандского ханств и Бухарского эмирата – отражала черты восточной деспотии.

Цивилизационное своеобразие центральноазиатского региона обусловило появление целого ряда локальных социальных явлений, вызванных запросами традиционного общества и принявших масштабный характер и устойчивость на протяжении значительных временных промежутков. Одним из таких социальных явлений стал институт рабства.

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Yu.A. Lysenko)

2. Материалы и методы

Методологической основой статьи выступает теория локальных цивилизаций, в рамках которой возникновение и развитие государственных образований центрально-азиатского региона рассматривается как локальный исторический процесс, определивший особенности их политического, экономического и культурного развития, специфические формы социальных связей и институтов, в том числе рабства. Историко-генетический метод применялся при выявлении причин возникновения социального института рабства в Центральной Азии; историко-сравнительный метод – для сравнительного анализа тенденций работорговли в отдельных регионах Российской империи.

Статья подготовлена на основе комплексного анализа опубликованных источников, содержащих информацию по различным аспектам истории рабства в центрально-азиатских окраинах Российской империи. К их числу относятся законодательные акты, отложившиеся в Полном собрании законов Российской империи и отражающие эволюцию позиций государства по вопросам развития рабства и борьбы с ним в исследуемом регионе. Основной массив информации, позволивший реконструировать источники, масштабы рабства в центрально-азиатских окраинах Российской империи, сферу применения невольничьего труда и механизмы трансформации социального статуса рабов в традиционных обществах региона, выявлен в источниках мемуарного жанра – воспоминаниях, заметках и описаниях путешественников, исследователей XVIII–XIX вв., а также в научном наследии чиновников Оренбургской, Западно-Сибирской администраций, носящего как историографический, так и источниковедческий характер.

3. Обсуждение

Тема торговли людьми и рабства в центральноазиатских окраинах Российской империи являлась достаточно популярной в дореволюционной научной и периодической литературе (Мейендорф, 1975; Вамбери, 1865; Муравьев, 1822). Большинство авторов рассматривали данную проблему с позиций европоцентризма и считали работорговлю и рабство в «центрально-азиатском варианте» социальным злом, требующим скорейших усилий со стороны России для его пресечения. Именно поэтому публикации данной направленности носили крайне эмоциональный характер, в них описывались тяжелейшие условия содержания чаще русских невольников в плену, варварское к ним отношение. Работы такого плана, как правило, были лишены научности, в них не предпринимались попытки комплексного анализа ситуации, ее причин, масштабов торговли людьми, сферы применения рабского труда. По мнению большинства авторов данного направления, обоснованным и оправданным являлось стремительное продвижение Российской империи в центрально-азиатском направлении на протяжении всего XIX в., расширение ее территорий за счет поглощения государств региона, поскольку только ее пришествие могло искоренить здесь данное социальное зло. Лишь в отдельных исследованиях крупнейших востоковедов XIX в. проблема работорговли и рабства в земледельческих обществах центрально-азиатского региона России рассматривалась с позиции сопоставления с классическим античным рабством (Добромыслов, 1901; Григорьев, 1874). Высказывались идеи о том, что отсутствие института частной собственности на землю на Востоке, а вместе с ним и возможности получения прибавочного продукта за счет расширения аграрного производства, исключали возможность формирования рабовладения в классической – античной форме. Аналогичные идеи находили выражение и в отношении кочевых сообществ центральноазиатского региона. «Скотоводческий быт, – как подчеркивал И.И. Крафт, – требовал очень мало затраты труда, выполнение которого распределялось между членами семьи, а потому в рабах, как особой рабочей силе, не было надобности» (Крафт, 1900: 95).

В советской историографии проблема рабства в Центральной Азии рассматривалась в рамках формационного дискурса (Бекмаханов, 1947: 104). Исследователям неизбежно приходилось сталкиваться с одной и той же проблемой: не смотря на очевидные особенности культурно-цивилизационного развития традиционного центральноазиатского общества, они были вынуждены искать в нем, применительно к исследуемому периоду, черты феодального строя или его различные вариации, например, в рамках «азиатского способа производства». Это, безусловно, исключало возможность объективной оценки многих специфических социальных институтов восточного общества, в том числе работорговли и рабства.

В современной историографии проблема работорговли и рабства рассматривается в цивилизационном формате и изучается в границах отдельных историко-культурных регионов Российской империи – Сибири, Кавказа (Ivantsov et al., 2017; Мальцев, 2007). При этом исследователи реконструируют реальность функционирования института рабовладения и крепостничества, воссоздают картины положения различных групп зависимых категорий, сферы применения их труда. Новым направлением исследований в рамках данной тематики следует считать политику региональных органов власти в отношении бежавших в Россию рабов-выходцев с Кавказа и анализ процессов их адаптации на новом месте жительства (Ivantsov et al., 2017); проведение сравнительных характеристик рабства в Черкесии и на территории рабовладельческого Юга в США в 1850–1860-е гг. в контексте борьбы с работорговлей и рабством в мире (Smigel, Cherkasov, 2016). В тоже время проблема рабства в центрально-азиатских окраинах Российской империи XVII–XIX в. является исследовательской лакуной. Представленная статья являет собой попытку восполнить данный пробел.

4. Результаты

Возникновение рабства в Центральной Азии как социального явления было связано с особенностями взаимодействия кочевых и оседлых цивилизаций. Одним из важнейших способов адаптации кочевников к окружающему внешнему миру, по мнению большинства исследователей, было «насилованное изъятие необходимых для них продуктов земледелия и ремесла из соседних оседлоземледельческих обществ» (Крафт, 1900: 95). Разнообразные формы внешней эксплуатации (периодические взаимные набеги, регулярный грабеж, война и взимание контрибуции, навязываемый вассалитет, данничество, непосредственное завоевание с последующим установлением «суперстратификации») были широко распространены у народов центрально-азиатского региона в древности, средневековье и в меньшей степени в новое время. Следствием данных процессов стало формирование устойчивого источника рабства – захват и порабощение людей во время военных набегов и социальной категории зависимых – рабов.

Так, в XVI–XVII в. в патриархально-родовом обществе казахов появление социальной группы рабов – кулов было связано с многочисленными войнами степной аристократии – ханов и султанов за ресурсы, прежде всего степные угодья, с ближайшим этническим окружением – калмыками, джунгарами, башкирами. Патриархальное рабство было зафиксировано в обычном праве казахов – адате, согласно нормам которого рабы могли быть переданы по наследству, проданы или отданы в уплату калыма за невесту. Их труд использовался, в основном, в домашнем хозяйстве, в меньшей мере для пастбы скота. Рабы могли быть отпущены на волю по желанию их владельца, заплатив за выкуп определенную сумму денег в имущественном или денежном эквиваленте. Кроме этого, дети, рожденные от брака свободного казаха с рабыней, получали статус свободных рядовых общинников (Юридические обычаи..., 1876: 457).

Рабство, как известно, допускалось исламом, права и обязанности рабовладельца и раба подробно регламентировались в Коране. Рабство называлось временным состоянием свободного человека, при котором он утрачивал свободу и имущество, переходящие его хозяину. Последний автоматически обретал обязанности по его достойному содержанию, нес ответственность за совершенные им действия, при этом не получая права распоряжаться его жизнью. Раб мог получить свободу по воле хозяина, что считалось богоугодным делом для последнего, быть выкупленным на волю другими или внести выкуп самостоятельно по договоренности с хозяином. Раб мог иметь семью, при этом хозяин не мог расторгнуть такой брак или воспрепятствовать его расторжению. Брак хозяина с рабыней допускался, при этом дети от такого брака были свободными и полноправными наследниками, а мать-рабыня обретала свободу после смерти отца. Целью хозяина было обучение раба исламу и побуждение к обращению в него. Теоретически принятие ислама рабом должно было изменить содержание взаимоотношений с рабовладельцем-единоверцем. Если же раб отказывался менять веру, то мог потерять жизнь, лишался гарантий соблюдения своих прав по законам шариата и шанса получить свободу.

Активизация военных набегов степняков-казахов с целью захвата пленных в XVII в. мотивировалась наличием в этот период в Западной Сибири института рабства. Покупка рабов из сопредельных, независимых от России (Джунгарское ханство), или полузависимых от нее (княжества енисейских кыргызов) государственных образований являлось единственным полностью легальным источником рабства. Пленные и купленные рабы восточного происхождения (как из числа сибирских аборигенов, так и приобретенные из пограничных государств), законно закрепленные за своими хозяевами, находились в их наследственном владении, и в этом отношении приравнивались к полным холопам. По данным И.А. Мальцева во время первой ревизии (1718–1724 гг.) «холопы русского и аборигенного происхождения, численностью 3749 душ мужского пола, на владение которыми русские жители Сибири имели законные права, были положены в подушный оклад и, таким образом, уравниены с крепостными крестьянами европейской части страны» (Мальцев, 2007: 73).

Однако начало включения Младшего и Среднего жузов в сферу интересов Российской империи в 30-е гг. XVIII в. и последовавший рост торгово-экономического присутствия России в регионе привели к расширению масштабов захвата пленных казахами. Этому способствовала, прежде всего, политика государства, поддерживающая и поощряющая развитие работорговли на своей границе с казахской степью.

Так, в ноябре 1737 г. императрица Анна Иоанновна издала указ, согласно которому было узаконено право покупки у крещеных «калмыков и других наций» детей, с последующим их крещением и «удержания у себя без всякого платежа подушных денег, с одною записью в губернских и воеводских канцеляриях» (ПСЗРИ–1. Т.IX. № 7438: 351–352). Чуть позднее было подтверждено существовавшее в XVII в. право покупки рабов на границе с Джунгарией. Указом от 7 июля 1749 г. предусматривалось только одно ограничение владения рабами: запрещение сибирским жителям, воеводам и приказным людям, служащим в Сибири, вывозить купленных ими рабов в Европейскую Россию, чтобы обеспечить в Сибири «умножение народа». Подобный вывоз был разрешен лишь военным (ПСЗРИ–1. Т. XIII. № 9626: 75–76).

В середине XVIII в. последовала новая волна роста работорговли в приграничных с казахской степью Южным Зауральем и Южной Сибирью. Поводом послужили события, связанные с народным движением башкирского народа под руководством Батырши в 1755 г. Его участники, численностью

6000 человек, после поражения бежали от преследования российских властей в пределы Младшего жуза. Однако в Высочайшей грамоте от 5 сентября 1755 г. на имя хана Младшего жуза Нуралы объявлялось, что казахам жалуются жены, дети, скот и все имущество беглых башкир, за каждого пойманного и выданного правительству участника восстания была объявлена денежная компенсация (Крафт, 1900: 99).

В эти же годы – 1755–1756 гг. – последовал разгром Цинским Китаем Джунгарского ханства, чем незамедлительно воспользовались казахи-кочевники. Указ 9 января 1757 г. разрешил русским (дворянам, купцам, разночинцам, казакам и посадским людям) приобретать рабов путем меновой торговли с жителями вассальных от России Младшего и Среднего жузов. Сибирским мусульманам разрешалось приобретать рабов только своей веры. Этим указом было оформлено легальное рабство в Сибири и в Оренбургском крае (Головачев, 1889: 39–40; Шашков, 1869: 183–184). Сложившаяся ситуация сохранялась до начала XIX в., о чем свидетельствуют правительственные указы 1819 и 1825 гг. (ПСЗРИ–1. Т. 36. № 27782: 156; Т. 40. № 30528: 521). Отличие рабов от крепостных крестьян заключалось в том, что они не записывались владельцами в подушный оклад и не должны были поставлять рекрутов в армию. Дети рабов обязательно включались в подушные списки, имели право приписаться к городским сословиям или к государственным крестьянам. Таким образом, как отмечает Мальцев, легальное рабство второй половины XVIII – начала XIX в. не было наследственным (Мальцев, 2007: 74).

В первые годы XIX в. земельные изъятия у казахов в пользу Уральского, Сибирского казачьих войск и межродовые усобицы спровоцировали кризис кочевого хозяйства. В этих условиях широкое распространение получила продажа разорившимися скотоводами-казахами своих детей и младших родственников в Хивинское ханство и русским приграничным жителям. Это вызвало обеспокоенность российского правительства, поскольку в рамках действующего законодательства приобретать в рабство можно было представителей народов, не являющихся подданными Российской империи. На Оренбургском меновом дворе и в других местах Пограничной линии открылся особый вид торговли казахскими детьми. Масштабы этой торговли принимали угрожающие размеры и вынуждали российскую администрацию принять меры к ее ограничению, пресечению попыток вывоза казахских детей в пределы Хивинского ханства и обеспечения социальных гарантий проданным в рабство.

Дискуссия между центральными и региональными органами власти завершилась изданием Высочайшего указа от 23 мая 1808 г., в рамках которого хивинцам запрещалось покупать казахских детей и «дозволено приобретать их за деньги или посредством мены на товары всем русским подданным, но с тем, чтобы, по достижении 25-летнего возраста, они были совершенно свободны от всех обязательств по отношению к лицам, их купившим» (ПСЗРИ–1. Т. 30. № 23038). Затем они могли быть причислены к тем обществам, где имели жительство; в случае, если они принимали христианство, то общества обязывались предоставлять им всевозможную помощь. Наблюдение за покупкой детей было возложено на Оренбургскую пограничную комиссию (Добромыслов, 1901: 225–226).

В 1819 г. указ об освобождении по достижении 25-летнего возраста был распространен на вновь приобретаемых рабов всех национальностей, а в 1825 г. и окончательно в 1828 г. на всех невольников, приобретенных с 23 мая 1808 г., причем покупка новых рабов запрещалась. «Однако рабы, приобретенные дворянами до 23 мая 1808 г., продолжали оставаться в неволе пожизненно, а приобретенные недворянами – до смерти хозяина. Их количество было крайне незначительным. Большая часть рабов была освобождена либо сразу в результате указов 1825 и 1828 гг., либо по достижении 25-летнего возраста» (Мальцев, 2007: 75–76).

Поворотным пунктом в отношении российского правительства к рабству в центральноазиатском регионе стало принятие Устава о сибирских киргизах 1822 г. Согласно параграфу 276 «невольники, до 22 июля 1822 г. находящиеся у киргизов (казахов – *авт.*), остаются при их владетелях с правом продажи, передачи, наследственного владения, но с того времени строго запрещено вновь приобретать в неволю природных киргизов». Этот акт положил начало ликвидации рабства в Степном крае. По данным Ф. Зобнина к середине XIX в. в семи округах Области сибирских киргизов (казахов Среднего жуза – *авт.*) – Сергиопольском, Кокпектинском, Каркаралинском, Акмолинском, Атбасарском, Баян-Аульском, Кокчетавском – насчитывалось 204 раба и 193 рабыни (Зобнин, 1901: 96). Завершающим аккордом в истории патриархального рабства в казахской степи стало взятие генерал-губернатором Западной Сибири Г.Х. Гасфордом в 1859 г. подписки от султанов и почетных казахов с обязательством предоставить свободу всем рабам, находившимся у них. Поэтому в 60-х – начале 70-х гг. XIX в. большинство путешественников и исследователей казахской степи отмечали тот факт, что «рабовладельчества у киргизов (казахов – *авт.*) нет и от прежних времен не сохранилось о том преданий» (Болотов, 1865: 183).

Следует отметить, что торговля соплеменниками практиковалась и у таджикских племен. Источники сообщают, что миры (титул правителя – *авт.*) Вахана всегда считали себя вассалами миров Бадахшана. В знак своей зависимости они «каждый год ездили на поклон к нему, не с пустыми руками, а непременно с подарками. Возили они чекмени ваханского производства, везли лошадей своих и бадакшанских, быков, людей, мужчин и женщин, мальчиков, девочек своих, а также и копуных из Читрала и Канджута». <...> Бывали случаи, что вдруг невзначай мир ваханский получал

письмо из Бадакшана с просьбой выслать людей, мужчин или женщин». Помимо передачи людей в качестве подарков, ваханские, читральский и бадакшанские купцы скупали людей для продажи, приблизительно, по следующим ценам: бача-мард (юноша, молодой человек) – 50 рублей; старики – 5 рублей; стоимость красивой девушки доходила до ста рублей. Главным скупщиком рабов был мир бадахшанский. Он платил за них лошадьми, ружьями, халатами и другими вещами. Необходимое число рабов оставлял себе, а остальных продавал в Коканд, Бухару и Яркенд (Бобринский, 1908).

Ограничительные тенденции государственной политики России в отношении торговли невольниками, а также активное строительство на границе с казахской степью со второй половины XVIII в. Уральской, Ишимской, Иртышской укрепленных линий и заселение их служилыми людьми и крестьянством, привели к тому, что казахи-кочевники стали брать в плен русских и продавать их в рабство на невольничьих рынках Хивинского ханства и Бухарского эмирата. Руководитель Оренбургской пограничной комиссии и ориенталист первой половины XIX в. Г.Ф. Генс в своем научном наследии неоднократно одним из средств захвата пленных казахами в конце XVIII – первой половине XIX в. называл «набеги на пограничные селения наши» (Генс, 2001: 79). Важной причиной сдерживания развития российско-центральноазиатской торговли, по мнению большинства исследователей и путешественников региона первой половины XIX в., выступала «всегдашняя опасность в пути». Русские торговые караваны, следующие транзитом через казахскую степь в Хиву и Бухару, часто подвергались грабежу «с одной стороны, от черных, или называемых диких киргизцев (современные кыргызы – *авт.*), кои живут в горах поблизости от Ташкента, с другой, от киргиз-кайсаков (казахов – *авт.*) Средней орды...» (Унтер-шихтмейстеров Бурнашева..., 2013: 145).

Немаловажным источником пополнения рабства для казахов Младшего жуза служило «морское хищничество» на Каспийском море, наносившее «большой вред астраханским рыбопромышленникам» (Бюлер, 2011: 117). Начальник военной экспедиции 1832–1834 гг. Г.С. Карелин, целью которой являлось строительство на полуострове Мангышлак российского форта Ново-Александровского, в своем дневнике подчеркивал: «Успех их (казахов – *авт.*) никогда не может быть следствием верного расчета или превосходства в средствах, но просто счастливой случайности. Посему-то все действия их на море ограничиваются следующим: из-за камышей высматривают они суда, становящиеся на порядки, отнюдь сами не показываясь; долго сторожат, выжидая, не сделано ли будет какой-либо оплошности. – Когда же заметят, что люди разъедутся в дальние места к сетям, перепыются в праздник или залягут спать, не оставя караульного, то подплывают в тишине, в возможно большом числе к судну и, взошед на борт, закрывают люки. Завладев судном, легко управляют с людьми, и если надеются поблизости на легкую, верную добычу, то, перерядившись в платье полоненных музуров, приказывают лодману плыть к ближайшему рыболовному судну, причем снаравливают, чтобы подойти к оному в сумерки. Если же не надеются на возможность непрямого грабежа, то, сведя на берег людей, забрав имущество, клажу, паруса и такелаж, судно сажают на мель и потом сжигают». По сведениям Г.С. Карелина, только в 1830–1831 гг. казахи-пиратами было взято в плен более 200 человек (Карелин, 1883). По отдельным сведениям к морскому пиратству и захвату пленных были причастны и туркмены, подданные хивинского хана.

Малочисленность источников затрудняет возможность определения масштабов торговли русскими на невольничьих рынках Хивы и Бухары. В распоряжении исследователей имеются лишь отдельные сведения. Например, авторитетный востоковед и чиновник Оренбургской администрации И.И. Крафт сообщал, что в 1777 г. в Хивинском и Бухарском ханствах насчитывалось около 5000 русских: дворян, горожан, чиновников, крестьян. Были среди рабов немецкие колонисты и поляки (Крафт, 1900: 99). Посетивший в 1794–1795 гг. Ташкент во главе Первой российской дипломатической миссии Т.С. Бурнашев в путевых заметках писал, что «имел случай видеть до шести человек русских пленных, из них некоторые живут при дворе самого владельца (главы г. Ташкента – *авт.*) и должны принять магометанский закон». Однако большая часть попавших на рынки Ташкента русских пленных, по свидетельству Т.С. Бурнашева, «продаются более в Бухарию и по праву магометанского закона везде содержат их яко невольников» (Унтер-шихтмейстеров Бурнашева..., 2013: 145).

Эта ситуация, безусловно, была известна российскому правительству, поскольку в 1777 г. Сенат издал указ «Об ассигновании ежегодно из казны 6000 руб. на выкуп русских из плена в среднеазиатских владениях». Однако данная сумма могла быть использована на выкуп не более 30–40 чел., в то время как количество пленных неизменно возрастало с каждым годом. Очевидно, что со стороны России требовались более решительные меры в противодействии грабежам русских караванов, захвату русских промысловиков на Каспийском море и жителей приграничных регионов и, в целом, работоторговли русскими подданными.

Таковыми мерами стал ряд военных экспедиций России в пределы Хивинского ханства (военные экспедиции начальника Оренбургской пограничной комиссии В.А. Перовского в 1836 г., 1839 г.); учреждение постоянного крейсерства военных морских судов в южной части Каспийского моря, со стоянкой, по соглашению с Персией, в Астрабадском заливе; возведение в восточной части Зауральской степи небольших укреплений на р. Тургай и р. Ирғиз, строительство русских фортов на Мангышлаке и в устье Сыр-Дарьи на берегу Аральского моря. Кроме этого, были задействованы и

дипломатические средства, в частности отправка в Хиву в 1842 г. посольства Данилевского и Базинера ([Григорьев, 1874](#)).

Помимо русских невольников во второй половине XIX в. в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате большими партиями велась торговля пленными-персами (иранцами). Главными поставщиками рабов-персов являлись крайне воинственные туркмены-ахалтекинцы Мервского округа. В истории хорошо известен, например, поход на Мерв 20-тысячной персидской армии под руководством Хамза-Мирза-Эшмет-доуле в 1861 г., когда 3 тыс. текинцев взяли в плен почти всю армию, продав каждого солдата на рынках Хивы за три тумана (9 рублей).

Полковник Генерального штаба Н.И. Гродеков отмечал: «Все воспоминания жителей (Герата, Мешхеда и Астрабада – *авт.*) вертятся в круге туркменских набегов; они даже хронологию свою приурочивают к тому или другому набегу. Подобно тому, как в Западной Европе в средние века существовала молитва об избавлении людей от нашествия норманнов, так и теперь в Персии и в Гератской области существует молитва об избавлении народа от набегов туркмен. Правительства или бессильны помочь общественной беде, или не обращают внимания на нее, считая людей ни во что. Вся жизнь пройденных мною стран направлена только к тому, чтобы обезопасить себя от туркмен. Все города и селения обнесены высокими стенами, иногда кирпичными, с башнями; на всех полях построены башни, куда земледelec мог бы спрятаться в случае появления аламана: башни эти построены на всех полях без исключения, как бы близко они ни были расположены от селения, хотя бы у самой стены; даже в садах, непосредственно примыкающих к городской стене Мешхеда, стоят башни; доступны в отдаленные поля обеспечиваются башнями, от 50 до 100 шагов друг от друга; редко кто осмеливается пускаться в путь без оружия» ([Гродеков, 1883](#)).

Интересным представляется сюжет Н.И. Гродекова, описывающий приемы «охоты за добычей», использовавшиеся туркменами-ахалтекинцами. «Войдя в страну, где можно надеяться на поживу, текинцы иногда по несколько дней высматривают добычу, и когда уверены в успехе, с криком «ур» (бей), бросаются на нее с разных сторон. Если то был караван, то, быстро разрезав тюки, выбирают что поценнее; если то было стадо баранов, то передовым из него надрезают уши и стреляют на воздух, бараны летят стремглав; если то были люди, то скручивают им крепко руки назад, сажают на круп своих лошадей, ноги пленников связывают под животом коня; усевшись в седло, аламанчик закидывает веревку за спину своей добычи и концы ее крепко связывает у себя на груди». Как правило, старых, неспособных к работе и грудных детей в плен не брали, убивая их на месте; не брали в плен дервишей и ишанов, «как лиц, близко стоящих к богу; женщин охотно берут в плен и делают их наложницами; взрослых мужчин берут в плен, чтобы получить за них выкуп; малолетних обоего пола захватывают с тою целью, чтобы из девочек приготовить себе наложниц, а из мальчиков вечных рабов» ([Гродеков, 1883](#)).

Ценную информацию о масштабах работорговли персами (иранцами) российские власти смогли получить после известного похода русской армии на Хиву, ее завоевания и подписания российско-хивинского договора 1873 г. Одним из важных вопросов, который обсуждали представители России с хивинским ханом и членами Дивана (высший совещательный орган при хане – *авт.*) на мирных переговорах, являлся вопрос об освобождении рабов-персиян. Участнику хивинской экспедиции А.П. Хорошкину было поручено собрать данные о масштабах работорговли в ханстве. Исследователь провел опрос хивинцев, торгующих рабами-персиянами и более 1000 рабов, примкнувших к российским отрядам после покорения Хивы.

Рабы доставлялись в Хиву туркменами через Мерв, а йомудами и чаудорами – через Гюргень. Впрочем, как сообщает А.П. Хорошкин, хивинские торговцы рабами и сами приезжали в Мерв или кочевья туркменов, где и приобретали невольников. Главными рынками в Хивинском ханстве служили все большие базары в городах: Хиве, Куния-Ургенче, Кунграде, Чимбае, Ходжеили, Ханка и других, а на правом берегу Амударьи в Шура-хана и Ша-Аббас-Вали. Источники сообщают, что в один базар пригоняли по 200 и более рабов. Продажа при этом шла как в одиночку, так и партиями ([Хорошкин, 1876: 485](#)).

Цены на рабов варьировали в зависимости от спроса и от наплыва невольников из Туркмении, от возраста и пола, от физических качеств раба или рабыни. Крепкий, здоровый мужчина, без физических недостатков, не шел дороже 100 тиллей (около 180 руб.); молодая женщина или девушка не продавалась дороже 300 тиллей (540 руб.). По такой же дорогой цене продавались мальчики до 15 лет. Среди опрошенных А.П. Хорошкиным были рабы, которые находились в неволе по 50 лет. Однако рабы могли получить свободу или в награду за долговременную и верную службу, или за выкуп (от 50 до 300 тиллей). Освободившиеся рабы назывались азат, а рабы, освобожденные ханом, – ханазат. Большею частью освобожденные рабы нанимались на полевые работы, к частным лицам; почти все они были очень бедны. Возвращение рабов на родину всегда было затруднительно, потому что выкуп был дорог, а пытавшиеся бежать рисковали попасть снова в руки к туркменам, что случалось неоднократно ([Хорошкин, 1876: 486](#)). В целом, по данным А.П. Хорошкина, число невольников обоего пола, в 140 городах и деревнях Хивинского ханства на 1873 г. составляло около 36806 человек. Из них собственно рабов – 29291; освобожденных рабов (азат и ханазат) – 6515 человек.

В 1860-х гг. в Бухарском ханстве цена на рабов в среднем составляла: на 10–15-летних мальчиков – 35 золотых (175 руб.), 16–25-летних – 45–50 золотых (225–250 руб.), 26–40-летних – 80 золотых (400 руб.). 10–15-летняя рабыня стоила 70 золотых (350 руб.), 16–25-летняя – 50–60 золотых (250–300 руб.), 26–40-летняя – 40 золотых (200 руб.) (Вамбери, 1863: 62). Таким образом, цена за раба зависела от возраста, так как учитывалась его сила возможность использования на тяжелых работах, а цена рабынь с возрастом падала. Следует отметить, что цены на невольничьих рынках в центральноазиатских владениях – Хиве и Бухаре – были сопоставимы с ценами на аналогичный «товар» на Кавказе – во внутренних районах Черкесии и Абхазии, где в среднем стоимость одного раба составляла 250–300 руб. и определялась его возрастом, «восприимчивостью к болезням» и т.д. (Cherkasov et al., 2017).

Общую численность рабов в Бухарском эмирате установить проблематично из-за отсутствия статистических данных. Во всяком случае, количество их было довольно внушительным. Например, когда русские войска заняли в 1868 г. Самарканд, в городе насчитывалось около 10 тыс. рабов (История народов..., 1947: 150). По сведениям М.А. Терентьева, всего в Бухарском ханстве на момент установления российского проектората в 1868 г. было до 30 тыс. рабов и 6,5 тыс. человек ранее освобожденных (Терентьев, 1906: 264).

Сфера применения рабского труда была разнообразной. В Бухаре в первой половине XIX в. состоятельные бухарцы имели до 40 рабов, крупные чиновники – около 100 рабов. Они, как правило, использовались в сельском хозяйстве, обрабатывая обширные сады и поля своих владельцев. Жители Хивы по свидетельству очевидцев также «никогда не брались за тяжелую, земляную, полевою или садовую работу: это всегда дело раба. Если бы не было у них русских да персиян, а иногда и калмыков, то не знаю, что бы вышло из садов и пашень их, ...словом, хивинцы живут вовсе на счет невольников своих, которых таскают трухменцы (туркмены – авт.) и киргизы (казахи – авт.)» (Мейендорф, 1975: 124). Участь данной категории рабов в Бухаре и Хиве была самой плачевной. Их плохо кормили, избивали и подвергали издевательствам и пыткам. По свидетельствам большинства путешественников первой половины XIX в., большая часть русских невольников, находившихся в окрестностях Бухары, содержалась в заключении и работала с кандалами на ногах. Их насильственно принуждали обращаться в ислам (Мейендорф, 1975: 124).

Самые высокие цены были на рабов-мужчин русского происхождения. Их в основном покупали бухарский эмир или хивинский хан для зачисления в армию или для своей охраны. Русским воинам доверяли, поскольку русские считались народом «честным и твердым, всякому мастерству наученным», «в смуты и заговоры не входящим, ересей не заводящим». Русские воины составляли до 20 % от общего числа военнослужащих центрально-азиатских стран в кавалерии, и свыше 50 % – в артиллерии (Даль, 1838). Особенно ценились русские артиллеристы. Такие люди жили в почете и получали за службу жалование, награждались движимым и недвижимым имуществом, женами, могли обрести свободу. Если у правителя не было средств для покупки рабов в армию, он издавал указ, по которому раб мог убежать от хозяина, и, явившись во дворец, стать солдатом, то есть служилым рабом, принадлежащим государству – ханазатом (Муравьев, 1822).

Но особенно масштабным был торг женщинами. Рабынь предпочитали молодых и красивых, так как в ряде случаев их использовали в качестве служанок и для воспитания детей. Отдельные люди покупали красивых рабынь для любовных утех и даже превращали их в законных жен. Как свидетельствовал М.П. Стремоухов, русских женщин из России «бухарцы увозят посредством обмана и всевозможных хитростей и продают секретно в Бухаре, и это совершают так ловко, что положительно нет никакой возможности уследить за ними». Бухарский эмиры покровительствовал торговле рабынями, поскольку исламский обычай позволял иметь несколько жен. Это создавало определенный гендерный дисбаланс, выразившийся в нехватке женщин в центрально-азиатском регионе. Торговля женщинами-рабынями, в некоторой степени компенсировала его. Для покупки и продажи рабов и рабынь эмир Музаффар содержал особых тайных агентов, которым платил значительное содержание (Стремоухов, 1875: 69).

24 сентября 1873 г. между Россией и Бухарой был заключен Шахриябзский договор, в 17-й статье которого говорилось: «В угоду государю императору всероссийскому эмир Сейид Музаффар постановил: отныне в пределах бухарских прекращается на вечные времена постыдный торг людьми, противный законам человеколюбия...», а рабство объявлялось запрещенным. Нарушители этого указа подвергались наказанию, штрафу в тысячу тенге и шестимесячному заключению в тюрьме. Несколько раньше этого (12 августа 1873 г.) между Россией и Хивой был заключен мирный договор, согласно которому и в этом ханстве рабство и работорговля запрещались.

Однако, не смотря на официальный запрет, торговля невольниками и в Бухарском эмирате, и в Хивинском ханстве продолжалась до середины 80-х гг. XIX в. Освобожденные русские были возвращены на родину, однако источников, описывающих данный процесс выявить не удалось. Отпущенные на волю рабы-персы, предпочитали оставаться в Бухаре и Хиве. Несмотря на религиозные притеснения и возможность только тайно совершать обряды шиитской веры, они охотно занимались торговлей или ремеслами, поскольку жить и зарабатывать здесь было легче, чем на родине. В армии эмира Музаффар ад-Дина в 1880-х гг. комендантами крупнейших гарнизонов были Шахурх-хан и Мухаммед Хасан-хан, а топчубаши (начальниками артиллерии) – Бейнель-бек, Мехди-

бек и Лешкер-бек; все пятеро – персы. Со временем иранцы, намного превосходящие по уровню образования коренное население центрально-азиатского региона, смогли дослужиться до высоких чиновничьих должностей при дворе бухарского эмира и составить влиятельную политическую силу пророссийской направленности, противостоящую традиционному мусульманско-суннитскому духовенству.

5. Заключение

Причиной возникновения в традиционном восточном обществе рабства стали объективные процессы его развития, связанные с особенностями сосуществования и взаимодействия оседлоземледельческих и кочевых цивилизаций. Регулярные контакты между ними принимали разнообразные формы, в том числе, в виде вооруженных столкновений и взаимных набегов. Захват пленных стал основой формирования социальной категории рабов, труд которых использовался в домашнем хозяйстве, а социальный статус регулировался нормами обычного права и шариата.

На протяжении XVIII в. захват пленных приобрел новые социальные мотивы и превратился в стабильный источник доходов, связанный с возможностью их продажи. Активно в регионе работорговлей занимались кочевые племена – казахи, кыргызы и туркмены. Рынки сбыта находились во владениях Российской империи – Западной Сибири, где в рассматриваемый период на законодательном уровне было закреплено рабовладение. Второй крупнейший регион, имевший устойчивый спрос на рабов – Хивинской ханство и Бухарский эмират.

В начале XIX в. позиция Российской империи в вопросе рабства и работорговли в Сибири претерпела существенную трансформацию и приняла ограничительные и запретительные мотивы. Однако объемы продажи в рабство неизменно росли, что было связано с массовым угоном в плен и похищением русских на границе российских владений с казахской степью, а также нападениями на торговые караваны, следующие транзитом через казахскую степь и пиратством на Каспийском море. Предпринятый Россией в 40–60 гг. XIX в. ряд мер дипломатической и военно-стратегической направленности в центрально-азиатских владениях и поэтапное закрепление ее позиций в данном регионе способствовали ограничению и со временем прекращению похищений российских подданных.

Тем не менее, вплоть до 1870-х гг. спрос на рабов продолжали сохранять Хива и Бухара, а главными поставщиками «товара» оставались туркменские племена, угонявшие в рабство, как правило, персов (иранцев). Причиной востребованности рабов в центрально-азиатских владениях выступал ряд факторов цивилизационного характера: слабость и не высокая боеспособность армий хивинского и бухарского правителей, чем объяснялся спрос на русских – офицеров и солдат армии; гендерный дисбаланс, порожденный особенностями развития института семьи и связанного с ним многоженства, узаконенного исламом. Отсюда – востребованность на рабынь-женщин для пополнения гаремов и собственно создания семьи. Экстенсивные формы ведения земледельческого хозяйства также порождали спрос на невольничий труд.

В 1870-е гг. в результате установления российского протектората над центрально-азиатскими владениями – Хивинским ханством и Бухарским эмиратом, рабство и работорговля были прекращены.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект №33.2177.2017/4.6).

Литература

- Бекмаханов, 1947 – Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40 гг. XIX в. Алма-Ата, 1947. 230 с.
- Бобринский, 1908 – Бобринский А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам гр. А.А. Бобринского. М., 1908. URL: <http://rusturk.livejournal.com/tag>
- Болотов, 1865 – Болотов С. С Сыр-Дарьи // Русский вестник. 1865. Т. 62. С. 183.
- Бюлер, 2011 – Бюлер Ф.А. Киргиз-кайсаки. Перечень событий в орде со времени ее образования // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Алматы, 2011. Вып. 1. С. 98–141.
- Вамбери, 1965 – Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1965. С. 204.
- Генс, 2011 – Генс Г.Ф. Из краткого исторического обозрения управления оренбургскими киргизами. 1844 г. // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Алматы, 2011. Вып. 1. С. 75–96.
- Головачев, 1889 – Головачев П. Сибирь в Екатерининской комиссии. М., 1889. 130 с.
- Григорьев, 1874 – Григорьев В.В. Русская политика в отношении к Средней Азии. Исторический очерк // Сборник государственных знаний. Том I. 1874. URL: <http://rusturk.livejournal.com/?skip=20&tag>

Гродеков, 1883 – Гродеков Н.И. Поездка генерального штаба полковника Гродекова из Самарканда через Герат в Афганистан (в 1878 году) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. V. СПб., 1883. URL: <http://rusturk.livejournal.com/219850.html>

Даль, 1838 – Даль В.И. Рассказ невольника, хивинского уроженца Андрея Никитина. 1830 // Альманах на 1838 г. СПб., 1838. URL: <http://rusturk.livejournal.com/198891.html>

Добромыслов, 1901 – Добромыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. 1901. Вып. № 16. Часть 1. С. 109–272.

Зобнин, 1901 – Зобнин Ф. К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в Киргизской степи // Памятная книжка Семипалатинской области. Вып. VI. Семипалатинск, 1901. С. 96.

История народов..., 1947 – История народов Узбекистана. Ташкент, 1947. Т. 2. 517 с.

Карелин, 1883 – Карелин Г.С. Журнал экспедиции 1832 года. Приложение 3. О разбоях на Каспийском море // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. Том X. 1883. URL: <http://rus-turk.livejournal.com/tag>

Крафт, 1900 – Крафт И. Уничтожение рабства в Киргизской степи // Из Киргизской старины. Оренбург. 1900. С. 94–107.

Мальцев, 2007 – Мальцев И.А. Легальное рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университет. Сер. 2. 2007. Вып. 3. С. 71–76.

Мейендорф, 1975 – Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. 182 с.

Муравьев, 1822 – Муравьев Н.Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М., 1822. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/18001820/Muraviev/text5.htm>

ПСЗРИ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1.

Терентьев, 1906 – Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 2. 547 с.

Стремоухов, 1875 – Стремоухов Н.П. Поездка в Бухару. (Извлечение из дневника) // Русский вестник. 1875. № 6. С. 57–74.

Унтер-шихтмейстеров Бурнашева..., 2013 – Унтер-шихтмейстеров Бурнашева и Поспелова описание киргиз-кайсацкой земли // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Караганда, 2013. Вып. 3. С. 120–150.

Хорошкин, 1876 – Хорошкин А.П. Рабы-персияне в Хивинском ханстве // Хорошкин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. С. 483–487.

Шашков, 1869 – Шашков С. Рабство в Сибири // Дело. 1869. № 1. С. 183–184;

Юридические обычаи..., 1876 – Юридические обычаи киргиз // Материалы для статистики Туркестанского края. СПб., 1876. Т. IV. 579 с.

Ivantsov et al., 2017 – *Ivantsov V.G. et al.* The Policy of the Caucasian Authorities Regarding the Mountaineers of Circassia who fled to the Russian Side (1815–1861) // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45, Is.3, pp.871–877.

Cherkasov et al., 2017 – *Cherkasov A. A. et al.* The list of captives from the Turkish vessel Belifte as a source of information on the slave trade in the North-Western Caucasus in the early 19th century // *Analles. Ser. hist. sociol.* 2017. 27. 4. pp. 851–864.

Smigel, Cherkasov, 2016 – *Smigel M., Cherkasov A. A.* The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 42, Is.4, pp. 1182–1197.

References

Bekmahanov, 1947 – *Bekmahanov E.B.* (1947). Kazakhstan v 20–40 gg. XIX v. [Kazakhstan in 20–40 years of the XIX century]. p. 230. [in Russian]

Bobrinskiy, 1908 – *Bobrinskiy A.A.* (1908). Gortsyi verhovev Pyandzha (vahantsyi i ishkashimtsyi). Ocherki byita po putevyim zametkam gr. A.A. Bobrinskogo. [The mountaineers of upper Panj (vacancy and ishkashimtsy). Sketches of life in the travel notes gr. A.A. Bobrinsky]. Moscow, 1908. [in Russian]

Bolotov, 1865 – *Bolotov S.* (1865). *S Syir-Dari*. [From Syir-Dari]. *Russkiy vestnik*. T. 62. p. 183. [in Russian]

Byuler, 2011 – *Byuler F.A.* (2011). Kirgiz-kaysaki. Perechen sobyitiy v orde so vremeni ee obrazovaniya. [Kirghiz kaysaki. A list of events in the Horde since its formation]. *Istoriya Kazahstana v dokumentah i materialah: Almanah*. Almatyi. Vip. 1. p. 98–141. [in Russian]

Vamberi, 1965 – *Vamberi A.* (1965). Puteshestvie po Sredney Azii. [Journey through Central Asia]. Saint-Petersburg. p. 204. [in Russian]

Gens, 2011 – *Gens G.F.* (2011). Iz kratkogo istoricheskogo obozreniya upravleniya orenburgskimi kirgizami. 1844 g. [From a brief historical review of management of the Orenburg Kirgyz. 1844]. *Istoriya Kazahstana v dokumentah i materialah: Almanah*. Almatyi. Vip. 1. p. 75–96. [in Russian]

Golovachev, 1889 – *Golovachev P.* (1889). Sibir v Ekaterininskoy komissii. [Siberia in Catherine fee]. Moscow. p. 130. [in Russian]

Grigorev, 1874 – *Grigorev V.V.* (1874). Russkaya politika v otnoshenii k Sredney Azii. Istoricheskiy ocherk. [Russian policy towards Central Asia. Historical sketch]. *Sbornik gosudarstvennykh znaniy*. Tom I. [in Russian]

Grodekov, 1883 – *Grodekov N.I.* (1883). Poezdka generalnogo shtaba polkovnika Grodekova iz Samarkanda cherez Gerat v Afganistan (v 1878 godu). [The trip of the General staff Colonel Grodekov from Samarkand via Herat to Afghanistan (1878)] / Poezdka generalnogo shtaba polkovnika Grodekova iz Samarkanda cherez Gerat v Afganistan (v 1878 godu). Vip. V. Saint-Petersburg, 1883. [in Russian]

Dal, 1838 – *Dal V.I.* (1838). Rasskaz nevolnika, hivinskogo urozhentsa Andrey Nikitina. 1830. [The story of the slave, the native of Khiva Andrei Nikitin. 1830]. / Almanah 1838 god. Saint-Petersburg. [in Russian]

Dobromyislov, 1901 – *Dobromyislov A.I.* (1901). Turgayskaya oblast. Istoricheskiy ocherk. [Turgay oblast. Historical sketch]. *Izvestiya Orenburgskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obschestva*. Vip. №16. Part. 1. p. 109–272. [in Russian]

Zobnin, 1901 – *Zobnin F.* (1901). K voprosu o nevolnikah, rabah i tyulengutah v Kirgizskoy stepi. [To the question about slaves, slaves and tolength in the Kirghiz steppes]. *Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoy oblasti*. Vip. VI. Semipalatinsk. p. 96. [in Russian]

Istoriya narodov..., 1947 – *Istoriya narodov Uzbekistana*. [The history of the peoples of Uzbekistan]. Tashkent. 1947. T. 2. p. 517. [in Russian]

Karelin, 1883 – *Karelin G.S.* (1883). Zhurnal ekspeditsii 1832 goda. Prilozhenie 3. O razboyah na Kaspiyskom more. [Journal of the expedition of 1832. Appendix 3. Of robbery in the Caspian sea]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obschestva po obschey geografii*. Tom X. [in Russian]

Kraft, 1900 – *Kraft I.* (1900). Unichtozhenie rabstva v Kirgizskoy stepi. [The destruction of slavery in the Kirghiz steppes]. *Ih Kirgizskoy starinyi*. Orenburg. p. 94–107. [in Russian]

Maltsev, 2007 – *Maltsev I.A.* (2007). Legalnoe rabstvo v Sibiri i Orenburgskom krae v XVIII – pervoy polovine XIX v. [Legal slavery in Siberia and the Orenburg region in XVIII – first half XIX century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universitet. Series. 2*. Vip. 3. p. 71–76. [in Russian]

Meyendorf, 1975 – *Meyendorf E.K.* (1975). Puteshestvie iz Orenburga v Buharu. [A journey from Orenburg to Bukhara]. Moscow. p. 182. [in Russian]

Muravev, 1882 – *Muravev N.N.* (1882). Puteshestvie v Turkmeniyu i Hivu v 1819 i 1820 godah gvardeyskogo generalnogo shtaba kapitana Nikolaya Muraveva, poslannogo v sii strani dlya peregovorov. [Journey to Turkmenia and Khiva in 1819 and 1820 guards General staff captain Nikolay Muravyov sent to these countries for negotiations]. Moscow. 1822. URL:[http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/18001820/Muraviev/text 5. Htm](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/18001820/Muraviev/text%205.htm) [in Russian]

ПСЗРИ–1 – PSZRI. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1.

Terentev, 1906 – *Terentev M.A.* (1906). Istoriya zavoevaniya Sredney Azii. [The history of the conquest of Central Asia]. Saint-Petersburg. T. 2. p. 547. [in Russian]

Stremouhov, 1875 – *Stremouhov N.P.* (1875). Poezdka v Buharu. (Izvlachenie iz dnevnika). [Trip to Bukhara. (Extract from diary)]. *Russkiy vestnik*. № 6. p. 57–74. [in Russian]

Unter-shihtmeysterov Burnasheva..., 2013 – *Unter-shihtmeysterov Burnasheva i Pospelova* opisanie kirgiz-kaysatskoy zemli. [Unter-shihtmeysterov Burnasheva and Pospelova description of Kirghiz-kaisak earth]. *Istoriya Kazahstana v dokumentah i materialah: Almanah*. Karaganda, 2013. Vip. 3. pp. 120–150. [in Russian]

Horoshkin, 1876 – *Horoshkin A.P.* (1876). Rabyi-persiyane v Hivinskom hanstve. [Slaves of the Persians in the Khiva khanate]. / Horoshkin A. P. *Sbornik statey, kasayuschihsy do Turkestanskogo kraya*. Saint-Petersburg. p. 483–487. [in Russian]

Shashkov, 1869 – *Shashkov S.* (1869). Rabstvo v Sibiri. [Slavery in Siberia]. *Delo*. № 1. p. 183–184. [in Russian]

Yuridicheskie obyichai..., 1876 – *Yuridicheskie obyichai kirgiz*. [Legal customs of the Kirghiz]. // *Materialyi dlya statistiki Turkestanskogo kraya*. Saint-Petersburg, 1876. T. IV. p. 579. [in Russian]

Ivantsov et al., 2017 – *Ivantsov V.G. et al.* (2017). The Policy of the Caucasian Authorities Regarding the Mountaineers of Circassia who fled to the Russian Side (1815–1861). *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 3. pp. 871–877.

Cherkasov et al., 2017 – *Cherkasov A.A. et al.* (2017). The list of captives from the turkish vessel belifte as a source of information on the slave trade in the north-western Caucasus in the early 19th century. *Annales. Ser. hist. sociol.* 27. 4. pp. 851–864.

Smigel, Cherkasov, 2016 – *Smigel M., Cherkasov A.A.* (2016). The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special. *Bylye Gody*. Vol. 42. Is. 4. pp. 1182–1197.

Работорговля и рабство в центрально-азиатских окраинах Российской империи (XVIII–XIX вв.)Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, *}^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе законодательных и мемуарных источников анализируется развитие работорговли и рабства как социального института в центрально-азиатских окраинах Российской империи. Удалось выяснить, что причиной возникновения рабства в регионе стали объективные процессы взаимодействия оседлоземледельческих и кочевых племен. Регулярные контакты между ними принимали разнообразные формы, в том числе, вооруженных столкновений и взаимных набегов. Захват пленных стал основой формирования социальной категории рабов. В XVIII в. захват пленных приобрел новые социальные мотивы и превратился в стабильный источник доходов, связанный с возможностью их продажи. Два устойчивых рынках сбыта рабов – Западная Сибирь, Хивинское ханство и Бухарский эмират – стимулировали данный процесс. В начале XIX в. позиция России в вопросе рабства приняла запретительные мотивы. Однако объемы продажи невольников неизменно росли за счет увеличения масштабов торговли русскими пленными. Предпринятый Россией в 40–60 гг. XIX в. ряд дипломатических и военно-стратегических мер в центральноазиатских владениях способствовал прекращению похищений российских подданных. Тем не менее вплоть до 70-х гг. XIX в. спрос на рабов продолжал сохраняться в Хиве и Бухаре, а главными поставщиками «товара» оставались туркменские племена, угонявшие в рабство персов (иранцев). Установление российского протектората над центральноазиатскими владениями – Хивинским ханством и Бухарским эмиратом – привели к окончательному искоренению данного социального зла.

Ключевые слова: рабство, работорговля, невольник, Российская империя, Бухарский эмират, Хивинское ханство, казахи, туркмены.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 183-192. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.183
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Kazakh Nobility in the Formation of the State Institutions of the Russian Empire in Semirechye

Tursun M. Khazretali ^{a,*}, Mustafa Girtilioglu ^a, Yrysbek K. Omarbayev ^b, Aigul S. Adilbayeva ^c

^a Kh.A. Yassawi International Kazakh-Turkish University, Kazakhstan

^b International Education Corporation, Kazakhstan

^c Kazakh Humanitarian-Law Innovation University, Kazakhstan

Abstract

The article deals with transformation of functional authority of the Kazakh nobility during the administrative and political, social and legal reforms in the Russian Empire, in the territory of Semirechenskiy region. Particular attention is paid to changes in the role of the sultans and biys in the process of their entering in the structure of local administrative authorities, the emergence of a category of Kazakh officials who were not dependent on the estate and genealogical characteristics.

On the example of the historical facts concerning the life activity of senior sultans of Semirechye Suyuk Ablayhanov, Ali Adilev, Tezek Ablayhanov, and their descendants, were shown the steps on involving the steppe aristocracy in the Russian public administration system. In particular, the article shows the sequence of changes policy of the imperial power in relation to the sultans. The authors highlights some aspects of the interaction between the representatives of Russian administration and Kazakh elders authority in governing the territory.

As a result of research works we can assert that the local nobility was not against consolidation of the Russian Empire state institutes in Semirechenskiy region. It became a decisive factor for joining of Semirechye to Russia. The Kazakh nobility of the region in fact was a basis for formation of local self-government officials. Several clans of nobility were gradually among the Kazakhs of Semirechye. They were focused on further incorporation a new structure management: D. Karatalov, K. Alanov, T. Nuraliyev and others. Sultans descendants and notable families of the Senior zhuz under the influence of their parents made a conscious choice for a cadet corps which education status defined their inclusion in the imperial control system of the region in the long term.

Keywords: Alatav district, Semirechye, Senior Zhuz, sultans, elders, employees, administration, county.

1. Введение

В начале XIX в., с включением значительной части казахских земель к Российской империи, перед царским правительством встает проблема изменения административно-территориального устройства Казахской степи. Прежде всего, на территории современного Казахстана была отменена ханская власть: в 1822 г. в Среднем жузе, в 1824 г. в Младшем жузе. Одновременно с этим вводится регионально-ведомственная система управления, в восточной части создается так называемое Сибирское ведомство, в западной части – Оренбургское ведомство, и в междуречье Волги и Урала после перехода в этот регион в 1801 г. пяти тысяч хозяйств казахов Младшего жуза образуется Букеевская орда, позднее переименованная во Внутреннюю орду. В 1847 г. на землях казахов

* Corresponding author

E-mail addresses: massanovezh@mail.ru (T.M. Khazretali), Rusbek_1492@mail.ru (M. Girtilioglu), Rusbek_1492@mail.ru (Y.K. Omarbayev), mktgaziza@mail.ru (A.S. Adilbayeva)

Старшего жуза создается особая система управления, позднее оформленная в отдельный внешний округ в составе Западно-Сибирского ведомства.

Наряду с административно-территориальными и политическими изменениями, наблюдается начало трансформации традиционной структуры казахского общества. Проникновение государственных институтов власти России во внутривластное и социально-правовое устройство кочевников – казахов, привлечение представителей родовой знати к определенным звеньям управления, приводит к формированию в административной системе новых категорий чиновников – старших султанов, волостных, аульных старшин и т.д. В работе авторами рассматривается процесс изменения функциональной роли казахской аристократии в общей системе административно-правовых и социальных преобразований Российской империи во второй половине XIX в. на территории Семиреченского региона.

2. Материалы и методы

Данная исследовательская работа строилась в соответствии с междисциплинарными научными принципами исследования исторических процессов и конкретных событий – всесторонности, научности и объективизма. Основным методом исследования является историко-сравнительный метод исторического познания, который применяется в выявлении сходства и различия между историческими объектами, сопоставлении их во времени и в пространстве, объяснении явлений с помощью аналогии. А также был широко использован ретроспективный метод исторического познания, который предполагает последовательное проникновение в прошлое с целью выявления причины события.

Материалами исследования послужили законодательные акты по административному управлению Туркестанского генерал-губернаторства, материалы записей обычного права казахов, периодическая печать и т.д. В этом направлении огромную помощь оказали архивные материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК). В фондах ЦГА РК почти полностью сохранилось обширное делопроизводство, содержащее сведения, о жизни людей Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства.

3. Обсуждение

В казахстанской историографии проблема изменения роли казахской родовой знати в процессе внедрения государственных институтов царского правительства является частью проблемы русско-казахских отношений и имеет длительную историю изучения. Актуальность данной проблемы стала возрастать в тот период, когда перед царским правительством встал вопрос об административном закреплении данной территории, о введении в крае российской системы государственных институтов. Мы предлагаем выделить три периода изучения проблем изменения роли родовой знати в Семиречье: дореволюционный, советский и современный. В дореволюционный период изучением деятельности казахской родовой знати занимались такие видные ученые, как Л. Мейер, Ч.Ч. Валиханов, В.В. Григорьев и другие. Основное внимание Л. Мейер уделил истории географического и этнографического исследования края. Большую научную ценность представляет составленная Л. Мейером библиография вопроса.

Жизнедеятельность отдельных лиц родовой знати Семиречья отражена в работах некоторых британских исследователей. Авторы работ по истории международных отношений в Средней Азии, британские политики и военные – Г. Роулисон, Ч. Мак-Грегор убеждали, что основная казахская аристократия была против присоединения к Российской империи. Предполагается, что взгляды британских авторов исходили от политического противоборства с Россией. Политика Великобритании в Центральной Азии представлялась оборонительной, направленной против действий Российской империи в регионе.

В советской историографии роль казахской родовой знати в формировании государственных институтов Российской империи на юге современного Казахстана рассматривалась как незначительная и являлось неопределяющим фактором в присоединении Казахстана к России. В работах А.Г. Аполлова, Н.А. Ерофеева обосновывается вывод о том, что острые противоречия со стороны местного населения не повлияли на ход событий, родовая знать Семиречья быстро приспособилась к условиям административного управления Российской империи.

Значительная доля исследований, изучавших данную проблематику под различным взглядом приходится на работы ученых современного периода Р. Оразова, А. Махаевой, Ж. Джампейсовой и т.д. Вышеназванные авторами рассматривали вопросы на основе цивилизационного подхода изучения исторических явлений.

Текущая ситуация проблемы требует поиска иных подходов к изучению родовой знати Семиречья в период укрепления власти Российской империи. Исходя из этого, мы определяем два основных направления:

1. Во-первых, родовая знать региона была заинтересована в укреплении власти Российской империи в Семиречье. Представители казахской аристократии хорошо понимали, что потенциал царского правительства велик по сравнению с ханствами Средней Азии. Именно Российская империя выступала в качестве гаранта сохранности старых чинов и титулов.

2. Процесс формирования государственных институтов Российской империи был проведен в Семиречье и в Туркестане, при этом учитывались особенности и характер развития каждого региона. Это сыграло ключевую роль в упрочении власти государственных институтов царского правительства в Средней Азии.

4. Результаты

Западносибирская администрация признавала как официальное лицо царского правительства в Семиречье Али Адилева, султана рода «дулат», который относился к Старшему жузу. Еще в 1824 г. султан Али Адилев, его брат Иралы Алиев и другие знатные представители племени дулат были удостоены офицерскими чинами российской службы (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Кн. 2. Д. 20. Л. 108). В июне 1846 г. влиятельные представители родов жалаир и чапрашты подали прошение на имя председателя Сибирского пограничного управления генерала Н. Вишневого, в котором говорилось: «Хотя определено было, чтоб всем уйсюновским народом, как-то дулатовского и пр. рода, состоять под ведомством султана подполковника Алия Адилева, однако ж, мы, по общем совещании с народом нашим, положили намерение быть в отдельности от дулатовцев, и вследствие чего осмеливаемся покорнейше просить Ваше превосходительство для управления нами, джалаирцами и чапрашлинцами (родов асыл-айкумского) назначить главным султаном прежнего нашего султана 8-го класса Сюка Аблайханова, который справедлив, добр, полезен для народа и торговцев всегда готовый к защищению от обид и стеснений... Сверх того, другая причина, побуждающая нас, джалаировцев, быть под ведомством султана Сюка Аблайханова есть та, что мы имеем многих злых на нас людей, кочующих на берегах р. Или, и что, состоя под ведомством султана Алия Адилева, нам не избежать вреда их» (Казахско-русские отношения, 1964: 318). В числе подписавших прошение были султаны Камбар Аланов, Джангозы и Джочи Суюков. Среди биев племени жалаир: Тленчи Балпыков, Бейбит Кенбабин, Казар Караунбаев, от старшин рода чапрашты прошение подписали Артык Алин, Бортен Кангелдин, Ирмек Алтаев и другие. Подавая это прошение, султан Суюк Аблайханов надеялся на основании из управляемых им родов Старшего жуза отдельного округа и получение в нем должности старшего султана.

Однако, в связи с решением своих внешнеполитических задач российское правительство для вступивших в подданство казахских родов Семиречья формирует особую систему управления. В своем представлении от 17 апреля 1847 г. российскому императору Николаю I, управляющий Министерством иностранных дел граф К.В. Нессельроде о введении особого управления в Старшем жузе, писал: «Генерал-губернатор Западной Сибири, извещая ныне о счастливых последствиях всех сих распоряжений, представляет, что для большего еще упрочения влияния России над племенами Большой орды, он находил бы полезным и даже необходимым главных родоначальников, султанов Сюка Аблайханова, Галлия, Гакима и Рустема утвердить в их начальствовании (от высочайшего ли имени, или, по крайней мере, местным распоряжением главного начальства Западной Сибири, как то делается в округах Средней орды для старших султанов), и вместе с тем присвоить им равное с сими последними содержание» (Казахско-русские отношения, 1964: 335). Мера эта, по мнению Нессельроде, «принесет существенную пользу, привязав первенствующих киргиз личными выгодами к России и положив некоторое начало лучшему впоследствии устройству. Независимо от сего, с предположенным занятием в свое время твердой ногой Семиреченского края, он полагал бы: для ограждения Большой орды от притеснений и для политического за ними надзора определить к ним благонадежного штаб-офицера, в виде пристава, с содержанием, правами и обязанностями по соглашению о сем с Министерством иностранных дел». Султаны со следующего года с открытием здесь приставства будут считаться на государственной службе, надзор за ними будет осуществлять назначенный пристав Большой орды из числа офицеров, непосредственно подчиненный западносибирскому генерал-губернатору.

Вступление старшего султана в должность обычно сопровождалось традиционными для казахов обрядами: организацией празднеств, награждением почетных казахов, раздачей подарков. Российская администрация, возлагая на султана не столько реальную, сколько символическую власть, старалась следовать определенным образцам поведения, тем самым демонстрируя потребность сохранения в неизменном виде основные принципы взаимоотношений в кочевом обществе и получения поддержки со стороны родоплеменной знати.

Проведение вышеуказанной миссии было возложено на начальника Пограничного управления Н. Вишневого. В 1847 г. генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков отправляя полковника Вишневого в Семиречье, чтобы провозгласить главными султанами Старшего жуза Али Адилева, Суюка Аблайханова и Хакимбека Куланова, однако, при этом предписал своему посланнику воздержаться от утверждения старшим султаном Рустема Абулфеизова. Командир Отдельного Сибирского корпуса указывал, что означенный султан не в достаточной степени доказал свою преданность российскому правительству (Оразов, 2009: 32). В отношении султана Рустема начальнику Пограничного управления было предложено ограничиться лишь награждением его золотой медалью.

На должность же пристава «Большой Орды» 18 января 1848 г. был назначен майор, барон Морец Миронович Врангель, который занимал эту должность до 1850 г. Врангель происходил из

лифляндских дворян, закончил II Кадетский корпус, в 1843–1845 гг. в чине капитана принимал участие в кавказских войнах (Безвиконная, 2005: 146).

Как указано выше, формально родами Старшего жуза управляли старшие султаны. Однако, коллегиальный порядок рассмотрения вопросов в приставстве преобразованном позднее в Алатавский округ давал возможность российской администрации ограничивать власть старшего султана и проводить через него собственные решения. Старший султан избирался преимущественно только из числа султанов, которые принадлежали к числу потомков Чингисхана. Он имел чин майора российской службы (чин VIII класса), считался чиновником поставленным во главе местного правления и получал жалованье в размере 343 руб. в год. За девятилетнюю службу старший султан имел право на потомственное дворянское звание. В случае отставки или срочной смены он оставался в числе почётных султанов.

Традиционно должность старшего султана передавалась по наследству. Но уже очень скоро власти Алатавского округа начали нарушать данное право чингизидов. Так, в октябре 1849 г. командир Отдельного Сибирского корпуса П.Д. Горчаков доложил министру иностранных дел графу К.В. Нессельроде, о том, что «родоначальники и бии джалаирского и чапраштинского отделений подали Приставу при киргизах Большой Орды барону Врангелю» прошение на имя генерал-губернатора, где ходатайствовали перед о смене старшего султана Суюка Аблайханова, объясняя свое решение тем, что «он по преклонности лет не может управлять народом» (ЦГА РК. Ф. 2300. Оп. 1. Кн. 2. Д. 21. Л. 1-2). На место же старшего султана влиятельные представители означенных родов просили назначить султана из рода супотай племени жалаир Камбара Аланова. В своем представлении генерал-губернатор Горчаков писал: «По засвидетельствовании барона Врангеля, Суюк действительно не в силах исправлять свою должность и потому замещение его султаном Камбаром признаю я необходимым, но принимая в уважение постоянную и примерную преданность правительству Суюка в течение 20 лет имею честь покорнейше просить ходатайства, Вашего Сиятельства о всемиловитейшем пожаловании ему не в пример другим пожизненного пенсионера в 343 руб. серебром ежегодно».

Однако, уже в следующем 1850 г. султан Камбар Аланов был смещен с занимаемой должности, по причине перехода его сына и ряда других казахских старшин на сторону Коканда, во время русско-кокандских вооруженных столкновений под укреплением Таучубек. Старшим султаном родов жалаир и чапрашты вновь назначили Суюка Аблайханова. В 1852 г. несмотря на то обстоятельство, что влиятельные представители племени жалаир вновь ходатайствовали о назначении старшим султаном Камбара Аланова, российские власти отменили данное прошение, назначив на эту должность усыновленного Суюком Аблайхановым султана Джангозы (ЦГА РК. Ф. 2300. Оп. 1. Кн. 2. Д. 21. Л. 10).

На должности старшего султана «Адбановских и Сувановских волостей», Хакимбека Куланова в 1850 г. по утверждению российской власти сменил султан Тезек Нуралиев. Согласно сведениям К.Ш. Хафизовой, происхождение султана Тезека ведется от хана Аблая. Дедом Тезека был сын Аблая султан Адиль, а отцом – Нуралы, который в родословной составленной цинскими властями, назван седьмым сыном Адиля по имени Пула (Нура). В каком именно родстве состоял султан Тезек со старшим султаном Хакимбеком, автор данного исследования не указывает. В архивном источнике ЦГА султан Тезек обозначен как приемный сын султана Хакимбека (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Кн. 2. Д. 570. Л. 28).

В 1851 г. генерал-губернатором Западной Сибири назначается Густав Христианович Гасфорд. Под его началом западносибирская администрация предприняла следующие шаги по пути реформирования края изменив избирательную систему на окружном и аульно-волостном уровнях власти. Первоначально по «Уставу о сибирских киргизах» принимать участие в выборах султанов предоставлялось только представителям высшей родовой аристократии. К тому же, не были определены сроки нахождения в должности управителей, что существенно ограничивало возможности российской администрации в деле распространения своего влияния в степи.

23 февраля 1855 г. Сибирским комитетом было утверждено «Положение о порядке избрания по киргизской степи в старшие султаны». Согласно «Положению» расширился круг лиц, получивших право избираться на должность старшего султана. Кроме султанов в их число входили заседатели окружных приказов и волостные управители, прослужившие не менее трех лет и пожалованные офицерскими чинами. Избирателями могли выступать помимо султанов, также лица, имеющие офицерские чины, почетные казахи с девятилетним сроком службы. Новое положение ликвидировало сословный характер выборов старших султанов, тем самым обеспечив возможность российской власти оказывать избирательную поддержку местной окружной администрации. Заседатели от казахов, как и прежде, избирались биями и старшинами на два года (Зиманов, 1960: 187).

В период последующего обсуждения изменений в управлении казахами Старшего жуза, выдающимся казахским ученым Ч.Ч. Валихановым была написана статья, широко известная научной общественности под названием «Об управлении казахами Большой орды». Эта работа подготовлена в 1856 г. как официальная записка от имени генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда, адъютантом у которого был Ч.Ч. Валиханов после посещения им Семиречья. В данной записке автор приводит мысль о «разумном управлении» казахами Старшего жуза, с участием представителей от кочевого населения края: «...признаем нужным назначить ему (приставу) собственно по

заведыванию кайсаками и гражданскими сношениями помощника от гражданских лиц и постоянного депутата от кайсаков, с тем, чтобы депутат этот был избираем от кайсаков на три года по общему их согласию» (Валиханов, 1984: 229). Валиханов указывал на то, что «с занятием Заилийской долины и поступлением в подданство России части дикокаменных киргиз значение пристава при кайсаках Большой Орды получает большую важность и более шире становится круг его действий... При таких условиях необходимо, кроме одного заведывания кайсаками, подчинить приставу непосредственно и все войска, в Илийском крае находящиеся, и главное заведывание этим краем, дабы, таким образом, сосредоточив в одних руках военное и гражданское управление». При этом, если в связи с этим западносибирский генерал губернатор связывал расширение полномочий окружного управления, находящегося в пограничной территории, то напротив Ч.Ч. Валиханов – ослабление произвола военной власти, подчинение ее гражданскому управлению. Гасфорд предлагал вместо приставства «Большой Орды» образовать в Семиречье Илийский округ. Однако, российским правительством такое определение было отвергнуто. Ч.Ч. Валиханов, а вместе с ним и Г.А. Колпаковский считали более правильным назвать новый край Алатавским округом. В 1856 г. в составе Семипалатинской области на правах внешнего окружного приказа образуется Алатавский округ. В июне 1858 г. майор Г.А. Колпаковский назначается начальником округа, сменив на этом посту майора Перемышльского.

Анализ архивных документов свидетельствует, что старшие султаны нередко превышали свои полномочия, используя налагаемые на них российской властью административно-властные функции в корыстных целях. Так, в 1865 г. начальнику Алатавского округа поступила жалоба от волостного управителя рода арыктыным племени жалаир Тлеугула Тлеубаева. В прошении волостного Тлеубаева говорилось: «Старший султан наш сильно обижает волости. Так нынче весной с рода арыктыным насильно собрал 560 баранов, с ягнчей (хлебопахарей) насильно собрал проса 70 капов, совершенно приготовленное и очищенное, не возвращает подводных верблюдов; брат его Итбаш тоже угнал верблюдов, увез из юрты ружье, есаул Бенс и Сакау захватили хороших лошадей и передали султану; есаул султана Джуасбай не отдает халат и двух верблюдов... Одним словом, старший султан наш не оставил в покое ни табунов, ни скотины, ни проса в мешках; ни просьбам, ни слезам нашим не внимает, а потому приехали со слезами умолять всех освободить нас от его управления» (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Кн. 2. Д. 570. Л. 116). О своеобразных методах управления султанов племени жалаир, еще в декабре 1864 г. Ч.Ч. Валиханов генерал-майору Г.А. Колпаковскому писал следующее: «Джалаировские султаны, волостные и прочие, похожи на наезжих сибирских чиновников, которые приезжают только затем, чтобы постоять и потом уехать. Между джалаировскими родопривилегиями существует круговая порука, чтобы грабить народ. Я знаю наверно, что эти господа научают татар и прочих подать просьбу в Алматы и потом, получив бумагу из Верного, пугают своих и берут тогузами (традиционные подарки или подношения, состоявшие из 9 предметов, – Собрание Сочинений), одну – Султангази, другую – Тынги, третью – Камбару и проч. Подводы в этом роде назад не возвращаются – продаются, и деньги делятся между вышеупомянутыми лицами... Вообще поборам нет конца» (Валиханов, 1985: 169).

Не менее лестную характеристику Ч.Ч. Валиханов представлял и на старшего султана родов албан и суан Тезека Нуралиева: «Султан здесь управляет только своими туленгутами, которых, правда очень много, и управляет ими, как плантатор неграми. На адбанов, кочующих за Или, он почти не имеет влияния и адашевцы, чаирбеки зависят от него, как вассалы от барона: по временам приезжают на поклон, принимают его есаулов и только. Словом, султан считает себя владельцем, а не чиновником русского правительства, каким он есть в действительности».

Ч.Ч. Валиханов писал, что «прежде было основание церемониться с киргизской властью, теперь же, когда границы наши закреплены, можно положить конец их самоуправству и произволу и дать почувствовать им, что они не владельцы, а чиновники и что правительству нужен народ, а не султаны, ибо математически 100 вернее, полезнее, чем 10». Согласно мнению Валиханова, «этого можно достигнуть, только подчинив формальным выборам должность султанов и управителей; ослабить аристократический элемент и поднять и дать значение суду биев» (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Кн. 2. Д. 571. Л. 10).

Впрочем, администрация Алатавского округа и до этого было известно о различных фактах подтверждающих самоуправные действия старших султанов. В частности, еще в апреле 1863 г. генерал-майор Колпаковский обращаясь к старшему султану племени жалаир Султангази Джангозину, писал: «До меня дошли слухи, что Вы несмотря на прежде мною сделанное приказание не собирать без моего разрешения с народа баранов на общественные расходы, Вы снова нынче собираете 5 тыс. баранов, что составит 10 тыс. рублей серебром» (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Кн. 2. Д. 571. Л. 11). И тем не менее, принимая во внимание нестабильную внешнеполитическую и внутреннюю обстановку в Семиречье в этот период (противоборство с Кокандом, непрекращающиеся столкновения на русско-китайской границе, мусульманские волнения в Западном Китае и т.д.), российские власти все еще нуждались в поддержке наиболее влиятельной части кочевой знати в данном регионе. А учитывая сильную конкуренцию кочевых групп за жизненное пространство, средства и продукт производства, чем являлся скот, реальное влияние в степи султанам могла дать только экономическая состоятельность. К тому же кроме старших султанов, другие старшины

Старшего жуза большею частью не получали никакого жалования. По этой причине российская администрация до определенного времени позволяла султанам, помимо кибиточного сбора, осуществлять с кочевников дополнительные поборы в свою пользу.

Так, в рапорте от 17 октября 1865 г. начальнику Алатавского округа, офицером из окружного управления сообщалось: «... мною были опрошены собравшийся на съезде народ, какие делают султаны и бии общественные сборы и оказалось: что по существующим издревле обычаям, сбор хлеба для султанов и биев производится добровольный с юрты, кто сколько пожелает дать. Злоупотребления бывают от поспешающих собирать там насылаемых есаулов (тунейдцев), которые позволяют себе брать силой и более чем пожелает дать хозяин юрты. Сборы скотом, производятся только в тех случаях, когда по шариату накладывается взыскание и штрафы на волость, если несостоятельный обвиненный или в уплату неизвестно кем украденного скота, а также по назначению с ближних волостей на пикеты и для проходящих войск скота и юрт» (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Кн. 2. Д. 570. Л. 118).

Однако мы не можем утверждать, что местное начальство игнорировало многочисленные факты злоупотребления властью султанами. К примеру, российская администрация неоднократно указывала старшему султану племени албан и суан Тезеку Нуралиеву, на превышение им своих должностных полномочий. В октябре 1866 г. назначенный на должность военного губернатора Семипалатинской области Г.А. Колпаковский в предписании начальнику Алатавского округа Фридериксу писал: «Тюленгуты, в особенности султана Тезека Нуралы Аблайханова, самоуправными своими поступками не редко вызывают со стороны простых киргизов самые резкие жалобы и что если в последнее время были случаи отложения киргизов, то главнейшей тому причиной были обиды со стороны теленгутов султана Тезека, действующие по расчетам султана и по собственному дикому произволу в полной надежде на султанскую защиту» (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Кн. 2. Д. 570. Л. 13). В связи с этим генерал-майор Колпаковский, советовал начальнику Алатавского округа: «При всяком удобном случае внушать султанам и другим почетным лицам, что за отменой крепостного права, не только тюленгутов, но и названия этого существовать не должно» (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Кн. 2. Д. 570. Л. 18).

В то время как под воздействием административно-политических преобразований российских властей во второй половине XIX века наблюдается падение авторитета представителей султанского сословия, так напротив сословие биев приобретает все большее влияние в степи. Более того, по определению российского исследователя Е.В. Безвиконой – бии с середины XIX столетия становятся наиболее влиятельной частью казахского общества (Безвиконая, 2005: 163).

В упомянутом выше письме Ч.Ч. Валиханов об управлении родов в племени дулат Старшего жуза, говорилось: «У дулатов несколько лучше, хотя султан их считается слабым. Там много богатых и влиятельных киргизов, которые в случае надобности могут дать султану отпор» (Валиханов, 1985: 169). Впрочем, уже 1852 г. в письме генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда в Азиатский департамент министерства иностранных дел говорилось о том, что «власть старшего султана Алиа Адилаева значительно ослабела, почему для приведения подведомственных ему киргиз в повиновение майор Перемышльский испрашивает разрешения дозволить ему отправиться с 75 казаками в дулатовские волости. Разумеется, что необходимо поддержать власть старшего султана, но едва ли удастся достигнуть этого одной посылкой такой незначительной команды казаков...» (Далаева, 2010: 292).

Эти факты указывали на то, что среди казахских старшин, находившихся в ведении султанов Адилевых, имелись не менее влиятельные лица, при этом не являвшиеся представителями сословия *ак-суйек*. Об этом же свидетельствуют материалы переписки российской администрации с родоправителями казахских родов, входивших в состав племени дулат. К их числу относились: бии рода чапрашты Нарбута и Суранши Хакынбеков, бий рода ботбай Дикомбай Капсалямов, бии рода кашкарау Джайнак Караталов, Керым Майлыбаев и другие. Надо сказать, что российские власти всячески пытались привлечь на свою сторону уважаемых биев и представителей других сословий, традиционно облакая их в российские чины и мундиры.

Если обратиться к «Списку штаб и обер-офицеров – казахов Большого жуза» за 1859 г., то можно отметить что помимо 15 султанов, в данном списке перечислены 29 биев, 15 почетных и простолюдинов (ЦГА РК. Ф. 2300. Оп. 1. Кн. 2. Д. 21. Л. 44).

Так, один из наиболее известных биев рода чапрашты, батыр Суранши Хакынбеков числится на российской службе с 1847 г. В офицерском звании прапорщика с 17 февраля 1858 г., в том же году награжден серебряной медалью на Станиславской ленте. В «Наградном списке на султанов, биев и казахов Старшего жуза» за 1860 г., начальником Алатавского округа Колпаковским бий Суранши представлен к чину поручика (История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков, 2006: 557). Однако, в ноябре того же года был исключен из списка награждаемых «по причине отложения его от российского подданства». После возвращения в 1862 г. Суранши Хакынбеков принимал активное участие русско-кокандских вооруженных столкновениях, в марте 1864 г. был пленен при отражении нападения кыргызских барантчей, в том же году усилиями Г.А. Колпаковского освобожден из плена. Согласно сведениям А.Ш. Махаевой бий Суранши погиб при осаде русскими войсками укрепления Сайрам в октябре 1864 г. (Махаева, 2007: 226).

Другой, не менее знатный бий Дикамбаи Капсалямов из рода ботбай, согласно указанному выше «списку штаб – обер-офицеров» удостоился в 1846 г. золотой медали и в 1859 г. получил в качестве ценного подарка серебряный стакан. Бий рода кашкарау Джайнак Караталов по тому же списку числится прапорщиком с декабря 1859 г., имел золотую медаль. По представлению генерал-майора Г.А. Колпаковского в 1863 г., за участие в осаде крепости Пишпек, Караталов получил чин подпоручика. Далее в списке волостных управителей Верненского уезда за 1868 г., уже штабс-капитан Джайнак Караталов указан управителем Алматинской волости ([История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков, 2006: 328](#)).

Опираясь на материалы именных и прочих списков на казахов Старшего жуза, мы видим, что и отдельные султаны имели звание биев. К примеру, означенный в «списке штаб и обер-офицеров» султаном рода супотай племени жалаир Камбар Аланов, в более поздних списках указывается бием. Так, в упомянутом выше «наградном списке на султанов, биев и казахов Старшего жуза» о Камбаре Аланове говорилось: «Бий рода супотай... В настоящей должности с 1847 г. имеет золотую медаль, похвальный лист и халат 2-го разряда. Преданность его несколько сомнительна, но, несмотря на то, по первому зову явился в отряд... и как почетный и влиятельный человек своим примером воодушевлял других киргизов на исполнение трудных работ и не совсем безопасных поручений» ([История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков, 2006: 412](#)). По указанному представлению Камбар Аланов был удостоен звания прапорщика.

Анализ вышеприведенных фактов свидетельствует о том, что в результате преобразований в административно-судебной системе, бии с середины XIX века получили не только судебную, но и административную власть и тем самым приобрели более весомое значение во взаимоотношениях кочевого общества с российской администрацией Семиречья.

Согласно утвержденному в 1867 г. «Положению об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей» во главе области стоял российский чиновник в лице военного губернатора, который являлся сосредоточием военной и административной власти. Область делилась на уезды, уезды – на волости, волости – на аулы. По новому положению представлявшие кочевое население волостные управители, располагали полицейской и распорядительской властью на местах с последующим подчинением уездным начальникам. Была введена бессловная система выборов. Принцип коллегиальности в волостном и аульном звеньях управления не соблюдался. При этом звание волостных управителей в большинстве случаев все еще оставалось наследственным и передавалось по прямой нисходящей линии или по праву первородства. Общество могло производить их перевыборы, но только с согласия вышестоящего областного начальства.

Однако, родственная преемственность в управлении волостями не всегда сохранялась. К примеру, в 1867 г. старший султан Албан-Сувановских волостей Тезек Нуралиев сообщал начальнику Алатавского округа о смерти управителя подведомственной ему Тюленгутуговской волости Дикамба Чокина. После смерти Дикамба управителем названной волости при участии шести старшин, был избран его сын Бейсембе. Посылая Бейсембе Дикамбаева на утверждение его волостным начальником округа, старший султан Тезек при этом отметил, что «народ не всегда бывает единогласен», а потому «в подобном случае бывают споры, ... должность эту оспаривают еще трое...» ([ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Кн. 2. Д. 625. Л. 115](#)).

Как правило, волостным управителем избирался лидер доминирующего рода. Как отмечает Ж.Д. Джампеисова, в предвыборной борьбе выигрывала та кочевая группа, которая имела более устойчивое экономическое положение. Одним из выгодных преимуществ, которым пользовался волостной управитель, было право контролировать сбор налогов. При этом нередко волостные управители злоупотребляли своими полномочиями. В исследованиях Ж.Д. Джампеисова представлено дело о незаконном сборе ясака волостным управителем Верненского уезда Солтанбеком Джигангеровым с казахов Джалаировской волости. Дело было составлено по жалобе старшин этой волости, которые в виду незаконного налогообложения просили их ввести под управление их бывшего волостного управителя. В частности, в письме отмечалось: «Мы рода мурза-карачапан и рода ураз не желаем иметь Солтанбека волостным управителем, волость наша разъединяется, между тем Солтанбек, кроме государственной повинности – ясака, обременяет их другими налогами, почему мы, рода аман в 600 юртах ведения которых старшин с биями и всем народом, покорнейшие просим вернуть нас управлению Джайнака (бий *Джайнак Караталов*, – Авт.), известному умением и 23 года служившему волостным управителем» ([Джампеисова, 2006: 193](#)). Исследуя подобного содержания архивные документы, Ж.М. Джампеисова отмечает, что многие такие жалобы оставались российской администрацией без рассмотрения, они воспринимались ею как ложные, так как всегда поступали со стороны проигравшей на выборах кочевой группы на выигравшую.

К примеру, в 1894–1896 гг. в управлении Семиреченской области расследовалось дело по жалобе казахов Биен-Аксуейской волости Копальского уезда о неправильном избрании волостным управителем Мырзагулова. Прошение было подано от имени 700 кибитковладельцев названной волости. Рассмотрев дело на общем собрании областного правления, заседатели его пришли к заключению, что «податели прошений суть вожака противной волостного управителя, но слабейшей, сравнительно с партией последнего, партии, и это дает право заключить, что все жалобы ложны и заявления по вражде слабой партии, протерпевшей борьбу на выборах». В связи с этим, на указанном

заседании Семиреченское областное правление определило представленную жалобу оставить без последствий (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 2. Д. 679. Л. 1113).

В отчете комиссии под председательством сенатора Ф.К. Гирса, осуществлявшей ревизию уездных управлений Степного генерал-губернаторства, в состав которого в 1881 г. вошла Семиреченская область, говорилось: «Всем известна борьба партий в волостях из-за выборов, которые для достижения своей цели не стесняются никакими средствами, в надежде вознаградить потери при замещении должностей своими приверженцами; вместе с тем известно также, какие многочисленные дела и запутанность в управлении волостями из-за этой борьбы; но в канцеляриях уездных управлений встречаются весьма мало производств по такого рода делам» (Хазретали, 2012: 97).

Среднее звено во взаимодействиях российской администрации с представителями влиятельной кочевой знати Семиречья со стороны местных представляли уездные начальники. Между тем многие материалы говорят о том, что уездные начальники не могли контролировать ситуацию во вверенных им уездах. Как отмечала Ж.М. Джампеисова, нередко уездные начальники сами были замечены в отношениях с волостными управителями, которые не предписывались законом. В качестве примера, автором приведено вышеупомянутое дело по жалобе 700 кибитковладельцев Биен-Аксуйской волости Копальского уезда о неправильном избрании в волостные управители Мырзагулова. В частности, в этой жалобе на имя Степного генерал-губернатора писалось: «...мы жаловались на притеснение уездному начальнику и отобрание у нас скота управителем нашим Тилеубаем Мырзагуловым (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Кн. 2. Д. 392. Л. 30). После подачи жалобы, уездный начальник собрал народ для выбора должностных лиц, как управителя, так и других, причем уездный начальник объявил народу, чтобы народ избрал достойного и хорошего человека, а Мырзагулову объявил, что он по жалобам народа не может быть допущен к выборам. Вечером того же дня, киргизы Арасанской волости... с управителем нашим Тляубаем были у нашего уездного начальника, а на другой день по неизвестной нам причине были избраны выборными доверенными Труспека и близкие люди управителя, без согласия общества избрали управителем Тлеубая, а кандидатом – его родного брата Тутанбая» (Джампеисова, 2006: 194). Подобные жалобы на уездных начальников свидетельствовали о том, что их роль в избирательной компании не была лишь нейтральной. В отчете вышеуказанной степной комиссии о деятельности уездных начальников, излагалось следующее: «...уездные начальники действуют лишь в интересах дня, мало заботясь о таком законном направлении, которое могло бы доставить достоверные сведения и факты для руководства как в настоящее, так и на будущее время; все большею частью словесно и домашним образом...» (Хазретали, 2012: 96-98).

5. Заключение

Таким образом, в результате административно-управленческих преобразований в казахском обществе во второй половине XIX века в Семиречье произошли значительные политические, экономические и социальные изменения. Традиционная организация кочевого общества где-то прекратила функционировать вовсе, где-то существенно трансформировалась. В результате встраивания традиционных казахских институтов в российскую административную систему управления, бывшие привилегированные группы номадов в значительной степени утратили сословные черты.

И все же мы не можем сказать, что султанское сословие, лишившись своих преимущественных полномочий в управлении кочевым сообществом Семиречья, полностью утратили свое социальное значение перед российскими властями. Как выше проанализировали, из штаб-офицеров Старшего жуза, только представители султанской аристократии были удостоены наиболее высоких чинов российской службы. Старший султан родов албан и суан Тезек Нуралиев (Аблайханов) был произведен в полковники в мае 1863 г., старший султан племени дулат Али Адилев удостоился чина полковника еще в декабре 1859 г.

Анализируя данную проблему, можно отметить, что родовая знать Семиречья стала причиной изменения политико-административных процессов не только в данном регионе, но и по всей центральной Азии.

Литература

- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
 Казахско-русские отношения, 1964 – Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 гг.): сборник документов и материалов // отв. ред. Садыкова А.Н. Алма-Ата: Жалын, 1964.
 Оразов, 2009 – Оразов Р.Е. Абылайханов Сүюк. Алматы: ИИЭ, 2009.
 Безвиконая, 2005 – Безвиконая Е.В. Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20–60 гг. XIX века. Омск: Изд-во ОГИ, 2005.
 Зиманов, 1960 – Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII в. и первой половины XIX в. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960.
 Валиханов, 1984 – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата: Главная редакция казахской советской энциклопедии, 1984.
 Валиханов, 1985 – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. Алма-Ата: Главная редакция казахской советской энциклопедии, 1985.

[Далаева, 2010](#) – Далаева Т.Т. Султаны Семиречья в период утверждения российской власти (40–60-е гг. XIX в.) // Чокан Валиханов и гуманитарная наука XXI века: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 175-летию выдающегося казахского ученого Ч.Ч. Валиханова (Алматы, 5–6 ноября 2010 г.) / Под общей ред. С.Ф. Мажитова, В.З. Галиева, Э.Ж. Валиханова. Алматы, 2010. С. 285-294.

[История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков, 2006](#) – История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VIII. Ч. 1. // отв. ред. К.Ш. Алимгазинов. Алматы: Дайк-Пресс, 2006.

[Махаева, 2007](#) – Махаева А.Ш. История казахско-кыргызских отношений. Алматы: Ценные бумаги, 2007.

[История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков, 2006](#) – История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VIII. Ч. 2. // отв. ред. Алимгазинов К.Ш. Алматы: Дайк-Пресс, 2006.

[Джампеисова, 2006](#) – Джампеисова Ж.М. Казахское общество и право в пореформенной степи. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2006.

[Хазретали, 2012](#) – Хазретали Т.М. История деятельности казахской родовой знати в политических процессах Туркестана // *Вестник КазНУ: Серия историческая*. Т. 2. № 58. Алматы, 2012. С. 96-104.

References

[TsGA RK](#) – Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan [The central state archive of the Republic of Kazakhstan].

[Kazakhsko-russkiye otnosheniya, 1964](#) – Kazakhsko-russkiye otnosheniya v XVIII–XIX vekakh (1771–1867 gg.). (1964) [Kazakh-Russian relations in XVIII–XIX centuries (1771–1867)]: sbornik dokumentov i materialov. Otv. red. Sadykova A.N. Alma-Ata. [in Russian]

[Orazov, 2009](#) – Orazov R.E. (2009). Abylaykhanov Suyuk. Almaty: IIE. [in Russian]

[Bezvikkonnaya, 2005](#) – *Bezvikkonnaya E.V.* (2005). Administrativno-pravovaya politika Rossiyskoy imperii v stepnykh oblastyakh Zapadnoy Sibiri v 20–60 gg. XIX veka [Administrative-legal policy of the Russian Empire in the steppe regions of Western Siberia in 20–60 years of the XIX century]. Omsk: Izd-vo OGI. [in Russian]

[Zimanov, 1960](#) – Zimanov S.Z. (1960). Politicheskiy stroy Kazakhstana kontsa XVIII v. i pervoy poloviny XIX v. [Political system of Kazakhstan of the end of the XVIII century and the first half of the XIX century]. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR. [in Russian]

[Valikhanov, 1984](#) – Valikhanov Ch.Ch. (1984). Sobraniye sochineniy v pyati tomakh [Collected works in five volumes]. Т. 1. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya kazakhskoy sovetskoy entsiklopedii. [in Russian]

[Valikhanov, 1985](#) – Valikhanov Ch.Ch. (1985). Sobraniye sochineniy v pyati tomakh [Collected works in five volumes]. Т. 5. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya kazakhskoy sovetskoy entsiklopedii. [in Russian]

[Dalayeva, 2010](#) – Dalayeva T.T. (2010). Sultany Semirechia v period utverzhdeniya rossiyskoy vlasti (40–60-е гг. XIX в.) [Sultans of Semirechye in the statement of the Russian authorities (40–60-ies of the XIX century)]. Chokan Valikhanov i gumanitarnaya nauka XXI veka: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 175-letiyu vydayushchegosya kazakhskogo uchenogo Ch.Ch. Valikhanova (Almaty, 5–6 noyabrya 2010). Pod obshchey red. S.F. Mazhitova. V.Z. Galiyeva. E.Zh. Valikhanova. Almaty. pp. 285-294.

[Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov, 2006](#) – Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov (2006). [History of Kazakhstan in the Russian sources XVI–XX centuries]. Т. VIII. V. 1. Otv. red. Alimgazinov K.Sh. Almaty: Dayk-Press. [in Russian]

[Makhayeva, 2007](#) – Makhayeva A.Sh. (2007). Istoriya kazakhsko-kyrgyzskikh otnosheniy [The history of Kazakh-Kyrgyz relations]. Almaty: Tsennyye bumagi. [in Russian]

[Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov, 2006](#) – Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov. (2006). [History of Kazakhstan in the Russian sources XVI–XX centuries]. Т. VIII. V. 2. Otv. red. Alimgazinov K.Sh. Almaty: Dayk-Press. [in Russian]

[Dzhampeisova, 2006](#) – Dzhampeisova Zh.M. (2006). Kazakhskoye obshchestvo i pravo v poreformennoy stepi [Kazakh law and society in the post-reform steppes]. Astana: ENU im. L.N. Gumilev. [in Russian]

[Khazretali, 2012](#) – Khazretali T.M. (2012). Istoriya deyatelnosti kazakhskoy rodovoy znati v politicheskikh protsessakh Turkestana [The history of the Kazakh nobility in the political processes of Turkestan]. *Vestnik KazNU: Seriya: istoricheskaya*. Т. 4. № 58. pp. 96-104. [in Russian]

Казахская родовая знать в формировании государственных институтов Российской империи в Семиречье

Турсун М. Хазретали ^{a, *}, Мустафа Гиритоглу ^a, Ырысбек К. Омарбаев ^b, Айгуль С. Адильбаева ^c

^a Международнй Казахско-Турецкий университет им. Х.А. Ясави, Казахстан

^b Международная Образовательная Корпорация, Казахстан

^c Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается процесс трансформации функциональных полномочий казахской родовой знати в период проведения административно-политических и социально-правовых преобразований Российской империи на территории Семиреченского региона. Особое внимание уделяется изменению роли султанов и биев в процессе вхождения их в структуры местной административной власти, зарождению категории казахских служащих, не зависящих от сословно-генеалогических признаков. На примере исторических фактов, касающихся жизнедеятельности старших султанов Семиречья – Суюка Аблайханова, Али Адилева, Тезека Аблайханова и их потомков, показаны этапы вовлечения степной аристократии в российскую государственно-административную систему. В частности, показано последовательное изменение политики царской власти по отношению к султанам. Освещаются отдельные аспекты взаимодействия представителей российской власти и казахских старшин в управлении Семиречье. В результате исследовательских работ можно утвердить, что местная родовая знать была не против упрочения государственных институтов российской империи на территории Семиреченского региона. Это стало решающим фактором для присоединения Семиречья в состав России. Казахская родовая знать региона по сути являлась основой формирования группы чиновников местного самоуправления. Постепенно среди казахов Семиречья выделяется несколько кланов родовой знати, ориентированных на дальнейшее инкорпорирование новой структуры управления: Д. Караталов, К. Аланов, Т. Нуралиев и другие. Потомки султанов и выходцы из знатных семей Старшего жуза под влиянием своих родителей сделали осознанный выбор в пользу кадетских корпусов, образовательный статус которых определил в перспективе их включение в имперскую систему управления региона.

Ключевые слова: Алатавский округ, Семиречье, Старший жуз, султаны, старшины, служащие, администрация, уезд.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: massanovezh@mail.ru (Т.М. Хазретали),
Rusbek_1492@mail.ru (М. Гиритоглу), Rusbek_1492@mail.ru (Ы.К. Омарбаев),
mktugaziza@mail.ru (А.С. Адильбаева)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 193-198. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.193
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Dostoevsky's Seminal Trauma as a Blueprint for National Mythology

Anna Geifman ^{a, b, *}

^a Department of Political Studies, Bar Ilan University, Israel

^b Department of History, Boston University, Emerita, USA

Abstract

This article argues that Dostoevsky's traumatic personal "near-death" experience was the main factor behind formulating the writer's unique messianic ideology for the Russian nation. His ordeal was more than a trigger for a spiritual rebirth; the trial Dostoevsky endured became a template for a broad vision he projected onto his homeland to interpret its past and to envisage its future. His vision left a marked cultural impact on Russia's self-perception. Psychohistorical in approach, the article analyzes an intricate inner process in which Dostoevsky transformed his private trauma into an ideology, which to this day scores of his compatriots perceive as prophecy.

Keywords: Dostoevsky, near-death experience, post-trauma, national identity, ideology formation.

1. Introduction

Contrary to his later status as a pillar of the Russian ultra-conservative, nationalist thought, in his youth Fedor Dostoevsky belonged to the "progressive circles." The aspiring writer joined a closely-knit group of young intellectuals, who would meet at the home of their leader, Mikhail Petrashevsky, a utopian socialist. Members of the "Petrashevsky Circle" read Henri de Saint-Simon, Charles Fourier, and Robert Owen — all banned in Nicholas I's Russia — and gathered on Friday evenings to eat, drink, and reaffirm their distaste for political and religious oppression. The lamentable state of Russia's domestic affairs they juxtaposed to a vision of a beautiful future of equality and justice. Years later, Dostoevsky remembered how easily they assimilated the idea that socialism was a modern spiritual path and an improved version of the outmoded Christianity. Their involvement had to more to do with utopian dreaming than with a genuine political action (Dostoevsky, 1873: 153-154); none of them were radicals-by-the-deed. Nonetheless, on April 23, 1849, thirty-five members of the Petrashevsky Circle were arrested and charged with subversion.

2. Results

They spent months of incarceration in St. Petersburg's infamous Peter and Paul fortress, designated for dangerous political prisoners. At the trial, Dostoevsky, together with others, was convicted of conspiracy and "abusive remarks about the Orthodox Church and Government." On December 22, 1849, they were taken to the Semenovkii parade-ground to hear their verdict: immediate execution by firing squad. A few hours later Dostoevsky wrote to his brother: "we were told to kiss the Cross, our swords were broken over our heads.... and no more than a minute was left for me to live" (Dostoevsky, Farewell Letter).

Suddenly, a courier galloped to the execution square. A messenger handed the officer-in-charge a dispatch from the Winter Palace. In line with a premediated arrangement, Nicholas I had subjected the condemned men to the dreadful ritual of capital punishment and then commuted their death sentence to Siberian hard labor.

The near-death experience was devastating. One of the convicted went mad and the others had to find a way to live with the deep trauma, the inner torment, "the horrible, immeasurably terrifying minutes of

* Corresponding author

E-mail addresses: annageifman@hotmail.com (A. Geifman)

waiting for death” (Dostoevsky, 1873: 157). Dostoevsky also sought to construct a comprehensive account of the last-minute survival. Intellectually and spiritually not sufficient as an episode of amazing luck, it required a reflective elucidation as to *the reason why* it happened - quite in line with what Viktor Frankl and other psychologists have known about the nature of trauma: constructing a meaningful narrative about a traumatic event structuralizes the incoherent, painful ordeal, diminishes inner chaos, and thus serves as an uniquely beneficent coping mechanism, for “suffering is produced and alleviated primarily by the meaning people attach to their experiences.” (Crossley, 2000: 533, 541).¹ The narrative had to render Dostoevsky’s suffering worthwhile and uniquely fitting his near-death experience, if it were to be transformative and fulfilling.

The future, too, had to contribute to a meaningful life story. Dostoevsky already knew the setting for the next chapter: four years of hard labor and then obligatory military service as private in a Siberian regiment. Not yet sure what the plot would be, he articulated the primary theme of his overall narrative—a struggle between the material and the spiritual. “I have already gone through so much in life that now hardly anything can frighten me,” he wrote to his brother; “life in prison has already sufficiently killed in me the demands of the flesh which were not wholly pure... Now privations are nothing to me... I am not down-hearted... hope has not deserted me. ... There has never yet been working in me such a healthy abundance of spiritual life as now” (Dostoevsky, Farewell Letter).

Scholars are not of one mind about the famous conversion of Dostoevsky from a subversive to a traditionalist thinker and -- for numerous conservatives in Russia until today – a prophet. While most researchers, including Jamefors P. Scanlan, who focuses specifically on Dostoevsky’s ideas, believe that the transition began to take place during his penal servitude in Siberia (Scanlan, 2002; see also Walsh, 2013: 25), there have been voices of dissent. In her analysis of the “fundamental mental paradigm shift” in Dostoevsky, Robin Feuer Miller shows that it had occurred while he still was in St. Petersburg, following the mock execution (Miller, 2007: 5-7). Indeed, having not yet repudiated his former convictions, Dostoevsky seemed to have already renounced his identity of a rebel, referring to Nicholas I as “His Imperial Majesty.” Hours after the existential ordeal, Dostoevsky engaged in self-evaluation and penitence: “When I look back at the past and think how much time has been wasted in vain... lost in delusions, in errors, in idleness, in ignorance of how to live... my heart bleeds. ... Now, I am being reborn into a new form. ... I shall be reborn...” (Dostoevsky, Farewell Letter).

His journey of rebirth began two days later when, his hands and feet in irons, Dostoevsky was on his way across snow-covered Russia to Siberia. He was a convicted criminal, yet determined to reach atonement and to preserve his “spirit and heart in purity,” as he had sworn to his brother. Miller ventures that it was not God but the wholesome and pure Russian people who were on his mind at that point (Miller, 2007: 6), but the spiritual blueprint to guide him along the course of righteousness Dostoevsky did find in the Gospels, the only book prisoners were permitted to keep.²

Years later, Dostoevsky remembered his conversion as a long journey from the scaffold, where he and other members of the Petrashevsky Circle listened to their death “sentence without the slightest repentance.” Far from denying their convictions, they had felt like martyrs dying for a holy cause (Dostoevsky, 1873: 156-157). Suddenly, it was rendered less lofty by the royal decision to refuse their sacrifice. Nicholas I had no intention of executing the convicted, wishing only to humiliate and to frighten them extremely – something Dostoevsky obviously did not know. For him, the tsar’s grant of life was a miracle. The miraculous revival from the near death caused him to retreat to his essence, to reconnect to his past, his childhood and the deeply integrated Christian values of his family.

The religious principles Dostoevsky had been ingrained deeply indeed, even though prior to his imprisonment he had neglected Christianity. He significantly differed from many of his peers in the educated strata of the early 19th century, who were raised primarily with the values of the French Enlightenment. For them, Russian Orthodoxy was a tribute to the national tradition, at best. Dostoevsky, however, was brought up in a truly observant family and received religious education. “His upbringing “immersed him in the spiritual and cultural atmosphere of Old Russian piety” (Frank, 2009: 23; Scanlan, 2002: 24-25). Religion in general and the Orthodoxy in particular were for him a constant point of ethical reference (Frank, 2009: 23; Scanlan, 2002: 16-17).

While his name “has become so inalterably associated with that of St. Petersburg,” his birthplace and spiritual home was Moscow, the heart of Russian popular religious tradition (Frank, 2009: 24-25). It was also the birthplace of the late 15th-early 16th century core state myth of “Moscow – the Third Rome.” A pivotal officially-sanctioned narrative depicted Moscow as the spiritual heir of both Rome and Constantinople which had fallen to the infidels due to their citizens’ numerous transgressions. The new center of the Orthodox world, Moscow was destined to turn into the capital of the entire Christendom, and under its tsar, the guardian of the only true faith, lead the entire Christian world to final redemption (Duncan, 2000: 11).

¹ “First-person narratives are meaning-making devices that can be used as powerful tools to direct developmental changes” (Jansen, Haavind, 2001: 68). Among numerous works on the subject, see, for example, Smyth et al., 2001: 161-172.

² Scanlan argues that Dostoevsky never really “disbelieved” or rejected faith. Facing what he and other condemned thought “to be imminent death, he reportedly cried out: ‘We shall be with Christ!’” (Scanlan, 2002: 17).

The tsars' claim to power over Russia and Russia's claim for imperial status both were based on adherence to the religious Orthodoxy and its church's global mission. In the 18th century Peter the Great sidelined this tradition to a secular Westernized vision, in which the tsar was an absolutist ruler of a mighty European empire, proud of its territorial size and military victories (Tolz, 2001: 24). Still, for many Russians, their sovereign was God's messiah, in line with the old state myth, which has become central to the popular ethos (Hoskings, 1997: 39, 230; Tolz, 2001: 24, 40-42).

Moscow was also the capital of the 19th-century Slavophile movement, the conservative nationalist reaction to the European Enlightenment (Hosking, 1997: 272). The newly-emerged Russian intelligentsia was keenly aware of its disempowering isolation from both the official spheres and the rest of the nation, especially the overwhelming peasant multitude. Self-conscious as a tiny minority with an undefined social role, the intellectual elite owed a great deal to the European Romantic movement, perhaps the most influential intellectual current at the time. The Romanticism mandated that one's destiny was inseparably linked to that of a larger "organism," to which he belonged –his homeland, the nation-state; with its "historical purpose" he had to harmonize his own life journey. For the Russian intellectuals, the effort to formulate a national narrative thus entailed a dominant personal agenda—to attain the perpetually craved for *raison d'être* as part of the disquiet and anxiety-ridden process of identity development (Hosking, 1997: 39).

Russian identity developed always in relation to the "other"— be it East or West; be it for or against. Unlike their liberal and socialist rivals, the so-called Westernizers, who argued that Russia should overcome its backwardness by following the European sociopolitical development, the Slavophiles claimed that Russia's unique culture rendered it superior to that of the West. In their eyes, it was plagued by rationalism, spiritual poverty, selfishness, and class antagonisms. Russia, therefore, must return to its pre-Petrine traditional roots and thus attain harmonious relations among the common people, the tsar, and the church (Hosking, 1997: 272-273; Pipes, 2005: 109). The Slavophiles resurrected the messianic myth of "Moscow - the Third Rome," which reemerged as part of Russia's intellectual discourse.

For Dostoevsky, the Russian popular tradition and the European intellectual fashions of the day paradoxically turned out to be a perfect match. The German Romantics' longing for supreme ideals resonated with Russia's traditional messianic myth. The commitment of their romantic colleagues in France to alleviate social ills coincided with the Russian Orthodoxy's claim to compassion for the unfortunate. The essential values of Romanticism thus appeared to be rephrasing in modern terms the very sentiments that had stirred Dostoevsky profoundly as a young man (Frank, 2009: 54). He has been exposed to the most prominent 19th-century French writers at home, and at the Military Academy, where he studied on his father's insistence, professors deepened his knowledge of the contemporary French fiction and literally indoctrinated him with Schelling poetry, along with an array of German romantic doctrines (Frank, 2009: 35, 51). Importantly, he absorbed the "Romantic proclivity for casting his personal problems into cosmic terms" (Frank, 2009: 56).

The Romantics emphasized one's connection to grassroot heritage, if he were to share his nation's identity and fate. Under their influence, Dostoevsky "set off for prison in Siberia with the expressed intention of discovering humanity, in the form of the Russian people there," turning towards the simple folk (*narod*) as "the key to the spiritual salvation of Russia" (Miller, 2007: 7). Indeed, years later, Dostoevsky attributed his steady disengagement from his earlier humanistic, universalist, "unRussian" outlook to "direct contact with his fellow-inmates, and "brotherly unity with them in our common misfortune." He ascribed his ultimate conversion to his return to national "roots, to knowledge of the Russian soul, to recognition of people's spirit (Dostoevsky, 1873: 157). Emotionally, he has always been "close to the beliefs and feelings of the illiterate peasantry still untouched by secular Western culture" (Frank, 2009: 24-25). Like them, in a murderer and a thief he saw the Gospels' criminal crucified with Jesus and granted admission to heaven for his trust. From there, it was only a step to his idea that the long-suffering Russian folk was a sacred "God-bearing people," a vessel and a sole guardian of the genuine Christian spirituality (Ivanits, 2008: 3).

His faith crystallized while he served his term of hard labor. He wrote to his brother about "the strengthening of religious sentiment" (Dolinin, n.d.), which acquired the distinct Russian Orthodox form. Quite within the traditional mainstream, Dostoevsky emphasized personal redemption through purifying pain: "Forlorn in my soul... I re-evaluated all my bygone life... thought about my past, judged myself... mercilessly and harshly and at times even blessed my fate for sending me this seclusion, without which either this trial of myself, or this severe reassessment of my previous life would not have taken place" (Grossman, 1963). His punishment of hard labor—like the retribution of his key characters in future novels—was deeply meaningful; it served to restore goodness in his tainted soul.

Likewise, patient acceptance of coercion, economic misery, and burdens of serfdom seemed to authenticate wholesomeness and purity of the Russian nation in Dostoevsky's eyes. Through centuries of pain, the nation's soul has been cleaned to holiness, he suggested. More than anyone else perhaps he was aware of the hatred and cruelty of the would-be saints: in the hard labor prison, peasant criminals mistreated and humiliated him as a nobleman (*barin*), as if seeking to make him pay for all social injustice and abuse the gentry inflicted on the simple folks. Privately, in letters to his brother, Dostoevsky acknowledged their depravity and complained of being ill-treated, despite his best effort to befriend his crude companions in misfortune. Although as a novelist, he also sometimes depicted the *narod* as ignorant and sinful, Dostoevsky-the prophet stubbornly insisted: "bow down before the people's truth" (Ivanits, 2008: 6; see also Ruttenburg, 2008: 5-6).

That a human being was not a “free radical” but part and parcel of his homeland, sharing its destiny, Dostoevsky probably took for granted in line with a vital Romantic postulate that one must align his goals with those of his nation-state to render his life fulfilling. Evidently, he was not conscious of the logical leap in assuming also the reverse -- that the fate of a nation could reflect the spiritual path of its devoted son. Dostoevsky’s life story provided a specific script and a template narrative about Russia’s near-annihilation, remorse, reparation, and ascent to greatness. The Romantic consciousness certainly did not warrant a projection of his inner experience onto Russia as a whole; yet, psychologically it made a great deal of sense: his arduous road to spiritual fulfillment was to be so much more momentous, if mirrored by the historical course of his nation.

While some scholars do consider his seemingly miraculous, last minute survivals to be a trigger for a religious reawakening, none connect it to the expressly Dostoevskian version of nationalist messianism at the core of his new personal ideology. Many omit it entirely, accentuating other “central episodes in the formation of the mature writer – arrest, Siberian imprisonment, and exile” (Ivanits, 2008: 8). It is essential, however, to understand the importance which psychologists attribute to “the founding trauma... that is transformed or transvalued into a legitimizing myth of origins. A crisis or catastrophe that disorients and harms... the individual may miraculously become the origin... of the myth and serve an ideological function in authorizing acts... that appeal to it for justification” (LaCapra, 2014: xii).

Having served his sentence of hard labor, followed by five years as a private soldier in a Siberian infantry regiment, in 1859 Dostoevsky was free to return to public life. A devout Russian Orthodox, he had definitively rejected his past cosmopolitan worldview in favor of patriotism blended with chauvinism. The grueling process of conversion led to a self-diagnosis: like many of his contemporaries, he had been “contaminated” (*zarazhen*) by a “dreamy delirium” of socialist brotherhood of men and “seduced” into the “darkness and terror” (*mrak i uzhas*) of disbelief. His sins led him to the scaffold; yet, he was granted life so that he would tell the tale of his “illness” (Dostoevsky, 1873: 154), which could have been fatal, had it not been for the torturous therapy of purification through suffering. Having discovered the cure of atonement, he could delineate the path of healing for his people.

The near-death experience came to define Dostoevsky’s mission to show a way out of Russia’s ethical and spiritual wretchedness towards redemption. He was to become his people’s prophet.¹ He did embrace the old “Moscow – the Third Rome” tradition, along with many Slavophile ideas; yet, it is Dostoevsky’s personal trauma that yielded a unique vision of national messianism - Russia’s near-obliteration, penitence, and salvation.

His message was that the generate Western civilization was on the verge of an apocalypse.² “The West has lost Christ and that is why it is dying,” Dostoevsky wrote in his *Notebooks* (Cited in De Lubac, 1995: 269). The old world was living its last days, for the “final battle,” as outlined in the Revelation of St. John, was due to occur, with the millennium to follow. Russia too was in grave danger: as punishment for the depravity and spiritual poverty of its leaders, it would nearly perish with the rest of the Christian civilization. In other words, it would go through a near-death experience, but then be miraculously revived and granted a compassionate second chance for spiritual recovery. It would be forced to go “between the straights,” to attain purification and salvation by the traditional Orthodox way of hard trials and suffering. Russia would then become the “light upon the nations;” its sanctified citizens be the new “chosen people.” They would save not only themselves but the entire world by leading it along the road of salvation to the “Kingdom of Heaven,” when, Dostoevsky predicted, the nations would “succumb to the triumphant Orthodox idea” (Morson, 1981: 33-35).

His prophecy may not appear as random as it does, if considered as a derivative of his experience, projected onto his nation verbatim. Dostoevsky’s approach has been termed “writerly mythopoesis” (from the Greek “myth-making”), in which the author creates an imaginary mythology. In the process, he may transform his “subjective experiences into central mythologemes of [his] epoch” (Klimova, 2007: 57 cited in Teper, Forthcoming Paper). It might have been so for Dostoevsky-the novelist; yet, he seems to have been utterly oblivious of superimposing the narrative of his life onto Russia, when formulating the new national mythology.

That his prophecy might be arbitrary never occurred to him. For all his powerful intellect, Dostoevsky’s writings revealed barely-concealed juvenile excitement about the impending Armageddon. He held fast to his doomsday forecast: Russia’s ascent from near extinction to salvation and to fulfillment of its global mission served to validate his private story, to deepen its meaning, and to invest it with a far-reaching significance.

Already during Dostoevsky’s lifetime and especially over the decades following his death, the “writer has become an icon” and the ideological pillar of the Russian messianic political conservatism. For a century-and-a-half, Dostoevsky’s fervent message not only has retained a formidable intellectual influence, but also endured as part of Russia’s national mythology and presently has been officially endorsed and partially

¹ As a publicist, he was “speaking in the voice of a prophet” (Morson, 1981: 33).

² Dostoevsky believed that in Europe, the corrupt, heretical Catholicism, having dispensed with the religious component, evolved into godless nihilism and subversive socialism, while Protestantism resisted this process ineffectively in the name of individualism (Walsh, 2013: 25).

incorporated into state ideology (Teper, Forthcoming paper).¹ The question remains as to why countless educated Russians have retained fascination with his as-yet unfulfilled prophecy no less than with his fiction.

Students of the Russian history and culture have emphasized the nation's perpetual problem in formulating identity.² Some consider the unsettled issue of the common national narrative to be a key predicament of Russia's history.³ The country's intelligentsia has been preoccupied, indeed obsessed, with the perpetual controversy about the meaning of Russia's past and the national goals. Amid the confusion and the never-ending dispute, Dostoevsky's insights, emphasizing both Russian exclusiveness and the country's universalism (Teper, Forthcoming paper),⁴ provided the coveted explanation, affirmation, solace, hope, and pride. His version of the Russian messianism accentuated the ultimate spiritual objective, over-compensating for the nebulous down-to-earth meanings and goals.

3. Conclusion

Identity formation is never static; it is a development which requires time to evolve. Throughout history, time and again the Russian leaders abruptly interrupted the natural flow of this process for the sake of ideological experimentations—typically at the great expense of the people: from superimposing eastern Christianity onto the pagan masses; to involving them in a confusing, centuries-long sociocultural (and political) relationship with the “Peoples of the Steppe;” to a religious Schism, provoked from above; to Peter the Great's fixated effort to turn the Russians into the Europeans overnight; to the equally neurotic determination of Nicholas I to prevent their corruption by exposure to the “radical West.” The faux “constitutional experience” of 1905 era caused a great deal of bloodshed and still greater confusion about the nation's goals. Then came the fatal Bolshevik revolution, followed by the Civil War, which destroyed the last hope for a national consensus about Russia's future. Finally, having fabricated a new species known as “homo soveticus,” the country's leaders have dismantled the Communist state, which shortly gave way to a flawed democracy, striving to attain national prominence.

When dust settled after the initial years of *perestroika*, the Russians found themselves traumatized, perplexed and again hopelessly divided about both their historical experience and political destiny. Currently, the Kremlin's ideological slant has been increasingly aligned with Dostoevsky's messianic creed to justify the official claim for Russia's “unique greatness.” Amid the lingering national identity quest of the new political elites and the intellectuals, Dostoevsky's beliefs about Russia's near-death, spiritual revival, and impending universal contribution have come to be expedient indeed.

References

- Anderson, 1983 – *Anderson Benedict* (1983). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso.
- Crossley, 2000 – *Crossley Michele L.* (2000). “Narrative Psychology, Trauma and the Study of Self/Identity,” *Theory & Psychology*, vol. 10 (4), August.
- De Lubac, 1995 – *De Lubac Henri* (1995). *The Drama of Atheism*. San Francisco: Ignatius Press.
- Dolinin, n.d. – *Dolinin A.* “Dostoevskii, Fedor Mikhailovich”. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/be/d/do0001.htm>
- Dostoevsky, 1873 – *Dostoevskii F.M.* (1873). “Oдна iz sovremennykh fal'shei,” *Dnevnik pisatel'ia. 1873, Sobranie sochinenii*, v. 12, (Leningrad: Nauka, 1994).
- Dostoevsky, Farewell Letter – Dostoevsky's Farewell Letter. URL: <https://www.awesomestories.com/asset/view/Dostoevsky-s-Farewell-Letter>
- Dostoevsky, 1949 – *Dostoevsky F.M.* (1949). *The Diary of a Writer*, vol. 2. New York: Charles Scribner's Sons, 1949.
- Duncun, 2000 – *Duncan Peter J.S.* (2000). *Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After* (London: Routledge).
- Frank, 2009 – *Frank Joseph* (2009). *Dostoevsky: Writer and his Time*. Princeton: Princeton University Press, 2009.
- Grossman, 1963 – *Grossman Leonid* (1963). *Dostoevsky. Zhizn zamechatelnykh ludey* (Moskva: “Molodaya Gvardia”). URL: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0770.shtml
- Hiekonen, Master Degree Thesis – *Hiekonen Nina*, “The Issue of Russian Identity,” Master Degree Thesis, University of Tampere, Finland, n. d., <https://tampub.uta.fi/bitstream/handle/10024/78179/gradu01958.pdf?sequence=1>
- Hobsbawm, 1983 – *Hobsbawm Eric* (1983). “Introduction: Inventing Tradition”, in eds. Eric Hobsbawm and Terence Ranger, 1-14. *The Invention of Tradition*, London: Cambridge University Press.

¹ “He became the most cited ... and, on balance, the most opportune Russian classical [writer] for the authorities” (Poroshin, 2014).

² For discussion and references see Hiekonen, MA Thesis.

³ As late as the end of the 1990s scholars were still wondering whether Russia could ever become a nation-state (Hosking, 1998: 5 cited in Teper, Forthcoming Paper).

⁴ “Yes, the Russian destiny is incontestably all-European and universal” (Cited in Neumann, 1999: 19).

- [Hosking, 1997](#) – *Hosking Geoffrey* (1997). *Russia: People and Empire 1552-1917* (Cambridge, Mass: Harvard University Press).
- [Hosking, 1998](#) – *Hosking Geoffrey* (1998). "Introduction" in eds. G. Hosking and R. Service, *Russian Nationalism: Past and Present* (Palgrave Macmillan).
- [Ivanits, 2008](#) – *Ivanits Linda* (2008). *Dostoevsky and the Russian People* (Cambridge University Press, Cambridge-New York).
- [Jansen, Haavind, 2001](#) – *Jansen Anne, Haavind Hanne* (2001). "‘If only’ and ‘despite all.’ Narrative configuration among young people living in residential care," *Narrative Inquiry* 21: 1.
- [Klimova, 2007](#) – *Klimova Svetlana* (2007). "Conceptualizing religious discourse in the work of Fedor Dostoevskii," *Studies in East European Thought*. 59.
- [LaCapra, 2014](#) – *LaCapra Dominick* (2014). *Writing History, Writing Trauma* (John Hopkins University Press, Baltimore).
- [McReynolds, 2004](#) – *McReynolds Susan* (2004). "Dostoevsky and Schiller: National Renewal through Aesthetic Education" *Philosophy and Literature*, Vol. 28, No. 2, October 2004.
- [Miller, 2007](#) – *Miller Robin Feuer* (2007). *Dostoevsky’s Unfinished Journey* (Yale University Press, New Heaven-London).
- [Morson, 1981](#) – *Morson, Gary Saul* (1981). *The Boundaries of Genre: Dostoevsky’s Diary of a Writer and the Traditions of Literary Utopia* (Northwestern University Press, Evanston, IL).
- [Murav, 1991](#) – *Murav Harriet* (1991). "Dostoevskii in Siberia: Remembering the Past," *Slavic Review*, Vol. 50, No. 4 (Winter, 1991).
- [Neumann, 1999](#) – *Neumann Iver B.* (1999). *Uses of the Other: the “East” in European Identity Formation* (Manchester University Press, Manchester, England).
- [Pipes, 2005](#) – *Pipes Richard* (2005). *Russian Conservatism and Its Critics* (New Haven: Yale University Press).
- [Poroshin, 2014](#) – *Poroshin Igor* (2014). "Kak Dostoevsky triumfalno izganaet Tolstogo iz sovremennoy Rossii," *Forbes*, October 24, 2014. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/tsennosti/271579-kak-dostoevskii-triumfalno-izgonyaet-tolstogo-iz-sovremennoi-rossii>.
- [Ruttenburg, 2008](#) – *Ruttenburg Nancy* (2008). *Dostoevsky’s Democracy* (Princeton University Press: Princeton, NJ).
- [Scanlan, 2002](#) – *Scanlan James, P.* (2002). *Dostoevsky the Thinker*. Cornell University Press: Ithaca and London.
- [Smyth et al., 2001](#) – *Smyth Joshua; True Nicole, Souto Joy* (2001). "Effects of Writing about Traumatic Experiences: The Necessity for Narrative Structuring," *Journal of Social and Clinical Psychology*, vol. 20, No. 2.
- [Teper, Forthcoming paper](#) – *Teper Yuri*, "Resurgence of Dostoevsky in Putin's Russia: A Case Study in the Making and Remaking of National Mythology" (Forthcoming paper).
- [Tolz, 2001](#) – *Tolz Vera* (2001). *Russia: Inventing the Nation* (London: Oxford University Press).
- [Walsh, 2013](#) – *Walsh David* (2013). "Dostoevsky’s Discovery of the Christian Foundations of Politics" in Richard Avramenko and Lee Trepanier, eds., *Dostoevsky’s Political Thought* (Lexington Books).
- [Young, 2006](#) – *Young Sarah* (2006). "Introduction", in *Dostoevsky on the Threshold of Other Worlds: Essays in Honour of Malcolm Jones*, ed. Sarah Young and Lesley Milne, xii-xx. Ilkeston: Bramcote Press.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 199-207. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.199
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Northern Caucasus in 1844–1881 years: Economic Aspects of Russian Politics in the Region

Yury Y. Grankin ^{a,*}

^aPyatigorsk State University, Russian Federation

Abstract

The work examines the peculiarities of the economic politics of Russia in the Northern Caucasus while the time of governorship. The special status of the region forced to look for ways to optimize management practices in the region. Among the priorities that were set and solved by the imperial administration, were the problems associated with the successful adaptation of the local economy to the national needs. The region had to find its niche in the Russian market, and thus to get out of the crisis that has developed as a result of the transformation of the local archaic way of life, which has experienced the impact of modernization processes caused by the ongoing here the imperial policy. These processes fastened in the second half of the XIX century, when military and political opposition in the Northern Caucasus was overcome and the authorities could pay special attention to the peaceful development. The best results were done in agriculture, which succeeded in the commodity production, in transport and oil field. The Caucasian health resorts got the further development thanks to the optimal form of management in the medical service. It brought to the organic adaptation of the locals to the new living conditions.

Keywords: economy, governorship, transformation, agriculture, industry, empire, crafts, health resorts, colonists, service.

1. Введение

Системная трансформация различных сторон жизни в Российской Федерации актуализировала среди прочего значение историко-экономических исследований, которые позволяют максимально эффективно использовать накопившийся опыт в разных сферах хозяйственной деятельности. Особенно важно это для Северного Кавказа – достаточно сложного и конфликтного региона, где сохраняется высокий уровень социально-экономической и политической напряжённости, вызванный как внешними, так и внутренними причинами. В этой связи опыт по выходу из кризисной ситуации, который был получен в XIX в., может оказаться востребованным и в новом, XXI столетии (Ermakov, Klychnikov, Milyaeva, 2014: 449-452).

Безусловно, проводить прямые параллели между разными историческими эпохами было бы неправильно, но определённая ситуативная схожесть присутствует. Предпринимаемые кавказскими наместниками усилия, в том числе в экономической сфере, заслуживают самого пристального внимания как со стороны академической науки, так и политической практики.

Как тогда, так и сейчас очевидно, что исключительно силовыми методами проблему стабилизации региона решить невозможно. Лишь эффективные управленческие механизмы и надёжная экономическая основа жизни населения могут обеспечить благополучие и поступательное развитие края как неотъемлемой части Российского государства. При этом следует учитывать местную специфику, прежде всего, в кадровой политике, склонность населения к хозяйственным занятиям определённого рода.

* Corresponding author

E-mail addresses: grankinj@pgu.ru (Y.Y. Grankin)

2. Материалы и методы

Исследование опирается на архивные материалы, которые были извлечены из центральных – Российский государственный военно-исторический архив (Москва, Российская Федерация) и местных архивов – Государственный архив Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация), Государственный архив Ставропольского края (Ставрополь, Российская Федерация), Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (Владикавказ, Российская Федерация). В них содержится информация, иллюстрирующая процессы колонизационного освоения региона в рассматриваемый период, развития сельского хозяйства и местной промышленности, налаживания процесса торговли. Часть используемых материалов уже была введена в научный оборот и опубликована в тематических сборниках (ПСЗ, 1846; [Пятигорск в исторических, 1985](#)).

Заявленная проблема определила выбор принципов и методов исследования. Прежде всего, речь идёт о принципах историзма и объективизма, благодаря которым удалось не только понять сущностные особенности изучаемого периода, но и дать научное определение тем процессам, которые проходили в регионе в контексте экономической политики империи на Северном Кавказе.

Особое внимание уделялось конкретно-историческим условиям, которые определяли действия властей и стратегию экономического развития Кавказского наместничества.

При анализе материала, связанного с оценкой экономических показателей, применялся системный метод. Помимо этого, выяснялось, какие изменения происходили в хозяйственном укладе местных народов, чему способствовал традиционный для исторической науки историко-сравнительный метод исследования.

Применение историко-генетического метода дало возможность проследить общие черты российской политики в регионе, которые влияли на социально-экономическую ситуацию в крае.

3. Обсуждение

Проблема экономической политики России на Северном Кавказе не раз становилась объектом пристального внимания со стороны исследователей. В настоящий момент накоплен достаточно разнообразный пласт литературы, посвящённый различным аспектам заявленной темы. Это позволяет создавать обобщающие труды, сосредотачиваясь на анализе уже собранного и систематизированного материала.

К числу работ, дающих общее представление о социально-экономической ситуации в регионе, относятся труды Ф.А. Щербины ([Щербина, 1893](#)), А.В. Фадеева ([Фадеев, 1957](#)), Н.П. Гриценко ([Гриценко, 1963](#)), С.А. Чекменева ([Чекменев, 1967](#)). Они отличаются основательной фундированностью, широким привлечением архивного материала.

Вызывают интерес исследования, которые посвящены развитию отдельных отраслей хозяйства, являвшихся приоритетными в условиях Северного Кавказа ([Колосов, 1962](#); [Гарунова, 2009](#)). Российские власти стремились выделить такие направления в хозяйственном укладе местных жителей и использовать в качестве точек роста всего экономического потенциала края.

В этой связи особо следует отметить исследования, которые затрагивают вопросы, связанные с развитием кавказских курортов ([Белозеров, 1997](#); [Лазарян, 2003](#)). Речь идет, прежде всего, о курортах Пятигорья, которые были известны далеко за пределами края. Они служили своеобразными примерами того, какие перспективы ждут регион в случае его мирного, созидательного развития в составе империи.

Ставка в реализации масштабных экономических проектов делалась не только на автохтонов, которые не всегда обладали необходимыми компетенциями, но и на привлекаемое славянское население. Для этого проводилась активная колонизация региона из внутренних губерний ([Васюков, 1905](#); [Тхамокова, 2000](#)). Кроме того, на Северном Кавказе постарались укоренить и выходцев из других стран, пример хозяйствования которых мог быть востребован в местной экономической практике ([Твалчредидзе, 1886](#); [Велицын, 1893](#)).

Взаимодействие в условиях северокавказского пограничья в контексте концепции фронта вызывает интерес у иностранных авторов, которые анализируют специфику формирования новой имперской общности, формирующейся в регионе ([Khodarkovsky, 1999](#)).

4. Результаты

К началу 1840-х гг. российская политика на Северном Кавказе столкнулась с серьёзным управленческим кризисом, и, несмотря на значительные людские и материальные потери, не могла выработать оптимальной модели умиротворения края ([Захарова, 2001: 167](#)). Военные усилия при всех их внешне эффективных достижениях не обеспечивали главное – лояльности автохтонных народов, которые в немалой степени симпатизировали главному оппоненту империи в крае – имамату Шамиля.

И без того сложная ситуация отягощалась регулярными конфликтами между региональными и столичными властями, которые по-разному оценивали ситуацию в крае. Для Петербурга северокавказская окраина была одной из многих проблемных территорий, управление которой хотели унифицировать в соответствии с общеимперскими началами ([Khodarkovsky, 1999: 394-430](#)).

Местная же администрация указывала на специфичность вверенной им провинции. Она ратовала за расширение собственных возможностей в принятии решений по регламентации жизни местных народов с учётом их социоментального своеобразия. Зачастую такие шаги расходились с общепринятой практикой и могли в перспективе привести к обособлению Северного Кавказа от остальной империи, тогда как стратегическая цель правительства наоборот заключалась в его приобщении к российской державе (Клычников: 834-841).

Выход был найден в создании наместничества, опыт применения которого уже давала положительный результат в деле освоения новых территорий (Учреждение, 1876: 3). На Кавказ предполагалось назначить человека, который пользовался абсолютным доверием государя, имел опыт администратора и одновременно был сведущ в военном деле. В этом случае можно было предоставить ему самую широкую автономию и дать возможность действовать без оглядки на Петербург (ПСЗ, 1846: 151-152). Эффективность наместничества в значительной степени определялась субъективным фактором, а потому кандидатуру доверенного лица императора подбирали с особым тщанием (Клычников, Лазарян, 2012: 123-127).

Человеком, который отвечал всем необходимым требованиям, предъявленным к кандидатуре наместника, был М.С. Воронцов. Пожалуй, он был одним из первых российских высокопоставленных чиновников, для которого экономическое освоение региона стало доминирующей задачей, а все остальные усилия имели вспомогательное значение. Опытный хозяйственник, граф (позднее князь) был сторонником идеи о том, что успешное занятие товарным земледелием, ремеслом и торговлей, сделают из горцев вполне мирных подданных государя. В дальнейшем, в разной степени, такого подхода будут придерживаться и другие кавказские наместники.

Пока шла активная борьба с мюридизмом, рассчитывать на крупные успехи в мирном преобразовании края не приходилось. Сказывалась и общая ситуация в стране. До отмены крепостного права существовало множество вполне объективных причин, которые препятствовали втягиванию народов Северного Кавказа в экономическое пространство империи. Частная инициатива хотя и приветствовалась, но не могла определять хозяйственный облик региона (Клычников, 2002: 145-147). Риски были высоки, а отдача от вложений откладывалась на неопределённый срок. Главным инициатором экономических новаций, таким образом, могло быть только государство, которое и выступало в лице наместничества.

В пореформенный период ситуация претерпевает кардинальные изменения. В этот период товарно-денежные отношения активно проникают в сферу традиционных занятий народов края. Они всё больше начинают ориентироваться на нужды рынка, а это неминуемо приводило к разложению локального изоляционизма, характерного для разных сторон жизни автохтонов.

В новых условиях свою нишу нашли кустарные ремёсла, которые хотя и потеснила фабричная промышленность, но полностью ликвидировать их так и не смогла. Они фактически стали дополнять друг друга, обеспечивая потребности не только местных народов, но и находя сбыт за пределами Кавказа. Власти охотно рекламировали изделия местных умельцев, для чего периодически устраивали выставки, где мастера могли продемонстрировать и реализовать свою продукцию.

Настоящий бум фиксировался в производстве строительных материалов. Речь идёт об изготовлении, к примеру, кирпича и черепицы. Тот, кто решался заняться этой деятельностью, не знал проблем со сбытом, т.к. спрос на стройматериалы в регионе был постоянным и только расширялся. Администрация фиксировала «возникающие один за другим в области кирпичные заводы» (ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 954. Л. 50; ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 81. Д. 39. Л. 4-5).

Регион становился одним из лидеров по добыче и переработке нефти. Главное управление наместника Кавказского выступило с инициативой по передаче принадлежавших казне нефтяных скважин в руки частных предпринимателей (ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1221). Такой шаг обеспечивал не только твёрдый доход, но ещё и привлекал на Северный Кавказ дополнительный капитал, стимулировал капиталистическую активность.

Но в такой практике существовала опасность, что владельцы, воспользовавшись своим монопольным положением, будут ограничивать добычу нефти, а сверхприбыль получать за счёт повышения цены. Чтобы избежать подобного развития событий, Кавказская администрация осуществляла надзор за частными нефтяными промыслами, была также проработана юридическая база, регламентирующая эту сферу деятельности.

Испытывая недостаток в средствах, местная администрация решила на активное привлечение иностранного капитала в нефтяную промышленность. Представляется, что в рассматриваемый период это была вполне оправданная мера, стимулирующая конкуренцию и заставляющая активно внедрять новые технологии в добычу и переработку этого ценного сырья. Как показал опыт, в противном случае откупщики продолжали по старинке добывать нефть, черпая её из колодезь, откуда она доставлялась на поверхность с помощью примитивных подъёмных механизмов.

Во многом развитие северокавказского промышленного и сельскохозяйственного потенциала сдерживали архаичные коммуникации. Поощряя железнодорожное строительство, власти создали вполне благоприятные условия для вывоза местной продукции и, в свою очередь, насыщения регионального рынка необходимыми товарами (Наша железнодорожная, 1902: 34). Необходимость

строительства железных дорог, хотя и осознавалась большинством чиновников, тем не менее, потребовалось длительное обсуждение этого вопроса, вызвавшего горячие споры.

Речь шла о сроках прокладки таких коммуникаций на Северном Кавказе. В уже одобренном императором плане строительства железнодорожных магистралей в империи регион не значился. Наместнику пришлось использовать свой авторитет и личное влияние, чтобы убедить монарха пересмотреть уже принятое решение. Нехватку в казне средств предполагалось компенсировать привлечением частного капитала и созданием концессий. У государства просто не было на это денег, а стоимость проекта значительно возросла по сравнению с первоначальными расчетами (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 802. Л. 1 об.).

Безусловно, при выборе предполагаемого маршрута в первую очередь учитывались военно-политические интересы. Она должна была обеспечить быструю переброску вооружённых сил. Но и экономический фактор также не сбрасывался со счетов, и это способствовало достаточно быстрой окупаемости проекта (Щербина, 1893: 71).

Примечательно, что в крае стремительно увеличивалось число производств, связанных с переработкой сельскохозяйственного сырья. Со стороны властей прилагались энергичные усилия по административной поддержке перспективных проектов, над которыми осуществлялся государственный патронаж.

Безусловно, регион оставался, прежде всего, аграрным центром, а потому кавказские наместники содействовали дальнейшему росту товарного зерноводства и скотоводства. Расширились посевные площади, стали появляться новые культуры (Лазарян, 2014: 175). Процесс этот происходил медленно, особенно в первой половине столетия. Это объяснялось вполне очевидными причинами, связанными с политической нестабильностью, о чём уже говорилось выше.

Кроме того, сельское хозяйство является достаточно консервативной сферой деятельности, которая не терпит поспешных экспериментов. Современники жаловались, что способ возделывания земли основан «на ничем не сообразной рутине» (ГАКК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 342. Л. 45). Здесь возможности администрации повлиять на уклад местных производителей были ограничены, и она должна была считаться с готовностью земледельцев пойти на риск в освоении новых угодий и выращивании новых сортов. Тем не менее, уже в дореформенный период Северный Кавказ становится неотъемлемой частью российского экономического пространства и начинает ассоциироваться не только с военной опасностью и материальными потерями, но и с вполне ощутимой экономической перспективой. Со второй половины XIX в. эта тенденция только усиливается.

Начавшаяся в 1860-х гг. аграрная реформа имела своей целью решить не только экономические задачи и превратить регион в сельскохозяйственного лидера, но ещё обеспечивала социальную стабильность в крае. Была сделана ставка на поддержку крупных товарных хозяйств, которые привлекали значительное количество рабочих рук (Востриков, 1904: 262).

Заметные успехи фиксируются в разведении скота, прежде всего, овец (Очерки истории, 1996: 362). Если рассмотреть ставропольские крестьянские хозяйства, то в них овцеводством занималось не менее 40 % домовладельцев. Даже притом, что скотоводство долгое время сохраняло экстенсивный характер, его размеры значительно выросли. Отмечается, что крупные скотопромышленники предпочитали культивировать тонкорунные породы овец, а менее зажиточные хозяйства делали ставку на грубошерстные породы. Для примера, только жители села Воронцово-Александровского от продажи скота ежегодно получали до пяти тысяч рублей. Они продавали его как на собственном базаре, так и вывозили на различные ярмарки региона.

Началась интенсивная распашка целинных земель, которые использовались преимущественно для выращивания пшеницы. Здесь одним из лидеров являлось Ставрополье, где крестьянские хозяйства активно включались в товарное производство. Злаковые культуры пользовались постоянным спросом на рынке и обеспечивали доход местным производителям. Примечательно, что поставками пшеницы занимались не только крестьянские, но и казачьи и горские хозяйства. Главным препятствием на пути поступательного развития товарного зерноводства было отсутствие необходимого земельного фонда, и попытки властей справиться с аграрным перенаселением давали лишь кратковременный эффект (Клычников, 2015: 184-185).

Если проанализировать урожайность местных земель, то она окажется значительно выше, нежели аналогичные показатели центральных губерний страны. Всё шире применялись современные сельскохозяйственные орудия труда. Отдельные крестьянские хозяйства приобретали фабричные молотилки, плуги, жатвенные машины. Если средств одной семьи было недостаточно, такие орудия труда могли приобретаться в складчину, либо с рассрочкой. Для сбора урожая активно привлекались наёмные работники, которые в сезон в большом количестве приходили из центральных губерний России.

В немалой степени локомотивом экономической активности населения края выступала торговля (ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 3502. Л. 7; ГАСК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 435. Л. 341 и др.). Она не раз становилась инструментом в решении не только хозяйственных вопросов, но имела ещё и политическое значение. Можно было не раз наблюдать, как власти использовали её для оказания воздействия на местные народы. Запрещая и поощряя торговые контакты, правительство стремилось надёжнее привязать горцев к империи, сблизить враждующие народы (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 857. Л. 85).

С ограничительными мерами мы сталкиваемся в первую половину столетия, когда силовые методы превалировали в российской политике на Северном Кавказе. Но постепенно ситуация менялась, и власти всячески содействовали торговой интеграции автохтонов не только в рамках региона, но и за его пределами, в других частях империи. Иностраный рынок в рассматриваемый период не являлся приоритетом для местных производителей, хотя и туда направлялась часть производимой продукции (Гранкин, 2002).

В условиях края широкой популярностью пользовалась ярмарочная торговля. Нередко местные оптовики, закупив здесь товар, затем перевозили его в Москву и Санкт-Петербург. Одной из наиболее крупных считалась ярмарка близ города Георгиевска. Сюда сгоняли огромные табуны лошадей и гурты рогатого скота. Здесь совершались сделки по снабжению Владикавказской железной дороги зерновым грузом. Порой спрос не успевал за предложением, и это приводило к утрате части товарного хлеба.

Отличительной особенностью пореформенного периода стало развитие кредитно-банковской системы в крае. Кавказская администрация пыталась сохранить свой контроль над этой сферой, но, не имея необходимых ресурсов, вынуждена была допустить для участия в этом секторе частный капитал (Горбунов, Дмитриев, 2008: 106).

Отдельного внимания заслуживает вопрос, связанный с развитием северокавказских курортов. Они, условно говоря, являлись «визитной карточкой» региона и даже в разгар боевых действий пользовались популярностью у российского общества. Курорты всегда оставались на особом контроле у наместников, что достаточно наглядно продемонстрировал М.С. Воронцов, который 28 мая 1847 г. перевёл курорты Кавказских Минеральных Вод в своё личное распоряжение (Пятигорск в исторических, 1985: 151). И в дальнейшем система управления курортами непрерывно изменялась, т.к. администрация стремилась найти наиболее эффективную систему их управления.

Как правило, суть изменений заключалась в подчинении всех курортов либо государственным чиновникам, либо в передаче их в частные руки. Оба варианта имели как плюсы, так и минусы. Нередко эффективность работы зависела от субъективного фактора. Так, курорты в 1861 г. были отданы в ведение контрагентов.

В журнале Кавказского комитета по этому поводу говорилось следующее: «Для отыскания причин, имеющих неблагоприятное влияние на администрацию Кавказских Минеральных Вод, по мнению князя Барятинского, не нужно вдаваться глубоко в исследование всех условий, влияющих на деятельность управления. Конечно, нельзя не упомянуть о недостатках естественных и искусственных путей сообщения, об ошибочном, теперь только ослабевающем общественном мнении на счёт опасности для проезжающих в крае и о малонаселённости многих мест, где лежат главнейшие сухопутные пути, ведущие к минеральным источникам. Всё это, взятое вместе, без сомнения, имело огромное значение в деле управления Водами. Но кроме этих условий, всегда было и есть одно самое важное обстоятельство, не позволявшее Кавказским целебным источникам достигнуть достойного их значения. Обстоятельство это заключается в том, что Водами заведует правительственная или казённая администрация» (Пятигорск в исторических..., 1985: 162-163). Но впоследствии государственные власти вынуждены были вновь взять на себя обязанности по управлению этой сферой деятельности.

Хотя частный капитал быстрее реагировал на запросы рынка курортных услуг, но он не мог успешно осуществлять масштабные проекты, которые требовали солидных финансовых затрат и не могли гарантировать быструю окупаемость. Только сочетание этих двух подходов обеспечивало гибкость в развитии курортного дела на Кавказе, при этом решающее слово должно было оставаться за государством (Гранкин, 2011: 259-281).

Успешность экономических проектов, реализуемых российским правительством в регионе, напрямую зависела от того, кто привлекался к их осуществлению. Предполагалось, что активная славянская колонизация позволит укоренить на Северном Кавказе население, которое могло передать проживавшим здесь горцам и кочевникам свои навыки хозяйственной деятельности. Будучи политически лояльными к России, эти новопоселенцы демонстрировали то, чего можно добиться мирным способом, посвятив себя созидательной деятельности.

Первоначально основным контингентом, привлекаемым к переселению на Кавказ, были казаки. Но специфика жизни не позволяла им акцентировать внимание на хозяйственных заботах, а потому с точки зрения экономической целесообразности предпочтение стали отдавать крестьянам (Фадеев, 1957: 43-44). Процесс их адаптации к природным, социокультурным и политическим особенностям региона был болезненным. Далеко не всегда соблюдался принцип добровольности при наборе колонистов. Но в дальнейшем власти даже вынуждены были вводить ограничения на переезд, т.к. число желающих выехать на новое место жительства превосходило реальные возможности по их размещению. Важную роль в этом процессе сыграла железная дорога, и «масса иногородних осела сначала в станциях ближайших к линии железной дороги, и отсюда уже пошла расплываться дальше» (ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 1527. Л. 14).

В связи с массовым оттоком горского населения с территории Северного Кавказа в Турцию после завершения боевых действий дефицит трудовых резервов сделался особенно актуальным. Это заставляло российскую администрацию изыскивать самые разные способы для привлечения в

край новых жителей. Далеко не все они смогли успешно адаптироваться в непривычных ландшафтно-климатических условиях, что приводило к высокой смертности и не позволяло создать крепких хозяйств.

Помимо российских переселенцев сюда прибывали и иностранные колонисты. Для них создавались наиболее комфортные условия для проживания, предоставлялись различные налоговые преференции. Власти рассчитывали на их культуртрегерские усилия, но, как показал опыт, эти надежды не оправдались (*История многовекового, 2007: 266*).

Постепенно даже стало нарастать раздражение, которое вызывали получаемые иностранцами (прежде всего, немецкими поселенцами) права. Звучали слова опасения, что такой подход несёт угрозу прочим категориям колонистов, и они к концу XIX столетия стали утрачивать былые возможности. Это даже привело к частичному оттоку этих поселян с территории Кавказа (*Твалчрелидзе, 1886: 274*).

Что касается горского населения, то оно, получив возможность переселяться на равнину, также достаточно успешно приняло участие в экономической жизни края. Постепенно всё больше местных жителей предпочитали получать достаток не за счет военной добычи, а занимаясь сельским хозяйством и ремёслами (*Клычников, 2016: 75*).

Важно отметить тот факт, что российская администрация, стремясь предоставить новопоселенцам необходимые земельные наделы, исходила не из принципов сословной близости, а учитывала их лояльность к государственной власти. Конечно, перешедшие на службу России феодалы могли рассчитывать на значительные раздачи участков, но и рядовые общинники также не обделялись чиновниками. Однако земельный фонд был весьма ограничен, и удовлетворить в полном объёме потребности нуждающихся было невозможно. В документах о наделении местных жителей землёй нередко можно встретить утверждение, что они «стеснены в поземельном довольствии» (*ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 241. Л. 6*).

При необходимости казна могла выкупать у офицерско-старшинской верхушки излишки земель и перераспределять их в пользу нуждающихся. Это позволило со временем преодолеть то недоверие, которое испытывали к империи местные народы, хотя полностью нейтрализовать их недовольство власти так и не смогли.

5. Заключение

Усилия российской политики на Северном Кавказе были направлены на обеспечение условий по вхождению региона в единое экономическое пространство империи. Рост материального благосостояния местных жителей давал возможность изменить социальные и культурные особенности достаточно конфликтного южного фронта. Местное производство приобретало товарные черты. Особенно этот процесс ускорился в пореформенный период, что объяснялось не только прекращением вооружённого противостояния на Северном Кавказе, но и буржуазными реформами, которые открыли дорогу капиталистическому развитию России в целом и её южного региона в частности.

Успехи в экономическом освоении Северного Кавказа зависели от эффективности управления, оперативности в принятии решений. В этой связи видится оправданным введение института наместничества, которое доказало свою эффективность в условиях политической турбулентности характерной для края в рассматриваемый период.

Благодаря наличию широких полномочий наместник мог весьма оперативно принимать необходимые шаги, что было важно не только для выполнения политических, но и экономических задач, которые приходилось решать в крае. Безусловно, в такой ситуации многое зависело от личности главного кавказского администратора. Поэтому император особо тщательно подбирал кандидатуру наместника, от которого требовалась не только личная лояльность, но и наличие самого широкого кругозора, в том числе и по хозяйственным вопросам.

Как правило, наместники входили в близкое окружение императора, они уже имели определённый административный опыт. Поступательное развитие края, его органичное вхождение в экономическое пространство империи во многом стало возможно благодаря такой форме управления.

Литература

- Белозеров, 1997* – Белозеров В.С. Кавказские Минеральные Воды: эволюция системы городов эколого-курортного региона. М.: Ваш выбор. ЦИРЗ, 1997. 80 с.
- Васюков, 1905* – Васюков С.И. Русская община на Кавказо-Черноморском побережье // *Вестник Европы*. 1905. №12. С.560-583.
- Велицын, 1893* – Велицын А.А. Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. СПб., 1893. 282 с.
- Востриков, 1904* – Востриков П.А. Станица Наурская, Терской области // *Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа*. Тифлис, 1904. Вып. 33. С. 102-309.
- Гарунова, 2009* – Гарунова Н.Н. Очерки истории виноделия и коньячного производства на Кизлярщине в XVII–XXI вв. Махачкала: Рудуга-1, 2009. 336 с.

- Горбунов, Дмитриев, 2008 – Горбунов А.П., Дмитриев Е.В. Экономическое и социальное развитие Ставрополя в середине XIX – начале XX вв. Пятигорск: ПГЛУ, 2008. 163 с.
- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
- ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.
- Гранкин, 2002 – Гранкин Ю.Ю. Торгово-экономические связи России с народами Западного и Центрального Кавказа (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2002. 216 с.
- Гранкин, 2011 – Гранкин Ю.Ю. Наместничество и реализация стратегии экономического развития Северного Кавказа в 1844–1881 гг. Пятигорск: ПГЛУ, 2011. 403 с.
- Гриценко, 1963 – Гриценко Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861–1900 гг.). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. 199 с.
- Захарова, 2001 – Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. 381 с.
- История многовекового, 2007 – История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. 720 с.
- Клычников, 2002 – Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2002. 494 с.
- Клычников, Лазарян, 2012 – Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Мозаика северокавказской жизни: события и процессы XIX – начала XX веков (Исторические очерки). Пятигорск: ПГЛУ, 2012. 330 с.
- Клычников, 2015 – Клычников Ю.Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.). Исторические очерки. М.: ЛЕНАНД, 2015. 368 с.
- Клычников, 2016 – Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении (историко-политологические очерки) / Под ред. и с предисловием проф. С.Л. Дударева. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2016. 99 с.
- Колосов, 1962 – Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополий (1893–1917 гг.). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1962. 381 с.
- Лазарян, 2003 – Лазарян С.С. Становление предпринимательства в регионе КМВ. 1780-1917 гг. Пятигорск, 2003. 196 с.
- Лазарян, 2014 – Лазарян С.С. Экономическая, социальная и этноконфессиональная политика князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845–1854 гг. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. 398 с.
- Наша железнодорожная, 1902 – Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров: исторический очерк, составленный начальником отделения канцелярии Комитета министров Н.А. Кислинским, под главною редакциею статс-секретаря Куломзина. СПб., 1902. Т.2. 734 с.
- Очерки истории, 1996 – Очерки истории Кубани с древнейших времён до начала XX столетия / Под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар: «Советская Кубань», 1996. 656 с.
- ПСЗ, 1846 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1846. Т. XX. 1046 с.
- Пятигорск в исторических, 1985 – Пятигорск в исторических документах 1803–1917 гг. Ставрополь: Кн. изд-во, 1985. 352 с.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- Твалчрелидзе, 1886 – Твалчрелидзе А. Колонии меннонитов Вольдемфирст и Александрфельд Кубанской области // Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Тифлис, 1886. Вып. 5. С.209-274.
- Тхамокова, 2000 – Тхамокова И.Х. Русское и украинское поселение Кабардино-Балкарии. Нальчик: Издательство «Эль-Фа», 2000. 240 с.
- Учреждение, 1876 – Учреждение управления Кавказского и Закавказского края. СПб., 1876. 67 с.
- Фадеев, 1957 – Фадеев А.В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 260 с.
- ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.
- Чекменев, 1967 – Чекменев С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII в. и в первой половине XIX в. Пятигорск: Кн. изд-во, 1967. 278 с.
- Щербина, 1893 – Щербина Ф.А. Общий очерк экономических и торгово-промышленных условий района Владикавказской железной дороги. СПб., 1893. Вып. 2. 284 с.
- Ermakov et al., 2014 – Ermakov V.P., Klychnikov Y.Y., Milyaeva L.I. The opportunities for the new round of the modernization of the North Caucasus in the plans of the Government of the Russian Federation // *Life Science Journal*, 2014; 11 (11s). pp.449-452.
- Khodarkovsky, 1999 – Khodarkovsky M. Of Christianity, Enlightenment, and Colonialism: Russia in the North Caucasus, 1550–1880 // *The Journal of Modern History*, Vol. 71, No. 2. (Jun., 1999). pp. 394–430.
- Klychnikov, 2015 – Klychnikov Y.Y. Military and political situation in the reign of Nicolas I // *Harvard Journal of Fundamental and Applied Studies*. №1(7), January-June, 2015. Vol. VII. pp. 834-841.

References

- Belozеров, 1997** – *Belozеров V.S.* (1997). Kavkazskie Mineral'nye Vody: ehvolyuciya sistemy gorodov ehkologicheskogo regiona [The Caucasian Mineral waters: the evolution of towns system of the ecologic and resort region]. M.: Vashvybor. CIRZ. 80 p. [in Russian].
- Vasyukov, 1905** – *Vasyukov S.I.* (1905). Russkaya obshchina na Kavkazo-CHernomorskom poberezh'e [The Russian commune in the Caucasian and Black Sea Coast]. *Vestnik Evropy*. №12. pp. 560-583. [in Russian].
- Velicyн, 1893** – *Velicyн A.A.* (1893). Nemcy v Rossii. Ocherki istoricheskogo razvitiya i nastoyashchego polozheniya nemeckih kolonij na yuge i vostoке Rossii [The Germans in Russia. The essays of the historic development and present situation of German colonies in the south and east of Russia] SPb. 282 p. [in Russian].
- Vostrikov, 1904** – *Vostrikov P.A.* (1904). Stanica Naurskaya, Terskoj oblasti / *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemyon Kavkaza* [The Naurstanitsa of the Terek region] Tiflis. Vyp. 33. pp.102-309. [in Russian].
- Garunova, 2009** – *Garunova N.N.* (2009). Ocherki istorii vinodeliya i kon'yachnogo proizvodstva na Kizlyarshchine v XVII–XXI vv. [The essays of the history of wine and cognac production in Kizlyar in the XVII–XXI cc.] Mahachkala: Ruduga-1. 336 p. [in Russian].
- Gorbunov, Dmitriev, 2008** – *Gorbunov A.P., Dmitriev E.V.* (2008). EHkonomicheskoe i social'noe razvitie Stavropol'ya v seredine XIX – nachale XX vv. [The economic and social development of Stavropol region in the middle of the XIX – beginning of the XX cc.]. Pyatigorsk: PGLU. 163 p. [in Russian].
- GAKK** – Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja [The State Archives of the Krasnodar region].
- GASK** – Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja [The State Archives of the Stavropol region].
- Grankin, 2002** – *Grankin Yu.Yu.* (2002). Torgovo-ehkonomicheskie svyazi Rossii s narodami Zapadnogo i Central'nogo Kavkaza (konec XVIII – pervaya polovina XIX vv.) [The trade and economic ties of Russia with peoples of the Western and Central Caucasus (the end of the XVIII – the first half of the XIX cc.)] Pyatigorsk: PGLU. 216 p. [in Russian].
- Grankin, 2011** – *Grankin Yu.Yu.* (2011). Namestnichestvo i realizaciya strategii ehkonomicheskogo razvitiya Severnogo Kavkaza v 1844–1881 gg. [The governorship and the strategy realization of the economic development of the Northern Caucasus in 1844–1881 years] Pyatigorsk: PGLU. 403 p. [in Russian].
- Gricenko, 1963** – *Gricenko N.P.* (1963). EHkonomicheskoe razvitie CHEcheno-Ingushetii v poreformennyj period (1861–1900) [The economic development of Chechen and Ingush republic in the past reform period (1861–1900)] Groznyj: CHEcheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo. 199 p. [in Russian].
- Zaharova, 2001** – *Zaharova O.Yu.* (2001). General-fel'dmarshal svetlejshij knyaz' M.S. Voroncov. Rycar' Rossijskoj imperii [The General-Field-Marshal Duke M.S. Vorontsov. The Knight of the Russian Empire] M.: ZAO Izd-vo Centrpoligraf. 381 p. [in Russian].
- Istoriya mnogovekovogo, 2007** – *Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva: K 450-letiyu soyuza i edineniya narodov Kabardino-Balkarii i Rossii (2007)*. [The history of multicentural cooperation: to the 450 years unity peoples of Kabarda, Balcaria and Russia]. Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovyh. 720 p. [in Russian].
- Klychnikov, 2002** – *Klychnikov Yu.Yu.* (2002). Rossijskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.) [The Russian politics in the Northern Caucasus (1827–1840 years)]. Pyatigorsk: PGLU. 494 p. [in Russian].
- Klychnikov, Lazaryan, 2012** – *Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S.* (2012). Mozaika severokavkazskoj zhizni: sobytiya i processy XIX – nachala XX vekov (Istoricheskie ocherki) [The mosaic of the North-Caucasian life: events and process of the XIX – the beginning of the XX century]. Pyatigorsk: PGLU. 330 p. [in Russian].
- Klychnikov, 2015** – *Klychnikov Yu.Yu.* (2015). Rossijskaya gosudarstvennost' i severokavkazskaya arhaika: V poiskah preodoleniya protivorechij (XVIII – nachalo XXI vv.). Istoricheskie ocherki [The Russian political system and the North-Caucasian archaic: in search of contradiction overcoming (the XVIII – the beginning XXI cc.) The historical essays]. M.: LENAND. 368 p. [in Russian].
- Klychnikov, 2016** – *Klychnikov Yu.Yu.* (2016). Severnyj Kavkaz: starye problemy v novom izmerenii (istoriko-politologicheskie ocherki) [The Northern Caucasus: old problems in new measuring (historic and political essays)] / Pod red. i s predisloviem prof. S.L. Dudareva. Pyatigorsk: PGLU. 99 p. [in Russian].
- Kolosov, 1962** – *Kolosov L.N.* (1962). Ocherki istorii promyshlennosti i revolyucionnoj bor'by rabochih Groznogo protiv carizma i monopolij (1893–1917 gg.) [The essays of the history of industry and revolutionary. Grozni workers struggle against tsarism and monopolies (1893-1917 years)]. Groznyj: CHEcheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo. 381 p. [in Russian].
- Lazaryan, 2003** – *Lazaryan S.S.* (2003). Stanovlenie predprinimatel'stva v regione KMV. 1780–1917 gg. [The employment formation in the region of the Caucasian Mineral Water. 1780–1917 years]. Pyatigorsk. 196 p. [in Russian].
- Lazaryan, 2014** – *Lazaryan S.S.* (2014). EHkonomicheskaya, social'naya i ehtnokontsional'naya politika knyazya M.S. Voroncova v Kavkazskom krae. 1845–1854 gg. [The economic, social and ethno-confessional politics of Duke Vorontsov in the Caucasian region. 1845–1854 years]. Pyatigorsk: PGLU. 398 p. [in Russian].

Nasha zheleznodorozhnaya, 1902 – Nasha zheleznodorozhnaya politika po dokumentam arhiva Komiteta ministrov: istoricheskij ocherk, sostavlenyj nachal'nikom otdeleniya kancelyarii Komiteta ministrov N.A. Kislinskim, pod glavnoyu redakcieyu stats-sekretarya Kulomzina (1902). [Our rail policy according the documents of the archives of the Ministers Committee: the historic essay, made by the chief of the department of the Ministers Committee N.A. Kislinsky and the editor state secretary Kulomzin]. SPb. T. 2. 734 p. [in Russian].

Ocherki istorii, 1996 – Ocherki istorii Kubani s drevnejshih vremyon do nachala XX stoletiya (1996). [The essays of the Kuban history from antiquity to the beginning of the XX century] / Pod red. V.N. Ratushnyaka. Krasnodar: Sovetskaya Kuban'. 656 p. [in Russian].

PSZ, 1846 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe (1846) [The complete collection of laws of the Russian Empire / The second collection]. SPb. T. XX. 1046 p.

Pyatigorsk v istoricheskikh, 1985 – Pyatigorsk v istoricheskikh dokumentah 1803–1917 gg. (1985) [Pyatigorsk in historic documents 1803–1917 years]. Stavropol': Kn. izd-vo. 352 p. [in Russian].

RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [The Russian State Military Historical Archives].

Tvalchrelidze, 1886 – *Tvalchrelidze A.* (1886). Kolonii mennonitov Vol'demfirst i Aleksandrfel'd Kubanskoj oblasti. *Sbornik materialov dlja opisaniya mestnosti i plemen Kavkaza* [The colonies of Mennonites Voldemfirst and Alexanderfeld of the Kuban region]. Tiflis. Vyp. 5. pp. 209–274. [in Russian].

Thamokova, 2000 – *Thamokova I.H.* (2000). Russkoe i ukrainskoe poselenie Kabardino-Balkarii [The Russian and Ukrainian settlement of the Kabarda and Balkaria]. Nal'chik: Izdatel'stvo «EHI'-Fa». 240 p. [in Russian].

Uchrezhdenie, 1876 – Uchrezhdenie upravlenija Kavkazskogo i Zakavkazskogo kraja (1876). [The administration of the Caucasian and Trans-Caucasian region]. SPb. 67 p. [in Russian].

Fadeev, 1957 – *Fadeev A.V.* (1957). Ocherki ehkonomicheskogo razvitiya Stepnogo Predkavkaz'ya v doreformnyj period [The essays of the economic development of the Steppe pre-Caucasus before reforms]. M.: Izd-vo AN SSSR. 260 p. [in Russian].

CGA RSO-A – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Severnaja Osetija-Alanija [The Central State Archive of the Republic Northern Osetia – Alanija].

Chekmenev, 1967 – *Chekmenev S.A.* (1967). Social'no-ehkonomicheskoe razvitie Stavropol'ja i Kubani v konce XVIII v. i v pervoj polovine XIX v. [The social and economic development of Stavropol and Kuban region at the end of the XVIII c. and the first half of the XIX c.]. Pyatigorsk: Kn. izd-vo. 278 p. [in Russian].

Shherbina, 1893 – *Shherbina F.A.* (1893). Obshhij ocherk jekonomicheskikh i torgovo-promyshlennyh uslovij rajona Vladikavkazskoj zheleznoj dorogi. [The total essay of economic, commercial and industrial conditions of the Vladicaucasian railway region]. SPb. Vyp. 2. 284 p. [in Russian].

Северный Кавказ в 1844–1881 гг.: наместничество и экономические аспекты российской политики в регионе

Юрий Юрьевич Гранкин ^{a, *}

^a Пятигорский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматриваются особенности экономической политики России на Северном Кавказе в период существования наместничества. Особый статус региона заставлял искать пути по оптимизации управленческой практики в крае. К числу приоритетных задач, которые ставились и решались имперской администрацией, относились проблемы, связанные с успешной адаптацией местного хозяйства к общегосударственным потребностям. Регион должен был найти свою нишу во всероссийском рынке, и, таким образом, выйти из того кризисного состояния, которое сложилось в результате трансформации местного архаичного уклада, испытавшего на себе воздействие модернизационных процессов, вызванных проводимой здесь имперской политикой. Эти процессы ускорились во второй половине XIX в., когда военно-политическое противостояние на Северном Кавказе удалось преодолеть, и власти смогли акцентировать внимание на мирном обустройстве края. Заметные успехи были сделаны в развитии сельского хозяйства, всё больше приобретающего товарные черты, в развитии транспорта, добыче нефти. Дальнейшее развитие получили кавказские курорты, где постепенно выработывалась оптимальная форма управления этой сферой лечебных услуг. Всё это приводило к органичной адаптации местных народов к новым условиям жизни.

Ключевые слова: экономика, наместничество, трансформация, сельское хозяйство, промышленность, империя, ремесла, курорты, колонисты, услуги.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: grankinj@pgu.ru (Ю.Ю. Гранкин)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 208-216. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.208
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Charitable Associations of Tomsk Province in 1844–1917

Vasily P. Zinovyev ^{a,*}, Valentina I. Zinovyeva ^b, Sergey S. Fominykh ^a

^aTomsk State University, Russian Federation

^bTomsk State University of Control Systems and Radioelectronics

Abstract

Patronage and charity was an essential part of the life of pre-revolutionary Russian society, one of the notable parties to the formation of civil responsibility. With regard to Siberia, the history of charity is reflected both in generalizing works and in works on its separate subjects. However, they are mostly descriptive. The present article analyzes statistical information about the charitable societies of the largest Russian province in the beginning of the 20th century – Tomsk, mainly on the materials of a unique chronicle of the social and political life of the province in 1880–1917, compiled by scientists of Tomsk University. The results of the analysis showed that there were twice as many charitable organizations in the province as it was previously believed that of the 86 registered societies, 50 were in the provincial center, 34 in the county centers, 2 in the commercial villages, 34 cared about the poor, 25 about the students, 12 – about sick and crippled soldiers, 11 – about prisoners, 5 – about another. Their organizers were businessmen, officials, confessional communities. Large donors from merchants, as a rule, created a financial basis for the creation of charitable institutions, educational institutions, and they acted normally on the funds of public and confessional organizations – societies, trusteeships, committees. The most significant for the development of the region were the organizations that contributed to educational activities, and the authors consider the most important result of cooperation between patrons, authorities and the Siberian public the creation in Tomsk of the first university in Asian Russia, one of the leading universities of the country.

Keywords: charitable societies, Tomsk province, patronage.

1. Введение

Хорошо известная сегодня социальная работа складывалась в течение длительного времени как непрофессиональная благотворительная деятельность. Это процесс имел несколько этапов. В древнейшей истории человечества первоначально преобладала самоорганизация людей и спонтанная помощь в случае стихийных бедствий, катастроф, массового голода, эпидемий и пр., которая прекращалась после завершения бедствий. На следующей стадии развития общества, в XII–XIII вв. в Европе стали появляться монашеские ордена, благотворительные общества, госпитали и т.п. В Российской империи казенные учреждения социального обеспечения – приказы общественного призрения были образованы в 1775 г. в составе губернских учреждений. Первые государственно-общественные благотворительные организации возникли по инициативе Марии Федоровны (Ведомство учреждений императрицы Марии) и Александра I (Императорское человеколюбивое общество) в первой половине XIX в., начали распространяться благотворительные общества. В губернских центрах России они стала заметным явлением в 1840–1850-е гг. В начале XX в. в городах России благотворительные общества были явлением обычным и влиятельным. Однако до сих пор неизвестно сколько их было, и в каких отношениях они находились с другими формами благотворительности.

* Corresponding author

E-mail addresses: vpz@tsu.ru (V.P. Zinovyev), vizanefertity@yandex.ru (V.I. Zinovyeva), sergei.fominykh1940@mail.ru (S.S. Fominykh)

2. Материалы и методы

В статье предпринимается попытка статистическим путем выявить тенденции в развитии благотворительности в городах Томской губернии, наиболее значительной по численности населения в России. Статистический метод исследования требует тщательного изучения всего доступного материала – делопроизводства государственных учреждений, самих организаций, изданий статистико-справочного характера, материалов прессы и мемуарной литературы. Авторы настоящей статьи в своих подсчетах опирались в основном на данные хроники общественно-политической жизни Томской губернии, опубликованной в единственном в отечественной историографии издании такого рода «Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг.» В первом томе этого издания отражены события 1880 – февраля 1917 г. (Зиновьев, Харусь, 2013: 51-383). В хронике в числе других событий приведены сведения о создании 73 благотворительных организаций в губернии. Сведения хроники были дополнены данными губернского статистического комитета. Сообщения об организациях краткие, чаще всего они ограничиваются данными о существовании и направлении деятельности того или иного общества. Сведения об их численности, структуре, лидерах сохранились плохо. В список не включены казенные заведения – Приказы общественного призрения и комитеты попечительства о народной трезвости, вошли учреждения ведомства Императрицы Марии, хотя и входившие в 4-е отделение Собственной его императорского величества канцелярии, но действовавшие за счет купцов-благотворителей. Заведения, включенные в структуру благотворительных обществ (богадельни, приюты, ночлежки, столовые) отдельно не учитывались. В число учтенных вошли общества, занимавшиеся попечением арестантов и бывших заключенных, больных и увечных воинов, сирот и бедных, учащихся и учебных заведений. Выделена категория «прочие», в которую включены общества содействия чему-либо, например – движению переселенцев, воздухоплаванию и т.д. Следует также признать, что любая классификация филантропических обществ весьма условна. Имеющейся информации достаточно, чтобы выявить основные тенденции развития обществ благотворительности в губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

3. Обсуждение

Истории благотворительности и меценатства в Сибири и Томске посвящены многие исторические труды обобщающего (Благотворительные, 1895; Бочанова, 2000; Ноздрин, 1998; Ноздрин, 2001), конкретно-исторического характера (Бойко, 2007; Карташева, 2013; Зиновьева, 2009; Дегальцева, 2001а; Дегальцева, 2001b; Дегальцева, 2002), однако в большинстве из них преобладает описательность и на их основе трудно сделать какие-либо обобщающие выводы об уровне развития благотворительности и ее роли в жизни городского социума. Первым плодотворным опытом в этом направлении надо признать статьи Г.А. Ноздрина, представившего подсчеты числа благотворительных организаций в Сибири, в том числе и в Томской губернии. Он их насчитал 108, правда без указания критериев подсчета на основе издания «Благотворительные учреждения Российской империи» (Ноздрин, 1998). Вероятно, Г.А. Ноздрин включил в это число все казенные учреждения и общества, при этом приюты и богадельни, входящие в структуру учреждений и обществ, посчитал отдельно. Именно такие подсчеты приведены им в другой статье о гражданском обществе в Сибири в XIX веке (Ноздрин, 2001).

В монографии Е.А. Дегальцевой, судя по списку, приведенному в конце книги, учтены 46 благотворительных обществ в Томской губернии на 1917 г. (Дегальцева, 2002). Сведения, собранные ею, потребовали дополнения. В хронике общественно-политической жизни Томской губернии учтено 73 благотворительных общества (Зиновьев, Харусь, 2013: 51-383). Дополнительные исследования позволили увеличить это число до 87.

4. Результаты исследования

Итоги подсчетов отражены в [таблице 1](#). В таблицу включены общества попечительства о тюрьмах и бывших заключенных, о больных и увечных воинах, о бедных, об учащихся и учебных заведениях, о переселенцах и некоторые другие общества содействия.

Таблица 1. Статистика образования благотворительных организаций в Томской губернии в 1859–1916 гг.

Годы		Общества попечительства				
от	до	о тюрьмах и бывших заключенных	о больных и увечных воинах	о бедных	об учащихся	о прочем
1844 - 1855	1919	1 (Томск, Барнаул, Бийск, Каинск, Кузнецк)		1 (Томск)		

1872	1918		1 (Томск)			
1873	1918				1(Томск)	
1882	1906				1 (Томск)	
1882	?				1 (Томск)	
1884	1919			1 (Барнаул)	1 (Барнаул)	
1884	1918				1 (Бийск)	
1886	1918			1 (Томск)		
1887	?			1 (Томск)	1 (Томск)	
1887	1917			1 (Змеиногорск)		
1887	1917				1 (Каинск)	
1888	1919			1 (Бийск)		
1889	1898 - ?					1(Томск)
1890	1917			1 (Барнаул)		
1891	?			1(Томск)		
1891	1918				1 (Колывань)	
1892	?			10 (Томск)		
1892	?			1 (Мариинск)		
1893	?			1 (Томск)		
1894	1919			1 (Томск)		
1897	?				1 (Колывань)	
1897					1 (Новониколаевск)	
1898					1 (Змеиногорск)	
1901						1 (Томск)
1902	1917				3 (Томск)	
1902	1917				1 (Мариинск)	
1903					1 (Барнаул)	
1904	1917			1 (Мариинск)		
1905	1913-?			2 (Томск)		
1907	1913-?			1(Томск)		
1908	1913-?				1 (Кузнецк)	
1909	1913-?	1 (Томск)	1 (Томск)	1 (Новониколаевск)	2 (Новониколаевск)	
1909	1913-?	1 (Новониколаевск)			1 (Томск)	
1909	1919				1 (Томск)	
1909	1913-?					1 (Колывань)
1909	1913-?	1 (Мариинск)				
1910	?	1 (Барнаул)		1 (Барнаул)	1 (Томск)	1 (Томск)
1911	1917	1 (Бийск)	1 (Барнаул)	2 (Томск)		
1911	1917	1 (Бердское)				
1913	?			1 (Томск)	3 (Томск)	1 (Томск)
1914			2 (Томск)			
1914			1 (Бийск)			
1914			1 (Усть-Чарышская пристань)			
1915	1918		2 (Томск)			
			1 (Бийск)			
1916	1918		1 (Барнаул)	1 (Томск)		
1916	1918		1 (Ново-николаевск)			
Итого:		11	12	34*	25	5

Источник подсчета: Зиновьев В.П., Харусь О.А. Хроника общественно-политической жизни Томской губернии в 1880 – феврале 1917 г. // Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Т. 1. 1880 – февраль 1917 г. Томск: Издательство Томского университета, 2013. С. 51-383; Памятная книжка Томской губернии за 1913 год. Томск, 1913. С. 103; Благотворительные учреждения Томской губернии: очерк. Составлен по распоряжению Томского губернатора чиновником особых

поручений Томского общего губернского управления С. Соболевым. Томск: Губернская типография, 1895. с. 17.

* Включая 3 попечительства при церквях, точные даты образования которых неизвестны: Епархиальное попечительство о бедных духовного звания Томской епархии, попечительства при приходах Никольской и Сретенской церквей.

В Томске приказ общественного призрения был учрежден с созданием губернии в 1804 г. В 1805 г. была организована богадельня, в 1806 г. – больницы в Томске и Каинске, в 1835 г. – в Нарыме, позднее – лечебница для умалишенных.

Самым первым благотворительным обществом в Томской губернии было образованное в 1844–1855 гг. Общество попечения о тюрьмах Томской губернии с отделениями в уездных городах Барнауле, Бийске, Каинске, Кузнецке. Такие общества создавались в России повсеместно с 1827 г. как подражание английской системе попечения о заключенных. Общества брали на себя задачи улучшения быта и питания заключенных тюрем, поиска для них работы на благоустройстве городов, попечение о бывших арестантах (Гармс, 2007). Продолжением этой линии благотворительности стало создание в 1909 г. обществ (патронатов) покровительства лицам, освобожденным из мест заключения в Томске, Мариинске и Новониколаевске, в 1910 г. – в Барнауле, в 1911 г. – в Бийске и селе Бердском. Задачей их являлось попечение о бывших заключенных в связи с применением закона 22 июня 1909 года «Об условном досрочном освобождении» (Воронин, 2004). Работа этих обществ зависела от воли тюремного начальства и оставляла мало простора для самостоятельности (Реабилитация).

Кроме тюремных комитетов в губернии действовали богадельни, в которых доживали свои дни ссыльнопоселенцы в 6 селах: Семилуженском и Керевском Томского уезда, Покровском Каинского уезда, Боготольском, Баймовском и Кольонском Мариинского уезда. 4 богадельни были устроены в 1853 г, 2 – в 1862 г. В них на 1894 г. проживали 157 человек. Экономический капитал был сформирован сбором с золотопромышленников при найме ссыльных, по 15 коп. с поселенцев и по 1 руб. при их приписке с крестьянских обществ. Эти богадельни вероятнее всего закрылись в начале XX в., так как уголовная ссылка в Сибирь была прекращена в 1900 г. (Благотворительные, 1895: 70-71)

Большой простор для самостоятельности предоставляли организации, связанные с заботой о больных и увечных воинах и членах их семей. В Томске отделение Российского общества Красного Креста появилось в 1872 г. В состав правления входили представители чиновничества, купечества, военных, профессора университета. Отделение готовило сестер милосердия, содержало больницу (Зиновьева, 2009: 655).

Русско-японская война довольно слабо воздействовала на благотворительность Томской губернии по отношению к воинам. Лишь в 1909 г. в Томске, а в 1911 г. в Барнауле были образованы отделы состоящего под высочайшим покровительством его императорского величества Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям (Зиновьев, Харусь, 2013: 283, 313). Первая мировая война была воспринята уже как проблема всего общества. Для помощи больным и увечным воинам, семьям военных были образованы 9 организаций. Это были отделения Красного Креста в Бийске и Усть-Чарышской пристани (1914 г.), отделения Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в Томске (1914 г.), Бийске (1915 г.), Барнауле и Новониколаевске (1916 г.), комитеты помощи жертвам войны в Томске (еврейской и мусульманской общин, преподавателей высших учебных заведений) (Зиновьев, Харусь, 2013: 357-381).

Городское общество Томской губернии ближе всего воспринимало нужды бедных и сирот. Первыми стали заботиться о бедных в Томске учреждения императрицы Марии с 1844 г., открывшее приют для сирот на пожертвование основателя сибирской золотопромышленности коммерции советника Андрея Попова. Далее учреждения ведомства императрицы Марии существовали за счет пожертвований золотопромышленников Ивана Дмитриевича и Вениамина Ивановича Асташевых, Захария Михайловича и Федосьи Емельяновны Цибульских, потомственного почетного гражданина Петра Васильевича Михайлова (Благотворительные, 1895: 5-7). В Барнауле деятельность ведомства императрицы Марии началась с 1884 г. на средства местных предпринимателей Е.И. Судовской и В.Д. Сухова. Кроме этого в Барнауле существовала богадельня Алтайского горного округа Кабинета еще с дореформенного времени и городская Александровская с 1882 г. (Благотворительные, 1895: 53-54).

В Томске и большинстве уездных центров губернии в 1880-е гг. были открыты благотворительные общества для подачи помощи всем нуждающимся. В Томске оно начало действовать в 1886 г., в Змеиногорске и Бийске – в 1887 г., в Барнауле – в 1890 г. Наиболее деятельным было Томское благотворительное общество, председателем которого долго был почетный гражданин Томска, управляющий Казенной палатой Михаил Алексеевич Гиляров, Общество содержало богадельню, детский приют, ночлежный дом, дешевую столовую, пользовалось поддержкой томского купечества, жертвовавшего обществу дома, значительные суммы денег.

Большое значение благотворительности придавали конфессиональные общины Томска. В 1900-е гг. благотворительные общества открылись при 8 приходах Русской православной и одном приходе Римско-католической церквей. В 1905 г. было образовано евангелическое лютеранское дамское благотворительное общество, в 1916 г. – мусульманское благотворительное общество.

В Мариинске в 1904 г. открыло действия попечительство об арестантских детях, в Томске в 1894 г. – Общество вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов Томского горного округа (Румянцев, 2015; Зиновьев, 2016), в 1905 г. – общество попечения о бедных больных, выходящих из клиник университета, в 1907 г. общество «Пчельник» для поддержки бедных женщин, в Новониколаевске в 1909 г. общество «Ясли» для помощи работницам, в 1913 г. – благотворительное общество судебного ведомства (Зиновьев, Харусь, 2013: 179, 258, 283, 346). Таким образом, помощь бедным была разнообразной, направленной на поддержку обитателей городского социального дна, сирот, работниц, изношенных на работе (ханувших) приискателей. Благотворительность сотен горожан формировала традиции милосердия и социального страхования.

Наиболее существенную роль благотворительные организации играли в деятельности образовательных учреждений. Статистический ряд позволяет увидеть основную тенденцию в развитии образовательной благотворительности – она шла вслед за ростом системы образования. Как правило, сначала были организованы общества попечения о начальном образовании, затем – общества помощи учащимся средних учебных заведений, а в начале XX в. – помощи Высшим женским курсам.

Однако первым обществом было Общество вспомоществования учащимся, открытое по инициативе учителей Томской гимназии в 1873 г. В 1891 г. устав изменили для помощи студентам университета. Предполагалось, что учащиеся и студенты будут возвращать займы, данные обществом на учебу, однако из 40 тыс. руб., данных в долг учащимся, вернулись едва 2 тыс. руб. В очерке о благотворительных учреждениях автор с огорчением писал, что «некоторые должники, на напоминание Общества уплачивать хоть незначительными частями, отказываются от долгов и нередко очень дерзко» (Благотворительные, 1895: 38).

Во многом благодаря благотворительности этого общества удавалось в дореволюционный период создавать более или менее сносные условия для жизни и учебы студентов Императорского Томского университета, а с начала XX в. и технологического института. Деятельность этого общества заключалась в изыскании средств (членские взносы, пожертвования, возврат ранее выданных ссуд, проведение вечеров, концертов, лотерей и т.п.) и в оказании помощи нуждающемуся студенчеству (взнос платы за обучение, содержание студенческой столовой и студенческих буфетов, ссуды студентам). Только в 1911 г. общий доход общества составил 10262 руб. 71 коп. Из этой суммы студентам университета было выдано 4433 руб. 82 коп., а технологического института – 2799 руб. За бесплатные обеды студенческой столовой было уплачено 1007 р. 85 коп. (Отчет, 1911: 3, 5).

Наиболее значительным и влиятельным было Общество попечения о начальном образовании в Томске. Оно открылось 26 июля 1882 г. по инициативе гласного Томской городской думы П.И. Макушина. Численность членов достигала тысячи человек. На средства общества были открыты и содержались четыре приходских училища, ежедневные вечерние классы и женская рукодельная школа. 30 сентября 1882 г. общество открыло Бесплатную библиотеку, затем музей прикладных знаний, школу кулинарии, мужские воскресные классы технического рисования, женские воскресные классы рисования, воскресную школу для взрослых. Здание бесплатной библиотеки, выстроенное на средства купца С. С. Валгусова и подаренное обществу, стало центром культурной и общественной жизни города, в нём общество устраивало литературно-музыкальные утренники и вечера, детские праздники, спектакли, народные чтения для подростков и взрослых горожан. В здании Бесплатной библиотеки в период Первой русской революции проходили политические митинги и собрания, поэтому постановлением томского временного генерал-губернатора от 30 января 1906 г. деятельность общества была запрещена. Оно возобновило действия под новым названием Общество попечения о народном образовании в 1909 г. и работало до 1919 г. (Карташева, 2013; Зиновьев, Харусь, 2013: 54). В 1884 г. открылись общества попечения о начальном образовании в Бийске и Барнауле, в 1887 г. в Каинске, в 1911 г. в Колывани, в 1897 г. – в Новониколаевске, в 1898 г. – в Змеиногорске.

Общества, целью которых была поддержка учащихся двухклассных и реальных училищ, прогимназий и гимназий в большинстве своем открылись позднее обществ попечения о начальном образовании, за исключением Общества вспомоществования бедным учащимся Алексеевского реального училища в Томске, которое было открыто в 1882 г. в тот же год, что и томское Общество попечения о начальном образовании. В 1897 г. открылись Общество взаимовспоможения учащимся и учившим Томской губернии в Томске, а в Колывани Общество вспоможения нуждающимся учащимся Колыванского двухклассного училища. В Томске начало действовать в 1902 г. – Общество вспомоществования нуждающимся ученицам томской Мариинской женской гимназии, Общество вспомоществования нуждающимся ученикам Томской мужской гимназии, в Мариинске – Общество помощи нуждающимся учащимся, в 1903 г. – такое же общество в Барнауле, в 1908 г. – Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в Кузнецке, в 1909 г. – Общество вспомоществования нуждающимся ученикам Ново-николаевского реального училища. Отметим, что в хронике дублируются сведения об открытии Томского общества содействия вечерним общеобразовательным классам в 1902 и 1908 гг. (Зиновьев, Харусь, 2013: 94, 271) и Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в средних учебных заведениях в Барнауле в 1903 и 1913 гг. (Зиновьев, Харусь, 2013: 112, 344). Вероятно, это связано с регистрацией в разных источниках различных этапов

в организации обществ – подачей прошений об утверждении уставов, открытии действий. Между этими событиями проходило иногда несколько лет.

В 1909 г. открылось Общество для доставления средств Сибирским высшим женским курсам в Томске. В 1913 г в Памятной книжке губернии отмечены Общество вспомоществования слушательницам Сибирских женских курсов и Общество вспомоществования учащимся в высших учебных заведениях г. Томска ([Памятная книжка, 2013: 106-108](#)). Таким образом, организованной благотворительностью были охвачены все типы учебных заведений губернии.

Некоторые благотворительные общества были уникальны по своим целям. Так, в 1889 г. в Томске начал работу комитет вспомоществования переселенцам во главе с председателем губернского правления И.Н. Петуховым. С помощью томского купечества были организованы бараки и медицинские пункты для переселенцев по пути их следования по тракту и по Оби, столовая и хлебопекарня, бараки для ночлега на пристани Черемошники в Томске ([Благотворительные, 1895: 73-74](#)). В 1898 г. общество возглавляла супруга губернатора Асинкрита Асинкритовича Ломачевского В.М. Ломачевская ([Зиновьев, Харусь, 2013: 78](#)). В память о благотворителях до сих пор в Ижморском районе Кемеровской области живет деревенька Ломачевка, в Новониколаевске была Асинкритовская улица, в Убинской волости Каинского уезда – поселок Асинкритовский.

В Томске же в 1901 г. открылось Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален, в 1910 г. – детский «Майский союз» при Томском отделении общества покровительство животным, в 1913 г. – Томский комитет для сбора пожертвований на воздушный флот. С 1909 г. в Кольвани действовал кружок трудовой помощи.

В правления обществ, как правило, входили первые лица губернии и уездов – губернаторы, вице-губернаторы, управляющие казенной палаты, исправники, именитые купцы как основные поставщики средств, директора учебных заведений, архиепископы, настоятели храмов, профессора университета и Технологического института, чиновники ведомств, которых в Томске было представлено 7 ([Зиновьев, 2017](#)). Например, самую старую по времени основания благотворительную организацию Томский губернский попечительный о тюрьмах комитет возглавляли Епископ томский и семипалатинский Мефодий, губернатор, статский советник П.К. Гран, вице губернатор, полковник А.И. Загряжский, управляющий Казенной палатой действительный статский советник И.Б. Маршанг, председатель Томского окружного суда А.К. Висковатов, прокурор Томского окружного суда коллежский асессор С.Г. Дубяго и т.д. ([Памятная книжка, 1913: 124](#)). Общество вспоможения горнорабочим и служащим возглавляли горные инженеры, общества помощи студентам – профессора, помощь женщинам – купеческие и чиновничьи жены, помощь бедным и учащимся чаще всего организовывали чиновники и купцы.

5. Заключение

Из 87 зарегистрированных благотворительных обществ губернии 50 находились в губернском центре, 35 – в уездных центрах, из них в Барнауле – 9, Бийске и Новониколаевске – по 6, Мариинске – 4, в Кольвани – 3, в Змеиногорске, Кузнецке, Каинске - по 2, 2 – в торговых селах Усть-Чарышской пристани и в Бердском, 34 – заботились о бедных, 25 – об учащихся, 12 – о больных и увечных воинах, 11 – о заключенных, 5 – о другом.

В Томске в 1913 г., например, из 91 общественной организации 41 преследовала только благотворительные цели, не считая 3 обществ взаимопомощи, также занимавшихся, кроме своих прямых целей, благотворительностью. В Томске на 1913 г., кроме казенной богадельни Ведомства общественного призрения и приюта ведомства императрицы Марии, действовали общественные богадельни Томского мещанского общества, Благотворительного общества, общества защиты женщин «Пчельник», братьев В.И. и Е.И. Королевых, Еврейского общества, приюты Благотворительного общества, Епархиального попечительства для лиц духовного звания, Общества «Ясли», детский приют при Иоанно-Предтеченском женском монастыре, приюты при костеле и лютеранской церкви, Ночлежный дом Благотворительного общества, всего 12 убежищ для стариков, детей и больных ([Памятная книжка, 1913: 124](#)). В 1895 г. действовали в городе 10 приютов и богаделен, включая казенные ([Памятная книжка, 1913: 300-301](#)). В губернии же в целом действовали 19 благотворительных обществ, 8 приютов, 14 богаделен, 7 бесплатных больниц, 4 ночлежки и дом трудолюбия ([Благотворительные, 1895: III](#)).

Довольно сложно оценить общее количество членов благотворительных организаций, в составе правлений и членов обществ повторяются часто одни и те же фамилии. Наиболее массовым было общество попечения о начальном образовании – до 1,6 тыс. членов, остальные – существенно меньше – от нескольких десятков до нескольких сотен членов. Можно с уверенностью сказать, что большая часть чиновничества, купечества входили в состав благотворительных обществ. Участие в благотворительности являлось частью их социальной функции и ответственности.

6. Благодарности

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 28.8279.2017/8.9.

Литература

Благотворительные, 1895 – Благотворительные учреждения Томской губернии: очерк / составлен, по распоряжению Томского губернатора, чиновником особых поручений Томского общего губернского управления *С. Соболевым*. Томск: Губернская типография, 1895. III, 75, [6] с.

Бойко, 2007 – *Бойко В.П.* Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX вв. Очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. Томск: Издательство Томского университета, 2007. 424 с.

Бочанова, 2000 – *Бочанова Г.А., Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А.* Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Новосибирск: Издательство СО РАН, филиал Гео, 2000. 212 с.

Воронин, 2004 – *Воронин О.В.* Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением, Томск, 2004. 204 с.

Гармс, 2007 – *Гармс О.О.* Проблема организации труда арестантов в первой половине XIX в. (по материалам Томского губернского попечительного о тюрьмах общества) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2007. № 4-2(56). С. 34-37.

Дегальцева, 2001a – *Дегальцева Е.А.* Общественная благотворительность в Западной Сибири (XIX – начало XX в.) // *Вопросы истории Сибири XX века*. Вып. 5. Новосибирск, 2001. С. 47-69.

Дегальцева, 2001b – *Дегальцева Е.А.* Неполитические общественные организации Томской губернии в первой русской революции // *Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век*. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. Новосибирск, 2001. С. 20-33.

Дегальцева, 2002 – *Дегальцева Е.А.* Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Монография. Барнаул, 2002. 288 с.

Зиновьев, Харусь, 2013 – *Зиновьев В.П., Харусь О.А.* Хроника общественно-политической жизни Томской губернии в 1880 – феврале 1917 г. // *Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг.* Т. 1. 1880 – февраль 1917 г. Томск: Издательство Томского университета, 2013. 402 с.

Зиновьев и др., 2017 – *Зиновьев В.П., Некрылов С.А., Фоминых С.Ф.* Роль З.М. Цибульского в создании первого в Азиатской России университета: к 200-летию со дня его рождения и 140-летию учреждения Томского государственного университета // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 417. С. 63-74. DOI: 10.17223/15617793/417/10

Зиновьев, 2016 – *Зиновьев В.П.* Страхование горнорабочих Сибири в конце XIX – начале XX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 407. С. 73-77. DOI: 10.17223/15617793/407/12

Зиновьев, 2017 – *Зиновьев В.П.* Региональные центры управления в России (на примере Томска, Омска и Иркутска) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2017. Т. 21. С. 68-71.

Зиновьева, 2009 – *Зиновьева В.И.* Российского общества Красного Креста Томское отделение // *Энциклопедия Томской области*. Том 2. Н-Я. Томск, Издательство Томского университета, 2009. С. 655-666.

Карташева, 2013 – *Карташева Т.П.* Первое в Сибири общество попечения о начальном образовании в г. Томске: (1882–1906 гг.): автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук Томск, 2013. 28 с.

Ноздрин, 1998 – *Ноздрин Г.А.* Благотворительные общества дореволюционной Сибири // *Вопросы истории Сибири XX в.* Новосибирск, 1998. С. 3-10.

Ноздрин, 2001 – *Ноздрин Г.А.* Формирование гражданского общества в сибирской деревне во второй половине XIX в. // *Вопросы истории Сибири XX века*. Вып. 5. Новосибирск, 2001. С. 69-87.

Отчет, 1911 – Отчет о деятельности совета Томского общества вспомоществования учащимся (учрежд. 28 октября 1873 г.) за 1911 г. Б.м., б.г. 11 с.

Памятная книжка, 1895 – *Памятная книжка Томской губернии на 1895 год*. Томск, 1895. 304 с.

Памятная книжка, 1913 – *Памятная книжка Томской губернии на 1913 год*. Томск, 1913. 200; 41 с.

Реабилитация – Реабилитация бывших заключенных в России: 1819–1918 гг. // Сайт Института проблем гражданского общества. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/reabilitaciya-byvshih-zaklyuchennyh-v-rossii-1819-1918-gg/> Дата посещения 19.11.2017

Rumyantsev, 2015 – *Rumyantsev P.P.* «Society for Welfare of Workers and Employees of Gold and Mining Fields» as a Source on Research of Economic and Social Status of Employees of the Gold-Mining Fields of Siberia at the End of XIX – the Beginning of the XX Century // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 965-971.

References

Blagotvoritelnye, 1895 – *Blagotvoritelnye uchrezhdeniya Tomskoy gubernii: ocherk* [Charitable institutions of Tomsk province: essay]. Sostavlen, po rasporyzheniyu Tomskogo gubernatora, chinovnikom

osobykh porucheniy Tomskogo obshchego gubernskogo upravleniya S. Sobolevym. Tomsk: Gubernskaya tipografiya, 1895. III, 75, [6] p.

Boyko, 2007 – *Boyko V.P.* (2007). Kupechestvo Zapadnoy Sibiri v konze XVIII–XIX v. [Merchant of West Siberia in the late of XVIII–XIX centuries]. Ocherki sozialnoy, otraslevoy, bytovoy i mentalnoy istorii. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta. 424 p.

Bochanova, 2000 – *Bochanova G.A., Goryushkin L.M., Nozdrin G.A.* (2000). Ocherki istorii blagotvoritelnosti v Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Essays on the history of charity in Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries]. Novosibirsk: Izdatelstvo SO RAN, filial Geo. 212 p.

Voronin, 2004 – *Voronin O.V.* (2004). Proizvodstvo po rassmotreniyu i razresheniyu voprosov, svyazannykh s uslovno-dosrochnym osvobozhdeniem [The investigation and resolution of issues related to conditional release]. Tomsk. 204 p.

Garms, 2007 – *Garms O.O.* (2007). Problema organizatsii truda arestantov v pervoy polovine XIX v. (po materialam Tomskogo gubernskogo popechitel'nogo o tyurmakh obshchestva) [The problem of organizing the work of prisoners in the first half of the XIX century (based on the materials of the Tomsk provincial guardian about the prisons of the society)]. Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. № 4-2(56). pp. 34-37.

Degalzeva, 2001a – *Degalzeva E.A.* (2001). Obshchestvennaya blagotvoritelnost v Zapadnoy Sibiri (XIX – nachalo XX v.) [Public charity in Western Siberia (XIX – early XX centuries)]. *Voprosy istorii Sibiri XX veka*. Vyp. 5. Novosibirsk. pp. 47-69.

Degalzeva, 2001b – *Degalzeva E.A.* (2001). Nepoliticheskiye Obshchestvennye organizatsii Tomskoy gubernii v pervoy russkoy revolyuzii. Obshchestvenno-politicheskaya zhizn Sibiri [Non-political public organizations of Tomsk province in the first Russian revolution]. XX vek. Mezhevuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 4. Novosibirsk. pp. 20-33.

Degalzeva, 2002 – *Degalzeva E.A.* (2002). Obshchestvennye nepoliticheskiye organizatsii Zapadnoy Sibiri (1861–1917 gg.) [Public non-political organizations of Western Siberia (1861–1917)]. Monografiya. Barnaul. 288 p.

Zinovyev, Kharus, 2013 – *Zinovyev V.P., Kharus O.A.* (2013). Khronika Obshchestvenno-politicheskoy zhizni Tomskoy gubernii v 1880 – fevrale 1917 g. [Chronicle of social and political life of Tomsk province in 1880 – February 1917]. Obshchestvenno-politicheskaya zhizn Tomskoy gubernii v 1880–1919 gg. T. 1. 1880 – fevral 1917 g. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta. 402 p.

Zinovyev et al., 2017 – *Zinovyev V.P., Nekrylov S.A., Fominykh S.F.* (2017). Rol Z.M. Zibul'skogo v sozdaniy pervogo v Aziatskoy Rossii universiteta: k 200-letiyu so dnya ego rozhdeniya i 140-letiyu uchrezhdeniya Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [The role of Z.M. Tsibul'sky in the creation of the first university in Asian Russia: to the 200th anniversary of his birth and the 140th anniversary of the establishment of Tomsk State University]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 417. pp. 63-74. DOI: 10.17223/15617793/417/10

Zinovyev, 2016 – *Zinovyev V.P.* (2016). Strakhovanie gornorabochih Sibiri v konze XIX – nachale XX v. [Insurance of miners of Siberia in the late XIX – early XX centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 407. pp. 73-77. DOI: 10.17223/15617793/407/12

Zinovyev, 2017 – *Zinovyev V.P.* (2017). Regionalnye zentry upravleniya v Rossii (na primere Tomksa, Omska i Irkutsk) [Regional management centers in Russia (on the example of Tomsk, Omsk and Irkutsk)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoria»*. T. 21. pp. 68-71.

Zinovyeva, 2009 – *Zinovyeva V.I.* (2009). Rossiyskogo obshchestva Krasnogo Kresta Tomskoye otdelenie [Russian Red Cross Society of Tomsk Branch]. *Enziklopedia Nomskey oblasti*. Tom 2. H-Я. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta. pp. 655-666.

Kartasheva, 2013 – *Kartasheva T.P.* (2013). Pervoe v Sibiri obshchestvo popecheniya o nachl'nom obrazovanii v g. Tomske: (1882–1906 gg.) [The first in Siberia society of care of primary education in Tomsk]: avtoref. diss. na soiskanie uchenoy stebeni kandidata istoricheskikh nauk. Tomsk. 28 p.

Nozdrin, 1998 – *Nozdrin G.A.* (1998). Blagotvoritelnye obshchestva dorevoluzionnoy Sibiri [Charitable societies of pre-revolutionary Siberia]. *Voprosy istorii Sibiri XX veka*. Novosibirsk. pp. 3-10.

Nozdrin, 2001 – *Nozdrin G.A.* (2001). Formirovanie grazhdanskogo obshchestva v sibirskoy derevne vo vtoroy polovine XIX v. [Formation of civil society in the Siberian village in the second half of the XIX century]. *Voprosy istorii Sibiri XX veka*. Vyp. 5. Novosibirsk. pp. 69-87.

Otchet, 1911 – Otchet o deyatelnosti soveta Tomskogo obshchestva vspomoshchestvovaniya uchashchimsya (uchrezhd. 28 oktyabrya 1873 g.) za 1911 g. [Report on the activities of the Board of the Tomsk Society for the Assistance of Students (founded October 28, 1873) for 1911]. B.m., b.g. 11 p.

Pamyatnaya knizhka, 1895 – Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1895 god. [Memorial Book of the Tomsk Province for 1895]. Tomsk, 1895. 304 p.

Pamyatnaya knizhka, 1913 – Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1913 god [Memorial book of the Tomsk province for 1913]. Tomsk, 1913. 200; 41 p.

Reabilitaziya – Reabilitaziya byvshih zaklyuchennykh v Rossii: 1819–1918 gg. [Rehabilitation of former prisoners in Russia: 1819–1918]. Sayt Instituta problem grazhdanskogo obshchestva. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/reabilitaciya-byvshih-zaklyuchennykh-v-rossii-1819-1918-gg/> Data poseshcheniya 19.11.2017

Rumyantsev, 2015 – *Rumyantsev P.P.* (2015). «Society for Welfare of Workers and Employees of Gold and Mining Fields» as a Source on Research of Economic and Social Status of Employees of the Gold-Mining Fields of Siberia at the End of XIX – the Beginning of the XX Century. *Bylye Gody*. 38(4): 965-971.

Благотворительные общества Томской губернии в 1844–1917 гг.

Василий Павлович Зиновьев ^{a, *}, Валентина Ивановна Зиновьева ^b, Сергей Федорович Фоминых ^a

^aТомский государственный университет, Российская Федерация

^bТомский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Российская Федерация

Аннотация. Меценатство и благотворительность являлась существенной частью жизни дореволюционного российского общества, одной из заметных сторон формирования гражданской ответственности. Применительно к Сибири история благотворительности отражена как в обобщающих сочинениях, так и в трудах по ее отдельным сюжетам. Однако они носят преимущественно описательный характер. В статье анализируется статистическая информация о благотворительных обществах крупнейшей в начале XX века губернии России – Томской в основном на материалах уникальной хроники общественно-политической жизни губернии в 1880–1917 гг., составленной учеными Томского университета. Результаты анализа показали, что благотворительных организаций в губернии действовало вдвое больше, чем считалось ранее, что из 87 зарегистрированных обществ 51 находился в губернском центре, 34 – в уездных городах, 2 – в торговых селах, 34 – заботились о бедных, 25 – об учащих, 12 – о больных и увечных воинах, 11 – о заключенных, 5 – о другом. Организаторами их были предприниматели, чиновники, конфессиональные сообщества. Крупные жертвователи из купцов, как правило, создавали финансовую основу для создания благотворительных учреждений, учебных заведений, а действовали они обычно на средства общественных и конфессиональных организаций – обществ, попечительств, комитетов. Наиболее значимые для развития региона результаты дали организации, содействующие образовательной деятельности, а самым важным итогом сотрудничества меценатов, властей и сибирской общественности авторы считают создание в Томске первого в Азиатской России университета, одного из ведущих вузов страны в настоящее время.

Ключевые слова: благотворительные общества, Томская губерния, меценаты.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vpz@tsu.ru (В.П. Зиновьев), vizanefertity@yandex.ru (В.И. Зиновьева), sergei.fominyh1940@mail.ru (С.Ф. Фоминых)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 217-224. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.217
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Role of Children and Youth Academic Literature in Shaping the Image of Siberia in the Minds of the Population of the XIX century

Vera N. Cherepanova^{a,*}, Irina A. Filippova^b

^a Tyumen State Medical University, Russian Federation

^b Tyumen Industrial University, Russian Federation

Abstract

The article presents the analysis of children's and youth educational literature published in the XIX century. It is established that Siberia was associated by the authors of textbooks with many different images, superimposing an imprint on the formation of the image of Siberia in the minds of the population of the study period. Among the most common images are: the large and sparsely populated "fringe" or border areas with harsh climatic conditions but rich in natural resources; the place of penal servitude and exile "rebels" and criminals; the territory of "bureaucratic arbitrariness"; places the historic deeds of the chieftain Yermak and the Stroganoff brothers; a site of interaction of different cultures and peoples.

It is established that educational literature of the XIX century, on the one hand, displays the current at this time of the representation of the Russian population of the Siberian region, has served as a reputable source, modeling the data representations in the consciousness of society. Revealed repeated text matches found in many textbooks when describing economic and climatic specifics of the Siberian region.

Keywords: Siberia, region, educational literature, history, geography, associative images, students, educational institutions, perception, social awareness.

1. Введение

Исследование образа Сибири в XIX веке приобретает особый интерес у ученых-современников той эпохи. У населения европейской части Российской Империи на уровне его ментального восприятия наблюдается широкий комплекс элементов репрезентации и конструирования образа сибирского региона: топонимы; слова-символы, ассоциировавшиеся с Сибирью; произведения фольклора (народные песни, частушки, пословицы); исторические романтические сказания (например, о «героических походах атамана Ермака»); рассказы «бывалых» (то есть лиц, когда-либо посещавших сибирский край); стихи и слухи.

Существенный интерес представляет образ Сибири в языковых практиках XIX века. Например, известный собиратель фольклора, лексикограф, этнограф и писатель В.И. Даль, в составленном им в XIX веке словаре, привел следующие производные метонимические от топонима «Сибирь»: «сибирный – злой, лютый, зверный»; «сибирщина – тяжкая, нестерпимая жизнь, каторга» (Даль, 1882: 180).

Пословицы о сибирском крае в это время фиксировали, как правило, представления населения империи о Сибири как некой «кладовой природных ресурсов» или «весьма богатом крае». Подтверждением этого являются популярные тогда пословицы: «Сибирские бабы бьют соболей коромыслами»; «В сибирском крае все в соболях и кошках ходят»; «Сибирский край – золотое дно», «Пошел соболей ловить» (в смысле словом значении: отправлен в Сибирь отбывать ссылку); «Славна Астрахань осетрами, а Сибирь – соболями»; «Страшна Сибирь слухом, а люди лучше нашего живут» и

* Corresponding author

E-mail addresses: filippovaia@tyuiu.ru (I.A. Filippova), veranikandrovna@mail.ru (V.N. Cherepanova)

т.п. По мнению современных ученых, поговорки, бесспорно, оказали воздействие на содержание бытующих мнений о сибирском регионе (Анисимова, 2012: 34-38; Головнева, 2017: 27).

В числе прочих источников, большое значение в конструировании представлений о Сибири у жителей Российской Империи XIX века играла детская и юношеская учебная литература.

Авторы учебников той эпохи целенаправленно, а порой неосознанно, моделировали отношение читателей к реальности, предопределяя тем самым их исторические представления о Сибири. Вопросам о том, какие именно сведения о сибирском крае представлялись для осмысления читателям авторами учебников, как именно позиционировался его образ на страницах учебной литературы, выпускаемой в XIX веке, будет посвящена настоящая статья.

Ответы на эти вопросы, по нашему мнению, смогут расширить представления современников об источниках формирования и содержания образа Сибири в общественном мнении жителей России в исследуемый период, понять саму природу и сущность стереотипов, сложившихся в массовом сознании в отношении сибирского края.

2. Материалы и методы

Настоящее исследование реализовано на основе анализа учебной литературы по истории и географии, опубликованной в XIX веке, освещающей образ Сибири на своих страницах.

В качестве методов исследования были применены: метод контент-анализа, при помощи которого изучены материалы учебной литературы и выявлены смысловые контексты употребляемого в них топонима «Сибирь»; исторический метод, позволивший вывить и проанализировать специфику конструирования ассоциативных образов Сибири в общественном сознании на протяжении разных периодов XIX века; системный подход, с помощью которого были систематизированы исторические факты, так или иначе связанные с Сибирью, и их отображение в учебной литературе.

3. Обсуждение

В качестве исторических источников при написании статьи были изучены учебники по истории И.К. Кайданова, С.М. Соловьева и Д.И. Иловайского, выпущенные в XIX веке (Кайданов, 1814; Кайданов, 1834; Соловьев, 1859; Иловайский, 1869).

Образ сибирского края формировался в сознании населения также посредством учебной литературы по географии. Интересными, и особенно популярными в исследуемый период, представляются учебники и учебные пособия Е.Ф. Зябловского, П.Н. Белоха, Е.А. Лебедева и др. (Зябловский, 1820; Белоха, 1863; Лебедев, 1883).

В процессе работы над статьей были изучены труды современных ученых, посвященные анализу различных факторов, влияющих на формирование в массовом сознании образа того или иного региона. В частности, работы П. Бергер, Т. Лукман, А.В. Ремнева, А.А. Анисимовой, О.Г. Ечевской, Е.В. Головневой (Бергер, Лукман, 1995; Ремнев, 2004; Анисимова, Ечевская, 2012; Головнева, 2017).

Необходимо отметить, что работы монографического уровня, посвященные исследованию роли детской и юношеской литературы в конструировании представлений о сибирском крае у населения Российской империи в XIX веке, на сегодняшний день отсутствуют, что делает заявленную тему особенно актуальной.

4. Результаты

Среди историков, ведущих активную научную и педагогическую деятельность в первой половине XIX века, можно выделить известного деятеля науки - Ивана Кузьмича Кайданова. Являясь автором одних из первых и наиболее популярных учебников по истории России, вышедших в XIX веке, он также осуществлял преподавание дисциплин в Царскосельском лицее. За период его литературной и научной работы им были написаны многочисленные исторические труды, в том числе:

- «Основание всеобщей политической истории» (Кайданов, 1814);
- «Руководство к познанию всеобщей политической истории» (Кайданов, 1821);
- «Начертание истории государства Российского» (Кайданов, 1829);
- «Учебная книга всеобщей истории для юношества» (Кайданов, 1834) и др.

Книги и учебники И.К. Кайданова регулярно дополнялись и переиздавались, пользуясь большой популярностью у учащейся молодежи. В его работах большое внимание уделялось историческим характеристикам императоров, царей и князей. В связи с этим, не случайны упоминания автора о сибирском крае в контексте описания и анализа деятельности правителей государства. Изначально топоним «Сибирь» использовался И.К. Кайдановым при даче характеристики правления И. Грозного. При этом в одном из учебников данного историка, сибирский край описывался следующим образом: «Сия колыбель ... воинственных народов, кои своим появлением ужасали ... Европу, была обитаема народами племен, большею частью татарского и финского», – именно такой образ сибирского края до русской колонизации «выдавался» учащимся (Кайданов, 1829: 127).

В работах И.К. Кайданова одна из ключевых ролей в присоединении Сибири к России отводилась братьям Строгановым, которых он называл «признательные сыны Отечества» и «усердные деятели», мечтавшие о «выгоде и славе» для всей Отчизны (Кайданов, 1834: 213).

Авторское кредо И.К. Кайданова как воспитателя детей и молодежи ярко проявилось и в описываемом им фрагменте сражения под предводительством «буйного» и «пылкого» атамана Ермака (Кайданов, 1829: 137).

Само описание похода Ермака больше было похоже на описание борьбы «героя» с «великим злом», нежели чем отображение реального, имевшего место завоевательного казачьего похода. Текст учебника переполнен пафосными и одиозными выражениями, характеризующими Ермака. В частности, здесь упоминаются и такие речевые обороты, как: человек, «достойный рыцарских времен»; «сей герой, соединивший в себе храбрость и великодушие» и т.п.

Роль казачьего похода оценивается И.К. Кайдановым, в первую очередь, с позиции расширения территориальных границ российского государства. Интересно отметить, что присоединение Сибири относится ученым к эпохе Великих открытий в области географии, однако при этом акцентируется внимание на неожиданности для органов власти такого «подарка» со стороны «бывшего преступника». Как пишется в учебнике: «Колумб, Кортес и Писарро покорили Испанским королям изобильные и обширные территории Америки, будучи на это уполномоченными от власти и снабжены всеми пособиями. У нас же толпа из смелых казаков, под руководством отважного атамана, без ведома и указаний со стороны царя, сумела завоевать просторную часть Азии – Сибирь» (Кайданов, 1829: 144-145).

Следующее «покорение» сибирского края связывается И.К. Кайдановым с деятельностью Б. Годунова, благодаря которому произошло заселение «многих пустынь» сибирского региона переселенцами из Вятки, Перми и внутренних областей Российской Империи: «Сибирь, казавшаяся до того времени безлюдною, населилась и оживилась. Промышленность и рука трудолюбия водворила в ней европейские искусства и земледелие» (Кайданов, 1829: 149).

Следует подчеркнуть, что речевые обороты «степи Сибирские», «пустынная Сибирь» довольно часто встречаются в текстах многочисленных трудов упомянутого историка (Кайданов, 1821; 1829; 1834). Полагаем, что таким образом происходило моделирование культурных, исторических и географических представлений учащихся образовательных учреждений XIX века о сибирском крае.

В целом можно отметить, что Сибирь воспринималась и «преподносилась» читателем со страниц учебной литературы И.К. Кайданова, в первую очередь, как регион, изобилующий природными ресурсами, однако, малонаселенный край, интересный для путешественников и исследователей, одновременно являющийся местом ссылки и каторги для «бунтовщиков».

Через учебник эти представления становились достоянием образованной империи, конструировали в представлении общественности образ сибирского края.

Интересно отметить, что описание Сибири авторами, написавшими свои труды уже во второй половине XIX века, во многом базируются на учебниках, опубликованных в начале указанного столетия, в том числе и на данных упомянутого учебного пособия И.К. Кайданова.

Тем не менее, в трудах второй половины XIX века многие исторические факты о Сибири дополняются и конкретизируются. Интересными в данном плане представляются учебники Д.И. Иловайского (Иловайский, 1869; 1888). Например, его книга под названием «Краткие очерки русской истории. Курс старшего возраста» (Иловайский, 1888). Данная книга пользовалась большой популярностью и была многократно переиздана.

Среди многообразия составных частей образа сибирского края, отображенных в работе, интерес представляет и упущенный из внимания многими авторами учебников тематический сюжет о реформе М.М. Сперанского, в котором сибирский край представлен в качестве территории «чиновничьего произвола». Образ сибирского региона здесь отображен как место «бесправия» (Иловайский, 1888: 127). Данный образ в дальнейшем стал одним из наиболее популярных и распространенных среди тех, что транслировались в пореформенных журналах народнического направления.

Еще один учебник, на который необходимо обратить внимание, был написан И.И. Беллярминовым. Пособие предназначалось для интегрированного курса всеобщей и отечественной истории (Беллярминов, 1879). Ученый курс предполагал синхронное изучение данных исторических разделов, что, в свою очередь, предопределило лаконичность изложения и особую специфику подаваемого исторического материала. На выбор описываемых исторических сюжетов и событий большое влияние оказали педагогические установки автора книги: факты, которые, по его мнению, не были достаточно поучительными, им упускались (Фукс, 2010: 128-139).

Если судить из постраничного объема разделов учебника, то можно прийти к выводу, что главным событием, включающим сибирский край в контекст мировой и отечественной истории, по мнению И.И. Беллярминова, было покорение Ермаком территории Сибири.

При этом сибирский регион представлен автором, являвшимся убежденным сторонником идей самодержавия, в качестве некоего объекта особой заботы со стороны российских императоров, выступавших в качестве гарантов и поручителей благополучия сибирского края и проживающего в нем народа.

Помимо прочих аспектов, важным является вопрос о воздействии идеологических убеждений авторов учебников на их выбор и дальнейшую интерпретацию исторических событий, связанных с сибирским регионом и его развитием.

В этой связи интересным представляется учебное пособие историка С.М. Соловьева. Его труд под названием «Учебная книга русской истории» впервые был издан в 1859 году (Соловьев, 1859), и, несмотря на то, что он не был общеобязательным учебником для гимназий, тем не менее, пользовался огромным спросом и к 1915 году выдержал 14 переизданий (Фукс, 2008: 191).

Отличием данной книги от предшествующих учебников других авторов являлось то, что ключевой акцент в ней делался на участии в историческом событии «русских людей» (Соловьев, 1859: 129).

При этом в тексте учебника практически не содержится описание «психологического портрета» и черт личности братьев Строгановых и атамана Ермака. Нет в нем и субъективных оценочных рассуждений о деятельности данных лиц, как и нет восторженного восхваления их героизма, несмотря на то, что они упоминаются в книге. Ключевое внимание С.М. Соловьевым уделяется анализу причин и последствий установления русского правления в сибирском крае.

Так, например, при описании внутренней политики, реализуемой Федором Иоанновичем, затем - Борисом Годуновым и первыми Романовыми, С.М. Соловьев многократно и похожими по стилистике и смысловому наполнению словооборотами повествует о хозяйственном освоении пока еще «новой» для государства земли (Соловьев, 1859: 142).

При этом историк был убежден, и эта мысль проскальзывала неоднократно в его трудах, что колонизация сибирского региона была изливанием воли местных народов и русских. Кроме того, С.М. Соловьев неоднократно подчеркивал большую роль данного процесса в укреплении Российской империи.

Следует отметить, что «Учебная книга русской истории» С.М. Соловьева выгодно отличается от других учебников по истории, изданных в исследуемый период. В частности, она хорошо и лаконично структурирована: текст разбит как на главы, так и на отдельные, имеющие нумерацию и заголовки параграфы.

Однако наименования параграфов, равно как и содержание основного текста книги, свидетельствуют о том, что сибирский край не представлял самостоятельный интерес для историка. Чаще всего Сибирь упоминалась С.М. Соловьевым среди описаний социальных и политических событий, происходивших в Европейской части России.

С педагогической позиции важную роль играет используемый С.М. Соловьевым язык (стиль) повествования о последствиях «раскола».

Ключевые приоритеты в сюжетной линии книги С.М. Соловьева, позволяющие понять содержание транслируемого историком образа сибирского края, очевидны – среди них превалирует пугающий и ужасающий образ края – место каторги и ссылки (табл. 1).

Таблица 1. Смысловые контексты употребляемого в «Учебной книге русской истории» С.М. Соловьева топонима «Сибирь» (Соловьев, 1859; Соловьев, 1860)

Изучаемые исторические сюжеты	Число упоминаний
1. Становление и развитие культуры, а также системы образования в крае	2
2. Сибирский край как место поселений старообрядцев	2
3. Политическая и экономическая роль Сибири для государства	4
4. Сибирский край как место ссылки «бунтовщиков» и преступников	10

В рассказах по истории А.О. Ишимовой, изданных в пореформенное время, особо отчетливо проявляется ассоциативное восприятие сибирского региона как одного из «ужасных» и «страшных» мест, с которым сравниться могут только очень сильные беды и невзгоды. Так, в тексте о том, как Александром I было принято решение о сдаче войскам Наполеона г. Москвы, А.О. Ишимова приписывает императору следующие высказывания: «...лучше ... жить в Сибири и питаться только хлебом, нежели подписать сей постыдный мир» (Ишимова, 1866).

Помимо прочей специфики, для учебников XIX века также были характерны представления о сибирском крае как некоем «золотом дне» или «кладовой», наполненной с избытком богатейшими дарами природы. Сибирский регион нередко рассматривался авторами учебников как некое подтверждение территориального могущества Российской империи, определенного земельного резерва государства.

Помимо учебной литературы по истории, большой вклад в конструирование образа Сибири в восприятии населения в XIX веке внесли вышедшие в то время учебники по географии.

Так, в учебнике Е.Ф. Зябловского, предназначенном для уездных училищ, информация о губерниях сибирского региона приводится среди сведений об иных губерниях государства (Зябловский, 1820). Информация в нем сгруппирована по схеме: главные реки, губернские границы, качество и категории земельных ресурсов, состав и численность проживающего населения, гербовые обозначения, наименование конкретных

уездов и городов по каждой губернии, ключевые оборонительные сооружения и заводы. При повествовании об естественно-географических и природно-климатических условиях губерний Сибири особое внимание автором уделяется описанию расстояний соответствующих территорий, а также многообразных природных зон в границах губерний, анализу их богатых природных ресурсов и др.

В целом можно констатировать, что текст данного учебного пособия конструировал представление о сибирском крае как о многонациональной части Российской империи. Интересно отметить, что в учебнике Е.Ф. Зябловского упоминается двадцать четыре этнонима, означающих теми или иными словами этническую принадлежность малочисленных коренных народов сибирского края.

Сибирский губернский город ученый рассматривает в качестве места жительства представителей купеческих сословий, а также центра, где были сосредоточены те или иные промышленные предприятия. В этом плане можно считать типичным и показательным следующее описание одного из таких городов XIX века – Иркутска: «Здесь купцы торгуют на знатнейших российских ярмарках и Кяхте. Имеют шляпную и полотняную фабрики, а из заводов имеется здесь стеклянной, сальные, свечные, мыловаренные и кожевенные; в уезде имеется и казенная суконная фабрика» (Зябловский, 1820: 122-126).

Сведения об уездных городах сибирского края в учебнике ограничивались упоминанием названий рек, вблизи которых они располагались, а иногда фрагментарными краткими данными о занятиях местного населения. А вот занятиям жителей Сибири не было посвящено ни одного раздела учебного пособия, несмотря на то, что перечень таких занятий кратко упоминался в контексте других описаний Сибири. В частности, Зябловским упоминались: скотоводство, хлебопашество, торговля (преимущественно «мягкой рухлядью»), рыболовство, охота, работа на местных фабриках и заводах (Зябловский, 1820: 152).

При этом значительное внимание автора, уделяемое описанию пограничных пределов сибирских губерний, моделировало в восприятии читателей образ сибирского края как некой окраинной, пограничной территории, защищающей империю от нападений внешних врагов.

Многочисленные сопоставления, используемые при описании губерний Сибири и Европейской части России, можно считать подтверждением того, что автор учебника, несмотря на выявленные «небольшие различия», в целом воспринимал сибирский регион как одну из многочисленных составных частей отечественного государства, лишенную сильно выраженной индивидуальности и своеобразия, за исключением присущего пограничного или окраинного положения.

Обилием различных этнопсихологических описаний характеризуется учебник для учащихся гимназий под авторством Е.А. Лебедева. В тематическом подразделе книги под наименованием «Народонаселение Сибири» запечатлены описания образа жизни, занятий, внешнего облика сибирских малочисленных коренных народов. В нем приводится информация об их общей численности, особенностях питания, организации быта и обустройства жилищ. Автор акцентирует внимание на чертах характера, отличающих те, либо иные народы друг от друга, а также от русского населения (Лебедев, 1883: 186-199).

Необходимо отметить, что Е.А. Лебедевым признавалась и подчеркивалась самобытность коренных этносов сибирского края. При этом особо им выделялись черты этнического характера, которые, как он полагал, являлись поучительными и интересными для учащейся молодежи отечественных гимназий (Лебедев, 1883: 211).

В отличие от вышеупомянутых учебников, П.Н. Белоха в своем учебнике обращает внимание на состав русского населения, проживающего в сибирском крае, причисляя к нему «ссылнопоселенцев», а также сельских жителей, которые были переселены из малоземельных казенных губерний либо были отправлены на жительство в Сибирь вместо рекрутской повинности (Белоха, 1863: 59-67).

Однако П.Н. Белоха упускает информацию о старообрядцах и беглых крепостных крестьянах. Данное игнорирование, по мнению ряда историков, могло быть обусловлено соображениями цензуры (Фукс, 2010: 112). К ключевым особенностям сибирского края П.Н. Белоха относит, прежде всего, его земледельческий потенциал, подчеркивая при этом, что существенная часть сибирских городов представляла собой военные и административные центры, а не места сосредоточения торговли и ремесленных промыслов, распространению и активному развитию которых препятствовали большие расстояния. При этом в учебнике не встречается прямых и конкретных упоминаний о перспективах развития Сибири. Тем не менее, при его прочтении становится очевидным, что будущее сибирского края связывалось автором учебника с увеличением численности населения, развитием торговли и обрабатывающей промышленности.

5. Заключение

На формирование образа Сибири в сознании населения исследуемого периода существенное значение оказывала детская и юношеская учебная литература по истории и географии. Анализ учебной литературы позволил выявить следующие преобладающие ассоциативные образы сибирского края:

- «край мрака и холода» – место с суровыми климатическими условиями;

- место каторги и ссылки «бунтовщиков» и преступников;
- территория «чиновничьего произвола», место «бесправия и бессудия»;
- огромный по масштабам, но малонаселенный край;
- место былых подвигов атамана Ермака и братьев Строгановых;
- «ресурсная кладовая» – богатейший полезными ископаемыми, древесиной и пушниной регион, богатый земельный ресурс Российской Империи;
- место взаимодействия различных культур и народов;
- регион, характеризующийся слабым развитием промышленности и торговли, но обладающий большим экономическим потенциалом;
- место поселений старообрядцев и беглых крестьян;
- «окраинная», приграничная территория, защищающая империю от нападений внешних врагов;
- территория проживания различных малочисленных коренных этносов, отличающихся своеобразным характером, имеющих яркую и самобытную культуру;
- малоизученный край, представляющий особый интерес для путешественников и исследователей;
- символ территориального могущества государства.

Литература

- Анисимова, 2012** – Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск, 2012.
- Беллярминов, 1879** – Беллярминов И.И. Элементарный курс всеобщей и русской истории. СПб., 1879.
- Белоха, 1863** – Белоха П.Н. Учебник географии Российской империи. 2-е испр. изд. СПб.: Типография Н. Тиблена, 1863.
- Бергер, 1995** – Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.
- Головнева, 2017** – Головнева Е.В. Сибирская идентичность как конструкт: к постановке проблемы // *Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки.* 2017. Т. 12. №1 (161). С. 27-31.
- Даль, 1882** – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. СПб. М.: Изд-е книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. Том 4.
- Зябловский, 1820** – Зябловский Е.Ф. Краткое всеобщее землеописание для употребления в уездных училищах. СПб., 1820.
- Иловайский, 1869** – Иловайский Д.И. Сокращенное руководство ко всеобщей и русской истории: Курс младшего возраста. М.: Типография Грачева, 1869.
- Иловайский, 1888** – Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории: Курс старшего возраста. М., 1888.
- Ишимова, 1866** – Ишимова А.О. История России в рассказах для детей. СПб., 1866.
- Кайданов, 1829** – Кайданов И.К. Начертание истории государства Российского. СПб., 1829.
- Кайданов, 1814** – Кайданов И.К. Основание всеобщей политической истории. СПб., 1814.
- Кайданов, 1821** – Кайданов И.К. Руководство к познанию всеобщей политической истории. СПб., 1821.
- Кайданов, 1834** – Кайданов И.К. Учебная книга всеобщей истории для юношества. СПб., 1834.
- Лебедев, 1883** – Лебедев Е.А. Учебная книга географии. Российская Империя. СПб.: Типография Э. Арнгольда, 1883.
- Ремнев, 2004** – Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2004.
- Соловьев, 1859** – Соловьев С.М. Учебная книга русской истории. Выпуск 1-4. М.: Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина, Типография Э. Барфкнехта и К°, 1859 (вып. 1-4).
- Соловьев, 1860** – Соловьев С.М. Учебная книга русской истории. Выпуск 5. М.: Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина, Типография Э. Барфкнехта и К°, 1860 (вып. 5).
- Студитский, 1873** – Студитский Ф. География России. СПб., 1873.
- Фукс, 2008** – Фукс А.Н. Русская история в школьных учебниках Д.И. Иловайского // *Отечественная история.* 2008. №5. С. 185-192.
- Фукс, 2010** – Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – вторая половина 1930-х гг.). М., 2010.

References

- Anisimova, 2012** – Anisimova A.A., Echevskaya O.G. (2012). Sibirskaya identichnost': predposylki formirovaniya, konteksty aktualizatsii. [Siberian identity: assumptions of formation, the contexts of actualization]. Novosibirsk. [in Russian]

- Bellyarminov, 1879** – *Bellyarminov I.I.* (1879). Elementarnyi kurs vseobshchei i russkoi istorii. [Elementary course of General and Russian history]. SPb. [in Russian]
- Belokha, 1863** – *Belokha P.N.* (1863). Uchebnik geografii Rossiiskoi imperii. 2-e, ispr. izd. [The textbook of geography of the Russian Empire]. SPb.: Tipografiya N. Tiblena. [in Russian]
- Berger, 1995** – *Berger P., Lukman T.* (1995). Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya. [The social construction of reality: a Treatise in the sociology of knowledge]. M. [in Russian]
- Golovneva, 2017** – *Golovneva E.V.* (2017). Sibirskaya identichnost' kak konstrukt: k postanovke problemy. [Siberian identity as a construct: problem statement]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki.* Tom 12. №1 (161). pp. 27-31. [in Russian]
- Dal', 1882** – *Dal' V.I.* (1882). Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. 2-e izdanie, ispravlennoe i znachitel'no umnozhennoe po rukopisi avtora. [Explanatory dictionary of the living great Russian language. 2nd edition, revised and greatly multiplied by the manuscript author]. SPb. M.: Izd-e knigoprodavtsa-tipografa M.O. Vol'fa. Tom 4. [in Russian]
- Zyablovskii, 1820** – *Zyablovskii E.F.* (1820). Kratkoe vseobshchee zemleopisanie dlya upotrebleniya v uездnykh uchilishchakh. [Brief universal zemleopisanie for use in County schools]. SPb. [in Russian]
- Ilovaiskii, 1869** – *Ilovaiskii D.I.* (1869). Sokrashchennoe rukovodstvo ko vseobshchei i russkoi istorii: Kurs mladshogo vozrasta. [Short guide to the universal and Russian history: a Course at a younger age]. M.: Tipografiya Gracheva. [in Russian]
- Ilovaiskii, 1888** – *Ilovaiskii D.I.* (1888). Kratkie ocherki russkoi istorii: Kurs starshego vozrasta. [Short essays in Russian history: the Course older]. M. [in Russian]
- Ishimova, 1866** – *Ishimova A.O.* (1866). Istoriya Rossii v rasskazakh dlya detei. [History of Russia in stories for children]. SPb. [in Russian]
- Kaidanov, 1829** – *Kaidanov I.K.* (1829). Nachertanie istorii gosudarstva Rossiiskogo. [The outline of history of the Russian state]. SPb. [in Russian]
- Kaidanov, 1814** – *Kaidanov I.K.* (1814). Osnovanie vseobshchei politicheskoi istorii. [The basis of universal political history]. SPb. [in Russian]
- Kaidanov, 1821** – *Kaidanov I.K.* (1821). Rukovodstvo k poznaniyu vseobshchei politicheskoi istorii. [A guide to the universal knowledge of political history]. SPb. [in Russian]
- Kaidanov, 1834** – *Kaidanov I.K.* (1834). Uchebnaya kniga vseobshchei istorii dlya yunoshstva. [Textbook of universal history for young people]. SPb. [in Russian]
- Lebedev, 1883** – *Lebedev E.A.* (1883). Uchebnaya kniga geografii. Rossiiskaya Imperiya. [Textbook of geography. The Russian Empire]. SPb.: Tipografiya E. Arngol'da. [in Russian]
- Remnev, 2004** – *Remnev A.V.* (2004). Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vekov. [Russia's Far East. The Imperial geography of power XIX – early XX centuries]. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta. [in Russian]
- Solov'ev, 1859** – *Solov'ev S.M.* (1859). Uchebnaya kniga russkoi istorii. Vypusk 1-4. [Textbook of Russian history. Issue 1-4]. M.: Izdanie K. Soldatenkova i N. Shchepkina, Tipografiya E. Barfknekhta i K°, 1859 (vypuski 1-4). [in Russian]
- Solov'ev, 1860** – *Solov'ev S.M.* (1860). Uchebnaya kniga russkoi istorii. Vypusk 5. [Textbook of Russian history. Issue 5]. M.: Izdanie K. Soldatenkova i N. Shchepkina, Tipografiya E. Barfknekhta i K°, 1860 (vypusk 5). [in Russian]
- Studitskii, 1873** – *Studitskii F.* (1873). Geografiya Rossii. [The Geography of Russia]. SPb. [in Russian].
- Fuks, 2008** – *Fuks A.N.* (2008). Russkaya istoriya v shkol'nykh uchebnikakh D.I. Ilovaiskogo. [Russian history in school textbooks D.I. Ilovaiskij]. *Otechestvennaya istoriya.* №5. pp. 185-192. [in Russian]
- Fuks, 2010** – *Fuks A.N.* (2010). Shkol'nye uchebniki po otechestvennoi istorii kak istoriograficheskii fenomen (konets XVII v. – vtoraya polovina 1930-kh gg.). [School textbooks on national history as a historiographical phenomenon (end of XVII – the second half of the 1930s.)]. M., 2010. [in Russian]

Роль детской и юношеской учебной литературы в формировании образа Сибири в сознании населения XIX века

Ирина Анатольевна Филиппова ^{a,*}, Вера Никандровна Черепанова ^b

^a Тюменский государственный медицинский университет, Российская Федерация

^b Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье осуществлен анализ детской и юношеской учебной литературы, опубликованной в XIX веке. Установлено, что Сибирь ассоциировалась авторами учебной литературы с множеством различных образов, накладывающих отпечаток на формировании образа Сибири в

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: filippovaia@tyuiu.ru (И.А. Филиппова),
veranikandrovna@mail.ru (В.Н. Черепанова)

сознании населения исследуемого периода. Среди наиболее распространенных образы: обширной малонаселенной «окраинной» или приграничной территории с суровыми климатическими условиями, но богатыми природными ресурсами; места каторги и ссылки «бунтовщиков» и преступников; территории «чиновничьего произвола»; места исторических подвигов атамана Ермака и братьев Строгановых; территории взаимодействия различных культур и народов.

Установлено, что детская и юношеская учебная литература XIX века, с одной стороны, отображала сложившиеся к этому времени представления населения России о сибирском крае, с другой – выступала в качестве авторитетного источника, моделирующего данные представления в сознании общества.

Выявлены неоднократные текстовые совпадения, встречающиеся в различных учебниках при описании экономической и природно-климатической специфики сибирского края.

Ключевые слова: Сибирь, регион, учебная литература, история, география, ассоциативные образы, учащиеся, учебные заведения, восприятие, общественное сознание.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 225-231. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.225
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Struggle for Literacy in the Russian Troops in the late 1850s – early 1860s

Olga V. Natolochnaya ^{a, b, *}, Bella A. Bulgarova ^c, Marina A. Bragina ^c

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b East European History Society, Russian Federation

^c Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

Abstract

The article deals with the introduction in the Russian army of company literacy schools for the lower ranks. The attention is paid to the forming of regimental libraries, as well as recommended literature for reading by the lower ranks.

There were used as materials the unpublished documents of the Central state archive of the Navy (St. Petersburg, Russian Federation). In addition, there were attracted the orders on the army, as well as the publications of Russian officers in the central military edition of the Russian Empire – the journal "Voennyi sbornik".

The traditional research of this kind the principles of historicism, objectivity, analytical, probabilistic and statistical, typological and comparative methods form the methodological basis of the work. On the basis of dissimilar facts obtained in the course of practical work with sources, the method of historicism allowed to see the important phenomena and processes related to the organization of company schools, as well as regimental libraries in the Russian army in the late 1850s.

In conclusion, the authors stated that the Crimean war, which was unsuccessful for the Russian Empire, gave a powerful impetus to the development of military affairs, as well as it helped to increase the literacy among military personnel. Established in 1857, the company literacy schools acutely increased the number of literate lower ranks. The training in company schools was carried out during parking of military units on winter flats. The period of study in these schools was no more than 3 years. However in the army there were a significant number of problems in the organization of availability of training the lower ranks. One of such problems was the remoteness of parts of a company from a place of a dislocation of school, since, as a rule, the division was not quartered in one settlement, but in several.

Keywords: Russian army, 1850–1860's years, company commander schools, libraries, books, literacy.

1. Введение

В конце 1850-х – начале 1860-х гг. в русской военной прессе активно обсуждалась тема повсеместного обучения нижних чинов грамотности. Процесс обучения нижних чинов первым начался в гвардейских подразделениях, а затем после получения положительного опыта был распространен на армию, флот и на иррегулярные подразделения. В данной статье нам бы хотелось отразить проблемы введения грамотности в русской армии, а также уделить внимание тому опыту, который был накоплен в процессе обучения нижних чинов.

2. Материалы и методы

В качестве материалов использованы неопубликованные документы Центрального государственного архива военно-морского флота (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).

* Corresponding author

E-mail addresses: natolochnaia@yandex.ru (O.V. Natolochnaya), Bulg_Bella@mail.ru (B.A. Bulgarova), mbragina@inbox.ru (M.A. Bragina)

Помимо этого были привлечены приказы по армии, а также публикации русского офицерского состава в центральном военном издании Российской империи – журнале «Военный сборник».

Методологическую основу работы составляют традиционные для исследований подобного рода принципы историзма, объективности, аналитический, вероятностно-статистический, типологический и сравнительный методы. Метод историзма позволил увидеть на основе разнородных фактов, полученных в ходе практической работы с источниками, важные явления и процессы, связанные с организацией ротных школ, а также полковых библиотек в русской армии в конце 1850-х гг.

3. Обсуждение

В конце 1850-х – начале 1860-х гг. в русской военной прессе неоднократно поднимались вопросы введения всеобщей грамотности в русской армии. Так, в 1858 г., то есть в год создания журнала «Военный сборник» в нем была опубликована статья «О пользе обучения грамоте всей массы русских войск» (О пользе, 1858). Эта статья венчала широкое обращение к данной теме в последующие 4 года. Как известно, журнал «Военный сборник» издавался ежемесячно с 1858 по 1917 гг. Так, уже, в следующем, 1859 г. была опубликована статья «Еще несколько слов по поводу статьи: "О пользе обучения грамоте всей массы русских войск", помещенной во 2-м № "Военного Сборника" 1858 г.» (Н.Н., 1859). В этом же 5-м номере журнала опубликовал статью о первоначальном обучении грамоте казаков А. Чеботарев (Чеботарев, 1859). В 6-м номере журнала была затронута важная тема полковых библиотек. Так, например Н. Абельдяев рассмотрел процесс создания полковых библиотек в действующей армии на Кавказе (Абельдяев, 1859). Важно отметить, что многие представители русского офицерского корпуса в эти годы отмечали, неэффективность телесных наказаний в русской армии и необходимость замены ее всеобщей грамотностью среди нижних чинов (Клуген, 1859).

Помимо этого значительное внимание уделялось и степени подготовки самих офицеров русского офицерского корпуса (В.-ский, 1859). В 1860-м г. автор под псевдонимом В-Ч-ий опубликовал статью о грамотности в войсках, где представил опыт обучения нижних чинов чтению и письму (В-Ч-ий, 1860). В 1861 г. журнал в разделе «Библиография» публиковал перечень книг специально предназначенных для обучения чтению нижних чинов (Библиография, 1861). В 1862 г. в журнале была опубликована статья анонимного автора «Школы и учебные команды в армии». Автор уделил внимание дополнительному образованию юнкеров и вольноопределяющихся в армейских корпусах (Школы, 1862). В том же 1862 г. в «Военном сборнике» была опубликована статья «О грамотности в армии», в которой автор подписался как «не-военный». В данной статье автор раскрывал проблемы обучения в армейских кадровых подразделениях, которые находились на зимних квартирах, то есть, в то время когда должны были и заниматься обучению грамоте (Не-военный, 1862).

4. Результаты

После окончания Крымской войны в 1857 г. командованием русской армии было санкционировано создание ротных школ для обучения нижних чинов грамоте, а именно, чтению, письму и арифметике (В-Ч-ий, 1860: 310). Заведывание школами было поручено офицерам. В помощь им выделялся один грамотный унтер-офицер или рядовой на каждые 10 обучающихся. В ротной школе положено было иметь 20 нижних чинов из малограмотных рядовых, преимущественно из кандидатов на унтер-офицерские звания. Время обучения не было определено конкретным сроком, но не более трех лет. Все не продемонстрировавшие успеха, то есть не годные к выпуску из школы исключались как неспособные к обучению грамоте (В-Ч-ий, 1860: 310).

Занятия в ротных школах производились с октября и до апреля, когда войска стояли на зимних квартирах. Ежегодно в апреле месяце для оканчивающих обучение в ротных школах проводились два экзамена. Первая экзаменационная комиссия состояла из командира батальона, командира роты и офицера, который заведовал школой. Вторично экзамен принимали офицеры во время смотров дивизионного и корпусного командиров. Второй экзамен проводился преимущественно для проверки и оценки занятий офицеров, заведующих школами. Для нижних чинов важное значение имел первый экзамен, так как на нем ставились баллы оценки. Ввиду того, что максимальный балл – 4, а ниже одного оценка не ставится, то все сдавшие экзамен делятся на четыре разряда (В-Ч-ий, 1860: 310).

Баллы ставились по каждому предмету отдельно, а именно: за чтение, чистописание, диктовку, арифметику, выкладку на счетах, закон Божий. Окончившими ротную школу считались те, кто получал в среднем числе 3 полных балла (В-Ч-ий, 1860: 310-311). В учебном процессе часто использовался ланкастерский метод, который состоял в том, чтобы учить выговаривать буквы и писать их одновременно. Для этого метода требовались только деревянная доска и кусок мела.

При начальном обучении читать, рекомендовалась крупнонаписанная на картоне азбука, а для письма предлагался дешевый способ писать палочками по песку, насыпанному мелким слоем, в деревянных рамках или просто на столе (В-Ч-ий, 1860: 311).

На покупку необходимых письменных принадлежностей, разрешено было расходовать на каждую ротную школу по одному рублю в месяц, выписывая также на эти деньги солдатский журнал, который был вполне доступен по понятиям для нижних чинов. Важно отметить, что еще в 1847 г. по

соизволению императора Николая I в России был открыт журнал «Чтение для солдата». 3 марта 1859 г. в приказе № 41 по войскам Кавказской армии была отмечена настоятельная рекомендация выписывать данный журнал для нравственного образования нижних чинов (*Извлечение, 1859: 159*). То есть рекомендация выписывать данное издание была для войск, дислоцированных во внутренних областях России, а также для войск армии в зоне боевых действий.

Для поощрения грамотных нижних чинов, было предписано производить их, преимущественно перед неграмотными в унтер-офицерские и ефрейторские чины.

Обучение грамоте в школах должно было быть доведено до такой степени, чтобы каждый из обучающихся мог свободно писать под диктовку и читать. Разрешалось писать некрасиво, но четко. Помимо этого обучаемый должен был знать первые четыре действия с числами, с выкладкой на счетах. Арифметике впрочем, учили только после того как обучаемые хорошо овладевали техникой письма и чтения. В курс ротных школ, вместе с тем, вошло обучение способу составления форменных бумаг, в представлении которых у нижних чинов могла встретиться необходимость. Например, в случае какой-либо командировки, для отвода партии, принятия продовольствия, имущества и т.п. (*В-Ч-ий, 1860: 311*)

Обучение происходило зимой, по три раза в неделю, до и после обеда и два раза только после обеда. Это объяснялось тем, что зимой послеобеденные часы очень коротки и недостаточны для достижения всех сколько-нибудь удовлетворительных результатов по обучению солдат грамоте.

Кроме того, обучение солдат грамоте производилось, независимо от ротных школ, отдельными офицерами, насколько того позволяли средства и время (*В-Ч-ий, 1860: 312*). Аналогичной была подготовка и у казаков. Рассматривая опыт обучения грамоте казаков Уральского казачьего войска, важно отметить, что грамотность в некоторых городах, например Уральске была достаточно высока – 14 % населения (*Чеботарев, 1859: 95*). Обучение казаков здесь также происходило в зимнее время. Как правило, процесс обучения начинался в середине ноября, а заканчивался в середине февраля. За это время казаки успешно обучались, писать под диктовку, читать, считать на счетах и делать умножения.

Обучение грамотности в русских подразделениях на уровне батальона возлагалось на батальонных адъютантов (*Н.Н., 1859: 89*). В конце 1850-х гг. отмечалось, что около 10 % русских солдат умели писать и читать, на них и возлагалась обязанность обучать остальных. В качестве аргументации при этом объяснялось нижним чинам, что в грамотный военный служащий имеет приоритет в подъеме по служебной лестнице, а в случае отставки солдат обученный грамоте может стать писарем в деревне (*Н.Н., 1859: 90*). Большой проблемой для обучения грамоте нижних чинов на зимних квартирах было расквартирование армейской роты в нескольких удаленных деревнях. Ввиду этого военным служащим, чтобы добраться до школы приходилось идти по 5 и более километров (*Н.Н., 1859: 91*). При этом обращалось внимание на то, что лучше всего обучались грамоте молодые солдаты, а старослужащим грамота давалась очень тяжело. Также важно отметить, что военным служащим больше предпочитали решать арифметические задачи, а не читать книги (*Н.Н., 1859: 92*).

В организации досуга в русской армии важная роль отводилась полковым библиотекам. Роль полковых библиотек резко возрастала, если войска находились удаленными гарнизонами на форпостах в зоне боевых действий, например периода Кавказской войны. В этих условиях для офицера книги являлись основным источником досуга – отвлечения от службы. Однако в каталогах полковых библиотек офицеры находили очень мало военных книг, значительное место занимали русские литературные периодические издания, книги по историческим наукам, 2–3 книги по математике. Все остальные книги это романы и специальная литература для узких специалистов. Иными словами существовала проблема случайного наполнения библиотеки книгами (*Абельдяев, 1859: 420*). Важно отметить, что среднестатистический фонд крепостной библиотеки насчитывал около 400 томов. Так, например, в форте Навагинском Черноморской береговой линии библиотечный фонд в 1853 г. насчитывал 392 книги (*Cherkasov et al., 2014: 10*). В библиотеке присутствовали следующие книги: Военный журнал (подшивка с 1828 по 1850 гг.), Военно-энциклопедический лексикон (с 1837 по 1848 гг.), Артиллерийский журнал (1839–1852 гг.), Инженерные записки (1826–1852 гг.). Из другой военной литературы библиотека располагала воинскими уставами. Имелась художественная литература, в частности, сочинения А.С. Пушкина и др. Имелись исторические работы, например, 12-томная «История государства Российского» Карамзина, «История Русской церкви», «Отечественные записки» с 44-го по 74-й тома. Разумеется, присутствовала в библиотеке и разнообразная религиозная литература (*Cherkasov et al., 2014: 10*).

Создание полковых библиотек на Кавказе было делом офицеров полка, именно на их средства выстраивалось или покупалось здание, а потом шло наполнение книгами. Для заведывания библиотекой в полку назначался специальный офицер, а в помощь ему давали 1–2 солдат, которые служили сторожами. Такое обустройство делало затруднительным доступ к книжному фонду. Дело в том, что в месте расквартирования постоянно находился только один батальон полка, а остальные находились на передовой линии, в результате передать какую-либо книгу на дальний форпост было проблематично (*Абельдяев, 1859: 426*).

Что же касается книг для солдат, то они разделялись на три категории: к первой относились книги религиозного содержания, ко второй – учебные, а к третьей – предназначенные для поучительного чтения (*Библиография, 1861: 219*).

В первой категории рекомендованными были «Начатки христианского учения» и «Библейская история в кратких сказаниях, заимствованных из священных книг ветхого и нового заветов». Во второй категории могли применяться «Русская Азбука» В. Золотова и «Русская Азбука для народных масс», изданная Лермантовым и компанией. Наконец в третьей категории находился журнал для нижних чинов «Солдатская беседа» и «Беседы Золотова в учебном фехтовальном классе» (*Библиография, 1861: 219*).

В начале 1860-х гг. в офицерском корпусе русской армии и флоте все чаще стали говорить об отмене телесных наказаний и распространении грамотности. В этом отношении представляют интерес рассуждения капитана винтового корвета «Кречет» (Черноморский флот – Авт.), датированные апрелем 1862 г. «Правительство, высшее начальство и в особенности начальство (имеется ввиду непосредственное начальство – Авт.), которому по обязанности службы непосредственно поручается надзор за нижними чинами в последнее время, стали заботиться об уничтожении телесных наказаний, которые всегда и во всякое время служили необходимой мерой побуждения к исполнению обязанностей службы и к поддержанию дисциплины, необходимой для всякого солдата вообще, а матроса служащего на судах его величества в особенности – таковые меры признаны не только вредными, а именно: потому что не развивают душу, но напротив притупляют чувства и развивают только животный страх; но что больше, они признаны недостойными для развития нравственных начал человека, потому развивать способности или побуждать к точному исполнению обязанностей законами предписанными посредством телесных наказаний т.е. с помощью линька, палки и подобных средств не совместно с человеком, который по воле Создателя от природы одарен даром рассудка и душой, способной без физических побуждений отличать, что дурно и что хорошо. Рассудок человека побуждаемый совестью имеет способность сознавать всякий поступок, всякий шаг действия, следовательно употреблять для человека те средства, которые доступны только для животного лишнего способности рассуждать, чувствовать, значить сравнить Человека с животным, чего конечно не следует по природе, по закону совести и чести. Вот причины, вследствие которых начальство обратило особенное внимание на этот предмет, а потому снисходительными мерами, и вообще средствами, которые действуют больше на душу, на совесть и честь старается развить в солдате и матросе нравственные начала, возбудить совесть и честь, старается из них сделать человека как он должен быть по определению, начертанному самим Богом; но отнюдь не механической машиной, которая без приложения физических побуждений не будет действовать.

Какое было бы утешение для начальства видеть, чувствовать и осознавать, что подчиненные ему нижние чины не из боязни и страха наказания исполняют долг службы, но что каждый из них понял свою обязанность и исполняет её по долгу чести и совести; при таком только направлении начальство может надеяться на успех в дисциплине, которого поддержать не только не будет трудно, но напротив она сделается крепким звеном, соединяющим каждого из нас в одно неразрывное, прекрасное целое, такого рода дисциплина, т.е. дисциплина не из-под палки и линька невольно заставит нас уважать друг друга, матрос будет уважать благородное и почётное звание начальника и начальник уважать честное имя матроса. Поступки, противные правилам службы и закона, так равно и поступки, посягающие на честь, совесть и доброе имя матроса будут отзываться в каждом из вас, вы будете краснеть, негодовать на того, кто совершил подобного рода поступок, вы его отвергнете как недостойного товарища; конечно человек не без греха, прорваться человеку легко и возможно, но при этом будет та разнища, что всякое замечание, выговор и взыскание будет действовать на душу провинившегося, выговор будет оскорблять его самолюбие, затрагивать честь и мучать совесть. Прежняя система, т.е. средства организовать солдата или матроса уже забыта, не стану говорить о том, кто был виноват, что беспрестанно были слышны крики наказуемых, но скажу только что со стороны правительства и начальства сделан величайший шаг к образованию солдата и матроса как человека; но со стороны нижних чинов по настоящее время не заметно еще желаний почувствовать, те кроткие и снисходительные меры и те способы, которые приняло начальство – от тех самых пор когда начали искоренять телесные наказания, нижние чины по своему невежеству и грубости своей не поняли цели этого благого намерения, имея ввиду что их не накажут телесно, стали разрушать дисциплину небрежным исполнением обязанностей службы, неповиновением ближайших своих начальников; все меры ограниченного взыскания для них не чувствительны: это обстоятельство ясно показывает что солдат или матрос только из страха непрерывного телесного наказания боялся нарушить дисциплину и порядок службы; следовательно начальнику остается одно средство поступки подобного рода предавать на суд закона, которого строгость всякому из вас известна. Священный долг присяги побуждает меня не допускать ни малейшего послабления при отправлении службы, а тем более позволять кому либо нарушать дисциплину, без которой порядка на судах существовать не будет» (*ЦГА ВМФ. Ф. 257. Оп. 1. Д. 1. Л. 160-164*).

Несмотря на высказанную позицию капитан корвета «Кречет» пояснял, что со случаями нарушения дисциплины нужно бороться и бороться жестко. «К величайшему сожалению все, что я

сказал о настоящем поведении нижних чинов вообще, я должен сказать и о нижних чинах вверенного мне корвета. В непродолжительное время двое нарушили закон; Мухамет Аипов оказал неповиновение и грубость боцману Теменцову, а Владимир Курченко имел дерзость в присутствии команды и г-на вахтенного офицера произнести отъявленную ложь в грубых выражениях – поступок этот кроме того что дерзок, но ещё и высказывает то грубое невежественное направление испорченной нравственности, которая до сих пор ещё имеется в русском солдате или матросе и с которою далеко уйти нельзя. Оба вышеобозначенных матроса имеют нашивку за десятилетнюю службу, следовательно достаточно служили чтобы знать, как строго закон взыскивает за малейший поступок имеющий последствиями ослабить военную дисциплину; предать их на суд закона; закон лишит их нашивки и с сим пропадёт 10-летняя служба, как недавно случилось с матросом Никитой Сильным, который вследствие моего представления подвергся подобному рода взысканию» (ЦГА ВМФ. Ф. 257. Оп. 1. Д. 1. Л. 164-165).

Резюмируя свое повествование, офицер отмечал, что «подобная мера строга, но начальник по необходимости должен употреблять её, потому если он видит, что никакие другие способы и средства не в состоянии склонить своих подчинённых нижних чинов к строгому исполнению своих порядков службы, а между тем проявляются поступки грубости и неповиновения, то чтобы обеспечить службу его величества государя императора и сохранить порядок, он должен прибегнуть к закону. Теперь мне ещё остается сказать в следствие чего русский матрос не чувствителен к мерам ограниченного взыскания, почему выговор, арест и подобные исправительные не оставляют никакого следа на русском матросе. Причина тому есть та, что у него не развито чувство чести, он не имеет никакого понятия об этом священном чувстве для всякого человека, ничто не может затронуть самолюбие русского матроса, он не чувствителен, он груб, невежествен. Неужели нет средств пробудить душу, развить её настолько, чтоб она могла чувствовать? Бесспорно, есть, и это средство зависит от воли каждого человека; средство это есть грамотность. Чтение познакомит вас с многим, чтение разовьет ваш рассудок и вместе с сим и вашу душу. Вы дадите душе толчок к пробуждению и она сделается способною чувствовать. Из чтения вы узнаете, до какой степени вы были слепы, невежественны относительно всего вас окружающего, одним словом, вы постепенно будете развиваться, образовываться и тогда усердно возблагодарите Создателя, что он создал Вас людьми, а не зверями.

Но до тех пор покуда не произойдёт в вас подобная перемена к лучшему, до тех пор покуда вы состоите в разрядах существ неразвитых, маломыслящих и ещё меньше рассуждающих, то брать пример с тех, кто над вами поставлен начальствовать, довериться им потому что всякое действие наше относительно вас рассчитано для пользы вашей.

Я и господа офицеры готовы употребить весь посильный труд, чтобы развить, образовать вас, это есть священный долг каждого из нас и вы должны внимать этому без малейшего признака сомнений. Взыскание не есть наша прихоть, мы обязаны по присяге не попускать ни малейшего поступка в ущерб дисциплины, в противном случае закон имеет власть пресудить нас за бездействие власти» (ЦГА ВМФ. Ф. 257. Оп. 1. Д. 1. Л. 165-167).

5. Заключение

Таким образом, неудачная для Российской империи Крымская война дала мощный импульс развитию военного дела, а также повышению грамотности среди военнослужащих. Созданные в 1857 г. ротные школы грамотности резко увеличили количество грамотных нижних чинов. Обучение в ротных школах проводилось во время стоянки воинских частей на зимних квартирах. Срок обучения в этих школах составлял не более 3-х лет. Тем не менее, в войсках имелось и значительное количество проблем в деле организации доступности обучения нижних чинов. Одной из таких проблем была удаленность частей роты от места дислокации школы, так как, как правило, подразделение расквартировывалось не в одном населенном пункте, а в нескольких.

6. Благодарности

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

Литература

- Абельдяев, 1859 – Абельдяев Н. Полковые библиотеки на Кавказе // *Военный сборник*. 1859. № 6. С. 419-428.
- Библиография, 1861 – Библиография (Книги, предназначаемые для обучения и чтения нижних чинов) // *Военный сборник*. 1861. № 3. С. 213-236.
- В.-ский, 1859 – В.-ский С. Об офицерах армейских пехотных полков, по поводу статьи: "Степень образования офицеров в армии" // *Военный сборник*. 1859. № 10. С. 415-430.
- В-Ч-ий, 1860 – В-Ч-ий С. Грамотность в войсках // *Военный сборник*. 1860. № 10. С. 309-332.
- Извлечение, 1859 – Извлечение из приказов по отдельным частям военного ведомства: 1) по Кавказской армии // *Военный сборник*. 1859. № 4. С. 159.
- Клуген, 1859 – Клуген Л. Несколько слов о телесном в русских войсках наказании, по правилам военной дисциплины // *Военный сборник*. 1859. № 9. С. 191-210.

- Не-военный, 1862** – *Не-военный*. О грамотности в армии // *Военный сборник*. 1862. № 12. С. 540-550.
- Н.Н., 1859** – *Н.Н.* Еще несколько слов по поводу статьи: "О пользе обучения грамоте всей массы русских войск", помещенной во 2-м № "Военного Сборника" 1858 г. // *Военный сборник*. 1859. № 5. С. 89-94.
- О пользе, 1858** – О пользе обучения грамоте всей массы русских войск // *Военный сборник*. 1858. № 2. С. 223-239.
- ЦГА ВМФ** – Центральный государственный архив военно-морского флота.
- Чеботарев, 1859** – *Чеботарев А.* Опыт первоначального обучения грамоте казаков в городе Уральске. // *Военный сборник*. 1859. № 5. С. 95-104.
- Школы, 1862** – Школы и учебные команды в армии // *Военный сборник*. 1862. № 6. С. 345-366.
- Cherkasov et al., 2014** – *Cherkasov A.A., Šmigel' M., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S.* The Russian Fort (First Half of the 19th Century): Internal Organization // *Voennyy Sbornik*. 2014. Vol.(3). № 1. pp. 4-13.

References

- Abel'dyaev, 1859** – *Abel'dyaev N.* (1859). Polkovnye biblioteki na Kavkaze [Regimental libraries in the Caucasus]. *Voennyy sbornik*. № 6. pp. 419-428. [in Russian]
- Bibliografiya, 1861** – Bibliografiya (Knigi, prednaznachayemye dlya obucheniya i chteniya nizhnikh chinov) [Bibliography (books intended for the learning and reading of the lower ranks)]. *Voennyy sbornik*. 1861. № 3. pp. 213-236. [in Russian]
- V.-skii, 1859** – *V.-skii S.* (1859). Ob ofitserakh armeiskikh pekhotnykh polkov, po povodu stat'i: "Stepen' obrazovaniya ofitserov v armii" [About the officers of the army infantry regiments, about the article: "The degree of education of officers in the army"]. *Voennyy sbornik*. № 10. pp. 415-430. [in Russian]
- V-Ch-ii, 1860** – *V-Ch-ii S.* (1860). Gramotnost' v voiskakh [Literacy in the army]. *Voennyy sbornik*. № 10. pp. 309-332. [in Russian]
- Izvlechenie, 1859** – *Izvlechenie iz prikazov po otdel'nym chastyam voennogo vedomstva: 1) po Kavkazskoi armii* [Extract from the orders for parts of the military department: 1) for the Caucasian army]. *Voennyy sbornik*. 1859. № 4. p. 159. [in Russian]
- Klugen, 1859** – *Klugen L.* (1859). Neskol'ko slov o telesnom v russkikh voiskakh nakazanii, po pravilam voennoi distsipliny [A few words about corporal punishment in russian troops, according to the rules of military discipline]. *Voennyy sbornik*. № 9. pp. 191-210. [in Russian]
- Ne-voennyi, 1862** – *Ne-voennyi*. (1862). O gramotnosti v armii [On literacy in the army]. *Voennyy sbornik*. № 12. pp. 540-550. [in Russian]
- N.N., 1859** – *N.N.* (1859). Eshche neskol'ko slov po povodu stat'i: "O pol'ze obucheniya gramote vsei massy russkikh voisk", pomeshchennoi vo 2-m № "Voennogo Sbornika" 1858 g. [A few words about the article: "On the Benefit of Literacy for the entire mass of russian forces", placed in the second issue of the "Voennyy sbornik" of 1858]. *Voennyy sbornik*. № 5. pp. 89-94. [in Russian]
- O pol'ze, 1858** – O pol'ze obucheniya gramote vsei massy russkikh voisk [About the benefits of literacy training for the entire mass of russian troops]. *Voennyy sbornik*. 1858. № 2. pp. 223-239. [in Russian]
- TsGA VMF** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv voenno-morskogo flota [Central state archive of the Navy].
- Chebotarev, 1859** – *Chebotarev A.* (1859). Opyt pervonachal'nogo obucheniya gramote kazakov v gorode Ural'ske [Experience in the initial training of the Cossacks in Uralsk city]. *Voennyy sbornik*. № 5. pp. 95-104. [in Russian]
- Shkoly, 1862** – Shkoly i uchebnye komandy v armii [Schools and training teams in the army]. *Voennyy sbornik*. 1862. № 6. pp. 345-366. [in Russian]
- Cherkasov et al., 2014** – *Cherkasov A.A., Šmigel' M., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S.* (2014). The Russian Fort (First Half of the 19th Century): Internal Organization. *Voennyy Sbornik*. Vol.(3). № 1. pp. 4-13.

Борьба за грамотность в русских войсках в конце 1850-х – начале 1860-х гг.

Ольга Васильевна Натолочная ^{a, b, *}, Белла Ахмедовна Булгарова ^c, Марина Александровна Брагина ^c

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: natolochnaia@yandex.ru (О.В. Натолочная), Bulg_Bella@mail.ru (Б.А. Булгарова), mbragina@inbox.ru (М.А. Брагина)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы введения в русской армии ротных школ грамотности для нижних чинов. Уделено внимание созданию полковых библиотек, а также рекомендованной литературе для чтения нижними чинами.

В качестве материалов использованы неопубликованные документы Центрального государственного архива военно-морского флота (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Помимо этого были привлечены приказы по армии, а также публикации русского офицерского состава в центральном военном издании Российской империи – журнале «Военный сборник».

Методологическую основу работы составляют традиционные для исследований подобного рода принципы историзма, объективности, аналитический, вероятностно-статистический, типологический и сравнительный методы. Метод историзма позволил увидеть на основе разнородных фактов, полученных в ходе практической работы с источниками, важные явления и процессы, связанные с организацией ротных школ, а также полковых библиотек в русской армии в конце 1850-х гг.

В заключении авторы отмечают, что неудачная для Российской империи Крымская война дала мощный импульс развитию военного дела, а также способствовала повышению грамотности среди военнослужащих. Созданные в 1857 г. ротные школы грамотности резко увеличили количество грамотных нижних чинов. Обучение в ротных школах проводилось во время стоянки воинских частей на зимних квартирах. Срок обучения в этих школах составлял не более 3-х лет. Тем не менее, в войсках имелось и значительное количество проблем в деле организации доступности обучения нижних чинов. Одной из таких проблем была удаленность частей роты от места дислокации школы, так как, как правило, подразделение расквартировывалось не в одном населенном пункте, а в нескольких.

Ключевые слова: русская армия, 1850–1860-е гг., ротные школы, библиотеки, книги, грамотность.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 232-241. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.232
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Ethno-Religious Aspect of the Educational Policy of the Russian Empire in the second half of XIX – early XX century (on the Example of the Muslim Education System of Western Siberia)

Petr K. Dashkovskiy^{a,*}, Elena A. Shershneva^a

^a Altay State University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the problem of reforming the system of school education in the Russian Empire at the turn of XIX–XX centuries. The special interest from the state in this period was aimed at reforming the foreign education, and primarily affected the system of Muslim school education in the country. The government's policy of reforming the school system was not consistent. The initial phase of the reform of national school education was marked by the minimal interference in this area. However, when the graph D.A. Tolstoy, who served as minister of public education in the period from 1866–1880, the muslim educational institutions were completely subordinate to the Ministry of public education and the Russian Orthodox Church. This is confirmed by a special Provision, adopted in 1874. There was no consensus in relation to the structure of the school system and in the muslim environment. The Muslim clergy, represented by the mufti of the Orenburg mohammedan theological assembly, considered it necessary to introduce the russian language in muslim educational institutions. However, the parish clergy were wary of this innovation, as they saw the attempts of russification of foreigners by the government. In this regard, one of the main tasks of the government in reforming the school system was to limit the influence of the clergy, especially those who received education outside Russia and do not have a certificate for the right to teach. In an effort to improve the organization of the school system, muslims began to create a society of trustees, whose task was to provide the material assistance to the most capable students to continue their education. Despite the fact that these societies existed at the expense of charitable funds of the muslims themselves, the Ministry of internal affairs and district educational authorities intervened in the disposal of the material fund, spending these funds directly on the needs of its department. As a rule, these funds were used to open russian-foreign schools, whose task was the gradual eradication of national and religious culture in a foreign environment. In connection with the emerging political activism in the muslim world in the early XX century further enhanced the intervention in the national education system of the state, which is confirmed by the "Rules on the control of elementary schools for foreigners", adopted by the Ministry of Education in 1906.

Keywords: Islam, mekteb, medrese, Russian empire, church-state policy, the mullahs, Western Siberia, mosque.

1. Введение

Экономические и политические изменения, намечившиеся в Российской империи во второй половине XIX в., требовали коренных преобразований в разных областях развития многонационального государства, в т.ч. и социальном аспекте. Система образования становится также одной из областей, нуждающейся в серьезном реформировании. Особое внимание в этот период начинает уделяться системе школьного образования т.н. инородческого населения. Именно обучение лиц иных национальностей, не относящихся к русскому этносу, становится одной из главных задач государства. Начиная с 60-х годов XIX в. имперская власть принимает законы,

* Corresponding author

E-mail addresses: dashkovskiy@fpn.asu.ru (P.K. Dashkovskiy), D2703@yandex.ru (E.A. Shershneva)

направленные на создание государственных школ для инородческого населения на национальных окраинах страны (Ермолов, 2009: 104).

2. Материалы и методы

Наиболее объективно оценить роль национального фактора в системе народного образования позволяют архивные материалы, а также правовые акты, принимаемые в данный период в Российском государстве. Архивные материалы представлены циркулярными распоряжениями, предписаниями и указаниями правительства, направляемыми в Оренбургское магOMETанское духовное собрание, а также письмами и обращениями самих мусульман в различные государственные органы. При подготовке статьи использовались архивные источники, хранящиеся в Государственном архиве Алтайского края, Центральном государственном историческом архиве Республики Башкортостан, Государственном архиве Томской области, Государственном архиве г. Тобольска и Историческом архиве Омской области. Статья построена на методологических принципах историзма и объективности, что позволяет рассмотреть систему школьного образования в стране через призму государственно-конфессиональной политики в отношении народов, исповедующих ислам. Использование авторами проблемно-хронологического и ретроспективного методов дает возможность всесторонне рассмотреть проблему формирования системы национального образования в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.

3. Обсуждение

Проблемами устройства системы национально образования в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. занимались В.А. Ермолов, Д.Е. Левашов, Д.В. Прахт, Е.А. Сафина и другие ученые. В работах данных ученых указывается на роль государственных органов в системе инородческого образования. Особое внимание исследователями уделяется системе реформирования мусульманского образования, как института по воспитанию нового типа интеллигенции (Практ, 2011; Гаспринский, 1992; Гафаров, Гафаров, 2012). Другим направлением при изучении реформирования системы национально образования является проблема роли Русской православной церкви в данном процессе (Богуславский, 2006; Левашов, 2010; Стурова, 2014). В этой связи исследователями отмечалась особое отношение к мусульманской школе в Степном крае (Раздыкова, 2009; Блинова, 2010).

4. Результаты

В связи с тем, что российское государство представляло собой разветвленную конфессиональную и национальную систему образования, проблема создания единой школы для населения империи затрагивала все государственные институты. Русская православная церковь, носившая статус государственной конфессии, не могла остаться в стороне от проводимых реформ и постаралась выработать собственное направление в образовательной политике (Богуславский, 2006: 8–9). Православная церковь видела своей главной задачей воспитание подрастающего поколения в русле христианской морали. В связи с этим преподавание «Закона Божия» детям из семей, исповедующих другие религии, очень часто велось православными священниками по учебникам, написанным именно православными авторами. Правительство всячески поддерживало Русскую православную церковь, принимая при этом меры по сокращению часов, отводимых на изучение основ «инородческих» вероисповеданий. Естественно, такая ситуация закономерно вызывало недовольство со стороны родителей детей, воспитывающихся их в иной конфессиональной среде (Левашов, 2010: 135).

Согласно принятому в 1884 г. «Положению о церковно-приходских школах» Русская православная церковь стремилась к максимальному расширению системы данного вида школ. Указанное положение также способствовало увеличению часов, отводимых на преподавание предметов религиозного характера. В 1897 г. были приняты «Примерные программы предметов, преподаваемых в начальных народных училищах», которые предусматривали 45 % учебного времени на религиозное образование. Указанные меры свидетельствовали о консервативной линии, выбранной правительством в организации школьной системы (Богуславский, 2006: 14). Следует подчеркнуть, что вмешательство Русской православной церкви в дела образования при поддержке правительства наиболее хорошо видно на примере создания учебных заведений во второй половине XIX в. для населения, проживающего на окраинах Российской империи. В обязанности миссионеров, проповедующих среди населения Киргизской степи (Казахстана) входило создание учебных заведений и приютов, находившихся в ведении Министерства народного просвещения для приобщения казахского населения к русской культуре, а в дальнейшем и к полному их обрусению (Стурова, 2014: 214–215).

Следует отметить, что политика, проводимая государством в отношении школьного образования, не была единой. На начальной стадии реформирования системы образования при министре народного просвещения А.В. Головнине, вмешательство государства в систему образования сводилось до минимума. В данный период правительство видело своей задачей выстроить систему народного просвещения в Российской империи по европейской модели, поощряя при этом инициативы по созданию образовательных учреждений (Аллагуров, 2013: 153). Именно обучение

русского языку рассматривалось правительством, как одна из основных задач развития инородческой системы образования. Согласно «Положению о начальных народных училищах», принятому 14 июля 1864 г., в обществе утверждалось религиозное и нравственное воспитание. При этом обучение в училищах должно было вестись на русском языке для лиц любого вероисповедания ([Сборник постановлений по Министерству народного просвещения, 1876: 1342–1350](#)). Однако в рамках Указа от 26 марта 1870 г. «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» детям татар-мусульман, другим инородцам нехристианского вероисповедания, обучающимся в учебных заведениях страны, разрешалось не посещать уроки «Закона Божьего» и не изучать церковно-славянский язык ([Полное собрание законов Российской империи, 1870: 314](#)).

Важно отметить, что в 1874 г. было принято «Положение о начальных народных училищах». Оно устанавливало, что вся система обучения в Российской империи полностью находилась в ведении Министерства народного просвещения и Русской православной церкви. В связи с этим преподавание должно было вестись только на русском языке, а епархиальный архиерей обязан был следить за религиозно-нравственным обучением в учебных заведениях. К тому же в Училищный совет также должен был входить представитель от епархиального ведомства ([Полное собрание законов Российской империи, 1876: 834–840](#)). Все мусульманские учебные заведения (мектебе и медресе), согласно принятому Положению, также передавались под контроль Министерства народного просвещения.

Несмотря на вводимые правила, связанные с приобщением инородческого населения Российской империи к русской культуре, правительство понимало необходимость реформирования именно сложившейся системы национального образования. Так, министр народного просвещения Н.П. Боголепов видел своей задачей организацию работы «национальных школ», в рамках которых предполагалось более детальное изучение родного языка, быта и природы ([Богуславский, 2006: 14](#)). Следует обратить внимание на то, что правительство стремилось найти определенный баланс в системе русского образования с учетом этнического и конфессионального аспектов. Однако отсутствие даже среди правительственных кругов единой позиции по реформированию системы образования не позволяло проводить последовательную политику реформирования школьной системы. Отдельное внимание государством уделялось вопросам, связанным с программой обучения, управления учебными заведениями, а также назначению учителей ([Левашов, 2010: 134–135](#)).

Среди инородческих школ, открываемых для традиционных этносов, серьезное внимание государством уделялось реформированию мусульманской школы. Во много это было связано еще и с тем, что мусульманские общины к середине XIX в. имели уже достаточно развитую систему религиозного образования. Кроме того, наблюдалось стремление самого населения к грамоте, особенно среди татарского народа. Нужно отметить, что попытки реформирования мусульманских учебных заведений по европейской системе образования относятся еще к началу XIX в. В 1818 г. муфтий М. Хусайнов и профессор Казанского университета П.С. Кондырев предложили перестроить систему мусульманских школ таким образом, чтобы учащиеся в них получали не только духовное, но и светское образование ([Гафаров, Гафаров, 2012: 297](#)). Правительство, вступая на путь реформирования инородческого образования, постаралось найти поддержку и в среде мусульманского духовенства. Так, муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания выступил с обращением, в котором указал, что ахуны и муллы обязаны содействовать введению русского языка в учебных заведениях, открывающихся при мечетях ([ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 607. Л. 5](#)).

Однако надо отметить, что даже во второй половине XIX в. не все мусульманское население было настолько прогрессивно в своих взглядах и в осознании необходимости учета государственных интересов. Мусульманские муллы часто проводили агитационную работу среди населения, убеждая его в том, что введение светских предметов в медресе и мектебе приведет к русификации. В связи с этим, обучение в мусульманских учебных заведениях по-прежнему велось на арабском языке, а родной язык вообще оказывался на третьем месте после арабского и русского. Такое положение дел в целом негативно сказывалось на уровне образования ([Ермолов, 2009: 103](#)).

Следует подчеркнуть, что опасения со стороны мусульманской общественности были не случайными, т.к. правительство предпринимало всяческие меры по контролю за учебными заведениями и учебниками, используемыми в мусульманских школах. Согласно распоряжению министра народного просвещения с 1892 г. допускалось использование в школах только печатных изданий, прошедших русскую цензуру. При этом преподавать в таких школах имели право только лица, получившие образование в Российской империи ([Раздыкова, 2009: 221](#)).

Кроме того, к усилению контроля за системой мусульманского образования привели идеи панисламизма, которые стали широко распространяться среди мусульманской интеллигенции, особенно в Поволжье ([Тюкова, 2011: 103](#)). В результате государство начинает устанавливать контроль, как за отдельными учителями, так и учениками мусульманских школ. О неблагонадежности мусульманского населения свидетельствовал в частности и факт обнаружения в 1892 г. Константинопольских изданий антиправительственного содержания. Они были выявлены Министерством народного просвещения в результате проверки школ Томской губернии ([ГААК. Ф. 181. Оп. 1. Д. 41 Л. 69](#)). По мнению правительства, самую опасную категорию учителей составляли мугаллимы. Данная группа учителей получала образование за границей и была практически

бесконтрольна. По мнению Министерства внутренних дел, такие учителя могли потенциально угрожать интересам государства (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347. Л. 53). В результате Министерство внутренних дел не только курировало, но порой и преследовало данную категорию образованного мусульманского населения, арестовывая их и закрывая учебные заведения. Обосновывались данные меры отсутствием учителя в школе, имеющего свидетельство на право преподавания. В 1905 г. Оренбургское магометанское духовное собрание издало Циркуляр, согласно которому, было запрещено выдавать свидетельства на право преподавания лицам иностранного происхождения, выдающих себя за святых и ведущих обучение среди мусульманского населения (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 484. Л. 263–263об.).

Важно подчеркнуть, что ужесточения правил по организации учебных заведений в конечном итоге, привело к ведению тайного обучения, что заставило правительство 3 апреля 1892 г. принять «Временные правила о взысканиях за тайное обучение». Согласно принятому документу виновные подвергались аресту до 3 месяцев либо денежному штрафу до 300 рублей (Уварова, 2012: 76; Полное собрание законов Российской империи, 1895: 223–224).

Особенно остро с данной проблемой столкнулись мусульманские школы Степного края, где большинство из них работало нелегально (Раздыкова, 2009: 219–220; Блинова, 2010: 161). Нужно учесть, что государство опасалось влияния мулл на казахское население, о чем свидетельствует обращение военного губернатора Акмолинской области к Семипалатинскому губернатору. Военным генерал-губернатором предлагалось ввести некоторые меры для сокращения влияния мусульманских духовных лиц из татар на казахское население. Для того чтобы оценить всю опасность со стороны духовенства и татар, Генерал-губернатор Западной Сибири был сделан запрос Семипалатинскому губернатору. В запросе Генерал-губернатор просил уточнить программу обучения детей казахов, а также велось ли преподавание русского языка. Кроме того, свой запрос Губернаторам Томской, Тобольской губерний, а так Семипалатинской и Акмолинской областей направило Министерство внутренних дел, которое просили сведения о том, как открываются при мечетях школы, кто контролирует данные учебные заведения. В запросе также просили уточнить, кто именно преподает в мусульманских школах, кто назначал учителей на эти должности и преподается ли русский язык (КУИсАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406. Л. 8–9). Аналогичный запрос был сделан в 1878 г. Томскому и Тобольскому губернаторам. Главное управление Западной Сибири в свою очередь просило ускорить предоставление запрашиваемых данных, а также вынести свои предложения Томского, Семипалатинского и Тобольского губернаторов по организации инородческого образования в своих губерниях (КУИсАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406. Л. 10–14). В результате было установлено, что главной проблемой, отмеченной военным губернатором Семипалатинской области, являлось присутствие в регионе преимущественно малограмотных учителей, деятельность которых к тому же плохо оплачивалась. Более того, русский язык, как правило, не преподавался, поскольку учителя, которые работали в этих заведениях, сами плохо его знали. Отмечалось так же, что невозможно провести полностью замену кадрового состава учебных заведений на учителей, которые были бы русскими в этническом отношении, т.к. в школьной программе предусмотрено изучение мусульманского закона. В тоже время признавалось целесообразным введение в штатный состав по одному русскому учителю. Относительно степени контроля над такими школами было установлено, что его фактически нет, т.к. они содержались на добровольные пожертвования. В результате анализа собранной информации, был сделан вывод о том, что преподавание русского языка следует вводить через Оренбургское магометанское духовное собрание, а не через местную полицию, как это было предложено Акмолинским военным губернатором (КУИсАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406. Л. 23–26об.). О сложностях в преподавание русского языка в мусульманских школах сообщал и Томский губернатор, поскольку имеющиеся учителя из инородческой среды плохо им владеют. При этом губернатор подчеркивал, что в Томской губернии все учителя в мусульманских школах утверждаются Оренбургским магометанским духовным собранием и указом Томского губернского правления (КУИсАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406. Л. 18–20).

Следует особо подчеркнуть, что правительство Российской империи своей задачей видело ограничение влияния мусульманского духовенства на систему школьного образования, что подтверждает указание Департамента духовных дел, направленное Оренбургскому магометанскому духовному собранию. В предписании указывалось, что преподавание не являлось прямой обязанностью духовенства. Это подтверждалось и действующим в тот период законодательством (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347. Л. 12; Свод законов Российской империи, 1896: 135).

Важно подчеркнуть, что государство стремилось постепенное искоренить национальные школы с помощью внедрения на начальной стадии русско-инородческих школ в систему образования. Целью создания таких учебных заведений было обязательное введение русского языка, а затем полная русификация инородческого населения. Идея создания школ такого вида принадлежит миссионеру Н.И. Ильминскому. Инородческие школы могли получать средства на содержание со стороны правительства, но при условии открытия русского класса и подчинения Министерству народного просвещения с полным контролем с его стороны (Шершнева, 2013).

Несмотря на жесткий контроль со стороны государства, мусульманская общественность стремилась к организации своей духовной жизни, частью которой была потребность в получении образования. В начале XX в. по инициативе мусульман создаются, в т.ч. в Западной Сибири, Общества

попечения об учащихся-мусульманах. Примером данного явления служит Общество, открытое в 1907 г. при мектебе в г. Омске. Данные общества имели право на приобретение литературы для обучения, содержание здания школы и учителя. Кроме того, они оказывали материальную поддержку учащимся. Разрешалось также оказывать помощь способным, но бедным ученикам для дальнейшего продолжения образования (Раздыкова, 2009: 225). Факт оказания состоятельной мусульманской общественностью поддержки развития школьного образования подтверждается, например, выделенными казахами 40 тыс. рублей в честь столетия Внутренней Киргизской орды на учреждение стипендий учащихся. Однако в распоряжение данными средствами вмешалось Министерство внутренних дел и окружное учебное начальство, считавшие, что целесообразнее потратить данные средства на начальное образование в Киргизской Орде (Тарабановская, 2016: 194). В целом, в Уставах учебных заведений прописывалось, что выделение стипендий учащимся полностью доверялось попечителям учебных округов (Сафина, 2016: 127).

Важно обратить внимание на то, что мусульманское население всегда уделяло большое внимание образованию подрастающего поколения. Особенно хорошо такая ситуация наблюдалась в татарской среде. В связи с этим грамотные татары часто сами обучали мальчиков. После появления в населенном пункте мечети эти функции возлагались непосредственно на муллу. Уже в XIX в. процент грамотного мусульманского населения был значительно выше, чем в русской среде. При этом при мечетях стремились обязательно открыть мектебе, как начальную ступень школьного образования, которая приравнивалась к церковно-приходской школе (ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 43. Л. 6–7).

Наметившаяся политическая активность в мусульманской среде в начале XX в. привела к организации в 1904 г. Министерством народного просвещения комиссии по оценке состояния мусульманского образования. По итогам проверки состоялось собрание, на котором был поднят вопрос о роли государства в формировании конфессионального образования (Шершнева, 2013). 31 марта 1906 г. Министерством Народного Просвещения были приняты правила о контроле за начальными училищами для инородцев, что стало свидетельством активного вмешательства в систему национального образования со стороны государства. Мусульманской общественностью было направленно обращение к правительству, в котором подробно рассматривались те пункты принятых правил, которые были не приемлемы для религиозных школ. Важно подчеркнуть, что недовольства мусульман вызвало обязательное внедрение русского языка и приобщение к русской культуре. Кроме того, были допущены формулировки, которые оскорбляли мусульманское население, обвиняя его в невежестве и не любви к отечеству. Недовольство вызывало и использование в обучение литературы, изданной только на территории Российской империи (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347). Активная борьба мусульманской общественности, в том числе и входившей в состав Государственной Думы, привела к отмене старых правил и принятию 1 ноября 1907 г. новой редакции «Правил о начальных училищах для инородцев». Новые правила давали некоторые послабления, и в первую очередь, это касалось языка преподавания (Национальная политика России: история и современность, 1997: 132).

Вполне очевидно, что российское правительство рассматривало реформирование образования только с позиции государственных интересов. К 1910 г. в государстве появляется определенная модель для формирования инородческого образования, в рамках которой должна была существовать начальная – конфессиональная школа, а среднее и высшее образование должно было стать единым для всей империи не зависимо от этнической и конфессиональной принадлежности учеников. В тоже время, например татарский этнос, рассматривал такую модель образования как крайне опасную, т.к. она способствовала обрусению инородческого компонента (Мухаметшин, 2009: 210).

Нельзя не отметить, что просвещенное мусульманское население видело необходимость в реформировании системы школьного образования. Особое внимание при этом уделялось созданию именно национальных школ, носивших светский характер. Идейным вдохновителем реформирования системы мусульманского образования являлся И.Б. Гаспринский. Именно ему принадлежит идея создания новометодных школ, главной задачей которых являлась подготовка подрастающего поколения для обучения в высших учебных заведениях империи. Начальное образование, по мнению И.Б. Гаспринского, должно было вестись только на национальном языке (Практ, 2011: 34; Гаспринский, 1992: 111). В начале XX в. были достигнуты некоторые успехи в реформировании национального образования. Так, в 1916 г. была открыта в Казани татарская женская гимназия Ф. Аитовой, ставшая национальной классической гимназией (Ермолов, 2009: 103). Однако в татарской периодической печати того времени отмечалось, что мусульманское образование не делится на светское и духовное, а соответственно спор о конфессиональном или светском характере новометодных медресе не совсем уместен. К тому же открытие мусульманских учебных заведений, целиком был связан с существованием прихода (Мухаметшин, 2009: 198–199). Данный факт подтверждается обращениями татар-переселенцев Каменской Волости Тюменского уезда Тобольской губернии. Мусульмане, стремясь организовать свою духовную жизнь, обратились к губернскому начальству с ходатайствами об устройстве мечети и открытии при ней школы. В ходатайстве к заведующему землеустройством и переселением в Тобольской губернии указывалось, что переселенцы обратились с просьбой выдать им безвозмездное пособие для устройства мечети и русско-татарской школы. В связи с тем, что ближайшая школа находится в 60 верстах от поселка, то переселенцы-мусульмане не могут удовлетворять свои религиозно-просветительские потребности.

Дальнейшее содержание культового здания и школы община брала на себя (ГБУТО. Фи. 580. Оп. 1. Д. 802. Л. 1а–13). Несмотря на то, что ходатайство было подано еще в 1913 г., процесс выделения ссуды со стороны государства всячески затягивался. В конечном итоге, из-за затянувшейся бюрократической волокиты и революционных потрясений, татары-переселенцы в 1919 г. отказались от поданного ими ходатайства о выдаче государственного пособия на постройку мечети и мусульманской школы (ГБУТО. Фи. 580. Оп. 1. Д. 807. Л. 4–20).

Следует отметить, что, несмотря на всеобщее желание изменить систему мусульманского образования, она по-прежнему имела множество проблем. В частности, русско-татарские школы сталкивались с недостатком учителей, владевших татарским языком. Это обстоятельство существенно снижало успеваемость учеников. Традиционные мусульманские учебные заведения, представленные медресе и мектебе, испытывали также сильные финансовые затруднения, т.к. целиком находились на обеспечении самой общины (Рафиков, 2009: 90). Данные проблемы наметились в системе мусульманского образования еще с 1853 г., когда в управленческих кругах был поднят вопрос об инородческих школах в Сибири. Формирование таких школ из-за слабого финансирования, а также опасения местного населения массовой христианизации, шло крайне медленно. Еще одной проблемой в то время стало преподавание на родном языке, вызывавшее неприятие школьных властей (Гафаров, Гафаров, 2012: 299). О важности введения образования в инородческой среде свидетельствует список журнала Томского губернского совета от 20–24 марта 1854 г. В нем указывалось, что на специальном заседании рассматривалось представление Томского губернского правления о мерах, направленных на постепенное развитие инородческого образования в Томской губернии. В документе отмечалось, что инородцы разделены на разряды. Оседлые, проживающие в Томском, Колыванском, Кузнецком и Бийском округах, ведут преимущественно крестьянский образ жизни. Они живут среди русского населения, знают русский язык, а некоторые владеют и татарской грамотой. Особой потребности в учебных заведениях они не испытывают, и поэтому могут получить образование в приходских училищах по месту жительства. Относительно инородцев-мусульман, было отмечено, что они могут продолжить получать образование при мечети, а в качестве учителя может выступать сам мулла. Инородцы второго разряда были представлены жителями Каинского округа, преимущественно татары. Данные инородцы были далеки по образу жизни от русских, поскольку сохраняли традиционный кочевой образ жизни. Инородцы-кочевники, согласно материалам заседания, проживали достаточно рассредоточено. Однако на заседании была отмечена возможность создания для них двух училищ – в Барабинской управе и Кирдиримских Юртах Туражской Управы. При этом были также высказаны опасения о возможном противодействии со стороны мулл, т.к. в таких мерах они видели процесс обращения населения в христианство. В связи с этим предлагалось включить их в систему образования иноверцев. Для этого были необходимы учителя, хорошо знающие татарский язык, которые бы преподавали мусульманский закон и не касались бы религиозных убеждений. Кроме того, указывалось, что в этих училищах нужен еще преподавать основы православной веры. При этом подчеркивалась и важность введения тех предметов, которые предусмотрены учебной программой для приходских училищ. Наконец, третью и четвертую группу составляли инородцы, которые были отнесены к идолопоклонникам, т.е. исповедующим традиционные шаманские верования. Относительно этих групп иноверцев вопрос образования отдельно на указанном заседании, вероятно, не рассматривался (КУИСАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3532. Л. 24–44).

Важно подчеркнуть, что, несмотря на все попытки преобразования мусульманской системы образования, в целом на всей территории Российской империи, так и не сложилась развитая система национального образования. Только на национальных территориях, среди которых следует выделить компактно проживающее татарское население, создаются крупные учебные заведения, способствующие появлению национальной интеллигенции (Закиров, 2007: 173).

5. Заключение

Таким образом, во второй половине XIX в. в Российской империи наметилась потребность в реформировании национальных школ. Особое внимание со стороны государства начинает уделяться мусульманским школам, т.к. ислам являлся в стране второй по численности конфессией. К тому же мусульманское образование имело развитую систему, сложившуюся ко второй половине XIX в. Этнические группы, придерживающиеся мусульманской традиции, также видели потребность в реформировании школьной системы в рамках современных тенденций развития общества. Просвещенные мусульманские круги выступили за создание новометодных школ, задачей которых была подготовка к поступлению подрастающего поколения в учебные заведения страны, но с учетом национальных особенностей и, в первую очередь, сохранение национального языка. Отсутствие единства взглядов, как со стороны правительства, так и в самой мусульманской среде, не привели к кардинальным преобразованиям национальной школьной системы. Правительство, с осторожностью подходило к принятию мер, связанных с реформированием мусульманской школьной системы. В результате имперская власть принимала противоречащие законы. Так, в 1870 г. мусульманам было разрешено не посещать уроки «Закона Божьего» и не изучать «Церковно-славянский язык». Однако уже в 1874 г., согласно введенному «Положению о начальных народных училищах», закреплялось ведение обучения на русском языке во всех школах. При этом Русская православная церковь

выступала в роли контролера религиозно-нравственного обучения в учебных заведениях страны. Правительство также стремилось к ограничению на создание мусульманских учебных заведений, затягивая процесс выдачи средств на организацию мусульманских школ, несмотря на обязательства их выделения при условии открытия при них русских классов.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ по теме "Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции" (проект №33.2177.2017/4.6).

Литература

[Аллагуров, 2013](#) – *Аллагуров А.М.* Государственная концепция образовательной политики в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // *Теория и практика общественного развития*. 2013. №4. С. 152–155.

[Блинова, 2010](#) – *Блинова О.В.* Этноконфессиональные школы Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв.: положение и роль учителей и особенности образования // *Вестник Омского университета*. 2010. №2. С. 155–162.

[Богуславский, 2006](#) – *Богуславский М.В.* Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект // *Вопросы образования*. 2006. №3. С. 5–21.

[ГААК](#) – Государственный архив Алтайского края.

[Гаспринский, 1992](#) – *Гаспринский И.Б.* Русское мусульманство // *Этнографическое обозрение*. 1992. №6. С. 110–116.

[ГАТО](#) – Государственный архив Томской области.

[Гафаров, Гафаров, 2012](#) – *Гафаров А.А., Гафаров А.Н.* Колониальная аккультурация традиционного уклада мусульман Российской империи // *Вестник Казанского технического университета*. 2012. Т. 15. №17. С. 296–302.

[ГБУТО](#) – Государственный архив г. Тобольска.

[Ермолов, 2009](#) – *Ермолов В.А.* Особенности системы образования в национальных школах Российской империи: мусульманские и еврейские школы // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. 2009. №4. С. 100–109.

[Закиров, 2007](#) – *Закиров Р.* Национальное образование у татар и образовательное пространство России // *Высшее образование в России*. 2007. №2. С. 172–174.

[КУИСАОО](#) – Казенное учреждение Исторически архив Омской области.

[Левашов, 2010](#) – *Левашов Д.Е.* Этноконфессиональные особенности народного образования в Российской империи начала XX века (на примере Саратовской губернии) // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2010. № 4. С. 133–136.

[Мухаметшин, 2009](#) – *Мухаметшин Р.М.* Система образования у татар в начале XX века: состояние, проблемы и перспективы // *Источники существования исламских институтов в Российской империи*. Казань, 2009. С. 198–211.

[Национальная политика России, 1997](#) – Национальная политика России: история и современность. М., 1997. 680 с.

[Полное собрание законов Российской империи, 1874](#) – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1874. Собрание 2. Т. XLV. 896 с.

[Полное собрание законов Российской империи, 1876](#) – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1876. Собрание 2. Т. XLIX. 948 с.

[Полное собрание законов Российской империи, 1895](#) – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1895. Собрание 3. Т. XII. 734 с.

[Практ, 2011](#) – *Практ Д.В.* Традиционное образование мусульманской России на рубеже XIX–XX вв. // *Религиоведение*. 2011. № 1. С. 32–38.

[Раздыкова, 2009](#) – *Раздыкова Г.М.* Материальное и правовое положение мусульманских школ в Казахстане в конце XIX – начале XX вв. // *Источники существования исламских институтов в Российской империи*. Казань, 2009. С. 219–229

[Рафиков, 2009](#) – *Рафиков А.М.* Становление национального образования в Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX века // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 41 (179). История. Выпуск 38. С. 87–95.

[Сафина, 2016](#) – *Сафина Е.А.* Роль общественности в функционировании народного образования Российской империи // *Вестник УГУЭС*. 2016. №1(15). С. 125–129.

[Сборник постановлений по Министерству народного просвещения, 1876](#) – Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1876, С. 1342–1350 [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/33408> (Дата обращения: 27.11.2017)

[Свод законов Российской империи, 1896](#) – Свод законов Российской империи. СПб., 1896. Т. 11. 178 с.

Стурова, 2014 – Стурова М.В. Конфессиональная доминанта в интеграции славянского населения: церковно-школьное строительство в Степном крае (80-е гг. XIX – начало XX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2014. №4. С. 212–216.

Тарабановская, 2016 – Тарабановская Е.А. Элементы общественного управления в системе национального образования в России начала XX века (на примере обучения казахов в Астраханской школе фельдшеро-фельдшеро-акушеро) // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Т. 8. №1/1. С. 193–196.

Тюкова, 2011 – Тюкова Е.В. Организация контроля над системой образования в исламской среде Российской империи в конце XIX – начале XX в. // *Царскосельские чтения*. 2011. Т. III. Выпуск XV. С. 100–105.

Уварова, 2012 – Уварова Н.А. Государственная политика в сфере образования на западных окраинах России в конце XIX – начале XX в. как часть национальной политики // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2012. №1. С. 71–77.

ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан.

Шершнёва, 2013 – Шершнёва Е.А. Положение мусульманских общин Томской губернии в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: автореф... дис. канд. ист. наук. Алтайский государственный университет, Барнаул, 2013. 23 с.

References

Allagurov, 2013 – Allagurov A.M. (2013). Gosudarstvennaya kontseptsiya obrazovatel'noi politiki v Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [The State of the concept of educational policy in the Russian Empire in the second half of XIX – early XX century]. *Theory and practice of social development*. Nr. 4. pp. 152–155 [in Russian]

Blinova, 2010 – Blinova O.V. (2010). Etnokonfessional'nye shkoly Zapadnoi Sibiri na rubezhe XIX–XX vv.: polozhenie i rol' uchitelei i osobennosti obrazovaniya [Ethno-confessional schools of Western Siberia in the XIX–XX centuries: the position and role of teachers and characteristics of education]. *Vestnik of Omsk University*. Nr. 2. pp. 155–162 [in Russian]

Boguslavskii, 2006 – Boguslavskii M.V. (2006). Reformy rossiiskogo obrazovaniya XIX–XX vv. kak global'nyi proekt [Reform of Russian education XIX–XX centuries as a global project of education]. *The issue of education*. Nr. 3. pp. 5–21 [in Russian]

ГААК – Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [State archive of Altai Krai]

Gasprinskii, 1992 – Gasprinskii I.B. (1992). Russkoe musul'manstvo [Russian Islam]. *Ethnographic review*. Nr. 6. pp. 110–116 [in Russian]

ГАТО – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State archive of Tomsk region]

Gafarov, Gafarov, 2012 – Gafarov A.A., Gafarov A.N. (2012). Kolonial'naya akkul'turatsiya traditsionnogo uklada musul'man Rossiiskoi imperii [Colonial acculturation traditional way of life of Muslims of the Russian Empire]. *Bulletin of the Kazan technological University*. T. 15. Nr. 17. pp. 296–302 [in Russian]

ГБУТО – Gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie Tyumenskoi oblasti «Gosudarstvennyi arkhiv g. Tobol'ska» [The state budget institution of Tyumen region «State archive of Tobolsk»]

Ermolov, 2009 – Ermolov V.A. (2009). Osobennosti sistemy obrazovaniya v natsional'nykh shkolakh Rossiiskoi imperii: musul'manskie i evreiskie shkoly [Features of the education system in national schools of the Russian Empire: Muslim and Jewish schools]. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*. Nr. 4. pp. 100–109 [in Russian]

Zakirov, 2007 – Zakirov R. (2007). Natsional'noe obrazovanie u tatar i obrazovatel'noe prostranstvo Rossii [National education of Tatars and educational space of Russia]. *Higher education in Russia*. Nr.2. pp. 172–174 [in Russian]

КУИсАОО – Kazennoe uchrezhdenie Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Public institution historical archive of the Omsk region]

Levashov, 2010 – Levashov D.E. (2010). Etnokonfessional'nye osobennosti narodnogo obrazovaniya v Rossiiskoi imperii nachala XX veka (na primere Saratovskoi gubernii) [Ethno-religious characteristics of national education in Russian Empire beginning of the XX century (by the example of Saratov region)]. *Bulletin of Saratov state socio-economic University*. Nr. 4. pp. 133–136 [in Russian]

Mukhametshin, 2009 – Mukhametshin R.M. (2009). Sistema obrazovaniya u tatar v nachale XX veka: sostoyanie, problemy i perspektivy [System of education of the Tatars in the early twentieth century: state, problems and prospects]. *Sources of the existence of Islamic institutions in the Russian Empire*. Kazan, pp. 198–211 [in Russian]

Natsional'naya politika Rossii, 1997 – Natsional'naya politika Rossii: istoriya i sovremennost' [National policy of Russia: history and modernity]. М., 1997. 680 p. [in Russian]

- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, 1874** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1874. The meeting II. T. XLV. 896 p. [in Russian]
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, 1876** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1876. The meeting II. T. XLIX. 948 p. [in Russian]
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, 1895** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1895. The meeting III. T. XII. 734 p. [in Russian]
- Prakht, 2011** – *Prakht D.V.* (2011). Traditsionnoe obrazovanie musul'manskoi Rossii na rubezhe XIX–XX vv. [Traditional education of Muslims in Russia at the turn of XIX–XX centuries]. *Religious studies*. Nr. 1. pp. 32–38 [in Russian]
- Razdykova, 2009** – *Razdykova G.M.* (2009). Material'noe i pravovoe polozhenie musul'manskikh shkol v Kazakhstane v kontse XIX – nachale XX vv. [Material and legal position of Muslim schools in Kazakhstan in the late XIX – early XX centuries]. *Sources of the existence of Islamic institutions in the Russian Empire*. Kazan, pp. 219–229 [in Russian]
- Rafikov, 2009** – *Rafikov A.M.* (2009). Stanovlenie natsional'nogo obrazovaniya v Vyatskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [The formation of national education in the Vyatka province in the second half of XIX – early XX century]. *Bulletin of the Chelyabinsk state University*. Nr. 41 (179). History. Edition 38. pp. 87–95 [in Russian]
- Safina, 2016** – *Safina E.A.* (2016). Rol' obshchestvennosti v funktsionirovanii narodnogo obrazovaniya Rossiiskoi imperii [The role of the public in the functioning of national education of Russian Empire]. *Bulletin of HUGUES*. Nr. 1(15). pp. 125–129 [in Russian]
- Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya, 1876** – Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya [A collection of decrees by the Ministry of education]. pp. 1342–1350 [Electronic resource]. URL: <http://istmat.info/node/33408> (date accessed: 27.11.2017) [in Russian]
- Svod zakonov Rossiiskoi imperii, 1896** – Svod zakonov Rossiiskoi imperii [The laws of the Russian Empire]. SPb., 1896. T. 11. 178 p. [in Russian]
- Sturova, 2014** – *Sturova M.V.* (2014). Konfessional'naya dominanta v integratsii slavyanskogo naseleniya: tserkovno-shkol'noe stroitel'stvo v Stepnom krae (80-e gg. XIX – nachalo XX v.) [Religious dominance in the integration of the Slavic population: Church and school-building in the Steppe region (80-ies of XIX – beginning of XX century)]. *News of Altai state University*. Nr. 4. pp. 212–216 [in Russian]
- Tarabanovskaya, 2016** – *Tarabanovskaya E.A.* (2016). Elementy obshchestvennogo upravleniya v sisteme natsional'nogo obrazovaniya v Rossii nachala XX veka (na primere obucheniya kazakhov v Astrakhanskoi shkole fel'dsherov i fel'dsherits-akusherov) [Elements of social management in the system of national education in Russia in the early XX century (on the example of study of the Kazakhs in Astrakhan school of medical assistants and nurse-midwives)]. *Historical and socio-educational thought*. Vol. 8. Nr. 1/1. pp. 193–196 [in Russian]
- Tyukova, 2011** – *Tyukova E.V.* (2011). Organizatsiya kontrolya nad sistemoi obrazovaniya v islamskoi srede Rossiiskoi imperii v kontse XIX – nachale XX v. [Organization of control over the education system in the Islamic environment of the Russian Empire in the late XIX – early XX century]. *Tsarskoye Selo readings*. T. III. Issue XV. pp. 100–105 [in Russian]
- Uvarova, 2012** – *Uvarova N.A.* (2012). Gosudarstvennaya politika v sfere obrazovaniya na zapadnykh okrainakh Rossii v kontse XIX – nachale XX v. kak chast' natsional'noi politiki [State policy in the sphere of education in the Western border regions of Russia in the late XIX – early XX century as a part of national policy]. *Bulletin of Leningrad state University of A.S. Pushkin*. Nr. 1. pp. 71–77 [in Russian]
- TsGIA RB** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan [Central state historical archive of Republic Bashkortostan]
- Shershneva, 2013** – *Shershneva E.A.* (2013). Polozhenie musul'manskikh obshchin Tomskoi gubernii v kontekste gosudarstvenno-konfessional'noi politiki Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [The situation of the Muslim communities of Tomsk province in the context of the state and confessional policy of the Russian Empire in the second half of the XIX – the beginning of the XX century.: avtoref ... dis. Cand. east. sciences. Altai State University]. Barnaul. 23 p. [in Russian]

Этноконфессиональный аспект образовательной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. (на примере системы мусульманского образования Западной Сибири)

Петр Константинович Дашковский^{a, *}, Елена Александровна Шершнёва^a

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема реформирования системы школьного образования в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Особый интерес со стороны государства в данный период был направлен на реформирование иногородческого образование, и в первую очередь затрагивал систему мусульманского школьного образования в стране. Политика, проводимая правительством по реформированию школьной системы, носила не последовательный характер. Начальный этап реформирования национального школьного образования ознаменовался минимальным вмешательством в данную сферу. Однако уже при графе Д.А. Толстом, занимающим должность министра народного просвещения в период с 1866–1880 гг., мусульманские учебные заведения были полностью подчинены Министерству народного просвещения и Русской православной церкви. Это подтверждает и специальное Положение, принятое в 1874 г. Не было единого мнения в отношении устройства школьной системы и в самой мусульманской среде. Мусульманское духовенство в лице муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания считало необходимым введение русского языка в мусульманских учебных заведениях. Однако приходское духовенство относилось к данному нововведению с настороженностью, т.к. видело в этом попытки русификации иногородцев со стороны правительства. В связи с этим, одной из основных задач правительства при реформировании системы школьного образования стало ограничение влияния духовенства, в особенности получившего образование за пределами России и не имеющего свидетельства на право преподавания. Стремясь к улучшению устройства школьной системы, мусульмане стали создавать попечительские общества, задачей которых была материальная помощь наиболее способным учащимся для продолжения обучения. Несмотря на то, что данные общества существовали за счет благотворительных средств самих мусульман, в распоряжение материальным фондом вмешалось Министерство внутренних дел и окружное учебное начальство, расходуя данные средства непосредственно на нужды своего ведомства. Как правило, данные средства использовались для открытия русско-иногородческих школ, задачей которых было постепенное искоренение национальной и религиозной культуры в иногородческой среде. В связи с наметившейся политической активностью в мусульманской среде в начале XX в. еще больше усиливается вмешательство в систему национального образования со стороны государства, что подтверждают «Правила о контроле за начальными училищами для иногородцев», принятые Министерством Народного Просвещения в 1906 г.

Ключевые слова: ислам, мектебе, медресе, Российская империя, государственно-конфессиональная политика, муллы, Западная Сибирь, мечеть.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dashkovskiy@fpn.asu.ru (П.К. Дашковский),
D2703@yandex.ru (Е.А. Шершнёва)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 242-250. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.242
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Projects for the Administrative Transformation of Military Governors in the Trans-Baikal Transborder Area (second half of the XIX century)

Olga A. Malygina^{a,*}, Roman A. Evtehov^a

^a Buryat State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to an attempt to modernize the administrative apparatus of Trans-Baikal transborder area in the second half of the XIX century. The government turns for help to the local authorities to create an «ideal» model of governance outskirts. There are many significant contradictions negatively affecting to the development of administrative institutions. All this is confirmed by historical sources are found in central and regional archives, many of which are introduced into scientific circulation for the first time Particular attention is paid to the personal views of the military governors of the Trans-Baikal region, thanks to which the neglect in office work, major riots and the weakening of power were revealed. The study allowed to conclude that the Imperial policy of this territory had specific differences and required significant legislative revision of the administrative institutions and the General control circuits.

Keywords: transborder area, imperial institutions, Trans-Baikal region, military governors, government, administration, order, legislation, power.

1. Введение

Забайкальский регион в системе имперского управления формировался как огромная восточная периферия. Выполняя роль транзитного коридора для продвижения русских на Амур, в условиях трансграничного расположения, Забайкалье отличалось от прочих Сибирских областей. Это отмечалось, в том числе в характере административных нововведений, внедрявшихся в Забайкалье со значительным опозданием и часто в усеченном виде. В результате политика формирования административных институтов Забайкалья и общих схем его управления на протяжении всего имперского периода имела ряд значительных отличий. Это обусловлено социально-экономическими причинами, которые являлись результатом освоения и переселенческой политики царского правительства. Сибирские территории не могли сразу быть приравнены к западным областям и требовали особого управления. В дальнейшем с усложнением законодательной системы, появился ряд серьезных противоречий негативно сказавшихся на властных структурах, которые перестали эффективно отвечать на требования времени.

2. Материалы и методы

Источниками для статьи стала официальная переписка должностных лиц из фондов Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), Государственного архива Иркутской области (г. Иркутск), Государственного архива Забайкальского края (г. Чита). В архивных материалах отражены основные проблемы «упрощенного» административного устройства Забайкалья. Попытки военных губернаторов донести до имперской власти способы решения местных проблем.

В основу написания статьи был положен принцип историзма, в соответствии с которым материал по управлению Забайкальем был изложен в определенной исторической

* Corresponding author

E-mail addresses: kirienko-o@mail.ru (O.A. Malygina), romachka1818@rambler.ru (R.A. Evtehov)

последовательности. Использован метод *научной объективности*, который позволил выявить архивные материалы и проанализировать их достоверность для рассмотрения административно-управленческих проблемы в трансграничном регионе в конкретных исторических реалиях. Одновременно в работе применялись *проблемно-хронологический* и *историко-сравнительный методы* давшие возможность определить общие и специфические черты функционирования управления Забайкальской областью и внутренними губерниями Российской империей. Использован так же *микро-исторический метод*, позволивший изучить частные явления в управлении Забайкальем, для выявления господствующих представлений и тенденции в целом в имперской системе управления Россией в XIX в.

3. Обсуждение

Управление восточными окраинами Российской империи достаточно хорошо рассмотрен в отдельных аспектах управления. Наиболее значимыми являются труды А.В. Ремнева, Л.М. Дамешка (Ремнев, 2004: 5; Дамешек и др., 2017: 20). В работах достаточно подробно изучены вопросы формирования административных институтов, процессы взаимодействия центральной и региональной власти.

В монографии Н.П. Матхановой (Матханова, 2004: 33) представлен губернаторский корпус в системе управления восточными окраинами в конце XIX – начале XX вв., автор дает оценку высшей власти Восточной Сибири: возрастные, имущественные и сословные критерии его формирования, социально-психологический облик, нравственные ориентиры и личные подходы в управленческой деятельности. В данном исследовании с позиций социальной стратификации представлены характеристики и нескольких военных губернаторов Забайкальской области – П.И. Запольского, М.С. Корсакова, Е.М. Жуковского и Н.П. Дитмара. Однако автор не ставил своей задачей анализ имперской политики в забайкальском «преломлении».

В настоящее время в различных регионах стал активно проявляться интерес ученых к фигуре военного губернатора. Так в исследовании Х.М. Доного, Г.М. Гусейнова (Доного, Гусейнова, 2017: 33) представлена оценка роли военных губернаторов в управлении Дагестанской областью. Константинова Т.А. дает в своих трудах характеристику военным губернаторам Забайкальской области (Константинова, 2016: 31; Константинова, 2016: 23). Однако вопрос деятельности военных губернаторов (Semyonova, 2016: 90) в Забайкальском трансграничье на сегодняшний день ограничивается фрагментарными сведениями. С учетом серьезного пересмотра геополитического положения Забайкальского трансграничья вопросы административного преобразования данного региона приобретают особую значимость.

4. Результаты

Вторая половина XIX века была ознаменована в Российской империи перестройкой всей системы управления. В связи с этим происходит постепенное обновление законодательной основы функционирования административно-территориальных институтов. Правительство неизменно искало совершенную форму, и к середине XIX века как казалось, почти удалось создать оптимальную модель управления окраинами. Такой моделью было сосредоточение всех основных властных полномочий в комплексе с военными функциями в лице управляющего губернией-областью – военного губернатора. Однако к концу XIX – началу XX вв. неэффективность этой схемы управления стала очевидна даже самим «начальникам края».

Причины необходимости особого устройства для региона обусловлены не только естественным отставанием региона в развитии управленческих институтов, но и трансграничностью расположения (Паликова, 2014: 11; Паликова, 2014: 86). Торгово-дипломатические отношения с «Великим драконом» (Китаем) (Tsyrempilov, 2012: 245; Tsyrempilov, 2015: 3), необходимость пресечения контрабанды в условиях установленного плацдарма для ссылки и каторги вынуждала имперское правительство особо обсуждать устройство области. Попытки сформировать самостоятельный институт управления в Забайкалье были предприняты ещё в XVIII веке. Так, Иркутский губернатор А.И. Бриль еще в 1768 г. предложил создать отдельную Удинскую провинцию, объединявшую все Забайкальские земли с центром в г. Удинске. Ежегодно в течение длительного времени Забайкалье было полностью заблокировано для коммуникации, что совершенно недопустимо для трансграничного региона, места ссылки и каторги, которым регион постепенно становился. Впервые Забайкалье было осознано как единое территориальное образование. Создание Удинской провинции произошло только в 1775 г., во главе нового административно-территориального образования был поставлен воевода (Евтехов, Малыгина, 2016: 22; Малыгина, Евтехов, 2016: 141). Ведению воеводы и его провинциальной канцелярии были вручены все основные задачи регионального управления, в том числе суд. Казус заключался в том, что законодательство Российской империи ко времени создания провинции уже разделило фактическую исполнительную и судебную власти. Институт провинциальных воевод на момент внедрения уже значительно устарел, о чем лишний раз свидетельствует тот факт, что провинция от создания до упразднения не просуществовала и десяти лет.

К началу XIX в. политическая ситуация в азиатской части страны вновь потребовала серьезного пересмотра в системе управления Забайкальем. О мерах улучшения управления Восточной Сибирью

заговорили в 30-е гг. XIX в. Генерал-губернатор С.Б. Броневский представил в Комитете министров проект, в котором сделал акцент на трудности в управлении Иркутской губернией протяженностью в семь тысяч верст. Особое внимание он уделил территории за Байкалом, отмечая, что «эта страна, отличная по климату, почве и роду обитателей, самую природой отторгнута от материка губернии Байкалом и горами Байкальскими, удобными для сообщения только три с небольшим месяца в году, когда Байкал покрывается льдом». Предполагалось из округов Верхнеудинского и Нерчинского с Троицкосавским пограничным управлением образовать особую область под названием Нерчинской, возглавляемую областным начальником, имеющим полные права гражданского губернатора. Пограничные отношения с китайским населением должны были остаться в ведении иркутского губернатора, однако управление границей и стражей предлагалось отнести к обязанностям Нерчинского областного начальника. С.Б. Броневский высказал мнение, что со временем серьезное развитие получит торговля с Китаем (РГИА. Ф. 797. Оп. 8. Д. 23763. Л. 3-4). Проект получил одобрение имперского правительства, но пришедший на смену С.Б. Броневскому новый генерал-губернатор В.Я. Руперт отказался от дальнейших преобразований.

Трансформация административно-территориальных институтов Восточной Сибири произойдет к середине XIX в. и будет связана с учреждением Забайкальской и Якутской областей. Этому предшествовала кропотливая и длительная работа не одного поколения высшей администрации края. Во второй половине XIX века генерал-губернатору Н.Н. Муравьеву удалось убедить правительство в острой необходимости создания на этой территории самостоятельной административной единицы. Образование Забайкальской области в 1851 г. стало результатом реализации своего рода государственного проекта, вызванного к жизни геополитическим влиянием, которое резко актуализировало историческую необходимость присоединения Приамурья (Мерцалов, 2008: 29). И хотя цель образования области за Байкалом было определена как надзор «за правильным и успешным действием всех местных ей установлений» (ПСЗРИ. Собр. II. 1851. Т. XXVI. № 25 394), с самого начала было ясно, что основная функция вновь образованной области – военно-стратегическая. Еще одним не маловажным фактором стало то, что при образовании Забайкальской области в ней была введена упрощенная система управления. Административный аппарат области составили военный губернатор (он же являлся наказным атаманом Забайкальского казачьего войска) и областное правление, канцелярия губернатора, областной прокурор, землемер и инспектор по медицинской части. Областное правление исполняло роль высшей исполнительной власти в Забайкалье, подчинявшейся непосредственно генерал-губернатору и Главному управлению Восточной Сибири (Malygina et al., 2016: 1110). Начальники отделений увольнялись и назначались по их представлениям. Присутствие областного правления составляли старший советник в качестве председателя, два советника и ассессор. Все дела в общей канцелярии военного губернатора и областном правлении распределялись между тремя отделениями (ПСЗРИ. Собр. II. 1851. Т. XXVI. № 25 394). Состав забайкальского областного правления был следующий: вице-губернатор, старший советник, 3 советника и ассессор; советники заведовали отделениями областного правления, управляли в качестве начальников отделений, канцелярией губернатора и они же были членами общего присутствия (губернаторского совета) (ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 219. Л. 79). Это привело впоследствии к серьезному нарушению коллегиальности управления.

При такой излишне упрощенной форме управления в Забайкальском областном правлении вскоре обнаружилась крайняя запущенность делопроизводства: в первом же отчете военного губернатора области П.И. Запольского появилась запись о «неудовлетворительном административном и канцелярском порядке», но сразу же им было отмечено, что это связано это с «не укомплектованностью канцелярии и недостатком чиновников» (РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 87. Л. 88).

Особое мнение об упрощенной системе управления имел военный губернатор Забайкальской области М.С. Корсаков, вступивший в должность в августе 1855 г. В своих первых отчетах он осторожно намекал на отсутствие «особых замечательных успехов в присутственных местах», но сразу же отмечал, что медлительности и остановки делопроизводства в регионе не было. Слабой стороной управления области военный губернатор считал, «недостаток лиц способных к службе», но в черновом варианте отчета это фраза была зачеркнута. В окончательную версию отчета вставили фразу об ограниченности средств в управлении и об отсутствии у нее собственных помещений (ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 346. Л. 383-383об.). По поводу «усеченной» формы управления в Забайкалье М.С. Корсаков написав в отчете за 1860 г. следующее: «Управляя Забайкальской областью, я имел случай убедиться в преимуществах упрощенного управления, ибо, не говоря о сокращении расхода казны, оно сопряжено еще со значительным ускорением и уменьшением переписки» (Ремнев, 2004: 186). Однако его преемники были с ним категорически не согласны: начиная с 1870-х гг. в губернаторских отчетах все чаще встает вопрос об административном переустройстве области.

26 июня 1870 г. министр внутренних дел отправил распоряжение генерал-губернатору Восточной Сибири М.С. Корсакову доставить в комиссию соображения о неудобствах действующих порядков местной администрации, в особенности со времени издания утвержденных 6 декабря 1856 г. штатов губернских управлений в Сибири и утвержденных 22 июня 1866 г. положения комитета министров о пределах губернаторской власти (ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 219. Л. 79). Циркулярное

предписание поступило военному губернатору Забайкальской области Н.П. Дитмару. Он уточнил, что прежде чем входить в изучение действующего губернского управления Забайкальской области нужно указать, что «до нее еще не коснулись те реформы, которые введены во внутренних губерниях России, суд производится еще прежним порядком, земством управляет губернское начальство, управление городское так же состоит в непосредственном ведении этого начальства и производится прежним порядком» (ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 219. Л. 80). Фактически представленный доклад будет свидетельствовать, о неудобствах, возникших с момента образования области в 1851 г.

Доклад Н.П. Дитмара получился обстоятельный и детальный. Он отметил, что в Забайкальской области по-прежнему управление производится тем же порядком, какой установлен в прочих сибирских губерниях, поэтому лица, при рассмотрении и решении одного дела, участвуют и на местном уровне и высшей инстанции (ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 219. Л. 80). Так, например, на действие полицейского управления подана жалоба в областное правление, и оно решило дело не в пользу истца. Недовольный решением обращается к губернатору, который передает дело в общее присутствие областного управления, где дело рассматривается теми же лицами, которые решили его не в пользу истца. Между тем как в сибирских губерниях подобное дело рассматривалось бы несколькими лицами: а именно в губернском правлении, в общем губернском управлении и наконец, в губернском совете, где учувствуют председатели губернаторских присутственных мест. В свете этого, он считал, что, во-первых, необходимо было не подвергать дело новому рассмотрению, а переносить на рассмотрение высшей инстанции (в случае с Забайкальской областью это Главное управление Восточной Сибири). Во-вторых разделить работу между ведомствами, так чтобы председатель и два советника рассматривали вопросы по делам губернского правления, а два советника рассматривали бы только дела казенных палат, в общее присутствие привлекались бы только вице-губернатор, областной прокурор, старший советник и советник того отделения по которому рассматривается дело.

Следующий момент, который, по мнению Н.П. Дитмара, должен был подвергнуться реформированию, учреждение в Забайкалье почтового, народного просвещения и акцизного управлений (ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 219. Л. 80). Отделение эти существовали в области, но являлись независимыми от военного губернатора, и ему приходилось по любому случаю обращаться в губернский Иркутск, что в свою очередь не всегда было удобно губернатору. Для управления частью врачебной в области был учрежден инспектор медицинской части, это признавалось неудобными и предлагалось образовать по примеру европейской России врачебное отделение, о чем он уже неоднократно сообщал руководству.

В своем докладе губернатор затронул вопрос о ведении судебных дел, которые велись в Забайкальском окружном суде, по делам исковым и тяжбым составлявшим первую степень суда, по делам же уголовным, составлявшим вторую степень суда. В г. Верхнеудинске, Нерчинске и Троицкосавске существовали городские ратуши, которые составляли между мещанами и купцами по делам исковым, тяжбым и уголовным суд первой степени (ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 219. Л. 80об.). Кроме того все полицейские учреждения области имели право суда по маловажным проступкам. Отношения губернатора и областного правления к части судебной, которая существовала на прежних порядках, заключалась в рассмотрении приговоров судебных мест, жалоб на медленность и неправильность рассмотрения, и общее наблюдение за скорейшим окончанием дел и правильным их производством. Это аспект управления, по мнению военного губернатора, можно было бы изъять из ведения забайкальского областного правления в нотариальной части, передав ее в ведение министерства юстиции.

Хозяйство городов области ведалось городскими ратушами и словесными судами, нового городского положения еще не было введено, а участие в общественных собраниях принимали только лица городских сословий. Вмешательство администрации ограничивалось утверждением росписей и наблюдением за правильностью расходов назначаемых по ним сумм, поступлением дохода, за правильным производством дел, утверждением общественных приговоров и публичных торгов, изысканием средств увеличения городского дохода. Введение в городах нового городского положения, по мнению Н.П. Дитмара, было крайне необходимо, так как при реальном порядке обыватели не только неохотно принимали участие в общественных делах, но чаще избегали этого в надежде что начальство, при недостатках общественных постарается за них изыскать средства.

Особое отношения к горному управлению выражалось в ограничении полномочий «начальника» области определенными рамками. Он мог заниматься ревизией сумм, требовать сведений о ценах на припасы, наблюдать за исправным содержанием дорог, больниц, училищ (ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 219. Л. 81). Какие-либо другие мероприятия и действия в этой части области проводить он не имел права. Не подведомственны военному губернатору и ревизия сумм Забайкальской области, которая производилась в Иркутске в контрольной палате. По этой причине, властные полномочия высшего руководства региона постоянно наталкивались на серьезные проблемы.

В циркулярном предписании требовалось предоставить от военного губернатора сведения о недостатках полицейских учреждений. Н.П. Дитмар отмечал, что занятия чинов земской полиции многочисленные и многосторонние, они производят обязанности судебных следователей, суд, исполняют приговоры по делам уголовными и гражданским, как свои собственные, так и других

судебных мест, на их обязанностях лежат наблюдение за исправлением дорог, переправ, мостов, общественного спокойствия, безопасности, взыскания разных недоимок и т.д. Сверх этого один Нерчинский исправник и заседатель Верхнеудинского округа исполняют все обязанности мировых посредников. Кроме всех вообще дел на обязанности окружных исправников возлагаются обязанности председателей общего присутствия, окружного о тюрьмах попечительских комитетов, народного здравия и оспенного. Многосложность занятий, медленность в делопроизводстве делала невозможным исполнять все предписанное законом, но при таком положении Забайкальской области, не имеющей еще никаких новых преобразований, он понимал, что снять с полиции какие либо обязанности не представляется возможным (ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 219. Л. 82). Было предложено хотя бы, усилить состав полиции и увеличить её содержание, возвысить в классах должности и уменьшить срок службы или учредить особые преимущества, и кроме того для производства следственных дел назначить особых чиновников «судебных следователей» при этом многократно сократив функции общей полиции и её руководства.

Также, по мнению Н.П. Дитмара, в полицейских управлениях порядок решения дел должен был быть коллегиальным, но в Забайкальской области во многих случаях журнал пишется, рассматривается и решается одним человеком. Например, исправник вне места пребывания полицейского управления и на месте один помощник, он составляет все присутствие и решает дела не редко им же самим и производимые, следовательно, коллегиального состава нет, поэтому лучше бы было отменить этот порядок рассмотрения дел и исполнять дела прямо от лица начальника округа, это тем более возможно, что власть на окончательное и безапелляционное решение дел уголовных и гражданских очень ограничено, так же полезно было бы как для полиции и суда, представить первой постановлять определение по делам о происшествиях, где нет виновных и судить некого, как это уже допущено в некоторых местностях России на основании устава о сокращенном судопроизводстве (ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 219. Л. 82 об.).

Единственное, что, по мнению Н.П. Дитмара, не представляет никаких неудобств в отношении губернатора к правительственным учреждениям других ведомств, а именно военного, то, что в лице губернатора Забайкальской области соединены должности наказного атамана казачьего войска и начальника местных войск. Если же решаемый вопрос находился не в пределах власти губернатора, то его можно было возложить на должность атамана или военного начальника.

Рассмотренный нами доклад, свидетельствует о значительных системных проблемах существовавшей схемы управления трансграничным Забайкальским регионом. Губернатор поставил перед высшей имперской властью неразрешенные на местах вопросы. Однако фактически никаких ответных мер со стороны имперского правительства принято не было. И со временем в годовых отчетах военных губернаторов все чаще появлялись сообщения о не рациональности такой системы в приграничном регионе.

Так в отчете за 1874 г. военный губернатор И.К. Педашенко писал: «Областное правление оказывается совершенно недостаточным для Забайкальского края, имеющего более населения, чем Иркутская и Енисейская губернии. Медленность и упущение в окружных полицейских управлениях происходит вследствие несоразмерного и вообще неправильного распределения округов, недостаточности штатов некоторых округов. Вообще область во многом не устроена и требует значительных преобразований. Для приведения области в должное устройство необходимо: 1. Преобразование области в губернию, с устройством всех губернских учреждений. Изменить распределение области на округа, причем для избежания новых расходов признается возможным из существующих восьми округов два упразднить; с обращением остающихся сумм на необходимое усиления состава и средств, предполагаемых шести округов» (ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 1339. Л. 50б.-60б.). В отчете за 1878 г. он опять обращает внимание на необходимость преобразования области в губернию с созданием всех необходимых губернских учреждений (ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 1611. Л. 4 об.- 5). По-видимому, у императора не сложилось определенного мнения на этот счет: оставляя на многих других предложениях свои резолюции, на предложения о реорганизации управления областью он не реагировал (ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 1339. Л. 71-74.).

Весь конец XIX века в документах «начальников» области все чаще и чаще появляются предложения о «преобразование области в губернию, с устройством всех губернских учреждений», что, по мнению военных губернаторов, нужно в первую очередь, для «приведения области в должное устройство» (ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 1339. Л. 10). Но власть в первую очередь в силу финансовых затруднений отложит мероприятия по реорганизации областного управления в Забайкалье. Кроме того, с точки зрения имперского правительства, институт губернаторства в достаточной мере справлялся с основной задачей Забайкальского региона – охраной казенных интересов (в первую очередь династийных, которые выражались в приносящих прибыль напрямую императорскому дому прибылей – горных заводах), изоляции ссыльных, доставлении налогов и маркировании региона как принадлежащего Российской империи.

В 1885 г. военный губернатор Забайкальской области Я.Ф. Барабаш, вновь попытался решить административную проблему управления в регионе. Он подаст представления об учреждении в области казенной палаты. И очень подробно распишет проблемы коснувшиеся региона из-за «упрощенной» формы правления (РГИА. Ф. 573. Оп. 6. Д. 7659. Л. 30). Первое, что он отметил, что

каких-либо изменений за весь период с момента учреждения области не произошло. Рациональность подобного управления объяснялась на первых этапах создания области по незначительному числу населения 325 тыс. душ обоего пола. К 1885 г. численность населения 520 тыс. человек, что больше чем в Иркутской и Енисейской губерниях. Кроме этого с увеличением населения развивались промышленность и торговля не существовавшие до открытия области, золотые промыслы, с присоединением Амура, транзитный путь через всю область, что прогрессивно увеличило количество работы, лежавшей на областной администрации. Между тем областное правление оставалось в том же виде, как оно было образовано в 1851 г. Последствием подобного не нормального положения высшего в области административного и финансового учреждения, прежде всего, явилась запущенность в делопроизводстве, а затем более крупные беспорядки и ослабление власти. Эти проблемы областного правления стала замечаться со времени его учреждения. Особенно они усилились с передачей в гражданское управления казачьего населения и с учреждением трех новых округов: Троицкосавского, Акшинского и Нерчинского, т.е. с 1872 г. и к 1885 г. дошла до поразительных размеров. Просительные дела исполнялись или непростительно медленно, или вовсе не исполнялись. Так, например, ходатайство сельских обществ о ссуде зерновым хлебом обсеменения полей разрешались тогда, когда настает время жатвы, по этой причине обработанные земли оставались не засеянными, в ущерб развитию сельского хозяйства и продовольственным средствам области (РГИА. Ф. 573. Оп. 6. Д. 7659. Л. 29).

Требования контроля по авансовым отпускам остаются без исполнения долгие годы. Приступить к разбору недоимок средствами настоящего состава областного правления не представляется возможным, просто физически не удастся провести ревизию выполнения повинностей населения. По этой же причине в области не имеют точной информации по численности ссыльного населения.

Ревизия областного правления проводившиеся членами Совета главного управления Восточной Сибири остаются десятки лет не рассмотренные областными советами и понятно, почему объясняет Я.Ф. Барабаш; члены областного правления (РГИА. Ф. 573. Оп. 6. Д. 7659. Л. 31) за служебные проступки ответственные пред областным советом, который состоит из тех же членов областного правления и того же прокурора, пропускавшего журнальные постановления правления т.е. фактически в Забайкальской области он является судьей самого себя. И то лишь небольшая часть упущений, которые описал военный губернатор (РГИА. Ф. 573. Оп. 6. Д. 7659. Л. 30). По мнению, военного губернатора, оставлять область с такими учреждениями категорически нельзя, это наносит ущерб интересам полумиллионного населения, уплачивающего в казну более 2 миллионов прямых и косвенных налогов и интересам самой казны.

К концу XIX в. отношение высшей власти к подобным предложениям меняется. В отчете за 1894 г. военный губернатор Е.О. Мацневский пишет, что «с увеличением народонаселения и с расширением деятельности всех учреждений, подведомственных ему, чувствуется крайняя необходимость, для своевременного выполнения обязанностей, в увеличении состава чинов областного правления и учреждений при губернаторе канцелярий по штатам прочих губерний России». На этом отчете Николай II оставил свою резолюцию: «Обратить серьезное внимание на перечисляемые пункты» (ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 3452. Л. 34, 54-54 об.). В Петербурге стали понимать, что вопрос требует безотлагательного решения. Е.О. Мацневский даже составил «проект новой области разделения», в основу которого положил полное обособление в территориальном и административном отношении гражданского населения края от казачьего» (РГИА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 3. Л. 235). Однако и этот проект остался не реализованным, и «усеченная» форма управления, несмотря на серьезное возрастания народонаселения и делопроизводства, оставалась до 1917 г.

5. Заключение

Запоздалое введение новых административных схем в Забайкалье обусловлено рядом социально-экономических причин, которые являлись в свою очередь результатом колонизационной и переселенческой политики царского правительства. Сибирские территории с самого начала не могли на равных выступать с западными областями, да и задач по резкому уравниванию присоединённых территорий с западными не ставилось. Основной необходимостью было создание в Забайкалье мобильного аппарата управления, для поддержания порядка и властных интересов, который в одних руках концентрировал большинство управленческих функций. Попытки создания автономного аппарата управления в Забайкалье предпринимались еще XVIII в. в виде создания за Байкалом провинции под управлением воеводы. В большей мере, этого удалось достигнуть учреждением в 1851 г. Забайкальской области во главе с военным губернатором.

Имперское правительство до 1917 г. старалось подобрать наиболее оптимальную форму управления регионом путем использования старых моделей управления, которые уже были демонтированы в европейской и западносибирских секторах империи. Однако серьезно изменение внешнеполитических позиций мировых держав, приводит смене геополитического положения данной территории. Учрежденная здесь областная система управления к середине XIX в. обнаружила массу проблем и стала вызывать достаточное количество нареканий со стороны военных губернаторов, а самое главное перестала отвечать реалиям изменившейся социально-политической и

экономической ситуации в России после 1864 г. Высшее управленческое звено начало осознавать всю не состоятельность административного устройства. Поиск путей решения этой проблемы, приводят к появлению у высшего руководства областью проектов по ее реформированию. Все они были созданы с учетом реальных условий реализации «усеченной» схемы управления Забайкальском трансграничье. Всепогоднейшие отчеты, официальная и личная переписка военных губернаторов начинается с предложений пересмотра административной системы. Тем не менее, все попытки не имели успеха, имперское правительство не стремилось изменить казавшиеся ей удачной мобильную форму правления, которая в первую очередь отвечала внешнеполитическим и «кабинетным» задачам, поставленным ей в регионе.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских учёных МК-8975.2016.6. «Государственные институты управления Российской империи в освоении Забайкальского трансграничья (вторая половина XVIII – начало XX вв.)».

Литература

- ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края.
 ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
 Дамешек и др., 2017 – Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А. Сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г.: Опыт административного регулирования интересов центра и регионов. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2017. 339 с.
 Доного, Гусейнов, 2017 – Доного Х.М., Гусейнов Г.М. Последний военный губернатор Дагестанской области Владимир Викторович Ермолов (К 100-летию Февральской революции 1917 года) // *Вестник Адыгейского государственного университета*. 2017. № 1 (194). С. 33-40.
 Евтехов, 2015 – Евтехов Р.А. Общие сведения о военных комендантах Верхнеудинской трансграничной крепости // *Гуманитарные исследования Внутренней Азии*. 2015. Вып. 1. С. 59-66.
 Евтехов, Малыгина, 2016 – Евтехов Р.А., Малыгина О.А. Городская полиция в системе государственных институтов управления Забайкальской областью в XVIII – начале XX века // *Вестник Пермского университета. Сер. История*. 2016. № 3 (34). С. 22-31.
 Константинова, 2016 – Константинова Т.А. «Генерал-майор Е.М. Жуковского назначить военным губернатором Забайкальской области...» // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2016. Т. 15. С. 31-38.
 Константинова, 2016 – Константинова Т.А. Военный губернатор Забайкальской области и Наказной атаман Забайкальского казачьего войска А.И. Кияшко: неизвестные документы // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2016. Т. 11. С. 23-29.
 Малыгина, Евтехов, 2016 – Малыгина О.А., Евтехов Р.А. Формирование административно-территориальных институтов в Забайкальском трансграничье в XIX в. // *Общество: философия, история, культура*. 2016. № 2-1. С. 141-145.
 Матханова, 2002 – Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 250 с.
 Мерцалов, 2008 – Мерцалов В.И. Геополитический фактор исторического развития Забайкалья и Читы (1851–1895) // *Научный вестник Байкальского государственного университета экономики и права*. 2008. № 13. С. 29.
 Паликова, 2014 – Паликова Т.В. Русско-Восточное сотрудничество во второй половине XIX – начале XX в. // *Гуманитарные исследования Внутренней Азии*. 2014. Вып. 2. С. 4-11.
 Паликова, 2015 – Паликова Т.В. Юго-Западное Забайкалье XIX – начала XX в. в условиях трансграничья // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2015. Вып. 7. С. 86-90.
 ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.
 РГИА – Российский государственный исторический архив.
 Ремнев, 2004 – Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока: имперская география власти XIX – нач. XX вв. Омск: Омский гос. ун-т, 2004. 550 с.
 Malygina et al., 2016 – Malygina O.A., Evtehov R.A., Palikova T.V. The formation of imperial institutes of governance in Trans-baikal transborder area : problems of development of new territories (XVIII – early XX centuries) // *Bylye Gody*. 2016. № 42 (4). pp. 1110-1117.
 Semyonova, 2016 – Semyonova N.L. Problems of reforming of the Russian Empire local government at the beginning of the 1830s // *Bylye Gody*. 2016. № 39 (1). pp. 90-96.
 Tsyrempilov, 2012 – Tsyrempilov N.V. 'Alien' lamas: Russian policy towards foreign buddhist clergy in the eighteenth to early twentieth centuries // *Inner Asia*. 2012. Nr. 14. Is. 2. pp. 245-255.
 Tsyrempilov, 2015 – Tsyrempilov N.V. Introduction // *Etudes mongoles et siberiennes, centrasiatiques et tibetaïnes*. 2015. Nr. 46. pp. 3-8.

References

- GAZK – Gosudarstvennyi arkhiv Zabaikal'skogo kraia [State Archive of the Trans-Baikal Territory].
 GAIO – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State Archives of the Irkutsk Region].

- PSZRI** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Malygina et al., 2016** – *Malygina O.A., Evtehov R.A., Palikova T.V.* (2016). The formation of imperial institutes of governance in Trans-baikal transborder area: problems of development of new territories (XVIII – early XX centuries). *Bylye Gody*. 42 (4): 1110-1117 [in Russian]
- Semyonova, 2016** – *Semyonova N.L.* (2016). Problems of reforming of the Russian Empire local government at the beginning of the 1830s. *Bylye Gody*. 39 (1): 90-96 [in Russian]
- Dameshek et al., 2017** – *Dameshek L.M., Dameshek I.L., Perceva T.A.* (2017). Sibirskie reformy M.M. Speranskogo 1822 g.: Opyt administrativnogo regulirovaniya interesov centra i regionov [Siberian reforms Speransky 1822: The experience of administrative regulation of interests of the center and regions]. Irkutsk: Irkutsk State University. 339 p. [in Russian]
- Donogo, Guseinov, 2017** – *Donogo Kh.M., Guseinov G.M.* (2017). Poslednii voennyi gubernator Dagestanskoi oblasti Vladimir Viktorovich Ermolov (K 100-letiyu Fevral'skoi revolyutsii 1917 goda) [The last military governor of the Dagestan region Vladimir Viktorovich Ermolov (To the 100th anniversary of the February Revolution of 1917)]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. Nr. 1 (194). pp. 33-40 [in Russian]
- Evtehov, 2015** – *Evtehov R.A.* (2015). Obshchie svedeniya o voennykh komendantakh Verkhneudinskoi transgranichnoi kreposti [General information about military commandants of the Verkhneudinsk transboundary fortress]. *Humanitarian research in Inner Asia*. Is. 1. pp. 59-66. [in Russian]
- Evtehov, Malygina, 2016** – *Evtehov R.A., Malygina O.A.* (2016). Gorodskaya politsiya v sisteme gosudarstvennykh institutov upravleniya Zabaikal'skoi oblast'yu v XVIII – nachale XX veka [City police in the system of state institutions of administration of the Trans-Baikal region in the XVIII – early XX century]. *Bulletin of Perm University. Ser. History*. Nr. 3 (34). pp. 22-31. [in Russian]
- Konstantinova, 2016** – *Konstantinova T.A.* (2016). «General-maior E.M. Zhukovskogo naznachit' voennym gubernatorom Zabaikal'skoi oblasti...» ["Major-General E.M. Zhukovsky appointed military governor of the Trans-Baikal region ..."]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. T. 15. pp. 31-38. [in Russian]
- Konstantinova, 2016** – *Konstantinova T.A.* (2016). Voennyi gubernator Zabaikal'skoi oblasti i Nakaznoi ataman Zabaikal'skogo kazach'ego voiska A.I. Kiyashko: neizvestnye dokumenty [Military Governor of the Trans-Baikal Region and Nakaznoy ataman of the Trans-Baikal Cossack Army A.I. Kiyashko: unknown documents]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. T. 11. pp. 23-29. [in Russian]
- Malygina, Evtehov, 2016** – *Malygina O.A., Evtehov R.A.* (2016). Formirovanie administrativno-territorial'nykh institutov v Zabaikal'skom transgranich'e v XIX v. [Formation of administrative-territorial institutes in the Trans-Baikal transboundary area in the XIX century]. *Society: philosophy, history, culture*. Nr. 2-1. pp. 141-145 [in Russian]
- Mathanova, 2002** – *Mathanova N.P.* (2002). Vysshaja administraciya Vostochnoj Sibiri v seredine XIX veka: Problemy social'noj stratifikacii [The Higher Administration of Eastern Siberia in the middle of the XIX century: Problems of social stratification]. Novosibirsk: The Siberian chronograph. 250 p. [in Russian]
- Mertsalov, 2008** – *Mertsalov V.I.* (2008). Geopoliticheskii faktor istoricheskogo razvitiya Zabaikal'ya i Chity (1851–1895) [Geopolitical Factor historical development of Trans-Baikal and Chita (1851–1895)]. *Irkutsk: Scientific Bulletin of the Baikal State University of Economics and Law*. Nr. 13. pp. 29. [in Russian]
- Remnev, 2004** – *Remnev A.V.* (2004). Rossiya Dal'nego Vostoka: imperskaya geografiya vlasti XIX – nachalo XX vv. [Russian Far East geography imperial power of XIX - beg. XX centuries]. Omsk : Omsk State University. 550 p. [in Russian]
- Palikova, 2014** – *Palikova T.V.* (2014). Russko-Vostochnoe sotrudnichestvo vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Russian-Eastern cooperation in the second half of the XIX – early XX century.]. *Humanitarian research in Inner Asia*. № 2. pp. 4-11. [in Russian]
- Palikova, 2015** – *Palikova T.V.* (2015). Yugo-Zapadnoe Zabaikal'e XIX – nachala XX v. v usloviyakh transgranich'ya [South-Western Transbaikalia XIX – early XX century in the conditions of trans-boundary]. *Bulletin of Buryat State University*. № 7. pp. 86-90. [in Russian].
- Tsyrempilov, 2012** – *Tsyrempilov N.V.* (2012). 'Alien' lamas: Russian policy towards foreign buddhist clergy in the eighteenth to early twentieth centuries. *Inner Asia*. 14(2): 245-255.
- Tsyrempilov, 2015** – *Tsyrempilov N.V.* (2015). Introduction. *Etudes mongoles et siberiennes, centrasiatiques et tibetaines*. 46: 3-8.

**Проекты административных преобразования военных губернаторов
в Забайкальском трансграничье (вторая половина XIX в.)**

Ольга Анатольевна Малыгина ^{a, *}, Роман Артурович Евтехов ^a

^a Бурятский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена попытке модернизации административного аппарата Забайкальского трансграничья во второй половине XIX века. Правительство, пытаясь создать «идеальную» модель управления окраинами, обращается за помощью к местной власти. На основе широкого круга исторических источников, найденных в центральных и региональных архивах, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, озвучен ряд значительных противоречий негативно влияющих на развитие административных институтов. Особое внимание в работе уделяется личным взглядам военных губернаторов Забайкальской области, благодаря которым были выявлены запущенность в делопроизводстве, крупные беспорядки и ослабление власти. Исследование позволило сделать вывод о том, что имперская политика на данной территории имела специфические отличия, и требовало серьезного законодательного пересмотра административных институтов и общих схем управления.

Ключевые слова: трансграничье, имперские институты, Забайкалье, военные губернаторы, управление, администрация, предписание, законодательство, власть.

---

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: kirienko-o@mail.ru (O.A. Malygina),
romachka1818@rambler.ru (R.A. Evtchov)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 251-260. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.251
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Sub Specie Aeternitatis? The Transformation of the Religious Historical Memory of the Peasantry of the Central Black Earth Region in the Post-Reform Period

Evgenii V. Belyaev^{a,*}, Andrei A. Linchenko^{b,c}

^a Lipetsk Environmental and Cultural Institute, Russian Federation

^b Financial University, Lipetsk branch, Russian Federation

^c Lipetsk state technical university, Russian Federation

Abstract

The article deals with the processes of the transformations of the peasants' daily religious memory by the example of 14 provinces of the Russian Empire. On the basis of the constructivist methodology of studying historical memory, the widespread approach that links the historical memory of the peasantry exclusively with historical knowledge about tsars, commanders, historical figures is overcome. Transformations of the everyday religious memory of the post-reform peasantry are described in the context of peasant perceptions of the church as a social institution, as well as the attitude of rural residents to rituals, canons, church holidays, priests. The article reflects the contradictory processes that took place in the Russian village during the modernization of the 1860s, when the fundamentals of the economic, household and social order that existed for centuries were seriously transformed. In this regard, the appeal to religious practices as the most resistant to changes in the consciousness of rural residents, allows us to highlight the existing contradictions in the ratio of the traditional and the changing. Known, fixed in the literature stamps on the general prevalence and depth of religious feeling, as well as the presentation of the religious indifference of the peasants, are not supported by the sources. The closest practices to the rural residents are the ones of prayer, observance of fasting, icon-worship. At the same time, the behaviour of peasants, especially the youth, in the church, an attitude towards the clergy, and non-observance of a number of previously unshakable religious traditions, speaks, at least, about the serious changes in the religious consciousness of the peasants. Often, religious practices were reduced to the commission of traditional actions that rather superficially reflected religion and the Orthodox faith.

Keywords: peasantry, religious memory, «Great Reforms», everyday historical memory.

1. Введение

Современная Россия демонстрирует попытки возрождения религиозных традиций и прежде всего традиций религиозной исторической памяти. Вместе с тем всякие попытки «включения» религиозной исторической памяти в современный модернизационный дискурс предполагают анализ исторических аналогий, которые могли бы способствовать уточнению и детализации выше обозначенной проблемы. В этой связи трансформации коллективной исторической памяти в Российской империи во второй половине XIX века являются наиболее яркой и подходящей исторической аналогией, поскольку также были связаны с модернизацией всех сторон общественной жизни.

Религиозная жизнь общества всегда тесно связана именно с религиозной исторической памятью. Это может быть прослежено во всех без исключения сферах религиозной жизни общества и человека: практиках молитвы, посещения богослужений, практиках поминовений, особого отношения к священному преданию и т.д. Особую роль религиозная историческая память, как

* Corresponding author

E-mail addresses: gacki@yandex.ru (E.V. Belyaev), linchenko1@mail.ru (A.A. Linchenko)

известно, играла в среде российского крестьянства. В этой связи изучение проблем трансформации религиозной исторической памяти в пореформенный период в первую очередь надо начинать именно с изучения повседневных практик религиозной исторической памяти крестьян, чему и будет посвящена данная статья.

2. Материалы и методы

Основным источником, отражающим трансформации религиозных практик крестьянства XIX века, являются данные этнографических описаний, проведенных силами корреспондентов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. В условиях фактического отсутствия мемуарной литературы, этнографические материалы исследований крестьян представляют, по сути, единственный массовый исторический источник, позволяющий с большой степенью достоверности изучить основы религиозных представлений российского народа. Еще более ценным его делает весьма широкий географический охват, что в совокупности с высокой степенью гомогенности полученных сведений позволяет делать объективные выводы о воззрениях сельских жителей.

Всего на данный момент вышло в свет 7 томов, содержащих сведения о разных сторонах быта крестьян 13 губерний. Кроме того, нами использовались ранее опубликованные материалы по Владимирской губернии (Быт великорусских крестьян, 1998). Основными вопросами, доступными для обработки и анализа, стали следующие: вопрос о церкви и религиозном почитании (частота посещения церкви, зависимость хождения в церковь от расстояния, погоды, удобства, проведения полевых работ, отношение крестьян к церкви и церковным обрядам); вопросы, посвященные знанию и употреблению молитв (молитвы, иконы, почитание святых); вопросы, посвященные отношению к священникам и причту; вопросы, посвященные почитанию праздничных дней. Всего нами было отобрано и проанализировано 147 ответов из 14 губерний Российской империи. Ответы на вопросы распределены следующим образом (таблица 1)

Таблица 1. Распределение ответов на вопросы по губерниям

Церковь	2	0	3	3	0	2	6	4	6	6	2	2	2	2	10	50
Молитва дома	3	3	8	3	1	1	4	3	10	7	3	2	1	2	5	56
Священники и причт	1	1	5	4	0	2	4	3	5	5	2	2	1	1	5	41
	Костромская губерния	Ярославская губерния Пошехонский уезд	Ярославская губерния (Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский, Ростовский,	Калужская губерния	Нижегородская губерния	Вологодская губерния (Вельский и Вологодский уезды)	Вологодская губерния (Тотемский, Усть-Сольский, Устюжский, Яренский уезды)	Вологодская губерния (Никольский и Сольвычегодский уезды)	Вологодская губерния (Грязовецкий и Кадниковский уезды)	Курская, Московская, Олонечкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии	Новгородская губерния (Белозерский, Боровичский, Деминский, Кирилловский,	Новгородская губерния (Череповецкий уезд)	Новгородская губерния (Тихвинский уезд)	Новгородская губерния (Череповецкий уезд)	Владимирская губерния	ИТОГО:

Использование столь обширного материала позволит достаточно объективно рассмотреть процессы трансформаций религиозных практик пореформенного крестьянства. Часто повторяющиеся ответы позволят говорить о многих процессах как о закономерных, имевших повсеместное распространение на территории империи.

Нам уже приходилось писать о том, что при изучении проблем исторической памяти в рамках крестьянской повседневности традиционные методы отечественного крестьяноведения оказываются дополненными теми теоретическими результатами, которые были получены в сравнительно новой области исследований, получившей название *memory studies* (Linchenko, Belyaev, 2016: 726). Как известно, *memory studies* представляют собой междисциплинарную область исследований коллективной и индивидуальной памяти, охватывающей теоретические исследования в рамках философии истории, новой интеллектуальной истории, устной истории (*oral history*), а также методологию школы Анналов. Общей методологией *memory studies* является конструктивистский подход, рассматривающий прошлое не как статичный объект, но как объект, зависящий от оценок, моделей поведения и деятельности в настоящем (Olick, Robbins, 1998: 106). Для сторонников

конструктивистского подхода коллективная память есть социальная деятельность, процесс, а не статичный объект, она контекстуальна и является частью процесса самоопределения общества (Olick, Robbins, 1998: 108). Коллективная память с этой точки зрения не является неким гомогенным пространством, а представляет собой совокупность коммеморативных практик, являющихся социальными практиками, направленными на воспроизводство различных образов прошлого, значимых в социально-политическом, экономическом и культурном контекстах настоящего (Аникин, 2014: 19). По мнению Л.П. Репиной, историческая память является одним из измерений индивидуальной и коллективной (социальной) памяти, направленной на репрезентацию исторического прошлого: «историческая память – это совокупность донанучных, научных, квазинаучных и венаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом» (Репина 2005: 133). В современных мемориальных исследованиях также подчеркивается, что историческая память общества, представленная на повседневном уровне, является избирательной (Репина, 2005: 134), может сопротивляться официальным концепциям понимания истории и прошлого (Makhotina, 2017: 32), а также представляет собой множество взаимосвязанных культур воспоминаний (Hasberg, 2004: 200).

3. Обсуждение

О влиянии православия на сознание российских крестьян написано довольно много апологетической литературы, которая отражает описания различных религиозных практик, их безусловное соблюдение. Так, в обширном труде М.М. Громыко и А.В. Буганова весьма подробно рассматриваются различные религиозные практики: молебны, исповеди, почитания святых, паломничества, подвижничество, отношение к церкви и священникам и другие вопросы, касающиеся религиозной жизни крестьян (Громыко, Буганов, 2000). Православная традиция представляется как безальтернативная, составляющая основу жизни любого крестьянина. Вместе с тем представляется, что повседневная религиозная реальность сельских жителей была несколько более широкой и не всегда могла укладываться в сложившиеся православные каноны. Религиозное сознание, как известно, неотрывно от иных, бытовых практик поведения крестьян. Зачастую на него оказывают влияние экономические, политические, социальные, бытовые факторы.

Однако, нельзя согласиться с исследователями, которые увидели во второй половине XIX века нарастание так называемого «религиозного индифферентизма», выразившегося в том, что «во второй половине XIX в. процесс распространения индифферентного отношения к православию неграмотного сельского населения стал нарастать. Вот два примера конца 1870-х гг. Из общего числа 580 прихожан села Дмитровского Звенигородского уезда Московской губернии на годовой исповеди побывали лишь 214 человек. В селе Архангельском Верейского уезда Московской губернии 580 прихожан не явились на исповедь» (Андреева, 2008: 115). Полагаем, что говорить о процессе нарастания индифферентного отношения крестьян к таким важнейшим социальным институтам как церковь и религия на основании двух статистических выкладок, является, по крайней мере, существенным упрощением действительности.

Важнейшие условия существования человека в традиционном обществе предполагают наличие неких существенных, неизменных основ, незыблемых и передающихся из поколения в поколение. К числу таковых, безусловно, относится религиозное сознание и религиозные практики, детерминирующие не только внешние стороны отправления культа и соблюдения ритуала, но и состояние нравственности традиционного общества, его моральные устои.

Религиозное сознание, являясь частью сложной структуры человеческого быта, повседневности, не представляет собой единую, раз и навсегда установленную догму. Ее соблюдение или несоблюдение определяется множественными факторами, к числу которых следует отнести, помимо прочего, нравственное состояние самого общества, индивидуальные психологические особенности людей, уровень развития образования, степень проникновения в традиционное общество новых элементов культуры. В этой связи известный исследователь коллективной памяти М. Хальбвакс подчеркивал, что, «хотя религиозная память и старается обособляться от мирского общества, она подчиняется тем же законам, что и любая коллективная память: она не хранит, а реконструирует прошлое с помощью оставшихся от него материальных следов, обрядов, текстов, традиций, а также социально-психологических данных недавнего происхождения – то есть с помощью настоящего» (Хальбвакс, 2007: 264).

Все эти факторы в равной мере важны, и при принятии тех или иных решений в своей повседневной жизни человек соотносится с ними и далеко не всегда принятое решение соответствует установленным в обществе жестко регламентированным религиозным нормам. К примеру, табуированное в условиях воздействия православия абортирование, не приводило к отказу от практик вытравливания плода. Более того, в каждой местности существовали специализирующиеся на этом люди, которые знали сотни способов вытравливания.

На практике выходило, что внешнее соблюдение ритуала, зачастую внутренне не осознавалось, не приводило к тому, что религиозная (правовая, моральная) норма становилась императивом поведения. Это означало, что даже в условиях традиционного общества, и уж тем более в период модернизации, человек оказывался как бы «меж двух огней»: с одной стороны, жесткие требования

нормы, с другой – необходимость, текущие проблемы, психологические особенности индивида, давление окружения, иные факторы, воздействующие на него «здесь и сейчас».

Вместе с тем и сами нормы, как мы отметили, жестко регламентированные, находились в определенной зависимости от общества, подвергались определенной переработке, либо принятию. Так, существование наличия в Российской империи XIX столетия довольно четко установленной, кодифицированной правовой системы, не отвергало существовавших в российской деревне и зачастую противоречащих официальным норм «обычного права», которые были более действенны, нежели корпоративное законодательство.

4. Результаты

Сама религиозная историческая память крестьян представляла собой не столько систему знаний о событиях религиозной жизни прошлого, сколько являлась сложной комбинацией различных практик передачи религиозного исторического опыта и форм отношения к нему. В данной статье нами были проанализированы только три составляющих: отношение к Церкви и священнослужителям, молитвы дома и притч. Трансформация отношения к опыту прошлого в эпоху Великих реформ оказывается заметной именно в сфере отношения к религиозному историческому опыту, отношению к нему как к необходимому элементу настоящего, а не как «устаревающее» и все более «бесполезное» прошлое.

Специфика религиозных норм в Российской империи заключалась в безусловном воздействии православия на сознание крестьян, однако насколько крестьянские религиозные воззрения соответствовали каноническому православию, – большой вопрос. Источники, которыми пользовались крестьяне при отправлении религиозных культов, были весьма разнообразны, включая влияние притча, религиозную литературу, а также передаваемые из поколения в поколение предания, традиции. Все вышеуказанные источники, оказывая определенное воздействие на религиозное мировоззрение крестьян, могли как приближать сельских жителей к канону, так и отдалять от него.

Религиозные нормы, как и другие, существовали в очень определенной социальной реальности, которая также детерминировала поведение крестьян. Здесь можно упомянуть о сложившейся, выстроенной системе нечистой силы, включающей различные анимистические элементы (бесы, черти, домовые, банники, овинники, кикиморы, лешие, полевые, водяные, русалки, оборотни и др.), а также и о колдунах, ведунах, знахарях.

Все эти элементы оказывали такое же влияние на крестьян, как мнение сельского священника или книга религиозного содержания. В результате мы сталкиваемся с картиной, включающей совершенно особый, по-своему уникальный религиозный мир русского крестьянства, мир сложный и многомерный. В.Б. Безгин, говоря об этой особенности крестьянского сознания, отмечал: «На протяжении всей истории процесс взаимодействия официальной церкви и крестьянства был основан на компромиссе. Это взаимное приспособление произошло путем принятия крестьянским миром канонов православия и приспособлением церковью народных обычаев христианской догматике» (Безгин, 2004: 152).

Вопрос о частоте посещения церкви или храма находится в общей плоскости сохранения религиозной культуры. В целом, можно говорить о нескольких общих закономерностях, касающихся данного вопроса. Практически все корреспонденты отмечают исправное посещение церкви сельскими жителями, в особенности женского пола. При этом отношение к храму у крестьян сохраняется благоговейное, они ходят туда преимущественно в праздничной, опрятной одежде. Данная картина действительно была характерным явлением для большинства приходов, однако значительная часть корреспондентов подмечала факты, свидетельствующие об иных сторонах крестьянской религиозности. Приведем в пример интересные сведения, предоставленные корреспондентом Череповецкого уезда Новгородской губернии. Он разделил посещающих церковь на 3 группы и представил данные в таблице (Русские крестьяне. Т. 7, 2009: 205).

Таблица 2.

Число жителей в 31 доме, способных ходить в церковь				Ходят часто				Ходят только в большие праздники				Ходят очень редко или совсем не ходят			
М	Ж	Дети	Итого	М	Ж	Дети	Итого	М	Ж	Дети	Итого	М	Ж	Дети	Итого
44	46	48	138	26	3	30	59	8	16	5	39	10	27	3	40

Как видно, сообщение корреспондента не вполне отражает общую динамику: здесь мужчины ходят в церковь чаще женщин, что объясняется их занятостью не только полевыми работами, но и домашними заботами. Корреспондентом отмечалась общая небрежность в посещении церкви: «Когда не приду в церкву, все «Христос воскрес» поют, либо «Христос рождается» (курсив – авт.) (Русские крестьяне. Т. 7, 2009: 205).

Противоречивое отношение крестьян к церкви, церковным ритуалам усиливается следующими, достаточно общими для разных территорий, замечаниями. С одной стороны, посещая церковь, сельские жители стараются одеваться в самую новую, праздничную одежду, тем самым обозначая

важность, значимость данного события в череде своей повседневной жизни. С другой стороны, корреспондентами подмечаются различные формы девиантного поведения, прежде всего, в среде молодых крестьян. Приведем примеры характеристик, даваемых корреспондентами разных уездов: «Крестьяне, – пишет корреспондент Грязовецкого уезда Вологодской губернии, – относятся между собой в церкви учтиво. Держат себя в церкви возможно скромно, если не принимать в расчет некоторые вольности, позволяемые крестьянами во время богослужения, как например: молодые девушки и парни без всякой застенчивости переглядываются и перешептываются между собой, мужики (особенно старики) нюхают табак /.../ Иногда приходится вывести из церкви крестьянина, пришедшего в нетрезвом состоянии (Русские крестьяне. Т. 5. Ч. 2, 2007: 77). В Ростовском уезде Ярославской губернии корреспондент отмечал, что «держат крестьяне себя в церкви довольно свободно: шепчутся, оглядываются, переходят с места на место, мужчины и парни нередко выходят покурить (Русские крестьяне. Т. 2. Ч. 2., 2006: 312). В Солигачском уезде Костромской губернии корреспондент отметил интересное наблюдение: «Также во время службы каждый раз можно видеть около кельи, т.е. церковной сторожки, толпу парней и мужиков, которые не идут домой только потому, что стыдно прежде других возвращаться домой (Русские крестьяне. Т. 1. 2004: 322).

Приведенные примеры отнюдь не являются единичным проявлением девиантного поведения крестьян в церкви, напротив, к данному списку можно добавить громкие разговоры в храме, заигрывания парней с девушками, ругань вздорных крестьянок и многое другое. Считаем, что частота подобных сообщений говорит об ослаблении социального контроля. Религиозные практики, сохраняя внешний ритуализм, меняются содержательно, становятся все более формальными, нежели обусловленными внутренними духовными потребностями. Поведение, ранее считавшееся девиантным, находит все большее распространение. Так, труд в православные праздники в дореформенное время был бы невозможен и с точки зрения религиозных норм, и с точки зрения обычной крестьянской трудовой этики. В 1860–1880-е гг. этот взгляд изменился. Трудиться в праздники стало если не нормой, то в порядке вещей. «Работать в праздничные дни, – отмечал этнограф Кирсановского уезда Тамбовской губернии В. Бондаренко, – хотя и считается греховным делом, но в последнее время правило это все чаще нарушается» (Бондаренко, 1890: 74). Корреспондентом отмечалось: «Мне приходилось видеть, как крестьянин боронил землю в день Рождества Богородицы (8 сент.). Вообще, работа в праздники – явление, пожалуй, обычное» (Русские крестьяне. Т.1, 2004: 322).

Устойчивые, с точки зрения религиозной этики, табу после реформ 1860-х гг. стали нарушаться вследствие уже обозначенного ослабления социального контроля со стороны общины, а также ввиду экономической целесообразности, требовавшей увеличения количества рабочих дней за счет уменьшения числа праздничных. Оценка такого труженика продолжала оставаться однозначной (он совершил грех), но отношение к нему общественного мнения значительно смягчилось.

Следующий вопрос, обозначенный нами условно «Молитва дома», на самом деле раскрывается не только через практики почитания тех или иных молитв, но также веры в чудотворную силу икон, а также соблюдение поста. Ответы на эти вопросы требуют не только понимания совершения или несовершения определенных культовых действий, но и выяснения, насколько эти действия крестьянам понятны. Зачастую отправление того или иного религиозного культа, имеющее важное символическое значение, не осознается прихожанами, что может свидетельствовать об отсутствии понимания религиозного значения тех или иных культовых действий.

Следует отметить, что повсеместно распространены были практики периодического произнесения молитв: «Крестьяне дома молятся утром, до и после обеда, полдничанья (второй обед) и ужина, читают молитвы» (Русские крестьяне. Т. 1, 2004: 285). Корреспонденты перечисляют наиболее распространенные в той или иной местности («Достоит есть», «Богородице дево радуйся», «Господи Иисусе», «Отче наш» и др.), а также основные ритуальные действия (земные и небесные поклоны и др.).

В целом, можно отметить, что молитва как способ обращения к Богу, сохраняет свое важное символическое значение на протяжении второй половины XIX века. Мы не встретили ни одного свидетельства, утверждавшего падение значения молитвы в религиозных практиках крестьянства. Мы имеем дело с возможностью и необходимостью личного, без посредников взаимодействия человека с Богом, что, вероятно, и обуславливало ее важность для сельского жителя. С этой точки зрения следует рассматривать и особое почитание крестьян к иконам, а также к религиозным книгам.

Вместе с тем и в вопросах почитания икон имели место случаи отклонений от канонов. Приведем пример: в Даниловском уезде Ярославской губернии «... во многих местах /.../ существует обычай со стороны крестьян украшать наиболее почитаемые иконы лентами и крестиками /.../ На некоторых иконах нам удавалось видеть привешенными грубые изображения руки или ноги, сделанные из серебра или другого металла /.../ Хотя и высочайшими указами, и указами Святейшего Синода положительно воспрещается в православных церквях иметь скульптурные изображения Спасителя, Божьей Матери и святых, тем не менее эти изображения встречаются нередко в описываемой мной местности. Так, например, в одной известной мне церкви существует деревянная плащаница со скульптурными изображениями на ней Иисуса Христа в положении человеческого роста, в другой церкви имеется скульптурное изображение главы Иоанна Крестителя, сделанное из

дерева и грубо раскрашенное» ([Русские крестьяне. Т. 2. Ч. 2, 2006: 79](#)). Как мы можем увидеть, в приведенном примере встречаются не очень распространенные, но имеющие место практики нарушения канонических установлений Святейшего Синода.

Остановимся на практиках соблюдения поста как ритуального воздержания от принятия пищи сельскими жителями. Жители могут соблюдать все посты и держать себя в строгости, могут выделять наиболее важные, а могут вообще не соблюдать. Приведем несколько свидетельств: «Крестьянин, – отмечает корреспондент Солигачского уезда Костромской губернии, – никогда не позволит себе нарушить пост, т.е. съесть в пост хотя яйцо, и, по мнению крестьян, нарушение постов есть великий грех, они про нарушающих пост говорят как про богоотступников /.../ Почему установлены посты – почти все крестьяне не знают» ([Русские крестьяне. Т. 1, 2004: 285](#)). Другой корреспондент из Мещовского уезда Калужской губернии говорит о соблюдении поста стариками: «Молодежь ест скоромное, но тайно. Если попадется кто из оскоромившихся /.../ то ему говорят: «Ах, ты, нехрист, бусурман поганый!», «еврей» или «немецкая харя»» ([Русские крестьяне. Т. 3, 2005: 514](#)). Приведем также сообщение корреспондента из Вологодского уезда Вологодской губернии: «Посты соблюдаются нестрого: в пост едят молоко, яйца, все, что найдется под рукой. О прежней строгости в исполнении уставов церкви нет и в помину» ([Русские крестьяне. Т. 5. Ч. 1, 2007: 406](#)). Представленные эпизоды весьма ярко характеризуют процессы, происходящие вокруг важнейшего ограничительного механизма, соблюдения поста, несмотря на попытки его сохранить, повсеместно наблюдаются процессы отказа от поста как обязательного. Кроме того, соблюдение поста не означало понимания его символического значения: нам встретилось как минимум три свидетельства, которые утверждали, что крестьяне, соблюдая пост, вовсе не понимали, зачем они это делают.

Таким образом, можно отметить, что наиболее устойчивыми формами, подвергшимися наименьшим трансформациям, в пореформенной деревне являлись практики иконопочитания, произношения молитв. Вместе с тем в отношении некоторых, в частности, соблюдения поста, наблюдались очевидные отходы от устоявшихся норм. Если в случае с соблюдением религиозных праздников важнейшую роль в нарушениях играла новая экономическая реальность, то здесь очевидно значение отходничества как фактора, существенно ослаблявшего вертикальные связи и социальный контроль в деревне. Возвращавшиеся в деревню крестьяне повсеместно не соблюдали устоявшиеся каноны и осуществляли влияние на своих односельчан.

Наконец, остановимся на вопросе об отношении сельских жителей к священникам и причту как социальному институту. Безусловно, характер этого отношения во многом зависел от конкретной территории, от лица самих священников, от степени их влияния на прихожан. Поэтому очевидны и диаметрально противоположные оценки: от благоговейно-возвышенных до крайне негативных. Положительное отношение к церкви у сельских жителей формируется на основании следующих характеристик священников: «ласковое и доброе отношение с прихожанами» ([Быт великорусских крестьян, 1998: 152](#)), «в священнике признают его сан и почитают его, а личность в нем пользуется авторитетом» ([Русские крестьяне. Т. 7. Ч. 2, 2009: 198](#)), «Духовенство /.../ в большинстве занимает высокое положение в среде крестьян; оно с ним не панибратствует /.../ Духовенство нередко дает бедным крестьянам займы хлеб зерном...» ([Русские крестьяне. Т. 5. Ч. 4, 2008: 107](#)). Образ, рисуемый корреспондентами в сообщениях, как видно, весьма ярко отражает положительные черты священника: справедливость, авторитет, уважительное, без панибратства отношение к прихожанам.

К сожалению, перечисленные черты во многом нивелируются значительным числом сообщений, посвященных часто крайне негативному отношению крестьян к своим священникам: «Отношение к причту станет ясным, – отмечал корреспондент, – когда узнаете, что наш народ называет попов «обирусами» и «ненасытными утробами». Для того чтобы крестьянину совершить какую-либо потребу, он должен явиться к священнику на так называемую «покладку», то есть условиться или сторговаться с ним /.../ Оскорбление священника вызывает у крестьян лишь улыбку, а если сильное оскорбление, например, словом, то осуждение. Встреча с духовными – не к добру, пути не будет» ([Русские крестьяне. Т. 1, 2004: 238, 239](#)). Почти повсеместно крестьяне пеняют священникам на высокую стоимость треб, также повсеместно встреча со священником – является знаком, символизирующим скорую беду.

Приведем еще один ряд претензий в отношении духовных лиц, высказанных в Даниловском уезде Ярославской губернии. Корреспондент отмечает: «Пьянство, леность, разврат и проистекающая отсюда бедность есть явление обычное во всех деревнях, лежащих вблизи монастырей /.../ Сам игумен приглашает к себе в келью для мытья полов «расхожих» женщин из соседних деревень и с ними распутствует. Публичные женщины из г. Пошехонье иногда гостят у монахов по целой неделе, и полиция, отыскивая их, находит только в монастыре /.../ Не дальше как в прошлом году компания пьяных монахов из означенного монастыря, заполучив к себе публичную девушку, перепились с ней и хотели обрезать у нее уши: одно ухо они уже начали резать, причем окровавили девушку. По счастью, девушка вырвалась и убежала. /.../ В Исаковой пустыни те же самые безобразия /.../ Местный игумен Г. жил в незаконной связи со своей прачкой в течение более чем двенадцати лет. В августе месяце текущего года игумен вместе с регентом хора и кое-кем из братии в пьяном виде каким-то образом убили прачку. Чтобы скрыть следы своего преступления, они отрезали у убитой руки и ноги и стали жечь в печи, но те не горели. Тогда они отрезали голову от туловища и бросили их

в лесу, предварительно обезобразив до неузнаваемости голову. У найденной головы оказались выколотыми глаза, обрезан нос, щеки и уши, вырван язык и обрезана вся кожа с волосами /.../ Произведенное следствие открыло возмутительнейшие картины монастырской жизни. Но эти картины были новостью только для следственной власти, для крестьян же, соседних с монастырем, они не составляли тайны» (*Русские крестьяне. Т. 2. Ч. 2, 2006: 80-81*). Данные эпизоды, являющиеся, безусловно, скорее исключением из правил, вместе с тем формировали общественное мнение и отношение к священнику и к церкви как социальному институту. Мы убеждены, что в большинстве своем священники, напротив, представляли собой пример для подражания в части моделей поведения, однако имеющиеся факты распространявшегося негативизма могли быть связаны с неподобающим поведением тех, кто должен быть нравственным ориентиром для сельских жителей.

5. Заключение

Таким образом, современные исследования коллективной исторической памяти все чаще обращают внимание на изучение повседневных аспектов сохранения и передачи памяти. Одной из важнейших сфер повседневной исторической памяти русского крестьянства второй половины XIX века оказывается религиозная историческая память, трансформации которой в эпоху Великих реформ не нашла достаточного научного изучения. На основе анализа Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева в статье преодолевается узкий подход, указывающий как на безальтернативность традиций религиозной исторической памяти русского крестьянства, так и на нарастание религиозного индифферентизма в пореформенной русской деревне. Вместе с тем сама религиозная историческая память крестьян представляла собой не столько систему знаний о событиях религиозной жизни прошлого, сколько являлась сложной комбинацией различных практик передачи религиозного исторического опыта и форм отношения к нему. В данной статье нами были проанализированы только три составляющие: отношение к Церкви и священнослужителям, молитвы дома и причта. Трансформация отношения к опыту прошлого в эпоху Великих реформ оказывается заметной именно в сфере отношения к религиозному историческому опыту. Религиозные практики, сохраняя внешний ритуализм, меняются содержательно, становятся все более формальными, нежели обусловленными внутренними духовными потребностями. Поведение, ранее считавшееся девиантным, находит все большее распространение. Устойчивые, с точки зрения религиозной этики, табу после реформ 1860-х гг. стали нарушаться вследствие ослабления социального контроля со стороны общины, а также ввиду экономической целесообразности, требовавшей увеличения количества рабочих дней за счет уменьшения числа праздничных. Наиболее устойчивыми формами, подвергшимися наименьшим трансформациям, в пореформенной деревне являлись практики иконопочитания, произношения молитв. Вместе с тем в отношении некоторых форм религиозного исторического опыта, в частности, соблюдения поста, наблюдались очевидные отходы от устоявшихся норм. Если в случае с соблюдением религиозных праздников важнейшую роль в нарушениях играла новая экономическая реальность, то здесь очевидно значение отходничества как фактора, существенно ослаблявшего вертикальные связи и социальный контроль в деревне. В отношении причта и в отношении к священникам доминировали противоречивые тенденции. Несмотря на то, что священник продолжал восприниматься в качестве носителя религиозного исторического опыта, в некоторых областях и регионах появляются различные формы негативного отношения к духовным лицам, связанные в первую очередь с неподобающим поведением последних.

6. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ 16-33-01019 «Государственная политика памяти в Российской Федерации: философские основания и стратегии реализации».

Литература

- Андреева, 2008 – Андреева Л.А. Феномен религиозного индифферентизма в Российской империи // *Общественные науки и современность*. 2008. № 4. С. 114-124.
- Аникин, 2014 – Аникин Д.А. Конструкция социальной памяти: от структуры к сети // Трансформация исторического сознания молодежи в обществе риска. Сборник статей международной научной конференции. Липецк-Тамбов: Изд-во Р.В. Першина. 2014. 400 с.
- Безгин, 2004 – Безгин Б.В. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.-Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та. 2004. 304 с.
- Бондаренко, 1890 – Бондаренко В. Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губернии // *Этнографическое обозрение*, 1890. № 3.
- Быт великорусских крестьян-землепашцев, 1993 – Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.И. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / Авт.-сост.: Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. СПб., 1993. 470 с.
- Громыко, Буганов, 2000 – Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2000. 543 с.
- Репина, 2005 – Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого. М.: Издательский Дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 122-169.

- [Русские крестьяне, 2004](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. СПб., издательство «Деловая полиграфия», 2004. 568 с.
- [Русские крестьяне, 2006a](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 2. Ярославская губерния, часть 1. СПб., ООО «Навигатор», 2006. 552 с.
- [Русские крестьяне, 2006b](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 2. Ярославская губерния, часть 2. СПб., ООО «Навигатор», 2006. 552 с.
- [Русские крестьяне, 2005](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 3. Калужская губерния. СПб., «Деловая полиграфия», 2005. 648 с.
- [Русские крестьяне, 2006c](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 4. Нижегородская губерния. СПб., ООО «Навигатор», 2006. 412 с.
- [Русские крестьяне, 2007a](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1. Вельский и Вологодский уезды. СПб., ООО «Деловая полиграфия», 2007. 624 с.
- [Русские крестьяне, 2007b](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб., ООО «Деловая полиграфия», 2007. 840 с.
- [Русские крестьяне, 2007c](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 3. Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб., ООО «Деловая полиграфия», 2007. 884 с.
- [Русские крестьяне, 2008a](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. Тотемский, Устьсольский и Яренский уезды. СПб., ООО «Деловая полиграфия», 2008. 808 с.
- [Русские крестьяне, 2008b](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. СПб., ООО "Навигатор", 2008. 600 с.
- [Русские крестьяне, 2010](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 1. Белозерский, Боровичский, Демянский, Кирилловский и Новгородский уезды. СПб., ООО "Навигатор", 2010. 504 с.
- [Русские крестьяне, 2009](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 2. Череповецкий уезд. СПб., ООО "Навигатор", 2009. 624 с.
- [Хальбвакс, 2007](#) – Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 348 с.
- [Hasberg, 2004](#) – Hasberg W. Erinnerungskultur – Geschichtskultur, Kulturelles Gedächtnis – Geschichtsbewußtsein. Zehn Aphorismen zu begrifflichen Problemfeldern // *Zeitschrift für Geschichtsdidaktik*. 2004. № 3. pp. 198-207.
- [Linchenko, Belyaev, 2016](#) – Linchenko A.A., Belyaev E.V. The transformation of everyday historical memory of the peasants of Central Black Earth region in the post-reform period // *Bylye Gody*. 2016. № 41(3). pp. 725-733.
- [Makhotina, 2017](#) – Makhotina E. Erinnerungen an den Krieg – Krieg der Erinnerungen. Litauen und der Zweite Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2017. 478 p.
- [Nafziger, Williams, 2012](#) – Nafziger S., Williams C. Serfdom, Emancipation, and Off-Farm Labour Mobility in Tsarist Russia // *Economic History of Developing Regions*. 2012. Vol. 27. Nr 1. pp. 1-37.
- [Olick, Robbins, 1998](#) – Olick J.K., Robbins J. Social Memory Studies: From "Collective Memory" to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. pp. 105-140.

References

- [Andreeva, 2008](#) – Andreeva L. A. (2008). Fenomen religioznogo indifferentizma v Rossijskoj imperii [The phenomenon of religious indifference in the Russian Empire]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. № 4. pp. 114-124. [in Russian]
- [Anikin, 2014](#) – Anikin D.A. (2014). Konstrukcija social'noj pamjati: ot struktury k seti / Transformacija istoricheskogo soznanija molodezhi v obshhestve riska. Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Lipeck-Tambov: Izd-vo Pershina R.V. 400 p. [in Russian]
- [Bezgin, 2004](#) – Bezgin B.V. (2004). Krest'janskaja povsednevnost' (tradicii konca XIX – nachala XX veka) [The everyday life of the peasants (traditions of the late twentieth and early twentieth centuries)]. M.-Tambov: Izd-vo Tamb. gos. teh. un-ta. 304 p. [in Russian]
- [Bondarenko, 1890](#) – Bondarenko V. (1890). Ocherki Kirsanovskogo uezda Tambovskoj gubernii [Kirsanov's district Essays of Tambov province], *Jetnograficheskoe obozrenie*. № 3. [in Russian]

[Byt velikorusskih krest'jan-zemlepushcev, 1993](#) – Byt velikorusskih krest'jan-zemlepushcev. Opisanie materialov jetnograficheskogo bjuro knjazja V.I. Tenisheva (na primere Vladimirskoj gubernii) (1993). [The life of the Great Russian peasant farmers. Description of the materials of the ethnographic bureau of Prince V.I. Tenisheva (on the example of the Vladimir province)] / Avtory-sostaviteli: Firsov B.M., Kiseleva I.G. Sankt-Peterburg, 470 p. [in Russian]

[Gromyko, Buganov, 2000](#) – *Gromyko M.M., Buganov A.V.* (2000). O vozzrenijah russkogo naroda [On the views of the Russian people]. M.: Palomnik. 543 p. [in Russian]

[Repina, 2005](#) – *Repina L.P.* (2005). Konceptii social'noj i kul'turnoj pamjati v sovremennoj istoriografii [Concepts of social and cultural memory in modern historiography]. Fenomen proshlogo. M.: Izdatel'skij Dom GU VShJe. pp. 122-169. [in Russian]

[Russkie krest'jane, 2004](#) – Russkie krest'jane. Zhizn' Byt. Nnavy. Materialy "Jetnograficheskogo bjuro" knjazja V.N. Tenisheva. T.1. Kostromskaja i Tverskaja gubernii (2004) [Russian peasants. Everyday life. Morals. Materials of the "Ethnographic Bureau" Prince V.N. Tenisheva. Vol. 1. Kostroma and Tver provinces]. Sankt-Peterburg, izdatel'stvo «Delovaja poligrafija». 568 p. [in Russian]

[Russkie krest'jane, 2006a](#) – Russkie krest'jane. Zhizn' Byt. Nnavy. Materialy "Jetnograficheskogo bjuro" knjazja V.N. Tenisheva. T.2. Jaroslavskaja gubernija, chast' 1. (2006) [Russian peasants. Everyday life. Morals. Materials of the "Ethnographic Bureau" Prince V.N. Tenisheva. Vol. 2. Jaroslavl province]. Sankt-Peterburg, OOO «Navigator». 552 p. [in Russian]

[Russkie krest'jane, 2007c](#) – Russkie krest'jane. Zhizn' Byt. Nnavy. Materialy "Jetnograficheskogo bjuro" knjazja V.N. Tenisheva. T.5. Vologodskaja gubernija. Ch. 3. Nikol'skij i Sol'vychevodskij uezdy (2007) [Russian peasants. Everyday life. Morals. Materials of the "Ethnographic Bureau" Prince V.N. Tenisheva. Vol. 5. The Vologda province. Part 3. Nikolsky and Solvychevodsky districts]. Sankt-Peterburg, OOO «Delovaja poligrafija». 884 p. [in Russian]

[Russkie krest'jane, 2008a](#) – Russkie krest'jane. Zhizn' Byt. Nnavy. Materialy "Jetnograficheskogo bjuro" knjazja V.N. Tenisheva. T.5. Vologodskaja gubernija. Ch. 4. Totemskij, Ust'sol'skij i Jarenskij uezdy (2008) [Russian peasants. Everyday life. Morals. Materials of the "Ethnographic Bureau" Prince V.N. Tenisheva. Vol. 5. The Vologda province. Part 4. Totemsky, UstSolsky and Yarensky districts]. Sankt-Peterburg, OOO «Delovaja poligrafija». 808 p. [in Russian]

[Russkie krest'jane, 2008b](#) – Russkie krest'jane. Zhizn' Byt. Nnavy. Materialy "Jetnograficheskogo bjuro" knjazja V.N. Tenisheva. T. 6. Kurskaja, Moskovskaja, Oloneckaja, Pskovskaja, Sankt-Peterburgskaja i Tul'skaja gubernii (2008) [Russian peasants. Everyday life. Morals. Materials of the "Ethnographic Bureau" Prince V.N. Tenisheva. Vol.6. Kursk, Moscow, Olonets, Pskov, St. Petersburg and Tula provinces]. Sankt-Peterburg, OOO "Navigator". 600 p. [in Russian]

[Russkie krest'jane, 2010](#) – Russkie krest'jane. Zhizn' Byt. Nnavy. Materialy "Jetnograficheskogo bjuro" knjazja V.N. Tenisheva. T. 7. Novgorodskaja gubernija. Ch. 1. Belozerskij, Borovichskij, Demjanskij, Kirillovskij i Novgorodskij uezdy (2010). [Russian peasants. Everyday life. Morals. Materials of the "Ethnographic Bureau" Prince VN. Tenisheva. Vol.7. Novgorod Province. Part 1. Belozersky, Borovichi, Demyansky, Kirillov and Novgorod districts]. Sankt-Peterburg, OOO "Navigator". 504 p. [in Russian]

[Russkie krest'jane, 2009](#) – Russkie krest'jane. Zhizn' Byt. Nnavy. Materialy "Jetnograficheskogo bjuro" knjazja V.N. Tenisheva. T. 7. Novgorodskaja gubernija. Ch. 2. Cherepoveckij uezd (2009). [Russian peasants. Everyday life. Morals. Materials of the "Ethnographic Bureau" Prince V.N. Tenisheva. Vol. 7. Novgorod Province. Part 2. Cherepovets county]. Sankt-Peterburg, OOO "Navigator". 624 p. [in Russian]

[Hal'bvaks, 2007](#) – *Hal'bvaks M.* (2007). Social'nye ramki pamjati [Social frameworks of memory]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 348 p. [in Russian]

[Hasberg, 2004](#) – *Hasberg W.* (2004). Erinnerungskultur – Geschichtskultur, Kulturelles Gedächtnis – Geschichtsbewußtsein. Zehn Aphorismen zu begrifflichen Problemenfeldern. *Zeitschrift für Geschichtsdidaktik*. № 3. pp. 198-207.

[Linchenko, Belyaev, 2016](#) – *Linchenko A.A., Belyaev E.V.* (2016). The transformation of everyday historical memory of the peasants of Central Black Earth region in the post-reform period. *Bylye Gody*. № 41 (3). pp. 725-733. [in Russian]

[Makhotina, 2017](#) – *Makhotina E.* (2017). Erinnerungen an den Krieg – Krieg der Erinnerungen. Litauen und der Zweite Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 478 p.

[Nafziger, Williams, 2012](#) – *Nafziger S., Williams C.* (2012). Serfdom, Emancipation, and Off-Farm Labour Mobility in Tsarist Russia. *Economic History of Developing Regions*. Vol. 27. Nr 1. pp. 1-37.

[Olick, Robbins, 1998](#) – *Olick J.K., Robbins J.* (1998). Social Memory Studies: From "Collective Memory" to the Historical Sociology of Mnemonic Practices. *Annual Review of Sociology*. Vol. 24. pp. 105-140.

Sub specie aeternitatis? Трансформация религиозной исторической памяти крестьянства Центрально-черноземного региона в пореформенное время

Евгений Владимирович Беляев ^{a, *}, Андрей Александрович Линченко ^{b, c}

^a Липецкий эколого-гуманитарный институт, Российская Федерация

^b Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация

^c Липецкий государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются процессы трансформации повседневной религиозной памяти крестьян на примере 14 губерний Российской империи. На основе конструктивистской методологии изучения исторической памяти преодолевается распространенный подход, связывающий историческую память крестьянства исключительно с историческими знаниями о царях, полководцах, исторических деятелях. Трансформации повседневной религиозной памяти пореформенного крестьянства описываются в контексте представлений крестьян о церкви как социальном институте, а также отношения сельских жителей к обрядам, канонам, церковным праздникам, священнослужителям. В статье отражаются противоречивые процессы, происходившие в русской деревне в период модернизации 1860-х гг., когда существовавшие веками основы экономического, бытового, социального порядка подвергались серьезной трансформации. В этой связи, обращение к религиозным практикам как наиболее устойчивым к изменениям в сознании сельских жителей, позволяет выделить имеющиеся противоречия в части соотношения традиционного и изменяющегося. Известные, закрепившиеся в литературе штампы о всеобщей распространенности и глубине религиозного чувства, равно как и представления об имевшем место религиозном индифферентизме крестьян, не подтверждаются источниками. Наиболее близкими для сельских жителей остаются практики молитвы, соблюдения поста, иконопочитания. Вместе с тем поведение крестьян, особенно молодежи, в церкви, отношение к причту, несоблюдение ряда ранее незыблемых религиозных традиций, говорит, по меньшей мере, о серьезных изменениях религиозного сознания крестьян. Зачастую религиозные практики сводились к совершению традиционных действий, довольно поверхностно отражавших религию и православную веру.

Ключевые слова: крестьянство, религиозная память, «Великие реформы», повседневная историческая память.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gack1@yandex.ru (Е.В. Беляев), linchenko1@mail.ru (А.А. Линченко)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
 Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
 Co-published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 47. Is. 1. pp. 261-270. 2018
 DOI: 10.13187/bg.2018.1.261
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Manufacturing Industry of Turkestan in the Pre-Revolutionary period: the Historiographical Aspect

T.A. Tulebaev^{a, *}, M.S. Nogaibaeva^a, B. Sailan^a, K.E. Abykenova^a

^a Kazakh National University named after Al-Farabi, Republic of Kazakhstan

Abstract

This paper presents the understudied problem of historiography of history of the processing industry of Turkestan in the second half of XIX – early XX century. The first work dedicated to the formation and development of individual industries in the territory, appeared back in the late XIX century. Therefore, the chronological framework of the article covers almost a century and a half. In this extensive chronological period there were various socio-economic and political stages of development of Turkestan: pre-revolution, Soviet-socialist period, and the period of independence. Researchers of the first phase can be divided into two groups: some considered the territory as the source of raw materials, while others stood for the development of its industry and productive forces. During the Soviet period, a comprehensive study of individual industries has begun; thesis works defended, and monographs on the history of the processing industry appeared. Researchers of the problem of different epochs took different approaches and methodology. There were and there are different concepts, contradictory views on the most important problems of the history of industry of the territory.

This work shows that the researchers were affected by the influence of the soviet totalitarian policies and class-specific approach, as well as their biased nature, narrow-mindedness in the coverage of the matter under investigation. Based on the analysis of a vast scientific and popular-scientific literature published since the end of the XIX century to the present day, the level of knowledge of the history of industrial development of a pre-revolutionary Turkestan was determined for the first time in historical science. The authors concluded that is necessary to study and reconsider a number of conceptual issues of this problem, on the basis of a new paradigm, new concepts and views of the period of independence of Republics of Central Asia and Kazakhstan.

Keywords: Turkestan, historiography, pre-revolutionary period, historiographical source, processing industry, pre-revolutionary literature, Soviet historiography, analysis of historical works.

1. Введение

Вторая половина XIX – начало XX века – период присоединения к России Туркестанского края. Изучение края в историческом плане началось еще в дореволюционный период. Поэтому в историографическом аспекте оно делится в основном на три периода. Первый – дореволюционный, второй – советский и третий – период независимости. Первые два периода несмотря на некоторые идейные и идеологические противоречия, отличаются тем, что в целом показывают прогрессивную роль присоединения к России. Но надо отметить что в этом вопросе взгляды и мнение исследователей не всегда были едиными. Все это определили основную цель данной работы – изучить историографию истории обрабатывающей промышленности региона на основе новой парадигмы и определить вопросы требующие дальнейшего изучения.

* Corresponding author

E-mail addresses: tatulebaev@gmail.com (T.A. Tulebaev), nmendigul@mail.ru (M.S. Nogaibaeva), b_sailan1967@mail.ru (B. Sailan), agulzhazira@mail.ru (K.E. Abykenova)

Как правильно отметили исследователи данной проблемы: «конец XX и начало XXI века для всех постсоциалистических стран, характеризуется глубокими социально-экономическими трансформациями. Страны проходят сложный путь перехода от рыночных реформ к формированию рыночной экономики, ориентированной на инновационное развитие. Историческое прошлое этих стран показывает, что они в определенной форме проходили похожий процесс еще в конце XIX – начале XX века» (Tulebaev, Kokebayeva, 2015: 320). Поэтому актуальность определения степени изучения проблем истории обрабатывающей промышленности дореволюционного Туркестана вызвана современными требованиями исторической науки данного региона.

2. Материалы и методы

Историографические источники по истории обрабатывающей промышленности Туркестана очень разнообразны. Начиная от заметок и статей опубликованных в дореволюционной периодической печати до современных монографии – являются историографическими источниками для данной статьи. По своему характеру это – простые сообщения, заметки, статьи, научно-популярные издания, материалы различного уровня научно-практических, научно-теоретических конференции, диссертации, авторефераты, монографии и т.д.

Широко распространенными методами историографического исследования являются сравнительно-исторические и проблемно-хронологические методы исследования, которые были использованы и в нашей работе при анализе взглядов и концепции исследователей. Они жили в разные периоды социально-экономического и политического развития и испытывали их идейно-политическое влияние.

В ходе данного историографического исследования были использованы традиционные направления методологии науки как эволюционизм и диффузионизм. Эволюционизм был использован поскольку исследователи, особенно советского периода, свои концепции выстраивали именно на его основе и нам надо было найти основную суть их концепции. Как известно, диффузионисты основными средствами распространения культуры, считали – завоевание, торговля, смещение, перенос и заимствование и т.д. Некоторые авторы считают, что становление и развитие промышленности Туркестана является прямым следствием проникновения европейского капитализма через Россию. А некоторые стремились показать роль русских промышленников и предпринимателей. Поэтому для выяснения объективности этих суждений мы использовали основные положения диффузионизма.

3. Обсуждение

Историография обрабатывающей промышленности дореволюционного Туркестана до сих пор специально и комплексно не исследовалась. Историографическому анализу подверглись взгляды некоторых советских исследователей в работе Д.И. Дулатовой (Дулатова, 1984). Отдельные вопросы историографии обрабатывающей промышленности рассматривался в работе Т.А. Тулебаева посвященной к истории обрабатывающей промышленности края (Тулебаев, 2016). Он с точки зрения проникновения капитализма в Казахстан осветил некоторые проблемы историографии обрабатывающей промышленности дореволюционного Казахстана в монографии посвященной к историографии капитализма в Казахстане (Тулебаев, 2014). С этими работами фактически ограничивается изучение историографии обрабатывающей промышленности дореволюционного Туркестана.

4. Результаты

Дореволюционная литература обрабатывающей промышленности Туркестанского края, написанная представителями различных идейных направлений, была неоднородной. В дореволюционной литературе можно выделить дворянско-помещичьи, буржуазно-либеральные направления. Дворянско-помещичья историография одобряла экономическую политику Императорского Дома Романовых и утверждала ее цивилизаторскую миссию. Они стремились рекламировать богатейшие возможности Семиречья и Сырдарьинской области для земледелия, разного рода промыслов, возлагали большие надежды на развитие обрабатывающей промышленности при содействии государственной власти. Многие из них не занимались изучением состояния промышленности Туркестанского края специально, уделяя внимание региону только как сырьевой базе. Например, авторы книги "Азиатская Россия", которые описывали Туркестан в основном как хлопководческий район, как поставщика сырья для метрополии и район сбыта (Азиатская Россия, 1914: 97). С этой же позиции подходил и Е. Смирнов. В его работе описываются производства по обработке хлопка, шерсти, кожи, сантонина, винокурение, приводятся статистические данные об обрабатывающей промышленности Сырдарьинской области за 1885 г. В этом ценность его работы (Смирнов, 1887: 165). Но он не мог и не хотел видеть прогрессивных изменений, происходящих в силу проникновения капиталистических отношений, в приемах и способах обработки промысловой деятельности коренного, местного населения.

Одним из сторонников политики царского правительства был Л.Ф. Костенко. Его перу принадлежат две работы, в которых описывались исторические и давались статистические сведения

в целом по Средней Азии, но этот край рассматривается как объект пополнения казны (Костенко, 1870: 337).

Представители буржуазно-либерального направления выражали, в основном, интересы торгово-промышленных кругов, выступили за расширение русско-азиатской торговли, создание железнодорожных путей и развитие промышленности и производительных сил края. Они стояли за большее содействие со стороны правительства развитию капиталистических отношений, частного предпринимательства в крае. Появление либерально-буржуазного идеологического направления относится к концу XIX века. Возникновению этого идеологического направления способствовала не только классово-социальная принадлежность ее представителей, но и прежде всего ускоренные темпы развития капитализма в центре России и его проникновение в Туркестанский край. Именно постепенное распространение капиталистических отношений во всей экономической сфере Туркестанского края, что они сумели увидеть и осознать, побудило в них сознание о необходимости освоения края на путях капиталистической колонизации. Их работы отличаются от дворянско-помещичьих и тем, что характеризовали прогрессивные сдвиги в развитии мелкой обрабатывающей промышленности региона и на это возлагали большие надежды. В число видных представителей этого направления нужно отнести Головина, который опубликовал статью «Кустарные промыслы Туркестана».

«Кустарных промыслов в Туркестане очень много, а некоторые из них имеют не только местное, но и общегосударственное значение. Конечно, придет время, когда в Туркестане создадутся всевозможные фабрики и заменят многие отрасли кустарного производства, но время еще очень далеко, а пока туркестанский житель не может обойтись без предметов кустарного производства, и необходимо приложить все старания, чтобы ввести необходимое улучшение в главных из них, что вовсе нетрудно и не требует больших единовременных затрат от казны», – писал он (Головин, 1909: 18).

Некий Я-вич в своей статье «Кустарные промыслы в Туркестане», говоря о не изученности кустарных промыслов, призывает позаботиться об их развитии. Но он, констатируя "полное отсутствие кустарных промыслов у земледельческого населения", отрицал взаимозависимость и связь мелких форм промышленности с земледелием, хотя считал, что кустарными промыслами занимается кочевое население (Я-вич, 1909: 2).

С.Н. Велецкий главной причиной малого развития промышленности в Семиречье считает отсутствие железнодорожного пути (Велецкий, 1909: 28).

В 1909 году в периодической печати появились несколько статей под заголовком «Фабрично-заводская промышленность Туркестана». С начала XX века усилилось проникновение торгового и промышленного капитала, у некоторых местных предпринимателей, как Иванов и др. накопился капитал, достаточный для открытия более крупных предприятий, типа фабрик и заводов. А увеличение количества жителей за счет переселенцев и укрепление хозяйств старожилов, развитие оседлых пунктов и городов, сдача в эксплуатацию Оренбургско-Ташкентской железной дороги создали необходимые условия для возникновения и развития более или менее крупных промышленных заведений. И такие предприятия постепенно зарождались, что и привело к появлению статей на материалах фабрик и заводов Туркестанского края.

Статья П. Комарова впервые ввела в научный оборот статистические данные за 1907 год о количестве заводов и фабрик, их рабочих и сумме производства. Автор приводит данные за 1879, 1887 и 1906 годы по водочно-винокурным и пиво-медоваренным заводам (Комаров, 1909: 51).

В отличие от других П. Комаров понимал, что развитие промышленности зависит, прежде всего, не от правительственных решений, а от увеличения количества жителей и от достатка сырья. Он большую надежду возлагал на развитие и улучшение сортов промышленной земледельческой культуры, как табако- и хлопководства, виноградарства и др. Хотя автор не мог признать роль и преобразующую силу капиталистических отношений, его взгляд был более или менее прогрессивным.

Б. Нилусь, отмечая «интенсивную фабрично-заводскую деятельность» в Туркестане, считает благоприятным для нее наличие достаточного количества сырья. Как представитель своего класса он подчеркивает, что развитие фабрично-заводской промышленности способствует заселению края, обогащению его. По его мнению, созданием фабрик и заводов могут заниматься «энергичные капиталисты, создающие крупные ценности» (Нилусь, 1909: 96).

Некоторые представители буржуазно-либерального направления критически оценивали представителей власти, чиновников, когда они не давали согласия для открытия отдельных заводов и фабрик (Фабрично-заводская, 1909: 7).

Более последовательным исследователем развитие горной промышленности Туркестана дореволюционного периода был К.А. Тимаев. В его взглядах сильны областнические тенденции. По его мнению, развитие горной промышленности Туркестана тормозилось из-за самых строгих формальностей, управлением земельных и государственных имуществ, которое слепо следовало букве закона и даже было «строже, чем сам закон» (Тимаев, 1909: 100). Он связал будущность развития фабрик и заводов в Туркестане только с появлением горной промышленности на месте.

Советская историография. Вопросы истории обрабатывающей промышленности Туркестанского края впервые поднимались на научной основе в монографиях советских историков-исследователей П.Г. Галузо, А.Н. Демидова, В.Л. Лаврентьева.

Среди них только П.Г. Галузо, как и некоторые историки советского периода, старался показать колониальный характер промышленного развития Туркестана. Край "страдал не только от того, что он был колонией и был подвержен интенсивной колониальной эксплуатации он страдал также еще и потому, что он был колонией отсталой страны – России", – писал он (Галузо, 1929: 67-68). В этой книге впервые в казахстанской историографии рассматривался вопрос об обрабатывающей промышленности Туркестанского края.

Вопросы о развитии хлопкоочистительного и маслобойного производства Туркестана специально исследованы в работах А.П. Демидова (Демидов, 1926: 124) и В. Лаврентьева (Лаврентьев, 1930: 121). Но взгляды и подход к рассмотрению вопроса об уровне хлопкоочистительного и маслобойного производства у них были разными. Демидов утверждает, что в развитии хлопкоочистительной промышленности основную роль играл торговый, а в маслобойной промышленности – промышленный капитал.

В. Лаврентьев, наоборот, отмечает роль «хлопкоочистительных заводов как сферы приложения капитала в его промышленной форме» (Лаврентьев, 1930: 52). По его утверждению, "единственная серьезная попытка промышленного капитала – в его обособленной форме, не связанной со сферой обращения – завладеть хлопкомаслобойной промышленностью – окончилась полным провалом... Хлопкомаслобойные заводы из рук обанкротившегося «Чистого» промышленного капиталиста попадают в распоряжение хлопкоторговых фирм, теснейшим образом связанных со сферой обращения" (Лаврентьев, 1930: 57).

На наш взгляд, хотя некоторые принципиальные положения, высказанные В. Лаврентьевым о сочетании докапиталистических и капиталистических форм эксплуатации, втягивания Туркестана в систему общероссийского и мирового хозяйства, были в основном правильными, но его утверждения об уровне централизации промышленного производства и монополизации не в полной мере могут быть применимы к Туркестанскому краю.

Основным недостатком работ названных трех авторов являлась сравнительно небольшая источниковедческая база. Все они в основу своих утверждений взяли в основном данные работы В. Заорской и К. Александер.

В 1940 году в журнале «Большевик Казахстана» № 9 была опубликована статья под названием «Сельское хозяйство и промышленность дореволюционного Казахстана» без подписи. Показан степень развития и социальный характер промышленности по технической обработке сельскохозяйственного сырья. Отмечено, что предприятия «по технической обработке сельскохозяйственных продуктов были преимущественно мелкими предприятиями, буквально с единицами, иногда десятками рабочих на каждом» (Сельское хозяйство, 1940: 49). На наш взгляд, близок к истине вывод, сделанный в статье, о том, что до начала XX века первое место занимала промышленность по обработке животноводческого сырья, а с первого десятилетия XX века – по обработке продуктов земледелия. Вместе с тем нельзя согласиться с утверждением, что «промышленность дореволюционного Казахстана выросла не из недр казахского народного хозяйства ... промышленность Казахстана до революции была недостроена сверху русскими купцами и промышленниками» (Сельское хозяйство, 1940: 48). На наш взгляд, здесь авторы придерживались утверждения некоторых дореволюционных исследователей, о том, что казахи отсталый, неспособный к прогрессивному развитию народ. Такое утверждение не должно приниматься без анализа промышленного развития Южного Казахстана, где как показывают наши исследования, происходил переход от местного ремесленного производства к капиталистическому мелкотоварному производству (Тулебаев, 2016).

Характерными для всех вышеназванных работ и их основным недостатком являлось то, что в них формы обрабатывающей промышленности не выделялись.

В 1958 году появились две статьи и одна монография, в которых были исследованы вопросы обрабатывающей промышленности. В статье Г. Есенгалиевой дается краткий обзор домашней промышленности и ремесла казахов Семипалатинской области в конце XIX – начале XX века отмечается широкая распространенность этих форм производства, но не говорится о развитии дальнейших его форм (Есенгалиева, 1958).

В статье Н.А. Ерофеева основное внимание уделено вопросу о развитии кожевенного производства в Казахстане. Заслуживает внимания стремление автора выделить крупную промышленную форму этих отраслей производства. Но, как правильно отмечал позднее С.К. Жакупбеков, утверждение Н.А. Ерофеева о том, что «казахи кустарным промыслом почти не занимались», не соответствует действительности (Ерофеева, 1958: 208).

Работа П.М. Алампиева крупного исследователя промышленного развития Средней Азии, которая «еще не получила должной оценки в казахстанской историографии», дает более цельную характеристику развития обрабатывающей промышленности на территории Казахстана в дореволюционный период (Алампиев, 1958). Автор признает существование на территории Казахстана мануфактурной и фабрично-заводской промышленности по обработке

сельскохозяйственных продуктов. Было правильно отмечено, что «присоединение к России и рост хозяйственных связей весьма своеобразно сказались на промыслах Южного Казахстана». Первое время местные промыслы дали возможность широкому развитию, но постепенно с усилением связей с Россией, «в особенности после постройки Оренбургско-Ташкентской железной дороги, потерял и устойчивость и начал клониться к упадку» (Аламшиев, 1958: 84). Автор неоднократно подчеркивает, что условия развития промышленности в Южной полосе Казахстана складывались своеобразно.

Вызывает возражение утверждение автора, что "русское, казахское и узбекское ремесла и кустарное производство существовали отчужденно. Ассортимент изделий и техника производства у каждой национальной группы были свои" (Аламшиев, 1958: 85).

В книге Г. Чуланова, где основное внимание уделено горнозаводской промышленности, имеется ряд интересных суждений о ходе развития ремесла и промышленных предприятий по производству предметов потребления. На основе положения о постепенном переходе ремесленника к производству на рынок, он правильно отметил, что по мере развития производительных сил и усиления товарного обращения ремесленники стали работать на рынок и превращались в мелких товаропроизводителей (Чуланов, 1960: 17). К сожалению, это ценное утверждение не нашло фактического подкрепления.

Далее Г. Чуланов указывает на два пути возникновения капиталистической промышленности: с одной стороны, «обогатившиеся ремесленник, кустарь или скупщик, организовали свое производство, с другой стороны, российский торгово-промышленный капитал "насаждал сверху" промышленность по первичной технической обработке сырья» (Чуланов, 1960: 19). В работе прослеживается мысль, что наряду с обеспечением крупной промышленности метрополии сырьем, Казахстан снабжал пищевыми продуктами не только свое население, но и другие регионы России. Но некоторые утверждения автора не подтверждаются материалами Туркестанского края.

Например, автор пишет: «В Казахстане не было промышленного сыроварения» (Чуланов, 1960: 27), но мы в работе Т.А. Тулебаева увидим, что это неверное суждение. Увеличение объема производства в начале XX века на Туркестанских заводах объясняется не изменением в техническом устройстве, а дешевизной сырья, топлива, рабочей силы, что не соответствует действительности (Tulebaev, Kokebayeva, 2015: 322).

В статье Г. Есенгалиевой охарактеризован ход развития основных отраслей производства по переработке сельскохозяйственного сырья Семипалатинской области и сделан вывод, что «кустарное производство капиталистического типа имело широкое распространение и некоторые виды его были связаны с сельским хозяйством» (Есенгалиева, 1961: 160). Автор верно отметил, что в начале XX века «капитал метрополии начал активно вмешиваться в промышленное и сельскохозяйственное производство национальных окраин» (Есенгалиева, 1961: 163). Заслуживает внимание стремление автора, определить роль банков и кредита в развитии обрабатывающей промышленности Семипалатинской области. В конце своей статьи автор приходит к такому заключению: «Итак, в конце XIX и начале XX века в Семипалатинской области в разной степени в системе мелкого (кустарного) производства были развиты все формы докапиталистической промышленности: в том числе: домашняя промышленность, ремесло и мелкое товаропроизводящее производство, а также в зачаточной форме капиталистическая мануфактура, которые возникали в недрах патриархально-феодальных отношений как капиталистические предприятия. Поэтому можно сказать, что в Семипалатинской области в конце XIX и начале XX века стали появляться зачатки капиталистического производства» (Есенгалиева, 1961: 173). Таким образом, автор не говорит о существовании фабрично-заводского производства в области. Положения, высказанные в статье Г. Есенгалиевой, впоследствии составили основу ее кандидатской диссертации (1962 г.). В статье Е.Д. Дильмухамедова освещается поотраслевая характеристика обрабатывающей промышленности каждой области Казахстана в начале XX века, что позволит выявить уровень специализации районов края (Дильмухамедов, 1968). Автор более подробно остановился на развитии пищевкусовой промышленности. В статье сделан вывод о том, что «обрабатывающая промышленность Казахстана развивалась по общим законам капитализма» (Дильмухамедов, 1968: 163). Вместе с тем показано неравномерное развитие капитализма в различных отраслях промышленности.

В определении уровня развития русского капитализма вширь на территории Казахстана, выявлении трудной проблемы – форм и стадии промышленности важное значение имеют работы М.Х. Асылбекова (Асылбеков, 1962; Асылбеков, 1964; Асылбеков, 1965; Асылбеков, 1968). В них на основе широкого круга источников доказана большая роль железных дорог в проникновении и развитии капиталистических отношений, в том числе капиталистической промышленности в Казахстане. Автор, разрабатывая методику обработки данных о грузообороте железных дорог, делает теоретические выводы на материалах Казахстана о быстром развитии промышленных предприятий и отходов на промыслы в уездах, близко расположенных к железным дорогам.

В теоретическом плане большое значение имеют материалы дискуссии о генезисе капитализма и сборник статей об особенностях империализма в России (О генезисе капитализма, 1962; Генезис капитализма, 1965; Возникновение капитализма, 1968; Переход от феодализма, 1969; Об особенностях, 1963).

Постановкой проблем и методикой исследования для нас важны работы В.К. Яцунского, П.Г. Рындзюнского, С.М. Макаровой, Г.А. Бочановой, Д.И. Копылова, Е.И. Соловьевой и др. (Яцунский, 1973; Рындзюнский, 1966; Макарова, 1968; Бочанова, 1978; Копылов, 1973; Соловьева, 1981). Появление в свет этих работ вызывало интерес к этой проблеме некоторых казахстанских историков. В начале 1980-х годов были опубликованы статьи Ж.К. Касымбаева, С.К. Жакупбекова и С.К. Игибаева, М.У. Шалекенова.

В статьях Ж.К. Касымбаева дается характеристика развития основных отраслей обрабатывающей промышленности (Касымбаева, 1981а; Касымбаев, 1981б). В его работах впервые на материалах Казахстана упоминается об участии во Всероссийской промышленно-художественной выставке 1881 года некоторых видов продукции обрабатывающей промышленности. Автор отметил важную роль городской промышленности Восточного Казахстана в формировании внутреннего рынка, в расширении хозяйственного обмена с казахскими аулами, крестьянскими селениями и горными промыслами. В статье С.К. Жакупбекова, вошедшей впоследствии отдельным параграфом в его монографию, отмечено широкое распространение среди казахов ремесленного производства (Жакупбеков, 1982; Жакупбеков, 1984). Рассмотрено социально-экономическое положение рабочих обрабатывающей промышленности.

С.К. Игибаев на основе данных обзоров областей стремился определить численность, размещение городской обрабатывающей промышленности дореволюционного Казахстана (Игибаев, 1985).

М.У. Шалекенов наряду с горными отраслями производства дает характеристику городской обрабатывающей промышленности Южного Казахстана. Но нельзя согласиться с выводом автора о том, что «все эти кустарные предприятия трудно было назвать промышленными. Большинство их были мелкими, кустарными производствами, находились в таком состоянии до 1917 года» (Шалекенова, 1988: 31).

В период независимости стран Средней Азии вопросы истории обрабатывающей промышленности специально и комплексно были исследованы в монографическом труде Т.А. Тулебаева (Тулебаев, 2016). В этой работе был рассмотрен процесс возникновения и развития обрабатывающей промышленности, определена ее преобладающая, широко распространенная форма в Туркестанском крае во второй половине XIX – начале XX века. На основе многочисленных данных центральных государственных архивов России, Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана и долгой, скрупулезной работы автору удалось проследить путь перерастания докапиталистических форм производства в капиталистическое. Он отмечает, что: «Одна из особенностей процесса становления и развития промышленности Туркестанского края – развитие ее на капиталистической основе. Это было связано с тем, что экономическое освоение региона совпадало с периодом быстрого развития капиталистических отношений в России. Но процесс становления и развития экономических форм промышленности был сложным, противоречивым и длительным. Многоукладность хозяйства дореволюционной России сказалась на промышленном освоении Туркестанского края, где существовали не только ремесленное, мелкотоварное, типа кооперации, мануфактурные и фабрично-заводские формы обрабатывающей промышленности, но и промежуточные, незрелые типы этих форм производства. В Туркестанский край перенеслись и отрицательные и прогрессивные стороны капитализма. Они существовали наряду с патриархальными и феодальными отношениями, постепенно проникая в них и разрушая их» (Тулебаев, Кокеева, 2015: 322).

Таким образом впервые в казахстанско-среднеазиатской историографии были определены особенности развития и различные формы обрабатывающей промышленности дореволюционного Туркестана.

5. Заключение

Итог изучения обрабатывающей промышленности подведен в фундаментальном историографическом труде Д.И. Дулатовой, где автор пришел к убеждению о том, что «многие проблемы истории обрабатывающей промышленности еще предстоит изучить» (Дулатова, 1984: 175). Анализ историографии по теме исследования говорит о недостаточности изучения форм и стадии промышленности, технической и технологической базы отдельных отраслей и предприятий, влияния переселения, истории промышленного переворота. Актуальными также являются проблемы о генезисе капитализма в промышленности Туркестанского края, об особенностях его развития, о ввозе и вывозе различных товаров и сырья, об уровне развития фабрично-заводского производства в дореволюционном Туркестане. Все эти вопросы тесно связаны с проблемами особенностей формирования, численности, состава, уровне концентрации, социально-экономического положения предпринимателей и кадров рабочих региона.

Литература

Азиатская Россия, 1914 – Азиатская Россия. Люди и порядки за Уралом. Т. 1. СПб., 1914. 279 с.

- Аламшиев, 1958** – *Аламшиев П.М.* Ликвидация экономического неравенства народов Советского Востока и социалистическое размещение промышленности (Исторический опыт Казахской ССР). М., 1958. 297 с.
- Асылбеков, 1962** – *Асылбеков М.Х.* Некоторые вопросы истории строительства Оренбургско-Ташкентской железной дороги // *Изв. АН Каз. ССР. Серия историческая.* 1962. Вып. 2 (19). С. 22-27.
- Асылбеков, 1964** – *Асылбеков М.Х.* К вопросу о влиянии железных дорог на экономику дореволюционного Казахстана. // *Изв. АН КазССР. Серия обществ.,* 1964. № 1. С. 33-35.
- Асылбеков, 1968** – *Асылбеков М.Х.* Развитие сети железных дорог Казахстана в конце XIX – нач. XX вв. // *Казахстан в канун Октября.* Алматы, 1968. С. 77-120.
- Асылбеков, 1965** – *Асылбеков М.Х.* Железнодорожники Казахстана в первой русской революции (1905–1907 гг.). Алматы, 1965. 210 с.
- Бочанова, 1978** – *Бочанова Г.А.* Обрабатывающая промышленность Западной Сибири. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1978. 214 с.
- Велецкий, 1916** – *Велецкий С.Н.* Семиреченская область и ее колонизация. Итоги работ по колонизации Семиречья за 8 лет (1906–1913 гг.). Б.м., 1916. 98 с.
- Возникновение капитализма, 1968** – *Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии, Америки.* М., 1968. 312 с.
- Галузо, 1929** – *Галузо П.Г.* Туркестан – колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года). М., 1929. 117 с.
- Генезис капитализма, 1965** – *Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве.* М., 1965. 221 с.
- Головин, 1909** – *Головин.* Кустарные промыслы Туркестана. // *Туркестанский сборник.* Т. 512. Ташкент, 1909. С. 18.
- Демидов, 1926** – *Демидов А.И.* Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности Туркестана. М., 1926. 174 с.
- Дильмухамедов, 1968** – *Дильмухамедов Е.Д.* Обрабатывающая и горная промышленность в начале XX века. // *Казахстан в канун Октября.* Алма-Ата, 1968. С. 121-174.
- Дулатова, 1984** – *Дулатова Д.И.* Историография дореволюционного Казахстана (1861–1917 гг.). Алма-Ата, 1984. 221 с.
- Ерофеева, 1958** – *Ерофеев Н.А.* Легкая промышленность Казахстана до Октябрьской революции и в первые годы Советской власти. // *Уч. записки Каз. ГУ, Серия экономич.* 1958. Т.36. Вып. 3. С. 77-81.
- Есенгалиева, 1958** – *Есенгалиева Г.* Мелкие промыслы Семипалатинской области в конце XIX – начале XX века // *Известия АН Каз ССР. Серия истории.* 1958. Вып. 3(8). С. 123-131.
- Есенгалиева, 1961** – *Есенгалиева Г.* О развитии промышленности по переработке сельскохозяйственных продуктов в Семипалатинской области в конце XIX – начале XX века. // *Труды ИИАЭ АН КазССР.* Т. II. Алма-Ата, 1961. С. 157-182.
- Жакупбеков, 1982** – *Жакупбеков С.К.* О развитии легкой промышленности дореволюционного Казахстана // *Известия АН Каз. ССР. Серия общ. наук.* 1982. № 5. С. 9-17.
- Жакупбеков, 1984** – *Жакупбеков С.К.* История легкой индустрии Казахстана. Алма-Ата, 1984. 245 с.
- Игибаев, 1985** – *Игибаев С.К.* Из истории обрабатывающей промышленности в городах Казахстана. // *Известия АН КазССР. Серия общ. наук.* 1985. № 5. С. 17-21.
- Касымбаев, 1981a** – *Касымбаев Ж.К.* Зарождение и развитие промышленности в городах Восточного Казахстана в XIX веке. // *Известия АН Каз ССР. Серия общ. наук.* 1981. № 6. С. 24-29.
- Касымбаев, 1981b** – *Касымбаев Ж.К.* Из истории развития городской промышленности Восточного Казахстана в начале XX века. / В кн.: Социально-экономические и исторические предпосылки и прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1981. С. 3-12.
- Комаров, 1909** – *Комаров П.* Фабрично-заводская промышленность Туркестана // *Туркестанский сборник.* Т. 512. Ташкент, 1909. С. 51.
- Копылов, 1973** – *Копылов Д.И.* Обрабатывающая промышленность Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Свердловск, 1973. 289 с.
- Костенко, 1870** – *Костенко Л.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870. 337 с.
- Лаврентьев, 1930** – *Лаврентьев В.* Капитализм в Туркестане (Буржуазная колонизация Средней Азии). Л., 1930. 166 с.
- Макарова, 1968** – *Макарова С.М.* Бирма: развитие капитализма в промышленности. М., 1968. 288 с.
- Нилусь, 1909** – *Нилусь Б.* Фабрично-заводская промышленность Туркестана // *Туркестанский сборник.* Т. 513. Ташкент, 1909. С. 96.
- О генезисе капитализма, 1962** – *О генезисе капитализма в странах Востока.* М., 1962. 215 с.
- Об особенностях, 1963** – *Об особенностях империализма в России.* М., 1963. 223 с.
- Переход от феодализма, 1969** – *Переход от феодализма к капитализму в России* // *Материалы Всесоюзной дискуссии.* М., 1969. 197 с.

- Рындзюнский, 1966** – *Рындзюнский П.Г.* Крестьянская промышленность в пореформенной России. М., 1966. 277 с.
- Сельское хозяйство, 1940** – Сельское хозяйство и промышленность дореволюционного Казахстана // *Большевик Казахстана*. 1940. № 9. С. 41-49.
- Смирнов, 1887** – *Смирнов Е.* Сыр-Дарьинская область. СПб., 1887. 165 с.
- Соловьева, 1981** – *Соловьева Е.И.* Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981. 241 с.
- Тимаев, 1909** – *Тимаев К.А.* Фабрично-заводская промышленность Туркестана // *Туркестанский сборник*. Т. 510. Ташкент, 1909. С. 100.
- Tulebaev, Kokebayeva, 2015** – *Tulebaev T., Kokebayeva G.K.* The Making and Development of Economic Forms of the Industry of Turkestan Krai in the late 19th – Early 20th Centuries // *Bylye Gody*, 2015, Vol. 36, Is. 2, pp. 319-326.
- Тулбаев, 2016** – *Тулбаев Т.А.* Обработывающая промышленность Туркестанского края. Тараз, 2016. 160 с.
- Тулбаев, 2014** – *Тулбаев Т.А.* Капитализм в Казахстане: прошлое и настоящее (историографический аспект). Алматы, 2014. 250 с.
- Фабрично-заводская, 1909** – Фабрично-заводская промышленность Туркестана // *Туркестанский сборник*. Т. 442. Ташкент, 1909. С. 7.
- Чуланов, 1960** – *Чуланов Г.* Промышленность дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1960. 177 с.
- Шалекенов, 1988** – *Шалекенов М.У.* Развитие промышленности в городах Южного Казахстана после присоединения в России. / В кн.: Социально-экономические отношения в городе и деревне Казахстана. Алма-Ата, 1988. С. 31-37.
- Я-вич, 1913** – *Я-вич.* Кустарные промыслы в Туркестане // *Туркестанские ведомости*. 1913. №53 (8 марта). С. 2.
- Яцунский, 1973** – *Яцунский В.К.* Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. М., 1973. 287 с.

References

- Aziatskaya Rossiya, 1914** – *Aziatskaya Rossiya. Lyudi i poryadki za Uralom* [Asian Russia. People and orders beyond the Urals]. Т. 1. СПб., 1914. 279 p. [in Russian]
- Alampiev, 1958** – *Alampiev P.M.* (1958). Likvidaziya ehkonomicheskogo neravenstva narodov Sovetskogo Vostoka i socialisticheskoe razmeshchenie promyshlennosti (Istoricheskij opyt Kazahskoj SSR) [Elimination of the economic inequality of the peoples of the Soviet East and the socialist placement of industry (Historical experience of the Kazakh SSR)]. М. 297 p. [in Russian]
- Asylbekov, 1962** – *Asylbekov M.H.* (1962). Nekotorye voprosy istorii stroitel'stva Orenburgsko-Tashkentskoj zheleznoj dorogi [Some issues of the history of the construction of the Orenburg-Tashkent railway]. *Izv. AN Kaz SSR. Seriya istorich.* Vyp. 2(19). pp. 22-27. [in Russian]
- Asylbekov, 1964** – *Asylbekov M.H.* (1964). K voprosu o vliyanii zheleznyh dorog na ehkonomiku dorevolucionnogo Kazahstana [To the question of the influence of railways on the economy of pre-revolutionary Kazakhstan.]. *Izv. AN Kaz SSR. Seriya obshchestv.* № 1. pp. 33-35. [in Russian]
- Asylbekov, 1968** – *Asylbekov M.H.* Razvitie seti zheleznyh dorog Kazahstana v konce XIX – nach. XX vv. [Development of the network of railways in Kazakhstan in the late XIX and early XX centuries]. *Kazahstan v kanun Oktyabrya*. Алматы, 1968. pp.77-120. [in Russian]
- Asylbekov, 1965** – *Asylbekov M.H.* (1965). Zheleznodorozhniki Kazahstana v pervoj russoj revolyucii (1905–1907 gg.) [Railwaymen of Kazakhstan in the first Russian revolution (1905–1907)]. Алматы. 210 p. [in Russian]
- Bochanova, 1978** – *Bochanova G.A.* (1978). Obrabatyvayushchaya promyshlennost' Zapadnoj Sibiri. Konec XIX – nachalo XX v. [Manufacturing industry of Western Siberia. The late of XIX – early of XX centuries]. *Novosibirsk*. 214 p. [in Russian]
- Veleckij, 1916** – *Veleckij S.N.* (1916). Semirechenskaya oblast' i ee kolonizaciya. Itogi rabot po kolonizacii Semirech'ya za 8 let (1906–1913 gg.) [Semirechenskaya region and its colonization. The results of the work on the colonization of the Semirechie for 8 years (1906–1913)]. В.м. 98 p. [in Russian]
- Vozniknovenie kapitalizma, 1968** – *Vozniknovenie kapitalizma v promyshlennosti i sel'skom hozyajstve stran Evropy, Azii, Ameriki* [The emergence of capitalism in industry and agriculture in Europe, Asia, America]. М., 1968. 312 p. [in Russian]
- Galuzo, 1929** – *Galuzo P.G.* (1929). Turkestan – koloniya (Ocherk istorii Turkestana ot zavoevaniya russkimi do revolyucii 1917 goda) [Turkestan – colony (Essay on the history of Turkestan from the conquest of the russians before the revolution of 1917)]. М. 117 p. [in Russian]
- Genezis kapitalizma, 1965** – *Genezis kapitalizma v promyshlennosti i sel'skom hozyajstve* [The genesis of capitalism in industry and agriculture]. М., 1965. 221 p. [in Russian]
- Golovin, 1909** – *Golovin.* (1909). Kustarnye promysly Turkestana [Handicrafts of Turkestan]. *Turkestanskij sbornik*. Т. 512. Ташкент, 1909. p. 18. [in Russian]

- Demidov, 1926** – *Demidov A.I.* (1926). Ekonomicheskie ocherki hlopkovodstva, hlopkovoj trgovli i promyshlennosti Turkestana [Economic outlines of cotton growing, cotton trade and industry of Turkestan]. M. 174 p. [in Russian]
- Dil'muhamedov, 1968** – *Dil'muhamedov E.D.* (1968). Obrabatyvayushchaya i gornaya promyshlennost' v nachale XX veka [Processing and mining in the early XX century]. Kazahstan v kanun Oktyabrya. Alma-Ata. pp. 121-174. [in Russian]
- Dulatova, 1984** – *Dulatova D.I.* (1984). Istoriografiya dorevolyucionnogo Kazahstana (1861–1917 gg.) [Historiography of pre-revolutionary Kazakhstan (1861–1917)]. Alma-Ata. 221 p. [in Russian]
- Erofeeva, 1958** – *Erofeeva N.A.* (1958). Legkaya promyshlennost' Kazahstana do Oktyabr'skoj revolyucii i v pervye gody Sovetskoj vlasti [Light industry of Kazakhstan before the October Revolution and in the first years of Soviet power]. *Uch. zapiski Kaz GU, Seriya ehkonomich.* T. 36. Vyp. 3. pp. 77-81. [in Russian]
- Esengalieva, 1958** – *Esengalieva G.* (1958). Melkie promysly Semipalatinskoj oblasti v konce XIX – nachale XX veka [Small crafts of the Semipalatinsk region at the end of the XIX – the beginning of the XX century]. *Izvestiya AN Kaz SSR. Seriya istorii.* Vyp. 3(8). pp. 123-131. [in Russian]
- Esengalieva, 1961** – *Esengalieva G.* (1961). O razvitii promyshlennosti po pererabotke sel'skohozyajstvennyh produktov v Semipalatinskoj oblasti v konce XIX – nachale XX veka [About the development of the industry for the processing of agricultural products in the Semipalatinsk region in the late XIX and early XX centuries]. *Trudy IIAE AN Kaz SSR.* T. II. Alma-Ata. pp. 157-182. [in Russian]
- Zhakupbekov, 1982** – *Zhakupbekov S.K.* (1982). O razvitii legkoj promyshlennosti dorevolyucionnogo Kazahstana [On the development of light industry in pre-revolutionary Kazakhstan]. *Izvestiya AN Kaz. SSR. Seriya obshch. nauk.* № 5. pp. 9-17. [in Russian]
- Zhakupbekov, 1984** – *Zhakupbekov S.K.* (1984). Istoriya legkoj industrii Kazahstana [History of Kazakhstan's light industry]. Alma-Ata. 245 p. [in Russian]
- Igibaev, 1985** – *Igibaev S.K.* Iz istorii obrabatyvayushchej promyshlennosti v gorodah Kazahstana [From the history of manufacturing in the cities of Kazakhstan]. *Izvestiya AN Kaz SSR. Seriya obshch. nauk.* 1985. № 5. pp. 17-21. [in Russian]
- Kasymbaev, 1981a** – *Kasymbaev Zh.K.* (1981). Zarozhdenie i razvitie promyshlennosti v gorodah Vostochnogo Kazahstana v XIX veke [The emergence and development of industry in the cities of East Kazakhstan in the XIX century]. *Izvestiya AN Kaz SSR. Seriya obshch. nauk.* № 6. pp. 24-29. [in Russian]
- Kasymbaev, 1981b** – *Kasymbaev Zh.K.* (1981). Iz istorii razvitiya gorodskoj promyshlennosti Vostochnogo Kazahstana v nachale XX veka [From the history of the development of urban industry in East Kazakhstan in the early of XX century]. V kn.: *Social'no-ehkonomicheskie i istoricheskie predposylki i progressivnoe znachenie prisoedineniya Kazahstana k Rossii.* Alma-Ata. pp. 3-12. [in Russian]
- Komarov, 1909** – *Komarov P.* (1909). Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' Turkestana [Factory-manufacturing industry of Turkestan]. *Turkestanskij sbornik.* T. 512. Tashkent. p. 51. [in Russian]
- Kopylov, 1973** – *Kopylov D.I.* (1973). Obrabatyvayushchaya promyshlennost' Zapadnoj Sibiri v XVIII – pervoj polovine XIX v. Sverdlovsk [Manufacturing industry of Western Siberia in the XVIII – first half of the XIX centuries]. 289 p. [in Russian]
- Kostenko, 1870** – *Kostenko L.* (1870). Srednyaya Aziya i vodvorenje v nej russkoj grazhdanstvennosti [Central Asia and the establishment of Russian citizenship in it. St. Petersburg]. SPb. 337 p. [in Russian]
- Lavrent'ev, 1930** – *Lavrent'ev V.* (1930). Kapitalizm v Turkestane (Burzhuaznaya kolonizaciya Srednej Azii) [Capitalism in Turkestan (Bourgeois colonization of Central Asia)]. L. 166 p. [in Russian]
- Makarova, 1968** – *Makarova S.M.* (1968). Birma: razvitie kapitalizma v promyshlennosti [Burma: the development of capitalism in industry]. M. 288 p. [in Russian]
- Nilus', 1909** – *Nilus' B.* (1909). Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' Turkestana [Factory-manufacturing industry of Turkestan]. *Turkestanskij sbornik.* T. 513. Tashkent. p. 96. [in Russian]
- O genezise kapitalizma, 1962** – O genezise kapitalizma v stranah Vostoka [On the genesis of capitalism in the countries of the East]. M., 1962. 215 p. [in Russian]
- Ob osobennostyah, 1963** – Ob osobennostyah imperializma v Rossii [On the peculiarities of imperialism in Russia]. M., 1963. 223 p. [in Russian]
- Perehod ot feodalizma, 1969** – *Perehod ot feodalizma k kapitalizmu v Rossii* [The transition from feudalism to capitalism in Russia]. Materialy Vsesoyuznoj diskussii. M., 1969. 197 p. [in Russian]
- Ryndzyunskij, 1966** – *Ryndzyunskij P.G.* (1966). Krest'yanskaya promyshlennost' v poreformennoj Rossii [Peasant industry in post-reform Russia]. M. 277 p. [in Russian]
- Sel'skoe hozyajstvo, 1940** – Sel'skoe hozyajstvo i promyshlennost' dorevolyucionnogo Kazahstana [Agriculture and industry of pre-revolutionary Kazakhstan]. *Bol'sheviki Kazahstana.* 1940. № 9. pp. 41-49. [in Russian]
- Smirnov, 1887** – *Smirnov E.* (1887). Syr-Dar'inskaya oblast' [Syr-Darya Region]. SPb. 165 p. [in Russian]
- Solov'eva, 1981** – *Solov'eva E.I.* (1981). Promysly sibirskogo krest'yanstva v poreformennyj period [Crafts of Siberian peasants in the post-reform period]. Novosibirsk. 241 p. [in Russian]
- Timaev, 1909** – *Timaev K.A.* (1909). Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' Turkestana [Factory industry of Turkestan]. *Turkestanskij sbornik.* T. 510. Tashkent. p. 100. [in Russian]

- Tulebaev, 2016** – *Tulebaev T.A.* (2016). Obrabatyvayushchaya promyshlennost' Turkestanskogo kraja [Manufacturing industry in Turkestan]. Taraz. 160 p. [in Russian]
- Tulebaev, 2014** – *Tulebaev T.A.* (2014). Kapitalizm v Kazahstane: proshloe i nastoyashchee (istoriograficheskiy aspekt) [Capitalism in Kazakhstan: past and present (historiographical aspect)]. Almaty. 250 p. [in Russian]
- Fabrichno-zavodskaya, 1909** – *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' Turkestana* [Factory Industry of Turkestan]. *Turkestanskiy sbornik*. T. 442. Tashkent, 1909. p. 7. [in Russian]
- Chulanov, 1960** – *Chulanov G.* (1960). Promyshlennost' dorevolyucionnogo Kazahstana [The industry of pre-revolutionary Kazakhstan]. Alma-Ata, 1960. 177 p. [in Russian]
- Shalekenov, 1988** – *Shalekenov M.U.* (1988). Razvitie promyshlennosti v gorodah Yuzhnogo Kazahstana posle prisoedineniya v Rossii. [The development of industry in the cities of Southern Kazakhstan after accession in Russia]. V kn.: Social'no-ehkonomicheskie otnosheniya v gorode i derevne Kazahstana. Alma-Ata. pp. 31-37. [in Russian]
- Ya-vich, 1913** – *Ya-vich.* (1913). Kustarnye promysly v Turkestane [Handicraft industries in Turkestan]. *Turkestanskiye vedomosti*. № 53 (8 marta). p. 2. [in Russian].
- Yazunskij, 1973** – *Yazunskij V.K.* (1973). Social'no-ehkonomicheskaya istoriya Rossii XVIII–XIX vv. [Social and economic history of Russia XVIII–XIX centuries]. M. 287 p. [in Russian].
- Tulebaev, Kokebayeva, 2015** – *Tulebaev T., Kokebayeva G.K.* (2015). The Making and Development of Economic Forms of the Industry of Turkestan Krai in the late 19th – Early 20th Centuries. *Bylye Gody*, Vol. 36, Is. 2, pp. 319-326.

Обрабатывающая промышленность Туркестана в дореволюционный период: историографический аспект

Т.А. Тулебаев ^{а,*}, М.С. Ногайбаева ^а, Б. Сайлан ^а, Г.Е. Абикенова ^а

^а Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан

Аннотация. В статье рассмотрена мало изученная проблема – историография истории обрабатывающей промышленности Туркестанского края второй половины XIX – начала XX века. Первые работы посвященные становления и развития отдельных отраслей промышленности края появились еще в конце XIX века. Поэтому хронологические рамки данной статьи охватывает почти полтора столетия. В этот обширный хронологический период существовали различные социально-экономические и политические этапы развития Туркестана: дореволюционный, советский и период независимости. Исследователей первого этапа можно разделить на две группы: некоторые смотрели на край как сырьевой базе, а другие выступали за развитие промышленности и производительных сил края. В советский период началось специальное и комплексное исследование отдельных отраслей промышленности и защищены диссертации, появились монографические работы по истории обрабатывающей промышленности. Исследователи проблемы разных эпох придерживались различных подходов и методологии. Существовали и существуют различные концепции, противоречивые взгляды по важнейшим проблемам истории промышленности края.

В настоящей работе показано влияние на исследователей советской тоталитарной политики и классового подхода и их тенденциозность, ограниченность при освещении исследуемого вопроса. На основе анализа опубликованной с конца XIX века до наших дней, обширной научной и научно-популярной литературы, впервые в исторической науке, определен степень изученности истории промышленного развития дореволюционного Туркестана. Авторы сделали вывод о том что многие концептуальные вопросы данной проблемы необходимо изучить и пересмотреть на основе новой парадигмы, новых концепции и взглядов периода независимости республик Средней Азии и Казахстана.

Ключевые слова: Туркестанский край, историография, дореволюционный период, историографический источник, обрабатывающая промышленность, дореволюционная литература, советская историография, анализ исторических работ.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tatulebaev@gmail.com (Т.А. Тулебаев), nmendigul@mail.ru (М.С. Ногайбаева), b_sailan1967@mail.ru (Б. Сайлан), agulzhazira@mail.ru (Г.Е. Абикенова)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 271-279. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.271
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Imperial Judicial and Legal System in the Steppe Region in the second half of the XIX century: Features of Formation and Functioning

Inna V. Anisimova ^{a, *}, Evgenia M. Gostyusheva ^a

^a Altai State University, Russian Federation

Abstract

The development of judicial and legal system in the Steppe Region in the second half of the XIX century was analyzed in the article. The research based on a wide range of historical sources, the main stages in the development of the judicial organization and judicial procedure in the region are identified and their content is determined. It is important to identify the specific features of the functioning of judicial institutions. During period under review judicial system of the Steppe region acquired a complex configuration. The reforms carried out in line with modernization policy in the Steppe region had contradictory and inconsequent character. Regional specifics of the organization and functioning of the state system of justice consisted in preservation of the traditional court, acting on the basis of adat and "transplanting" the imperial elements of justice in the region. The preservation of the people's court did not allow completely incorporate the local population of the region into the all-Russian legal framework. The ambivalent attitude of state authorities to the judicial and legal system of the Steppe Regions was determined by political factors and by the "unpreparedness" of the population of the region to accept the institutions and values of European culture. This explains the exclusion of the Steppe region from the distribution area of the Judicial Statute of 1864. Obvious disadvantages formed by the end of the XIX century the judicial system of the Steppe region was the preservation of the traditional court in the justice system, the combination of functions of the investigation – the court in one hands, the functioning of pre-reform judicial institutions (regional government), the shortage of magistrates, the vastness of world fields, etc. Regional and central authorities recognized the functional inefficiency of the judicial system of the Steppe region in this variant and the need for unification with the general imperial legal space, which predetermined the implementation of a new stage of reform at the end of the XIXth century.

Keywords: Russian Empire, Steppe region, judicial and legal system, court of the biys, reforms.

1. Введение

Уникальность российского судебного-правового пространства второй половины XIX в. определяется его вариативностью и региональной спецификой, когда в рамках имперской судебной системы существовали локальные, со своими особенностями развития, судебные подсистемы. Современная историография выделяет от четырех до семи типов судебного устройства в России к концу XIX – началу XX в., в которых сложившаяся судебно-правовая система, развиваясь в русле общероссийской юстиции, отличалась по ряду параметров (Деревскова, 2014: 22; Краковский, 2014: 18–30). Особый тип судебного-правовой системы был сформирован в Степном крае, который на протяжении второй половины XIX в. являл собой сочетание традиционных институтов права казахского этноса и элементов общеимперского дореформенного суда. Необходимость реформирования судебной системы региона осознавалась на региональном и центральном уровнях власти. Существующая организация судебной власти не соответствовала модернизационной

* Corresponding author

E-mail addresses: iva0410@mail.ru (I.V. Anisimova), altmpsi@mail.ru (E.M. Gostyusheva)

направленности имперской политики в центральноазиатских окраинах, а нередко и препятствовала ей. В связи с этим, изучение особенностей судебной системы Степного края, причин их формирования и устойчивости представляется актуальным.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы исследования составляют материалы делопроизводственной документации центральных и региональных органов власти, отложившиеся в РГИА (Ф. 1291 – Земский отдел МВД, Ф. 1405 – Министерство Юстиции) и ЦГА РК (Ф. 64 – Канцелярия Степного генерал-губернатора). Важное значение имеют законодательные источники, представленные основополагающими положениями, регламентирующими управление регионом. Отдельную группу источников представляют материалы ревизионных комиссий и отчетов генерал-губернатора Степного края и губернаторов степных областей. В совокупности используемые источники позволяют определить позиции региональных и центральных ветвей власти в отношении деятельности судебно-правовой системы Степного края, выявить особенности формирования судебных институтов региона, проанализировать недостатки и противоречия в работе органов судебной власти.

Методологической основой исследования являются основные положения институциональной теории или «неоинституционализма», позволяющие рассмотреть судебно-правовую систему как «формальный» институт, являющийся способом координации социального взаимодействия. В исследовании реализуется принцип историзма, способствующий провести объективный анализ изучаемого явления. В работе используется системный подход, позволяющий определить строение и структуру судебно-правовой российской имперской системы и выделить в качестве подсистемы судебную систему Степного края, проанализировать результаты ее функционирования. Проблемно-хронологический принцип позволяет выявить и охарактеризовать основные этапы развития судебно-правовой системы региона на протяжении второй половины XIX в.

3. Обсуждение

История формирования и развития судебно-правовой системы Российской империи второй половины XIX в. представляет актуальную тему исследования и, в целом, широко изучается в отечественной и зарубежной историографии. Основной блок работ посвящен подготовке и проведению судебной реформы 1864 г., и анализу механизмов ее реализации на пространстве Российской империи. Советская историография признавала прогрессивный характер реформы и формирование в результате ее реализации нового типа судебной системы в стране, которая, однако, по-прежнему выражала интересы господствующего класса. Преобразования судопроизводства 70–80-х гг. XIX в. трактовались как контрреформы и реконструкция царизмом утраченных позиций (Ерошкин, 1968; Виленский, 1969). В данном ключе рассматривалась и судебная система Степного края, которую относили к карательным механизмам царизма и оценивали как порождение колониальной политики Российской империи (Сапаргалиев, 1966). Оценки судебной реформы в России как новаторской, радикальной и технически успешной характерны для зарубежной историографии (Тарановски, 1992: 305), однако исследователи подчеркивают, что реализация реформы за пределами европейской части Российской империи происходила медленно и не в полной мере (Pearson, 1984).

В конце XX – начале XXI в., в силу изменений методологических ориентиров исторической науки, в историко-правовых исследованиях судебной системы Российской империи появились новые форматы и оценки. Активно началось изучение региональных вариантов реализации судебных реформ второй половины XIX в. и особенностей судебно-правовых систем как во внутренних губерниях России, так и в национальных окраинах. Анализу судебно-правовых систем Закавказья, Польши, Прибалтики, Сибири посвящено значительное количество работ (Деревскова, 2004; Курас, 2014; Абазов, 2016). Однако, изучение судебно-правовой системы Степного края во второй половине XIX – начале XX в. не получило должного развития. В казахстанской историографии эта тема рассматривается прежде всего в рамках общих работ, посвященных истории Казахстана (Абдрахманова, 1998). Сегодня в исследованиях акцент делается на изучение традиционного права казахов, особенностей формирования и развития института биев (Брусина, 2004; Почекаев, 2008; Мажитова, 2015), ряд работ посвящен изучению роли и места традиционного суда в судебно-правовой системе региона (Почекаев, 2011; Анисимова, 2013; Лысенко и др., 2014; Салиев, 2015). Подчеркивается устойчивость традиционной правовой системы, широкая сфера его действия, и малоэффективность сочетания традиционных судебных институтов и элементов общеимперского судостроительства. В целом, анализ историографии позволяет утверждать, что формирование и особенности развития имперской судебно-правовой системы в Степном крае во второй половине XIX в. остаются малоисследованной темой, что актуализирует данную работу.

4. Результаты

Важнейшей характеристикой политики Российской империи в центральноазиатских национальных окраинах во второй половине XIX в. стала реализация концепции модернизации региона с помощью комплекса реформ, направленных на трансформацию административного

управления и социально-экономических отношений (Lysenko et al., 2017: 317). Основной задачей модернизации было стремление интегрировать регион в общеимперское пространство, что, отчасти и было выполнено к началу XX в. Преобразованиями была затронута и судебно-правовая система Степного края, которая к середине XIX в. представляла собой сочетание отдельных элементов общеимперской юстиции и традиционного суда, представленного устойчивым положением в судебной практике казахского населения суда биев, опирающегося на нормы адата. Судебная власть, которая принадлежала биям, имела исключительное значение и выступала ведущей формой власти в системе управления (Зиманов, 1958: 195–196).

Важную роль в модернизации судебно-правовой системы Российской империи сыграла судебная реформа 1864 г. При этом, можно согласиться с мнением исследователей, что этнонациональные и конфессиональные особенности России, неравномерность экономического и культурного развития ее регионов, цивилизационные различия, своеобразие жизненного уклада населения были определяющим фактором в процессе ее реализации, а это усложняло судебную систему и не способствовало правовому единообразию (Деревскова, 2014: 22–26). Базовые принципы проводимой судебной реформы вошли в конфликт с существующей социально-политической системой иерархического и патриархального государства (Захаров, 2010). Более очевиден данный конфликт был в отношении центральноазиатских окраин. В связи с этим, имперскими властями в рамках политики модернизации центральноазиатских окраин был выработан региональный вариант преобразования судебной системы. Значительное влияние на разработку центральноазиатской модели модернизации оказал укоренившийся в российской политической среде тезис о неготовности аборигенного населения региона к восприятию «норм и начал русской государственности», что формировало представление об отказе от введения в крае ряда государственных институтов и повинностей (Бахтурина, 2004; Lysenko et al., 2017). Неготовность местного населения Степного края воспринять «импорт» формальных судебно-правовых институтов, вводимых судебной реформой 1864 г., малочисленность восточнославянского населения в регионе, ограниченность финансовых ресурсов для проведения широкомасштабных преобразований стали основанием для нераспространения на степные области Судебных уставов 1864 г.

Нормативно-правовой основой осуществления судебной власти в Степном крае в 1860–1870-е гг. стало принятое в 1868 г. «Временное положение об управлении в Степных областях» (Временное положение, 2005), согласно которому вводилась новая судебная иерархия. Временное положение 1868 г. распределило судебную власть между 1) народным судом, и 2) судебным органам, действующим на основании общеимперских российских законов. В свою очередь общеимперская судебно-правовая система была представлена инстанциями 3 уровней: 1) уездные судьи, 2) военно-судные комиссии, 3) областные правления. Параллельно действовали волостные суды для русских переселенцев в регионе и станичные суды в казачьих станицах.

Уездные судьи обладали компетенциями мировых судей по судебным уставам 20 ноября 1864 г., на них же было возложено и производство следствий по делам, превышавшим подсудность мирового судьи. В ведение областных правлений относились гражданские дела на сумму более 2000 р., и уголовные дела, превышавшие круг компетенций уездных судей (убийство, грабеж, барымта). Областное правление выполняло функции съезда мировых судей и палаты уголовного и гражданского судов. Военно-судные комиссии, на основе свода военных постановлений рассматривали дела, связанные с преступлениями против государственной власти. Важным нововведением стало учреждение в Степных областях должности областных прокуроров с правами и обязанностями губернского прокурорского надзора на общем основании (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 18-1897. Л. 2–12 об).

Однако опыт применения на практике Временного положения 1868 г. довольно скоро показал, что установленный им порядок, как и предложенная организация судебной части, имели существенные недостатки. Уже в начале 70-х гг. XIX в. туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман направил в Военное министерство Российской империи проект о переустройстве судебной части, в обосновании которого писал, что «практика применения той организации суда привела к результатам, совершенно противоположным основному началу, которым руководствовалась степная комиссия, в устройстве судебной части. В деятельности самих судебных мест, проектированных ею, является смешение суда и администрации, в самой грубой форме» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7108-а. Л. 133). В подтверждение мнения К.П. Кауфмана высказывался и прокурор Акмолинской области Кондратович. Особой критике была подвергнута работа в качестве судебной инстанции областных правлений, чиновники которых, как правило, не имели юридического образования, в силу чего были некомпетентны в решении судебных дел, и занятые управлением «распорядительных и хозяйственных отделений более заботясь об усиленном ходе административных ... дел, считали дела судебные на втором плане» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 2–5). Неудовлетворительно как региональными властями, так и министерством юстиции, оценивалась работа уездных судей, которые в силу Положения 1868 г. осуществляли в вверенном им уезде как судебную, так и следственную ветви власти. В результате большинство уездных судей не выполняли компетентно возложенные на них обязанности, и большинство как судебных дел, так и следствий оставались неоконченными. Учтивая мнения и отзывы региональных властей, в 1873 г. в

Министерстве юстиции была образована специальная Комиссия для рассмотрения деятельности суда и организации судопроизводства в Степном крае, задачей которой была выработка проекта положения о судебном устройстве в Степных областях (РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 66–133).

Проблемы в судоустройстве и судопроизводстве региона были очевидными. В 1883 г. степной генерал-губернатор Г.А. Колпаковский высказав свою позицию о характере судебной системы в вверенном ему регионе, подчеркивал, что основным недостаток судоустройства в Степных областях заключается в соединении в рамках областных правлений судебной и административной власти и основании судопроизводства на «дореформенных обрядах, на теории формальных улик и доказательств, без всякого применения гласности и устности, составляющих главное достоинство новых судебных учреждений» (Всепопданейший отчет Степного генерал-губернатора, 1883. Л. 62–63).

О том, что и уездные судьи, и областные правления не справляются с объемом возникающих по судебной-следственной части дел, неоднократно сообщали военные губернаторы Степных областей (Всепопданейший отчет военного губернатора Семипалатинской области, 1886. Л. 7; Всепопданейший отчет военного губернатора Семиреченской области, 1886. Л. 2–3). Одной из причин сложившейся ситуации была малочисленность штатного состава и плохое финансирование областного и уездного управлений.

Еще большие замечания вызывало сохранение в судебной-правовой системе края традиционного народного суда. По мнению представителей региональных властей, народный суд находился «в неудовлетворительном состоянии» и подрывал «благополучие инородцев, которые не получали удовлетворения в скором и правом суде» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 647. Л. 131–131 об.). Позднее, рассматривая проекты о преобразовании судебной части в Степном крае, главы Министерства внутренних дел и Министерства императорского двора пришли к единому мнению о необходимости «полного подчинения «инородцев» общегосударственному суду» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 767. Л. 4).

Очевидные недостатки в организации судебной власти Степного края стали причиной обсуждения на уровне Комитета министров вопроса о реорганизации судоустройства уже в 1881 г. (РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 144–149). Но, при едином мнении о необходимости реформирования судебной системы, принципы и содержание реформы вызвало существенные разногласия. Так, военный министр Д.А. Милютин настаивал на невозможности введения в центральноазиатских окраинах (Степные области и Туркестанский край) судебных уставов 1864 г., отмечая малочисленность русского населения и немаловажные для государства политические мотивы. По мнению Д.А. Милютина, коренное население Туркестанского края лучше всего оставить в ведении народных судов, так как «мусульманские народы ... не безучастно относятся к постепенному движению вглубь Средней Азии двух европейских государств России и Англии и всегда будут более сочувствовать той стороне, которая мягче относится к его самобытной народной жизни, а равно и религии, тесно связанной с отправлением суда» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 148). Также важна была и позиция министра юстиции Д.Н. Набокова, который обращал внимание на финансовую сторону проблемы, подчеркивая, что проведение реформы в полном объеме потребует значительных расходов, а «финансовые затруднения не позволяют провести в жизнь до настоящего времени законоположения 1864 г. даже во многих губерниях Европейской России». И вновь реализация в Степных областях судебной реформы согласно Уставам 1864 г. была отложена до неопределенного времени.

Однако игнорировать необходимость преобразований в судебной системе региона государственная власть не могла. Важным этапом развития судебной системы Степного края стало принятие в 1886 г. «Положение об управлении Туркестанского края», действие которого распространялось и на Степные области (Положение, 1886). «Положение», преобразовав порядок административного управления в регионе, в отношении реорганизации судебной системы ограничилась лишь немногими изменениями, которые носили отчасти прогрессивный характер. Так, преобразованиями, представляющими весомое значение, стало упразднение должностей уездных судей и передача их функций в компетенцию мировых судей, изъятие из ведения областных правлений уголовных и гражданских производств, превышающих подсудность мировых судей, подчинение их вновь учрежденным областным судам, организацию прокурорского надзора и т.д.

Однако, «Положение» не явило собой радикальные преобразования в судебной системе. Прежде всего, был сохранен народный суд как элемент судебной-правовой системы, архаичность, традиционализм, главенство родового начала которого препятствовали реализации модернизационной политики в правовой сфере и развитию правосознания и правовой культуры общества. Не полностью были изъяты судебные функции и у областных правлений, затянулась организация института мировых судей. Уже через несколько лет после введения «Положения» в действие и региональные, и центральные органы власти стали обращать внимание на недостатки в работе институтов юстиции Степного края.

Вызывала замечания организация следственной части, возложенной по «Положению» на мировых судей или их помощников. Сочетание следственной и судебной части, большой объем работы, затягивали выполнение судьями непосредственных обязанностей. Критике подвергалась малочисленность чиновников судебного ведомства. Мировых судей, помощников мировых судей в Степных областях, утвержденных штатным расписанием 25 марта 1891 г., было недостаточно, о чем

неоднократно сообщали региональные власти (Ф. 1405. Оп. 100. Д. 552. Л. 206–207; 220–221). Особенно неудовлетворительной выглядела работа в качестве судебных мест областных правлений. По мнению чиновников Министерства юстиции, изложенного в 1897 г. в записке об устройстве судебной части в Туркестанском крае и Степных областях «личный состав означенных установлений, будучи обременен значительным числом разнообразных дел административного характера, оказался не в состоянии посвящать достаточное время судебным делам, вследствие чего эти последние оставались без движения иногда в течение весьма продолжительного времени» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 99. Д. 1986. Л. 4). Критического замечания заслуживало и отсутствие у большинства членов областных правлений специального юридического образования. В свое время Степной генерал-губернатор Г.А. Колпаковский, оценивая эффективность деятельности данной судебной инстанции заявил, что «областные правления решают дела вопреки смысла законов» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 99. Д. 1986. Л. 4).

Безусловно, сочетание в судебно-правовой системе Туркестана и Степных областей общеимперских судебных институтов и традиционного народного суда, действующего на основе адата, половинчатость проводимых министерством юстиции реформ, вызванных особенностями этнополитического развития региона, затрудняли как процесс инкорпорации региона в общеимперское правовое поле, так и эффективность самой правовой системы. Очевидной была несостоятельность сохранения народного суда в системе правоотношений Степных областей. В связи с этим к концу XIX в., в высших государственных органах Российской империи неоднократно стали обсуждаться возможные проекты реорганизации устройства судебной части в Степном крае. В первую очередь речь шла о необходимости распространения на регион Судебных уставов 1864 г. В итоге, после длительной подготовки был разработан законопроект «О преобразовании судебной части в Туркестане и Степной области», согласно которому судебная система центральноазиатских окраин России была приведена в соответствие с Судебными уставами 1864 г.

5. Заключение

Таким образом, в процессе формирования судебной системы Степного края второй половины XIX в. отчетливо выделяются несколько этапов. Первый из них связан с принятием Временного положения 1868 г., направленного на интеграцию традиционных для казахского общества институтов управления в состав общеимперских. Следующим шагом в формировании судебно-правовой системы является принятие и распространение на Степные области «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 г. В результате реализации заложенных в Положениях преобразований в Степном крае сложилась уникальная судебно-правовая система, представляющая сложный механизм, сочетавший в себе принципы имперской юстиции и общеобязательные нормы права и элементы традиционной судебно-правовой системы коренных народов региона, таких как народный суд, институт биев и нормы адата. Однако, в таком виде судебная система очень быстро показала свою несостоятельность.

Результативность и успешность проведенных преобразований можно оценить исходя из степени эффективности судебной системы, учитывая такие критерии как оперативность судопроизводства, доступность и открытость судебного разбирательства и судебных органов власти. По этим параметрам судебная система Степного края второй половины XIX в. не выдерживала критики. Рассмотрение дел затягивалось на несколько лет, участникам судебного процесса в силу значительных расстояний судебных участков было недоступно очное присутствие представителя судебной власти и т.д. Особенностью взаимодействия двух важнейших судебных институтов (следствие–суд) между собой, в Степном крае было первоначально их сочетание в руках уездных судей, а после введения института мировых судей – в компетенции последних. Такое соединение функций, безусловно, затрудняло и ограничивало деятельность судебной власти. При общем стремлении к преобразованию судебной системы, государственная власть не отказалась и от сохранения в системе юстиции Степных областей народного суда и норм адата, что не позволило в полной мере инкорпорировать местное население региона в общеимперское пространство.

Медленная «институциональная трансплантация» или постепенный «импорт» институтов мировой юстиции в регион с преобладающим кочевым населением, в правовой культуре которого господствовали нормы традиционного права, была сложной и зачастую малоэффективной программой. Сформированная во второй половине XIX в. судебная система Степного края приобрела сложную конфигурацию, требующую дальнейших преобразований. Она не соответствовала потребностям общества и не способствовала развитию правовой системы, что вызывало реакцию правительственных кругов, и ставило на повестку дня необходимость распространения на центральноазиатские окраины Российской империи судебных уставов 1864 г. в полном объеме.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в

контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект №33.2177.2017/4.6)

Литература

- Абазов, 2016** – Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской Империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик, 2016. 264 с.
- Абдрахманова, 1998** – Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX в. Астана, 1998. 137 с.
- Анисимова, 2013** – Анисимова И.В. Вопрос об эффективности реформирования традиционной судебной системы казахского общества (80–90-е гг. XIX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2013. № 4/2 (80). С. 109–113.
- Бахтурина, 2004** – Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). М., 2004. 388 с.
- Бекмаханов, 1992** – Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40-е гг. XIX в. Алма-Ата, 1992. 400 с.
- Брусина, 2004** – Брусина О.И. Попытки кодификации казахского обычного права в Российской империи // *Норма, обычай, право: законодательство и практика*. Материалы круглого стола. М., 2004. [Электронный ресурс]. URL: http://jurant.iea.ras.ru/ru/publications/reindeer_disc/round_table/brusina.html (дата обращения 24.08.2015)
- Виленский, 1969** – Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969. 400 с.
- Временное положение, 2005** – Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях (21 октября 1868 г.) // *Древний мир права казахов (материалы, документы и исследования в десяти томах)*. Т. V. Алматы, 2005. С. 441–463.
- Всепопданейший отчет военного губернатора Семипалатинской области, 1886** – Всепопданейший отчет военного губернатора Семипалатинской области за 1886 г. Б.м., б.д.
- Всепопданейший отчет Степного генерал-губернатора, 1883** – Всепопданейший отчет Степного генерал-губернатора за 1883 г. Б.м., б.д.
- Всепопданнейший отчет военного губернатора Семиреченской области, 1886** – Всепопданнейший отчет военного губернатора Семиреченской области за 1886 г. Б.м., б.д.
- Деревскова, 2004** – Деревскова В.М. Становление и развитие пореформенной судебной системы Восточной Сибири в конце XIX – начале XX века. Иркутск, 2004. 343 с.
- Деревскова, 2014** – Деревскова В.М. Пространственно-временные проблемы реализации судебной реформы 1864 г. // *Сибирский юридический вестник*. 2014. № 4. С. 21–28.
- Ерошкин, 1968** – Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. 368 с.
- Захаров, 2010** – Захаров В.В. Неинституционализм в историко-правовых исследованиях: к проблеме расширения методологического инструментария отечественной истории государства и права // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2010. № 3 (15). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/015-041.pdf> (дата обращения: 30.10.2017).
- Зиманов, 1958** – Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958. 293 с.
- Краковский, 2014** – Краковский К.П. Проведение судебной реформы 1864 г. в России. Ч. 2 (посвящается 150-летию судебной реформы 1864 г.) // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2014. № 4. С. 18–30.
- Курас, 2014** – Курас Т.Л. Реформирование судебной системы в России: исторический опыт и современные проблемы. Региональный аспект // *Сибирский юридический вестник*. 2014. № 4. С. 45–53.
- Лысенко и др., 2014** – Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В. и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2014. 271 с.
- Мажитова, 2015** – Мажитова Ж.С. Современная российская и казахстанская историография о судьбе института биев в XX в. // *Вестник Омского университета*. 2015. № 2 (76). С. 126–130.
- Положение, 1886** – Положение об управлении Туркестанского края 1886 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/turkestan1892.html> (дата обращения: 15.11.2016)
- Почекаев, 2008** – Почекаев Р.Ю. Основные этапы эволюции казахского суда биев (XV – начало XX вв.) // *Зангер*. 2008. № 4 (81). Апрель. С. 51–58.
- Почекаев, 2011** – Почекаев Р.Ю. Правовая ситуация в Казахстане в составе Российской империи. Ч. 3: Право и суд Казахстана в составе Российской империи (1868–1917 гг.) // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана*. 2011. № 1. С. 57–75. [Электронный ресурс]. URL: <http://pr-page.narod.ru/82.htm> (дата обращения: 21.10.2015)
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Салиев, 2015** – Салиев А. Попытки инкорпорации традиционных судов Туркестана в систему судопроизводства Российской империи // *Право и управление. XXI век*. 2015. №2 (35). С. 123–128.

[Сапарғалиев, 1966](#) – *Сапарғалиев Г.С.* Карательная политика царизма в Казахстане (1905–1917 гг.). Алма-Ата, 1966. 376 с.

[Тарановски, 1992](#) – *Тарановски Т.* Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // *Великие реформы в России. 1856–1874: Сборник / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла.* М., 1992. С. 301–317.

[ЦГА РК](#) – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

[Lysenko et al., 2017](#) – *Lysenko Yu.A., Demchik E.V., Anisimova I.V.* Modernization and Traditionalism through the Prism of the Events of the 1916 Rebellion in Central Asian Border Regions of Russia // *Bylye Gody.* 2017. Vol. 43. Is. 1. pp. 317–325.

[Pearson, 1984](#) – *Pearson T.* Russian law and rural justice: Activity and problems of the Russian justices of peace, 1865–1889 // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas.* Wiesbaden, 1984. Bd. 32. pp. 52–71.

References

[Abazov, 2016](#) – *Abazov A.Kh.* (2016). Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi Imperii v kontse XVIII – nachale XX v. [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late XVIII – early XX century]. Nalchik. 264 p. [in Russian]

[Abdrakhmanova, 1998](#) – *Abdrakhmanova B.* (1998). Istoriia Kazakhstana: vlast', sistema upravleniia, territorial'noe ustroistvo v XIX v. [History of Kazakhstan: power, management system, territorial structure in the XIX century]. Astana. 137 p. [in Russian]

[Anisimova, 2013](#) – *Anisimova I.V.* (2013). Vopros ob effektivnosti reformirovaniia traditsionnoi sudebnoi sistemy kazakhskogo obshchestva (80–90-e gg. XIX v.) [The issues of the efficiency of reforming the traditional judicial system of the Kazakh society (80–90s of the XIX century)]. *News of the Altai State University.* 2013. No. 4/2 (80). pp. 109–113. [in Russian]

[Bahturina, 2004](#) – *Bahturina A.Yu.* (2004). Okrainyi rossiyskoy imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsionalnaya politika v godyi Pervoy mirovoy voynyi (1914–1918 gg.). [Outskirts of the Russian Empire: administration of the state and national politics during the First world war (1914–1918)]. М. 388 p. [in Russian]

[Bekmakhanov, 1992](#) – *Bekmakhanov E.* (1992). Kazakhstan v 20–40-e gg. XIX v. [Kazakhstan in the 20–40-ies. XIX century]. Alma-Ata. 400 p. [in Russian]

[Brusina, 2004](#) – *Brusina O.I.* (2004). Popytki kodifikatsii kazakhskogo obychnogo prava v Rossiiskoi imperii [Attempts to codify Kazakh customary law in the Russian Empire]. *Norma, custom, law: legislation and practice.* Materials of the round table. М. [Electronic resource]. URL: http://jurant.iea.ras.ru/ru/publications/reindeer_disc/round_table/brusina.html (date of access: 24.08.2015) [in Russian]

[Vilensky, 1969](#) – *Vilensky B.V.* (1969). Sudebnaia reforma i kontrreforma v Rossii [Judicial reform and counter-reform in Russia]. Saratov. 400 p. [in Russian]

[Temporary position, 2005](#) – *Vremennoe polozhenie ob upravlenii v Ural'skoy, Turgayskoy, Akmolinskoy i Semipalatinskoy oblastiakh (21 oktyabrya 1868 g.)* [Temporary position on governance in the Urals, Turgai, Akmola and Semipalatinsk regions (October 21, 1868)]. *Ancient world of the rights of Kazakhs (materials, documents and studies in ten volumes).* Vol. V. Almaty. pp. 441–463. [in Russian]

[The most devoted report of the military governor of the Semipalatinsk region, 1886](#) – Vsepoddaneyshiy otchet voennogo gubernatora Semipalatinskoy oblasti za 1886 g. [The most devoted report of the military governor of the Semipalatinsk region for 1886]. N.P. [in Russian]

[The most devoted report of the Steppe Governor-General, 1883](#) – Vsepoddaneyshiy otchet Stepnogo general-gubernatora za 1883 g. [The most devoted report of the Steppe Governor-General for 1883]. N.P. [in Russian]

[The most devoted report of the military governor of the Semirechye region, 1886](#) – Vsepoddaneyshiy otchet voennogo gubernatora Semirechenskoy oblasti za 1886 g. [The most devoted report of the military governor of the Semirechye region for 1886]. N.P. [in Russian]

[Derevskova, 2004](#) – *Derevskova V.M.* (2004). Stanovlenie i razvitie poreformennoy sudebnoy sistemy Vostochnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX veka [Formation and development of the post-reform judicial system of Eastern Siberia in the late XIX – early XX century]. Irkutsk. 343 p. [in Russian]

[Derevskova, 2014](#) – *Derevskova V.M.* (2014). Prostranstvenno-vremennye problemy realizatsii sudebnoy reformy 1864 g. [Space-time problems of the implementation of judicial reform in 1864]. *Siberian legal bulletin.* 2014. № 4. pp. 21–28. [in Russian]

[Eroshkin, 1968](#) – *Eroshkin N.P.* (1968). Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoy Rossii [History of state institutions of pre-revolutionary Russia]. М. 368 p. [in Russian]

[Zakharov, 2010](#) – *Zakharov V.V.* (2010). Neoinstitutsionalizm v istoriko-pravovykh issledovaniyakh: k probleme rasshireniya metodologicheskogo instrumentariya otechestvennoy istorii gosudarstva i prava [Neoinstitutionalism in historical and legal studies: to the problem of expanding the methodological tools of the national history of the state and law]. *Uchenye zapiski. Electronic scientific journal of the Kursk State University.* № 3 (15). [Electronic resource]. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/015-041.pdf> (date of access: 30.10.2017). [in Russian]

[Zimanov, 1958](#) – *Zimanov S.Z.* (1958). Obshchestvennyy stroy kazakhov pervoy poloviny XIX v. [The social structure of Kazakhs of the first half of the XIX century]. Alma-Ata. 293 p. [in Russian]

Krakowski, 2014 – *Krakowski K.P.* (2014). Provedenie sudebnoy reformy 1864 g. v Rossii. Ch. 2 (posvyashchaetsya 150-letiyu sudebnoy reformy 1864 g.) [Conducting judicial reform in 1864 in Russia. Part 2 (devoted to the 150th anniversary of the judicial reform of 1864)]. *North Caucasian legal bulletin*. № 4. pp. 18–30. [in Russian]

Kuras, 2014 – *Kuras T.L.* (2014). Reformirovanie sudebnoy sistemy v Rossii: istoricheskiy opyt i sovremennyye problemy. Regional'nyy aspekt [Reforming the judicial system in Russia: historical experience and modern problems. Regional aspect]. *Siberian legal bulletin*. № 4. pp. 45–53. [in Russian]

Lyisenko i dr., 2014 – *Lyisenko Yu.A., Anisimova I.V., Tarasova E.V.* (2014). Traditsionnoe kazhskoe obschestvo v natsionalnoy politike Rossiyskoy imperii: kontseptualnyie podhodyi i mehanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.). [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: the conceptual approaches and mechanisms of implementation (XIX – beginning of XX century)]. Barnaul. 271 p. [in Russian]

Mazhitova, 2015 – *Mazhitova Zh.S.* (2015). Sovremennaya rossiiskaia i kazakhstanskaia istoriografiia o sud'be instituta biev v XX v. [Modern Russian and Kazakh historiography about the fate of the biys institute in the 20th century]. *Bulletin of Omsk University*. № 2 (76). pp. 126–130. [in Russian]

Polozhenie, 1886 – Polozhenie ob upravlenii Turkestanskogo kraia 1886 g. [Regulations on the administration of the Turkestan Territory in 1886]. [Electronic resource]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/turkestan1892.html> (date of access: 15.11.2016). [in Russian]

Pochekaev, 2008 – *Pochekaev R.Yu.* (2008). Osnovnye etapy evoliutsii kazakhskogo suda biev (XV – nachalo XX v.) [The main stages of the evolution of the Kazakh court of the biys (XV – the beginning of the XXth century)]. *Zanger*. № 4 (81). April. pp. 51–58. [in Russian]

Pochekaev, 2011 – *Pochekaev R.Yu.* (2011). Pravovaya situatsiia v Kazakhstane v sostave Rossiiskoi imperii. Ch. 3: Pravo i sud Kazakhstana v sostave Rossiiskoi imperii (1868–1917 gg.) [The legal situation in Kazakhstan as part of the Russian Empire. Part 3: The Right and the Court of Kazakhstan in the Russian Empire (1868-1917)]. *Questions of History and Archeology of Western Kazakhstan*. № 1. pp. 57–75. [Electronic resource]. URL: <http://pr-page.narod.ru/82.htm> (date of access: 21.10.2015) [in Russian]

RGIA – Rossiyskiy gosudarstvennyi istoricheskiy arhiv. [The Russian state historical archive].

Saliev, 2015 – *Saliev A.* (2015). Popytki inkorporatsii traditsionnykh sudov Turkestana v sistemu sudoproizvodstva Rossiiskoi imperii [Attempts to incorporate traditional courts of Turkestan into the system of legal proceedings of the Russian Empire]. *Right and Management. XXI Century*. №2 (35). pp. 123–128. [in Russian]

Sapargaliev, 1966 – *Sapargaliev G.S.* (1966). Karatelnaya politika tsarizma v Kazakhstane (1905–1917 gg.). [The punitive policy of tsarism in Kazakhstan (1905–1917 gg.)]. Alma-Ata, 376 p. [in Russian]

Taranovski, 1992 – *Taranovski T.* (1992). Sudebnaia reforma i razvitie politicheskoi kul'tury tsarskoi Rossii [Judicial reform and development of political culture of Czarist Russia]. *Great reforms in Russia. 1856–1874: Collection* / Ed. L.G. Zakharova, B. Ekloff, J. Bushnell. M. pp. 301–317. [in Russian]

TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [The Central state archive of the Republic of Kazakhstan].

Lysenko et al., 2017 – *Lysenko Yu.A., Demchik E.V., Anisimova I.V.* (2017). Modernization and Traditionalism through the Prism of the Events of the 1916 Rebellion in Central Asian Border Regions of Russia. *Bylye Gody*. Vol. 43. Is. 1. pp. 317–325.

Pearson, 1984 – *Pearson T.* (1984). Russian law and rural justice: Activity and problems of the Russian justices of peace, 1865–1889. *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden. Bd. 32. pp. 52–71.

Имперская судебно-правовая система в Степном крае во второй половине XIX в.: особенности формирования и функционирования

Инна Владимировна Анисимова ^{a, *}, Евгения Михайловна Гостюшева ^a

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется развитие судебно-правовой системы Степного края во второй половине XIX в. На основе широкого круга исторических источников выделены основные этапы становления системы судоустройства и судопроизводства в регионе и определено их содержание, важным является выявление особенностей функционирования судебных институтов. В изучаемый период судебная система Степного края приобрела сложную конфигурацию. Проводимые в русле модернизационной политики реформы в Степном крае носили противоречивый и непоследовательный характер. Региональная специфика организации и функционирования государственной системы правосудия заключалась в сохранении традиционного суда, действующего на основе адата и «трансплантации» в регион имперских элементов юстиции. Сохранение народного

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iva0410@mail.ru (И.В. Анисимова), altmpsi@mail.ru (Е.М. Гостюшева)

суда не позволило в полной мере инкорпорировать местное население региона в общероссийское правовое пространство. Амбивалентное отношение государственной власти к судебно-правовой системе Степных областей обуславливалось как политическими факторами, так и «неготовностью» населения региона принять институты и ценности европейской культуры. Этим объяснялось исключение Степного края из ареала распространения Судебных Уставов 1864 г. К очевидным недостаткам сформированной к концу XIX в. судебной системы Степного края относилось сохранение традиционного суда в системе юстиции, сочетание функций следствия – суда в одних руках, действие дореформенных судебных институтов (областные правления), нехватка мировых судей, обширность мировых участков и т.д. Региональные и центральные органы власти признавали функциональную малоэффективность судебной системы Степного края в таком варианте и необходимость ее унификации с общеимперским правовым пространством, что предопределило проведение нового этапа реформы в конце XIX в.

Ключевые слова: Российская империя, Степной край, судебно-правовая система, суд биев, реформа.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 280-291. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.280
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Interim Committee on Revision of the Cossack Statutes: Organization, Structure, Activity (1865–1872)

Alexey A. Volvenko ^{a,*}

^a Taganrog Institute Named after A.P. Chekhov (Branch of the Rostov State University of Economics (RINH)), Russian Federation

Abstract

In article the government policy for the Cossack troops in the 60–70th of the 19th century is investigated. Her chief conductor was the Interim committee on revision of the Cossack statutes (1865–1872). Initiators of his creation were the Minister of War D.A. Milyutin and the head of department of irregular troops N.I. Karlhof. In work process of preparation for opening of committee, the program of his occupations, selection of deputy structure is analyzed, the content of a debate on single questions of social and economic and military development of the Cossack troops reveals. The main task set for committee and focusing his attention on arrangement problems of "civil life" of the Cossacks has been solved not completely. Importance of activity of Interim committee in the context of formation of the updated legislative base concerning the Cossack troops in the 60–70th of the 19th century and the subsequent codification work is noted.

Keywords: Ministry of Defence, D.A. Milyutin, N.I. Karlhof interim committee, Cossack troops, projects of reforms.

1. Введение

Правительственная политика в отношении казачьих войск в 60–70-х гг. XIX в. отличается заметной интенсивностью принимаемых законодательных мер. Ее взаимосвязь с проводимыми в этот период т.н. «Великими реформами», направленными на изменение социально-экономического и административно-правового уклада Российской империи, представляется совершенно очевидной. Главным проводником имперской политики среди казачества являлось Военное министерство и подведомственное ему Управление иррегулярных войск (далее – УИВ), в 1867 г. переименованное в Главное управление иррегулярных войск. Важную роль в подготовке и продвижении казачьих реформ рассматриваемого периода играли военный министр Д.А. Милютин и начальник управления Н.И. Карлгоф. Непосредственные же разработчики тех или иных проектов казачьих преобразований менее известны. В связи с этим правительственная политика в отношении казачьих войск в литературе, как правило, предстает или «милютинской» или обезличенной, причем навязанной казакам исключительно извне, к тому же минимально учитывающей их интересы или даже прямо им противопоставленной. Рассмотрение истории организации и деятельности Временного комитета по пересмотру казачьих законоположений при УИВ в 1865–1872 гг., на наш взгляд, может привести к определенной корректировке упомянутой характеристики казачьего правительственного курса в 1860–1870-х гг.

2. Материалы и методы

Основной источниковый массив, дающий представление о работе УИВ и Временного комитета в 60–70-х гг. XIX в., сосредоточен в фонде 330 (Казачий отдел Главного штаба) Российского

* Corresponding author

E-mail addresses: avolvenko@mail.ru (A.A. Volvenko)

государственного военно-исторического архива (г. Москва). Значительная часть использованных в статье архивных документов носит делопроизводственный характер. В личном фонде Д.А. Милютина в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ф. 169) хранится переписка военного министра с начальником УИВ Н.И. Карлгофом, в которой присутствуют материалы отдельных заседаний Временного комитета, а также содержится мнение Н.И. Карлгофа о личных качествах некоторых членов комитета. Часть сведений по теме исследования имеется в опубликованных воспоминаниях Д.А. Милютина, относящихся к 60–70-х гг. XIX века. Непосредственные результаты деятельности комитета в виде принятых законов, а также распоряжений Военного министерства в отношении казачьих войск опубликованы в Полном собрании законов Российской империи и в Сборнике правительственных распоряжений по казачьим войскам. Специфика привлекаемых источников потребовала использования источниковедческих методов в соответствии с видом рассматриваемых документов с последующим структурным анализом выявленных сведений на основе системного подхода. Кроме того, важным методом извлечения информации из перечисленных источников станет процедура т.н. «плотного описания», которая в контексте нашего исследования понимается как максимально подробная («плотная») фиксация всей информации, содержащейся в источниках, с целью восстановления событийной канвы работ Временного комитета по пересмотру казачьих законоположений. Этот метод позволяет извлечь из источников скрытую информацию, провести ее анализ, типизацию и интерпретацию и, тем самым, воссоздать реальность проектной деятельности комитета и оценить ее значение в общем ходе преобразовательной политики Военного министерства в отношении казачьих войск в 60–70-х гг. XIX века.

3. Обсуждение

Первое упоминание в литературе о Временном комитете по пересмотру казачьих законоположений встречается в ведомственных газете и журнале Военного министерства «Русском инвалиде» и «Военном сборнике» в специальных статьях за 1866 год ([Представление, 1866](#); [Русский инвалид, 1866](#)). В них описывается непосредственное открытие комитета, его первоначальный состав и приводится речь Александра II перед собравшимися депутатами. Впоследствии деятельность Временного комитета подробно не освещалась в периодической печати. Это обстоятельство позволило сибирскому казачьему офицеру А.П. Нестерову уже после закрытия комитета в статье «Реформы в Сибирском казачьем войске», написанной в 1874 г. и опубликованной под псевдонимом «Седьминец» в сборнике газеты «Сибирь» в 1876 г., утверждать о «совершенной безгласности занятий комитета» ([Седьминец, 1876: 337](#)). Результаты работ Временного комитета А.П. Нестеров подверг резкой критике, считая, что они были «направлены исключительно к удовлетворению одних чиновных интересов» ([Седьминец, 1876: 339](#)). Напротив, в официальных изданиях, например, в «Исторических очерках деятельности военного управления в России... 1855–1880» (1880), а также в «Столетии Военного министерства» (1902–1907) деятельность Временного комитета получила высокую оценку. Если в «Исторических очерках...» сведения о комитете носили в основном краткий и справочный характер ([Исторический очерк, 1879: 226-229](#)), то в «Столетии...» они были представлены в наибольшем объеме в существующей историографии ([Столетие, 1902: 412-427](#)). Встречающиеся редкие упоминания о Временном комитете в дореволюционной литературе, как правило, основывались на сведениях из «Столетия Военного министерства...». Это утверждение в полной мере относится и к известному труду С.Г. Сватиков «Россия и Дон (1549–1913)», изданном в Белграде в 1924 году ([Сватиков, 1924: 348-349](#)). Советские историки обошли своим вниманием Временный комитет, предпочитая анализировать и критиковать некий общий самодержавный курс по отношению к казачьим войскам без его институциональной детализации. В современной российской историографии в обобщающих трудах, монографиях, статьях и диссертациях по истории казачества II пол. XIX в. обычно присутствует тот или иной аспект деятельности Временного комитета применительно к отдельному казачьему войску или конкретной проблематике казачьего развития, однако специального исследования по истории организации комитета и итогам его работы проведено не было ([Андреев, 2006](#); [Герман, 2003](#); [Игнатьев, 1997](#); [Карпенко, 2008](#); [Малукало, 2003](#); [Самарина, 1994](#); [Топчий, 1995](#) и др.).

4. Результаты

Для понимания места Временного комитета в преобразовательном процессе в отношении казачьих войск в 60–70-х гг. XIX в. необходимо рассмотреть обстоятельства предшествующие его открытию. С нач. 1860-х гг. Военное министерство во главе с Д.А. Милютиным пыталось реализовать программу казачьих реформ, направленную «преимущественно на развитие гражданского быта казачьих войск и слиянию их прочим населением империи» ([Волвенко, 2014: 12](#)). Ответственность за исполнение такой программы была возложена на образованные практически в каждом казачьем войске местные комитеты по пересмотру войсковых положений. Придание нужного облика казачеству через составление войсковых положений, охватывающих все стороны его жизни, с успехом было апробировано властью в 1819–1835 г. в Земле войска Донского. Положение о войске Донском 1835 г. стало своеобразным образцом для выработки в 40–50-х гг. XIX в. аналогичных документов для других войск. Упомянутые местные комитеты первоначально должны были провести только

кодификационную работу над действующими войсковыми положениями, но с приходом в Военное министерство Д.А. Милютин перед комитетами была поставлена иная задача – составить принципиально новые положения на основе министерских рекомендаций. Однако даже привлечение к работе комитетов, состоящих из чиновников администраций, общественных представителей не позволило уложиться в неоднократно переносимые УИВ сроки сдачи проектов новых положений. К тому же не все комитеты внедрили в своих проектах программные предложения власти. К 1865 г. после анализа в УИВ полученных с мест материалов стало понятно, что комитеты не справились с поставленной перед ними задачей (Волвенко, 2016: 404-405). Самой жесткой критике со стороны Военного министерства, а также других ведомств подвергся донской проект положения. Д.А. Милютин вспоминал по этому поводу: «Новочеркасский комитет представил проект, проникнутый духом замкнутости, обособленности, старинных привилегий казачества, без всякого внимания к новым преобразованиям в государстве. Такой проект очевидно показал, что вести столь важное дело на местах в среде самого казачества было невозможно без общего руководства центральной власти» (Воспоминания, 2005: 184-185). Таким образом, прежняя модель по внедрению новых войсковых положений на основе донского положения как некоего образца, подвергавшегося затем корректировке на местах в зависимости от специфики того или иного войска, оказывалась не работоспособной. В связи с этим 2 октября 1865 г. в Санкт-Петербурге при УИВ и был открыт Временный комитет по пересмотру казачьих законоположений, точнее, организована его канцелярия.

Подготовка к открытию комитета, вероятно, началась еще с начала лета 1865 года. По крайней мере, в письме Н.И. Карлгофа к Д.А. Милютину от 7 июля 1865 г. упоминается об уже исправленном по указанию военного министра «порядке рассмотрения и утверждения проектов новых положений о казачьих войсках» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 9. Д. 39. Л. 1). Данный порядок насчитывал 12 пунктов с примечаниями, в которых расписывался механизм будущей работы комитета. После рассмотрения «порядка» в Военном совете¹ количество пунктов (как и примечаний к ним) увеличилось до 15. Сделанные изменения не являлись принципиальными, они имели уточняющий характер. Кроме того, он получил новое название – «Временные правила о порядке рассмотрения и утверждения новых положений о казачьих войсках» и в таком виде был высочайше утвержден 2 октября 1865 года (Сборник, 1870: 183-189).

Согласно «Правилам», председателем «Комитета для пересмотра казачьих законоположений» (именно такое название фигурирует в тексте документа) назначался начальник УИВ, его помощник также участвовал в заседаниях и в случае отсутствия или болезни председателя занимал его место. В состав комитета входили «наличные члены общего присутствия² УИВ и командируемые от каждого войска по выбору наказных атаманов с утверждения главных местных начальников, лиц казачьего происхождения, хорошо знакомых с бытом и потребностями своих войск». Их количество устанавливалось следующее – от Донского войска 3 чел., от Кубанского, Терского, Астраханского, Уральского, Оренбургского и Сибирского – по 1 чел. от каждого войска, от всех казачьих войск Восточной Сибири 1 человек. Из числа 3-х членов от Донского войска один должен был представлять «деятели мировых на Дону учреждений». Отдельно оговаривалось право, по которому Донское торговое общество по своему желанию могло «назначить от себя особое доверенное лицо и отправить его за свой счет» в комитет. Любое другое увеличение числа членов комитета зависело от разрешения военного министра. Казачьи атаманы получали возможность не посылать от войска своего представителя, а делегировать его права соответствующему члену общего присутствия УИВ. Члены комитета от казачьих войск вызывались в Санкт-Петербург на определенный период и «по мере изготовления работ» отпускались обратно в войска. Однако за военным министром закреплялось право менять такой порядок по своему усмотрению. Члены комитета не работающие в УИВ, но имеющие войсковые должности, должны были получать от своих войск «порционные деньги не свыше 3 руб. серебром в сутки». В случае если представители от войск не имели должностей, то они обеспечивались содержанием «наравне с чинами общего присутствия УИВ». Кроме того, всем командировочным выделялись из войсковых сумм «прогонные деньги, соответствующие занимаемым чинам» (Сборник, 1870: 183-189).

Регламент работы комитета устанавливался следующий. На его заседаниях «тщательно рассматривались» как полные (законченные) проекты местных комитетов, так и «частные предположения»; полученные заключения фиксировались в журнальных постановлениях с указанием результатов обсуждения (голосования). Члены комитета, оказавшиеся в меньшинстве, имели право подавать особое мнение, но не позже как в трехдневный срок. Рассмотренные таким образом материалы (первоначальный проект (документ), его исправленный вариант и особые мнения) затем представлялись в Военный совет на утверждение. По «важнейшим вопросам,

¹ Военный совет – высший законодательный и законосовещательный орган для решения вопросов, касающихся военно-организационных дел в Российской империи

² Общее Присутствие – специальный орган при Управлении иррегулярных войск, который рассматривал законодательные и хозяйственные вопросы иррегулярных войск. Его членами являлись – 5 человек от казачьих войск, 1 представитель от Военного министерства и 1 от Государственного Контроля.

относящихся до всех казачьих войск» Комитет также мог готовить и передавать в Военный совет как «общие проекты главных оснований, с объяснением тех различий, которые должны быть допущены в разных войсках при разнообразии в них местных условий», так и «особые проекты таких частей войсковых положений, которые могут составлять отдельное целое» (Сборник, 1870: 187).

«Правила» оговаривали условия закрытия местных казачьих комитетов, за исключением комитета для составления положений о Терском и Кубанском казачьих войсках, работы которого продолжались вплоть до особого распоряжения. Кроме того, в отдельном приложении к правилам устанавливался штат канцелярии комитета (правитель дел комитета с правами начальника отделения УИВ и 3 делопроизводителя), а также расходы на ее содержание (около 5500 руб. в год). Соответствующие суммы должны были предоставляться казачьими войсками и вноситься в смету УИВ (Сборник, 1870: 188).

Описанный порядок работы «Комитета для пересмотра казачьих законоположений» оказался почти аналогичен режиму деятельности известных Редакционных комиссий эпохи отмены крепостного права. Разница, безусловно, заключалась в деталях. Если все усилия Редакционных комиссий были направлены на создание «Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», затем конкретизируемого в дополнительных законодательных актах, то конечный итог занятий комитета, заявленный в «Правилах», был не совсем ясен. Возможно такая задача и не планировалась изначально, для того чтобы не ставить комитет в жесткие рамки ответственности за полученные результаты, в виде законченных общих положений по каждому казачьему войску. Кроме того, «Правила» были разосланы по казачьим войскам, они носили открытый, а впоследствии публичный характер, т.е. адресовались внешнему «читателю» (казачьим войскам и их администрациям), демонстрируя не более как техническое значение комитета.

После первых недель работы канцелярии комитета Н.И. Карлгоф в отдельной записке представил Д.А. Милютину более подробный порядок будущих занятий комитета, предназначенный для «внутреннего» использования. Начальник УИВ посчитал неудобным подробный разбор комитетом полных местных проектов по принципу один за другим. Он также призвал окончательно отказаться от идеи рассматривать «Положение о войске Донском», в том числе его новый проект, как образец для других войск. Вместо этого Н.И. Карлгоф предложил на заседаниях комитета «заняться установлением тех общих начал для будущих Положений о казачьих войсках, которые для всех этих войск могут быть одинаковы» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 2). Решение такой задачи должно было сопровождаться подготовкой частных «проектов, которые могут быть применены к войскам безотлагательно», по очередности исходя из степени их важности для устройства казачьих войск и таким образом, чтобы они обсуждались прежде других, если касались всех или наибольшего числа войск. В записке утверждалось, что «казачьи войска нуждаются в улучшениях гражданского своего быта более чем военного устройства» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 206.). Поэтому комитету необходимо заняться, прежде всего, разработкой гражданских вопросов, а именно применением к казачьим войскам земской и судебной реформ. И хотя проведение упомянутых реформ находится в компетенции МВД и Министерства Юстиции, Н.И. Карлгоф настоятельно призывает Военное министерство и, соответственно, комитет активно включиться в данный процесс. Для этого комитету, по мнению начальника УИВ, следует составить такие проекты отдельных положений, которые закладывали бы основы для возможной деятельности земских и судебных учреждений на казачьих землях. Т.е. в проектах должны быть определены личные права и обязанности войскового сословия и иногородних, пребывающих на войсковых землях; поземельное право; а так же «отделены предметы земства от тех, которые должны подлежать ведению других войсковых учреждений...» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-5). Среди других вопросов, наиболее близко отвечающих интересам казачества и требующих обсуждения комитетом, Н.И. Карлгоф отметил необходимость уравнивания сроков службы во всех казачьих войсках; предоставление права выхода из войскового сословия и зачисления в него; изменение порядка отбывания казачьим населением воинской службы и определение условий для желающих освободиться от неё и пр. (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 6-7)

Д.А. Милютин, ознакомившись с запиской Н.И. Карлгофа, 29 октября 1865 г. подписал ее со следующей резолюцией: «предполагаемую программу занятий вполне одобряю» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 1). И хотя «программа» не была облечена в форму официального документа, именно ею руководствовался начальник УИВ, возглавляя впоследствии деятельность комитета. К тому же канцелярия комитета в течение года до непосредственного созыва комитета и начала его заседаний готовила материалы исключительно по вопросам упомянутой «программы».

Подбором членов (депутатов) комитета от казачьих войск местные администрации занимались с декабря 1865 года. Мы можем получить частичное представление об этом процессе на примере войска Донского. Первоначально письма от донского войскового наказного атамана А.Л. Потапова с предложением войти в состав комитета получили полковники А.К. Мелихов и А.В. Туроверов, а также войсковой старшина А.А. Карпов. Донское общество торговых казаков избрало двух кандидатов в члены комитета вместо 1-го как того требовали «Правила» и еще 2 чел. в качестве «запасных» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 717. Л. 300б., 67). Вскоре после соответствующего запроса А.Л. Потапова выяснилось, что трое из четырех кандидатов от торговых казаков были старообрядцами (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 717. Л. 70). А.К. Мелихов и А.В. Туроверов не приняли предложение атамана, А.А. Карпов

буквально накануне отъезда в Санкт-Петербург, сославшись на болезнь, также отказался от участия в работе комитета (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 717. Л. 77, 86-86об.). В итоге членами комитета от войска Донского стали полковник Ежов, титулярный советник (А.П.?) Ханженков, отставной полковник И. Денисов и торговый казак М.А. Переселенков, который заменил заболевшего Ф.И. Жученкова (оба, кстати, являлись старообрядцами).

Донские депутаты, а также войсковой старшина Н.А. Жоголев, войсковой старшина П.В. Мартынов, полковник П.Г. Чернев – члены комитета от Астраханского, Уральского и Оренбургского войска соответственно, и капитан Генерального штаба А.Л. Шаняевский – депутат от казачьих войск Восточной Сибири, не дожидаясь членов комитета от Кубанского, Терского и Сибирского казачьих войск в субботу 5 ноября 1866 г. были представлены Александру II. Император вышел к ним в мундире лейб-гвардии Казачьего полка и, «спросив каждого о службе или об образе его домашней жизни», произнес следующие слова, ставшие хрестоматийными при характеристике правительственной политики в отношении казачества в 1860-х гг.: «Вы собраны сюда для того, чтобы с вашей помощью разъяснить истинные ваши нужды и пользы. Нынешние положения о казачьих войсках устарели и во многом требуют пересмотра. Я желаю, чтобы казачьи войска, оказавшие столько незабвенных заслуг отечеству, сохранили на будущее время свое воинское назначение; твердо надеюсь, что казаки и впредь, когда понадобится, выкажут себя такими же молодцами, какими были всегда. Но Я, вместе с тем, желаю, чтобы в устройстве казачьих войск военное их значение было, сколько возможно, согласовано с выгодами гражданского быта и хозяйственная благосостояния. Казачье население, отбывая по-прежнему военную свою обязанность, может и должно в то же время пользоваться общими для всех частей Империи благами гражданского благоустройства. К этой главной цели должны клониться ваши труды и Мне приятно будет видеть, если вы достигнете ее» (Представление, 1866: 107). По-видимому, императорская речь была каким-то образом согласована с главной идеей программы Карлгофа о преимущественном развитии гражданской сферы казачества. Более того, царское слово легитимировало замысел Военного министерства в отношении казачьих войск, выведя его в официальную, публичную сферу пусть и в усеченном виде. Были ли готовы к реализации властного замысла члены комитета?

Частичный ответ на поставленный вопрос дает сам Н.И. Карлгоф. В его письме к Д.А. Милютину от 27 ноября 1866 г. члены комитета от казачьих войск после первых недель работы характеризуются как «способные и цельные» люди (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 23. Ед. 19. Л. 9). Он особо выделяет донского депутата Ханженкова, а также представителей от войск Восточной Сибири капитана Шаняевского и от Уральского войска войскового старшину Мартынова, т.к. эти трое депутатов, как считает Карлгоф, выражают три разные позиции на заседаниях комитета. «Ханженков, защищая некоторые казачьи принципы, допускает широкие уступки для уничтожения казачьей замкнутости – и, как утверждает начальник УИВ, – представляет собой среднее мнение, к которому принадлежат с некоторыми оттенками двое депутатов от Донского войска генерал Ежов и полковник Денисов, депутат от Оренбургского войска полковник Чернев, астраханский войсковой старшина Жоголев и сколько можно судить по одному заседанию, прибывший на днях депутат от Сибирского войска полковник Путинцев» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 23. Ед. 19. Л. 9об). Капитан Шаняевский, по оценке Карлгофа, составляет «замечательные особые мнения в духе прогрессивном, но рассудительные и возможные к применению». Что касается войскового старшины Мартынова, то он «отстаивает мнение старой казачьей партии». В небольшом отступлении Карлгоф напоминает Милютину, что Мартынов – это известный войсковой прокурор, который «легальным образом вел неумолимую борьбу с бывшим уральским атаманом Дандевилем», за что и полатился должностью. Мартынова в комитет выбрало местное офицерское общество без участия атамана Уральского войска, его кандидатуру утвердило Оренбургское начальство (Уральское казачье войско входило в состав Оренбургского генерал-губернаторства – А.В.), таким образом, он попал в комитет «по недосмотру». Однако Карлгоф выступает против удаления Мартынова из комитета, т.к. в нем начальник УИВ увидел «человека большого ума, очень сдержанного, хорошо пишущего и защищающего свое мнение не по упорству, а по обдуманному убеждению...» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 23. Ед. 19. Л. 12). Более того, Карлгоф убеждает Милютину в том, что позиция Мартынова «не принадлежит к тупому консерватизму, а составляет преимущественно своего рода казачий либерализм». В заключении, начальник УИВ делает следующий расклад «сил» в комитете – члены общего присутствия от казачьих войск примкнули к «среднему мнению», которое составляет абсолютное большинство, представители присутствия от Военного министерства и Государственного контроля действительные статские советники Андреев и Гаршин, соответственно, а также вошедший в состав комитета от Министерства Юстиции статский советник Г.К. Репинский присоединились к точке зрения Шаняевского (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 23. Ед. 19. Л. 12об.).

В своих воспоминания Д.А. Милютин высоко оценивает роль Карлгофа в деятельности комитета, которому удалось «свести суждения на среднюю почву благоразумной умеренности, приняв одну руководящую мысль: отрешиться от прежней казачьей замкнутости и открыть простор развитию народного хозяйства, промышленности и торговли» (Воспоминания, 2005: 403). Очевидно, что милютинские слова основывались на разобранном нами письме Карлгофа от 27 ноября 1865 г., хранящегося в личном архиве министра. Однако в данном случае нельзя исключать и память

Д.А. Милютина, возможно зафиксировавшую целенаправленные действия Карлгофа по формированию нужного для министерства направления работы комитета.

К сожалению, надежных источников, свидетельствующих о персональной ротации состава комитета, мы пока не обнаружили. Косвенные данные указывают на то, что отдельные члены комитета эпизодически менялись. Какие обстоятельства способствовали уходу одних депутатов и приходу других, нам также не известно. Предварительно можно предположить, что в основе замены лежали личные мотивы, состояние здоровья, а также иные причины прагматического, а не «политического» характера. Все-таки казацки администрации присылали в комитет людей проверенных и благонадежных. В «Столетии Военного министерства» в томе, посвященном Главному управлению иррегулярных войск, помещена фотография членов комитета с их пофамильным перечислением (Столетие, 1902: 416-417). Указанная в издании датировка фотографии 1865 годом явно ошибочная. На наш взгляд, ее следует отнести к концу 1867 г. – первой половине 1868 года¹.

Рис. 1. Член от Министерства Юстиции действительный статский советник Григорий Кузьмич Репинский (ныне сенатор, действительный тайный советник); депутаты: от войска Донского Янов; от Сибирского войска – подполковников Павел Яковлевич Ребров; Астраханского казачьего войска – войсковой старшина, Николай Агафангелович Жоголев; от Восточной Сибири – генерального штаба капитан Альфонс Леонович Шанявский (впоследствии правитель дел комитета): от Сибирского войска – подполковник Иван Семенович Мазарович; от Донского войска – отставной генерал-майор Василий Иванович Шапошников; от Терского войска – подполковник Гавриил Данилович Абрамов; от Кубанского казачьего войска – подполковник Прокофий Григорьевич Короленко.

Второй ряд (начиная слева):

Правитель дел комитета И.Ф. Лосев; помощник Начальника Главного Управления полковник Адам Петрович Чеботарев 1-й; Начальник Главного Управления генерал-лейтенант Николай Иванович Карлгоф; депутаты: от Сибирского войска подполковник Панков; от Оренбургского войска – полковник Павел Григорьевич Чернев (Столетие, 1903: 832-833)

Из подписи к фотографии можно сделать вывод, что из первоначального состава комитета депутата от Сибирского казачьего войска полковника Путинцева сменили сразу три представителя –

¹ В 1865 г. комитет в полном составе еще не был собран. Его первое заседание состоялось 10 ноября 1866 года. На нем присутствовали двое представителей от Донского войска, которые в 1867 г. подверглись ротации, и на фотографии их уже нет. Также на фотографии запечатлен правитель дел комитета И.Ф. Лосев, который умер в конце 1867 года. Таким образом, датировать фотографию можно периодом – конец 1867 г. – первая половина 1868 года.

подполковники П.Я. Ребров, И.С. Мазарович и Панков (личность не удалось идентифицировать – А.В.); из трех членов от Донского войска (Ханженков, Ежов и Денисов) «обновились» двое – полковник Янов и генерал-майор В.И. Шапошников; появились депутаты от Терского и Кубанского войска подполковники Г.Д. Абрамов и П.Г. Короленко соответственно. На своих местах остались Жоголев (Астраханское войско), Шанявский (казацьи войска Восточной Сибири) и Чернев (Оренбургское войско). Член комитета от Донского торгового общества отсутствующий на фотографии казак М.А. Переселенков, видимо, сразу после обсуждения вопроса о казачьей торговле был отправлен на Дон. На фотографии нет уральца Мартынова, которого так хотел сохранить начальник УИВ. Однако сделать вывод о том, что Мартынова все же исключили из состава комитета, не позволяет другой источник – «Список генералам, штаб и обер-офицерам и классным чиновникам Главного Управления казачьих (иррегулярных) войска», помещенный в приложении к вышеупомянутому тому «Столетия Военного министерства» (Столетие, 1902а: 49-59). В данный список попали те члены комитета, которые впоследствии оказались штатными сотрудниками Управления. Так вот Мартынов, судя по записи в графе «прохождение службы», оставался в составе комитета вплоть до его реорганизации в апреле 1872 года (Столетие, 1902а: 50). Содержание списка так же позволяет дополнить перечень представителей от казачьих войска, участвовавших в деятельности комитета. В 1868 г. членом комитета становится генерал-майор А.П. Богуславский, ранее состоявший при Главнокомандующем Кавказской армией великом князе Михаиле Александровиче; в этом же году от образованного в 1867 г. Семиреченского казачьего войска в комитет делегируется подполковник В.А. фон-Гойер; в 1869 г. депутатом от Донского войска назначается войсковой старшина А.Ф. Поляков, с 1871 г. членом комитета числится донской полковник А.И. Клунников, а в феврале 1872 г., буквально накануне закрытия комитета, в его состав вводится донской полковник А.С. Греков (Столетие, 1902а: 53-59).

Биографии большинства депутатов свидетельствуют об их профессионализме в военном или административном деле. Для части депутатов работа в комитете способствовала их дальнейшему карьерному росту. Генерал-майор А.П. Богуславский (1824–1893), не являвшийся природным казаком, в 1870 г. был назначен помощником начальника Главного управления иррегулярных войска, а уже в 1871 г. стал исполнять обязанности начальника управления. После окончательного утверждения в должности Богуславский руководил управлением до 1881 года (Столетие, 1902: 784-785). Капитан А.Л. Шанявский (1837–1905), также не казачьего происхождения, в 1868 г. после смерти правителя дел канцелярии комитета И.Ф. Лосева занял его место. Шанявского пытался вернуть на службу генерал-губернатор Восточной Сибири Н.П. Синельников, однако в Военном министерстве ему в этом отказали (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 24. Л. 391). В 1872 г. Шанявский возглавил одно из отделений Главного управления иррегулярных войска, через 4 года уволившись по болезни уже в звании генерал-майора. В истории Шанявский более известен как золотопромышленник, на капиталы которого и в его доме в 1908 г. был открыт Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского (ныне его здание принадлежит Российскому государственному гуманитарному университету) (Фандо, 2016: 210-221). Полковник Оренбургского войска П.Г. Чернев (1821–1884) в 1869 г. вошел в состав Совецательного комитета иррегулярных войска (бывшее Общее присутствие) с сохранением членства во временном комитете, в 1872 г. он уже становится помощником начальника Главного управления. За период с 1872 по 1884 гг. Чернев неоднократно исполнял обязанности начальника во время его отсутствия (Столетие, 1902: 799-800). «Скандальный» войсковой старшина Мартынов (1828–1899) также был оставлен в комитете иррегулярных войска, представляя Уральское казачье войско. Служба Мартынова в Главном управлении закончилась в 1898 г. в чине генерал-майора за год до его смерти.

Однако вернемся к заседаниям комитета, первое из которых состоялось 10 ноября 1866 года (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 48). К концу года комитет решил два вопроса: о правах донского купечества и о дозволении донским помещикам продавать принадлежащие им земли иногородним. Сообщая об этом в частном письме к атаману донской депутат полковник Денисов анонсировал предстоящие дебаты еще по 17 вопросам, «хотя не столь важных, но решение которых потребует присутствия нашего до весны», а также выразил сожаление по поводу слишком медленной работы комитета (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 717. Л. 189-189об.). Информация Денисова находит полное подтверждение в представлении Н.И. Карлгофа о деятельности комитета от 17 января 1867 года. Комментируя итоги рассмотрения двух упомянутых дел, начальник УИВ подчеркнул, что проект «о дозволении иногородним водворяться на всех казачьих землях... произведет благожелательный переворот во всех казачьих войсках». Однако особое внимание Карлгоф уделит другому проекту комитета, посвященному казачьему земельному праву. По его данным, комитет уже почти закончил работу над этим «самым затруднительным и щекотливым» документом, проявив почти полное единодушие (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 23. Ед. хр. 19. Л. 130б.). Содержание проекта в кратком изложении начальника УИВ выглядело следующим образом: срочные земельные участки казачьих офицеров после 7,5 лет службы, должны были сначала обращаться в пожизненные владения, а по окончании 15-летней службы (т.е. полного срока обязательной службы) переходить уже в потомственную собственность и облагаться налогом, на основе которого в свою очередь формируется особый

пенсионный капитал для обеспечения будущих офицеров, лишенных земельных наделов из-за их истощенности (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 23. Ед. хр. 19. Л. 13об.-14).

К вопросу о том, как на самом деле был решен вопрос о срочных участках земли, мы еще вернемся, а пока обратимся к итогам первой «сессии» занятий комитета. Они были подведены в докладе по канцелярии временного комитета от 28 марта 1867 года (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 53-62об.). Это был далеко не первый документ, исходящий из канцелярии, в котором фигурировало наименование «временный комитет». Возможно появление слова «временный» было как-то связано с реорганизацией в 1867 г. УИВ в Главное управление иррегулярных войск (далее – ГУИВ) и переименованием в связи с этим «Общего присутствия» в «Совещательный комитет». В любом случае, даже если наше предположение неверно, наименование «временный комитет» в дальнейшем закрепится в делопроизводительной практике ГУИВ, а затем и в литературе. В докладе, написанном от первого лица, Н.И. Карлгоф вновь подчеркнул приоритетность и важность составления комитетом частных положений для всех казачьих войск. Выбор данной стратегии работы он оправдывал общегосударственной пользой таких готовившихся преобразований среди казачества, которые в равной степени «уничтожили бы в них замкнутость и обособленность от прочих частей государства» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 55). После сбора полного состава комитета, помимо уже решенных двух дел, депутаты обсудили один за другим еще 6 вопросов, касающихся положения иногородних на казачьих территориях, земельного устройства в казачьих войсках, земского налогообложения, воинской повинности в казачьих войсках, торговли на казачьих землях, а также права выхода из казачьего сословия и о приеме в него, в том числе, иногородних. По первым 5-ти вопросам, как сообщает Карлгоф, были написаны соответствующие проекты положений (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 56об.). Этой работой занималась особая редакционная комиссия, составленная из членов комитета. Проекты были рассмотрены и утверждены комитетом, последний же вопрос еще обсуждался депутатами. Отдельного пояснения со стороны начальника ГУИВ потребовала ситуация в отношении Уральского, Кубанского и Терского казачьих войск, по которым комитет фактически не вел никаких работ. Дело в том, что Командующий войсками Оренбургского округа, в состав которого входили уральские казаки, «еще не высказался о возможности применения преобразований в своеобразном складе этой раскольничьей казачьей общины (значительная часть уральских казаков являлась старообрядцами – А.В.)». Главкомандующий же Кавказской армией вел. князь Михаил Николаевич не только не рассмотрел проект положения о Кубанском и Терском казачьих войсках, но и «вообще предположения Кавказского начальства по этим войскам еще не вполне установились» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 57-57об.). После обсуждения последнего вопроса Карлгоф предложил распустить комитет до осени 1867 г., удержав в столице только представителей от Кубанского, Астраханского, Сибирского и Забайкальского войск для решения проблем, относящихся исключительно до каждого из перечисленных войск. Видимо, для легитимации такого шага, а также для увеличения эффективности деятельности казачьих депутатов, 6 мая 1867 г. им было Высочайше разрешено присутствовать с правом голоса на регулярных заседаниях Совещательного комитета Главного управления (ПСЗ, 1871: 442). В заключение доклада начальник ГУИВ как председатель комитета высоко оценил деятельность своих коллег, которые, «отступая от многих закоренелых убеждений старого казачества и допуская... широкие преобразования в казачьих войсках, оказали Государству услугу и пользу самим войскам» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 61). Кроме того, Карлгоф поделился своим видением возможных результатов от внедрения разработанных проектов. По его мнению, «свободное водворение иногородних в казачьих войсках с дозволением приобретать в них недвижимую собственность; введение в войсках начал поземельной частной собственности...; ограничение в некоторых войсках военного состава населения и обращение излишки его к труду и промышленности... если и не в настоящее время, то в ближайшем будущем, когда положение тех войск, которые недостаточно наделены средствами к своему содержанию, улучшится... все эти и другие предположения комитета, направленные к уничтожению замкнутости войск, к улучшению материального их благосостояния и к применению к ним общегосударственного строя, приведут благодетельный переворот в войсках» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 62об.).

Наше повышенное внимание к первым месяцам работы комитета обусловлено тем, что на этом этапе закладывался механизм всей его будущей деятельности, который без особых изменений функционировал вплоть до закрытия комитета в 1872 году. Добавим только, что к концу 1860-х гг. проблемы Кавказских казачьих войск все-таки стали предметом обсуждения комитета, то же самое произошло и с Уральским войском, только чуть позже. Подготовка комитетом того или иного проекта и передача на рассмотрение в Военный совет не означала его автоматического «превращения» в законодательный акт или того, что комитет мог больше не возвращаться к уже казалось бы закрытому вопросу. Военный министр Д.А. Милютин, объясняя длительный, по его мнению, срок существования комитета, заметил, что «по каждому вопросу (комитету – А.В.) требовались сношения с подлежащими министерствами, рассмотрение во II С.Е.В. Канцелярии, в Главном военно-кодификационном комитете, затем в Военном совете, в Департаменте законов (иногда в соединении и с Департаментом экономии), наконец, в общем собрании Государственного совета» (Воспоминания, 2006: 137). Несмотря на длительную процедуру согласования, значительная часть проектов комитета все же получила свое воплощение в имперском законодательстве. Наиболее важными из них следует считать:

1867 г. – «Положение о военном составе Оренбургского казачьего войска, сроках службы строевых частей и о способах их комплектования» (ПСЗ, 1871а: 1113-1118)

1868 г. – «О некоторых изменениях в статьях Устава о благоустройстве в казачьих селениях касательно права помещиков войска Донского по распоряжению их поземельною собственностью» (ПСЗ, 1873: 78-79)

1868 г. – «О Дозволении Русским поданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск» (ПСЗ, 1873а: 473-474)

1869 г. – «Об освобождении казачьих офицеров и чиновников от обязательной службы, о дозволении лицам казачьего сословия исключаться из иного, перечисляться в другие войска и служить вне своих войск, и о зачислении в казачьи войска лиц невойскового сословия» (ПСЗ, 1873б: 356-357)

1869 г. – «О поземельном устройстве в казачьих войсках» (ПСЗ, 1873с: 353-355)

1870 г. – «Дополнительные правила о подсудности по преступлениям лиц войскового сословия всех вообще казачьих войск» (ПСЗ, 1874: 342)

1870 г. – «Положение об обеспечении генералов, штаб и обер-офицеров и классных чиновников Донского войска» (ПСЗ, 1874а: 506-509)

1870 г. – «Положение об обеспечении генералов, штаб и обер-офицеров и классных чиновников Кубанского и Терского казачьих войск» (ПСЗ, 1874б: 509-512)

1870 г. – «Положение об общественном управлении в казачьих войсках» (ПСЗ, 1874с: 617-629)

1870 г. – «Положение о воинской повинности и о содержании строевых частей Кубанского и Терского казачьих войск» (ПСЗ, 1874д: 148-159)

1870 г. – «О торговле в казачьих войсках: Кубанском, Терском, Астраханском, Оренбургском, Сибирском, Забайкальском и Семиреченском» (ПСЗ, 1874і: 560-561)

За каждым из принятых законов стояли дебаты членов комитета, чиновников различных ведомств, составлялись особые мнения и записки, находился компромисс между интересами центральной власти и предложениями казачьих администраций. Иногда Военное министерство шло на уступки, когда ему противостояла согласованная позиция казачьих представителей по тому или иному вопросу. Так, например, «Положение о торговле» 1870 г., ликвидировавшее общества торговых казаков и внедрявшее в казачьи земли общероссийское «Положение о пошлинах за право торговли и промыслов», не было распространено на Донское и Уральское войска. Донские депутаты высказались за сохранение местного торгового общества, а своеобразный порядок торговли среди уральских казаков, основанный на старообрядческих традициях, власть просто не решилась изменять. Также донские представители выступили против организации военной службы казаков на принципах конскрипции. Данный принцип подразумевал наличие нормы выставляемого от войска количества нижних чинов, затем жребий должен был определить, кто попадал в состав служилых казаков, а кто переходил в разряд войсковых «граждан», навсегда освобожденных от службы, но сохранявших право на владение землей с уплатой годового налога в войсковой капитал. Конскрипционный порядок стал основой «Положения о военном составе Оренбургского казачьего войска...» 1867 года. Одним из его авторов являлся депутат от Оренбургского войска полковник П.Г. Чернев. Сам комитет не занимался разработкой положения, но обсуждал возможность его применения к другим казачьим войскам. Как уже было сказано, донские депутаты высказались против конскрипции. По их собственному признанию, такая позиция была обусловлена «опасением подвергнуться негодованию своих войсковых обывателей» в случае выражения иного мнения (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 23. Ед. хр. 19. Л. 160б.). По сообщению Н.И. Карлгофа, уральцы в комитете по этому вопросу «вообще отмолчались» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 23. Ед. хр. 19. Л. 160б.). В итоге ключевая идея преобразовательной программы Военного министерства по созданию в казачьих войсках особого разряда неслужилых казаков или войсковых граждан не нашла своего воплощения в Донском и Уральском войсках. Оренбургское положение было адаптировано только для Кубанского и Терского казачьих войск (1870), Сибирского (1871), Астраханского и Забайкальского казачьих войск (1872).

В вопросе об обеспечении казачьих генералов, штаб и обер-офицеров и классных чиновников власть пошла даже дальше предложений комитета, видимо, исходя из желания получить поддержку этой категории казачества. Напомним, что комитет изначально планировал многолетнюю процедуру передачи срочных земельных участков представителям офицерского казачьего корпуса в потомственную собственность. В соответствующих же положениях по Донскому, Кубанскому и Терскому войскам 1870 г. все те, кто владел или имели право на владение срочными земельными участками ко дню обнародования данных положений, получали их в потомственную собственность сразу и одновременно.

Безусловно, правительственная политика в отношении казачьих войск, реализуемая в законодательстве в 1860–1870-х гг., не ограничивалась только результатами деятельности комитета. В свою очередь, закрытие комитета отнюдь не означало, что подготовленные им материалы не были востребованы после официального прекращения работы. В нач. 1872 г. в Военном министерстве пришли к выводу, что все важнейшие казачьи вопросы уже нашли свое разрешение комитетом. 7 апреля 1872 г. его канцелярия была упразднена, а делопроизводство было передано 2-му законодательному отделению ГУИВ. Временный комитет заседания больше не проводил, его депутаты вошли в состав совещательного комитета иррегулярных войск. В случае возвращения бывших членов комитета в свои войска, их места не замещались новыми представителями, за исключением депутатов от Донского войска (Столетие, 1902: 427).

5. Заключение

Объяснить закрытие временного комитета сославшись только лишь, на зафиксированное Военным министерством формальное выполнение всех задач, поставленных перед комитетом, было бы неверно. Во-первых, далеко не все вопросы, несмотря на министерский оптимизм, нашли свое решение. Так, например, четкого разделения гражданской и военной сферы в казачьих войсках, необходимого для полноценного проведения земской и судебной реформ, все же не произошло. На наш взгляд, именно данное обстоятельство повлияло на то, что единственные земские учреждения среди казачества, созданные в войске Донском, просуществовали всего 6 лет (1876–1882) и были закрыты в том числе из-за жесткого противостояния войсковой администрации и земских органов власти. Во-вторых, и это пожалуй, главное, «программа» комитета, направленная на «улучшение гражданского быта (казачества – А.В.) более чем военного устройства» стала не соответствовать новому курсу Военного министерства в отношении казачьих войск. Он был сформирован под впечатлением итогов Франко-прусской войны 1870–1871 гг. в ходе разработки с нач. 1870-х гг. новой системы комплектования армии на основе всеобщей повинной повинности. В это время в Военном министерстве решили значительно увеличить кавалерийские части в армии, что, в свою очередь, актуализировало военные качества казачьей конницы и ее мобилизационные возможности. Последующий отказ от принципа конскрипции в казачьих войсках и переход к традиционной поголовной очередной службе на первое место выводил вопросы совершенствования боевой подготовки казачества в соответствии с задачами регулярной армии. Таким образом, проблемы гражданского развития казачьих войск и их территорий перестали быть приоритетными.

Были ли напрасны потраченные на содержание комитета, как утверждал «Седьминец», около 260 тыс. руб. из войсковых капиталов (*Седьминец, 1876: 336*)? Как предполагал Н.И. Карлгоф положительный эффект от внедрения проектов комитета должен был наступить по истечении определенного времени. Однако его прогноз не имел конкретного финансового выражения и тем более не учитывало того обстоятельства, что программа реформ будет реализована не полностью или не будет отменено одно из ключевых ее преобразований – конскрипция, разделяющая казаков на служилых и свободных от службы войсковых граждан. Поэтому ответ на поставленный вопрос вряд ли будет однозначным. К числу же бесспорных достижений комитета можно отнести начало серьезной кодификационной работы в области казачьего законодательства и его последующую правильную систематизацию, отраженную в многотомном «Сборнике правительственных распоряжений по казачьим войскам» (1870–1917).

6. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-50018.

Литература

- Андреев, 2006* – Андреев С.М. Сибирское казачье войско: возникновение, становление, развитие (1808–1917 гг.). Омск, 2006. 259 с.
- Волвенко, 2014* – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860–1870 гг.) // *Известия Самарского центра Российской академии наук*. Т. 16. №3. 2014. С. 12–20.
- Воспоминания, 2005* – Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865–1867. М., 2005. 694 с.
- Воспоминания, 2006* – Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1868–начало 1873. М., 2006. 734 с.
- ГАРО* – Государственный архив Ростовской области.
- Герман, 2003* – Герман О.Б. Правовое положение крестьянства и казачества Юго-Востока Европейской России в 1861–1920 гг. Ростов н/Д., 2003. 575 с.
- Игнатъев, 1997* – Игнатъев Б.Б. Развитие системы управления казачьих войск России (вторая половина XIX начало XX вв.). Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1997. 21 с.
- Исторический очерк, 1879* – Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое 25-летие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855–1880 гг.). СПб., 1879. Т. 3. 371 с.
- Карпенко, 2008* – Карпенко А.Н. Донское казачество в ходе осуществления реформ второй половины XIX века. Автореф. дис. канд. истор. наук. М., 2008.
- Малукало, 2003* – Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар, 2003. 216 с.
- ОР РГБ* – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- Представление, 1866* – Представление депутатов от казачьих войск государю императору // *Военный сборник*, 1866. №12. Декабрь. С. 106–107.
- ПСЗ, 1871* – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1871. Т.XLII. Отд. 1. №44532.
- ПСЗ, 1871а* – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1871. Т.XLII. Отд. 1. №44787.
- ПСЗ, 1873* – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1873. Т.XLIII. Отд. 1. №45448.
- ПСЗ, 1873а* – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1873. Т.XLIII. Отд. 1. №45785.

- [ПСЗ, 1873b](#) – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1873. Т.XLIV. Отд. 1. №46998.
[ПСЗ, 1873c](#) – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1873. Т.XLIV. Отд. 1. №46996.
[ПСЗ, 1874](#) – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1874. Т.XLV. Отд. 1. № 48207.
[ПСЗ, 1874a](#) – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1874. Т.XLV. Отд. 1. №48274.
[ПСЗ, 1874b](#) – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1874. Т.XLV. Отд. 1. №48275.
[ПСЗ, 1874c](#) – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1874. Т.XLV. Отд. 1. № 48354.
[ПСЗ, 1874d](#) – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1874. Т.XLV. Отд. 2. №48607.
[ПСЗ, 1874i](#) – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1874. Т.XLV. Отд. 2. №48992.
[РГВИА](#) – Российский государственный военно-исторический архив.
[Русский инвалид, 1866](#) – Русский инвалид, 1866. №291.
[Самарина, 1994](#) – Самарина Н.В. Реформы 60–70-х гг. XIX в. на Дону и казачество // Юго-Восток России в XIX – начале XX в. Ростов н/Д., 1994. С. 38-49.
[Сборник, 1870](#) – Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1870. Т. I. 295 с.
[Сватиков, 1924](#) – Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений. Белград, 1924. 592 с.
[Седьминец, 1876](#) – Седьминец. Реформы в Сибирском казачьем войске // Сборник газеты «Сибирь». СПб., 1876. Т. 1. С. 335-368.
[Столетие, 1902](#) – Столетие Военного министерства 1802-1902. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк. СПб., 1902. Т. 11. Ч. 1. 900 с.
[Столетие, 1902a](#) – Столетие Военного министерства 1802–1902. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк. СПб., 1902. Т. 11. Ч. 2. Приложения. 437 с.
[Топчий, 1995](#) – Топчий А.Т. Буржуазные реформы 60–80 гг. XIX в. и проблемы казачества России // Проблемы истории казачества XVI–XX вв. Ростов н/Д., 1995. С. 29-35.
[Fando, 2016](#) – Fando R.A. Patronage and enlightenment in pre-revolutionary Russia: Alfons Shanyavsky and his "Free School" // *Bylye Gody*. 2016. 39(1): 210-221.
[Volvenko, 2016](#) – Volvenko A.A. D.A. Milyutin and Cossacks // *Bylye Gody*. 2016. 40(2): 398-411.

References

- [Andreev, 2006](#) – Andreev S.M. (2006). Sibirskoe kazach'e vojsko: vzniknovenie, stanovlenie, razvitie (1808–1917 gg.) [Siberian Cossack army: emergence, formation, development (1808–1917)]. Omsk. 259 p. [in Russian]
[Volvenko, 2014](#) – Volvenko A.A. (2014). Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoj politike jepohi «Velikih reform». (1860–1870 gg.) [The Don Cossacks in government policy of an era of "Great reforms". (1860–1870)]. *Izvestija Samarskogo centra Rossijskoj akademii nauk*. Т. 16. №3. pp. 12-20. [in Russian]
[Vospominanija, 2005](#) – Vospominanija general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. 1865–1867 [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseyevich Milyutin. 1865–1867]. М., 2005. 694 p. [in Russian]
[Vospominanija, 2006](#) – Vospominanija general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. 1868–nachalo 1873 [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseyevich Milyutin. 1868 beginning of 1873]. М., 2006. 734 p. [in Russian]
[GARO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti [State archive of the Rostov region]
[German, 2003](#) – German O.B. (2003). Pravovoe polozhenie krest'janstva i kazachestva Jugo-Vostoka Evropejskoj Rossii v 1861–1920 gg. [A legal status of the peasantry and Cossacks of the Southeast of the European Russia in 1861–1920] *Rostov n/D*. 575 p. [in Russian]
[Ignat'ev, 1997](#) – Ignat'ev B.B. (1997). Razvitie sistemy upravlenija kazach'ih vojsk Rossii (vtoraja polovina XIX nachalo XX vv.) [Development of a control system of the Cossack troops of Russia (second half XIX beginning of the 20th centuries)]. Avtoref. dis. kand. ist. nauk. М. 21 p. [in Russian]
[Istoricheskij ocherk, 1879](#) – Istoricheskij ocherk dejatel'nosti voennogo upravlenija v Rossii v pervoe 25-letie blagopoluchnogo carstvovanija gosudarja imperatora Aleksandra Nikolaevicha (1855–1880 gg.) [The Historical sketch of activity of military management in Russia in the first 25 anniversary of safe reign of the sovereign emperor Alexander Nikolaevich (1855–1880)]. SPb., 1879. Т. 3. 371 p. [in Russian]
[Karpenko, 2008](#) – Karpenko A.N. (2008). Donskoe kazachestvo v hode osushhestvlenija reform vtoroj poloviny XIX veka [The Don Cossacks during implementation of reforms of the second half of the 19th century]. Avtoref. dis. kand. istor. nauk. М. [in Russian]
[Malukalo, 2003](#) – Malukalo A.N. (2003). Kubanskoe kazach'e vojsko v 1860–1914 gg.: organizacija, sistema upravlenija i funkcionirovanija, social'no-jekonomicheskij status [The Kuban Cossack army in 1860–1914: organization, control system and functioning, social and economic status]. Krasnodar. 216 p. [in Russian]
[OR RGB](#) – Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki [Department of manuscripts of the Russian state library]
[Predstavlenie, 1866](#) – Predstavlenie deputatov ot kazach'ih vojsk gosudarju imperatoru [Representation of deputies from the Cossack troops to the sovereign to the emperor]. *Voennyj Sbornik*. 1866. №12. pp. 106-107. [in Russian]
[PSZ, 1871](#) – PSZ 2-е собр. СПб., 1871. Т.XLII. Otd.1. №44532. [in Russian]
[PSZ, 1871a](#) – PSZ 2-е собр. СПб., 1871. Т.XLII. Otd.1. №44787. [in Russian]

- PSZ, 1873 – PSZ 2-e sobr. SPb., 1873. T.XLIII. Otd.1. №45448. [in Russian]
 PSZ, 1873a – PSZ 2-e sobr. SPb., 1873. T.XLIII. Otd.1. №45785. [in Russian]
 PSZ, 1873b – PSZ 2-e sobr. SPb., 1873. T.XLIV. Otd.1. №46998. [in Russian]
 PSZ, 1873c – PSZ 2-e sobr. SPb., 1873. T.XLIV. Otd.1. №46996. [in Russian]
 PSZ, 1874 – PSZ 2-e sobr. SPb., 1874. T.XLV. Otd.1. № 48207. [in Russian]
 PSZ, 1874a – PSZ 2-e sobr. SPb., 1874. T.XLV. Otd.1. №48274. [in Russian]
 PSZ, 1874b – PSZ 2-e sobr. SPb., 1874. T.XLV. Otd.1. №48275. [in Russian]
 PSZ, 1874c – PSZ 2-e sobr. SPb., 1874. T.XLV. Otd.1. № 48354. [in Russian]
 PSZ, 1874d – PSZ 2-e sobr. SPb., 1874. T.XLV. Otd.2. №48607. [in Russian]
 PSZ, 1874i – PSZ 2-e sobr. SPb., 1874. T.XLV. Otd.2. №48992. [in Russian]
 RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian state military and historical archive]
 Russkij invalid, 1866 – Russkij invalid [The Russian disabled person], 1866 №291. [in Russian]
 Samarina, 1994 – Samarina N.V. (1994). Reformy 60–70-h gg. XIX v. na Donu i kazachestvo [Reforms of the 60–70th of the 19th century on Dona and the Cossacks] / Jugo-Vostok Rossii v XIX – nachale XX v. Rostov n/D. pp. 38-49. [in Russian]
 Sbornik, 1870 – Sbornik pravitel'stvennyh rasporyazhenij po kazach'im vojskam [the Collection of government directives on the Cossack troops]. SPb., 1870. T. I. 295 s. [in Russian]
 Svatikov, 1924 – Svatikov S.G. (1924). Rossija i Don (1549–1917). Issledovanie po istorii gosudarstvennogo i administrativnogo prava i politicheskikh dvizhenij [Russia and Don (1549–1917). Research on history of the state and administrative law and political movements]. Belgrad. 592 p. [in Russian]
 Sed'minec, 1876 – Sed'minec. (1876). Reformy v Sibirskom kazach'em vojske. Sbornik gazety «Sibir'» [Reforms in the Siberian Cossack army. The Collection of the Siberia newspaper]. SPb. T. 1. pp. 335-368. [in Russian]
 Stoletie, 1902 – Stoletie Voennogo ministerstva 1802–1902. Glavnoe upravlenie kazach'ih vojsk. Istoricheskij ocherk [Century of the Ministry of Defence of 1802-1902. Head department of the Cossack troops. Historical sketch]. SPb., 1902. T. 11. Ch. 1. 900 p. [in Russian]
 Stoletie, 1902a – Stoletie Voennogo ministerstva 1802–1902. Glavnoe upravlenie kazach'ih vojsk. Istoricheskij ocherk [Century of the Ministry of Defence of 1802–1902. Head department of the Cossack troops. Historical sketch]. SPb., 1902. T. 11. Ch. 2. Prilozhenija. 437 p. [in Russian]
 Topchij, 1995 – Topchij A.T. (1995). Burzhuaznye reformy 60–80 gg. XIX v. i problemy kazachestva Rossii [Bourgeois reforms of 60–80 of the 19th century and problem of the Cossacks of Russia]. / Problemy istorii kazachestva XVI–XX vv. Rostov n/D. pp. 29-35. [in Russian]
 Fando, 2016 – Fando R.A. (2016). Patronage and enlightenment in pre-revolutionary Russia: Alfons Shanyavsky and his "Free School". *Bylye Gody*. 39(1): 210-221.
 Volvenko, 2016 – Volvenko A.A. (2016). D.A. Milyutin and Cossacks. *Bylye Gody*. 40(2): 398-411.

**Временный комитет по пересмотру казачьих законоположений:
 организация, состав, деятельность (1865–1872 гг.)**

Алексей Александрович Волвенко ^{a, *}

^a Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется правительственная политика в отношении казачьих войск в 1860–1870-х гг. Ее главным проводником являлся Временный комитет по пересмотру казачьих законоположений (1865–1872). Инициаторами его создания являлись Военный министр Д.А. Милютин и начальник Управления иррегулярных войск Н.И. Карлгоф. В работе анализируется процесс подготовки к открытию комитета, программа его занятий, подбор депутатского состава, раскрывается содержание дебатов по отдельным вопросам социально-экономического и военного развития казачьих войск. Главная задача, поставленная перед комитетом и акцентирующая его внимание на проблемах обустройства «гражданского быта», казачества была решена не полностью. Отмечается важность деятельности Временного комитета в контексте формирования обновленной законодательной базы в отношении казачьих войск в 60–70-х гг. XIX в. и последующей кодификационной работы.

Ключевые слова: Военное министерство, Д.А. Милютин, Н.И. Карлгоф временный комитет, казачьи войска, проекты реформ.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: avolvenko@mail.ru (А.А. Волвенко)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 292-301. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.292
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Muhajirun – the Reasons and Scales of Resettlement of Mountaineers of the Northwest Caucasus

Sergey J. Suschiy ^{a, *}, Anvar M. Mamadaliev ^{b, c}, Svetlana F. Artemova ^d

^a Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^c East European History Society, Russian Federation

^d Penza state university of architecture and construction, Russian Federation

Abstract

Throughout all Caucasian war mountain communities of the Northwest Caucasus kept their demographic potential. However, for a variety of reasons after military defeat they could not (or did not want) to adapt to the new situation in the quality of subjects of the Russian Empire. On transition from war to peace a vast majority of mountaineers of this subregion of Caucasus between the existing alternatives chose emigration. This decision and the following departure to the Ottoman Porte provoked cardinal ethnodemographic transformation of all Northwest Caucasus. For the mountaineers emigration ended up the huge number of victims (25–30 % of all immigrants died on the way). In the article information from different authors about scales of migration of various mountain communities and the losses suffered by them was used.

Further demographic, socio-political, sociocultural dynamics of mountain communities confirmed that those from them that preferred to stay in the North Caucasus historically won. However, this historical prize became completely obvious only in the second quarter of the 20th century, in many decades after completion of the Caucasian war.

Keywords: mahajirism, Caucasian war, highlanders of the Northwest Caucasus, ethno-demographic processes, demographic statistics.

1. Введение

Мухаджирство привлекло к себе внимание российского общества, в том числе и представителей различных профессиональных кругов (управленцев, военных экспертов, ученых и статистиков) уже непосредственно в период массового переселения горцев Северного Кавказа в Османскую Порту. Очевидно, что сам масштаб данного социального явления произвел сильное впечатление на современников. Не оставалась без внимания данная тема и в дальнейшем. Но пик публикаций приходится уже на постсоветские десятилетия, когда тема мухаджирства, вышла за рамки чисто научной дискуссии и приобрела осязаемый политический подтекст.

2. Материалы и методы

Статья основана на различных источниках информации, посвященных переселению горцев Северо-Западного Кавказа (СЗК) в Османскую Порту. Из дореволюционных работ посвященных данной теме выделим исследование А. Берже, собравшего статистику мухаджирства по отдельным крупным черкесским этноплеменным объединениям (*Берже, 1882*). Среди работ советского периода можно отметить монографию Г.А. Дзидзарии, после периода известного замалчивания данной темы, вернувшего ее в поле научной дискуссии (*Дзидзария, 1975*). Значительное число исследований

* Corresponding author

E-mail addresses: ss7707@mail.ru (S.J. Suschiy), anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

посвященных различным аспектам мухаджирства появилось в последние 20–25 лет. Отметим работы Д.В. Жилыева (Жилыев, 2009), А.Х. Касумова (Касумов, Касумов, 1992), В.А. Матвеева (Матвеев, 2011), В.Н. Рябцева (Рябцев, 2012).

Принимая в расчет существенные расхождения в имеющейся статистике масштабов эмиграции и противоречивость выводов о причинах данного явления, в данной статье использовались общенаучные методы логического и сравнительного анализа различных источников информации.

3. Обсуждение и результаты

Как показывают расчеты, на протяжении всей Кавказской войны общая численность горцев СЗК, несмотря на известную сверхсмертность, связанную с боевыми потерями и гибелью мирного населения, представляла динамическую пульсацию в определенном количественном диапазоне (Кринко и др., 2017). Но если из войны черкесский мир вышел примерно с тем же демографическим потенциалом, с которым в нее включился, то первое послевоенное десятилетие обернулось для него демографической катастрофой. В начале 1860-х гг. численность черкесов по наиболее взвешенным оценкам составляла порядка 700–1000 тыс. человек (Кабузан, 1996), к концу же данного десятилетия в регионе осталось всего несколько десятков тысяч представителей различных черкесских сообществ.

Данное обстоятельство позволило наиболее политизированной части современных черкесских этноактивистов при поддержке ряда представителей научного сообщества поднять вопрос о геноциде черкесов в Российской империи. Но согласно Конвенции Главной Ассамблеи ООН, геноцид (от греч. γένος — род, племя и лат. caedo — убиваю) — представляет совокупность действий, совершаемых с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую, религиозную или иную исторически сложившуюся культурно-этническую группу как таковую путём: убийства членов этой группы; причинения тяжкого вреда их здоровью; мер, рассчитанных на предотвращение деторождения в такой группе; изъятия детей из семьи; предумышленного создания жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение этой группы (Геноцид). Таким образом, геноцид — это фактический отказ той или иной этнической общности в праве на существование. Последовательный курс на ее полное уничтожение. «Перетерпеть» геноцид нельзя, приспособиться к нему невозможно. Если право на существование и социально-экономическую деятельность за общностью сохраняется, но оговариваются условия функционирования (например, место проживания данного социума, форма расселения, характер занятий и т.п.), речь идет только об ущемлении прав, но никак не о принципиальном истреблении.

Однако сама демографическая динамика черкесского населения, предпочтешего после завершения Кавказской войны остаться на СЗК, отрицает наличие геноцидальной политики в его отношении со стороны Российского государства. За период 1897–1989 гг. численность национальных сообществ, представлявших разные этнокультурные ветви черкесского мира (включая кабардинцев), выросла в регионе со 141 тыс. до 542 тыс. человек. А в 2010 г. составляла почти 700 тыс. человек.

Детальному анализу причин массовой миграции горцев СЗК в 1860-е гг., как уже было сказано, посвящено значительное число исследований. Основные причины исхода горцев многократно озвучены в научной литературе. Едва ли к этому хорошо известному перечню можно прибавить нечто новое. Но имеет смысл определенным образом сгруппировать/классифицировать данные факторы, по возможности стараясь зафиксировать их общее соотношение. В первом приближении можно выделить три больших группы причин, различаемых по субъектам «заинтересованности», к которым можно причислить власти Российской империи и Османской Порты, а также сами черкесские сообщества (Табл. 1).

Таблица 1. Факторы, работавшие на массовую эмиграцию горцев в Турцию

Интересы российских властей	Интересы властей Османской Порты	Интересы и мотивы различных групп черкесских сообществ
По возможности как можно более значительное количественное сокращение многочисленного горского населения, демонстрировавшего устойчивое нежелание превращаться в политически лояльных власти имперских поданных; за полвека военных действий (два поколения) выработавшего и усвоившего традицию	Приобретение значительного массива населения обладавшего целым набором ценных качеств, среди которых: - принадлежность к «государственной» религии империи, укреплявшей позиции мусульман и ислама в поликонфессиональной Порте. - Отличные воинские характеристики черкесов, позволявшие заметно укрепить кадровый потенциал турецкой	Полувековая история вооруженного противостояния Российской империи, сделавшая для наиболее свободолюбивой части черкесов психологически неприемлемым существование в качестве побежденных под полным контролем победившего их врага. Уверенность части населения в преимуществах жизни «за морем», в пределах единовременной Османской

<p>вооруженного сопротивления Российской империи и соответственно нуждавшегося в длительной, сложной адаптации к новым условиям своего существования.</p>	<p>армии. Уже к 1840-м гг., задолго до массовой эмиграции горцев в Порту, черкесские военначальники занимали центральные позиции в военной администрации Османской империи (Хотко, 1993). Нет сомнения, что турецкие власти имели в виду военные качества горцев и серьезно рассчитывали на них.</p> <p>- Длительная история вооруженного противостояния горцев России (основного геополитического оппонента Порты), позволявшая рассчитывать на активное участие черкесов в будущих русско-турецких военных конфликтах, возникновение которых у турецких властей сомнений не вызывало.</p> <p>- Неукорененность черкесов, обеспечивавшая максимальную зависимость эмигрантов от турецких властей; а с другой стороны, облегчавшая задачу их расселения в районах империи, требовавших увеличения присутствия благонадежного мусульманского населения. При этом, подчиненное положение горцев позволяло власти при необходимости неоднократно переселять («перемещать») их в другие регионы страны, для решения аналогичных задач.</p>	<p>Порты, обусловленная в т.ч. активной пропагандисткой работой множества турецких эмиссаров.</p> <p>Стремление знатных черкесских фамилий сохранить свои права на крестьян и забрать их с собой в Турцию, где в отличие от России, отменившей в 1861 г. крепостное право, крепостнические порядки в данное время оставались весьма прочными (Матвеев 2011: 15; Cherkasov et al., 2015: 891).</p> <p>Протурецкая позиция мусульманского духовенства боявшегося утратить свои привилегии в «православной» империи (Матвеев, 2011: 13).</p> <p>Низкое качество земель предусмотренных для черкесов в местах их нового расселения, вынудившее часть колеблющегося населения в конце концов внутрикавказскому переселению предпочесть отъезд в Турцию (Черкесский вопрос, 2014: 204).</p> <p>Выбор эмиграции всё большим числом горцев, с определенного момента включивший своего рода «принцип домино», затягивавший в мухаджирство одну за другой все еще колеблющиеся группы населения и превращавший эмиграцию черкесов в их тотальный исход с СЗК.</p>
---	--	---

Нередко в качестве еще одной заинтересованной стороны в массовом исходе горцев за пределы Российской империи называют Британию (Матвеев, 2011b; Рябцев, 2012). Исследователи отмечают разнобразную включенность англичан в Кавказскую кампанию на стороне черкесов, посильное противодействие процессу комплексного закрепления России на СЗК и очевидную заинтересованность в сохранении очага напряженности и военного сопротивления в пределах новых южных владений империи.

Но если всё обстоит именно так, что подтверждается множественными фактами, то исход горцев был как раз предельно невыгоден Британии, которая лишалась действенного рычага давления на Россию. Снаружи российских границ горцы оказывались бесполезны для дестабилизирующей политики Британии, ориентированной на затягивание вооруженного конфликта¹. Черкесы были нужны именно внутри России, если уж не в роли ее вооруженных противников, то хотя бы в качестве высоко конфликтного населения всегда готового к социальному взрыву и новому витку открытого противостояния. Что было возможно только при сохранении мощного демографического потенциала черкесов в пределах СЗК. Тем самым, в «миграционном» вопросе интересы Британии и ее регионального союзника Турции оказывались противоположными, а у двух враждующих империй – Российской и Османской, наоборот, весьма сближенными.

Однако в черкесском вопросе против англичан сработала диалектика исторического процесса. Посильно поддерживая на протяжении длительного времени враждебность горцев по отношению к

¹ Ведь не поддерживать же эмигрантов на их новой Родине, что по сути означало бы трансформацию военной помощи борцам против российской экспансии, в материальную помощь вынужденным переселенцам, простую финансово-экономическую благотворительность.

Российской империи, Британия, тем самым, косвенно работала на массовый масштаб мухаджирства, последовавшего сразу после завершения Кавказской войны. Иными словами социально-психологические характеристики местного населения, в условиях вооруженного противостояния соответствовавшие британским интересам (и по возможности поощряемые Британией), после поражения горцев сработали вразрез с британским целеполаганием в регионе.

Вернувшись к анализу позиции российских властей, заметим, что системно они были ориентированы на добровольную интеграцию горцев Северного Кавказа в империю. И значительное число горских сообществ предпочло мирные формы вхождения в государственный состав России, так или иначе, найдя общий язык с имперскими властями. Данный компромисс, конечно, мог содержать серьезные элементы социально-политической капитуляции. Некоторые аспекты жизни таких горских сообществ с этого времени определялись не ими самими и не их собственной элитой, а российской администрацией. Но данная потеря была компенсирована многими положительными приобретениями в социально-экономической и социокультурной сфере, а, в конечном счете и в пространственно-расселенческом и социодемографическом аспектах, что полностью подтвердила дальнейшая история.

Упорным и продолжительным сопротивлением отличались на Северо-Восточном Кавказе чеченцы и часть горцев Дагестана; на западе региона – большая часть черкесских сообществ. Однако даже включившись в вооруженную борьбу с последними, российские власти не оставляли надежд на их замирение и привлечение на свою сторону. Хорошо известно, что в период Кавказской войны империя активно привлекала черкесов на свою сторону, давала им возможность получения образования, успешной армейской карьеры в качестве офицеров. Как результат, немалое число черкесов участвовало в Кавказской войне на стороне российской армии (Цветков, 2011: 79).

Очевидное свидетельство того, что уничтожение горцев не ставилось империей в качестве принципиальной задачи, и российские военно-административные власти, прежде всего, добивались от коренного населения региона политической лояльности. И были крайне разочарованы ограниченным числом черкесов в полной мере соответствовавших данному требованию.

Разнообразные формы поощрения черкесской эмиграции со стороны империи в середине 1860-х гг. были связаны как раз с тем, что после полувека военного противостояния значительная часть российских администраторов, занятых различными аспектами интеграции СЗК в состав России, уже не верила в способность местных горцев стать лояльными гражданами империи. В такой ситуации отъезд «неспокойного» горского населения представлялся лучшим выходом, как для самих потенциальных эмигрантов, так и для государства, которое они покидали.

Впрочем, полного единодушия по этому вопросу не было и среди российских гражданских и военных чинов, формировавших миграционную политику империи в регионе и ответственных за ее реализацию. «Сторонниками использования переселения горцев в качестве политического и военного инструмента завоевания Кавказа было военное руководство начальник Главного штаба Кавказской армии А.П. Карцов, начальник штаба войск Терской области И. Зотов), а также и некоторые крупные чиновники (Наместник Кавказа А.И. Барятинский, начальник Кубанской области Н.И. Евдокимов). Более умеренных, взвешенных взглядов на миграции придерживались военный советник при российском посольстве в Константинополе В.А. Франкини, генерал-фельдмаршал Д.А. Милютин, генерал-лейтенант Г.И. Филипсон, начальник Кабардинского округа В. Орбелиани» («Черкесский вопрос», 2014: 15).

Очевидно и то, что силовое соотношение представителей данных двух политических линий не было константой, меняясь в зависимости от сочетания множества конкретных факторов. Но в первой половине 1860-х гг. перевес определенно был на стороне сторонников поощрения миграции с целью «радикального» сокращения в регионе «проблемного» горского населения. С этой целью и был реализован политический курс двух стандартов: «официально российская администрация выступала с заявлениями, в которых она противодействовала горским переселениям в Османскую империю и декларировала миролюбие по отношению к горцам, но в действительности тайно или явно содействовала этому процессу» («Черкесский вопрос», 2014: 15-16). Отчасти даже провоцировала мухаджирство, которое многие российские высокопоставленные управленцы восприняли с удовлетворением и явным облегчением. Однако пресс, под которым в эти годы находились горцы, не включал механизм их тотального уничтожения и не предполагал его. Даже на финальном этапе Кавказской войны, в период последовательной капитуляции черкесских сообществ у горцев оставался выбор. Либо принять предлагаемые им новые условия жизнедеятельности (включая перемещение в другие районы проживания) либо отъезд в Турцию, под который даже выдавались определенные подъемные деньги.

Повторимся, «линейка» возможных вариантов действий у имперских властей была весьма ограниченной. Войну на СЗК надо было завершать. Победой (иного результата при наличии обширных владений в южном Закавказье быть не могло) и как можно быстрее, поскольку военная кампания обходилась империи очень дорого во всех отношениях. Военный министр империи Д.А. Милютин отмечал, что в последние годы Кавказской войны Россия была вынуждена держать в регионе армию почти в 300 тыс. человек, содержание которой обходилось ежегодно в 30 млн рублей (порядка одной шестой всего государственного дохода страны). При этом ежегодная убыль личного

состава доходили до 30 тыс. человек, подавляющая часть которых приходилась на различные небоевые потери (Милютин, 2004: 198).

Однако замирение горцев должно было быть надежным. Предыдущий полувековой опыт пульсирующей военной активности доказывал, что сохранение существующей системы расселения горских сообществ – компактной и глубоко утопленной в горы, надежного мира обеспечить не в состоянии. Особенно с учетом уже сложившейся у черкесов традиции вооруженной борьбы и наличия значительных демографических ресурсов, которые, как уже было сказано, абсолютно не были подорваны Кавказской войной. Итак, оставлять черкесов в горах было нельзя. Требовалось либо массово переселить их на равнину, либо обеспечить их перемещение за пределы империи. Заметим, что третий сценарий (истребление), по сути, и представлявший геноцид, российскими властями вообще не рассматривался.

Как отмечал один из наиболее активных организаторов и исполнителей «эмиграционного проекта» Н.И. Евдокимов: «переселение непокорных горцев в Турцию, без сомнения составляет важную государственную меру, способную окончить войну в кратчайший срок без большого напряжения с нашей стороны, но, во всяком случае, я всегда смотрел на эту меру как на вспомогательное средство покорения Западного Кавказа, которое дает *возможность не доводить горцев до отчаяния и открывает свободный выход тем из них, которые предпочитают скорее смерть, чем покорность русскому правительству* (разрядка наша – Авт.)» (Берже, 1882).

Как видим, последняя фраза свидетельствует о несомненном уважении русского генерала к уже побежденному противнику; констатирует присутствие в черкесских сообществах значительного числа гордых свободолюбивых людей, а с другой – указывает на понимание предельной сложности задачи надежного замирения горских сообществ, содержавших значительное число таких «непримиримых».

Объективно империя была заинтересована в сокращении столь проблемного населения «адаптация/перевоспитание» которого потребовали бы самых значительных усилий и долгого времени (речь должна была идти о смене поколений, то есть многих десятилетиях). И потому, предложив горцам на выбор два варианта, российские власти были в большей мере заинтересованы в их эмиграции. Как следствие, многие действия кавказской администрации были, так или иначе, направлены на выдавливание горцев за пределы государства.

Однако окончательный выбор оставался за самими черкесами. Безусловно, это была историческая ситуация, когда горцам требовалось выбирать между «плохим» и «плохим». И важно было разобраться, что хуже. Сложнейшая дилемма, если крайне расплывчато представляешь, какой может быть твоя будущая участь под властью русского царя, в пределах «православной» империи, и совсем не знаешь, что ожидает тебя, на чужбине. Но русское «плохо» горцы в самых общих чертах представляли, а чужбина была полной неизвестностью, заманчивой своими надеждами.

Существенную роль в этом судьбоносном выборе сыграла деятельность многочисленных турецких эмиссаров, активно «рекламировавших» горцам жизнь на новой родине. Показательно, что именно СЗК, субрегион, находившийся в зоне максимального влияния Османской Порты, дал подавляющую массу мухаджиров. Другое дело, что российские власти не препятствовали пропаганде турецких эмиссаров. А зачастую речь шла о негласной поддержке их деятельности. Более того, проводилась пропаганда аналогичных идей силами горцев, состоявших на российской военной службе. Кроме того поощрялась миграция старейших и наиболее авторитетных представителей кавказских родов, стимулировавшая выезд за пределы Северного Кавказа остальных их представителей («Черкесский вопрос», 2014: 16).

В результате работы всех перечисленных факторов, при сопоставимой численности населения, адыго-черкесский субрегион Северного Кавказа дал до 87–88 % всех эмигрантов (включая 6 % прикубанских ногайцев), тогда как на чеченцев, осетин и других представителей сообществ центрального и восточного Кавказа пришлось только 12–13 % (рассчитано по: Шеуджен, 2004: 222).

Показательно, что даже в пределах самого адыго-черкесского ареала расселения существовали серьезные различия по степени «тотальности» миграционного движения, также в значительной степени связанные с уровнем системной влиятельности Порты в тех или иных горских сообществах. Максимальным оно было у западных черкесов, расселенных вдоль черноморского побережья (и на небольшом удалении от него) – поскольку именно море являлось одним из основных коммуникационных каналов между Турцией и черкесским миром.

«Прибрежные», количественно самые крупные черкесские племена (шапсути, убыхи, натухаевцы), покинули СЗК практически в полном составе. Расселенные на «второй» линии абадзехи, как и проживавшие за ними темиргоевцы, махашевцы, егорухаевцы в результате эмиграции потеряли 60–70 % своей численности. Среди бесленеевцев и бжедугов, ареал проживания которых был задвинут в горы, мухаджиры составили порядка 40 % (табл. 2). Еще меньше потеряли расселенные в глубине Северного Кавказа кабардинцы. Не испытывая столь сильного информационного «облучения» со стороны Турции они дали в середине – второй половине 1860-х гг. только 17 тыс. переселенцев, сумев в полной мере сохранить свою численность и систему расселения.

Таблица 2. Численность и доля мухаджиров в отдельных черкесских сообществах (тыс. чел., %)*

Черкесские сообщества	Мухаджиры (тыс. чел.)	Горцы, оставшиеся на СЗК (тыс. чел.)	Доля эмигрантов (%)
Шапсуги	165,6	5,0	97,1
Убыхи	74,6	-	100
Натухайцы	45,0	0,17	99,6
Абадзехи	23,2	14,7	61,2
Темиргоевцы, махошевцы, егорухаевцы	15,0	6,0	71,4
Бесленевцы	4,0	5,9	40,4
Бжедуги	10,5	15,3	40,7

* Численность мухаджиров и горцев, оставшихся на Северном Кавказе (данные Е.Ж. Фелицина на 1871 г.) взяты из (Шеуджен и др.: 2004: 222, 225)

Наконец, серьезную роль в исходе горцев сыграла позиция черкесской светской элиты и духовенства, значительная часть которых в этот период по целому ряду серьезных причин (см. таблицу 2) была ориентирована на отъезд. По мнению ряда авторитетных исследователей, речь вообще идет о центральном факторе мухаджирства, как столь массового явления. Как замечает В.В. Дегоев: «вдохновители грандиозной кампании опирались, прежде всего, на настроения черкесской знати, которую не столько волновали военные или политические проблемы, сколько личные социально-экономические перспективы при русской власти» (Дегоев, 2009: 456).

Итак, именно сопряженные усилия двух империй (вечных геополитических оппонентов, в данном вопросе с разными целями желавших одного и того же) и собственной элиты, стали причиной того, что самая значительная часть черкесского населения СЗК выбрала эмиграцию. То, что потери на этом пути огромны, выяснилось очень быстро. С масштабными человеческими жертвами был связан каждый этап переселения – дорога к черноморским портам, ожидание транспорта, переезд в Турцию, расселение в различных провинциях Османской империи. В общей сложности «дорога» могла унести от трети до четверти переселенцев. Притом, что потери отдельных горских сообществ нередко оказывались и более значительными.

Но учитывая географическую широту и множественность маршрутов перемещения горцев; несовершенство имперских структур (как российских, так и турецких) ответственных за их транспортировку, размещение и учет, достоверная статистика мухаджирства отсутствует. Существующие количественные оценки, в конечном счете, оказываются столь же противоречивыми, как и остальная статистика связанная с демографией черкесов.

Тем самым, любой возможный расчет представляет экспертную интерпретацию имеющейся статистики, заведомо неполной и неточной. Действительно, по данным А.П. Берже, председателя Кавказской археографической комиссии, в 1858–1865 гг. в Порту выехало 470 тыс. горцев (Берже, 1882). Но в докладе комиссии по делу о переселении горцев в Турцию называются иные цифры – 495 тыс. человек («Черкесский вопрос», 2014: 19). Однако поданным турецких властей к 1867 г. на территории Порты оказалось уже 595 тыс. горцев. Причем данная статистика не включала тех, кто умер, уже находясь на турецком берегу (таких могло быть около 100 тыс. человек) (Рябцев, 2012: 48). Конечно, переселенцы попадали в Турцию не только морским путем. И, тем не менее, основная часть мухаджиров прошла именно этим маршрутом.

В любом случае данные российской и турецкой сторон далеко не в полной мере соотносятся между собой. Если же принять во внимание убыль горского населения на всех этапах его перемещения от своих аулов на Северном Кавказе до выделенных для него мест расселения в пределах новой родины, есть определенные основания полагать, что общая численность мухаджиров могла быть значительно больше и составляла порядка 900 тыс. человек (как, к примеру, считает А.Х. Касумов) (Касумов, 1992).

Данной цифре не противоречат и данные по черкесам оставшимся на СЗК. Согласно отчету главнокомандующего Кавказской армией в 1865 г. общая численность закубанских горцев составляла около 80 тыс. человек (Cherkasov et al., 2016: 385), а по информации Кубанского статистического комитета горцев было порядка 95 тыс., из которых черкесы составляли только 61 тыс. человек (Рябцев, 2012: 37). Согласно В.М. Кабузану их было к этому времени оставалось в субрегионе и того меньше (44 тыс. в 1867 году) (Кабузан, 1996: 215). В целом, сравнительный анализ различных источников позволяет говорить о 50–70 тыс. западных черкесов оставшихся на СЗК во второй половине 1860-х гг. С учетом их численности в начале данного десятилетия (0,7–1 млн.), 650–900 тыс. человек для самой приблизительной оценки числа мухаджиров представляется реальной величиной. И переезд в Турцию, с последующим пребыванием в лагерях беженцев и новым перемещением к месту постоянного жительства, как уже отмечалось, могла закончиться смертью примерно для 200–300 тыс. из них.

Причем по вине всех включенных в данное масштабное начинание сторон – как российских и турецких властей, так и самих горских сообществ, действовавших далеко не всегда предусмотрительно и оптимально, что усугубляло их и без того бедственное положение. Расчет «удельной» вины всех участников – процедура предельно сложная и неизбежно субъективная. Следует только заметить, что злого умысла в действиях российской и турецкой властей. Очевидно, что опыта по перемещению такого огромного количества людей у них не было. А учитывая невысокий уровень организационно-управленческой культуры в обеих империях множественные «накладки» были неизбежны. Каждая из них была чревата человеческими жертвами, а совмещение оборачивалось подчас катастрофическим результатом.

Испытания, выпавшие на долю тех, кто решил остаться на СЗК, были на порядок меньше. И этот факт сам по себе, является еще одним свидетельством того, что действия российской власти в отношении черкесов не являлись геноцидом. При наличии подобной задачи, завершить ликвидацию демографического максимально ослабленного черкесского населения не составило бы особого труда. Между тем столкнувшись со столь массовым исходом коренного населения российские власти уже с 1865 г. начали ограничивать эмиграцию, а в 1867 г. запретили её.

Иными словами политический курс, представлявший динамическую результирующую борьбу сторонников и противников оттока горцев за рубежи империи, изменился самым существенным образом¹. Впрочем, в дальнейшем он менялся еще не раз (в истории миграционной политики России на Северном Кавказе только во второй половине XIX–XX вв. исследователи выделяют шесть периодов) ([Черкесский вопрос, 2014: 15](#)).

Период адаптации черкесов оставшихся на СЗК к новым условиям своего существования оказался продолжительным и был весьма непростым. На это, в частности, указывает тот факт, что желавшие эмигрировать в Порту среди черкесов находились и спустя десятилетия после завершения Кавказской войны. В последней трети XIX в. несколькими волнами СЗК покинуло еще порядка 20 тыс. черкесов ([Касумов, 1992](#)). При общем их ограниченном демографическом потенциале, речь идет примерно об ¼ его части. Количество думавших об эмиграции было значительно больше. Показательно, что в 1891 г. почти 45 % жителей 23 черкесских аулов Екатеринодарского округа (7,75 тыс. человек из 17,3 тыс.) изъявляли желание выехать в Турцию ([ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 700. Л. 4, 40б.](#)).

Несмотря на сложность коммуникации с ранее выехавшими соплеменниками, российские черкесы были информированы о жизни мухаджиров в эмиграции. И очевидно эта информация не казалась им слишком пугающей. По крайней мере, преимущества жизни на российском Северном Кавказе не были в это время слишком ощутимы, если значительная часть местных черкесов, по-прежнему, была настроена его покинуть.

Впрочем, констатируя широкое присутствие в черкесской среде эмиграционных настроений, не следует упускать из виду многофакторный характер их столь длительной актуальности. Помимо объективных сложностей адаптации черкесов к новому местожительству, иному этнокультурному окружению необходимо учитывать и работу всех других, ранее называвшихся причин, сохранявших свое присутствие и в последней трети века (в т.ч. пропаганду турецких эмиссаров, проосманскую позицию части княжеской верхушки и мусульманского духовенства). Волнения, происходившие во многих северокавказских сообществах на протяжении 1870-х гг., со своей стороны реанимировали в кругах российских управленцев идею массового выселения неудобного населения за пределы империи (достаточно вспомнить предложения Н. Буткевича и князя А.М. Дондукова-Корсакова) ([Шеуджен, 2004: 206-207](#)).

Данные идеи не были реализованы в качестве полномасштабного проекта. Но в управленческой практике местных властей (к примеру, той же Кубанской области) разрешение на выезд достаточно многочисленным группам горцев было достаточно частым случаем. Как результат, отток за пределы империи прекратился только в начале XX века. Последние значительные группы горского населения покинули пределы СЗК в 1900–1902 гг. (переселение 2,6 тыс. кабардинцев) ([Касумов, 1992](#)).

С этого времени численность черкесов и представителей других горских сообществ оставшихся в субрегионе стабилизировалась, а потом достаточно быстро пошла в рост (за период 1897–1926 гг. количество черкесов на Юге России выросло с 43 тыс. до 64,2 тыс. человек, а с учетом кабардинцев – со 110 до 140 тыс.).

4. Заключение

Итак, сумевшие выдержать Кавказскую войну и сохранившие к ее финальной стадии свою численность, черкесские сообщества Северо-Западного Кавказа по целой совокупности факторов не смогли/не захотели перенести военного поражения, и связанного с ним перехода к своему новому

¹ Хотя сохранение еще на некоторое время ранее взятого курса позволяло окончательно ликвидировать систему расселения горцев на СЗК, выдавив за пределы империи еще оставшееся черкесское население. Но данная задача была бы актуальной, если б речь действительно шла о геноциде.

положению в качестве государственных поданных Российской империи. На этом переходе от войны к миру подавляющая часть черкесского населения между существовавшими у него альтернативами дальнейшего существования выбрала эмиграцию, повлекшую кардинальную этнодемографическую трансформацию всего субрегиона и обернувшуюся для самих мухаджиров огромными человеческими жертвами.

В историческом плане, безусловно, выиграли черкесы, оставшиеся на Северном Кавказе. Но значительный масштаб и системный характер этого исторического выигрыша в полной мере определились много позже, в полной мере – только после революции 1917 г., позволившей черкесским сообществам создать ряд национальных автономий, получить максимальные по их этнодемографическому потенциалу административно-управленческие привилегии, а в дальнейшем значительную финансовую и социально-экономическую помощь. Благоприятные условия развития позволили этнокультурным «наследникам» черкесского мира в течение XX в. кратно нарастить свою численность в пределах СЗК, достигнув к 2010 г. почти 700 тыс. человек.

5. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология (проект №17-18-01411)».

Литература

Берже, 1882 – *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа // *Русская старина*. 1882. № 2. <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/kavkaz.html>

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Геноцид – Геноцид <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B4>

Дегоев, 2009 – *Дегоев В.В.* Кавказ и великие державы. М., «Рубежи XXI», 2009. 552 с.

Дзидзария, 1975 – *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум, «Алашара», 1975.

Жиляев, 2009 – *Жиляев Д.В.* К вопросу и мотивах и характере эмиграционных процессов на Северо-Западном Кавказе в конце 1820-х – середине 1860-х гг. // *Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы*. М. – Армавир, 2009. С. 43-52.

Кабузан, 1996 – *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. Этностатистическое исследование. СПб.: Блиц, 1996. 224 с.

Казанок, 1998 – *Казанок Т.А.* Выступление представителя МЧА Т. Казанок на IV Сессии комиссии Организации Объединенных Наций (ООН) по правам человека в рабочей группе по меньшинствам. 28.05.1998. Женева // http://www.elot.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2537&Itemid=5

Касумов, Касумов, 1992 – *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. Нальчик, 1992. 200 с.

Кубашичева, 2012 – *Кубашичева З.Ю.* К вопросу об этнолокализации западных адыгов в первой половине 60-х годов XIX в. <https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-ob-etnolokalizatsii-zapadnyh-adygov-v-pervoy-polovine-60-h-godov-xix-v>

Матвеев, 2011 – *Матвеев В.А.* «Черкесский вопрос»: современные интерпретации и реалии эпохи. Исследование по прикладной и неотложной этнологии. № 226. М., 2011. С. 9-25.

Матвеев, 2011b – *Матвеев В.А.* Переселение горцев в Турцию: дискуссионные аспекты проблемы. CAUCASICA. Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. Т. 1. М., 2011. 86 с.

Милютин, 2004 – *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1856–1860. М., Росспэн, 2004. 558 с.

Рябцев, 2012 – *Рябцев В.Н.* Черкесский вопрос, Олимпиада-2014 и политика Грузии на Кавказе. Ростов-на-Дону, Изд-во СКНЦ ВШ, 2012. 432 с.

Тишков, Перхавко, 2004 – *Тишков В.А., Перхавко В.Б.* Итоги Кавказской войны и переселения горцев Кавказа // *Вестник российской нации*. 2014. №1. С. 22-39.

Хотко 1993 – *Хотко С.Х.* Черкесские мамлюки. Майкоп, Адыгейское республиканское книжное издательство, 1993. 180 с.

Черкесский вопрос, 2014 – «Черкесский вопрос» (редактор В.А. Тишков). Экспертный доклад, М.: ИЭА РАН. 2014. 91 с.

Шеуджен и др., 2004 – *Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К.* Земля адыгов. 2-е изд. перераб. и доп. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2004. 1004 с.

Цветков, 2011 – *Цветков О.М.* Черкесский вопрос: этноидеологические вызовы гражданскому единству // *Зимние Олимпийские игры 2014 в Сочи в фокусе информационных атак*. Ростов-на-Дону, СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011, С. 72-88.

Cherkasov et al., 2015 – *Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S.* Jikis and Jiketi in conditions of war and peace (1840–1860 years) // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 38. Is. 4. pp. 888-893.

Cherkasov et al., 2016 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40. Is. 2. pp. 382-391.

References

Berzhe, 1882 – *Berzhe A.P.* (1882). Vyselenie gorcev s Kavkaza [Eviction of the highlanders from the Caucasus]. *Russkaya starina*. № 2. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/kavkaz.html> [in Russian]

Genocid – Genocid. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B4> [in Russian]

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraja [The state archives of the Krasnodar territory]

Deгоеv, 2009 – *Deгоеv V.V.* (2009). Kavkaz i velikie derzhavy. [The Caucasus and the great powers]. Moscow: «Rubezhi XXI». 552 p. [in Russian]

Dzidzariya, 1975 – *Dzidzariya G.A.* (1975). Mahadzhirstvo i problemy istorii Abhazii XIX stoletiya. [The muhajirun and the problems of Abkhazian history XIX century]. Suhum: «Alashara». [in Russian]

Zhilyaev, 2009 – *Zhilyaev D.V.* (2009). K voprosu i motivah i haraktere eh migracionnyh processov na Severo-Zapadnom Kavkaze v konce 1820-h – seredine 1860-h gg. [To the question and the motives and character of immigration to the North-West Caucasus in the late 1820s – mid 1860s] // *Rossijskij Severnyj Kavkaz: tekushchie riski, posyagatel'stva i perspektivy*. M. – Armavir, pp. 43-52. [in Russian]

Kabuzan, 1996 – *Kabuzan V.M.* (1996). Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX–XX vekakh. Etnostatisticheskoe issledovanie [The population of the North Caucasus in the XIX–XX centuries. Ethnostatic research]. St. Petersburg: Blits. 224 p. [in Russian]

Kasumov, Kasumov, 1992 – *Kasumov A.H., Kasumov H.A.* (1992). Genocid adygov. Iz istorii bor'by adygov za nezavisimost' v XIX veke. [Genocide of the Circassians. From the history of the struggle of the Circassians for independence in the XIX century]. Nalchik: 200 p. [in Russian]

Kubashicheva, 2012 – *Kubashicheva Z.Yu.* (2012). K voprosu ob eh tnolokalizacii zapadnyh adygov v pervoj polovine 60-h godov XIX v. [To the question about to localized time of the Western Circassians in the first half of the 60-ies of the XIX century]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-ob-etnolokalizatsii-zapadnyh-adygov-v-pervoy-polovine-60-h-godov-xix-v> [in Russian]

Matveev, 2011 – *Matveev V.A.* (2011). «Cherkesskij vopros»: sovremennye interpretacii i realii eh pohi. Issledovanie po prikladnoj i neotlozhnoj eh tnologii. ["Circassian question": the modern interpretation of the realities of the era. Research in applied and emergency Ethnology]. № 226. M., pp. 9-25 [in Russian]

Matveev, 2011b – *Matveev V.A.* (2011). Pereselenie gorcev v Turciyu: diskussionnye aspekty problemy. [The resettlement of the mountaineers to Turkey: debatable aspects of the problem]. *CAUCASICA. Trudy Instituta politicheskikh i social'nyh issledovanij Chernomorsko-Kaspijskogo regiona*. T. 1. M. 86 p. [in Russian]

Milyutin, 2004 – *Milyutin D.A.* (2004). Vospominaniya. 1856-1860. Milyutin Memories. 1856-1860. Moscow. ROSSPEN. 558 p. [in Russian]

Ryabcev, 2012 – *Ryabcev V.N.* (2012). Cherkesskij vopros, Olimpiada-2014 i politika Gruzii na Kavkaze. [The Circassian question, the Olympics in 2014 and the policy of Georgia in the Caucasus]. Rostov-on-don, Izd-vo SKNC VSH. 432 p.

Tishkov, Perhavko, 2014 – *Tishkov V.A., Perhavko V.B.* (2014). Itogi Kavkazskoj vojny i pereseleniya gorcev Kavkaza. [Perchance the Outcome of the Caucasian war and the resettlement of the mountaineers of the Caucasus]. *Vestnik rossijskoj nacii*. №1, pp. 22-39. [in Russian]

Hotko, 1993 – *Hotko S.H.* (1993). Cherkesskie mamlyuki. [The Circassian Mamluks]. Maykop, Adygeya Republican book publishing house. 180 p.

Cherkesskij vopros, 2014 – «Cherkesskij vopros». Eh kspertnyj doklad. ["Circassian issue". Expert report]. (edited by V.A. Tishkov). Moscow: IEHA RAN. 2014, 91 p. [in Russian]

Sheudzhen i dr., 2004 – *Sheudzhen A.H., Galkin G.A., Thakushinov A.K.* (2004). Zemlya adygov. [The land of the Circassians]. Maikop: GRIPP "Adygeya". 1004 p. [in Russian]

Cvetkov, 2011 – *Cvetkov O.M.* (2011). Cherkesskij vopros: eh tnoideologicheskie vyzovy grazhdanskomu edinstvu [Ethno-ideological challenges of civil unity]. *Zimnie Olimpijskie igry 2014 v Sochi v fokuse informacionnyh atak*. Rostov-na-Donu, SKNC VSH YUFU. pp. 72-88. [in Russian]

Cherkasov et al., 2015 – *Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S.* (2015). Jikis and Jiketi in conditions of war and peace (1840–1860 years). *Bylye Gody*. Vol. 38. Is. 4. pp. 888-893.

Cherkasov et al., 2016 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2016). The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40. Is. 2. pp. 382-391.

Мухаджирство: причины и масштабы переселения горцев Северо-Западного Кавказа

Сергей Яковлевич Суций ^{a, *}, Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{b, c}, Светлана Федоровна Артемова ^d

^a Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^c Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

^d Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

Аннотация. На протяжении всей Кавказской войны горские общины Северо-Западного Кавказа сохраняли свой демографический потенциал. Однако, по ряду причин, после военного поражения они не смогли (или не захотели) адаптироваться к новой ситуации в качестве подданных Российской Империи. При переходе от войны к миру подавляющее большинство горцев этого субрегиона Кавказа между существующими альтернативами выбрали эмиграцию. Это решение и последующий уход в Османскую империю спровоцировали кардинальную этнодемографическую трансформацию всего Северо-Западного Кавказа. Для горцев эмиграция закончилась огромным количеством жертв (по пути погибло 25-30 % всех переселенцев). В статье использованы сведения из различных научных трудов о масштабах миграции различных горских сообществ и понесенных ими убытках.

Дальнейшая демографическая, социально-политическая, социокультурная динамика горских общин подтвердила, что те из них, которые предпочли остаться на Северном Кавказе, исторически победили. Однако эта историческая премия стала совершенно очевидной лишь во второй четверти XX века, спустя многие десятилетия после завершения Кавказской войны.

Ключевые слова: мухаджирство, Кавказская война, горцы Северо-Западного Кавказа, этнодемографические процессы, демографическая статистика.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ss7707@mail.ru (С.Я. Суций), anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 302-309. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.302
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Problems and Ways of Development of the Siberian Region in Light of the Liberal-Westernizing Media (on the example of Analysis of Materials of the Journal «Herald of Europe»: 1866–1918)

Irina V. Pivovarova ^{a, *}, Yulia V. Putilina ^b, Julia V. Zubareva ^c

^a Tyumen Industrial University, Russian Federation

^b Tyumen Regional Academy for professional development, Russian Federation

^c Northern Trans-Ural State Agricultural University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the materials of the magazine "Herald of Europe" – one of the most authoritative periodicals of liberal orientation of the XIX century. Study and analysis of the catalogue of the contents of the logs during the study period (1866–1918), as well as of the publications themselves, helped to build a "liberal model" interpretation of the authors of the journal's status, position, peculiarities and problems of development of Siberian region. The study identified the expectations of the authors and the editorial office concerning the prospects of development of Siberia: hope for the triumph of openness and the rule of law as a guarantee of prevention of abuses by the authorities; the freedom to choose their religious traditions; belief in the transformative power of education, scientific and cultural education of the population of the Siberian province; the desire to attract more of the public to the solution of legal, economic and social problems of the Siberian region, to a civilized dialogue with the authorities.

It is established that the editors and authors of the journal as the key problems of the Siberian region were considered: the imperfection of the legislative base regulating the legal status of Siberia; the low level of literacy among the population; lack of higher educational institutions in the region until the opening of Tomsk University; scientific research into low territory; the arbitrariness of local authorities with the simultaneous disenfranchisement of the common people; the harsh conditions of life and the life of the exiles, convicts and settlers, etc. To solve the problems of the articles contained many sentences; increasing independence of local print media; improving the legal framework regulating the status and position of the Siberian territory and its population, etc.

While publicists regularly emphasized the urgent need of education of the peoples of Siberia as a guarantee of their cultural, economic and social prosperity in the future.

Keywords: Siberia, colonization, exile, penal servitude, "aliens" indigenous peoples, religion, the liberal press, the publicists, the magazine "Herald of Europe", regional problems, ways of development.

1. Введение

Среди современных историографов укрепилось мнение, что наиболее авторитетным периодическим изданием российских либералов в XIX веке являлся журнал «Вестник Европы» (Есин, 2007: 49–52; Блинов, 1995: 57–59).

Периодическое издание просуществовало в отечественной журналистике очень длительный период. Образованный еще в 1802 году в г. Москве Николаем Михайловичем Карамзиным, журнал просуществовал почти 30 лет и закрылся только в 1830 году. Однако в 1866 году в Петербурге снова вышел журнал с таким наименованием, а уже в начале XX века он отметил свое пятидесятилетие.

* Corresponding author

E-mail addresses: pivovarova_irina@mail.ru (I.V. Pivovarova),
putilina-yulia@mail.ru (Y.V. Putilina), j_zubareva@mail.ru (J.V. Zubareva)

Среди лиц, организовавших и способствовавших выходу журнала в свет, можно выделить пять профессоров, преподававших в Петербургском университете, но вынужденных пойти в отставку по причине непреодолимых идейных разногласий с реализуемой официальной властью курсом политики в сфере образования. В частности, это М.М. Стасюлевич, А.Н. Пыпин, К.Д. Кавелин, Б.И. Утин и В.Д. Спасович.

Реализованный в процессе работы над статьей анализ содержания годовых комплектов исследуемого журнала позволил выстроить «либеральную модель» трактования статуса, положения, особенностей и проблем развития сибирского региона.

2. Материалы и методы

Исследование реализовано на базе анализа материалов о сибирском крае, опубликованных в одном из авторитетных либеральных периодических изданий XIX в. – журнале «Вестник Европы».

В качестве методов исследования использовались: метод контент-анализа, с помощью которого были изучены материалы журнала «Вестник Европы», сопоставлены и систематизированы сведения о сибирском регионе, представленные в разных выпусках журнала за 1866–1918 гг.; исторический метод, позволивший выстроить «либеральную модель» трактования авторами журнала статуса, положения, особенностей и проблем развития сибирского региона во второй половине XIX – начале XX вв.; системный подход, при помощи которого были систематизированы выявленные исторические факты; нарративный метод, позволивший установленные факты и события изложить в последовательной форме.

3. Обсуждение

В качестве ключевого исторического источника использовались публикации, размещенные на страницах либерального периодического издания «Вестник Европы». В процессе исследовательской работы нами был изучен каталог содержаний журналов за исследуемый период (*Журнал...*, 1891), проанализированы опубликованные в нем материалы, посвященные сибирской тематике. А именно:

- аналитические обзоры, анонсы и рецензии авторов «Вестника Европы» на различные книги и сборники о Сибири (*Внутреннее...*, 1869; *Внутреннее...*, 1876; *Рецензия...*, 1867; *Рецензия...*, 1868; *Рецензия...*, 1870; *Рецензия...*, 1891);

- статьи публицистического стиля, авторы которых высказывали собственное мнение относительно ключевых проблем развития сибирского региона и путей их решения (*Максимов*, 1868; *Ядринцев*, 1876; *Птицын*, 1893; *Тыжнов*, 1901).

Помимо исторических источников были изучены научные труды наших современников, посвященные исследованию журналистики и печатной прессы в XIX – начале XX веков (*Есин*, 2007; *История...*, 2004; *Периодическая...*, 1991), а также работы, анализирующие особенности развития либеральной мысли в России (*Харусь*, 1996; *Шелохаев*, 1994).

Таким образом, при подготовке статьи была проработана широкая теоретико-эмпирическая база, затрагивающая различные аспекты интересующей нас тематики. Тем не менее, необходимо отметить, что научных трудов монографического уровня, всесторонне исследующих особенности освещения в либерально-западной прессе сибирского края, нами не обнаружено.

4. Результаты

Одним из авторитетнейших периодических изданий, вышедших во второй половине XIX – начале XX веков в России, по праву можно считать журнал «Вестник Европы» (*Есин*, 2007: 49–52; *Блинов*, 1995: 57–59).

Оценивая действовавшие в тот период демократические движения как чрезмерно революционные и радикальные, отвергая при этом национализм и ярый консерватизм некоторых других изданий пореформенного этапа, М.М. Стасюлевич, являясь редактором, воспринимал свой журнал в качестве некоего общественного «рупора» – сцены для выступления и отстаивания «правды» приверженцев либерализма.

М.М. Стасюлевичу удалось привлечь к работе над материалами «Вестника Европы» видных представителей либеральной публицистической прессы той эпохи: А.Д. Галахова, Н.И. Костомарова, С.М. Соловьева, К.К. Арсеньева, Д.Л. Мордовцева, А.Ф. Кони, А.Н. Веселовского, Н.А. Котляревского и др.

Исследуемый журнал можно признать весьма популярным, поскольку в 1890 годы тираж издания доходил до 7 тыс. экземпляров (*Есин*, 2007: 57–58).

При этом многие материалы, публикуемые в исследуемом журнале, были посвящены «сибирской тематике» (*табл. 1*)

Таблица 1. Количество статей, опубликованный в журнале «Вестник Европы» с 1866 по 1900 годы, полностью посвященных «сибирской тематике»

Период	Число статей, посвященных «сибирским вопросам»	
	Ед.	%
1866–1880	12	15,8
1881–1890	28	36,8
1891–1900	36	47,4
Всего публикаций, полностью посвященных «сибирской теме», изданных с 1866 по 1890 годы	76	100

Источник: (Журнал..., 1891; Периодическая..., 1991: 112 – 117).

Как видно из представленной таблицы, количество материалов, посвященных «сибирским вопросам» и опубликованных в «Вестнике Европы», неуклонно росло. Однако следует пояснить, что реальное число статей, затрагивающих сибирские вопросы и размещенных в исследуемом журнале, было существенно больше. В таблице приведена лишь выявленная нами статистика по публикациям, в заголовках которых присутствовало название «Сибирь», «сибирский», «сибирский регион», «сибирский край», либо указывались конкретные сибирские губернии и города, то есть, в таблице отображены только данные о статьях, полностью посвященных интересующей нас тематике. Здесь не представлены сведения о многочисленных иных публикациях журнала, в которых сибирские вопросы раскрывались в числе иных тематических аспектов.

Первые материалы о сибирском крае начали публиковаться в журнале, начиная со второго года существования издания. Эти статьи преимущественно были представлены рецензиями на произведения различных авторов о Сибири (Рецензия ..., 1867; Рецензия ..., 1868).

В статьях, публикуемых в «Вестнике Европы», нередко затрагивались актуальные проблемы сибирского края. Вместе с тем, публицисты неоднократно обращали внимание на общую недостаточную осведомленность населения России об этническом составе, условиях жизни, быта, проживающих в нем народов, об экономическом и культурном развитии данного региона, в связи с чем, редакцией «Вестника Европы» предпринимались попытки восполнить информационные пробелы. Для этого, помимо рецензий на брошюры и книги о Сибири, публиковались материалы научно-популярной направленности, записки и бытовые очерки путешественников, посетивших сибирский край (Максимов, 1868; Птицын, 1893).

Знакомство читателей «Вестника Европы» с населением сибирского региона началось с цикла очерков «Несчастные» или «Из быта ссыльных» под авторством С.В. Максимова (Максимов, 1868). В дальнейшем эти очерки были положены в основу его прославившегося трехтомного произведения под наименованием «Сибирь и каторга» (Максимов, 1891).

Труды указанного автора явились результатом его личных наблюдений за бытом, образом жизни ссыльных в сибирском крае, нравами администрации местных тюрем, особенностями содержания, питания, одежды арестантов, внутренней субкультуры, сформировавшейся в их среде.

Повествования С.В. Максимова пронизаны состраданием, сокрушением над тяжелыми условиями пребывания ссыльных в Сибири. При этом автор высказывал и свои предложения относительно того, как правильно реформировать тюремную систему, а также о том, что нужно сделать, чтобы жизнь ссыльных стала более комфортной. Здесь же звучит ключевая идея автора о том, что Сибирь вообще должна перестать быть местом ссылки и каторги, либо, по крайней мере, необходимо провести комплексные мероприятия, направленные на гуманизацию процесса по водворению ссыльных в сибирском регионе, поиск средств для привлечения ссыльных и каторжан к социально и экономически значимой и полезной работе, прекращение бродяжничества посредством улучшения качества жизни и быта в местах ссылки, устранение безбрачия в числе каторжан (Максимов, 1868; Максимов, 1891). Делая промежуточные выводы, можно констатировать, что позиция С.В. Максимова в целом соответствовала духу либеральной журналистики, пониманию редакцией «Вестника Европы» предназначения прессы (Внутреннее..., 1876: 63–67).

Помимо распространяемого «Вестником Европы» образа Сибири как «места ссылки и каторги», в опубликованных в 1870-х годах материалах журнала актуализировался и другой содержательный признак сибирского края. Так, во многих статьях Сибирь рассматривалась в качестве «глухой» и «отсталой» колонии, которую срочно необходимо включить в социокультурное и экономическое пространство «метрополии».

На страницах журнала стали все чаще публиковаться дискуссии и рассуждения о реальном статусе сибирского края. В качестве одной из ключевых идей звучала мысль об острой необходимости приобщения жителей региона к русской культуре, целесообразности духовного объединения «колонии с метрополией» (Харусь, 1996: 195–204).

Эффективным решением данных вопросов, по мнению публицистов-либералов, могло стать открытие в Сибири университета (*Внутреннее...*, 1876: 799–802). Следует отметить, что первое упоминание сибирского университета встречается в рецензии на работу «Север России», написанной сибирским золотопромышленником М.К. Сидоровым в 1870 году. В рецензии говорилось о пожертвовании автора данного труда 25 тысяч руб. на постройку первого такого учебного заведения в сибирском регионе (*Рецензия...*, 1870: 958–963). Уже с 1875 года идея о назревшей необходимости открыть сибирский университет все чаще звучит в различных публикациях исследуемого журнала. Постройка университета позиционировалась в качестве дела особой важности для всего государства (*Иванов, 1991: 67–68; Зайченко, 1960: 134–137*).

С позиций реконструкции ценностных ориентаций либералов пореформенной Российской империи, показательным может стать комплекс следующих аргументов и доводов, высказываемых на страницах журнала, в пользу активного распространения университетской науки, как и всей системы высшего образования в сибирском крае:

- назревшая необходимость в подготовке «доброкачественного» и просвещенного чиновнического аппарата для «вытеснения из сибирского региона наихудших элементов бюрократии», а также «изжития яра неконтролируемого произвола» (*Попов, 2006: 37–41; История...*, 2004: 173–179);

- преодоление сложившейся отчужденности сибирского края, усиление духовных и информационных взаимосвязей между Сибирью и Россией посредством формирования образованного «туземного» класса, который бы олицетворял в себе морально-нравственную связь «народа русского с народом сибирским» (*Внутреннее...*, 1876: 800–801).

Последний из перечисленных доводов следует пояснить отдельно. В данном отношении интересно отметить, что термином «туземный» в журнале «Вестник Европы», а также в иной либеральной прессе, выходившей в XIX в., авторы публикаций обозначали не только «инородческое» население, но и русских, проживающих в сибирском крае. Использование такого лексикона еще раз подтверждает факт признания и рассмотрения либеральной прессой второй половины XIX века сибирского региона в качестве колонии (*История...*, 2004: 183).

Несмотря на то, что многие авторы публикаций «Вестника Европы» воспринимали Сибирь в качестве «внутренней колонии» России и поддерживали идеи о целесообразности колонизации Сибири, тем не менее, они видели в этом и множество нерешенных проблем. Нередко органы официальной власти, ответственные за реализацию данной политики, подвергались ими умеренной критике. Также публицисты предлагали некоторые пути повышения качества колониальной политики в Сибири (*Есин, 2007: 132–134*).

Доказательства, свидетельствующие о колониальном характере взаимоотношений между имперским центром и сибирской провинцией, приводились в размышлениях Н.М. Ядринцева, публикуемых на страницах журнала. Зачастую ключевой тематикой опубликованных им материалов являлось обсуждение и анализ реформ М.М. Сперанского, касающихся развития сибирского региона. Н.М. Ядринцев называл в своих трудах М.М. Сперанского одной из ключевых личностей в истории Сибири, человеком «новой эры», чьи труды достойны внимания и осмысления, являясь ярким примером для будущих поколений (*Ядринцев, 1876: 96–97*).

На основе анализа идей М.М. Сперанского, Н.М. Ядринцев обосновывал назревшую необходимость в проработке на законодательном уровне актуальных «сибирских вопросов», к числу которых им были отнесены:

- введение гласного суда и земства;
- целесообразность свободной колонизации;
- решение «инородческих» вопросов;
- необходимость соединения Сибири «железными путями» с Европой;
- активизация развития торговли и промышленности в крае;
- учреждение в Сибири высших учебных заведений и др. (*Ядринцев, 1876: 98–101*).

Следует подчеркнуть, что в журнале «Вестник Европы» помимо Н.М. Ядринцева, другими авторами статей обсуждались проблемы законодательного регулирования правового статуса Сибири. При этом в качестве повода для обращения публицистов к правовым, экономическим и социальным проблемам региона чаще всего выступали сведения о подготавливаемых органами официальной власти мероприятиях, касающихся сибирского края (например, поступившая в редакцию информация о начавшемся обсуждении в правительственных кругах какого-либо регионального законопроекта и т.п.).

Таким образом, можно констатировать, что российским либералам идеи о необходимости имперского расширения и целесообразности колонизации Сибири и иных территорий, не были чуждыми. Однако интеллектуальная элита при этом нередко поясняла, что необходимо именно «цивилизованное научное», а не насильственное освоение новых территорий и пространств. Только в таком случае это может способствовать успеху общей отечественной геополитики (*История...*, 2004: 132–137).

Помимо прочего, следует заметить, что образ сибирского региона как малоизвестного интеллектуалам и образованным людям Европейской части Российской империи места, нуждающегося в подробном описании и тщательном научном исследовании, в 1880–1890-х годах

также транслировался активно, причем, не только либеральной, но и народнической журнальной прессой.

Именно публицисты «Вестника Европы» среди первых начали интерпретировать исследование Сибири как некую весьма важную культурную миссию образованного человека. Однако и редактор, и авторы журнала неоднократно указывали на проблему того, что в России таких исследований пока недостаточно, превознося как преуспевающих в этом деле своих западных коллег – исследователей и ученых из Европы ([Периодическая..., 1991: 156–157](#)).

В контексте либерально-западнической ориентации журнала наглядными представляются указания авторов на примеры путешественников из Европы, пишущих работы о сибирском крае. В таких отзывах, как правило, авторы статей «Вестника Европы» сетовали на то, что в России подобные исследования проводятся редко. Например, в одной из рецензий на книгу немецких путешественников встречается такое высказывание обозревателя: «При всем нашем интересе, который представляет весьма научное и серьезное описание наших земель, к сожалению, мы бедны своими исследованиями, а потому придется довольствоваться работами иностранцев» ([Рецензия..., 1868. № 4: 981–982](#)).

Таким образом, до 1890-х годов одной из ключевых проблем, на которую указывали авторы, обращающиеся к «сибирской тематике», было недостаточное исследование сибирского края.

Уже к началу 1890-х годов для читателей журнала актуализировался новый образ сибирского края, где Сибирь представлялась как регион «административного произвола», «дореформенных нравов и безгласности» ([Головнева, 2017: 28–29](#)). Авторы публикаций в это время часто писали о «могуществе» и распространенности местной бюрократии, которую рассматривали в своих статьях в качестве одного из характерных признаков сибирского края ([История..., 2004: 196–201](#)).

Местные органы власти нередко сравнивались ими с «самовластными хозяевами территорий», которые «делают, что пожелают, не считаясь с мнением населения». «Вопиющая вседозволенность и беспринципность» – вот что их характеризовало, по мнению ряда публицистов «Вестника Европы» ([Рецензия..., 1891: 845–846; Еремина, 2001: 87–89; Толочко, 2003: 119–121](#)).

На рубеже XIX–XX веков исследуемое периодическое издание поднимает еще одну острую проблему региона, рассматривая на страницах журнала его в качестве места, где «господствуют «мироеды» и царит повсеместная кабала». Под «мироедами» авторы публикаций подразумевали купцов, ростовщиков, кулаков, хозяев собственных золотых приисков и т.д.

Нередко в публикуемых статьях упоминались самые разнообразные формы экономического и социального угнетения населения Сибири, в том числе: батрачество, торгово-ростовщическая кабала и др. В статьях журнала указывались и жертвы такой кабалы, к которой публицисты относили: ссыльных, переселенцев, старожил, «приисковых» рабочих, «инородцев» и некоторые другие слои населения ([Тыжнов, 1901: 615–621; Краткая..., 1995: 143–147](#)).

Как писал в одной из своих статей В.В. Птицын, кабала – это явление, «искони, обнимающее всю жизнь инородца и крестьянина, как бы переходящее по наследству и образующее, по сути, тоже крепостное право» ([Птицын, 1893: 71–74](#)). При этом в исследовании И.И. Тыжнова, опубликованном на страницах «Вестника Европы», говорится о существовавших тогда формах эксплуатации «инородческого» населения, в числе которых он называл «вечную» долговую кабалу.

Тяжелое и неоднозначное положение «инородцев» описывалось им с помощью таких выражений как «разврат», «пьянство», «нищета», «убогость быта». По мнению И.И. Тыжнова, причинами сложившейся ситуации было несовершенство законодательной базы, определявшей и регулировавшей правовой статус «инородческого» населения, а также деструктивное влияние органов местной администрации, объединенных «деловыми связями» и коммерческими интересами с купцами, торговцами пушниной, спиртными напитками и рыбой ([Тыжнов, 1901: 624–639](#)).

5. Заключение

Анализ материалов журнала «Вестник Европы», посвященных «сибирской тематике» позволил выявить ряд характерных тенденций, определяющих образ сибирского региона во второй половине XIX – начале XX веков, ключевые проблемы и пути его развития в представлениях авторов публикаций:

1. Во второй половине XIX в. со страниц «Вестника Европы» активно транслировался образ Сибири как малоизвестной и почти неисследованной колонии, требующей всестороннего изучения, просвещения населения, его приобщения к имеющимся научным и культурным достижениям «более развитой» европейской цивилизации.

2. На протяжении всего пореформенного этапа сибирский край рассматривался публицистами журнала в качестве места беззакония и бюрократического произвола, «дореформенных уставов», господства и всевластия «мироедов» (под которыми авторами статей понимались купцы, ростовщики, кулаки, хозяева собственных золотых приисков и т.д.).

3. В целом признавая права личности на свободу вероисповедания, публицистами «Вестника Европы» активно отстаивались принципы свободы совести и вероисповедания для коренных этносов сибирского края. Однако одновременно с этим убеждением, ими высказывалось мнение о том, что добровольное обращение в христианскую веру является лучшим способом просветить «инородцев»

сибирского края. Одновременно авторы статей подвергали критике любое вмешательство органов власти в миссионерскую деятельность христианских церквей.

4. В публикациях журнала постоянно поднимались острые вопросы, связанные с правовым и социально-экономическим положением сибирского края и проживающего в нем населения. В числе наиболее часто озвучиваемых проблем, можно выделить такие как: несовершенство законодательной базы, регулирующей правовой статус сибирского края в составе Российской империи; тяжелые условия жизни и быта сибирских ссыльных и каторжан, а также иных слоев населения; чрезмерно строгие условия тюремного содержания арестантов в сибирских тюрьмах; нерешенность и неурегулированность многих «переселенческих вопросов»; общий низкий уровень организации мероприятий, связанных с адаптацией переселенцев к новым условиям жизни и быта; полное отсутствие, вплоть до открытия Томского университета, высших учебных заведений в регионе; общий низкий уровень грамотности среди сибирского населения и др.

5. Среди ключевых методов борьбы с наболевшими проблемами авторы «Вестника Европы» выделяли следующие: распространение на сибирский край действия земской и судебной реформы; уравнивание сибирского региона в правовом статусе и реальном положении с иными провинциями Российской Империи; отмена ссылки; развитие общественной активности и самосознания; расширение прав местных печатных органов; открытие сибирского университета; активное и повсеместное строительство школ и других учебных заведений, в том числе высших, как для русского населения, так и для коренных этносов Сибири; создание общественных организаций, уполномоченных реализовывать контроль за соблюдением законов со стороны местных органов власти.

Литература

Блинов, 1995 – Блинов Н.В. К общественному движению в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Вып. 2. Томск: Томский государственный университет, 1995. С. 3-23.

Внутреннее..., 1869 – Внутреннее обозрение // *Вестник Европы*. 1869. №12. С. 903-907.

Внутреннее..., 1876 – Внутреннее обозрение // *Вестник Европы*. 1876. №2. С. 799-807.

Головнева, 2017 – Головнева Е.В. Сибирская идентичность как конструкт: к постановке проблемы // *Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки*. 2017. Т. 12. №1 (161). С. 27-31.

Еремина, 2001 – Еремина Л.А. Деятельность органов городского самоуправления Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. по развитию народного образования // *Вопросы истории Сибири XX века*. Вып. 5. Новосибирск, 2001. С. 87-96.

Есин, 2007 – Есин Б.И. Основные этапы 300-летней истории русской журналистики // *Очерки: О настоящем и прошлом отечественной журналистики*. М., 2007.

Журнал..., 1891 – Журнал «Вестник Европы»: каталоги за двадцать пять лет (1866–1890 годы). СПб., 1891.

Зайченко, 1960 – Зайченко П.А. Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск: Изд-во Томского университета, 1960. 480 с.

Иванов, 1991 – Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991.

История..., 2004 – История сибирской печати XVIII – начала XX в. Иркутск, 2004.

Краткая..., 1995 – Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1995. Т. 2, кн. 2. 544 с.

Максимов, 1868 – Максимов С.В. Несчастные или из быта ссыльных // *Вестник Европы*. 1868. № 6. С. 479-547.

Максимов, 1891 – Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., 1891.

Периодическая ..., 1991 – Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.): Указатель газет и журналов / Под ред. Э.И. Черняк. Томск: изд-во Томского ун-та, 1991. 96 с.

Попов, 2006 – Попов Д.И. Культурно-просветительные общества в Сибири в конце XIX – начале XX вв. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006.

Птицын, 1893 – Птицын В.В. Очерки народной жизни по реке Лене // *Вестник Европы*. 1893. №11. С. 71-74.

Рецензия..., 1867 – Рецензия на книгу А.А. Черкасова «Записки охотника Западной Сибири» // *Вестник Европы*. 1867. № 3. С. 512-117.

Рецензия..., 1868 – Рецензия на книгу М.И. Венюкова «Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них» // *Вестник Европы*. 1868. № 2. С. 899-901.

Рецензия..., 1868. № 4 – Рецензия на книгу: Мичи А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири / Перевод с немецкого языка П. Ольхина // *Вестник Европы*. 1868. № 4. С. 982-989.

Рецензия..., 1870 – Рецензия на книгу М. Сидорова «Север России» // *Вестник Европы*. 1870. № 12. С. 953-957.

Рецензия..., 1891 – Рецензия на книгу В.П. Сукачева «Иркутск: Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири» // *Вестник Европы*. 1891. №10. С. 843-847.

- [Толочко, 2003](#) – Толочко А.П. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск, 2003. 196 с.
- [Тыжнов, 1901](#) – Тыжнов И.И. Эксплуатация сибирских инородцев в XIX веке // *Вестник Европы*. 1901. № 8. С. 614–641.
- [Харусь, 1996](#) – Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века: идеология и политика. Томск, 1996. 228 с.
- [Шелохаев, 1994](#) – Шелохаев В.В. Либералы и массы (1907–1914 гг.) // *Вопросы истории*. 1994. № 2. С. 46–63.
- [Ядринцев, 1876](#) – Ядринцев Н.М. Сперанский и его реформы в Сибири // *Вестник Европы*. 1876. № 5. С. 91–117.

References

- [Blinov, 1995](#) – Blinov N.V. (1995). K obshchestvennomu dvizheniyu v Sibiri. [To a social movement in Siberia]. / *Materialy k khronike obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri v 1895–1917 gg.* Vyp. 2. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet. pp. 3–23. [in Russian].
- [Vnutrennee..., 1869](#) – Vnutrennee obozrenie. [Internal review]. *Vestnik Evropy*. 1869. №12. pp. 903–907. [in Russian].
- [Vnutrennee..., 1876](#) – Vnutrennee obozrenie. [Internal review]. *Vestnik Evropy*. 1876. №2. pp. 799–807. [in Russian].
- [Golovneva, 2017](#) – Golovneva E.V. (2017). Sibirskaya identichnost' kak konstrukt: k postanovke problemy. [Siberian identity as a construct: problem statement]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*. Seriya 3. Obshchestvennye nauki. Tom 12. №1 (161). pp. 27–31. [in Russian].
- [Eremina, 2001](#) – Eremina L.A. (2001). Deyatel'nost' organov gorodskogo samoupravleniya Zapadnoi Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. po razvitiyu narodnogo obrazovaniya. [The activities of the municipal self-government bodies of Western Siberia in the late XIX – early XX century. the development of public education]. *Voprosy istorii Sibiri XX veka*. Vyp. 5. Novosibirsk. pp. 87–96. [in Russian].
- [Esin, 2007](#) – Esin B.I. (2007). Osnovnye etapy 300-letnei istorii russkoi zhurnalistiki. [The main stages of the 300-year history of Russian journalism]. / *Ocherki: O nastoyashchem i proshlom otechestvennoi zhurnalistiki*. M. [in Russian].
- [Zhurnal..., 1891](#) – Zhurnal «Vestnik Evropy»: katalogi za dvadtsat' pyat' let (1866–1890 gody). [«Vestnik Evropy»: catalogs twenty-five years (1866–1890)]. SPb., 1891. [in Russian].
- [Zaichenko, 1960](#) – Zaichenko P.A. (1960). Tomskii gosudarstvennyi universitet imeni V.V. Kuibysheva. Ocherki po istorii pervogo sibirskogo universiteta za 75 let (1880–1955). [Tomsk state University named after V.V. Kuibyshev. Essays on the history of the first Siberian University over 75 years (1880–1955)]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta. 480 p. [in Russian].
- [Ivanov, 1991](#) – Ivanov A.E. (1991). Vysshaya shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX veka. [Higher school of Russia in the late XIX – early XX century]. M. [in Russian].
- [Istoriya..., 2004](#) – Istoriya sibirskoi pechati XVIII – nachala XX v. [History of the Siberian press of the XVIII – beginning of XX century]. Irkutsk, 2004. [in Russian].
- [Kratkaya..., 1995](#) – Kratkaya entsiklopediya po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri. [A brief encyclopedia on the history of merchants and Commerce Siberia]. Novosibirsk, 1995. T. 2, kn. 2. 544 p. [in Russian].
- [Maksimov, 1868](#) – Maksimov S.V. (1868). Neschastnye ili iz byta ssyl'nykh. [A brief encyclopedia on the history of merchants and Commerce of Siberia]. *Vestnik Evropy*. №6. pp. 479–547. [in Russian].
- [Maksimov, 1891](#) – Maksimov S.V. (1891). Sibir' i katorga. [Siberia and hard labor]. SPb. [in Russian].
- [Periodicheskaya..., 1991](#) – Periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX veka – fevral' 1917 g.): Ukazatel' gazet i zhurnalov. [The periodical press of Siberia (second half of XIX century – February 1917): Index of Newspapers and magazines]. / Pod red. E.I. Chernyak. Tomsk: izd-vo Tomskogo un-ta, 1991. 96 p. [in Russian].
- [Popov, 2006](#) – Popov D.I. (2006). Kul'turno-prosvetitel'nye obshchestva v Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. [Cultural and educational society in Siberia in the late XIX – early XX centuries]. Омск: Izd-vo OmGU. [in Russian].
- [Ptitsyn, 1893](#) – Ptitsyn V.V. (1893). Ocherki narodnoi zhizni po reke Lene. [Essays on the life of the people on the river Lena]. *Vestnik Evropy*. №11. pp. 71–74. [in Russian].
- [Retsenziya..., 1867](#) – Retsenziya na knigu A.A. Cherkasova «Zapiski okhotnika Zapadnoi Sibiri». [Book review A.A. Cherkasov "notes of a hunter in Western Siberia"]. *Vestnik Evropy*. 1867. №3. pp. 512–117. [in Russian].
- [Retsenziya..., 1868](#) – Retsenziya na knigu M.I. Venyukova «Puteshestviya po okrainam russkoi Azii i zapiski o nikh». [Book review of M.I. Venyukova "travel to the outskirts of Russian Asia, and notes on them"]. *Vestnik Evropy*. 1868. №2. pp. 899–901. [in Russian].
- [Retsenziya..., 1868](#) – Retsenziya na knigu: Michi A. Puteshestvie po Amuru i Vostochnoi Sibiri. [Book review: Michi A. the Journey along the Amur and Eastern Siberia]. / Perevod s nemetskogo yazyka P. Ol'khina. *Vestnik Evropy*. 1868. №4. pp. 982–989. [in Russian].

- Retsenziya..., 1870** – Retsenziya na knigu M. Sidorova «Sever Rossii». [Book review M. Sidorova "North of Russia"]. *Vestnik Evropy*. 1870. №12. pp. 953-957. [in Russian].
- Retsenziya..., 1891** – Retsenziya na knigu V.P. Sukacheva «Irkutsk: Ego mesto i znachenie v istorii i kul'turnom razvitii Vostochnoi Sibiri». [Book review V. P. Sukachev "Irkutsk: Its place and importance in the history and cultural development of Eastern Siberia"]. *Vestnik Evropy*. 1891. №10. pp. 843-847. [in Russian].
- Tolochko, 2003** – *Tolochko A.P.* (2003). Gorodskoe samoupravlenie v Zapadnoi Sibiri v dorevolutsionnyi period: stanovlenie i razvitie. [Municipal government of Western Siberia in the pre-revolutionary period: formation and development]. Omsk. 196 p. [in Russian].
- Tyzhnov, 1901** – *Tyzhnov I.I.* (1901). Ekspluatatsiya sibirskikh inorodtsev v XIX veke. [Exploitation of the Siberian natives in the nineteenth century]. *Vestnik Evropy*. №8. pp. 614-641. [in Russian].
- Kharus', 1996** – *Kharus' O.A.* (1996). Liberalizm v Sibiri nachala XX veka: ideologiya i politika. [Liberalism in Siberia in the early XX century: ideology and policy]. Tomsk. 228 p. [in Russian].
- Shelokhaev, 1994** – *Shelokhaev V.V.* (1994). Liberaly i massy (1907–1914 gg.). [Liberals and mass (1907–1914)]. *Voprosy istorii*. №2. pp. 46-63. [in Russian].
- Yadrintsev, 1876** – *Yadrintsev N.M.* (1876). Speranskii i ego reformy v Sibiri. [Speransky and his reforms in Siberia]. *Vestnik Evropy*. №5. pp. 91-117. [in Russian].

Проблемы и пути развития сибирского края в освещении либерально-западнической прессы (на примере журнала «Вестник Европы»: 1866–1918 годы)

Ирина Валерьевна Пивоварова ^{a, *}, Юлия Викторовна Путилина ^b, Юлия Валерьевна Зубарева ^c

^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

^b Тюменская региональная академия профессионального развития, Российская Федерация

^c Государственный аграрный университет Северного Зауралья, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются материалы журнала «Вестник Европы» – одного из авторитетных периодических печатных изданий либеральной направленности XIX в.

Изучение и анализ каталога содержаний журналов за исследуемый период (1866–1918 гг.), а также самих публикаций, позволил выстроить «либеральную модель» трактования авторами журнала статуса, положения, особенностей и проблем развития сибирского региона. В ходе исследования выявлены ожидания авторов и редакции журнала в отношении перспектив развития Сибири: надежда на торжество гласности и законности как гарантий предотвращения различных злоупотреблений со стороны органов власти; свобода в выборе религиозной традиции; убежденность в преобразующей силе образования, научного и культурного просвещения населения сибирской провинции; стремление привлечь как можно большую часть общественности к решению правовых, экономических и социальных проблем сибирского края, к цивилизованному диалогу с представителями власти.

Установлено, что редакция и авторы журнала в качестве ключевых проблем сибирского края рассматривали: несовершенство законодательной базы, регламентирующей правовой статус Сибири; низкий уровень грамотности среди населения; отсутствие высших учебных заведений в регионе вплоть до открытия Томского университета; низкую научную исследованность края; произвол местных властей при одновременном бесправии простого народа; тяжелые условия быта и жизни ссыльных, каторжан и переселенцев и др.

Для решения проблем в статьях содержались многочисленные предложения; повышения самостоятельности местных печатных органов; совершенствования законодательной базы, регулирующей статус и положение сибирского края и его населения и др.

При этом публицистами регулярно подчеркивалась острая необходимость просвещения народов Сибири как гарантия их культурного, экономического и социального процветания в будущем.

Ключевые слова: Сибирь, колонизация, ссылка, каторга, «инородцы», коренные народы, вероисповедание, либеральная пресса, публицисты, журнал «Вестник Европы», региональные проблемы, пути развития.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: pivovarova_irina@mail.ru (I.V. Pivovarova), putilina-yulia@mail.ru (Y.V. Putilina), j_zubareva@mail.ru (J.V. Zubareva)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 310-318. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.310
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Socio-Historical Portrait of the Kazakh Volost Rulers of the Steppe Region, the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th centuries)

Aigul A. Bimoldanova ^{a,*}, Tenlik T. Dalayeva ^a, Maisara G. Bekmagambetova ^b

^a Abai Kazakh National Pedagogical University, Kazakhstan

^b Kostanay State Pedagogical Institute, Kazakhstan

Abstract

The socio-historical portrait of the Kazakh volost rulers of the Steppe region, the Russian empire, during the second half of the 19th and early 20th centuries created in this article is based on published sources and archival data. A comparative analysis of the age characteristics, social origin, educational level and characteristics of professional duties of the Kazakh volost rulers is presented based on personal data from the official lists.

The article focuses on the social changes among the Kazakh volost rulers in the period since the adoption of the "Temporary provision on administration in the steppe regions of Orenburg and West-Siberian General-governorships" (1868) until the revolutionary events of 1917. The article considers factors of positive motivation in learning the Russian language by Kazakh lower-level officials of local self-government, for whom education in general and the Russian language, in particular, became a powerful resource of socialization in the imperial space.

It was concluded that during the specified period, when the volost governors were approved, their origin began to play less importance, and the educational level and personal characteristics of the applicant became increasingly important.

Keywords: local government, volost rulers, Steppe region, socio-historical portrait, 19th and early 20th centuries.

1. Введение

Деятельность волостных управителей сыграла важную роль в организации управления казахским населением в период колониального освоения Степного края Российской империей. В то же время эти должностные лица получили неоднозначную оценку как среди современников, так и в исторической литературе. В настоящей статье сделана попытка исследования социально-исторического портрета волостного управителя. Рассмотрение данной проблемы дает возможность более глубокого исследования процесса адаптации казахского населения к практикам российского управления, уяснения механизма реализации имперской власти в национальных окраинах в рамках проводимой политики модернизации и унификации страны.

Понятие «портрет» существует во многих науках, в том числе в исторической науке. Понятие «социальный портрет» все чаще используется современной наукой, когда речь идет о выявлении и детализации характерных черт определенной социальной группы, главных аспектов ее жизни (Харсеева, 2017). Как считают социологи: «Особенность социального портрета определяется в первую очередь коллективностью, то есть коллективным характером. Но следует подчеркнуть и то, что с практической стороны невозможно создать социальный портрет, способный охватить или охарактеризовать все стороны» (Мустафаева, Актаулова, 2014: 38).

* Corresponding author

E-mail addresses: malaeva96@mail.ru (A.A. Bimoldanova), tenlik95@gmail.com (T.T. Dalayeva), maisara75@mail.ru (M.G. Bekmagambetova)

По мнению исследователя Харсеевой: «...в ходе исторических исследований полезно применять близкую к данному понятию дефиницию «социально-исторический портрет» в ее широком смысле, то есть описание человека или группы людей, включая внешнее сходство и духовный мир в конкретный исторический период, так как такой подход позволяет создать типичный образ представителя народа, сословия и в конечном счете сложить более полное представление об исторической эпохе (Харсеева, 2017).

В наши задачи будет входить выявление особенностей, присущих рассматриваемой социальной группе, которые берутся за основу для формирования социально-исторического портрета с учетом особенностей ментальности, образовательных, возрастных и профессиональных характеристик. Исторический аспект исследования подразумевает, что в фокусе нашего внимания будет социальная группа, существовавшая в конкретный исторический период.

2. Материалы и методы

Источниками для исследования послужили законодательные акты Российской империи, опубликованные архивные документы в сборниках документов (Масевич, 1960; Султангалиева и др., 2014), ранее малоизученные документы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК): служебная переписка Степного генерал-губернаторства и Акмолинского областного правления с уездной администрацией, приказы Акмолинского военного губернатора, документы, связанные с процедурой выборов волостной администрации. Интересующие нас сведения содержатся в статистических сборниках, сформировавшихся в дореволюционный период по областному принципу: «Адрес-календари» и «Памятные книжки» (Pamyatnaya knizhka, 1912). Исторические характеристики казахских волостных управителей представлены в произведениях дореволюционных авторов – Абая (Абай, 2003), Ш. Кудайбердиева (Кудайбердиев, 1988), С. Торайгырова (Торайгыров, 1971), в публицистике А. Букейханова (Букейханов, 2016). Анализ выявленных материалов позволил собрать необходимые сведения относительно волостных управителей.

Метод сопоставления фактов и данных, извлеченных из источников, создал возможность систематизировать сведения о конкретных личностях. Использование статистического метода позволило изучить количественные характеристики возраста, сроков службы казахских волостных в указанных хронологических рамках.

3. Обсуждения

В дореволюционной литературе почти нет специальных исследований по истории института волостных управителей Степного Края. В основном это – публикации самих чиновников государственного аппарата Российской империи, интеллигенции, ученых-правоведов и историков.

Из дореволюционных исследований можно выделить коллективную работу членов комиссии, подготовивших «Проект положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями» (Проект Положения об управлении, 1880). В «Объяснительной записке к положению и штатам военно-народного управления Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей» были рассмотрены такие вопросы, как должностные сроки, источники и размеры жалования, социальные слои, из которых избираются волостные управители.

Один из самых известных казахских общественно-политических деятелей к. XIX – нач. XX вв. Алихан Букейханов уже в первых своих публикациях затрагивает вопрос о социальном облике волостных управителей. Своими наблюдениями и выводами, в основном критического характера, он начал делиться с читателями на страницах газеты «Особое прибавление к «Акмолинским областным ведомостям» и в ее приложении на казахском языке, «Дала уалаятының газеті» (Особое прибавление, 1889). В целом, следует отметить, что социальные характеристики казахских волостных управителей и особенности функционирования института волостных в Степном крае в дореволюционной историографии рассматривались фрагментарно.

В советский период одним из немногих, кто поднял вопрос о формировании института волостных управителей на территории Казахской степи в рамках административной реформы 1822 г., стал С.З. Зиманов (Зиманов, 1960).

В современной исторической науке изучение института волостного управления в общем и проблема социального облика чиновников в частности сравнительно недавно получила свою актуализацию. Речь идет об исследованиях данной проблемы в разрезе регионов Российской империи. Следует отметить научные публикации российских авторов – Н.Г. Суворовой (Суворова, 2006, 2010), Д.В. Егорова (Егоров, 2015), казахстанских исследователей – Г.С. Султангалиевой (Султангалиева, 2015), Г.К. Калиевой (Калиева, 2010), Т.Т. Далаевой (Далаева, 2015; 2016). В этих работах затрагивается проблематика специфики деятельности и социальный облик должностных лиц волостного звена местной администрации.

В исследовании Б.М. Абдрахмановой (Абдрахманова, 2010) представлена характеристика влияния российской административно-политической системы на традиционную социальную структуру казахского общества XIX века, Ж.М. Джампеисовой (Джампеисова, 2006) – анализ практик

управления волостных, А.А. Айтмухамбетова (Айтмухамбетов, 2010) – история формирования казахских служащих.

В 2014 г. был издан сборник документов и материалов «Казахские чиновники на службе Российской империи» (Султангалиева и др., 2014), в котором были систематизированы материалы и по институту волостных управителей (жалование, материальные поощрения и т.д.).

Таким образом, проблема изучения социально-исторического портрета волостных управителей в Казахской степи XIX века приобретает актуальный характер в связи с необходимостью системного и целостного изучения данного социального института через призму новой социальной истории.

4. Результаты

Регламентация деятельности местного самоуправления в Степном крае более отчетливо проявляется с 1860-х гг. С этого времени аппарат волостного управления был определен, как низовое звено местного самоуправления для всей территории края. В качестве «свободных сельских обывателей», казахи обрели право участия в выборах общественных должностей и право быть избранными в аульные и волостные органы управления, то есть могли избираться, в том числе и на должности волостных управителей.

Правила выборной системы и должностные обязанности волостных управителей в исследуемый период первоначально были определены «Временным положением об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» (1868 г.). И окончательно утверждены «Положением об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской» (1891 г.) (Масевич, 1960: 323-340, 387-399).

Всего за период с 1869 по 1917 годы состоялось порядка 16 процедур выборов волостных управителей и кандидатов к ним. В Акмолинской области изначально было определено 5 уездов. Однако количество волостей с 1869 года по 1917 год увеличилось практически в два раза. Причин увеличения волостей несколько, и это отдельная тема исследования. Самыми крупными уездами были Акмолинский и Атбасарский. В среднем перед каждыми выборами количество должностей волостных управителей варьировало от 45–50 – в 1870–1880 гг. и 115–120 – в первом десятилетии XX в.

Согласно положению «Волостные могут быть назначены на должность на основании выбора их своими сородичами из одной волости». Срок исполнения служебных обязанностей волостными управителями составлял 3 года (Масевич, 1960: 328). В Акмолинской области очень часто наблюдается такое явление, как избрание на должность волостного управителя одной кандидатуры на протяжении нескольких сроков – трехлетий. В архивных документах можно проследить множество фактов, когда должность волостного была занята одним человеком на протяжении длительного периода. Причем он покидал должность лишь по причине старости, и при этом, прилагал все усилия для передачи своей должности сыну или ближайшему родственнику. Например, в Караагачской волости Акмолинского уезда Чон Тельгозин, избирался на должность волостного управителя на 8 сроков с 1871 по 1894 гг. (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2303. Л. 79). Затем эту должность занимали его сыновья сначала Оспан Чонов с 1896 по 1905 гг., а затем Ахметжан Чонов с 1908 по 1911 гг. (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2333. Л. 53, 76, 128). В Кызылтопракской волости Акмолинского уезда длительное время с 1869 по 1896 гг. с перерывами должность волостного управителя занимал Мухамед-Рахим Ногурбеков (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 5621. Л. 9). В Коржункульской волости Акмолинского уезда Нуралы Саккулаков избирался на должность волостного управителя с 1869 года по 1882 гг. до самой смерти (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 5621. Л. 9). После эту должность занимал, хотя и с перерывами его младший брат Иралы Саккулаков и сын Олжабай Нуралин (Памятная книжка, 1912: 144). Таких примеров множество, в Акмолинском уезде: Мустафа Татиев (Спаская волость), Рахимжан Джаикпаев (Акмолинская волость), Макажен Жанибеков (Нельдинская волость), Нурлан Кияшев (Чирубай-Нуринская волость); в Омском уезде: Хасен Какенев (Омская волость).

Прослеживается тенденция создания династий волостных управителей. В Акмолинском уезде это династии Тельгозины-Чоновы (Караагачская волость), Ибрагимовы (Ишимская волость), Саккулаковы (Коржункульская волость), Джаикпаевы (Акмолинская волость) Татиевы (Спаская волость), в Атбасарском уезде – Джанибековы-Макажановы (Нельдинская волость).

Исследователь Султангалиева Г.С. отмечает такую же тенденцию в Тургайской области Оренбургского генерал-губернаторства: «Обращает внимание и создание династий волостных управителей: Кейкины (Буртинская волость), Нысановы (Бурлинская волость), Беркимбаевы (Аралтубинская волость), Нурмухамедовы (1-я Буртинская волость)» (Султангалиева, 2015: 119).

Весьма примечательны критерии избрания на должность волостного управителя. Согласно § 65 «Временного положения» на должность волостного управителя «может быть выбран всякий, кто пользуется уважением и доверием народа, не опорочен по суду, не находится под следствием и имеет от роду не менее 25-ти лет» (Масевич, 1960: 327).

Одним из главных цензов для занятия должности волостного был возрастной ценз. Одним из документов, где мы можем зафиксировать возраст волостных управителей, являются баллотировочные листы. Однако, хотя в форме баллотировочного листа была графа возраст, встречаются баллотировочные листы, где она не заполнена.

На основе изучения выявленных документов, удалось примерно определить стартовый возраст волостного управителя в периоды: с 1891–1900 гг. – составлял около 45–50 лет; с 1900–1916 гг. – составлял около 35–40 лет.

Прослеживается тенденция к омоложению состава волостных управителей. Одной из возможных причин данного явления, является смена поколений в династиях волостных управителей, переход должности от отца к сыну.

Архивные документы свидетельствуют, что чаще всего волостными управителями становились казахи 35–45 лет. Мы можем сделать вывод что, при избрании волостных управителей практический опыт, наработанный с возрастом, имел определяющее значение, как для выборщиков, так и для колониальной администрации. Однако у казахов не была распространена практика документального оформления даты рождения, в связи, с чем при избрании волостных управителей возникали спорные ситуации. Например, при выборах волостного управителя Нельдинской волости Акмолинского уезда в 1902 году возраст кандидата Джаркеша Саржанова вызвал сомнение у уездного начальника. Как упоминает в своем рапорте уездный начальник: «Хотя Джаркеш Саржанов, представил мне свидетельство покойного ныне врача Кушлейков о том, что он Джаркеш Саржанов достиг уже 26-летнего возраста. А в другом своем прошении он представил удостоверение аксакалов 1-го аульного общества. Что ему исполнилось уже 27 лет ко времени, когда происходили выборы, но удостоверения эти не могут иметь значения, так как возраст определяется метрическими свидетельствами, а у киргиз[казахов] – посемейными списками» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3744. Л. 169). На выборах волостного управителя Таинчинской волости Петропавловского уезда 1901 года также возникла спорная ситуация по поводу возраста кандидата на должность волостного управителя» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3745. Л. 21). В обоих случаях были утверждены другие кандидатуры на должности волостной администрации.

Аппарат волостного управления помимо волостного управителя включал должность кандидата по управлению. Многие волостные управители начинали свою карьеру с этой должности. При этом часто должность волостного управителя и кандидата к нему занимали отец и сын, сын и отец, родные братья. Например, в 1881 году Оспан Чонов в 25 лет впервые избирается на должность кандидата по волостному управлению в Карагачской волости Акмолинского уезда. Начиная с 1896 года, он избирается уже волостным управителем, так как увольняется от должности «согласно прошению, по расстроенному здоровью и преклонным годам управитель Чон Тельгозин» – его отец (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2333. Л. 76).

В Положениях 1868 г. и 1891 г. в списке требований к кандидатам в волостные управители конкретно не указывается необходимость знания русского языка. Знанием русского языка в Акмолинской области обладали единицы кандидатов. Выявить информацию по владению грамотностью кандидатами на должность волостных управителей в Акмолинской области очень трудно. В баллотировочных листах не подчеркивалось, «грамотен ли по-русски» кандидат, в связи с чем при изучении архивных документов, особое внимание было уделено личным подписям волостных управителей. Основные документы, которые подписывал волостной управитель это – приговоры волостных съездов, баллотировочные листы, рапорты на имя уездных и крестьянских начальников.

К концу первого десятилетия XX века многие волостные управители осознают необходимость знания русского языка для исполнения своих должностных обязанностей. Если во второй половине XIX в. волостные управители, подписывая баллотировочные листы, приговоры волостных съездов, использовали арабскую графику (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2166. Л. 231). Уже в начале XX в. большинство документов, особенно рапорты в вышестоящие органы подписаны на русском языке (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 2. Д. 23. Л. 6, 10, 15, 24).

Знание русского языка также влияло на взаимоотношения с вышестоящим руководством. Российская администрация, в лице уездных начальников и крестьянских начальников, более лояльно относилась к кандидатурам волостных управителей, владевших русским языком. Например, в решении съезда крестьянских начальников дается такая характеристика: «Джакен Мустафин – один из самых лучших волостных управителей. Он знает русский язык, знает свои обязанности и известен за честного и справедливого человека. Если он не получил и большинства избирательных шаров, то только потому что против него интриговала партия, тогда как он сам в борьбе этой не принимает участия» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3744. Л. 371). И, несмотря на то, что он не получил большинство голосов, съезд крестьянских начальников рекомендует его для утверждения в должности Нельдинского волостного управителя.

В характеристике же бывшего волостного управителя Акмолинской волости Абдрахмана Джаикпаева подчеркивается неграмотность его: «Что же касается Абдрахмана Джаикпаева, то он хотя и служил 9 лет волостным управителем, но совершенно не говорит и не понимает по-русски и грамоты русской не знает, а научился лишь автоматически подписывать свое имя и фамилию» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3744. Л. 440). То, что управитель не освоил за период своей службы русский язык, звучит в устах чиновника с негативной окраской.

Проследить социальное происхождение волостных управителей трудно, так как в отличие от «Устава о сибирских казахах» (1822 г.), где четко указывалось, что в выборах кандидатов на

должности волостных султанов, в качестве избираемых и избирателей могли участвовать только лица султанского происхождения, в Положениях 1868 и 1891 г. таких требований нет. Скучную информацию можно выявить по приказам Акмолинского губернатора и из послужных и наградных списков должностных лиц. В целом можно сказать, что среди волостных управителей в основном были представители верхушки «кара сүйек»¹, встречаются единичные случаи, когда волость возглавляли лица султанского происхождения «ак-сүйек»². В Бугулинской волости Акмолинского уезда, практически на протяжении всего изучаемого периода, должность волостного управителя занимали представители династии султана Конуркулджи Кудаймендина.

В целом в казахском обществе о волостных управителях сложился весьма негативный стереотип: волостной управитель – обязательно взяточник, эксплуататор, обманщик и т.д. Во многом появление такого образа встречается в казахской художественной литературе дореволюционного периода. Порядочных и добросовестных служащих, справедливых и принципиальных волостных управителей в произведениях литературы практически нет. Конечно, такие образы не рождались на пустом месте.

Известный казахский поэт и мыслитель Абай Кунанбаев имел опыт работы волостным управителем, но вскоре оставил свою должность, разочаровавшись в практиках управления. образу волостного управителя в произведениях Абая в большей мере придается негативная окраска. Описывая личностные качества, он подчеркивает такие черты, как жадность, стяжательство, лицемерие (Абай, 2003: 76). Султанмахмут Торайгыров в поэме «Кім жазықты» («Кто виноват») описывая распри при выборах волостного управителя, также дает им нелестную оценку, волостные, не озабочены нуждами и чаяниями простого народа, стремятся только к личному обогащению (Торайгыров, 1971: 138). Казахский мыслитель и поэт Шакарим Кудайбердиев, еще в юном возрасте начал активно заниматься политической деятельностью. Известно, что сам Шакарим был волостным в Аягузе (1911). Предложив свою кандидатуру на выборах волостного управителя, он успешно выиграл их и на протяжении нескольких лет занимался административной деятельностью. Вместе с тем эта деятельность привела Шакарима к неутешительному выводу о несоответствии своих намерений и действий, и он принял решение оставить службу. В его стихотворениях «Партия адамдары» («Люди партии»), «Партия қуғанөңкейқырт» («Партийцы болтуны») и др. перед нами предстает нелицеприятная картина о ходе выборов волостных управителей в казахской степи (Шакарим Кудайбердиев, 1988: 175).

Известный общественный деятель Мыржақып Дулатов, в 1907–1908 годах, ставший свидетелем выборов на должности волостных управителей, писал: «С начала выборов управителей прошло 40 лет. Выборы эти, если подумать, доконали нас. Богачи, именующиеся мырзами, образуют партии и для достижения должности управителя сорят деньгами» (Галиев, 2011: 312).

Негативное отношение к волостным управителям оставило след не только в художественной литературе, но и в публицистике Алихана Букейханова. В своей статье «Из жизни казахских должностных лиц К-ского уезда [Каркаралинского уезда]», автор, выражает мнение, что казахи становились волостными управителями путем подкупа волостных выборных (Букейханов, 2016: 45). В статье «Письмо в редакцию» Букейханов подчёркивает, что стремление занять должность волостного управителя обусловлено личной выгодой, а не заботой о народе: «Все это по милости «хороших» киргиз[казахов], ставящих целью своей жизни свое обогащение на чужой счет, лишенных добрых достоинств человека, и потому составляющих уродов общества» (Букейханов, 2016: 52). В очередном фельетоне автора, перед нами предстает неприглядный образ волостного: «Управитель был одним из тех многих сынов степей, которые гордятся своим животом, важной походкой, вкусным кумысом и прочей мелочью. В самом деле, выбирая его на должность, киргизы [казахи] не раз говорили, что он как есть управитель: непомерно толст, ленив, горд, богат, волокита и т.д.» (Букейханов, 2016: 81).

Фигура волостного управителя, как среди современников, так в научных исследованиях получилась весьма односторонняя, но были и среди них люди достаточно прогрессивные и деятельные для своего времени. Исследователь Айтмухамбетов А. отмечает благотворительную деятельность Хасена Какенева, долгое время занимавшего должность волостного управителя Омской волости Омского уезда: «Зауряд хорунжий Хасен Кокенев в должности почетного блюстителя патронировал Полтавскую русско-казахскую волостную школу. Такие факты носили распространенный характер в регионах расселения казахов» (Айтмухамбетов, 2010: 189). Мустафа Жаныбеков, волостной управитель Нельдинской волости Акмолинского уезда в 1884–1887 гг., был хорошо известен в Омске. Он собирал оригинальные образцы этнографического характера и привозил в Омск. Приказом Степного генерал-губернатора 2 марта 1888 года был награжден

¹ Карасүйек (черная кость) – социальная категория казахского общества, к которой принадлежали бии, тарханы, батыры, старшины, свободные общинники.

² Ак-сүйек (белая кость) – высшее аристократическое сословие в казахском обществе, к которому относились потомки Чингис-хана – Чингизиды (торе) и потомки сподвижников пророка Мухаммеда (кожа).

Почётным халатом II разряда за передачу в музей Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества казахских бытовых предметов (*Особое прибавление, 1888*).

Деловые качества кандидатов, ум, авторитет у соплеменников играли не последнюю роль для занятия должности. По мнению исследователя Т.Т. Далаевой: «Претендентами на должность волостных управителей становились казахи, имеющие действительный авторитет и свое мнение на происходящие в степи изменения» (*Далаева, 2016: 130*).

В своих рапортах и докладных записках при характеристике деятельности волостных управителей уездное начальство большое внимание уделяло таким качествам кандидатов, как предприимчивость, умение работать с людьми и т.д. В качестве примера можно привести рапорт акмолинского уездного начальника от 8 сентября 1901 года акмолинскому военному губернатору: «...Однако же, в виду вышеизложенного я считаю долгом представить к утверждению в должности волостного управителя не Алтына Джангырова, а его отца султана Джангыра Худаймендина, который способнее, деятельнее и умнее своего сына, и который, если уж не отклонил своей кандидатуры при выборе хана, должность волостного управителя должен взять на себя и нести тяготу общественной службы» (*ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3744. Л. 235*). Уездный начальник, несмотря на результаты баллотировки, где большинство голосов было отдано Алтыну Джангырову, предлагает утвердить кандидатуру султана Джангыра Худаймендина на должность волостного управителя, мотивируя тем, что: «...Означенный султан Джангыр Бегалин Худаймендин человек далеко еще не старый ему всего 50 лет, подвижный, энергичный, и хотя совершенно необразованный, но не глупый, тогда как тридцатилетний сын его, Алтын, оказывается весьма не далеким по уму и круглым невеждою. Кроме того он ленив, неподвижен. За время почти трехлетнего управления своею Чирубай-Нуринской волостью он не проявил никаких способностей и оказался самым неисправным по службе из всех волостных управителей Акмолинского уезда» (*ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3744. Л. 235*). В результате ходатайства уездного начальника, волостным управителем был утвержден «способный и деятельный» султан Джангыр Худаймендин.

Исследователь Ж. Джампеисова отмечает: «Волостным избирался обычно лидер доминирующего сегмента, который используя вверенные ему колониальным аппаратом функции, лоббировал интересы своей кочевой группы» (*Джампеисова, 2006: 189*).

5. Заключение

Социально-исторический портрет казахских волостных управителей представлен через характеристику практик их служебной деятельности в системе местных органов управления. Существенное влияние на социальные характеристики волостных управителей и их деятельность оказали традиционные представления казахского народа о нормах управления своими родовыми подразделениями. В частности, занимая должность не один срок, волостной управитель зачастую покидал ее лишь по причине старости и прилагал все усилия для передачи своей должности сыну или другому ближайшему родственнику, что становилось возможным при условии исполнения ими должности кандидата по волостному управителю. В Акмолинской области достаточно примеров, когда должности волостного управителя и кандидата к нему занимали отец и сын, сын и отец, родные братья. Наблюдается процесс формирования династий волостных управителей в определенных семейных группах, которые смогли выработать практики взаимодействия с уездным начальством во второй половине XIX в. и крестьянскими начальниками в начале XX в.

Адаптация к вводимым нормам института местного управления в ходе реформ конца XIX в. повлияла на возраст волостных управителей: если в традиционном казахском обществе властные полномочия осуществлял омудренное опытом старшее поколение, то средний стартовый возраст волостного управителя в начале XX в. составлял 35–45 лет, при официальной норме – с 25 лет. При избрании волостных управителей практический опыт продолжает иметь определяющее значение, как для выборщиков, так и для колониальной администрации.

В начале XX века уже прослеживается тенденция по увеличению количества волостных управителей, владевших русской разговорной речью и умевших подписать исходящие документы на русском языке. С 1911 г. акмолинский военный губернатор вводит требование обязательного знания русского языка и грамоты для занятия должности управителя.

В целом положение волостного управителя – нельзя было назвать простым. Сложность положения волостного управителя заключалась в том, что он находился, как говорят, «между молотом и наковальней». С одной стороны, будучи избранным, казахскими волостными выборными, он должен был отстаивать и защищать интересы этого общества. Но, с другой стороны, являясь должностным лицом, он был обязан проводить в жизнь распоряжения и установления колониальной администрации.

Литература

Абай, 2003 – Абай. Стихи. Слова назидания. М., 2003. 240 с.

Абдрахманова, 2010 – Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Караганда, 2010. 242 с.

Айтмухамбетов, 2010 – *Айтмухамбетов А.А.* Казахские служащие Российской империи: формирование, профессиональная и общественно-политическая деятельность в XIX начале XX вв. (исторический аспект). Семей, 2010. 346 с.

Букейханов, 2016 – *Букейханов А.* Сочинения. Т. 1. А., 2016. 606 с.

Галиев, 2011 – *Галиев В.З.* Книга, разбудившая народ (Разыскания о Мыржакыпе Дулатове и его сборнике «Проснись казах!»). Алматы, 2011. 528 с.

Далаева, 2015 – *Далаева Т.Т.* Волостные управители в казахских степях Западно-Сибирского ведомства: особенности утверждения их в должности в XIX – начале XX вв. // *Вестник (Хабаршы) КазНПУ им. Абая, Серия «Исторические и социально-политические науки»*. 2015. № 3(46). С. 30-38.

Далаева, 2016 – *Далаева Т.Т.* Алихан Букейханов о выборах казахских волостных управителей в начале XX века. // *Политические лидеры тюркских и мусульманских народов Евразии: судьбы, идеи, личности. Начало XX века: материалы междунар. научно-практ. конф.* Алматы: КазНПУ имени Абая, 2016. С. 125-130.

Джампеисова, 2006 – *Джампеисова Ж.М.* Казахское общество и право в пореформенной степи. Алма-Ата, 2006. 269 с.

Егоров, 2015 – *Егоров Д.В.* Исторический портрет волостного судьи // *Вестник Пермского университета. Серия: история*. 2015. № 4(31). С. 120-127.

Зиманов, 1960 – *Зиманов С.З.* Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. А., 1960. 294 с.

Ильясов, 2017 – *Ильясов Ш.А.* Деятельность административного аппарата в системе органов колониального управления Степного края (1891–1917 гг.) // (электронный ресурс). - (URL:<http://ksu.kz/file/nauka/ilyasov2/disser.pdf>) (дата обращения: 9.10.2017)

Калиева, 2010 – *Калиева Г.К.* Влияние особенностей управления чиновничества в лице волостных управителей и аульных старшин на их социальный статус // *Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия*. 2010. № 3. С. 18-24.

Масевич, 1960 – *Масевич М.Г.*, сост. Материалы по истории политического строя Казахстана / отв. ред. С.З. Зиманов. Т.1. Алма-Ата, 1960. 441 с.

Мустафаева, Актаулова, 2014 – *Мустафаева А.А., Актаулова Б.Ж.* Методологические основы исследования составления социального портрета // *Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Сер. Востоковедение*. 2014. № 3. С. 38-41.

Особое прибавление, 1889 – Хроника // *Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям*. Омск, 1889. № 22, 24, 43, 45.

Особое прибавление, 1888 – Хроника // *Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям*. Омск, 1888. № 9.

Памятная книжка, 1912 – *Памятная книжка и адрес-календарь Акмолинской области на 1912* Омск, Обл. стат. ком., 1912. 444с.

Проект Положения об управлении, 1880 – *Проект Положения об управлении* в Семиреченской и Сыр-Даринской областях. Ташкент, 1880. 314 с.

Суворова, 2006 – *Суворова Н.Г.* Волость как инструмент интеграции русского и инородческого населения Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. // *Вестник Тюменского государственного университета*. 2006. № 2. С. 160–173.

Суворова, 2010 – *Суворова Н.Г.* «Волостная юстиция» по материалам делопроизводства крестьянских учреждений Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. // *Сибирское общество в контексте мировой и российской истории (XIX–XX вв.): материалы Всерос. науч. конф.* Иркутск, 2010. С. 397-405.

Султангалиева и др., 2014 – *Султангалиева Г.С., Далаева Т.Т., Удербаяева С.К.*, сост. Казахские чиновники на службе Российской империи: сборник документов и материалов / отв. ред. Г.С. Султангалиева. Алматы, 2014. 418 с.

Султангалиева, 2015 – *Султангалиева Г.С.* Волостные управители Казахской степи: региональная элита второй половины XIX в. // III Халықаралық Фараби окулары, «Тәуелсіздік құндылықтары және «Мәңгілік Ел» ұлттық идеясы» атты ғылыми-теориялық конференция материалдары. Алматы: Қазақ университеті, 2016. С. 118-121.

Торайгыров, 1971 – *Торайгыров С.* Избранное. Алма-Ата, 1971. 255 с.

Харсеева, 2017 – *Харсеева О.В.* Социально-исторический портрет воспитанника исправительного заведения для несовершеннолетних преступников в дореволюционной России // *Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета*. 2017. № 3(43). (дата обращения: 25.10.2017).

ЦГА РК – Центральный Государственный Архив Республики Казахстан.

Кудайбердиев, 1988 – *Кудайбердиев Ш.* Избранное. Алматы, 1988. 560 с.

References

Abai, 2003 – *Abai*. (2003). *Stikhi. Slova nazidaniya*. [Poems. Words of edification]. М. 240 p. [in Russian].

Abdrakhmanova, 2010 – *Abdrakhmanova B.M.* (2010). Istoriya Kazakhstana: vlast', sistema upravleniya, territorial'noe ustroistvo v XIX veke. [History of Kazakhstan: power, management system, territorial structure in the XIX century]. Karaganda. 242 p. [in Russian].

Aitmukhambetov, 2010 – *Aitmukhambetov A.A.* (2010). Kazakhskie sluzhashchie Rossiiskoi imperii: formirovaniye, professional'naya i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' v XIX – nachale XX vv. (istoricheskii aspekt). [Kazakh employees of the Russian Empire: formation, professional and socio-political activity in the XIX beginning of XX centuries. (historical aspect)]. Semei. 346 p. [in Russian].

Bukeikhanov, 2016 – *Bukeikhanov A.* (2016). Sochineniya. [Works]. T. 1. A. 606 p. [in Russian].

Galiev, 2011 – *Galiev V.Z.* (2011). Kniga, razbudivshaya narod (Razyskaniya o Myrzhakype Dulatove i ego sbornike «Prosnis' kazakh!»). [The book that awakened the people (Search for Myrzhakyp Dulatov and his collection "Wake up the Kazakh!").]. Almaty. 528 p. [in Russian].

Dalayeva, 2015 – *Dalayeva T.T.* (2015). Volostnye upraviteli v kazakhskikh stepyakh Zapadno-Sibirskogo vedomstva: osobennosti utverzhdeniya ikh v dolzhnosti v XIX – nachale XX vv. [Volost rulers in the Kazakh steppes of the West Siberian region: the features of their approval in the post in the XIX – early XX centuries]. *Vestnik (Khabarshy) KazNPU im. Abaya, Seriya «Istoricheskie i sotsial'no-politicheskie nauki»*. № 3(46). pp. 30-38 [in Russian].

Dalayeva, 2016 – *Dalayeva T.T.* (2016). Alikhan Bukeikhanov o vyborakh kazakhskikh volostnykh upravitelei v nachale XX veka. [Alikhan Bukeikhanov on the election of Kazakh volost rulers in the early twentieth century]. / *Politicheskie lidery tyurkskikh i musul'manskikh narodov Evrazii: sud'by, idei, lichnosti. Nachalo XX veka : materialy mezhdunar. nauchno-prakt. konf. Almaty*. pp. 125-130 [in Russian].

Dzhampeisova, 2006 – *Dzhampeisova Zh.M.* (2006). Kazakhskoe obshchestvo i pravo v poreformennoi stepi. [Kazakh society and law in the post-reform steppe]. Alma-Ata. 269 p. [in Russian].

Egorov, 2015 – *Egorov D.V.* (2015). «Istoricheskii portret volostnogo sud'i». [Historical portrait of the volost's judge]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: istoriya*. № 4(31). pp. 120-127. [in Russian].

Zimanov, 1960 – *Zimanov S.Z.* (1960). Politicheskii stroi Kazakhstana kontsa XVIII i pervoi poloviny XIX vekov [The political system of Kazakhstan at the end of the XVIII and the first half of the XIX centuries]. A. 294 p. [in Russian].

Ilyasov, 2017 – *Ilyasov Sh.A.* (2017). Deyatel'nost' administrativnogo apparata v sisteme organov kolonial'nogo upravleniya Stepnogo kraia (1891–1917 gg.) [Activity of the administrative apparatus in the system of the colonial administration of the Steppe Krai (1891–1917)]. // (URL:<http://ksu.kz/file/nauka/ilyasov2/disser.pdf>) (date of the application: 9.10.2017). [in Russian].

Kalieveva, 2010 – *Kalieveva G.K.* (2010). Vliyanie osobennosti upravleniya chinovnichestva v litse volostnykh upravitelei i aul'nykh starshin na ikh sotsial'nyi status. [Influence of management peculiarities of bureaucracy in the person of volost rulers and aul foremens on their social status]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya Istoriya. Filosofiya*. № 3. pp. 18-24. [in Russian].

Masevich, 1960 – *Masevich M.G.* (1960). sost. Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana. T. 1. [Materials on the history of the political system of Kazakhstan.]. Alma-Ata. 441 p. [in Russian].

Mustafaeva, Aktaulova, 2014 – *Mustafaeva A.A., Aktaulova B.Zh.* (2014). Metodologicheskie osnovy issledovaniya sostavleniya sotsial'nogo portreta. [Methodological basis for the study of social portrait]. *Vestnik KazNU im. Al'-Farabi. Ser. Vostokovedeniye*. № 3. pp. 38-41. [in Russian].

Osoboe pribavlenie, 1889 – Khronika. Osoboe pribavlenie k Akmolinskim oblastnym vedomostyam. [A special addition to the Akmola regional bulletin]. Omsk, 1889. № 22, 24, 43, 45. [in Russian].

Osoboe pribavlenie, 1888 – Khronika. Osoboe pribavlenie k Akmolinskim oblastnym vedomostyam. [A special addition to the Akmola regional bulletin]. Omsk, 1888. № 9. [in Russian].

Pamyatnaya knizhka, 1912 – Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Akmolinskoi oblasti na 1912. [The memorial book and address-calendar of Akmola region for 1912]. Omsk, Obl. stat. kom., 1912. 444 p. [in Russian].

Proekt Polozheniya ob upravlenii, 1880 – Proekt Polozheniya ob upravlenii v Semirechenskoi i Syr-Darinskoi oblastiakh. [Draft Regulation on governance in Semirechie's and Syr-Daria's regions]. Tashkent. 1880. 314 p. [in Russian].

Suvorova, 2006 – *Suvorova N.G.* (2006). Volost' kak instrument integratsii russkogo i inorodcheskogo naseleniya Sibiri v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v. [The volost as an instrument of integration of the Russian and alien population of Siberia in the late 18th – first half of the 19th century]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2006. № 2. pp. 160-173. [in Russian].

Suvorova, 2010 – *Suvorova N.G.* (2010). «Volostnaya yustitsiya» po materialam deloproizvodstva krest'yanskikh uchrezhdenii Zapadnoi Sibiri vtoroi poloviny XIX - nachala XX v. ["Volost Justice" based on the records of the work of the peasant institutions of Western Siberia in the second half of the 19th and early 20th centuries]. // *Sibirskoe obshchestvo v kontekste mirovoi i rossiiskoi istorii (XIX–XX vv.): materialy Vseros. nauch. konf. Irkutsk*. pp. 397-405. [in Russian].

Sultangaliyeva et al., 2014 – *Sultangaliyeva G.S., Dalayeva T.T., Uderbayeva S.K., comp.* Kazakhskie chinovniki na sluzhbe Rossiiskoi imperii: sbornik dokumentov i materialov. [Kazakh officials in the service of the Russian Empire: a collection of documents and materials] / resp. ed. G.S. Sultangaliyeva. Almaty, 2014. 418 p. [in Russian].

[Sultangalieva, 2015](#) – *Sultangalieva G.S.* (2015). Volostnye upraviteli Kazakhskoj stepi: regional'naya ehliita vtoroj poloviny XIX v. [Volost rulers of the Kazakh steppe: the regional elite of the second half of the XIX century]. // III Khalykaralyk Farabi okulary, «Tauelsizdik kundylyktary zhane «Maңgilik El» ulttyk ideyasy» atty gylymi-teoriyalyk konferentsiya materialdary. Almaty: Kazak universiteti. pp. 118-121. [in Russian].

[Toraigyrov, 1971](#) – *Toraigyrov S.* (1971). Izbrannoe. [Selected Works]. Alma-Ata. 255 p. [in Russian].

[Kharseeva, 2017](#) – *Kharseeva O.V.* (2017). Sotsial'no-istoricheskii portret vospitannika ispravitel'nogo zavedeniya dlya nesovershennoletnikh prestupnikov v dorevolyutsionnoi Rossii. [Socio-historical portrait of a pupil of a correctional institution for juvenile criminals in pre-revolutionary Russia]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 3(43). URL:<http://scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=48> (data obrashcheniya: 25.10.2017). [in Russian].

[TsGA RK](#) – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of Republic of Kazakhstan]

[Kudaiberdiev, 1988](#) – *Kudaiberdiev Sh.* (1988). Izbrannoe. [Selected Works]. Almaty. 560 p. [in Russian].

Социально-исторический портрет казахских волостных управителей Степного края Российской империи (конец XIX – начало XX вв.)

Айгуль А. Бимолданова ^{a, *}, Тенлик Т. Далаева ^a, Майсара Ж. Бекмагамбетова ^b

^a Казахский национальный университет им. Абая, Казахстан

^b Костанайский государственный педагогический институт, Казахстан

Аннотация. В статье на основе опубликованных источников и архивных материалов составлен социально-исторический портрет казахских волостных управителей Степного края Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. На основе персональных данных представлен сравнительный анализ возрастных характеристик, социального происхождения, образовательного уровня и особенностей служебной деятельности казахских волостных управителей.

В статье сделан акцент на произошедших изменениях в социальном составе казахских волостных управителей в период со времени принятия «Временного положения об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств» (1868 г.) до революционных событий 1917 года. Рассмотрены факты, обусловившие позитивную мотивацию к усвоению русского языка казахскими чиновниками низового звена местного самоуправления, для которых и образование в целом и русский язык, в частности, становились мощным ресурсом социализации в общеимперском пространстве.

Сделан вывод о том, что в указанный период при утверждении в должности волостных управителей все меньшее значение стало играть их происхождение, а все большее значение приобретают образовательный уровень и личные характеристики претендента.

Ключевые слова: местное управление, волостные управители, Степной край, социально-исторический портрет, XIX – начало XX вв.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: malaeva96@mail.ru (А.А. Бимолданова),

tenlik95@gmail.com (Т.Т. Далаева), maisara75@mail.ru (М.Ж. Бекмагамбетова)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 319-327. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.319
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Historical Experience of Government Management of the Business Industry of Central Black Earth (the second half of the XIX – beginning of the XX centuries)

Natalia A. Dushkova ^a, Viktoria A. Grigorova ^{a,*}, Alexander V. Perepelitsyn ^b

^a Voronezh State Technical University, Russian Federation

^b Voronezh State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the state transformations in the handicraft industry of the Central Chernozem region in the period from the second half of the XIX century to the beginning of the 20th century. The authors have identified the coherence of the actions of the central authorities and local self-government bodies in promoting the development of handicrafts in the region. Involving previously unpublished materials, the authors identified the main joint areas of their activities: the study and popularization of fishing activities of small commodity producers; the creation of artisanal warehouses and training workshops, the organization of their financing and the provision of assistance in the crediting of handicraftsmen and small industrial enterprises, owned by the direct producers.

The article indicates the practical effectiveness of artisanal trade policy for the development of handicraft industry in the Central Chernozemye. The authors proved that the government, using various measures to encourage the development of fisheries, first of all facilitated the transition of handicraftsmen to the category of owners of small enterprises. It supported the establishment of small commodity producers, providing installments in payment of taxes, if necessary, regulating the sale of manufactured goods in domestic and foreign markets, by granting a deferment in payment of rent, or fixing more profitable trading places at fairs and bazaars for handicraftsmen.

Keywords: central government bodies, local self-government bodies, provincial and district zemstvos, handicraft industry, handicraftsmen, peasants, Central Chernozemye.

1. Введение

Кустарные промыслы всегда занимали видное место в экономике России. Они являлись источником доходов крестьянского населения и позволяли использовать свободную рабочую силу, излишки местного сырья. Кроме того, с ними было связано создание заводской базы, формирование и развитие предпринимательского слоя.

Кустари, как и индивидуальные предприниматели современной России создавали средний класс общества, занимавшийся индивидуальной трудовой деятельностью. Развивая свое производство, они открывали мелкие и средние предприятия, которые соперничали с другими предприятиями региона.

Умелое использование данного опыта кустарей важно с точки зрения преодоления негативных проявлений в развитии современного предпринимательства, связанного с несовершенностью системы налогообложения и недоступностью кредитов из-за высоких процентов.

Актуальность исследования также обусловлена локальностью характера темы. В условиях регионализации общественной жизни России, сегодня важным представляется учет анализа особенностей развития отдельных территорий страны, в том числе и в отношении их хозяйственной деятельности.

* Corresponding author

E-mail addresses: vagrigrorova@rambler.ru (V.A. Grigorova)

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена документами архивов Белгородской, Воронежской, Курской, Тамбовской и Орловской областей. Среди материалов центральных архивов были использованы сведения РГИА и ГАРФ. В основном это были рапорты, а также переписка губернских и уездных земских управ. Опубликованные источники включали делопроизводственные документы различных правительственных учреждений, статистические материалы местных органов самоуправления.

Методологическую основу исследования составили три фундаментальных исторических принципа – историзма, научной объективности и ценностного подхода. В соответствии с первым реализация государственных мер в сфере кустарной промышленности Центрального Черноземья изучалась в динамике. Использование принципа научной объективности было нацелено на преодоление односторонности в оценках результатов деятельности центральных органов власти и органов местного самоуправления. Принцип ценностного подхода способствовал раскрытию объективных закономерностей государственной политики правительства на общероссийском и региональном уровнях. Благодаря ему было раскрыто значение мер правительства по поощрению развития кустарно-промысловой деятельности для дальнейшего развития экономики региона.

3. Обсуждение

Процесс реализации государственных мер по поощрению развития кустарной промышленности Центрального Черноземья до сих пор включает в себя множество малоизученных вопросов. Земские инициативы в контексте политики государства, правовое регулирование полномочий центральных органов власти Российской империи во второй половине XIX века, «межбюджетные трансферты» в правительственной кустарно-промышленной политике России являются предметом исследований ученых современности. О.А. Зозуля, Е.В. Шушунова, М.В. Карташова и другие в своих трудах затрагивали отдельные вопросы формирования кустарно-промыслового направления государственной экономической политики и его воплощения в отдельных районах страны.

Например, О.А. Зозуля в своей научной статье «Земские инициативы в контексте политики государства по повышению эффективности функционирования кустарной промышленности» проанализировала магистральные направления деятельности государственных органов власти различного уровня на примере Московской и Нижегородской губерний (Зозуля, 2012). Е.В. Шушунова (Шушунова, 2011) исследовала вопросы полномочий губернских правлений. А М.В. Карташова (Карташова, 2017) изучила вопросы реализации государственной политики по развитию кустарных промыслов на примере Сибири и Дальнего Востока.

Некоторые аспекты реализации государственной политики в сфере кустарно-промысловой деятельности были исследованы иностранными учеными – Леоном Вальрасом, Джакомо Бекаттини и другими. (Hebert, 1988; Becattini, 1990; Becattini, 2007). Изучая процесс кооперации мелких товаропроизводителей, они попутно анализировали деятельность центральных органов власти в данном направлении.

4. Результаты

Кустарно-промысловая деятельность выделилась в особое направление экономической политики государства во второй половине XIX века. Правительство преследовало прагматические цели: сглаживание социальных проблем деревни и возможность обеспечения рыночных потребностей товарами народного потребления за счет кустарных изделий. Во многом это объяснялось тем, что в условиях малоземелья и безземелья крестьян пореформенного периода получение дополнительного дохода от промысловой деятельности являлось единственным возможным источником для обеспечения пропитания, проживания и уплаты государственных налогов.

В качестве центрального органа государственной власти, координирующего развитие кустарных промыслов первоначально действовало Министерство государственных имуществ, переименованное с 1894 года в Министерство земледелия и государственного имущества (МЗиГИ). Направления его работы предполагали поощрение и усовершенствование кустарных промыслов. Первое из них предусматривало государственную финансовую поддержку в виде кредитных средств. Изначально размер кредита составлял 35 тыс. рублей в год, предоставлялся сроком на три года. В начале XX века сумма равнялась более 110 тыс. рублей в год (Колкотин, 1905).

Второе направление деятельности МЗиГИ было связано с выявлением причин бедственного положения кустарей, главной среди которых признавалась посредническая деятельность скупщиков, диктующих невыгодные сбытовые условия для кустарей, тем самым препятствуя накоплению ими капиталов.

С 1894 года руководство кустарными промыслами России осуществлялось в отделе сельской экономики и сельскохозяйственной статистики МЗиГИ, при котором создавался Кустарный комитет как специализированное ведомство из представителей разных органов и частных лиц.

Направления деятельности комитета традиционной заключались в организации материального стимулирования развития кустарных промыслов. Отличием являлся расход средств на улучшение

техники кустарных промыслов (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 44. Д. 195. Л. 5). Основными мерами деятельности Кустарного комитета являлись:

1. Открытие временных школ: постоянных и передвижных, основной целью которых определялось усовершенствование технологического процесса;
2. Устройство учебных заведений для подготовки техников-инструкторов, способных самостоятельно обучать кустарей;
3. Материальное стимулирование открытия профессиональных учебных заведений в виде единовременных пособий;
4. Усовершенствование производственного процесса путем обеспечения кустарей новыми образцами изделий и орудий, чертежами, рисунками, моделями и другими пособиями;
5. Организация доставки кустарям сырья по закупочным ценам. Обеспечение мелких товаропроизводителей заказами через временные мастерские, созданные на средства министерства.

В начале XX века в реализации кустарно-промыслового направления экономической политики России произошли изменения. Новшеством явился созыв Всероссийских съездов деятелей по кустарной промышленности в Санкт-Петербурге. I Всероссийский съезд деятелей по кустарной промышленности состоялся в 1902 году. Заседание II Всероссийского съезда деятелей по кустарной промышленности было 28 февраля 1910 года, на котором приняли решение об учреждении Бюро Всероссийских съездов деятелей по кустарной промышленности, действовавшее до 1917 года. Оно создавалось для организации съездов и осуществления их решений. Последний III Всероссийский съезд деятелей по кустарной промышленности прошел в 1913 году (РГИА. Ф. 431. Оп. 1).

Целью съездов являлось изучение современного тому времени положения и нужд кустарной промышленности, определение мероприятий по поощрению развития промысловой деятельности крестьян и разработка предложений, направленных на улучшение кустарных промыслов (ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 7312. Л. 5).

Подготовкой съезда занимался организационный комитет. Он же определял председателя. Все исполнительные и финансовые вопросы возлагались на распорядительный комитет.

Состав съезда состоял из:

- выборных представителей земств из районов, где практиковались кустарные промыслы;
- выборных представителей обществ и учреждений, которые занимались вопросами кустарной промышленности. Среди таких обществ можно назвать кустарные комитеты и сельскохозяйственные общества;
- учредителей школ и ремесленных мастерских, организаторов кустарных складов, артелей кустарей и т.д.;
- ученых, которые были известны своими научно-учебными работами по кустарной промышленности.

Все делегаты съезда за свое участие оплачивали членский взнос в размере 5 рублей. Результаты заседаний отражались в постановлениях съезда, которые в дальнейшем направлялись в V отделение Высочайше утвержденного общества для содействия русской промышленности и торговли. Это отделение занималось вопросами кустарной и ремесленной промышленности. Его представители после поступления постановлений возбуждали ходатайства перед Главным Управлением землеустройства и земледелия.

Перечень вопросов, которыми занимались деятели съезда по кустарной промышленности, был достаточно обширным. Подтверждением служит программа докладов, с которыми выступали члены съезда. В соответствии с ней можно было выдвигать на обсуждение 19 вопросов, связанных с развитием кустарного мелкотоварного производства. «Сведения о состоянии кустарных промыслов Воронежской губернии» конкретизируют эти вопросы:

- насущные технические и экономические нужды кустарных промыслов по обработке дерева, металлов, волокнистых веществ, животных продуктов и прочего в России;
- развитие кустарных промыслов в районах водворения переселенцев; условия применения в кустарном производстве мелких двигателей и электрической энергии;
- оценка преимуществ их использования в кустарном производстве; технические усовершенствования по устранению вреда для здоровья кустарей в сфере мелкотоварного производства; техническое образование для кустарей, распространение графической грамотности и повышение художественного вкуса у мелких товаропроизводителей;
- кустарные музеи, передвижные выставки, воскресные классы, вечерние курсы и странствующие инструкторы; организация издательского дела для популяризации технических знаний;
- организация основной и текущей статистики по кустарной промышленности;
- организация кредита для кустарей; мероприятия по организации кооперативных учреждений среди кустарей, товариществ и артелей; деятельность земств по сбыту кустарных изделий;
- поставка кустарных изделий для нужд армии, флота, ведомства путей сообщения и других казенных учреждений;
- содействие в организации заграничного сбыта; влияние железнодорожных и таможенных тарифов на кустарное производство;

- кустарные промыслы как средство трудовой помощи при неурожаях; меры содействия промышленности в странах Западной Европы;
- план мероприятий помощи кустарным промыслам;
- желательные законодательные меры в интересах кустарей (ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2673. Л. 3-4).

Таким образом, анализ вопросов, с которыми деятели по кустарной промышленности могли выступать на своих заседаниях, указывает на изменения в системе государственного управления мелкой промышленностью в начале XX века. Если во второй половине XIX века основное внимание представителей центральных органов власти было сосредоточено на материальной поддержке, то в начале XX века отмечалось их стремление к сравнительному анализу системы государственной поддержки кустарных промыслов в России и странах Западной Европы с целью выявления мер, необходимых для повышения уровня распространения кустарных промыслов в нашем государстве в целом. При этом саму систему государственного управления кустарной промышленностью можно представить схематично.

Рис. 1. Система государственного управления кустарной промышленностью во второй половине XIX – начале XX веков

Важно заметить, что отличительной чертой государственной кустарно-промысловой политики вплоть до конца XIX века являлось отсутствие программы развития промысловой деятельности в России. Изначально деятельность центральных органов власти представляла собой разработку отдельных законов, стимулирующих развитие кустарных промыслов.

Первые проявления систематической государственной политики в сфере развития мелкотоварного производства отмечались в 1870-е годы. Они выражались в исследовании состояния развития кустарных промыслов по всей России в целом. Для решения данной задачи в 1872 году была учреждена особая комиссия при Министерстве финансов, созданная по ходатайству московского съезда сельских хозяйств и по решению Совета торговли и мануфактур. Состав комиссии состоял из депутатов разных ведомств и обществ.

К своей практической работе по подготовке исследования кустарных промыслов в России, по специально выработанным программам комиссия приступила позже. Первое заседание было созвано лишь 25 января 1874 года. На нем приняли решение о необходимости разработки подробной программы исследования кустарных промыслов с указанием способов и средств сбора материала. На последующих заседаниях занимались рассмотрением и принятием экономической программы, основанной на положениях программы Географического общества и профессора Московского университета Чупрова. Окончательное принятие и одобрение общего плана и программы исследования кустарных промыслов в экономическом отношении состоялось 15 мая 1877 года.

Конечным результатом деятельности Комиссии по исследованию промысловой деятельности крестьян было издание «Трудов Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России». Они явились первым в нашем государстве солидным трудом, содержащим обильный и разнообразный материал о мелкотоварном производстве и экономической деятельности непосредственных товаропроизводителей.

Помимо исследования состояния развития кустарных промыслов, направления работы центральных органов государственной власти были связаны с совершенствованием системы налогообложения мелких товаропроизводителей; регулированием внутренней торговли кустарей; формированием и развитием системы обучения непосредственных товаропроизводителей.

Совершенствование системы налогообложения кустарей предполагало регулирование уплаты прямых и косвенных налогов для крестьян, в том числе и для кустарей. На государственном уровне вводился дополнительный налог для лиц, занятых торговой и промышленной деятельностью. Налог был дифференцированным в зависимости от вида промысла и степени занятости кустарей в нем. Причем несмотря на установление жесткого контроля со стороны центральных органов власти, государственная кустарно-промысловая политика в сфере налогообложения имела протекционистскую направленность. Она выражалась в освобождении мелких товаропроизводителей от уплаты промыслового и земского налогов. В первую очередь это распространялось на владельцев мелких предприятий, на сельскохозяйственные промыслы по причине отсутствия в них промышленного характера. Также покровительство распространялось на мелкую подвижную торговлю предметами народного употребления. Так, согласно неопубликованным документам от уплаты земского налога освобождались крестьяне – собственники мельниц, крупорушек и т.д. Например, в Тамбовской губернии не уплачивали налог Кулешова, Пухортов, Трофимов (ГАТО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 568. Л. 1; Д. 567. Л. 1-9).

Регулирование внутренней торговли кустарей, прежде всего, заключалось в утверждении сроков проведения ярмарок, на которых мелкие товаропроизводители сбывали свой товар. Устанавливался государственный контроль за своевременной оплатой фиксированной таксы за торговлю, размер которой находился в прямой зависимости от наименования ярмарки. Представители центральных органов власти следили за погашением налога, а в случае накопления недоимок, разрешали производить оплату в рассрочку. Так, крестьяне Корачунского сельского общества Задонского уезда, имевшие долг в размере 107 рублей, обязывались произвести оплату сразу после первого «богатого» урожая. По свидетельствам доклада Воронежского городского головы от 20.02.1892 года за № 877 им разрешалось торговать на городских местах отведенных площадей Старо-Конной и Девиченской несмотря на недоимки (ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 344. Л. 1).

Следовательно, анализ документов указывает на то, что регулирование внутренней торговли России в сфере продажи кустарных товаров было нацелено на поддержку мелких товаропроизводителей. Пытаясь облегчить их выход на местные рынки, правительство сохраняло за ними доходные места для продажи, предоставляло рассрочки в случае накопления недоимок по налогам, меняло сроки ярмарок для повышения покупательской способности населения.

Формирование и совершенствование системы обучения кустарей было связано с открытием новых видов учебных заведений, в которых осуществлялось обучение мелких товаропроизводителей наряду с подготовкой ремесленников. Представители центральных органов государственной власти финансировали создание и развитие ремесленных школ, учебных мастерских с сельскохозяйственным уклоном, ремесленных отделений или классов ручного труда. Они выплачивали единовременное пособие на открытие учебного заведения и ежегодное – на его содержание. Причем субсидирование школ находилось в прямой зависимости от количества обучающихся. В случае сокращения числа учеников, назначалось пособие меньшего размера.

Так, например, известно, что в 1886 году в Конь-Колодезной сельскохозяйственной школе Воронежской губернии пособие в 3 тыс. рублей выплачивалось, если количество учащихся школы равнялось 30 чел. При однократном снижении численности Департамент Земледелия выделял меньшую сумму, а при систематическом – школу могли закрыть вообще (ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2673. Л. 16).

Помимо финансовых вопросов, представители центральных органов власти регламентировали сам процесс открытия учебных заведений. Школа создавалась только с письменного разрешения центральной власти. В последующем устанавливался жесткий контроль за организацией учебной деятельности в учреждении. Руководители школ обязывались отчитываться о своей деятельности, информировать о выполнении системы приема учеников на обучение и по другим вопросам. Разработка и изменение устава школы также осуществлялись с разрешения Министра народного просвещения. Кроме того, оно курировало и организацию командировок для мелких товаропроизводителей.

Центральные органы государственной власти осуществляли кредитование учебных заведений для кустарей. Кредиты предоставлялись как для открытия новой школы, так и для обеспечения ее оборудованием и необходимым инвентарем. Условия кредита различались. Общими чертами был длительный срок выплаты и отсутствие процентной ставки. Так, например, в Задонском уезде Воронежской губернии для постройки мастерских при Задонской школе ремесленных учеников запрашивали 15 тыс. руб. на 15 лет в рассрочку, без процентов. Ходатайство было удовлетворено, а кредитные средства выданы (ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 1144. Л. 1-2).

Важно обозначить, что анализ мер государственной политики в сфере кустарно-промышленной деятельности указывает на явное поощрение ее развития. Со стороны правительства отмечалось попечительство в вопросах организации обучения и повышения квалификации мелких товаропроизводителей, стимулирование выхода кустарей на внутренние рынки, обеспечение реализации социального фактора в системе налогообложения крестьян, занятых промыслами.

На местах проводниками обозначенных направлений кустарно-промышленной политики являлись органы местного самоуправления в виде губернских и уездных земских учреждений. В частности, на территории Центрального Черноземья, являясь выразителями нужд местных кустарей, они представляли их интересы перед высшими правительственными учреждениями. Земства проводили исследования и вели статистический учет кустарных промыслов, содействовали расширению сети учебных заведений, в которых мелкие товаропроизводители обучались наравне с ремесленниками и оказывали помощь кустарям в кредитовании.

Исследование кустарных промыслов и их статистический учет осуществлялись на уровне губернских земств, которые обращались с запросами в уездные земские учреждения. В процессе сбора информации особое внимание уделяли наименованию кустарных промыслов, имевших экономическое значение для губернии, темпам производства с обозначением причин их изменения. Отдельно указывали виды промысловой деятельности переселенцев.

Второе направление деятельности местных органов самоуправления в регионе выражалось в стимулировании развития процесса обучения кустарей. Губернские и уездные земства оформляли всю сопроводительную документацию, необходимую для открытия учебного заведения, составляли ходатайства в вышестоящие органы центральной власти для решения материальных и организационных вопросов. Для рассмотрения финансовых вопросов они обращались в Министерство земледелия и землеустройства, а для изменения устава школы – в Министерство народного просвещения.

Основные меры деятельности местных органов самоуправления были связаны с поощрением создания различных учебных заведений, их субсидированием и разработкой плана ремесленного и технического образования. Земства оплачивали основную часть расходов на содержание школ, причем размер денежного пособия зависел от вида учебного заведения. Ремесленные училища и школы получали преимущественное субсидирование по сравнению с ремесленными классами.

Разработка плана ремесленного и технического образования была направлена на исследование процесса организации профессионального образования в целом. Для этого земства проводили проверки на предмет выявления недостатков в работе имеющихся в то время учебных заведений. По ее результатам вырабатывались предложения, направленные на исправление недостатков.

Например, в Воронежской губернии, в итоге подобной проверки было выявлено, что ремесленное образование осуществлялось в специализированных школах со столярными и слесарными отделениями (ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 10350. Л. 1-6, 17). Причем уровень образования в низших ремесленных школах, учебных мастерских, отделениях и классах ручного труда был невысоким. После обсуждения сложившейся ситуации губернская управа приняла решение о реорганизации ремесленного образования Воронежской губернии. Предполагались создание внешкольного образования, подготовка земских специалистов-инструкторов в различных областях технического образования, приглашение опытных работников и специалистов из других учреждений г. Воронежа (ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 10350. Л. 1-6, 17).

Помимо разработки конкретных мер, направленных на улучшение положения в сфере ремесленного образования, деятельность земств в обозначенном направлении имела прогрессивное

значение. В эпоху индустриального развития и попыток преодоления экономической отсталости от стран Запада, впервые среди крестьян стало появляться стремление к повышению образовательного и культурного уровней. Так, по данным всеобщей переписи населения Российской империи, в Курской губернии отмечался двукратный рост грамотных среди местного населения. Если в 1880-м году процент грамотных людей от общего народонаселения здесь равнялся 7,8 %, то по подсчетам 1897 года – он составил уже 16,3 % ([Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904](#)).

Не менее значимой мерой государственной политики органов местного самоуправления в сфере развития мелкотоварного производства являлась подготовка участия в выставках сельскохозяйственных и кустарных производств. Подготовительная работа заключалась в проведении исследования кустарных промыслов в регионе с целью определения уровня их развития, в осуществлении инструктажа кустарей и в проведении местных конкурсов и выставок различного типа.

В отличие от центральных органов власти, местные органы самоуправления в реализации обозначенного направления занимались не просто финансированием открытия выставок, как например, выставки в г. Курске в 1904 году ([ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 146. Л. 19](#)). Они осуществляли конкретную помощь мелким товаропроизводителям для обеспечения участия в них. Например, уездные земства Орловской губернии оплачивали проезд до Санкт-Петербурга и суточные участникам 2 Всероссийской кустарно-промышленной выставки в Санкт-Петербурге, состоявшейся в 1913 году. Размер суточных составлял 40 копеек в день ([ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 319. Л. 55 об.](#)).

Результатами деятельности земских учреждений в сфере обеспечения участия в выставках сельскохозяйственных и кустарных производств явилось изучение спроса покупательской активности мелкими товаропроизводителями. В условиях конкуренции между кустарями из разных регионов устанавливались одинаковые цены на предлагаемые товары, что заставляло кустарей уделять пристальное внимание обеспечению качества производимых товаров. В результате кустари не просто расширяли ассортимент кустарной продукции, но и старались не снижать качество товара. Тем самым обеспечивался более выгодный и честный сбыт кустарных товаров.

5. Заключение

Таким образом, направленностью государственных преобразований в кустарной промышленности Центрального Черноземья определялось поощрение и оказание поддержки развитию кустарных промыслов. Центральные органы власти совместно с органами местного самоуправления занимались совершенствованием системы налогообложения мелких товаропроизводителей, регулированием внутренней торговли кустарей, формированием и развитием системы обучения непосредственных товаропроизводителей.

В совокупности все это обуславливало формирование условий для перехода производственных крестьянских мастерских в мелкие и средние предприятия, владельцами которых были бывшие кустари. Накоплению первоначально капитала, расширению производства непосредственных товаропроизводителей и укреплению их предприятий благоприятствовали:

Во-первых, возможность временного или постоянного освобождения от уплаты налогов, а также законодательная помощь в случае несправедливого налогообложения мастерских кустарей.

Во-вторых, закрепление доходных торговых мест за мелкими товаропроизводителями, уплата арендных недоимок в рассрочку, возможность коррекции времени ярмарочной торговли и изменение срока ярмарок с целью повышения покупательской способности населения.

В-третьих, создание сети учебных заведений для повышения общеобразовательного и профессионального уровней мелких товаропроизводителей наравне с ремесленниками, а также их участие в выставках.

В свою очередь обозначенные меры государственной политики, осуществлявшиеся центральными органами власти сегодня должны быть адаптированы к реалиям современности. С одной стороны они позволят поддержать отечественный малый и средний бизнес, а с другой – смягчить социальную напряженность в условиях краха многих крупных фирм. Кроме того, обращение к прошлому опыту диктует необходимость решения проблем современности, связанных с изучением национального менталитета и типа корпоративности в сфере малого предпринимательства.

Литература

[ГАВО](#) – Государственный архив Воронежской области.

[ГАКО](#) – Государственный архив Курской области.

[ГАТО](#) – Государственный архив Тамбовской области.

[ГАРФ](#) – Государственный архив Российской Федерации.

[Зозуля, 2012](#) – *Зозуля О.А.* Земские инициативы в контексте политики государства по повышению эффективности функционирования кустарной промышленности (на примере Московской и Нижегородской губерний) // *Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского.* 2012. №27. С. 658-663.

[Карташова, 2017](#) – *Карташова М.В.* Государственная поддержка кустарных промыслов и переселенческая политика в Российской империи в начале XX века // «Культура – это любовь к

миру»: Сибирь, Россия, мир в исследовательском и образовательном пространстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 25-летию кафедры теории, истории культуры и музеологии НГПУ. Под редакцией В.А. Зверева, Е.Е. Тихомировой. Новосибирск, 2017. С. 92-95.

[Колкотин, 1905](#) – *Колкотин А.* Кустарный вопрос в России. СПб.: Типография Императорского Человеколюбивого общества, 1905.

[Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904](#) – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XX. Курская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Изд-во Центрального статистического комитета МВД, 1904.

[РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.

[Шушунова, 2011](#) – *Шушунова Е.В.* Правовое регулирование полномочий губернских правлений Российской империи во второй половине XIX столетия // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД*. 2011. №1. С. 68-72.

[Dushkova, Grigorova, 2017](#) – *Dushkova N.A., Grigorova V.A.* At the origins of the formation of the entrepreneurial layer among the handicraftsmen in the central chernozem region // *Bylye Gody*, 2017, Vol. 46, Is. 4. pp. 1244-1251.

[Hebert, 1988](#) – *Hebert Claude Leon Walras* et les associations populaires cooperatives // *Revue d'economie politique*. 1988. Vol. 98 (№ 2). 252 p.

[Becattini, 1990](#) – *Becattini G.* The Marshallian industrial district as a socio-economic notion // *Industrial districts and inter-firm cooperation in Italy* / F. Pyke, G. Becattini, W. Sengenberger (eds.). Geneva: International Institute for Labour Studies, 1990. pp. 37-51.

[Becattini, 2007](#) – *Becattini G.* Il calabrone Italia. Bologna: Mulino, 2007. 107 p.

References

[GAVO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti [State Archives of the Voronezh Region]. [in Russian]

[GAKO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti [State Archives of the Kursk Region]. [in Russian]

[GATO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti [State Archives of the Tambov Region]. [in Russian]

[GARF](#) – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archives of the Russia]. [in Russian]

[Zozulja, 2012](#) – *Zozulja O.A.* (2012). Zemskie iniciativy v kontekste politiki gosudarstva po povysheniju jeffektivnosti funkcionirovaniya kustarnoj promyshlennosti (na primere Moskovskoj i Nizhegorodskoj gubernij) [Zemsky initiatives in the context of the state policy on increasing the efficiency of the functioning of the handicraft industry (by the example of the Moscow and Nizhny Novgorod provinces)]. Penza. [in Russian]

[Kartashova, 2017](#) – *Kartashova M.V.* (2017). Gosudarstvennaja podderzhka kustarnyh promyslov i pereselencheskaja politika v Rossijskoj imperii v nachale XX veka [State support of handicrafts and resettlement policy in the Russian Empire at the beginning of the 20th century]. Novosibirsk. [in Russian]

[Kolkotin, 1905](#) – *Kolkotin A.* (1905). Kustarnyj vopros v Rossii [Handicraft Question in Russia]. SPb. [in Russian]

[Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904](#) – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. HH. Kurskaja gubernija (1904) [The first general census of the Russian Empire in 1897 XX. Kursk province]. SPb. [in Russian]

[РГИА](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [State Archives of the Russia]. [in Russian]

[Shushunova, 2011](#) – *Shushunova E.V.* (2011). Pravovoe regulirovanie polnomochij gubernskih pravlenij Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX stoletija [Legal regulation of the powers of the provincial government of the Russian Empire in the second half of the XIX century]. Nizhny Novgorod [in Russian].

[Dushkova, Grigorova, 2017](#) – *Dushkova N.A., Grigorova V.A.* (2017). O istokah formirovaniya predprinimatel'skogo sloja sredi kustarej v Central'nom Chernozem'e [At the origins of the formation of the entrepreneurial layer among the handicraftsmen in the central chernozem region]. *Bylye Gody*, Vol. 46, Is. 4. pp. 1244-1251. [in Russian].

[Hebert, 1988](#) – *Hebert* (1988). Khebert Klod Leon Val'ras i assotsiatsii narodnykh kooperativov [*Hebert Claude Leon Walras* et les associations populaires cooperatives] [in French].

[Becattini, 1990](#) – *Becattini G.* (1990). Marshalskii promyshlennyi raion kak sotsial'no-ekonomicheskoe ponyatie [The Marshallian industrial district as a socio-economic notion]. *Industrial districts and inter-firm cooperation in Italy* Geneva. [in Italian]

[Becattini, 2007](#) – *Becattini G.* (2007). Il calabrone Italia. [Il calabrone Italia] Bolon'ya: Mulino. [in Italian]

Исторический опыт государственного управления кустарной промышленностью Центрального Черноземья (вторая половина XIX – начало XX века)

Наталья Александровна Душкова ^a, Виктория Александровна Григорова ^{a, *},
Александр Викторович Перепелицын ^b

^a Воронежский государственный технический университет, Российская Федерация

^b Воронежский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются государственные преобразования в кустарной промышленности Центрального Черноземья в период со второй половины XIX до начала XX века. Авторы выявили согласованность действий центральных органов власти и органов местного самоуправления по поощрению развития кустарных промыслов в регионе. Привлекая ранее неопубликованные материалы, авторами были выявлены основные совместные направления их деятельности: изучение и популяризация промысловой деятельности мелких товаропроизводителей; создание кустарных складов и учебных мастерских, организация их финансирования и оказание помощи в кредитовании кустарей и мелких промышленных предприятий, владельцами которых являлись непосредственные производители.

В статье обозначается практическая результативность кустарно-промысловой политики для становления в Центральном Черноземье кустарной промышленности. Авторы доказали, что правительство, используя различные меры по поощрению развития промыслов, прежде всего облегчало переход кустарей в разряд владельцев мелких предприятий. Оно поддерживало заведения мелких товаропроизводителей, предоставляя рассрочки в уплате налогов при необходимости, регулируя сбыт произведенных товаров на внутренних и внешних рынках, путем предоставления отсрочки в выплате аренды, либо закрепления за кустарями более доходных торговых мест на ярмарках и базарах.

Ключевые слова: центральные органы государственной власти, органы местного самоуправления, губернские и уездные земства, кустарная промышленность, кустари, крестьяне, Центральное Черноземье.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vagrigorova@rambler.ru (В.А. Григорова)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 328-338. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.328
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Anonymous Sources of the Conflict in the East Siberian Provincial Administration in the 1870s

Sergey K. Cherepanov ^a, Denis N. Gergilev ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^{a,*}

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article examines the confrontation in the East Siberian provincial administration in the 1870s. Data from anonymous sources about confrontation and corruption in the highest management body of Eastern Siberia are introduced into scientific circulation and verified. Documentary sources on the conflict situation within the administrative apparatus of Eastern Siberia under Governor-General P.A. Fredericks (1874–1880) are analyzed. Examination of the information about the life of ex-governor A.D. Lokhvitsky has been carried out and it confirmed its reliability. Based on the historical, biographical and textual tools, the hypothesis of authorship of V.V. Dlotovsky concerning submitted anonymous sources has been put forward and justified. The very genre of denunciations served in the XIX century as almost the only form of feedback between the authorities and the population allowing to avoid subservience to the superiors while criticizing their actions. Anonymous sources being emotional and frank, at the same time are more likely to represent distorted information or its biased selection. Thus, the use of such documents in scientific discourse is possible only in their comprehensive "cross-analysis" and verification. Alteration of the administrative-territorial organization and reorganization of the state institutions of Siberia in second half XIX century has led to aggravation of contradictions in the managerial elite of the region and increase the number of anonymous denunciations.

Keywords: History of Eastern Siberia, the provincial administration, V.V. Dlotowski, opposition, P.A. Fredericks, the bureaucracy.

1. Введение

Исторический опыт административного управления Сибирью в XIX в., попытки установления действенного контроля центральной власти над губернской, разрешение конфликтных ситуаций, борьба со злоупотреблениями на нижестоящих уровнях актуализируются в современной социально-экономической и политической ситуации в России.

Пересмотр административно-территориального устройства и реорганизация госучреждений Сибири в 1850–1890-е гг. обострили внутренние противоречия в административной элите Восточной Сибири, что привело к увеличению потока анонимных доносов на разных уровнях, инспирированных стремлением опорочить конкурентов, выставить себя в более выгодном свете перед вышестоящим начальством. Использование подобных источников в научном реконструировании социально-экономического и морально-психологического состояния общества того времени возможно лишь при их всестороннем анализе и верификации.

2. Материалы и методы

Источниковой базой статьи явились документы фондов Енисейского губернского правления и Енисейского жандармского управления Государственного архива Красноярского края, фонда МВД

* Corresponding author

E-mail addresses: sksk52@mail.ru (S.K. Cherepanov), turilak@yandex.ru (D.N. Gergilev), agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin)

Российского государственного исторического архива, материалы Государственного архива Иркутской области. Используются опубликованные источники в «Сборнике главнейших документов по управлению Восточной Сибири» ([Сборник, 1898](#)), материалы периодической печати XIX в.

Анализ источников производился на основе общенаучных методов анализа, синтеза, обобщения. Историко-биографический и текстологический методы позволили подвергнуть источниковедческому анализу два ранее не публиковавшихся анонимных источника, выдвинуть и обосновать гипотезу об их авторстве. С помощью проблемно-хронологического и сравнительно-исторического методов проанализированы процессы, происходившие в России и Сибири в XIX в. и рассмотрены поставленные научные вопросы в их развитии. Принцип историзма помог рассмотреть фактический материал в контексте общественно-политических процессов.

3. Обсуждение

Проблема функционирования губернских органов управления в России XIX в., их коррумпированность и попытки центральной власти борьбы с ней остается в поле зрения исследователей в последние десятилетия. Изучению вопросов организации местного управления и взаимодействия губернских и центральных властей посвящена работа М.М. Шумилова ([Шумилов, 1991](#)).

А.В. Ремнев отмечал серьезное влияние взяточничества и казнокрадства на эффективность губернской администрации Сибири XIX в. Проблема усугублялась нехваткой квалифицированных чиновников не только в Сибири, но и в целом в Российской империи. Малопривлекательность сибирской службы, низкий образовательный и сословный уровни осложняли решение кадровых проблем. В этих условиях самодержавие было вынуждено мириться с низким уровнем сибирской управленческой элиты ([Ремнев, 1995: 197-198](#)).

Восточносибирская бюрократия активно и плодотворно исследуется Н.П. Матхановой, ею проанализированы кадровый состав корпуса высшей администрации Восточной Сибири в середине XIX в. ([Матханова, 2002](#)), попытки борьбы со взяточничеством чиновников в Сибири XIX в. ([Матханова, 2013](#)), мемуарные источники о чиновничестве ([Матханова, 2016](#)). Исследованы основные направления политики правительства в отношении формирования и функционирования сибирского административного аппарата ([Дамешек, 2016](#)), структура и численность енисейской губернской администрации ([Карчаева, 2016](#)), административное управление Сибирью ([Гергилев, 2016](#)), дана профессиональная характеристика местных чиновников Российской империи в XIX – начале XX вв. ([Karchaeva et al., 2017](#)). Анализировалась внутривластная ситуация в Енисейской губернии на рубеже 1860–1870-х гг. ([Черепанов, 2014](#)), рассматривались оценки восточносибирских губернаторов представителями российской интеллигенции ([Gryaznukhina et al., 2017](#)).

Современные зарубежные ученые обращаются в своих исследованиях к социальным характеристикам российской бюрократии в начале XIX в. ([Pintner, 1970](#)), анализируют локальную историю восточных окраин России в конце XIX – начале XX вв. ([Murray, 2015](#)), рассматривают вопросы сибирского областничества ([Pereira, 1993](#)), гендерных проблем в сибирской ссылке ([Gentes, 2003](#)).

История управления окраинами России, вопросы взаимодействия центральной и местной властей, отношений внутри губернских администраций имеют еще достаточно емкий потенциал для дальнейших исследований.

4. Результаты

Конфликтная атмосфера, сложившаяся внутри административного аппарата Восточной Сибири при генерал-губернаторе П. А. Фредериксе (1874–1880 гг.) нашла свое отражение в неизвестных ранее анонимных документальных источниках. В них содержится информация, характеризовавшая профессиональные и моральные качества, а также бытовые стороны жизни высших должностных лиц региона от Красноярска до Благовещенска включительно. Оба представляемых документа составлены в Красноярске и отправлены в Санкт-Петербург министру внутренних дел Л.С. Макову. Между ними имеется весьма прозрачная связь. Один из них, более поздний, датирован почтовым штемпелем 5 сентября 1879 г. и назван «Прошение». Другой именуется «Записка для памяти» (далее – «Записка») и датирован 25 августа 1878 г. «Записка» представляет собой секретное донесение, которое включает в себе результаты негласной проверки, инициированной МВД вследствие полученного из Красноярска в первой половине 1878 г. анонимного послания с серьезной критикой правящей верхушки Енисейской губернии. Само упомянутое послание до нас не дошло (во всяком случае, в фондах МВД РГИА, как и в фондах Енисейского губернского правления и Енисейского жандармского управления ГАКК его нет). Но в документе «Прошение» есть весомые основания, позволяющие констатировать взаимосвязь между «Прошением» и этим не дошедшим до нас посланием. Скорее всего, оба письма были написаны одним человеком или группой лиц последовательно с временным промежутком в год (1878–1879 гг.).

Текст обоих документов приводится в порядке их составления и сопровождается примечаниями, заключенными в квадратные скобки. Помимо этого текст «Прошения» снабжен аналитическим комментарием, в котором на основании источниковедческого инструментария

выдвинута и обоснована гипотеза об авторстве данного документа. Здесь же приведены необходимые сведения о личности автора и основные вехи его служебной карьеры, которые так или иначе (явно или неявно) упомянуты в тексте «Прошения».

Была проведена экспертиза достоверности некоторых особо заинтересовавших нас известий (они касаются личной жизни экс-губернатора Енисейской губернии А. Д. Лохвицкого), подтвердившая изложенные в «Прошении» факты.

Сам текст «Прошения» занимает почти 18 страниц тетрадного (ученического) формата; написан одной рукой на линованной бумаге без водяных знаков. В нем нет зачеркиваний или исправлений, что свидетельствует о беловом характере текста, несмотря на явные нелепости в написании как отдельных слов, фамилий и фраз.

Бумажные листы несут отчетливые следы перегибов, возникших вследствие складывания написанных листов в конверт стандартного формата (18 на 10,5 см). Это позволяет с уверенностью утверждать, что переписчик, составивший дошедший до нас текст, работал в Красноярске и не был копиистом при МВД.

Тексты обоих вышеназванных документов приводятся в порядке их составления. К каждому из них нами составлены комментарии и примечания.

4.1. «25 АВГ. 78 № 2541. Записка для памяти. Секретно! (карандашная пометка: «Кажется, мы писали уже генерал-губернатору о красноярской полиции»).

По поводу полученного из г. Красноярска доноса о злоупотреблениях властей Енисейской губернии с выражением в том доносе просьбы о назначении в эту губернию Сенатора для ревизии, собираемы были негласным путем сведения, по которым оказывается:

Между упоминаемыми лицами, служащими в Енисейской губернии, взяточничество распространено в высшей степени. Берут все – начиная от лиц, занимающих высшие служебные должности, и кончая сельским писарем и полицейским служителем. Местное чиновничество берет почти явно, в той уверенности, что жертва их алчности никогда, при существующем порядке дел, не осмелится искать защиты.

Особенно зловредный пример в этом отношении дает начальник 1-го отделения Совета общего губернского управления Василий Протопопов. Пользуясь расположением и доверием губернатора, он берет приношения – часто весьма крупные – с лиц, назначаемых по его ходатайству на должности и которых он потом поддерживает, несмотря на все злоупотребления. Так удаленный недавно по распоряжению Генерал-губернатора Восточной Сибири за разные явные злоупотребления исправник Ачинского округа Измайлов [Имеется в виду Сергей Лаврентьевич Измайлов, занимавший должность Ачинского окружного исправника в 1877–1878 гг.] оставался долго на этой должности, потому что по слухам делал Протопопову приношения – рублей по 600.

Окружные исправники в Енисейской губернии всю энергию свою изоцряют на приобретение большего, по возможности, количества денег. Многие повинности, как-то: починка дорог, мостов, гатей, доставка дров для отопления церквей и сборных изб и проч. отбываются крестьянами натурой; между тем в волостях производятся на эти надобности денежные сборы, поступающие в пользу исправников и волостных писарей. Подобные же сборы производятся на содержание несуществующих народных училищ, на материалы для сельских управлений, которые им никогда не выдаются, на содержание несуществующих магазинных писарей и разные другие фиктивные надобности. По приблизительному исчислению сумма излишних с крестьян поборов, поступающих в пользу исправников и волостных писарей, в одной из самых маленьких волостей (Еловской) Красноярского округа простирается до 7369 р.; а как в округе этом всех волостей 6, то сумма незаконных поборов доходит в округе от 43-х до 45 тыс. руб.

Полиция в г. Красноярске совершенно не соответствует своему назначению. Взять выкуп с явного мошенника, преступника и даже убийцы и выпустить его на свободу там вполне возможно. В особенности пало это учреждение при нынешнем полицмейстере, поляке Гамулецком [Ипполит Киприанович Гамулецкий, в 1878 г. – красноярский полицмейстер. В 1879 г. перемещен на должность исправника в г. Канск], который стремясь к обогащению, способен на всякое низкое преступное дело. Назначенный на эту должность Генерал-губернатором Восточной Сибири, Гамулецкий покровительствуется Председателем губернского правления Длотовским, тяготеющим к нему ради денежных интересов [Расплывчатость формулировки свидетельствует об отсутствии прямых фактов. Тезис о тяготении В.В. Длотовского к И.К. Гамулецкому по финансовым соображениям проблематичен. Сомнительно, чтобы Гамулецкий, будучи совершенно чужим в Енисейской губ., сумел в одночасье перераспределить в свою сторону движение нелегальных финансовых потоков. Что же до денежных интересов Длотовского, то все они сводились к желанию получить компенсацию за просроченный по болезни на 23 дня отпуск в столицу в 1877 г., который вначале был утвержден начальником губернии, но затем опротестован губернским прокурором (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 136. Л. 5-5 об.)].

Судебные учреждения в Енисейской губернии стоят на такой же низкой степени, и, несмотря на честность убеждений Председателя губернского суда в г. Красноярске д. с. с. Жельветра, лихоимство в судах часто проявляется [Владислав Касперович Жельветр был не столь однозначной фигурой. Обвинения Жельветра в предвзятости при рассмотрении судебных дел звучали даже в Енисейском

губернском совете (ГАКК. Ф. 595. Оп. 43. Д. 86. Л. 379)].

Енисейский губернатор т. с. Лохвицкий, прослужа много лет в Сибири, сделался тяжелым и апатичным к обязанностям службы [фраза об апатичности Лохвицкого стала его «визитной карточкой» после рапорта В. К. Бодиско, сменившего Лохвицкого на посту Якутского губернатора], и при всем своем уме и знании дела, не имеет достаточно силы воли и энергии для искоренения совершающихся в губернии злоупотреблений, хотя он в мнении Генерал-губернатора Восточной Сибири считается одним из лучших губернаторов в этом крае (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 897. Л. 184-185)».

4.2. «Прошение. Его Высокопревосходительству г-ну Министру Внутренних дел.

Ваше Высокопревосходительство.

Лев Савич! (на левом поле приписка: «Было сообщаемо г. л. Анучину»).

Всякий просвещенный человек не может не понять, что Ваше Высокопревосходительство, как государственный сановник, управляя в империи одним из важнейших министерств, которое по своей важности отнимает у Вас много времени и невольно не позволяет Вам углубиться во все органы Высочайше вверенного Вам дела, которое в особенности при настоящем брожении умов требует самого строгого исполнения всех тех мероприятий ко благу народа и России, которые должны (говоря без лести) оказать благотворное влияние через разумные и дальновидные распоряжения Ваши.

Но Ваше Высокопревосходительство, один в поле не воин, какими бы гениальными способностями Вы не обладали, как бы не были Вы практичны, энергичны, распорядительны и сколько бы не направляли сил Ваших к достижению цели, один ничего не сделаете.

Ближайшие Ваши сотрудники и помощники – губернаторы. Эта единица так важна в Государственном строе, что без нее обойтись невозможно. Губернатор всё, он администратор, хозяин губернии, экономист, око царя, ближайший проводник всех правительственных распоряжений и необходимый Вам помощник. Вот об этих-то господах, обретающихся в Восточной Сибири под названием губернаторов, что это за люди, откуда они и насколько они достойны считаться Вашими помощниками – да, кстати, надеемся, что Вашему Высокопревосходительству не безынтересно будет получить рекомендацию вообще о составе так сказать высших лиц, составляющих служебный персонал Восточной Сибири.

Начнем по порядку с самого главы управления края, не обойдем и его помощников, членов Совета Главного управления, распространимся и о губернаторах и Вице-губернаторах и кончим исправниками.

Генерал-губернатор, получив образование в бывшем дворянском полку, был батальонным командиром внутренней стражи во время царствования Николая Павловича, переведен обер-полицмейстером в Варшаву, откуда назначен окружным генералом Корпуса жандармов Варшавского округа и за сим Генерал-губернатором Восточной Сибири. Судя по этой краткой биографии, нетрудно предугадать, каков должен быть администратор края барон Фредерикс. Он начал управление подготовкой деятелей края, чтобы ими освятить Сибирский мрак, и действительно он привез с собой, кажется, восемь человек, но что это за люди: двое из них полковник Линденбаум [Полковник Е.П. Линденбаум, бывший адъютант при Генерал-губернаторе П.А. Фредерикса, осуществлявший управление над ссыльными поселенцами о. Сахалин. Вернувшись в Иркутск, курировал противопожарную безопасность] и сотник Швейковский [Н.Н. Повало-Швейковский, бывший сотник 1-го пешего батальона Забайкальского казачьего войска, 4 января 1875 г. уволен от службы для определения к статским делам (Приказы, 1875)], украшенный Фредериксом рогами еще в Варшаве. Линденбаум прогнал жену, сам по себе человек умный, очень образованный, но при откомандировке для устройства Сахалина отличился там так в свою пользу, что его необходимо было отозвать. Швейковский назначен был предварителем смотрителем Иркутского острога, где после ревизии Контрольной палаты оказался вором – в 14 тыс. руб. [В 1876 г. Попечительский совет о тюрьмах нашел неблаговидные поступки Швейковского с арестантским продовольствием. Но Фредерикс все это оставил без последствий. «Швейковский переведен смотрителем в Александровскую центральную тюрьму с должности 9 класса в должность 6 класса, и теперь он неподконтролен ни полицмейстеру, ни экспедиции о ссыльных» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 905. Л. 61 об.)]. С рук сошло. Затем назначен управлять Александровской центральной тюрьмой, где нагло попирает громадный честный труд, вложенный при устройстве тюрьмы и доведенной до образцовой степени и примерного благоустройства как по наружному виду так и в особенности хозяйственной части, и в настоящее время все созданное гигантским трудом разрушается, приходит в упадок [См.: комм. 1], а Швейковский заботится только набить карман. Генерал-губернатор нередко посещает эту тюрьму, но ни воровства, ни упадка этого когда-то замечательного учреждения не видит – супруга Швейковского, бывшая наложница в Варшаве у Фредерикса, ловко закрывает ему глаза, а за сим значит все обстоит благополучно.

Фредерикс сам по себе человек не глупый, но в настоящее время больной, расслабленный, и ежели прежде не успевший сделать ничего полезного для края, то уже теперь и ожидать этого невозможно от расслабления в здоровье: он стал никуда не годным человеком и не только для управления столь обширнейшим краем как Восточная Сибирь.

Члены Совета. Начальник первого отделения д. с. с. камергер [Петр Александрович] Сиверс, человек без всякого воспитания и с достоверностью можно сказать, что он актёрского образования.

Начал службу по приезду в Сибирь в одной из аптек г. Иркутска провизором. Перешел канцеляристом в Главное управление, ловкий метрдотель, и по этим качествам был в доме Муравьева вроде дворецкого, а чины и награды за полезную и усердную службу шли да шли вперед до вступления. Со вступлением Генерал-губернатором Корсакова тут Сиверсу представляется новая арена деятельности. Он кроме должности дворецкого у Корсакова как человека холостого ловко факторствовал поставкой живого товара. А чины и кресты за отличную службу шли все вперед, и таким образом Сиверс заслужил то, что Корсаков высватал ему невесту – дочь одного из богатейших золотопромышленников [имеется ввиду И.И. Базанов, купец и золотопромышленник], и в день свадьбы Сиверс получил за женой приданое в 300 тысяч и назначение начальником первого отделения. При Синельникове Сиверс замечаем не был, но зато теперь Сиверс – сила: он вседвигающий и все тормозящий и по старой привычке и подходящим обстоятельствам надул казну на 400 тыс. (конечно не на свое имя): взял в арендное содержание на 12 лет Усовский солеваренный завод – казну ловко надул, потому что сила, и Фредерикс пляшет по его дудке, иначе может лишиться тех 25-30 тыс. рублей (трудно поверить, но это так), которые он получает от Сиверса ежегодно. Все чины, камергерство – все это покупное. Кроме того Сиверс – ростовщик, дает деньги и уже полгорода в залоге участвует, конечно негласно, во многих коммерческих делах и пользуется тем, что он начальник первого отделения и сила творить, что хочет. И этого господина прочат и готовят Губернатором, и хотят во что бы то ни стало сбыть Шелашникова, а на его место посадить никого другого как Сиверса [О нелепой затее Фредерикса ввести должность Заместителя Генерал-губернатора Восточной Сибири специально для Сиверса пишет К.Н. Шелашников в письме к Макову (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 905. Л. 2 об.). В МВД было заведено дело «Об увольнении г.-л. Шелашникова с должности Иркутского губернатора и назначении д. с. с. Сиверса Иркутским гражданским губернатором» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 44. Д. 86), из материалов которого видно, что целью Фредерикса было не столько устранить Шелашникова, сколько облагодетельствовать Сиверса. Он даже просит министра внутренних дел Л.С. Макова, с которым увольнение Шелашникова было согласовано при личной встрече в 1878 г., исходатайствовать перед военным министром Д.А. Милютиным производство Шелашникова в «полные генералы». Подобные просьбы заставляют усомниться в адекватности Фредерикса. Неудивительно, что в итоге Шелашников почти на год «пересидел» самого Фредерикса, исполняя функции Генерал-губернатора Восточной Сибири] – ловкий будет помощник Вашему Высокопревосходительству – фактор, аптекарь и вор – качества, присущие губернатору. Пригоден ли этот человек, по своему прошлому и настоящему, чтобы стоять во главе управления в одной из важнейших губерний Восточной Сибири? Где его подготовка? Что он видел, что знает для того, чтобы в случае надобности стать перед народом без батальона солдат настоящим правителем Правительства? Да знает ли он, что такое народ и как с ним говорить, и тем паче действовать, понимает ли он характер народа, его быт, его общее направление, зная которое губернатор может смель действовать? Но по нашему мнению, аптека не мировой институт, который дал правительству многих деловых губернаторов [См.: комм.], а аптекарскою подготовкой с дурной нравственностью и склонностями к наживе скорее Сиверсу следовало бы ожидать и надеяться на удаление его от службы...

Начальник горного отделения тайный советник [Афонасий Степанович] Савинский человек хороший, и хотя из простого звания, но как говорится, пробил себе дорогу своим умом, весьма полезный член, по своей части хозяин.

Начальник хозяйственного отделения д. с. с. [Дмитрий Родионович] Большаков труженик, и что называется чернорабочий, человек вполне честный, к сожалению запоем пьющий.

Судного отделения д. с. с. [Александр Порфирьевич] Юрьев из поповичей – старинный крючкодей, взяточник и низкопоклонник, человек фальшивый. Был в Красноярске прокурором, знает законы, но нередко ими злоупотребляет.

Начальник строительного отделения – д. с. с. [Иван Иванович] Шац [в оригинале написано «Швец», что подтверждает вывод о том, что присланный вариант – дело рук красноярского переписчика, слабо знакомого с «иркутскими реалиями»] – так себе; личность весьма почтенная, но как все подвержен инженерной эпидемии.

Член Министерства финансов без портфеля – д. с. с. [Александр Михайлович] Падерин. Удивляться надобно, откуда и как попал и кем посажен в члены Совета, человек пустейший, и не так давнее прошлое его гласит, что где эта личность появляется, хозяева недосчитывались нескольких столовых и чайных ложек.

Д. с. с. [Федор Владимирович] Ефимов – дельная личность; это член со стороны Министерства юстиции, умница, деловой и вообще человек с дарованиями.

Начальник четвертого отделения д. с. с. [Арсений Федорович] Усольцев – дрянь, выползшая на свет из землемеров, без всякого образования, и притом личность опасная – проповедует, конечно тайком, о социализме.

Иркутская губерния. Губернатор генерал-лейтенант К.Н. Шелашников. Ваше Высокопревосходительство из поездки генерала Шелашникова в Санкт-Петербург [имеется в виду встреча Л.С. Макова с К.Н. Шелашниковым во время пребывания последнего «на лечении» в Петербурге в июле 1879 г. Не исключено, что автор косвенно намекает Макову о состоявшейся

15 июля личной беседе Шелашникова с Александром II, по итогам которой была предрешена отставка Фредерикса, а самому Макову пришлось всерьез заняться устройством «послеиркутской» судьбы Шелашникова в военном ведомстве. Эти хлопоты подробно изложены в вышеупомянутом деле (РГИА. Ф. 1284. Оп. 44. Д. 86)] лично с ним познакомились, мы были бы рады и ожидаем, что он обласкан Вами и желательно, чтобы он возвратился в губернию. Он по своей честности, справедливости и притом как человек благовоспитанный заслужил уважение и пользуется им.

Вице-губернатор, д. с. с. [Алексей Петрович] Измайлов три года назад был уволен г. Шелашниковым от должности исправника [А.П. Измайлов уволен с должности Верхнеленского исправника за насаждение полицейскими методами винной монополии Голдобина-Домбровского на территории округа (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 905. Л. 56)], но как креатура Сиверса, а притом золотопромышленник, вслед за увольнением от должности в пику г. Шелашникову назначен чиновником особых поручений при Главном управлении Восточной Сибири. А за сим через месяц – вице-губернатором. Человека производят за выслугу лет в статские советники, через восемь месяцев представляют к производству в д. с. с. Что же сделал такое видное г. Измайлов, чтобы получить такую почетную награду? Разве что он, вопреки строжайшего воспрещения законом (хотя и на имя сестры своей) [как] золотопромышленник получает по 100 тыс. годового дохода, дарит самородки весом до фунта доходящие, и несколько мелких, такой же вес составляющих; дает обеды, рауты, вечера с крупной карточной игрой, из-за стола которой сильные мира Сибирского не встают, не положив в карман сотни полторы полумпериалов. Они, извольте видеть, хорошо и счастливо играют, а Измайлов дурно и несчастливо. Этот господин как выгнанный вон из службы г. Губернатором, делается через два месяца его товарищем по службе, за его отсутствием из губернии управляет и сам ревизует, не забывая вопреки закона разъезжать на свои золотые промыслы. И этого готовят в губернаторы – значит еще вор, негодяй и к Вам в помощники. Вот и польза от Генерал-губернатора, вот и «око царское», куда он смотрит и где его совесть перед царем. К счастью Измайлова как председателя Губернского правления, что пожар истребил все дела и теперь все шито-крыто, иначе легко было бы найти хаос, запущенность в делах невероятную [По иронии судьбы Фредерикс незадолго перед этим выхлопотал через Комитет министров 25 тыс. руб. на приведение в порядок делопроизводства присутственных мест губернии]. Зато как его расхваливал Генерал-губернатор перед Вами за деятельность на пожаре...

Исправники поголовно воры, одни в большей, другие в меньшей степени, но воры! В особенности горный исправник Гофман.

Енисейская губерния: Губернатор т. с. Лохвицкий по роду и племени чиновник; 9 лет он губернаторствует и 9 лет губерния без губернатора, вот уж человек как говорится ни с места. Ровно ничего не делает для губернии, ленив, апатичен и смотрит на все телячьими глазами, или лучше сказать, ни на что не смотрит. В губернии почти что анархия, значение власти упало до того, что совестно смотреть; уважения к нему никакого, да и не знают его, в особенности в городе; он сам улиц не знает, ни одно из общественных, частных и казенных учреждений им не посещается. Гимназисты властей не признают; в особенности телеграфисты, которые как бы в насмешку при встрече с Лохвицким закладывают руки в карманы, подбочась смотрят на него в пол-оборота. Табачный дым пускают ему чуть не в нос, а чтобы при проходе в публичном саду кто-нибудь встал или честь отдал, этого в Красноярске при Лохвицком немислимо. Напротив всеми возможными мерами насмеваются над губернатором. В санитарном отношении когда-то славный (при губернаторе Падалке), известный своей чистотой и наружным видом, Красноярск в настоящее время грязен и вонюч; еще счастье обывателей города, что Лохвицкого вызвали в Иркутск и вице-губернатор успел в его отсутствие сделать такие разумные мероприятия к предупреждению от пожара, что все от мала до велика остались довольны, и благодаря именно этим мерам, город не горит (Лохвицкий только воротился, в туже ночь был поджог, но к счастью вовремя усмотрен и потушен).

Держать себя как представителю подобает, он понятия не имеет. Знакомство с двумя содержанками и имея свою собственную в лице своей гувернантки – вот и всё его общество. Никто у него не бывает, и его выезд заключается к одной из этих содержанок, где, не разбирая с кем, даже с Лавровым (герой теперь трущоб) [однозначно не идентифицируется] дуется по целым дням, а нередко и по нескольким суткам в карты. Каждый поселенец даже из простого звания, имеющий игорную карту в руке, свободно берет руку губернатора и запанибрата, за картами его ругают, трунят его: как сидит, как упитанный телец – срам, да и только! От всех и всего порядочного прячется. Так, например: проезжал австрийский министр граф Зичи и японский посланник, он преспокойно отлежался на даче, в восьми верстах от города, на которой постоянно живет все лето, благо вице-губернатор образованный и светский человек, он и принимает и провожает, а губернатору нет дела, что он высший представитель Правительства, и что иностранных гостей надобно принять умеючи.

Граф Зичи пробыл двое суток, а японский посланник – три дня; конечно интересовались страной. А губернатор спрятался – занимается службой два с половиной часа – и то три дня в неделю. Как выехала с дачи любовница, скучать будет, а остальное – хоть трава не расти. Сама супруга его весьма порядочная женщина [М.И. Лохвицкая, дочь бывшего начальника горного отделения ГУВС, г.- м. И.А. Бароцци де Эльс], рассказывает, кто что мужу не говори, а ему как в стену горох! Какой же он сотрудник Вам, что он Вам поможет, предусмотрит... и главное – со стороны грустно, что в

настоящее время губернатор заснул; полиция городская – крепким, а уездная – беспробудным сном. Вот, Россия, Ваше Высокопревосходительство, ваш ближайший сотрудник и тут жди помощи. Еще бог хранит обитателей Енисейской губернии.

Вице-губернатор – с. с. [Василий Васильевич] Длотовский, бывший старший чиновник особых поручений при Генерал-губернаторе и рекомендованный ему в Санкт-Петербурге [См.: комм.], человек очень образованный, дельный. Слава богу, что еще хотя эта личность обретается в Енисейской губернии. Когда он управляет губернией в отсутствие Лохвицкого, на это время всё просыпается, всё бодрствует, и начинается дело делаться. К нему очень применимы русские пословицы: мал золотник, да дорог; невелика птичка, да коготок востер. Его все боятся, но в то же время уважают и любят.

Он очень популярен по своей честности и прямой натуре. Весьма практичный господин и обладает отличными административными способностями, что доказал исполнением возложенного на него поручением при устройстве Александровской центральной тюрьмы, которую при хорошем знании тюремного дела в два года своего управления довел до образцовой степени и поразил не только Фредерикса, но и многих своими нововведениями, гуманными и разумными [См.: комм.]. К сожалению, труд этого почтенного человека приходит в упадок. Центральная тюрьма, как мы говорили выше, отдана на прокормление Швейковского и в настоящее время не осталось там порядков, которые были прежде, и дисциплина пала...

Г-н Длотовский и в Красноярске заявил себя человеком деловым, энергичным и распорядительным. Губернское правление он преобразовал как по наружному виду, так и решением дел; строгим порядком Губернское правление вполне соответствует тому приличному внушительному виду, который необходим для Губернского правления, как высшего в губернии учреждения.

Внутренняя часть образцовая; делопроизводство идет быстро, правильно, все довольны успешным ведением дела до кого оно касается. Чиновники держат себя прилично, и всякий порядочный человек считает теперь за честь служить в Губернском правлении – давай бог им побольше таких служаек!

Исправники проворовались поголовно, из коих Красноярский и Ачинский (под носом у Лохвицкого) отличились до того уже, что Генерал-губернатор назначил следствие [Красноярский исправник фон-Клингенберг и Ачинский исправник барон Пфейлицер-Франк (Сборник 1898: 11)]. Им ровно ни о чем произвольно переложить натуральную дорожную повинность на денежную, обложив по белке с души и по несколько лисиц с улуса; получать окладные с волостных и сельских писарей. Лохвицкого упреждали, но он только гладил брюшко своё и изволил ухмыляться. Но уничтожить зло он не мог, а лучше сказать, по лености не желал: ну их говорит, пускай наживаются. Впрочем, минусинский исправник – человек и служивый так себе, зато ныне Лохвицкий по сочувственной апатии к Енисейскому исправнику наградил орденом Станислава 2 степени.

Забайкальская область. Губернатор военный, он же наказной атаман [Иван Константинович Педашенко] – человек вообще прекрасный, много занимается делом, но больной. Вице-губернатор, д. с. с. [Михаил Николаевич] Берестов трудящийся человек, очень честный, без преувеличения можно сказать 16 часов в сутки работает. С самыми благородными стремлениями быть полезным на своем месте, способный, честный, знает хорошо законы и ведет дело большей частью особою [...?] Советники у него дрянь, но зато его недолюбливают в Главном управлении – безукоризненно трудится и не может дарить самородков как человек бедный, не имеющий ничего кроме жалования.

Пошли Господи в Сибирь побольше таких людей как Берестов.

Амурская область: Губернатор флигель-адъютант барон Офенберг [Альберт Генрихович фон-Офенберг], приглашенный Фредериксом на должность губернатора в край серьезнейший во всей Восточной Сибири, где для губернатора нужна способность и особая подготовка и предварительная практика. Что барон Офенберг по своей к тому недалновидности и неопытности мог сделать полезного для края? Впрочем, Ваше Высокопревосходительство, сами изволите заключить, что и Офенберг бесполезен, он поехал в Санкт-Петербург к Вам жаловаться на самого себя, что он не способен и не делен – право, это заслуга для правительства. Прочих членов Амурской области не знаем, а потому и говорить о тех лицах и трогать их права не имеем.

Якутская область. Губернатор генерал-майор Черняев [Георгий Федорович Черняев, бывший чиновник особых поручений при П.А. Фредериксе]. Человек желает быть, по крайней мере, полезным, честный, малоопытный при всем его желании сделать что-нибудь, до сих пор еще ничего не сделал, именно: опытности и практики не имеет, но человек, по крайней мере, трудится и делает, что может. Можно прямо сказать, что циркуляры Ваши не будут оставлены гласом вопиющего, в Якутске же в пустынях его все же можно считать наряду[в ряду?] полезных жителей края.

В заключение просим: назначьте Вашего министерского чиновника, в особенности на место Лохвицкого, и Вы изволите убедиться, что аккредитованный Вами чиновник скажет Вам еще более; наш же кругозор не позволяет этого, ибо мы опасаемся, что и настоящее будет принято как донос и клевета. Но проверьте и Ваше Высокопревосходительство убедитесь, что спасти Енисейскую губернию назначением в нее лично известного лица вместо Лохвицкого из Министерства необходимо. А равно, каквы господа Сиверс и Измайлов, как лица, занимающие столь великие посты, могут ли они быть терпимы на службе, и вообще поступите по свойственной Вам проницательности, и Вы приобретете

еще более поклонников, которые будут радоваться, что свет разума Вашего проник в забытую, брошенную на произвол Сибирь (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 897. Л. 279–290)».

4.3. Фрагменты текста, отмеченные отсылками к комментариям, дают достаточные сведения для установления авторства «Прошения». Уже в первом из них на с. 4 (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 897. Л. 282) в рассказе о разрушительных последствиях появления Повало-Швейковского во главе тюремной администрации Александровского централа отчетливо вырисовывается образ автора. Действительно, кто кроме самого устроителя того образцового порядка, который был в этом тюремном замке, мог столь эмоционально негодовать по поводу разрушительных действий своего преемника?

Сюжеты, связанные с обустройством быта заключенных в этой тюрьме, встречаются в другой раз на с. 8, где автор опять замечает, что заведенный им «порядок управления поразил самого Фредерикса разумными и гуманными нововведениями» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 897. Л. 287 об.). Этим устроителем был Василий Васильевич Длотовский, чиновник особых поручений ГУВС, сменивший в 1876 г. на посту Председателя Енисейского губернского правления отозванного в ГУВС Л. Ф. Титова. Длотовский – единственный полноценный герой данного письма. Он не скрывает своего пиетета перед иркутским губернатором К. Н. Шелашниковым, солидаризируется с ним по всем кадровым решениям, подчеркивая свою неприязнь к карьеристам и миллионщикам корсаковско-фредериксовского периода.

Нельзя не отметить ремарки на с. 7, где автор, говоря о назначении Длотовского на службу в Восточную Сибирь, замечает, что оно было «рекомендовано генерал-губернатору в Петербурге» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 897. Л. 286). Вряд ли эти подробности могли быть известны в Красноярске кому-либо, кроме самого Василия Васильевича.

Решающим же доводом в пользу признания Длотовского автором идеи данного письма является «антисиверский» пассаж на с. 5. Здесь автор, желая окончательно уничтожить Сиверса в глазах министра МВД, восклицает: «Что знает он, чтобы в случае надобности стать перед народом без батальона солдат настоящим [представителем] Правительства? Да знает ли он, что такое народ и как с ним нужно говорить?» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 897. Л. 283). Сибирский читатель вряд ли сообразит, о каком стоянии перед народом без батальона солдат пишет автор. Для высокопоставленного столичного чиновника все весьма прозрачно: несомненно, речь идет о ситуации, в которой не раз в ходе проведения крестьянской реформы оказывались мировые посредники. В. В. Длотовский был единственным представителем чиновничьей элиты Енисейской губернии 1870-х гг., который прошел через горнило этой почетной и ответственной миссии, имевшей историческое значение для России. Заканчивается «антисиверский пассаж» замечательной фразой: «Аптека – не [тот] мировой институт, который дал правительству много деловых губернаторов» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 897. Л. 283). Действительно, ряд незаурядных пореформенных губернаторов имели за плечами опыт мировых посредников.

Во фрагменте письма на с. 6 (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 897. Л. 284) говорится о 9-летнем сроке пребывания на губернаторском посту Начальника Енисейской губернии А. Д. Лохвицкого. 9-летний срок никак не вяжется с сентябрем 1879 г., т. к. Лохвицкий получил назначение в Красноярск в августе 1868 г. Столь информированный чиновник как Председатель ЕГП не мог не знать этих элементарных вещей (тем более, что он стремится представить себя широко информированным собеседником). Откуда же взялось 9 лет?

Представляется, что эта цифра фигурировала в первом, не дошедшем до нас красноярском письме, написанном не позднее первого полугодия 1878 г., так как к концу августа этого же года уже закончилась его проверка и появилась «Записка для памяти». Составитель белого варианта «Прошения», по-видимому, имел под рукой текст письма полуторагодичной давности и использовал его фрагменты как отдельные блоки при компоновке материала «Прошения». Это косвенным образом аргументирует предположение о том, что оба письма – «Прошение» и более раннее письмо 1878 г. инспирированы одним и тем же человеком.

Позволим себе привести краткую справку о статском советнике Василии Васильевиче Длотовском. Он происходил из дворян Смоленской губернии. Родился в 1820 г. Имел награды: ордена Владимира 3-й и 4-й степени, Анны 2-й степени и Станислава 2-й степени, Знак беспорочной службы и особые награды за проведение Крестьянской реформы. Был женат на Ф.И. Фелистовой. Детей не имел.

После окончания Второго кадетского корпуса и 9-летней службы в Гренадерском полку перешел на статскую службу (1843 г.). Был помощником управляющего Тихвинского окружного управления Госимуществ, столоначальником в Департаменте разных податей и сборов Минфина, советником ревизионного и питейного отделений Ковенской и Новгородской казенных палат.

В октябре 1858 г. утвержден в должности члена Смоленского губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян. В 1861 г. – кандидат в мировые посредники Смоленской губ., с сентября 1862 г. – мировой посредник 2 участка Дорогобужского уезда Смоленской губернии. В служебной деятельности неоднократно «пересекался» с представителями рода Повало-Швейковских (Швэйковских), служивших в Смоленском земском суде, в Губернском по Крестьянским делам присутствии и даже составе кандидатов в мировые посредники (РГИА. Ф. 1291.

Оп. 1. Д. 209). В 1865–1866 гг. состоял мировым посредником Волынской губернии, исполнял должность Председателя Кременецкого и Киевского мирового съезда.

Награжден Особым знаком в память успешного введения в действие положений 19 февраля 1861 г., серебряной медалью Смоленского губернского по Крестьянским делам присутствия; отмечен Высочайшим благоволением за участие в деле освобождения крестьян и орденом св. Станислава 2-й степени с императорской короной (РГИА. Ф. 1284. Оп. 44. Д. 672).

С 1867 г. служил в туркестанском генерал-губернаторстве, а с 19 июня 1874 г. переводится в Восточную Сибирь с назначением старшим советником особых поручений при ГУВС (по делам ссыльных). Командируется к управлению недавно отстроеной Александровской тюрьмой с производством содержания по должности 6 класса (ИГВ, 1875, № 24). За примерный порядок и благоустройство Александровской тюрьмы получил благодарности от Шелашникова и Фредерикса (ИГВ, 1875, № 60).

С 1876 по 1881 гг. – Председатель Енисейского губернского правления. Во время отъездов Лохвицкого в Иркутск (на Совет ГУВС) и по губернии – исполнял дела Начальника губернии. В течение 1876–1879 гг. способствовал принятию Губернским советом ряда принципиальных решений: о предании суду бывшего Красноярского губернского казначея А. Костинского, отстраненного от должности после Минфиновской ревизии Петровского (ГАИО. Ф. 24. Оп. 4. К-2017. Д. 2829); об облегчении положения рабочих золотых приисков Северной части Енисейского округа (ТАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5693). Достаточно часто подобные решения принимались «по большинству голосов» – вещь ранее почти невиданная для Енисейского губернского совета.

С 12 июля 1880 г. приказом Генерал-губернатора Восточной Сибири уволен в 2-х месячный отпуск в Петербург с сохранением содержания.

В конце лета 1880 г. Длотовский подает в отставку и увольняется от службы с назначением повышенной пенсии. «Пенсионное дело» Длотовского (РГИА. Ф. 1284. Оп. 45. Д. 177) является весьма информативным документом, раскрывающим ряд интересных процедурных моментов. При этом оно дает дополнительные свидетельства о причастности В. В. Длотовского к написанию обоих писем, адресованных руководству МВД.

Из материалов дела видно, что увольнение Длотовского было инициировано енисейским губернатором А. Д. Лохвицким, сообщившем в конфиденциальном письме и. д. Генерал-губернатора Восточной Сибири Шелашникову 19 ноября 1879 г. о недостойном поведении Председателя ЕГП: «...В последнее время Длотовский навлек на себя подозрение в составлении безымянных доносов с целью упрочить свое служебное положение. Он рассказывал многим, что в МВД послан донос на бывшего Г.-г. В.С., членов Совета ГУВС, председателей губернских мест и некоторых других чиновников. Одобрены только два лица – вице-губернатор Берестов и в особенности он, Длотовский. При этом он с такой подробностью и отчетливостью пересказывает отзывы доноса о каждом отдельном лице, что как будто выучил его наизусть... Есть настойчивые слухи, что Длотовским посланы и другие доносы» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 45. Д. 177. Л. 28 об.- 29).

Не входя в содержательный анализ письма Лохвицкого, позволим лишь две ремарки. Во-первых, сам жанр анонимных доносов служил по тем временам едва ли не единственной формой «обратной связи» власти с населением, не несущей печати политического инакомыслия и позволяющей избежать неуместных «прогибов» перед начальством при критике его действий. Во-вторых, стоит заметить, что обвинения в недостойном поведении Длотовского как руководителя одного из губернских учреждений не заслоняют тех негативных моральных и профессиональных характеристик высших должностных лиц Сибирского региона, о которых сообщается Л.С. Макову.

5. Заключение

По-видимому, все сообщаемые в анонимных посланиях факты не являлись откровением для петербургского начальства. Во всяком случае, никаких репрессивных мер против Длотовского, предлагавшихся в рапорте Лохвицкого, переадресованного Шелашниковым Макову, не последовало. Этот рапорт пролежал у Макова около полугода; с ним ознакомились ряд высокопоставленных чинов МВД, а также находящийся в столице новый начальник Восточной Сибири г.-л. Д.Г. Анучин. В итоге «созрело» следующее решение. 1) Предложить с. с. Длотовскому подать прошение об увольнении от службы по болезни; 2) исходатайствовать ему за сибирскую службу повышенный пенсион; 3) в виде исключения исчислить размер пенсии Длотовскому по последнему месту службы, несмотря на то, что он не прослужил в должности Председателя ЕГП положенный по закону 5-летний срок. Любопытно, что подобное исключение из правил не встретило никакого препятствия со стороны министра финансов, после санкции которого данное решение было завизировано императором.

Едва ли отставка Длотовского была бы столь комфортной, не имей он родственных связей с Председателем Главного военного суда России г.-л. (в последствие генералом от инфантерии) Э.К. Длотовским, во взаимодействии с которым Л.С. Маков разрабатывал проект передачи преступлений по политическим мотивам в ведомство военной юстиции. Имея за спиной такое прикрытие, В.В. Длотовский мог не церемониться в выборе характеристик для героев своих посланий, а также позволить себе называть белое белым, а черное – черным.

Обострение противоречий в администрации Восточной Сибири, вызванное реорганизацией

территориального устройства Сибири во второй половине XIX в. увеличило количество анонимных посланий и жандармских донесений. В связи со значительной удаленностью Восточной Сибири, отсутствием надежного контроля за деятельностью местной администрации и «информационным голодом» анонимные источники использовались центральными властями в качестве еще одной нити взаимосвязи и дополнительного рычага воздействия на местных чиновников, иногда в своекорыстных целях.

Литература

- ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
 ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
 Гergiлев, 2016 – *Гergiлев Д.Н.* Административное управление Сибирью в XVIII – первой трети XIX века: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 172 с.
 ИГВ, 1875 – Иркутские губернские ведомости, № 24 и № 60 за 1875 г.
 Карчаева, 2014 – *Карчаева Т.Г.* Губернаторы Енисейской губернии (социальный портрет сибирского чиновничества) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История.* 2014. Т. 7. С. 44–50.
 Карчаева, 2016 – *Карчаева Т.Г.* Социокультурный портрет чиновников Енисейской губернии (1822–1917 гг.) // *Гуманитарные науки и образование.* 2016. № 1 (25). С. 135–139.
 Матханова, 2002 – *Матханова Н.П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 250 с.
 Матханова, 2013 – *Матханова Н.П.* Попытки борьбы со взяточничеством чиновников в Сибири XIX века // *International Journal of Russian Studies.* 2013. № 2. С. 1–6.
 Матханова, 2016 – *Матханова Н.П.* Деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири: закон и практика // *Известия Иркутского государственного университета.* 2016. Т. 15. С. 22–30.
 Приказы, 1875 – Приказы по войскам Восточно-Сибирского военного округа. СПб., 1875.
 РГИА – Российский государственный исторический архив.
 Ремнев, 1995 – *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. 237 с.
 Ремнев, 1997 – *Ремнев А.В.* Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М.: Москов. обществ. науч. фонд, 1997. С. 52–66.
 Сборник, 1898 – Сборник главнейших документов по управлению Восточной Сибири. Ч. 1. Хабаровск, 1898. 488 с.
 Gentes, 2003 – *Gentes A.* (2003). Licentious girls' and frontier domesticators: women and Siberian exile from the late 16th to the early 19th centuries. *Sibirica.* Vol. 3 (1). pp. 3–20.
 Gryaznukhina et al., 2017 – *Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T., Reut G.A.* The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia' eyes. *Bylye Gody.* 2017, Vol. 45. Is. 3. pp. 811–820.
 Karchaeva et al., 2017 – *Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Severyanov M.D.* Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century. *Bylye Gody.* 2017. 43 (1). pp. 86–93.
 Murray, 2015 – *Graber K.E., Murray J.D.* The Local History of an Imperial Category: Language and Religion in Russia's Eastern Borderlands, 1860s–1930s. *Slavic Review.* 2015. Vol. 74 (1). pp. 127–152.
 Pereira, 1993 – *Pereira N.G.O.* The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia. *Russian History.* 1993. Vol. 20. Is. 4. pp. 163–178.
 Pintner, 1970 – *Pintner W.M.* The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy. *Slavic Review.* 1970. № 3. pp. 429–443.

References

- ГАИО – Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti [State archive of Irkutsk region].
 ГАКК – Gosudarstvennyj arhiv Krasnojarskogo kraja [State archive of Krasnoyarsk region].
 Gergilev, 2016 – *Gergilev D.N.* (2016). Administrativnoe upravlenie Sibir'ju v XVIII – pervoj treti XIX veka [Administration of Siberia in XVIII – first third XIX century]: monografija. Krasnojarsk: Sib. feder. un-t. 172 p.
 IGV, 1875 – Irkutskie gubernskie vedomosti, № 24 i № 60 za 1875 g.) [in Russian]
 Karchaeva, 2014 – *Karchaeva T.G.* (2014). Gubernatory Enisejskoj gubernii (social'nyj portret sibirskogo chinovnichestva) [The Governor of the Yenisei province (social portrait of Siberian officials)]. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta.* Serija: Istorija. T. 7. pp. 44–50. [in Russian]
 Karchaeva, 2016 – *Karchaeva T.G.* (2016). Sociokul'turnyj portret chinovnikov Enisejskoj gubernii (1822–1917 gg.) [Sociocultural portrait of the officials of the Yenisei province (1822–1917)]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie.* № 1 (25). pp. 135–139. [in Russian]
 Mathanova, 2002 – *Mathanova N.P.* (2002). Vysshaja administracija Vostochnoj Sibiri v seredine XIX v.: Problemy social'noj stratifikacii [The higher administration of Eastern Siberia in the mid-nineteenth century: problems of social stratification]. Novosibirsk: Sibirskij hronograf. 250 p. [in Russian]
 Mathanova, 2013 – *Mathanova N.P.* (2013). Popytki bor'by so vzjatochnichestvom chinovnikov v

Sibiri XIX veka [Attempted bribery of officials of Siberia in the XIX century]. *International Journal of Russian Studies*. № 2. pp. 1-6.

Mathanova, 2016 – *Mathanova N.P.* (2016). Dejatel'nost' general-gubernatorov Vostochnoj Sibiri: zakon i praktika [Activities of the General-governors of Eastern Siberia: law and practice]. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 15. pp. 22–30. [in Russian]

Prikazy, 1875 – Prikazy po vojskam Vostochno-Sibirskogo voennogo okruga [Orders to the troops of the East Siberian military district]. Saint Petersburg, 1875. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskiy arhiv [The Russian state historical archive].

Remnev, 1995 – *Remnev A.V.* (1995). Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaja politika v pervoj polovine XIX v. [Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the XIX century]. Omsk. 237 p. [in Russian]

Remnev, 1997 – *Remnev A.V.* (1997). General-gubernatorskaja vlast' v XIX stoletii. K probleme organizacii regional'nogo upravlenija Rossijskoj imperii // Imperskij stroj Rossii v regional'nom izmerenii (XIX – nachalo XX v.) [The Governor-General power in the nineteenth century. The problem of the organization of the regional Department of the Russian Empire // Imperial system of Russia in the regional dimension (XIX – beginning of XX century)]. Moscow: Moskov. obshhestv. nauch. fond, 1997. pp. 52–66. [in Russian]

Sbornik, 1898 – Sbornik glavnejshih dokumentov po upravleniju Vostochnoj Sibiri. Ch.1. [A collection of the main documents for management of Eastern Siberia. Part 1]. Habarovsk, 1898. [in Russian]

Gentes, 2003 – *Gentes A.* (2003). Licentious girls' and frontier domesticators: women and Siberian exile from the late 16th to the early 19th centuries. *Sibirica*. Vol. 3 (1). pp. 3–20.

Gryaznukhina et al., 2017 – *Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T., Reut G.A.* (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia' eyes. *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 3. pp. 811–820.

Karchaeva et al., 2017 – *Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Severjanov M.D.* (2017). Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century. *Bylye Gody*. 43 (1). pp. 86-93.

Murray, 2015 – *Graber K.E., Murray J.D.* (2015). The Local History of an Imperial Category: Language and Religion in Russia's Eastern Borderlands, 1860s –1930s. *Slavic Review*. Vol. 74 (1). pp. 127-152.

Pereira, 1993 – *Pereira N.G.O.* (1993). The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia. *Russian History*. Vol. 20. Is. 4. pp. 163-178.

Pintner, 1970 – *Pintner W.M.* (1970). The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy. *Slavic Review*. № 3. pp. 429-443.

Анонимные источники о противоборстве в восточносибирской губернской администрации 1870-х гг.

Сергей Константинович Черепанов ^а, Денис Николаевич Гергилев ^а, Александр Григорьевич Грязнухин ^{а, *}

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрено противостояние в восточносибирской губернской администрации 1870-х гг. Вводятся в научный оборот и верифицируются анонимные источники о противоборстве и коррупции в высшем управленческом корпусе Восточной Сибири. Анализируются документальные источники о конфликтной ситуации внутри административного аппарата Восточной Сибири при генерал-губернаторе П.А. Фредериксе (1874–1880 гг.). Проведена экспертиза изложенных сведений о жизни экс-губернатора А.Д. Лохвицкого, подтвердившая их достоверность. На основании историко-биографического и текстологического инструментария выдвинута и обоснована гипотеза об авторстве В.В. Длотовского представленных анонимных источников. Сам жанр доносов служил в XIX в. едва ли не единственной формой обратной связи власти с населением, позволявший избегать подобострастия перед вышестоящим начальством при критике его деяний. Анонимные источники, как более эмоциональные и откровенные, в то же время имеют большую вероятность представления искаженных данных или их тенденциозного подбора. Поэтому использование подобных документов в научном дискурсе возможно лишь при их всестороннем "перекрестном" анализе и верификации. Изменение административно-территориального устройства и реорганизация государственных учреждений Сибири во второй половине XIX в. привело к обострению противоречий в управленческой элите региона и увеличению числа анонимных доносов.

Ключевые слова: История Восточной Сибири, губернская администрация, В.В. Длотовский, противостояние, П.А. Фредерикс, чиновничество.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sksk52@mail.ru (С.К. Черепанов), turilak@yandex.ru (Д.Н. Гергилев), agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 339-348. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.339
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Reorganization of the Private Baltic Foundry, Mechanical and Construction Plant into a State-Owned Enterprise in the late 19th century

Denis G. Kovalevsky ^{a,*}, Elena D. Tverdyukova ^b

^aThe Naval Academy named after Admiral of the Fleet of the Soviet Union N.G. Kuznetsov, Russian Federation

^bSaint Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of problems associated with the penetration of state capitalism into the armored shipbuilding of Russia. Issues relating to the transfer of the private Baltic Foundry, Mechanical and Construction Plant in Chekushi to the treasury at the end of the 19th century are considered. The article examines the following problems: was the state intervention forced, due to the inability of the business to ensure the competitiveness of the products (in terms of quality and value)? Could the state manage property more effectively than private entrepreneurs? Was there an attempt to establish monopoly control over the market by entities that had ties in government spheres that were financially interested in the redistribution of property? The process of bankruptcy of the private enterprise of T. Carr and M. Macpherson, who occupied the leading positions in the iron shipbuilding of Russia at the end of the 19th century, was considered. The mechanism of acquiring strategic, from the point of view of the security of the country sea borders, a shipbuilding and a mechanical plant through fictitious persons in joint ownership by officials of the Maritime Department and subjects of the British Empire are analyzed. Also, the reasons for the financial catastrophe and the taking of an important plant for the Russian Navy under state control are examined. The procedure and reasons that prompted the Maritime Ministry to purchase its shares from the founders of the company are described. The organization of a state-owned enterprise, but working on commercial principles, deserves attention.

Keywords: Russia, Baltic plant, shipbuilding, armored fleet, fiscal industry, state capitalism.

1. Введение

Государство в России традиционно играло важнейшую роль в народном хозяйстве. Сегодня, по некоторым оценкам, доля госсектора превышает 50 %, что дает основание ряду исследователей характеризовать современное состояние отечественной экономики как период государственно-монополистического капитализма с преобладанием государственных корпораций ([Государственный капитализм, 2008](#); [Зяблюк, Титова, 2017](#)). В этой связи особый интерес и актуальность приобретает анализ взаимоотношений государства с частными предпринимателями на начальном периоде складывания монополий в нашей стране в конце XIX в. Являлось ли вмешательство государства вынужденным, вследствие неспособности бизнеса обеспечивать конкурентоспособность выпускавшейся продукции (по качеству и стоимости)? Могло ли государство распоряжаться собственностью эффективнее частных предпринимателей? Была ли попытка установить монопольный контроль над рынком со стороны структур, имевших связи в правительственных сферах, финансово заинтересованных в переделе собственности? Рассмотрению этих проблем на примере Балтийского литейного, механического и судостроительного завода посвящена данная статья.

* Corresponding author

E-mail addresses: Kovalevskiy1963@mail.ru (D.G. Kovalevsky), e.tverdyukova@spbu.ru (E.D. Tverdyukova)

2. Материалы и методы

Источниками при написании статьи явились делопроизводственные документы из фондов Российского государственного архива Военно-морского флота (фонд 410 «Канцелярия Морского министерства» и фонд 4 «Материалы по вопросам броненосного судостроения») и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (фонд 416 «Правление Балтийского завода и Адмиралтейских заводов»), всеподданнейшие отчеты государственных контролеров, воспоминания Н.Н. Мамантова и дневник Е.А. Перетца, материалы периодической печати.

Ретроспективное исследование взаимоотношений казенной и частной промышленности проведено на основе принципов историзма и объективности, с применением историко-системного, историко-сравнительного методов, которые позволили выявить историческую обусловленность процессов государственного вмешательства в экономику.

3. Обсуждение

Историография экономических проблем дореволюционной России весьма обширна. В своем исследовании мы опирались, прежде всего, на фундаментальные труды К.Ф. Шацилло и И.Ф. Гиндина (Шацилло, 1968; Шацилло, 1992; Гиндин, 1980), в которых рассматривались предпосылки возникновения государственно-монополистического капитализма.

Среди современных исследователей военно-морской политики следует назвать работы А.П. Шевырева, Р.В. Кондратенко, В.В. Поликарпова. Но механизм взаимодействия казенного хозяйства и частной промышленности в отечественном броненосном судостроении последней трети XIX в. исследован недостаточно.

История Балтийского завода изучалась в советские годы (Кузнецов, Лившиц, Плясунов, 1970), но эти публикации не были свободны от идеологического давления, поэтому деятельность предприятия нуждается в освещении с позиции объективного подхода.

4. Результаты

До середины 1850-х гг. военным кораблестроением на Балтике занимались казенные верфи Санкт-Петербургского военного порта: «Галерный островок», «Новое Адмиралтейство», Кронштадтского порта и Адмиралтейских Ижорских заводов. Поражение России в Крымской войне заставило власти пересмотреть судостроительную программу. С середины 1850-х гг. Морское министерство встало на путь покровительства частному судостроению, выразившийся в прямых субсидиях и разрешении беспопытного приобретения за границей необходимых материалов и деталей, а также предоставлении подрядчикам государственных заказов. По мнению А.П. Шевырева, окруженные сетью частных заводов и верфей, казенные предприятия могли бы выполнять заказы, не неся основное бремя кораблестроительных работ (Шевырев, 1990: 136–137). Коммерсанты, со своей стороны, также осознавали выгодность такого сотрудничества: работа по договору с казной гарантировала поступление заказов и щедрую оплату. Одним из таких дельцов явился предприниматель английского происхождения Т. Карр, заработавший небольшой капитал на сахароварении. В 1855 г. он основал в Санкт-Петербурге завод для ремонта и постройки буксирных пароходов. В 1863 г. его компаньоном стал М. Макферсон, владелец небольшой мастерской и механик на императорской яхте «Невка». Именно с его подачи завод занялся железным военным судостроением. Начало было положено постройкой «однобашенных» мониторов «Латник» и «Броненосец» и «двухбашенного» «Адмирал Лазарев».

Предприниматели, не обладая достаточными собственными средствами для ведения столь масштабного дела, неоднократно ставили завод под угрозу остановки и срыва контрактов. Финансовая несостоятельность вынудила компаньонов выставить предприятие на торги. Заслуживает внимания важное обстоятельство. Конкурс был проведен закрытый. Это позволило одному из влиятельных чиновников, адъютанту великого князя Константина Николаевича (главного начальника флота и морского ведомства) князю Э.А. Ухтомскому, уплатив свыше 700 тыс. руб. частным лицам, в 1872 г. стать собственником завода. Фактически князь выступал заказчиком, который выделял государственные средства, и одновременно исполнителем, к которому деньги поступали непосредственно в карман. Более того, в светских кругах Балтийский завод называли «великокняжеским», намекая на участие в прибылях генерал-адмирала. По свидетельству государственного секретаря Е.А. Перетца, Константин Николаевич одолжил Ухтомскому 250 тыс. руб. (Перетц, 1927: 91).

Однако свободного оборотного капитала у князя не имелось, поэтому для возвращения взятых под большие проценты денег он решил выпустить акции. В 1873 г. в Англии русскими подданными при участии англичан, в том числе бывшего главного инженера-строителя королевского флота Э. Рида, было создано Английское акционерное общество «The Baltic Iron Ship Building and Engineering Company, Limited». Для управления делами создавалось ответственное агентство, в которое могли бы обращаться по всем вопросам заинтересованные лица (как частные, так и представлявшие интересы казны). В состав его входили капитан-лейтенант А.А. Этолин, князь Э.А. Ухтомский и купец 1 гильдии Е.И. Грегер. На агентство переводились все долги Балтийского

завода. Именно оно взяло на себя обязательства по постройке фрегатов «Минин», «Герцог Эдинбургский», клиперов «Пластун» и «Стрелок».

По сведениям государственного контролера С.А. Грейга, ни на выпущенные Английским обществом акции, ни на облигации подписки не производилось. Общество прибегло к закладу своих неоплаченных бумаг в частных кредитных учреждениях и, наконец, обратилось к Морскому министерству за поддержкой: «Вступив раз на этот удобный путь, завод пошел по нему быстрыми шагами» (*Всепопданнейший отчет, 1878: 20*). С 1877 по 1880 гг. морское ведомство выделило учредителям около 3100 тыс. руб. (*РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2782. Л. 67*).

Броненосное судостроение требовало не только увеличения производительности, но и внедрения новых технологий, соответствующих мировому научному уровню. Это обусловило приобретение обществом современных машин и станков, паровых молотов, кранов для прокатной мельницы. Приобреталась казенная земля для устройства эллингов, прокладывался новый рельсовый путь. Во избежание возникновения проблем с приобретением железа были созданы прокатный и железоделательный отделы. На эти цели было потрачено 500 тыс. руб. К этому прибавлялись и неизбежные накладные расходы. В 1871–1872 гг. завод бездействовал, однако продолжал содержать довольно большой штат рабочих и служащих. Существенными оказались потери процентов на так называемый «непроизводительный» капитал. Цифры эти, согласно финансовой отчетности общества, составили почти 325 тыс. руб. Новые хозяева приобрели различных материалов на сумму до 1 млн руб., в том числе полуторогодовой запас угля на случай обеспечения предприятия большим объемом работ. Морское ведомство к прилагаемым усилиям по совершенствованию завода отнеслось с пониманием. Учитывая, что при Т. Карре и М. Макферсоне предприятие в большинстве случаев завершало работы ранее установленных контрактами сроков, была надежда, что затраты оправдаются (*ЦГИА СПб. Ф. 416. Оп. 3. Д. 6. Л. 1–3*).

Еще при переходе завода к новым владельцам им был рассрочен долг Морскому министерству в 882 тыс. руб. на 22 года без процентов. Вскоре после того они получили разрешение внести этот долг единовременно, с учетом 6 %, погасив, таким образом, вышеозначенную сумму взносом 482 тыс. руб. Госсовет на основании представления Морского министерства от 12 июня 1875 г. разрешил заводу ссуду в 480 тыс. руб. под вторую ипотеку завода. Требуемая сумма была выделена из свободных средств ведомства с рассрочкой на несколько лет с возможностью возврата ее равными частями или ежегодно с уплатой процентов Государственному банку. Что касалось обеспечения ссуды, то завод вместе с прикупленной землей государственная оценочная комиссия оценила в 1 млн 746 тыс. руб., хотя после проведенной модернизации его стоимость увеличилась значительно больше против затраченной суммы (*ЦГИА СПб. Ф. 416. Оп. 3. Д. 6. Л. 85*). В апреле 1876 г. министерство на постройку двух клиперов выделило Балтийскому обществу 300 тыс. руб., а с июля 1876 г. по 1 января 1877 г. перечислило еще 600 тыс. в счет платежей за будущее исполнение заказов. Бесконечные финансовые вливания укрепили государственного контролера С.А. Грейга в мысли, что вся история этого завода служила «примером неуспеха поддержания промышленного предприятия на казенные деньги» (*Всепопданнейший отчет, 1878: 20*).

Когда же все источники частного кредита и правительственных авансов иссякли, Морское министерство решилось приобрести половину акций общества (5480 штук) путем покупки их у Э.А. Ухтомского по номинальной цене 146 руб. за каждую. На эти цели в 1876 г. было выделено 800 тыс. руб. (*РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 8670. Л. 8*). Но оказалось, что акции заложены, и значительная часть отпущенной на их приобретение суммы пошла на их выкуп из кредитных учреждений. Оставшейся суммы для погашения долгов общества было недостаточно, однако приобретение акций позволило устранить прежних распорядителей и учредить правление из лиц морского ведомства.

К 1877 г. из казначейства Балтийскому обществу было отпущено 6 774 000 руб., в том числе уплачено приобретенными правительством акциями завода 800 000 руб. и изделиями 2,499 млн руб. После чего за заводом остался долг в 3 475 000 руб. (*Всепопданнейший отчет, 1878: 22*). Таким образом, Английское общество просуществовало около двух с половиной лет, не исполнило ни одного контракта и только увеличило долги.

Приобретение государством более половины числа акций позволило финансовому ведомству настоять на преобразовании общества в Русское, мотивируя это необходимостью применения в его отношении российского законодательства об акционерных компаниях. На общем собрании 6 ноября 1876 г. акционеры постановили создать Русское Балтийское железоделательное, судостроительное и механическое общество. В январе 1877 г. на должность управляющего завода по требованию морского ведомства был избран М.И. Кази, ранее исполнявший обязанности директора по морской части и заведующего контролем за расходами Российского общества пароходства и торговли. С этого времени на заводе было прекращено железоделательное и локомотивное производство, он стал специализироваться в области судостроения и машиностроения исключительно в интересах Морского министерства. Новым уставом, принятым 20 мая 1877 г., предусматривалось учреждение правления в составе трех директоров, один из членов которого назначался от морского ведомства (по крайней мере, до тех пор, пока оно владело не менее 1/4 всех акций) (*ЦГИА СПб. Ф. 416. Оп. 3. Д. 25. Л. 119*).

В марте 1877 г. министерство вошло с представлением в Госсовет о выдаче Балтийскому заводу очередной ссуды из казначейства в 1 700 000 руб. Однако Департамент государственной экономии признал за лучшее ликвидировать дела общества, а государственный контролер выразил мысль, что, несмотря на «неудобства казенного хозяйства, менее убыточным, казалось бы, приобрести даже этот завод в казну, нежели продолжать дальнейшую его поддержку на средства госказначейства» (*Всеподданнейший отчет, 1878: 21*).

Приобретение завода в государственную собственность означало перевод на казну всех его долгов (4,3 млн руб., находившиеся в обращении 409 облигаций на сумму 40 900 фунтов стерлингов, 4520 акций из 10 тыс. принадлежащих разным лицам по нарицательной стоимости 150 руб. всего на сумму до 1 млн руб.). Поэтому специально учрежденная комиссия предложила сохранить Балтийский завод в форме акционерного предприятия. Владея более чем половиной из числа всех акций, можно было контролировать деятельность его руководства. На реализацию этих целей сверх лимита было запрошено 1 млн 275 тыс. руб. Всего же казна выделила около 2 млн руб. на уплату долгов частным лицам, угрожавших заводу продажей его с аукционного торга (*ЦГИА СПб. Ф. 416. Оп. 3. Д. 25. Л. 119–121*).

Новый порядок управления позволил продолжить приостановленные работы и получить новый экстренный заказ на 30 миноносок, который был исполнен в 1878 г. Однако средств для окончания постройки фрегата «Герцог Эдинбургский» и клипера «Опричник» не осталось. Константин Николаевич ходатайствовал перед императором о «воспособлении ему отпуском необходимо нужных до следующего года 300 000 руб.». Александр II согласился лишь с тем условием, чтобы особая комиссия из чинов министерств финансов и морского, а также госконтроля, рассмотрев действия заводского управления, представила свои соображения о мерах, необходимых «для установления этого дела на более прочных началах, с ограждением казны от дальнейших обременительных жертв» (*Всеподданнейший отчет, 1880: 30*).

Сформированная 17 ноября 1879 г. комиссия рассмотрела три варианта решения вопроса: а) продажа завода другому частному обществу или лицу, на условиях уплаты казне всех сделанных ею по Балтийскому заводу затрат; б) взятие завода в казну; в) продолжение деятельности на прежних основаниях (*ЦГИА СПб. Ф. 416. Оп. 3. Д. 25. Л. 117–119*). Продажа частному лицу не была сочтена возможной по той причине, что долги общества в несколько раз превышали инвентаризационную стоимость заводского имущества. Продажа на других условиях, предполагавших погашение казне части долга с переводом остальной части на покупателя, не составляла интереса для правительства, поскольку в этом случае Морское министерство утрачивало право решающего влияния и постоянного контроля над заводом.

Вместе с тем в совместном докладе управляющий Морским министерством генерал-адъютант С.С. Лесовский и бывший министр финансов статс-секретарь М.Х. Рейтерн заявили о невозможности промышленным предприятиям добиться успеха на условиях казенного управления. Важнейшими препятствиями служили, по их мнению, малая заинтересованность в прибыльности производства, наличие лишних расходов по содержанию, отсталость в вопросах технического усовершенствования, которые отсутствовали в частной практике ввиду конкуренции.

Интересно, что еще в 1867 г. Русское техническое общество обсуждало вопрос, необходимо ли развивать машиностроительное дело в России, при каких условиях и можно ли соперничать с иностранцами в цене при постройке машин. Многие участники полемики, не понаслышке знакомые с проблемами отечественного производства, выступали за активную протекционистскую политику государства, утверждая, что «покровительствовать надобно делу, а не лицу и не отдельным личностям» (*Заседание, 1867: 149*). В качестве примера приводили деятельность завода К. Берда. Приехав в Россию в 1780-х гг. из Шотландии, он получил 30-летнюю привилегию на устройство и содержание пароходов; казна оплачивала действовавшую при его заведении школу для обучения 200–300 рабочих; ему предоставлялось исполнение масштабных работ по постройке Исаакиевского собора, Николаевской железной дороги и по заказам Морского министерства. Но даже при таких льготных условиях завод Берда не получил возможности существовать самостоятельно. По мнению В.А. Полетики (купленная им в 1857 г. вместе с П.Ф. Семянниковым литейная мастерская при покровительстве Морского министерства превратилась впоследствии в крупный кораблестроительный Невский завод), общество в России должно было знать, что все виды премий и субсидий уже испытаны в течение 80 лет и ни к чему не привели: «...имея свой завод, я постоянно думаю, как бы мне от него отделаться и взяться за какую-нибудь другую деятельность. И так думают почти все заводчики» (*Заседание, 1867: 143*). Спустя десять лет, став управляющим Балтийским заводом, М.И. Кази также признал, что «заводы, казенные и частные, которые приспособлены к постройке морских судов и машин, вызваны к жизни искусственно, потребностями морского ведомства и существуют лишь его заказами» (*РГА ВМФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 516. Л. 13*).

Подтверждением тому может служить окончившееся ничем дело о «нехозяйственных действиях» администрации завода, инициированное в 1881 г. государственным контролером Д.М. Сольским. Ему были предоставлены доклады главного командира Санкт-Петербургского порта Г.И. Бутакова, касавшиеся расчетов за машины для фрегатов «Герцог Эдинбургский» и «Минин», а также клиперов «Пластун», «Стрелок» и «Опричник». Из них следовало, что изготовление механизмов было поручено заводу на основании формальных договоров, с оплатой по числу

индикаторных сил, с тем, чтобы за каждую недостающую до установленной нормы силу завод не только терял право на установленную плату, но и подвергался штрафу. При испытании судов машины клиперов развили скорость, значительно превышавшую обусловленную договорами. По механизмам же фрегатов скорость оказалась значительно меньше контрактных обязательств (по «Герцогу Эдинбургскому» – на 1077,1 и «Минину» – на 1074 индикаторной силы). Следовало удержать 258 132 руб. и 161 332 руб. в виде штрафа. Однако в Адмиралтейств-Совете было признано целесообразным не подвергать завод никаким вычетам (*Всепопданнейший отчет, 1883: 47–48*). Возможно, подобная лояльность объяснялась тем, что и без того долг завода казне был огромен.

Выяснились и другие детали выполнения заказов. Когда в январе 1881 г. Балтийский завод обратился в Санкт-Петербургский порт с просьбой провести испытания образцов стали, предназначенной для работ по контракту с Морским министерством, контора потребовала указать ее происхождение, учитывая высочайшие повеления от 9 и 18 марта 1864 г. об использовании в судостроении только отечественных материалов. 4 февраля канцелярия министерства сообщила Г.И. Бутакову, что сталь куплена в Англии на основании устного разрешения управляющего ведомством А.А. Пешурова. Дело в том, что английская сталь приобреталась по 2,8 руб. за пуд, а расчеты с использованием стали Ижорского завода основывались на 5,5 руб. за пуд (*Кондратенко, 1999: 11*). По свидетельству Н.Н. Мамантова, глава министерства решал все важнейшие дела коллегиально, но по хозяйственным делам настаивал на заранее принятом решении: «Преимущественно такие разномыслия происходили только по делам двух морских заводов – Балтийского и Обуховского. Хозяйство этих заводов велось не без дефектов; Пешуров же шел на всевозможные для них льготы и послабления, но отнюдь не из корысти, как по этому поводу говорили его враги, и мне доподлинно известно, что первому заводу он покровительствовал единственно из стремления угодить Великому князю генерал-адмиралу, материально в том заводе заинтересованному» (*Мамантов, 1916: 88–89*).

В июне 1881 г. в газете А.А. Краевского «Голос» появились анонимные статьи, основанные на материалах очередного рапорта Г.И. Бутакова управляющему министерством А.А. Пешурову, в котором говорилось о росте долга завода казне с 1877 по 1879 г. более чем на 5 млн руб. Как сообщалось, М.И. Кази, в нарушение требования Александра II об употреблении в судостроении исключительно отечественных материалов, сохранив связи с британскими поставщиками, закупал сравнительно дешевые железо, сталь и готовые механизмы. С финансовой точки зрения его можно было понять. Одна строевая тонна обходилась Германии в 315 руб., Франции – 391, Италии и Австрии – по 397, Англии – 441, России – 817 руб. (*Шевырев, 1990: 156*). Но М.И. Кази отказался понизить стоимость работ по контракту, что газета объясняла его личной заинтересованностью (получением 10–25 % от «работ» завода) (*Кондратенко, 1999: 12*).

Ответное письмо М.И. Кази появилось 14 июля в «Стране». Он подчеркивал, что его доходы не выходят за рамки общепринятых в среде частных предприятий. Среднее вознаграждение управляющего за 1877–1878 гг. составило 53 016 руб. 24 коп., за 1879 г. – 4650 руб. 58 коп. Сославшись на существовавшую на заводах Берда и Путилова практику, Кази утверждал, что имеет не только легальное, но и нравственное право на получение части от чистой прибыли в результате дела, которым он управляет, тем более, что когда он принимал завод, предприятие приносило только убытки (*РГА ВМФ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 273*).

Как следует из отчетов, Балтийский завод, руководимый М. И. Кази, в период 1877–1892 гг. построил следующие суда и механизмы для Морского министерства (см. [таблицу 1](#)).

Таблица 1. Деятельность Балтийского судостроительного и механического завода 1877–1892 гг. (*Извлечение из отчетов, 1893*)

Время постройки	Дата окончательной сдачи в казну	Наименование	Корпус, водоизмещение, т	механизм, инд. сил
Суда, которые на момент увольнения М.И. Кази были сданы казне				
1877	1878	25 одновинтовых миноноски по 23 т	575	5,500
1877	1878	2 одновинтовых миноноски по 23 т.	46	-
1877	1878	миноноска «Чижик»	28	220
1877	1878	миноноска «Глухарь»	33	220
1877	1878	миноноска «Ворон»	22	220
1877	1878	фрегат «Минин»	5940	5700
1877	1880	фрегат «Герцог Эдинбургский»	5200	5700
1877	1880	клипер «Пластун»	1334	1500
1877	1880	клипер «Стрелок»	1334	1500

1877	1880	клипер «Опричник»	1334	1500
1880	1881	корвет «Витязь», переименован в «Скобелев»	-	1500
1880	1884	фрегат «Владимир Мономах»	5754	7000
1880	1884	фрегат «Дмитрий Донской»	-	7000
1884	1885	двухвинтовая миноноска «Котлин»	67	450
1885	1887	минный крейсер «Лейтенант Ильин»	600	-
1883	1888	крейсер «Адмирал Нахимов»	8200	7500
1885	1889	корабль «Екатерина II»	-	9000
1885	1890	корабль «Александр II»	-	8500
1885	1890	крейсер «Память Азова»	6200	8500
1886	1891	минный крейсер «Капитан Сакен»	-	2200
1886	1891	императорская яхта «Полярная звезда»	3900	6000
1889	1892	корабль «Двенадцать Апостолов»	-	8500
Итого			40568	88310

Кроме того, в течение 1881–1892 гг. завод изготовил 11 паровых машин и переоборудовал яхту «Мари» в миноносную лодку. Мы полагаем, что одна из главных причин успешной работы состояла в том, что на протяжении 1860–1870-х гг. министерство строило не столько флот, сколько его промышленную базу, а приход М.И. Кази на Балтийский завод совпал по времени с началом активной производственной деятельности, дополненной модернизацией предприятия.

В 1881 г. назначенная Морским министерством комиссия пришла к заключению, что дела акционерного общества должны быть немедленно ликвидированы, а завод взят в казну путем приобретения всех акций и облигаций, находившихся в обороте ([Всеподданнейший отчет, 1883: 54](#)). Морское министерство запросило сверхсметные ассигнования для приобретения всех 308 облигаций, безвозмездно получив при этом 2925 акций общества. Остальные, за исключением 1091 вышедшей в тираж облигации, находились на депозитах канцелярии Морского министерства в виде залогов по выданным обществу ссудам, значительно превышавшим стоимость облигаций. Имея в своих руках все облигации и владея значительным числом акций (8405 из 10000), государство становилось полномочным распорядителем дел Балтийского общества. Такое положение дел позволило на общем собрании акционеров, созванном в 1884 г. по требованию Морского министерства, утвердить следующие решения: работы на заводе не останавливать, полномочия Балтийского общества прекратить и впредь до окончательного его закрытия возложить на ликвидационную комиссию, наделенную теми же правами, что и правление. Ее деятельность регламентировалась особой инструкцией и завершилась спустя десять лет 1 июня 1894 г. ([Ковалевский, 2016: 31](#)).

По мнению В.В. Поликарпова, «правительства трех последних императоров испытали разные способы экспроприации промышленных предприятий... Опытным путем удалось выработать настолько совершенную процедуру отъема, что явного вторжения в собственнические права не требовалось: чуть ли не само собой выходило, что собственник так или иначе утрачивал свое право (продавал свои паи или акции или оказывался банкротом), и его завод переходил к казне» ([Поликарпов, 2015: 326–327](#)).

Между тем, результаты деятельности общества, когда оно стало подконтрольным казне, впечатляющи. В течение десятилетия деятельности ликвидационной комиссии (1884–1894 гг.) производительность предприятия увеличилась с 1 941 895,56 до 4 135 548,93 руб. Учитывая принятое решение о взятии завода в казну, больше средств расходовалось на расширение территории, создание новых мастерских и модернизацию оборудования. Об этом свидетельствуют следующие цифры. На 1 января 1884 г. заводские строения и земля оценивались в 1 320 635,64 руб., машины, станки и прочие инвентарное имущество – в 579 155,18 руб. Через 10 лет стоимость основных фондов завода составила 2 398 287,67 руб., цена заводского оборудования достигла 1 320 995,10 руб. В течение 1890–1891 гг. территория предприятия увеличилась за счет приобретения соседних участков на 16 182 квадратных сажень общей стоимостью 201 645,10 руб. С 1886 по 1891 гг. было израсходовано 845 028,04 руб. на постройку нескольких новых зданий под мастерские и 1 033 474,55 руб. на их оборудование. В 1891 г. приступили к строительству каменного эллинга. Он обошелся в 689 000,52 руб., причем 631 889,61 руб. заплатило морское ведомство и только 37 799,91 руб. завод. Еще 60 000 руб. потребовалось на модернизацию, связанную с отведением Кожевенной линии. В 1893 г. было завершено строительство здания для электрической станции стоимостью в 32 887,15 руб. ([Исторический очерк, 1896: 14–16](#)).

В [таблице 2](#) представлены результаты деятельности Балтийского завода в период управления ликвидационной комиссией.

Таблица 2. Суда и механизмы, изготовленные Балтийским заводом в период работы ликвидационной комиссии с 1884 по 1894 гг. ([Исторический очерк, 1896](#))

п/п	Наименование	Водоизмещение, т	Механизм, инд. сил
1	крейсер 1 ранга «Адмирал Нахимов»	8200	7,500
2	миноносец «Котлин»	67	-
3	минный крейсер «Лейтенант Ильин»	600	-
4	эскадренный броненосец «Екатерина II»	-	9000
5	минный крейсер «Капитан Сакен»	-	2200
6	эскадренный броненосец «Александр II»	-	8500
7	крейсер «Память Азова»	6200	8500
8	императорская яхта «Полярная звезда»	3900	6000
9	эскадренный броненосец «Двенадцать Апостолов»	-	8500
10	канонерская лодка «Отважный»	1492	-
11	эскадренный броненосец «Гангут»	-	6000
12	крейсер 1 ранга «Рюрик»	10933	13250
13	броненосец береговой обороны «Адмирал Ушаков»	4136	-
Итого		35518	69450

Таким образом, с 1884 по 1894 гг. Балтийским заводом было построено 8 судов общим водоизмещением 35 518 тонн и изготовлено 9 механизмов общей мощностью 69 450 индикаторных сил.

Прибыль с 1885 по 1891 гг. составила 940 182 руб. 15 коп. Однако ее оказалось недостаточно для погашения дефицита, который ежегодно увеличивался вследствие одного только приращения процентов по купонам облигаций. Было ясно, что лишь ликвидация Балтийского общества с изъятием из обращения акций и облигаций даст возможность направлять прибыль, ежегодно шедшую на погашение растущего дефицита, в казну. Общим собранием акционеров от 4 октября 1891 г. было решено существование Балтийского железодельного, судостроительного и механического общества прекратить, Морскому министерству предложить приобрести Балтийский завод в казну со всем его движимым и недвижимым имуществом в счет возмещения следовавшего ему долга – за сумму 2 174 780 руб. 12 коп. На этих условиях с 9 апреля 1894 г. Балтийский завод перешел в собственность государства.

1 июля 1893 г. М.И. Кази оставил Балтийский завод, не считая для себя возможным управлять предприятием в связи с предстоящим окончательным его взятием в казну. С согласия управляющего Морским министерством ликвидационная комиссия на освободившуюся должность пригласила главного корабельного инженера Николаевского порта К.К. Ратника, который занял ее 1 декабря 1893 г.

5. Заключение

Государство вынужденно расширяло казенный сектор, чтобы гарантировать своевременное и бесперебойное выполнение заказов. Еще в 1860-е гг. правительство признало, что казенное управление является для государства нецелесообразным и невыгодным, но не желало в удовлетворении нужд обороны зависеть от частной промышленности ([Гиндин, 1980: 144](#)). По мнению исследователя Р.В. Кондратенко, жесткий подход Морского министерства к частным судостроительным предприятиям, «вопреки собственным декларациям о необходимости содействовать им», объяснялся в основном его желанием максимально ограничить свои расходы ([Кондратенко, 2006: 152–153](#)). Наличие правительственного влияния и поставленного во главе заводской администрации должностного лица министерства, не заинтересованного в его деятельности, не позволяла заводу распоряжаться своими главными капиталами, и заставляла работать исключительно по долгам казны, что в свою очередь влекло за собой и отсутствие рисков, неизменных в частной предпринимательской заводской деятельности. И действительно, владельцы предприятия при исполнении контрактов, денег, как правило, не считали, стоимость заказов определялась по фактическим затратам, которые обычно завышались, поскольку от этого зависел и

размер премий. Имели значение и интересы крупных чиновников, регулярно получавших премии от «дутых» заводских прибылей. Можно согласиться с мнением государственного контролера С.А. Грейга, что с самого начала все в Балтийском обществе было фиктивно: и акционерная форма предприятия, и капитал, и основания частного кредита (*Всепопданнейший отчет, 1878: 23*). В этих условиях государству не оставалось ничего иного, как попытаться пресечь эту «азартную игру в промышленность».

Литература

- Всепопданнейший отчет, 1878* – Всепопданнейший отчет государственного контролера за 1877 г. СПб.: тип. 2 Отд. СЕИВ канцелярии, 1878. 175 с.
- Всепопданнейший отчет, 1880* – Всепопданнейший отчет государственного контролера за 1879 г. СПб.: тип. 2 СЕИВ канцелярии, 1880. 165 с.
- Всепопданнейший отчет, 1883* – Всепопданнейший отчет государственного контролера за 1882 г. СПб.: гос. тип., 1883. 140 с.
- Гиндин, 1980* – *Гиндин И.Ф.* Антикризисное финансирование предприятий тяжелой промышленности (конец XIX – начало XX в.) // *Исторические записки.* 1980. Т. 105. С. 105–149.
- Государственный капитализм, 1980* – Государственный капитализм в России (материалы теоретического семинара академика В.А. Мартынова) // *Мировая экономика и международные отношения.* 2008. № 12. С. 3–25.
- Заседание, 1867* – Заседание членов РТО 29 марта 1867 г. // *Записки Русского технического общества.* 1867. Вып. 3. С. 139–155.
- Зяблук, Титова, 2017* – *Зяблук Р.Т., Титова Н.И.* Особенности российского капитализма (обзор конференции) // *Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика.* 2017. № 3. С. 157–171.
- Извлечение, 1896* – Извлечение из отчетов Балтийского судостроительного и механического завода 1877–1892 гг. об оборотах бывшего Правления, а с 1885 г. Ликвидационной комиссии и о действиях Балтийского завода. СПб., первая скоропечатная П.О. Яблонского, 1893. 12 с.
- Исторический очерк, 1896* – Исторический очерк существования и деятельности Балтийского судостроительного и механического завода. СПб., тип. О. Кранга, 1896. 16 с.
- Ковалевский, 2016* – *Ковалевский Д.Г.* Реформа управления Балтийского завода в 1881–1883 гг., ее характер и причины неудач // *Вестник Екатеринбургского института.* 2016. № 2 (34) июль. С. 27–31.
- Кондратенко, 1999* – *Кондратенко Р.В.* Г.И. Бутаков против М.И. Кази // Третьи петербургские военно-исторические чтения молодых ученых. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. С. 10–13.
- Кондратенко, 2006* – *Кондратенко Р.В.* Морская политика России 80-х гг. XIX века. СПб.: Лекто, 2006. 344 с.
- Кузнецов и др., 1970* – *Кузнецов К.А., Лившиц Л.З., Плясунов В.И.* Балтийский судостроительный (1856–1917). Т. 1. Л.: Судостроение, 1970. 559 с.
- Мамантов, 1916* – *Мамантов Н.Н.* При шести министрах (1875–1897 гг.) // *Вестник Общества ревнителей истории.* 1916. Вып. 3. С. 80–97.
- Перетц, 1927* – *Перетц Е.А.* Дневник (1880–1883). М.; Л., 1927. 171 с.
- Поликарпов, 2015* – *Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика, 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. М.: Центрполиграф, 2015. 281 с.
- РГА ВМФ* – Российский государственный архив военно-морского флота.
- ЦГИА СПб* – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.
- Шаццлло, 1968* – *Шаццлло К.Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны (1906–1914 гг.). М.: Наука, 1968. 367 с.
- Шаццлло, 1992* – *Шаццлло К.Ф.* Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX в. – 1914 г. М.: Наука, 1992. 270 с.
- Шевырев, 1990* – *Шевырев А.П.* Русский флот после Крымской войны: либеральная демократия и морские реформы. М.: Изд-во МГУ, 1990. 184 с.

References

- Vsepoddanneishii otchet, 1878* – Vsepoddanneishii otchet gosudarstvennogo kontrolera za 1877 g. [The Most Beloved Report of the State Comptroller for 1877]. Saint Petersburg: Typography of the 2nd Office of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1878. 175 p.
- Vsepoddanneishii otchet, 1880* – Vsepoddanneishii otchet gosudarstvennogo kontrolera za 1879 g. [The Most Beloved Report of the State Comptroller for 1879]. Saint Petersburg: Typography of the 2nd Office of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1880. 165 p.
- Vsepoddanneishii otchet, 1883* – Vsepoddanneishii otchet gosudarstvennogo kontrolera za 1882 g. [The Most Beloved Report of the State Comptroller for 1882]. Saint Petersburg: State Typograpy, 1883. 140 p.
- Gindin, 1980* – *Gindin I.F.* (1980). Antikrizisnoe finansirovanie predpriyatii tyazheloi promyshlennosti (konets XIX – nachalo XX v.) [Anti-crisis financing of heavy industry enterprises (late 19th – early 20th century)]. *Istoricheskie zapiski*, vol. 105, pp. 105–149. [in Russian]

[Gosudarstvennyi kapitalizm, 1980](#) – Gosudarstvennyi kapitalizm v Rossii (materialy teoreticheskogo seminaru akademika V.A. Martynova) [State Capitalism in Russia (materials of the theoretical seminar of Academician V.A. Martynov)]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2008, no. 12, pp. 3–25. [in Russian]

[Zasedanie, 1867](#) – Zasedanie chlenov RTO 29 marta 1867 g. [Meeting of members of the Russian Technical Society at March 29, 1867]. *Zapiski Russkogo tekhnicheskogo obshchestva*, 1867, is. 3, pp. 139–155. [in Russian]

[Zyablyuk, Titova, 2017](#) – *Zyablyuk R.T., Titova N.I.* (2017). Osobennosti rossiiskogo kapitalizma (obzor konferentsii) [Features of Russian capitalism (review of the conference)]. *MSU Vestnik. Series 6. Economics*, № 3, pp. 157–171. [in Russian]

[Izvlechenie, 1896](#) – Izvlechenie iz otchetov Baltiiskogo sudostroitel'nogo i mekhanicheskogo zavoda 1877–1892 gg. ob oborotakh byvshego Pravleniya, a s 1885 g. Likvidatsionnoi komissii i o deistviyakh Baltiiskogo zavoda [Extract from the reports of the Baltic Shipbuilding and Mechanical Plant of 1877–1892 on the turnover of the former Board, and since 1885 the Liquidation Commission and the actions of the Baltic Plant]. Saint Petersburg, the first typography of P.O. Yablonskii, 1893. 12 p.

[Istoricheskii ocherk, 1896](#) – Istoricheskii ocherk sushchestvovaniya i deyatel'nosti Baltiiskogo sudostroitel'nogo i mekhanicheskogo zavoda [Historical outline of the existence and activities of the Baltic Shipbuilding and Mechanical Plant]. Saint Petersburg, typography of O. Krant, 1896. 16 p.

[Kovalevsky, 2016](#) – *Kovalevsky D.G.* (2016). Reforma upravleniya Baltiiskogo zavoda v 1881–1883 gg., ee kharakter i prichiny neudach [Reform of the management of the Baltic plant in 1881–1883, its nature and the reasons for its failure]. *Bulletin of Catherine the Great Institute*, N 2 (34) July, pp. 27–31. [in Russian]

[Kondratenko, 1999](#) – *Kondratenko R.V.* (1999). G.I. Butakov protiv M.I. Kazi [G.I. Butakov against M.I. Kazi]. *Tret'i peterburgskie voenno-istoricheskie chteniya molodykh uchenykh*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University, pp. 10–13. [in Russian]

[Kondratenko, 2006](#) – *Kondratenko R.V.* (2006). Morskaya politika Rossii 80-kh gg. XIX veka [Russian Marine policy at the 80s of the 19th century]. Saint Petersburg: LeKo, 344 p. [in Russian]

[Kuznetsov i dr., 1970](#) – *Kuznetsov K.A., Livshits L.Z., Plyasunov V.I.* (1970). Baltiiskii sudostroitel'nyi (1856–1917) [Baltic Shipbuilding (1856–1917)], vol. 1. Leningrad: Sudostroenie, 559 p. [in Russian]

[Mamantov, 1916](#) – *Mamantov N.N.* (1916). Pri shesti ministrakh (1875–1897 gg.) [With six ministers (1875–1897)]. *Vestnik Obshchestva revnitatelei istorii*. is. 3, pp. 80–97.

[Peretts, 1927](#) – *Peretts E.A.* (1927). Dnevnik (1880–1883) [The Diary (1880–1883)]. Moscow; Leningrad, 171 p.

[Polikarpov, 2015](#) – *Polikarpov V.V.* (2015). Russkaya voenno-promyshlennaya politika, 1914–1917. Gosudarstvennye zadachi i chastnye interesy [Russian military-industrial policy, 1914–1917. State tasks and private interests]. Moscow: Tsentrpoligraf. 281 p. [in Russian]

[RGA VMF](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv voenno-morskogo flota [Russian State Archive of the Navy].

[TsGIA SPb](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archives of St. Petersburg].

[Shatsillo, 1968](#) – *Shatsillo K.F.* (1968). Russkii imperializm i razvitie flota nakanune Pervoi mirovoi voiny (1906–1914 gg.) [Russian imperialism and the development of the fleet on the eve of the First World War (1906–1914)]. Moscow: Nauka, 367 p. [in Russian]

[Shatsillo, 1992](#) – *Shatsillo K.F.* (1992). Gosudarstvo i monopolii v voennoi promyshlennosti Rossii. Konets XIX v. – 1914 g. [The state and monopolies in the military industry of Russia. The end of the 19th century – 1914]. Moscow: Nauka, 270 p. [in Russian]

[Shevyrev, 1990](#) – *Shevyrev A.P.* (1990). Russkii flot posle Krymskoi voiny: liberal'naya demokratiya i morskoe reformy [Russian fleet after the Crimean War: liberal democracy and maritime reforms]. Moscow: MSU publishing house, 184 p. [in Russian]

Реорганизация частного Балтийского литейного, механического и строительного завода в государственное предприятие в конце XIX в.

Денис Георгиевич Ковалевский ^{a, *}, Елена Дмитриевна Твердюкова ^b

^a Военно-морская академия, Российская Федерация

^b Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем, связанных с развитием государственно-монополистических отношений в броненосном судостроении России. Рассмотрены

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Kovalevskiy1963@mail.ru (Д.Г. Ковалевский), e.tverdnyukova@spbu.ru (Е.Д. Твердюкова)

вопросы передачи частного Балтийского литейного, механического и строительного завода в Чекушах в казну в конце XIX в. Исследуются следующие проблемы: являлось ли вмешательство государства вынужденным, вследствие неспособности бизнеса обеспечивать конкурентоспособность выпускавшейся продукции (по качеству и стоимости)? Могло ли государство распоряжаться собственностью эффективнее частных предпринимателей? Имела ли место попытка установить монопольный контроль над рынком со стороны структур, имевших связи в правительственных сферах, финансово заинтересованных в переделе собственности? Рассмотрен процесс банкротства частного предприятия Т. Карра и М. Макферсона, занимавшего лидирующие позиции в железном судостроении России в конце XIX в. Исследован механизм приобретения стратегического, с точки зрения безопасности морских рубежей страны, завода в совместную собственность чиновниками Морского ведомства и подданными Британской империи. Проанализированы причины взятия исключительно важного для Военно-морского флота России завода под государственный контроль. Охарактеризована деятельность казенного по форме предприятия, но работавшего на коммерческих принципах.

Ключевые слова: Россия, Балтийский завод, судостроение, броненосный флот, казенная промышленность, государственный капитализм.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 349-359. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.349
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Development of National Education in the Cities of Western Siberia: From Initial to General Education (1880–1917)

Alexander B. Khramtsov ^{a,*}

^a Tyumen industrial university, Russian Federation

Abstract

In article development of national education in the cities of Western Siberia is considered (1880–1917). Three stages are allocated: 1) activization of education (1880–1892): establishment of societies of care about primary education, the uchilishchnykh of the commissions, sunday schools, election of the management of educational institutions; 2) modernizations (1892–1907): equipment of educational infrastructure, introduction of scholarship funds for support of talented and poor pupils; 3) transition to general elementary education (1908 – February, 1917): transfer of city schools in the highest initial schools, creation of school network, opening of teacher's institutes. It is established that the level of development of education in the cities of the region didn't correspond to inquiries of intensively growing edge economy. On construction of new buildings of schools, their equipment and providing with pedagogical shots considerable means were required. Development of national education restrained owing to deficiency of city finance, the shortage of teachers, etc. In the solution of problems of education consolidation of efforts of the city authorities and public organizations was observed. By the beginning of 1917 the formation of school networks on the West Siberian educational district was completed, but steadily amplifying demand for education hasn't been satisfied. Everywhere it wasn't succeeded to carry out transition to general elementary education.

Keywords: education, national education, elementary education, general education, school network, educational institution, school.

1. Введение

Процесс активизации просвещения широких масс населения на территории Западной Сибири начался значительно позднее, чем в европейской части страны. Интенсивное освоение края во второй половине XIX в. вызвало потребность в повышении грамотности населения, учреждении начальных школ и подготовке собственных квалифицированных работников.

По подсчетам А.Н. Куломзина, в Сибири отмечалась наибольшая численность детей школьного возраста, оставшихся без обучения: 391 861 чел. (на 1898 г.), для них требовалось открыть 7 836 школ, а ежегодный прирост детей 8–11 лет составлял 6 289 человек – это 128 новых школ в год. Стоимость обучения одного учащегося колебалась от 5 руб. 59 коп. (Тобольская губ.) до 56 руб. 79 коп. (Якутская обл.), в среднем – 13 руб. в год. Стоимость школы на 50 человек – 650 руб. По результатам проведения ревизии края чиновник подчеркивал важность «не столько умножения школ до пределов всеобщего обучения, сколько учреждения хороших школ». Два лозунга – «доступность» и «всеохватность» – выдвигались в деле развития народного образования в регионе (Куломзин, 1898: 2). Острая необходимость в открытии школ и развитии просвещения сибиряков приводит неравнодушных граждан к идее создания обществ попечения о начальном образовании.

* Corresponding author

E-mail addresses: khramtsov_ab@bk.ru (A.B. Khramtsov)

2. Материалы и методы

Источниковую основу этой работы составляет обширный перечень документов и материалов, собранных и систематизированных в соответствии с целью исследования. Большая их часть ранее не использовалась и впервые извлечена из фондов региональных архивов Новосибирской, Томской и Тюменской областей: протоколы собраний городских дум и общественных объединений, журналы заседаний попечительских советов, отчеты, переписка и др. Другая часть источников представляют статистические обзоры, заметки газет, исторические очерки, а также опубликованные отчеты учебных заведений.

Теоретико-методологической основой исследования является цивилизационный подход, при котором исторический процесс базируется на принципах непрерывности и неразделимости элементов общественной системы. Сфера народного образования рассматривается как результат целенаправленной деятельности органов власти и общества в неразрывной связи с реальностью.

Данная статья строится на использовании как общенаучных, так и конкретно-исторических методов исследования. К общенаучным приемам познания относятся принципы историзма и научной объективности в контексте которых каждое явление (процесс) рассматривается в его многогранности, противоречивости, развитии и взаимосвязи с условиями действительности. Процесс развития народного образования в городах региона дают возможность раскрыть методы – сравнительный, типологический, системный, генетический. Применение статистических методов позволяет избежать описательности и необоснованных выводов, предполагает аналитический подход к выявлению и изучению ключевых вопросов развития данной сферы.

3. Обсуждение

Первые исследования о развитии просвещения населения в Российской империи появились в конце XIX в. В частности, оценка состояния народного образования дана в обзоре деятельности Министерства народного просвещения (МНП) за 100 лет. Автор осветил реформы в этой сфере и привел данные о численно-социальном составе учащихся ремесленных и реальных училищ (Рождественский, 1902). Среди дореволюционных работ выделим очерки о работе отдельных учебных заведений в Сибири, которые обобщают фактический и статистический материал, что важно для оценки преобразований и этапов развития образования в городах региона (Маляревский, 1896; Виноградов, 1910).

В советское время наблюдался спад интереса исследователей к изучению истории развития народного образования в крае. Пожалуй, очерк Н.С. Юрцовского является единственным крупным изданием по истории сибирской школы с момента ее основания до 1917 г. (Юрцовский, 1923). Более того, советская историография утверждала о неспособности и нежелании царского правительства решать проблемы развития народного образования на местах, что опровергается современными публикациями.

В 1980–1990-е гг. заметно расширился и углубился исследовательский интерес к проблеме. Значительный вклад в изучение истории народного образования в Сибири внесли ученые из вузов Новосибирска, Томска, Тюмени, Омска, Барнаула и Кемерово, которые обеспечили переход от сбора и описания исторических фактов к их научному анализу, систематизации и объективному познанию историко-педагогического наследия (Прибыльский, Невский, 1992).

В современных работах исследователи анализируют уровень грамотности населения, динамику численности учащихся всех типов учебных заведений, расходы на содержание учебных заведений и другие вопросы. В частности, авторы рассматривается история светской школы Тобольской губернии на рубеже XIX–XX вв. (Сулимов, 2004), проблема развития начального образования в Западно-Сибирском учебном округе в связи с планами введения всеобщего обучения (Войтеховская, 2011), опыт создания школьной сети и перспективы введения всеобщего начального образования в Восточной Сибири (Наумова, 2015), роль и место сибирского студенчества в научно-исследовательской и культурно-просветительной жизни региона (Ustinova, Skifskaya, 2017).

Следует отметить избирательное внимание исследователей к отдельным вопросам, сюжетам и учебным заведениям. Комплексно процесс развития народного образования с выделением этапов (систематизацией) фактически не освещен. Отрывочность привлеченных в работах источников не позволяет воссоздать полную картину развития народного образования в городах региона, выделить общее и особенное, устранить неточности, создать основу для междисциплинарных исследований, сделать более объективное заключение, восстановить историческую справедливость. Данная работа предназначена в некоторой степени восполнить этот пробел.

4. Результаты

Развитие начального обучения в России осуществлялось посредством четырех общих типа школ: 1) министерские образцовые (двухклассные) школы; 2) одноклассные училища МНП в ведении училищных советов и дирекций народных училищ; 3) церковно-приходские училища и 4) школы грамотности.

В Западной Сибири конца XIX в. начальные школы относились в большей степени к городам, где на 1000 жителей в среднем обучалось 25 человек. Для сравнения: в европейской России 50 и

более, а «в культурных государствах мира на 1000 жителей... 150, а в некоторых более 200 детей» (Виноградов, 1910: 23).

В сибирских городах основным механизмом развития народного образования стали органы местного самоуправления (думы и управы) и общественные деятели. Гласные дум понимали, что без широкой поддержки населения решить насущные проблемы в сфере образования им не под силу. Постепенно общественность приобщалась к просветительной работе.

Повсеместное внимание к проблеме позволяет нам выделить *первый этап* – активизации просвещения в городах Западной Сибири (1880–1892 гг.).

Бесспорным лидером в деле просвещения сибиряков стал г. Томск. В 1879–1880-м учебному году здесь действовало 10 низших учебных заведений и те были переполнены. В них всего обучалось 844 человек (481 мальчик и 363 девочки), из них 68 % принадлежали к мещанскому сословию. В городе с 35 тыс. жителей количество учащихся было крайне ничтожно (более 4 тыс. детей оставались без образования) (Отчет, 1880: 3, 6).

Постепенно ситуация менялась: 2 апреля 1880 г. П.И. Макушин, обрисовав в Томской городской думе состояние местных школ, указал на необходимость заботы о них со стороны думы и предложил учредить городскую исполнительную училищную комиссию из гласных и почетных блюстителей. Дума приняла это предложение и избрала инициатора председателем комиссии. Макушин стремился объединить усилия в этой сфере думы и местного общества. В том же году он представил на рассмотрение думы проект устава «Общества друзей начального образования в г. Томске», главная идея которого – «Начальное образование должно быть всем доступно» (Адрианов, 1912: 89).

В 1882 г. такое общество открывается в Томске. Через два месяца после открытия, оно имело в кассе более 1 тыс. руб., а в первый же год своей работы ассигновало городу 600 руб. на нужды образования. Львиную долю средств выделили члены-учредители общества: А.В. Адрианов, Некрасов, ученый и общественный деятель, известные семейства купцов Богомоловых, Макушиных, Некрасовых, поляк, врач Ф.Ф. Оржешко, И.С. Китновский и др. Причем 80 % учредителей обществ состояли гласными городской думы (Отчет, 1882: 12-13).

Просветительную инициативу подхватили другие города. Устав томского общества после его издания в числе 3 тыс. экземпляров быстро был распродан. Устав за основу взяли многие общества, основанные в городах региона: Омск, Барнаул и Бийск (1884 г.), Семипалатинск и Каинск (1887 г.), Курган, Ишим и Колывань (1891 г.), Кокчетав (1906 г.) и Новониколаевск (1909 г.). В 1880–1890-е гг. прокатилась «волна» учреждения просветительных обществ в Сибири. В Омске также организуется Общество для устройства народных чтений (1882 г.). В Тобольске такое объединение появилось по инициативе гласного думы А.С. Суханова в 1892 г. В Тобольской губернии на 1911 г. действовало 10 обществ с задачами просвещения (ГА в г. Тобольске. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 45. Л. 10).

В Тобольске, Омске, Тюмени, Барнауле, Новониколаевске, Бийске, Иркутске, Красноярске и других городах училищные (школьные) комиссии при городских думах составляли активные члены школьных обществ, они же назначались городскими управлениями почетными блюстителями учебных заведений. В руководстве большинства обществ, в свою очередь, неизменно был постоянный член, избравшийся местной думой. Городские училищные комиссии рассматривали насущные вопросы развития школьного дела в городах региона, например, о школьных завтраках, о воскресных школах, об увеличении штатов запасных учащихся, ежегодное составление сметы на нужды народного образования, подбор кандидатов на учительские должности, об открытии библиотек, читален, музеев и др. (ГАНО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 162. Л. 75).

В Барнауле действовали лишь два учебных заведения: мужское двухклассное городское училище и женская начальная школа. 15 сентября 1885 г. общими усилиями города и барнаульцев была открыта Нагорная школа на 50 учеников. В 1886 г. для школы выстроили новое двухэтажное здание. Обучались в нем бесплатно дети обоих полов, а наиболее нуждающиеся обеспечивались учебниками, письменными предметами, завтраками и одеждой. После окончания школы наиболее способным детям помогали продолжить образование.

7 октября 1884 г. по инициативе учителя В.К. Штильке открывается Барнаульское общество попечения о начальном образовании, которым организованы народные чтения и воскресные школы для обучения взрослых грамоте (Очерк, 1895: 55). Членам общества зачастую приходилось сталкиваться с бюрократизмом чиновников, так как для реализации просветительных акций требовалось «дозволение свыше» и часто не хватало средств.

В 1874 г. МНП принимает «Положение о начальных народных училищах в Западной Сибири», которым по образцу земских губерний учреждаются специальные органы управления школьным делом в сибирских губерниях: дирекции народных училищ, уездные училищные советы и районные инспекторы народных училищ (РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 616. Л. 5-8).

С 1 июля 1885 г. правительство учреждает Западно-Сибирский учебный округ, в состав которого вошли Тобольская и Томская губернии, Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская (выведена из округа в 1889 г.) области, которые имели огромную территорию и низкую плотность населения, что часто ставило перед центральной властью вопрос о финансовой целесообразности открытия государственных училищ (Маляревский, 1896: 20).

В городах региона обществами попечения о начальном образовании организуются воскресные школы: Томск (1881), Иркутск (1885), Минусинск (1889), Красноярск (1889), Енисейск (1893), Тобольск (1894), Тюмень (1894), Омск (1894), Курган (1895), Барнаул (1897), Ишим (1898), Кузнецк (1902). Большинство воскресных школ были смешанного типа (для мальчиков и девочек) и содержались на средства обществ. В них бесплатно обучали грамоте, Закону Божьему и арифметике. Скажем, в Тюмени такую школу открыло общество попечения об учащихся в уездном и начальном училищах города 4 декабря 1894 г. Первоначально школа была мужская, но вследствие малого числа учеников, ее преобразовали в женскую. За 1895–1903 гг. в ней прошли обучение 532 ученицы. Расход на 1 ученицу составил в среднем 1 руб. 28 коп. (Вольфсон, 1903: 190-192). Однако после первой русской революции наблюдалась тенденция к прекращению их работы. На 1911 г. в Тобольской дирекции осталось лишь две школы (в Кургане и Ишимском уезде).

Второй этап – модернизации (1892–1907 гг.) обусловлен проведением реформ городского и губернского управления в Западной Сибири, оказавших влияние на характер, масштаб и вектор развития политики в сфере образования.

Городовое положение 1892 г. предписывало городским управлениям учреждать, содержать и развивать учреждения народного образования, музеи, библиотеки и театры (Положение, 1892). При этом ключевая роль в вопросах развития народного образования отводилась губернаторам и губернским управлениям. Постановления городских дум по важным вопросам местного хозяйства утверждались губернским управлением. Административная опека зачастую «гасила» общественные инициативы, ряд проектов «заворачивался», а в целом процесс просвещения населения бюрократизировался.

В 1890-е гг. усилия городов и обществ попечения о начальном образовании консолидировались в решении проблем развития народного образования. Учебные заведения содержались на средства из разных источников (многоканальная система финансирования): казна, города, церковь, общественные организации, меценаты. Заметно возросли расходы на нужды начального обучения, в частности в Томской губернии: в пропорции – из казны (34,8 %), от городов (21 %), из земских сборов (22,2 %), от сельских обществ (10 %) и частных пожертвований (11 %) (ГАТомО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2949. Л. 112-118).

Во всех сибирских городах открылись учебные заведения различного разряда (низшие, начальные школы, приходские и реальные училища, прогимназии, гимназии и др.). Подавляющее большинство из них принадлежали к числу начальных – 96,5 %. В городах самым распространенным типом являлись приходские училища, учрежденные по Уставу 8 декабря 1828 г. (Устав, 1828: 1097-1127). Так, за 20 лет (1890–1909 гг.) количество городских приходских училищ в двух губерниях выросло почти в 2 раза, с 46 до 89 (табл. 1). Более быстрыми темпами росло число училищ в городах Томской губернии. Динамика численности учащихся в городских приходских училищах в двух губерниях показывает неуклонно растущий спрос населения на образование – за 20 лет количество учащихся возросло в 3 раза (табл. 2), что свидетельствует о ложности утверждения советских историков о неспособности и нежелании царского правительства развивать народное образование на местах.

Таблица 1. Количество городских приходских училищ в Тобольской и Томской губерниях на 1890, 1900 и 1909 гг. (Книжка, 1890; Книжка, 1900; Книжка, 1909)

№	Тобольская губерния	Количество училищ			Томская губерния	Количество училищ		
		1890 г.	1900 г.	1909 г.		1890 г.	1900 г.	1909 г.
1	Тобольск	2	4	6	Томск	16	20	28
2	Тюмень	5	8	8	Барнаул	2	5	8
3	Курган	3	4	7	Бийск	3	3	4
4	Ишим	1	1	1	Каинск	1	2	3
5	Тара	1	2	2	Кузнецк	2	2	2
6	Тюкалинск	1	1	1	Кольвань	1	1	2
7	Турунск	1	1	1	Мариинск	2	1	2
8	Ялуторовск	1	1	1	Нарым	1	1	1
9	Березов	2	1	1	Новониколаевск	статус города с 28.12.1903	10	
10	Сургут	1	1	1				
	Всего	18	24	29	Всего	28	35	60

Более лучшее состояние (финансовое, по оснащению учебных помещений, по образовательному цензу учителей) имели средние учебные заведения: гимназии, прогимназии и реальные училища. Их численность в городах понемногу росла: на 1882 г. мужских – 3 гимназии и 2 реальных училищ (1087 учащихся), 1896 г. – 4 гимназии, 2 реальных училищ и 1 прогимназия (1314 учащихся), 1906 г. – 4 гимназии и 4 реальных училищ, прогимназий нет, а число учащихся возросло в 2 раза, до 2411 (Юрцовский, 1923: 63).

Постепенно в городах региона формировалась сеть учебных заведений и их инфраструктура. В Кургане городская управа в 1879 г. приобрела для женской прогимназии двухэтажный каменный дом за 13,7 тыс. руб., из них 3 тыс. руб. пожертвовал председатель ее попечительного совета Д.И. Смолин (Хроники, 2002: 48). Городская власть Туринска передала в ведение Общества «Народный дом» библиотеку и выделила из бюджета 100 руб. на ее содержание. Общество получило здание от города для воскресных чтений (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1258. Л. 64). В Тюмени местная власть участвовала в учреждении Александровского реального училища, открытого 15 сентября 1879 г. (ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 494. Л. 167, 171; Д. 496. Л. 135-137, 139-139 об.).

Таблица 2. Динамика численности учащихся в городских приходских училищах в Тобольской и Томской губерниях на 1890, 1900 и 1909 гг. (Книжка, 1890; Книжка, 1900; Книжка, 1909)

№	Тобольская губерния	Количество учащихся			Томская губерния	Количество учащихся		
		1890 г.	1900 г.	1909 г.		1890 г.	1900 г.	1909 г.
1	Тобольск	136	386	725	Томск	1398	1911	3398
2	Тюмень	238	576	654	Барнаул	240	861	1221
3	Курган	223	345	672	Бийск	186	396	597
4	Ишим	85	137	126	Каинск	107	148	212
5	Тара	99	146	207	Кузнецк	53	138	276
6	Тюкалинск	45	55	110	Кольвань	80	100	240
7	Туринск	53	66	102	Мариинск	172	110	199
8	Ялуторовск	60	95	127	Нарым	60	74	46
9	Березов	51	19	44	Новониколаевск	-	-	1368
10	Сургут	32	40	69				
	Всего	886	1479	2111	Всего	2296	3738	7557

В Барнауле местная дума в 1890-е гг. субсидировала две начальные школы (всего в 2 тыс. руб.), выдала пособие на постройку школ (1,5 тыс. руб.) и на строительство народного дома (4,5 тыс. руб.), а с 1905 г. взяла на свое содержание библиотеку общества. Томская городская дума с 1893 г. назначила пособие обществу о начальном образовании в размере 300 руб., а в 1901 г. выдала ему субсидию в 3 тыс. руб. Также субсидии получили общества содействия физическому развитию, музыкальное и драматическое (Баитов, 1906: 22).

Для поддержки талантливых и бедных учащихся местные власти учреждали стипендиальные фонды: скажем, в Тюмени была введена стипендия имени бывшего тобольского губернатора Л.М. Князева, в Кургане – стипендия в память Отечественной войны 1812 г. и в честь памяти поэта А.С. Пушкина. Аналогичные стипендии были и в других городах региона (ГАТюмО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 39. Л. 64; Ф. И-2. Оп. 1. Д. 542 а. Л. 40-41; Ф. И-9. Оп. 1. Д. 2. Л. 42).

Деятельность городских властей в сфере просвещения населения сдерживалась рядом факторов. Из-за большого числа «обязательных» платежей города не являлись полновластными хозяевами своих бюджетов, испытывали финансовые трудности, что не позволяло им полностью обеспечивать все нужды системы образования на своей территории. Более того, в случае закрытия просветительных обществ и их банкротства городские управы брали под свой контроль, содержание и управление их библиотеки, читальни, музеи и др.

Например, Курганское городское управление в 1902 г. содержит пять приходских училищ (два мужских и три женских) на общую сумму 7144 руб., а также отпускает пособие на церковно-приходскую школу (200 руб.), городское училище (574 р.), Александровскую женскую прогимназию (4100 руб.), обществу попечения об учащихся на содержание школы (500 руб.) и др. Всего на нужды образования в этом году город выделил 13086 руб. 71 коп. (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 614. Л. 127).

Примечательно, что, не смотря на трудности, вызванные русско-японской войной и первой русской революцией, расходы на нужды образования не сокращались. После 1905 г. возросли объемы и расширился перечень расходов в этой сфере. В Кургане город выделил за 1906 г. на нужды образования 18168 руб. 09 коп. (+39 % в сравнении с 1902 г.), 6-ти городским приходским училищам (3 мужских и 3 женских) – 7796 руб., Александровской женской прогимназии – 5800 руб., городскому училищу – 600 руб., двум церковно-приходским школам – 1160 руб. (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 775. Л. 215 об. – 216).

Конечно, города имели разные возможности в плане финансирования сферы народного образования. Особо сложная ситуация наблюдалась в малых городах: Березов, Сургут, Нарым, Кузнецк, Туринск, Ялуторовск и др. Скажем, г. Тюкалинск в 1906 г. содержал два городских училища (мужское и женское), на общую на сумму 1449 руб. 95 коп. (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 775. Л. 342 об.). Тюкалинский староста В. Фирстов 29 марта 1913 г. просил губернатора освободить город от расходов по содержанию четырехклассного училища в размере 871 руб. МНП в ноябре 1913 г.

сообщило, что это ходатайство не может быть удовлетворено «в связи с отсутствием кредита на эти цели» (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1075. Л. 1-2, 9-10).

Другой сдерживающий фактор – нехватка учительского состава и невысокий уровень профессиональной подготовки педагогов. Особенно остро эта проблема стояла в малых городах и селениях, где должности учителей часто были вакантными. Основным способом комплектования педагогическими кадрами являлась «посылка» учителей из европейской части страны в Сибирь (скажем, выпускников Петербургского педагогического института). Позднее ввели прибавки за сибирскую службу и «двойные прогоны», чем проблема отчасти разрешалась. Позднее власть и общественность осознали потребность в собственных учебных заведениях для подготовки учителей начальных школ. В 1873 г. учительские семинарии открылись в Омске, Иркутске и Красноярске, в 1910–1916 гг. – в Ялуторовске, Тобольске (+ учительский институт), Барнауле (Юрцовский, 1923: 62, 108). Другим направлением подготовки кадров стали педагогические курсы. Например, в 1911 г. такие курсы проводились в Тюмени и Ишиме под руководством инспекторов народных училищ на средства губернского земского сбора (ГА в г. Тобольске. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 45. Л. 3). В 1910 г. на «площадках» Томского университета и Томского технологического института с участием их профессорского-преподавательского состава открылись Сибирские высшие женские курсы (Ustinova, Skifskaya, 2017: 158).

После Первой русской революции города приступили к задаче введения всеобщего начального обучения – третий этап (1908 – февраль 1917 гг.).

Считается, что закон 3 мая 1908 г. заложил основы проведения первых мер по реализации проекта введения всеобщего обучения, формирования школьных сетей (в городах, уездах, губерниях) и принятия долгосрочных планов школьного строительства в Сибири, чтобы дать всем детям школьного возраста (8–11 лет) возможность бесплатно получить начальное 4-х годичное образование (Наумова, 2015: 434). При этом, этот закон «Об отпуске 6.900.000 рублей на нужды начального образования» не содержит норм о введении всеобщего (более того обязательного!) начального образования в России (Закон, 1908).

Законы 3 мая 1908 г. и 22 июня 1909 г. устанавливали меры материального содействия из казны городам для реализации плана введения всеобщего обучения и школьного строительства. Пособия из казны позволили городам поставить народное образование на более прочную финансовую основу. В соответствии с законом 25 июля 1912 г. все городские училища в трехгодичный срок подлежали преобразованию в высшие начальные училища (РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 708. Л. 18-220б.). Первая мировая война до некоторой степени «притормозила» эти планы (Cherkasov, 2011: 148), но не совсем – работа продолжалась вплоть до установления советской власти в крае.

Закон 7 июля 1913 г. увеличил размер пособия из казны на содержание одного комплекта учащихся (50 чел.), вместо 390 руб. до 420 руб. Закон реализовывался в неземских губерниях, в том числе в Западной Сибири. Для создания условий по введению всеобщего обучения в регионе планировалось: расширить кредиты на открытие новых начальных школ, увеличить число высших начальных училищ, подготовить учительские кадры для начальных училищ. К основным условиям получения кредитов из казны относились: готовность городских управлений взять на себя обязательства по составлению школьной сети на подведомственной им территории, сохранение ежегодных сумм расходов на образования и обеспечение бесплатности обучения детей в начальных школах, содержащихся на средства казны (Войтеховская, 2011: 134).

В Тобольской и Томской губерниях эта работа возлагалась на дирекции народных училищ, уездные училищные советы и городские управления. В начале XX в. Тобольская дирекция народных училищ предпринимала попытку приобщить начальную школу к распространению знаний по сельскому хозяйству. В Тобольской низшей сельскохозяйственной школе проводились курсы по сельскому хозяйству и пчеловодству для школьников (Сулимов, 2004: 78). Ряд городов (Томск, Новониколаевск, Тобольск, Тюмень, Омск, Курган, Барнаул, Ишим) приняли на себя эти обязательства, утвердили свою школьную сеть (действующие + проектируемые школы) и приступили к введению всеобщего начального обучения на своей территории (Блинов, 2010: 204). Всецело устранить неграмотность населения в регионе планировалось к 1920 г.

В 1908–1914 гг. городские власти заметно активизировали свою деятельность в сфере народного образования. В плане школьного строительства этот период стал самым продуктивным. Об этом свидетельствуют многочисленные прошения перед губернаторами и увеличение объемов финансирования начального образования. В частности, Ишимское голова С. Двойников 12 мая 1908 г. обратился к губернатору с просьбой открыть мужскую гимназию так как возросла потребность в среднем учебном заведении. Этот вопрос город поднимал в 1905 г., но тогда попечитель Западно-Сибирского учебного округа отказал. Город Ишим с прилегающими уездами составлял до 183140 кв. верст с населением 904329 человек. На таком обширном пространстве не было ни гимназий, ни реальных училищ. Они находились в городах от 160 до 400 верст от Ишима (в Тобольске, Тюмени, Омске), что создавало трудности для обучения детей даже обеспеченных слоев населения (проезд от 8 до 12 коп. за версту). В новом прошении город со своей стороны предложил 10 тыс. руб. в распоряжение учебного ведомства и участок земли для постройки здания училища. В сентябре 1910 г. открылась Ишимская мужская гимназия (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 826. Л. 1а-2, 23).

Ишимский голова 12 апреля 1910 г. обратился к губернатору о выдаче из казны пособия и ссуды на школьно-строительные нужды – пособие в размере 4 тыс. руб. и отдельная ссуда в размере 4580 руб. на постройку в городе здания для трехкомплектного и однокомплектного училищ. МНП 11 марта 1911 г. назначило городу единовременное пособие на постройку четырехкомплектного школьного здания в 3537 руб. и ссуду 4580 руб. из 3 % годовых, сроком на 20 лет, с уплатой по 229 руб., начиная с 1 января 1912 г. (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 892. Л. 1-5). 6 ноября 1912 г. глава города обратился к губернатору по вопросу введения всеобщего обучения в городе. МНП назначило постоянное пособие городу на содержание училищ 6 комплектов по 390 руб. на каждый, а всего 2340 руб. (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1069. Л. 1-7).

Курганская городская дума 5 ноября 1909 г. утвердила доклад комиссии по народному образованию о сети всеобщего бесплатного начального обучения в городе. МНП 15 марта 1911 г. назначило городскому управлению постоянное пособие по содержанию 19 комплектов детей школьного возраста, по 50 в каждом, обучающихся в начальных училищах (964:50), по 390 руб. на каждый, в размере 7410 руб., а за вычетом 4950 руб., получаемых от учебного округа, в размере 2 460 руб. в год. Кроме того, министерство выделило единовременное пособие в 25 тыс. руб. на постройку пяти четырехкомплектных школьных зданий, по 5 тыс. руб. на каждое (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 890. Л. 1-5, 9).

Тобольский голова С. Трусов 16 октября 1913 г. представил губернатору школьную сеть города, план 6-го городского приходского училища и смету на постройку нового здания училища с ходатайством перед МНП об ассигновании кредитов на эти цели. Глава города отметил, что новые здания будут служить исключительно целям просвещения, страховать и ремонтировать будут за счет города (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1115. Л. 1а, 4, 7, 10, 14).

Томская городская дума 23 марта 1911 г. рассмотрела план введения всеобщего обучения в городе. Для решения вопросов школьного строительства была избрана особая комиссия. Комиссия разработала два проекта введения всеобщего обучения в г. Томске: по первому – ближайшие 11 лет предполагалось открыть 30 новых однокомплектных школ, по второму – в течение 10 лет открыть 4 мужских, 4 женских и 2 смешанных трехкомплектных училищ. Дума решила пересоставить план введения всеобщего обучения в городе, открыть 10 новых трехкомплектных начальных училищ, ходатайствовать перед МНП о выделении ежегодно по 390 руб. на каждое вновь открываемое однокомплектное училище. Планировалось, что город дополнительно выделит по 585 руб. на каждое такое училище (ГАТомО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2960. Л. 127-129).

Собрание городских уполномоченных г. Колывани 3 октября 1911 г. рассмотрело вопрос об организации всеобщего народного образования в городе. Всего в городе насчитывалось 8 школ, а количество детей школьного возраста достигало 1840 человек, из которых 1/5 часть оставалась без обучения. Городское собрание постановило: признать необходимость введения в городе всеобщего обучения, для чего выработать школьную сеть в городе; просить пособия и ссуды у МНП на школьно-строительные нужды; для определения количества детей школьного возраста и их ежегодного прироста провести всеобщую перепись населения (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 97. Л. 68 об.-69).

Однако не все города региона успели утвердить свою школьную сеть и план перехода к всеобщему обучению. В частности, тарский голова П. Шанский в июне 1914 г. представил губернатору городскую школьную сеть, приходно-расходную смету города на 1914 г. и ходатайство о пособии в размере 12 тыс. руб. и ссуды в размере 7,5 тыс. руб. на постройку трехкомплектных школьных зданий и на введение всеобщего обучения. МНП 26 ноября 1914 г. уведомило, что ввиду обстоятельств военного времени и сокращения кредита на эти цели отпуск средств городу «отлагается до более благоприятного времени».

Тарская городская дума 16/17 июля 1915 г. в связи с переполнением учащимися приходских училищ постановила открыть с 1915–1916 учебного года 3 новых комплекта: один при третьем приходском училище, один – при четвертом и один – с учреждением нового пятого училища. При этом третье и четвертое приходские училища не смогли принять 100 новых учащихся (20 детей не приняли). Пятое смешанное училище с 50 учащимися открылось с 1 сентября 1915 г. в арендуемом частном доме (до постройки нового здания за счет пособия от казны). Город все 3 школьные комплекта временно полностью принял на свой бюджет, ожидая от казны законных пособий. К июлю 1916 г. казенные средства так и не поступили (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. 1086. Л. 1, 7, 16, 29, 43).

Собрание городских уполномоченных г. Тайги в ноябре 1916 г. избрало школьно-строительную комиссию для составления школьной сети и введения всеобщего обучения в городе. В декабре 1916 г. комиссия представила собранию проект школьной сети и трехгодичный план введения всеобщего обучения на 1917–1919 гг. – открыть 3 городских смешанных одноклассных училища, всего 9 комплектов на 450 учащихся (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 260. Л. 140, 154). Очевидно, что в контексте событий 1917 г. реализовать этот план не удалось.

В городах неуклонно росло число детей, окончивших начальную школу и желающих продолжить обучение в городском (высшем начальном) училище. Принять всех желающих такие училища не могли. Согласно п. 16 Положения «О высших начальных училищах» от 25 июня 1912 г. дети, имеющие свидетельство об окончании курса одноклассного училища, при поступлении в высшее начальное училище могли подвергаться вступительным испытаниям (РГИА. Ф. 1276. Оп. 4.

Д. 708. Л. 18-22 об.). На практике из-за отсутствия мест, дети сдавали экзамен, а также проходили конкурс. «Сибирская жизнь» писала, что в городские училища зачислялись «только лица, которые представили свидетельства об окончании приходских училищ с похвальными листами», а другие оставались «за бортом» (СЖ, 1913: 5). В частности, такая ситуация наблюдалась в Томске, Барнауле, Бийске, Ачинске и др. В Мариинске из 1500 детей школьного возраста в 7 начальных училищах обучалось лишь 553, в городском училище – около 140. По результатам вступительных экзаменов летом 1913 г. из 80 детей было принято 35 или 37 (Вопросы, 1914: 6). Многим детям, желающим поступить в городское училище, было отказано: «слез и самого неподдельного горя со стороны родителей и их детей было не выносимо много» (СЖ, 1913: 4).

Бийская городская дума 9 января 1917 г. заслушала заведующего Пушкинским высшим начальным училищем об открытии в городе второго мужского высшего начального училища. Потребность в новом училище назрела давно. Число детей, оставшихся без обучения, с каждым годом лишь росло: отказано в поступлении в 1913 г. – 31, 1914 г. – 42, 1915 г. – 46, 1916 г. – 68 детям. Местная дума ввиду дефицита бюджета просила МНП принять расходы по его содержанию всецело на средства казны (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 281. Л. 12 об.).

5. Заключение

В общем ракурсе развития народного образования в сибирских городах отмечалась консолидация усилий местной власти и общества. Общественные объединения стали помощниками городских дум в решении задач развития начального образования, аккумуляции пожертвований на просвещение населения. Наибольших успехов общества попечения о начальном образовании добились в сфере внешкольного образования: открытие воскресных школ, мастерских, бесплатных библиотек, чтение лекций для широких масс жителей.

К 1917 г. количество начальных училищ в городах возросло в 2–3 раза (к 1880-м гг.), сформированы школьные сети по Западно-Сибирскому учебному округу, крупные города приступили к реализации плана всеобщего бесплатного начального обучения. При этом лишь 3 города имели высшие учебные заведения, 5 городов имели от 3 до 11 средних учебных заведений, 11 городов – 1–2 средних учебных заведений, 15 городов – высшие начальные училища и 4 города – только начальные школы. Достигнутые показатели не могли удовлетворить возросший спрос населения на образование – обучалось порядка 35 % детей школьного возраста от их общего числа. Тем не менее, был заложен прочный фундамент развития народного образования на местном уровне.

Литература

- Адрианов, 1890 – Адрианов А.В. Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890. 433 с.
- Байтов, 1906 – Байтов Г.Б. Очерки Барнаула. Томск, 1906. 121 с.
- Блинов, 2010 – Блинов А.В. Разработка проекта по введению всеобщего начального обучения на территории Западной Сибири в начале XX в. // *Ученые записки факультета истории и международных отношений*: Сб. науч. ст. Кемерово, 2010. С. 203-205.
- Виноградов, 1910 – Виноградов П.Т. Начальное образование в Томской губернии в 1908 году сравнительно с земскими губерниями и культурными странами всего мира. Томск, 1910. 32 с.
- Войтеховская, 2011 – Войтеховская М.П. Развитие начального образования в Западно-Сибирском учебном округе в связи с планами введения всеобщего обучения // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2011. № 4 (16). С. 134-140.
- Вольфсон, 1903 – Вольфсон Д.Д. Сибирские воскресные школы. Томск, 1903. 237 с.
- Вопросы, 1914 – Вопросы Мариинского уезда. Мариинск, 1914. 68 с.
- ГА в г. Тобольске – Государственный архив в городе Тобольске.
- ГАО – Государственный архив Новосибирской области.
- ГАТомО – Государственный архив Томской области.
- ГАТюмО – Государственный архив Тюменской области.
- Закон, 1908 – Закон 3 мая 1908 г. «Об отпуске 6.900.000 рублей на нужды начального образования» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. 28. Ч. 1. СПб., 1908. № 30328. С. 228-229.
- Книжка, 1890 – Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа. Томск, 1890. С. 145-174.
- Книжка, 1900 – Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа. Томск, 1900. С. 145-162, 186-198.
- Книжка, 1909 – Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа. Томск, 1909. С. 228-232, 293-295.
- Куломзин, 1898 – Куломзин А.Н. Потребности начального образования в России. Всеподданнейший доклад статс-секретаря Куломзина по поездкам в Сибирь. 1896–1897 гг. СПб., 1898. 143 с.
- Маляревский, 1896 – Маляревский Г.Я. Очерк истории и современного состояния народного образования в Сибири. СПб., 1896. 85 с.

Наумова, 2015 – *Наумова Н.Н.* Школьная реформа П.А. Столыпина: опыт введения всеобщего обучения в Восточной Сибири (1906–1917) // *Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015.* Иркутск, 2015. С. 432-439.

Отчет, 1880 – Отчет о состоянии приходских училищ г. Томска за 1879–1880 учебный год. Томск, [1880]. 38 с.

Отчет, 1882 – Отчет Совета Общества попечения о начальном образовании в г. Томске за 1882 г. Томск, 1883. 63 с.

Очерк, 1895 – Благотворительные учреждения Томской губернии: очерк. Томск, 1895. 75 с.

Положение, 1892 – Городовое положение с законодательными мотивами, разъяснениями и дополнениями. СПб., 1912. 996 с.

Прибыльский, Невский, 1992 – *Прибыльский Ю.П., Невский А.М.* Народное образование Тюменского края в XVIII–XX вв. // *Исторический опыт народного образования Тюменского края.* Тобольск, 1992. С. 3–6.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Рождественский, 1902 – *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. 756 с.

СЖ, 1913 – Сибирская жизнь. 1913. № 187. С. 4–5.

Сулимов, 2004 – *Сулимов В.С.* Чувства добрые пробуждать. Из истории светской школы Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв. Тюмень, 2004. 152 с.

Устав, 1828 – Устав гимназий и училищ уездных и приходских. 8 декабря 1828 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Т. 3. СПб., 1830. № 2502. С. 1097–1127.

Хроники, 2002 – Курганские хроники: 1662–2000. Курган, 2002. 519 с.

Юрцовский, 1923 – *Юрцовский Н.С.* Очерки по истории просвещения в Сибири. Новоиколаевск, 1923. 246 с.

Cherkasov, 2011 – *Cherkasov A.A.* All-Russian Primary Education (1894–1917): Developmental Milestones // *Social Evolution & history.* 2011. № 2 (10). pp. 138–149.

Ustinova, Skifskaya, 2017 – *Ustinova O.V., Skifskaya A.L.* The Siberian students in research, cultural and social life of the region in the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody.* 2017. Vol. 43. Is. 1. pp. 153–161.

References

Adrianov, 1890 – *Adrianov A.V.* (1890). Tomsk v proshlom i nastoyashchem [Tomsk in the past and the present]. Tomsk. 433 p. [in Russian].

Baitov, 1906 – *Baitov G.B.* (1906). Oчерki Barnaula [Sketches of Barnaul]. Tomsk. 121 p. [in Russian].

Blinov, 2010 – *Blinov A.V.* (2010). Razrabotka proekta po vvedeniyu vseobshchego nachal'nogo obucheniya na territorii Zapadnoi Sibiri v nachale XX v. [Development of the project on introduction of general elementary education in the territory of Western Siberia at the beginning of the 20th century]. Uchenye zapiski fakul'teta istorii i mezhdunarodnykh otnoshenii: Sb. nauch. st. Kemerovo. pp. 203–205 [in Russian].

Vinogradov, 1910 – *Vinogradov P.T.* (1910). Nachal'noe obrazovanie v Tomskoi gubernii v 1908 godu sravnitel'no s zemskimi guberniyami i kul'turnymi stranami vsego mira [Primary education in the Tomsk province in 1908 compared with territorial provinces and the cultural countries of the whole world]. Tomsk. 32 p. [in Russian].

Voitekhovskaya, 2011 – *Voitekhovskaya M.P.* (2011). Razvitie nachal'nogo obrazovaniya v Zapadno-Sibirskom uchebnom okruge v svyazi s planami vvedeniya vseobshchego obucheniya [Development of primary education in the West Siberian educational district in connection with plans of introduction of general education]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.* № 4 (16). pp. 134–140 [in Russian].

Vol'fson, 1903 – *Vol'fson D.D.* (1903). Sibirskie voskresnye shkoly [Siberian sunday schools]. Tomsk. 237 p. [in Russian].

Voprosy, 1914 – *Voprosy Mariinskogo uезда* [Questions of the Mariinsky county]. Mariinsk, 1914. 68 p. [in Russian].

GA v g. Tobol'ske – Gosudarstvennyi arkhiv v gorode Tobol'ske [The state archive in the city of Tobolsk].

GANO – Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti [State archive of the Novosibirsk region].

GATomO – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State archive of the Tomsk region].

GATyumO – Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoi oblasti [State archive of the Tyumen region].

Zakon, 1908 – *Zakon 3 maya 1908 g.* «Ob otpuske 6.900.000 rublei na nuzhdy nachal'nogo obrazovaniya» [Law on May 3, 1908. «About a holiday of 6.900.000 rubles for needs of primary education»]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. III. T. 28. Ch. 1. SPb., 1908. № 30328. pp. 228–229 [in Russian].

Knizhka, 1890 – Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga [Memorable book of the West Siberian educational district]. Tomsk, 1890. pp. 145–174 [in Russian].

- Knizhka, 1900** – Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga [Memorable book of the West Siberian educational district]. Tomsk, 1900. pp. 145-162, 186-198 [in Russian].
- Knizhka, 1909** – Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga [Memorable book of the West Siberian educational district]. Tomsk, 1909. pp. 228-232, 293-295 [in Russian].
- Kulomzin, 1898** – *Kulomzin A.N.* (1898). Potrebnosti nachal'nogo obrazovaniya v Rossii. Vsepoddanейshii doklad stats-sekretarya Kulomzina po poezdкам v Sibir'. 1896-1897 gg. [Needs of primary education for Russia. Vsepoddanейshy report of the secretary of state Kulomzin on trips to Siberia]. SPb. 143 p. [in Russian].
- Malyarevskii, 1896** – *Malyarevskii G.Ya.* (1896). Oчерк istorii i sovremennogo sostoyaniya narodnogo obrazovaniya v Sibiri [Sketch of history and the current state of national education in Siberia]. SPb. 85 p. [in Russian].
- Naumova, 2015** – *Naumova N.N.* (2015). Shkol'naya reforma P.A. Stolypina: opyt vvedeniya vseobshchego obucheniya v Vostochnoi Sibiri (1906–1917) [School reform of P.A. Stolypin: experience of introduction of general education in Eastern Siberia (1906–1917)]. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2015*. Irkutsk. pp. 432-439 [in Russian].
- Otchet, 1880** – Otchet o sostoyanii prikhodskikh uchilishch g. Tomskа za 1879–1880 uchebnyi god [The report on a condition of parish schools of Tomsk in 1879–1880 academic year]. Tomsk, [1880]. 38 p. [in Russian].
- Otchet, 1882** – Otchet Soveta Obshchestva popecheniya o nachal'nom obrazovanii v g. Tomске za 1882 g. [The report of Council of Society of care on primary education in Tomsk for 1882]. Tomsk, 1883. 63 p. [in Russian].
- Oчерk, 1895** – Blagotvoritel'nye uchrezhdeniya Tomskoi gubernii: oчерk [Charitable institutions of the Tomsk province: sketch]. Tomsk, 1895. 75 p. [in Russian].
- Polozhenie, 1892** – Gorodovoe polozhenie s zakonodatel'nymi motivami, raz'yasneniyami i dopolneniyami [Gorodovy situation with legislative motives, explanations and additions]. SPb., 1912. 996 p. [in Russian].
- Pribyl'skii, Nevskii, 1992** – *Pribyl'skii Yu.P., Nevskii A.M.* (1992). Narodnoe obrazovanie Tyumenskogo kraya v XVIII–XX vv. [National education of the Tyumen region in the XVIII–XX centuries]. Istoricheskii opyt narodnogo obrazovaniya Tyumenskogo kraya. Tobol'sk. pp. 3-6. [in Russian].
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- Rozhdestvenskii, 1902** – *Rozhdestvenskii S.V.* (1902). Istoricheskii obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802–1902. [Historical activities overview of the Ministry of national education. 1802–1902.]. SPb. 756 p. [in Russian].
- SZh, 1913** – Sibirskaya zhizn'. 1913. № 187. pp. 4-5.
- Sulimov, 2004** – *Sulimov V.S.* (2004). Chuvstva dobre probuzhdat'. Iz istorii svetskoi shkoly Tobol'skoi gubernii v kontse XIX – nachale XX vv. [To wake up good feelings. From history of secular school of the Tobolsk province at the end of XIX – the beginning of the 20th centuries]. Tyumen'. 152 p. [in Russian].
- Ustav, 1828** – Ustav gimnazii i uchilishch uezdnykh i prikhodskikh. 8 dekabrya 1828 g. [Charter of gymnasiums and schools district and parish. December 8, 1828]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobr. 2. T. 3. SPb., 1830. № 2502. pp. 1097-1127. [in Russian].
- Khroniki, 2002** – Kurganskіe khroniki: 1662–2000 [Kurgan chronicles: 1662–2000]. Kurgan, 2002. 519 p. [in Russian].
- Yurtsovskii, 1923** – *Yurtsovskii N.S.* (1923). Oчерki po istorii prosveshcheniya v Sibiri [Sketches on education history in Siberia]. Novonikolaevsk. 246 p. [in Russian].
- Cherkasov, 2011** – *Cherkasov A.A.* (2011). All-Russian Primary Education (1894–1917): Developmental Milestones. *Social Evolution & history*. № 2 (10). pp. 138-149.
- Ustinova, Skifskaya, 2017** – *Ustinova O.V., Skifskaya A.L.* (2017). The Siberian students in research, cultural and social life of the region in the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. Vol. 43. Is. 1. pp. 153-161.

Развитие народного образования в городах Западной Сибири: от начального к всеобщему обучению (1880–1917 гг.)

Александр Борисович Храмов ^{a, *}

^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен процесс развития народного образования в городах Западной Сибири (1880–1917). Выделены три этапа: 1) активизации просвещения (1880–1892): учреждение обществ попечения о начальном образовании, училищных комиссий, воскресных школ, избрание

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: khramtsov_ab@bk.ru (А.Б. Храмов)

руководства учебных заведений; 2) модернизации (1892–1907): оснащение образовательной инфраструктуры, введение стипендиальных фондов для поддержки талантливых и бедных учащихся; 3) перехода к всеобщему начальному обучению (1908 – февраль 1917): перевод городских училищ в высшие начальные училища, создание школьной сети, открытие учительских институтов. Установлено, что уровень развития образования в городах региона не соответствовал запросам интенсивно растущей экономики края. На строительство новых зданий школ, их оборудование и обеспечение педагогическими кадрами требовались значительные средства. Развитие народного образования сдерживалось вследствие дефицита городских финансов, нехватки учителей и др. В решении проблем просвещения наблюдалась консолидация усилий городских властей и общественных организаций. К 1917 г. завершилось формирование школьных сетей по Западно-Сибирскому учебному округу, но неуклонно усиливающийся спрос на образование не был удовлетворен. Повсеместно осуществить переход к всеобщему начальному обучению не удалось.

Ключевые слова: просвещение, народное образование, начальное обучение, всеобщее обучение, школьная сеть, учебное заведение, училище.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 360-369. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.360
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Russification – Pro et Contra: Polemic in the Russian Conservative Thought in the late XIX century

Maxim N. Krot ^{a, b, *}, Natalia V. Dmitrieva ^{a, b}

^a Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

This article presents an analysis of the views of conservative social idea representatives of the Russian Empire concerning the policy of the crown in the borderlands of the country in the second half of the XIX – beginning of the XX century. The authors link the appeal of Russian thinkers to these problems with two inextricable processes that characterize and determine the development of the Russian Empire in the next period: the modernization and completion of the construction of the imperial state. The crown was forced to search for a response to the nationalism pressure that was heated by the general modernization processes and develop a system of interaction with local elites corresponding to these challenges. The formation of a model for building the relationship between the center and the national suburbs took place with the active participation of the conservatively oriented public. The authors analyzed the main works on the problem identified by the leading representatives of the Russian conservative thought of the second half of the XIX – early XX century. (MN Katkov, LA Tikhomirova, KN Leontiev, SF Sharapov, KF Golovin), which led to the conclusion that they have a critical attitude to government policy in the national suburbs during the period under study. In their works designated representatives of social thought called for adherence to the principle of moderation, selectivity and gradualness in solving the national question. The authors come to the conclusion that absence of common point of view on this issue both in the national conservative doctrine and in the governmental circles in charge of managing the country's borderlands was due to a combination of the strive to protect imperial unitarian values that form the basis of russification policy and the principles of classes and elitism that neither the authorities nor their conservative opponents were ready to give up at the analyzed period.

Keywords: russification, conservatism, public opinion, Russian conservative thought, M.N. Katkov, L.A. Tikhomirov, national borderlands, national politics, Russian Empire, modernization.

1. Введение

Развитие Российской империи на всем протяжении ее истории определялось двумя разнонаправленными процессами – имперским и модернизационным. Сосуществуя и взаимно дополняя друг друга, данные процессы по целому ряду основополагающих показателей вступали между собой в острые противоречия. В эпоху активизации модернизационных преобразований и роста национализма под ударом оказывались основные сущностные черты имперской системы управления – универсализм и гомогенность. Во второй половине XIX – начало XX вв. традиционная имперская политическая система перестала отвечать требованиям современности, что делало чрезвычайно актуальным вопрос ее реформирования. Формирование концепции преобразований происходило при деятельном участии общественности.

Усиление националистических тенденций и, как следствие, изменение политики царского правительства по отношению к национальным окраинам в последние десятилетия XIX века

* Corresponding author

E-mail addresses: mnkrot@sfedu.ru (M.N. Krot), nvdmirteva@sfedu.ru (N.V. Dmitrieva)

определялось сложным комплексом субъективных и объективных причин. В первую очередь это было обусловлено наметившимся после вступления на престол Александра III поворотом к реализации консервативно-охранительной концепции внутриполитического развития, одним из важнейших элементов которой была идея построения национальной монархии. Помимо этого, ужесточение национальной политики стало своеобразным административно-бюрократическим ответом на вызов пробуждавшегося национального сознания народов, населявших окраины Российской империи, многие из которых в той или иной степени начинали сопротивляться ассимиляторским усилиям центра. Следует отметить, что на протяжении всего XIX и начала XX столетий именно страны Восточной Европы испытали на себе процесс нациестроительства, выявивший самые болевые точки формирования идеи нации (Apyshchenko, 2016: 83). Происходило формирование национальных интеллектуальных элит, в среде которых усиливался интерес к прошлому своих народов, ширилось стремление к получению образования, развитию собственных литературных языков, то есть развивались процессы становления национального самосознания, которые вызывали обеспокоенность имперской администрации, усматривавшей в данных тенденциях зарождение идей национальной самостоятельности и сепаратизма.

Нельзя сбрасывать со счетов и объективные социально-экономические факторы, связанные с ускорением процесса капиталистического развития страны (Дякин, 1998: 27), а также с интеграционными процессами в экономике, все более активизировавшимися миграциями населения, требовавшими единого правового и культурного пространства (Корелин, 2011: 31). Быстрое экономическое развитие окраин обуславливало стремление имперских властей защитить интересы коренного русского дворянства и буржуазии от конкуренции представителей инородческих элит, зачастую обладавших большим экономическим, образовательным и культурно-интеллектуальным потенциалом.

Имперские власти вынуждены были искать ответ на вызов национализма, актуализированный общими модернизационными процессами, происходившими в России в эпоху Великих реформ и в пореформенный период. Таким ответом становится комплекс мер, объединяемых под общим условным наименованием «политика русификации» национальных окраин, реализация которых российским правительством значительно активизировалась в последние десятилетия XIX века.

2. Материалы и методы

Источниковую базу данной статьи составили теоретические работы представителей консервативной мысли России конца XIX века по национальной проблематике и вопросам русификации, а именно труды К.Н. Леотьева «Племенная политика, как орудие всемирной революции» (Леонтьев, 1912), Л.А. Тихомирова «Русское дело и обрусение» (Тихомиров, 1997), С.Ф. Шарапова «Самодержавие и самоуправление» (Шарапов, 2010), а также статьи выдающегося российского публициста этого периода – М.Н. Каткова, представляющие собой передовицы центральной консервативно ориентированной газеты второй половины XIX века «Московские ведомости».

Методологическую основу данной статьи составили классические методы исторического исследования: историко-генетический и историко-сравнительный (компаративный) методы, а также методы интеллектуальной истории. Использование историко-генетического метода позволяет выявить исторические основы сформулированных авторами консервативного направления общественной мысли принципов и подходов определения имперской политикой в национальных регионах. Применение компаративистского метода позволило выявить схожесть и отличия подходов в решении национального вопроса различными представителями консерватизма второй половине XIX в. Подход к изучению наследия консерваторов с точки зрения интеллектуальной истории позволяет проследить этапы формирования и развития их теоретических концепций решения национального вопроса.

3. Обсуждение

В настоящее время понятие «русификация», а также обозначаемый им комплекс мер царского правительства является объектом оживленной научной дискуссии, общий вектор которой направлен на расширение и усложнение трактовки процессов, охватываемых данным понятием, отказ от априорных негативно-оценочных коннотаций при его использовании.

Первоначально изучение данного понятия развернулось в зарубежной науке. Самое широкое определение было дано Б. Андерсоном: «Русификация разнородного населения царских владений представляла собой ... насильственное, сознательное сваривание двух противоположных политических порядков, один из которых был древним, а другой – совершенно новым» (Андерсон, 2001: 108). Автор использует термин «русификация» не только применительно российской национальной политике, но также в качестве общего определения подобного рода явлений.

Интересен анализ термина «русификация», предложенный Э. Таденом, с точки зрения дореформенного русского языка, который в некотором отношении был лучше приспособлен к описанию содержательной эволюции данного понятия. Э. Таден пишет, что «до середины XIX в. непреходная форма глагола русифицировать (*обрусеть*) в основном использовалась в значении

«стать русским», как противопоставление с поздней и более активной формой *обрусить* или «делать русскими» (Thaden, 1981: 3).

А. Каппелер придерживается мнения, что русская национальная политика, до XIX века носившая «органический» характер, постепенно вошла в русло европейского колониализма, основанного на «европоцентристском чувстве превосходства», осуществлявшего цивилизаторскую миссию путем непосредственного управления национальными окраинами (Каппелер, 2000: 85). Понятие «русификация» должно применяться исключительно по отношению к языковой культурной ассимиляции нерусских этносов, не затрагивая административную и социальную сферы национальной политики (Каппелер, 2000: 183).

Сегодня большинство исследователей придерживается мнения о разнородности рассматриваемого явления. Многие делят русификацию на культурную и административную. Под первым термином в этом случае понимаются усилия по расширению сферы влияния русского языка и культуры за счет языков и культур других народов Российской империи. Под вторым – меры, направленные на централизацию власти и ликвидацию самоуправления (соответственно, по собственным законам и обычаям) приграничных провинций (Chimiak, 1999: 42-43).

Современные исследователи характеризуют русификацию как частный случай ассимиляции, представляющий собой целенаправленное, осознанное освоение элементов русской культуры, который может сочетать в себе принудительные и добровольные механизмы (Пулькин, 2005: 107-108). Отмечается, что данная политика была направлена на передачу некоторых элементов титульной нации остальному населению империи, которое в стратегической перспективе должно было полностью поглотиться государственным этносом (Хасин, 2011: 177). Другие исследователи вслед за А. Каппелером суть русификаторской политики склонны усматривать преимущественно в распространении в национальных окраинах русского языка, который с середины XIX века стал оцениваться как важнейший инструмент формирования патриотизма и надэтнического единства народов в составе Российской империи (Сумарокова, 2016: 126-127).

Теоретические аспекты «русификации» в российской историографии достаточно подробно разработаны А.И. Миллером, указывающим на неадекватность историческим реалиям однотипного определения русификации как единообразной модели ассимиляционной политики царского правительства. Отстаивая необходимость ситуационного подхода к проблеме русификации, и отрицая наличие единой русификаторской политики в рамках империи, в целях избегания чрезмерно расширительного определения рассматриваемого термина, Миллер предлагает лишь самое общее ограничение в его применении, относящееся лишь к тем действиям, которые направлены на стремление сделать кого-то русскими или кого-то стать русским (Миллер, 2006: 61).

Развивая данный подход, ряд исследователей указывает на то, что имперская политика русификации носила выборочный характер и направлялась, прежде всего, на те регионы, которые оценивались властями как превосходящие русское население в культурном отношении и где положение империи было непрочным и нуждалось в укреплении. При этом предлагается выделение в рамках русификаторской политики «культурного» и «имперского» направлений (Круглый стол, 2002: 430). Следует заметить, что предлагаемое разграничение направлений русификации является отнюдь не оригинальным, поскольку оно было предложено еще в конце XIX в. русским консервативным мыслителем Л.А. Тихомировым в рамках отстаиваемой им умеренно-консервативной концепции решения национального вопроса.

4. Результаты

В середине XIX века в России начинается второй этап модернизации, направленный на осовременивание государственных и общественных структур, приведение их в соответствие с западноевропейскими стандартами развития того времени. Одновременно и в тесной связи с этим процессом происходит дальнейшее становление русской общественной мысли, которая постепенно превращается в духовную и интеллектуальную силу, полностью игнорировать мнение которой власть уже не могла.

Происходившие в стране преобразования, чреватые не только осовремениванием, но и, в перспективе, полной реорганизацией существующего политического и социального строя порождали консервативную реакцию, усиление в общественном сознании консервативного императива, благодаря которому инновации осмысливались и усваивались через своеобразные «фильтры» представлений об идеальном устройстве государства и общества. Консерватизм, существовавший как «вневременная действительная система универсальных ценностей», в период трансформаций, нарушающих привычную модель развития социума, грозящих потерей собственной идентичности, утрачивает свой латентный характер. Происходит рефлексия консервативного мировоззрения, превращение его в идеологическую систему, особое направление общественно-политической мысли, являвшееся интеллектуальной реакцией на происходящие в стране бурные модернизационные процессы (Krot, 2013: 103). Однако неверно утверждать, что правительственная политика данного периода во всем соответствовала консервативной доктрине. По целому ряду внутривнутриполитических, социальных, экономических вопросов их позиции могли существенно различаться, что порождало

острую критику «справа» как методов реализации тех или иных правительственных проектов, так и самой направленности политики властей.

Одной из таких спорных точек была политика властей на национальных окраинах империи. Несмотря на то, что национализм и идея единого и неделимого Российского государства, в котором политическое господство принадлежало бы русскому народу, занимали важное место в концепции консерваторов, они далеко не однозначно одобрительно относились к жесткой и прямолинейной политике имперской власти в отношении инородческих окраин, как это утверждалось во многих исследованиях (*Русский консерватизм XIX столетия, 2000: 337*).

Следует заметить, что вплоть до революционных событий 1905–1907 гг. национальный вопрос в русской консервативной мысли не выступал самостоятельным объектом рассмотрения. Его решение рассматривалось в неразрывном контексте с обсуждением иных социальных-экономических и внутриполитических проблем – крестьянского, земского, дворянского вопросов, проблемы расширения прав местного самоуправления.

Одним из первых в русской консервативной мысли к проблеме национальных окраин обратился М.Н. Катков в контексте всколыхнувшего российскую общественность в 1863–1864 гг. «польского вопроса». Находясь в непосредственном контакте с людьми, реализовывавшими политику русификации в западных национальных окраинах в этот период, он мог получать информацию из первых рук, анализировать ее и представлять на суд российской общественности. В письме М.Н. Муравьеву-Виленскому, известному участнику польских событий 1863–1864 гг., Катков пишет: «Всякая весть оттуда ожидается с величайшим нетерпением, и правильная хроника событий, записываемая способным пером и совершающихся в том духе и смысле, который по убеждению всех сообщит им Ваше управление, были бы истинной услугой для отечественного дела» (*ОР РГБ. Ф. 120. К. 49. Д. 45. Л. 1-106*). Именно он заложил концептуальные основы консервативной «русской идеи», суть которой состояла в выдвинутой им формуле: «Россия может иметь лишь одну государственную национальность», трактуемую не в этническом, а в политическом смысле (*Катков, 1898а: 258*).

При этом следует отметить, что Катков М.Н. в своих многочисленных публикациях по данному вопросу никогда не призывал к полной унификации национальных окраин, к подавлению их социокультурных особенностей. В 1882 г. в обращении к императору Александру III он писал: «Требуется начать дело с оснований. Чтобы оно получило серьезное значение необходимо в римско-католических семинариях западного края воспитывать на русском языке духовенство из местных элементов. Рядом с русским языком можно безопасно преподавать и литовский» (*ОР РГБ. Ф. 120. К. 47. Л. 550б*). Многочисленные передовицы «Московских ведомостей» авторства М.Н. Каткова проводили и в общество схожую мысль: «Культурные особенности, не заключающие в себе ничего антинационального и никакого антагонизма с устоями русской государственной системы, должны быть уважены, как элемент живого органического разнообразия в общей национальной жизни великого целого» (*Катков, 1898b: 339*).

Однако наиболее взвешенная позиция в рамках консервативной модели решения национального вопроса, облаченная не в публицистическую, а в философско-теоретическую форму, принадлежала Л.А. Тихомирову.

Консервативный мыслитель указывал на неприемлемость двух крайностей, в равной степени пагубных для России, состоявших либо в уравнивании всех национальностей империи в правах, либо в их насильственной русификации. В целом ряде своих публикаций, полемизируя с философом В. Соловьевым, отстаивавшим принципы национального и религиозного равноправия, Тихомиров доказывал, что реализация данной идеи неизбежно приведет к «упразднению России» как единого государства. В то же время, Тихомиров выступает против насильственной русификации и жестких ограничительных мер по отношению к населению национальных окраин, указывая, что тяга к подобному рода действиям порождается сепаратистскими настроениями инородцев и ущемлением прав русских на окраинах. Но что породило сами подобные настроения и устремления? По мнению мыслителя, это стало следствием собственных ошибок и непоследовательности в проведении национальной политики, которая колеблется от одной крайности к другой. При этом, истинно русская национальная политика, по мнению Тихомирова, заключается в том, что открывает путь для добровольного слияния всех наций империи и предоставляет множество компромиссных вариантов для тех, кто такому слиянию, по тем или иным причинам противится (*Тихомиров, 1997: 543*). Вопреки расхожему мнению, Тихомиров не только не был сторонником националистического девиза «Россия для русских!», но и выступал с его резкой критикой, подчеркивая, что этот лозунг больше подходит слабым, немногочисленным, «замирающим» нациям, борющимся за выживание. Россия живет не только для себя. Высший смысл и преимущество ее национальной политики заключается в том, что она направлена не только на защиту русских национальных интересов, но и интересов любой «вверенной ему Богом народности во всех случаях, когда та имеет за себя правду».

Л.А. Тихомиров предлагал строго разграничивать понятия русификации государственной и национальной, усматривая в неразделенности рассматриваемого термина причину многих недоразумений и откровенных конфронтаций между имперским центром и национальными окраинами. Государственная русификация состоит, по его мнению, в политической лояльности, поддержке государства и правящего режима, сохранении государственной целостности, знании

государственного языка и является обязательной для всех народностей вне зависимости от их воли. В то же время, государственное обрусение ни в коем случае не предполагает посягательства на местные национальные особенности, язык, вероисповедание, бытовой уклад. Напротив, в случае строгого исполнения инородцами всех обязанностей государственного единения, долгом имперских властей является охранение их национальной самобытности до «тех пор, пока нерусская национальность сама не пожелает становиться национально русской» (Тихомиров, 1997: 547-548).

Национальная же русификация, предполагающая присоединение к вере, быту, образу мыслей русского народа, по мнению Тихомирова, требует исключительно собственного желания и добровольного побуждения. Национальные окраины, «присоединенные к империи силой оружия или трактатами» должны сливаться с русским народом только в государственном смысле, но «совершенно вольны жить по своим национальным особенностям» (Тихомиров, 1997: 548). Национальная русификация может проводиться только по отношению к народам, не обладающим национальным самосознанием. Применение же подобной политики по отношению к развитым народам возможно только в качестве наказания, но никак не может рассматриваться как способ совместного существования (Тихомиров, 1997: 547).

Таким образом, Тихомиров указывал на необходимость отказа от единого шаблона при проведении национальной политики, которая должна выстраиваться сообразно уровню культурного и политического развития инородческой окраины и степени ее лояльности имперскому центру.

Видный общественный деятель консервативной направленности, талантливый публицист и писатель, один из идеологов охранительного движения конца XIX – начала XX вв. К.Ф. Головин отмечал, что в 80–90-е гг. XIX века в консервативных кружках и салонах велись оживленные дискуссии по вопросу о характере и методах ведения национальной политики. Данные дебаты проходили, в том числе и в салоне самого общественного деятеля – на «средах Головина», которые посещались представителями высшей аристократии, крупными бюрократами и общественными деятелями. Хозяин салона указывал на то, что мнения по национальной проблеме были неоднозначными и разделялись на две точки зрения: умеренно-взвешенную и откровенно реакционную (Солоусов, 2006: 104). Сам Головин придерживался умеренной позиции в национальном вопросе, подвергая критике русификаторскую политику властей в том виде, в котором она проводилась в период царствования Александра III, поскольку в ее основе лежало насилие, которое не только допускалось, но и признавалось вполне законным (Головин, 1910: 116). Попытки механического слияния абсолютно разных по своему культурному развитию, бытовому укладу национальных окраин публицист образно называл стремлением «навязать русский тулуп всем инородческим национальностям, православного попа всем иноверцам, русский язык всем говорящим на иных языках, наконец, русским становым заменить всё исторически сложившиеся по окраинам местное управление» (Головин, 1910: 117).

Не выступая против политики русификации в принципе, Головин осуждал ее крайне грубый, неумелый, прямолинейный характер, ведущий к обратному эффекту, способствуя усилению антирусских и сепаратистских настроений. В частности, анализируя мероприятия, проводимые правительством Александра III в Остзейском крае, он указывал на их мелочный, насильственный, а порой и откровенно бестактный характер. Во второй половине 1880-х годов в регионе была проведена серия реформ в области местного управления, судопроизводства, образования, направленных на ограничение автономии Остзейских губерний, распространение здесь общеимперского законодательства, православия и русского языка. Концепция преобразований была разработана сенатором Н.А. Манасеиным на основе результатов проведенной им в 1882–1883 годах крупной ревизии края, итоги которой он изложил в обширном рапорте на имя Александра III (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 553, 554). По мнению Головина, данные мероприятия могли быть вполне успешными, если бы проводились мягко, постепенно, «с тактом», ориентируясь в первую очередь на привлечение местного населения к общеимперским нормам и ценностям, а не на подавление местных традиций.

Аналогичной позиции, состоящей в принципиальной поддержке сущности русификаторской политики и острой критике неумелых и грубых форм ее реализации, придерживались не только представители русской общественности, но и многие крупные государственные деятели, такие как П.А. Валувев, И.И. Воронцов-Дашков, А.А. Половцев, Н.П. Гиляров-Платонов (Русский консерватизм XIX столетия, 2000: 338).

Своеобразной «критике справа» политику русификации подвергал один из виднейших представителей русской охранительной мысли второй половины XIX века К.Н. Леонтьев. Угроза, таившаяся, по его мнению, в проведении данной политики была обозначена им в самом заглавии сочинения, в котором была изложена его концепция – «Национальная политика как угроза всемирной революции». Данное название вызвало ряд критических замечаний и недоразумений, что заставило Леонтьева при публикации собрания своих сочинений откорректировать название, сменив слово «национальная» на «племенная». Главный тезис, красной линией проходящий не только через это, но и другие сочинения мыслителя по данному вопросу, состоял в том, что «движение современного политического национализма есть не что иное, как видоизмененное только в приемах распространение космополитической демократизации» (Леонтьев, 1912: 150).

Указывая на то, что национализм, широко распространившийся в Европе в XIX столетии ведет к унификации социального пространства, культурному обезличиванию, стиранию национальных особенностей и этнографического своеобразия, Леонтьев отмечал, что, начиная с 1860-х годов и в русском обществе, и в правительственных кругах «племенные чувства начинают брать верх над государственными инстинктами», что напрямую связывалось им с происходившими в стране процессами эмансипации (Леонтьев, 1912: 169). Эгалитарно-либеральному национализму мыслитель противопоставляет «национализм настоящий оригинальный, обособляющий и утверждающий национальный дух и национальные формы» (Леонтьев, 1912: 189). Подвергая критике русификаторскую политику властей в национальных окраинах, Леонтьев акцентирует свое внимание не на отдельных недостатках, непродуманности или грубости при её реализации, о чем писали многие государственные деятели и представители общественности, а на ее принципиальной ошибочности. Консервативный мыслитель утверждал, что под эгидой русификации российская администрация проводит «жидкую, бледную, нивелирующую европеизацию», поскольку не может предложить национальным окраинам ничего «своего», «самобытного», подходившего бы им (Леонтьев, 1886: 187). Единственным элементом русификаторской политики, не вызывающим критики Леонтьева, является распространение русского языка, который он называл «лучшим средством прикрепления иноверцев к России» (Леонтьев, 1886: 187-188). Исходя из всего вышесказанного, мыслитель призывал не проводить нивелирующую окраины русификацию, представляющую собой их «демократическую европеизацию», которая не имеет ничего общего с высокой идеей «православно-культурного руссизма», а «стремиться к самобытности духовной умственной и бытовой», чтобы стать живым примером для других народов (Леонтьев, 1912: 189).

Критика Леонтьевым политики русификации представляет собой яркий пример проекции консервативно-охранительной социально-политической доктрины, которой придерживался мыслитель, на его воззрения относительно проблемы национальных окраин. Острые его критики направлены не столько на национальную, сколько на внутреннюю политику российской администрации, результатом которой стало не только укрепление либеральных институтов в коренных русских губерниях, но и стремление распространить их на окраины.

Оригинальную модель взаимодействия имперского центра с национальными окраинами в контексте вопроса о совершенствовании системы государственного управления империей предложил С.Ф. Шарапов – консервативный мыслитель, развивающий славянофильские идеи. В своей известной работе «Самодержавие и самоуправление», вышедшей в 1899 году, он предлагал широкую политическую и административную реорганизацию страны в сторону формирования особого государственно-земского строя (Шарапов, 2010: 30-31).

Согласно данной концепции, страна должна разделяться на несколько крупных территориальных земских областей, обладающих самоуправлением, но подчиняющихся общеимперскому законодательству. Предлагалось создать двенадцать «коренных русских» областей и шесть «инородческих». По мысли автора, такое разделение, с одной стороны, будет способствовать укреплению самодержавия, реализуемого «во всей своей полноте» и освобожденного от бюрократической узурпации, с другой – позволит более эффективно учитывать региональную окраинную специфику при организации местного самоуправления, что не только не ослабит, но, напротив, укрепит связи между имперским центром и периферией (Шарапов, 2010: 39-40). Шарапов подчеркивал, что проведение единой политики по отношению к инородческим окраинам России, чрезвычайно разнообразным в этнографическом, социальном и культурном плане, принципиально невозможно, как невозможно и их единообразное управление и устройство.

Так, Шарапов выступал против какой-либо русификации Финляндии и Польши, указывая, как на бесперспективность усилий в этом направлении, так и на прямой вред данной политики для русского населения, которое может подвергнуться эксплуатации более развитых в культурном и экономическом отношении финнов или поляков (Шарапов, 2010: 46-47). По его мнению, следует в большей степени заботиться об изоляции данных окраин от России, нежели создавать там «искусственных русских», что может превратить Финляндию во «вторую Польшу», а в самой Польше еще более усилить русофобские настроения среди местной элиты и интеллигенции. Шарапов предлагал восстановить таможенную черту между Польшей и Россией и передать Царству Польскому части Ковенской, Виленской и Гродненской губерний с преобладающим там польско-литовским населением, исповедующим католицизм. Такое продвижение польской этнографической границы вглубь империи, оправдывается тем, что в данных районах польская ассимиляция гораздо сильнее русской и литовцы добровольно тяготеют к Польше, а также тем, что это позволит усилить русские культурные элементы в соседней Литовско-Белорусской области (Шарапов, 2010: 47).

Ни о каких попытках русификации Кавказа и Средней Азии Шарапов даже не упоминает. По его мнению, в этих окраинах вследствие либо «малокультурности» местных жителей (Средняя Азия), либо наличия острых противоречий между народностями, ни один из которых не имеет преимуществ в регионе (Кавказ), русский элемент «как культивирующий и управляющий» должен иметь «явное и полное преобладание» в местном управлении. Во избежание межэтнических споров и конфликтов в администрации, самоуправлении, суде и школе должен господствовать русский язык, что предотвратит возможность усиления одной народности за счет другой (Шарапов, 2010: 51-52).

Наиболее острая полемика в русской консервативной мысли развернулась по вопросу о том, на какие социальные круги следует опираться имперскому центру в национальных окраинах, дабы укрепить целостность империи и противодействовать сепаратистским настроениям.

Большая часть консерваторов в силу особенностей отстаиваемой ими доктрины сословности и социального неравенства, выступали за опору на традиционные местные элиты, лояльные верховной власти. Вследствие этого, острой критике подвергались любые устремления имперских властей ослабить местные элиты за счет искусственного создания контрэлит, либо усиления местных демократических сил, которые должны были стать союзниками центра в борьбе против сепаратистских тенденций.

Так, Головин подвергал критике деятельность Н.А. Манасеина, который во время проводимой им ревизии, якобы стремился к заключению «тесного союза между русскими чиновниками и местными кружками из латышской интеллигенции», которые «науськивались на немецких баронов». Тенденцию поощрения региональных радикальных сил, принимающих это заигрывание за попустительство и ни в коей мере не становящимися проводниками русской политики, консервативный мыслитель считал пагубной (Головин, 1910: 123).

Такой же позиции придерживался и Леонтьев, подчеркивавший, что окраинная аристократия, верная российскому престолу, имеет огромные преимущества перед местными демократическими слоями. По мнению Леонтьева, в укреплении существующего политического строя и защите православия, делу которого лояльная местная знать невольно служила долгие годы, «один остзейский породистый барон стоит целой сотни эстского и латышского разночинства» (Леонтьев, 1912: 157). Главная задача центральной власти состоит в том, чтобы не допускать излишней эксплуатации низших инородческих слоев высшими, что может спровоцировать социальную борьбу на окраинах.

Однако ряд консервативных мыслителей были сторонниками подчинения общегосударственным целям интересов местных элит, что не исключало их ослабления, использование противоречий между местными этно-социальными группами, а также опору на местные демократические круги.

М.Н. Катков еще в 1860-е годы осуждал имперскую власть за заигрывание с инородческим дворянством окраин, поощряемым «единственно потому, что они не русские, а туземцы», за его активное привлечение к государственной службе, а также за его усиление и создание в тех окраинах, где оно отсутствовало, либо было слабым. Публицист подвергал критике предоставление инородческому дворянству широких прав в отношении местного населения, что вызывало его недовольство и порождало брожения (Катков, 2011: 247-248).

Сдержанной позиции в отношении инородческой элиты придерживался и В.П. Мещерский, являвшийся сторонником добровольной ассимиляции национальных окраин на религиозной основе. Рассматривая в своих статьях религиозные процессы, происходившие в Прибалтике, он призывал не идти на поводу у местных аристократов-лютеран, препятствующих обращению местных жителей в православие (Гражданин. 1885. № 74). Имперские интересы консервативный публицист ставил выше сословных, подчеркивая, что права окраинной аристократии могут быть ущемлены, если они вступают в противоречие с общегосударственными нуждами.

По мнению С.Ф. Шарапова, на западных и северо-западных окраинах империи именно народные массы и представлявшие их демократические круги являются наиболее надежной опорой центральной власти, в отличие от местной аристократии, отстаивавшей исключительно свои корпоративные интересы. Именно поэтому он призывал усилить русский элемент в Литве и Белоруссии, активно опираясь на крестьянство, а в Прибалтике призывал ограничивать «архаические привилегии немецкого рыцарства и бюргерства» путем поднятия местного эстонско-латышского элемента (Шарапов, 50-51).

Отсутствие единой точки зрения по данному вопросу, как в отечественной консервативной доктрине, так и в правительственных кругах, непосредственно занимавшихся управлением национальными окраинами, было обусловлено сочетанием стремления отстаивать имперские унитаристские ценности, лежащие в основе политики русификации, с сословно-элитаристскими принципами, от которых ни власть, ни её консервативные оппоненты в рассматриваемый период были не готовы отказаться.

5. Заключение

Таким образом, вторая половина XIX – начало XX вв. в истории Российской империи связана с двумя определяющими процессами – модернизацией и завершением формирования имперского государства. С другой стороны, для этого периода характерны распространение в России европейской идеи национального государства и рост национального самосознания у народов, населявших окраины полиэтнической империи. Наложение вышеобозначенных процессов привело имперские власти к необходимости обновления, а иногда и формирования совершенно новых траекторий взаимодействия с национальными регионами. Представители консервативной общественной мысли, несмотря на поддержку лозунга о единой и неделимой России, зачастую критиковали насильственные методы русификации окраин, однако, не отказываясь от нее полностью.

Они призывали придерживаться принципа умеренности, избирательности и постепенности при решении национального вопроса. В своих критических оценках русские консерваторы подчеркивали низкий профессиональный уровень правящей имперской элиты, которая была не готова справляться со все усложняющимися вызовами времени и выстраивать гибкую, разноплановую национальную политику, отдавая предпочтение жестким прямолинейным решениям, возбуждавшим недовольство населения окраин и провоцировавшим возникновение и усиление радикальных, сепаратистских настроений.

Вторым направлением, которое возможно выделить в возникших дискуссиях о политике на национальных окраинах, является вопрос о социальной опоре самодержавия. Традиционное сотрудничество с местными элитами как один из краеугольных принципов имперской национальной политики к концу XIX века начал давать сбои и приводить к отрицательным последствиям. Часть консервативно ориентированной общественности стала выступать за смену ориентиров и сотрудничество с национальными демократическими кругами. Данный факт свидетельствует о преобладании имперского восприятия консерваторами сложившейся ситуации над ее сословной составляющей, приоритетности общегосударственных нужд.

6. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации поддержанного Российским научным фондом проекта 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

Литература

Андерсон, 2001 – Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 286 с.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Головин, 1910 – Головин К.Ф. Мои воспоминания. Т. II. СПб.: Типо-литография Т-ва «Свет», 1910. 274 с.

Гражданин, 1885, № 74 – Гражданин. 1885. № 74. 24 октября.

Дякин, 1998 – Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб.: «ЛИСС», 1998. 1000 с.

Каппелер, 2000 – Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Традиция – Прогресс: Традиция, 2000. 342 с.

Катков, 2011 – Катков М.Н. Сепаратизм на Кавказе и в Закавказье есть следствие слабости национального духа во внутренней политике России // *Собрание сочинений. Т. 2.* СПб.: Росток, 2011. 896 с.

Катков, 1898a – Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1882. М.: Издание С.П. Катковой, 1898. 691 с.

Катков, 1898b – Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1886. М.: Издание С.П. Катковой, 1898. 691 с.

Корелин, 2011 – Корелин А.П. «Падению монархии предшествовало численное и качественное оскудение монархистов...»: о причинах заката Российской империи // *Вестник РУДН. Сер. История России.* 2011. № 2. С. 23–34.

Круглый стол, 2002 – Круглый стол «Национализм в имперской России: идеологические модели и дискурсивные практики» // *Новое литературное обозрение.* 2002. № 57. С. 426–430.

Леонтьев, 1886 – Леонтьев К.Н. Отрывок из письма об Остзейском крае // *Восток, Россия и славянство. Т. 2.* М.: Типо-литография И.Н. Кушнарева и К., 1886. 420 с.

Леонтьев, 1912 – Леонтьев К.Н. Племенная политика, как орудие всемирной революции // *Собрание сочинений. Т. 6.* М.: Издание В.М. Саблина, 1912. 359 с.

Миллер, 2006 – Миллер А. Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

Пулькин, 2005 – Пулькин М.В. Три облика русификации в Карелии // *Вестник Евразии. Независимый научный журнал.* 2005. № 3 (29). С. 107–125.

Русский консерватизм XIX столетия, 2000 – *Русский консерватизм XIX столетия: идеология и практика.* М.: Прогресс-Традиция, 2000. 440 с.

Солоусов, 2006 – Солоусов А.С. Национальный вопрос в России во второй половине XIX – начале XX вв. в трудах консерваторов // *Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики.* 2006. Т. 6. № 1. С. 101–107.

Сумарокова, 2016 – Сумарокова О.Л. Языковая политика Российской империи и «русификации»: к вопросу о методологии исследования // *Современные тенденции развития науки и технологий.* 2016. № 2-4. С. 122–128.

Тихомиров, 1997 – Тихомиров Л.А. Русское дело и обрусение // Тихомиров Л.А. *Критика демократии.* М.: Москва, 1997. 672 с.

Хасин, 2011 – Хасин В.В. Национальный фактор и традиционное общество в конструировании имперской идеологии в России начала XX века // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2011 № 5. С. 176–180.

Шарапов, 2010 – Шарапов С.Ф. Самодержавие и самоуправление // *Избранное*. М.: РОССПЭН, 2010. 744 с.

Apryshchenko, 2016 – Apryshchenko V.Y. Idea of a nation in Eastern Europe in modern times // *Bylye Gody*. 2016. № 1 (39). pp. 83-89.

Chimiak L. Gubernatorzy rosyjscy w Kro'lestwie Polskim. Szkic do portretu zbioronego. Wroclaw. 1999. 243 p.

Krot, 2013 – Krot M.N. Conservative Protective Program of Development of the Russian Society during the Reign of Alexander II (1860–1880s) // *Bylye Gody*. 2013. № 30 (4). pp. 103-110.

Thaden, 1981 – Russification in the Baltic Provinces and Finland: 1855–1914 / Ed. By Edward C. Thaden. Princeton, NJ: Prinseton Univarcity Press, 1981. 512 p.

References

Anderson, 2001 – Anderson B. (2001). Voobrazhayemyye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma [Imagined Communities: Reflections on the Origins and the Spread of Nationalism]. Moscow: Canon-Press-T: Kuchkovo Field. 286 p. [in Russian].

GARF – State Archive of the Russian Federation.

Golovin, 1910 – Golovin K.F. (1910). Moi vospominaniya [My memories]. T. II. SPb.: Tipo-litografiya T-va «Svet». 274 p. [in Russian].

Grazhdanin. 1885. № 74 – Grazhdanin. 1885. № 74. 24 oktyabrya [in Russian].

Dyakin, 1998 – Dyakin V.S. (1998). Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX – nachalo XX vv.) [The national question in the internal policy of tsarism (XIX – early XX centuries.)]. SPb.: «LISS». 1000 p. [in Russian].

Kappeler, 2000 – Kappeler A. (2000). Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad [Russia is a multinational empire. Appearance. History. The decay]. M.: Traditsiya – Progress: Traditsiya. 342 p. [in Russian].

Katkov, 2011 – Katkov M.N. (2011). Separatizm na Kavkaze i v Zakavkaz'e est' posledstvie slabosti natsional'nogo dukha vo vnutrennei politike Rossii [Separatism in the Caucasus and Transcaucasia is a consequence of the weakness of the national spirit in Russia's domestic policy]. *Sobranie sochinenii*. T. 2. SPb.: Rostok. 896 p. [in Russian].

Katkov, 1898a – Katkov M.N. (1898). Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei [Collection of editorials of the Moscow bulletin]. M.: Izdanie S.P. Katkovo. 691 p. [in Russian].

Katkov, 1898b – Katkov M.N. (1898). Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei [Collection of editorials of the Moscow bulletin]. 1886. M.: Izdanie S.P. Katkovo. 691 p. [in Russian].

Korelin, 2011 – Korelin A.P. (2011). «Padeniyu monarkhii predshestvovalo chislennoe i kachestvennoe oskudenie monarkhistov...»: o prichinakh zakata Rossiiskoi imperii [“The fall of the monarchy was preceded by a numerical and qualitative impoverishment of monarchists ...”: on the reasons for the decline of the Russian Empire]. *Vestnik RUDN. Ser. Istoriya Rossii*. № 2. pp. 23–34 [in Russian].

Kruglyi stol, 2002 – Kruglyi stol «Natsionalizm v imperskoi Rossii: ideologicheskie modeli i diskursivnye praktiki» [Round Table “Nationalism in Imperial Russia: Ideological Models and Discourse Practices”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2002. № 57. pp. 426–430 [in Russian].

Leont'ev, 1886 – Leont'ev K.N. (1886). Otryvok iz pis'ma ob Ostzeiskom krae [Excerpt from a letter about the Ostsee Territory]. *Vostok, Rossiya i slavyanstvo*. T. 2. M.: Tipo-litografiya I.N. Kushnareva i K. 420 p. [in Russian].

Leont'ev, 1912 – Leont'ev K.N. (1912). Plemennaya politika, kak orudie vseмирnoi revolyutsii [Breeding policy as an instrument of the world revolution]. *Sobranie sochinenii*. T. 6. M.: Izdanie V.M. Sablina. 359 p. [in Russian].

Miller, 2006 – Miller A. (2006). Imperiya Romanovykh i natsionalizm [Romanov's Empire and Nationalism]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 248 p. [in Russian].

OR RGB – Department of Manuscripts of the Russian State Library.

Pul'kin, 2005 – Pul'kin M.V. (2005). Tri oblika rusifikatsii v Karelii [Three forms of Russification in Karelia]. *Vestnik Evrazii. Nezavisimyi nauchnyi zhurnal*. № 3 (29). pp. 107–125 [in Russian].

Russkii konservatizm XIX stoletiya, 2000 – Russkii konservatizm XIX stoletiya: ideologiya i praktika [Russian conservatism of the XIX century: ideology and practice]. M.: Progress-Traditsiya, 2000. 440 p. [in Russian].

Solousov, 2006 – Solousov A.S. (2006). Natsional'nyi vopros v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. v trudakh konservatorov [The national question in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries. in the works of conservatives]. *Nauchno-tehnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki*. T. 6. № 1. pp. 101–107 [in Russian].

Sumarokova, 2016 – Sumarokova O.L. (2016). Yazykovaya politika Rossiiskoi imperii i «rusifikatsii»: k voprosu o metodologii issledovaniya [Language policy of the Russian Empire and “Russification”: to the

question of the methodology of research]. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii*. № 2-4. pp. 122–128 [in Russian].

Tikhomirov, 1997 – *Tikhomirov L.A.* (1997). Russkoe delo i obrusenie [Russian business and Russification]. Tikhomirov L.A. *Kritika demokratii*. M.: Moskva. 672 p. [in Russian].

Khasin, 2011 – *Khasin V.V.* (2011). Natsional'nyi faktor i traditsionnoe obshchestvo v konstruirovanii imperskoi ideologii v Rossii nachala XX veka [The National Factor and Traditional Society in the Design of the Imperial Ideology in Russia at the Beginning of the 20th Century]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. № 5. pp. 176–180 [in Russian].

Sharapov, 2010 – *Sharapov S.F.* (2010). Samoderzhavie i samoupravlenie [Autocracy and self-government]. *Izbrannoe*. M.: ROSSPEN. 744 p. [in Russian].

Apryshchenko, 2016 – *Apryshchenko V.Y.* Idea of a nation in Eastern Europe in modern times. *Bylye Gody*. 2016. № 1 (39). pp. 83-89 [in Russian].

Chimiak, 1999 – *Chimiak L.* (1999). Gubernatorzy rosyjscy w Kro'lestwie Polskim. Szkic do portretu zbioronego. Wroclaw. 243 p.

Krot, 2013 – *Krot M.N.* (2013). Conservative Protective Program of Development of the Russian Society during the Reign of Alexander II (1860-1880s). *Bylye Gody*. № 30 (4). pp. 103–110 [in Russian].

Thaden Edward, 1981 – Russification in the Baltic Provinces and Finland: 1855–1914 / Ed. By Edward C. Thaden. Princeton, NJ: Prinseton Univarcity Press, 1981. 512 p.

Русификация – pro et contra: полемика в русской консервативной мысли конца XIX века

Максим Николаевич Крот ^{a, b, *}, Наталья Валерьевна Дмитриева ^{a, b}

^a Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

^b Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу воззрений представителей консервативной общественной мысли Российской империи на политику царских властей в национальных окраинах государства во второй половине XIX – начале XX вв. Авторы связывают обращение российских мыслителей к этим проблемам с двумя неразрывно связанными процессами, характеризующими и определяющими развитие Российской империи в указанный период: модернизацией и завершением строительства имперского государства. Центральные власти вынуждены были искать ответы на вызовы национализма, актуализированные общими модернизационными процессами, и разрабатывать соответствующую этим вызовам систему взаимодействия с местными элитами. Формирование модели выстраивания взаимоотношений центра и национальных окраин происходило при деятельном участии консервативно ориентированной общественности. Авторами проанализированы основные работы по обозначенной проблеме ведущих представителей русской консервативной мысли второй половины XIX – начала XX в. (М.Н. Каткова, Л.А. Тихомирова, К.Н. Леонтьева, С.Ф. Шарапова, К.Ф. Головина), что позволило сделать вывод о наличии их критического отношения к правительственной политике в национальных окраинах в исследуемый период. В своих работах обозначенные представители общественной мысли призывали придерживаться принципа умеренности, избирательности и постепенности при решении национального вопроса. Авторы приходят к выводу, что отсутствие единой точки зрения по данной проблеме, как в отечественной консервативной доктрине, так и в правительственных кругах, непосредственно занимавшихся управлением национальными окраинами, было обусловлено сочетанием стремления отстаивать имперские унитаристские ценности, лежащие в основе политики русификации, с сословно-элитаристскими принципами, от которых ни власть, ни её консервативные оппоненты в рассматриваемый период были не готовы отказаться.

Ключевые слова: русификация, консерватизм, общественное мнение, русская консервативная мысль, М.Н. Катков, Л.А. Тихомиров, национальные окраины, национальная политика, Российская империя, модернизация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mnkrot@sfedu.ru (М.Н. Крот), nvdmitrieva@sfedu.ru (Н.В. Дмитриева)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 370-382. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.370
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Structure and Dynamics of Employment of Young People of the Working Class in the Province of Tobolsk in the late XIX century

Oksana V. Ustinova ^{a,*}, Shamil F. Farakhutdinov ^a

^a Tyumen Industrial University, Russian Federation

Abstract

The article examines the patterns of employment of working youth of the province of Tobolsk in the late XIX century, identified on the basis of the analysis of the results of the First Russian census conducted in 1897 and reflect the socio-economic situation of the region from the point of view of employment of the population of Siberia, its distribution by occupations, age groups, gender, nationality. For a more detailed analysis of youth employment, and given the relatively short life expectancy in the late nineteenth century were studied in four age groups: 12 and under, 13–14 years, 15–16 years, 17–19 years.

The study found that the proportion of industrial workers under the age of 19 in the province of Tobolsk were minimal and amounted to about 1 %. It is established that the age differentiation of the labour market young workers in the Tobolsk province was influenced, on the one hand, the difficult financial situation of working families and the cheapness of the cost of child labour, on the other – legislative constraints associated with the adoption of the laws of 1882 and 1885, as well as the slow growth of the industry, due to the territorial remoteness of the province from the "center". It is revealed that with increasing age, the proportion of workers in the industrial sector. The most popular among young workers were manufacturing industries: processing of fibrous materials, wood, metals, mineral substances, vegetable and animal products; and chemical production and the manufacture of clothing.

Keywords: Tobolsk province, County, population, working class, young workers, employment, type of occupation, age, labour market.

1. Введение

Промышленная революция в России в 1850–1890-е гг. (Новая..., 1984; Соловьева, 1990), отмена крепостного права в 1861 г. существенно изменили структуру занятости населения, в которой появился класс наемных рабочих, лишенных средств производства и имевших возможность к выживанию только за счет продажи своей рабочей силы. Общая численность рабочих страны к 1900 г. достигла 14 млн человек. Обреченность на бесперспективно нищенское существование вовлекала в ряды рабочих не только мужчин, но и женщин, подростков и даже малолетних детей.

Развитие новых видов производства, создание крупных предприятий и фабрик, совершенствование средств труда – все это было направлено на увеличение масштабов и мощностей промышленности в стране. В структуре занятости населения России конца XIX века можно укрупнено выделить 2 категории рабочих: промышленные (фабрично-заводские рабочие) и непромышленные (рабочие, занятые в сельском хозяйстве, на земляных работах, в строительстве).

Учитывая, что возраст промышленных рабочих преимущественно составлял 17–40 лет (Иванов, 1966), особый интерес представляет исследование отраслевой дифференциации молодежи рабочего класса в структуре рынка труда России и отдельных губерний в исследуемый период.

Тобольская губерния в конце XIX века являлась достаточно крупным административным образованием, но в то же время с неразвитой инфраструктурой, низким уровнем образованности и

* Corresponding author

E-mail addresses: ustinovaov@tyuiu.ru (O.V. Ustinova), fshamil@mail.ru (Sh.F. Farakhutdinov)

занятости. Общая численность самозанятого населения составляла чуть менее 370 тыс. чел., причем доля молодежи в ней – менее 10 %.

2. Материалы и методы

Эмпирическую основу исследования составили результаты Первой всероссийской переписи населения, проведенной в 1897 году, отражающие социально-экономическое положение региона с точки зрения занятости населения Сибири, его распределение по видам занятий, возрастным группам, полу, национальности.

Решение исследовательских задач осуществлялось посредством использования научных методов, таких как исторический анализ, который позволил провести научную обработку архивных данных Переписи населения 1897 г., отражающих социально-экономические условия исследуемого периода, и выделить наиболее популярные и наименее востребованные виды занятости среди молодежи рабочего класса в Tobольской губернии; статистико-корреляционный анализ, с помощью которого были классифицированы виды занятости молодежи рабочего класса относительно таких признаков как пол и возраст; историко-системный метод, который позволил выявить историческую обусловленность экономической активности молодежи рабочего класса, характерную для Tobольской губернии в конце XIX века.

3. Обсуждение

Вопросам истории занятости, ее роли в развитии общества как самоорганизующейся системы посвящены немногочисленные научные работы. Детальный анализ ретроспективы безработицы и ее особенностей представлен в работах В.П. Пашина, С.В. Богданова, Д.В. Арбатского (Пашин, Богданов, 2004; Арбатский, 2010). Влияние социально-экономических трендов прошлых лет на текущее состояние безработицы и занятости населения анализируется в работах Е. Авраамовой (Аврамова, 2017).

Особую ценность представляют работы монографического уровня, посвященные тенденциям формирования и особенностям жизнедеятельности рабочего класса России конца XIX – начала XX вв. (Гессен, 1927; Рашин, 1958; Соловьева, 1990), а также научные статьи, посвященные занятости и проблемам рабочей молодежи исследуемого периода (Иванов, 1966; Миронов, 1999; Куприянова, 2000).

Социально-экономическое положение Сибири, анализируемое с позиции занятости населения региона, представлено в научных трудах В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова, Ю.М. Конева, Л.М. Пилипенко (Скубневский, 1990: 98-119; Goncharov, 2014, Konev, Pilipenko, 2017), а распределение населения по видам занятий, возрастным группам, полу, национальности в регионе отражено в исследованиях Н. Тройницкого (Тройницкий, 1905).

В контексте заявленной темы интересными также представляются научные работы, посвященные особенностям проведения и интерпретации результатов первой всеобщей переписи населения, как российских (Кадомцев, 1909; Котельников, 1909; Литвак, 1990), так и зарубежных (Edlund, 2000; Dunai, 2008; Eberhardt, 2003) ученых.

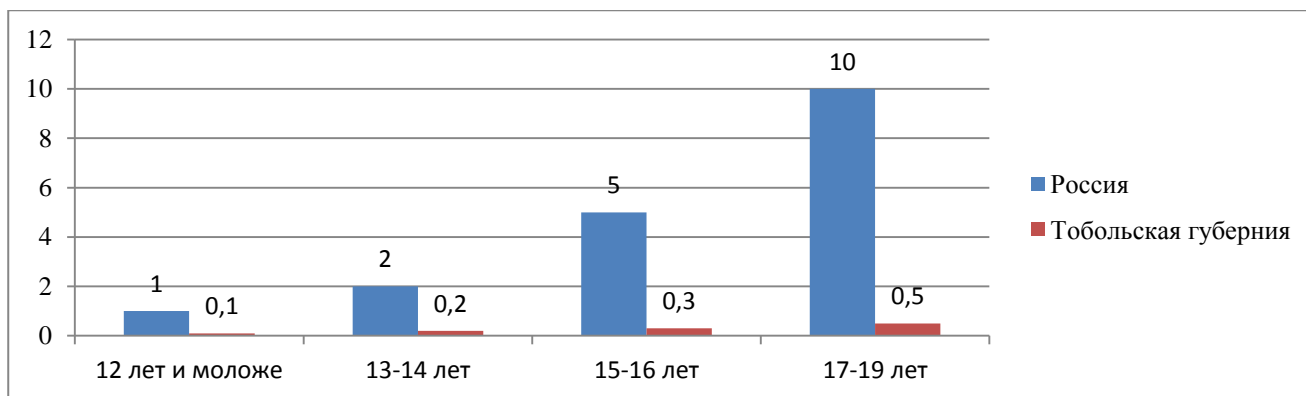
4. Результаты

Реформа 1861 г. сопровождалась формированием свободного рынка наемного труда людей, лишенных средств производства и живущих исключительно продажей своей рабочей силы, разорвавших связь с землей и собственным хозяйством и занятых производственным трудом на фабриках и заводах.

К 1880 г. численность рабочего класса увеличилась (по сравнению с 1860 г.) более чем в два раза и составила 7,35 млн чел. (Куприянова, 2000: 214) Учитывая тяжелые социально-экономические условия в стране, особенно обострившиеся в период 1880–1886 гг., в годы затянувшегося экономического кризиса, в условиях инфляции, дороговизны, дезорганизации денежного обращения, депрессии промышленного производства, безработицы (Куприянова, 2000: 217), в тяжелый производственный труд массово вовлекались женщины, молодежь и дети (Храмцов, 2014: 147-152). К примеру, среди уральских рабочих в последней четверти XIX – начале XX в. каждый четвертый-пятый работник в горнодобывающей и обрабатывающей отрасли, фабрично-заводском и кустарном производстве был в возрасте 10–20 лет. Такое положение было характерно не только для данного региона, но для России в целом (Перебейнос, 2000: 16).

Важно отметить, что доля населения, относившегося к категории «промышленные рабочие» существенно отличалась по регионам в зависимости от их удаленности от центра России, инфраструктуры, социально-экономического положения и темпов развития промышленности.

Например, в конце XIX века в России доля молодежи в возрасте до 19 лет, занятой в отраслях, связанных с обработкой, переработкой сырья, а также производством составляла около 18 %, в то время как в Tobольской губернии – чуть более 1 % (рис. 1).

Рис. 1. Структура занятости молодого населения в возрасте 12 лет и моложе до 19 лет России и Тобольской губернии, %

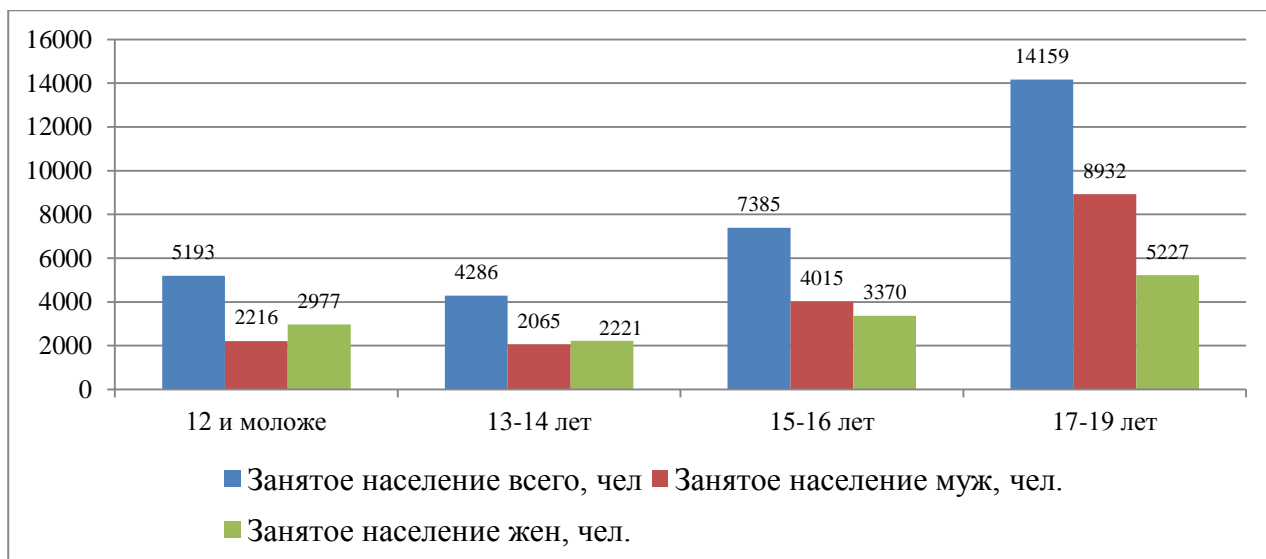
С учетом исследовательских задач, анализ структуры рынка труда молодежи рабочего класса будет охватывать, помимо прочих, возрастные группы «12 лет и моложе» и «13–14 лет». Это обусловлено тем, что преобладающая масса рабочих России исследуемого периода нанималась на производство в чрезвычайно раннем возрасте – почти две трети всех рабочих начинали работать на фабрике в возрасте до 14 лет (Рашин, 1958: 299). Кроме того, включение этих возрастных категорий в «исследовательское поле» позволяет отследить основные тенденции по использованию труда подростков и молодежи в различных отраслях. Эти тенденции, обусловленные степенью тяжести физического труда, законодательными ограничениями, а также популярностью различных сфер деятельности, отчетливо прослеживаются в динамике нанятых рабочих по отраслям в зависимости от возраста.

В начале 1880-х годов эксплуатация детского труда приняла огромные размеры. От опубликования манифеста об освобождении крестьян до издания закона об ограничении труда малолетних (1882 г.), число малолетних рабочих, занятых на предприятиях фабрично-заводской промышленности и в абсолютных, и в процентных цифрах сильно и заметно возросло». (Гессен, 1927: 57) Привлечение на производство детей и подростков было вызвано тяжелым материальным положением рабочих семей и дешевизной стоимости их труда.

С принятием законов «О малолетних, работающих на заводах, фабриках, мануфактурах» (1882) и «О воспрещении ночной работы несовершеннолетними и женщинами на заводах фабриках и мануфактурах» (1885), (несмотря на то, что они часто не исполнялись администрацией заводов, фабрик, мануфактур (Перебейнос, 2000)), число рабочих в возрасте 10–14 лет начинает заметно сокращаться, а ряды рабочего класса пополняются за счет молодежи в возрасте 18–19 лет.

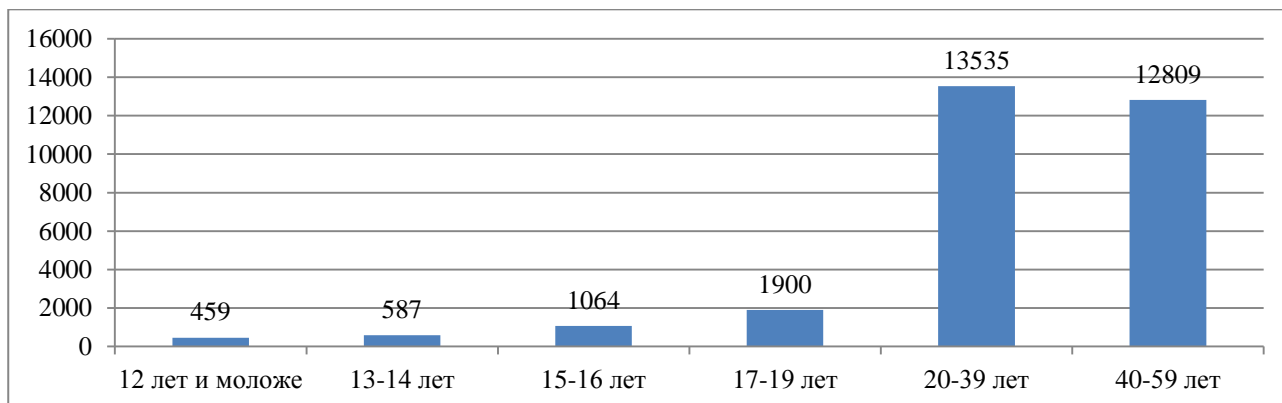
Низкая оплата труда (чуть более 200 руб. в год в фабрично-заводской промышленности) и постоянное ее снижение (например, за 1882–1884 гг. зарплата ткачей снизилась в 5 раз), высокие расходы на жилье (до 3/5 заработка) (Рабочий..., 1998), тяжелый труд, произвол со стороны администрации предприятий, невозможность отдохнуть в период и после работы провоцировали массовые недовольства (История..., 1972). Только за первую половину 1880-х гг. произошло около 100 стачек и свыше 50 волнений, с требованиями рабочего класса отмены или сокращения системы штрафов, прекращения снижения заработной платы, изменения условий найма и увольнения. (Куприянова, 2000) Безусловно, молодые рабочие были активными участниками массовых волнений, а затем и революции 1905–1907 гг. (Гейфман, 1997; Куприянова, 2000; Миронов, 2013).

В Тобольской губернии самозанятое население в возрасте до 19 лет составляло порядка 31 023 чел. или 8,39 % от общего количества самозанятого населения (рис. 2). Как было отмечено ранее, для более детального анализа занятости рабочей молодежи Тобольской губернии, авторы будут рассматривать категорию «молодежь» в разрезе нескольких возрастных групп: 12 лет и моложе, 13–14 лет, 15–16 лет, 17–19 лет.

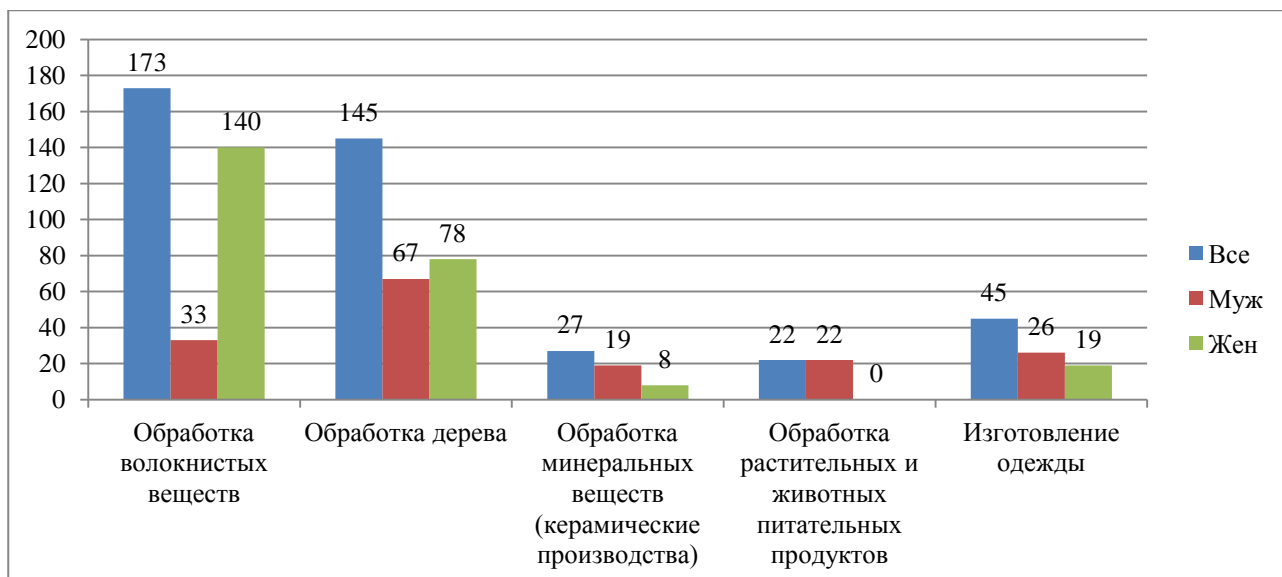
Рис. 2. Структура занятого населения в возрасте до 19 лет, чел.

Анализ структуры занятости молодежи Тобольской губернии в возрасте 12–19 лет позволяет выделить в ней, помимо традиционного сельского хозяйства, занятия, связанные с обработкой, переработкой сырья, а также разными видами производства в промышленности. Это обработка волокнистых веществ; обработка животных продуктов; обработка дерева; обработка металлов; обработка минеральных веществ (керамические производства); производства химические и производства связанные с ними; винокурение, пиво- и медоварение; производства прочих напитков и бродильных веществ; обработка растительных и животных питательных продуктов; полиграфические производства; производство инструментов физических, оптических, хирургических, музыкальных, часов, игрушек и проч.; изготовление одежды; работы по устройству, ремонту и содержанию жилищ и строительные вообще; производство экипажей и постройка деревянных судов. В этих видах производства трудилось чуть более 4 тыс. чел. молодежи (рис. 3).

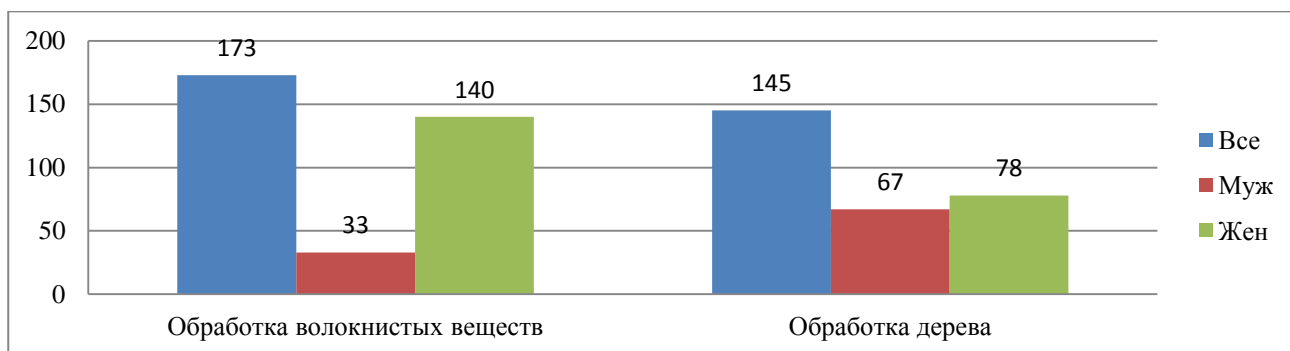
Рис. 3. Структура занятости населения Тобольской губернии на производстве, обработке и переработке сырья, чел.

Возрастная категория 12 лет и моложе, с точки зрения видов деятельности интересна тем, что всего 459 человек было занято на производстве и в обрабатывающей промышленности: обработке волокнистых веществ (3,3 %), обработке дерева (2,8 %), изготовлении одежды (0,9 %), обработке минеральных веществ (0,5 %), а также обработке растительных и животных питательных продуктов (0,4 %) (рис. 4).

Рис. 4. Структура занятости населения в Тобольской губернии в возрасте 12 лет и моложе в обработке, переработке сырья, а также на производстве, чел.

Женский труд в этой возрастной группе был весьма конкурентен мужскому (263 женщин к 206 мужчин), а в некоторых направлениях даже популярнее (рис. 5).

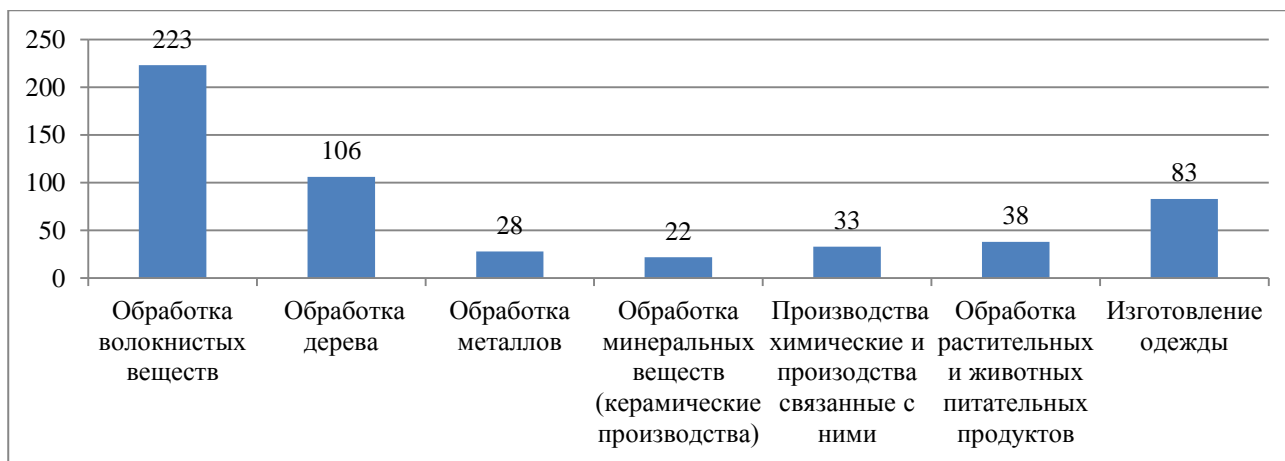
Рис. 5. Структура занятости мужского и женского населения Тобольской губернии в возрасте 12 лет и моложе в обработке, переработке сырья, а также на производстве, чел.

Сравнивая популярность занятости в сельском хозяйстве и наемный труд на производстве (промышленность, обработка и переработка), можно отметить, что в данной возрастной группе было более востребовано сельское хозяйство, животноводство, рыболовство и охота, пчеловодство, а также лесные промыслы, где было занято 947 чел, что 2 раза больше, чем на производстве.

Преимущественная занятость этой возрастной группы в сельском хозяйстве, обусловлена, с одной стороны (как было отмечено ранее), законодательными актами, принятыми в 1882, 1885 гг., ограничивающими занятость малолетних на производстве. С другой – традиционной популярностью в Тобольской губернии в конце XIX века сельского хозяйства во всех возрастных группах и медленными темпами развития промышленного производства.

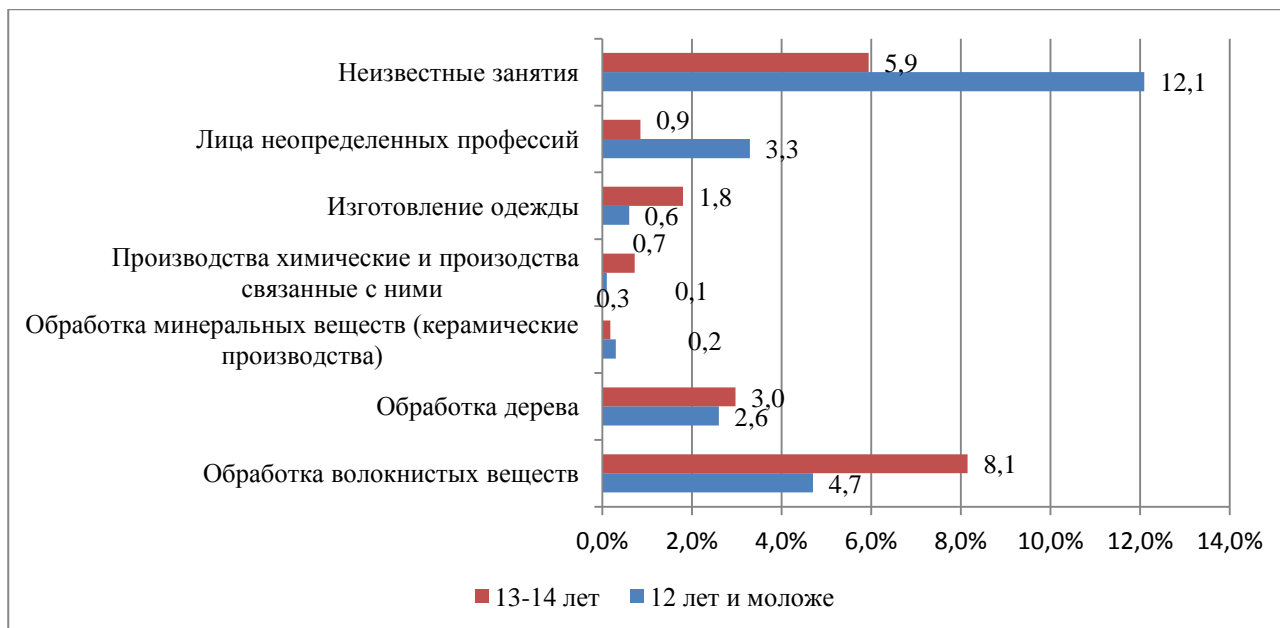
Весомая доля молодежи в возрасте 12 лет и младше (55,3 %) была вовлечена в частную деятельность (прислуга, поденщики) – 18,6%; 36,7 % жили за счет казны и общественных учреждений и на средства частных лиц, а также доходом с капитала и недвижимого имущества или на средства, получаемые от родителей и родственников; порядка 10 % относились к категории «неизвестные занятия».

В возрастной группе молодежи 13–14 лет виды деятельности более дифференцированы. Среди наиболее популярных занятий рабочих появляются обработка металлов (0,7 %) и химическое производство (а также, производство, связанное с ним) (0,8 %) (рис. 6).

Рис. 6. Занятость населения Тобольской губернии в возрасте 13–14 лет в обработке, переработке сырья, а также на производстве, чел.

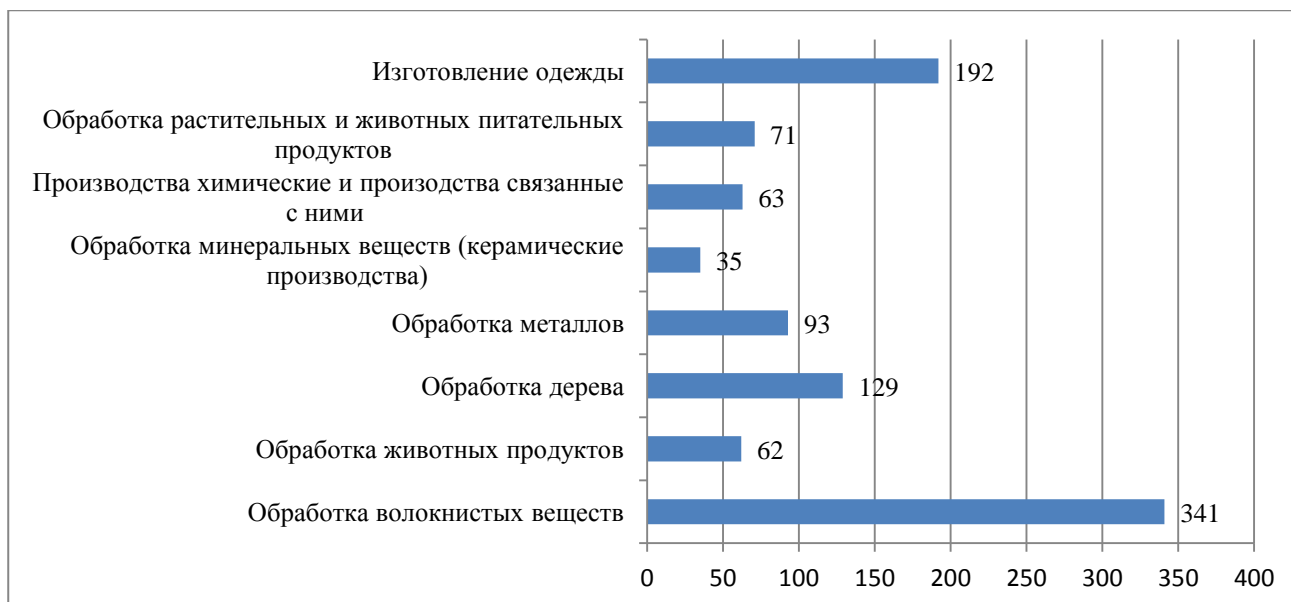
В целом, к рабочим в возрасте 13–14 лет относилось 587 чел., где женщин было более половины (317 чел.). В таких сферах как обработка волокнистых веществ и обработка дерева их доля также была максимальной (8,1 % и 3 % соответственно). Одним из объяснений такого прироста может быть перемещение молодых женщин из категории «неизвестные занятия» и «лица неопределенных профессий» в число лиц, занятых трудовой деятельностью, связанной с обработкой сырья (рис. 7).

Рис. 7. Структура занятости женского населения Тобольской губернии в возрасте 12 лет и моложе до 14 лет в обработке, переработке сырья, а также на производстве, %

Возрастная категория 15–16 лет характеризуется планомерным увеличением количества молодежи в категории «рабочий класс» почти в 2 раза. Так, согласно рис. 8 в разных видах производства, обработки и переработки сырья было занято 1064 человека.

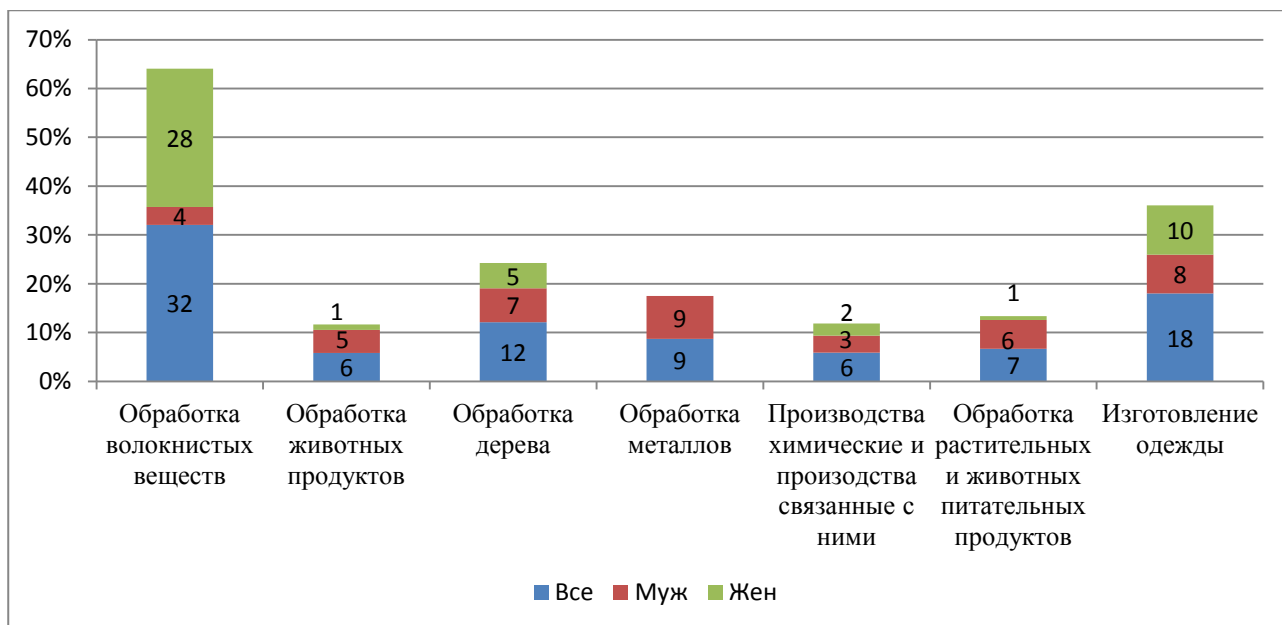
Рис. 8. Структура занятости молодежи Тобольской губернии в возрасте 15–16 лет в обработке, переработке сырья, а также на производстве, чел.

Наблюдается появление новых видов деятельности среди рабочих, которые в сумме составляли 1 % занятых от рабочих в возрасте 15–16 лет.

Рис. 9. Структура занятости молодежи Тобольской губернии в возрасте 15–16 лет в обработке, переработке сырья, а также на производстве, чел.

Следует обратить внимание, что если до 15 лет женский труд на производстве применялся чаще, то в возрасте 15–16 лет мужской труд достигает 51 % (к женскому – 49 %). Среди женщин, занятых на производстве и обработке традиционно популярными остаются обработка волокнистых веществ и изготовление одежды (28 % и 10 % соответственно) (рис. 10).

Рис. 10. Структура занятости молодежи Тобольской губернии в возрасте 15–16 лет в обработке, переработке сырья, а также на производстве, %

В возрасте 17–19 лет численность рабочих достигает уже 1900 чел, при том, что мужчин в их составе уже более половины (1006 чел.) (рис. 11). Обработка волокнистых веществ, дерева и металлов, а также изготовление одежды остается не менее популярным среди рабочей молодежи 17–19 лет.

Женский труд в этой возрастной группе остается популярен в изготовлении одежды (67 % от занятых в этой сфере), обработке волокнистых веществ (83 %), а также в химическом производстве (54 %).

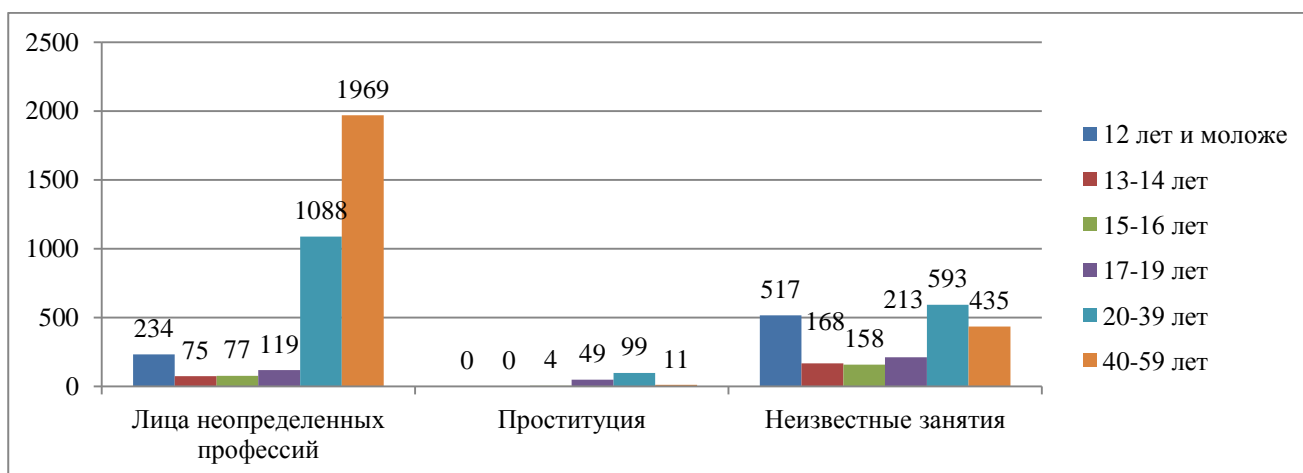
Рис. 11. Структура занятости молодежи Тобольской губернии в возрасте 17–19 лет в обработке, переработке сырья, а также на производстве, чел.

Доля женщин в возрасте 17–19 лет минимальна (менее 10 %) или совсем отсутствовала, например в таких отраслях производства, как обработка металлов; винокурение, пиво- и медоварение; производство прочих напитков и бродильных веществ; производство инструментов физических, оптических, хирургических, музыкальных, часов, игрушек и пр.; работы по устройству, ремонту и содержанию жилищ и строительные вообще; производство экипажей и постройка деревянных судов (рис. 12).

Рис. 12. Структура занятости молодежи Тобольской губернии в возрасте 17–19 лет в обработке, переработке сырья, а также на производстве, в зависимости от пола, %

В данной возрастной группе 381 чел. зарегистрированы в категории «лица неопределенных профессий», «неизвестные занятия», или «проституция», что превышает количество аналогичных категорий в возрасте 15–16 лет на 142 чел. (рис. 13).

Рис. 13. Структура занятости молодежи в категориях: «лица неопределенных профессий», «проституция», «неизвестные занятия», чел.

Важно отметить, что в разрезе исследуемых нами возрастных групп, наибольшее число лиц, зарегистрированных в категориях «лица неопределенных профессий», «проституция», «неизвестные занятия» - в возрастной группе «12 лет и младше» (751 чел.). В более старшем возрасте, с появлением

возможности найти работу, наблюдается снижение их числа практически в три раза. Так в возрасте 13–14 лет число лиц вышеперечисленных категорий составило 243 чел., а в 15–16 лет – 239 (рис. 13).

5. Заключение

Подводя итог, необходимо отметить следующее. Анализ данных переписи населения 1897 года показал, что доля самозанятого населения Тобольской губернии в возрасте до 19 лет составляла 8,39 %. Самыми популярным видом занятости среди молодежи являлось сельское хозяйство. Чуть менее половины занятой молодежи приходилось на возрастную группу от 17 до 19 лет. Доля женского населения находилась примерно на одном уровне с мужчинами (44,5 % к 55,5 % соответственно).

Для возрастных групп, анализируемых в рамках исследования, характерны свои наиболее популярные виды занятости, но при этом, во всех возрастах зарегистрированы лица неопределенных профессий, а также имеющие неопределенные занятия. С 15 лет среди молодежи появляется асоциальное поведение (в т.ч. проституция), частота которого растет пропорционально возрасту.

В ходе исследования установлено, что доля промышленных рабочих в возрасте до 19 лет в Тобольской губернии была минимальна и составляла порядка 1 %.

На дифференциацию рынка труда рабочей молодежи в зависимости от возраста оказывали влияние, с одной стороны, тяжелое материальное положение рабочих семей и дешевизна стоимости труда «малолетних» и женщин, с другой – законодательные ограничения труда, связанные с принятием законов от 1882 и 1885 гг., а также медленные темпы роста промышленности, обусловленные территориальной удаленностью Тобольской губернии от центра России.

Установлено, что с увеличением возраста, повышается доля рабочих в промышленной сфере. Наиболее популярными среди рабочей молодежи являлись отрасли обрабатывающей промышленности: обработка волокнистых веществ, дерева, металлов, минеральных веществ, растительных и животных продуктов; а также химическое производство и изготовление одежды.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ №17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России».

Литература

- Аврамова, 2017 – Аврамова Е., Гришина Е., Малева Т. и др. Социально-экономическое положение населения: анализ текущих трендов (по результатам регулярного мониторинга ИНСАП РАНХИГС) // *Экономическое развитие России*. 2017. Т. 24. №2. С. 46-57.
- Арбатский, 2010 – Арбатский Д.В. Проблемы занятости и безработицы // *Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского*. 2010. №16 (20). С. 43-45.
- Гейфман, 1997 – Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. / Пер. с англ. Е. Дорман. М., 1997. 448 с.
- Гессен, 1927 – Гессен В.Ю. Труд детей и подростков в России. М.-Л., 1927. Т.1. С. 57.
- Гончаров, 2014 – Гончаров Ю.М. Социальная структура населения Сибири в конце XIX – начале XX в. // *Вестник Алтайской науки*. 2014. №4(22). С. 412-416.
- Иванов, 1966 – Иванов Л.М. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата // *Рабочий класс и 51 рабочее движение в России. 1861–1917*. М., 1966. С. 141.
- История..., 1972 – История рабочего класса России (1861–1900 гг.) М.: АН СССР. Ин-т истории СССР, 1972. 320 с.
- Кадомцев, 1909 – Кадомцев Б.П. Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 года. СПб., 1909.
- Котельников, 1909 – Котельников А. История производства и разработки всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. СПб., 1909.
- Куприянова, 2000 – Куприянова Л.В. «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX – начале XX вв. / *История предпринимательства в России*. Кн. 2. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2000.
- Литвак, 1990 – Литвак К.Б. Перепись населения 1897 года о крестьянстве России (Источниковедческий аспект) // *История СССР*. 1990. №1. С. 3-8.
- Миронов, 1999 – Миронов Б.Н. «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика рабочих в пореформенное время // *Социальная история*. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 243-285.
- Миронов, 2013 – Миронов Б.Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции // *Общественные науки и современность*. 2013. №3. С. 106-115.
- Новейшая..., 1984 – Новая и новейшая история. 1984. №2. С. 70-93.
- Пашин, Богданов, 2004 – Пашин В.П., Богданов С.В. Государство и безработица в России: 1900–2000 гг. Курск: Кур. гос. техн. ун-т, 2004. 299 с.
- Перебийнос, 2000 – Перебийнос А.Е. Уральская молодежь в конце XIX – начале XX вв.: численность, облик, настроения. Челябинск, 2000.
- Рабочий..., 1998 – Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М. 1998. 367 с.

- [Рашин, 1958](#) – Рашин А.Г. Формирование рабочего класса в России. М., 1958. С. 299.
- [Скубневский, 1990](#) – Скубневский В.А. Городское население Сибири по материалам переписи 1897 г. / Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С. 98-119.
- [Соловьева, 1990](#) – Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990.
- [Тройницкий, 1905](#) – Тройницкий Н. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. Т. 1-4. Санкт-Петербург, 1905.
- [Храмцов, 2014](#) – Храмцов А.Б. Особенности повседневной жизни сибирского населения в конце XIX – начале XX века (по публикациям газет региона) // *Вестник Угроведения*. 2014. №2(17). С. 147-152.
- [Konev, Pilipenko, 2017](#) – Konev Y.M., Pilipenko L.M. The influence of labor market on the formation of socio-economic structure of the province of Tobolsk in the late XIX century // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44. Is. 2. pp. 586-596.
- [Ebarhardt, Owsinski, 2003](#) – Eberhardt P., Owsinski J. Ethnic groups and population changes in twentieth-century Central-Eastern Europe / M.E. Sharpe, 2003.
- [Edlund, 2000](#) – Edlund T.K. The Russian National Census of 1897 // *Avotaynu*. 2000. Vol. XVI. N 3. pp. 29-39.
- [Dunai, 2008](#) – Dunai A. The 1897 All-Empire Russian Census // *Avotaynu*. 2008. Vol. XXIV. N 3. pp. 12-14.

References

- [Avraamova, 2017](#) – Avraamova E., Grishina E., Maleva T. i dr. (2017). Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie naseleniya: analiz tekushchikh trendov (po rezul'tatam regul'yarnogo monitoringa INSAP RANKhIGS). [The socio-economic situation of the population: analysis of current trends (by results of regular monitoring)]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*. T. 24. №2. pp. 46-57. [in Russian]
- [Arbatskii, 2010](#) – Arbatskii D.V. (2010). Problemy zanyatosti i bezrabotitsy. [The problems of employment and unemployment]. *Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo*. №16 (20). pp. 43-45. [in Russian].
- [Geifman, 1997](#) – Geifman A. (1997). Revolyutsionnyi terror v Rossii. 1894-1917. [The revolutionary terror in Russia. 1894-1917]. / Per. s angl. E. Dorman. M. 448 p. [in Russian]
- [Gessen, 1927](#) – Gessen V.Yu. (1927). Trud detei i podrostkov v Rossii. [The work of children and adolescents in Russia]. M.-L., T.1. p. 57. [in Russian]
- [Goncharov, 2014](#) – Goncharov Yu.M. (2014). Sotsial'naya struktura naseleniya Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. [The social structure of the population of Siberia in the late XIX – early XX century]. *Vestnik Altaiskoi nauki*. №4(22). pp. 412-416. [in Russian]
- [Ivanov, 1966](#) – Ivanov L.M. (1966). Preemstvennost' fabrichno-zavodskogo truda i formirovanie proletariata. [The continuity of factory work and the formation of the proletariat]. *Rabochii klass i 51 rabochee dvizhenie v Rossii. 1861-1917*. M. p. 141. [in Russian]
- [Istoriya..., 1972](#) – Istoriya rabochego klassa Rossii (1861-1900 gg.). [The history of the working class of Russia]. M.: AN SSSR. In-t istorii SSSR. 1972. 320 p. [in Russian]
- [Kadomtsev, 1909](#) – Kadomtsev B.P. (1909). Professional'nyi i sotsial'nyi sostav naseleniya Evropeiskoi Rossii po dannym perepisi 1897 g. [Professional and social composition of the population of European Russia according to the census of 1897]. SPb. [in Russian]
- [Kotel'nikov, 1909](#) – Kotel'nikov A. (1909). Istoriya proizvodstva i razrabotki vseobshchei perepisi naseleniya 28 yanvarya 1897 g. [History of production and development of the General census of January 28, 1897]. SPb. [in Russian]
- [Kupriyanova, 2000](#) – Kupriyanova L.V. (2000). «Rabochii vopros» v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [“The worker question” in Russia in second half XIX – early XX centuries]. / Istoriya predprinimatel'stva v Rossii. Kn. 2. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v. M. [in Russian]
- [Litvak, 1990](#) – Litvak K.B. (1990). Perepis' naseleniya 1897 goda o krest'yanstve Rossii (Istochnikovedcheskii aspekt). [The census of the population of 1897 on the peasants of Russia (Source aspect)]. *Istoriya SSSR*. №1. pp. 3-8. [in Russian]
- [Mironov, 1999](#) – Mironov B.N. (1999). «Poslal Bog rabotu, da otnyal chert okhotu»: trudovaya etika rabochikh v poreformennoe vremya. [“God sent work, Yes took the devil hunt”: work ethic of workers in post-reform time]. *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik*. 1998/1999. M. pp. 243-285. [in Russian]
- [Mironov, 2013](#) – Mironov B.N. (2013). Russkaya revolyutsiya 1917 goda v kontekste teorii revolyutsii. [Russian revolution of 1917 in the context of theories of revolution]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. №3. pp. 106-115. [in Russian]
- [Noveishaya..., 1984](#) – Novaya i noveishaya istoriya. [Modern and contemporary history]. 1984. №2. pp. 70-93. [in Russian]
- [Pashin, Bogdanov, 2004](#) – Pashin V.P., Bogdanov S.V. (2004). Gosudarstvo i bezrabotitsa v Rossii: 1900-2000 gg. [The state and unemployment in Russia: 1900-2000]. Kursk: Kur. gos. tekhn. un-t. 299 p. [in Russian]

Perebeinos, 2000 – *Perebeinos A.E.* (2000). Ural'skaya molodezh' v kontse XIX – nachale XX vv.: chislennost', oblik, nastroyeniya. [Ural youth in the late XIX – early XX centuries: strength, appearance, mood]. Chelyabinsk. [in Russian]

Rabochii..., 1998 – *Rabochii klass Rossii ot zarozhdeniya do nachala XX v.* [The working class of Russia from inception to the beginning of XX century]. M. 1998. 367 p. [in Russian]

Rashin, 1958 – *Rashin A.G.* (1958). Formirovanie rabocheho klassa v Rossii. [Formation of the working class in Russia]. M. p. 299. [in Russian]

Skubnevskii, 1990 – *Skubnevskii V.A.* (1990). Gorodskoe naselenie Sibiri po materialam perepisi 1897 g. [The urban population of Siberia according to the materials of the 1897]. Problemy genezisa i razvitiya kapitalisticheskikh otnoshenii v Sibiri. Barnaul. pp. 98-119. [in Russian]

Solov'eva, 1990 – *Solov'eva A.M.* (1990). Promyshlennaya revolyutsiya v Rossii v XIX v. [The industrial revolution in Russia in the XIX century]. M. [in Russian]

Troinitskii, 1905 – *Troinitskii N.* (1905). Raspredelenie naseleniya po vidam glavnykh zanyatii i vozrastnym gruppam po otdel'nym territorial'nym raionam. T. 1-4. [Distribution of population by main occupation and age groups in separate territorial areas. T. 1-4]. Sankt-Peterburg. [in Russian]

Khramtsov, 2014 – *Khramtsov A.B.* (2014). Osobennosti povsednevnoi zhizni sibirskogo naseleniya v kontse XIX – nachale XX veka (po publikatsiyam gazet regiona). [Daily life of Siberian population in the late XIX – early XX century (publications of the Newspapers of the region)]. *Vestnik Ugrovedeniya*. №2(17). pp. 147-152. [in Russian]

Konev, Pilipenko, 2017 – *Konev Y.M., Pilipenko L.M.* (2017). The influence of labor market on the formation of socio-economic structure of the province of Tobolsk in the late XIX century. *Bylye Gody*. Vol. 44. Is. 2. pp. 586-596. [in Russian]

Eberhardt, Owsinski, 2003 – *Eberhardt P., Owsinski J.* (2003). Ethnic groups and population changes in twentieth-century Central-Eastern Europe / M.E. Sharpe.

Edlund, 2000 – *Edlund T.K.* (2000). The Russian National Census of 1897. *Avotaynu*. Vol. XVI. №3. pp. 29-39.

Dunai, 2008 – *Dunai A.* (2008). The 1897 All-Empire Russian Census. *Avotaynu*. Vol. XXIV. №3. pp. 12-14.

Структура и динамика занятости молодежи рабочего класса в Тобольской губернии в конце XIX века

Оксана Вячеславовна Устинова ^{a, *}, Шамиль Фаритович Фарахутдинов ^a

^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются особенности занятости рабочей молодежи Тобольской губернии в конце XIX века, выявленные на основе результатов Первой всероссийской переписи населения, проведенной в 1897 году и отражающей социально-экономическое положение региона с точки зрения занятости населения Сибири, его распределения по видам занятий, возрастным группам, полу, национальности. С целью более детального анализа занятости молодежи, а также учитывая достаточно короткую продолжительность жизни в конце XIX века, анализируются четыре возрастные группы: 12 лет и моложе, 13–14 лет, 15–16 лет, 17–19 лет.

В ходе исследования установлено, что доля промышленных рабочих в возрасте до 19 лет в Тобольской губернии была минимальна и составляла порядка 1 %.

Установлено, что на возрастную дифференциацию рынка труда рабочей молодежи Тобольской губернии оказали влияние, с одной стороны, тяжелое материальное положение рабочих семей и дешевизна стоимости труда «малолетних» и женщин, с другой – законодательные ограничения труда, связанные с принятием законов от 1882 и 1885 гг., а также медленные темпы роста промышленности, обусловленные территориальной удаленностью губернии от центра России.

Выявлено, что с увеличением возраста, повышается доля рабочих в промышленной сфере. Наиболее популярными среди рабочей молодежи являлись отрасли обрабатывающей промышленности: обработка волокнистых веществ, дерева, металлов, минеральных веществ, растительных и животных продуктов; а также химическое производство и изготовление одежды.

Ключевые слова: Тобольская губерния, округ, население, рабочий класс, рабочая молодежь, занятость, вид занятия, возраст, рынок труда.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ustinoavov@tyuiu.ru (О.В. Устинова), fshamil@mail.ru (Ш.Ф. Фарахутдинов)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 383-392. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.383
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Revolution of 1905 in Irkutsk and Criminality

Alexander Ivanov ^{a,*}, Anastasia Danchevskaya ^b

^a Irkutsk State University, Russian Federation

^b Irkutsk State Transport University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the investigation of the influence of the First Russian Revolution in Irkutsk on the growth of criminality. The authors studied documentary materials and came to the conclusion that the events in Saint-Petersburg and in Irkutsk were of a natural and have become a manifestation of the inability of the autocratic state to respond flexibly and in a timely manner to the "challenges of the times". The overwhelming majority of Irkutsk residents met with enthusiasm and approval democratic changes: freedom of speech and assembly, freedom of formation of unions and public organizations. But revolutionary events contributed to creating the illusion of permissiveness, led to the growth of political extremism. This manifested itself in the murders of senior officials, expropriations, and in the growth of crime. Its growth began in 1904 in connection with the Russian-Japanese War and intensified in 1905 against the backdrop of the development of the revolutionary strike movement. Mass arming of the population led to an increase in the number of serious crimes: murders and robberies. Disagreements between the administrative authorities and local government did not allow increasing to the necessary size the city police staff or formally create subordinate to the city дума people's squads. Thus, power could not withstand the growth of crime, and spontaneously created self-defense units themselves became a threat to the population.

Keywords: revolution 1905, radical sentiments, Russian-Japanese War, the October strike, crime, murders, self-defense squads, Irkutsk, Eastern Siberia.

1. Введение

Уголовная преступность как социальное явление долгое время оставалась за пределами научных интересов российских историков. При этом исследователями широко изучены проблемы так называемой «политической преступности», точнее, истории возникновения и деятельности политических организаций и партий, в первую очередь, социалистических, поскольку их борьба с монархическим государством являлась основополагающей для советской идеологии. Вот почему исторические исследования, посвящённые вопросам возникновения и развития именно уголовной преступности, появляются лишь с началом нового тысячелетия.

Как известно, возрастание преступности в той или иной степени всегда сопровождает моменты политической и экономической нестабильности, что и обуславливает актуальность заявленной проблемы. Исследование уголовной преступности представляет интерес в контексте изучения последствий, которые повлекли за собой военные и революционные события начала XX в. в России. 1905 год в российской истории стал годом, когда на тяготы Русско-японской войны наложились проблемы, ускоренные революцией, что не могло не повлиять на ухудшение криминогенной ситуации. Иркутск же был городом, в котором хоть и не велись военные действия, но вкус военного времени ощущался отчётливо. С началом войны город наполнили солдаты, в госпиталях размещались раненые, число которых к началу 1905 г. достигло 20 тыс. ([Иркутск в панораме веков, 2002: 242](#)), что для шестидесятитысячного города составляло большую проблему. При этом часть

* Corresponding author

E-mail addresses: ottisk@irmail.ru (A. Ivanov), vashan16@mail.ru (A. Danchevskaya)

уголовных преступлений совершалась из идейных соображений и политических убеждений представителей оппозиционных сил.

2. Материалы и методы

В качестве методологической основы исследования были избраны принципы объективности и историзма. Это позволило наиболее полно воссоздать картину событий 1904–1905 годов в Иркутске, показать их развитие, а также объективный и субъективный характер. Революционная анархия неизбежно влечет потерю авторитета законной власти и приводит к росту политической и уголовной преступности. В статье использовались нарративный, проблемно-хронологический, историко-сравнительный, компаративный методы, что дало возможность исследовать значительное количество архивного и историографического материала.

Документальную базу исследования составили материалы фондов Государственного архива Иркутской области РФ (ГАИО), материалы местной периодической печати начала XX века, летописные своды и хронологический перечень, материалы официальной статистики. Необходимо отметить, что для более полной картины событий, не достаёт полицейской криминальной статистики по городу за 1905 год, однако в фондах ГАИО таковая статистика практически отсутствует. Поэтому основные события нашли своё отражение преимущественно на страницах местной печати как в отдельных статьях, так и в разделах «хроника». И этот источник нельзя считать исчерпывающим, так как периодические издания в это время не выпускались, как это было с газетой «Иркутские губернские ведомости» (Романов, 1994: 59).

3. Обсуждение

Проблему роста уголовной преступности на фоне развития революционных событий в России впервые исследовал известный российский и советский юрист М.Н. Гернет в работе «Революция, рост преступности и смертная казнь» (1917). Рост преступности в России в 1917 г. он связывал в первую очередь с ростом маргинального контингента, порождённого Первой мировой войной, глубокими социальными и экономическими противоречиями, не решёнными царским правительством.

В зарубежной историографии первая российская революция и сопутствовавшие ей процессы, том числе рост уголовной преступности, изучены достаточно широко. Первым исчерпывающим трудом на английском языке стала двухтомная работа Абрахама Ашера (Ascher, 1988), в которой автор отмечал, что во время событий 1905–1907 гг. полиция не была эффективной по причине недофинансирования, что могло способствовать росту правонарушений. Орландо Файджес (Figes, 1998) констатировал, что не всё насилие в городах являлось следствием враждебности рабочего движения. Наблюдался рост всевозможных форм насилия с нарушением закона и порядка, от хулиганства и убийств до пьяных беспорядков и вандализма. При этом бессилие и бездействие полиции заставляли общественность создавать группы надзирателей и устраивать самосуд на улицах.

Проблему преступности в беспокойный период начала XX в. в России рассматривали Цүёси Хасегава (Hasegawa, 2017) и Нейл Вайсман (Weissman, 1978). В труде Хасегава нашла отражение история развития преступности на фоне революции 1917 г., с которой ни старая, ни новая власть не имели возможности справиться. Отмечая значительный рост тяжких преступлений в Петрограде, автор приходит к выводу о том, что росту преступности во многом способствовали неопытность вновь созданного милицейского аппарата и паралич пенитенциарной системы. Вайсман посвятил свою статью изучению такого вида преступлений как хулиганство в сельской местности в период с начала революции 1905 г. до начала Первой мировой войны.

Существует также ряд работ, авторы которых делают акцент на радикальных проявлениях революционной борьбы, имевших уголовную сущность: убийства и покушения на государственных служащих и политических деятелей членами оппозиционных «боевых организаций». (Портнягина, Патрикеева, 2017; Павлов, 2015). Некоторое внимание уделяется проблеме взаимопроникновения криминалитета и большевистской власти как в постреволюционное время, так и в предшествовавший ему период (Тепляков, 2015).

Проблеме роста уголовной преступности в Иркутске в 1905 г. посвящали свои работы А.А. Сысоев (Сысоев, Рубцов, 2001) и М. Куделя (Куделя, 2017). А.А. Сысоев обратил внимание на неспособность полицейского ведомства противостоять резко возросшей в городе преступности, что заставляло городскую общественность брать на себя вопросы сохранения порядка на улицах. М. Куделя обратился к подробному изучению обстоятельств глазковского погрома (декабрь 1905 г.), повлёкшего за собой смерть нескольких человек. Этот погром стал в городе единственным подобным событием, которое не имело под собой политических мотивов.

Таким образом, проблема уголовной преступности во время революций в России изучена достаточно широко. Тем не менее, большая часть работ посвящена событиям 1917 г. и после, когда произошли смена власти, распад Российской империи и гражданская война. Период 1905–1907 гг. изучен менее масштабно и преимущественно в контексте радикальных проявлений борьбы оппозиционных сил с самодержавной властью.

4. Результаты

Более 110 лет назад произошла Первая русская революция, начавшаяся с печальных событий 9 января 1905 г. в Петербурге, всколыхнувшая всю Российскую империю. Обостренный проигранной Русско-японской войной революционный кризис обнажил проблемы внутренней политики царской власти: отсутствие минимальных демократических свобод, игнорирование интересов рабочего класса и другие. Озабоченная вопросами сохранения политического строя и борьбы с нараставшими оппозиционными настроениями и силами, власть практически бездействовала в отношении проявлений криминальной активности, не имевшей политической подоплёки.

Возрастание преступности в городе началось ещё в 1904 г. вместе с началом войны и усилилось к осени. В течение двух недель погибло несколько извозчиков. Например, в ночь на 12 октября несколько неизвестных убили извозчика на Дворянской улице (ИГВ, 1905: 3870), а на его лошади попытались ограбить собор и, не преуспев, двинулись к Крестовоздвиженской церкви, где напали на караульного, но внутрь церкви всё же попасть не смогли и забрали соборную кружку с мелочью. О возрастании преступности и бездействии полиции свидетельствует также тот факт, что тогда же, в октябре 1904 г., один из горожан выразил инициативу открыть на Арсенальской площади бесплатную чаевую для неимущих, предусматривавшую выдачу хлеба. Мотивом инициативы стало предположение о возможном сокращении преступности, «сильно увеличившейся в последнее время» (ИГВ, 1905: 3870).

Росту преступности в городе способствовало освобождение по амнистии около 800 человек из Александровской центральной тюрьмы (ИГВ, 1905: 3871) и ещё около 200 – из Иркутского тюремного замка (Рекунова, 2012: 139), которые отправлялись на «городские промыслы». Кроме этого, каждую осень ряды маргинального контингента в городах пополняла так называемая «ангарщина» – рабочие с рыбных, охотничьих и горных промыслов, которые, проведя несколько месяцев в изоляции и получив расчёт, имели средства и желание к разгульной жизни. Полученные деньги быстро растрчивались, а безработные сезонные рабочие были вынуждены искать средства к жизни, часто криминальным путём. Редактор «Восточного обозрения» И.И. Попов вспоминал об этом времени: «Я ходил с револьвером и с испанской перчаткой в карманах. Как-то вечером на Луговой улице, недалеко от полицейского управления, два молодца подошли ко мне и попросили закурить... я был настороже и дал одному в зубы испанской перчаткой, другого ударил по голове револьвером и бросился бежать» (Попов, 1989: 225).

Административная власть региона осознавала степень беспомощности полиции ввиду малочисленности её служащих и понимала, какие именно категории населения представляют опасность усиления криминогенности. Из доклада общему присутствию иркутского губернского управления по вопросу об усилении штата иркутской городской полиции от 1 декабря 1904 г. следует, что «ссылный элемент... образыва[л] в городе целые шайки воров и грабителей и время от времени наводи[л] ужас даже на местных жителей, причём особенно резко проявление преступности замеча[лось] у ссыльных с Кавказа, которыми так изобил[овала] Иркутская губерния и в частности г. Иркутск» (ИИГД, 1904: 400). Поэтому общее присутствие ходатайствовало об увеличении штатов иркутского городского полицейского управления. Проект предполагал введение третьей должности столоначальника в городском полицейском управлении, увеличение числа чинов наружной полиции: конных стражников с 10 до 30 человек, старших городских на два, младших городских на 18, а также введение 13 должностей полицейских служителей и рассыльных (ИИГД, 1904: 414–415). На начало 1905 г. в штате непосредственно отделения иркутской полиции числилось всего лишь 12 человек: полицейстер, его помощник, а также приставы четырёх частей и их помощники. В марте городская дума отклонила предложение о введении новых полицейских должностей под тем предлогом, что усиление полиции вызвано не столько нуждами городского населения, сколько общегосударственными потребностями (Романов, 1994: 52).

Большинство преступлений в городе совершалось в тёмное время суток, а полицейских служащих физически не хватало для несения ещё и ночного караула. В ночь на 9 января в Иркутске на Успенской площади солдаты 2-го Сибирского батальона Д. Карпов и Н. Садовников посредством насилия ограбили извозчика Ф. Слива. Ночью 14 января четырьмя неизвестными было совершено разбойное нападение на дом владельца мелочной лавки Х. Аванесова, который был убит, а его сожительница Н. Ягодинская была найдена в тяжёлом состоянии. Тогда же по Большой ул. в магазине Эпштейна была совершена крупная кража на сумму 2 тыс. руб. золотых, серебряных и бриллиантовых вещей, которые хранились в стеклянных витринах, открытых поддельными ключами (Сысоев, 2013: 172).

Расстрел демонстрации петербургских рабочих 9 января 1905 г. вызвал широкий общественный резонанс по всей стране, в том числе и в Иркутске. О трагедии в столице иркутяне узнали от И.И. Попова, бывшего в начале января в Москве и отправившего телеграмму в «Восточное обозрение». «Вернувшийся в Иркутск Попов «сделал несколько докладов» по поводу расстрела рабочих в Петербурге. Весь город был возмущён произошедшим, повсюду начали проводиться митинги. 12 января на митинг протеста, организованный Иркутским комитетом РСДРП, вышли 40 рабочих железнодорожного депо (Рабочее движение, 1990: 55).

В этих условиях продолжалась своеобразная «охота» на извозчиков. В течение первых двух месяцев пострадали от нападений минимум пять человек, двое из которых умерли от полученных ран. Так, 28 февраля вечером у р. Ангары бежавшие из Мукдена дезертиры И. Мельников и И. Белов напали на извозчика А. Канума. Один из злоумышленников нанес Кануму удар по голове стальным обломком, завернутым в бумагу, и сшиб его с козел, но извозчик успел крикнуть о помощи и нападавших задержали (Сысоев, 2013: 174). Главной добычей «лихих людей» в этом случае становились лошади и кошёвка (Ефремова, 2000), а потому имевшие их, всегда были под угрозой ограбления. Нападения осуществлялись и на простых крестьян, у которых так же отбирались лошади с упряжью и кошева.

В конце января 1905 г. в городе разразился продовольственный кризис, отсутствовали крупчатка, керосин, сахар, свечи, мяса хватало лишь на февраль (ИИГД, 1905: 108). Дефицит продуктов и товаров первой необходимости привёл к появлению спекуляций. Так, 11 апреля купец Грейсер на хлебном базаре повысил цену на муку второго сорта до четырёх рублей, тогда как у других она в тот день продавалась по 2 р. 40 к. В ответ на это негодующие покупатели напали на лавку и разграбили её (Романов, 1994: 53).

До октябрьских событий 1905 г. иркутские эсдеки и эсеры провели ещё три митинга: 31 мая возле деревни Малой Разводной; 3 июля в Иркутске по поводу похорон рабочего железнодорожного депо, погибшего из-за несоблюдения администрацией техники безопасности; и 31 июля в конце Большой Русиновской улицы – митинг около тысячи типографских рабочих, приказчиков, учащихся, переросший затем в демонстрацию на Большой и в Интендантском саду, организованные в поддержку стачки читинских железнодорожников (Рабочее движение, 1990: 89, 97, 105).

Примечательно, что во время митингов, собиравших в одном месте множество людей, преступлений замечено не было. Даже карманники, орудовавшие в Интендантском саду в любое другое время, никак себя не проявляли. Корреспондент «Иркутских губернских ведомостей» в номере от 8 июля писал: «Факт ограбления человека в задней темной аллее заставляет желать, чтобы в городском саду освещение было усилено, особенно в углах сада... Рыцарей же карманной индустрии расплодилось так много, что скоро на афишах о гуляньях будет фигурировать фраза: «просят беречься воров» (ИГВ, 1905: 4106).

Как видим, в 1905 г. оппозиционные настроения захватили значительную часть горожан, что было следствием неудач на фронте, а также снижения уровня жизни, вызванного войной. В оппозиционное движение были вовлечены самые различные слои иркутского общества – от радикально настроенных рабочих и приказчиков, социал-демократов и эсеров до либеральной интеллигенции. При этом все слои, существенно расходясь в методах и формах борьбы, требовали смены (свержения) самодержавия, установления демократической республики, созыва Учредительного собрания. «Весной 1905 г., – писал И. И. Попов, – барометр общественной жизни в Иркутске, да и вообще в Сибири, поднялся высоко и уже не падал вплоть до января 1906 г.» (Попов, 1989: 251).

Стихия революционных событий прививала людям чувство некоей вседозволенности. Так, 24 июля вечером во дворе одного из иркутских домов производились выстрелы. Корреспондент «Губернских ведомостей» сообщал, что стрельба по ночам в районе Ланинской ул. между Большой и графа Кутайсова представляла собой частое явление, и ей занималась учащаяся молодежь (ИГВ, 1905: 4121). В ноябре новобранцы-призывники разграбили лавку на углу Почтамтской и Дегтярёвской, а затем пошли в полицию вызывать арестованных товарищей, причем настояли на удалении из присутствия военной стражи (Романов, 1994: 63).

Осенью 1905 г. центр России бурлил, здесь бастовали рабочие и служащие, студенты и учителя. Как известно, Октябрьская забастовка началась в Москве: 7 октября было остановлено движение на линии Московско-Казанской железной дороги, а через три-четыре дня бастовали рабочие 11 железных дорог, служащие многих государственных учреждений и предприятий. Стачка стала всеобщей, число забастовщиков превысило два миллиона человек.

События в центре России стали сигналом к выступлению на окраинах. Уже 13 октября первыми в стачку включились железнодорожники Томска, Красноярска и станции Тайга; 14 октября – Иркутска, Верхнеудинска и Читы; 15-го – Новониколаевска, Ачинска, Нижнеудинска. К 17 октября стачка охватила всю Сибирь (Рабочий класс, 1982: 249). Известие о начале забастовки было получено в Иркутске от Всероссийского Союза железнодорожных служащих ещё 13 октября. На следующий день прекратились работы в Управлении Забайкальской железной дороги. Около двух тысяч человек собрались во дворе дома Кузнеця и избрали для руководства забастовкой комитет, в состав которого вошли по два делегата от каждого отдела железной дороги, а также представители партий эсдеков и эсеров.

С 15 октября забастовка расширила свои границы. Уже к середине дня была остановлена работа во всех типографиях, закрылись магазины, частные банки и некоторые правительственные учреждения. В этот же день в Общественном собрании и в клубе приказчиков состоялись многолюдные митинги, на которых произносились речи о политических свободах. На следующий день город был в полной власти забастовщиков. Город превратился в один непрекращающийся

митинг. Тысячи людей, не допускавшие раньше и сомнения в разумности государственного строя, в одночасье сделались его ярыми противниками, требуя политических и экономических перемен.

Но не все иркутяне поддерживали забастовку, вскоре появились лица, инициировавшие стихийные нападения, жертвами которых становились невинные люди. Уже 16 октября оформилась группа людей, стремившихся любыми средствами прекратить стачку. Это часть лавочников, дворников, ремесленников и рабочих мелких предприятий. Как правило, все свои беды они связывали с проживавшими в городе евреями. Советская историография именует их «черносотенцами», однако смысл их выступлений не только в неприязни «всего еврейского», но и в ориентации на традиционные ценности – монархизм и православие, отрицании демократических перемен, которые, по их мысли, несли интеллигенты, студенты, поляки и евреи.

Несмотря на немалую еврейскую общину, «еврейского вопроса» в Иркутске не существовало, однако определённые «настроения» возникали. Вот как описывает это И. Гольдберг: «Где-то копилась черносотенная энергия, которая вот-вот должна была проявиться. Были случаи, что на митингах в общее дружное настроение вдруг ворвётся диссонансом черносотенное словечко из толпы или произойдёт попытка спровоцировать панику... На митинге во дворе Управления Забайкальской ж. д. 14-го октября, когда один из ораторов произнёс непривычное для того времени слово «бойкот», из полторатысячной толпы раздались отдельные, сразу же заглушенные крики: «Не надо жидов!.. Говорите по-русски!..» (Гольдберг, 1925: 206).

Ходили слухи, что черносотенцами руководит пристав 3-й части города Щеглов и помощник полицеймейстера Драгомиров. При бездействии властей антиеврейские настроения быстро крепки. Уже 16 октября в городе появились листовки, предупреждавшие иркутян, что «скоро евреи все возьмут в свои руки». Вечером произошли первые столкновения, были слышны револьверные выстрелы, оказалось несколько раненых. Горожане ждали погромов, были напуганы и спешили запастись оружием. Власти же выжидали, полиция бездействовала. При этом в погромах участвовали не только из идейных соображений: ходили слухи, что какие-то неизвестные лица «нанимают всякий сброд по 1,50 руб. в день, вооружают его и всеми способами стараются произвести уличные беспорядки» (ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 429. Л. 30).

Утром 17 октября черносотенцы собрались у дома Кузнеца и в 10 часов по команде стали забрасывать здание камнями. Они беспорядочно хватали и избивали всех, кто был в форме железнодорожника или телеграфиста. За одного из избиваемых вступились студенты, братья И. и Я. Виннеры, за что тотчас же были смяты и зверски убиты. Имелись жертвы с той и другой стороны. Толпа, бросившаяся громить оружейный магазин Абагина и Орлова, была встречена револьверными залпами – и здесь оказалось немало раненых. Побоище в центре города прекратилось только с приходом туда солдат. (Серебренников, 1907: 16–17). По сообщениям газет, в этот день в Кузнецовскую больницу было «доставлено 2 убитых и 15 человек с огнестрельными ранами» (ИГВ, 1905: 4187).

В ответ на действия черносотенцев, забастовщики стали энергично вооружаться, и к полудню сформировали уже несколько боевых дружин. На вечернем митинге в городском театре все выступавшие гневно осуждали погромные действия части горожан, происшедшие при попустительстве полиции, однако вечером, на возвращавшуюся с митинга публику, вновь напали черносотенцы, но были встречены плотным огнём народной милиции и, понеся потери, отступили.

Назначенный на утро 18 октября митинг был отменен стачечным комитетом из-за опасений нового нападения. Весь день происходили небольшие сходки горожан, формировались и вооружались дружины самообороны. Центром собирания дружин стал клуб приказчиков. Губернские и городские власти, опасаясь напрасных жертв и осознавая, что ситуация с мирной забастовкой выходит из-под контроля, приняли наконец-то решительные контрмеры: по получении сведений о раздаче оружия боевым дружинам, в клуб приказчиков были направлены две роты солдат, с помощью которых жандармы арестовали шестерых активистов, раздававших оружие и отобрали 23 револьвера. Весь вечер этого дня, ночь, а также утро следующего в городе производились повальные обыски и аресты активистов рабочего движения, в том числе и членов обоих забастовочных комитетов. (Серебренников, 1907: 19). Всего в эти дни жандармами было арестовано не менее 60 руководителей забастовки (ГАИО. Ф. 600. Оп. Оц. Д. 16. Л. 155–157). Уцелевшие члены стачечных комитетов под угрозой дальнейших арестов с одной стороны, и черносотенных погромов, с другой, вечером 19 октября поспешили объявить стачку оконченной.

На следующий день, 20 октября, в городе заработали извозчики, магазины, мастерские. Стачка была закончена, жизнь входила в обычный порядок. Однако 21 октября стали распространяться слухи о существовании некоего важного документа, подписанного царём, а 22 октября около 12 часов генерал-губернатору Кутайсову был доставлен из Черемхово, где работал телеграф, циркуляр с текстом манифеста 17 октября. Всего через час манифест был перепечатан в типографии и раздавался всем желающим. Город вновь забурился и вышел на улицы.

Настроение иркутян было восторженным. Повсюду раздавались крики: «Да здравствует конституция», «Да здравствует свобода!» В 15 часов в общественном собрании под председательством эсдека В.Е. Мандельберга начался «первый свободный митинг». Митинг носил характер грандиозного народного праздника: под аккомпанемент духового оркестра были пропеты

присутствовавшими революционные песни, при бурных криках и возгласах встречены освобождённые из тюрьмы члены стачечных комитетов. Город ликовал ([Серебренников, 1907: 21](#)).

23 октября в гостинице «Россия» от руки черносотенца трагически погиб действительный член ВСОИРГО, бывший консерватор музея А.М. Станиловский, а на еврейском кладбище состоялось погребение скончавшегося от ран 21 октября Я. Виннера. Покойного провожало свыше тысячи человек. Были исполнены религиозные песнопения и революционные песни. Процессия охранялась дружинниками самообороны отряда «Буря» ([Колмаков, 2003: 177](#)).

На протяжении всего 1905 г. и особенно во время Октябрьской стачки и после неё в Иркутске были отмечены не только черносотенные погромы, но наблюдалось и значительное увеличение разбоев, краж, грабежей и криминальных убийств. Так, если в 1903 г. в городе было зафиксировано 5 убийств, в 1904 – 34 (влияние Русско-японской войны), то в 1905 г. – более 30. Только за июль месяц этого года было убито восемь человек ([Сысоев, 2013](#)).

Необычайный размах уголовной преступности явился следствием не только обострения социальной напряжённости, но и заметного снижения авторитета городской и губернской власти, чему способствовала и, своего рода, «властебоязнь» высокопоставленных должностных лиц. Так, 16 ноября 1905 г. был освобождён от должности генерал-губернатор П.И. Кутайсов. Исполнять его обязанности стал генерал-майор Ласточкин. Вступивший в должность губернатора генерал-майор М.Н. Кайгородов в разгар революционных потрясений заболел и до минимума свёл свои обязанности. Функции губернатора непродолжительное время до своего ранения выполнял гражданский вице-губернатор В.А. Мишин, а затем управляющий казённой палатой И.Л. Лавров, который также вскоре «заболел», и его сменил советник губернского правления Т.П. Корейша. И лишь в самом конце декабря управляющим губернией был назначен правитель канцелярии иркутского генерал-губернаторства Н.Л. Гондатти ([Шиловский, 2012: 158](#)).

В вечернее время опасно было ходить даже по центру города: грабители гасили фонари, обирали и избивали прохожих. Фактическое бездействие властей, постоянная угроза черносотенных погромов заставили горожан принять свои меры. Первые дружины самообороны возникли ещё в октябре, а в ноябре уже действовали: «Вольная дружина» под командованием техника С.Д. Кузнецова; дружина социал-демократов из трех отрядов под командованием В.И. и И.А. Локуциевских и А. Гольдберга; дружина еврейской самообороны под началом Г.И. Кана; и дружина эсеров М.М. Прейсмана. Общее число дружинников превышало 400 человек ([Колмаков, 2003: 176–177](#)).

К концу ноября всех дружинников насчитывалось до 1000 человек. По воспоминаниям Локуциевского, только у социал-демократов было четыре дружины. Каждая имела 50–60 бойцов, вооружённых в основном револьверами, а к декабрю одна дружина почти полностью была перевооружена винтовками, другая – маузерами. Дружины в полном сборе размещались в квартирах, расположенных в различных частях города, чтобы, в случае погрома, быстро оказать противодействие ([Локуциевский, 1935: 138–146](#)).

Со второй половины ноября черносотенцы поменяли тактику: убедившись, что безнаказанные нападения на митинги невозможны, «перешли к методу борьбы «кошёвочников», накидывая ночью с кошёвки аркан на идущего в одиночку товарища или открывая по нему стрельбу». Тогда дружинники стали применять систему патрулирования по городу, разбив его территорию на участки. Каждому патрулю вручался участок, а «в определённой квартире находилась дежурная на эту ночь дружина» ([Локуциевский, 1935: 141](#)).

Дружины самообороны создавались не только по партийному принципу, имелись они и на предприятиях. В октябре были созданы группы почтово-телеграфных служащих (40 человек под командованием А.А. Семенова) и учащихся Иркутска под названием «Буря». Самостоятельная дружина была и у железнодорожников, которые в конце декабря заставили выписать оружие из материального склада, получив 558 револьверов, 30 винтовок и 11644 патрона. Дружина самообороны была и у кавказцев ([Очерки, 1966: 83](#)).

Пытались организовать свои силы правопорядка и иркутские либералы. В течение ноября и декабря 1905 г. состоялся целый ряд заседаний городской думы, посвящённых организации самообороны. Дума постановила избрать соответствующую комиссию, в состав которой вошли гласные А. С. Первунинский, М. П. Окунев, Г. Б. Патушинский, Б. П. Шостакович и И.И. Концевич. Комиссия проектировала учредить 200 пеших и 50 конных охранников, снабдив их револьверами, винтовками и шашками, однако губернское присутствие отменило это решение и городская самооборона так и не была сформирована ([ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 524. Л. 54–55 об.](#)).

Грабежи в городе происходили уже вне зависимости от времени суток. 13 декабря у губернатора состоялось совещание с участием чинов военного ведомства. Было признано необходимым, ввиду принятия на себя военным ведомством формирования усиленных офицерских патрулей, предупредить иркутскую городскую думу о возможности острых столкновений между ними и дружинниками ([Сысоев, 2013: 178](#)).

Неконтролируемая организация «дружин самообороны», с которыми власти ничего не могли сделать, кроме как устно и письменно их запретить, приводила к обратным последствиям. Чувствуя власть в своих руках, участники таких дружин сами представляли опасность для обывателей.

Характерный инцидент произошёл вечером 11 декабря, когда в Кузнецком переулке «толпой охранников, человек 30–40, стрелявших в улице» (ИГВ, 1905: 4230), был ранен мещанин М. Тарасов. Он был задержан «охранниками», которые сняли с него бешмет с наличностью в кармане. По настоянию одного из «охранников», бешмет вернули, но денег в нём уже не оказалось. В тот же вечер в квасной лавке в результате стрельбы, начатой «патрульными» добровольных дружин, были убиты горожане П. Лукьянов, Г. Михайлов, П. Ильин, ссыльнопоселенец Раевский, неизвестный патрульный. Теми же «патрульными», число которых достигало 60 человек, была обстреляна чаевая Школьникова (Сысоев, 2013: 177). В ночь на 19 декабря трое крестьян на лошади, запряжённой в кошеву, были обстреляны из ружей группой людей человек 15–20, в результате чего один из крестьян был ранен в ногу. После выстрелов нападавшие разбежались (ИГВ, 1905: 4232).

Массовое вооружение населения, которое власти безуспешно пытались пресекать, привело к возникновению множественных случаев нанесения ран и убийств именно из огнестрельного оружия. В печати едва ли не ежедневно выходили сообщения о стрельбе, покоя в городе не было ни днём, ни ночью. Одинокие пешеходы на улицах могли быть обстреляны в любой момент, магазины, лавки и склады становились предметом особого интереса грабителей. 12 декабря ночью группой вооружённых людей было предпринято четыре покушения на ограбление склада агентства «Надежда» на углу Амурской и Харлампиевской улиц. Караульные склада каждый раз вступали в перестрелку, пока к утру нападавшие не скрылись (Сысоев, 2013: 178).

16 декабря 1905 г. ситуация в Иркутске обострилась до предела. В этот день в Глазковском предместье был обнаружен труп ефрейтора железнодорожного батальона Н. Кузьменко, при этом следы крови на снегу привели к чайной уроженца Кавказа Н. Хахутова. Около чайной быстро собралась большая толпа рабочих, требовавших выдачи Хахутова. По свидетельству полицейского пристава Иванова, в течение лета 1905 г. в лесу за Глазковским предместьем было поднято 12 трупов с признаками насильственной смерти, местные жителей связывали эти трупы с заведениями кавказцев. Получив отказ, толпа разгромила чайную и постоялый двор и двинулась дальше по Кругобайкальской и Александровской улицам. При этом из домов кавказцев велась по рабочим беспорядочная стрельба из ружей и револьверов, на привокзальной площади лежали раненые и убитые. К обеду толпа выросла примерно до 2,5 тысяч человек. Волнения продолжались до вечера, были подавлены военной силой, но утром следующего дня вспыхнули вновь. В результате несколько лавок, ресторанов, пекарен и номеров Глазковского предместья были разгромлены, не менее девяти человек, уроженцев Кавказа, убиты и около 15 ранены (Сысоев, 2013: 154, 161, 178–179).

Вечером того же дня группа арестантов Иркутской тюрьмы организовала восстание, обезоружив двух надзирателей и завладев их револьверами. Надзиратели, попытавшись оказать сопротивление, были подвергнуты побоям, а заключённым удалось захватить часть тюрьмы. Для подавления был вызван военный конвой, в результате чего два арестанта были убиты, два ранены, остальные сдались (Сысоев, 2013: 180). Эта попытка массового побега из Иркутского тюремного замка не была первой. Ещё 10 октября ночью в «старосекретном отделении», где в 15 камерах находились 18 «уголовных» и 27 «политических», заключённые выпилили из кроватей брусья и ножки и организовали массовый побег. В результате был тяжело ранен смотритель тюрьмы, убит его помощник и двое надзирателей легко ранены. 17 арестантов успели бежать, 9 были убиты стражей, двое тяжело ранены (один вскоре умер) и четверо легко. Некоторые из бежавших были задержаны и преданы военному суду (ГАИО. Ф.25. Оп. Оц. Д. 282. Л.1, 10).

Не обошлось в городе и без крайних проявлений революционности. Ещё в июле была предпринята попытка покушения на жизнь генерал-губернатора Кутайсова, когда в сад его дома был подброшен снаряд. По свидетельству экспертизы, он не имел достаточной разрывной силы, чтобы повредить здание. Необходимых в таких случаях мер принято не было, поскольку вследствие неопытности иркутский полицмейстер, знавший о готовящемся покушении, своевременно не сообщил об этом жандармскому управлению (ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 269. Л. 1 а).

Другие подобные акции для организаторов увенчались успехом. 23 декабря 1905 г. иркутские эсеры совершили вооружённое нападение на вице-губернатора В. А. Мишина, исполнявшего в тот период обязанности иркутского губернатора. Мишин следовал пешком из своей квартиры в губернское правление, и около Интендантского сада был обстрелян несколькими лицами, караулившими его в запряжённой линейке. Чиновник и сопровождавший его унтер-офицер были тяжело ранены, а «злумышленники» так и не были найдены. (ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 442. Л. 24–31).

Вслед за этим 26 декабря в 9 часов утра в городе был убит и.д. иркутского полицмейстера помощник его Драгомиров. Полицейский шёл по Луговой и не видел преступника, стрелявшего сзади. В этот же день на улицах города были разбросаны небольшие листки бумаги с объяснением этого убийства: «...утром во исполнение приговора Боевой Организации Партии Социалистов–Революционеров один из ее членов стрелял в и. д. Иркутского полицмейстера Драгомирова. Смерть врагам народа, прислужникам самодержавия» (ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 319. Л. 2–5).

Такая безнаказанность не могла не способствовать и третьему теракту, выполненному эсерами чуть позднее, 30 октября 1906 г. Из представления прокурора Иркутского окружного суда следует, что в этот день около 12 часов дня на улице Ангарской в генерал-лейтенанта Ренненкампа «неизвестный злоумышленник бросил снаряд, который, хотя и разорвался, но никому вреда не

причинил». Метальщик был задержан вблизи места совершения преступления и отправлен на военную гауптвахту. Заседание военно-полевого суда состоялось ночью того же дня, а приговор был приведён в исполнение на следующий день в ограде Иркутского тюремного замка (ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 444. Л. 5–11).

В конце декабря Иркутск был объявлен на военном положении. 15 января 1906 г. в город прибыл экспедиционный поезд барона А.Н. Меллер-Закомельского. В итоге по линии железной дороги ликвидированы все Советы и революционные рабочие организации. Леворадикальные партии – эсеры и эсдеки – вновь оказались на нелегальном положении, сворачивалась деятельность профессиональных союзов и объединений. Окрепла деятельность местных губернских и городских властей, что незамедлительно сказалось на снижении и уголовной преступности.

5. Заключение

Революционные потрясения 1905 года стали следствием резкого падения доверия к государственным властным структурам в центре и на местах, в том числе и в Иркутске. Общество ждало решительных демократических перемен и не получало их. События в Иркутске со всей очевидностью показали неспособность и слабость местной исполнительной власти адекватно реагировать на «вызовы времени». Паралич власти, ее очевидное ослабление привели к росту уголовной преступности, выразившемуся в резком увеличении краж, грабежей, убийств. Заключённые тюрем организовывали массовые побеги. Следует учитывать и то, что среди городских обывателей Иркутска, было особо много бывших ссыльных, десятилетиями оседавших в городе и его окрестностях. Именно они существенно осложняли криминогенную обстановку. Многие горожане и без того были озлоблены против «черкесов» – уроженцев Кавказа, проживавших в Иркутске и обладавших дурной славой.

Рост уголовной преступности связан не только с ослаблением власти государства в центре и на местах. Борьба революционеров-социалистов с «миром капитала», «богатством, созданным потом и кровью простого народа», не могла не способствовать вседозволенности и росту неуважительного отношения к частной собственности, вела к увеличению уголовных правонарушений и преступлений.

Литература

- ГАИО – Государственный архив Иркутской области
- Гольдберг, 1925 – Гольдберг И. То, что вспомнилось (Листки о 1905 г. в Иркутске) // *Сибирские огни*. 1925. № 4–5.
- Ефремова, 2000 – Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. 2000. / URL: <https://www.efremova.info/word/kosheva.html#.WjIJXFV1-M8> (дата обращения 27.11.2017)
- ИГВ – Иркутские губернские ведомости, 1905. № 3870, 3871, 4106, 4121, 4187, 4230, 4232.
- ИИГД, 1904 – Известия Иркутской городской думы, 1904, № 17–24: сентябрь-декабрь / ред. П.Я. Гаряев. 1904. 760 с.
- ИИГД, 1905 – Известия Иркутской городской думы, 1905, № 1–8: январь-апрель / ред. П.Я. Гаряев. 1905. 481 с.
- Иркутск в панораме, 2002 – Иркутск в панораме веков: Очерки истории города. Иркутск. 2002. 512 с.
- Колмаков, 2003 – Иркутская летопись 1661–1940 гг. / Сост., автор предисл. и примеч. Ю.П. Колмаков. Иркутск, 2003. 720 с.
- Куделя, 2017 – Куделя М.В. Сумерки «красных дней»: декабрь 1905 года в Иркутске. [Б.м.], 2017. 118 с.
- Локуциевский, 1935 – Локуциевский В. Воспоминания о 1905 г. // *Сибирские огни*. 1935. Кн. 6., с. 138–146.
- Очерки, 1966 – Очерки по истории Иркутской организации КПСС. Часть 1 (1901–1920). Иркутск, 1966. 382 с.
- Павлов, 2015 – Павлов Д. Террор на службе революции // *Историк.рф*. 2015. № 1. / URL: <http://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/%D1%82%Do%B5%D1%80%D1%80%Do%BE%D1%80-%Do%BD%Do%Bo-%D1%81%Do%BB%D1%83%Do%B6%Do%B1%Do%B5-%D1%80%Do%B5%Do%B2%Do%BE%Do%BB%D1%8E%D1%86%Do%B8%Do%B8/> (дата обращения 27.11.2017)
- Попов, 1989 – Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск, 1989. 384 с.
- Портнягина, Патрикеева, 2017 – Портнягина Н.А., Патрикеева О.А. Революционный террор в России: влияние на ход и результаты думских избирательных кампаний (1905–1907 гг.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 423. С. 144–149.
- Рабочее движение, 1990 – Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. В 3 томах. Том 2. 1905 г. – июнь 1907 г. / Под ред. В.П. Зиновьева. Томск, 1990. 376 с.
- Рабочий класс, 1982 – Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период / ответ. ред. Н.В. Блинов. Новосибирск, 1982. 442 с.

- Рекунова, 2012 – Рекунова В.М. Иркутские истории: хроники глазами беллетриста. Ч. 1 (1904–1906). Иркутск, 2012. 403 с.
- Романов, 1994 – Романов Н.С. Летопись г. Иркутска за 1902–1924 гг. / Подгот. Н.В. Куликаускене. Иркутск, 1994. 555 с.
- Серебренников, 1907 – Серебренников И. И. «Красные» дни в Иркутске (посвящается М.Е. Амосовой) // *Сибирские вопросы*. 1907. № 20. С. 16–17.
- Сысоев, 2013 – Криминальные хроники Иркутска: хронологический перечень. / Автор-составитель А. А. Сысоев. Иркутск, 2013. 352 с.
- Сысоев, Рубцов, 2001 – Сысоев А., Рубцов С. Иркутское общество и милиция 1905 года // *Земля иркутская*. 2001. № 15. С. 53–55.
- Тепляков, 2015 – Тепляков А.Г. Криминал и власть в эпоху становления советской государственности // *Новый исторический вестник*. 2015. № 3 (45). С. 44–64.
- Шиловский, 2012 – Шиловский М.В. Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири. Новосибирск, 2012. 320 с.
- Ascher, 1988 – Ascher A. The Revolution of 1905. Russia in Disarray. Stanford, 1988. 440 p.
- Figes, 1998 – Figes O.A. People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. New York, NY: Penguin Books, 1998. 923 p.
- Hasegawa, 2017 – Hasegawa T. Crime and Punishment in the Russian Revolution: Mob Justice and Police in Petrograd // Harvard University Press. 2017. October, 25. 368 p.
- Weissman, 1978 – Weissman N.B. Rural Crime in Tsarist Russia: the Question of Hooliganism, 1905–1914 // *Slavic Review*. 1978. No. 37. pp. 228–240.

References

- Ascher, 1988 – Ascher A. (1988). The Revolution of 1905. Russia in Disarray. Stanford. 440 p. [in English]
- Efremova, 2000 – Efremova T.F. (2000). Novyislovar' russkogoyazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi [New Dictionary of Russian. Interpretative and word-building]. Moscow. URL: <https://www.efremova.info/word/kosheva.html#WjIJXFVl-M8>
- Figes, 1998 – Figes O.A. (1998). People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. New York, NY: Penguin Books. 923 p. [in English]
- GAIO – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State Archives of the Irkutsk Region] [in Russian]
- Gol'dberg, 1925 – Gol'dberg I. (1925). To, chto vspomnilos' (Listki o 1905 g. v Irkutске) [Then what was remembered]. *Sibirskie ogni*. 1925. Nr 4–5. [in Russian]
- Hasegawa, 2017 – Hasegawa T. (2017). Crime and Punishment in the Russian Revolution: Mob Justice and Police in Petrograd. Harvard University Press. October, 25. 368 p. [in English]
- IGV – Irkutskie gubernskie vedomosti [Irkutsk Province Gazette], 1905. Nr 3870, 3871, 4106, 4121, 4187, 4230, 4232. [in Russian]
- IIGD, 1904 – Izvestiya Irkutskoi gorodskoi dumy [News of the Irkutsk City Duma], 1904, Nr 17–24: September–December. 1904. 760 p. [in Russian]
- IIGD, 1905 – Izvestiya Irkutskoi gorodskoi dumy [News of the Irkutsk City Duma], 1905, Nr 1–8: January–April. 1905. 481 p. [in Russian]
- Irkutsk v panorame, 2002 – Irkutsk v panorama vekov: Ocherki istorii goroda [Irkutsk in the panorama of centuries: essays on the history of the city]. Irkutsk. 2002. 512 p. [in Russian]
- Kolmakov, 2003 – Kolmakov Yu.P. (2003). Irkutskaya letopis' 1661–1940 gg. [Irkutsk chronicle 1661–1940]. Irkutsk. 720 p. [in Russian]
- Kudelya, 2017 – Kudelya M.V. (2017). Sumerki «krasnykh dnei»: dekabr' 1905 goda v Irkutске [Dusk of the «red days»: December, 1905 in the Irkutsk]. 118 p. [in Russian]
- Lokutsievskii, 1935 – Lokutsievskii V. (1935). Vospominaniya o 1905 g. [Memories of 1905]. *Sibirskie ogni*. B. 6. pp. 138–146. [in Russian]
- Ocherki, 1966 – Ocherki po istorii Irkutskoi organizatsii KPSS [Essays on the history of the Irkutsk organization of the CPSU]. Part 1 (1901–1920). Irkutsk, 1966. 382 p. [in Russian]
- Pavlov, 2015 – Pavlov D. (2015). Terror na sluzhbe revolyutsii [Terror at the service of revolution] // *Istoric.rf*. Nr.1. – URL: <http://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/%D1%82%Do%B5%D1%80%D1%80%Do%BE%D1%80-%Do%BD%Do%Bo-%D1%81%Do%BB%D1%83%Do%B6%Do%B1%Do%B5-%D1%80%Do%B5%Do%B2%Do%BE%Do%BB%D1%8E%D1%86%Do%B8%Do%B8/> [in Russian]
- Popov, 1989 – Popov I.I. (1989). Zabytye irkutskie stranitsy: Zapiski redaktora [Forgotten Irkutsk pages: scraps of the editor]. Irkutsk. 384 p. [in Russian]
- Portnyagina, Patrikeeva, 2017 – Portnyagina N.A., Patrikeeva O.A. (2017). Revolyutsionnyi terror v Rossii: vliyaniye na khod i rezul'taty dumskikh izbiratel'nykh kampanii (1905–1907) [Revolutionary Terror in Russia: Influence on the Course and Results of Duma Election Campaigns]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Nr. 423. pp. 144–149. [in Russian]
- Rabocheedvizhenie, 1990 – Rabochee dvizhenie v Sibiri: istoriografiya, istochniki, khronika, statistika [Labor movement in Siberia: historiography, sources, chronicle, statistics]. In 3 volumes. Vol. 2. 1905 – June 1907. Tomsk, 1990. 376 p. [in Russian]

- Rabochiiklass, 1982** – Rabochii klass Sibiri v dooktyabr'skii period [The proletariat of Siberia in the pre-October period]. Novosibirsk, 1982. 442 p. [in Russian]
- Rekunova, 2012** – *Rekunova V.M.* (2012). Irkutskie istorii: khroniki glazami belletrista [Irkutsk stories: chronicles through the eyes of the writer]. Part 1 (1904–1906). Irkutsk. 403 p. [in Russian]
- Romanov, 1994** – *Romanov N.S.* (1994). Letopis' g. Irkutskaza 1902–1924 gg. [The chronicle of Irkutsk in 1902–1924]. Irkutsk. 555 p. [in Russian]
- Serebrennikov, 1907** – *Serebrennikov I.I.* (1907). «Krasnye» dni v Irkutske [«Red» days in Irkutsk]. *Sibirskie voprosy*. 1907. Nr 20. pp. 16–17. [in Russian]
- Shilovskii, 2012** – *Shilovskii M.V.* (2012). Pervaya russkaya revolyutsiya 1905–1907 gg. v Sibiri [The first Russian revolution of 1905–1907 in Siberia]. Novosibirsk. 320 p. [in Russian]
- Sysoev, 2013** – *Sysoev A.A.* (2013). Kriminal'nye khroniki Irkutsk: khronologicheskii perechen' [Chronicles of Irkutsk: chronological list]. Irkutsk. 352 p. [in Russian]
- Sysoev, Rubtsov, 2001** – *Sysoev A., Rubtsov S.* (2001). Irkutskoe obshchestvo I militsiya 1905 goda [Irkutsk society and militia of 1905]. *Zemlya irkutskaya*. Nr 15. pp. 53–55. [in Russian]
- Teplakov, 2015** – *Teplakov A.* (2015). Kriminal i vlast' v epokhu stanovleniya sovetskoi gosudarstvennosti [Crime and Power in the Era of Formation of the Soviet Statehood]. *Novyi istoricheskii vestnik*. No.3 (45). pp. 44–64. [in Russian]
- Weissman, 1978** – *Weissman N.B.* (1978). Rural Crime in Tsarist Russia: the Question of Hooliganism, 1905–1914. *Slavic Review*. Nr. 37. pp. 228–240. [in English]

Революция 1905 г. в Иркутске и уголовная преступность

Александр Александрович Иванов ^{a, *}, Анастасия Викторовна Данчевская ^b

^a Иркутский государственный университет, Российская Федерация

^b Иркутский государственный университет путей сообщения, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния Первой русской революции в Иркутске на рост уголовной преступности. Проанализировав значительный круг документальных и историографических материалов, авторы приходят к выводу о том, что события 1905 г. в Петербурге и Иркутске носили закономерный характер и стали проявлением неспособности самодержавного государства гибко и своевременно отвечать на «вызовы времени». Абсолютное большинство иркутских жителей с энтузиазмом и одобрением встретили демократические перемены. Но революционные события способствовали созданию иллюзии вседозволенности, привели к росту политического экстремизма. Это проявилось не только в убийствах высших должностных лиц и экспроприациях, но и в не меньшей мере в росте уголовной преступности. Возрастание её началось уже в 1904 г. в связи с Русско-японской войной и усилилось в 1905 г. на фоне развития революционного стачечного движения и продовольственных проблем. Массовое вооружение населения привело к росту числа таких тяжких преступлений, как убийства и разбойные нападения, которые происходили и днём, и ночью. При этом разногласия между административной властью и органами местного самоуправления не позволяли ни увеличить до необходимых размеров штаты городской полиции, ни официально создать подчинённые городской думе народные дружины. Таким образом, власть росту преступности противостоять не могла, а стихийно созданные отряды самообороны сами становились угрозой для населения.

Ключевые слова: революция 1905, радикальные настроения, Русско-японская война, Октябрьская стачка, уголовная преступность, убийства, погромы, дружины самообороны, Иркутск, Восточная Сибирь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ottisk@irmail.ru (А.А. Иванов), vashan16@mail.ru (А.В. Данчевская)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 393-401. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.393
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Historical Image of a Russian Tourist in the French Resort of Biarritz at the beginning of the 20th century

Inga V. Maslova ^{a,*}

^a Kazan Federal University, Russian Federation

Abstract

Everyday practice of rest of subjects of the Russian Empire abroad at the beginning of the 20th century testified about the adherence of Russian society to European culture and about the integration processes of the Russians into the historically-cultural world space.

The motives of trips of the Russians to the Azure Coast were beach holidays on the Atlantic coast, spa treatment, family rest in the mild winter climate of Biarritz.

The historical image of the Russian holidaymaker in France is recreated on the basis of the analysis of travel notes and memoirs written by contemporaries. General characteristics of the historical image of the Russian tourist abroad at the beginning of the 20th century were: education and openness to receive vivid impressions and new knowledge; availability of funds for the possibility of organizing such a holiday; departure to rest in the autumn-winter period, called by contemporaries "Russian season" in Biarritz; the desire to form a cohesive community of "Russian tourists" in the conditions of a foreign resort, with characteristic Russian communication techniques and traditions.

The vast majority of holidaymakers in Biarritz were not constrained by the Russians, which left their imprint on the techniques of their daily rest: beach, horse, bicycle and foot excursions, public receptions, casinos, visiting fashionable shops and salons, cinema, etc.

In the everyday life of the Russians in the conditions of rest at a foreign resort, the characteristic features of bourgeois society are traced more sharply and distinctly than those in the Russian Empire, in which property status played a key role, but not the class position.

European resorts became on the one hand a field of interpenetration of cultures, on the other, it was here that, against the backdrop of the prevailing European traditions, the characteristics of everyday and mental practices of Russians were more vividly and more clearly manifested.

Keywords: Russian tourism, the history of everyday life, Biarritz, travels, resorts, the Romanovs, the Staheevs, the beginning of the XX century.

1. Введение

Взросший в последние десятилетия интерес к проблемам истории повседневности среди российских исследователей продолжает развиваться, открывая новые поля для научного поиска. Повседневность трактуется не просто, как сфера человеческой обыденности, в противоположность празднику, но и как специфический опыт в поведении индивидов в различных историко-культурных условиях и в различные хронологические периоды. Индивиды в этом случае представляются действующими лицами истории, ее активными созидателями. История повседневности начиналась как изучение жизненных историй отдельных, безликих социальных групп (крестьян, купцов и т.д.), затем научный фокус выделил в них конкретного человека и его повседневные практики, и ментальные установки. Предметом исследования становятся мотивация деятельности отдельных людей, повседневные практики в изменяющихся временных и пространственных условиях.

* Corresponding author

E-mail addresses: Saveliz@yandex.ru (I.V. Maslova)

Так появились исследования по истории экстремальной повседневности, праздничной повседневности. Проведенные исследования позволили выявить закономерности в поведенческих установках индивидов, объединяемых не по социальному, профессиональному или гендерному признаку, а по формам организации повседневных практик. В этой статье нами предпринята попытка исследования повседневности россиян начала XX века в условиях отдыха за рубежом и реконструкции исторического образа российского туриста.

Актуальность исследуемой проблемы усиливается и тем фактом, что туризм был и остается мощным импульсом интеграции россиян в мировое историко-культурное пространство.

В XIX столетии Российская империя находилась под сильным влиянием французской культуры, что проявлялось в распространенности французского языка, особом интересе к французской литературе, популярности французских модисток и многом другом. Большинство детей дворянских, да и богатых купеческих получали домашнее образование под руководством французских гувернанток и гувернеров. Это было не удивительно, ведь французский язык прочно удерживал гегемонию в Европе, заняв место языка международного общения. В этой связи предметом исследования стали повседневные практики российских туристов на французском курорте Биарриц.

2. Материалы и методы

Инструментом научного анализа для нас послужили теоретические положения, выдвинутые основателями истории повседневности А. Людке и Х. Медика ([Людтке, 1999](#); [Медик, 1994](#)). Среди российских историков, чьи исследования обогатили приемы и методы научного поиска в области изучения проблем повседневности и истории ментальностей следует выделить Ю.Л. Бессмертного и А.Я. Гуревича ([Гуревич, 1993](#)). Большая роль в популяризации истории повседневности и микроанализа в России принадлежала Ю.Л. Бессмертному и руководимому им семинару по истории частной жизни в Институте всеобщей истории РАН. По инициативе Ю.Л. Бессмертного и его коллег был основан альманах «Казус: Индивидуальное и уникальное в истории». Первые исследования российских ученых в области микроистории вышли в свет на страницах этого альманаха ([Антощенко, 2002](#); [Кошелева, 1997](#)).

Среди исследователей структур повседневности в российской провинции отметим ученых Оренбургского государственного педагогического университета под руководством Е.В. Бурлуцкой (Банниковой) ([Банникова, 2011](#)).

Названные авторы обращают внимание на то, что для анализа повседневности важной составляющей является тонкая интерпретация исторического источника. Исследования строятся на основе «диалога» историка с источником, последний ставит задачу проникнуть в скрытый смысл исторического документа, попытаться учесть не только описанный исторический факт, но и мотивацию действий индивидов. При изучении повседневности расширяется и круг используемых источников. Помимо традиционных письменных документов широко привлекаются изобразительные материалы, устные рассказы, литературные памятники, вещественные источники. Одновременно обогатились приемы и методы анализа названных видов источников. В исследовании используются литературоведческие, психологические, биографические приемы анализа.

3. Обсуждение

Посещение французских курортов в среде элиты русского общества считалось проявлением хорошего тона. Среди причин, стимулирующих интерес среднего слоя россиян к путешествиям во Францию в XIX – начале XX в., следует отметить распространение такого литературного жанра как путевые заметки. Большой популярностью у русских читателей пользовались «Путевые наброски...» А.Н. Бережецкого ([Бережецкий, 1884](#)). Бережецкий это литературный псевдоним писателя и публициста А.Н. Маслова. Автор сочинения ориентируется на средние слои общества, поэтому не описывает экономическое и политическое положение европейских стран, не погружает читателя в подробные исторические экскурсы, а дает некую памятку для туриста, как правильно организовать поездку, рассказывает о том, с какими проблемами может столкнуться путешественник.

В основе беллетризованного путешествия с вымышленными героями Н.А. Лейкина личные впечатления автора от поездки за границу ([Лейкин, 1899](#)). Детали повседневной жизни россиян, отдыхающих во Франции и Испании, Н.А. Лейкин описывает с завидной долей юмора, что не умаляет реалистичности образа русского путешественника.

Замечательный образ курортного отдыха в Биарриц оставил в своих воспоминаниях А.М. Романов. Александр Михайлович был внуком Николая I, мужем родной сестры Николая II. Книга воспоминаний была издана на русском языке в 1933 г. как приложение к журналу «Иллюстрированная Россия» ([Воспоминания, 2015](#)).

В нашем распоряжении оказались воспоминания потомка провинциальной купеческой династии из города Елабуги Вятской губернии Татьяны Карсон (в девичестве Стахеевой) написанные уже после революции в эмиграции, в которых описывается период пребывания ее семьи в первое десятилетие XX в. на отдыхе в Биарриц. Подробное исследование курортного отдыха семьи Стахеевых, на основе названного источника, нашло отражение в статье И.В. Масловой «Российское

купечество на французском курорте Биарриц в начале XX в.», опубликованной в 2012 г (Маслова, 2012).

Сравнительный анализ названных выше источников с одной стороны приводит нас к выводу о высокой степени достоверности изложенного их авторами материала, а с другой взаимно обогащает собирательный исторический образ русского отдыхающего на французском курорте Биарриц.

4. Результаты

Российских путешественников, выбиравших туристический маршрут во Францию, можно условно разделить на четыре группы. К первой отнесем лиц, предпринимавших поездки с целью развлечения, для повышения светского престижа. Вторую группу составляли ценители искусства, посещавшие страну с целью культурного туризма. В состав третьей группы входили молодые люди, которые получали образование во Франции. И наконец, к четвертой, самой многочисленной группе следует отнести россиян, которые совершали поездки с целью лечения и оздоровления.

Продолжительность пребывания во Франции, за исключением поездок с целью обучения, зависела от ее цели, финансовых возможностей и составляла в среднем от 10–15 дней до 3-х месяцев. За три месяца можно было пройти полный курс лечения на курортах Лазурного берега. Состоятельные россияне, выезжающие на курорт целыми семьями, проводили в условиях мягкого французского климата весь осенне-зимний сезон.

Популяризации и развитию зарубежного туризма способствовали многочисленные путеводители по странам Европы, в которых содержалась полезная информация о местоположении, достопримечательностях, оказываемых услугах, климатических условиях города или курорта, ресторанах, театрах и многом другом (Путеводитель, 1873).

Путеводитель П. Якубовича, ориентированный на российского туриста содержал информацию о том, какие возможности для размещения отдыхающих предлагает курорт Биарриц: гостиницы, виллы, меблированные комнаты. Помимо общих сведений давался перечень мест для свободного время препровождения: «Биарриц – 4,659 ж. с весьма известными в Европе морскими купаньями, лежит на крутом утесе, выдающемся в океан – Современная романская церковь. – Вилла Евгении. – Казино. – Общественный парк, возле озера Шабан. – Минеральный источник. – Парк устриц» (Якубович, 1874: 1032). Учитывая, что речь идет об океаническом курорте сообщалась информация и о возможностях пляжного отдыха, причем для различных категорий отдыхающих: «Больные купаются большей частью на прекрасном песчаном мельничном берегу и в узкой бухте, наз. Старым портом, окруженном отвесными скалами, у подошвы мыса Аталай (великолепный вид на развалины замка). Сильные пловцы решают купаться на берегу Басков. – Заведение теплых ванн (морская и пресная вода)» (Якубович, 1874: 1032).

Большое значение о популяризации зарубежного туризма сыграло активное строительство железных дорог, усовершенствование их технических характеристик и возросший уровень комфорта. Сеть железных дорог соединяла Петербург даже с отдаленными российскими провинциями. А из столицы начинались пути в Западную Европу.

Одним из самых популярных европейских курортов для русских отдыхающих стал Биарриц. Настоящая жемчужина Атлантического побережья – Биарриц располагал тремя типами пляжей, которые могли удовлетворить требования даже самого изысканного туриста. «Всякий может, сообразно своему вкусу, росту, силам и опытности, выбрать для себя советующее место купания, начиная с саженных валов, обдающих и окатывающих с страшным напором массою изумрудной влаги и кончая дальнейшими подразделениями тех же валов бережно и робко обливающих с небольшим остатком энергии, неглубокою, пенящеюся волной» (Джаншиев, 1888: 386). По настоящему испытать буйство стихии Атлантического океана можно было посетив пляж «Grande Plage». Купание в условиях постоянного волнения океана было довольно опасным, поэтому отдыхающие прибегали к услугам профессионального купальщика «беньера», который помогал купающимся в море, где был сильный прибой волн. В беньеры из жителей Биарриц шли сильные и здоровые мужчины. Многие из них имели свои дома, приличный доход, но не оставляли своей «профессии». Каждый «беньер» старался приобрести больше постоянных клиентов и перед их отъездом разносил свои визитные карточки, чтобы в следующем сезоне его клиенты могли вновь прибегнуть к его услугам.

А.Н. Бережецкий в путевых заметках описывает знакомого ему купальщика по имени Фурно, очень толстый мужчина, выпивающий после каждого купания рюмку коньяку, но несмотря на то, что холодная вода мало ему приятна, продолжал лазить в море до самого конца осени (Бережецкий, 1884: 24).

Замечательное свидетельство работы беньеров в Биарриц мы находим в романе В. Набокова «Подвиг»: «Толстый беньер-баск в черном, всегда мокрым трико ("гибельная профессия", – говорил отец) брал Мартына за руку, вел его в мелкую воду, затем оба поворачивались спиной к прибою, и с грохотом налетела сзади огромная волна, потопляя и опрокидывая весь мир» (Набоков).

Самым популярным среди отдыхающих пляжем был уже упомянутый «Grande Plage». Океан здесь довольно слабо вдается в берег, поэтому на пляже почти всегда приличные волны, которые вызывают с одной стороны восторг с другой делают самостоятельное купание (без помощи беньеров) доступным далеко не для всех. На пляже созданы все условия для отдыха в любую погоду. Длинное

деревянное здание с галереей служило для защиты от прямых солнечных лучей и одновременной давало возможность для прогулок по пляжу во время дождя. Внутри деревянного здания было оборудовано два отделения (мужское и женское), где устроены кабины для переодевания и хранения купальных принадлежностей. В хорошую погоду до полудня на «Grande Plage» очень оживленно. Здоровые и веселые дети бегали босиком и играли в рыхлом песке. Дамы и кавалеры сидели в креслах под навесом, читали книги, смотрели на купающихся.

Следующих пляж «Vieux-Port» был популярен среди людей со слабым здоровьем. Тут море круто вдавалось в океан и образуя залив со спокойной водой и нешироким выходом в океан.

В начале XX в. пляжный отдых серьезно отличался от современного. Более половины отдыхающих на пляже россиян не купались и даже не загорали. Во-первых, пляжная культура отдыха только формировалась. Во-вторых, далеко не каждый мог преодолеть столетиями сформировавшийся стереотип «не появляться в неглиже в обществе».

Конечно, в исследуемый период на курортах купальные костюмы уже получили широкое распространение. Это было одним из проявлений приобщения россиян к европейским традициям и устоям. Отметим, фасоны купальных костюмов менялись в зависимости от того, какой курорт планировалось посетить. Европейцы шили купальные костюмы в обтяжку из фланели и отделялись шерстяными лентами разных цветов. Такая мода была в 1884 г. на Бельгийском курорте в Остенде и северофранцузском Трувиле. Но в воде такой костюм обтягивался и формы фигуры обрисовывались чересчур явно. На южно-итальянских курортах мужчины позволяли себе вольность купаться только в панталонах (Бежецкий, 1884: 21). Учитывая, что в Биарриц отдыхало много россиян с семьями, публика было солидная, не молодая, здесь получил распространение более скромный купальный костюм. Он состоял из широкой рубашки с короткими рукавами и поясом и широких панталон до колен из шерстяной материи, обыкновенно синего цвета, отделанный белыми и красными лентами. А.Н. Бережецкий замечает, что пляжи пестрели купальными костюмами различных цветов, за исключением белых, которые были воспрещены. Вероятно, из-за того, что после намакания становились до неприличия прозрачными.

Подобный купальный костюм был универсальным, то есть предназначался в равной степени для мужчин и для женщин. Подобием современных сланцев были холщовые туфли с лентами, завязывающимися вокруг ступни. Выходя из кабины для переодевания поверх купального костюма накидывали пеньюар с рукавами. Обязательным аксессуаром пляжного женского костюма была широкополая шляпа, скрывавшая лицо от загара.

Яркий диалог между купеческой супружеской парой Ивановых по поводу отношения к купальному костюму приводит в своем произведении Н.А. Лейкин: « – Но если это принято и дамы купаются в костюмах, которые еще срамнее, так неужели мне отставать? В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Впрочем, ведь на купальные костюмы мода, как и на все другое. И я как приеду в Биарриц, сейчас-же куплю себе самый модный купальный костюм.

- Только уж, прошу тебя, поскромнее... декольти-то этой самой поменьше» (Лейкин, 1899: 5).

Пляжи в Биарриц были прекрасно оборудованы. В число предлагаемых на пляже платных услуг входили: аренда купального костюма, полотенца, пляжных туфель, кабины для переодевания, горячая ванна для ног после купания, сопровождение профессионального купальщика. Полный пакет услуг стоил около полутора французских франков (примерно 56 копеек по ценам 1878 г.). После купания служитель пляжа помогал сдернуть мокрый костюм и приносил таз горячей воды, почти кипяток, куда полагалось погрузить ноги.

Помимо купания к услугам гостей курорта был велодром, при котором имелось отделение гимнастики и фехтования. На велодроме под руководством тренера можно было взять уроки езды на велосипеде.

Еще одной привлекательной особенностью курорта было большое количество комфортабельных гостиниц, от самых роскошных до недорогих с полным пансионом стоимостью в 12 франков в день. Владельцы гостиниц старались привлечь отдыхающих предоставляя им различные дополнительные услуги: завтраки, полный пансион и даже «темные комнаты» для проявки фотографии. Что было весьма актуальным учитывая, что в начале XX в. было повальное увлечение «фотографическим спортом».

Курортный Биарриц представлял собой удивительный коктейль публики, различной по уровню доходов и положению в обществе, интересам и возрастам. Это место было одинаково любимо представителями царствующей династии Романовых, столичной элитой и провинциальным купечеством, поднявшимся на гребне капиталистической модернизации в России.

Если выезд в Биарриц планировалась как семейный отдых, то предпочитали арендовать комфортабельные виллы. Именной такой способ отдыха в Биарриц избрала семья елабужского купца П.В. Стахеева. С 1907 г., когда Стахеевы впервые посетили Биарриц, ежегодный зимний отдых во Франции стал своеобразной традицией семьи.

Длинное путешествие проходило на поезде через Варшаву, Берлин, Кельн и Париж. Знаменитый «Северный экспресс», за 52 часа преодолевая географические и культурные границы, соединял столицу Российской империи и Франции. В прессе того времени этот элитный экспресс именовался не иначе как «европейский поезд-молния». В 1894 г. в его состав входили два спальных

вагона, причем исключительно первого класса, рассчитанных на прием сорока пассажиров каждый. К услугам состоятельных пассажиров были комфортные купе-будуары, обставленные дорогой мебелью и декорированные цветными витражами и зеркалами, ванне комнаты, багажные вагоны, позволявшие не заботиться об объеме багажа, вагон-ресторан.

«На территории узкого мобильного пространства удовлетворялись все потребности пассажиров в гигиене, питании и быстром перемещении в пространстве. Для этого имелись необходимые технически оснащенные помещения с электрическим освещением, телеграфом, вагоны на четырех осях, обеспечивающих плавный ход, мощный локомотив и хорошо обученный персонал. Это позволяло пассажиру читать и коммуницировать с внешним миром в любое время суток. При этом поезд развивал невероятную для своего времени скорость до 80 км/ч летом и до 64 км/ч в зимнее время» (Келлер, 2015: 117).

С вокзала в заряженной лошадыми коляске семья Стахеевых ехала в гостиницу «Hotel du Quai d'Orsay», располагавшуюся недалеко от вокзала. Проведя в гостинице день, ночным экспрессом семья отправлялась в Биарриц. Большую семью в путешествии на отдыхе всегда сопровождали трое слуг, выполнявших обязанности няни. Согласно воспоминаниям Татьяны Карсон они – дети должны были достойно себя вести и не доставлять лишних хлопот во время путешествия. Старшие дети брали в дорогу кожаные сумки через плечо, в которых хранили свои игрушки, книги, т.е те предметы, которые помогут им скоротать время в дороге.

К поездке в Биарриц заранее готовились, детально продумывались маршрут, остановки, багаж и даже одежду для путешествия. Описывая первое путешествие, Татьяна вспоминает: «Мы были одеты в одинаковые голубые морские костюмы и частенько слышали восхищенные возгласы от служащих железной дороги: немцев, французов – «Quels beaux enfants!» (Какие красивые дети!)» (Карсон, 2009: 52).

Прибыв на место, Стахеевы селились в вилле Фрегат на Птит-пляже. Кухарку и экономку брали на работу из числа местной прислуги. Ежегодно в Биарриц для ведения домашнего хозяйства нанимали одну и ту же женщину – Джули, которая хорошо изучила вкусы и потребности русской семьи. Французов изумляли гастрономические привычки российского купечества. Разнообразие мясных блюд и выпечки делали Стахеевых завидными клиентами торговцев продуктами. Поэтому, когда кухарка выезжала на рынок за продуктами, мясник даже посылал за ней свою повозку.

Любили погулять по рынку Биарриц и сами Стахеевы. «На улице Мазагран, находился базар «Биарриц Бонор», там мы все одновременно приобрели морские береты и соломенные шляпы, а так же ведерки и лопаты. В ту зиму мы много играли на пляже и катались на осликах» (Карсон, 2009: 54).

Вилла находилась на самом берегу океана: достаточно было спуститься по лестнице, чтобы оказаться на Птит – пляже. Пока дети еще не достигли возраста обучения гимназии, т.е не были «привязаны» к учебному временному режиму, семья проводила во Франции весь осенне-зимний период. Считалось, что мягкие европейские зимы полезнее для детского здоровья, чем суровые российские морозы.

Размеренную курортную жизнь яркими красками наполняли праздничные развлечения. Любимый детский праздник Рождество в Биарриц отмечали дважды сначала по католическому, а затем по православному религиозному календарю. Рождественская елка, подарки делали это праздник незабываемым. За рождественскими подарками для детей Вера Ивановна ездила в Париж, где покупала их в известном магазине игрушек Au Nain Bleu. Этот известный магазин игрушки, существующий до сих пор, в начале XX в. приводил в восторг детей всего мира миниатюрными железными дорогами, красивыми куклами и всеми любимыми плюшевыми медведями. Но в богатой купеческой семье в качестве подарков получали не только игрушки. На фотографии, хранящейся в личном семейном архиве потомков Стахеевых Татьяны и Питера Карсон на шее каждой из пяти дочерей Веры Ивановны и Петра Васильевича бусы из миниатюрных ювелирных пасхальных яиц. Каждую пасху к ним добавлялась новая бусина-яйцо от Фаберже.

«Неожиданным сюрпризом на Рождество, когда мы стали постарше – вспоминает Татьяна – было посещение одного из мюзиклов в казино «Мантине». Я отлично помню взбирающегося по лестнице на сцену клоуна и выкрикивающего «Джоконда найдена!». За несколько месяцев до этого картина была похищена из Лувра каким-то сумасшедшим» (Карсон, 2009: 59).

Курортный город, в котором преобладала российская публика, позволял россиянам чувствовать себя как дома благодаря наличию православного прихода. В Биарриц на пожертвования россиян в 1892 г. был построен храм Покрова пресвятой Богородицы и Святого Александра Невского. Воспитанная в лучших православных традициях Татьяна с трепетом вспоминала: «Русская церковь в Биарриц стала дорогой для всех нас. Наше детство в течение пяти лет было связано с ней. Вспоминаются наши первые причастия, крещение брата Пети, дни святых, Рождество» (Карсон, 2009: 58).

Отметим, что в Биарриц сословные грани как бы стирались, здесь правила игры диктовали капиталы. Поэтому представители российского купечества, имевшие огромные капиталы, жили рядом с царствующими особами с тем же комфортом и роскошью.

Например, великий князь Александр Михайлович Романов (супруг родной сестры Николая II) вместе с семьей поселился на вилле Эспуар. Большая семья, состоящая из супругов, шестерых детей,

трех нянь, трех воспитателей и фрейлины и многочисленных служащих, проводила в Биарриц весь «русский сезон»: осень и зиму.

Князь Александр Михайлович и великая княгиня Ксения Александровна в течение двух лет были соседями по вилле елабужских купцов Стахеевых. Семья купца Петра Васильевича и Веры Ивановны Стахеевых, состоящая из семерых детей, двух нянь и их помощницы, проживала на соседней вилле Фрегат. Ксения Александровна подружилась с Верой Ивановной часто вместе с детьми ходили на прогулки, устраивали званые чаепития.

Мужчины проводили курортное время не менее занимательно. В своих воспоминаниях князь так описывает отдых на французском курорте: «Напротив нашей виллы расположена площадка для гольфа. Я с удовольствием начинаю учиться этой игре. Мы быстро входим в жизнь биаррицкого общества. Мы встречаем много людей, устраиваем завтраки, обеды, играем в покер, в бридж, ездим на пикники» (Воспоминания, 2015).

К весне размеренный семейный отдых членов царской семьи превращался в яркий карнавал событий, связанных с приездом на курорт титулованных гостей. В Отеле дю Палэ поселяется король Эдуард VII Английский (его супруга Александра была тетей Ксении Александровны). Чуть позже в отдельном поезде приехала императрица Мария Федоровна, в сопровождении фрейлины Озеровой и князя Шервашидзе. Князь Алексей Михайлович на правах хозяина старается показать красоты Биаррица и его окрестностей. С этой целью он арендует большой десятиместный автомобиль в фирме Делоннэ-Бевиль, которым во время экскурсионных поездок управляет сам. «Наступает май месяц, лучшее время в Биаррице. Еще не жарко, масса цветов, поспевают ягоды, но мы должны уезжать. Мы двигаемся в путь вместе с императрицей» – с сожалением запишет в своих воспоминаниях Алексей Михайлович (Воспоминания, 2015).

В том случае если посещение курорта было своеобразным светским раутом, российское дворянство отдавало предпочтение роскошным отелям. Один из подобных визитов упоминает в своих воспоминаниях С.Ю. Витте. Он описывает встречу в Биаррице с российским политиком А.Н. Меллером-Закомельским. Витте был неприятно удивлен поведением соотечественника, который сорил деньгами в казино, проигрывая до десяти тысяч франков в течение дня. Шумно проводил время с молодой любовницей, которую представлял гостям курорта как свою дочь. «Игра Меллер–Закомельского в игорном доме на такие крупные суммы и жизнь с подложною дочкой шокировала всех русских, ибо все-таки Меллер-Закомельский был членом Государственного Совета» (Витте, 1923: 318).

Сам С.Ю. Витте тоже был постоянным гостем французского курорта. Но целью его визитов были оздоровление и тихий отдых у атлантического побережья. «Летом и осенью 1909 г. я по обыкновению пробыл за границей. – писал Сергей Юльевич. Я ездил в Виши, а потом оттуда поехал в Биарриц, где я жил несколько месяцев с внуком и дочерью, и её мужем, а к концу ноября вернулся в Петербург» (Витте, 1923: 427). Подтверждением того, что Витте выбрал Биарриц традиционным местом отдыха за границей мы находим в его переписке с Николаем II. В письме от 17 мая 1914 г. Витте пишет: «Всемиловейший государь. По семейным обстоятельствам я должен был провести несколько недель в Биарриц, в сезон, когда он совсем пуст. Ни с кем я там не имел никакой охоты видаться, а особливо с журналистами» (Письмо, 1927: 99). С одной стороны, текст письма подтверждает, что Витте приезжал на курорт с целью отдохнуть от общения и столичной суеты. Но с другой из документа мы узнаем, что отдых в Биарриц омрачался визитами и просьбами об интервью многочисленных журналистов, т.к. цель письма оправдаться перед императором в том, что никаких «опасных тем» с зарубежной прессой российский политик не обсуждал. «Если же мне приходится беседовать со знаковыми, то я всегда выражаю мнения, могущие служить на пользу вашему правительству. Я считал бы бесчестным высказать что-либо могущее принести малейший вред моему отечеству и правительству вашего императорского величества, коего до гроба я останусь верноподданнейший и всепреданнейший слуга» (Письмо, 1927: 99).

Жители Биарриц были заинтересованы в притоке туристов и поэтому всегда были честны и относились к ним с особым вниманием. С семьей Стахеевых в Биарриц произошел удивительный случай. П.В. Стахеев оплатил дачу в Биарриц на очередной осенне-зимний сезон 1915 г. Будучи уверенными, что очередной «русский сезон» семья проведет на хорошо знакомой даче в Биарриц, Стахеевы оставили здесь часть своего имущества. Но в условиях начавшейся Первой Мировой войны об отдыхе за рубежом не могло быть и речи. Последовавшие затем революционные потрясения привели к эмиграции Стахеевых сначала в Шанхай (1919–1924 гг.) затем в 1924 г. во французский город Монпелье. В 1939 г. Вера Ивановна Стахеева переезжает на постоянное место жительства в Биарриц. Хозяин виллы, которую они арендовали на 1915 г., не зная, что делать с оставленным Стахеевыми имуществом, отдал его на хранение в русскую церковь. Когда семья снова появилась в Биаррице, священник отдал Вере Ивановне посуду, фарфоровые статуэтки, прекрасные иконы с серебряной ризой с эмалью и жемчугом, которые стали семейным сокровищем.

5. Заключение

В целом начало XX в. характеризовалось приобщением русского общества к европейской культуре отдыха. Что свидетельствовало о процессах интеграции россиян в мировое историко-культурное пространство.

В повседневности россиян в условиях отдыха на зарубежном курорте резче и отчетливее, чем с Российской империи, прослеживаются характерные для буржуазного общества черты, в которых ключевую роль играло не сословное положение, а имущественное состояние.

Европейские курорты становились с одной стороны полем взаимопроникновения культур, с другой именно здесь, на фоне сложившихся европейских традиций, ярче и отчетливее проявлялись особенности повседневных и ментальных практик россиян.

Выделяя самые общие характеристики исторического образа российского туриста за рубежом начала XX в. отметим:

Во-первых, это образованный и просвещенный россиянин, открытый к получению не только ярких впечатлений, но и новых знаний.

Во-вторых, россиянин, располагающий средствами для возможностей организации подобного отдыха. Подавляющее большинство отдыхающих в Биарриц россиян не были стеснены в средствах, что накладывало свой отпечаток на приемы их повседневного отдыха: пляж, экскурсионные прогулки, публичные приёмы, казино, синематограф и т.д.

В-третьих, «русским сезоном» в Биарриц был осенне-зимний период, как попытка «укрыться» от суровой российской зимы и сопутствовавшего ей затишья в общественной жизни.

В-четвертых, находясь за рубежом, российские отдыхающие объединялись в довольно сплоченную общность «русских туристов», с характерными для российских подданных приемами общения и традициями.

Литература

Антощенко, 2002 – Антощенко А.В. История одной профессорской ставки // *Казус: Индивидуальное и уникальное в истории*. Вып. 4. М., 2002. С. 234-272.

Банникова, 2011 – Банникова (Бурлуцкая) Е.В. Концептуальный подход к изучению повседневности провинциального купечества // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2011. № 17(136). С. 21-27.

Бежецкий, 1884 – Бежецкий А.Н. Путевые наброски. В стране Мантильи и кастаньет. За Пиренеями. Мадрид, Севилья, Гренада, Биарриц, Париж. СПб., 1884. 253 с.

Витте, 1923 – Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. Т. 2. М., 1923. 518 с.

Ворт – *Ворт Чарльз Фредерик*. Энциклопедия моды. Режим доступа: <http://www.wildberries.ru> [дата обращения: 28.07.2012].

Воспоминания, 2015 – *Воспоминания великого князя Александра Михайловича Романова*. С предисловием Николая Старикова. СПб., 2015. 320 с. Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=-> [дата обращения 06.03.2016]

Гуревич, 1993 – Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Аналов». М.: Индрик, 1993. 327 с.

Джаншиев, 1888 – Джаншиев Г.А. В Европе: Москва – Мюнхен – Кельн – Альпы – Биарриц: Впечатления. М., 1888. 181 с.

Дусе – *Дусе Жак*. Энциклопедия моды. Режим доступа: <http://www.wildberries.ru> [дата обращения: 28.07.2012]

Карсон, 2009 – Карсон Т. Воспоминания о русской семье / Пер. Е.В. Третьяковой. Краснодар, 2009. 84 с.

Келлер, 2015 – Келлер А. Литерный поезд «Северный экспресс» – между миром и войной (1884–1914) // *Quaestio Rossica*. 2015. № 1. С. 109-128.

Кошелева, 1997 – Кошелева О.Е. Побег Война // *Казус: Индивидуальное и уникальное в истории*. М., 1997. С. 55-86.

Лейкин, 1899 – Лейкин Н.А. Под южными небесами. Юмористическое описание супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых в Биаррице и Мадриде. СПб., 1899. 572 с.

Людтке, 1999 – Людтке А. «История повседневности» в Германии после 1989 года // *Казус: Индивидуальное и уникальное в истории*. М., 1999. С. 117-131.

Маслова, 2012 – Маслова И.В. Российское купечество на французском курорте Биарриц в начале XX в. // *Вопросы истории*. 2012. № 10. С. 134-137.

Медик, 1994 – Медик Х. Микроистория // *THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем*. М., 1994. Вып. 4. С. 193-201.

Набоков – *Набоков В.* Подвиг. Режим доступа: http://royallib.com/book/nabokov_vladimir/rodvig.html [дата обращения 01.03.2016]

Письмо, 1927 – Письмо Витте Николаю II от 17 мая 1914 г. // *Монархия перед крушением, 1914–1917.: бумаги Николая II и другие документы*. М – Л., 1927. 309 с.

Путеводитель, 1873 – Путеводитель по Варшаве и ее окрестностям, с изложением: исторического очерка происхождения г. Варшавы, паспортных правил, сведений о достопримечательностях города, гостиницах, кухмистерских, кондитерских, извозчиках, омнибусах, конно-железной дороги, театрах, садах, скверах, учреждениях благотворительных, общественных административных, правительственных и др. / сост. М. М-в. Варшава, 1873. 202 с.

Якубович, 1874 – Якубович П. Путеводитель по Европе. Германия-Австрия-Франция. Т. 1–2. СПб., 1874. Т. 2. 1017 с.

References

- Antoshchenko, 2002** – *Antoshchenko A.V.* (2002). Istoriya odnoi professorskoj stavki [The history of one professorship rate]. *Casus: Individual and unique in history*. Is. 4. M., pp. 234-272. [in Russian]
- Bannikova, 2011** – *Bannikova (Burlutskaya) E.V.* (2011). Kontseptual'nyi podkhod k izucheniyu povsednevnosti provintsial'nogo kupechestva [A conceptual approach to studying the everyday life of the provincial merchants]. *Bulletin of the Orenburg State University*, Nr 17(136), pp. 21-27. [in Russian]
- Bezhet'skii, 1884** – *Bezhet'skii A.N.* (1884). Putevye nabroski. V strane Mantil'i i kastan'et. Za Pireneyami. Madrid, Sevill'ya, Grenada, Biarrits, Parizh. [Traveling sketches. In the country Mantilla and castanet. Behind the Pyrenees. Madrid, Seville, Grenada, Biarritz, Paris]. SPb., 253 p. [in Russian]
- Vitte, 1923** – *Vitte S.Yu.* (1923). Vospominaniya: Tsarstvovanie Nikolaya II. [Memories: The reign of Nicholas II]. P. 2. M., 518 p. [in Russian]
- Vort** – Vort Charl'z Frederik [Worth Charles Frederick]. *Encyclopedia of Fashion*. URL: <http://www.wildberries.ru> [reference date: 28.07.2012]. [in Russian]
- Vospominaniya, 2015** – *Vospominaniya velikogo knyazyaya Aleksandra Mikhailovicha Romanova*. S predisloviem Nikolaya Starikova [Memoirs of the Grand Duke Alexander Mikhailovich Romanov. With a foreword by Nikolai Starikov]. SPb., 2015. 320 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=-> [reference date 06.03.2016]. [in Russian]
- Gurevich, 1993** – *Gurevich A.Ya.* Istoricheskii sintez i shkola «Analog» [Historical synthesis and school "Analog"]. M., 1993. 327 p. [in Russian]
- Dzhanshiev, 1888** – *Dzhanshiev G.A.* (1888). V Evrope: Moskva – Myunkhen – Kel'n – Al'py – Biarrits: Vpechatleniya [In Europe: Moscow – Munich – Cologne – Alps – Biarritz: Impressions]. M., 181 p. [in Russian]
- Duse** – *Duse Zhak* [Douce Jacques]. *Encyclopedia of Fashion*. URL: <http://www.wildberries.ru> [reference date: 28.07.2012]. [in Russian]
- Karson, 2009** – *Karson T.* (2009). Vospominaniya o russkoj sem'e [Recollections of the Russian family]. Trans. E.V. Tretyakova. Krasnodar, 84 p. [in Russian]
- Keller, 2015** – *Keller A.* (2015). Liternyi poezd «Severnyi ekspress» – mezhdru mirom i voinoi (1884–1914) [The literary train "Northern Express" – between peace and war (1884–1914)]. *Quaestio Rossica*, Nr 1, pp. 109-128. [in Russian]
- Kosheleva, 1997** – *Kosheleva O.E.* (1997). Pobeg Voina [Escape the Warrior]. *Casus: Individual and unique in history*. M., pp. 55-86. [in Russian]
- Leikin, 1899** – *Leikin N.A.* (1899). Pod yuzhnymi nebesami. Yumoristicheskoe opisanie suprugov Nikolaya Ivanovicha i Glafiry Semenovny Ivanovykh v Biarritse i Madride. [Under the southern skies. A humorous description of the spouses of Nikolai Ivanovich and Glafira Semenovna Ivanovs in Biarritz and Madrid]. SPb., 572 p. [in Russian]
- Lyudtke, 1999** – *Lyudtke A.* (1999). «Istoriya povsednevnosti» v Germanii posle 1989 goda [“The history of everyday life” in Germany after 1989]. *Casus: Individual and unique in history*. M., pp. 117-131. [in Russian]
- Maslova, 2012** – *Maslova I.V.* (2012). Rossiiskoe kupechestvo na frantsuzskom kurorte Biarrits v nachale XX v. [The Russian merchant class in the French resort of Biarritz at the beginning of the 20th century]. *Voprosy istorii*, Nr 10, pp. 134-137. [in Russian]
- Medik, 1994** – *Medik Kh.* (1994). Mikroistoriya. THESIS. Teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem. [Microhistory]. *THESIS. Theory and history of economic and social institutions and systems*. M. P. 4, pp. 193-201. [in Russian]
- Nabokov** – *Nabokov V.* Podvig [The feat]. URL: http://royallib.com/book/nabokov_vladimir/podvig.html [reference date 01.03.2016]. [in Russian]
- Pis'mo, 1927** – *Pis'mo Vitte Nikolayu II ot 17 maya 1914 g* [Letter to Witte Nicholas II dated May 17, 1914]. *Monarchy before the crash, 1914–1917.: papers of Nicholas II and other documents*. M – L., 1927, 309 p. [in Russian]
- Putevoditel', 1873** – *Putevoditel' po Varshave i ee okrestnostyam, s izlozheniem : istoricheskogo ocherka proiskhozhdeniya g. Varshavy, pasportnykh pravil, svedenii o dostoprimechatel'nostyakh goroda, gostinitsakh, kukhmisterskikh, konditerskikh, izvoshchikakh, omnibusakh, konno-zheleznoi dorogi, teatrakh, sadakh, skverakh, uchrezhdeniyakh blagotvoritel'nykh, obshchestvennykh administrativnykh, pravitel'stvennykh i dr. Sost. M. M-v.* [A guide to Warsaw and its environs, outlining: the historical outline of the origin of Warsaw, passport rules, information about the sights of the city, hotels, masters, confectioners, masons, omnibuses, horse-railway, theaters, gardens, squares, charitable institutions, public administrative, governmental, etc. Comp. M. M-in]. Varshava, 1873. 202 p. [in Russian]
- Yakubovich, 1874** – *Yakubovich P.* (1874). Putevoditel' po Evrope. Germaniya-Avstriya-Frantsiya. pp. 1–2. [Guidebook to Europe. Germany-Austria-France]. SPb., p. 2. 1017 p. [in Russian]

Исторический образ российского туриста на французском курорте Биарриц в начале XX в.

Инга Владимировна Маслова ^{а, *}

^а Казанский Федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Повседневные практики отдыха подданных Российской империи за рубежом в начале XX в. свидетельствовали о приобщении русского общества к европейской культуре и о процессах интеграции россиян в мировое историко-культурное пространство.

Мотивами поездок россиян на Лазурное побережье были пляжный отдых на Атлантическом побережье, курортное лечение, семейный отдых в условиях мягкого зимнего климата Биарриц.

Исторический образ русского отдыхающего во Франции воссоздан на основе анализа путевых заметок и воспоминаний, написанных современниками. Общими характеристиками исторического образа российского туриста за рубежом начала XX в. были: образованность и открытость к получению ярких впечатлений и новых знаний; наличие средств для возможностей организации подобного отдыха; выезд на отдых в осенне-зимний период, названный современниками «русским сезоном» в Биарриц; стремлением сформировать в условиях зарубежного курорта сплоченную общность «русских туристов», с характерными для российских подданных приемами общения и традициями.

подавляющее большинство отдыхающих в Биарриц россиян не были стеснены в средствах, что накладывало свой отпечаток на приемы их повседневного отдыха: пляж, конные, велосипедные и пешие экскурсионные прогулки, публичные приёмы, казино, посещение модных салонов и магазинов, синематограф и т.д.

В повседневности россиян в условиях отдыха на зарубежном курорте резче и отчетливее, чем в Российской империи, прослеживаются характерные для буржуазного общества черты, в которых ключевую роль играло не сословное положение, а имущественное состояние.

Европейские курорты становились с одной стороны полем взаимопроникновения культур, с другой именно здесь на фоне сложившихся европейских традиций ярче и отчетливее проявлялись особенности повседневных и ментальных практик россиян.

Ключевые слова: Российский туризм, история повседневности, Биарриц, путешествия, курорты, Романовы, Стахеевы, начало XX века.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Saveliz@yandex.ru (И.В. Маслова)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 402-410. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.402
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Pages of History of Imperial Russian Military and Historical Society

Natalya B. Akoyeva ^{a, *}, Nikolay G. Denisov ^a, Leva A. Karapetyan ^a

^a Krasnodar state institute of culture, Russian Federation

Abstract

In article on a basis various sources of information, various aspects of activity of Imperial Russian Military and Historical Society are characterized from the moment of his emergence in August, 1907 till 1914.

The research was conducted with use of the system and axiological approaches which have allowed to track an overall picture of formation and activity of military and historical society, to reveal him as the phenomenon significant for modern activity.

In work connection of activity of society with development of science and the culture passing in the course of complex reforms of the government of P.A. Stolypin, being one of the defining factors of formation of public consciousness and patriotic education is shown.

Activity of society promoted the decision several tasks: to archiving streamlining, preservation, restoration and a construction of military monuments of all types, the organization of military and archaeological expeditions and trips to fields of battles, creation of the museums of military old times, the libraries and other institutions connected with military and historical subject.

The importance was attached to scientific activity. Members of Society published separate scientific works, "Magazine" and "Notes of the category of military archeology and an archaeography (1911–1914). All works were bases on primary sources. The important place was given to publications of archival documents, memoirs, notes, diaries.

Keywords: military history, military archeology and archaeography, protection of military and historical monuments, regimental libraries, military and historical museums, patriotic education.

1. Введение

Россия в течение всей своей многовековой истории жила в условиях мощнейшего давления извне.

По подсчетам В.О. Ключевского в период становления государственности в 1228–1462 гг., Русь вынесла 90 внутренних и 160 внешних войн и конфликтов (Ключевский, 1957: 47). В XVI веке Россия воевала с Речью Посполитой, Ливонским орденом и Швецией на западе в течение 43 лет, одновременно воюя с остатками Золотой Орды на южных, восточных, юго-восточных рубежах. В XVII веке Россия воевала 48 лет, в XVIII веке – 61 год, в XIX веке – 67 лет (Нестеров, 1987: 14).

Поэтому события военной истории, вопросы стратегии и тактики, боевого духа, причины неудач и уроки побед нуждались в осмыслении.

2. Материалы и методы

Статья основана на разнообразных источниках информации, характеризующих различные аспекты деятельности Императорского российского военно-исторического общества до 1914 года.

Прежде всего, это Полное Собрание Законов Российской империи, позволившее выявить правовую основу деятельности общества. Вторая группа источников представлена данными ежегодных отчётов ИРВИО и отчета за первые пять лет деятельности общества. Это способствовало

* Corresponding author

E-mail addresses: akoeva_nata@mail.ru (N.B. Akoeva)

рассмотрению основных форм и видов деятельности членов общества, осмыслению значения этой работы для истории страны.

Работа базируется на сочетании принципов историзма, достоверности, научности, что позволило на основе детального анализа исторических источников показать процесс создания, становления, деятельности ИРВИО.

Авторами использовались как общенаучные (например, анализ, обобщение), так и специальные исторические методы исследования: исторического описания, историко-генетический, сравнительно-исторический.

Историко-генетический метод позволил детально изучить процесс официального оформления общества, разработки его устава, структуры. Благодаря сравнительно-историческому методу подверглись анализу функционирование разрядов ИРВИО, их лекционная, научная, печатная, охранительная деятельность, выявлены ее причинно-следственные связи.

Методологической основой исследования является системный подход, позволивший проследить общую картину становления и деятельности военно-исторического общества, оценивая его как цельную систему со своей структурой и иерархией, ориентируясь на раскрытие его целостности как сложного объекта действительности, на выявление многообразных типов его связей с социумом, другими организациями.

Важную роль играет аксиологический подход в понимании роли ИРВИО, т.к. через него объект познания – прошлое – раскрывается как явление значимое для современной деятельности.

3. Обсуждения

Как отмечают исследователи, к концу XIX века в русской военной историографии отчетливо наметилось преобладание «русской школы». Ее истоки заложены в «Истории Северной войны». В «Журнале или подневной записки блаженной и вечнодостойной памяти императора Петра Великого с 1698 года, также до заключения Нейштадского мира» рассказывалось о различных эпизодах войны, приводились примеры героического поведения солдат и матросов русской армии. Именно с «Журнала...» началось систематическое освещение войн России (Журнал..., 1770: 148, 149).

Важную роль сыграли труды вице-канцлера П.П. Шафиров, В.Н. Татищева, А. Куропаткина, М.И. Венюкова и других исследователей.

Характерным для этой школы было преимущественное внимание к национальному военному искусству, признание самобытного пути его развития, высокая оценка роли русских полководцев и флотоводцев, прежде всего Петра I, А.В. Суворова, Ф.Ф. Ушакова.

Исследователи российской военной истории считали, что изучение и пропаганда истории воинских частей окажет нравственную поддержку, укрепит дух русского солдата в будущих испытаниях. Поэтому военно-исторические труды создавались на серьезной научной основе, уделялось внимание воспитательному аспекту.

Для того, чтобы издавать свои труды по военной истории, иметь возможность выразить собственное мнение военные историки стали задумываться о создании научного общества.

Что же касается деятельности самого ИРВИО, то этими вопросами из современных исследователей занимались А. Кочетков (Кочетков, 1965), В.А. Дьяков (Дьяков, 1971), С.В. Бориснев (Бориснев, 2007), А.И. Голышев (Голышев, 2016).

4. Результаты

Предпосылки для объединения исследователей военной истории существовали достаточно давно. В России издавалось большое количество газет и журналов военной тематики, например, «Артиллерийский журнал», «Морской сборник», «Разведчик» и др. В них публиковались не только события из армейской жизни, воинские уставы, но и статьи по военной истории. Еще в 1804 г. при Московском университете возникло Московское общество истории и древностей Российских, члены которого собирали материалы по истории страны. В издаваемых «Чтениях Московского общества истории и древностей Российских» публиковались летописи, древний актовый материал. Однако, история России наполнена постоянными войнами, и обойти этот вопрос в своей деятельности члены Общества не могли. Так, в «Чтениях» были изданы рассказы о победе Дмитрия Донского и русского войска (1838), о походах князя Святослава на болгар и греков (1843), работа «Москва 1812», Письма и приказы Петра I (1848), Биография Суворова (1881) и др.

Официальным изданием Военного министерства в 1858–1917 гг. являлся в «Военный сборник», издаваемый по инициативе Д.А. Милютин. Однако его объем не позволял публиковать архивные документы и сведения по военной истории.

Интерес для военных историков представлял и «Кавказский сборник», издававшийся с 1876 г. Кроме разнообразных материалов, в нем публиковались статьи и документы о Кавказской войне, войнах с Персией, Турцией.

В 1898 г. в Санкт-Петербурге было создано «Общество ревнителей военных знаний», просуществовавшее до 1916 г. Позднее часть его членов уехала в эмиграцию. Во главе Общества стоял военный историк А.З. Мышлаевский. Оно специально не занималось изучением проблем военной истории, но отдельные публикации появлялись на страницах «Вестника».

Идея создания Военно-исторического Общества высказывалась в 1850 г. князем Н.С. Голицыным, в 1890 г. Д.Ф. Масловским, Н.К. Шильдером, И.Ф. Дубровиным и Н.Е. Бранденбургом. В 1902 г. военным историком П.Н. Симанским был разработан проект образования военно-исторического общества при штабе Московского военного округа, но он не был поддержан Военным министерством.

Однако, интерес к военной истории рос, появлялись солидные исследования по военной истории и истории воинских частей. Часто это поручалось офицерам полков. В 1859 г. была напечатана История Лейб-гвардии Преображенского полка М.П. Азанчевского, в 1896 г. В.А. Абаза издал историю Лейб-гвардии Конной артиллерии, В.А. Потто создал Историю Ахтырского гусарского полка, изданную в 1902 г. и т.п.

Создавались многочисленные полковые музеи. Так, в июле 1864 г. командир Псекупского полка Иван Диомидович Попко обратился к начальникам казачьих станиц с просьбой сохранить следы прежнего пребывания в этом районе племен абадзехов и шапсугов. Вскоре в штаб-квартиру полка в станице Ключевской стали поступать первые экспонаты. В 1879 г. на основе коллекции, собранной Евгением Дмитриевичем Фелицыным, был создан Кубанский войсковой этнографический и естественно-исторический музей.

Военная тематика интересует художников, фотографов. А.Е. Коцебу создает полотна «Переход войск Суворова через Сен-Готард 13 сентября 1799 года», «Битва при Кунерсдорфе. 01.08.1759» и ряд других, А.О. Орловский пишет портреты Кугузова, Дениса Давыдова, атамана Платова и др. В.В. Верещагин целую серию картин о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

Для более полного и профессионального освещения различных военных аспектов требовалась серьезная работа в архивах, но доступ к первоисточникам часто был затруднен, т.к. ни в Главном штабе армии и Главном морском штабе археографическая работа не велась, не было специального военно-исторического журнала.

Таким образом, в сообществе военных историков явно назрела необходимость в собственном обществе и печатном органе.

В 1907 г. возникла инициативная группа военных историков во главе с генерал-лейтенантом, начальником Военно-ученого архива, начальником Генерального штаба и одновременно начальником Главного управления Генерального штаба, профессором А.З. Мышлаевским.

Первое собрание членов-учредителей состоялось 7 апреля 1907 г. обсуждался проект устава общества, а также вопрос о том при каком ведомстве должно состоять военно-историческое общество. После доработок проект устава был представлен на высочайшее рассмотрение и 27 августа 1907 г. император Николай II утвердил его и собственноручно написал «Согласен. Весьма одобряю учреждение этого Общества».

Это день является официальной датой учреждения Русского военно-исторического общества.

На докладе об открытии Общества 29 сентября 1907 г. Император Николай II написал: «Глубоко сочувствуя целям Общества, Я охотно принимаю на себя звание почетного его председателя и жалею ему наименование Императорского». Согласно высочайше утвержденному уставу Военно-историческое общество стояло вне политики и имело целью «изучение военно-исторического прошлого русского народа во всех его проявлениях» (*Отчет о деятельности, 1912: 69*).

12 января 1908 г. Николай II утвердил проект изменения и дополнения к уставу. Были изменены и дополнены параграфы 8, 10, 11–14 (раздел Состав общества), 21, 30 (раздел Совет общества), 37 (раздел Общее собрание), 42 (раздел Отчетность общества). Структура общества включала следующие разделы: Цель и права общества (п. 1–7); Состав общества (п. 8–15); Управление делами общества (п. 16–18); Совет общества (п. 19–30); Общие собрания (п. 31–37); Средства общества (п. 38–41); Отчетность общества (п. 42–44); Прекращение действия общества (п. 45) (*ПСЗ, 1907: 545–548*).

Возникновение и деятельность общества следует рассматривать, в том числе, и в контексте запланированных и проводимых комплексных реформ правительством П.А. Столыпина. В них существенное место отводилось изменению положения дел в науке и культуре, необходимости всесторонней их поддержки, поскольку они являлись одними из определяющих факторов формирования общественного сознания и патриотического воспитания. Кроме того, не следует забывать, что это время обострения международных отношений. Усиливалось противостояние между Тройственным союзом и Антантой, что в итоге привело к балканскому кризису, а затем и к Первой мировой войне. В таких условиях стала особо актуальной такая форма деятельности как военно-патриотическое воспитание.

Перед Обществом стояло несколько задач: упорядочение архивного дела, сохранение, восстановление и сооружение военных памятников всех видов, организация военно-археологических экспедиций и поездок на поля сражений, создание справочного бюро, музеев военной старины, библиотек и других учреждений, связанных с военно-исторической тематикой (*Гольшев, 2016: 37*). Для достижения уставных целей и задач Общество наделялось соответствующими правами. В частности, обращаем внимание на право «непосредственного обращения к правительственным и общественным учреждениям и лицам за содействием к развитию деятельности Общества и достижению указанных целей» (п. 6 устава).

Главой и почетным Председателем Общества являлся император Николай II. Фактически же ИРВИО руководил Совет, состоявший из 12 человек, избранный тайным голосованием на общем собрании. Председателем Совета бессменно был военный историк генерал-адъютант Дмитрий Антонович Скалон, первым Товарищем Председателя Совета генерал Александр Захарьевич Мышлаевский, с 1908 г. – генерал от кавалерии Николай Петрович Михневич. Они совмещали общественную работу в ИРВИО с должностью начальников Главного Штаба, что обеспечивало Обществу определенные преференции. Заседания Общества проходили в здании Главного Штаба (Бориснев, 2007: 45).

Многие известные российские историки стали членами Общества, вели активную работу. Можно назвать историков И.Е. Забелина и В.О. Ключевского, военного историка и теоретика, автора военной реформы 1860-х гг. Д.А. Милютину, директора Археологического института Н.В. Покровского и др.

Члены Общества считали необходимым распространять свое влияние Общества на всю страну. Были определены 8 городов, в которых предполагалось открыть местные Отделы. Подготовка к открытию Отдела в Москве поручалась генералу штаба Московского военного округа В.Г. Глазову, в Варшаве – командующему войсками Варшавского военного округа Г.А. Скалону, в Пскове – генералу Н.П. Михневичу, в Ташкенте – генералу Н.Н. Гродекову, в Тифлисе – генералу В.А. Потто, в Казани – генералу Н. Е. Светлову, в Смоленске – генералу Д.И. Зуеву, в Киеве – военному Министру В.А. Сухомлинову, в Одессе – командующему округом барону А.В. Каульбарсу.

Московский и Одесский Отделы Общества были открыты в 1908 г., и информация о них вошла в отчет ИРВИО за первый год деятельности. Киевский отдел был открыт в 1909 г., Варшавский и Тифлисский – в 1910 г., Казанский – в 1911 г.

На 1 января 1909 г. в ИРВИО состояло 373 действительных членов и 1005 членов-сотрудников (Бориснев, 2007: 45).

С целью упорядочения деятельности Общество было разделено на разряды. I разряд занимался историей войн. Он начал свою деятельность в конце 1911 года и разрабатывал вопросы истории сухопутных, морских военных кампаний, походов и отдельных боевых операций. II разряд изучал историю военных специальностей, занимался разработкой частных вопросов военной истории и военного искусства. III разряд занимался военной археологией и археографией. IV разряд – полковые и корабельные истории. Он был образован 25 апреля 1909 года. Его деятельность выразилась главным образом в заслушивании докладов и разработке частных вопросов полковой историографии.

По итогам своей деятельности Разряды представляли отчеты, которые потом публиковались отдельными изданиями. Так, например, Разряд военной археологии и археографии в 1910 г. предпринял попытку отыскать место битвы на Калке, позднее – исследование поля Шелонской битвы 1471 г. Члены разряда заслушивали сообщения, доклады об историческом прошлом морской артиллерии (Е.П. Аврамов), о памятниках военной старины Нарвы (П.П. Вертоградский), о памятниках старины в устье Дона, Танаисе (А.А. Миллер) и др.

Разряд вел систематическое научное обследование древних крепостей, полей древних сражений. Одной из главных задач члены разряда считали вопрос охраны военно-исторических памятников от гибели и разрушения, особенно памятников важных и не изученных. В результате этой деятельности был восстановлен храм в Выборге, отреставрирован Кутузовский фонтан близ Алушты. Общество приняло меры, чтобы не допустить разрушения древнего Новгородского крепостного вала и памятника Василию Михайловичу Долгорукову-Крымскому в Симферополе. Особой комиссией был выработан ряд мероприятий по сохранению и реставрации знамен.

Разряд имел свой печатный орган «Записки разряда военной археологии и археографии Императорского русского военно-исторического общества», в котором публиковались журналы заседаний, статьи и исследования, библиография, критические статьи. За 1908–1912 гг. разряд провел 31 собрание, на которых было заслушано 56 докладов (Первые пять лет, 1913: 9–11).

Не менее плодотворно работали и другие Разряды. В частности, разряд полковых и корабельных историй, при котором функционировало 15 комиссий, с 20 декабря 1909 г. по 1 января 1913 г. провел 32 заседания, где обсуждено 58 докладов, а разряд истории войн – 6 собраний и 6 докладов (Первые пять лет, 1913: 12–14).

Большое значение придавалось научной деятельности. Члены Общества обязательно заслушивали годовые отчеты о научной деятельности (п. 32 устава), издавались отдельные научные труды. Из них, в частности, можно назвать «Указатель мест хранения дел частей войск, штабов, управлений и заседаний по описям архива Главного штаба в 1885 г.» (1912), биографический очерк о А.П. Ермолове.

Действительным членом Общества А. Нечволодовым с 1909 по 1913 гг. были изданы «Сказание о русской земле». Истории он отводил огромную роль, определив ее значение в предисловии к первой части своего труда следующими словами: «Действительно, твердою опорой и непоколебимою почвой для национального сознания и самопознания служит национальная история» (Нечволодов, 2012: 18). Книга была направлена во все полковые, ротные, эскадронные, сотенные, батареиные и другие библиотеки.

Императорское Русское военно-историческое общество в 1910–1914 гг. издавало «Журнал» и «Записки разряда военной археологии и археографии (1911–1914 гг.)». Редактором журнала был П.Н. Симанский.

22 ноября 1908 г. была утверждена программа журнала, в основе которой лежали публикации на основе первоисточников. В 1910–1911 г. вышло 12 номеров журнала. В них имелись ценные в научном отношении материалы. Значительное место уделялось публикациям архивных документов, мемуаров, записок, дневников, что предполагало активную археографическую деятельность, определенную в задачах общества.

Но с января 1912 г. характер журнала меняется. Он стал информационным изданием, его содержание было связано с пропагандистскими задачами правительства. В 1914 г., с началом Первой мировой войны, он бесплатно рассылался в библиотеки воинских частей. Под редакцией профессора Н.И. Веселовского были изданы 2 тома «Записок разряда военной археологии и археографии».

Особое внимание ИРВИО уделяло патриотическому воспитанию. На конкурсной основе отбирались наиболее интересные материалы и издавались в виде популярных брошюр для солдат и матросов. В них прославлялось русское полководческое искусство, храбрость и смекалка русского солдата, рассказывалось о подвигах во славу Отечества. Например, в честь юбилея Полтавской битвы в 1909 г. из 16 предложенных редакции рукописей были выбраны «Петр и Полтава» П.М. Адрианова, «Петр Великий и Полтава» Н.П. Михнева, «Двухсотлетие Полтавской битвы» П.Д. Цицианова. Для их издания из бюджета было выделено 25 тыс. руб. Тираж составил 500 тыс. экз. Несколько меньшими тиражами были изданы за счет государства брошюры «Петр на Пруте», «Император Александр II и освобождение крестьян» (Н.П. Жерве), «Партизан-поэт Денис Васильевич Давыдов». Брошюра «1812», посвященная 100-летию войны с Наполеоном, вышла тиражом 1,5 млн экз. На нее было выделено 88200 руб. Большую помощь в выделении денег оказывал П.А. Столыпин. Однако недостаток средств не позволил издать и другие материалы.

Необходимо отметить, что ИРВИО продолжило и поставило на более профессиональный уровень работу, еще ранее проводившуюся в различных воинских частях по собиранию полковых библиотек. Например, полковые библиотеки Кубанского казачьего войска официально стали открываться с 1863 года, хотя многие существовали и раньше. Книги приобретало Войско, дарили офицеры. Это были сочинения Пушкина, Жуковского, много работ по военному делу. Часто книги из библиотеки одного полка читали казаки и офицеры другого. Так было, в частности, в 1-м Таманском и 1-м Кавказском полках, которые входили в состав Закаспийской бригады (Акоева, 2006: 55).

Важным научным направлением деятельности Общества была экспертная работа по содействию к производству исторических работ и к выяснению исторических вопросов (Первые пять лет, 1913: 41–42).

Среди главных направлений работы Общества следует назвать сотрудничество с музеями. Как известно инициатором создания официальных музеев был Петр I. В ряде своих указов он потребовал, чтобы губернаторы произвели перепись документов, хранящихся в монастырях и соборах, и прислали эти описи в Сенат. Туда же надо было направить гражданские летописи и хронографы, находящиеся на подведомственных им территориях. В одном из писем князю Б.И. Куракину Петр писал: «Ежели еще какие наши старинные пушки, а наипаче мартыры, которые литы в Руси во сто лет и старее, чтоб их купить, не допусая до переливки» (Архив князя).

ИРВИО уделяло большое внимание патриотическому воспитанию, которое осуществлялось, прежде всего, на базе военно-исторического наследия, значительная часть которого было сосредоточена в военно-исторических музеях. В начале XX в. их число росло. Наиболее многочисленной группой были музеи воинских частей, количество которых к 1914 г. достигло 300. В их фондах насчитывалось около 150 тыс. ед. хр. (Карапетыян, Серова, 2003: 51).

Активное участие в деле становления этих музеев принимало и ИРВИО. Оно исходило из того, что одна из главных задач Общества – охрана военно-исторических памятников – может быть решена, в том числе через их передачу в музеи. Совет общества командировал своих представителей в состав особого жюри по премированию проектов зданий будущего Русского военно-исторического музея в Петербурге, в комитет по сооружению Военно-исторического музея в Москве в память Отечественной войны 1812 г., в особую комиссию по организации 200-летия Полтавской битвы. В комитете по созданию Русского военно-исторического музея Общество представлял Н.П. Симанский (Бориснев, 2007).

Представители общества Н.М. Печенкин, И.А. Берсенев, С.Р. Языков принимали участие в работе предварительного съезда деятелей музеев, проходившего 27–30 декабря 1912 г. в Российском историческом музее в Москве. На съезде присутствовало 90 человек из 60 организаций (Предварительный съезд).

Это был самый представительный музейный форум в дореволюционный период. На съезде работала и секция полковых музеев, самой многочисленной группы военных музеев. Здесь развернулись дискуссии по многим актуальным вопросам музейной жизни. Выступающие спорили о сущности музея, классификации музейных учреждений, музейной терминологии, нуждах музейного дела и др. Съезд стал важным этапом по осознанию предназначений музеев, показателем уровня теоретического самосознания музейного сообщества (Музееведческая мысль, 2010: 373–376).

В апреле 1913 года по инициативе Московского Отдела Императорского Русского Военно-исторического Общества был создан Первый съезд хранителей полковых музеев частей войск Московского округа.

В работе участвовали 53 представителя почти всех воинских частей и военных учебных заведений округа под председательством полковника В.Н. Смердова (Афанасьев, 2003).

Тесными были контакты ИРВИО с Русским военно-историческим музеем и Артиллерийским историческим музеем. Русский военно-исторический музей был основан в Петербурге в 1907 г. и имел отделения в 12 городах. Музей включал три секции: 1) военной археологии и археографии, 2) полковых и корабельных историй, 3) истории войн. Военное министерство стремилось оказывать финансовую помощь музею. Например, известно, что 19 мая 1909 г. в III Государственной Думе был оглашен проект военного министра «Об отпуске средств на содержание и оборудование Русского военно-исторического музея». После чего проект был направлен в комиссию по государственной обороне и на заключение в бюджетную комиссию. Однако военный министр 29 мая отозвал свой проект.

Совместно с музеем издавались уже упоминавшиеся «Журнал Императорского Русского военно-исторического общества» и «Записки разряда военной археологии и археографии (Столыпин, 2011: 778).

Артиллерийский исторический музей берет свое начало с 1756 г., когда в Петербурге в помещении Главного арсенала был открыт «Достопамятный зал». В 1868 г. он был размещен в кронверке Петропавловской крепости. К 1912 г. музей имел около 70 тыс. ед. хр. Экспозиция музея включала восемь отделов. Заслуживает внимания научная деятельность таких сотрудников музея, как Н.Е. Бранденбург, являвшийся одним из первых идейных сторонников создания Общества, и член Общества Д.П. Струков. Военное министерство на рубеже 1911–1912 гг. смогло добиться законодательного утверждения необходимого финансирования для музея (Столыпин, 2011: 788).

Московским отделом Общества в 1912 г. издан первый том «Обзорные военных музеев» под ред. В.А. Маркса, в котором было описано 11 музеев войсковых частей, принимавших участие в войне 1812 г., описание памятников на Бородинском поле, храма с. Бородино, Кутузовской избы в Филях (Первые пять лет, 1913: 32).

Руководство ИРВИО организовывало систематические групповые осмотры для своих членов полковых музеев Преображенского, Семеновского, Измайловского, Финляндского полков, Первой артиллерийской бригады, Гвардейского экипажа, Первого кадетского корпуса и других хранилищ в Петербурге и окрестностях. Имеются косвенные данные о содействии Общества через военное министерство в принятии Государственной Думой в 1910 г. решения о выделении из бюджета 62,3 тыс. руб. на приведение в порядок и содержание памятников и исторических мест Севастопольской обороны. Из них 33,6 тыс. руб., т.е. более половины, предназначались для работы на Братском кладбище, 16 тыс. – Малаховом кургане, а оставшаяся сумма на другие реставрационные, консервационные и ремонтные работы. С 1911 г. необходимые для этой цели деньги закладывались в бюджет (ПСЗ, 1910: 603). При этом следует отметить, что в контексте одной из основных задач Общества – охране военных памятников, оно имело право просить материальную поддержку у государства или частных лиц.

5. Заключение

Все время своей активной деятельности с 1907 г. до 1914 г. члены Императорского Русского военно-исторического общества вели системную и постоянную работу по выполнению поставленных целей.

Деятельность состояла в распространении исторических знаний о выдающихся военных деятелях, судьбоносных и менее значимых сражениях, раскрывающих стратегические и тактические просчеты и победы русского оружия. Издавались книги, журналы, сборники с материалами о полководцах, отличившихся воинах и военных событиях. Для этого велась серьезная работа в архивах, открывались ранее не известные источники.

Много внимания уделялось вопросам сохранения памятников военной истории и создания новых. Обследовались поля прошлых сражений, восстанавливались храмы, памятные доски. Это стало возможным благодаря тесным контактам с музеями, археологическими обществами.

Одной из задач военно-исторического общества была задача формирования общественного сознания и патриотического воспитания, с чем оно, на наш взгляд, справлялось.

Первая мировая война прервала деятельность Общества, хотя формально оно существовало до октября 1917 г. Фонд ИРВИО хранится в Архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Он содержит большое количество документов, которые не были опубликованы, и в настоящее время вызывают повышенный интерес исследователей.

Таковы, на наш взгляд, наиболее важные страницы истории Общества, которое сделало немало в выявлении, сохранении, изучении и популяризации военно-исторического наследия, что, несомненно, способствовало патриотическому воспитанию. Заслуживает внимания серьезная научная основа деятельности Общества по достижению своих уставных целей и задач. Это, прежде всего, должно быть учтено современными преемниками ИРВИО.

Литература

- Акоева, 2006** – Акоева Н.Б. Повседневная жизнь кубанского казачества на рубеже веков (конец XIX – начало XX в.). Славянск-на-Кубани, 2006. 176 с.
- Архив князя** – Архив князя Куракина [Электронный ресурс] URL: [https:// books google.ru](https://books.google.ru) (дата обращения: 20.11.2017).
- Афанасьев, 2003** – Афанасьев А. Полковые музеи русской армии – хранители воинской славы Отечества // *Отечественные записки*. 2003. № 1 [Электронный ресурс] URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/1/polkovye-muzei-russkoy-armii-hraniteli-voinskoy-slavy-otechestva> (дата обращения: 12.11.2017).
- Бориснев, 2007** – Бориснев С.В. Деятельность Императорского русского военно-исторического общества // *Военно-исторический журнал*. № 5. 2007. С. 45.
- Бориснев, 2007** – Бориснев С.В. Русское военно-историческое общество (1907–1917 гг.) и его значение для российской военно-исторической науки // *Вестник Академии военных наук*, 2007. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://militaryarticle.ru/vestnik-akademii-voennykh-nauk/2007-vavn/10716-russkoe-voenno-istoricheskoe-obshchestvo-1907-1917>. (дата обращения: 20.11.2017).
- Гольшев, 2016** – Гольшев А.И. Императорское Русское Военно-Историческое общество в Псковской губернии // *Псковский военно-исторический вестник*. 2016. № 2. С. 37–42.
- Дьяков, 1971** – Дьяков В.А. О возникновении, составе и деятельности РВАО (1907–1917) // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971.
- Журнал..., 1770** – Журнал или поденная записка блаженной и вечнодостоинной памяти императора Петра Великого с 1698 года, также до заключения Нейштадского мира. СПб., 1770. Ч. I. С. 148, 149. [Электронный ресурс]. URL: https://www.directmedia.ru/book_130217_Zhurnal_ili_Podennaya_zapiska_blazhennoi_i_vechnodostoinoi_pamyati_gosudarya_imperatora_Petra_Velikogo_s_1698_goda_do_zaklyucheniya_Neishtatskogo_mira_Chast_1/ (дата обращения: 21.11.2017).
- Карапетян, Серова, 2003** – Карапетян Л.А., Серова М.И. Музееведение и охрана памятников. Краснодар, 2003. 274 с.
- Кочетков, 1965** – Кочетков А. Русское военно-историческое общество (1907–1914) // *Военно-исторический журнал*. 1965. № 9.
- Ключевский, 1957** – Ключевский В.О. Сочинения. Т. 2. М., 1957. 468 с.
- Музееведческая мысль, 2010** – Музееведческая мысль в России XVIII–XX вв. Сборник документов и материалов / Отв. ред. Э.А. Шулепова. М., 2010. 960 с.
- Нестеров, 1987** – Нестеров Ф. Связь времен. М., 1987. 238 с.
- Нечволодов, 2012** – Нечволодов А. Сказание о русской земле. М., 2012. 1085 с.
- Отчет о деятельности, 1912** – Отчет о деятельности Императорского русского военно-исторического общества за 1911 год. СПб., 1912. 140 с.
- Первые пять лет, 1913** – Первые пять лет деятельности Императорского русского военно-исторического общества. 1907–1912 гг. М., 1913. 66 с.
- ПСЗ, 1907** – Полное Собрание Законов Российской империи. СПб., 1907. Собрание третье. Т. 27. № 29530. С. 545–548.
- ПСЗ, 1910** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1910. Т. 30. Отд. 1. № 33504. С. 603–604.
- Предварительный съезд** – Предварительный съезд музейных деятелей (1912) и его значение для музейной науки и практики [Электронный ресурс]. URL: <http://moscow-museums.ru/predvaritelnyiy-syezd-muzeynyih-deyateli/> (дата обращения: 09.11.2017).
- Столыпин, 2011** – Столыпин П.А. Программа реформ. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. М., 2011. 799 с.

References

- Akoeva, 2006** – Akoeva N.B. (2006). Povsednevnyaya zhizn' kubanskogo kazachestva na rubezhe vekov (konets XIX – nachalo XX v.). [Everyday life of the Kuban Cossacks at the turn of the century (the end of XIX – the beginning of the 20th century)]. Slavyansk-na-Kubani. 176 p. [in Russian].
- Arkhiv knyazyazya** – Arkhiv knyazyazya Kurakina [Archive of the prince Kurakin]. [Electronic resource]. URL: [https:// books google.ru](https://books.google.ru) (data obrashcheniya: 20.11.2017) [in Russian].
- Afanas'ev, 2003** – Afanas'ev A. (2003). Polkovye muzei russkoi armii – khraniteli voinskoi slavy Otechestva [The regimental museums of the Russian army – keepers of military glory of the]. *Otechestvennyye zapiski*. № 1. [Electronic resource]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/1/polkovye-muzei-russkoy-armii-hraniteli-voinskoy-slavy-otechestva> (data obrashcheniya: 12.11.2017) [in Russian].
- Borisnev, 2007** – Borisnev S.V. (2007). Deyatel'nost' Imperatorskogo russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva [Activity of Imperial Russian military and historical society]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. № 5. P. 45 [in Russian].
- Borisnev, 2007** – Borisnev S.V. (2007). Russkoe voenno-istoricheskoe obshchestvo (1907–1917 gg.) i ego znachenie dlya rossiiskoi voenno-istoricheskoi nauki [The Russian military and historical society (1907 – 1917) and its value for the Russian military and historical science]. *Vestnik Akademii voennykh nauk*. № 4.

[Electronic resource]. URL: <http://militaryarticle.ru/vestnik-akademii-voennykh-nauk/2007-vavn/10716-russkoe-voenno-istoricheskoe-obshchestvo-1907-1917>. (data obrashcheniya: 20.11.2017) [in Russian].

Golyshev, 2016 – *Golyshev A.I.* (2016). Imperatorskoe Russkoe Voенно-Istoricheskoe obshchestvo v Pskovskoi gubernii [Imperial Russian Military and Historical society in the Pskov province]. *Pskovskii voenno-istoricheskii vestnik*. № 2. pp. 37–42 [in Russian].

D'jakov, 1971 – *D'jakov V.A.* (1971). O vznikenoveniі, sostave i dejatel'nosti RVIO (1907–1917) [About emergence, structure and activity of RVIO (1907–1917)]. *Problemy istorii obshhestvennogo dvizhenija i istoriografii*. Moscow. [in Russian].

Zhurnal – Zhurnal ili podennaya zapiska blazhennoi i vechnodostoinoi pamyati imperatora Petra Velikogo s 1698 goda, takzhe do zaklyucheniya Neishtadskogo mira [The magazine or day note of blissful and vechnodostoiny memory of the emperor Peter the Great since 1698, also to the conclusion of the Neyshtadsky world]. SPb., 1770. Ch. I. pp. 148, 149. [Electronic resource] URL: https://www.directmedia.ru/book_130217_Zhurnal_ili_Podennaya_zapiska_blazhennoi_i_vechnodostoinoi_pamyati_gosudarya_imperatora_Petra_Velikogo_s_1698_goda_do_zaklyucheniya_Neishtatskogo_mira_Chast_1/ (data obrashcheniya: 21.11.2017) [in Russian].

Karapetyan, Serova, 2003 – *Karapetyan L.A., Serova M.I.* (2003). Muzevedenie i okhrana pamyatnikov [Museology and protection of monuments]. Krasnodar. 274 p. [in Russian].

Kochetkov, 1965 – *Kochetkov A.* (1965). Russkoe voenno-istoricheskoe obshchestvo (1907–1914) [Russian military and historical society (1907–1914)]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. № 9 [in Russian].

Kljuchevskij, 1957 – *Kljuchevskij V.O.* (1957). Sochinenija [Compositions]. T. 2. Moscow. 468 p. [in Russian].

Muzevedcheskaya mysl', 2010 – Muzevedcheskaya mysl' v Rossii XVIII–XX vv. Sbornik dokumentov i materialov [Museological thought in Russia the 18–20th centuries. Collection of documents and materials]. Otv. red. E.A. Shulepova. Moscow, 2010. 960 p. [in Russian].

Nesterov, 1987 – *Nesterov F.* (1987). Svyaz' vremen. [Link of times]. Moscow. 238 p.

Nechvolodov, 2012 – *Nechvolodov A.* (2012). Skazanie o russkoi zemle [Legend on the Russian land]. Moscow, 1085 p. [in Russian].

Otchet o deyatel'nosti, 1912 – Otchet o deyatel'nosti Imperatorskogo russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva za 1911 god. [The report on activity of Imperial Russian military and historical society for 1911]. SPb., 1912. 140 p. [in Russian]

Pervye pyat' let, 1913 – Pervye pyat' let deyatel'nosti Imperatorskogo russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva. 1907–1912 gg. [First five years of activity of Imperial Russian military historical-societies]. Moscow, 1913. 66 p. [in Russian].

PSZ, 1907 – Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of Laws of the Russian Empire]. SPb., 1907. Sobranie tret'e. T. 27. № 29530. pp. 545–548 [in Russian].

PSZ, 1910 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of Laws of the Russian Empire Sobranie tret'e]. SPb., 1910. T. 30. Otd. 1. № 33504. pp. 603–604 [in Russian].

Predvaritel'nyi s"ezd – Predvaritel'nyi s"ezd muzeinykh deyatelei (1912) i ego znachenie dlya muzeinoi nauki i praktiki [Preliminary congress of museum figures (1912) and its value for custodial science and practice]. [Electronic resource]. URL: <http://moscow-museums.ru/predvaritelnyiy-syezd-muzeynyih-deyatelei/> (data obrashcheniya: 09.11.2017) [in Russian].

Stolypin, 2011 – *Stolypin P.A.* (2011). Programma reform. Dokumenty i materialy [Program of reforms. Documents and materials]. V 2 tomakh. T. 2. Moscow, 799 p. [in Russian].

Страницы истории Императорского Русского Военно-Исторического Общества

Наталья Борисовна Акоева ^{a, *}, Николай Григорьевич Денисов ^a, Лева Александрович Карапетян ^a

^a Краснодарский государственный институт культуры, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе разнообразных источников информации характеризуются различные аспекты деятельности Императорского русского военно-исторического общества с момента его возникновения в августе 1907 г. до 1914 г.

Исследование проводилось с использованием системного и аксиологического подходов, позволивших проследить общую картину становления и деятельности военно-исторического общества, раскрыть его как явление, значимое для современного развития гражданского общества в РФ.

В работе показана связь деятельности общества с развитием науки и культуры, проходивших в русле комплексных реформ правительства П.А. Столыпина, являвшихся одними из определяющих факторов формирования общественного сознания и патриотического воспитания.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: akoeva_nata@mail.ru (Н.Б. Акоева)

Деятельность общества способствовала решению несколько задач: упорядочению архивного дела, сохранению, восстановлению и сооружению военных памятников всех видов, организации военно-археологических экспедиций и поездок на поля сражений, созданию музеев военной старины, библиотек и других учреждений, связанных с военно-исторической тематикой.

Важное значение придавалось научной деятельности. Члены Общества издавали отдельные научные труды, «Журнал» и «Записки разряда военной археологии и археографии (1911–1914 гг.)». Все работы были основаны на первоисточниках. Значительное место уделялось публикациям архивных документов, мемуаров, записок, дневников.

Ключевые слова: военная история, военная археология и археография, охрана военно-исторических памятников, полковые библиотеки, военно-исторические музеи, патриотическое воспитание.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 411-421. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.411
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Unknown N. Matveev – From the History of Vladivostok “Yellow Press” in the beginning of XX century

Vadim L. Agapov^{a, *}, Tatiana V. Prudkoglyad^a, Dmitry A. Butyrin^a

^a Far Eastern Federal University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the public conflict in Vladivostok on the eve of World War I. The sources are the unpublished documents of Russian State Historical Archive (S.-Petersburg) and Russian State Historical Archive of the Far East (Vladivostok) and the collections of local newspapers of the period. It focuses on prominent writer, journalist and public figure Nikolai Matveev who was the member of city government from 1910 till 1914. Competitors in their newspapers “Dalnii Vostok”, “Dalekaya Okraina” and “Tekushhii Den” accused Matveev of the fact that he, talking about the public good, promoted the increase in the city's land prices and used the city budget for personal purposes, that he published at the expense of the city of the book, which is only suitable for recycling, that although in his youth he “read Marx and Babel” and during the revolution called for “Jewish equality” and the overthrow of the autocracy, but later forgot about equality and began to “profess the power of capitalism” and engage in “deliberate deception of society”. Trying to protect himself Matveev founded his own newspaper “Priamurskii Krai”. On the pages of this paper Matveev ill-wishes were represented as the “Black Hundreds”, “Anglomaniacs”, people who need a newspaper to “buy and sell”, “hooligans” and “slanderers”. In fact in the fight against vladivostok “yellow” press Matveev created the same edition.

Keywords: Russian Empire, Vladivostok, public life, N. Matveev, newspapers, “yellow press”, “newspaper wars”, “Priamurskii Krai”.

1. Введение

Имя Николая Петровича Матвеева (1865–1941) – писателя, журналиста, общественного деятеля – широко известно на Дальнем Востоке. Он родился 10 ноября 1865 г. в Хакодате (Япония) в семье консульского лекаря, и был едва ли не первым европейцем, родившимся на Хоккайдо. Рано лишился отца. Образование получил уже во Владивостоке, где окончил портовую школу и начал работать мастерским в портовых мастерских. В 1890-х гг. начал сотрудничать в местных газетах «Восточный вестник» и «Владивосток». Его заметки и статьи, подписанные «Николай Амурский», «Н.А.», «Краб», «Н. Э-ский», «Странник», «Гейне из Глуховки», стали появляться в различных дальневосточных и сибирских изданиях. Выпускал он также сборники стихов (Матвеев, 1903) и рассказов (Матвеев, 1904), в 1906 г. основал недолго просуществовавший журнал «Природа и люди Дальнего Востока» и газету «Далекий край». Всё своё свободное время он отдавал городской библиотеке имени Гоголя, в которой был заведующим на общественных началах. Перу Матвеева принадлежит и первая книга, посвященная истории Владивостока, опубликованная к 50-летию города в 1910 г. и неоднократно переиздававшаяся (Матвеев, 1910, 1990, 2012). И по сей день ни одна работа, касающаяся Владивостока, не выходит без ссылок на неё. В 1919 г., во время Гражданской войны, Матвеев эмигрировал в Японию. Там, на своей второй родине, он и умер в Кобэ 8 февраля 1941 г., после тяжёлой болезни.

* Corresponding author

E-mail addresses: agapov_vl@mail.ru (V.L. Agapov), tvpress@mail.ru (T.V. Prudkoglyad), www1979@mail.ru (D.A. Butyrin)

Накануне Первой мировой войны Николай Петрович занимал видное место в городском самоуправлении Владивостока. И не случайно его фигура оказалась в самом центре газетной войны, разгоревшейся вокруг городской управы в 1910–1914 гг. и ставшей частью общественной жизни Владивостока того времени. Анализ причин, хода, методов и последствий этой войны и является целью нашей работы.

2. Материалы и методы

Были использованы неопубликованные документы и периодическая печать. К первой группе относятся документы Российского государственного исторического архива (РГИА) (г. С.-Петербург) и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ) (г. Владивосток). В РГИА использовались документы Фонда 776 Главное управление по делам печати Оп. 21. Ч. 2. По изданию повременных органов печати в городах 1909 г. Дело 130 По изданию во Владивостоке газеты «Океанский вестник» (из-за сохранившейся в этом деле переписки вице-губернатора Приморской области В.И. Лодыженского с Главным управлением по делам печати о периодических изданиях в Приморье). В РГИА ДВ были изучены документы Фонда 1 Приморское областное правление Опись 2 Дело 2156 Прошение мещанина Антипа и переписка с Главным управлением по делам печати и Владивостокским полицмейстером об издании в гор. Владивостоке газеты «Приамурский край»; Дело 2161 Прошение об издании газеты «Восток» в г. Владивостоке; Дело 2300 Дело о разрешении А.Я. Васенцович-Макаревичу издавать в г. Владивостоке газету под названием «Приморский край» (1913–1914); Опись 7 Дело 1368 Переписка с начальником Никольск-Уссурийской гражданской тюрьмы и Владивостокским охранным отделением о развитии периодической печати в городе Владивостоке и о личном составе редакций газет (1913); Фонда 24 Владивостокский инспектор по делам печати Опись 1 Дело 11 Переписка с Главным управлением по делам печати (1912 г.); Дело 28 Переписка с Главным управлением по делам печати (1913 г.). Важным источником послужила периодическая печать Владивостока начала 1910-х гг.: газеты «Дальний Восток», «Текущий день», «Приамурский край» («Приморский край»).

Печать в работе рассматривается как фактор культуры своего времени, участвующий в её формировании и одновременно отражающий её на своих страницах. Начало XX века характеризуется развитием капитализма в диких первоначальных формах (включая ограбление колоний и мировые войны). Газеты в этих условиях не могут не приобрести черты капиталистических предприятий, предназначенных для того, чтобы «покупать и продавать», заботясь только о прибыли.

3. Обсуждение

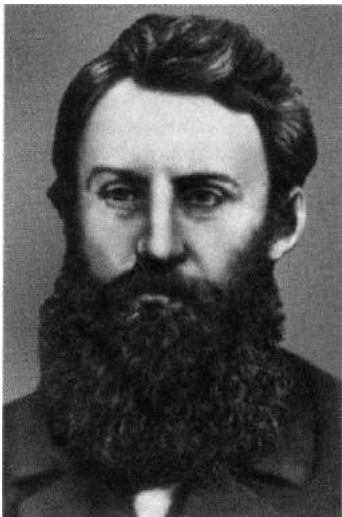
Эмиграция Матвеева в Японию в период после революции послужила причиной того, что он был почти забыт в СССР. Вспомнили его только в конце 1980-х гг. О нём стали писать газеты (Динов, 1990). Краевед Б.А. Дьяченко для второго издания «Краткого исторического очерка г. Владивостока» в 1990 г. подготовил вступительную статью «Первый летописец», представлявшую биографический очерк Н.П. Матвеева (Матвеев, 1990: 6–11). Николаю Петровичу посвящены публикации Л.Я. Иващенко (Иващенко, 1994) и Л.И. Галлямовой (Галлямова, 1994). Он также является одним из владивостокских журналистов рубежа XIX–XX веков, о котором подробно рассказывается в монографии Т.В. Прудкогляд (Прудкогляд, 2000: 117–123). Специальным исследованием истории семьи Матвеева, «внесшей значительный вклад в развитие истории, литературы, культуры», является книга очерков В.П. Евтушенко «Древо плодоносящее: биография уникальной литературной династии Матвеевых», вышедшая в 2004 г. (Евтушенко, 2004). Факты из жизни Матвеева в Японии приводятся в статье А.А. Хисамутдинова «Писатель, журналист и издатель Николай Матвеев в России и Японии» (Хисамутдинов, 2016).

В работах 1990–2000-х гг. Н.П. Матвеев показан прогрессивным деятелем, пострадавшим от тирании как царского, так и большевистского режимов. Он и писатель, и поэт, и журналист, и издатель, и библиотекарь, и первый летописец Владивостока. Он человек, который всю жизнь трудился ради общественного блага, его любят не только в России, но и в Японии. Эти оценки во многом объясняются (помимо подлинных заслуг Николая Петровича) общественными настроениями в постсоветский период, когда городам и улицам возвращали «исторические» названия, сносили памятники вождям революции и ставили вместо них памятники министрам и генералам Российской империи. Историки пытались найти положительные примеры в историческом опыте досоветской России. Между тем, как отметил член Русского географического общества И.Н. Егорчев в статье, опубликованной в «Приморской газете» 6 ноября 2015 г., деятельность Матвеева вызывала неприятие у многих современников: его «обвиняли в подлоге и казнокрадстве, даже заводили на него дела» (Егорчев, 2015). Не претендуя на то, чтобы ответить на вопрос, были ли справедливы эти обвинения, мы постараемся показать общественную жизнь Владивостока так, как она виделась современникам через архивные документы и газетные публикации.

4. Результаты

Годы после первой русской революции во Владивостоке были периодом реакции. Многие видные общественные деятели, так или иначе замешанные в революционных событиях января

1906 г., либо были арестованы и высланы из края, либо скрывались по границам. Военным губернатором Приморской области в 1906–1909 гг. был участник русско-японской войны генерал-майор В.Е. Флуг, который враждебно относился к прессе и за время своего губернаторства «уморил до десятка газет» (*Хроника. Генерал Флуг, 1913*). Был закрыт и журнал Н.П. Матвеева «Природа и люди Дальнего Востока», выходявший с 29 января по 30 июля 1906 г. и прекративший своё существование после того, как его издатель был арестован за распространение противоправительственных прокламаций, которые он якобы получил из Японии (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 605. Л. 30). В сентябре 1906 г. Матвеев был осуждён Приамурским военно-окружным судом к заключению в крепость на срок 1 год 6 месяцев. На свободу он вышел только в декабре 1907 г., став одним из основных сотрудников основанной в марте 1907 г. газеты «Далекая окраина».

Рис. 1. Николай Петрович Матвеев (1865–1941 гг.)

Первый конфликт у Матвеева произошёл с В.А. Пановым, редактором относящейся к правому направлению газеты «Дальний Восток». В.А. Панов и Н.П. Матвеев были не только писателями и журналистами, но и видными общественными деятелями, гласными городской думы, в которой представляли разные группировки: первый – стародумцев, второй – новодумцев. В.А. Панов в 1903–1905 гг. был городским головой (мэром) Владивостока, но оставил этот пост во время революции и впоследствии перешёл в оппозицию к новым властям. Во Владивостоке ходил слух, что именно он «посадил в тюрьму» Матвеева в 1906 г. (Владивосток 16–30 ноября 1906 года, 1906). Городским головой сначала стал близкий друг Матвеева И.И. Циммерман (в 1905–1909 гг.), а затем В.П. Маргаритов (1910–1914 гг.), при котором Матвеев сделался одним из членов управы, что и сделало его мишенью для критики, причём не только со стороны В.А. Панова.

О том, что конфликт носил, главным образом, именно политический характер, свидетельствуют многие публикации «Дальнего Востока» за июль 1910 г. (когда Матвеев утвердился в городской управе). В фельетоне «Свой председатель» Матвеев обвинялся в причастности к «городскому пирогу» (*Свой председатель, 1910*). В фельетоне «Правый избранник» говорилось, что большинство нового состава думы находится под влиянием «Нахеса Амурского», который стремится скрыть от общественности тёмные делишки своих дружков (*Правый избранник, 1910*). Следует отметить, что «Нахес» был псевдонимом, которым Матвеев пользовался при публикации своих статей. Однажды на выборах в городскую управу, которые проходили посредством баллотировки шарами, Матвеев подписал свой шар газетным псевдонимом (*Панов, 1910b*). Слово «нахес» в переводе с идиша обозначает «счастье, благополучие». Но в статьях Панова имя «Нахес» всегда произносится автором с насмешкой, с презрением, с каким относились тогда православные к евреям и всему тому, что с ними связано. Смысл улавливается на каком-то глубинном, подсознательном уровне: иудеи – потомки предателя Иуды, следовательно – враги Иисуса Христа.

Н.П. Матвеев не остался в долгу и напомнил о «черносотенстве» Панова и неблагоприятной роли, которую тот сыграл в расправе над участниками революции. В ответ редактор «Дальнего Востока» выпустил серию публикаций под общим названием «Господа Азефы». В ней он разоблачал ряд городских общественных деятелей, «нагло играющих перед наивными людьми малеванной прогрессивной вывеской» (*Панов, 1910a*). Самого Н.П. Матвеева Панов называл «литератор из литераторов с низшим образованием» Нахес-Матвеев-Владивостокско-Амурский» (*Панов, 1910b*), обвиняя его в том, что во время революции он сделался защитником «еврейского равноправия», а потом, забыв о равноправии, «из тюрьмы чуть не попал в “председатели думы”, да своевременно... отказался» (*Панов, 1910b*), что он стоит во главе «тёмных дельцов», которые, «прикрываясь тойгой благородных деятелей, занимаются заведомым обманом общества» (*Юрист, 1910*). Он делал вывод,

что «великие поборники бескорыстного общественного служения Преображенские, Нахесы Матвеевы, Перлины на деле только погромщики городских интересов». Они «пристроились на жалование по городским комиссиям», исходатайствовали себе у «бюрократического начальства» «даровое кормление». Все эти «дельцы, заседавшие в городской думе» и занимающие свои места «с таким шкурным остервенением», установили «чудовищные цены» на землю в новых частях города, выработав «действительно тяжелые условия продажи городской земли» (Панов, 1910d).

Панов дал резко отрицательный отзыв на «Краткий исторический очерк г. Владивостока», изданный Матвеевым в 1910 г. По его мнению, книга была написана «суконным великолепным языком литератора с низким образованием», бессодержательна и пакустна, что, поручив написание очерка Матвееву, отцы города «выбросили коту под хвост 4,5 тыс. городских денег», на этой «белиберде» её автор сделал хороший «гешефт» для своего издательства, а книга годится разве что в макулатуру (Юбилейный труд Нахеса Матвеева, 1910).

21 сентября 1910 г. «Далекая окраина» перешла в руки Дмитрия Петровича Пантелеева (РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9. Л. 93; Ф. 702. Оп. 3. Д. 287. Л. 186), а фактически – под контроль Владивостокского биржевого комитета (РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. 2. 1909 г. Д. 130. Л. 81об.; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1368. Л. 11), что означало для Матвеева невозможность сотрудничать в этой газете. Николай Петрович впервые после 1906 г. решил обзавестись новой собственной газетой. Редактор-издатель вечерней газеты «Текущий день» Ф.В. Мисюра посвятил этому заметку «Новые зубы пирога», в которой говорилось, что газета будет издаваться «группой гласных, водворившихся поблизости к городскому пирогу», с целью «забронировать себя от “нападков” местной печати» (Хроника. Новые зубы пирога, 1910). В фельетоне «Издатели-пирогоеды» Мисюра писал, что один «уважаемый городской деятель» (подразумевался Матвеев) решил учредить орган печати, «который “беспристрастно” освещал бы деятельность городского управления без нападков на то, что “вот-де вы там присосались к городскому пирогу с жирной начинкой, а нам не даёте...”» Он отрицательно отозвался и о «Кратком историческом очерке г. Владивостока» (Бинокль, 1910). Таким образом, в основных чертах мнение о Матвееве совпало с ранее высказанными в том же году мнениями Панова.

Издание, которое Матвеев использовал в борьбе со своими противниками, была ежедневная вечерняя газета «Владивосток». Официально её редактором-издателем с 10 апреля по 25 августа 1911 г. был А.Я. Мауэр, со смертью которого она прекратилась (Похороны редактора-издателя, 1911). По мнению редакции «Уссурийской окраины», фактически газета «Владивосток» была органом группы городских гласных, победивших на выборах старую думу. «Группа “стародумцев” имеет в своём распоряжении газету “Дальний Восток”» (Хроника. Новая газета, 1911а). Как обнаружила В.В. Варавва, продолжением «Владивостока» являлись основанные в сентябре 1911 г. «Приамурский край» и «Восток». Только газета «Восток» объявляла об этом открыто, а «Приамурский край» получил от «Владивостока» основных авторов и походил на него по оформлению и тематике. Причиной создания двух газет вместо одной, по мнению исследовательницы, был «раскол редакции» (Варавва, 2015).

Следует рассказать подробнее об изданиях Матвеева накануне Первой мировой войны. Тем более, что о них почти ничего не известно, как и вообще об этом периоде в жизни Матвеева. Сначала общие справочные сведения. «Приамурский край». Общественно-политическая, экономическая и литературная газета. Издавалась в г. Владивостоке в 1911–1913 гг. (с 4 сентября 1911 по 3 мая 1913 г.). Редактор-издатель Г.И. Антиппа. «Восток». Ежедневная газета; с № 6 1912 – Ежедневная общественно-политическая, экономическая и литературная газета. Издавалась в г. Владивостоке в 1911–1914 гг. (нерегулярно, до 30 сентября 1914 г.). Редактор-издатель Г.Е. Анкудинов. «Приморский край». Ежедневная общественно-политическая, экономическая и литературная газета. Издавалась в г. Владивостоке в 1913–1914 гг. (с 4 мая 1913 по 15 июля 1914 г.). Редактор-издатель А.Я. Васенцович-Макаревич; с № 246 1914 г. редактор В.А. Салько (Беляева и др., 1958–1961).

На самом деле газета «Приамурский край», собственно, не являлась преемницей «Владивостока». Это была утренняя газета. Прошение о её издании было подано жителем города Кагул Бессарабской губернии Измаильского уезда Георгием Ильичем Антиппа 2 июля 1911 г., до прекращения «Владивостока». Программа: «1) Передовые статьи по вопросам государственного и политического характера, 2) статьи по местным вопросам, 3) городская хроника, 4) известия из газет, 5) записки из Сибирских газет, 6) Внутренние известия, 7) Внешние известия, 8) Фельетоны, 9) Телеграммы Санкт-Петербургского телеграфного агентства, 10) Ежедневное художественно-литературное приложение». Подписная цена в заявлении указана как 9 руб. в год (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2156. Л. 1).

Свидетельство на издание газеты было выдано 13 июля 1911 г., то есть больше чем за месяц до прекращения «Владивостока». Печататься она должна была в типографии А.Т. Троицкого, бывшего редактора-издателя «Далекой окраины» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2156. Л. 8; Ф. 702. Оп. 3. Д. 287. Л. 254). Газета ещё не успела выйти, как, «по встретившейся надобности» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2156. Л. 11), планирующееся издание было перенесено в типографию «Товарищество Владивостокского печатного дела в д. Пьянкова, Садомский переулочек» (рядом со знаменитым во Владивостоке домом Элеоноры Прей) (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2156. Л. 9). С декабря 1911 г. она

печатались в типографии Н.П. Матвеева на улице Абрекской (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2156. Л. 23), а с февраля 1912 г. – в типографии Троицкого на улице Алеутской, 43 (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2156. Л. 24). Редакция и главная контора располагались во Владивостоке на улице Светланская, в доме Кунста и Альберса, над магазином Янковского. Г.И. Антипа был только подставным редактором «Приамурского края». Владивостокский инспектор по делам печати Н.В. Дюфур в 1912 г. писал, что «Приамурский край» «издаётся и редактируется официально Г.И. Антипа, на самом же деле находится в руках группы лиц, сомнительных в политическом отношении. По направлению резче других примыкает к левым организациям, и должна быть признана наиболее вредной в смысле пропаганды противоправительственных идей» (РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 11. Л. 38).

Заявление на право издания газеты «Приморский край» 14 февраля 1913 г. подал дворянин Антоний Яковлевич Васенцович-Макаревич, проживавший во Владивостоке по Корякинской улице в собственном доме № 3, квартира 3. Программа: «1) передовые статьи, 2) статьи по местным и общегосударственным вопросам, 3) Государственная Дума и Государственный Совет, 4) корреспонденции: местные, сибирские, Европейской России и заграничные, 5) статьи по экономическим вопросам и обзору внутренней жизни России, Сибири и заграничные, 6) фельетон, 7) хроника, 8) судебные происшествия, 9) театр и искусство, 10) телеграммы, 11) иллюстрированные приложения, 12) почтовый ящик, 13) смесь и 14) объявления» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2300. Л. 1).

Свидетельство на издание было выдано 21 марта 1913 г. (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2300. Л. 6). Первый номер вышел 4 мая, на следующий день после выхода последнего номера «Приамурского края». Это была та же самая газета, полностью идентичная по оформлению, печатающаяся в той же типографии и с тем же адресом редакции (дом Кунста и Альберса, над магазином Янковского), но с другим названием. В объявлении о выходе было написано, что «Приморский край» выходит вместо «Приамурского края» и Г.И. Антипа в ней больше не участвует. Сам Антипа выехал в Москву (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2156. Л. 30).

В докладе начальника Владивостокского охранного отделения ротмистра Е.К. Лалевича о «Приморском крае» говорилось: «Наиболее “легкомысленная”, бульварная газета. Сплошь и рядом уделяет на своих страницах место самым вздорным слухам, сообщениям и т.п., имеющим так называемый “сенсационный” характер. Считается газетой объединенного большинства городского самоуправления. В газете защищаются, главным образом, интересы Н.П. Матвеева, как члена городской управы...» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1368. Л. 14–15). К такому же выводу пришёл владивостокский инспектор по делам печати Дюфур. 15 декабря 1913 г. в Приложении к отчету о печати за 1913 г. он писал, что «Приморский край» «по направлению оппозиционен, мало распространён, не представляет ничего интересного и существует специально для освещения деятельности городского самоуправления в желательном для отдельной группы свете» (РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 11. Л. 280б.).

С 27 марта 1914 г. редактором «Приморского края» стал отставной штатный чиновник канцелярии Саратовского губернатора Владимир Алексеевич Салько (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2300. Л. 43–44, 54–55). По словам начальника Владивостокского охранного отделения, «Владимир Алексеевич Салько происходит из дворян Саратовской губернии. В город Владивосток прибыл около году тому назад и всё время служил в разных редакциях местных газет в качестве сотрудника – театральный хроникёр. До приезда во Владивосток Салько около 20 лет прослужил в разных труппах оперным артистом, но потерявши голос, принуждён был искать себе другой род занятий. Быть в качестве редактора газеты “Приморский край” Салько предложил Матвеев (известный отделению своей революционной деятельностью), от которого Салько и будет получать ежемесячно денежное вознаграждение» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2300. Л. 46). То есть этот редактор также был в газете подставным. Пристав 2-й части города Владивостока писал: «Газета эта издаётся на средства Матвеева, а Салько состоит только редактором» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2300. Л. 48).

15 июля 1914 г. В.А. Салько отказался от редактирования (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2300. Л. 58). Выход «Приморского края» был приостановлен до получения разрешения новым ответственным редактором. Заявление об этом 28 июля подал сам Н.П. Матвеев (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2300. Л. 67). На запрос о его личности Пристав 1-й части города Владивостока писал владивостокскому полицмейстеру: «Матвеев, 48 лет, православный, проживает по Абрекской улице в собственном доме № 9, где имеет типографию. Живёт во Владивостоке около 40 лет. В данное время находится под следствием по обвинению 354 статьи Улож. о Наказ. и кроме сего состоит под негласным надзором полиции по предписанию г. Владивостокского полицмейстера от 15 октября 1907 г. и начальника охранного отделения от 13 октября 1907 г. Как старожил Владивостока, Матвеев имеет обширное и разнообразное знакомство...» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2300. Л. 73).

На основании этого доклада полицмейстер составил справку: «О Николае Петровиче Матвееве имеются неблагоприятные сведения, в политическом отношении, а именно: что он был близок к революционной среде, всегда сочувственно относился ко всем революционным начинаниям в выступлениях, оказывал посильную помощь эмигрантам и т.п.» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2300. Л. 76). Военный губернатор Приморской области А.Д. Сташевский 27 августа постановил, что «ходатайство о предоставлении ему права редактировать означенную газету удовлетворить не нахожу возможным» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2300. Л. 78). Тогда Матвеев получил свидетельство на редактирование на

имя своей жены Марии Дмитриевны (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2300. Л. 81, 89; Ф. 702. Оп. 3. Д. 423. Л. 165). Оно было выдано 17 сентября 1914 г., издание газеты предполагалось возобновить уже в октябре, однако «Приморский край» так и не возродился.

Прошение об издании газеты «Восток» отставной коллежский секретарь Георгий Евсеевич Анкудинов, проживающий в собственном доме на станции Седанка, подал 25 августа 1911 г., в день прекращения газеты «Владивосток». Программа: «1) передовые статьи, 2) внутреннее и внешнее обозрение, 3) наша печать, 4) наши соседи, 5) хроника, 6) местная жизнь и корреспонденция, 7) телеграммы, 8) наука и искусство, 9) военное дело и воздухоплавание, 10) фельетон, 11) последние известия, 12) смесь, 13) справочный отдел и 13) [так в тексте – прим. авт.] объявления». Подписная цена 6 руб. в год. Типография Н.П. Матвеева по Абрекской улице (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2161. Л. 1). Программа издания имела мало общего с «Приамурским краем», да и по цене «Восток» попадала в другой, более дешёвый сегмент прессы. Как писала «Уссурийская окраина», «с 30 августа вместо газ. “Владивосток” будет выходить газ. “Восток” при прежнем составе сотрудников. Редактор-издатель Анкудинов» (Хроника. Новая газета, 1911b).

Свидетельство на издание газеты выдано 12 сентября 1911 г. (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2161. Л. 7). До конца года вышло 5 номеров (с 13 по 18 сентября), в 1912 г. – 1 номер (18 сентября). Таким образом, «Восток» нельзя назвать периодическим изданием. Тем не менее, газета не прекратилась в 1912 г., а просуществовала до 1914 г. Объяснение этому можно найти в том, что в последние два года «Восток» под редакцией Г.Е. Анкудинова рассылался подписчикам «Приамурского (Приморского) края» в период его приостановок: с 14 по 20 февраля 1913 г. (6 номеров), с 13 по 26 марта 1914 г. (14 номеров) и с 16 июля по 30 сентября 1914 г. (59 номеров). В такие моменты «Восток» получал новую жизнь, но только в виде названия. Фактически продолжал выходить «Приамурский (Приморский) край», на первой полосе которого было напечатано: «“Восток”, выходит по программе газеты “Приамурский край” и будет рассылаться подписчикам до её возобновления, – и под редакцией Г.Е. Анкудинова». Ф.В. Мисюра называл «Восток» «затычкой» для «Приморского края» (Газетный паразитизм, 1914). В марте 1914 г. инспектор по делам печати Дюфур писал: «“Восток”, временно заменивший газету “Приморский край”, которая в ближайшем будущем имеет возродиться, совершенно бесцветна, лишён самостоятельности и питается исключительно перепечатками. Редактор гласный думы Г.Е. Анкудинов. Фактическим руководителем газет “Восток” и “Приморский край” является Н.П. Матвеев, местный домовладелец, бывший член управы, имеющий тёмное политическое прошлое...» (РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 11. Л. 34об.).

Типография Матвеева на Абрекской была меньше, чем у «Дальнего Востока» и «Далекой окраины», но больше, чем у «Текущего дня». На 1 марта 1914 г. в ней было 8 рабочих и 12 учеников (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2367. Л. 29). Тираж «Приморского края» в августе 1913 г. составлял 750–800 экз., хотя, по уверениям редакции, он понизился летом, «когда масса интеллигенции находится на даче», а осенью и зимой он поднимается до 1200–1300 экз. (РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 28. Л. 22). Но и в этом случае «Приморский край» уступал остальным газетам, что отражено в отчетах инспектора, называвшего эту газету «мало распространённой».

Из вышесказанного видно, что в 1911–1914 гг. под контролем члена городской управы Николая Петровича Матвеева находились три сменявшие друг друга газеты («Приамурский край» – «Приморский край» – «Восток»). Вице-губернатор Приморской области В.И. Лодыженский в докладе в Главное управление по делам печати причислял их «к тому типу повременной печати, который в последние годы получил широкое распространение в провинции и, в расчёте на интерес тёмной массы к вздорным, но пикантным сообщениям, к трескучей критике и безграмотному разбору всего и всех, беззастенчиво и шумно выбрасывает в толпу свой легковесный багаж, не стесняясь при том ни извращением фактов, ни инсинуациями, ни даже клеветой». К этой категории он относил и конкурентов «Приморского края» (РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. 2. 1909 г. Д. 130. Л. 81об.).

Вечерняя газета «Текущий день» по любому поводу нападала на Матвеева. Его сторонники назывались «кагалом отбросов из общественных деятелей» (Хроника. Он не хочет, 1911). В номере от 22 декабря 1911 г. Ф.В. Мисюра напечатал целую «биографию» Матвеева, который в молодости «зачитывался Марксом и Бабелем», а потом был задавлен буржуазией и «стал исповедывать силу капитализма» (Возмущённый, 1911). О руководимой Матвеевым газете Мисюра писал, что ей грозит скорое разорение (Хроника. Крах газет, 1912), что она печатает «мерзость» и тем «оскверняет печатный станок» (Обзор местных газет, 1913). 17 декабря 1913 г. «Текущий день» сообщал о якобы состоявшемся втайне переходе «Приморского края» в руки сомнительных дельцов (Хроника. Кооперативная газета, 1913). На это Матвеев ответил, что «всё, изложенное в этой заметке – сознательная злостная ложь» (Хроника. «Текущему дню», 1913).

4 января 1914 г., написав, что, по сообщению «Приморского края», «одна вашингтонская фирма намерена построить во Владивостоке на Светланской улице грандиозное здание не менее 15 этажей. В этом здании будут отдаваться частные квартиры, помещаться магазины, театр, ресторан и типография одной крупной английской газеты», Мисюра добавил от себя, что американской фирме нужно ещё завезти читателей для английской газеты (Обзор местных газет, 1914). А 10 января «Текущий день» обвинил Матвеева в том, что тот болен «маммонизмом» – болезненной страстью к деньгам, которой страдают многие городские деятели: «г. Матвеев. Схватил болезнь в

муниципалитете. На все советы полечиться где-нибудь в “спокойном” месте энергично протестует. Никаких основательных аргументов в защиту своего протеста не приводит. Говорят, что он безнадежен и, вероятно, скоро “больного” перепроводят в больницу...» (*Маленький фельетон, 1914*).

Естественно, Матвеев не остался в долгу. На страницах «Приамурского (Приморского) края» Мисюра назывался «лишённым чувства чести», «клеветником» (*Письма в редакцию, 1913*), который украл из кабинета Матвеева блюдо (*Хроника. Блюдо Мисюры, 1913*). Про его издание говорилось, что эта «крикливая, вечно ругающаяся и всё носящая газетка, конечно, легко может расхотиться среди малокультурной части общества, принимающей потоки грязи, льющиеся со страниц “Текущего дня”, за “разоблачительную” деятельность, но развращающее её влияние не подлежит сомнению...» (*Местная пресса, 1913*).

В феврале 1914 г. «Приморский край» писал о Мисюре, что этот «малограмотный», «неинтеллигентный» «дворянин с о. Сахалина» досадил всему городу «своей хулиганско-клеветнической деятельностью» (*Из зала суда. Дело Мисюры, 1914*). На это Мисюра ответил, что «типы, подобные Матвееву, Дмитренко, Шеболдаеву, Файнбергу и др. признают клеветой всё, что затрагивает их подпольную деятельность, которую они тщательно скрывают. Я сейчас указываю, что г. Матвеев является фактическим владельцем-издателем и фактическим редактором газ. “Прим. край” – это общеизвестно, но раз я об этом написал – это уже будет клевета, потому что у Матвеева на бумаге дело иначе обставлено» (*Мисюра, 1914*).

Открытый конфликт произошёл у Матвеева также с газетой «Далекая окраина». В феврале – апреле 1913 г. «Далекой окраине», её новым владельцам и редактору-издателю Д.П. Пантелееву были посвящены многие публикации «Приамурского края». О Пантелееве говорилось: «С тех пор, как редактор “Далекой окраины” отчётливо усвоил значение слов “бой”, “мистер” и “доллар” – он сделался неисправимым англоманом. Сбрил усы и бороду, стал говорить сквозь зубы и повёл газетное дело так, как оно ведётся в лучших “магазинах”. Известно дело: на то и магазин, чтобы, с одной стороны, покупать, а, с другой стороны, продавать...» (*Англоман, 1913*). «“Инглишменством” он вошёл в душу биржевого комитета, “инглишменством” вошёл и в душу некоторых банков и дельцов. И взамен давал им всего лишь: молчание...» (*Хроника. Пантелеев – Недзельский, 1913*). «Далекая окраина» получила прозвание «инглишменская газета», «редактор-издатель которой г. Пантелеев, “оставаясь” на почве принципов и прогрессивности, ... беззастенчиво втирает очки аудитории своих читателей», выдавая материал московского бюро «Пресса» за полученный «благодаря якобы состоявшемуся между редакцией “Д.О.” и группой писателей соглашению» (*Хроника. О бюро «Пресса», 1913*). По словам матвеевской газеты, «“Окраинских” “журналистов” мы неоднократно разоблачали в том, что они заимствуют из столичных газет целые статьи и нарочито не указывают источника, выдавая их за статьи, поступающие, якобы, от собственных корреспондентов, а то пускают в виде собственных передовиц... Мы неоднократно разоблачали “Окраину” в том, что она – дочь биржевого комитета и некоторых дельцов с подмоченной репутацией, хронически совершенно замалчивает многие тёмные деяния, в коих замешаны лица из биржевых кругов» (*Антипа, 1913*).

В декабре 1913 г. в «Приморском крае» в серии статей «Из тайн городского двора» Н.П. Матвеев рассказал закулисную историю «Далекой окраины»: «Группа гласных, боровшихся против биржевиков в Гор. Думе, поддерживалась газетой “Далекая окраина”. Одно время влияние газеты было очень значительно. То, что писалось газетой относительно Городской Думы, немедленно осуществлялось. Это беспокоило... биржевиков... Тогда созревает план изъять газету из опасных рук. Несколько ранее на горизонте владивостокской жизни появилась новая фигура – Д.П. Пантелеев. Сначала он сотрудничал в газете “Далекая окраина”, но затем перешёл в Биржевой комитет в качестве редактора “Биржевых ведомостей”. Молодой человек, по-видимому, очень понравился биржевикам, и поэтому было решено “помочь ему купить газету”. Несколько биржевиков, фамилии которых мне известны, “учли” для него векселей на сумму свыше 10000 рублей (по словам одного из участников, до 15000 р.)... Трудно было бы предположить, что, воспользовавшись “любезностью” биржевиков, г. Пантелеев окажется неблагодарным. Нет, он оказался на высоте положения, человеком, благодарным по отношению к благодетелям... Против меня начались выступления в газете, иногда очень тонкие, издавна, и, наконец, началась самая беззастенчивая травля, с забвением решительно всего...» (*Матвеев, 1913*). Таким образом, по оценке Матвеева, «Далекая окраина» утратила свой изначально оппозиционный к власти прогрессивный характер и превратилась в замаскированное издание городской бизнес-элиты.

5. Заключение

В 1910–1914 гг. во Владивостоке выходило 5–6 газет. Николай Петрович Матвеев в эти годы занимал видное место в городской управе Владивостока. Виной ли тому его революционное прошлое или его деятельность как члена управы, но на этом посту он приобрёл многочисленных врагов, которые в борьбе с ним использовали прессу. По крайней мере, три газеты (утренние «Дальний Восток» В.А. Панова и «Далекая окраина» Д.П. Пантелеева и вечерний «Текущий день» Ф.В. Мисюры) обвиняли Н.П. Матвеева в том, что он, говоря об общественном благе, использовал городской бюджет в личных целях, что он издал за счёт города книжку, которая годится только в макулатуру, что, хотя в молодости он и «зачитывался Марксом и Бабелем», а во время революции

призывал к «еврейскому равноправию» и свержению существующего строя, но впоследствии забыл о равноправии и стал «исповедывать силу капитализма» и заниматься «заведомым обманом общества».

Сколько в этих обвинениях было правды, а сколько – беспощадной клеветы, сейчас не так важно. Отмеченное приморскими чиновниками (вице-губернатором Лодыженским, инспектором по делам печати Дюфуром) низкое качество приморских газет, в принципе, позволяет предположить, что неправды было много. Более важно то, как защищал себя от нападок Матвеев, основывая собственную газету – «Приамурский (Приморский) край». Она проявила себя точно так же, как и её оппоненты. На страницах этого издания конкуренты представлялись «черносотенцами» (Панов), «англоманами», которым газета нужна, чтобы «покупать и продавать» (Пантелеев), «хулиганами» и «клеветниками» (Мисюра). В борьбе против владивостокской «жёлтой» прессы Матвеев создал подобное же издание. По оценке местных чиновников, назвавших её «наиболее “легкомысленной”, бульварной газетой», она была даже необъективнее конкурентов, поскольку существовала для ограждения городской управы и лично Матвеева от критики в их адрес. Не удивительным, поэтому, представляется тот факт, что среди владивостокских газет она была самой малотиражной и закрылась одной из первых в 1914 г., в начале Первой мировой войны, после выбора нового городского головы и изменений в составе городской управы. Для сравнения можно привести данные о судьбе других газет. «Океанский вестник», проданный в 1914 г. Биржевому комитету и переименованный в «Русский Восток», выходил до конца 1915 г., «Текущий день» прекратился в апреле 1916 г. из-за смерти редактора-издателя, «Дальний Восток» и «Далекая окраина» были закрыты в 1917 г., во время следующей революции. Все они оказались долговечнее «Приамурского (Приморского) края».

Тем не менее, вклад Н.П. Матвеева в развитие дальневосточной журналистики и литературы трудно переоценить. Его книга о Владивостоке, названная когда-то «никчемной», уже дважды переиздавалась в настоящее время с новыми комментариями современных издателей. На «газетные войны» начала XX века следует, поэтому, смотреть беспристрастным взглядом исследователя и с высоты наших дней не переставать удивляться той «свободе слова», о которой могут только мечтать редакторы современных российских газет.

Литература

- Англоман, 1913** – Англоман // Восток. 1913. 19 февраля. С. 2.
- Антипа, 1913** – Антипа Г.И. Мой ответ Е.К. Ножину // Приамурский край (г. Владивосток). 1913. 14 апреля. С. 2–3.
- Беляева и др., 1958–1961** – Беляева Л.Н., Зиновьева М.К., Никифоров М.М. Библиография периодических изданий России, 1901–1916. Л., 1958–1961.
- Бинокль** – Бинокль. Маленький фельетон. Издатели-пирогоеды // Текущий день (г. Владивосток). 1910. 17 декабря. С. 3.
- Варавва, 2015** – Варавва В.В. История региональной журналистики: газета «Владивосток» (1911). Новые факты // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2015. № 4(6). С. 212–216.
- Владивосток 16–30 ноября 1906 года, 1906** – Владивосток 16–30 ноября 1906 года // Воля. 1906. № 87. 9 декабря. С. 21.
- Возмущенный, 1911** – Возмущенный. Себе яму роет // Текущий день. 1911. 22 декабря. С. 3.
- Галлямова, 1994** – Галлямова Л.И. Одна из страниц биографии Н.П. Матвеева // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток – Запад. Владивосток, 1994. С. 60–63.
- Газетный паразитизм, 1914** – Газетный паразитизм // Текущий день. 1914. 16 июля. С. 3.
- Динов, 1990** – Динов А. Поэт, писатель, журналист // Красное знамя (г. Владивосток). 1990. 15 июля.
- Евтушенко, 2004** – Евтушенко В.П. Древо плодоносящее: биография уникальной литературной династии Матвеевых. Владивосток: Делин, 2004. 184. [2] с.
- Егорчев, 2015** – Егорчев И. Матвеев и его династия. Первый биограф Владивостока оставил 15 детей // Приморская газета. 2015. 6 ноября. С. 5.
- Иващенко, 1994** – Иващенко Л.Я. Н.П. Матвеев – литератор и общественный деятель // Культура Дальнего Востока, XIX–XX вв. Владивосток, 1994. С. 52–61.
- Из зала суда. Дело Мисюры, 1914** – Из зала суда. Дело Мисюры // Приморский край (г. Владивосток). 1914. 9 февраля. С. 3.
- Маленький фельетон** – Маленький фельетон. Маммонизм во Владивостоке // Текущий день. 1914. 10 января. С. 3.
- Матвеев, 1913** – Матвеев Н. Из тайн городского двора (продолжение). Ст. 4 // Приморский край. 1913. 8 декабря. С. 3.
- Матвеев, 1910** – Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток: Типография Н.П. Матвеева, 1910; Владивосток: Издательство «Уссури», 1990; Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2012.
- Матвеев, 1903** – Матвеев Н. Стихотворения, пародии, подражания (сборник стихов). СПб., 1903.

- Матвеев, 1904 – Матвеев Н. Уссурийские рассказы (сборник прозы). М. : Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1904.
- Местная пресса, 1913 – Местная пресса // *Приморский край*. 1913. 29 октября. С. 2.
- Мисюра, 1914 – Мисюра Ф. Ещё одно грустное явление // *Текущий день*. 1914. 11 февраля. С. 3.
- Обзор местных газет, 1913 – Обзор местных газет // *Текущий день*. 1913. 27 июля. С. 2.
- Обзор местных газет, 1914 – Обзор местных газет // *Текущий день*. 1914. 4 января. С. 3.
- Панов, 1910a – Панов В. Господа Азефы // *Дальний Восток* (г. Владивосток). 1910. 16 июля. С. 3.
- Панов, 1910b – Панов В. Господа Азефы // *Дальний Восток*. 1910. 17 июля. С. 3.
- Панов, 1910c – Панов В. Господа Азефы // *Дальний Восток*. 1910. 18 июля. С. 4.
- Панов, 1910d – Панов В. Господа Азефы // *Дальний Восток*. 1910. 27 июля.
- Письма в редакцию, 1913 – Письма в редакцию // *Приамурский край*. 1913. 9 марта. С. 4.
- Похороны редактора-издателя, 1911 – Похороны редактора-издателя газеты «Владивосток» А.А. Мауэра // *Далекая окраина* (г. Владивосток). 1911. 24 августа.
- Правый избранник, 1910 – Правый избранник // *Дальний Восток*. 1910. 11 июля.
- Прудкогляд, 2000 – Прудкогляд Т.В. Листая пожелтевшие страницы... К истории периодической печати Дальнего Востока России (1865–1917). Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 240 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.
- Свой председатель, 1910 – Свой председатель // *Дальний Восток*. 1910. 9 июля.
- Хисамутдинов, 2016 – Хисамутдинов А.А. Писатель, журналист и издатель Николай Матвеев в России и Японии // *Проблемы Дальнего Востока*. 2016. № 3. С. 145–156.
- Хроника. Блюдо Мисюры, 1913 – Хроника. Блюдо Мисюры // *Приморский край*. 1913. 2 августа. С. 3.
- Хроника. Генерал Флуг, 1913 – Хроника. Генерал Флуг // *Текущий день*. 1913. 4 января. С. 2.
- Хроника. Кооперативная газета, 1913 – Хроника. Кооперативная газета // *Текущий день*. 1913. 17 декабря. С. 3.
- Хроника. Крах газет, 1912 – Хроника. Крах газет // *Текущий день*. 1912. 1 июня. С. 3.
- Хроника. Новая газета, 1911a – Хроника. Новая газета // *Уссурийская окраина* (г. Никольск-Уссурийский). 1911. 16 апреля. С. 2.
- Хроника. Новая газета, 1911b – Хроника. Новая газета // *Уссурийская окраина*. 1911. 1 сентября. С. 3.
- Хроника. Новые зубы пирогоедов, 1910 – Хроника. Новые зубы пирогоедов // *Текущий день*. 1910. 14 декабря. С. 3.
- Хроника. О бюро «Пресса», 1913 – Хроника. О бюро «Пресса» // *Приамурский край*. 1913. 26 февраля. С. 2.
- Хроника. Он не хочет, 1911 – Хроника. Он не хочет // *Текущий день*. 1911. 8 декабря. С. 2.
- Хроника. Пантелеев – Недзельский, 1913 – Хроника. Пантелеев – Недзельский // *Приамурский край*. 1913. 26 апреля. С. 4.
- Хроника. «Текущему дню», 1913 – Хроника. «Текущему дню» // *Приморский край*. 1913. 19 декабря. С. 3.
- Юбилейный труд Нахеса Матвеева, 1910 – Юбилейный труд Нахеса Матвеева // *Дальний Восток*. 1910. 29 октября. С. 3.
- Юрист, 1910 – Юрист. Во славу «прогресса» // *Дальний Восток*. 1910. 18 июля. С. 4.

References

- Angloman, 1913 – Angloman [Anglomaniac]. *Vostok*. 1913. February, 19. p. 2.
- Antipa, 1913 – Antipa G.I. (1913). Moi otvet E.K. Nozhinu [My answer to Nozhin]. *Priamurskii kraj*. April, 14. p. 2–3.
- Belyaeva I dr., 1958–1961 – Belyaeva L.N., Zinov'eva M.K., Nikiforov M.M. (1958–1961). Bibliografiya periodicheskikh izdaniy Rossii, 1901–1916 [Bibliography of periodicals in Russia]. Leningrad.
- Binocl', 1910 – Binokl'. Malen'kii fel'eton. Izdateli-pirogoedy [A little feuilleton. Publishers-pie-eaters]. *Tekushchii den'*. 1910. December, 17. p. 3.
- Varavva, 2015 – Varavva V.V. (2015). Istoriya regional'noi zhurnalistiki: gazeta «Vladivostok» (1911). Novye fakty [The history of regional journalism: the newspaper "Vladivostok" (1911). New facts]. *Aktual'nye napravleniya nauchnykh issledovaniy: ot teorii k praktike*. № 4(6). pp. 212–216.
- Vladivostok 16–30 noyabrya 1906 goda, 1906 – Vladivostok 16–30 noyabrya 1906 goda. *Volya*. 1906. № 87. December, 9. p. 21.
- Vozmushchennyi, 1911 – Vozmushchennyi. Sebe yamu roet [Digs himself a pit]. *Tekushchii den'*. 1911. December, 22. p. 3.
- Gallyamova, 1994 – Gallyamova L.I. (1994). Odnа iz stranits biografii N.P. Matveeva [One page of the biography of N.P. Matveev]. *Kul'tura Dal'nego Vostoka Rossii i stran ATR: Vostok – Zapad*. Vladivostok. pp. 60–63.
- Gazetnyi parazitizm, 1914 – Gazetnyi parazitizm [Newspaper parasitism]. *Tekushchii den'*. 1914. July, 16. p. 3.

- Dinov, 1990** – *Dinov A.* (1990). Poet, pisatel', zhurnalist [Poet, writer, journalist]. *Krasnoe znamya*. July, 15.
- Evtushenko, 2004** – *Evtushenko V.P.* (2004). Drevo plodonosyashchee: biografiya unikal'noi literaturnoi dinastii Matveevykh [Tree bearing: a biography of the unique literary dynasty Matveev]. Vladivostok: Delin. 184, [2] p.
- Egorchev, 2015** – *Egorchev I.* (2015). Matveev i ego dinastiya. Pervyi biograf Vladivostoka ostavil 15 detei [Matveev and his dynasty. Vladivostok's first biographer left 15 children]. *Primorskaya gazeta*. November, 6. p. 5.
- Ivashchenko, 1994** – *Ivashchenko L.Ya.* (1994). N.P. Matveev – literator i obshchestvennyi deyatel' [Matveev – a writer and public figure]. *Kul'tura Dal'nego Vostoka, XIX–XX vv.* Vladivostok. p. 52–61.
- Iz zala suda. Delo Misyury, 1914** – Iz zala suda. Delo Misyury [From the courtroom. The Misiura case]. *Primorskii krai*. 1914. February, 9. p. 3.
- Malen'kii fel'eton, 1914** – Malen'kii fel'eton. Mammonizm vo Vladivostoke [A little feuilleton. Mammonism in Vladivostok]. *Tekushchii den'*. 1914. January, 10. p. 3.
- Matveev, 1913** – *Matveev N.* (1913). Iz tain gorodskogo dvora (prodolzhenie) [From the secrets of the urban courtyard (continued)]. Part 4. *Primorskii krai*. December, 8. p. 3.
- Matveev, 1990** – *Matveev N.P.* (1910, 1990, 2012). Kratkii istoricheskii ocherk g. Vladivostoka [A short historical essay of Vladivostok]. Vladivostok.
- Matveev, 1903** – *Matveev N.* (1903). Stikhotvoreniya, parodii, podrazhaniya (sbornik stikhov) [Poems, parodies, imitations (a collection of poems)]. S-Petersburg.
- Matveev, 1904** – *Matveev N.* (1904). Ussuriiskie rasskazy (sbornik prozy) [Ussuriyskie stories (a collection of prose)]. Moscow.
- Mestnaya pressa, 1913** – Mestnaya pressa [Local press]. *Primorskii krai*. 1913. October, 29. p. 2.
- Misyura, 1914** – *Misyura F.* (1914). Eshche odno grustnoe yavlenie [Another sad phenomenon]. *Tekushchii den'*. February, 11. p. 3.
- Obzor mestnykh gazet, 1913** – Obzor mestnykh gazet [Review of local newspapers]. *Tekushchii den'*. 1913. July, 27. p. 2.
- Obzor mestnykh gazet, 1914** – Obzor mestnykh gazet [Review of local newspapers]. *Tekushchii den'*. 1914. January, 4. p. 3.
- Panov, 1910a** – *Panov V.* (1910). Gospoda Azefy [Local Azefs]. *Dal'nii Vostok*. July, 16. p. 3.
- Panov, 1910b** – *Panov V.* (1910). Gospoda Azefy [Local Azefs]. *Dal'nii Vostok*. 1910. July, 17. p. 3.
- Panov, 1910c** – *Panov V.* (1910). Gospoda Azefy [Local Azefs]. *Dal'nii Vostok*. 1910. July, 18. p. 4.
- Panov, 1910d** – *Panov V.* (1910). Gospoda Azefy [Local Azefs]. *Dal'nii Vostok*. 1910. July, 27. p. 3.
- Pis'ma v redaktsiyu, 1913** – Pis'ma v redaktsiyu [Letters to the editors]. *Priamurskii krai*. 1913. March, 9. p. 4.
- Pokhorony redaktora-izdatelya, 1911** – Pokhorony redaktora-izdatelya gazety «Vladivostok» A.Ya. Mauera [The funeral of the editor-publisher of the newspaper "Vladivostok" A. Mauer]. *Dalekaya ukraina*. 1911. August, 24.
- Pravyi izbrannik, 1910** – Pravyi izbrannik [Right-hand man]. *Dal'nii Vostok*. 1910. July, 11.
- Prudkoglyad, 2000** – Prudkoglyad T.V. (2000). Listaya pozheltevshie stranitsy... K istorii periodicheskoi pechati Dal'nego Vostoka Rossii (1865–1917) [Flipping through the yellowed pages ... To the history of the periodical press of the Russian Far East]. Vladivostok. 240 p.
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- RGIA DV** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka [Russian State Historical Archive of the Far East].
- Svoi predsedatel', 1910** – Svoi predsedatel' [Its chairman]. *Dal'nii Vostok*. 1910. July, 9.
- Khisamutdinov, 2016** – *Khisamutdinov A.A.* (2016). Pisatel', zhurnalist i izdatel' Nikolai Matveev v Rossii i Yaponii [Writer, journalist and publisher Nikolai Matveev in Russia and Japan]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. № 3. p. 145–156.
- Khronika. Blyudo Misyury, 1913** – Khronika. Blyudo Misyury [The Chronicle. Dish of Misyura]. *Primorskii krai*. 1913. August, 2. p. 3.
- Khronika. General Flug, 1913** – Khronika. General Flug. *Tekushchii den'*. 1913. January, 4. p. 2.
- Khronika. Kooperativnaya gazeta, 1913** – Khronika. Kooperativnaya gazeta [The Chronicle. Cooperative Newspaper]. *Tekushchii den'*. 1913. December, 17. p. 3.
- Khronika. Krakh gazet, 1912** – Khronika. Krakh gazet [The Chronicle. The collapse of newspapers]. *Tekushchii den'*. 1912. June, 1. p. 3.
- Khronika. Novaya gazeta, 1911a** – Khronika. Novaya gazeta [The Chronicle. New paper]. *Ussuriiskaya ukraina*. 1911. April, 16. p. 2.
- Khronika. Novaya gazeta, 1911b** – Khronika. Novaya gazeta [The Chronicle. New paper]. *Ussuriiskaya ukraina*. 1911. September, 1. p. 3.
- Khronika. Novye zuby pirogoedov, 1910** – Khronika. Novye zuby pirogoedov [The Chronicle. New teeth of pie-eaters]. *Tekushchii den'*. 1910. December, 14. p. 3.
- Khronika. O byuro «Pressa», 1913** – Khronika. O byuro «Pressa» [The Chronicle. About the Bureau "Press"]. *Priamurskii krai*. 1913. February, 26. p. 2.

[Khronika. On ne khochet, 1911](#) – Khronika. On ne khochet [He does not want]. *Tekushchii den'*. 1911. December, 8. p. 2.

[Khronika. Panteleev – Nedzel'skii, 1913](#) – Khronika. Panteleev – Nedzel'skii. *Priamurskii krai*. 1913. April, 26. p. 4.

[Khronika. «Tekushchemu dnyu», 1913](#) – Khronika. «Tekushchemu dnyu» [The Chronicle. To "Tekushchii den'"]. *Primorskii krai*. 1913. December, 19. p. 3.

[Yubileinyi trud Nakhesa Matveeva, 1910](#) – Yubileinyi trud Nakhesa Matveeva [Jubilee work of Naches Matveyev]. *Dal'nii Vostok*. 1910. October, 29. p. 3.

[Yurist. Vo slavu «progressa», 1910](#) – Yurist. Vo slavu «progressa» [To the glory of "progress"]. *Dal'nii Vostok*. 1910. July, 18. p. 4.

Неизвестный Н.П. Матвеев – из истории владивостокской «жёлтой прессы» начала XX века

Вадим Львович Агапов ^{a,*}, Татьяна Владимировна Прудкогляд ^a, Дмитрий Александрович Бутырин ^a

^a Дальневосточный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассказывается об общественном конфликте во Владивостоке накануне Первой мировой войны. Источниками являются неопубликованные документы Российского государственного исторического архива (РГИА) (г. С.-Петербург) и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ) (г. Владивосток) и подшивки владивостокских ежедневных газет того времени. В центре внимания фигура Н.П. Матвеева, писателя, журналиста и общественного деятеля, в то время – члена городской управы. Конкуренты (в газетах «Дальний Восток», «Далекая окраина», «Текущий день»), обвиняли Матвеева в том, что он, говоря об общественном благе, способствовал повышению в городе цены на землю и использовал городской бюджет в личных целях, что он издал за счёт города книжку, которая годится только в макулатуру, что, хотя в молодости он и «зачитывался Марксом и Бабелем», а во время революции призывал к «еврейскому равноправию» и свержению существующего строя, но впоследствии забыл о равноправии и стал «исповедывать силу капитализма» и заниматься «заведомым обманом общества». Защищая себя от нападок, Матвеев основал собственную газету – «Приамурский (Приморский) край». Статья описывает в подробностях историю этого издания. На страницах газеты недоброжелатели Матвеева представлялись «черносотенцами», «англоманами», которым газета нужна, чтобы «покупать и продавать», «хулиганами» и «клеветниками». Фактически, в борьбе против владивостокской «жёлтой» прессы Матвеев создал подобное же издание.

Ключевые слова: Российская империя, Владивосток, общественная жизнь, Н. Матвеев, газеты, «жёлтая пресса», «газетные войны», «Приамурский край».

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agapov_vl@mail.ru (В.Л. Агапов), tvpress@mail.ru (Т.В. Прудкогляд), www1979@mail.ru (Д.А. Бутырин)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 422-429. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.422
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Role of the Journal «Izvestia of the Ministry of Foreign Affairs» (1912–1917) in Forming the Ideas of the Russian Society about China

Yuliya G. Blagoder^{a,*}

^a Kuban State Technological University, Russian Federation

Abstract

The analysis of publications of Russian printed matter is of great importance not only for historical science, but for educational activities that exert a great influence on the nature of interstate and interethnic interaction. In the first years of the XX century magazines and newspapers were the only source of information about the lives of both the remote territories of their own empire and the neighboring countries. Thanks to them, wide sections of Russian society learned about the events taking place in Russia and abroad. This article presents the result of study of the contents of articles in the journal «Izvestia of the Ministry of Foreign Affairs», which was published in St. Petersburg from 1912 to 1917. This printed edition was intended, first of all, for the employees of the diplomatic department, but it was also claimed by representatives of a highly educated part of society. As the object of research, articles and content of information were chosen that relate to China and its economic and political relations with other powers, including the Russian Empire. Questions that were actual for Russia the beginning of the 20th century are revealed. Documents containing information significantly influenced the formation of the intellectual elite's idea of China were noted. The main attention is paid to the description of the activities of diplomatic representations of Russia in China, the issues of territorial borders, the characteristics of military conflicts, revolutionary changes. The image of an exotic country is finally being destroyed. On the world arena there is a dynamically developing republic, which is experiencing heavy military turmoil. The study is based on the decrees and statements of the new Chinese government published on pages of the «Izvestia of the Ministry of Foreign Affairs», notes and reports of Russian diplomats, agreements between the Chinese government and foreign powers, including the Russian Empire, which, in the context of the stated topic have not been used before.

Keywords: foreign policy of Russia, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire, the Chinese Empire, China republic, the image of China, Russian periodicals, the journal «Izvestia of the Ministry of Foreign Affairs».

1. Введение

В современном мире государствам – участникам политических процессов – для обеспечения безопасности и продвижения собственных геостратегических и экономических интересов приходится учитывать изменение характера международных отношений и дипломатических контактов. Общество, интересующаяся международной обстановкой, остро чувствует позитивное или негативное отношение к своей стране и демонстрирует ответные чувства. Существенно влияет на формирование общественного мнения пропаганда в средствах массовой информации.

В прошлые столетия представления об иностранных державах формировались вследствие прямых контактов представителей различных наций и государств. Начиная со второй половины XIX в., стереотипы укореняются в сознании широких слоев населения Российской империи – людей, не имеющих личного опыта общения с иностранцами, благодаря периодической печати. Образ иностранного государства формировался редакционными коллегами газет и журналов, авторами

* Corresponding author

E-mail addresses: blagoder_1@mail.ru (Yu.G. Blagoder)

очерков и в «готовом виде» транслировался в сознание российской общественности, порождая чувства доверия или неприязни.

В дореволюционной России функцией газет было освещение актуальной информации о текущих событиях. На журналы, особенно ориентированные на образованного и, возможно, профессионально подготовленного читателя, возлагалась более ответственная миссия – не только констатировать факты, но и анализировать, обобщать их, давать оценку действиям участникам политических событий (Благодер, 2017: 224-231). Читатели больше доверяли российским печатным периодическим изданиям, находящимся под юрисдикцией правительственных органов. Следовательно, они имели широкие возможности развеять или укрепить те или иные представления. Доступ к документальным материалам и возможность их публикации выделяет журнал «Известия Министерства иностранных дел» из десятков иных российских печатных изданий того времени, поэтому необходимость его изучения не вызывает сомнения. Статьи данного издания в контексте заявленной темы анализу подвергаются впервые.

Теоретическая и практическая значимость данного исследования заключается в привлечении печатного периодического издания – рупора правительства Российской империи – в качестве исторического источника для изучения принципов формирования представлений россиян об иностранных государствах (на примере Китая). Изучение эволюции формирования представлений об иностранных государствах является актуальным не только для исторической науки, но и для преодоления ксенофобии, которая и сегодня нередко препятствует развитию межгосударственного и межнационального сотрудничества. Объективная оценка событий позволяет читателю расширить свои знания и сформировать отношение к другим государствам. Результаты могут быть использованы при анализе и систематизации вводимых в научный оборот материалов иных журналов по исследуемой тематике, составлении обобщающих трудов, подготовке лекционных курсов и учебных пособий.

2. Материалы и методы

2.1. При изучении информационных возможностей различных исторических источников начала XX в. – последних лет существования Российской империи – в частности, периодической печати, пристальное внимание следует уделить изданиям, пропагандирующим правительственный курс. Рельефно выделяется среди них журнал «Известия Министерства иностранных дел». Это объясняется четко ориентированной тематической направленностью публикуемого материала и уникальными исследовательскими возможностями сотрудников дипломатического корпуса, выполнявшими свои обязанности в пределах иностранных государств.

В 1897 г. доцентом Санкт-Петербургского университета Э.К. Симсоном в «Журнале международного государственного права» публиковались международные договоры, распоряжения правительства по ведомству Министерства иностранных дел, хроники международных событий, научные исследования и библиографические обзоры. По словам министра С.Д. Сазонова, Министерством иностранных дел уже давно ощущалась потребность в издании постоянного периодического органа, который мог бы представлять сотрудникам и широкой общественности документы, относящиеся к деятельности дипломатического ведомства. Необходимо распространять среди сотрудников результаты научных изысканий, посвященных вопросам истории международных отношений, международному праву, внешней торговой политике и т.д. В связи с этим, с 1912 г. в столице начал выходить в свет (по 6 номеров в год) журнал «Известия Министерства иностранных дел». Редакционную коллегию возглавлял сотрудник МИД, специалист в области международного права, историк Борис Эммануилович Нольде.

Обращение к документальным материалам журнала «Известия Министерства иностранных дел», которые невозможно было найти ни в одном издании того времени, их тщательный анализ и использование в качестве исторического источника позволяет: во-первых, составить картину азиатского направления внешнеполитического курса правительства императора Николая II; во-вторых, определить, круг интересов российской политической элиты; в-третьих, выявить роль данного журнала в формировании представлений российского общества об иностранных государствах, в частности, Китае. Это позволяет считать статьи данного издания уникальным историческим источником, требующим тщательного изучения.

2.2. Для глубокого и всестороннего изучения того, как представляли российскому обществу иностранное государство (на примере Китая) средства массовой информации, использовались следующие методы:

Во-первых, метод «подбора образцов», с помощью которого формируются группы однотипных с точки зрения какого-либо существенного признака периодических изданий для того, чтобы иметь возможность экстраполировать на всю группу наблюдения и выводы, сделанные на материалах одного издания.

Во-вторых, историко-типологический анализ, включающий в себя изучение не только исторического периода, социальных факторов, влиявших на основание, выпуск и трансформацию изданий, но и такие типологические признаки как деятельность издателя, цели и задачи выпуска газеты или журнала, авторский состав и читательская аудитория, периодичность, объем издания.

В-третьих, контент-анализ, позволяющий делать выводы о качественном содержании статьи любого жанра после выборки интересующей информации, выявления категорий, интерпретации полученных данных, перепроверки результатов исследования, анализа эмоционального (положительного, отрицательного, нейтрального) тона повествования.

3. Обсуждение

Российские историки С.Л. Тихвинский, В.С. Мясников внесли весомый вклад в изучение Китая и представлений россиян об этой стране, которые под влиянием различных факторов складывались и изменялись на протяжении длительного периода. Выдающиеся исследователи-академики вводили в научный оборот новые документы и акцентировали внимание на отдельных проблемах восприятия сведений о Китае, выделяли специфику конкретного канала поступления информации. Комплексное изучение образа Китая на основе широкого спектра исторических источников находим в работах Н.А. Самойлова и А.В. Лукина. Ученые считают актуальным изучение взаимных представлений и стереотипов, сформированных в предшествующие эпохи, так как они по-прежнему воздействуют на характер взаимодействия представителей разных народов.

Потребность в исследовании эволюции образов иностранных государств в сознании общественности заявляет о себе все чаще, поэтому число отечественных и зарубежных историков, занимающихся изучением данной темы, неуклонно растет. Расширяется круг привлекаемых источников. Все больше внимание уделяется периодической печати. Так, Т.М. Кудрявцева привлекает либеральную периодическую печать 1895–1901 гг. для анализа отношения жителей Дальнего Востока к жизни региона. Научные изыскания Р.П. Тамазановой посвящены анализу печатных изданий русского зарубежья и отношения российских граждан, живущих и работавших в Китае, к текущим событиям. Изучение статей газет и журналов позволило Я.С. Гузей охарактеризовать пути формирования представлений россиян о военно-политических конфликтах начала XX в. на Дальнем Востоке и отметить их роль в общественной жизни страны. Заслуживает внимания исследование Сунь Чжинцина о способности периодической печати осветить проблемы внешней политики России в отношении Китая в конце XIX – начале XX вв. Особый подход к изучению образа Китая в печатных российских СМИ продемонстрировал китайский ученый Ван Сюй. В поле его зрения попали не только стереотипы, но и образы, ценностные системы, влияющие на создание в сознании читателей определенной картины мира.

Указанные в историографическом обзоре исследователи опубликовали труды, содержащие уникальные сведения из различных областей научного знания. Их научные изыскания базируются на широком круге источников. Новаторство представленного исследования заключается: во-первых, во введении в научный оборот нового исторического источника – статей журнала «Известия Министерства иностранных дел», который учеными, в том числе и названными выше, ранее не использовался; во-вторых, в характеристике образа Китая, который был сформирован конкретным печатным периодическим изданием и транслировался в среду российской интеллектуальной элиты.

4. Результаты

Тематика статей журнала «Известия Министерства иностранных дел», издававшегося с 1912 по 1917 гг., отвечала повседневному интересам и потребностям Министерства иностранных дел, чиновников других ведомств и представителей научных кругов. На страницах журнала освещались актуальные проблемы современности, описывались события прошлого, публиковались полные тексты и фрагменты дипломатической переписки, донесений, межгосударственных соглашений и иных документов, циркулярные ноты. В них шла речь о событиях, связанных с прошлым и настоящим России, европейских государств, США, Японии и прочих. Данное исследование в качестве объекта выделяет печатные материалы, посвященные развитию и Российской империи, и Китая, их взаимодействию и отношениями с иными странами, а главное, определяет влияние публикаций журнала «Известия Министерства иностранных дел» на формирование представлений россиян о сопредельной державе. Благодаря статьям «Известия Министерства иностранных дел» российский читатель мог представить быт соотечественников – дипломатов и их помощников – в генеральных консульствах Харбине, Мукдене, Шанхае; консульствах Цицикара, Куаньченцзы, Гирина, Инкоу, Тяньцзиня, Ханькоу, Кантона, Урумци, Кашгара, Кульджи, Чугучака; вице-консульствах Айгуна, Хайлара, Чифу, узнать об успехах и неудачах их деятельности, нуждах, с которыми они сталкивались, препятствиями, которые приходилось преодолевать.

Анализ российских печатных изданий, ориентированных на читательскую аудиторию, занимающуюся юриспруденцией («Журнал министерства внутренних дел», «Журнал Министерства юстиции», «Журнал гражданского и уголовного права» (с 1899 г. «Вестник права. Журнал юридического общества при Санкт-Петербургском университете» и проч.), показал, что они не проявляли особого интереса к правовому опыту азиатских стран. «Известия Министерства иностранных дел» в некоторой степени пытались восполнить пробел публикациями, которые не только знакомили с элементами сурового китайского законодательства, но и, одновременно, в выгодном свете освещали деятельность российского дипломатического корпуса.

Во второй половине XIX в. российские консульства в китайских провинциях проводили масштабную правовую работу, что было закреплено в статьях российско-китайского Кульджинского (1851 г.) и Тяньцзиньского (1858 г.) договоров. В конце XIX – начале XX вв. правительство России обратило значительное внимание на разработку ведомственных правовых актов, затрагивающих следственные полномочия консулов. Зачастую это встречало противодействие местных приграничных властей. Деятельность российских консульств по проведению следствий по гражданским, так и по уголовным делам российских и китайских подданных основывалась на положениях международных договоров России и Китая. Консульства вели всё многообразие категорий следственных дел и действий, чтобы охранить интересы России и ее подданных. Авторы статей «Известий Министерства иностранных дел» характеризовали смешанные суды, меры, предпринимаемые для ускорения судопроизводства и достижения единообразия консульской практики, отмечали особенности производства уголовных дел в консульских судах, в том числе, по частным жалобам, порядок преследования за нарушения обязательных постановлений о регистрации русских подданных в Китае и правила обжалования приговоров.

На страницах журнала были опубликованы депеши российского поверенного в делах в Пекине статского советника Щекина в Вайвубу, в которых был одобрен подписанный в 1911 г. Цицикаре с губернатором Хэйлуцзянской провинции Чжоу договор об определении пограничных пунктов между Россией и Китайской империей, а также тексты сообщений об изменении российско-китайских границ ([Договорной акт, 1913: 64-75](#)). Благодаря подобным описаниям, Китай – экзотическая древняя империя – уступал место Китаю – государству, лишенному сказочной привлекательности обилием неразрешенных меркантильных проблем.

Благодаря донесениям сотрудников Министерства иностранных дел правительство, а затем и российская общественность, узнавали последние новости из Китая. На страницах журнала не просто констатировали факты, но и пытались разобраться в истоках проблем и найти объяснение специфики отдельных явлений. К примеру, по убеждению европейской прессы, события 1900 г., приведшие к небывалой конфронтации – осаде дипломатических миссий и последовавшему затем занятию Пекина иностранными войсками, были вызваны религиозно-национальной пропагандой. Отечественные исследователи смотрели глубже и искали причины происходящих событий в политических и экономических просчетах правящей элиты. Российский военный специалист полковник К.И. Вогак, имевший множество агентов среди представителей различных слоев китайского общества, предупреждал европейцев о возможных масштабах опасности, связанной с упорной борьбой между сторонниками и противниками реформ при дворе ([Евреин, 1912: 124-210](#)). Как отмечает профессор Н.А. Самойлов, «участие России в подавлении восстания ихэтуаней негативно сказалось на отношении китайцев к нашей стране» ([Самойлов, 2014: 111](#)).

Депеша действительного статского советника И.Я. Коростовца повествовала о последующих событиях, прежде всего, государственном перевороте в Китае 1911–1912 гг. Российский дипломат считал, что китайское правительство, «увлеченное реформаторской деятельностью, игнорировало исторически сложившиеся права провинций и рост революционных элементов» ([Донесения Миссии в Пекине о государственном перевороте, 1912: 78](#)). Это привело к волнениям во многих провинциях не только на юге, но и на севере, и продемонстрировало слабость правительства.

Летом 1912 г. отрядом российских войск была совершена рекогносцировка в Синьцзинской провинции для сбора сведений о политической обстановке, китайских вооруженных силах в приграничных районах, положении проживающих там национальных меньшинств, а также описания маршрутов в западную часть Китая. Обзор К.В. Лучича об этом событии содержал географические и естественнонаучные сведения (рельеф, климат, флора и фауна), информацию об административном управлении, демографической ситуации, военном потенциале Китая, деятельности на его территории таможни, почтовых контор, телеграфа. Отдельное внимание было уделено бытописанию Русской духовной миссии в Пекине и консульства в Чугучаке, защищавших российских подданных ([Лучич, 1913: 143-169](#)).

Донесения российских дипломатов, работавших в Пекине, содержали тексты Временной Конституции Китайской республики ([Временная китайская Конституция, 1915: 154-161](#)), Декретов о реорганизации административного управления и правительственных учреждений, Положений об организации китайского парламента, выборах в верхнюю и нижнюю его палаты ([Донесение Миссии в Пекине о внутренних событиях в Китае, 1913: 53-82](#)). Телеграммы и иные письменные уведомления информировали российское правительство об усилении позиции Юань Шикая, который, подавив сопротивление политических противников и народное восстание, занял пост президента ([Дипломатическая переписка, 1914: 52-58](#)). Парламент был недоволен диктатурой Юань Шикая ([Донесения Миссии в Пекине о преобразованиях, 1914: 42](#)). Как пишут «Известия Министерства иностранных дел», из изданных в Китае законов многие так и не получили осуществления ([Декреты Президента, 1916: 57-63](#)).

Под влиянием указанных выше публикаций представление россиян о Китае должно было существенно преобразоваться. Находящаяся в состоянии стагнации политическая система императорского Китая, о которой писали несколько десятилетий назад, в начале XX в. была не столько надломлена, сколько разрушена до основания. Для российских либералов модернизация

китайской политической системы – повод для критики чиновничьего аппарата и самодержавной власти в собственной стране. Посильную лепту в формирование реалистичного образа Китая вносили прозаичные публикации экономической тематики. Российско-китайские договоры о проведении телеграфных линий, строительстве железных дорог и их обслуживании демонстрировали активизацию межгосударственного сотрудничества. Много споров в среде российской образованной общественности вызывал вопрос об эффективности использования и доходности КВЖД.

Печатное издание Министерства иностранных дел обозначило позицию российского правительства «по делам Монголии», земли которой активно колонизировались Китаем. Россия настаивала на автономности правительства Внешней Монголии и невмешательстве иностранных государств в ее внутреннее управление ([Соглашение Китая с Россией и Монголией, 1915: 6-23](#)).

Журнал «Известия Министерства иностранных дел» популяризировал переписку правительств различных государств по поводу договорных прав и обязательств. Европа внимательно следила за конфликтом России и Китая, вызванным тем, что Китай попирает основы торгового договора 1881 г., в рамках которого Россия получала право свободной торговли в «Застенном Китае» и Монголии, право судебной и административной веземельности русских подданных и возможность учреждения консульств в Кобдо, Хами, Гучене. Призывы российского правительства возобновить переговоры по пересмотру договора 1881 г. для дальнейшего развития взаимовыгодной торговли китайским правительством услышаны не были ([Нота российского посланника, 1912: 74-75](#)). По свидетельствам издания МИД, китайское правительство умалчивало об ущемлении российской торговли в Китае и Монголии и обвиняло российскую сторону в агрессивных и честолюбивых замыслах. Вместе с тем, сознавая уязвимость собственной позиции, искало почву для компромисса в надежде выиграть время. Посланник в Пекине И.Я. Коростовец сообщал: «известие телеграфных агентств о предъявлении российским правительством второго ультиматума Китаю с угрозой в случае отказа соблюдать договор 1881 г. прибегнуть к военным действиям на границе вызвало тревогу в Пекине. Меня навестили почти все мои европейские коллеги, чтобы узнать о положении наших переговоров с Китаем и проверить получаемые здесь сенсационные и противоречивые сведения. Я ответил, что веду переговоры в примирительном духе, но не встречаю готовности договориться. Указал китайской стороне на вызывающее поведение их соотечественников в Маньчжурии, обстрел наших разъездов, попытки разрушить железную дорогу. Китайцы отозвались незнанием и сослались на хунхузов» ([По поводу нарушения Китаем договорных прав, 1912: 146](#)).

Во многих статьях образ Китая наполнялся позитивными чертами. Писали о том, что с 1910 по 1912 гг. внешняя торговля в этой стране заметно оправилась после продолжительного застоя: улучшилось железнодорожное и почтовое дело, открылись новые пункты иностранной торговли, произошло расширение различных промышленных предприятий. Как отмечал Генеральный консул в Шанхае статский советник В.Ф. Гроссе, «общие обороты России с Китаем (в том числе, и Маньчжурией) достигли в 1910 г. 80,61 млн рублей, из которых 25,9 % составляли ценность ввоза из России, которая занимала во внешней торговле Китая с иностранными государствами не последнее место, как принято думать в США и Европе» ([Донесение Генерального консула, 1912: 134](#)). При многих благоприятных факторах развитие российско-китайского торгового оборота шло медленно. Главнейшая причина заключалась в отсутствии в Китае русских торговых фирм и неустройство морских сообщений с договорными портами страны.

О том, что многими западными государствами Китай воспринимался неполноправным партнером, терпевшим унижения от приверженцев европоцентристской идеологии, свидетельствуют документы, раскрывающие трагические страницы истории распространения опиума. Китайское правительство проводило мероприятия, направленные на избавление собственного населения от пагубной привычки, а мнимые союзники, к примеру, Великобритания, противодействовали этому ([Соглашение Великобритании с Китаем, 1912: 56-61](#)).

Первая мировая война оказала влияние на политическое устройство и перспективы дальнейшего развития многих стран азиатско-тихоокеанского региона. На начальном этапе противостояния Китай не принял условия ни одной из воюющих сторон. Из опубликованной на страницах «Известий Министерства иностранных дел» ноты китайского посланника в Санкт-Петербурге следует, что китайское правительство сожалеет о том, что «европейские державы, друзья Китаю, к несчастью находятся между собой в состоянии войны из-за австро-сербской вражды», и намерено «сохранить мир на Дальнем Востоке и обеспечить безопасность и счастье, которым пользуются китайские подданные за границей» ([Заявление Китая о нейтралитете, 1914: 107-108](#)). Китайские политики выразили надежду, что территория государства не превратится в арену противостояния других политических игроков, а китайцы не лишатся жизни, крова и не будут принуждаться к несению военной службы. Между тем, Китай в случае крайней нужды и при условии возмещения всех текущих расходов готов приложить все усилия для поддержки воинских частей или судовых экипажей, которые подвергнутся задержанию. Миротлюбивая политика Китая была проигнорирована участниками войны. Япония, долго ждавшая удобного момента, в 1914 г. высаживает войска в Шаньдуне и начинает атаку на владения Германии, среди которых были крепость Циндао, «арендованная» территория Цзяочжоу, железная дорога Циндао-Цзинань, а также промышленные предприятия. Свои действия японское правительство объясняло военными нуждами

союзников по блоку Антанты и желанием защитить их интересы от агрессивных планов Германии (*Документы, касающиеся участия Японии в войне, 1915: 95-104*). В январе 1915 г. Япония предъявила китайскому правительству ультиматум. Требования составили в официальном документе двадцать один пункт (*Соглашение Китая и Японии, 1915: 57*). Юань Шикай, надевшийся на восстановление монархии в стране, не организовал сопротивления японской агрессии. Это привело к обострению социальной напряженности и углублению экономического кризиса.

Серия публикаций, касающихся Первой мировой войны, нейтрализует попытки представить Китай агрессивным, жестоким, чуждым нравственным принципам государством. Правительство Китая стремилось дипломатическими методами сохранить суверенитет, территориальную целостность, нейтральный статус. Это привносит в образ Китая, пережившего тяжелейшие потрясения войн и революции, позитивные черты.

5. Заключение

Итак, анализ содержания статей в журнале «Известия Министерства иностранных дел», посвященных Китаю, показал, что, несмотря на малое их число, каждая представляет собой образчик информативности и точности в изложении фактов. Несмотря на то, что россияне в большинстве своем не интересовались событиями, происходившими за пределами места их проживания, интеллигенция продолжала следить за публикациями журналов научно-просветительских организаций. В отличие от них издание Министерства иностранных дел ориентировалось, прежде всего, на сотрудников собственного ведомства, при этом считая необходимым популяризировать полученные от дипломатов, военных, ученых сведения о современном Китае. Значительное число публикаций содержало профессиональную оценку роли России в военном противостоянии политических сил в Дальневосточном государстве.

В предшествующие периоды в российской периодике публиковались лишь документы вековой давности. Достоинством «Известий Министерства иностранных дел» было то, что теперь редакционная коллегия живо откликалась на текущие события, размещала тексты документов без сокращения. Среди них были депешы российских дипломатов, переписка с китайской администрацией по различным вопросам (приграничные споры и конфликты, торговые дела, политические заявления). Правда, часть из них печаталась на языке оригинала, что делало доступным их прочтение лишь для высокообразованной части общества.

Статьи журнала «Известия Министерства иностранных дел» влияли на трансформацию представлений россиян о Китае. Так, Китай на страницах этого издания представлен хитрым участником международных политических процессов, амбициозным государством, скрывающим имперские планы. В то же время, Китай – страна, разрываемая внутривнутриполитическими противоречиями, конфликтом провинций и Пекина. Китайское правительство способно к динамичному реформированию всех сфер жизни общества, но не имеет силы, чтобы противостоять агрессии иностранных армий и восстановить лидерские позиции в регионе.

Основные вопросы, которые поднимались на страницах этого журнала: достижения реформаторской политики, революционные события, военные столкновения. Авторы, очевидцы событий, выделяли сюжеты, актуальные не только для Китая, но и Российской империи, в частности, преобразований в военной и политической сферах. Тексты китайских законов, в том числе и Конституции, информация о деятельности китайского выборного представительного органа вызвали повышенный интерес, так как Россия также делала первые шаги по пути формирования парламентаризма.

В журналах либерального толка, доступных широких слоям населения, публицисты открыто обсуждали политику и экономические интересы России на Дальнем Востоке, призывали к расширению торгового взаимодействия, критиковали произвол российских чиновников и бюрократическую некомпетентность. Журнал «Известия Министерства иностранных дел», не уделяя внимание вопросам культуры, библиографическим обзорам и этнографическим очеркам, проявлял сдержанность в оценках политических событий. Редакционная коллегия тщательно подбирала материал для публикации, защищая интересы российской политической элиты и правящей династии, при этом учитывала потребность интеллигенции в достоверной и познавательной информации. Это существенно влияло на представления россиян о Китае.

Литература

Благодер, 2017 – Благодер Ю.Г. Российская периодическая печать о Китае (конец XIX – начало XX века): Монография. – Краснодар: Изд. ФГБОУ ВО «КубГУ», 2017. 340 с.

Временная китайская Конституция, 1915 – Временная китайская Конституция 1.05.1914 // *Известия Министерства иностранных дел. 1915. Кн. 4. С. 154-161.*

Декреты Президента Китайской республики, 1916 – Декреты Президента Китайской республики о порядке выработки основных законов для Империи, о созыве в 1916 г. Законодательной палаты и о пересмотре изданных при Республике законов // *Известия Министерства иностранных дел. 1916. Кн. 1. С. 57-63.*

Дипломатическая переписка, 1914 – Дипломатическая переписка: Признание Китайской республики Россией и другими державами // *Известия Министерства иностранных дел.* 1914. Кн. 1. С. 52-58.

Договорной акт, 1913 – Договорной акт по восстановлению границы между Россией и Китайской империей // *Известия Министерства иностранных дел.* 1913. Кн. 3. С. 64-75.

Документы, касающиеся участия Японии в войне, 1915 – Документы, касающиеся участия Японии в войне и ее переговоров с Китаем // *Известия Министерства иностранных дел.* 1915. Кн. 3. С. 95-104.

Донесение Генерального консула, 1912 – Донесение Генерального консула в Шанхае ст. сов. Гроссе. Внешняя торговля Китая в 1910 г. // *Известия Министерства иностранных дел.* 1912. Кн. 3. С. 134.

Донесение Миссии в Пекине о внутренних событиях в Китае, 1913 – Донесение Миссии в Пекине о внутренних событиях в Китае // *Известия Министерства иностранных дел.* 1913. Кн. 2. С. 53-82.

Донесения Миссии в Пекине о преобразованиях, 1914 – Донесения Миссии в Пекине о преобразованиях государственного устройства Китая // *Известия Министерства иностранных дел.* 1914. Кн. 3. С. 42.

Евреинов, 1912 – *Евреинов Б.Н.* Осада Дипломатических миссий в Пекине май-август 1900 г. // *Известия Министерства иностранных дел.* 1912. Кн. 4. С. 124-210.

Заявление Китая о нейтралитете, 1914 – Заявление Китая о нейтралитете в войне европейских держав // *Известия Министерства иностранных дел.* 1914. Кн. 5. С. 107-108.

Лучич, 1913 – *Лучич, К.В.* Тарбагатайский округ Сынцзинской провинции в Западном Китае // *Известия Министерства иностранных дел.* 1913. Кн. 1. С. 143-169.

Нота российского посланника, 1912 – Нота российского посланника в Пекине о продлении срока действия договора 1881 г. // *Известия Министерства иностранных дел.* 1912. Кн. 6. С. 74-75.

По поводу нарушения Китаем договорных прав, 1912 – По поводу нарушения Китаем договорных прав // *Известия Министерства иностранных дел.* 1912. Кн. 1. С. 113-151.

Самойлов, 2014 – *Самойлов, Н.А.* Россия и Китай в XVII – начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2014. 368 с.

Соглашение Великобритании с Китаем, 1912 – Соглашение Великобритании с Китаем о торговле опиумом // *Известия Министерства иностранных дел.* 1912. Кн. 6. С. 56-61.

Соглашение Китая и Японии, 1915 – Соглашение Китая и Японии 26 мая 1915 г. // *Известия Министерства иностранных дел.* 1915. Кн. 4. С. 57.

Соглашение Китая с Россией и Монголией, 1915 – Соглашение Китая с Россией и Монголией о Внешней Монголии // *Известия Министерства иностранных дел.* 1915. Кн. 5. С. 6-23.

References

Blagoder, 2017 – *Blagoder Yu.G.* (2017). Rossijskaya periodicheskaya pechat' o Kitae (konec XIX – nachalo XX veka): Monografiya [Russian periodical about China (late XIX – early XX century)]. Kuban. gos. tekhnol. un-t. Krasnodar: Izd. FGBOU VO «KubGTU». 340 p. [in Russian]

Vremennaya kitajskaya Konstituciya, 1915 – *Vremennaya kitajskaya Konstituciya* 1.05.1914 [Provisional Chinese Constitution 1.05.1914]. *Izvestiya Ministerstva inostrannyh del.* 1915. Кн. 4. pp. 154-161. [in Russian]

Dekrety Prezidenta Kitajskoj respubliki, 1916 – *Dekrety Prezidenta Kitajskoj respubliki* o poryadke vyrabotki osnovnyh zakonov dlya Imperii, o sozyve v 1916 g. Zakonodatel'noj palaty i o peresmotre izdannyh pri Respublike zakonov [Decrees of the President of the Republic of China on the procedure for drafting the basic laws for the Empire, on convening the Legislative Chamber in 1916 and on reviewing the laws issued by the Republic]. *Izvestiya Ministerstva inostrannyh del.* 1916. Кн. 1. pp. 57-63. [in Russian]

Diplomaticeskaya perepiska, 1914 – *Diplomaticeskaya perepiska: Priznanie Kitajskoj respubliki Rossiej i drugimi derzhavami* [Diplomatic correspondence: Recognition of the Chinese Republic by Russia and other powers]. *Izvestiya Ministerstva inostrannyh del.* 1914. Кн. 1. pp. 52-58. [in Russian]

Dogovornoj akt, 1913 – *Dogovornoj akt po vosstanovleniyu granicy mezhdru Rossiej i Kitajskoj imperiej* [Treaty on the restoration of the border between Russia and the Chinese Empire]. *Izvestiya Ministerstva inostrannyh del.* 1913. Кн. 3. pp. 64-75. [in Russian]

Dokumenty, kasayushchiesya uchastiya Yaponii v vojne, 1915 – *Dokumenty, kasayushchiesya uchastiya Yaponii v vojne i ee peregovorov s Kitae*m [Documents relating to Japan's participation in the war and its negotiations with China]. *Izvestiya Ministerstva inostrannyh del.* 1915. Кн. 3. pp. 95-104. [in Russian]

Donesenie General'nogo konsula, 1912 – *Donesenie General'nogo konsula v SHanhae st. sov. Grosse.* Vneshnyaya torgovlya Kitaya v 1910 g. [Report of the Consul General in Shanghai Art. owls. Grosse. Foreign Trade of China in 1910]. *Izvestiya Ministerstva inostrannyh del.* 1912. Кн. 3. pp. 134. [in Russian]

Donesenie Missii v Pekine o vnutrennih sobytyah v Kitae, 1913 – *Donesenie Missii v Pekine o vnutrennih sobytyah v Kitae* [Report of the Mission in Beijing on internal developments in China]. *Izvestiya Ministerstva inostrannyh del.* 1913. Кн. 2. pp. 53-82. [in Russian]

[Doneseniya Missii v Pekine o preobrazovaniyah, 1914](#) – Doneseniya Missii v Pekine o preobrazovaniyah gosudarstvennogo ustrojstva Kitaya [Mission reports in Pekine on the transformation of the state structure of China]. *Izvestiya Ministerstva inostrannyh del.* 1914. Kn. 3. p. 42. [in Russian]

[Evreinov, 1912](#) – *Evreinov, B.N.* (1912). Osada Diplomaticheskikh missij v Pekine maj-avgust 1900 g. [Siege of the Diplomatic Missions in Pekine May-August 1900]. *Izvestiya Ministerstva inostrannyh del.* Kn. 4. pp. 124-210. [in Russian]

[Zayavlenie Kitaya o nejtralitete, 1914](#) – Zayavlenie Kitaya o nejtralitete v vojne evropejskih derzhav [Statement by China on the neutrality in the war of European powers]. *Izvestiya Ministerstva inostrannyh del.* 1914. Kn. 5. pp. 107-108. [in Russian]

[Luchich, 1913](#) – *Luchich, K.V.* (1913). Tarbagatajskij okrug Sin'czinskoj provincii v Zapadnom Kitae [Tarbagatay District of Xinjiang Province in Western China]. *Izvestiya Ministerstva inostrannyh del.* Kn. 1. pp. 143-169. [in Russian]

[Nota rossijskogo poslannika, 1912](#) – Nota rossijskogo poslannika v Pekine o prodlenii sroka dejstviya dogovora 1881 g. [Note of the Russian envoy in Beijing on the extension of the treaty's duration in 1881]. *Izvestiya Ministerstva inostrannyh del.* 1912. Kn. 6. pp. 74-75. [in Russian]

[Po povodu narusheniya Kitaem dogovornyh prav, 1912](#) – Po povodu narusheniya Kitaem dogovornyh prav [On the violation of treaty rights by China]. *Izvestiya Ministerstva inostrannyh del.* 1912. Kn. 1. pp. 113-151. [in Russian]

[Samojlov, 2014](#) – *Samojlov, N.A.* (2014). Rossiya i Kitaj v XVII – nachale XX veka: tendencii, formy i stadii sociokul'turnogo vzaimodejstviya. [Russia and China in the XVII – early XX century: trends, forms and stages of socio-cultural interaction]. SPb.: Izd-vo SPb. Un-ta, 2014. 368 p. [in Russian]

[Soglashenie Velikobritanii s Kitaem, 1912](#) – Soglashenie Velikobritanii s Kitaem o trgovle opiumom [Agreement of Great Britain with China on opium trade]. *Izvestiya Ministerstva inostrannyh del.* 1912. Kn. 6. pp. 56-61. [in Russian]

[Soglashenie Kitaya i Yaponii, 1915](#) – Soglashenie Kitaya i Yaponii 26 maya 1915 g. [Agreement between China and Japan on May 26, 1915]. *Izvestiya Ministerstva inostrannyh del.* 1915. Kn. 4. pp. 57. [in Russian]

[Soglashenie Kitaya s Rossiej i Mongoliej, 1915](#) – Soglashenie Kitaya s Rossiej i Mongoliej v Vneshnej Mongolii [China's agreement with Russia and Mongolia on Outer Mongolia]. *Izvestiya Ministerstva inostrannyh del.* 1915. Kn. 5. pp. 6-23. [in Russian]

Роль журнала «Известия Министерства иностранных дел» (1912–1917 гг.) в формировании представлений российского общества о Китае

Юлия Гариевна Благодер ^{a, *}

^a Кубанский государственный технологический университет, Российская Федерация

Аннотация. Анализ публикаций российской печатной продукции имеет большое значение не только для исторической науки, но просветительской деятельности, оказывающей большое влияние на характер межгосударственного и международного взаимодействия. В первые годы XX в. журналы и газеты были единственным источником информации о жизни как отдаленных территорий собственной империи, так и сопредельных держав. Благодаря им широкие слои российского общества узнавали о событиях, происходящих в России и за ее пределами. В данной статье представлен результат исследования содержания статей журнала «Известия Министерства иностранных дел», который издавался в Санкт-Петербурге с 1912 по 1917 гг. Данное печатное издание предназначалось, в первую очередь, сотрудникам дипломатического ведомства, но было востребовано представителями высокообразованной части общества. В качестве объекта исследования были выбраны статьи, содержание сведения, касающиеся Китая и его экономическим и политическим отношениям с иными державами, в том числе и Российской империей. Выявлены вопросы, которые в начале XX в. являлись актуальными для развития дальневосточного направления внешнеполитического курса России. Образ экзотической страны окончательно разрушается. На мировой арене появляется динамично развивающаяся, но переживающая тяжелые военные потрясения республика. Исследование основано на опубликованных на страницах журнала «Известия Министерства иностранных дел» декретах и заявлениях нового китайского правительства, нотах и донесениях российских дипломатов, соглашениях между китайским правительством и иностранными державами, в том числе и Российской империей, которые в контексте заявленной темы ранее в научных трудах не использовались.

Ключевые слова: внешняя политика Российской империи, Министерство иностранных дел Российской империи, Китайская империя, Китайская Республика, образ Китая, российская периодическая печать, журнал «Известия Министерства иностранных дел».

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: blagoder_1@mail.ru (Ю.Г. Благодер)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 430-438. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.430
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Russian Prisoners of the First World War in the Camps of the Austro-Hungarian Empire

Gulzhaukhar K. Kokebayeva ^{a,*}, Ryskeldy S. Myrzabekova ^a,
Moldakhmet S. Myrzabekov ^a

^a Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

Abstract

Most of the decisive battles of the First World War took place within the European territory. The two main military operations centers were the Western and Eastern fronts. In 1914 on the Western front, the armies of Britain, France and Belgium stood against German troops. On the Eastern front the German and Austro-Hungarian troops clashed with the army of the Russian Empire. Thus, a significant part of Russian prisoners of the First World War were in the camps of the Austro-Hungarian Empire. The POW camps were arranged on the territory of Austria and Hungary as well as in the locations of the army corps. In the interwar publications the Austrian authors wrote that in Austro-Hungarian camps the situation was much better compared to Russian. However, due to poor nutrition and excessive forced labor the prisoners of war suffered exhaustion and constant weakness. In the first years of the war tens of thousands of prisoners were placed in the camps that led to the deterioration of sanitary-hygienic condition and there was an outbreak of typhus in some camps. The article examines the conditions of detention of Russian prisoners of war in camps of the Habsburg monarchy based on the analysis of archival and published sources. In the last decade of the twentieth century in the former Soviet Union the lost humanistic content has begun to return to historical knowledge. The study of Russian prisoners of war's life in camps in Austria-Hungary also should be the part of the formation full of humanity of historical science.

Keywords: First World War, prisoners of war, the Habsburg monarchy, a camp for prisoners of war, the Hague Convention of 1907.

1. Введение

Первая мировая война, обрушив существующий миропорядок и его основные идеи, стала отправной точкой нового этапа в истории европейской цивилизации. Модель общественного развития, сформировавшаяся на Западе в предвоенный период, исчерпала себя. Мировая война стала отражением глубоких кризисных тенденций, характерных для развития западной цивилизации первых десятилетий XX века. Война – это не только апогей напряжения международных отношений, война – это судьба конкретного человека. Этот аспект истории войны охватывает также и проблему военнопленных. Именно сейчас, на рубеже тысячелетий, перед историком, как никогда ранее, встает профессиональная и нравственная задача – осмыслить печальный опыт мировых войн, подвести окончательные итоги, отдать дань памяти погибшим, взглянуть на проблему жертв мировых войн, освободившись от политических и идеологических штампов периода противостояния Советского Союза и западного мира. В последнее десятилетие XX века в постсоветском пространстве началось возвращение историческому знанию утраченного им гуманистического содержания. Изучение проблемы военнопленных также должно стать частью становления наполненной гуманистическим содержанием исторической науки.

* Corresponding author

E-mail addresses: kokebayeva@mail.ru (G.K. Kokebayeva)

myrsabekova_r@mail.ru (R.S. Myrsabekova), myrsabekov_1964@mail.ru (M.S. Myrsabekov)

2. Материалы и методы

Источниковой базой данного исследования являются материалы, собранные авторами в архивах Российской Федерации, и опубликованные документальные источники. Материалом для исследования послужили также и тексты Гагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» от 18 октября 1907 года (Международное, 1957: 42-43; Hinz, Rauch, 1984: 154-159) и внутренние нормативные документы присоединившихся к конвенции государств (Правила, 1917). Гагская конвенция 1907 года закрепила международно-правовой статус военнопленных, основанный на том, что захват в плен военнослужащих противника не является мстью или наказанием, это необходимая мера, предпринимая с целью препятствования солдатам и офицерам в дальнейшем принимать участие в боевых действиях.

Некоторые результаты, полученные путем анализа источников, мы рассматриваем не как констатацию фактов, а лишь как инструменты, к которым понятия истинности и ложности неприменимы, можно говорить лишь о лучших или худших инструментах, дающих возможность представить картину исследуемой проблемы в определенной трактовке.

При проведении исследований применялись известные философские методы, такие как предположение и опровержение, а также общие научные методы анализа, синтеза и абстрагирования. В работе использован принцип историзма, опирающийся на разработанные европейскими мыслителями концепции исторического процесса, в которых закономерность и необходимость неотрывны от вариативности, от многообразия возможностей и случайностей.

3. Обсуждение

В советский период были изучены только некоторые аспекты истории военнопленных Первой мировой войны, в частности, агитационная работа большевиков среди русских военнопленных в Центральных державах. Труды военно-исторической комиссии РСФСР, составленные и опубликованные Н. Ждановым в 1920 году, были первой работой, где сделан исторический обзор положения русских военнопленных в Германии и Австрии (РСФСР, 1920). Однако это книга представляет собой не историческое исследование, а свободное изложение документальных материалов составителем. Интенсивное изучение проблемы военнопленных началось в постсоветский период в России. Проблема содержания военнопленных в Германии и Австро-Венгрии, также и общие вопросы военного плена периода Первой мировой войны исследованы в работах С.Н. Васильевой, Е.С. Сенявской, М.В. Оськина (Васильева, 1999; Сенявская, 2013; Оськин, 2014). Некоторые аспекты истории содержания русских военнопленных в лагерях Австро-Венгрии затронуты в работах Э.Е. Абдрашитова (Абдрашитов, 2012).

История военнопленных Первой мировой войны интенсивно разрабатывается австрийскими исследователями. Крупномасштабное исследование истории русских военнопленных представлено в работе В. Морица и Х. Ляйдингера (Moritz, Leidinger, 2005). В этой монографии на основе анализа обширного документального материала анализируются условия содержания, трудоустройства русских военнопленных в лагерях Австро-Венгерской империи. Значительная часть исследований австрийских авторов по этой проблеме посвящена изучению условий размещения военнопленных в лагерях, расположенных в регионах Габсбургской империи (Wiesenhofer, 1997; Koch, 2002). Несмотря на обилие научной литературы по истории военнопленных Первой мировой войны, можно отметить, что некоторые аспекты этой проблемы до сих пор остаются малоизученными, в том числе и условия содержания русских военнопленных в лагерях Габсбургской империи.

4. Результаты

Большинство из решающих сражений Первой мировой войны произошло на европейской территории. Двумя главными центрами военных операций были Западный и Восточный фронты. В 1914 году на Западном фронте немецким войскам противостояли армии Британской империи, Франции и Бельгии. На Восточном фронте немецкие и австро-венгерские войска столкнулись с армией Российской империи. Таким образом, основная часть русских военнопленных Первой мировой войны оказались в лагерях Германии и Австро-Венгерской империи. С августа 1914 года по декабрь 1917 года 3,4 млн военнослужащих Русской армии попали в плен, из них менее 1 % содержались на территории Болгарии и Турции, остальные – в Германии и Австро-Венгрии (Сенявская, 2013: 65). В октябре 1918 года в лагерях Германии насчитывалось 1420479 российских военнопленных (Kriegsgefangene, 1921: 28-29). В официальных изданиях периода Первой мировой войны и более поздних исследованиях приводятся разные сведения об общей численности российских военнопленных в Габсбургской империи. По данным сборника «Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918», изданном под эгидой Военного министерства Австро-Венгрии, на территории империи в январе 1918 года было 1,3 млн зарегистрированных военнопленных, из них 908 тыс. – русские военнопленные (Österreich-Ungarns, 1938: 45). По исследованиям П. Ханзака, общая численность военнопленных в лагерях Австро-Венгрии достигала 1,861 млн человек, из них 1,27 млн – русские военнопленные (Hansak, 1991: 47). В «Энциклопедии Первой мировой войны», изданной в 2004 году, указано, что к концу войны 916 000 солдат и офицеров оказались в австро-венгерском плену (Enziklopädie, 2004: 641). В новейших исследованиях австрийских ученых приводятся другие

сведения: в период Первой мировой войны армия Габсбургской империи захватила от 1,86 до 2,3 млн военнопленных (Motitz, 2014: 237-238).

Надеясь на непродолжительность войны, военные власти Габсбургской империи не были готовы к приему большого количества военнопленных. Однако численность попавших в плен военнослужащих Российской армии росла очень быстро. Например, в декабре 1914 года ряды военнопленных в лагере Книттельфельд за 11 дней увеличилось с 600 до 19 000 (Moritz, 2014: 237). Осенью 1914 года началось строительство крупных лагерей. К концу 1914 года численность военнопленных армий Антанты, попавших в австрийский плен, достигла 200 тыс. (Leidinger, Moritz, 2006: 38). Их временно разместили в резервных лазаретах для раненых военнослужащих. В довоенный период не была разработана четкая система учреждений, занимающихся проблемой военнопленных. В случае войны военнопленные должны были быть переданы в распоряжение 10-го отдела, который до 1914 года отвечал за вопросы закупок и пополнения запасов продовольствия для армии. Впоследствии этот отдел был реорганизован в специальный отдел – Отдел военнопленных, на который было возложено решение широкого спектра проблем – от вопросов организации лагерей на территории империи и размещения военнопленных до правовой защиты военнопленных. Отдел военнопленных установил тесные связи с соответствующим отделом Германского военного министерства. Для защиты интересов русских военнопленных в Австро-Венгрии царствующий дом Романовых задействовал Испанскую монархию.

Лагерь для военнопленных были расположены на территории Австрии и Венгрии, также и в местах расположения армейских корпусов. По официальным данным, 660 тыс. русских военнопленных были размещены в тыловых лагерях, а 248 тыс. – при армейских корпусах (Österreich-Ungarns, 1938: 45). Из военнопленных при армейских корпусах были созданы различные рабочие колонны; в начале мая 1916 года уже действовали около 300 рабочих команд. За годы войны были построены 50 тыловых лагерей, в каждой из них должны были разместить примерно 10 тыс. военнопленных. Действуя в духе гуманного размещения военнопленных, некоторые проектировщики перестарались с планированием «идеальных» лагерей для военнопленных. Новые роскошные лагерные комплексы были построены с целью использования их после окончания войны. Военное министерство одобрило план строительства подогреваемого крытого бассейна в лагере для офицеров в Книттельфельде. Расходы на строительство бассейна составили 100 тыс. крон, что сделало эту стройку одной из самых дорогих в Австро-Венгрии (Hansak, 1991: 91; Moritz, 2014: 242). Командование армии гордилось этими «аккуратными бараками», отмечая, что большинство населения Габсбургской монархии проживает в более скромных, даже и гораздо худших условиях, чем вражеские военнопленные (Moritz, 2014: 242). Однако в первые годы войны из-за незаконности строительства новых лагерей, в уже существующих лагерях размещали по несколько десятков тысяч пленных, что привело к ухудшению санитарно-гигиенического состояния лагерей, и в декабре 1914 – январе 1915 года в некоторых лагерях вспыхнула эпидемия тифа.

Согласно Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» от 18 октября 1907 года, с открытия военных действий в каждом из воюющих государств, а также и в нейтральных государствах, принявших на свою территорию воюющих, учреждается справочное бюро о военнопленных. Бюро составляет именную карточку о каждом военнопленном, где указываются номер, имя, фамилия, возраст, место происхождения, чин, войсковая часть, дата и место взятия в плен, получения ран или смерти, место заключения, а также особые сведения. Именная карточка передается правительству другой воюющей стороны после подписания мира (Kokebayeva et al., 2017: 981). Согласно мобилизационному плану, в случае войны в Габсбургской империи австрийское и венгерское общества Красного Креста должны были создать Объединенное центральное бюро, которое будет заниматься сбором и хранением сведений о больных, раненых и погибших воинах императорской армии. В начале войны при нем был создан дополнительный отдел, занимающийся проблемой военнопленных, находящихся в Австро-Венгерской империи. Однако этот отдел не мог установить связи со справочными бюро в странах Антанты. Летом 1915 года председатель Шведского общества Красного Креста принц Карл обратился к правительствам России и Центральных держав с предложением организовать специальную конференцию учреждений Красного Креста в Стокгольме для обсуждения проблемы помощи военнопленным воюющих держав. В конференции, начавшейся 22 ноября 1915 года, участвовали представители обществ Красного Креста России, Германии, Австрии, Венгрии, Швеции и Турецкого Красного Полумесяца. На конференции были представлены документы, характеризующие тяжелое положение военнопленных в России и Центральных державах. После подробного обсуждения претензий обеих сторон был выработан кодекс правил, определяющих условия содержания военнопленных в лагерях, организации справочной службы, обмена списками, почтовых сношений, медико-санитарного обслуживания больных и раненых. На заключительном заседании было принято решение об учреждении смешанных комиссий в качестве органов негосударственного контроля над соблюдением упомянутого кодекса правил (РСФСР, 1920: 200). Заключительный протокол Стокгольмской конференции был подписан русской, германской, австрийской и венгерской делегациями 1 декабря 1915 года. Однако решение конференции о создании смешанных комиссий не было реализовано. Только в 1916 году, после объезда австрийских лагерей русскими сестрами милосердия и представителями испанского посольства, начали поступать

более подробные и точные сведения о положении русских военнопленных в Габсбургской империи (РГВИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1564. Л. 43).

Согласно Гаагской конвенции, государство может привлекать военнопленных, за исключением офицеров, к работам в соответствии с их чином и способностями. Весной 1915 года началось трудоустройство военнопленных. Они были заняты в строительстве дорог, горнодобывающей промышленности, железнодорожных работах, сельском хозяйстве в разных регионах империи. Правила Австро-Венгерского военного министерства о положении военнопленных на работах в Австрии были разработаны Отделом военнопленных и вступили в силу 1 марта 1916 года. Было установлено, что «к военнопленным рабочим в отношении продолжительности рабочего дня, отдыха, смен, сверхурочных часов, воскресного отдыха и охраны труда применяются те же законы и предписания, кои применяются к аналогичному труду в аналогичных местах и при аналогичных условиях для вольных рабочих» (Правила, 1917: 14). По Гаагской конвенции работа для военнопленных не должна быть слишком обременительной и не должна иметь никакого отношения к военным действиям. Однако военнопленные в Австрии работали в военной промышленности, также были использованы для работы в прифронтовой полосе, что было нарушением международных норм содержания военнопленных. В марте 1915 года военнопленных из лагерей Терезиенштадт и Темешвар отправили на румынскую границу, где их заставляли рыть окопы. После объявления Италией войны Австрии русских военнопленных из лагеря Дейч-Габель отправили на фронт и заставили строить военные укрепления и ставить проволочные заграждения около крепости Франценфест (Обзор, 1916b: 146-147). В 1917 году были созданы специальные военно-полевые штабы в полевой армии, чтобы организованно использовать военнопленных в зоне боевых действий.

В 1916 году в связи с нехваткой продовольствия в стране положение военнопленных ухудшилось. Определенная часть военнопленных умерли от болезней, истощения и недоедания. В своих письмах к родным они часто жаловались на плохое снабжение в лагерях продуктами питания. Однако нет достоверной статистики смертности военнопленных в лагерях Габсбургской империи. В публикациях, появившихся в межвоенный период, австрийские авторы писали о лучшей ситуации в австро-венгерских лагерях по сравнению с российскими. Х. Лайдингер и В. Мориц в своих работах аргументировано доказали, что эти высказывания не более, чем миф (Leidinger, Moritz, 2006: 43-44).

Положение русских военнопленных в австро-венгерских лагерях можно проследить также и по материалам Чрезвычайной следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками. Комиссия была создана 9 апреля 1915 года по постановлению Совета Министров России. В состав Комиссии вошли председатель (сенатор А.Н. Кривцов) и 7 членов (по два представителя из законодательных палат, отделов военной и гражданской юстиции и один представитель из Министерства иностранных дел). Председатель и члены Комиссии были назначены указом императора. Чрезвычайная следственная комиссия находилась в постоянном сотрудничестве с Французской и Британской следственными комиссиями. Комиссия проводила расследование нарушений законов и обычаев ведения военных действий и военных преступлений, совершавшихся по отношению к русским военнослужащим и мирному населению войсками Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Комиссией были собраны материалы, свидетельствующие о положении военнопленных в лагерях Эстергом, Юзефштадт, Фрейштадт, Зальцбург, Визельбург, Линц, Рейхенберг, Дебречин, Дейтч-Габель, Будапешт и Сатмар, в которых в основном были размещены военнопленные из Российской армии. В отчетах комиссии отмечается размещение военнопленных в холодных деревянных бараках, где печи отапливались очень редко. Например, в лагере Визельбург, населенном исключительно русскими военнопленными, было 350 деревянных бараков, в каждом из них размещались по 250 пленных, «часть пленных имела соломенные матрасы и тонкие одеяла, у других же ничего не было» (Обзор, 1916a: 188). Непосильная работа, недостаточное и недоброкачественное питание приводили к постоянным недомоганиям и истощению организма военнопленных.

Пленные русские офицеры небольшими группами были размещены в некоторых солдатских лагерях, где для них были устроены особые помещения. Пленные офицеры в большинстве случаев находились в специальных офицерских лагерях, где они были в сравнительно лучших условиях, чем нижние чины. Например, в Райхенберге в четырехэтажной гостинице среди сосновых лесистых холмов был организован лагерь для русских военнопленных-офицеров. Условия проживания здесь были намного лучше, чем в общих лагерях, хотя здание гостиницы было окружено колючей проволокой (Steuer, 2009).

После ликвидации последствий эпидемии лагерное начальство, чтобы предотвратить депрессию, избежать попыток к бегству, разрешило создавать в лагерях любительские театры, учебные подразделения, библиотеки, а также условия для спортивных игр и других занятий. В августе 1916 года в лагере русских военнопленных в венгерском городе Шоморья было создано культурно-просветительское общество «Знание». Деятельность общества была направлена на «поднятие культурного уровня своих членов и всех русских военнопленных в лагере, развитие их общественного самосознания». Общество занималось организацией лекций, диспутов, спектаклей, концертов и расширением работы библиотеки. При обществе были организованы школьная, драматическая, музыкальная, лекционная и библиотечная секции (ГАРФ. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 2. Л. 2-3).

Первым учреждением в России, интересовавшимся судьбой военнослужащих российской армии, попавших в плен, был Московский Городской Комитет помощи военнопленным. Он внес в комиссию Государственной Думы предложение об организации помощи военнопленным в общероссийском масштабе. Для выяснения положения русских военнопленных и для оказания помощи Комитет установил связи со всеми возникшими в иностранных государствах организациями помощи русским военнопленным и с учреждениями Красного Креста нейтральных государств. Для облегчения сношений по делам военнопленных им было организовано Бюро в Копенгагене и были поручены агентские функции русским Комитетам в Голландии и Швейцарии. В первый год войны в нескольких городах нейтральных стран появились частные комитеты, занимавшиеся организацией помощи русским военнопленным в Австро-Венгрии и Германии. 18 ноября 1914 года Совет Министров принял постановление об объединении всех заграничных комитетов одну организацию – в Комитет по оказанию помощи русским военнопленным под покровительством императрицы Александры Федоровны. 19–20 февраля 1916 года в Берне состоялась встреча нескольких комитетов помощи военнопленным (ГАРФ. Ф. 6130. Оп. 1. Д. 2. Л. 2-9). И после этого эти организации продолжали действовать отдельно, но между некоторыми из них установились более тесные отношения. Представители императорской семьи активно участвовали в организации помощи военнопленным в лагерях стран Четверного Союза. Царица Александра Федоровна возглавила Российский фонд помощи, который собирал еду, одежду и деньги для российских пленных, содержащихся в лагерях Австро-Венгрии. Этот фонд отправлял благотворительные подарки с продуктами питания, одеждой и иконами святых. Эти дары носили имперскую печать и демонстрировали заботу русской императорской семьи о военнопленных. Мария Федоровна Романова (1847–1928), супруга императора Александра III, мать последнего русского царя Николая II, предпоследняя императрица России, также поддерживала ряд благотворительных организаций во время войны, оказывающих помощь для российских военнопленных, находящихся в лагерях стран Четверного Союза (Steuer, 2009).

В марте 1915 года было создано Бернское бюро помощи русским военнопленным, которое черпало средства из частных пожертвований, но вскоре начали поступать субсидии из русской государственной казны, которые постепенно стали единственным источником помощи пленным. В июне 1916 года русское правительство назначило камергера А.А. Березняка заведующим Бернским Бюро, которое снабжало продовольствием русских военнопленных в лагерях Австро-Венгрии и Германии, начиная с весны 1915 года до 1 августа 1918 года (ГАРФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 6-7).

В октябре 1915 года в Швейцарии начала свою работу Секция помощи военнопленным при Центральном Комитете помощи российским гражданам. В первый месяц своей деятельности Секция получила от Московского Городского Комитета помощи военнопленным 1000 франков, на которые было закуплено продовольствие для русских военнопленных в лагерях Германии. Занимаясь сбором и распределением материальной помощи русским военнопленным в германских лагерях, сотрудники Секции обнаружили, что большинство общественных организаций «направляют свои посылки в лагерь Германии, между тем, как рядом лежащая Австрия, вмещающая немалое количество русских пленных, обслуживается только одной общественной организацией в Лозанне» (ГАРФ. Ф. 6130. Оп. 1. Д. 2. Л. 12). Впоследствии руководители Секции написали письмо в Московский Городской Комитет о необходимости распространения помощи на военнопленных в австрийских лагерях. В письме отмечалось: «Швейцария находится в более близком расстоянии от Австрии, чем остальные нейтральные страны, из которых может оказываться помощь находящимся в Австрии военнопленным. В Австрии же, как известно, находится громадное количество наших военнопленных. Отсюда одной из будущих задач секции должно быть – возможно интенсивное обслуживание австрийских лагерей, которые... весьма мало обслуживаются остальными общественными и официальными организациями» (ГАРФ. Ф. 6130. Оп. 1. Д. 2. Л. 44). Секция начала интенсивно сотрудничать с Лозаннским комитетом помощи русским и сербским военнопленным в Австрии. Лозаннский комитет осуществлял сбор пожертвований для снабжения военнопленных в лагерях Австро-Венгрии и Германии одеждой, обувью и продовольствием. С ноября 1915 г. по ноябрь 1916 г. на счет, открытый для сбора средств для российских военнопленных, поступило 19,1 тыс. франков (Абдрашитов, 2013: 128).

Австрийские власти стремились использовать военнопленных в политических целях, чтобы способствовать разложению Российской империи. Военнопленные-грузины были сосредоточены в специальных лагерях, где условия жизни и обеспечение продовольствием было лучше, чем в других местах заключения военнопленных Российской армии. Украинские военнопленные были переведены в пропагандистский лагерь Фрайштадт в Верхней Австрии, где было организовано преподавание украинской литературы, истории и географии. У Габсбургов были определенные имперские планы относительно этих регионов России, они стремились завоевать сердца и умы этих военнопленных в поддержку целей Габсбурга (Steuer, 2009).

Военнопленные-мусульмане также были размещены в отдельных лагерях, где проводилась агитация с призывом выступить против русского царя. Так, в конце ноября 1914 года в лагере Терезиенштадт вывели из барачков всех русских военнопленных и австрийский офицер выступил перед оставшимися военнопленными-мусульманами из России. Австрийцы начали уговаривать их

принять подданство Турции. Когда военнопленные отказались, их всех собрали и отправили в лагерь Эгерь. В этом лагере были размещены около 10 тыс. мусульман и 1,5 тыс. грузин. Зимой 1914 года в лагерь приходили эмигранты и призывали грузин к борьбе против царской власти. В лагере побывали также и австрийские и турецкие муллы, которые стали предлагать мусульманам переселиться в Турцию. Когда военнопленные отказались, их стали морить голодом (Обзор, 1916b: 83-85). Однако были и случаи, когда некоторые группы военнопленных, поддавшись агитации, уезжали в Турцию. Например, до 1915 года некоторые крымскотатарские военнопленные из лагерей в Австро-Венгрии добровольно отправились в Турцию и служили в Османской армии (Kirimli, 1996: 202).

В период Первой мировой войны Польша стремилась отделиться от России и восстановить свою независимость. Объявив 5 ноября 1916 года о своем намерении отделиться от России и перейти на сторону Центральных держав, руководители Польши желали создать польскую армию. Однако ни германские, ни австрийские власти не желали создания самостоятельной польской армии из-за опасения, что эти действия могут пробудить националистические устремления местных польских жителей империй Гогенцоллернов и Габсбургов. Польским военнопленным предложили присоединиться к польскому корпусу, который должен был быть использован в войне против России (Jones, 2013: 37). Однако имперские власти не доверяли готовности польских солдат присоединиться к этим подразделениям и считали, что польские военнопленные заинтересованы в улучшении условий жизни, а не в борьбе с Россией. В конце февраля 1917 года австро-венгерское военное министерство окончательно отказалось от практики вербовки польских военнопленных в легионы; их стали использовать в качестве подневольных работников (Moritz, Walleszek-Fritz, 2014: 6). Пропагандистские меры австрийских властей среди российских военнопленных потерпели неудачу. И когда возросла потребность имперской экономики в использовании дешевой рабочей силы, пропагандистская работа среди военнопленных была прекращена.

5. Заключение

Было бы неправильным сравнивать положение военнопленных в лагерях воюющих стран и утверждать, что ситуация в одних лагерях была лучше, чем в других. Положение военнопленных в начальный период войны было плохим из-за неподготовленности большинства воюющих стран к приему многочисленных пленных. Эпидемии также были общим явлением для лагерей, где было сосредоточено большое количество военнопленных. В лагерях были периоды ухудшения и улучшения условий содержания военнопленных в зависимости от ситуации на фронтах и экономического положения страны, где находились эти лагеря.

Русское правительство выплачивало денежное содержание военнослужащим за все время их нахождения в плену. Семьи военнопленных получали половину этого денежного содержания со дня нахождения военнослужащих в плену и вплоть до возвращения, а в случае его смерти назначалась пенсия. Российская империя, несмотря на сложную политическую и экономическую ситуацию в стране, не бросила на произвол судьбы своих подданных, попавших в плен, оказывала всяческое содействие для облегчения их участи.

Литература

Абдрашитов, 2012 – Абдрашитов Э.Е. Российские военнопленные в Австро-Венгрии (1914–1917 гг.) // *Ученые записки кафедры новой и новейшей истории Ставропольского государственного университета*. 2012. Вып. 5. С. 137-150.

Абдрашитов, 2013 – Абдрашитов Э.Е. Деятельность общественных и международных организаций в деле оказания помощи российским военнопленным в Германии и Австро-Венгрии // *Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика»*. 2013. № 8 (151). С. 125-131.

Васильева, 1999 – Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1999. 133 с.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Международное, 1957 – Международное право в избранных документах. Т.3. М., 1957. 319 с.

Обзор, 1916a – Обзор действий Чрезвычайной следственной комиссии. Т. 1: с 29 апреля 1915 г. по 1 января 1916 г. Пг., 1916. 503 с.

Обзор, 1916b – Обзор действий Чрезвычайной следственной комиссии. Т. 2: с 1 января 1916 г. по 1 июля 1916 г. Пг., 1916. 407 с.

Оськин, 2014 – Оськин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М., 2014. 448 с.

Правила, 1917 – Правила Австро-Венгерского военного министерства о положении военнопленных на работах в Австрии / пер. с нем. В.А. Юнгера; под ред. Н.Д. Рафаловича. Пг., 1917. 49 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РСФСР, 1920 – РСФСР. Труды военно-исторической комиссии. Русские военнопленные в мировой войне. 1914–1918 гг. / сост. Н. Жданов. М., 1920. 376 с.

- Сенявская, 2013** – *Сенявская Е.С.* Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности // *Вестник РУДН. Серия «История»*. 2013. №1. С. 64–83.
- Enzyklopädie, 2004** – *Enzyklopädie. Erster Weltkrieg*. Hrsg. G. Hirschfeld, G. Krumeich, I. Renz in Verbindung mit M. Pöhlmann. Paderborn, München, Wien, Zürich, 2004. 1001 p.
- Hansak, 1991** – *Hansak P.* Das Kriegsgefangenenwesen während des I. Weltkrieges im Gebiet der heutigen Steiermark. Graz, 1991. 228p.
- Hinz, Rauch, 1984** – *Hinz J., Rauch E.* Kriegsvölkerrecht. Köln, Berlin, Bonn, München, 1984. 400 p.
- Jones, 2013** – *Jones H.* A Missing Paradigm? Military Captivity and the Prisoner of War, 1914–1918 // *Captivity, Forced Labour and Forced Migration in Europe During the First World War*. Ed. by M. Stibbe. New York, 2013. pp.19–48.
- Kirimli, 1996** – *Kirimli H.* National movements and national identity among the Crimean Tatars (1905–1916). Leiden; New York; Köln: BRILL, 1996. 242 p.
- Koch, 2002** – *Koch R.* Im Hinterhof des Krieges: das Kriegsgefangenenlager Sigmundsherberg. Klosterneuburg, 2002. 317 p.
- Kokebayeva et al., 2017** – *Kokebayeva G., Chatybekova K., Abisheva M.* Russia and the establishment of the Hague system of international legal protection of the prisoners of war // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3. pp. 978–985.
- Kriegsgefangene, 1921** – *Kriegsgefangene Völker. Der Kriegsgefangenen Haltung und Schicksal in Deutschland*. Hrsg. W. Doegen. Berlin, 1921. 249 p.
- Leidinger, Moritz, 2006** – *Leidinger H., Moritz V.* Verwaltete Massen. Kriegsgefangene in der Donaumonarchie 1914–1918 // *Kriegsgefangene in Europa des Ersten Weltkriegs*. Hrsg. J. Oltmer. Paderborn, 2006. pp. 35–66.
- Motitz, 2014** – *Moritz V.* The Treatment of Prisoners of War in Austria-Hungary 1914/1915: The Historiography of Prisoners of War in the Late Habsburg Empire // *Austria-Hungary, the Origins, and the First Year of World War I*. / ed. by G. Bischof, F. Karlhofer. New Orleans, 2014. pp. 233–248.
- Moritz, Leidinger, 2005** – *Moritz V., Leidinger H.* Zwischen Nutzen und Bedrohung. Die russische Kriegsgefangenen in Österreich 1914–1921. Bonn, 2005. 384 p.
- Moritz, Walleczek-Fritz, 2014** – *Moritz V., Walleczek-Fritz, J.* Prisoners of War (Austria-Hungary) // *1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War* / ed. by U. Daniel, P. Gatrell, O. Janz, H. Jones, J. Keene, A. Kramer, B. Nasson, issued by Freie Universität Berlin. Berlin, 2014–10–08.
- Österreich-Ungarns, 1938** – *Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918*. Unter der Leitung von E.G. v. Horstenau und R. Kiszling. Bd.VII. Das Kriegsjahr 1918. Wien, 1938. 880 p.
- Steuer, 2009** – *Steuer K.* Pursuit of an “unparalleled opportunity”: The American YMCA and Prisoner of War Diplomacy among the Central Power Nations during World War I, 1914–1923. New York, 2009. Available at Gutenberg-e (July 2009): <http://www.gutenberg-e.org/steuer/steuer.ch09.html>
- Wiesenhofer, 1997** – *Wiesenhofer F.* Gefangen unter Habsburgs Krone: K.u.k. Kriegsgefangenenlager im Erlauftal. Purgstall, 1997. 423 p.

References

- Abdrashitov, 2012** – *Abdrashitov E.E.* (2012). Rossskie voennoplennye v Avstro-Vengrii (1914–1917 gg.) [Russian prisoners of war in Austro-Hungarian Empire]. *Uchenye zapiski kafedry novoi i noveishei istorii Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*, Vyp. 5, pp. 137–150 [in Russian].
- Abdrashitov, 2013** – *Abdrashitov E.E.* (2013). Deyatelnost' obschestvennykh i mezhdunarodnykh organizatsii v dele okazaniia pomoshchi rossiyskim voennoplennym v Germanii i Avstro-Vengrii [The activities of NGOs and international organizations to assist Russian prisoners of war in Germany and Austria-Hungary]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya «Istoriia. Politologiya. Ekonomika. Informatika»*, №8 (151), pp. 125–131 [in Russian].
- Vasil'eva, 1999** – *Vasil'eva S.N.* (1999). Voennoplennye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny [German prisoners of war, Austria-Hungary and Russia during the First World War]. M., 133 p. [in Russian].
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii.
- Mezhdunarodnoe, 1957** – *Mezhdunarodnoe pravo v izbrannykh dokumentakh* [International law in selected documents]. T.3. M., 1957. 319 p. [in Russian].
- Obzor, 1916a** – *Obzor deystvii Chrezvychainoi sledstvennoi komissii* [Overview of the action of the Special Inquiry Commission]. T. 1: s 29 apreliia 1915 g. po 1 ianvaria 1916 g. Pg., 1916. 503 p. [in Russian].
- Obzor, 1916b** – *Obzor deystvii Chrezvychainoi sledstvennoi komissii* [Overview of the action of the Special Inquiry Commission]. T. 2: s 1 ianvaria 1916 g po 1 iulia 1916 g. Pg., 1916. 407 p. [in Russian].
- Os'kin, 2014** – *Os'kin M.V.* (2014). Neizvestnye tragedii Pervoi mirovoi. Plennye. Dezertiry. Bezhtentsy [Unknown tragedy of the First World War. Prisoners. Deserters. Refugees]. M., 448 p. [in Russian].
- Pravila, 1917** – *Pravila Avstro-Vengerskogo voennogo ministerstva o polozhenii voennoplennykh na rabotakh v Avstrii* [The rule of the Austro-Hungarian war Ministry about the situation of prisoners of war at work in Austria]. Per. s nem. V.A. Iungera; pod red. N.D. Rafalovicha. Pg., 1917. 49 p. [in Russian].
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv.

RSFSR, 1920 – RSFSR. Trudy voenno-istoricheskoi komissii. Russkie voennoplennye v mirovoi voine. 1914–1918 gg. [RSFSR. The works of the military-historical commission. Russian prisoners of war in World War II. 1914–1918]. Sost. N. Zhdanov. M., 1920. 376 p. [in Russian].

Seniavskaia, 2013 – *Seniavskaia E.S.* (2013). Polozhenie russkikh voennoplennykh v gody Pervoi mirovoi voiny: ocherk povsednevnoi real'nosti [The situation of Russian POWs during the First World War: an essay everyday reality]. *Vestnik RUDN. Seriya «Istoria»*, № 1, pp. 64-83 [in Russian].

Enziklopädie, 2004 – Enziklopädie. Erster Weltkrieg. Hrsg. G. Hirschfeld, G. Krumeich, I. Renz in Verbindung mit M. Pöhlmann. Paderborn, München, Wien, Zürich, 2004. 1001 p.

Hansak, 1991 – *Hansak P.* (1991). Das Kriegsgefangenenwesen während des I. Weltkrieges im Gebiet der heutigen Steiermark. Graz, 228 p.

Hinz, Rauch, 1984 – *Hinz J., Rauch E.* (1984). Kriegsvölkerrecht. Köln, Berlin, Bonn, München, 400 p.

Jones, 2013 – *Jones H.* (2013). A Missing Paradigm? Military Captivity and the Prisoner of War, 1914-1918 / *Captivity, Forced Labour and Forced Migration in Europe During the First World War*. Ed. by M. Stibbe. New York, pp. 19-48.

Kirimli, 1996 – *Kirimli H.* (1996). National movements and national identity among the Crimean Tatars (1905–1916). Leiden; New York; Köln, 242 p.

Koch, 2002 – *Koch R.* (2002). Im Hinterhof des Krieges: das Kriegsgefangenenlager Sigmundsherberg. Klosterneuburg, 317 p.

Kokebayeva et al., 2017 – *Kokebayeva G., Chatybekova K., Abisheva M.* (2017). Russia and the establishment of the Hague system of international legal protection of the prisoners of war. *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 3. pp. 978-985.

Kriegsgefangene, 1921 – Kriegsgefangene Völker (1921). Der Kriegsgefangenen Haltung und Schicksal in Deutschland. Hrsg. W. Doegen. Berlin, 249 p.

Leidinger, Moritz, 2006 – *Leidinger H., Moritz V.* (2006). Verwaltete Massen. Kriegsgefangene in der Donaumonarchie 1914–1918. *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs*. Hrsg. J. Oltmer. Paderborn, pp. 35-66.

Motitz, 2014 – *Moritz V.* (2014). The Treatment of Prisoners of War in Austria-Hungary 1914/1915: The Historiography of Prisoners of War in the Late Habsburg Empire. *Austria-Hungary, the Origins, and the First Year of World War I*. Ed. by G. Bischof, F. Karlhofer. New Orleans. pp. 233-248.

Moritz, Leidinger, 2005 – *Moritz V., Leidinger H.* (2005). Zwischen Nutzen und Bedrohung. Die russische Kriegsgefangenen in Österreich 1914–1921. Bonn, 384 p.

Moritz, Walleszek-Fritz, 2014 – *Moritz V., Walleszek-Fritz, J.* (2014). Prisoners of War (Austria-Hungary). 1914-1918-online. *International Encyclopedia of the First World War*. Ed. by U. Daniel, P. Gatrell, O. Janz, H. Jones, J. Keene, A. Kramer, B. Nasson, issued by Freie Universität Berlin. Berlin, 2014-10-08.

Österreich-Ungarns, 1938 – Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Unter der Leitung von E.G. v. Horstenau und R. Kiszling. Bd. VII. Das Kriegsjahr 1918. Wien, 1938. 880 p.

Steuer, 2009 – *Steuer K.* (2009). Pursuit of an “unparalleled opportunity”: The American YMCA and Prisoner of War Diplomacy among the Central Power Nations during World War I, 1914–1923. New York. Available at Gutenberg-e (July 2009): <http://www.gutenberg-e.org/steuer/steuer.ch09.html>

Wiesenhofer, 1997 – *Wiesenhofer F.* (1997). Gefangen unter Habsburgs Krone: K.u.k. Kriegsgefangenenlager im Erlaufthal. Purgstall, 423 p.

Российские военнопленные Первой мировой войны в лагерях Австро-Венгерской империи

Гульжаухар Какеновна Кокебаева ^{a, *}, Рыскелды Саламатовна Мырзабекова ^a, Молдахмет Сейдахметович Мырзабеков ^a

^a Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан

Аннотация. Большинство из решающих сражений Первой мировой войны произошло на европейской территории. Двумя главными центрами военных операций были Западный и Восточный фронты. В 1914 году на Западном фронте немецким войскам противостояли армии Британской империи, Франции и Бельгии. На Восточном фронте немецкие и австро-венгерские войска столкнулись с армией Российской империи. Таким образом, значительная часть русских военнопленных первой мировой войны оказались в лагерях Австро-Венгерской империи. Лагеря для военнопленных были расположены на территории Австрии и Венгрии, также и в местах расположения армейских корпусов. В публикациях, появившихся в межвоенный период, австрийские

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kokebayeva@mail.ru (Г.К. Кокебаева)

myrsabekova_r@mail.ru (П.С. Мырзабекова), myrsabekov_1964@mail.ru (М.С. Мырзабеков)

авторы писали о том, что в австро-венгерских лагерях военнопленные содержались в более лучших условиях, нежели в российских. Однако плохая еда и непосильная работа, недостаточное и недоброкачественное питание вызывало у военнопленных истощение организма и постоянную слабость. В первые годы войны из-за незаконченности строительства многих лагерей, в уже существующих лагерях размещали по несколько десятков тысяч пленных, что привело к ухудшению санитарно-гигиенического состояния лагерей, и в некоторых лагерях началась эпидемия тифа. В статье на основе анализа архивных и опубликованных источников исследуются условия содержания русских военнопленных в лагерях Габсбургской монархии. В последнее десятилетие XX века в постсоветском пространстве началось возвращение историческому знанию утраченного им гуманистического содержания. Изучение жизни русских военнопленных в лагерях Австро-Венгрии также должно стать частью становления наполненной гуманистическим содержанием исторической науки.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, Габсбургская монархия, лагерь для военнопленных, Гагская конвенция 1907 года.